

Н. Ю. Шведова

РУССКИЙ ЯЗЫК

Избранные работы

STUDIA PHILOLOGICA

STUDIA PHILOLOGICA

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

Н. Ю. Шведова

РУССКИЙ ЯЗЫК

Избранные работы

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2005

ББК 81.2Рус-3
Ш34

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 02-04-16070д

Ш 34 Шведова Н. Ю.

Русский язык: Избранные работы / Росс. акад. наук; Отд-е историко-филолог. наук; Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. — М.: Языки славянской культуры, 2005. — 640 с. (Studia Philologica).

ISSN 1726-135X
ISBN 5-88744-0570

В книгу вошли избранные работы, написанные автором в течение последних сорока лет и публиковавшиеся в разных русских и зарубежных журналах и сборниках, а также дополненный и исправленный текст книги «Местоимение и смысл» (1988 г.). В этих работах охватывается широкий круг проблем, относящихся к русскому языку и общему языкознанию. Это теория грамматики и, прежде всего, синтаксиса, взаимодействие лексики и грамматики, слово как центральная единица языковой системы, общие вопросы лексикологии и лексикографии, а также — в работах последних лет — теория языкового смысла и типология сообщений. Собранные вместе, эти работы показывают основные моменты развития отечественной лингвистической школы, ведущей свое начало от трудов академика В. В. Виноградова.

Книга предназначена для лингвистов, аспирантов и студентов высших филологических учебных заведений.

ББК 81.2Рус-3

ISBN 5-88744-0570

© Н. Ю. Шведова, 2005
© Языки славянской культуры, 2005

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	9
Краткая биография	11

ГРАММАТИКА. СИНТАКСИС

Русская научная описательная грамматика в Российской академии наук ...	13
О принципах построения и о проблематике «Русской грамматики»	20
Об основных синтаксических единицах и аспектах их изучения	38
Простое предложение (<i>Основные понятия</i>)	43
Парадигматика простого предложения в современном русском языке (<i>Опыт типологии</i>)	55
Синтаксическое желательное наклонение	116
Синтаксическое долженствовательное наклонение	124
Синтаксическое время	133
Входит ли лицо в круг синтаксических категорий, формирующих пред- дикативность?	143
О понятии «регулярная реализация структурной схемы простого пред- ложения»	153
Спорные вопросы описания структурных схем простого предложения и его парадигм	164
Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как само- стоятельные распространители предложения	177
Существуют ли все-таки детерминанты как самостоятельные распро- странители предложения?	193
К спорам о детерминантах (<i>Обстоятельственная и обстоятельственная детерминация простого предложения</i>)	206
О синтаксических потенциях формы слова	217
О понятии синтаксического ряда	227
О функциях простого предложения	233

МЕСТО СЕМАНТИКИ В ОПИСАТЕЛЬНОЙ ГРАММАТИКЕ

Место семантики в описательной грамматике (синтаксис)	243
О соотношении грамматических и семантических характеристик предложения	253
Трудные вопросы представления семантической структуры предложения в описательной грамматике (<i>Тезисы доклада, прочитанного на X Заседании Международной грамматической комиссии в г. Скопле в 1979 г.</i>)	260
Объектная форма в субъектной позиции	264
Дихотомия «присловные — неприсловные падежи» в ее отношении к категориям семантической структуры предложения	270

СЛОВО В СИНТАКСИСЕ

Проблема лексических ограничений как одна из проблем изучения истории синтаксиса русского литературного языка XVIII—XIX вв.	285
Из истории родительного квалитативного в русском литературном языке XVIII—XIX вв.	293
Междометия как грамматически значимый элемент предложения в русской разговорной речи	313
К изучению русской диалогической речи: реплики-повторы	324
Об аналитических конструкциях в системе словосочетаний (<i>Сочетаемость, диктуемая стержневым словом</i>)	348
Категориальные свойства слова на службе его синтаксических связей	361

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ЯЗЫКА. СЛОВО. ЕГО ОПИСАНИЕ В СЛОВАРЕ

Об активных потенциях, заключенных в слове	375
Типы контекстов, конструирующих многоаспектное описание слова	382
Глагол как доминанта в системе русской лексики	391
Лексическая классификация русского глагола (<i>на фоне чешской семантико-компонентной классификации</i>)	396
Лексическая система и ее отражение в толковом словаре (<i>Класс личных местоимений</i>)	410
Парадоксы словарной статьи	420
Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским семантическим словарем»	425
Автор или составитель? (<i>Об ответственности лексикографа</i>)	441

ДЕЙКТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ЯЗЫКА.
ЯЗЫКОВОЙ СМЫСЛ

Местоимение и смысл (<i>Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства</i>)	445
Часть I. Система местоимений как основа смыслового строения языка	447
Часть II. Исходные местоимения, их микросистемы и их смысловой потенциал	479
Заключение	541
О глаголе <i>быть</i>	544
Русская дейктическая форма <i>сделано</i> и означаемый ею тип сообщения	554
Опыт описания типов сообщения в опоре на дейктические единицы языка (<i>делать — делаться — иметь место — каково</i>)	562
Две заметки о смысловых пересечениях	587
Теоретическая концепция русского идеографического словаря (<i>параграфы из «Прспекта Русского идеографического словаря “Мир человека и человек в окружающем его мире”»</i>)	596
Литература	605
Библиография работ автора	620

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Таблица к работе «Местоимение и смысл (<i>Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства</i>)» (вклейка) Графическое изображение дейктической системы русского языка в ее базовых единицах	637
Приложение 2. Предметный указатель	638

ОТ АВТОРА

В этой книге собраны работы, публиковавшиеся в течение последних сорока лет и посвященные вопросам русской грамматики (прежде всего — синтаксиса), лексики, взаимодействию грамматики и лексики, лексикографии, языковому значению и смыслу, типологии сообщений. Конечно, можно было бы объединить эти работы (вместе с другими, не вошедшими в эту книгу) в единую монографию с последовательно связанными главами. Но, во-первых, это потребовало бы очень большого времени, которого у автора остается уже мало. Во-вторых — и это, пожалуй, главное — мне казалось, что читателю будет интересно непосредственно «погрузиться» в те годы, когда все эти вопросы горячо обсуждались, когда шли оживленные дискуссии и многие предлагавшиеся решения вызывали несогласие и споры; именно таковы вопросы о парадигматике предложения и его формах и регулярных реализациях, о детерминантах, о семантической структуре предложения, о дейктической системе языка, о типологии сообщений и др. Обращаясь к страницам этой книги, к отдельным статьям и избранным исследованиям, читатель становится участником лингвистических дискуссий, непосредственно, сам сопоставляет разные точки зрения, видит сильные и слабые стороны разных взглядов и решений.

С другой стороны, ознакомление с собранными здесь работами разных лет, посвященными различным вопросам русского языкознания, убедит читателя в том, что все эти работы объединены единством исследовательского метода. Этот метод кратко можно обозначить как «путь от формы к значению», безусловное принятие и утверждение тезиса о том, что форма сама по себе всегда значима и что малейшие формальные различия всегда сопровождаются пусть частными, иногда трудно уловимыми различиями в значениях. Этот тезис, идущий от классических традиций отечественного языкознания, находил (и, к сожалению, до сих пор находит) активных, а порою и агрессивных противников, противопоставляющих в своих многочисленных и поверхностных публикациях тезису «от формы к значению» тезис «от значения в никуда».

В предлагаемой здесь книге, во всех ее разделах читатель проследит путь исследователя, видящего неразрывность формы и значения и стремящегося познать форму как безусловного и первичного участника в создании тех или иных языковых значений. В то же время автор строго следовал классическому положению об

асимметрическом дуализме языкового знака и всем тем выводам, которые в процессе исследования материала вытекают из этого тезиса. Неизменное следование этому научному методу читатель увидит в работах, посвященных как грамматике, так и лексикологии и лексикографии, в главах, специально посвященных специфическим конструкциям разговорной речи, в решении вопросов семантической структуры слова, актуальных теоретических вопросов лексикографии.

Изучение словесного состава языка как естественной системы, описание (в многолетнем коллективном труде — «Русском семантическом словаре») всех классов этой системы — ее классов с учетом их формальных, структурных признаков — привело автора к важному выводу о существовании внутри этой системы вполне определенного и закрытого класса слов с собственно указующей, дейктической функцией. Дейктическая система языка выступает как двучастная формализованная лексическая «малая система», являющаяся носителем глобальных языковых смыслов, пронизывающих все уровни языка и организующих его смысловой строй. Подробное описание дейктической системы языка привело к определению языкового смысла как формализованной категории. Полученные здесь результаты естественно определили собою поиски новой концепции идеографического словаря — такого, в котором описываемые единицы представляют собой некие семантические совокупности, комплексы, существующие и обнаруживающие себя в строго определенной системе языковых смыслов.

Понятно, что в этой книге не могла отразиться моя многолетняя каждодневная работа над однотомным словарем русского языка, начатая сразу после смерти С. И. Ожегова (1964) в качестве ответственного редактора словаря и, после почти сорока лет его пополнения и углубления словарных статей, вылившаяся в совместный труд двух авторов — «Толковый словарь русского языка» (изд. 1–4, 1992–2001). Этот словарь в своем почти удвоившемся корпусе совместил в себе задачи нормализации употребления слов и их форм с таким описанием семантической структуры слова, системы его значений, которое соответствует их современному состоянию и отражает изменения в лексике, происходившие и продолжающие происходить в наше время.

Много времени и труда потребовала также моя многолетняя работа по редактированию целого ряда сборников и монографий других исследователей, а также — по авторскому участию и редактированию больших коллективных трудов, и прежде всего, грамматики 1970 года, двухтомной академической грамматики 1980 года, грамматики 1989 года и многотомного «Русского семантического словаря» (тт. 1–3, М., 1998–2003, продолжающееся издание). Всю эту работу я выполняла с любовью и большим чувством ответственности; она дала мне возможность работать как с крупными учеными, так и с молодыми исследователями — моими учениками.

Несмотря на то, что мой путь не был гладким, я считаю свою научную судьбу счастливой и отношусь с глубокой благодарностью ко всем, с кем мне было дано идти по этому пути.

КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ

Родилась в Москве в 1916 г. В 1935 г. окончила английское отделение Московского переводческого техникума (позднее преобразовавшегося в Институт иностранных языков). С 1935 по 1936 гг. работала корректором-переводчиком в Московском центральном телеграфе. В 1940 г. окончила Московский государственный педагогический институт по специальности «русский язык и литература». С 1940 по 1944 г. работала старшим преподавателем в Мордовском учительском институте и Мордовском государственном педагогическом институте (в годы войны — в г. Темникове Мордовской АССР). В 1946 году по окончании аспирантуры под руководством акад. В. В. Виноградова защитила кандидатскую диссертацию на тему «Возникновение и развитие предикативного употребления полных прилагательных в русском языке». С этого же времени начала работать в Институте русского языка АН СССР (в разные годы сливавшемся и разделявшемся с Институтом языкознания). В 1958 г. защитила докторскую диссертацию на тему «Синтаксис русской разговорной речи. Строение простого предложения». В 60-е и 70-е годы в течение ряда семестров читала теоретический курс «Синтаксис русского языка» и вела семинарские занятия на филологическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова. В 1964 году мне было присвоено звание профессора. В 1984 году избрана членом-корреспондентом Академии наук СССР, в 1997 г. — действительным членом Российской академии наук. В Институте русского языка последовательно занимала должности младшего научного сотрудника, старшего научного сотрудника и (в 1961—1989 гг.) заведующего сектором истории русского литературного языка (в 1970 г., преобразовавшегося в сектор истории и грамматики русского литературного языка, а в 1986 г. — в отдел грамматики и лексикологии современного русского языка). С 1966 года в течение 15 лет являлась членом Международной грамматической комиссии при Международном комитете славистов.

Мною опубликовано более 170 научных работ по вопросам истории русского литературного языка, грамматики, лексикологии, лексикографии, теории слова, истории науки о русском языке. В течение последних сорока лет (после смерти С. И. Ожегова, 1964 г.) я была занята работой над однотомным «Словарем русского языка (редактирование и пополнение 9—23-го изданий). В 1990 г. как соавтор этого словаря награждена премией им. А. С. Пушкина Президиума АН СССР. С

1991 года одностомный словарь русского языка выходит как произведение двух авторов — С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой («Толковый словарь русского языка», изд. 1–4, 1991–1997 гг.). В настоящее время являюсь советником Президиума Российской академии наук и возглавляю ведущую научную школу «Структурно-функциональное описание русского языка в аспекте взаимодействия грамматического и лексического строя, грамматической и лексической семантики, законов текста».

Формированием своих научных взглядов и пониманием задач науки о языке я обязана прежде всего академику Виктору Владимировичу Виноградову и в целом традициям классического отечественного языкознания.

Н. Ю. Шведова

ГРАММАТИКА. СИНТАКСИС

РУССКАЯ НАУЧНАЯ ОПИСАТЕЛЬНАЯ ГРАММАТИКА В РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

1. Для русской грамматической традиции разграничение академической и неакадемической науки о строе русского языка можно считать в значительной степени условным. С одной стороны, несомненным и сильным было влияние ученых-академиков на развитие грамматической мысли вообще; лингвисты, создававшие свои труды вне стен Академии, в той или иной мере всегда работали в русле академической науки; яркий пример тому — Пешковский, внешне никак не связанный с академической деятельностью, но находившийся под сильным влиянием двух крупнейших наших академиков — Фортунатова и Шахматова. С другой стороны, Академия наук постоянно держала в поле своего зрения всех творчески работающих языковедов и избирала их в свой состав. Поэтому в историю академической науки органически входят и Потенция, и Буслаев. Можно утверждать, что начиная с Ломоносова и Востокова наша грамматическая мысль во всех своих важнейших направлениях развивалась в русле академической науки и под эгидой этой науки.

История русской академической грамматической науки богата славными именами. Перечислять их нет необходимости. Скажем только, что крупнейших русских грамматистов, представлявших самые разные школы и направления, роднят такие драгоценные качества, как широта научных интересов, отсутствие замкнутости, узости, непредвзятость и самобытность научных решений, отношение к языку как к огромной самостоятельной ценности.

Академия наук видела в своих стенах лингвистов разного склада, разных направлений. И огромная ее заслуга — в том, что ее авторитетом были освящены не только труды блестящих ученых-теоретиков, нередко опережавших западноевропейскую мысль своего времени, но и труды ученых, пришедших в большую науку из практики. Таков, например, был замечательный языковед В. И. Чернышев, посвятивший себя решению нормализаторских задач на основе скрупулезного изучения фактов в духе ломоносовского «рассудительного употребления».

2. Русская грамматическая наука имеет собственные характерные черты, определившие и определяющие ее большую роль в развитии грамматической науки в

целом. Не будет преувеличением сказать, что история грамматической науки в России есть история идей. Их перечень занял бы многие и многие страницы. Напомним здесь лишь некоторые яркие и новые идеи, надолго определившие у нас пути развития грамматической мысли и время от времени дающие все новые и новые ростки. Такова, например, присутствующая уже у Ломоносова идея о том, что грамматические категории языка существуют в системе, что они сложно связаны друг с другом целой сетью принадлежащих языку функционально-смысловых соотношений. Под разным углом зрения и под разными названиями эти принадлежащие языку соотношения вот уже более двух столетий так или иначе анализируются и описываются грамматистами. Такова, далее, основополагающая идея о неоднородности и неоднозначности грамматической формы. Истоки ставшего аксиомой современной лингвистики положения об асимметрическом дуализме языкового знака нужно искать в трудах русских грамматистов, питавших теоретическую мысль Карцевского, который впервые сформулировал этот бесспорный тезис. Достаточно вспомнить учение Потевни о категориях глагола, учение Фортунатова о залогах или шахматовское учение о грамматических категориях, чтобы убедиться, что именно здесь лежат истоки учения о неоднозначности формы. Тезис Фортунатова о заложенной в слове и в словосочетании способности выражать «психологическое суждение» есть не что иное, как тезис о потенциальной многозначности языкового знака, — пусть эта его мысль развивалась и с психологических позиций, и в облачении соответствующих терминов. Еще одна, более частная иллюстрация — оригинальная теория синтагм, восходящая к мыслям Востокова о «прозодическом периоде», которые были творчески развиты Щербой и Виноградовым. Понимание синтагмы как интонационно-смыслового единства, вычленяемого из предложения, имеет все преимущества перед достаточно внешним определением синтагмы как бинарной организации. Говоря о русской грамматике как грамматике идей, нельзя обойти молчанием яркие и плодотворные идеи Винокура в области словообразования, идеи Виноградова в области словообразования и особенно синтаксиса, послужившие стимулом для появившихся после трудов этих ученых многочисленных разысканий в данных сферах грамматического знания.

3. В процессе более чем двухвекового развития наша грамматическая наука выработала, определила для себя и утвердила во многих фундаментальных трудах такие концептуальные положения и такие проверенные целыми поколениями лингвистов методологические принципы, которые характеризуют ее как науку, опирающуюся на свою собственную лингвистическую теорию. Вот некоторые из этих важнейших положений.

1) Во всех наших отечественных классических грамматических трудах — у разных ученых по-разному — присутствует понимание языкового строя как неоднородной системы, внутри которой постоянно и разнообразно осуществляются межуровневые, внутрисистемные связи и взаимодействия. Эти связи действуют как в синхронии, так и в диахронии, причем процессы эти сложно перекрещиваются. Таким образом, язык, его грамматический строй понимается не как линейная, плоскостная организация, а как «система систем», и этим пониманием

не только естественно обуславливаются, но и неизбежно порождаются такие методы изучения языковых категорий, которые способны отразить эту сложную организацию, специфику категорий каждого отдельного уровня и специфику внутрисистемных отношений. Достаточно здесь напомнить хотя бы курсы Фортунатова, в которых он показывал, что основные и формальные характеристики слова выделяются на базе живых соотношений, существующих в данном языке в данную эпоху, что форма слова представляет собою результат этих соотношений и узнается по этим соотношениям.

2) Грамматическая категория всеми русскими языковедами понималась и понимается как неразрывное единство внешнего строения, внутреннего содержания и функционального назначения. Со времен Потебни этот тезис остается неизблемым. С таким пониманием грамматического объекта в нашей традиции связано его многоаспектное изучение, выливающееся в разные формы — от строгих и систематических характеристик у ученых востоковедского толка до увлекательных лингвистических раздумий Щербы. К этому следует прибавить еще постоянное внимание к стилистической природе грамматического явления, к его месту в функционально-стилевой системе.

3) В отечественной лингвистической традиции прочно установилось понимание грамматики как науки, оперирующей своими собственными, только ей присущими категориями. В борьбе с экспансией механицизма и поверхностности грамматических построений Греча, в спорах со сторонниками внешних, по чужим образцам построенных приемов анализа, подменявших собственно грамматические изучения всяческими подстановками и «восстановлениями» иллюзорных опущений, русская грамматическая наука отстояла и утвердила тезис о самостоятельности и специфичности собственно грамматических категорий и форм. В статье «Потебня — лингвист» об этом хорошо писал Л. А. Булаховский: «В важных методологических точках зрения Потебня решительно освобождается от продиктованных традиционными школьными приемами ошибок, которым еще приносит свою дань в “Опыте исторической грамматики русского языка” Буслаев. Одна из важнейших — истолкование ряда конструкций не в сопоставлении с реальными фактами языка, а с отвлеченно взятыми оборотами, воображаемыми или привлеченными из других языков, но выдаваемыми за соответствующие природе “мысли” самой по себе. Наиболее тяжелый методологический грех Буслаева в этом отношении — неосторожное, упрощительское оперирование различными “подразумеваниями” и тем самым навязывание языку чуждых ему приемов мысли. Ряд таких ошибок Буслаева вскрыт был уже самим Потебнею» [Булаховский 1946: 47].

Потебня противопоставил буслаевскому направлению углубленное толкование грамматических категорий, опирающееся на языковые факты, без обращения к категориям логики и психологии. Продолжая в этом смысле линию Востокова, устранившего логические категории из синтаксиса, Потебня утверждал, что язык есть тоже форма мысли, но такая, которая ни в чем, кроме языка, не встречается.

К нашему времени положение о самостоятельности грамматических категорий можно считать окончательно утвердившимся. Однако «посягательства» на эту самостоятельность еще не изжиты окончательно. Интересно вспомнить в связи с

этим, как лет десять тому назад, в период увлечения математической лингвистикой, В. В. Виноградов в одной из своих газетных статей писал о том, что грамматике следует вести себя благоразумно и не бросаться легкомысленно из одних объятий в другие: из объятий логики и психологии в объятия математики.

4) В традицию русских грамматических исследований прочно вошло положение о связи грамматических и «вещественных» значений, об ограничениях, накладываемых на грамматику лексической семантикой слов, о тесных связях этих двух сторон языкового знака. Уже целое столетие сохраняет свою актуальность потебнианский тезис о взаимных связях грамматики и лексических значений слов. Сейчас нельзя представить себе грамматическое исследование, в котором в той или иной форме не учитывалась бы эта сторона языковой действительности.

Таким образом, русская грамматическая наука опирается на целый ряд важных общелингвистических теоретических положений, выработанных в процессе развития этой науки. У нее есть свои истоки, свои богатые традиции, своя национальная специфика. Удивительно поэтому бывает читать книги, авторы которых с непонятной легкостью перечеркивают эти традиции и всю эту науку и в поисках теоретических эталонов отсылают нас к заведомо односторонним и умозрительным американским теориям.

Конечно, никто не проповедует лингвистической узости и нигилизма: всегда есть чему поучиться у других, в работах ученых разных школ и направлений всегда есть над чем подумать. Но это вовсе не значит, что свои источники исчерпаны и что нужно отбросить все достигнутое классиками русской грамматической мысли и успешно развиваемое в работах многих наших языковедов.

Следовало бы помнить также о том большом влиянии, которое оказала русская грамматическая мысль на развитие лингвистики в других странах — прежде всего, конечно, в странах славянских. Известна, например, огромная роль идей Фортунатова, к которому приезжали учиться такие лингвисты, как О. Брок, Х. Педерсен, П. Буайе, Й. Поливка, А. Белич и др.; особо следует напомнить о сильном его влиянии на труды А. Мазона. Известно также прямое и непосредственное воздействие шахматовского учения на синтаксическую концепцию Фр. Травничка и на всех ученых его школы. Разнообразные и тесные связи и взаимное понимание существуют сейчас между разными русскими и чешскими, русскими и польскими грамматическими школами. В свете всего этого странно и непонятно, как могут некоторые наши языковеды утверждать, что в природе вообще не существует такого явления, как русские грамматические школы.

4. История развития русской грамматической мысли характеризуется повторяющимися сменами преимущественного внимания и интереса то к формальному, то к функциональному аспекту в изучении грамматических форм и категорий. Время от времени происходит как бы пересмотр научного метода, самого подхода к выделению и описанию собственно предмета грамматики. Исключительное внимание к форме и к системам форм, к самой материи грамматики и к формальной организации тех или иных единиц в какие-то моменты сменяется усиленным интересом к тем смыслам, которые в этих единицах заложены и существуют как бы над ними. Соответственно избираются то строго формальные, то семанти-

ческие обоснования для группировки и описания грамматического материала. Эти периодические смены сопровождаются горячими спорами о том, «что лучше», где лежит истина. Сторонники функционального аспекта аргументируют правильность и целесообразность смыслового подхода тем неоспоримым тезисом, согласно которому язык есть практическое сознание людей; грамматисты, начинающие с формальных изучений и кладущие в основу описания форму, исходят из того, также бесспорного тезиса, что грамматика имеет свои собственные материальные единицы и что начинать изучение этих единиц нужно исходя из их собственного устройства. Время от времени активизируется то один, то другой подход.

Разумным представляется такое изучение, при котором рассматриваются все стороны грамматической формы и не упускаются никакие необходимые — но обязательно ее собственные — характеристики. При этом строгим оказывается изучение, идущее от формы, от самого строения грамматической единицы — к ее значимой стороне. Верно, что при таком описании смысловые характеристики могут оказаться обобщенными, что могут остаться в тени явления, связанные с синонимикой, с функциональными заменами. Однако устранение этого недостатка, т. е. возможность углубления в семантический анализ (корректируемый строгим методом), при «формальном подходе» всегда остается легко реализуемой реальностью. Напротив, при описании «от смыслов» нередко оказывается потерянным самый объект грамматики, упускается из виду необходимость строгой и целостной систематизации материала и, что особенно опасно, открывается простор для сознательного неразграничения грамматического значения и собственно содержания высказывания. Ярким примером здесь может служить опыт Щербы с выделением из системы русских частей речи так называемой «категории состояния». Этот опыт был интересен потому, что он был осуществлен таким лингвистом, как Щерба, — с его знаниями, с его лингвистическим кругозором, чутьем и уважением к языку. Но этот опыт в целом нельзя считать удавшимся, потому что формальные границы «категории состояния» Щербой устанавливались как принципиально размытые; языковеды, увлекшиеся этой идеей, соревновались в пополнении вновь открытой категории все новыми и новыми единицами, переводимыми в этот разряд из других классов слов на основе только функциональных признаков, понимаемых, к тому же, неоправданно широко. И не случаен тот факт, что позднее из этой категории в грамматических описаниях утвердились только так называемые предикативы, т. е. слова, объединенные своими собственными формальными характеристиками.

В рамках категорий, выделенных по формальным основаниям, всегда есть возможность идти вглубь, в грамматическую семантику, локализуя значения в границах их формального выражения. В рамках «категорий смысловых», выделяемых часто субъективно и с принципиальным исключением установки на полноту, возможность установления строгих формальных границ практически исключается, так как отсутствуют сколько-нибудь определенные критерии выделения самих этих категорий. Мы не знаем ни одной работы, автор которой ответственно заявил бы своим читателям, что он дал хотя бы относительно полный перечень семантических категорий в грамматике, в частности, например, в синтаксисе.

Русская грамматическая мысль так или иначе всегда была направлена на разумное совмещение двух рассмотренных выше аспектов, и задачей грамматистов нужно считать сохранение и утверждение этого принципа.

5. За долгие годы своего существования наша грамматическая традиция выработала свой тип научной академической грамматики. Первой была «Русская грамматика» Ломоносова. Уже в ней определились такие характерные черты будущих лучших описаний грамматического строя русского языка, которые обеспечили их неустареваемость. Это теоретический подход, системность и стремление к полноте, гибкое, не пуристическое отношение к норме, внимание к стилистической распределенности форм. Остановимся кратко на некоторых из этих характерных черт отечественных грамматических описаний.

Лишь очень немногие из русских описательных грамматик не отмечены собственной теоретической концепцией их автора (ср., например, лишенную исследовательской индивидуальности грамматику 1802 г. или «Опыт общесравнительной грамматики русского языка» 1852 г.). Обычно же со страниц такой грамматики с нами говорит исследователь, излагающий результаты своих собственных научных разысканий. В академических грамматиках, в написанных в разное время грамматических курсах читатель не просто черпает необходимые для него сведения: со страниц книги ему звучит голос Ломоносова, Востокова, Буслаева, Грота, Шахматова, Виноградова. Это обеспечивает нашим грамматикам их глубоко научный и в то же время индивидуальный характер: они отражают состояние исследовательской мысли своего времени.

Для классиков нашей грамматической науки характерно понимание национального языка как индивидуальной и неповторимой системы; им чуждо стремление к универсализации грамматических категорий. Знаменательны в этом смысле слова Фортунатова о том, что «формальные классы, существующие в одном языке, не должно предполагать непременно существующими в другом языке». Такой подход обеспечил лучшим представителям русской лингвистической мысли тщательность и глубину языкового анализа, внимание к особенным и самобытным сторонам грамматического строя своего языка. Здесь были исключения: известно, например, какой след наложила на грамматику Буслаева тенденция к сближению с грамматиками других языков, к следованию общеевропейским традициям и логическим схемам. Но показательно, что материалы буслаевской грамматики оказались сильнее этих тенденций и обеспечили его книге долгую научную жизнь. С другой стороны, не совпадающая с национальными традициями теоретическая направленность этой грамматики косвенно содействовала рождению в спорах утверждению и развитию этих традиций.

Авторов большинства наших грамматических описаний всегда отличало стремление к полноте охвата материалов: изложение тех или иных выводов, правил опирается у них на достаточные языковые свидетельства, на цитацию классиков художественной литературы. Многие наши грамматики поэтому выполняли в свое время не только научно-систематизирующие, но и просветительские задачи. Полнота материалов совмещается с систематичностью их организации. Достаточно вспомнить, например, шахматовское описание категорий имени и глагола в «Очер-

ке современного русского литературного языка» или его же классификацию предложений в «Синтаксисе русского языка».

Исследовательский подход привел крупнейших наших грамматистов к такому отношению к нормализаторской деятельности, при котором норма понимается как явление динамическое, показывается как категория варьируемая. Изучая наши лучшие грамматики, стоит обратить специальное внимание на характер запретов: они даются с осторожностью, всегда объясняются, допускаемые варианты тщательно распределяются по стилистическим и функциональным сферам.

Грамматическое описание в отечественной традиции всегда было тесно связано с лексико-семантическими характеристиками. Начиная с Ломоносова, который вместе с Кондратовичем трудился над «сочинением российского лексикона», почти все наши крупнейшие грамматисты были и лексикологами, и лексикографами. Это наложило свой отпечаток на всю русскую грамматическую науку, убергло ее от схематизма, определило включение в грамматику существенных для нее лексических характеристик; см., например, у Потемби почти исчерпывающие перечни слов, способных в определенных морфологических формах выполнять ту или иную синтаксическую функцию.

Все эти и многие другие связанные с ними характерные черты русских грамматических описаний определили их важную роль в развитии грамматической науки в целом.

6. В середине и второй половине XX в. в Академии наук были созданы две научные описательные грамматики русского языка — «Грамматика» 1952—54 гг. и «Грамматика» 1970 г.; сейчас заканчивается авторская работа над двухтомной академической «Русской грамматикой». Особенность этих грамматик в том, что они пишутся авторскими коллективами: сейчас ни один ученый не может сам, один написать полную академическую грамматику. С этим связано многое: в коллективной работе сотрудничают несколько самостоятельных исследователей; возникает острая и трудная задача координации решений — часто совершенно конкретных. Полностью эта задача не была решена ни в «Грамматике» 1952—54 гг., ни в «Грамматике» 1970 г. Между тем читатель вправе ждать и требовать от научной описательной грамматики абсолютной непротиворечивости, целостности и последовательности. Языковеды предъявляют к этой книге свои требования: ее главы должна объединять общая лингвистическая концепция. Здесь нет ни необходимости, ни возможности перечислять удачи и неудачи двух названных выше уже вышедших грамматик. Эти книги широко обсуждались. Достаточно напомнить, что «Грамматика» 1970 г. получила более 30 рецензий, был проведен специальный симпозиум, посвященный ее обсуждению, прошла дискуссия в специальной печати. Таким образом, на протяжении двух с половиной — трех десятилетий из стен Института русского языка Академии наук выходят три научные описательные грамматики современного русского литературного языка. Этот факт может быть расценен как свидетельство неустойчивости решений, нежелательной легкости в их принятии и пересмотре. На самом деле это не так. «Грамматика» 1952—54 гг., за исключением своего теоретического введения, написанного В. В. Виноградовым, подводила итоги предшествующих изучений: ее главы, так, как они вошли в эту

книгу, могли бы быть написаны и в 40-х, и даже в 30-х годах. Но введение, предпосланное этим главам, нацеливало на коренной пересмотр очень многих сложившихся представлений, которые изложены в конкретных разделах этой книги; оно во многом определяло и пути, по которым следует идти. «Грамматика» 1970 г. в той степени, в которой это было возможно, попыталась в некоторых направлениях пойти по этим путям. Но это не была грамматика, адресованная к широкому читателю (хотя информативная часть ее — богаче, чем в «Грамматике» 1952—54 гг.). Не все в ней одинаково удалось, главы ее неравноценны. Готовящаяся «Грамматика» не будет расширенным повторением «Грамматики» 1970 г.: это будет совсем другая книга, адресованная к другому читателю, гораздо более полная, по возможности просто написанная, богато иллюстрированная. Свои цели и задачи авторы изложили в проспекте «Опыт построения описательной грамматики современного русского языка» (М., 1972).

Коллектив, работающий над большой «Русской грамматикой», понимает всю ответственность, которую он на себя взял и которую накладывают на него наши академические традиции. Эти традиции нужно хранить, развивать и приумножать, не увлекаясь ни кратковременной и неверной модой, ни броскими, но не всегда достаточно глубоко продуманными идеями. В то же время нужно помнить о том, что наука не стоит на месте, что в последние десятилетия мы обогатились новыми материалами и новой их трактовкой, что самые методы лингвистической работы постоянно совершенствуются. Нужно помнить и о том, что само понятие «установившегося в науке» есть понятие относительное: ведь то, что сейчас для нас в грамматической теории кажется сугубо традиционным, в свое время было и новым, и смелым, и необычным, и далеко не всеми принималось. Несомненно одно: в своей работе, в выборе решений мы должны помнить о тех лучших характерных чертах научных грамматических описаний, которые выработали и определили для них классики русской грамматической мысли.

1974 г.

О ПРИНЦИПАХ ПОСТРОЕНИЯ И О ПРОБЛЕМАТИКЕ «РУССКОЙ ГРАММАТИКИ»*

1. Создание научных описательных грамматик, отражающих состояние языка и состояние науки о языке своего времени, всегда было одной из главных задач русской Академии наук. Начиная с «Российской грамматики» Ломоносова Академией было издано несколько таких грамматик; они сыграли большую роль в развитии грамматической науки в целом.

Русские академические грамматики сложились как особый научный жанр, как особый тип научных грамматик, со своими характерными чертами, отличающими их от грамматических описаний как сугубо теоретического, так и, напротив, узко практического характера. Основными чертами русских академических грамма-

* Доклад, прочитанный на Общем собрании Отд. лит. и яз. 1 марта 1977 г.

тик, начиная с грамматики Ломоносова, были строго научный подход к языку, опирающийся на избранную концепцию, широкое понимание предмета описания, постоянное внимание к связям грамматики с другими сторонами языковой системы, отношение к норме как к объективно существующей, гибкой по своей природе организации со стилистически и функционально распределенными вариантами, установка на полноту описания, на охват большого материала. Естественно, что все эти черты в разных академических грамматиках представлены с разной степенью последовательности; однако именно названные теоретические позиции и практические установки обеспечили непреходящую ценность тех русских грамматик, которые могут считаться лучшими образцами в этой области.

Лучшие наши отечественные грамматики объединяются такими общими теоретическими позициями, которые позволяют говорить о самостоятельных и устойчивых традициях, сложившихся в научном описании грамматического строя русского языка. К числу таких традиций относится реализация идей о неоднородной организации грамматического строя и о постоянных и разнонаправленных межуровневых связях; о взаимосвязанности всех основных категорий внутри грамматического строя и о разнонаправленной связи самого грамматического строя с другими сторонами языковой системы; о наличии в грамматике своих собственных, только ей принадлежащих категорий и о неправомерности смешения категорий грамматики с категориями других интеллектуальных сфер, прежде всего — с категориями логики; о достаточности языковых единиц для их собственного истолкования; о потенциальной полисемии языкового знака и о неоднозначности формы; о необходимости постоянного внимания к живым языковым процессам, к тенденциям развития языка.

Можно утверждать, что ни одна из этих идей и традиций, ни их комплекс в целом не устарели и сейчас. Для научной описательной грамматики и, следовательно, дляготавливаемой новой «Русской грамматики» они остаются не только конструктивными, но и основополагающими.

Сейчас, в период активного развития грамматической мысли, мы нередко сталкиваемся с таким употреблением сочетания «традиционная грамматика», которое в устах некоторых лингвистов оказывается равнозначным сочетанию «устаревшая, несовременная, ушедшая в прошлое грамматика». Приходится с сожалением констатировать, что таким словоупотреблением эти лингвисты очень часто пытаются просто-напросто прикрыть свое плохое знание традиций, нежелание разобраться во всех сложностях поступательного развития науки, и сочетание «традиционная грамматика» в их употреблении должно быть истолковано как «вся та грамматика, которая была до меня и о которой я имею весьма смутное представление».

В наше время стремительно возникают разные новые лингвистические концепции, и многие из них столь же стремительно стареют. Недавно в одном из докладов, прочитанных на заседании Научного совета по теории советского языкознания, прозвучал тезис о том, что сейчас равно устарели и трансформационная грамматика, и уровневый подход к изучению языка, а современна и адекватна языковой действительности только теория номинации, т. е. изучение языковых единиц в аспекте их называющей природы — будь то слово (номинация лек-

сическая) или предложение (номинация пропозитивная). Между тем еще менее чем десятилетие назад сторонники генеративной и трансформационной грамматики беспепелляционно ставили крест на всех других теориях и методах и провозглашали себя единственными носителями лингвистической истины. Их опыт должен был бы научить осторожности. В частности, тезис об устарелости уровневого подхода к языку явно преждевременен. Понимание языка как иерархически организованной системы нескольких уровней, по-разному взаимодействующих друг с другом, — пусть без соответствующей терминологии — имеет давнюю традицию и всесторонне проверено в языковедческой работе.

Все это говорит о том, что академическая научная описательная грамматика должна быть в определенном смысле слова традиционной. Однако сложность заключается в том, что в такой грамматике эта традиционность необходимо должна сочетаться с глубоким и всесторонним отражением современного состояния научных знаний. В противном случае эта грамматика не будет иметь никакого научного значения и, следовательно, никакого авторитета. Сложность в решении этого вопроса как раз и состоит в том, чтобы, ориентируясь в современных исследованиях грамматического строя, определить, что в этих исследованиях действительно развивает научную грамматическую традицию, а что является по отношению к ней внешним и требует еще методологической проверки.

2. Чрезвычайно показателен тот факт, что развитие грамматической науки в последние три десятилетия сделало актуальной задачу создания современных научных академических грамматик не только у нас, но и во всех других славянских странах. За это время исследователи разных славянских языков (а здесь нужно говорить прежде всего о них, так как изучение русского языка не только не изолировано от изучения других славянских языков, но теснейшим образом с ним связано) накопили и ввели в научный оборот большое количество новых материалов. Эти материалы, новые сами по себе и по-новому интерпретируемые, заставили внести существенные коррективы во многие, казалось бы, устоявшиеся концепции, пересмотреть решения целого ряда вопросов. Характерной чертой наиболее ценных грамматических трудов последнего времени была установка на исчерпанность в описании тех или иных явлений, и успешное выполнение этой исследовательской задачи обнажило неполноту, а иногда и односторонность многих характеристик и сведений, переходящих из одной описательной грамматики в другую. Взгляды исследователей обратились к разговорной речи как к одной из форм существования литературного языка. В результате полученных знаний в ином свете предстали и многие явления речи письменной. Сама теория грамматики за эти десятилетия сделала большой шаг вперед. Возникли целые новые ее области, специально ориентированные как на внутренние отношения в самом грамматическом строе, так и на его отношения к другим сторонам языковой системы. Укрепился и обогатился функциональный аспект в изучении грамматических категорий.

Если попытаться кратко ответить на вопрос, что было в это время самым характерным для развития отечественной грамматической науки (имея в виду те ее направления, которые не порывали с традицией, а так или иначе шли в ее русле),

то можно сказать, что прежде всего расширились границы самого предмета грамматики как науки: понимание грамматического строя как целостной «системы систем» прочно совместились теперь с пониманием его как такой системы, все категории которой теснейшим образом связаны с категориями других языковых уровней, — начиная от морфологии и кончая словом во всей сложности его лексической семантики. С другой стороны, утвердилось понимание грамматического строя языка как организации иерархической, а реально представленной в языке грамматической единицы — как такой единицы, которая совмещает в себе грамматические значения разных ступеней абстракции и, следовательно, необходимо требует разносторонних и дифференцированных грамматических характеристик.

Практически во всех славянских странах, в разных лингвистических школах, развитие грамматической теории в последнее время стимулировало работу по созданию новых академических грамматик и, соответственно, разработку их теоретических концепций. Только за последние несколько лет соответствующими научными коллективами были созданы и представлены на широкое обсуждение новые концепции русской, чешской, польской, болгарской академических грамматик. Все эти концепции — полностью или частично — изложены в соответствующих проспектах, издававшихся (начиная с 1972 г.) академическими языковедческими институтами в Москве, Праге, Варшаве, Софии. Эти проспекты рассматривались и рассматриваются на ежегодных заседаниях Комиссии по изучению грамматического строя славянских языков, работающей при Международном комитете славистов. Концепции эти очень различны: одни более традиционны, иногда компромиссны, другие свидетельствуют о стремлении построить академическую грамматику на основе самых новейших теорий и методов. И в то же время все эти концепции отражают требования времени, так же как и уже изданные в последние десятилетия академические грамматики языков украинского и словацкого или двухтомная «Русская грамматика» (в сопоставлении с чешской), подготовленная коллективом чешских русистов в Праге (Praha, 1979).

Таким образом, обсуждающаяся сегодня «Русская грамматика» входит в общее русло аналогичных больших предприятий в разных славянских странах.

3. В Институте русского языка АН СССР подготовительная работа над новой грамматикой началась с середины 60-х годов. Именно в это время в своем основном составе сложился тот коллектив, который пишет «Русскую грамматику». Работа была начата по прямому заданию акад. В. В. Виноградова. Уже к началу 60-х годов стало очевидно, что «Грамматика» 1952—1954 гг. (в написании которой активно участвовали и некоторые авторы будущей книги), сыгравшая большую положительную роль как труд, который подвел итоги предшествующих изучений, в скором времени уже не сможет отвечать современным требованиям: эта грамматика целиком покоилась на первом из названных выше принципов — на принципе сохранения традиций, однако она далеко не во всех своих главах отражала то состояние грамматической теории, которое сложилось к 60-м годам XX в. Эта книга не только обнажила многие «белые пятна» на карте нашей грамматической науки, но и простым соединением своих глав, а также особенно соединением своих глав с теоретическими введениями к I и, главное, ко II томам показала, насколько

неравномерен был у нас уровень изучения разных сторон и участков грамматического строя языка. Многие главы, объединенные в «Грамматике» 52—54-х годов, писались в 30-х и 40-х годах: уже в момент выхода этой книги они требовали существенных изменений и дополнений; об этом было сказано в предисловии.

В 1963 г. был сформирован коллектив, который приступил к разработке плана и теоретических принципов научной описательной грамматики русского языка, — такой, какой, по нашим представлениям, она должна была бы быть в то время. В 1966 г. вышел развернутый проспект под названием «Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка». Этот проспект широко обсуждался в печати и на специальном совещании. На его основе была издана «Грамматика современного русского литературного языка» 1970 г. Хорошо известен тот научный резонанс, который получила эта книга. Хотя в предисловии и было сказано, что она не претендует на статус нормативной академической грамматики и ставит перед собой совсем другие задачи, эта книга все же была воспринята многими читателями именно как строго нормативная академическая грамматика. Оценки ее были очень различными, часто совершенно противоположными и взаимоисключающими. Сам тот факт, что эта грамматика так широко обсуждалась, что многие положения ее основных разделов послужили отправной точкой для дальнейших разысканий и вошли в вузовские программы, свидетельствует о том, что эта книга сыграла свою роль в разработке как вопросов теории, так и принципов организации грамматического материала. Однако «Грамматика» 1970 г., конечно, не академическая грамматика в традиционно сложившемся понимании этого жанра.

С 1969 г. тот же коллектив, пополнившийся и в некоторой своей части измененный, приступил к работе над двухтомной академической «Русской грамматикой». В 1972 г. был опубликован ее проспект, который обсуждался на специальном симпозиуме и в целом получил одобрение. Была сформирована редколлегия. Она организовалась с учетом следующих трех требований: во-первых, чтобы это была работающая редколлегия; во-вторых, чтобы ее состав обеспечивал участие в редакционной работе специалистов по всем основным разделам грамматики, а также по фонетике, фонологии и морфонологии; в-третьих, чтобы в ней были представлены ученые не одного какого-то направления, а разных направлений, с тем, чтобы в процессе обсуждения и обработки отдельных глав могли быть сопоставлены разные точки зрения и, по возможности, достигнуты удовлетворяющие всех решения.

В настоящее время закончен I том «Русской грамматики» («Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Морфемика. Словообразование. Морфология») и близка к завершению редакционная работа над II томом («Синтаксис»).

Таким образом, можно считать, что с начала подготовительной работы над грамматикой — с момента выработки основных теоретических позиций, общих принципов описания и соотношения его частей — прошло более десяти лет. Естественно, что авторский коллектив за это время сам прошел большой путь развития. Сейчас трудно даже сказать, сколько раз и в каких самых различных формах — от всесоюзных совещаний до рабочих встреч в узком кругу специалистов —

обсуждались проспекты отдельных разделов и «Граматики» в целом, все главы этой книги и отдельные конкретные вопросы. Если сравнить вышедшие в 1966 г. «Основы построения описательной грамматики» и первый том «Русской грамматики», то станет очевидным, что целый ряд предполагавшихся решений пересмотрен, очень многое изменилось и, хочется думать, усовершенствовалось. Это естественно и не могло быть иначе. Только таким, трудным и длительным путем мы могли прийти к решениям, которые можно считать продуманными.

Академическая «Русская грамматика» ставит своей целью дать полное научное описание современного состояния грамматического строя русского литературного языка — его морфемики, словообразования, морфологии и синтаксиса. В «Граматику» включено также описание русской фонетики, фонологии, ударения и интонации: содержащиеся здесь сведения необходимы в разделах, посвященных морфологии, словообразованию и синтаксису. Эта грамматика является одновременно научной, описательной и нормативной: она ставит своей задачей совместить научное описание грамматического строя современного русского литературного языка с нормативными рекомендациями. Нормативные характеристики последовательно сопровождают описание материала; сообщается, какие варианты в словообразовании, в формах слов, в их ударении, в синтаксических конструкциях являются для современного состояния русского литературного языка единственно правильными и какие — допускаемыми в употреблении наряду с другими, равнозначными или близкими по значениям. С решением нормативных задач связано введение во все разделы книги стилистических и других специальных характеристик. Таким образом, эта книга обращена одновременно как к широкому кругу читателей, которые интересуются русским языком или стремятся к углублению своих знаний о нем, так и к специалистам-языковедам. Следует, однако, заметить, что понятие «широкий читатель» достаточно неопределенно; у разных категорий читателей требования к грамматике различны. Во всяком случае, эта книга рассчитана на людей, имеющих полное среднее образование. В то же время коллектив приложил много усилий к тому, чтобы сделать изложение по возможности простым и доступным.

Как следствие отмеченной выше неравномерной изученности современного состояния грамматического строя русского языка, перед авторами «Русской грамматики» встала задача большой исследовательской работы. Читатель-лингвист легко заметит, что очень многие разделы этой книги представляют собой результат самостоятельных разысканий и научных построений. В своих построениях, в формулировках правил, в стилистических характеристиках авторы опирались на разнообразные материалы; специально обследовались: художественная литература — современная и классическая; общественно-политическая, публицистическая литература; научная и научно-популярная литература; мемуары, дневники, произведения эпистолярного жанра; газеты и журналы; современная русская речь, звучащая в театре, кино, по радио и телевидению; живая разговорная речь, записывавшаяся как самими авторами, так и собранная и отраженная в специальных лингвистических исследованиях; разнообразные словари. Естественно также, что авторы широко пользовались материалами и выводами других исследователей.

Такое использование необходимо предполагается как жанром грамматики, так и задачами самих таких исследований: изучение отдельных фактов языка и отдельных его сторон, решения тех или иных теоретических вопросов естественно предполагают дальнейшее обобщение, включение полученных результатов в целостное описание. Жанр нормативно-описательной грамматики не позволил ее авторам прибегать к подстрочной библиографии непосредственно в ходе изложения. Однако все основные разделы книги снабжены списками специальной литературы (прежде всего книг, но в отдельных случаях и статей).

Далее остановимся на некоторых общих вопросах, по которым в «Русской грамматике» приняты те или другие решения, определившие собою методологические основы описания материала. Это прежде всего вопросы о принятом в книге понимании внутренней организации грамматического строя, о соотношении грамматической формы и значения и о методах описания такого соотношения; далее — вопросы о хронологических границах современного русского литературного языка, о понимании нормы и о принципах нормализации, об отношении к разговорной речи и к просторечию.

4. В своем понимании внутренней организации грамматического строя авторы «Русской грамматики» исходят из тезиса, согласно которому современный русский литературный язык представляет собой систему, все стороны которой находятся в отношениях необходимой взаимосвязанности; таковы звуковая организация языка, его лексика и его грамматика, имеющие каждая собственное строение и членение. Грамматический строй представляет собой единство нескольких частных систем, каждая из которых объединяет в себе грамматические средства, близкие по характеру формальной организации и абстрактных значений, по функциям, а также по характеру отношений как друг к другу, так и к единицам других подсистем грамматики. Такими частными системами внутри грамматического строя языка являются словообразование, морфология и синтаксис. В книге каждому из соответствующих разделов предпослано специальное введение, в котором определяются относящиеся сюда основные понятия и категории. «Словообразованию» и «Морфологии» вместе предпослана глава «Основные понятия морфемике». Все категории и единицы грамматики рассматриваются в неразрывном единстве их формальных и семантических (на уровне грамматической абстракции) характеристик.

С л о в о о б р а з о в а н и е, как уже сказано, выделено в самостоятельный раздел. Сюда относится вся область строения производных слов и правила образования слов по существующим отвлеченным образцам; иными словами, здесь описываются как те словообразовательные образцы, по которым слова уже построены, так и те, по которым они могут быть построены. Эти образцы понимаются как такие, которые созданы языком в опоре на лексико-грамматические качества основ и тех аффиксов, которые с этими основами избирательно соединены или соединяются. Структура производных слов и правила их образования определяются законами, обращенными, с одной стороны, к грамматике, с другой стороны — к лексике. В сферу словообразования входят словообразовательный тип как отвлеченный образец построения тех или иных слов; словообразовательный фор-

мант, представляющий собой чаще всего служебную морфему или совокупность таких морфем; слово как организованное единство производящей основы и форманта. В разделе «Словообразование» читатель заметит стремление к исчерпанности описания. Здесь представлено все богатство русских словообразовательных типов и формантов. Неологизмами или окказионализмами последовательно иллюстрируется продуктивность словообразовательных образцов. Достаточно полными можно признать здесь также и морфонологические характеристики.

М о р ф о л о г и я понимается как та область грамматического строя, которой принадлежат законы изменения слов как представителей грамматических классов — частей речи; сами эти классы и относящиеся к ним грамматические категории; формы слов и системы этих форм с принадлежащими им морфемами; лексико-грамматические разряды внутри частей речи. Принципы описания парадигматики здесь традиционны; акцентные и другие морфонологические характеристики сопровождают собою описание парадигм; все они приведены в полное соответствие с академическим «Орфоэпическим словарем русского языка». В главах, посвященных знаменательным частям речи (прежде всего глаголу), достаточно полно представлены функциональные характеристики. Все главы, посвященные служебным частям речи, в разделе «Морфология» написаны авторами синтаксических глав. Этим мы старались достигнуть, во-первых, полноты описания, во-вторых, единства и непротиворечивости характеристик служебных частей речи в морфологическом и синтаксическом разделах.

К с и н т а к с и с у относится вся область связей слов и образования единиц, конструируемых на основе этих связей; законы строения простого и сложного предложения, правила их распространения и функционирования. Весь «Синтаксис» вошел во II том «Русской грамматики». Общие методологические установки и принципы описания синтаксических категорий — те же, что в описании других областей грамматики.

Звуковая организация языка — его фонетика и фонология — своими единицами и правилами их сочетаемости обращена ко всем сторонам грамматического строя: образование слов подчиняется звуковым законам, так же как и звуковое строение и сочетаемость морфем (это — вся область морфонологии); правила динамического выделения слога — ударения сопровождают собою все словообразование и формообразование; в синтаксисе предложение как отдельная единица не функционирует вне интонационной конструкции, а внутри предложения (и шире — любого высказывания) средствами интонации осуществляется выделение, подчеркивание его частей, главных с точки зрения задач информации. Этим объясняется то, что I том «Русской грамматики» открывается главами о звуках и звуковых единицах языка, об ударении и интонации.

В конкретных главах мы старались не упустить из поля зрения того, что внутри грамматического строя морфология, словообразование, синтаксис находятся друг с другом в теснейших взаимоотношениях и связях. В этом ряду относительно большей самостоятельностью обладает словообразование: оно теснее других областей грамматики связано с лексикой. Однако словообразование неотделимо и от морфологии — от внутренних свойств частей речи и от типов словоизмене-

ния. Сферами, связывающими словообразование с морфологией, являются также общие законы строения и звуковых изменений словообразующих и формообразующих морфем, т. е. вся область морфемики и морфонологии. Что касается взаимных связей морфологии и синтаксиса, то эти стороны грамматического строя языка настолько тесно слиты, что во многих случаях оказывается возможным отнесение одной и той же грамматической категории и к морфологии и к синтаксису. С другой стороны, большинство морфологических категорий, кроме собственно формальных признаков, обязательно характеризуются своими синтаксическими функциями, синтаксическими связями. Синтаксис в свою очередь имеет дело с классами и формами слов, с их отношениями и связями.

Из всего сказанного следует, что в грамматике необычайно велика роль слова как такой единицы языка, которая несет в себе разнообразные грамматические возможности: закономерности строения слова и его способности к образованию других лексических единиц стоят в центре словообразования; слово как носитель морфологических категорий и систем форм составляет предмет морфологии; синтаксис в той своей части, которая имеет дело со связями слов, целиком опирается на их грамматические и лексико-семантические свойства; в той же части синтаксиса, центром которой является предложение, формы слова выступают как компоненты предложения, по-разному значимые для его строения. Таким образом, слово, его формы в их отношении к формам других слов либо к целой конструкции, предстает как средоточие разных грамматических значений и несет в себе целый комплекс разнонаправленных грамматических свойств.

Другая линия взаимодействия слова как лексической единицы и грамматических законов языка — это вся широкая сфера связей грамматики с лексической семантикой. В области словообразования, морфологии, словосочетания, семантической структуры предложения можно назвать очень немногие явления, которые при своих характеристиках не требовали бы указаний на лексико-семантические условия своего образования и функционирования. В одних случаях это — строгие правила, в других — явно выраженные тенденции. Таким образом, грамматика пронизана лексикой. Этим объясняется то, что описание грамматических явлений в «Русской грамматике» регулярно сопровождается необходимыми лексико-семантическими характеристиками.

Как уже сказано, грамматика понимается как единство ее частных и неразрывно связанных друг с другом взаимодействующих систем. Примечательно, что уже Ломоносов, открывающий своими трудами современную историю этой науки в России, в то же время был первым, кто осознал язык как целостную и живую систему. Одновременно он увидел и сложность внутреннего строя этой системы. В XIX в. обращение к языку как целому было либо обращением к соотношению языка и мысли (Потебня и его школа, Фортунатов), либо обращением к грамматическому, формальному строю языка. В русистике к пониманию и изучению языка именно как целостного (лишь в целях описания расчленяемого) организма вслед за Шахматовым пришел Виноградов: своими трудами он практически положил конец расчленению морфологии и синтаксиса, грамматики и лексики, лексики и словообразования. Он охватил все, но не сказал последнего, очень важного слова,

а именно о том, как и, главное, чем все уровни языковой системы — грамматика, словообразование, лексика, идиоматика — слиты воедино, и какова надформальная, с м ы с л о в а я природа этой слитности, делающая язык — со всеми его подсистемами, со всеми его знаковыми единицами — совершенно особым явлением интеллектуальной жизни людей.

5. Грамматическая наука изучает грамматические категории, которые всегда представляют собой единство формы и значения. В истории науки можно констатировать повторяющиеся смены преимущественного интереса то к формальной, то к значимой стороне грамматических единиц. Исключительное внимание к самой материи грамматики в какие-то моменты сменяется усиленным интересом к внутренней стороне языкового знака, к тем абстрактным значениям, которые, будучи отвлечены от формальной «оболочки», представляются как бы существующими вне формы и над формой. В настоящий момент грамматическая наука находится именно в такой, «семантической», фазе. Появилось очень много интересных работ, которые во главу грамматических изучений ставят так называемый «план содержания», причем иногда содержание понимается недостаточно строго и грозит оторваться от собственно языкового значения. Исследователи широко пользуются понятием пропозиции, принимая его в качестве отправного пункта в изучении не только синтаксических, но и морфологических и словообразовательных категорий. Из последних славянских грамматик построение «от значения к форме» осуществлено в чешской грамматике («Vědecká synchronní mluvnická spisovně češtiny», Praha, 1974; то же в сокращении: Slovo a slovesnost, 1975, 1). Ее авторы обосновывают целесообразность такого подхода тем, что он обеспечивает исчерпывающее комплексное описание, позволяет обнаружить в отдельных смысловых элементах единство разноуровневых языковых средств, удобен для сопоставительных изучений. Доминантой грамматики признается синтаксис. Эта концепция в целом интересна и оригинальна. Представляется все же, что пропозиция как «речемыслительная модель положения вещей» не может быть признака языковым значением и, следовательно, не может возглавлять построенную авторами этой концепции иерархию собственно языковых характеристик высказывания.

Сам вопрос об «информативной стороне предложения» не может считаться новым: и в русской, и в западноевропейской лингвистической традиции можно назвать имена ученых, уже давно обращавшихся в своих исследованиях к смыслу форм предложения, к его коммуникативному содержанию¹. Еще в 70-х годах XIX в. русский ученый и педагог В. Сланский выдвинул и развил идею о необходимости выделения в предложении «членов содержания» и «отношения этих членов», а также идею «уравнения предложений»: такое «уравнение» в переводе на современную терминологию есть не что иное, как синтаксико-семантическое преобразование (трансформация). В. Сланским указаны были и основные виды «уравне-

¹ См. об этом в называемых ниже работах Фр. Данеша, Т. Б. Алисовой, В. Г. Гака, Н. Д. Арутюновой. Специально о русских исследованиях смысловой стороны предложения см.: [Виноградов 1958].

ний», разграничиваемые на основе разных соотношений «членов содержания»; см.: [Сланский 1876; 1878; 1887]².

В наше время в работах В. В. Виноградова, в частности в книге «Русский язык», постоянно присутствует тот аспект изучения предложения, который он называл его «коммуникативным смыслом». Именно под этим углом зрения излагается, например, в главе о категории лица весь материал о типах субъекта (ср. термины «скрытое или устраненное лицо», «лицо как орудие действия», «неизвестное производящее лицо» и др.). Та категория лица, которую В. В. Виноградов наряду с категориями времени и модальности считал обязательно присутствующей в каждом предложении, есть категория именно коммуникативного уровня³.

Сейчас уже можно говорить о нескольких направлениях в изучении семантической структуры предложения и категорий этой структуры. Основное разграничение проходит в сфере выделения самих объектов семантического уровня в синтаксисе. С одной стороны, семантика предложения описывается в непосредственной опоре на конкретную, данную ситуацию речи; смысл предложения ищется в реальных сферах внеязыкового положения вещей. С другой стороны, делаются попытки установить категории семантической структуры предложения и самые типы таких структур на основе фактов собственно языковых. Именно здесь и определилось сейчас несколько различных подходов. Во-первых, это описания, построенные на основе теории глубинных и поверхностных структур в духе Хомского (см., например, описание семантики именных одночленных предложений у Фр. Мико: [Miko 1968]); во-вторых, это работы, направленные на построение такой типологии семантических структур предложения, которая опиралась бы на характеристики, отвлекаемые от самих этих предложений как единиц, несущих в себе комплекс грамматических и лексико-семантических значений. Из работ этого направления нужно прежде всего назвать исследования Фр. Данеша 1966—1971 гг. [Daneš 1970: 407—413; 1968a; 1968b: 55—69 и др. его работы⁴], сопоставительные описания В. Г. Гака 1965—1969 гг. [Гак 1965a; 1967; 1969; 1965b и др. его работы], Т. Б. Алисовой 1969—1971 гг. [Алисова 1971; 1970; 1969 и др. ее работы]. Предметом изучения здесь являются собственно синтаксико-семантические структуры предложения, либо с учетом их изоморфности (или неизоморфности) внеязыковой ситуации (Гак, Алисова), либо без ориентации на реальные ситуации, на основе собственно языковой триады «грамматическая модель предложения — его семантическая модель — коммуникативная структура высказывания» (Данеш).

Исследования семантической структуры славянского предложения ведутся сейчас почти исключительно на материале предложений глагольных. Самые категории семантической структуры предложения нередко выводятся из лексической семантики глагола и связанных с ним актантов. Не приходится сомневаться в том, что для предложений, организуемых спрягаемой формой глагола, такой путь является совершенно целесообразным. Оригинальный анализ глагольных зна-

² Подробно о работах В. Сланского см. в указ. соч. В. В. Виноградова.

³ Подробнее об этом см. нашу статью: [Шведова 1971]. Оригинальное рассмотрение семантической категории субъекта см. в статье: [Hausenblas 1971].

⁴ Библиографию см.: [Slovo a slovesnost 1971, 3: 206].

чений и основанная на этом анализе типология глаголов, предложенная Фр. Данешом [Daneš 1971]⁵, открывает путь исследования семантической структуры глагольного предложения как категории, организуемой взаимным действием собственнo глагола и его правовалентного и левовалентного окружения.

Задача выявления и систематизации всех категорий семантической структуры предложения, действующих в данном языке в определенный момент его развития, чрезвычайно сложна. В работах, посвященных изучению этой проблемы, выводы нередко делаются на основе анализа наиболее ясных, удобных типов предложения (например, предложений со значением «деятель — действие — объект» или «деятель — безобъектное действие», «бессубъектное действие» и под.). Поэтому актуальной остается задача поиска и установления единых критериев для определения и разграничения категорий семантической структуры предложений разных грамматических типов — как тех, в которых за самой организацией и информативным качеством компонентов легко просматривается внеязыковое положение вещей, так и тех, лексико-грамматическая организация которых не изоморфна такому положению.

Особый интерес к информативной стороне предложения в последнее десятилетие явился естественной реакцией на весьма энергично пропагандировавшиеся методы сугубо формальных описаний строения предложения — как в плане чисто линейном, так и в плане порождающем или трансформационном.

Описательные грамматики традиционно строятся так, что в основу классификаций кладутся материальные единицы с их собственным формальным устройством. При этом далее осуществляется многоаспектное описание этих единиц, устанавливаются их языковые значения и функции. При таком подходе может быть обеспечена последовательная и систематическая организация материала, менее реальной оказывается опасность смещения грамматических значений со значениями неязыковыми, с собственнo содержательной стороной сообщения, со «структурой ситуации». В то же время описание «от формы к значению» ни в коей мере не исключает возможности и целесообразности и другого подхода к изучению грамматических объектов: скорее можно сказать, что формальное описание подготавливает почву для следующего исследовательского шага — «от значения к форме».

В «Русской грамматике» описание строится традиционно — «от формы к значению». Однако характеристики значений грамматических единиц всех уровней составляют неотъемлемую часть этого описания. Хотя значения не положены в основу систематизации и классификации материалов, они рассматриваются как такой объект, который обладает собственнo строением и собственными характеристиками. Соответственно языковые значения грамматических единиц обязательно входят в их первичные определения, а в ряде случаев становятся предметом описания в специальных главах (так, например, описывается семантика и употребление глагольных времен и видов).

После того, что было сказано выше о принятом в «Русской грамматике» понимании внутренней организации грамматического строя языка, об отношении

⁵ См. также статью: [Kofenský 1971].

формы и значения и о строении основных разделов этой книги, закономерно поставить вопрос о том, в чем же состоит принципиальное, методологическое отличие «Русской грамматики» от предшествующих грамматик и, прежде всего, от академической грамматики 1952—1954 гг.

Кратко на этот вопрос можно ответить так. В отличие от грамматики 1952—1954 гг., которая может служить классическим образцом того, что сейчас у некоторых авторов модно, с явным оттенком осуждения, называть «таксономическим» подходом к языку, в «Русской грамматике» описание строится путем представления иерархически организованной системы языковых единиц, рассматриваемых в единстве формы и грамматического значения, путем выявления всех основных признаков этих единиц и правил их языкового поведения, включая сюда и их отношения к другим единицам языка. Описание этих единиц строится начиная с их наиболее общей формы, т. е. первично — в отвлечении от их частных свойств и разнообразных модификаций, и далее — к конкретным свойствам этих единиц, к характеристике всех их частных видов и языковых реализаций.

Именно такой подход хорошо виден, например, в разделе «Словообразование», где в отличие от грамматики 1952—1954 гг. авторы (как и авторы всех других разделов) начинают с определения всех относящихся сюда понятий и далее строят полное описание словообразовательных типов, организуя материал на основе наиболее общих, абстрактных словообразовательных значений, а затем последовательно показывая их конкретизации в более частных словообразовательных значениях и в лексических значениях слов. Такое описание отражает иерархию, реально существующую в самом языке. Семантические характеристики, сопровождающие все описание, при этом легко поддаются последующим обобщениям, которые и представлены в заключительных параграфах.

6. Хронологические границы современного русского литературного языка могут очерчиваться по-разному. В узком смысле слова современным следует считать язык, на котором мы говорим и пишем сейчас, т. е. язык второй половины XX столетия. Такое понимание синхронии было принято в грамматике 1970 г. Оно имеет свои основания и — для краткой грамматики — определенные преимущества. Следует помнить также, что это узкое понимание языковой синхронии имеет большое значение для будущих описаний — как свидетельство состояния грамматической системы языка в определенный, именно данный момент его развития. Однако возможно и другое понимание. Эволюционный характер изменения грамматического строя, стабильность всех его основных категорий, постепенность движения языковой нормы, сохранение и передача от одного поколения к другому лучших образцов литературной речи в классической и, шире, вообще в художественной литературе, — все это делает вполне правомочным и более широкое понимание хронологических границ современного русского литературного языка — от Пушкина до наших дней. Такое понимание принято и в «Русской грамматике». Показательно, что так же понимаются границы литературного языка и в академических толковых словарях, — независимо от объема, охватываемого ими материала.

Разностороннее и разноаспектное изучение грамматического строя современного литературного языка в названных широких границах еще раз убеждает в том,

что этот строй в целом не претерпел за последние полтора столетия таких существенных изменений, которые не позволяли бы привлекать лучшие образцы языка XIX в. для характеристики тех явлений, которые полностью отражают и сегодняшнее состояние языка. Сказанное не означает, что со времени Пушкина как создателя неувядающих образцов классической русской литературной речи совсем не изменился грамматический строй нашего языка; однако его изменения, во-первых, имеют характер медленный и постепенный, во-вторых, что очень важно, в разных участках грамматической системы они неравномерны. В целом же все основные черты грамматического строя, его центральные категории обладают большой устойчивостью.

В том описании грамматического строя, которое ставит своей задачей возможную полноту охвата материала, названное понимание хронологических границ современного языкового состояния обнаруживает целый ряд преимуществ перед более узким пониманием языковой синхронии. Естественно, что явления, для XIX или начала XX в. живые, но в настоящее время утратившиеся, в «Русской грамматике» не описываются. Широкое понимание языковой синхронии обязывает к последовательному отграничению живых явлений от того, что уходит из языка либо в процессе его развития приобретает особые функциональные или стилистические качества. Это широкое понимание может быть признано правомерным лишь при определении языковой современности как такой, которая сосредоточивает в себе явления и устаревающие, и новые, обогащающие язык и обесценивающие его развитие.

7. «Русская грамматика» строится как грамматика нормативная. По отношению к высокоразвитому литературному языку, каким является современный русский литературный язык, норма определяется как такая общественно осознанная и предписываемая всему обществу система языковых регламентаций, которая представляет собой социально обусловленную реализацию языковых законов. По своей природе норма динамична, но в определенный отрезок времени она выступает как устойчивая и общеобязательная система правил. Носители литературного языка не могут не подчиняться норме. Она — свидетельство, с одной стороны, развитости и зрелости этого языка, с другой стороны — сознательного и бережного к нему отношения. Языковая норма ни при каких условиях не может диктоваться чьей-либо индивидуальной волей, понимая под этим и волю лингвистов или писателей: норма есть одно из проявлений законов языка, и законы эти существуют объективно. Норма складывается постепенно, поэтому в ней всегда присутствуют черты, характеризующие ее как историческую категорию. В том, что в языке признается нормальным, правильным, всегда присутствуют явления, идущие из прошлого, в высокой степени и исконно стабильные, и явления относительно новые, однако обязательно только такие, которые отвечают законам развития самого языка и отражают эти законы.

Языковая норма социально обусловлена и социально осознана. Она неотделима от общества так же, как неотделим от него и сам язык. Через отношение к норме, через осознание ее, члены общества проявляют отношение к своему языку вообще. Владая языком как одной из своих неотъемлемых характеристик,

общество проявляет высокую чувствительность к языковой норме как к показателю своей культуры и своего коллективного интеллекта. Поэтому одновременно с тем, что норма складывается и существует объективно, общество предписывает ее своим носителям как категорию обязательную. Нарушения нормы остро воспринимаются в обществе и осуждаются. К нарушениям нормы часто относят и явления новые. В этой оценочной деятельности людей всегда обнаруживаются два вида реакций на те или другие языковые новшества. Это, с одной стороны, реакция тех, чье мышление исторично, кто хорошо знает язык, чувствует и понимает его законы и тенденции его развития; такие оценки, как правило, оказываются верными и объективными; с другой стороны, это реакция тех, чьи языковые вкусы или обращены к прошлому и консервативны (в этом случае новое всегда приравнивается к неправильному) или, напротив, невзыскательны и неразборчивы; такие оценки при проверке временем, как правило, оказываются субъективными и ошибочными. Историей доказано, что нормализаторская деятельность в сфере языка дает положительные результаты только в тех случаях, когда она осуществляется в духе первого рода реакций и оценок.

Норма, как и сам язык, постепенно изменяется; в самой норме, внутри, а не вне ее сосуществуют явления устаревающие, уходящие, ограничивающие сферу своего бытования, и явления новые, развивающиеся. И те и другие равно принадлежат современной норме: они распределены в ней между письменной и разговорной речью, окрашены функционально, экспрессивно и стилистически. Этой неоднородностью объясняются колебания нормы, допустимость взаимодействующих вариантов, которые могут различаться по каким-либо из названных признаков. Наличие таких вариантов, которые нормальны, но употребляются избирательно, — обязательный признак развитого литературного языка с давней и богатой историей. Исследования последнего времени показали, что количество вариантов в русском литературном языке последовательно возрастает. Авторы «Русской грамматики» старались внимательно относиться к вариантам и осуществлять такую их фиксацию, которая показала бы богатые функциональные и стилистические возможности русского языка.

Нормальным (или, что то же самое, нормативным) образованиям и употреблениям противостоят образования и употребления ненормативные, такие, которые противоречат языковым законам. В грамматическом описании некоторые из таких явлений требуют фиксации и запретительных характеристик.

8. В своем отношении к фактам разговорной речи и просторечия авторы «Русской грамматики» исходят из следующих положений. Современный русский литературный язык существует в двух основных формах: письменной (письменная речь) и разговорной (разговорная речь). Письменная и разговорная речь, представляя собою две равноправные формы литературного языка, в значительной степени различаются, во-первых, самими языковыми средствами, во-вторых, характером нормы и отношением к норме. Важно, однако, что эти различия проходят внутри литературного языка как единой и целостной системы, и поэтому в обеих названных формах черт сходства, единства во много раз больше, чем черт различия. В то же время эти различия существуют, и характер их таков, что

он позволяет говорить о существовании литературного языка именно в двух названных формах, с достаточной степенью определенности отличающихся друг от друга.

Письменную форму литературного языка представляют все те произведения, написанные и пишущиеся, которые фиксируются в печати (или предназначены для такой фиксации) и специально для этого обрабатываемые теми, кто пишет. Это художественная литература и смежные с ней жанры, а также то, что обычно называют «книжной речью» — произведения научные, учебные, публицистические, документы деловой, официальной сферы. Внутри письменной речи есть и другие частные разновидности, характеризующиеся своими индивидуальными языковыми чертами; такие разновидности иногда называют «языковыми жанрами» или «жанрами речи». Так, например, можно говорить о разных жанрах газетной, журнальной речи, о жанрах массового вещания, массовой информации. Все тексты, представляющие письменную речь, естественно, могут произноситься, звучать. При этом они не утрачивают своей принадлежности к письменной форме литературного языка, а представляют ее устное звучание. При устном произнесении в такие тексты (к ним относятся и официальные доклады, выступления, лекции) могут вводиться — и часто вводятся — элементы разговорной литературной речи.

Разговорная форма литературного языка предстает в речи его носителей при их непосредственном и непринужденном, неофициальном общении друг с другом. Эта диалогическая или монологическая речь — неподготовленная, специально никак не обрабатываемая, собственно говорение — отличается своими характерными синтаксическими конструкциями, интонацией, своими тенденциями отбора слов и форм. Из вариантов, которые предоставляет своим носителям литературный язык в целом, в разговорной речи используются те, которые принадлежат именно ей и отличаются ее от речи письменной. Эти варианты очень часто экспрессивно окрашены, обладают выразительными и оценочными возможностями. Это не значит, что письменная речь лишена способов экспрессивного выражения, однако по сравнению с разговорной речью эти способы у нее иные.

Норма существует как в литературной письменной речи, так и в речи разговорной. Нормы письменной речи зафиксированы в грамматиках, в учебных пособиях, специальных справочниках и словарях. Грамматические нормы разговорной речи фиксируются несистематически и случайно, главным образом в связи с фиксацией норм письменных и путем противопоставления им. Поэтому разговорная речь часто определяется как «некодифицированная». Это не значит, однако, что разговорная литературная речь лишена своих собственных грамматических правил. Этими нигде не записанными правилами интуитивно пользуются все носители русского литературного языка в непосредственном и непринужденном общении друг с другом. По сравнению с письменной речью разговорные нормы проще и в каком-то смысле определеннее: в них меньше грамматических вариантов и, при исключенности предварительного обдумывания и выбора, в типических и повторяющихся речевых ситуациях, особенно в диалоге, речь часто протекает в формах устоявшихся речевых стандартов.

Носители литературного языка владеют обеими его разновидностями и пользуются ими избирательно в зависимости от условий общения.

В литературный язык входит также «специальная речь», т. е. такие его ограниченные сферы или участки, которые отражают языковую практику людей отдельных профессий или специальностей. Такая специальная, или профессиональная, речь обычно имеет свои характеристики — прежде всего в области лексики, словообразования и фразеологии, а иногда и в связях слов, в ударении и формообразовании. Однако эти специфические характеристики не противопоставляют специальную речь общей системе литературного языка.

Особое место в национальном языке занимает просторечие, т. е. звучащая речь тех, кто лишь частично владеет нормами литературного языка. Просторечие понимается как неоднородная по составу и всегда размытая в своих границах языковая сфера, в которой сложно взаимодействуют нелитературная речь малообразованных городских жителей, элементы областных говоров, отчасти разговорная форма литературного языка, элементы профессиональной речи. Просторечие — особенно в сфере синтаксиса — очень часто не может быть четко отграничено от разговорной формы литературного языка: здесь много общего. Безусловно просторечными являются только те языковые средства, которые или окрашены экспрессией подчеркнутой грубости, или явно противоречат литературной норме. Просторечие не закрыто для носителей литературного языка: оно им известно, и они пользуются им в контекстах, экспрессивно или шутливо окрашенных, при живом воспроизведении разных жизненных событий и ситуаций. Просторечие свободно и сознательно вводится писателями в художественную литературу и таким образом приобретает свойства эстетически значимой категории.

В языке художественной литературы и близких к ней жанров письменности сложно взаимодействуют письменная и разговорная речь, специальная речь, просторечие. Все они в той или иной степени находят в художественной литературе свое отражение и сливаются в сложное эстетически значимое единство, несущее на себе к тому же яркую печать индивидуального писательского мастерства и вкуса. В то же время крупные национальные писатели — это те носители литературного языка, которые знают и чувствуют его лучше других. Именно под их пером прежде всего осуществляется отбор языковых средств из общенационального языка в язык литературный, проверка этих средств на жизненность, точность и выразительность. Поэтому язык художественной литературы, ее классиков, лучших национальных прозаиков и поэтов должен быть признан важнейшим источником для изучения литературного языка.

Авторы «Русской грамматики» с самого начала своей работы оказались перед сложным вопросом: в какой мере и в каких границах следует отражать в этой книге специфические явления разговорной речи, специальной и профессиональной речи, просторечия. Понимание этих языковых сфер либо как входящих в литературный язык (разговорная, специальная речь), либо как граничащих и взаимодействующих с ним (просторечие), не позволило нам в своих изучениях и описаниях ограничиться только явлениями речи письменной. Поэтому в «Русской грамматике» отражены и описаны — с соответствующими пометами или

развернутыми характеристиками — очень многие факты разговорной и специальной речи, а иногда и просторечия. Кроме тех оснований, которые только что были изложены, мы руководствовались здесь еще и следующим. Во-первых, все соответствующие явления существуют в языке не как некие самостоятельные данности, присутствие которых грамматистом может по его собственному усмотрению замечаться или не замечаться: специфические образования, формы, конструкции, принадлежащие разговорной речи, специальной речи, просторечию, находят в тесных и сложных связях с равнозначными стилистически нейтральными (или книжными, высокими, устаревшими) образованиями, входят с ними в такие функционально-смысловые соотношения (вариативные ряды), которые уже сами по себе объективно принадлежат языку, сами являются единицами языка. Во-вторых, все такие явления находят отражение в письменности: их невключение в «Граматику» обеднило бы описание, сделало бы его произвольно односторонним и неполным. Наконец, здесь существует традиция: русские грамматики в той или иной мере всегда отражают соответствующие факты. В то же время в «Русской грамматике» были осуществлены некоторые ограничения: в ней не нашли отражения факты речи грубой, вульгарной; безусловно исключались все явления речи жаргонной; диалектные образования привлекались лишь в редких случаях, для сравнения (например, в «Словообразовании»). Не отражены также (это относится прежде всего к синтаксису) такие конструкции разговорной речи, которые для письменной речи оказываются безусловно ненормативными и необычными. Многие из них в последнее время получили интересные и свежие лингвистические интерпретации; однако эти специфически разговорные конструкции не находят отражения ни в каких жанрах письменности, включая даже те произведения литературы, которые сознательно ориентированы на разговорную речь и просторечие.

В современной грамматической науке, отечественной и зарубежной, существуют самые различные способы описания грамматического строя языка. В этих описаниях реализуются разные, очень несходные концепции, испытываются разнообразные приемы и методы. Такое обилие концепций и методов — явление само по себе положительное: оно позволяет рассмотреть языковые категории и их связи с разных точек зрения, с разных позиций, и увидеть то, что ранее часто оставалось незамеченным. Сам язык по своей природе допускает такие разнообразные, часто взаимоисключающие исследовательские подходы. Авторы «Русской грамматики» знают, что наряду с их концепцией, с избранными ими принципами интерпретации материала могут и должны существовать и развиваться другие концепции и другие методы; важно только, чтобы при этом преследовались цели адекватного отражения языкового состояния, строгости и непротиворечивости описания.

ОБ ОСНОВНЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ И АСПЕКТАХ ИХ ИЗУЧЕНИЯ

1. Постановка вопроса об одной основной единице синтаксиса правомерна в том случае, если подходить к синтаксису как к линейной, синтагматической по самой своей природе организации, в которой примарной и основной единицей является некое словесное сцепление. В этом случае, естественно, это сцепление, как бы его ни называть: сочетание слов, предложение, высказывание, фраза, синтагма или соединение синтагм — и явится основной единицей синтаксиса, а его предметом — изучение этого сцепления, его минимального и максимального вида, отдельных его звеньев, их связей и комбинаторики.

Постановка вопроса об одной основной единице синтаксиса правомерна также в том случае, когда синтаксис изучается как «порождающая» система. В этом случае примарной и основной единицей этой системы естественно считать ядерную конструкцию, а набор таких ядерных конструкций — набором основных синтаксических единиц. Все же, что касается, с одной стороны, того, что порождается, с другой стороны, правил развертывания и расширения ядерных структур, должно быть отнесено к изучению внутренних потенциалов основных единиц синтаксиса.

2. Но прежде чем так или иначе решать вопрос об основной синтаксической единице, целесообразно определить, какое содержание вкладывается в это понятие и в чем заключается то особое внутреннее качество, которое позволяет называть ее основной в ряду каких-то других, не основных единиц. Можно выделить несколько критериев, принимаемых разными исследователями, школами и направлениями в качестве таких оснований, которые дают синтаксической единице право считаться основной. Напомним эти основания.

1) Эта единица представляет собой некую минимальную организацию, которая служит эталоном минимальной конструкции. В соответствии с этим критерием основной единицей окажется словосочетание в широком смысле этого термина, т. е. всякое сочетание слов (или, при дифференцированном подходе, словосочетание в узком смысле этого термина и предложение).

2) Эта единица определяет связь и, поскольку синтаксис есть наука о связях, основной единицей здесь является слово с его интенцией, синтаксическими потенциями, валентностными свойствами.

3) Эта единица строит: без нее не может быть построено ни одно сообщение, ни одна конструкция. Такой минимальной строительной единицей является форма слова; она и есть основная единица синтаксиса.

4) Эта единица представляет собою ядро, которое путем применения строгих правил может быть преобразовано в другие структуры, им порождаемые. Поэтому основной единицей синтаксиса и является такая ядерная структура безотносительно к ее коммуникативным качествам.

5) Эта единица сообщает: без нее не может быть осуществлен акт коммуникации; следовательно, основная единица синтаксиса — это предложение (в самых разных пониманиях его грамматической природы).

б) Эта единица содержит необходимую конкретную информацию; поэтому основная единица синтаксиса — это высказывание как типический набор актуализированных элементов.

Приняв одну из этих точек зрения, можно развивать соответствующую концепцию, показывая подчиненность всех единиц синтаксиса одной, основной. В результате можно получить весьма стройную картину. Однако, как убеждает опыт, при этом нередко забывается тот существенный факт, что всякая грамматическая единица, в том числе, конечно, и синтаксическая, есть единица, во-первых, не одномерная, а многомерная, во-вторых, полифункциональная. Этим задача поисков одной основной синтаксической единицы в значительной степени осложняется, а стройность картины без учета этих факторов часто оказывается внешней.

3. Попытаемся подойти к решению поставленной задачи, начав с вопроса не об основной единице синтаксиса, а о самом синтаксисе, о внутреннем характере и устройстве этой системы.

Синтаксис как часть языковой структуры есть сложная организация, представленная подсистемами, находящимися друг с другом в отношениях взаимодействия (но не иерархического подчинения по степени внутренней сложности или односторонней зависимости). При таком понимании в синтаксисе на первых ступенях анализа обнаруживается несколько основных единиц, обладающих каждая своим набором характеристик и имеющих каждая свои аспекты изучения, совпадающие лишь отчасти. Подсистемами синтаксиса (его внутрисистемным членением) являются синтаксис слова, синтаксис предложения и синтаксис сложного текста. В каждой из этих подсистем взаимодействуют единицы: во-первых, организующие и организуемые (единицы строения и построения); во-вторых, формальные и смысловые (в плане грамматической семантики), а в-третьих, еще и — на уровне синтаксиса предложения и сложного текста — грамматические и коммуникативно-информативные. Ко всем названным сферам: к синтаксису слова, предложению и сложному тексту обращены синтаксические потенции формы слова, т. е. правила синтаксического поведения форм слов, их синтаксические характеристики и значения. Отличие синтаксиса формы слова от синтаксиса слова и предложения состоит в том, что форма слова является в синтаксисе всегда и только единицей строящей, организующей, т. е. единицей строения, но не построения. Специфична и ее синтаксическая семантика: она производна от синтаксической семантики других синтаксических единиц — словосочетания и предложения. Таким образом, синтаксис формы слова не имеет тех двух классов единиц (единицы строения и построения), которые имеют синтаксис слова и предложения.

К синтаксису предложения и сложного текста обращен синтаксис словосочетания, т. е. правила синтаксического поведения и значений тех единиц, которые строятся на уровне синтаксиса слова. В отличие от формы слова словосочетание — это единица построенная; соответственно оно имеет свою собственную синтаксическую семантику и свои собственные двусторонние синтаксические характеристики — формальные и семантические. К рассмотрению синтаксических характеристик простого предложения мы обратимся ниже.

Каждая синтаксическая единица имеет, кроме названных выше, еще один аспект характеристики: это ее назначение, функция. По наборам и распределению всех этих признаков единицы разных сфер синтаксиса не только не совпадают, но весьма существенно различаются.

4. Обратимся теперь к каждой из областей синтаксиса и посмотрим, какие единицы принадлежат этой области как единицы строения (строящие) и какие — как единицы построения (построенные). Речь пойдет только о минимальных единицах.

В сфере синтаксиса слова единицами строения являются слово и форма слова, а единицей построения — словосочетание. Синтаксический потенциал слова заключен в его категориальных свойствах, которые представлены в соотношениях общего значения слова как части речи, его частной грамматической и/или словообразовательной семантики и его лексического значения. Категориальными свойствами слова предопределены его валентностные свойства, т. е. выбор формы или форм, вступающих со словом в подчинительную связь. На основе этой связи возникает словосочетание как единица построения, имеющая свое значение и свои функции.

В сфере синтаксиса предложения формальными единицами строения являются связанные внутренними отношениями формы слов, а грамматическими единицами построения — структурные схемы предложения (т. е. его минимальные абстрактные грамматические образцы). По такому образцу строится простое предложение — высказывание как коммуникативная единица, т. е. как единица сообщения (высказывание может и не опираться на такой отвлеченный образец; тогда оно не может рассматриваться как грамматическое предложение). Простое предложение имеет тройственную организацию: грамматическую (сам структурный образец, парадигма и система регулярных реализаций), функционально-коммуникативную (актуальное членение) и собственно информативную (семантическая структура предложения¹). Единицами строения для актуального членения предложения (т. е. его тематико-рематического строения) служат собственно языковые приемы словорасположения и интонация, иногда — специализированные синтаксические структуры; единицами построения внутри предложения здесь являются его тема и рема (т. е. данное и новое). Для семантической структуры предложения единицами строения оказываются специальные компоненты, вычленяемые на основе взаимодействия грамматической и лексической семантики², а единицами построения — такие категории, как субъект, предика-

¹ Под семантической структурой предложения будем понимать представленное в абстрагированном виде соотношение сочетавшихся в предложении смысловых отрезков (семантических компонентов), отраженное в его формальной и словесной организации и обобщенно представляющее его информативное содержание.

² Взаимодействуют: 1) абстрактные значения членов предложения; 2) отношения, существующие между предложением и его детерминантом или между членом предложения и его обязательным (на синтаксическом и семантическом уровне) распространителем; 3) значения слов, занимающих соответствующие синтаксические позиции. Подробнее см. об этом в статье: [Шведова 1973б].

тивный признак (активный и пассивный), объект, квалификатор (темпоральный, локальный, каузальный и др.). Семантическая структура предложения предопределяет собою все его возможные синтаксико-семантические отношения с предложениями другой грамматической структуры.

К сфере синтаксиса сложного текста относятся сложное предложение³, диалогическое единство и сложное синтаксическое целое (период). Это единицы построения. Их объединяет общность единиц строения, характер отношения между формантами и отчасти союзные средства связи. Формальными единицами строения на этом уровне служат простые предложения (вообще любые высказывания), словосочетания и формы слов. Средствами этих единиц строятся грамматические структуры сложного текста.

5. Как уже сказано в п. 3, по отношению к форме слова как синтаксической единице не встает вопрос о разграничении в ней аспекта строения и построения. Набор форм слов дан синтаксису морфологией с той существенной оговоркой, что для синтаксиса оказываются релевантными кроме собственно формального момента еще два: во-первых, лексическая семантика слова, выступающего в данной форме, и, во-вторых, для форм имени — соединенность с предлогом: синтаксис оперирует как элементарными единицами не только собственно падежными, но и предложно-падежными формами.

Форма слова как синтаксическая единица имеет свои аспекты изучения, а именно: синтаксические потенции разных форм слов и основанная на этих потенциях система их противопоставлений; функции формы слова как называющей единицы, как зависимого члена словосочетания, как компонента элементарной структуры предложения, его распространителя, а также как несамостоятельного форманта сложного текста; значения форм слов как синтаксических единиц и иерархия этих значений (см. [Шведова 1971б]).

6. Если обратиться теперь к каждой отдельно взятой «основной единице» синтаксиса и, помня о ее многомерности, попытаться охарактеризовать эту единицу с точки зрения ее формальной организации, грамматической семантики, коммуникативно-информационного качества и системы функций (назначения), то получится следующая картина,

³ Вопрос об отношении сложного предложения с одной стороны — к синтаксису сложного текста, а с другой стороны — к синтаксису простого предложения как текста элементарного требует специального изучения. Несомненно, что в сложном предложении присутствует обращенность и к аспекту собственно грамматическому (в нем действуют грамматические правила строения и связей), и к аспекту более сложному, не собственно грамматическому (в нем действуют тенденции к определенным лексико-смысловым соотношениям частей, включая соотношения модальные и темпоральные). Вполне резонна мысль о том, что собственно грамматические правила строения сложного предложения сводятся к правилам синтагматики простых предложений. Тогда синтаксис сложного предложения оказывается как бы особым предметом изучения синтаксиса простого предложения. С другой стороны, те специфические черты грамматической семантики, которые в последнее время настойчиво приписываются сложному предложению, одновременно принадлежат и более сложной синтаксической организации — «сложному целому», периоду.

С л о в о — синтаксическая единица на уровне синтаксиса слова. Для синтаксиса существенны те категориальные свойства слова, которые релевантны для его валентностных свойств, в сфере подчинительных связей. Функция слова — это функция главенствующего члена словосочетания; таким образом, это единица строения.

С л о в о с о ч е т а н и е — единица, возникающая на уровне синтаксиса слова как единица построения. Оно имеет формальную организацию, представленную связью главенствующего члена (слова) и зависимого члена (формы слова). Грамматическое значение словосочетания — это то отношение, которое возникает между его членами. Словосочетание является единицей строения, участвующей в распространении простого предложения и в организации формантов разных единиц сложного текста. Словосочетание может также осуществлять функцию замещения позиций в составе текста, а также функцию называющую.

П р о с т о е п р е д л о ж е н и е (его элементарный структурный образец) — единица построения, принадлежащая синтаксису предложения уже как единице текста. Его формальная организация представлена соединением форм слов (для некоторых типов — только одной формой), образующим особое грамматическое качество — со своим значением, парадигматическими свойствами и модификационными возможностями. Грамматическим значением предложения является предикативность, объективирующаяся как грамматическая категория на модально-временной оси. Основная функция предложения — функция сообщения. Сообщая, предложение одновременно актуализирует те или иные элементы информации; соответственно в нем выделяются категории актуального членения — единицы со своей собственной организацией и со своим значением. Далее в каждом предложении содержится определенным образом типизированная информация о тех элементах, которыми это сообщение организуется: соответственно выделяются компоненты семантической структуры предложения — единицы информативного плана со своей лексико-грамматической организацией и со своей семантикой. Простое предложение служит единицей строения для сложного предложения, диалогического единства и сложного синтаксического целого. Простое предложение может также выполнять функцию называющую и — в составе словосочетания или на месте компонента структуры предложения — функцию замещающую.

С л о ж н о е п р е д л о ж е н и е — это первичная единица построения на уровне синтаксиса сложного текста (см. об этом выше). Единицы его строения — простое предложение, словосочетание и форма слова. Грамматическим значением сложного предложения является соотношение его частей. Однако соотношение это складывается не просто на линейной оси, как это имеет место в словосочетании: в качестве компонентов значения в сложном предложении взаимодействуют смысловые связи его частей (отношения сочинительные и подчинительные с их различными модификациями) и их предикативные значения, т. е. модально-временные синтаксические характеристики. Сложное предложение может служить единицей строения сложного синтаксического целого; в единичных случаях оно выступает в позициях называния или замещения.

Ф о р м а с л о в а на всех уровнях синтаксиса — единица строения. Как такая единица, она имеет отвлеченное грамматическое значение, которое абстрагируется от разных ее функций и, далее, конкретизируется и детализируется при взаимодействии формы с лексической семантикой слова, принимающего эту форму. Форма слова имеет функции: зависимого члена словосочетания; компонента элементарной структуры предложения; распространителя предложения в целом; несамостоятельного форманта сложного текста, а также функции называющую и замещающую.

Таким образом, синтаксис как целое — это система разнообразных по своей природе и разнообразно связанных единиц, имеющих свою формальную организацию и свое грамматическое значение. Каждая из этих единиц может изучаться с точки зрения своего формального устройства, синтаксической семантики и системы функций. Общность этих единиц (и соответственно объединенность и неразрывность их в системе синтаксиса) состоит в том, что все они представляют собою либо некие формальные словесные соединения, либо потенциальные форманты таких соединений; иными словами, все они сложно взаимодействуют как единицы строения и построения в едином и целостном здании синтаксиса.

1975 г.

ПРОСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ (Основные понятия)*

§ 1. Языковое общение людей (языковая коммуникация), как непосредственное, устное, так и письменное, осуществляется в форме, которую можно назвать потоком речи или просто речью. В устном общении это может быть или речь одного говорящего, направленная к слушателю (монолог) или осуществляющийся между двумя или несколькими участниками обмен репликами либо более развернутыми, сложными единицами языкового общения (диалог или полилог). В письменной речи, степень литературной обработки которой бывает очень различна, это, соответственно, или обращенная к читателю монологическая речь пишущего, или воспроизведение более или менее ограниченных отрывков диалога, разговора, либо чьей-то чужой монологической речи.

Минимальные единицы сообщения, которые вычлениваются из потока речи и могут быть рассмотрены как единицы синтаксические, в реальной языковой действительности существуют, таким образом, не изолированно друг от друга, а как части сложного текста, связанные внутри этого текста определенными отношениями друг с другом. Отношения эти сложные. С одной стороны, это отношения

* Это — глава из академической «Русской грамматики» 1980 г. (т. II, §§ 1890—1907). Здесь сосредоточены сжатые определения основных понятий, которыми автор пользуется в статьях, посвященных разным вопросам синтаксиса, и предлагаются определения простого предложения на основе его основных характеристик.

языковые, опирающиеся на разнообразные синтаксические связи объединившихся единиц, с другой стороны, это чисто содержательные отношения, вытекающие из самой информации, сообщения. Организованный на основе языковых связей и отношений отрезок речи, содержательно объединяющий синтаксические единицы в некое целое, можно условно называть текстом.

Объем текста может быть различен. Строгие грамматические правила для установления его языковых границ отсутствуют: текст может быть и очень кратким и очень обширным (развернутым); кроме того, во многих случаях относительно большой текст членится на достаточно самостоятельные части. Эти части обычно бывают соединены друг с другом как синтаксическими, так и несинтаксическими связями: отношениями неместоименных и местоименных слов, интонацией, лексической семантикой слов, специальными средствами выражения субъективного отношения к сообщаемому. Грамматический анализ предложения опирается на тексты, свойствами которых определяются те или иные характеристики как самого предложения, так и особенностей его функционирования. В сферу грамматики входят такие тексты, части которых связаны друг с другом формально, синтаксически.

Развернутый текст в целом (или какие-то его части) в том или ином смысле всегда существенны для понимания и определения входящих в него единиц сообщения. Текст как языковое окружение, языковая обстановка, небезразличная для языковых характеристик объединившихся в нем единиц сообщения, обозначается термином «контекст».

§ 2. Объединенные в развернутом тексте минимальные сообщаемые (коммуникативные) единицы по своему грамматическому качеству бывают весьма различны. Возьмем хорошо известный всем текст: *«Ужели», думает Евгений: «Ужели она? Но точно... Нет... Как! из глуши степных селений...» И неотвязчивый лорнет Он обращает поминутно На ту, чей вид напомнил смутно Ему забытые черты. / «Скажи мне, князь, не знаешь ты, Кто там в малиновом берете С послем испанским говорит?» Князь на Онегина глядит. — Ага! давно ж ты не был в свете. Постой, тебя представляю я. «Да кто ж она?» — Жена моя. — «Так ты женат! не знал я ране! Давно ли?» — Около двух лет. «На ком?» — На Лариной. — «Татьяне!» — Ты ей знаком? — «Я им сосед» (Пушкин). С точки зрения строения самого текста в этом отрывке отчетливо выделяются две части (они здесь разделены косой чертой): первая — до диалога, объединяющая внутреннюю речь Онегина и вытекающий из нее авторский текст, и вторая — весь последующий диалог. Обе эти части, однако, тесно связаны друг с другом, с одной стороны, обстановкой и предметом речи, с другой стороны, единством говорящего (и думающего) лица (героя). Все минимальные сообщаемые единицы, объединенные в этом тексте, с точки зрения задач сообщения одинаково важны: все они несут существенную информацию о тех или иных событиях, действиях, состояниях, чувствах и реакциях. Таким образом, как единицы коммуникативные все они могут получить одинаковую квалификацию и общее название: это — высказывания.*

В ы с к а з ы в а н и е — это любой линейный отрезок речи, в данной речевой обстановке выполняющий коммуникативную функцию и в этой обстановке доста-

точный для сообщения о чем-то, т. е. для информации или ее поиска. Высказывание не существует, во-первых, без интонации, которая соответствует данной конкретной задаче сообщения, во-вторых, без конкретной цели этого сообщения.

Для грамматического анализа, однако, первостепенно существенны формальная (синтаксическая) организация высказывания и вытекающие из этой организации, ею обусловленные его языковые характеристики. С этой точки зрения высказывания, объединенные в приведенном тексте, неоднородны. Здесь представлены, во-первых, построенные по определенным грамматическим правилам простые и сложные предложения, т. е. сообщающие единицы, имеющие свою собственную синтаксическую организацию; во-вторых, диалогические единства, т. е. такие сцепления реплик, в которых вторая реплика по своему строению опирается на первую, грамматически зависит от нее; в-третьих, так называемые «слова-предложения» — местоимения, частицы, междометия, непосредственно выражающие разные чувства, интеллектуальные или эмоциональные реакции; в-четвертых, наконец, грамматически не законченные, не завершенные или прерванные в своем строении сообщающие единицы.

С различием грамматического качества высказываний связана их способность занимать в составе текста те или иные позиции или формировать самый текст. Наиболее широкие возможности открыты здесь перед предложениями грамматически законченными, специально предназначенными для конструирования сообщения, а также перед диалогическими единствами: и те и другие могут не только быть частью текста, но и сами формировать целый текст как информативно законченный (или относительно законченный) отрезок речи. В этом случае можно говорить о независимой или относительно независимой позиции предложения (об отсылке к независимой или относительно независимой позиции предложения выше, текст очень часто сам входит в более сложное языковое окружение). Что касается слов-предложений, а также прерванных, почему-либо незавершенных высказываний, то как те, так и другие практически всегда требуют информативной поддержки или со стороны контекста, или со стороны таких внеязыковых средств, которые делают понятным их коммуникативное назначение. Такой необходимый объясняющий контекст и/или совпадающая с ним по функции ситуация (внешняя обстановка речи) в дальнейшем изложении будет называться конситуацией.

§ 3. Итак, признаками, общими для всех высказываний, являются: 1) организация словоформами — одной или несколькими, грамматически между собою связанными; 2) функция сообщения (коммуникативная); 3) интонация сообщения: повествование, побуждение, вопрос (см. § 11); 4) способность соединяться с другими высказываниями в составе текста. Однако не каждое высказывание является грамматическим простым предложением. Простое предложение как особая синтаксическая единица помимо всех перечисленных признаков высказывания имеет еще и только ему принадлежащие весьма существенные языковые характеристики. Это: 1) наличие в грамматической основе предложения некоего отвлеченного формального образца (предикативной основы или, что то же самое, структурного образца, структурной схемы предложения), специально

предназначенного языком для построения элементарной, относительно законченной единицы сообщения, причем по этому образцу может быть построено неограниченное количество высказываний одной и той же формальной организации; 2) наличие иерархически связанных друг с другом абстрактных языковых значений, заключенных как в самом этом образце, так и возникающих при его взаимодействии с лексической семантикой тех слов, которые при образовании конкретного предложения заполняют синтаксические позиции в этом образце; 3) способность к таким формальным изменениям, которые не свойственны другим видам высказываний или обнаруживаются у них нерегулярно; 4) свои правила распространения; 5) возможности такого размещения частей, которое позволяет показать соотношение информативно более важного и менее важного, т. е. актуализировать информативный центр высказывания. Подробно все эти признаки предложения рассматриваются ниже.

П р и м е ч а н и е. Здесь и далее речь идет о простом предложении не в составе сложного. В качестве зависимой части сложного предложения простое предложение, во-первых, утрачивает некоторые свои существенные характеристики, во-вторых, приобретает ряд новых характеристик, обусловленных строением сложного предложения.

§ 4. Структурная основа простого предложения (или, что то же самое, его предикативная основа, структурная схема) — это имеющий свою формальную организацию и свое собственное языковое значение синтаксический образец, по которому может быть построено отдельное нераспространенное (элементарное) простое предложение. Такие предикативные основы предложения являются абстракциями, отвлекаемыми от неограниченного множества конкретных предложений. Предикативная основа простого предложения организуется несколькими (обычно — двумя) формами слов, находящимися друг с другом в определенных синтаксических отношениях (неоднородные предложения), а также только одной формой слова (однородные предложения). И в том, и в другом случае формы слов предстают уже не как морфологические, а как синтаксические единицы, обогащенные многими уже собственно синтаксическими характеристиками (см. ниже).

Каждое простое предложение как грамматическая единица имеет предикативную основу, т. е. построено по тому или иному отвлеченному образцу. Так, например, в основе предложений *Ребенок веселится; Поезд идет; Мальчик читает; Завод работает; Жара спала* лежит отвлеченный образец «подлежащее — им. п. существительного — сказуемое — спрягаемая форма глагола, во взаимной связи друг с другом выражающие отношения процессуального признака (действия или состояния) и его носителя (субъекта)». Предикативную основу предложений *Работы прибавляется; Времени не остается; Воды убывает; Времени хватает* образует соединение «род. п. существительного — глагол в форме 3 л. ед. ч., во взаимной связи друг с другом выражающие отношения процессуального состояния и его носителя». Предикативной основой предложений *Зима; Шум; Ссора* является форма им. п. существительного, в качестве синтаксической единицы обозначающая то, что наличествует, и само это наличие, существование (*Зима* значит 'стоит

зима', *Шум* 'слышится, раздается шум', *Ссора* 'происходит, имеет место ссора'). Все отвлеченные образцы простых нераспространенных предложений, принадлежащие современному русскому литературному языку, могут быть исчислены: их количество определено, а основные признаки и само существование весьма стабильны.

Формы слов, организующие предикативную основу предложения как минимальный грамматический образец его построения, являются компонентами предикативной основы предложения. В предложении такие компоненты представляют собой его главные члены (главный член). Компонентом предикативной основы предложения может быть: 1) форма, допускающая любое лексическое наполнение (напр., в предложениях типа *Поезд идет; Лес шумит; Осень наступает*); 2) форма, в данной структуре допускающая ограниченное лексическое наполнение (напр., отрицательный компонент в предложениях типа *Не к кому пойти; Не о чем говорить; Незачем оставаться*); 3) единственно данная словоформа (напр., слово *нет* в предложениях типа *Нет времени; Нет денег*).

По характеру отношений между компонентами все неоднocomпонентные абстрактные образцы простого предложения делятся на образцы с живыми грамматическими связями между компонентами и образцы, в которых отношения между компонентами с точки зрения живых синтаксических связей являются немотивированными, т. е. не опираются на действующие в языке синтаксические правила. К первому виду относятся нефразеологизированные структуры, организуемые как лексически свободными компонентами, так и компонентами, один из которых является лексически ограниченным; все такие формально членяемые структуры далее получают название свободных. Ко второму виду относятся фразеологизированные структуры, всегда организуемые с участием лексически закрытого компонента (например: *Чем не праздник? Всем праздникам праздник*). Каждый из этих видов имеет свое внутреннее членение. Все однocomпонентные структуры являются нефразеологизированными.

Понятие структурной схемы позволяет сделать первый шаг в определении простого предложения: простое предложение — это такое высказывание, в основе построения которого лежит отвлеченный грамматический образец, специально предназначенный языком для построения отдельной относительно самостоятельной единицы сообщения.

§ 5. Абстрактный образец и построенное на его основе предложение заключают в себе несколько иерархически организованных языковых значений. Прежде всего, сам образец предложения (любой, каждый) как синтаксическая организация имеет отвлеченное (самое абстрактное) грамматическое значение, общее для всех таких образцов и объединяющее их в синтаксическую категорию простого предложения. Этим значением является предикативность — категория, которая целым комплексом формальных синтаксических средств соотносит сообщение с тем или иным временным планом действительности. Структурный образец предложения обладает такими грамматическими свойствами, такими особенностями своего языкового существования, которые позволяют обозначить, что то, о чем сообщается в предложении, построенном по этому образцу, или реально

осуществляется во времени (настоящем, прошедшем или будущем; это — план реальности или, что то же самое, временной определенности), или же мыслится как возможное, желаемое, должное или требуемое (это — план ирреальности или, что то же самое, временной неопределенности). Значения времени и реальности или ирреальности слиты воедино; комплекс этих значений будем называть объективно-модальными значениями или объективной модальностью. Категория предикативности формируется этими значениями и представляет их как сложную языковую целостность. Предикативность как значение отвлеченного образца необходимо принадлежит и построенному по этому образцу конкретному предложению. Предикативность является грамматическим значением предложения.

§ 6. Формирующие предикативность синтаксические категории, в которых строго определенными грамматическими средствами представлены те или иные объективно-модальные значения, образуют систему синтаксических времен и наклонений. Синтаксические наклонения, несущие объективно-модальные значения реальности, т. е. временной определенности — настоящего, прошедшего или будущего времени (*Люди счастливы — Люди были счастливы — Люди будут счастливы; Тишина — Была тишина — Будет тишина; Не о чем говорить — Не о чем было говорить — Не о чем будет говорить*), — все вместе образуют синтаксический индикатив. Синтаксические наклонения, несущие объективно-модальные значения ирреальности, т. е. временной неопределенности, образуют синтаксические ирреальные наклонения: *Люди были бы счастливы — Пусть бы люди были счастливы! — Пусть люди будут счастливы!; Была бы тишина! — Пусть будет тишина! — Тишина бы!*

Все синтаксические времена и наклонения в предложении имеют свои формальные средства выражения. К этим средствам относятся прежде всего сам абстрактный образец предложения и, соответственно, исходная форма построенного по этому образцу предложения, далее — формы времени и наклонения глагола (знаменательного или служебного) с их морфологическими значениями, специальные синтаксические частицы, в некоторых случаях — также грамматически значимый порядок расположения главных членов предложения. В конкретном предложении эти средства обязательно вступают во взаимодействие с той или иной интонацией.

Синтаксические значения времени и наклонения, представленные противопоставлением «временная определенность — временная неопределенность», принадлежат к числу центральных категорий синтаксиса: они организуют предложение как грамматическую единицу. Поскольку в русском языке широко представлены не только глагольные, но и безглагольные предложения, постольку знаменательный глагол с его морфологическими категориями не может быть признан единственным носителем синтаксических значений предложения: он является весьма важным средством, но все же одним из средств их формирования и выражения наряду с названными выше другими грамматическими средствами. В морфологических формах глагола значения времени и наклонения сконцентрированы и абстрагированы: это значения собственно глагола во всей системе его форм. Морфологические значения времени и наклонения глагола в предложении вступают во взаимодействие с другими средствами выражения одноименных синтак-

сических значений. Глагол со своими значениями времени и наклонения в предложении входит в более широкую систему средств формирования и выражения синтаксических времен и наклонений и взаимодействует с этими синтаксическими средствами в единой системе выражения синтаксических значений. Предложению принадлежат синтаксические значения настоящего, прошедшего и будущего времени (временная определенность), а также значения временной неопределенности, грамматически отнесенной в неопределенный временной план возможности, желательности, побудительности и долженствования.

§ 7. Значения синтаксических времен и наклонений имеют свое формальное выражение и выявляются в системе противопоставлений — форм предложения, образующих его грамматическую парадигму. Парадигма открывается формой настоящего времени; это — исходная форма предложения. Наличие категории предикативности и специальных средств ее выражения, способность к формальным изменениям для выражения разных объективно-модальных значений отличает простое предложение как особую синтаксическую категорию от всех других видов высказываний.

Примечание 1. Существуют предложения, построенные по фразеологизированным образцам, которые имеют неполную парадигму или вообще не образуют никаких других форм, кроме исходной.

Примечание 2. Высказывания — неграмматические предложения (см. § 2) во многих случаях способны включать в свой состав форманты, выражающие объективно-модальные значения ирреальности. Так, например, слова-предложения *Да* или *Нет*, высказывания-реплики диалога могут сочетаться с частицами, выражающими желательность или побуждение: *Мы едем? — Если бы да! Нет, не едем. — Хорошо, пусть нет; Куда мы едем? — В Москву. — Если бы в Москву! или Пусть в Москву; или: Хоть бы в Москву!; В Москву бы!* Однако все это — лишь возможность принимать в свой состав средства выражения того или иного синтаксического значения, но не грамматическая регулярность (константность) формальных изменений высказывания для выражения всей системы объективно-модальных значений: такой регулярностью неграмматические предложения не обладают.

Изложенное выше позволяет сделать **второй шаг** в определении простого предложения: простое предложение — это такое высказывание, которое образовано по специально предназначенному для этого отвлеченному образцу, обладает грамматическим значением предикативности и обнаруживает это значение в системе своих грамматических форм — в парадигме предложения.

§ 8. Помимо общего для всех предложений грамматического значения предикативности, каждый структурный образец имеет еще и свое собственное значение, свою семантику, отвлеченную от грамматических значений его компонентов (в неоднocomпонентных структурах — также от их отношения друг к другу) и, во всех случаях, от правил лексического наполнения компонентов. Основными семантическими категориями простого предложения являются предикативный признак (т. е. признак, отнесенный в тот или иной объективно-модальный план), субъект (т. е. носитель предикативного признака) в их отношении друг к другу, а также объект (т. е. то или тот, к чему / кому этот признак обращен, на что он направлен). Так, в предложениях типа *Лес шумит; Поезд идет; Ребенок веселится при-*

существует значение «отношение между субъектом и его признаком — действием или процессуальным состоянием»; в тех случаях, когда в предложении такой структуры вводится указание на предмет или лицо, к которому направлено действие или состояние, в предложении присутствует семантический объект (напр.: *Мальчик читает книгу; Ребенок радуется игрушке; Посетители любят картину*). В предложениях типа *Много дел; Мало времени; Достаточно улик; Столько обязанностей!* присутствует значение «отношение между субъектом и его признаком — существованием в некоем количестве». В предложениях типа *Темно; Сыро; Скучно; Радостно* присутствует значение «наличие состояния — бессубъектного или отнесенного к субъекту». Такие значения структурных образцов простого предложения в наиболее обобщенном виде представляют их семантику.

Семантика образца переносится в предложение, построенное по этому образцу. Однако в конкретном предложении при непосредственном участии лексических значений тех слов, которые занимают позиции главных членов, а во многих случаях также при участии распространяющих членов формируется более узкое и более определенное значение — семантическая структура предложения. Семантическая структура предложения — это то его языковое значение, которое создается взаимным действием семантики образца и лексических значений заполнивших его слов. Так, например, при общности семантики образца в парах предложений *Мальчик читает* и *Музыка восхищает; Ночь и Ссора; Сыро и Радостно* семантические структуры входящих в эти пары предложений различны. Семантические категории предикативного признака, субъекта и объекта в предложениях разного лексического наполнения дифференцируются и уточняются. Элементарная семантическая структура предложения может быть расширена разнообразными определителями (квалификаторами). В ряде случаев определители включают в себя элемент субъектного и объектного значения. Здесь определяющее значение имеют разные функции детерминантов.

§ 9. Предложение может претерпевать не только изменения, связанные с образованием форм синтаксического индикатива и ирреальных наклонений, но также и изменения другого характера. Это — конситуативно обусловленные или конситуативно не обусловленные неполные реализации его двукомпонентной предикативной основы (т. е. построение предложения по определенной схеме, но без одного из ее компонентов); введение связок и связочных образований; введение полужнаменательных глаголов. Такие изменения можно называть регулярными реализациями предложения. Так, реализациями предложений *Мастер работает* или *Москва — столица* являются: — *Хорошо работает. — Кто? — Мастер* (неполные конситуативно обусловленные реализации); *Мастер стал работать* (реализация с полужнаменательным глаголом); *Москва — это столица* (реализация со связкой). Возможности подобных изменений ограничены как формой предложения, так и его семантической структурой.

С учетом всех важнейших грамматических и семантических характеристик предложения можно сделать т р е т ь и ш а г в его определении, дополнив это определение указанием на наличие у предложения своей собственной семантической структуры и системы регулярных реализаций. Однако и этот шаг еще не является окончательным.

§ 10. С точки зрения цели (или установки) сообщения (коммуникативного задания) все предложения распределяются по двум большим классам: предложения невопросительные и вопросительные. Различие этих двух классов состоит в том, что невопросительные предложения заключают в себе то или иное сообщение, направленное к тому (тем), к кому обращена речь; говорящий (или пишущий) обладает информацией и передает ее другому (другим): он повествует о чем-то как о реальном или ирреальном, выражает свое желание, требует или просит. Вопросительные предложения в своей первичной функции заключают в себе поиск сообщения: говорящий информирует о том, что он хочет получить информацию от другого (других). Вопросительные предложения или имеют свои собственные грамматические образцы, или строятся по образцам невопросительных предложений, выражая вопросительность интонацией, обычно в сочетании с определенным словопорядком и специальными частицами.

Невопросительные предложения с точки зрения характера заключенной в них информации неоднородны. Традиционно они делятся на три группы: предложения повествовательные, побудительные и предложения со значением желания. Эта классификация (которая может иметь и дальнейшее внутреннее членение) опирается на характер отношения участников речи: повествовательные предложения — это предложения собственно информирующие (характер информации, естественно, может быть самый различный); побудительные предложения выражают волеизъявление, требование, просьбу, которые предполагают исполнение (но далеко не всегда обязательно конкретного исполнителя); предложения со значением желания («желательности») выражают эмоционально-волевое устремление к тому, чтобы что-либо осуществилось, существовало.

Эта традиционная классификация невопросительных предложений по цели сообщения не опирается на какие-либо самостоятельные и целостные комплексы грамматических признаков. Повествовательные предложения, как правило, выражаются формами синтаксического индикатива, сослагательного или — в составе сложного предложения — условного наклонений. Так может быть выражено, например, и сообщение о должном (*Учитель должен быть учителем; Учитель должен учить* — формы синтаксического индикатива, наст. время). Однако сообщение о должном или привычно предопределенном может выражаться и особой формой предложения — долженствовательным наклонением: *Учитель и будь учителем; Он учитель, он и учи*. Предложения, выражающие побуждение, волеизъявление, оформляются по-разному: это или специальные формы синтаксического побудительного наклонения (*Будь руководителем!; руководи!; Пусть он руководит!*) или предложения, выражающие побуждение самой своей структурой — в обязательном сочетании с соответствующей интонацией (*Воды!; Молчать!*) либо сочетанием неспециализированной структуры с соответствующей интонацией (*Ко мне!; Все наверх!; Быстрее!; Внимание!; Поедешь!; Поехали!*). Кроме того, побуждение может выражаться в повествовательном предложении лексическими средствами: *Я требую послушания, приказываю, настаиваю, чтобы ты подчинился*. Предложения со значением желания имеют специальную форму выражения — синтаксическое желательное наклонение (*Был бы он учителем!; Если бы он был учителем!*), в то же

время желаемость может выражаться сложными построениями (*Как было бы хорошо, если бы он был учителем!*), а также в повествовательном предложении — лексическими средствами (*Хочу, желаю, мечтаю, чтобы он был учителем*).

Значениями вопросительности или невопросительности, побудительности и желательности охватываются не только грамматические предложения, но и все вообще высказывания; в выражении этих значений всегда участвует интонация. Интонация сопровождает и оформляет любое сообщение. Языку принадлежат определенные интонационные (просодические) средства, распределенные между разными видами сообщений и сложно взаимодействующие с синтаксической структурой предложения и с его лексическим составом.

Все предложения, любые высказывания могут быть невосклицательными и восклицательными. Восклицательность как особый вид выражения экспрессивного отношения к сообщаемому имеет свое интонационное оформление.

§ 11. Все сказанное о синтаксической — формальной и семантической организации простого предложения, о его коммуникативной направленности и о его интонационном оформлении подводит к четвертому — заключительному шагу в определении простого предложения: простое предложение — это такое высказывание, которое образовано по специально предназначенному для этого структурному образцу, обладает грамматическим значением предикативности и своей собственной семантической структурой, обнаруживает эти значения в системе синтаксических форм (в парадигме предложения) и в регулярных реализациях и имеет коммуникативную задачу, в выражении которой всегда принимает участие интонация.

§ 12. Выше речь шла о минимальном виде предложения, т. е. о так называемом нераспространенном предложении, состоящем только из его главных членов. Однако в языке действует разветвленная система правил распространения простого предложения, т. е. введения в предложение таких дополняющих его состав членов, которые вносят свои элементы информации разной степени существенности. Это — распространяющие члены предложения. Такие члены могут вносить в предложение как дополнительную, в какой-то степени второстепенную информацию, так и информацию первостепенно важную — иногда более существенную, чем та, которая заключена в главных членах предложения. Распространяющие группы (причастные, деепричастные обороты, союзные введения) очень часто несут такую информативную нагрузку, которая делает их содержательным центром сообщения. Однако формально состав распространенного предложения всегда членится на главные члены предложения, совпадающие с компонентами его предикативной основы, и на распространяющие члены предложения, не входящие в элементарный грамматический образец предложения, в его предикативную основу. При этом следует помнить, что позиция главного члена в конкретном предложении далеко не всегда оказывается занята одной словоформой: есть много случаев, когда эта позиция заполняется словосочетанием или соединением словоформ, образовавшимся не на основе присловных связей.

Распространяющие члены по своему грамматическому качеству неоднородны. Это могут быть словоформы, связанные присловной связью с тем или иным

членом предложения; словоформы, распространяющие предложение в целом — детерминанты; словоформы, распространяющие одновременно два главных члена предложения (напр.: *Суворовцы в форме очень красивы; Как ты с твоей добротой не чувствуешь этого?*). Во всех этих случаях распространяющий член может представлять собою не одну словоформу, а их ряд.

§ 13. Грамматическое деление членов предложения на главные и распространяющие далеко не полностью совпадает с той их ролью, которую они играют в формировании категорий семантической структуры предложения. Главными членами чаще всего выражаются субъект и его предикативный признак, либо (в однокомпонентных предложениях) субъектный или бессубъектный предикативный признак (*Знобит; Грустно; Светает; Морозно*), либо субъект и его наличие, существование (*Мороз; Ночь*). Распространяющими же членами могут выражаться как главенствующие, так и неглавенствующие семантические компоненты. Например, распространяющий член, относящийся к предложению в целом (детерминант), очень часто заключает в себе значение субъекта состояния (*Ребенку весело; У больного начался бред; От внуков никакой помощи*), реже — объекта (*С проектом / насчет проекта много неясного*). Сильными присловными распространителями выражается или объект (*Мать получила письмо*), или субъект (*Зрителям нравится фильм*), или — вместе с распространяемым членом — предикативный признак (*Старик прослыл чудачком; Сын пошел в солдаты*). Слабые присловные распространители и обстоятельственные детерминанты, как правило, выполняют роль разнообразных определителей (квалификаторов).

§ 14. Ни одно предложение и, шире, высказывание, произнесенное или написанное, не существует без говорящего или пишущего (далее — «говорящий»). Присутствие говорящего выражается в том, что он так или иначе относится к тому, о чем сообщает. Это отношение может быть или нейтральным, никак не выраженным, или ненейтральным. В последнем случае говорящий при посредстве разных языковых средств так или иначе оценивает свое сообщение или способ сообщения, что-то в нем подчеркивает, соотносит с обстановкой речи, с источником своей информации, выражает уверенность или неуверенность в том, о чем он говорит. Весь этот широкий круг значений можно называть субъективно-модальными значениями. Субъективно-модальные значения тесно связаны с экспрессивной окраской сообщаемого, с его эмоциональной оценкой. Средства формирования и выражения субъективно-модальных значений весьма разнообразны: это и интонация, и специальные синтаксические конструкции, и лексические средства, определенным образом взаимодействующие с интонацией и словорасположением, частицы, вводные слова и группы слов, междометия. Специфическим качеством всей системы средств выражения субъективно-модальных значений является то, что все эти средства, как правило, выступают в тесном взаимодействии друг с другом.

§ 15. Как нераспространенное, так и распространенное предложение может образовать варианты, связанные с различным расположением членов предложения (с порядком слов). Порядок слов определяется коммуникативным заданием. В зависимости от такого задания предложение может члениться на две части —

исходный пункт или предмет сообщения и то, что сообщается. Исходный пункт сообщения называется темой, а то, что сообщается о теме, — ремой. Рема представляет собой главную коммуникативную часть предложения. Членение предложения на тему и рему называется его актуальным членением. Одно и то же предложение может приобретать разное актуальное членение в зависимости от конситуации; ср.: *Отец пришел с работы* и *С работы пришел / отец*, *Пришел отец / с работы* и *Отец с работы / пришел*. Актуальное членение предложения выражается порядком слов и интонацией. Ряд вариантов предложения, различающихся актуальным членением образует коммуникативную парадигму предложения.

В стилистически нейтральной литературной речи тема располагается перед ремой, а интонационный центр, выделяющий рему, находится в конце предложения. В экспрессивно окрашенной речи происходит такое изменение порядка слов, при котором рема, сосредоточивающая на себе интонационный центр, перемещается в предложении с конечной позиции в начальную или серединную: *Вечернее небо прекрасно* — *Прекрасно вечернее небо*. Такое перемещение не изменяет актуального членения предложения, но придает ему экспрессивную окраску. Каждый коммуникативный вариант предложения может образовать соответствующий ему по актуальному членению экспрессивный вариант. Например, предложение *Сын уехал* с темой *сын* и ремой *уехал* образует экспрессивный вариант *Уехал сын*. Предложение *Уехал сын* с темой *уехал* и ремой *сын* образует экспрессивный вариант *Сын уехал*. Перестановка членов предложения, нарушающая стилистически нейтральный порядок слов, называется инверсией.

§ 16. Простое предложение имеет систему функций, назначений, которые отчасти распределены между отдельными его формами, в большинстве же случаев охватывают все формы предложения. Универсальная и важнейшая функция предложения — это функция самостоятельного (или относительно самостоятельного) сообщения (у невопросительных предложений) или поиска сообщения (у вопросительных предложений). Информация или поиск информации имеет место в разных видах текста, включая и тот минимальный текст, каким является само предложение в конситуативно не обусловленной позиции. Другой функцией простого предложения является функция главной или придаточной части сложного предложения. Назначение быть сообщением при этом сохраняется, однако в качестве придаточной части простое предложение обычно претерпевает осложнения или преобразования своего объективно-модального значения. Вхождение в состав сложного предложения является единственной функцией для формы условного наклонения простого предложения и наиболее обычной функцией для его сослагательного и долженствовательного синтаксических наклонений. Далее, в некоторых своих формах простое предложение может — при ограниченных условиях — выполнять функцию замещения одного из главных членов простого предложения. Простому предложению свойственна также номинативная функция (функция собственно именованья); она обнаруживается в названиях, заголовках: «*Я шагаю по Москве*», «*Берегись автомобиля*» (названия кинофильмов); «*Это было под Ровно*» (название повести); «*Грачи прилетели*», «*Всюду жизнь*» (названия картин). В составе текста предложение в именующей функции может входить в один

ряд со словосочетаниями или союзными соединениями словоформ; вот характерный пример: *Дома всем его рисунки надоели: кошка ест, кошка спит; мама ест, мама смотрит телевизор, мама читает; папа на кухне, папа у стиральной машины, папа у швейной машины, папа с сачком в руке; сестра перед зеркалом, сестра и мама, сестра и кошка... Рисовал каждый день* (журн.).

Все понятия, введенные в главе «Простое предложение (основные понятия)» подробно рассмотрены и проиллюстрированы в соответствующих главах «Русской грамматики».

1982 г.

ПАРАДИГМАТИКА ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

(Опыт типологии)

I

Поиски определения предложения как собственно языковой единицы, внутренне отличающейся от любого другого объединения слов, в славистической традиции в последнее время идут по двум основным направлениям. Одни исследователи пытаются найти в предложении только ему присущие, собственные формальные признаки и на основе этих признаков определить предложение как языковую структуру, формально отличающуюся от всех других видов объединений слов. Другие считают такой путь поисков бесперспективным, так как в определенных условиях общения и в соединении с соответствующей интонацией любая словоформа или сочетание слов может выполнять коммуникативную функцию, т. е. становится сообщением; следовательно, с этой точки зрения предложение лишено своих собственных формальных признаков и не может считаться категорией собственно грамматической: оно является функциональной единицей речи.

В славистической литературе последних десятилетий первое направление развивалось двумя путями. С одной стороны, делались попытки усовершенствовать шахматовскую классификацию односоставных и двусоставных предложений. Это были в разной степени удачные частичные перестройки внутри самой классификации, направленные на ее уточнение, на выделение в рамках старой системы новых видов предложений, на перемещение предложений из одного разряда в другой (главным образом, внутри односоставных предложений) и т. д. С другой стороны, в последние годы появились работы, авторы которых отказываются от старой системы и ставят перед собой задачу, оставаясь на строго грамматической почве, найти конечный список тех минимальных структур, простейших «формул предложения», которые обладают собственными грамматическими признаками, отличающими их от словоформы или от какого-то качественно иного соединения словоформ; соответственно ставится задача выявить и описать сами эти признаки. Наиболее последовательно это второе направление разрабатывается сей-

час в трудах чешских лингвистов, развивающих традиции пражского структурализма¹.

Для того чтобы дальнейшее изложение было ясным и недвусмысленным, сразу же определим свое отношение к названным выше теоретическим позициям. Отказ от поисков формальных признаков предложения, от определения его как самостоятельной синтаксической структуры и выведение его за пределы грамматики, в область законов собственно коммуникации, не представляется оправданным; ниже будет сделана попытка показать, что предложение обладает своими собственными формальными признаками, отличающими его как от слова, так и от словосочетания. Таким образом, принимается формальная точка зрения на предложение как на самостоятельный объект грамматического изучения. Что касается деления предложений в зависимости от их структуры на двусоставные и односоставные, то деление это может быть принято как отправной пункт для дальнейших разысканий, которые должны идти в сторону наблюдений над собственно формальными свойствами таких предложений. Такие разыскания подведут нас к конечному списку структурных схем предложения и их регулярных реализаций; они покажут в то же время, что ограничение этого списка только глагольными структурами, как это делается сейчас в работах некоторых чешских синтаксистов, по отношению к русскому языку не может считаться правомерным².

Нормативные и описательные грамматики русского и других славянских языков обычно объединяют под понятием «предложение» три совершенно различных круга явлений. Во-первых, сюда относятся все системно существующие в языке продуктивные образцы, которые, будучи наполнены конкретным лексическим материалом (возможности такого наполнения могут быть или не ограничены, или ограничены в большей или меньшей степени; ограничения, идущие от внеязыковых реалий, в данном случае не принимаются во внимание), могут функционировать для выражения самостоятельных единиц сообщения. Для этих образцов (структурных схем предложения) первостепенны два признака: а) отвлеченный характер, делающий их собственно образцом, предстающим перед нами в речи в самых разнообразных конкретных выявлениях; б) достаточность для относительно независимого функционирования образованных на их основе высказываний, необусловленность их каким-либо соседством, вхождением в состав другого, более сложного построения.

Во-вторых, к предложениям часто относят все те очень неоднородные построения, само существование которых обусловлено ситуацией или вхождением в состав сложной конструкции как в определенном образом организованный грамматический контекст. В качестве примеров могут быть приведены вторые реплики диалогических единств (напр.: — *Куда ты идешь?* — *В кино*); формирующиеся по определенным правилам части сложных предложений (напр., *Отец вышел из дома, и мать за ним*; *Купил дочке книжку, а сыну мяч*); контекстуально

¹ См. работы Фр. Данеша, М. Докулила, И. Ружички, М. Грепля и др. Литературу вопроса см. в кн.: [Основы построения описательной грамматики 1966].

² Подробнее об этом см. там же.

обусловленные части так называемых сложных целых (напр.: *Он знал, что идти ему некуда. К о т ц у ... Отец его не примет*); ситуационно обусловленные построения (напр., возглас: *С в а м и!* человека, говорящего, что он направляется куда-то вместе с собеседниками) и др. Отвлекаясь пока от того существенного момента, что такие построения могут принадлежать к разным формам языка — письменной или разговорной — и поэтому в ряде случаев требуют дифференцированного подхода, заметим, что внутренне они глубоко отличаются от отвлеченных синтаксических образцов простого предложения. Не являясь такими образцами, способными к самостоятельному употреблению, они формально представляют собой либо части таких образцов — ничем не осложненные (напр.: *Поедешь не ты, а он*, где союз присоединяет один из главных членов двусоставного предложения) или в соединении с компонентом словосочетания (*Он показал мне свои книги, я ему свои*), либо собственно компоненты словосочетания, употребленные в коммуникативной функции (напр.: — *Куда ты идешь?* — *В к и н о*). Сказанное не означает, что самые виды таких образований и способы их включения в сложные структуры не подчиняются никаким законам. Напротив, здесь действует целая система правил. Но эти правила не имеют прямого отношения к строению простого предложения как абстрактной грамматической единицы.

Такие части сложных образований — сложного предложения, так называемого сложного синтаксического целого или диалогического единства — обычно трактуются как эллиптические. Действительно, крайне просто объяснить *мне* в сложной конструкции *Ехать не тебе, а мне* как эллипсис полного вида: *Ехать не тебе, а ехать мне*; или *мать за ним* в конструкции *Отец вышел из дома, и мать за ним* как эллипсис полного вида: *Отец вышел из дома, и мать вышла за ним*. При таком объяснении проблема собственно грамматической организации частей сложного предложения снимается, а на ее место выдвигается проблема сокращения, усечения простого предложения в тех случаях, когда оно оказывается включенным в состав сложного. Но такая подмена незаконна. В языке существуют и последовательно действуют нормы построения сложных синтаксических объединений и организации их частей. Согласно этим нормам построение *Ехать не тебе, а мне* является правильным, а *Ехать не тебе, а ехать мне* — неправильным; *Отец вышел из дома, и мать за ним* — правильно, а *Отец вышел из дома, и мать вышла за ним* — неправильно³.

Бесспорно, что такие части сложного предложения (*мне, мать — за ним* и под.) опираются на ту схему, которой открывается сложное предложение. Но это не значит, что здесь каждый раз пропускаются инфинитив или личная форма глагола: отсутствие этих компонентов в данном случае является нормой, и, что особенно важно подчеркнуть, такие части сложных предложений возникают не как результат эллипсиса, а как определенные формализованные части, опирающиеся на синтаксический образец сложного предложения, на определенные пра-

³ Отступления от этих норм, как и во многих других случаях, могут быть обусловлены конкретными задачами коммуникации; однако при этом они остаются именно отступлениями, обусловленными задачей логического акцентирования предиката во второй части сообщения.

вила построения и соотношения его частей. Там, где действует грамматическое правило, уже не может быть речи об эллипсисе: одно исключает другое. В то же время, образуясь по законам построения сложных соединений, такие несамостоятельные части могут приобретать некоторые свойства простого предложения: частичная изменяемость по категориям, характерным для таких предложений, способность принимать словоформы, распространяющие простое предложение, и др.

В-третьих, наконец, в описание простого предложения обычно включаются закрепившиеся в языке в роли единиц сообщения изолированные лексически неварьируемые словоформы и словосочетания: приветствия, выражения благодарности, призыва, волеизъявления, оценки, выражения согласия или несогласия, утверждения или отрицания, звукоподражательные сочетания и др. Такие изолированные образования ни при каких условиях не являются отвлеченным синтаксическим образцом; к теории простого предложения они, по существу, не имеют отношения.

Помимо тех внутренних различий, которые охарактеризованы выше, перечисленные виды построений, обычно объединяемые недифференцированно под общим названием предложения, с очевидностью различаются по сферам своего употребления.

Структурные схемы предложения — принадлежность языковой системы в целом. Среди них есть, правда, такие, которые или тяготеют к разговорной речи, или являются собственно ее принадлежностью. Однако публицистика и художественная литература, не только широко вводящие разговорный синтаксис в систему своих выразительных средств, но и ассимилирующие их, стирают существующие в языке грани и во многих случаях делают строгое разграничение признаков разговорной и письменной речи задачей, выполнимой лишь по отношению к стилистическим полюсам языка. Еще затруднительнее «прикрепить» к разговорной или письменной речи те или иные построения, функционирующие только в составе сложных соединений: здесь различия по сферам употребления еще менее определены, чем в области простого предложения (исключение составляют реплики диалога, являющиеся характерной особенностью строя разговорной речи). И лишь о третьей группе явлений, по существу не имеющих отношения к правилам построения предложений, можно с уверенностью сказать, что они составляют принадлежность разговорной речи и именно как таковые воспроизводятся в речи письменной.

В настоящей работе исследуются структурные схемы простого предложения независимо от их принадлежности к письменной или разговорной речи: они являются общезыковой категорией. Поэтому в приводимых ниже перечнях и обозрениях таких структур и их системных видоизменений (форм) не делается различия между конструкциями, специфическими для разговорной речи, и стилистически нейтральными. Однако это не значит, что таких различий не существует. Они, конечно, есть, но несомненно в то же время, что наиболее ясные стилистические дифференциации проходят не между разными структурными схемами предложения, а внутри одной структуры, между ее отдельными видоиз-

менениями, т. е. тем, что в дальнейшем будем называть формами предложения, составляющими его парадигму.

Прямым и непосредственным объектом теории синтаксиса простого предложения являются структурные схемы предложения, т. е. его элементарные образцы (в дальнейшем в том же значении — структура, тип или образец простого предложения).

Как же определить простое предложение, каковы его собственно грамматические признаки? Выше были названы два обязательных признака простого предложения: во-первых, отвлеченный характер его как продуктивного синтаксического образца и, во-вторых, способность образованных на его основе конкретных высказываний к относительно независимому функционированию в качестве единиц сообщения. Однако это лишь самые общие признаки простого предложения: они не заключают в себе его полной грамматической характеристики. Как и всякая грамматическая единица, простое предложение обладает значением и формой. Нужно определить, что такое значение простого предложения, в каких категориях оно выражается и каковы формы существования (выявления) этих категорий. Лишь после этого можно будет сформулировать такое определение простого предложения, в котором будут отражены его собственные признаки: его грамматическое значение и формы, заключающие в себе это значение.

Грамматическое значение простого предложения формируется взаимодействием неотчлняемых друг от друга категорий объективной модальности и синтаксического времени. Категория объективной модальности организуется противопоставлением форм со значением реальности / ирреальности; иными словами, она базируется на противопоставлении синтаксического индикатива синтаксическим ирреальным наклонениям: сослагательному, условному, долженствовательному, желательному и побудительному (подробную их характеристику см. ниже)⁴. Таким образом, предложение является средоточием значений временных и объективно-модальных. Категория реального синтаксического времени неотделима от категории синтаксического индикатива, который существует в формах трех синтаксических времен: настоящего, прошедшего и будущего. Так, если мы

⁴ В статье «Типология односоставных предложений на основе характера их парадигм» [Шведова 1965] автором настоящей работы система форм со значением реальности / ирреальности была изложена в несколько ином — схематизированном и обобщенном виде. В настоящее время на основе привлечения более широкого материала нами принята предлагаемая здесь система, организуемая тремя формами синтаксического индикатива и пятью формами синтаксических ирреальных наклонений.

Впервые тезис о том, что предложение имеет систему форм, был высказан в статье Е. А. Седельникова «Структура простого предложения с точки зрения синтагматических и парадигматических отношений» [Седельников 1961]. В этой работе в общем намечен интересный путь к изучению системы форм простого предложения, к разграничению парадигм на уровне синтаксиса и на уровне морфологии. В то же время решение ряда вопросов парадигматики предложения здесь представляется спорным. Так, нельзя согласиться с основным тезисом этой статьи — с включением в систему парадигматических изменений предложения противопоставлений по категориям лица и числа (*Я пишу — Ты пишешь... и Он читает — Они читают*): эти изменения не относятся к числу тех, которыми организуется предикативность как синтаксическая категория.

возьмем простейшие субъектно-предикатные образцы (*Ученик пишет; Ученик старателен*), то мы увидим, что в них заключено синтаксическое значение времени (настоящего) и объективной модальности — реального времени, выражаемого в формах индикатива. Последовательно проводя эти предложения по всем названным выше синтаксическим наклонениям, мы получим следующую систему изменений:

Синтаксический индикатив	}	Настоящее время	<i>Ученик пишет;</i> <i>Ученик старателен</i>
		Прошедшее время	<i>Ученик писал;</i> <i>Ученик был старателен</i>
		Будущее время	<i>Ученик будет писать;</i> <i>Ученик будет старателен</i>
Синтаксические ирреальные наклонения	}	Сослагательное накл.	<i>Ученик писал бы;</i> <i>Ученик был бы старателен</i>
		Условное накл.	<i>Пиши (бы) ученик...;</i> <i>Был бы (будь, будь бы) ученик старателен</i>
		Долженствовательное накл.	<i>Ученик пиши (а...);</i> <i>Ученик будь старателен (а...)</i>
		Желательное накл.	<i>Писал бы ученик!;</i> <i>Был бы ученик старателен!</i>
		Побудительное накл.	<i>Пусть ученик пишет!;</i> <i>Пусть ученик будет старателен!⁵</i>

Этот ряд изменений показывает, что категория реального синтаксического времени обнаруживается лишь в формах синтаксического индикатива (три первые члена соотношения); в последующих же пяти формах, т. е. в ирреальных синтаксических наклонениях, категория реального времени отсутствует. Это создает видимость противоречия с изложенным выше тезисом, согласно которому грамматическое значение простого предложения организуется взаимодействием категорий объективной модальности и синтаксического времени: последние пять членов соотношения значением времени как будто бы не обладают. Однако противоречие это кажущееся. Первые три формы противопоставлены последующим пяти по значению временной определенности / неопределенности: в первых трех формах сообщение реализуется в одном из определенных временных планов: настоящего, прошедшего или будущего; в последующих пяти формах сообщение реализуется в планах временной неопределенности; однако это значение не есть «временной нуль». Поэтому можно сказать, что временное значение предложения во всей системе его видоизменений (т. е. в системе всех синтаксических наклоне-

⁵ Здесь приводятся не все возможные варианты. См. ниже о вариативных и невариативных формах предложений.

ний) выводится из противопоставления «временная определенность / временная неопределенность». Поскольку этим противопоставлением охватываются все синтаксические наклонения, постольку можно утверждать, что нет таких существующих предложений, которые были бы лишены временного значения.

Из сказанного ясно, что категории синтаксического времени и объективной модальности неотделимы друг от друга и образуют сложное целое, единство. Это целое есть категория предикативности как грамматическая категория, организующаяся совместным действием категорий синтаксического наклонения и времени. Таким образом, грамматическим значением простого предложения является предикативность⁶. Категория предикативности выявляется в системе форм, несущих в себе названные выше значения объективной модальности и синтаксического времени. Выше была приведена в общем виде система форм так называемого двусоставного предложения. Любое двусоставное предложение в том или ином его лексическом наполнении и существует как система таких форм, т. е. в системно выявляющихся противопоставлениях.

Итак, простое предложение существует в языке не в одном каком-то единственном и неизменном виде, а в совершенно определенной совокупности регулярно обнаруживающихся выявлений. Эти выявления представляют собой не что иное, как системно обусловленные и взаимозависимые парадигматические видоизменения структурной схемы предложения — ее формы, противопоставленные по разным объективно-модальным и временным значениям. Такие видоизменения происходят в самой схеме и имеют внутренний характер: они не связаны с введением в предложение союзов или союзных элементов, так называемых модальных слов или модальных частиц. В формоизменении предложения участвуют следующие средства: 1) регулярные собственно грамматические видоизменения сказуемого или — при так называемой односоставности — главного члена предложения; 2) формы глагола *быть* в служебном значении — как показатели синтаксического времени и наклонения; 3) грамматическая частица *бы* — одна или как компонент сложной частицы, образовавшейся слиянием *бы* с союзными или наречными элементами (*чтобы, если бы, хоть бы, лишь бы, вот бы* и др.); 4) грамматическая частица *пусть* (*пускай*) — собственно частица или в сочетании с *бы* (*пусть бы*); 5) словопорядок как обязательный компонент формы предложения (ср.: *Дом был бы построен* и *Был бы построен дом!*; *Ученик писал бы* и *Писал бы ученик...* [условн.]).

Совокупность всех принадлежащих системе языка видоизменений предложения, связанных с выражением категорий объективной модальности и синтаксического времени и осуществляемых перечисленными собственно грамматическими средствами, будем называть парадигмой предложения. Иными словами, парадигма предложения есть система его форм.

⁶ Как видно, грамматическое значение предложения в изложенном здесь понимании не совпадает с тем, что иногда трактуется как «семантическая структура предложения», т. е. с абстракциями типа «процесс», «деятель — действие — объект действия», «носитель состояния — состояние», «индивидуальное — помещение его в класс» и т. п.

Разные члены парадигмы обладают разной степенью употребительности, разной частотностью. Но относительно меньшая встречаемость некоторых ирреальных наклонений (например, долженствовательного или желательного) не влияет на внутреннее соотношение самих форм и на общие парадигматические свойства предложения в целом.

Наличие собственной парадигмы, организующейся по своим особым законам и реализующей категории объективной модальности и синтаксического времени, — важнейший признак простого предложения как самостоятельной грамматической единицы, не совпадающей ни со словом, ни со словосочетанием.

Структурные схемы предложения — явление внутренне сложное. Они предстают перед нами, с одной стороны, как конечный список элементарных образцов (типов) (см. ниже); с другой стороны, каждая из них имеет систему форм; совпадающие системы форм образуют классы парадигм. Из приведенных выше примеров видно, что одни члены парадигмы представляют собой такие образования, которые могут быть употреблены как в самостоятельной позиции, так и в несамостоятельной (в составе сложного предложения), другие — только в несамостоятельной позиции (таковы формы условного наклонения). Тот элементарный образец предложения, который открывает собою парадигму, характеризуется обязательно теми двумя признаками простого предложения, о которых говорилось выше. Для тех же форм, которые следуют за исходной, открывающей парадигму, обязательным оказывается лишь первый признак (характер отвлеченного образца); второй же признак (независимое функционирование) — необязателен. Если обратиться к полным парадигмам, примеры которых были приведены выше, то выявится следующая картина. Все формы синтаксического индикатива могут употребляться как в самостоятельной позиции, так и в составе сложного предложения; форма сослагательного наклонения также употребляется в обеих этих позициях, однако независимость ее в свободной позиции относительная: здесь выступают определенные требования контекста (ср., например: *Скорее бы ты приехал! Мы бы поговорили обо всем;* или *Почему не открывают клуб? Начали бы работать кружки* и т. п.); форма условного наклонения употребляется только в составе сложного предложения; форма долженствовательного наклонения употребляется как в самостоятельной позиции (*Солдат он и будь солдат*), так и в составе сложного (*Муж работай, а ты будешь бездельничать?*); формы желательного и побудительного наклонений могут свободно употребляться в самостоятельной позиции.

Понятие «форма предложения» в изложенном выше понимании не фигурирует в грамматиках. Тот или иной тип предложения в них рассматривается как представленный в языке только одним единственным видом. Это всегда или форма синтаксического настоящего времени (*Ученик пишет; Дом построен; Светает; Звонят; Ночь* и т. д.), или — там, где парадигма ущербна и одночленна, — другая форма, представляющая тип предложения (*Молчать!; Ни шагу назад!* и т. п.). Все другие формы или рассматриваются как самостоятельные виды предложений, или отводятся в область морфологии: изменения сказуемого полностью отождествляются с изменениями форм глагола.

Возникает вопрос: существует ли последовательность типа *Учитель объясняет — Учитель объяснял — Учитель будет объяснять — Учитель объяснял бы...* — *Объясняй бы учитель понятно (все бы его слышали) — Учитель объясняй (а ученики будут болтать?) — Объяснял бы учитель понятно! — Пусть учитель объясняет* как простая реализация морфологической парадигмы глагола (см., напр.: [Данеш 1964]) или же каждый член этой последовательности является синтаксическим образованием — носителем определенной синтаксической категории уровня предложения? Тот или другой ответ на этот вопрос имеет первостепенное значение для теории синтаксиса простого предложения.

Как уже ясно из всего предшествующего изложения, в настоящей работе принимается тот тезис, согласно которому все приведенные видоизменения предложения представляют собой синтаксические образования, лишь использующие в своем составе те или другие морфологические формы глагола для выражения соответствующих синтаксических значений. Этот тезис опирается на следующие аргументы.

1. Морфологическое и синтаксическое время глагола — категории внутренне различные. Временная форма глагола — прошедшее, настоящее, будущее — сама по себе строго однозначна. В морфологической парадигме *читать — читаю, читаешь... — читал...* — *буду читать* каждая из форм имеет самое отвлеченное значение той или иной точки на абстрактной шкале времени; те разнообразные значения, которые грамматисты приписывают морфологическим формам глагола («действие, совпадающее с моментом речи», «действие, осуществившееся до момента речи» и многие другие), практически отвлекаются от наиболее привычных, частых случаев синтаксического употребления этих форм. Природа синтаксического времени иная: главный член предложения или его сказуемое как организующий центр предложения пользуется морфологической формой глагола в своих синтаксических целях. Это значит, что в приведенном выше парадигматическом ряду форм предложения перед нами не собственно морфологические изменения глагола, а использование его форм для построения синтаксических единиц с определенным — синтаксическим — временным значением.

2. Парадигма глагола не совпадает с той системой форм, которой представлено в парадигме предложения его сказуемое или главный член: в системе морфологических изменений глагола нет, например, таких форм, как *читай бы (Читай бы он громче, его бы слушали), будь бы (Будь бы он умнее, он бы догадался), ходи бы (Ходи бы он в школу, он бы умел писать)* и под. В морфологической парадигме глагола нет формы, омонимичной побудительному наклонению (*Поди он немного, он бы все узнал; Приди он пораньше, он бы не опоздал*); эта омонимичная форма возникает только в строе предложения, причем показательно то, что есть глаголы, для которых и в строе предложения такая форма не образуется. Таковы, например, так называемые модальные глаголы *стоит, годиться, прийти* — *приходиться*, выступающие в предложении в сочетании с инфинитивом; у предложений с этими глаголами нет форм типа: **Стой (бы) с ним спорить, я бы поспорил; *Годись (бы) здесь оставаться, я бы остался*. Между тем в других значениях образование таких глагольных форм воз-

можно, например: *Г о д и с ь (б ы) м н е с т а р о е п а л ь т о , я б ы н е с т а л ш и т ь н о в о г о ; С т о й э т и в е щ и д о р о ж е , и х б ы н е п о к у п а л и*. Это говорит о том, что парадигма глагола и система форм сказуемого (или главного члена) в парадигме предложения не накладываются друг на друга и что формы сказуемого организуются по своим собственным законам.

3. Во всех типах безглагольных предложений (*Он учитель; Зима; Нас трое; У него беда* и т. д.) в их исходной форме (настоящего времени) нет глагола, а есть лишь значимый нуль глагольного слова. Поэтому когда в парадигме предложения здесь появляются формы глагола *быть* — одного или в сочетании с частицей (*Он был учитель, Он будет учитель / учителем, Будь бы он учитель..., Нас было трое, Нас будет трое, Было бы нас трое..., Будь бы зима... и т. п.*), то ясно, что перед нами — не парадигматические изменения обязательно присутствующего в предложении глагола, а построение разных форм одного и того же предложения средствами служебного глагольного слова. Нет глагольного слова и в некоторых других формах таких предложений, например в одной из форм условного наклонения (*Б е д а б ы у н е г о , т а к о н б ы к о м н е п р и б е ж а л ; П о ж а р б ы , т а к б и л и б ы в н а б а т*); ср. эту форму условного наклонения в сложных предложениях с *если*: *Если бы у него беда...; Если бы пожар...* Без глагольного слова строятся у этих предложений и формы желательного наклонения (*Если бы нас трое!; Хоть бы конец войне!; Конец бы войне!*), а также стилистически маркированные формы повелительного наклонения с *чтоб* (*Чтоб всего вдоволь!; Чтоб ни звука!; Чтоб больше света!* и под.).

4. Если выстроить ряд соотношений типа: *Он учит — Он учитель, Он учил — Он был учитель, Он будет учить — Он будет учитель / учителем* и т. д., то мы увидим, что внутри каждой пары значения синтаксического времени полностью совпадают. Между тем эти значения выражаются по-разному: у первого члена этого соотношения значение синтаксического времени выражается сочетанием подлежащего со сказуемым-глаголом, у второго — с именем (одним или в соединении с формой вспомогательного глагола). Но мы знаем, что в отличие от глагола имя как грамматическая категория не обладает формами времени. Следовательно, синтаксическое значение настоящего времени создается в предложении данного типа не морфологическими, а синтаксическими средствами — нулем глагола или введением форм глагола *быть*. В случаях *Он учит, Он учил, Он будет учить* перед нами — формальное совпадение морфологического и синтаксического времени и наклонения; но в случае *Учи он хорошо (его бы любили ученики)* такого совпадения уже нет (см. выше об омонимии форм). Точно так же форма *позабудь* в системе морфологической парадигмы глагола обозначает только повелительность и другого значения не имеет. Однако в предложении *Пошли, а я и позабудь, где он живет* эта форма в составе сказуемого обозначает синтаксическое прошедшее время; в предложении *Жена позабудь всё, а она опять возьмется за старое* эта форма обозначает долженствование; в предложении *Позабудь бы жена всё, он бы опять взялся за старое* она вместе с частицей *бы* выражает ирреальное обуславливающее действие. Все это говорит о глубоком внутреннем различии морфологического и синтаксического значения глагольных форм и о том, что при синтаксическом анализе мы должны оперировать именно и только

синтаксическими функциями глагольного слова уже не как морфологической категории, а как категории синтаксической — сказуемого (в так называемом двусоставном предложении) или главного члена (в односоставном предложении, ср.: *Светает — Светало — Будет светать — Светало бы — Светай бы пораньше, мы бы нашли дорогу — Если бы светало!* и т. д.).

Таким образом, разные видоизменения предложения, в целом представляющие категории объективной модальности и синтаксического времени, в своем строении лишь используют те или другие формы глагола для выражения различных синтаксических значений, но не воспроизводят механически его морфологическую парадигму.

Поскольку глагольное предложение является одним из основных видов предложений современного русского языка, постольку, естественно, роль глагола в парадигме предложения очень велика; но для нас сейчас важно подчеркнуть, что глагол не является единственным «формирователем» синтаксических значений предложения и его разных форм в составе парадигмы. У тех предложений, которые в форме настоящего времени не имеют в своем составе глагольного слова, целый ряд и других их форм образуется с тем же «нулем глагола» (об этом подробнее будет сказано ниже).

Итак, ряд типа *Дом построен — Дом был построен — Дом будет построен — Дом был бы построен — Будь бы дом построен... — Дом будь построен, а... — Был бы построен дом! — Пусть дом будет построен* представляет собой формы одного и того же предложения. Ф о р м ы п р е д л о ж е н и я, таким образом, — это все те видоизменения предложения, которые, не меняя его структурной основы, представляют каждое в отдельности то или иное его частное грамматическое значение, а в своей совокупности — весь комплекс его грамматических значений.

На основе всего сказанного может быть выведено следующее определение простого предложения как грамматической единицы: п р о с т о е п р е д л о ж е н и е — это обладающая своими собственными признаками структурная схема (тип, образец), в конкретном лексическом наполнении предназначенная для функционирования в качестве единицы сообщения, со стороны грамматического значения характеризующаяся обязательным наличием категории предикативности, а со стороны формальной — системой средств, противопоставляющих отдельные свои формы по значениям объективной модальности и синтаксического времени.

II

Попытаемся теперь представить в общем виде круг тех типов простого предложения, по которым в современном русском языке могут быть построены элементарные конкретные единицы сообщения.

Строевыми элементами простого предложения служат определенным образом организованные соединения форм слов или отдельная форма слова. Интонация не является строевым элементом типа предложения: взятый сам по себе он лишен интонации. Однако, как только этот образец оказывается наполненным конкретным лексическим материалом, он обязательно приобретает вполне опре-

деленное интонационное оформление. Свое интонационное оформление, как обязательную сопровождающую характеристику, имеет и каждая форма предложения.

Список структурных образцов простого предложения является конечным: единицами этого списка являются типы невопросительных предложений в их исходной форме.

В современном русском языке существуют два основных класса простых предложений: предложения двусоставные — подлежащно-сказуемостные и предложения так называемые односоставные — не подлежащно-сказуемостные. Структурную основу предложений, строящихся по подлежащно-сказуемостной схеме (двусоставных), образуют два главных члена: подлежащее, выраженное номинативом, и сказуемое, выраженное спрягаемой формой глагола. Позицию (синтаксическое место) подлежащего-номинатива может занимать инфинитив, а позицию сказуемого — имя в именительном или косвенном падеже (без предлога или с предлогом), наречие или инфинитив. В том случае, когда подлежащее выражено номинативом, а сказуемое — спрягаемой формой глагола или номинативом другого имени, имеет место координация подлежащего и сказуемого, т. е. уподобление их форм по категориям числа, лица или рода (см. [Шведова 1971]). Во всех других случаях координация главных членов отсутствует.

Структурную основу предложений, строящихся по односоставной (не подлежащно-сказуемостной) схеме, образует один главный член; связь координации в односоставных предложениях исключена.

Главные члены предложения — подлежащее, сказуемое и главный член односоставного предложения — как синтаксические категории имеют формы. Форма главного члена предложения есть способ его выражения; она определяется категориальной принадлежностью слова, формирующего главный член предложения, а также той конкретной словоформой, в которой слово той или иной категории выступает в роли главного члена предложения.

Помимо собственно структурных схем предложения существуют виды их регулярных реализаций, т. е. непарадигматических формальных изменений. Есть два основных вида таких реализаций: конситуативно обусловленные (т. е. обусловленные ситуацией или контекстом) и конситуативно необусловленные. В дальнейшем изложении мы будем преимущественно говорить о конситуативно необусловленных реализациях. Факторами, определяющими разные реализации одной и той же структурной схемы предложения, являются: 1) полнота или неполнота схемы; 2) характер связывания главных членов (при двусоставности); 3) возможность введения полусвязочных глаголов; 4) наличие необязательных формантов, придающих предложению ту или иную экспрессию и либо ограничивающих возможности лексического наполнения, либо влияющих на характер парадигмы.

Таким образом, структурный образец предложения существует как в своем основном виде, так и в своих регулярных реализациях. Иными словами, тот или иной вид регулярной реализации принадлежит структурной схеме предложения как ее собственный признак.

Противопоставление «двусоставность — односоставность» в парадигмах предложения последовательно представлено исходными формами парадигм. Следовательно, в дальнейшем изложении термины «двусоставное предложение» и «односоставное предложение» будут употребляться в значениях: «предложение с двусоставной исходной формой» и «предложение с односоставной исходной формой». В противопоставлении «двусоставность — односоставность» заложено формальное противопоставление «личность — безличность».

ДВУСОСТАВНЫЕ ПОДЛЕЖАЩНО-СКАЗУЕМОСТНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Существуют две основные разновидности двусоставного предложения: 1) предложения с координируемыми главными членами и 2) предложения с некоординируемыми главными членами. Внутри этих разновидностей классификация двусоставных предложений опирается на формальные показатели их строения: форму подлежащего и форму сказуемого. Дальнейшее описание касается регулярных реализаций этих структурных образцов.

Все случаи изменения форм сказуемого, опирающиеся на соотношения разных форм слова одной и той же категории (именительный — творительный падеж, полная и краткая форма прилагательного) не должны рассматриваться в связи с анализом форм предложения (его парадигмы): эти изменения касаются собственно сказуемого, а не самой схемы предложения.

А. Предложения с координируемыми главными членами

1. Подлежащее — имя в им. пад.: существительное, прилагательное или причастие (в функции подлежащего они синтаксически субстантивируются), местоимение, числительное, а также количественно-именное сочетание; сказуемое — координируемая глагольная форма⁷: *Ученик пишет; Время есть; Белые выигрывают; Опоздавшие не допускаются; Я читаю; Пятеро пришли; Много вопросов решается.*

Регулярные реализации: а) бесподлежащные предложения: *Читаю*⁸; *На всех не угодишь*; б) бесподлежащные предложения со сказуемым, сочетающимся с экспрессивными частицами или междометиями: *То-то пляшет!*; *Вот расписывает!*;

⁷ Если сказуемое выражено глаголом, который по правилам связей слов обязательно требует примыкающего инфинитива, то все такое сочетание является сказуемым (*Отец собирает приехавших*). Если такой инфинитив невозможен без зависящего от него слова, то и это слово входит в состав сказуемого (*Спектакль обещает быть интересным; Он хочет стать писателем*).

⁸ Та или другая реализация — полная или неполная (соотношение *Я пишу — Пишу*) определяется не грамматическим правилом, а ситуацией речи или формой предложения. Ситуативно обусловленная неполная реализация обычна в формах синтаксического индикатива, сослагательного, условного, долженствовательного и желательного наклонений; ситуативно необусловленная — в формах побудительного наклонения (в этих формах ситуативно обусловленной является, наоборот, полная реализация). Что касается бесподлежащих предложений со сказуемым-глаголом в форме 2 л. ед. ч. (так наз. обобщенно-личные предложения: *На всех не угодишь*), то они являются регулярной неполной реализацией двусоставного предложения в тех случаях, когда производитель действия мыслится обобщенно (любой из возможных).

Уж и рисует!; Вот так поет!; Ну и рассказываешь!; Тоже мне учит!; Ох уж и врет!; Эх и покатили!; в) предложения со сравнительными союзами: *Ты словно заснул.*

2. Подлежащее — имя в им. пад.; сказуемое — координируемая форма имени или причастия: *Отец учитель; День пасмурный; Он никто; Девочка умна; Боец ранен; Работа оплачиваемая; Запасы все.*

Регулярные реализации: а) для предложений со сказуемым — именем существительным — предложения со связками *есть, это, это есть, это и есть, и есть, вот, то же что, это то же что*: *Талант — это труд; Храбрость есть следствие ума; Леня и есть лень; Ученье — вот задача; Алоэ — это (это и есть, это то же, что) столетник*; б) предложения с полузнаменательным глаголом: *Он становится умнее; День делается пасмурным; Несколько писем остаются нераспечатанными*; в) предложения со сравнительным союзом: *Ты как маленький; Наша улица — словно болото; Все точно сумасшедшие*; г) бесподлежащие предложения со сказуемым, сочетающимся с экспрессивной частицей или междометием: *Вот так мастер!; Ну и умнее!; Туда же учитель!; Тоже мне поэт!; Ай да молодец!*; д) экспрессивно значимые предложения, открывающиеся междометием — при условии строгого лексического ограничения: *Ах он разбойник!; Ах ты милашка!*

3. Подлежащее — имя существительное; сказуемое — имя существительное; связочное *это* обязательно; между главными членами устанавливается отношение односторонней обусловленности: *Долголетие — это физкультура; Хорошая репутация — это добросовестность; Удобрения — это рост плодородия.*

Б. Предложения с некоординируемыми главными членами

1. Подлежащее — имя; сказуемое — наречие со значением состояния, направления или локальным, а также компаратив: *Желающие налицо; Деньги кстати; Товары нарасхват; Он мне сродни; Это не так; Вход отсюда; Отец дома; Сын умнее.* Регулярная реализация — предложения с полузнаменательными глаголами: *Желающие оказываются налицо; Товары становятся нарасхват; Сын делается умнее.*

2. Подлежащее — имя; сказуемое — качественно-характеризующее наречие на -о (предикатив), вводимое связочным *это*: *Экономия — это прекрасно; Халтура — это скверно; Клевета — это страшно; Диспуты — это интересно.* Регулярная реализация — предложения без связочного *это*: *Диспуты — интересно.*

3. Подлежащее — имя; сказуемое — форма косвенного падежа с предлогом, обозначающее единичный акт, движение: *Я к тебе; Он о деле; Мать в слезы; Он от матери ни на шаг; Мы на работу.*

4. Подлежащее — имя; сказуемое — форма косвенного падежа без предлога или с предлогом со значением нахождения или пребывания в состоянии исхождения, предназначенности, качественной характеристики, уподобления: *Директор у себя; Все в беспокорстве; Я — от дирекции; Семья на грани развала; Он со мной; Работа под силу; Эта комната — для вас; Телеграмма от матери; Письмо тебе; Мороз под сорок; Ты вроде начальника; Борода — лопатой; Эта сабля — отца; Брат высокого роста.* Регулярные реализации: а) предложения с полузнаменательными глаголами: *Директор оказался у себя; Работа становится под силу; Ты делаешься вроде на-*

чальника; б) для некоторых форм сказуемого — предложения со сравнительными союзами: *Все словно в беспокойстве; Ты будто из другого мира.*

5. Подлежащее — имя; сказуемое — предложно-падежная группа, вводимая сравнительным союзом и вне сочетания с этим союзом с данным подлежащим не сочетающаяся: *Почерк — как у меня; Шум — словно на ярмарке; Тишина — будто в лесу.* Регулярная реализация — предложения с полужнаменательным глаголом: *Почерк делается как у меня; Шум становится словно на ярмарке.*

6. Подлежащее — инфинитив; сказуемое — инфинитив: *Спускаться — не подниматься; Жизнь прожить — не поле перейти; Ломать — не строить.* Регулярная реализация — предложения со связкой *это, значит, это значит*: *Жить — это (это значит, значит) трудиться; Руководить — это (это значит, значит) быть впереди; Ломать — это не строить.*

7. Подлежащее — инфинитив; сказуемое — имя в им. пад.: *Терять время — глупость; Учиться — главная задача; Уволить — самое простое; Учиться — его цель.* Регулярные реализации: а) предложения со связкой *это, вот*: *Терять время — это глупость; Уволить — это самое простое; Учиться — вот задача;* б) предложения с полужнаменательными глаголами: *Учиться становится главной задачей; Терять время кажется глупостью; Учиться является его целью; Уволить оказалось самым простым.*

8. Подлежащее — инфинитив; сказуемое — косвенный падеж имени: *Жаловаться — не в его характере.* Регулярные реализации: а) предложения со связкой *это*: *Жаловаться — это не в его характере;* б) предложения с полужнаменательными глаголами: *Жаловаться оказалось не в его характере.*

9. Подлежащее — инфинитив; сказуемое — качественно-характеризующее наречие на -о (предикатив): *Кататься весело; Разобраться затруднительно; Учиться интересно; Обманывать предосудительно.* Регулярные реализации: а) предложения со связкой *это*: *Кататься — это весело; Учиться — это интересно;* б) предложения с полужнаменательными глаголами, в которых наречие чередуется с формой тв. падежа соответствующего прилагательного: *Учиться казалось интересно / интересным; Поступать так становится предосудительно / предосудительным; Разобраться оказалось затруднительно / затруднительным.*

10. Подлежащее — инфинитив; сказуемое — глагол в форме 3 л. ед. ч.: *Курить запрещается; Ошибиться случается каждому; Исправить положение не составляет труда.*

11. Фразеологизированные типы предложений: *Вечер как вечер; Мне праздник не в праздник.* Регулярная реализация с полужнаменательными глаголами: *Вечер оказался как вечер; Праздник делается не в праздник.*

ОДНОСОСТАВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Существует четыре основных вида односоставных предложений. Они выделяются в зависимости от категориальной принадлежности слова, организующего главный член предложения: 1) *и м е н н о й т и п* — предложения с главным членом — именем или именным сочетанием; 2) *с п р я г а е м о - г л а г о л ь н ы й т и п* — предложения с главным членом — спрягаемой формой глагола — одной

или в сочетании с инфинитивом; 3) и н ф и н и т и в н ы й т и п — предложения с главным членом — инфинитивом; 4) н а р е ч н ы й т и п — предложения с главным членом — предикативом (включая отпричастные предикативы) — одним или в сочетании с инфинитивом.

Внутри этих видов классификация односоставных предложений основывается на форме главного члена.

Именной тип

1. Главный член — собственно номинатив: *Ночь; Тишина; Крик; Воры!* Этот вид в независимой позиции лексически ограничен словами, в силу своего значения обращенными к собственно экзистенциальности. Лексическое ограничение снимается, когда к предложению присоединяется детерминант, например: *Без начальства — благодать; Этой истории уже год; У него грипп; Войне конец.*

Регулярные реализации: а) при собственно бытийности с глаголами *стать/становиться, делаться/сделаться*: *Стала ночь; Сделалась тишина*; б) главный член сочетается с экспрессивной частицей или местоимением; возможность лексического наполнения при этом расширяется. Данная реализация возможна тогда, когда формирующее главный член имя по своему значению может принимать качественную характеристику: *Ну и ночь!; Вот тебе и воры!; Тоже (мне) тишина!; Вот смех-то!; Какая радость!*; в) в случаях, когда номинативное предложение открывает собою сложное предложение с союзом *что, чтобы, если* и нек. др., нормальная реализация с *быть* (в неисходных формах) или полузнаменательным глаголом и с тв. пад. имени в позиции номинатива: *Достижением было бы (если бы все кончилось хорошо); Радостью было (когда он приходил); Успехом является (что дело сделано).*

2. Главный член — номинатив количественно-именного сочетания с собирательным числительным или неопределенно-количественным словом: *Нас трое; Народу масса; Дел много; Работы на полчаса; Времени в обрез; Сколько цветов!* Регулярные реализации: а) с экспрессивными частицами и междометными сочетаниями (кроме предложений с количественными числительными): *Ох и много дел!; Ну и масса народу!*; б) с предложением (неполной реализацией двусоставной структуры обычно при фразеологизации) на месте слова с количественным значением: *Народу не протолкнешься; Поздравлений хоть отбавляй; Специалистов раз-два и обчелся.*

3. Главный член — имя в род. пад. с квантитативным значением: *Народу!; Цветов!; Шуму!* Регулярная реализация — с экспрессивными частицами и междометными сочетаниями: *Ну и народу!; Уж и цветов!; Ох и шуму!*

4. Главный член — род. пад. отрицательного местоимения или имени в сочетании с отрицательным местоимением либо с отрицательной частицей: *Никого; Ничего лишнего; Порядка никакого; Никаких признаков жизни; Ни души; Ни слова.* Регулярные реализации нехарактерны (ср. впрочем: *Не оказалось никого; Не стало никакого порядка).*

5. Главный член — предложно-падежная группа в соединении со сравнительным союзом — в обязательном сочетании с детерминантом: *Без учеников — как без рук; В цехе — как в пекле; Под окнами — как на танцплощадке.* Регулярные реализа-

ции с полузнаменательными гл. *стать, сделаться* и нек. др.: *Без учеников стало / становится как без рук; В цехе делается / сделалось как в пекле.*

6. Предложения с фразеологизированным главным членом: *Мне не до распросов; Нам с ним не по пути; Туда ему и дорога!* В некоторых случаях возможны реализации с полузнаменательными глаголами: *Нам с ним стало не по пути.*

СПРЯГАЕМО-ГЛАГОЛЬНЫЙ ТИП

1. Главный член — глагол в форме 3 л. ед. ч.: *Светает; Знобит; Темнеет; Не спится; Молнией убило человека; Корабль подбросило и опустило; Думается о многом.* С глаголами со значением бытия, обнаружения, становления — облигаторная реализация с обстоятельственным квалификатором: *Приходится плохо; Получается не так; Бывает и так; Случается по-всякому; Не обходится без ошибок; Складывается неудачно; Продолжается по-прежнему.*

2. Главный член — глагол в форме 3 л. ед. ч. в обязательном сочетании с инфинитивом; этот вид лексически ограничен глаголами определенных семантических групп: *Стоит задуматься; Угораздило упасть; Остается согласиться; Приходится ехать; Требуется проверить; Следует начать; Не годится опаздывать.* В условиях контекста регулярны реализации без инфинитива: *Надо ехать. — Приходится; Я начинаю. — Уже давно следует.*

3. Главный член — глагол в форме 3 л. ед. ч. в сочетании с род. пад. ед. или мн. ч., круг глаголов лексически ограничен: *Дел хватает; Народу прибывает; Побавится хлопот; Прибавится строгости.* Только с отрицанием: *Препятствий не существует; Конца не предвидится; Времени не остается; Помощи не последует; Этого не повторится.*

4. Главный член — глагол в форме 3 л. мн. ч.: *Стучат; Идут; Звонят.*

5. Главный член — фразеологизированное сочетание «*есть + косв. пад. относительного местоимения с предлогом + инфинитив*», «*есть + местоименное наречие локального, целевого или причинного значения + инфинитив*»: *Есть о чем поговорить; Есть к кому пойти; Есть зачем ждать; Есть почему расстраиваться; Есть когда поговорить.* Возможны реализации с глаголом *стать* в позиции глагола *есть*: *Стало о чем поговорить; Станет к кому пойти.*

ИНФИНИТИВНЫЙ ТИП

1. Главный член — собственно инфинитив со значением категорического волеизъявления, направленного к будущему исполнителю воли говорящего: *Молчать!; Не шуметь!* Эти предложения могут принимать детерминант в форме дат. пад., обозначающий предполагаемого исполнителя: *Всем молчать! Детям не шуметь!*

2. Главный член — собственно инфинитив, обозначающий долженствование, объективную необходимость, предстояние. В состав предложения обязательно входит дат. пад., обозначающий того, кому предстоит быть производителем соответствующего действия: *Вам начинать; Нам вместе работать; Вам не видать таких сражений; Быть грозе.*

3. Главный член — собственно инфинитив, обозначающий целесообразность или желательность: *Теперь-то себя и показать; Еще раз увидеть ее!; Заснуть и забыться!* Эти предложения могут принимать детерминант, обозначающий того, кому целесообразно действовать, или того, кто хочет стать субъектом действия; такая детерминация обычна в формах желательного наклонения: *Теперь-то тебе себя и показать / и показать бы! Мне бы еще раз увидеть ее! Ему бы теперь заснуть и забыться.*

4. Главный член, обозначающий возможность / невозможность или долженствование, — инфинитив с отрицательной частицей *не*, в обязательном сочетании с род. пад.: *Судьбы не миновать; Самоуверенности ему не занимать; Его не узнать.* При значении возможности регулярны реализации с гл. *стать*: *Его стало не узнать.*

5. Главный член — инфинитив с отрицательной частицей *не* и с постпозитивной усилительной частицей *же*, обозначающий отрицание возможности или целесообразности; детерминант в форме дат. пад. обычен, но не обязателен: *Не ночевать же тут!; Не спорить же мне с ним!; Не жить же нам в сарае.*

6. Главный член — инфинитив в сочетании с частицей *где* (*где же, где уж*), *куда* (*куда же, куда уж*), утверждающий невозможность действия: *Где (уж) мне с ним тягаться!; Куда (уж) спорить!; Где же ему за всеми углядеть!;* детерминант возможен, но не обязателен.

7. Главный член — инфинитив в обязательном сочетании с отрицательным местоимением или наречием: *Пойти некуда; Ждать незачем; Разговаривать не о чем; Объясняться не для чего.* Это — так называемые общеотрицательные предложения в их противопоставленности предложениям типа *Есть куда пойти* и под. (см. спрягаемо-глагольный тип, пункт 5). Для них регулярны реализации с полузнаменательными глаголами: *Незачем стало ждать; Не о чем становится / делается разговаривать.*

8. Главный член — фразеологизированное сочетание, при помощи безударной частицы *так*, двух инфинитивов одного и того же глагола, выражающее принятие, согласие: *Ехать так ехать; Учиться так учиться.*

Специфической чертой всех инфинитивных предложений является то, что они обозначают действительность, которой предстоит или не предстоит осуществиться: собственно предстоящую, требуемую, возможную или невозможную, необходимую, желаемую, целесообразную или нецелесообразную. Такая обращенность в будущее — общая черта семантики инфинитивных предложений. Однако это не исключает того, что многие из них имеют все формы индикатива (см. ниже).

НАРЕЧНЫЙ ТИП

1. Главный член — предикатив (включая отпричастные предикативы на *-но, -то*): *Холодно; Сыро; Поздно; Темно; Пусто; С болезнью покончено; О нем не слышно; Ему невдомек (что пора уходить).* Регулярные реализации — предложения с полузнаменательными глаголами: *Становится холодно; Делается темно.*

2. Главный член — предикатив, фразеологизированное наречное сочетание в соединении с инфинитивом: *Надо начинать; Пора вмешаться; Недосуг разговаривать; В самый раз поужинать; Не нужно преувеличивать; Рано ехать; Довольно спо-*

речь!; Ладно тебе ныть!; Решено наступать; Ведено не пускать. Регулярные реализации: а) в условиях контекста без инфинитива: *Решено; Пора; Довольно; Надо*; б) для некоторых предикативов — предложения с полузнаменательным глаголом: *Пора оказалось вмешаться; Становится недосуг разговаривать*.

3. Главный член — предикатив (включая формы на *-но, -то*) в сочетании с род. пад.: *Достаточно одного слова; Довольно разговоров!* С отрицанием при главном члене: *Следов не заметно; Голосов не слышно; Конца не видно; Не сделано выводов; Не получено ответа*. С инфинитивом при предикативе должно: *Не должно быть недо-разумений*.

4. Главный член — предикатив *нет* в сочетании с род. пад.: *Нет денег; Секретаря нет; Нет никого родней матери*. Регулярная реализация — предложения без отрицательного местоимения перед компаративом: *Нет родней матери; Нет милей родных небес*.

Разные структурные схемы могут изменяться по одной и той же парадигме и, с другой стороны, разные реализации одной схемы могут иметь разные парадигмы: на выбор парадигмы могут влиять, помимо самого типа предложения, такие факторы, как характер связки, наличие или отсутствие детерминанта, в некоторых случаях — лексическая семантика слов, формирующих главные члены предложения. Этим объясняется то, что типология простых предложений не накладывается полностью на типологию их парадигм.

III

Перейдем теперь к характеристике отдельных форм предложения и их системы в целом.

Вариативные и невариативные формы. Формы предложения могут быть невариативными и вариативными. Невариативные формы существуют для данной структуры в одном единственном виде и не имеют равнозначных образований другого вида. Так, например, все формы синтаксического индикатива (синтаксическое настоящее, прошедшее и будущее) у всех типов предложения являются невариативными: в предложениях типа *Он учитель; Дети учатся; Дом построен* и др. синтаксическое настоящее может быть выражено только приведенным видом и никаких других способов выражения этого синтаксического значения здесь не существует⁹.

Иначе обстоит дело с ирреальными наклонениями. Из них только форма должноствительного наклонения является невариативной; все же остальные вариативны, т. е. представлены несколькими (двумя или более) равнозначными видами. Так, например, значение побудительности у предложения типа *Он учитель* может быть выражено двояко: *Пусть он будет учитель / учителем!* и *Чтоб он был*

⁹ В предложениях с глагольным сказуемым в форме прошедшего (а иногда и будущего) времени при определенных условиях могут варьироваться собственно формы сказуемого: *Татьяна ахнула — Татьяна ах; Царица принялась хохотать — Царица хохотать; Он тебя будет ругать (а ты стой на своем); Он тебя ругать (а ты стой на своем)* и др. Такое варьирование — показатель разных соотношений собственно форм сказуемого; к изменениям самого типа предложения оно не имеет отношения.

учитель / учителем! (побуждение как категорическое требование). Формы синтаксического условного наклонения у такого предложения выступают в тройном виде; две первые являются собственно формами условного наклонения: *Будь он учитель / уч и т е л е м* (он бы так не поступил) и *Будь бы он учитель / уч и т е л е м...*; третья, вариативная форма совпадает с формой сослагательного наклонения: *Был бы он учитель / уч и т е л е м...* Характер вариативности форм может быть различен; он является фактором, определяющим вариативность парадигмы (см. ниже анализ вариантов парадигм).

В парадигме предложения первая форма противопоставляется всем последующим как и с х о д н а я. Исходная форма открывает парадигму; она представляет тип предложения (его образец, структурную схему). Практически эта форма всегда является простейшим, наиболее частотным и стилистически нейтральным членом парадигмы. Типична для разных предложений исходная форма со значением синтаксического настоящего времени: *Сын учится; Отец учитель; Дом построен; Зима; Нас трое* и т. д. Однако есть такие типы парадигм (неполные), в которых синтаксический индикатив отсутствует. В этих случаях в качестве исходной принимается форма, обладающая названными выше признаками: простотой грамматической организацией и наибольшей частотностью. Так, в двучленных парадигмах типа *Не шуметь!* — *Не шуметь бы!* (желательность) или *Довольно разговоров!* — *Довольно бы разговоров!* исходными являются формы побудительного наклонения; в двучленной парадигме типа *Здоровье бы!* — *Будь бы здоровье...* в качестве исходной выступает форма желательного наклонения.

Каждая из форм предложения имеет свою грамматическую организацию и свое значение.

Форма настоящего времени представлена схемой предложения в ее непосредственном, ничем не осложненном виде. Эта форма обозначает, что то, о чем сообщается, осуществляется во временном плане, противопоставленном прошедшему и будущему, т. е. в реальном настоящем, например: *Дети учатся; Светает; Домов не видно; Спорить не о чем; Ночь.*

Форма прошедшего времени в разных типах предложения организуется по-разному: 1) формальным изменением входящей в структурную схему личной формы глагола — постановкой ее в форме прошедшего времени; 2) в тех случаях, когда в таком составе нет личной формы глагола, — введением формы прошедшего времени глагола *быть*. Эта форма предложения обозначает, что то, о чем сообщается, осуществлялось во временном плане, противопоставленном настоящему и будущему, т. е. в реальном прошлом: *Дети учились; Светало; Домов было не видно; Спорить было не о чем; Была ночь.*

Форма будущего времени организуется: 1) формальным изменением входящей в схему личной формы глагола — постановкой ее в форме будущего времени; 2) в тех случаях, когда в такой состав не входит личная форма глагола, — введением формы будущего времени служебного глагола *быть*. Эта форма предложения обозначает, что то, о чем сообщается, осуществится во временном плане, противопоставленном настоящему и прошедшему, т. е. в реальном будущем: *Учитель придет; Дети будут учиться; Будет светать; Домов будет не видно; Спорить будет не о чем; Будет ночь.*

Форма сослагательного наклонения обозначает возможность осуществления действия в неопределенном (ирреальном) временном плане. Эта форма организуется: 1) сочетанием с частицей *бы* формы прошедшего времени глагола-сказуемого или главного члена глагольного предложения либо — там, где в исходной форме предложения глагола нет — введением той же формы служебного глагола *быть*: *Дети учились бы*; *Светало бы*; *Домов было бы не видно*; *Спорить было бы не о чем*; *Была бы ночь*; 2) в безглагольных предложениях собственно частицей *бы*: *Был бы туман*, *домов бы не видно*; *Он бы от меня ни на шаг*; (*Вернулся бы он —*) *радость бы для всех*. Эта форма невариативна (в составе одной и той же парадигмы вариативные формы сослагательного наклонения выступают только в некоторых фразеологизированных предложениях, напр.: *Избави бог было бы проговориться — Избави бы бог проговориться*). Форма сослагательного наклонения может быть употреблена как в самостоятельной позиции (однако всегда в условиях контекста, см. выше), так и в составе сложного предложения.

Форма сослагательного наклонения является собственно синтаксическим образованием. Можно сомневаться в правомерности введения соединений типа *читал бы* в морфологическую парадигму глагола¹⁰. Это соединение появляется только в предложении; по своему грамматическому качеству оно равноположено с соединением типа *будь бы*, *читай бы*, где морфологическая форма глагола сочетается с частицей *бы*, являющейся формантом одного из членов парадигмы предложения. Как в *Он читал бы*, так и в *Читай бы он громко* (*я бы все слышал*) соединение глагольных форм с *бы* представляет собою образование не морфологическое, а синтаксическое, не форму слова (глагола), а форму сказуемого, что далеко не одно и то же. Как в *читал бы*, так и в *читай бы* совпадение глагольной формы с формой прошедшего времени (в первом случае) и с формой повелительного наклонения (во втором) является чисто внешним. Что касается соединений типа *читавший бы*, якобы подтверждающих собственно формообразовательную (морфологическую) функцию *бы*, то такие соединения представляют собой также чисто синтаксическое образование — своеобразное отражение формы сказуемого в так наз. полупредикативных группах.

Форма условного наклонения употребляется только в составе сложного предложения. В ней реализуется одно из частных значений ирреальности — значение стимулирующей причины. В форме условного наклонения предложение входит в состав сложного в качестве его грамматически подчиненной части, обозначающей то, от чего зависит осуществление сообщаемого в грамматически главенствующей части. Форма условного наклонения существует в четырех видах. 1) Форма условного наклонения организуется глаголом в форме, внешне совпадающей с морфологической формой повелительного наклонения, причем глагол в этой форме обязательно выносится в начальную позицию: *Приди он пораньше* (*он бы не опоздал*); *Будь рядом друг* (*ты не был бы так одинок*); *Будь не о чем спорить* (*я бы не спорил*); *Будь нас много* (*мы бы не испугались*) и т. д. 2) Форма условного наклонения организуется глаголом в той же

¹⁰ См. об этом: [Плоткин 1962].

форме в сочетании с частицей *бы*; словопорядок тот же, что и в первом случае: *Приди бы он пораньше...*; *Окажись бы рядом друг...*; *Будь бы не о чем спорить...*; *Будь бы нас много...* 3) Форма условного наклонения организуется глаголом в форме прошедшего времени в сочетании с частицей *бы*, т. е. совпадает с формой сослагательного наклонения; словопорядок тот же, что в первых двух случаях, и в этом — формальное отличие этого варианта условного наклонения от сослагательного: *Пришел бы он пораньше...*; *Оказался бы рядом друг...*; *Было бы не о чем спорить...*; *Было бы нас много...* 4) В предложениях, не включающих в исходную форму спрягаемой формы глагола, форма условного наклонения организуется собственно схемой предложения в сочетании с частицей *бы*: *Быть бы дождю (так собирались бы тучи)*; *Надо бы ехать (так он бы поехал)*; *Много бы нас (так мы бы не испугались)*; *Больше бы света (я бы разглядел, что это такое)*; *Дождик бы (так были бы грибы)* и др. Третья и четвертая формы могут входить в союзные построения с *если* (*Если бы он пришел пораньше...*, *Если бы дождик...*).

Тот факт, что третья форма условного наклонения совпадает с формой сослагательного наклонения, может дать основание для утверждения, будто бы форма условного наклонения не самостоятельна, а является лишь одной из реализаций сослагательности. Однако правомерность выделения условного наклонения в качестве самостоятельного члена синтаксической парадигмы подтверждается, во-первых, тем, что синтаксическое наклонение имеет собственные формы, из которых совпадающая с сослагательным наклонением, является лишь одним из четырех вариантов; во-вторых, его собственным и вполне определенным синтаксическим значением, не накладывающимся на более широкое значение сослагательного наклонения; в-третьих, наконец, его индивидуальной и строго однозначной синтаксической позицией.

Форма условного наклонения вариативна: разные ее виды могут совмещаться в парадигме одного предложения.

Форма долженствовательного наклонения употребляется как самостоятельно, так и в составе сложного предложения. Она организуется глаголом в форме, внешне совпадающей с формой повелительного наклонения. В самостоятельной позиции, а также в функции главной части сложного предложения с придаточным условным, форма долженствовательного наклонения обозначает собственно долженствование, предписанность: *Солдат он и будь солдат*; *Я и подай, я и уברי*; *А если взялся советовать, так ты и будь настоящий советчик*; *Обещался помочь, так он и помогай*. Однако более обычна для долженствовательной формы функция одного из двух противопоставляемых членов в противительных конструкциях. В такой позиции эта форма всегда обозначает такое долженствование, которое внутренне отвергается, не принимается, таким образом, долженствовательная форма здесь означает отрицаемое долженствование, а союзно присоединяемая противительная часть — мотив отрицания: *Он работай, а ты будешь бездельничать?*; *Мы сиди дома, а вы будете гулять!*; *Он из сил выбивайся, а тебе и горя мало*; *Дом будь построен вовремя, а материалов не подвозят*; *У нас будь тихо, а вам можно всю ночь песни петь?* и т. п.

Долженствовательная форма невариативна.

Форма желательного наклонения обозначает эмоционально окрашенное волеустремление к осуществлению, существованию того, о чем сообщается. Эта форма всегда употребляется в самостоятельной позиции. Она существует в пяти видах, причем первый из них имеет в своем распоряжении несколько лексических заполнителей синтаксического места частицы, являющейся компонентом формы.

1. Желательное наклонение организуется соединением неглагольной исходной формы с одной из частиц союзного или наречного происхождения, соединившейся в свою очередь с частицей *бы*. Таких частиц восемь: *если бы, лишь бы, только бы, пусть бы, хоть бы, что б* (что всегда ударная), *хорошо бы, вот бы*; все такие частицы относятся к сфере экспрессивной и непринужденной речи. Напр.: *Если бы войне конец!*; *Лишь бы войне конец!*; *Только бы войне конец!*; *Пусть бы войне конец!*; *Хоть бы войне конец!*; *Что б войне конец!*; *Хорошо бы войне конец!*; *Вот бы войне конец!*; *Если бы он от меня ни на шаг!*; *Лишь бы он от меня ни на шаг!*; *Только бы он от меня ни на шаг!*; *Пусть бы он от меня ни на шаг!*; *Хоть бы он от меня ни на шаг!*; *Что б он от меня ни на шаг!*; *Хорошо бы он от меня ни на шаг!*; *Вот бы он от меня ни на шаг!*; *Если бы (лишь бы, только бы, пусть бы, хоть бы, что б, хорошо бы, вот бы) нам вместе работать!* Из этих видов построения с *лишь бы* и *только бы* несут в себе оттенок обуславливающей желательности, хотя синтаксическая позиция их так же независима, как и у других членов приведенного ряда.

2. Желательное наклонение организуется соединением с теми же частицами формы прошедшего времени глагола; возникает видимость совпадения с формой сослагательного наклонения, однако на деле такого совпадения нет, так как *бы* в желательном наклонении для современного языка является компонентом частицы: *Если бы сын учился!*; *Лишь бы сын учился!*; *Только бы сын учился!*; *Пусть бы сын учился!*; *Хоть бы сын учился!*; *Что б сын учился!*; *Хорошо бы сын учился!*; *Вот бы сын учился!*; *Если бы (лишь бы, только бы, пусть бы, хоть бы, что б, хорошо бы, вот бы) была тишина!*; *Если бы (лишь бы, только бы, хоть бы, что б, хорошо бы, вот бы) нам было вместе жить!*

3. Желательное наклонение организуется соединением исходной формы с частицей *бы* (при отсутствии в исходной форме предложения спрягаемой формы глагола): *Ни на шаг бы он от меня!*; *Нам бы вместе работать!*; *Пойти бы напиться!*; *Конец бы войне!*; *Больше бы света!*

4. Желательное наклонение организуется 2-й формой условного наклонения (см. выше); правила словорасположения те же, что и в условном наклонении: *Окажись бы рядом друг!*; *Будь бы он моряк / моряком!*; *Будь бы тишина!*; *Будь бы его цель учиться!*

5. Желательное наклонение организуется 3-й формой условного наклонения (см. выше); словорасположение то же: *Пришел бы он пораньше!*; *Оказался бы рядом друг!*; *Были бы у меня деньги!*; *Была бы его цель / было бы его целью учиться!*

Как видно, форма желательного наклонения вариативна.

Форма побудительного наклонения всегда употребляется в независимой позиции. Она обозначает непосредственное волеизъявление, направленное к предполагаемому исполнителю; оттенки этого значения многообразны —

от побуждения, обращенного к самому себе, до категорического требования. Форма побудительного наклонения вариативна. (Ниже описываются правила образования формы побудительного наклонения как неисходной; исходные формы побудительного наклонения представляют самостоятельные типы предложения).

Для личных предложений¹¹, строящихся по подлежащно-сказуемостной схеме, форма побудительного наклонения имеет свою систему видоизменений, опирающихся на личные глагольные формы; эта система выступает в следующем виде:

Ед. ч.	{	1 л. Пусть я буду учиться!
		2 л. Учись! Будешь учиться! Чтoб ¹² ты учился!
		3 л. Пусть он учится! Чтoб он учился!
Мн. ч.	{	1 л. Будем(те) учиться! Давай(те) учиться!
		2 л. Учитесь! Будете учиться! Чтoб вы учились!
		3 л. Пусть они учатся! Чтoб они учились!

Для предложений с глаголами совершенного вида:

Ед. ч.	{	1 л. Пусть я замолчу!
		2 л. Замолчи! Давай замолчи! Чтoб ты замолчал!
		3 л. Пусть он замолчит! Чтoб он замолчал!
Мн. ч.	{	1 л. Замолчим! Давайте замолчим!
		2 л. Замолчите! Давайте замолчите! Чтoб вы замолчали!
		3 л. Пусть они замолчат! Чтoб они замолчали!

Для личных предложений с начинательными и фазовыми глаголами (*пойти, поехать, побежать, поползти* и под., *начать, взяться* в значении 'приняться', 'начать', *кончить*) ряды форм 2 л. ед. и мн. ч. и 1 л. мн. ч. усложняются: при обозначении побуждения к непосредственному действию в эти ряды входят формы прошедшего времени:

Ед. ч.	{	1 л. Пусть я поеду!
		2 л. Поезжай! Поедешь! Чтoб ты поехал! Поехал!
		3 л. Пусть он поедет! Чтoб он поехал!
Мн. ч.	{	1 л. Поедем(те)! Поехали!
		2 л. Поезжайте! Поедете! Чтoб вы поехали! Поехали!
		3 л. Пусть они поедут! Чтoб они поехали!

Та же система — в неличных двусоставных предложениях при персонификации.

Аналогичны изменения в предложениях с именным сказуемым (кроме предложений тождества):

¹¹ Личными предложениями будем называть двусоставные предложения с подлежащим — именем, обозначающим одушевленное лицо.

¹² Частица *чтоб* в побудительном наклонении — всегда безударная.

Ед. ч.	{	1 л.	<i>Пусть я буду учителем!</i>
		2 л.	<i>Будь учителем! Будешь учителем! Чтoб ты был учителем!</i>
		3 л.	<i>Пусть он будет учителем! Чтoб он был учителем!</i>
Мн. ч.	{	1 л.	<i>Будем(те) учителями! Давайте быть учителями!</i>
		2 л.	<i>Будьте учителями! Будете учителями! Чтoб вы были учителями!</i>
		3 л.	<i>Пусть они будут учителями! Чтoб они были учителями!</i> ¹³

Итак, в личных двусоставных предложениях в образовании формы побудительного наклонения участвуют: а) собственно вариативные формы побудительного наклонения; б) форма будущего времени; в) для предложений с начинательными и фазовыми глаголами — формы прошедшего времени.

В других типах предложений, образующих побудительное наклонение, эта форма выступает как вариативная — в двух видах, причем оба вида в их парадигме всегда присутствуют: 1) *Пусть будет тишина!*; *Пусть он от меня ни на шаг!*; *Пусть будет не видно людей!* 2) *Чтoб была тишина!*; *Чтoб он от меня ни на шаг!*; *Чтoб не было видно людей!* Форма с *чтoб* принадлежит непринужденной и разговорной речи¹⁴.

В заключение обзора форм предложения следует еще раз подчеркнуть важное различие, существующее между формами синтаксического индикатива, с одной стороны, и формами ирреальных наклонений, с другой: первые невариативны, а для большинства форм ирреальных наклонений вариативность является общим характерным признаком. С этим связано то, что в системе форм ирреальных наклонений отмечаются разные случаи совпадений форм — от чисто внешних соположений до явлений, которые довольно явственно отражают генетическую связь одной формы с другой. В ряде случаев перед нами — употребление одной формы в функции другой.

Всеми этими факторами определяется сложность системы форм ирреальных наклонений в парадигме предложения. С вариативностью форм ирреальных наклонений связана и вариативность парадигм, целиком определяющая собою стилистическую неоднородность и многоаспектность грамматически единой системы форм простого предложения.

ПАРАДИГМАТИКА НЕВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Парадигма предложений может быть представлена или всеми ее возможными членами, т. е. формами всех синтаксических наклонений (полная парадигма), или же те или иные члены в парадигме могут отсутствовать (неполная парадигма).

Как уже было сказано выше, элементарная грамматическая организация предложения (его тип) не является тем фактором, которым исключительно опреде-

¹³ В первых вариантах 3 л. обоих чисел *пусть* имеет стилистически окрашенный эквивалент: *да* (всегда безударное), за которым глагол должен следовать непосредственно (напр.: *Да будет он победителем! Да будут они победителями*); но в живом употреблении эта форма практически отсутствует.

¹⁴ Существуют свои нормы употребления или неупотребления подлежащего в двусоставном предложении в форме побудительного наклонения; эти нормы не являются собственно грамматическими и определяются экспрессией речи.

ляется выбор той или иной парадигмы. На этот выбор влияет и характер регулярной реализации (т. е. такие факторы, как форма связки, наличие полузнаменательного глагола и др.) и наличие или отсутствие детерминанта, а нередко также и семантика тех слов, которыми формируются главные члены предложения.

Так, например, различествуют парадигмы у предложений *Храбрость есть следствие ума* (со связочным *есть*) и *Солдат он и есть солдат* (со связочным *и есть*): первые предложения, обозначающие тождество, не имеют формы долженствовательного наклонения; вторые, обозначающие соответствие предмета своему названию, назначению, не имеют формы условного наклонения. Предложения *Ночь; Утро; Зима; Туман; Дождь; Мороз; Праздник* и т. п., с одной стороны, и *Воры!; Самолет!; Море!; Колокольчик!; Шум!* и т. п., с другой, имеют одну и ту же структурную основу: исходная форма в них организуется номинативом. Однако предложения первого ряда имеют собственно бытийное значение, обнаруживающееся в них средствами интонации и предсказанное лексической семантикой соответствующих слов. Вне сочетания с детерминантом эти предложения не образуют формы долженствовательного наклонения. Предложения второго ряда имеют значение констатации наличия разового, непосредственно воспринимаемого, единичного явления или акта, и в силу этого своего значения не образуют форм прошедшего и будущего времени, долженствовательного и побудительного наклонений.

Другой пример влияния лексики на выбор парадигмы — односоставные предложения, главный член которых организуется безличным глаголом. Это, с одной стороны, такие предложения, как *Не везет (Ему не везет); Знобит (Его знобит); Светает; Хочется спать* и др., с другой стороны, — такие предложения, как *Его подмывает поехать; Меня угораздило упасть* и под. И там и там отсутствуют формы долженствовательного наклонения; что касается форм побудительного наклонения, то при допущении возможности такой ситуации (конечно, весьма редкой и искусственной), при которой то или иное действие окажется зависящим от субъективной воли, в первом случае такая форма может быть образована (*Пускай ему не везет!*); во втором случае такая возможность исключена самой семантикой глагольного слова.

Следующая далее классификация парадигм предложения не может считаться окончательной: она требует еще проверки на большом и разнообразном материале. Сам принятый здесь принцип классификации не является единственным и бесспорным: вполне правомерной и даже более экономной может оказаться, например, классификация, в основу которой будут положены типы предложений (двосоставные, односоставные разных типов). Поэтому предлагаемое ниже описание парадигм и самый анализ их состава нужно рассматривать как отражающие первый этап обработки материала под соответствующим углом зрения.

А. Предложения с полной (восьмичленной) парадигмой

Предложения, имеющие полную парадигму, представлены всеми восемью формами: тремя формами синтаксического индикатива и пятью формами ирреальных наклонений: сослагательного, условного, долженствовательного, жела-

тельного и побудительного. Как будет показано дальше, эти формы могут выступать в разных вариантах и в разных комбинациях вариантов; этим обуславливается наличие нескольких вариантов полной парадигмы.

Полную парадигму имеют:

1. Двусоставные предложения следующих видов: 1) предложения со сказуемым — спрягаемой формой глагола или сочетанием личного глагола с инфинитивом; 2) предложения со сказуемым — именем существительным, прилагательным, причастием, компаративом — без связки, с полужнаменательным глаголом или со связкой *это* (последнее в том случае, если в строении предложения не участвует инфинитив); 3) предложения с именным сказуемым со связкой *есть* в том случае, когда все предложение обозначает соответствие предмета своему названию, назначению; 4) предложения, обозначающие пребывание в состоянии, со сказуемым — предложно-именной группой или наречием, в неисходных формах, сочетающимися с формами глагола *быть*; 5) предложения со сказуемым, вводимым сравнительным союзом; 6) некоторые предложения фразеологизированной структуры.

2. Односоставные предложения, главный член которых организуется: 1) спрягаемой формой глагола со значением бытия, наличия, восприятия, а также глагольными словоформами *(не)видать*, *(не)слыхать*, *(не)узнать* и нек. др. под., предикативами *слышно*, *видно*, *заметно* и под. — в сочетании с детерминирующим объектом в форме род. пад.; 2) именительным падежом существительного с общим значением наличия, бытия (экзистенциальности) — в сочетании с детерминантом; 3) предложения с тем же значением, организуемые количественно-именным сочетанием или равнозначной ему группой (род. пад. + слово или сочетание слов с количественным значением); 4) некоторые предложения фразеологизированной структуры.

Полная парадигма представлена в четырех вариантах.

Первый вариант полной парадигмы (см. с. 82) имеет три формы условного наклонения (1, 2 и 3), две формы желательного наклонения (2 и 5) и все формы побудительного наклонения.

По этому образцу изменяются двусоставные предложения в том случае, когда подлежащее в них выражено существительным одушевленным или личным местоимением. Исключение составляют: 1) предложения со связочными *это* и *есть* не со значением тождества; 2) предложения со сказуемым — глаголом бытия (*есть*); такие предложения изменяются по второму варианту полной парадигмы.

Специфика первого варианта определяется тем, что в формах побудительно-го наклонения здесь присутствует изменение главных членов предложения по числам и лицам. При этом следует помнить, что конкретный вид личного подлежащего (*я*, *ты*, *он* и т. д.), так же как и грамматическое число, не влияет ни на характер структурной схемы предложения, ни на строй парадигмы: они не относятся к строевым элементам предложения. Как будет видно, отличие второго варианта от первого состоит в том, что в формах побудительного наклонения во втором варианте отсутствует изменение главных членов предложения по числам и лицам; однако в случае персонификации по первому варианту изменяются и

предложения с подлежащим — существительным неодушевленным (за исключением тех же двух групп, которые названы в предыдущем абзаце).

Первый вариант

Синтаксический индикатив

Наст. время	<i>Сын работает (Я работаю, Ты работаешь и т. д.)</i>	<i>Он учитель</i>
Прош. время	<i>Сын работал</i>	<i>Он был учитель / учителем</i>
Будущее время	<i>Сын будет работать</i>	<i>Он будет учитель / учителем</i>

Синтаксические ирреальные наклонения

Сослагат. накл. Условн. накл.		<i>Сын работал бы</i>	<i>Он был бы учитель / учителем</i>	
		<i>Работай сын...</i>	<i>Будь он учитель / учителем</i>	
Долженствоват. накл.		<i>Работай бы сын...</i>	<i>Будь бы он учитель / учителем</i>	
		<i>Работал бы сын...</i>	<i>Был бы он учитель / учителем (...)</i>	
Желательн. накл.		<i>Сын работай (...)</i>	<i>Он будь учитель / учителем (...)</i>	
		<i>Работал бы сын!</i>	<i>Был бы он учитель / учителем!</i>	
Побудит. накл.	Ед. ч.	<i>Если бы (хорошо бы, лишь бы, только бы, хоть бы, пусть бы, что б, вот бы) сын работал!</i>	<i>Если бы (хорошо бы, лишь бы...) он был учитель / учителем!</i>	
		Мн. ч.	<i>Пусть я буду работать!</i>	<i>Пусть я буду учитель / учителем!</i>
			<i>Работай! Будьешь работать!</i>	<i>Будь учитель / учителем!</i>
			<i>Чтоб ты работал!</i>	<i>Будеешь учитель / учителем!</i>
			<i>Пусть он работает!</i>	<i>Чтоб ты был учитель / учителем!</i>
	<i>Чтоб он работал!</i>	<i>Пусть он будет учитель / учителем!</i>		
	Мн. ч.	<i>Будем (те) работать!</i>	<i>Будем (те) учителями!</i>	
		<i>Давайте работать!</i>	<i>Давайте быть учителями!</i>	
		<i>Давайте будем работать!</i>	<i>Давайте будем учителями!</i>	
		<i>Работайте!</i>	<i>Будьте учителями!</i>	
<i>Будете работать!</i>		<i>Будете учителями!</i>		
		<i>Чтоб вы работали!</i>	<i>Чтоб вы были учителями!</i>	
		<i>Пусть они работают!</i>	<i>Пусть они будут учителями!</i>	
		<i>Чтоб они работали!</i>	<i>Чтоб они были учителями!</i>	

Примеры предложений, изменяющихся по первому варианту: *Сын работает; Дети учатся; Дети идут гулять; Ребенок перестает плакать; Отец учитель; Мальчик становится юношей; Он умен; Сын старше; Сын становится старше; Он без пальто; Все в сборе; Мы против войны; Он здесь; Боец ранен; Он мне как отец.*

Если в сказуемое входит глагол с начинательным значением или фазовый глагол (если это глагол совершенного вида, то форма настоящего времени у этого предложения отсутствует, см. с. 85), то в ряд форм побудительного наклонения

входят формы прошедшего времени (см. выше, с. 78—79). Так, у предложения *Он (я, ты...) кончил разговаривать* побудительные формы будут таковы:

Кончи разговаривать! Кончишь разговаривать! Кончил разговаривать! Чтоб ты кончил разговаривать!

Кончим(те) разговаривать! Давайте кончать (см. ниже примечание 15 о заместительных формах) *разговаривать! Кончили разговаривать!*

Кончите разговаривать! Кончили разговаривать! Чтоб вы кончили разговаривать!

Второй вариант

Синтаксический индикатив

Наст. время	<i>Небо прозрачно</i>	<i>У тебя есть друг</i>
Прош. время	<i>Небо было прозрачно</i>	<i>У тебя был друг</i>
Будущее время	<i>Небо будет прозрачно</i>	<i>У тебя будет друг</i>

Синтаксические ирреальные наклонения

Сослагат. накл.	<i>Небо было бы прозрачно</i>	<i>У тебя был бы друг</i>
Условн. накл.	<i>Будь небо прозрачно... Будь бы небо прозрачно... Было бы небо прозрачно...</i>	<i>Будь у тебя друг... Будь бы у тебя друг... Был бы у тебя друг...</i>
Долженствоват. накл.	<i>Небо будь прозрачно... Будь бы небо прозрачно!</i>	<i>У тебя будь друг... Будь бы у тебя друг!</i>
Желательн. накл.	<i>Было бы небо прозрачно! Если бы (хорошо бы, лишь бы...) небо было прозрачно! Пусть небо будет прозрачно!</i>	<i>Был бы у тебя друг! Если бы (хорошо бы, лишь бы...) у тебя был друг! Пусть у тебя будет друг!</i>
Побудит. накл.	<i>Чтоб небо было прозрачно!</i>	<i>Чтоб у тебя был друг!</i>

Этот вариант полной парадигмы имеет три формы условного наклонения, три формы желательного наклонения и две формы побудительного наклонения. Таким образом, отличие от первого варианта здесь заключается только в составе форм побудительного наклонения.

По этому образцу изменяются следующие типы двусоставных предложений: 1) все предложения с подлежащим — неодушевленным существительным (в случае персонификации они изменяются по первому образцу); 2) названные выше (на с. 62) предложения со связочным *это, есть* с именным сказуемым (с любым подлежащим); 3) предложения со сказуемым — глаголом бытия *есть* (с любым подлежащим); 4) предложения фразеологизированного характера (см. примеры).

Примеры предложений, изменяющихся по второму варианту: *Завод работает; Небо прозрачно; Москва — столица; Небо как купол; Эта комната — для ребенка; Кни-*

за здесь; Москва — это столица; Время есть; У тебя есть друг; Приказ есть приказ; Вечер как вечер; Мне праздник не в праздник.

Третий вариант

Синтаксический индикатив

Наст. время	<i>Тишина</i>	<i>Нас трое</i>
Прош. время	<i>Была тишина</i>	<i>Нас было трое</i>
Будущее время	<i>Будет тишина</i>	<i>Нас будет трое</i>

Синтаксические ирреальные наклонения

Сослагат. накл.	<i>Была бы тишина</i>	<i>Нас было бы трое</i>
Условн. накл.	<i>Будь тишина... Будь бы тишина... Была бы тишина... Тишина бы...</i>	<i>Будь нас трое... Будь бы нас трое... Было бы нас трое... Трое бы нас...</i>
Долженствоват. накл.	<i>Будь тишина...</i>	<i>Нас будь трое...</i>
Желательн. накл.	<i>Тишина бы! Будь бы тишина! Была бы тишина! Если бы (хорошо бы, лишь бы...) тишина! Если бы (хорошо бы, лишь бы...) была тишина!</i>	<i>Трое бы нас! Будь бы нас трое! Было бы нас трое! Если бы (хорошо бы, лишь бы...) нас трое! Если бы (хорошо бы, лишь бы...) нас было трое!</i>
Побудит. накл.	<i>Пусть будет тишина! Чтоб была тишина!</i>	<i>Пусть нас будет трое! Чтоб нас было трое!</i>

Этот вариант имеет все четыре формы условного наклонения, все пять форм желательного наклонения и две формы побудительного наклонения.

По этому варианту изменяются односоставные предложения, организуемые номинативом, а также количественно-именным сочетанием: *Тишина* (с детерминантами: *У него беда; Войне конец; У леса сторожка; На обед щи*), *Нас трое; Их два брата; Дел много* (с детерминантами: *Ему семь лет; У него мало времени*).

Четвертый вариант

Синтаксический индикатив

Наст. время	<i>Людей не видно</i>
Прош. время	<i>Людей было бы не видно</i>
Будущее время	<i>Людей будет не видно</i>

Синтаксические ирреальные наклонения

Сослагат. накл.	<i>Людей было бы не видно</i>
Условн. накл.	<i>Будь не видно людей... Будь бы не видно людей... Было бы не видно людей...</i>
Долженствоват. накл.	<i>Людей будь не видно...</i>
Желательн. накл.	<i>Было бы не видно людей! Если бы (хорошо бы, лишь бы...) было не видно людей</i>
Побудит. накл.	<i>Пусть будет не видно людей! Чтоб было не видно людей!</i>

Этот вариант полной парадигмы имеет три формы условного наклонения, две формы желательного наклонения и две формы побудительного наклонения.

По этому варианту изменяются отрицательные односоставные предложения, организуемые предикативом или инфинитивом (*не*)*видать*, (*не*)*слыхать* и под., следующих видов: *Домов не видно*; *Людей не слышно*; *Следов не заметно*; *Ему не до нас*; *Людей не видеть*; *Голосов не слышать*.

Этими четырьмя вариантами охватываются все предложения с полной парадигмой.

Особых замечаний требуют двусоставные предложения, сказуемое которых организуется глаголом, в своей морфологической парадигме не имеющим тех или других форм. Это глаголы совершенного вида (в этом случае соответственно отсутствует форма настоящего времени)¹⁵, глагол *бывать* (не употребляется форма будущего времени), многократные глаголы (у них отсутствуют формы наст. буд. вр., повелит. накл. и омонимичная с ней форма долженствовательного наклонения). Парадигмы предложений с такими глаголами организуются по образцу соответствующих полных парадигм, а незаполненность клеток объясняется не строением парадигмы, а морфологическими свойствами глагола, организующего сказуемое.

Б. Предложения с неполной парадигмой

Существуют три группы неполных парадигм — в зависимости от соотношения полноты или неполноты системы форм индикатива и ирреальных наклонений: 1) парадигмы с неполной системой форм ирреальных наклонений; 2) парадигмы с неполной системой форм как индикатива, так и ирреальных наклоне-

¹⁵ Для предложений, строящихся со сказуемым — глаголом совершенного вида, имеющим пару только с собственно видовым различием (*делать* — *сделать*, *приходить* — *прийти* и под.), в настоящем времени выступают «заместительные формы» с соответствующим глаголом, например: *Приходится согласиться* («заместительная форма») — *Пришлось согласиться...*; *Он делает доклад* («заместительная форма») — *Он сделал доклад* — *Он сделает доклад* и т. д.

ний; 3) парадигмы с отсутствующими формами индикатива и неполной системой форм ирреальных наклонений.

ПАРАДИГМЫ С НЕПОЛНОЙ СИСТЕМОЙ ФОРМ ИРРЕАЛЬНЫХ НАКЛОНЕНИЙ

В современном русском литературном языке можно выделить шесть типов неполных парадигм, в которых наличествуют все формы синтаксического индикатива, но система форм ирреальных наклонений представлена не полностью.

1. Парадигма с отсутствующей формой условного наклонения (семичленная).

Форма условного наклонения отсутствует у предложений со связочным *и есть*, выражающих соответствие предмета своему названию, назначению: *Лень и есть лень; Солдат (он) и есть солдат*. Такие предложения имеют одну форму желательного наклонения и две формы побудительного наклонения.

Синтаксический индикатив

Наст. время	<i>Солдат (он) и есть солдат</i>
Прош. время	<i>Солдат (он) и был солдат</i>
Будущее время	<i>Солдат (он) и будет солдат</i>

Синтаксические ирреальные наклонения

Сослагат. накл.	<i>Солдат (он) и был бы солдат</i>
Условн. накл.	<i>Солдат (он) и будь солдат</i>
Долженствоват. накл.	<i>Пусть бы (лишь бы...) солдат (он) и был солдат!</i>
Желательн. накл.	<i>Пусть солдат (он) и будет солдат!</i>
Побудит. накл.	<i>Чтоб солдат (он) и был солдат!</i>

2. Парадигма с отсутствующей формой долженствовательного наклонения (семичленная).

Парадигму с отсутствующей формой долженствовательного наклонения имеют как двусоставные, так и односоставные предложения (см. ниже).

Такие парадигмы существуют в четырех вариантах.

Первый вариант

Синтаксический индикатив

Наст. время	<i>Храбрость есть следствием ума</i>
Прош. время	<i>Храбрость была следствием ума</i>
Будущее время	<i>Храбрость будет следствием ума</i>

Синтаксические ирреальные наклонения

Сослагат. накл.	<i>Храбрость была бы следствием ума</i>
Условн. накл.	<i>Будь храбрость следствием ума... Будь бы храбрость следствием ума... Была бы храбрость следствием ума...</i>
Долженствоват. накл.	—
Желательн. накл.	<i>Была бы храбрость следствием ума! Если бы (пусть бы...) храбрость была следствием ума!</i>
Побудит. накл.	<i>Пусть храбрость будет следствием ума!</i>

Этот вариант имеет три формы условного наклонения, две формы желательного наклонения и одну форму побудительного наклонения.

По этому варианту изменяются следующие двусоставные предложения: 1) предложения с подлежащим — инфинитивом и сказуемым — спрягаемой формой глагола; 2) предложения со сказуемым — именем существительным со связками *есть, это есть, то же (самое) что* — со значением тождества: *Курит воспрещается; Храбрость есть следствие ума; Алоэ — то же, что столетник.*

По этому же варианту изменяются односоставные предложения, главный член которых организуется: 1) формой 3 л. ед. ч. глагола — одной или в сочетании с инфинитивом; 2) ползунаменательным глаголом в сочетании с предикативом; 3) предикативом *нет* в сочетании с род. пад.: *Светает; Его знобит; Ему везет; Пахнет сеном; Нездоровится; Препятствий не существует; Не сидится на месте; Начинает светать; Хочется спать; Приходится согласиться; Молнией убило человека; Делается холодно; Становится скучно; Ошибка нет.*

Синтаксический индикатив

Наст. время	<i>Ему везет</i>	<i>Начинает светать</i>	<i>Ошибка нет</i>
Прош. время	<i>Ему везло</i>	<i>Начинало светать</i>	<i>Ошибка не было</i>
Будущее время	<i>Ему будет везти / повезет</i>	<i>Будет начинать / начнет светать</i>	<i>Ошибка не будет</i>

Синтаксические ирреальные наклонения

Сослагат. накл.	<i>Ему везло бы</i>	<i>Начинало бы светать</i>	<i>Ошибка не было бы</i>
Условн. накл.	<i>Вези ему... Вези бы ему... Везло бы ему...</i>	<i>Начинай светать... Начинало бы светать...</i>	<i>Не будь ошибок... Не будь бы ошибок... Не было бы ошибок...</i>
Долженствоват. накл.	—	—	—

Желательн. накл.	<i>Везло бы ему! Если бы (лишь бы...) ему везло</i>	<i>Начинало бы светать! Если бы (лишь бы...) начинало светать!</i>	<i>Не было бы ошибок! Если бы (лишь бы...) не было ошибок!</i>
Побудит. накл.	<i>Пусть ему везет!</i>	<i>Пусть начинает светать!</i>	<i>Пусть не будет ошибок! Чтоб не было ошибок!</i>

Второй вариант

Синтаксический индикатив

Наст. время	<i>Его цель — учиться</i>	<i>Письмо из Москвы</i>
Прош. время	<i>Его цель была учиться</i>	<i>Письмо было из Москвы</i>
Будущее время	<i>Его цель будет учиться</i>	<i>Письмо будет из Москвы</i>

Синтаксические ирреальные наклонения

Сослагат. накл.	<i>Его цель была бы учиться</i>	<i>Письмо было бы из Москвы</i>
Условн. накл.	<i>Будь его цель учиться... Была бы его цель учиться... Учиться бы его цель, так... Его бы цель учиться...</i>	<i>Будь письмо из Москвы... Будь бы письмо из Москвы... Было бы письмо из Москвы... Из Москвы бы письмо, так...</i>
Долженствоват. накл.	—	—
Желательн. накл.	<i>Будь бы его цель учиться! Была бы его цель учиться! Если бы (лишь бы...) его цель была учиться!</i>	<i>Будь бы письмо из Москвы! Было бы письмо из Москвы! Если бы (лишь бы...) письмо было из Москвы!</i>
Побудит. накл.	<i>Пусть его цель будет учиться!</i>	<i>Пусть письмо будет из Москвы!</i>

Этот вариант отличается от первого формами условного наклонения.

По этому варианту изменяются следующие двусоставные предложения: 1) предложения (со связкой *это* или без связки), в которых подлежащее формируется инфинитивом, а сказуемое — именем или предикативом; 2) предложения со сказуемым — предложно-именным сочетанием в форме род. пад. с предлогом *с, от, из* со значением пространственной отнесенности или исхождения; 3) предложения со сказуемым — словом *весь* (*вся, всё, все*) со значением 'израсходован', 'кончился'. Примеры: *Учиться — его цель; Переезжать несносно; Переезжать — это несносно; Встретить друга — радость; Я с фронта; Письмо из Москвы; Запасы все.*

Третий вариант

Синтаксический индикатив

Наст. время	<i>Сюда идут</i>	<i>Жить значит трудиться</i>
Прош. время	<i>Сюда шли</i>	<i>Жить значило трудиться</i>
Будущее время	<i>Сюда будут идти / пойдут</i>	<i>Жить будет значить трудиться</i>

Синтаксические ирреальные наклонения

Сослагат. накл.	<i>Сюда шли бы</i>	<i>Жить значило бы трудиться</i>
Условн. накл.	<i>Шли бы сюда...</i>	<i>Значило бы жить — трудиться...</i>
Долженствоват. накл.	—	—
Желательн. накл.	<i>Шли бы сюда!</i> <i>Если бы (лишь бы...) сюда шли!</i>	<i>Значило бы жить — трудиться!</i> <i>Если бы (лишь бы...) жить значило трудиться!</i>
Побудит. накл.	<i>Пусть сюда идут!</i>	<i>Пусть жить будет значить трудиться!</i>

Этот вариант имеет одну форму условного наклонения, две формы желательного наклонения и одну форму побудительного наклонения.

По этому варианту изменяются: 1) двусоставные предложения, в которых оба главных члена организуются инфинитивом: *Жить значит трудиться; Терять время — (это) все равно, что бросать деньги*; 2) односоставные предложения, главный член которых организуется глаголом в форме 3 л. мн. ч.: *Сюда идут; Стучат; Поют; Ударили в набат.*

Четвертый вариант

Синтаксический индикатив

Наст. время	<i>Надо ехать</i>	<i>Тихо</i>	<i>Ни души</i>
Прош. время	<i>Надо было ехать</i>	<i>Было тихо</i>	<i>Не было ни души</i>
Будущее время	<i>Надо будет ехать</i>	<i>Будет тихо</i>	<i>Не будет ни души</i>

Синтаксические ирреальные наклонения

Сослагат. накл.	<i>Надо было бы ехать</i>	<i>Было бы тихо</i>	<i>Не было бы ни души</i>
Условн. накл.	<i>Будь надо ехать...</i> <i>Будь бы надо ехать...</i> <i>Надо было бы ехать...</i> <i>Надо бы ехать...</i>	<i>Будь тихо...</i> <i>Будь бы тихо...</i> <i>Было бы тихо...</i> <i>Тихо бы...</i>	<i>Не будь ни души...</i> <i>Не будь бы ни души...</i> <i>Не было бы ни души...</i> <i>Ни души бы...</i>
Долженствоват. накл.	—	—	—

Желательн. накл.	<i>Будь бы надо ехать!</i> <i>Было бы надо ехать!</i> <i>Если бы (лишь бы...) надо ехать!</i> <i>Если бы (лишь бы...) надо было ехать!</i>	<i>Будь бы тихо!</i> <i>Было бы тихо!</i> <i>Если бы (лишь бы...) тихо!</i> <i>Если бы (лишь бы...) было тихо!</i>	<i>Не будь бы ни души!</i> <i>Не было бы ни души!</i> <i>Если бы (лишь бы...) ни души!</i> <i>Если бы (лишь бы...) не было ни души!</i>
Побудит. накл.	<i>Пусть надо будет ехать!</i>	<i>Пусть будет тихо!</i> <i>Чтоб было тихо!</i>	<i>Пусть не будет ни души!</i> <i>Чтоб не было ни души!</i>

Этот вариант имеет все четыре формы условного наклонения и четыре формы желательного наклонения.

По этому варианту изменяются предложения, главный член которых организуется: 1) инфинитивом в обязательном сочетании а) с формой *есть* и предложной формой относительного местоимения или б) с отрицательным местоимением или предикативом; 2) предикативом — одним или в сочетании с инфинитивом; 3) предикативно функционирующим именем в сочетании с инфинитивом; 4) предикативной формой страдательного причастия; 5) предложно-именными сочетаниями наречного характера; б) родительным падежом имени в обязательном сочетании с отрицанием (не в повелительном значении) или родительным падежом отрицательного местоимения: *Нечего спорить; Незачем стараться; Не к кому идти; Не с кем поговорить; Есть о чем поговорить; Есть к кому пойти; Можно ждать; Нельзя разговаривать; Надо ехать; Не время спорить; Пора начинать; Охота посмотреть; Жаль товарища; Холодно; До дому далеко; Тихо; Скучно сидеть одному; Ему недолго ждать; Решено наступать; Уж за полдень; Ни души; Ни звука; Никого; Ничего лишнего.*

Представленная в четвертом варианте система форм предложений, не имеющих долженствовательного наклонения, требует существенного комментария. У предложений, объединяемых этой парадигмой, — за исключением предложений с *можно, нужно, нельзя, жаль, пора, охота, не время* и под., а также со словом *нет*, — форма долженствовательного наклонения может быть образована в том случае, если в состав предложения вводится детерминант с субъектным или обстоятельственным значением. Это объясняется тем, что долженствовательная форма обозначает признак предписываемый, т. е. такой, который в силу самого своего значения обязательно должен быть соотнесен с носителем в широком смысле этого слова. Такой носитель — субъектно-объектный или локальный — и обозначается при помощи детерминанта. Так, предложение *Негде ночевать* само по себе не образует формы долженствовательного наклонения; однако с появлением детерминанта образование такой формы становится возможным, например: *Мне ведь негде ночевать (а у них квартира стоит пустая)*. Ср. еще: *Есть чем пообедать* и: *У жены всегда будет чем пообедать (а он и копейки не приносит в дом)*; *Тепло* и: *В доме всегда будет тепло (а сам даже дров не наколешь)*; *Тихо* и: *У соседей будет тихо (а вам можно до ночи песни петь)*; *Ни души* и: *У нас не будет ни души (а у них всегда полно гостей)*; *Никого* и: *У него не будет никого (а у нее каждый день новые друзья)* и т. п.

Таким образом, для этих предложений характер парадигмы может определяться наличием или отсутствием детерминанта.

По этому же варианту изменяются: 1) организуемые номинативом предложения бытийного значения, не включающие в свой состав детерминанта; 2) предложения той же структуры с детерминантом — наречием с темпоральным значением; 3) предложения с главным членом — существительным количественного значения или количественно-именным сочетанием с детерминантом *тому, этому*, указывающим на отнесенность к тому, что исходит из прошлого: *Ночь; Воскресенье; Война; Снова осечка; Этому уже лет десять.*

Синтаксический индикатив

Наст. время	<i>Ночь</i>	<i>Снова осечка</i>
Прош. время	<i>Была ночь</i>	<i>Снова была осечка</i>
Будущее время	<i>Будет ночь</i>	<i>Снова будет осечка</i>

Синтаксические ирреальные наклонения

Сослагат. накл.	<i>Была бы ночь</i>	<i>Снова была бы осечка</i>
Условн. накл.	<i>Будь ночь...</i> <i>Будь бы ночь...</i> <i>Была бы ночь...</i> <i>Ночь бы...</i>	<i>Будь снова осечка...</i> <i>Будь бы снова осечка...</i> <i>Была бы снова осечка...</i> <i>Снова бы осечка...</i>
Долженствоват. накл.	—	—
Желательн. накл.	<i>Ночь бы!</i> <i>Будь бы ночь!</i> <i>Была бы ночь!</i> <i>Если бы (лишь бы...) ночь!</i> <i>Если бы (лишь бы...) была ночь!</i>	<i>Снова бы осечка!</i> <i>Будь бы снова осечка!</i> <i>Была бы снова осечка!</i> <i>Если бы (лишь бы...) снова осечка!</i> <i>Если бы (лишь бы...) снова была осечка!</i>
Побудит. накл.	<i>Пусть будет ночь!</i>	<i>Пусть снова будет осечка!</i>

По этому же варианту изменяются предложения, обычно контекстуально обусловленные, означающие наличие каких-либо конкретных предметов, ситуаций, событий. Исходная форма здесь наиболее частотна. Так, например, в таких предложениях как *Ночлеж; Гости; Шум шагов; Баррикады; Жара; Все степь да степь* форма настоящего времени употребляется значительно чаще, чем все другие, особенно, чем формы ирреальных наклонений; однако вопрос о характере парадигмы предложения не следует смешивать с вопросом об употребительности тех или иных его форм. Наиболее равномерно — в смысле употребительности всех членов па-

радигмы — представлена система форм у предложений с главным членом — существительным, называющим какой-либо временной отрезок: часть или время суток, день недели, время года и под.: *Ночь; Утро; Вечер; Три часа дня; Воскресенье; Январь; Весна; Осень; Зима* и под.

В том случае, когда односоставные предложения, организуемые номинативом, обозначают единичный, разово воспринимаемый акт, они имеют другую парадигму (см. ниже парадигму под номером 4 (10)).

3. Парадигма с отсутствующими формами долженствования и побудительного наклонений (шестичленная).

Парадигма предложений, не образующих форм долженствования и побудительного наклонений, существует в двух вариантах; оба они представлены односоставными предложениями.

Первый вариант

Синтаксический индикатив

Наст. время	<i>Нам вместе работать</i>
Прош. время	<i>Нам было вместе работать</i>
Будущее время	<i>Нам будет вместе работать</i>

Синтаксические ирреальные наклонения

Сослагат. накл.	<i>Нам было бы вместе работать</i>
Условн. накл.	<i>Будь нам вместе работать... Будь бы нам вместе работать... Было бы нам вместе работать... Вместе бы нам работать...</i>
Долженствоват. накл.	—
Желательн. накл.	<i>Нам бы вместе работать! Будь бы нам вместе работать! Было бы нам вместе работать! Если бы (лишь бы...) нам вместе работать! Если бы (лишь бы...) нам было вместе работать!</i>
Побудит. накл.	—

Первый вариант представлен означившими объективное предстояние неотрицательными предложениями, организуемыми инфинитивом в сочетании с детерминантом (кроме предложений с *быть*): *Нам вместе работать; Вам начинать; Скоро ехать; Нам ехать еще километр.*

Этот вариант имеет четыре формы условного наклонения и все пять форм желательного наклонения.

Второй вариант
Синтаксический индикатив

Наст. время	—
Прош. время	<i>Его угораздило упасть</i>
Будущее время	<i>Его угораздит упасть</i>

Синтаксические ирреальные наклонения

Сослагат. накл.	<i>Его угораздило бы упасть</i>
Условн. накл.	<i>Угоразди его упасть...</i> <i>Угоразди бы его упасть...</i> <i>Угораздило бы его упасть...</i>
Долженствоват. накл.	—
Желательн. накл.	<i>Угораздило бы его упасть!</i> <i>Если бы (лишь бы...) его угораздило упасть!</i>
Побудит. накл.	—

Этот вариант имеет три формы условного наклонения и две формы желательного наклонения. Так изменяются предложения, главный член которых организуется безличным глаголом совершенного вида, не имеющим видовой пары: *Его угораздило упасть; Меня догадало поехать.*

Отсутствие формы настоящего времени объясняется грамматическим характером собственно глагола.

4. Парадигма с отсутствующими формами долженствовательного, желательного и побудительного наклонений (пятичленная).

Синтаксический индикатив

Наст. время	<i>Судьбы не миновать</i>
Прош. время	<i>Судьбы не миновать было</i>
Будущее время	<i>Судьбы не миновать будет</i>

Синтаксические ирреальные наклонения

Сослагат. накл.	<i>Судьбы не миновать было бы</i>
Условн. накл.	<i>Не миновать бы судьбы...</i>
Долженствоват. накл.	—
Желательн. накл.	—
Побудит. накл.	—

По этой парадигме изменяются отрицательные инфинитивные предложения со значением утверждения невозможности: *Судьбы не миновать; Мне тебя не удержать; Не жить мне без тебя; Тебя не обмануть; Вам не видать таких сражений*. ДETERМИНАНТ в той или другой форме здесь обязателен.

5. Парадигма с отсутствующими формами условного, должностовательного и побудительного наклонений (пятичленная).

Эта парадигма существует в двух вариантах.

Первый вариант

Синтаксический индикатив

Наст. время	<i>Тут-то себя и показать</i>
Прош. время	<i>Тут-то себя и показать было</i>
Будущее время	<i>Тут-то себя и показать будет</i>

Синтаксические ирреальные наклонения

Сослагат. накл.	<i>Тут-то себя и показать было бы</i>
Условн. накл.	—
Долженствоват. накл.	—
Желательн. накл.	<i>Тут-то бы себя и показать!</i> <i>Тут-то бы себя и показать было!</i> <i>Если бы (лишь бы...) тут-то себя и показать!</i>
Побудит. накл.	—

Этот вариант имеет три формы желательного наклонения. Так изменяются предложения со значением целесообразного или субъективно решенного действия: *Принести, видно, ему подарочек; Пойти пообедать; Теперь-то себя и показать; Испытаться что ли; Сесть отдохнуть*. По этому же образцу изменяются предложения, означающие оценку предмета через действие: *Таких сыновей по свету поискать!; Лучшего друга не найти!*

Второй вариант

Синтаксический индикатив

Наст. время	<i>Ехать так ехать</i>
Прош. время	<i>Ехать так ехать было</i>
Будущее время	<i>Ехать так ехать будет</i>

Синтаксические ирреальные наклонения

Сослагат. накл.	<i>Ехать так ехать было бы</i>
Условн. накл.	—
Долженствоват. накл.	—
Желательн. накл.	<i>Ехать бы так ехать!</i>
Побудит. накл.	—

Этот вариант имеет одну форму желательного наклонения. Так изменяются двуинфинитивные предложения фразеологизированной структуры с соединительной безударной частицей *так*, обозначающие принимаемое действие: *Ехать так ехать; Умирать так умирать; Кутить так кутить*¹⁶.

6. Парадигма с отсутствующими формами условного, долженствительного, желательного и побудительного наклонений (четырёхчленная).

Три формы синтаксического индикатива и форму сослагательного наклонения имеют, во-первых, двусоставные предложения со связочным *вот*; во-вторых, большая группа экспрессивно окрашенных предложений, в которых те или иные экспрессивные (субъективно-модальные) значения имеют собственное выражение средствами частиц, близких им по функции местоимений, или заключены в самой структуре предложения; в-третьих, инфинитивные предложения, означающие желательность или нежелательность; в-четвертых, некоторые предложения фразеологизированной структуры.

Парадигма с отсутствующими формами всех ирреальных наклонений, кроме сослагательного, существует в двух вариантах.

Первый вариант

Синтаксический индикатив

Наст. время	<i>Ученье — вот задача</i>	<i>Учиться — вот задача</i>
Прош. время	<i>Ученье — вот была задача</i>	<i>Учиться — вот была задача</i>
Будущее время	<i>Ученье — вот будет задача</i>	<i>Учиться — вот будет задача</i>

¹⁶ Соединяться при помощи частицы *так* могут не только инфинитивы, но и любые словоформы в составе высказывания: *Домой так домой; К тебе так к тебе; Сюда так сюда; Синий шарф так сини* и т. д. Однако существенное отличие всех таких соединений от структурной схемы инфинитивного предложения заключается в том, что такие соединения, во-первых, не способны к самостоятельному, вне контекста, функционированию и, во-вторых, не имеют системы форм. Они не являются, таким образом, формой предложения, входящей в его синтаксическую парадигму.

Синтаксические ирреальные наклонения

Сослагат. накл.	<i>Ученье — вот была бы задача</i>	<i>Учиться — вот была бы задача</i>
Условн. накл.	—	—
Долженствоват. накл.	—	—
Желательн. накл.	—	—
Побудит. накл.	—	—

По этому варианту изменяются предложения со связочным *вот*: *Ученье — вот задача; Учиться — вот задача; Учиться — вот (вот это, это) интересно.*

По этому же варианту изменяется большая группа экспрессивно окрашенных предложений, в которых эта экспрессивная окрашенность выражена специальными средствами (частицами, местоименными словами или специальными сочетаниями) либо заключена в самом типе предложения. Имеются в виду предложения, по самому своему характеру связанные с разговорной речью, но функционирующие не в составе диалогического единства (что, естественно, не исключено), а самостоятельно. Это предложения следующих видов: 1) предложения, организуемые номинативом или личной формой глагола в сочетании с частицами: *То-то сторона!; То-то пляшет!; Ну и ночка!; Ну и врет!; Ну характер!; Ну выдумывает!; Вот так мастер!; Вот так расписывает!; Ай да сынок!; Ай да кутит!; Уж и рисунок!; Уж и поет!; Вот чудак!; Вот рисует!; Вот смех-то!; Вот рисует-то!; Тоже (мне) политик!; Тоже (мне) лезет!; Туда же (мне) мастер!; Туда же (мне) учит!;* с частицей *вот так* — соединением двух номинативов или глагольных форм: *Вот чудак так чудак!; Вот поет так поет!;* 2) генитивно-квантитативные предложения, строящиеся собственно генитивом или генитивом в сочетании с частицей или местоименной формой с количественным значением: *Народу!; Цветов-то!; То-то смеху!; Что шуму-то!;* 3) предложения, организующиеся с участием местоименных слов *какой, экий, как, сколько*: *Какая тишина!; Какой он добрый!; Экий бес девка!;* 4) экспрессивно-отрицающие предложения, организующиеся соединением частиц *где, куда (где уж, куда уж)* с инфинитивом и дат. пад. субъекта: *Где уж мне спорить!; Куда тебе с ним тягаться*¹⁷; 5) фразеологизированные структуры с *мало, мало ли (мало ли что, мало чего, мало ли где, мало ли откуда* и под.): *Мало ли что он придумает!; Мало ли куда меня зовут!; Мало ли чего ребятишки не выдумают.*

Все такие предложения имеют четырехчленную парадигму: три формы синтаксического индикатива и форму сослагательного наклонения (в случаях видовых ограничений действуют те же правила, о которых говорилось выше по отношению к парадигмам других типов).

¹⁷ Предложения с этими частицами имеют характер самостоятельной структуры только тогда, когда они организуются инфинитивом. Во всех других случаях построения с *где, куда* входят в состав диалогического единства или других контекстуально обусловленных соединений.

Синтаксический индикатив

Наст. время	<i>Ну и ночка! Какая тишина!</i>	<i>Вот пляшет так пляшет! Где мне спорить!</i>	<i>Народу-то! Мало ли куда меня зовут!</i>
Прош. время	<i>Ну и ночка была! Какая была тишина!</i>	<i>Вот плясал так плясал! Где мне было спорить!</i>	<i>Народу-то было! Мало ли куда меня звали!</i>
Будущее время	<i>Ну и ночка будет! Какая будет тишина!</i>	<i>Вот будет плясать так плясать! Где мне будет спорить!</i>	<i>Народу-то будет! Мало ли куда меня будут звать!</i>

Синтаксические ирреальные наклонения

Сослагат. накл.	<i>Ну и ночка была бы! Какая была бы тишина!</i>	<i>Вот плясал бы так плясал! Где мне было бы спорить!</i>	<i>Народу-то было бы! Мало ли куда меня звали бы!</i>
-----------------	--	---	---

По этому же варианту изменяются инфинитивные предложения со значением субъективной предрасположенности, излюбленности действия, имеющие в форме настоящего времени частицу *бы*: *Ему бы только спать*; *Тебе только бы поговорить*; *Им бы всю неделю гулять*; *Ребятам только бы побаловаться*. Детерминант в таких предложениях обязателен.

Синтаксический индикатив

Наст. время	<i>Ему бы только спать</i>
Прош. время	<i>Ему было только бы спать</i>
Будущее время	<i>Ему будет только бы спать</i>

Синтаксические ирреальные наклонения

Сослагат. накл.	<i>Ему было бы только спать</i>
-----------------	---------------------------------

Второй вариант

Синтаксический индикатив

Наст. время	<i>Не дай бог замерзнуть!</i>	<i>Так ему и надо!</i>
Прош. время	<i>Не дай бог было замерзнуть!</i>	<i>Так ему и надо было!</i>
Будущее время	<i>Не дай бог будет замерзнуть!</i>	<i>Так ему и надо будет!</i>

Синтаксические ирреальные наклонения

Сослагат. накл.	<i>Не дай бог было бы замерзнуть</i>	<i>Так бы ему и надо было!</i>
Условн. накл.	<i>Не дай бы бог замерзнуть</i>	<i>Так бы ему и надо!</i>

Этот вариант отличается от первого тем, что имеет две формы сослагательно-го наклонения. Так изменяются: 1) означающие нежелательность инфинитивные предложения с фразеологизированным компонентом *избави бог, не дай бог, спаси бог, сохрани бог, помилуй бог, не приведи господи* и под.: *Не дай бог заснуть!*; *Сохрани бог проговориться!*; *Избави господи с ним повстречаться!*; 2) означающие желательность фразеологизированные предложения: *Так ему и надо!*; *Туда ему и дорога!*

Парадигмы с неполной системой форм индикатива
и ирреальных наклонений

Существуют четыре типа парадигм, в которых не полностью представлены как формы синтаксического индикатива, так и формы ирреальных наклонений.

1 (7)*. Парадигма с отсутствующими формами будущего времени, долженствовательного и побудительного наклонений (пятичленная).

Синтаксический индикатив

Наст. время	<i>Не стоит спорить</i>
Прош. время	<i>Не стоило спорить</i>
Будущее время	—

Синтаксические ирреальные наклонения

Сослагат. накл.	<i>Не стоило бы спорить</i>
Условн. накл.	<i>Не стоило бы спорить...</i>
Долженствоват. накл.	—
Желательн. накл.	<i>Если бы (лишь бы...) не стоило спорить!</i>
Побудит. накл.	—

Предложения, изменяющиеся по этой парадигме, имеют одну форму условного наклонения и одну форму желательного наклонения.

По этой парадигме изменяются предложения, главный член которых организуется с участием модальных глаголов: *следовать, стоять, годиться, надлежать,*

* В скобках продолжается общий счет неполных парадигм.

мочь и под.: *Стоит поспорить; Не следует горячиться; Надлежит узнать; Опоздать не годится.*

2 (8). Парадигма с отсутствующими формами прошедшего, будущего времени, сослагательного, долженствовательного и побудительного наклонений (трехчленная).

Синтаксический индикатив

Наст. время	<i>Быть дождю</i>	<i>Быть свадьбе</i>
Прош. время	—	—
Будущее время	—	—

Синтаксические ирреальные наклонения

Сослагат. накл.	—	—
Условн. накл.	<i>Быть бы дождю...</i>	<i>Быть бы свадьбе...</i>
Долженствоват. накл.	—	—
Желательн. накл.	<i>Если бы (лишь бы...) быть дождю!</i>	<i>Если бы (лишь бы...) быть свадьбе!</i>
Побудит. накл.	—	—

Эта парадигма имеет одну форму условного наклонения и одну форму желательного наклонения. Так изменяются инфинитивные предложения с *быть* и с другими бытийными глаголами, выражающие объективное предстояние, неизбежное долженствование; детерминант обязателен: *Быть дождю; Быть беде; Быть бычку на веревочке; Раздаваться детским голосам!*¹⁸.

3 (9). Парадигма с отсутствующими формами прошедшего, будущего времени и долженствовательного наклонения (пятичленная).

Синтаксический индикатив

Наст. время	<i>Он от меня ни на шаг</i>
Прош. время	—
Будущее время	—

¹⁸ В говорах и просторечии, а также в живой разговорной речи такие предложения имеют формы прошедшего времени. Материалы см.: [Чернышев 1949]. Ср., напр., шутливое: *Быть было ненастью, да дождь помешал.*

Синтаксические ирреальные наклонения

Сослагат. накл.	<i>Он бы от меня ни на шаг</i>
Условн. накл.	<i>Ни на шаг бы он от меня!</i>
Долженствоват. накл.	—
Желательн. накл.	<i>Ни на шаг бы он от меня! Если бы (лишь бы...) он от меня ни на шаг!</i>
Побудит. накл.	<i>Пусть он от меня ни на шаг! Чтоб он от меня ни на шаг!</i>

В этой парадигме представлена одна форма условного наклонения, две формы желательного наклонения и две формы побудительного наклонения. Так изменяются предложения со сказуемым — предложно-именным сочетанием, обозначающим единичный конкретный акт или движение: *Он от меня ни на шаг; Ребята через забор; Я к тебе; Он о деле; Мы на работу; Мужики за топоры; Мать в слезы; Мы туда и под.*

4 (10). Парадигма с отсутствующими формами прошедшего, будущего времени, долженствовательного и побудительного наклонений (четырёхчленная).

Парадигма, состоящая из одной формы индикатива (наст. вр.) и трех форм ирреальных наклонений (сослагательного, условного и желательного), существует в двух вариантах.

Первый вариант

Синтаксический индикатив

Наст. время	<i>Из-за угла машина</i>	<i>Навстречу прохожий</i>
Прош. время	—	—
Будущее время	—	—

Синтаксические ирреальные наклонения

Сослагат. накл.	<i>Из-за угла бы машина</i>	<i>Навстречу бы прохожий</i>
Условн. накл.	<i>Машина бы из-за угла...</i>	<i>Прохожий бы навстречу...</i>
Долженствоват. накл.	—	—
Желательн. накл.	<i>Машина бы из-за угла! Если бы (лишь бы...) из-за угла машина!</i>	<i>Прохожий бы навстречу! Если бы (лишь бы...) навстречу прохожий!</i>
Побудит. накл.	—	—

Этот вариант имеет одну форму условного наклонения и две формы желательного наклонения. По этому варианту изменяются безглагольные предложения с детерминантами пространственно-обстоятельственного характера, выражающие разовое появление, обнаружение конкретного предмета или лица: *Из-за угла машина; Навстречу прохожий; С крыши — ком снега; Вдруг на дороге — велосипедист* и под. Детерминанты в этих предложениях обязательны.

Второй вариант

Синтаксический индикатив

Наст. время	<i>Выстрел!</i>	<i>Вдруг топот!</i>
Прош. время	—	—
Будущее время	—	—

Синтаксические ирреальные наклонения

Сослагат. накл.	<i>Выстрел бы</i> <i>Был бы выстрел</i>
Условн. накл.	<i>Будь выстрел...</i> <i>Будь бы выстрел...</i> <i>Был бы выстрел...</i> <i>Выстрел бы...</i>
Долженствоват. накл.	—
Желательн. накл.	<i>Выстрел бы!</i> <i>Если бы (лишь бы...) выстрел!</i>
Побудит. накл.	—

Этот вариант имеет две формы сослагательного наклонения, все четыре формы условного наклонения и две формы желательного наклонения.

Так изменяются организуемые номинативом предложения, констатирующие непосредственно воспринимаемое разовое явление или акт, например: *Выстрел!*; *Вдруг топот!*; *Чу, колокольчик!*; *Снова удар грома; Воры!*; *Стук, шум!*; *Море, вот оно море!*; *Слышишь: стон, скрежет!* Детерминанты в этих предложениях как правило отсутствуют; если же они есть, то обычно имеют темпоральное значение.

Парадигмы с отсутствующими формами индикатива и с неполной системой форм ирреальных наклонений

В предложениях с отсутствующими формами индикатива в качестве исходной выступает одна из форм ирреальных наклонений. За исходную принимается форма, обладающая наибольшей простотой организации и наивысшей частотностью¹⁹.

¹⁹ В следующих ниже таблицах исходная форма выделена разрядкой.

Парадигмы с отсутствующими формами индикатива представлены в современном русском языке двумя видами.

1 (11). Парадигма с отсутствующими формами индикатива, сослагательного, условного и долженствовательного наклонений (двучленная).

Двучленная парадигма, представленная формами побудительного и желательного наклонений, существует в трех вариантах.

Первый вариант

Синтаксический индикатив — отсутствует

Синтаксические ирреальные наклонения

Сослагат. накл.	—	—
Условн. накл.	—	—
Долженствоват. накл.	—	—
Желательн. накл.	<i>Не шуметь бы здесь! Не шуметь бы было здесь! Если бы (лишь бы...) здесь не шуметь!</i>	<i>Забрать бы книги все да сжечь!</i>
Побудит. накл.	<i>Не шуметь здесь! Чтоб не шуметь здесь!</i>	<i>Забрать все книги и сжечь!</i> —

По этому варианту изменяются инфинитивные предложения, означающие волеизъявление. Этот вариант имеет три формы желательного наклонения и две формы побудительного наклонения, причем первая форма выступает в виде собственно инфинитивного предложения: *Не шуметь здесь!*; *Сказать ему!*; *Не опаздывать!*; *Не болеть!*, а вторая — в виде этого же предложения в сочетании с частицей *чтоб*.

В форме желательного наклонения глаголы несовершенного вида определенных групп заменяются видовыми парами совершенного вида, например: *Не опаздывать!* — *Не опоздать бы!*; *Не болеть!* — *Не заболеть бы!*; *Не путать цифры!* — *Не спутать бы цифры!*

Второй вариант

Синтаксический индикатив — отсутствует

Синтаксические ирреальные наклонения

Сослагат. накл.	—
Условн. накл.	—
Долженствоват. накл.	—

Желательн. накл.	<i>Больше бы света! Будь бы больше света! Было бы больше света! Если бы больше света! Если бы было больше света!</i>
Побудит. накл.	<i>Больше света! Пусть будет больше света! Чтоб было больше света! Пусть больше света! Чтоб больше света!</i>

Этот вариант имеет все пять форм желательного наклонения и две формы побудительного наклонения.

По этому варианту изменяются означающие волеизъявление предложения, главный член которых организуется сочетанием компаратива *больше, меньше* с формой род. пад.: *Больше света! Меньше шуму!*

Третий вариант

Синтаксический индикатив — отсутствует

Синтаксические ирреальные наклонения

Сослагат. накл.	—	—	
Условн. накл.	—	—	
Долженствоват. накл.	—	—	
Желательн. накл.	<i>Довольно бы спорить!</i>	<i>Хватит бы разгово- воров!</i>	<i>Будет бы об этом!</i>
Побудит. накл.	<i>Довольно спорить!</i>	<i>Хватит разговоров!</i>	<i>Будет об этом!</i>

Этот вариант имеет одну форму желательного наклонения и одну форму побудительного наклонения. Так изменяются предложения, главный член которых организуется наречиями *довольно, достаточно* и словами *хватит, будет* — в сочетании с род. падежом, инфинитивом или предложно-падежной группой: *Довольно разговаривать!; Достаточно болтовни!; Довольно с них!; Хватит спорить!; Хватит разговоров!; Хватит с него!; Будет болтать!; Будет болтовни!; Будет об этом!*

2 (12). Парадигма с отсутствующими формами индикатива, сослагательного, долженствовательного и побудительного наклонений (двучленная).

Синтаксический индикатив — отсутствует

Синтаксические ирреальные наклонения

Сослагат. накл.	—
Условн. накл.	<i>Будь прежние силы...</i> <i>Будь бы прежние силы...</i> <i>Были бы прежние силы...</i> <i>Прежние бы силы...</i>
Долженствоват. накл.	—
Желательн. накл.	<i>Прежние бы силы!</i> <i>Будь бы прежние силы!</i> <i>Были бы прежние силы!</i> <i>Если бы (лишь бы...) прежние силы!</i> <i>Если бы (лишь бы...) были прежние силы!</i>
Побудит. накл.	—

Эта парадигма существует в двух наклонениях с полным набором их форм. Так изменяются предложения, главный член которых организуется номинативом в обязательном сочетании с формантом желательного наклонения: *Прежние бы силы!*; *Прежний бы мой голос!*; *Если бы удача!*; *Если бы деньги!*; *Лишь бы здоровье!*

ПАРАДИГМАТИКА ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Любое невопросительное предложение, имеющее в качестве исходной форму настоящего времени, может быть преобразовано в вопросительное предложение средствами: 1) интонации; 2) интонации вместе с изменением словопорядка; 3) интонации вместе с вопросительной частицей. Эти средства варьируются в зависимости от характера предложений. Универсальным средством является только интонация. Такое преобразование претерпевают все три формы синтаксического индикатива и форма сослагательного наклонения²⁰. Кроме того, в языке существуют и свои собственные типы вопросительных предложений²¹.

Все те вопросительные предложения, которые соответствуют невопросительным предложениям, имеющим формы всех трех синтаксических времен и сослагательного наклонения, имеют четырехчленную парадигму: три формы синтаксического индикатива (наст., прош., буд.) и форму сослагательного наклонения.

²⁰ Вопрос о том, какие неисходные формы могут преобразоваться в вопросительные предложения, и при каких условиях, — требует специального изучения. Существенно, однако, что при таких преобразованиях возникают вопросительные предложения, не имеющие форм изменения. Ср., например: *Я и подай и уברי* (форма долженствовательности) — *Я и подай и уברי?* Или: *Пусть дети учатся!* (форма побудительности) — *Пусть дети учатся?*

²¹ Описание самих этих типов составляет задачу специальной работы.

Синтаксический индикатив

Наст. время	<i>Дети учатся? Сколько ему лет? Что отвечать?</i>	<i>Учатся ли дети? Какие новости?</i>	<i>Разве дети учатся? Где он живет?</i>
Прош. время	<i>Дети учились? Сколько ему было лет? Что было отвечать?</i>	<i>Учились ли дети? Какие были новости?</i>	<i>Разве дети учились? Где он жил?</i>
Будущее время	<i>Дети будут учиться? Сколько ему будет лет? Что будет отвечать?</i>	<i>Будут ли дети учиться? Какие будут новости?</i>	<i>Разве дети будут учиться? Где он будет жить?</i>

Синтаксические ирреальные наклонения

Сослагат. накл.	<i>Дети учились бы? Сколько ему было бы лет? Что было бы отвечать?</i>	<i>Учились ли бы дети? Какие были бы новости?</i>	<i>Разве дети учились бы? Где бы он жил?</i>
-----------------	--	---	--

Те вопросительные предложения, которые соответствуют невопросительным предложениям, не имеющим тех или иных форм индикатива, также не имеют этих форм.

Таковы правила изменения вопросительных предложений, имеющих системы форм²². Как видно, эти правила по сравнению с парадигматикой невопросительных предложений очень просты.

IV

Системой парадигм охватываются не все простые предложения, традиционно описываемые в грамматиках: какие-то их типы остаются за пределами этой системы; они не имеют форм изменения. Какие же именно традиционно описываемые простые предложения оказываются не охваченными системой парадигм и каково их отношение к этой системе?

Прежде всего, как уже говорилось выше, нужно отграничить от структурных образцов простого предложения такие построения, которые, будучи традиционно включаемы в грамматические описания простого предложения, такими образцами не являются.

1. К системе простого предложения не относятся отдельные словоформы и сочетания слов, не допускающие лексического варьирования и употребляющиеся как готовые выражения утверждения или отрицания, согласия или несогла-

²² О вопросительных предложениях — членах диалогического единства, не имеющих форм изменения, см. ниже.

сия, приветствия, благодарности и ответа на нее, извинения и ответа на него, общего вопроса и ответа на него, пожелания, волеизъявления, призыва и т. п. Например: *Спасибо!*; *Пожалуйста!*; *На здоровье*; *Здравствуйте*; *Прощайте*; *Мое почтение!*; *Ваше здоровье!*; *До свидания*; *Доброе утро!*; *Приятного аппетита!*; *Спокойной ночи!*; *С приездом!*; *Да*; *Нет*; *Так точно*; *Еще бы!*; *Ладно*; *Хорошо*; *Что? А что?*; *Неужели?*; *Хорошо?*; *Ладно?*; *Идет?*; *Ай-ай-ай!*; *Эге!*; *Караул!*; *Марш!*; *Цыц!*; *Шабаш!*; *Айда!*; *Баста*; *Тсс-с!*; — *Ну как?* — *Ничего*, *Ну и ну!* и под. К этой же группе лексикализованных высказываний относятся звуковоспроизведения, а также номинации лиц при обращении (включая так называемые вокативы). Все это — неизменяемые лексикализованные речения, застывшие в определенных словоформах. К структуре простого предложения как отвлеченному образцу они не имеют отношения.

2. Не являются самостоятельными типами предложения все построения, которые входят в состав диалогических единств в качестве зависимого компонента. Объектом изучения здесь должны стать простейшие сцепления реплик как элементарные синтаксические единицы диалога; например: *Послать нужно Иванова*. — *Почему Иванов а?*; — *Это твое последнее слово?* — *Последнее*; — *А сын вам не помогает?* — *Сын-то?*; — *Что на обед?* — *Суп и жаркое*; — *Голова болит*. — *Все рюмочки* и мн. др. под. Такие сцепления реплик — предмет синтаксиса диалогической речи. Здесь нужно определять и «восстанавливать» не структурные образцы, по которым построена вторая часть диалогического единства, а синтаксические образцы, лежащие в основе всего такого единства как целостного сложного синтаксического образования. Этот же тезис, по-видимому, относится и к таким первым репликам диалогических сцеплений, которые не существуют без вторых, например: — *Мешков?* — *Он самый*; — *Вам рассказать?* — *Ну да!*; — *Спать, что ли?* — *Еще рано*. В отличие от вторых реплик диалогических единств, такие первые реплики в определенных условиях речи могут отрываться от вторых реплик и приобретать видимость самостоятельного существования.

3. Не имеют отношения к структурным образцам простого предложения все построения, внешне совпадающие с такими образцами, но существующие только в составе сложных синтаксических объединений: или в составе собственно сложных предложений в их традиционном понимании, или в других соединениях, не укладывающихся в традиционные типы сложных предложений, но, несомненно, существующих как определенным образом организованные сложные синтаксические единства. Во-первых, сюда относятся все инфинитивы, имитирующие простое предложение в составе построений бессоюзных и с подчинительными союзами: *Я тебе покажу, как обманывать*; *Он тебя научит, как сделать*; *Смотришь, так выйдешь из терпенья*; *Пришел, чтобы узнать*; *Если ехать, так пора собираться*; *Чем спорить, давайте лучше ужинать*; *Не стоит он, чтобы из-за него хлопотать*. Во-вторых, это — так называемый «именительный представления» (включая «именительный представления» с интонацией вопроса) и совпадающий с ним по функции «инфинитив представления»: *Желанья...* *Что пользы напрасно и вечно желать?* (Лермонтов); *А бед-*

ный брат? Какова его роль?²³; Жить одному... Кому это нужно?; Уходить с именин! Как странно. В-третьих, сюда относятся номинативы, разнообразные по месту и функции в составе сложного построения, но объединенные той общей чертой, что все они так или иначе опираются на непосредственно соседствующую — предшествующую или следующую далее — структуру и без нее в данном синтаксическом качестве не существуют; например: *Оборачиваюсь: Груши-нижки и!*; *Знакомьтесь: доктор Белов; Мешков! Неужели он?*; *Поломал все и ушел. Мاستер!*; *Обо всех говорит с презрением. Столичная привычка; Он давно болен: ревматизм; Разрешите посмотреть ваш костюм: так, темная юбка, блузка... Хорошо; Если он сказал — конец; Раз я обещал молчать — могила; Ему хоть враг, хоть друг, лишь бы денежки платил; Что ни день — убавляются силы; Не я бы, давно бы ты пропал; Будь бы я, я бы так не поступил*²⁴. Очевидно, что с точки зрения структуры сложного образования здесь представлены очень разные вещи. Но их объединяет то, что все эти формы (в данном случае — номинативы), внешне совпадая с формой простого предложения, на самом деле не являются ею, а существуют только как части сложных соединений и подчиняются правилам построения именно и только этих соединений.

4. Что касается форм высказывания, обусловленных непосредственной ситуацией говорения, то эти формы чрезвычайно разнообразны. По существу в этом случае любая словоформа, поддержанная интонацией, мимикой, жестом, — может получить коммуникативную функцию, т. е. стать сообщением. Изучение форм таких высказываний, обусловленных широким языковым и неязыковым контекстом, имеет лишь косвенное отношение к теории синтаксиса простого предложения.

После того как все явления, перечисленные в п. 1—4, будут отграничены от собственно простого предложения, перед нами окажется очень небольшой круг конструкций, которые являются структурными образцами простого предложения, но лишены форм изменения.

1. Некоторые лексически ограниченные и фразеологизированные формулы. Например: *Ах он бедный!*; *Ах ты дурашка!* *Ах я болван!*; *Ах вы умники мои!* Эти предложения строятся по образцу «междометие + личное местоимение в форме им. пад. + качественно-характеризующее имя существительное или прилагательное». Или: *Бедный отец!*; *Несчастное создание!*; *Ужасный человек!*; *Глупая старуха!*; эти предложения строятся по образцу: «имя существительное в им. падеже + обязательно препозитивное прилагательное с качественно-характеризующим значением». Такие лексически ограниченные образцы лишены парадигмы; они существуют только в одной форме, имеющей значение синтаксического настоящего

²³ Между прочим, наше привычное понимание «именительного представления» должно быть расширено: это вообще «падеж представления», не обязательно только именительный, ср.: *А у матери... Что я у нее видел?*; *С сыном?.. С ним, конечно, проще; В родных местах... Нет, туда он не поедет* и под.

²⁴ Сюда не относятся нормальные случаи функционирования формул простого предложения в составе сложного: *Как зима, так я болен; Чуть утро, она встает; Что взмах, то готова конна* (ср.: *Зима. Я опять болен; Утро. Она встает; Взмах. Конна готова*).

времени. Сюда же примыкают некоторые полностью фразеологизированные образцы, в крайне ограниченных пределах допускающие варьирование (во всем своем составе или в части этого состава), например: *На тебе (на́те вам) книгу; Я тебя! (Я его! Я их! Я вас!); Слово за слово (и пошло!).* Все такие предложения входят в закрытый список. Возможности построения конкретных предложений по этим образцам резко ограничены несвободностью их лексического наполнения.

2. Нет форм изменения у всех односоставных именных предложений, строящихся с участием частицы *вот* (*вот и, вот тебе*). Они имеют разные частные значения, обычно отмечаемые грамматиками. Например: *Вот мельница; Вот и река; Вот он; Вот вам подарок; Вот ваши деньги!; А вот и отец; Вот тебе и праздник!; Вот они работнички!; Вот она современная молодежь!*

Частица *вот* (*вот и, вот тебе, вот тебе и*), присоединяемая к исходной форме нормально изменяющегося односоставного предложения, обладает способностью выводить такое предложение из его парадигмы; ср.: *Вечер — Был вечер — Будет вечер... и: Вот вечер. Вьюга воет...; Зима — Была зима — Будет зима... — и: Вот и зима²⁵.* Тем более не изменяются построения с *вот*, функционирующие только в составе сложного предложения: *Вот хоть он: разве он думает о деле?; Вот, например, мой приятель: он владеет несколькими языками; Вот Ваня: с ним легко работать.*

Для предложений, не имеющих парадигмы, система их форм сводится к одной единственной форме, представляющей структурный образец предложения в его ничем не осложненном виде.

V

Выше уже говорилось о том, что особого рассмотрения требует вопрос о компонентах сложного предложения, которые обычно рассматриваются как простые предложения в составе сложного. В настоящей работе этот вопрос не может получить сколько-нибудь полного освещения, так как он относится не столько к теории простого предложения, сколько к структуре текста. Поэтому здесь ограничимся несколькими общими замечаниями.

Существуют такие отвлеченные образцы построения частей сложного предложения, которые в составе этого предложения занимают синтаксическое место простого предложения, однако им не являются, так как ни при каких условиях не могут функционировать как самостоятельные предложения. По своей структуре такие компоненты сложных предложений двойственны. С одной стороны, это конструкции, по своему внешнему строению совпадающие с простым предложением, но отличающиеся от него по формальным признакам и по функции, т. е. по характеру формоизменения и позиционным возможностям, а во многих случаях — и по сложившимся нормам лексического наполнения. Так, например, многие компоненты сложных предложений, имеющие в своей структурной основе номинатив, лишь внешне совпадают с именными односоставными пред-

²⁵ Вопрос о частице *вот* в составе тех или иных форм предложения требует специального рассмотрения: эта частица присоединяется не ко всем формам предложения.

ложениями; ср.: *Три прыжка — и я в окопе; Еще несколько слов — и я ухожу; Пятнадцать лет такой работы — и человек слабеет*. Способность к формоизменению у таких компонентов крайне ограничена; в данном случае возможно образование условной формы с *бы*: *Три прыжка бы — и я был бы в окопе; Еще бы несколько слов — и я бы ушел*. Ср. еще: *Будь (бы) я, я бы так не поступил; Будь (бы) не я, ты бы пропал*. Таков же характер компонента, вводящего прямую речь и организуемого именем в им. падеже. Этот компонент обозначает лицо и его действие (всегда — речь), например: *Она: «Идите быстрее!»; Она мне: «Идите быстрее!»; Она шепотом: «Идите быстрее!»* (обязательным элементом во всех трех случаях здесь является только номинатив).

Совпадают с простыми предложениями такие части сложных предложений, как: *Что касается вина, то он пил воду; Стоит ему остановиться — сядь, как останавливаются все; Не проходит дня, чтобы чего-нибудь не случилось*. Такие части сложного предложения внешне полностью воспроизводят тип простого предложения; однако существенное отличие здесь заключается в том, что эти компоненты как части сложного предложения имеют только формы синтаксического индикатива и условного наклонения (*Стоит ему остановиться — Стоило ему остановиться — Стоило бы ему остановиться...*).

С другой стороны, есть такие компоненты сложных предложений, которые и внешне не воспроизводят простого предложения и имеют свою собственную, только им свойственную структуру. Такова, например, первая часть сложного предложения в случаях типа: *На что у мужиков, а и то эта мода завелась; На что уж я, а и то не могу привыкнуть*; здесь практически нет форм изменения. Другой пример — вводимые местоимением *что* форманты типа: *Что ни есть (ни на есть) ценное, все отдаст или Дружба дружбой (а табачок врозь); Потеха потехой (а дело делом)*.

В связи со сказанным следует еще раз вернуться к вопросу о тех компонентах сложного предложения, которые в грамматических описаниях обычно фигурируют как «неполные предложения» и под этим названием объединяются с такими построениями, которые, имея видимость неполноты, являются собственно образцами предложения.

По отношению к сложным предложениям типа *Эту книгу прислал тебе я, а не он* первая часть является простым предложением; вторая часть — компонент сложного предложения, регулярный выступающий в опоре на его первую часть. Здесь перед нами только видимость неполноты: нормой построения сложного предложения данного типа является именно соединение простого предложения с определенным его членом, а «полное» построение типа *Эту книгу прислал тебе я, а не он прислал тебе эту книгу* вне специальных требований контекста является нарушением языковой нормы. В сложном предложении типа *Отец принес сыну книгу, а дочке — куклу* первая часть построена по определенному образцу простого предложения, а вторая является нормальным компонентом сложного предложения; здесь также действует указанная норма. Таким образом, в сложном предложении действуют свои правила не только соединения его частей, но и самой организации этих частей, их формального устройства. Констатация

«неполноты» тех или иных компонентов сложного предложения не может заменить собою строгого объяснения того, по каким собственно синтаксическим правилам эти компоненты построены. Когда грамматисты квалифицируют такие специфические части сложного предложения как «неполные» предложения, они не только допускают ту неточность, что подменяют собственно грамматическое определение конструкции расплывчатым и неопределенным указанием на ее состав, но и предлагают видеть простое предложение там, где его нет, а есть лишь компонент сложного предложения, нормально занимающий данную синтаксическую позицию и в своей форме реализующий определенное синтаксическое правило.

Естественно, что такие несамостоятельные части сложного предложения, в своем строении опирающиеся на входящее в его состав простое предложение, должны быть отграничены от структурных образцов простого предложения: если эти последние существуют как данные, как образующие целостную систему, то по отношению к зависимым частям сложного предложения следует говорить лишь о тех или иных возможностях их организации, о правилах построения. Сложность вопроса заключается в том, что такие компоненты могут приобретать некоторые свойства простого предложения: они уподобляются ему в том смысле, что, будучи раз образованы, при определенных условиях могут принимать вид того или иного члена парадигмы. Например, такие компоненты могут иметь значение желательности: *Принес (бы) ты сыну книгу, а дочке бы — куклу!* Особенно наглядно эта способность выступает тогда, когда перед нами более сложное синтаксическое объединение, развернутый текст, например: *Надо купить сыну книгу. Дочке бы куклу!* или: *Счастливец, он уже инженер. Вот бы я!; Кто-то приехал: если бы Ваня!; Звонят. Хорошо бы ко мне!; Оказывается, и я тоже еду. Вот бы вместе с вами!* и т. п. То же с побудительностью: *Сейчас же отправляйтесь! Чтоб все вместе!; Поедешь в город! Чтоб живо!; Гости приехали! Самовар чтоб поставить!* Возможно в этих случаях и условное значение: *Дочке бы куклу, она бы занялась игрой; Оказывается, и я тоже еду: с вами бы вместе, было бы совсем хорошо.* Существенное отличие таких образований от форм простого предложения состоит в том, что эти образования не входят в регулярно выявляющуюся систему форм, а возникают в каждом отдельном случае в силу требований контекста или ситуации. Показательно, что такие «ложные формы» ограничиваются областью ирреальных наклонений, что же касается синтаксического индикатива, то в сфере сложных построений здесь действуют собственные правила регулярных преобразований первой части сложного предложения (ср.: *Он не будет учителем, а я буду; Ему некуда было пойти, а мне было куда; Не он учитель, а я; Ему не с кем поговорить, а мне есть с кем.*)

Весь комплекс вопросов, связанных с природой компонентов сложного предложения как опирающихся на структуру простого предложения, так и имеющих свои собственные образцы, требует специального и всестороннего изучения.

VI

В связи с изучением простого предложения как структуры, имеющей систему форм, встает целый ряд вопросов, которые предстоит рассмотреть и решить.

1. Обнаруживает свою условность деление всех простых предложений на грамматически односоставные и двусоставные. Это деление сохраняется лишь для исходных форм предложений. Так называемые номинативные предложения оказываются односоставными лишь в исходной форме; большинство последующих, неисходных форм таких предложений формально оказываются уже двусоставными, т. е. строятся по подлежащно-сказуемостной схеме. На первый план выступает, таким образом, не односоставность / двусоставность предложения (она принимается во внимание лишь при характеристике исходной формы), а тип парадигмы, в который то или иное предложение входит вместе с предложениями другой структуры. В то же время строение исходной формы не может не приниматься во внимание, так как этим строением определяется как характер парадигмы предложения в целом, так и варианты парадигм. Таким образом, при установлении системы парадигм строение исходной формы предложения должно приниматься во внимание; однако это строение не определяет собой типа парадигмы в целом, так как парадигмы в своей организации подчиняются собственным законам.

2. В грамматических описаниях конструкции, охарактеризованные выше как те или иные формы предложения, фигурируют в качестве самостоятельных типов предложения. Так, специальные разделы посвящаются «побудительным предложениям», «способам выражения желательности» и т. д.; другие формы — сослагательного, условного, долженствовательного наклонений — вообще не рассматриваются в системе простого предложения. Между тем выше было показано, что простое предложение как определенная структура имеет в языке разные формы своего существования, т. е. системные изменения, связанные с выражением разных своих синтаксических значений, лежащих в сфере реального или ирреального времени. Эти изменения составляют определенную систему, в которую организуются все формы предложения, образующиеся по строго действующим правилам. Поэтому нет никаких оснований для того, чтобы рассматривать отдельные формы предложений как самостоятельные их типы. Материал, который традиционно расчленяется по разным, зачастую никак не соотношенным друг с другом типам предложений, в действительности оказывается организованным в последовательно выявляющуюся систему формальных изменений, т. е. парадигму, все члены которой определенным образом связаны друг с другом.

3. Как было показано выше, формы предложения различаются по возможностям своего функционирования. Исходная форма, как и ряд неисходных, всегда обладая способностью самостоятельного, независимого употребления, в то же время может входить и в состав сложных построений. Другие формы употребляются — или преимущественно, или исключительно — в составе сложных предложений. Так, форма условного наклонения функционирует только как часть сложноподчиненного предложения. Это может дать основание для утверждения,

что такие формы, как *Будь (бы) ночь...*, *Учись (бы) дети...*, не относятся к системе простого предложения. Однако с этим утверждением нельзя согласиться. Следует строго различать две стороны одного явления: форму конструкции и правила или возможности, условия ее функционирования. Тот факт, что условная форма простого предложения функционирует только в составе сложного, не выводит самую эту форму за пределы парадигмы простого предложения. Это подтверждается тем существенным обстоятельством, что эта форма в составе парадигмы всегда регулярно соотносена с соответствующей формой желательности. Предстоит изучить действующие в языке правила функционирования разных форм простого предложения в составе сложного, определить, как ведут себя при этом те или иные формы, в образовании каких типов сложного предложения они участвуют, какие изменения при этом претерпевают.

Не исследован также вопрос о том, как группируются парадигмы в целом по их отношению к сложному предложению, по характеру участия тех или иных форм простого предложения в формировании разных типов сложного предложения и более широкого текста.

4. Требуется пересмотра вопрос о таких формах предложения, которые в определенном лексическом наполнении закрепились в языке в качестве устойчивых речений. Такие речения обычно описываются в грамматиках как характерные представители тех или иных «типов предложений», например: *Суженого конем не обведешь*; *Старый что малый* и т. п. Однако в действительности они в большинстве случаев не составляют никакого специального объекта для синтаксического изучения. Это нормальные формы тех или иных структур простого предложения, и речь здесь может идти только о закрепившихся специфических функциях этих форм. Таким образом, возникает важный вопрос об объеме функций разных форм предложения. С этой точки зрения совершенно неправомерно, например, выделение в качестве особой синтаксической категории всего разряда так называемых обобщенно-личных предложений (*Поспешишь — людей насмешишь*; *Тише едешь — дальше будешь*): все они — обычная форма синтаксического индикатива двусоставного предложения; но эта форма в данном ее виде (преимущественно бесподлежность; форма 2 л. ед. ч. глагола-сказуемого) закрепила за собой функцию афористического выражения определенного круга житейских истин; к особому строю предложения эта функция не имеет отношения. Точно так же предложение *Старый что малый* представляет собой обыкновенную исходную форму определенного типа простого предложения и не включает в себе никакого специфического синтаксического качества; это — частный случай представления двусоставной структуры, ее форма, в данном лексическом наполнении закрепившаяся как устойчивое речение (ср.: *Люди как реки*; *Ты как ребенок*; *Глазки словно вишенки* и под.). Вот еще один из многих возможных примеров. Внутри так называемых неопределенно-личных предложений грамматики выделяют «группу предложений, обозначающих действие, производимое самим говорящим»: *Тебе говорят!*; *Кому говорят!*; *Просят тебя!* (см. например, академическая Грамматика 1952, т. II, ч. 1, с. 7). Между тем очевидно, что никакой «группы предложений» эти формы не составляют. Перед нами — исходная форма односоставных предложений, орга-

низуемых формой 3 л. мн. ч. глагола, в данном лексическом наполнении и с определенной интонацией закрепившаяся в функции выражения волеизъявления, требования (обычно повторного).

Таким образом, нужно освободить формальное описание строя простого предложения от очень многих наблюдений, касающихся закрепившихся в языковой практике употреблений тех или иных форм предложений, но не имеющих отношения к самой организации, построению этих форм. Все, что касается типичских употреблений форм, должно быть рассмотрено при описании их функций.

5. Исчерпывающая характеристика простого предложения не может быть осуществлена без изучения существующих в языке разных видов детерминантов, т. е. таких членов предложения, которые являются распространителями предложения в целом. По-видимому, одно из возможных противопоставлений внутри класса детерминантов — это противопоставление детерминантов, влияющих на характер парадигмы предложения, и детерминантов, не влияющих на характер парадигмы. Так, выше были отмечены случаи, когда возможность образования одной из форм предложения (и, следовательно, тип парадигмы) определяется введением в состав предложения детерминанта (ср. случаи типа *Есть куда идти* и *Мне есть куда идти*; *Тепло* и *В доме тепло*; *Ни души* и *Кругом ни души*). С другой стороны, наличие или отсутствие детерминанта в большинстве случаев не влияет на характер парадигмы предложения. Таким образом, вопрос о детерминантах, об их формах и об их отношении к структуре предложения касается не только возможности распространения предложения: он самым непосредственным образом смыкается с вопросом о строении предложения и о типах парадигм.

6. При подходе к предложению как к синтаксической структуре, имеющей систему форм, по-новому должна рассматриваться и решаться вся проблематика, связанная с соотношениями форм сказуемого. Так, оказывается, что при наличии дублирующих друг друга форм сказуемого (например, именительный и творительный предикативный, прилагательное в полной или краткой форме или в форме творительного падежа) выбор во многих случаях зависит не от отвлеченных семантических факторов, а предопределяется самой формой предложения: одни члены парадигмы предпочитают в своем составе одну форму сказуемого, другие — другую; одни допускают свободное варьирование форм сказуемого, другие его исключают или допускают с большими ограничениями. Вопрос о вариантах форм сказуемого переводится, таким образом, из плана грамматической семантики в план формальной организации предложения. Нет сомнения, что здесь могут быть выведены определенные правила, связывающие употребление варьирующихся форм сказуемого с определенными формами предложения и с характером его парадигмы в целом.

7. В каждой форме предложения действуют свои правила словорасположения. Эти правила в разных формах обладают разной степенью обязательности. В то же время определенный словопорядок здесь является собственно грамматическим фактором и не всегда может быть изменен; иногда тот или иной словопорядок является основным различителем форм. В других случаях правила словорасположения могут варьироваться, однако в самом этом варьировании тоже об-

наруживаются определенные закономерности. При анализе словопорядка в формах предложения, так же как и в других синтаксических конструкциях, следует строго разграничивать явления собственно грамматические (строевые) и функциональные. Так, например, в условном наклонении в формах типа *Будь (бы) надо ехать, Будь (бы) тихо, Будь (бы) ночь, Было бы надо ехать, Было бы тихо, Была бы ночь* грамматическим является показанный здесь словопорядок — с вынесенной в начало глагольной формой; изменение этого словопорядка (там, где оно вообще возможно) уводит нас в область функционального словорасположения (ср.: *Ночь была бы, так он бы сумел скрыться; Тихо бы было, так я бы заснул*). В формах должностовательного наклонения грамматической нормой является препозиция подлежащего (*О т е ц р а б о т а й, а ты будешь бездельничать!*). В формах желательного наклонения, строящихся с глаголом на *-л + бы*, глагольный формант обязательно выносится в начало предложения (*Был бы у меня друг!*); другой словопорядок здесь практически исключен; между тем в формах условного и сослагательного наклонений, строящихся с тем же формантом, функционально обусловленные изменения словопорядка вполне нормальны.

Правила словорасположения в грамматиках обычно описываются только применительно к исходным формам предложения. Такой подход неправилен. Нужно вывести эти правила для разных форм предложения, для разных типов парадигм. Тогда встанут на свои места многие явления словорасположения, которые часто беспорядочно приписываются отдельным типам предложения (а на деле принадлежат тем или иным его формам) или рассматриваются как явления инверсии, логического выделения и под.

8. В этой статье были описаны формы предложения и виды его парадигм. Такое изучение — первый этап работы, когда материал организуется на основе своих собственно формальных признаков. Следующим шагом должно явиться изучение того, какие изменения претерпевают те или иные формы предложения тогда, когда на их грамматическое значение средствами специальных слов, словопорядка и интонации накладываются различные значения субъективно-модального плана. Здесь тоже есть свои правила. Они касаются словорасположения, употребления частиц, их размещения по отношению к основным компонентам структуры. Например, построения типа *Так и поверил я!*; *Так и послушает он тебя!* являются не чем иным, как особой реализацией формы индикатива, осложненной функциональным словопорядком, частицами и специальной интонацией, которые придают этой форме значение экспрессивно окрашенного отрицания. Таким образом, речь здесь должна идти не об особом типе предложения, а об особой организации формы предложения такими средствами, которые сообщают ей определенное субъективно-модальное значение, наслаивающееся на ее основное синтаксическое значение. Разные субъективно-модальные значения имеют свои средства выражения. Эти средства определенным образом соотносятся с правилами образования тех или иных форм предложения, с его парадигматикой. Предстоит изучить эти соотношения, установить существующие в языке линии перекрещивания объективно-модальных и субъективно-модальных значений и формальные средства выражения этих перекрещиваний. Это будет «высший синтаксис», стоя-

щий по отношению к описанию структурных схем предложения и их парадигматики на следующей ступени того пути, который ведет к описанию синтаксической семантики во всех ее многообразных выявлениях.

9. Чрезвычайно важным является вопрос о стилистических качествах отдельных форм предложения, о стилистических разграничениях внутри парадигмы. Представляя собою единую грамматическую организацию, парадигма предложения в отдельных своих формах стилистически неравнозначна. Так, очевидно, что формы желательного наклонения принадлежат к сфере экспрессивно окрашенной речи, так же как и формы побудительного и долженствовательного наклонений. Однако наиболее существенные стилистические различия обнаруживаются между вариантами форм. Эти различия должны быть изучены и систематизированы. Такая систематизация может оказаться гораздо более удовлетворительной, чем те расплывчатые стилистические характеристики, которые обычно сопутствуют описанию тех или иных традиционно выделяемых «типов предложения по цели высказывания», по «экспрессивной окраске» и т. п.

Таким образом, понимание простого предложения как синтаксической структуры, обладающей определенным образом организованной системой форм, влечет за собой необходимость пересмотра очень многих вопросов, решение которых в духе существующих грамматик вступает в противоречие с таким пониманием.

Изложенное выше понимание простого предложения и системы его форм не может рассматриваться как применение трансформационного метода к изучению структуры русского предложения. Средствами трансформации «осуществляется внутриязыковой перевод элементов некоторой части языка на некоторую другую часть языка в целях интерпретации одного знака другим» [Лешка 1966: 65]. В настоящей работе речь шла не о соотношении разных моделей или структурных схем предложения, а о системно выявляющихся правилах видоизменения одной и той же схемы, о ее разных формах и их соотношениях. Сторонники трансформационного метода относят эти изменения (там, где они выявляются средствами глагольного слова или универсально действующим приемом подстановки глагола на место «глагольного нуля») целиком в область морфологии (ср. «простые линейные парадигмы» Д. Уорта [Worth 1963] или «вариации ядерного предложения» Прж. Адамца [Адамец 1966]²⁶). Материалы нашей статьи убеждают, что при подобном истолковании полностью снимается проблема синтаксического времени и синтаксического наклонения и тем самым выводятся за пределы синтаксиса те основные категории, которые делают предложение предложением, т. е. синтаксической единицей совсем иного качества, чем линейно располагающиеся словесные сцепления, формирующиеся по законам словосочетательных связей.

1967 г.

²⁶ В этой статье Адамца см. также библиографию работ, выполненных методом трансформационного анализа, в которых в той или иной связи затрагиваются вопросы о тех видоизменениях предложения, которые относятся к синтаксической парадигматике предложения.

СИНТАКСИЧЕСКОЕ ЖЕЛАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

1. Понятие синтаксического наклонения введено А. А. Шахматовым: он противопоставлял морфологическое наклонение, выражаемое формой глагола, синтаксическому наклонению как «тем словесным способам, которыми вообще может быть выражено чувство связи между субъектом и предикатом» [Шахматов 1941: 481]¹. В морфологическом сослагательном наклонении (-л бы) Шахматов, вслед за Потёбней, видел способность выразить два синтаксических наклонения: условное и желательное [Там же: 484].

В достаточно обширной литературе, посвященной, с одной стороны, современному русскому сослагательному наклонению и, с другой стороны, «модальным типам» предложений со значением желания, побуждения и под., в самом общем виде можно определить три решения вопроса о синтаксическом статусе того, что Шахматов называл желательным наклонением. Одни исследователи рассматривают желательность как одно из частных значений (употреблений, «подзначений») сослагательности [Овсяннико-Куликовский 1912: 123; Пешковский 1938: 205; Хрычиков 1954; 1956; Юрик 1955; 1959; Кржижкова 1963; Белякина 1965; 1966; Бондарко, Буланин 1967: 134]; другие, вслед за Шахматовым, вычленяют желательность в самостоятельную синтаксическую категорию — либо внутри построенный с -л бы [Виноградов 1947: 603], либо внутри объединяющей потенциальные и опгитивные значения более широкой категории, формирующейся частицей бы («сочетания со значением ирреальности» [Плоткин 1962], «гипотетическая форма» [Володин 1948: 1961]); третьи, наконец, рассматривают предложения со значением желательности как особый модальный тип, охватывающий как собственно желательность, так и некоторые виды побудительности [Mgázek 1958].

В «Грамматике современного русского литературного языка» 1970 года синтаксическое желательное наклонение определяется как один из членов парадигмы предложения, имеющий значение «эмоционально окрашенной отвлеченной устремленности к какой-то действительности, причем эта действительность может мыслиться отнесенной как в будущее, так и в настоящее или прошлое» (§ 1356, с. 579). Грамматика 1970 исходит из положения о том, что синтаксические наклонения, организующиеся противопоставлением «реальность / ирреальность сообщаемого», разграничиваются по признаку их инвариантных абстрактных значений и определенных грамматических показателей, средств формирования, принадлежащих к одному и тому же уровню грамматической абстракции и представляющих одно из частных значений предикативности.

Таковыми формальными средствами образования синтаксического желательного наклонения, распределенными относительно разных структурных схем предложения, являются: 1) в предложениях с *verbum finitum* (vf) — сочетания глагольной формы на -л с синтаксической частицей *бы* или ее модификациями; 2) в предложениях без *vf* — синтаксическая частица *бы* или ее модификации в непосредствен-

¹ Как видно, это определение не грамматическое. Принимаемое в настоящей статье определение синтаксического наклонения см. ниже.

ном соединении с исходной формой предложения; 3) глагольная форма на *-и*, *-ь* [Шахматов 1941: 484] — одна или в сочетании с частицей *бы* (*Сгинь они! Отсохни твой язык! Пропади все пропадом! Провалятся [бы] все эти бесконечные дела! Не доведись никому увидеть такое! Будь бы рядом друзья! Будь бы тихо! Будь бы тишина!*) (см. [Грамматика 1970: 579—580]).

Основными являются средства, названные в пп. 1 и 2; что касается п. 3, то эти формы, имеющие характер формул заклинания (которые, впрочем, сами могут становиться синтаксическими образцами; именно тогда появляется *бы*), находятся на периферии системы форм желательности, прикреплены лишь к некоторым типам предложения и ярко стилистически окрашены. Собственно грамматические основания для выделения желательного наклонения внутри системы синтаксических ирреальных наклонений как живой и продуктивной категории дают формы, образующиеся либо собственно частицей *бы* (и ее модификациями), либо сочетанием этой частицы с формами на *-л*. Эти формы и явятся предметом дальнейшего рассмотрения и систематизации.

2. Грамматическими формантами синтаксического желательного наклонения служат: а) сочетающиеся с формой на *-л* частицы *бы* и ее модификации: *хоть бы*, *если бы*, *когда бы*, *кабы* (прост.), *пусть бы*, *только бы*, *лишь бы*, *чтоб б*, *чтоб бы* (всегда ударные)², *хорошо бы*, *было б* (устар.), *вот бы*, *ладно бы*, *как бы не*, *не... бы*; с лексическим осложнением частицы: *скорей бы* (*поскорей бы*), *лучше бы*; контаминации с другими частицами: *если бы только*, *когда бы только*, *пусть бы только*, *хоть бы только*, *лишь бы только*, *скорей бы только*, *что если бы*, *хорошо (бы) если бы*; б) вне сочетания с формой на *-л* — те же частицы, кроме *хорошо бы* *чтобы*. Все эти частицы как форманты наклонения группируются в определенные наборы, которые характеризуются двояким распределением: относительно разных частных значений внутри общего значения желательности (основное распределение) и относительно разных типов предложения. Эти распределения образуют довольно сложную систему³.

3. Синтаксическое значение желательности в современном русском литературном языке не существует в чистом виде: оно всегда сочетается с коннотативной семой осуществления или неосуществления. То, о чем сообщается как об ирреальном (желательном), формально представлено или как могущее стать реальным, осуществиться (семантика ирреальности не осложнена специальным указанием на отсутствие осуществления, то есть «компонент неосуществления» специально никак не выражен), или как не могущее осуществиться либо не осуществляющееся (семантика ирреальности осложнена значением невозможности осуществления или отсутствия осуществления, то есть «компонент неосуще-

² Эти две частицы не следует смешивать с всегда безударной частицей *чтоб* (*чтобы*), формирующей синтаксическое побудительное наклонение: *Чтоб ты у меня учился! Чтоб духу твоего тут не было!*

³ Желательное значение и его оттенки, существующие в построениях с большинством перечисленных частиц, отмечены в названных выше работах, в описательных грамматиках русского языка. В настоящей статье рассматривается с и с т е м а значений желательности и формальные средства выражения этих значений — в связи с пониманием желательного наклонения как одной из форм предложения, как члена его парадигмы.

ствления» дополнительно специально выражен). Формальное представление этих различий реализуется определенными наборами частиц, в конкретных высказываниях — всегда в сочетании с определенной интонацией.

Характеристика значений и их формальных выражений далее будет осуществляться на материале личных глагольных предложений, с последующим обращением к предложениям без *vf*.

А. Желаемость в сочетании с осуществимостью. В этом случае значение ирреальности не осложнено никаким дополнительным указанием на фактор осуществления. Желаемость предстает здесь как 1) собственно желаемость, 2) желаемость избираемого и единственного или 3) желаемость целесообразного и полезного. Каждое из этих формально выраженных значений имеет более частные разновидности.

1) Собственно желаемость модифицируется в частных значениях: а) желания, б) нетерпеливого желания и в) желания-опасения.

а) *Желание* без каких-либо дополнительных оттенков выражается набором частиц: *бы, хоть бы, пусть бы, вот бы, хорошо бы, хорошо бы чтобы, чтоб б, чтоб бы, если бы, когда бы* — в сочетании с формой на *-л*. Частицы различествуют экспрессивно и стилистически, но эти характеристики (впрочем, во многих случаях самоочевидные) здесь, как и везде далее, мы опускаем.

Вернулась бы она сегодня! Хоть бы (пусть бы, вот бы, хорошо бы, хорошо бы чтобы, чтоб б, чтоб бы, если бы, когда бы) вернулась она сегодня!

На темном стекле, что на негативе, Как перья фазаньи, лежат штрихи. *Что если б не таяло!* (А. Яшин — «Илье Сельвинскому»).

В предложениях с безглагольной исходной формой: [Н и к о л к а] *Хоть бы дивизيون наш был скорее готов!* (М. Булгаков — «Дни Турбиных»); *Что в ней хорошего-то, в водке? Одна отравка... Совсем бы ее не было* (П. Нилин — «Жестокость»).

В предложениях, строящихся по схемам N_{NI} , Acc / Gen , Inf^4 , набор частиц сужен: *бы, хоть бы, вот бы, хорошо бы, чтоб б, чтоб бы, если бы, когда бы*:

Конец бы войне! Хоть бы (вот бы, хорошо бы, чтоб б, чтоб бы, если бы, когда б) конец войне! Тепла бы побольше! Хоть бы (вот бы, хорошо бы, чтоб б, чтоб бы, если бы) тепла побольше! Уехать бы! Хоть бы (вот бы, хорошо бы, чтоб б, чтоб бы, если бы, когда б) уехать!

Некоторые именные схемы могут в этих случаях принимать глагольную форму на *-л*: *был / была / было бы* (далее такая возможность введения глагола показывается в скобках).

б) Значение нетерпеливого желания выражается частицей *скорей (поскорей)* в сочетании с *бы* и всеми модификациями этой частицы, перечисленными в п. «а»:

⁴ Предложения, строящиеся по схеме N_{NI} , имеют полную парадигму, и форма желательного склонения является здесь именно формой. То же относится к предложениям схемы Acc / Gen , имеющим неполную парадигму (*Чаю!* — *Чаю бы!* — *Если бы чаю!* / *Пусть чаю*). Что касается инфинитивных предложений, то в некоторых их типах желательность часто оказывается вне парадигматических противопоставлений, то есть выступает как единственная форма (см. об этом в работе: [Шведова 1967]).

Скорей бы он пришел! Хоть бы (пусть бы, вот бы, хорошо бы, хорошо бы чтобы, что б, что бы, если бы, когда бы, что если бы) он скорей (поскорей) пришел!

В предложениях, строящихся по схемам N_{NI} , Acc / Gen, Inf (т. е. в исходной форме не имеющих ψ) *скорей (поскорей)* сочетается с *бы, хоть бы, вот бы, хорошо бы, что б, что бы, если бы*:

Скорей бы (была) зима! Хоть бы (вот бы, хорошо бы, что б, что бы, если бы) зима скорей (скорее бы зима была)! Скорей (поскорей) бы чаю! Хоть бы (вот бы, хорошо бы, что б, что бы, если бы) чаю скорей (поскорей)! Скорей (поскорей) бы уехать! Хоть бы (вот бы, хорошо бы, что б, что бы, если бы) уехать скорей (поскорей)!

в) Значение желания - опасения выражается частицами *не... бы, как бы не...*:

Дождик бы не пошел! (Как бы дождик не пошел!). Поезд бы не опоздал! (Как бы поезд не опоздал!). Не ушибся бы! Как бы не подморозило! — Ушибся, плачет: Как бы не головкой! Гремит: как бы не гроза (не гроза бы). Как бы не прозевать (не прозевать бы).

2) Желаемость избираемого и единственного модифицируется в частных значениях: а) желание субъективно необходимого, б) желание необходимого и чему-то противопоставляемого и в) желание необходимого и собою что-то обуславливающего.

а) Желание субъективно необходимого без дополнительных семантических осложнений выражается набором частиц *лишь бы, только бы, пусть бы только*:

Только бы (лишь бы, пусть бы только) он застал отца в живых! [С к а л о з у б] Мне только бы досталось в генералы (Грибоедов).

В инфинитивных предложениях — *лишь бы, только бы: Только бы (лишь бы) успеть! Только бы (лишь бы) застать его в живых!*

б) Желание необходимого чаще выступает в сочетании с элементом противопоставления; это значение реализуется частицами *бы (-л), лишь бы, только бы, пусть бы только, только чтобы*:

Не надо славы, почестей — *ах, просто б жизнь текла!* (Р. Казакова — «Родился сын...») (*Лишь бы, только бы, пусть бы только, только чтобы жизнь текла*); На бойцах и пуговицы вроде Чешуи тяжелых орденов! Не до ордена, *Была бы родина С ежедневными Бородино* (М. Кульчицкий — «Последнее»); Тепла от костра мы не ждем: *только бы пахло от него острым дымком.*

В инфинитивных предложениях набор частиц и здесь ограничен: *лишь бы, только бы*:

Пусть — безответно, *Только бы любить, Только б не бесследно по земле ходить*, Трав густым настоем Дышать в шалаше, *Только бы простое Не знать душе* (А. Яшин — «О безответной любви»).

в) При том же значении желания необходимого, но собою что-то обуславливающего, в набор частиц входит *бы, только бы, лишь бы*:

Тихий, в беседах выдержки у него хватает. *Только быхватило у того, с кем он беседует* (С. Сартаков — «Горный ветер») (*Хватило бы..., лишь быхватило...*); — А счастье не в богатстве. Зачем оно, сынок? *Нам бы хлебушка кусок, Да водицы гло-*

ток, Да изба с потолком, Да старуха под бокóм (А. Твардовский — «Страна Муравия») (*был бы хлебушка кусок, только бы был..., лишь бы был...*).

3) Желаемость целесообразного и полезного реализуется в частных значениях: а) желания — допущения, б) желания — просьбы, совета и в) желания — утверждения позитивного.

а) Желание — допущение выражается частицей *пусть бы* (*пускай бы*): Зачем помешали: *Пусть бы попробовал*. Почему их не пускают: *Пусть бы смотрели*. *Пусть бы его наказали* — хороший был бы урок.

б) Желание — просьба, совет, побуждение выражается частицей *бы*: Подошла старуха, Шевельнула бровью: — Человек-наука, *Дал бы мне здоровья!* (В. Боков — «Новогодняя сказка»); *Ужин бы нам*, — сказал Венька. — И пивка позволите? — И пивка (П. Нилин — «Жестокость»); *Не будили бы вы его! Почитал бы ты нам стихи! Сходил бы ты к врачу!*

в) Желание — утверждение позитивного выражается набором частиц *бы, пусть бы, вот бы, хорошо бы, хорошо бы чтобы, хорошо (бы) если бы, что б, что бы*.

Поучилась бы городская молодежь у деревенских обращению, вежливости (пусть бы, хорошо бы, хорошо бы чтобы, хорошо бы если бы, что б городская молодежь поучилась...).

В инфинитивных предложениях набор частиц здесь ограничен: *бы, хорошо бы, вот бы, что б, что бы* (*Вот что бы без баб-то Рожать сыновей!* — М. Цветаева — «Царь-девица»). При акцентировании элемента субъективного отношения в роли частиц здесь могут выступать сочетания *нехудо бы, неплохо бы, невредно бы*:

Не худо бы нам это перенять (Крылов). *Не плохо бы поужинать* (*Поужинать бы!* *Хорошо бы поужинать!* *Что б [что бы] сейчас поужинать!*).

В именных предложениях (N_{NI} , Acc/Gen) это значение выражается набором частиц: *бы, хорошо бы (нехудо бы, неплохо бы), вот бы*:

В вагоне бы (хорошо бы, вот бы) свежие газеты, шахматы! *Хорошо бы в пьесе побольше веселья, пародийности!* *Ему бы сейчас школу, хорошую, умного товарища!*

Б. Желаемость в сочетании с неосуществимостью или отсутствием осуществления. В этом случае желаемость предстает в двух основных значениях (с дальнейшей их модификацией): 1) желаемость неосуществившегося и 2) желаемость неосуществляющегося.

1) Желаемость неосуществившегося конкретизируется в четырех частных значениях: желаемое не осуществилось, отсутствует, причем а) желаемое должно было быть; б) желаемое было бы целесообразно, хорошо, полезно; в) отсутствие желаемого имеет продолжающийся негативный результат; г) желаемое имело бы компенсирующее, возмещающее значение. Все эти значения выражаются каждое своим набором частиц.

а) Желаемое не осуществилось, отсутствует, но оно необходимо, должно было быть. Это значение всегда сопровождается субъективной оценкой осуждения, огорчения, недовольства. Оно выражается частицей *хоть бы*:

А тут ничего нет: Ни нор, Ни берлог, Ни родничка у ног. *Хоть бы какой след* (А. Яшин — «О моей святине»). Не узнал ничего, полетел сватать. *Хоть бы узнал сперва!* (В. Шукшин — «Чередниченко и цирк»). *Хоть бы извинился!* Таким формам принадлежит функция обозначения полного отсутствия того, что желаемо и необходимо: *На небе хоть бы звездочка (была)! Во всем доме хоть бы крошка хлеба (была)!*

В инфинитивных предложениях это значение выражается частицами *бы, было б* (в старом произношении — *былб б*), *что бы*:

Было б мне после ужина не садиться... поужинать *бы* да и уехать (Чехов — «Не в духе»); *Было б мне козьей ножкой*, — бормочет фельдшер. — Экая оказия! (Чехов — «Хирургия»); — *Надо бы мне еще поискать*. — Что ты сказал? — не расслышал Кудрявцев. — Я говорю, *было бы мне ту утку поискать!* (Ю. Казаков — «В тумане») (*что бы мне эту утку поискать! что бы мне после ужина не садиться!* и т. д.).

б) Желаемое не осуществилось, отсутствует, но оно было *бы* целесообразно, полезно. Это значение выражается частицами *бы, пусть бы (пускай бы)*:

Неужели нельзя было опять сговориться с повторкурсами? *Пусть бы они послали с нами курсантов* (П. Нилин — «Жестокость»); А я в уме грозился синоптикам: эх, почему не состоялись осадки? *Хватил бы хороший ливень* (С. Сартаков — «Горный ветер»); *Пусть бы она с нами по душам поговорила*, а то сразу — милицию! (газ.).

При значении предположительности в этот ряд частиц входят *лучше бы, пусть бы лучше*:

Это множество воды Очень дух смущает мой. *Лучше б выросли сады, Там, где слышен моря вой. Лучше б тут стояли хаты И полезные растения, Звери бегали б рога-ты Для крестьян увеселенья* (Н. Заболоцкий — «Вопросы к морю»); *Сходил бы сам, да узнал* (чем меня посылать); *Мне бы смерть, а ты бы жил да жил* (Е. Стюарт — «Умер сын у бабки деревенской»).

в) Желаемое не осуществилось, отсутствует, и это имеет продолжающийся негативный результат. Это значение выражается частицами *бы, если бы, когда бы*:

Знал бы он (если бы он знал), какую беду принес всем нам! Если бы ты позвонил хотя бы час назад! Однажды ночью они услышали над собой гул самолета. *Если бы они только мигнули фарой!* Но воля у них уже упала (газ.). На основе этого значения сложились фразеологизмы: *Видели бы вы* (на что он похож!), *Знали бы вы* (сколько в нашем лесу ягод!).

У предложений без личной формы глагола это значение выражается частицами *если бы, когда бы*:

Если бы можно было поменьше думать! (Гончаров — «Обломов»); [*Р а н е в с к а я*] *Если бы снять с груди и с плеч моих тяжелый камень, если бы я могла забыть мое прошлое* (Чехов — «Вишневы сад»); Метель, но без снега... *Если бы снег!*; (возможно также: *Если бы был снег!*); Теперь-то, после всего, гадают люди: не ходить *бы ей* в тот день на ток... *Если бы знать, предупредить, поправить!* (газ.).

г) Желаемое не осуществляется, отсутствует, осуществление имело *бы* компенсирующее, возмещающее значение.

Это значение выражается частицами *пусть бы, хоть, хоть бы, ладно бы, если бы (если бы не...) хоть*:

И не учится, и не работает. *Хоть бы (ладно бы, если б хоть, пусть бы хоть) дома помогал!*; Отец есть и будто нет его. Решает на диване кроссворды или смотрит футбол. *Если бы хоть на работе горел!* (газ.). *Если бы не война!* Сколько бед она принесла.

2) Желаемость неосуществляющегося конкретизируется в двух частных значениях: а) желаемое не осуществляется, но возможно и стимулируется; б) желаемое не осуществляется, но возможно и предпочитается чему-то другому.

а) Желаемое не осуществляется, но возможно и стимулируется. Это значение выражается частицами *бы, хоть бы*:

Уж хоть бы карточку-свою подарили, а мы ее в музее рядом с генералом Хрептовым повесим (Л. Леонов — «Золотая карета»).

б) Желаемое не осуществляется, но возможно и предпочитается чему-то другому. Это значение выражается частицами *бы, лучше бы, пусть бы лучше*:

А ходит она, наверное, от доброго сердца, чтобы помочь мне... Степан Петрович покрутил головой: *«Лучше бы она не ходила»* (С. Сартаков — «Не отдавай королеву»); Мы поравнялись с Баукиным и поехали рядом. — *Вы, ребята, поехали бы как-нибудь отдельно* (П. Нилин — «Жестокость»).

4. Итак, система частных значений синтаксического желательного наклонения предстает как весьма разветвленная. Желательность является инвариантом, обнаруживающимся в разнообразных частных значениях. Как уже подчеркивалось, эти значения различаются наборами частиц и интонацией; может быть значимым также порядок соположения формантов, который отчасти виден из приведенных выше примеров. Естественно, что одно и то же высказывание может принимать разные наборы частиц и, соответственно, иметь разные значения желательности; однако при определенном, данном наборе частиц значение оказывается неварьируемым. Ср., например:

Он пришел

<i>Пришел бы он! Хоть бы он пришел! Вот бы он пришел!</i>	}	А, 1, а
<i>Хорошо бы он пришел! Что б он пришел! Если бы он пришел!</i>		
<i>Пусть бы он пришел!</i>		
<i>Скорей бы он пришел! Хоть бы он скорей пришел!</i>	}	А, 1, б
<i>Что б он скорее пришел!</i>		
<i>Не пришел бы он! Как бы он не пришел!</i>	}	А, 1, в
<i>Пусть бы он пришел</i>	}	А, 3, а
<i>Пришел бы он</i>	}	А, 3, б
<i>Он хоть бы пришел!</i>	}	Б, 1, а

<i>Если бы он пришел! Пришел бы он!</i>	}	Б, 1, в
<i>Пусть бы он хоть пришел! Хоть бы он пришел!</i>	}	Б, 1, г
<i>Ладно бы он пришел! Если бы он хоть пришел!</i>	}	
<i>Пришел бы он! Он бы хоть пришел!</i>	}	Б, 2, а

5. Принято думать, что желательность всегда обращена в будущее: она идентифицируется с отсутствием желаемого и с возможностью его осуществления «после момента речи». Однако это не так. Грамматическое значение желательности, формализованное набором частиц в сочетании с формой на *-л* (не для всех типов предложений обязательное) входит в систему ирреальных наклонений, объединенных значением временной неопределенности. Эта неопределенность не есть неизвестность: событие, о котором идет речь, может быть реально соотнесено с настоящим, будущим или прошедшим. Но формой предложения показано лишь то, что это событие желательно и что оно отсутствует — и больше ничего; конкретным же набором частиц — часто в сочетании с конституцией — может осуществляться указание на тот или иной временной план этого отсутствия. Так, в предложениях группы А (желаемость в сочетании с осуществимостью), значение ирреальности чаще всего конкретизируется как обращенность в неопределенное будущее или будущее, сливающееся с настоящим: *Если бы снег пошел!* (сейчас, в настоящий момент или в самое ближайшее время). Однако для некоторых значений (например, для значения опасения) ирреальность может конкретизироваться и как обращенность в план прошлого: — Ушибся, плачет: *как бы не головкой!* (возможно, что уже ушибся головкой). То же при значении желания субъективно необходимого: *Только бы он застал отца в живых!* (возможно, что уже не застал).

В предложениях группы Б (желаемость в сочетании с неосуществимостью или отсутствием осуществления) только с временным значением реального прошлого связано большинство значений группы 1 (*Хоть бы извинилась! Было б мне ту утку поискать! Зачем помешали: пусть бы шел. Если бы он позвонил вчера!*). С временным планом настоящего связано значение Б, 1, г (*Ладно бы хоть дома помог! Если бы хоть на работе горел!*).

С точки зрения свободы или ограниченности в своей обращенности в тот или иной реальный временной план частные значения желательного наклонения неоднородны. Есть значения, для которых открыты все временные планы, и значения, для которых те или другие временные планы закрыты. Так, в любом из трех реальных временных планов — настоящего, прошлого и будущего — могут быть обращены значения желаемости избираемого и единственного (А, 2, а, б, в), возможного и предпочитаемого (Б, 2, б), а также желания-опасения (А, 1, в). Только в плане будущего реализуется значение собственно желания (А, 1, а, б), желания как утверждения целесообразного и позитивного (А, 3, в), а также желаемого как возможного и стимулируемого (Б, 2, а). Только временной план настоящего открыт для значения отсутствия желаемого, осуществление которого имело бы компенсирующее значение (Б, 1, г). Только в план прошлого обращена желаемость неосуществившегося, но необходимого (Б, 1, а) или целесообразного (Б, 1, б).

Наконец, есть значения, для которых закрыт какой-то один из трех временных планов. Это — желаемость целесообразного и допускаемого (А, 3, а), обращенная в прошлое или будущее, но не в настоящее, и желание — просьба, совет (А, 3, б), для которого открыты настоящее и будущее, но не прошлое.

б. Частицы, участвующие в формировании синтаксического желательного наклонения, специализированы: они различаются по характеру и объему своих функций. Почти универсальна частица *бы*: интонация и контекст в отдельных случаях могут снимать и те немногие ограничения в ее употреблении, которые накладываются описанной выше системой наборов частиц и их распределения. Наименее универсальны, естественно, те частицы, в которых сохраняются лексические связи с соответствующими наречиями: *хорошо бы, лучше бы, скорей бы (по-скорей бы)*, а также частицы, несущие в себе потенции союзных функций: *пусть бы, только бы, лишь бы*. С другой стороны, частицы союзного и наречного происхождения, утрачивающие лексические связи с соответствующими словами, обнаруживают тенденцию к расширению функций в пределах собственно желательного значения (*если бы, вот бы, что б*). Показателен сам по себе факт контаминирования частиц (*что если бы, хорошо бы чтобы, вот бы хорошо если бы, если бы не, как бы только не* и под.).

Приведенные материалы свидетельствуют о том, что средства грамматикализации желательного значения принадлежат тому же уровню абстракции, что и средства организации других синтаксических наклонений. Желательное наклонение является одной из грамматических форм предложения. Естественно, что, пользуясь этой формой, говорящий, как правило, совмещает с ее грамматическим значением свое выраженное субъективное отношение к сообщаемому. Однако это не может опровергнуть того факта, что желательное значение формализовано и что форма эта занимает свое вполне определенное место в синтаксической парадигме предложения.

1974 г.

СИНТАКСИЧЕСКОЕ ДОЛЖЕНСТВОВАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

1. Начнем с примеров.

1. *Все ушли, а я сиди дома и работай.*
2. *Они напутали, а мы распутывай.*
3. *И дом будь ее и сад, а мы — куда хочешь.*
4. *Поезд приходит в четыре утра, и я опять не спи всю ночь.*
5. *Чего ни хватись, за всем в мир волокись (старая поговорка).*
6. *Он учитель, он и учи.*
7. *Солдат он и будь солдат.*
8. *До религии правительству не более дела, как до поваренного искусства: будь и окорнось законам, а желудок и совесть должны быть совершенно свободны* (П. Вяземский — А. Тургеневу, 6 дек. 1818 г., Остафьевск. архив, I).

Во всех этих и многих других подобных случаях в формах императива нет значения волеизъявления, направленного от одного лица к другому, от говорящего к слушающему, от повелевающего к исполнителю: императив имеет здесь не «распорядительное», а «исполнительное содержание» [Мучник 1955: 27]: речь идет о том, что должно осуществляться — в силу чьих-то действий, какой-то вынуждающей ситуации или в силу сложившегося узуса; при этом «оттенок негодования и протеста» [Виноградов 1947: 600], значение «действия, с точки зрения субъекта вынужденного, нежелательного, непосильного» [Кржижкова 1966: 176] может присутствовать (1, 2, 3), а может и не присутствовать (6, 7, 8); этот оттенок может быть скрыт, ослаблен, как бы потенциально заложен в высказывании (4, 5).

Образуют ли показанные формы особое синтаксическое долженствовательное наклонение или они представляют собою одно из употреблений повелительного наклонения, «транспозицию императива», не утрачивающего при этом своего основного — повелительного значения? Известно, что на этот вопрос даются разные ответы.

Большинство современных исследователей склоняется к той точке зрения, что в русском языке «оттенок» долженствовательности неотделим от повелительного значения и представляет собой его вторичную функцию. Этот тезис, восходящий к К. Аксакову и Потебне, в наше время в разных вариациях развивается в работах А. Исаченко [Исаченко 1957: 10; 1960: 497—498], Д. Шмелева [Шмелев 1961: 50—51], И. Мучника [Мучник 1955: 26—27], Е. Кржижковой [Кржижкова 1966: 176], Прж. Адамца [Adamec 1970], А. Бондарко [Бондарко, Буланин 1967: 128], и др. (см.: [Милых 1953: 17—18; Немешайлова 1958: 379; Кривенко 1961: 62; Касилова 1962: 53]), отмечающих в этих случаях появление «модальности или выражения долженствования», «обозначения вынужденного или необходимого действия», «оттенка значения долженствования», «субъективной нежелательности» и т. д. как результат переносного употребления морфологической формы повелительного наклонения¹.

Другая точка зрения восходит к Н. Некрасову, который, провозгласив императив «абсолютно-личной формой», служащей для выражения разных значений глагола [Некрасов 1865: 115], подчеркнул в этой форме «самостоятельную личность глагола как действия» [Там же: 109] и тем самым показал неправомочность возведения всех ее употреблений к значению второго лица. Такой подход позволяет определить реальные — и разные — значения этой формы. Правда, Н. Некрасов не выделяет «в общей личной форме глагола» особого долженствовательного значения, но показательно, что, дважды обращаясь к системе значений этой формы и в обоих случаях давая несовпадающие характеристики ее смыслового объема²,

¹ О транспозициях на разных уровнях языка и, в частности, в системе глагола см. также [Leška 1960].

² На с. 106: «Общая личная форма глагола в русском языке получает в речи смысл желательный, или повелительный, или, наконец, условный». На с. 115—116: «абсолютно-личная форма русского глагола служит в языке для выражения равных значений глагола, зависящих от смысла и тона целой речи: во-первых, для выражения безотносительности действия, которая состоит в том, что действие может быть отнесено ко всем вообще лицам действующим и ни к кому в отдельности; во-вторых, для выражения условия...; в-третьих, для выражения повеления».

исследователь включает долженствование не в значение повелительности, а в значение «безотносительности действия». Иллюстрируя это значение цитатой из басни Крылова «Волк и кукушка»:

Уж то-то там мы заживем:
В ладу, в довольстве, в неге!
Не так, как здесь, *ходи* с оглядкой днем
И *не засни* спокойно на ночлеге,

Н. Некрасов поясняет: «смысл обобщий, безотносительный: не так, как здесь, где *должно* (разрядка наша. — *Н. Ш.*) ходить с оглядкой днем и нельзя заснуть спокойно на ночлеге» (с. 116).

В. Виноградов в формах типа *Путают, путают, а я распутывай; Ты веселишься, а я сиди дома и пиши* видел особое наклонение. Он писал: «Легко заметить, что в форме повелительного наклонения при употреблении ее не со значением 2-го лица преобладают модальные оттенки пожелания, заклинания, допущения, долженствования». И далее: «Устранение повелительной интонации делает из этой формы форму иных личных значений и *иного наклонения* [Виноградов 1947: 593] (разрядка наша. — *Н. Ш.*).

В «Грамматике» 1970 г. долженствование наклонение трактуется как член парадигмы предложения, т. е. как самостоятельная синтаксическая форма, имеющая свои собственные грамматические характеристики и свое собственное значение; там показаны правила образования формы долженствования у разных типов предложения, охарактеризованы ее специфические функции и стилистические качества [Грамматика 1970: 579]. В настоящей статье мы подробнее остановимся на этой интересной форме и попытаемся дополнительно обосновать аргументацию в пользу ее существования как одной из форм предложения в системе синтаксических ирреальных наклонений. Вопрос этот, хотя как будто бы и частный, имеет принципиальное значение для общего понимания того, что в синтаксисе является *нормальным*, т. е. может быть описано как определенное звено системы, взаимодействующее с другими ее звеньями.

II. Синтаксическая форма долженствования наклонения образуется с участием так называемой формы 2-го лица повелит. наклонения глагола (на *-и* и с нулевой флексией). В двусоставных глагольных предложениях эта форма сочетается с подлежащим любого личного и неличного значения; очень часто ею представлено обобщенно-личное значение; в неглагольных предложениях долженствование оформляется введением формы *будь*. Образование синтаксической формы долженствования наклонения возможно не для всех типов предложений [Грамматика 1970: §§ 1358—1374]; ограничения могут накладываться как самой грамматической формой предложения, так и его семантической структурой.

Общим категориальным значением долженствования наклонения является значение *должности*, *необходимости*: то, о чем сообщается, предстает как предписываемое, обязательное, необходимое, причем, как отмечают все исследователи, эта обязательность очень часто сочетается с вынужденностью и, соответственно, окрашивается негативным отношением долженствующего субъекта.

Однако оттенок вынужденности, внутренне отвергаемой предписанности извне в значении самой формы не заключен, а лишь накладывается на него контекстом, и этим создается основное противопоставление внутри предложений со значением долженствовательности: а) предложения, обозначающие долженствование как вынужденность, и б) предложения, обозначающие долженствование, диктуемое узусом. Внутри каждой из этих групп есть более частные разновидности, с большей или меньшей определенностью выявляемые на основе условий речи, конситуации.

А. Предложения, обозначающие долженствование как вынужденность, дифференцируются в зависимости от характера вынуждающего субъекта, с этим непосредственно связана градация субъективного отношения «того, кто должен»: это отношение может быть непосредственно направлено против того, кто вынуждает, предписывает что-либо, и тогда оно может выливаться в «негодование и протест» (В. Виноградов); тогда же, когда вынуждающим является не лицо, а внешние обстоятельства, событие, сложившаяся обстановка, т. е. тогда, когда нет столкновения индивидуальных воль, степень конкретно направленного протеста оказывается ослабленной и появляется субъективно-модальная окраска недовольства, нежелания либо даже просто оценки ситуации как сложной, требующей труда, хлопот и т. п.

1) Вынуждающим субъектом является отдельное лицо или лица: с чьей-то точки зрения должное, нужное, необходимое или чьим-то поведением вынуждаемое действие (деятельность, состояние) долженствующим субъектом активно внутренне отвергается, не принимается. Это внутреннее неприятие не связано обязательно с неисполнением: протест может быть направлен против сложившихся отношений, навязанной деятельности, дела, поневоле исполняемого, сложного, трудного, неприятного и под.

[Мы ш л а е в с к и й] Довольно! Я воюю с девятьсот четырнадцатого года. За что? За отечество? А это отечество, когда бросили меня на позор?!.. *И я опять иди к этим светлостям?* Ну нет (Булгаков, Дни Турбиных, IV); А у Егора, когда он положил трубку, произошел такой разговор с женой. — Господи! — сказала жена Валя. — *Все бросай и вылетай девочке сказку рассказывать.* — Ну, болеет ребенок... — А то дети не болеют! Как это — чтобы ребенок вырос и не болел?! Егору и самому в диковинку было — лететь чуть не за полторы тысячи километров... рассказывать сказки. Но он вспомнил, какой жалкий у брата был голос, у него слезы слышались в голосе — нет, видно, надо (В. Шукшин, Как зайка летал на воздушных шариках).

Именно для этой разновидности характерно функционирование в составе противительных конструкций.

Вы не платите, *а я за вас отвечаю?* (Чехов, Мужики); [Н а ч а л ь н и к ш т а б а] Подпруги такие, что тронешь ногтем, И разом разлезутся. Слушай, ты, Григорий?! Их надо прошить иглою! На совесть! Ну-ка, поторопись. [П е р в ы й м а х н о в е ц] Успеем. Всегда не даешь покою. Братва отдыхает, *а ты трудись* (Багрицкий, Дума про Опанаса, д. 3. Либретто оперы); *И дом будь ее, и сад, а мы — куда хочешь* (разг. речь).

В таких предложениях интересны не отмеченные исследователями случаи субъектной детерминации дат. падежом:

— Не ходи, Коля, это он опять выпивать. — *А что ж, мне все копей да поливай?* Раб я, что ли? (газ.); — Ну, мало ли дружков у Кузьмина? За воротник поналивают, а мне развози (газ., в речи шофера); Начальники тыщи мотают — им ничего, а простому человеку рублевой детали не вынеси (газ.).

Непосредственное соотношение таких предложений — с предложениями с *должен*, при отрицании — с *не должен*, *нельзя* (кому): ...а я за вас отвечай — а я должен за вас отвечать; и я опять иди к этим светлостям? — я опять должен идти к этим светлостям?; простому человеку рублевой детали не вынеси — нельзя (не должен) вынести.

2) Вынуждает обязанность, официальная должность: [М а к с и м] Кто отвечать-то будет? *Максим за все отвечай*. Всякие — за царя и против царя были, солдаты оголтелые, но чтоб парты ломать... (Булгаков, Дни Турбиных, III, 1); Бедный, бедный Иван Иванович. Я в чем-то понимал его, мне было его даже жаль. *Все-таки он за всех нас отвечай*, а нас двадцать человек... (В. Некрасов, Путешествие в разных измерениях. В Америке); — *И за порядком в квартирах следи, и субботники проводи, и с обязательствами по дворам ходи*, — думаешь, легко одной-то? (газ.).

Непосредственное соотношение — с предложениями с *должен* ('обязан'), *обязан*: он за всех нас отвечай — он обязан (должен) за всех нас отвечать.

3) Вынуждает состояние: пребывание где-н., принадлежность к какому-н. месту, группе, среде, сфера деятельности, общественное положение, отношения с кем-н.

Я не люблю московской жизни. *Здесь живи не как хочешь — как тетки хотят* (Пушкин — П. А. Плетневу, 13 янв. 1831 г.); Он станет теперь совсем одинок. А у него теперь шестеро детей. И лавка на руках, и *поднимай на ноги всю ораву* (Булгаков, Жизнь Мольера, 4); [К о г а н] Что посевы? Как налоги? Падают ли овцы? Не бывают ли налетом в хуторах махновцы?... [В т о р о й м а х н о в е ц] Посевы? Какие посевы? Вечно Налоги, разверстка. *Бранись, дерись* (Багрицкий, Дума про Опанаса, д. 3, Либретто оперы); Я крикнул солнцу: «Дармоед! Занежен в облаках ты, *А тут — не знай ни зим, ни лет, Сиди, рисуй плакаты!*» (Маяковский, Необычайное приключение); И порыжел на нем пиджак, — Дорога далека. Днем едет, терпит кое-как, А к вечеру — тоска. Сквозь тишину и холодок Повеет ночь жильем. И куст — он дома — и пенек — На месте на своем. *А ты скитайся, развезжай*, Сам при себе, один... (Твардовский, Страна Муравия, VIII); Будет трудно в селе: *и печку топи, и воду носи из колодца* (разг. речь); А есть животные, которые родителей не знают. Увидев свет, они сразу предоставлены самим себе. *Спасайся, добывай пищу — все сам* (газ.). В старых пословицах: Родись, крестись, женись, умирай — *за все денежки подай*; И роди — *плати*, и хорони — *плати! Езди день до вечера*, а поесть нечего.

Соотношения — с предложениями с *вынужден*, *нужно*, *приходится*: ...живи не как хочешь — *вынужден*, *приходится* жить не как хочешь; ...в селе и печку топи, и воду носи — *нужно*, *вынужден*, *проходится* печку топить, воду носить.

4) Вынуждает конкретная ситуация или событие:

И соберись, и уложись, И в час беды такой Еще хозяйкой окажись Проворной и лихой (Твардовский, Дом у дороги, VII); *Положим, Риф [собака] дома. Сколько забот. Опять вставай в шесть утра и гуляй с ним, спи на работе* (А. Якубовский, Чемпи, 5); *Вывез бы я эту Еву домой, вывез, она бы мне там устроила парочку концертов, и тогда завязывай глаза от стыда и беги на край света* (В. Шукшин, Чердниченко и цирк).

Здесь, так же, как и в гр. 1, обычно функционирование в составе противительных конструкций:

— *Стоят столбами, а бабы гуляй в одиночестве* (А. Жуков, Праздничный сон до обеда); *Сами напутали, а мы тут расхлебывай* (газ.).

Соотношения — *с приходится, вынужден, нужно: а мы тут расхлебывай — приходится (вынуждены) расхлебывать*.

В этой последней группе в ряде случаев намечается явное ослабление значения вынужденности; ср. в пословице: *Ты, земля, трясясь, а мы за колышки держимся* (Даль).

Таким образом, в предложениях группы А (долженствование как вынужденность) в ближайшем контексте или в пресуппозиции обязательно присутствует вынуждающий субъект или вынуждающая ситуация.

Б. Предложения, обозначающие долженствование, диктуемое у з у с о м, отличаются от предложений группы А тем, что в них отсутствует значение вынужденности, а общим, объединяющим является значение следования ('так следует, так полагается, так нужно, должно'; при отрицании — 'не следует, не полагается, не должно'). По поводу предложений этого значения (*Всякий женись на своей невесте* [Фонвизин]) Д. Шмелев замечает, что оно «для современного языка не может быть признано продуктивным» [Шмелев 1961: 50]. Однако материалы из современных источников не подтверждают этого тезиса:

Я делал все как надо. Я сначала Был мальчиком на кухне, а потом Матросом. Я качался на канатах, Глотал похлебку, плеть и кулаки Меня крестили вдоль и поперек. Но помнил я: Крутись змеей и ползай, Кидайся кошкой, налетай совой, Лисицей заметай свои следы, Лисицей нюхай, чтоб почуять запах Упрямого золота. И вот Я до него добрался (Багрицкий); Я не писал стихов. Я говорил, что прежде Землей, водой и небом овладей, Чтоб узнавать деревья по одежде И по глазам разглядывать людей (Л. Лавров, Творчество); — Я сама к вам приду. — Нет, это не годится — вам ходить. Я ученик, я и ходи (В. Кочетов, Журбины, XII, 3).

Это значение широко отражено в пословицах: *Овечку стригут, а другая того же себе жди; Всяк сверчок знай свой шесток; Кому кадят, тот и кланяйся; От тюрьмы да от сумы никто не отрекайся* (Даль). Это же значение видим в выдержке из письма П. Вяземского А. Тургеневу; см. в начале статьи п. 8.

Соотношение — с предложениями *со следует, полагается, надо, нужно: Я ученик, я и ходи — мне и полагается (следует) ходить; я помнил: крутись змеей — надо крутиться змеей*.

На значение узуально предопределенного долженствования говорящим-могут накладываться субъективно-модальные значения: 1) недовольства по поводу несоблюдения диктующего узуса ('надо, надо бы соблюдать то, что положено'); 2) оценки действия как трудного, сложного; 3) оценки действия как простого, доступного, легко осуществимого ('нужно всего только, лишь только...'). Все эти значения выявляются в контексте, лексически, интонацией.

1) — Если виновата, *так вызови, объясни, помоги, на собрании обсуди*. Но зачем жетак — наскоком, криком (газ.); *Солдат он и будь солдат* (разг. речь); *Взялся учить, так он и учи* (разг. речь).

2) Трудно дело птицелова: *Заучи повадки птичьи, Помни время перелетов, Разным посвистом свисти* (Багрицкий, Птицелов); *Ах, как сложны и запутанны в этой жизни пути и дороги! Почти как в тайге. Идешь и все время примечай, где идешь; думай и о пройденном и о предстоящем пути, соотноси свое движение с течением времени..., рассчитывай силы, чтоб не изнурить себя* (Марков, Поля).

3) *И бурим тут, и роем, и всюду тут новости. Почему же с лесным урожаем, где наклонись и возьми, никаких новостей?* (газ.); *По словам директора, у них под руками «золотое дно» — знай черпай и черпай* (газ.).

Итак, материалы убеждают в том, что форма долженствительного наклонения объединяет в себе ряд частных значений должности, вынужденности, узуальной предопределенности, необходимости, следования.

III. Тот факт, что значение долженствования в рассматриваемой форме оказывается инвариантным, т. е. существует и выявляется в наборе нескольких более частных, конкретных значений, свидетельствует о том, что это значение возникает не в результате речевой транспозиции повелительности, а принадлежит грамматической форме как ее категориальная характеристика. Значение это, регулярно обнаруживающее себя в определенных синтаксических условиях, входит в систему парадигматических противопоставлений у предложений разных структур. Все это дает основание считать долженствительное значение отдельным объективно-модальным значением, занимающим свое особое место в ряду синтаксических ирреальных наклонений.

Как одна из форм предложения (член его парадигмы), форма долженствительного наклонения имеет свои собственные признаки и характеристики — грамматические, семантические и интонационные, которые противопоставляют ее другим формам предложения. Напомним эти признаки:

1) наличие собственной грамматической (синтаксической) организации, не совпадающей с грамматической организацией синтаксического побудительного наклонения;

2) наличие собственного инвариантного значения, последовательно выявляющегося в системе более частных значений;

3) наличие собственных интонационных характеристик, интонационных вариантов и правил выбора этих вариантов, не совпадающих с интонационными характеристиками форм синтаксического побудительного наклонения³;

³ За содержательную консультацию по этому вопросу, не освещенному в специальной литературе по русской интонации, автор благодарен Е. А. Брызгуновой.

4) наличие собственных функционально-смысловых соотношений с обозначающими долженствование предложениями других грамматических структур;

5) в двусоставных предложениях и их реализациях — при определенных семантических условиях — возможность сочетания с субъектным детерминантом в форме дательного падежа.

К этим характеристикам следует добавить еще одну, убедительно подтверждающую то, что долженствовательность ведет себя как достаточно сильный компонент в единой системе парадигматически организованных объективно-модальных значений предложения: в сферу выражения долженствования втягиваются формы побудительности (с частицами *пусть, пускай*, сочетающимися с личными формами глагола)⁴. Такая транспозиция форм побудительного наклонения возможна в следующих случаях: а) когда речь идет о необходимом и целесообразном обобщенно- или определенно-лично приписываемом внутреннем состоянии, т. е. когда содержанием сообщения исключено наличие как индивидуального волеизъявления, так и реализующего чье-то требование конкретного исполнения индивидуальной воли; б) когда контекст указывает на необходимость, целесообразность того, о чем сообщается, а конкретный исполнитель либо устранен (1), либо всей ситуацией представлен как «должествующий субъект» (2).

а) *Пусть не смущает вас ничтожный успех врага*, сумевшего налетом кавалерии расстроить тылы славной 25-ой дивизии и вынудить несколько отойти к северу. *Пусть не смущает вас известие о смерти командира 25-ой дивизии товарища Чапаева* (Из приказа М. В. Фрунзе; Комс. правда, 5.IX.69); *Пусть вас не удивляет*, что в разговоре о сновидениях мы все время возвращаемся к болезням (газ.); *Пусть никто не скажет*, что я не умею ценить оригинальную идею (разг. речь).

б) (1) Я прошу вашу газету вступить за цветы. *Пусть они перестанут быть роскошью* (газ.); (2) Суд восстановил Р. на работе. Грамотней он от этого не стал. И руководство стройки приняло решение: *пусть Р. сдаст экзамен по строительным нормам и правилам* (газ.).

Специального изучения требует вопрос о формах долженствовательного наклонения у предложений, строящихся по безглагольным образцам. Для каких-либо определенных решений накоплено пока еще очень мало материалов (письменные фиксации этих форм крайне редки: во-первых, потому, что эти формы явно связаны прежде всего с разговорной речью, а во-вторых, потому, что лица, «правящие» тексты для печати, склонны изгонять эти формы как «неправильные» или просторечные). Пока очевидно одно: образование форм долженствовательности у безглагольных предложений связано обязательным присутствием (в контексте или в пресуппозиции) вынуждающего или оценивающего субъекта, либо вынуждающей ситуации.

IV. В системе синтаксических ирреальных наклонений долженствовательное наклонение занимает свое особое место как самостоятельный член парадигмы

⁴ А. Исаченко прав, утверждая, что формы с этими частицами — не морфологические, а синтаксические [Исаченко 1957: 8]; аналогичное понимание этих форм положено в основу парадигматического описания предложений в Грамматике 1970 г.

предложения. Этому не противоречит тот факт, что морфологическая форма 2-го лица повелительного наклонения глагола участвует в образовании и других форм синтаксических наклонений — условного (*Приди [бы] он вовремя, ничего бы не случилось*), желательного (*Провались [бы] все эти бесконечные дела!* и побудительного (*Приди вовремя!*): она участвует здесь везде по-разному, в разных сочетаниях и соотношениях с другими грамматическими компонентами.

Морфологическая форма повелительного наклонения глагола может рассматриваться с точки зрения своих собственных значений⁵. В синтаксисе парадигматические противопоставленными оказываются не морфологические значения формы, а значения членов парадигмы предложения, строящихся с участием этой формы: это значения сослагательное, условное, долженствовательное, желательное и побудительное. Все они объединяются общим значением ирреальности, и, соответственно, временной неопределенности, и это создает основания для смысловых переходов и нюансов; ср. широкий диапазон частных значений внутри побудительности⁶ и долженствовательности: эти синтаксические наклонения имеют разнообразные употребления и оттенки, создающие внутри каждой из этих форм сложную и богатую семантическую палитру.

1974 г.

⁵ Морфологическая форма императива в современном русском языке не многозначна. Выводить все ее значения из значения повелительности на основе далеко не всегда находящего удовлетворительное обоснование тезиса о транспозиции неправомерно (термин «транспозиция» целесообразно было бы сохранить только для обозначения ж и в ы х переносов). В обобщенном виде система морфологических значений формы повелительного наклонения глагола может быть представлена как тройственная. Это: 1) значение повелительное (с «подзначениями» собственно императивным, желательным и долженствовательным), 2) значение условно-сослагательное и 3) значение законченного и неожиданного действия в прошлом (*Но Скворушка услышь, Что хвалят Соловья*. Крылов). Эта система представляет собой тот тип многозначности, при которой значения не выводятся одно из другого, а существуют раздельно, не будучи связаны живыми отношениями производности. В нашем случае это имеет вполне ясное историческое объяснение, опирающееся на исконную диффузность первых двух значений и на генетическую несвязанность с ними современного третьего значения («драматический императив» по А. Исаченко), стоящего с первыми двумя на грани омонимии (см.: [Виноградов 1947: 549–556]).

⁶ Ср., например, отмечавшийся исследователями явственно выступающий внутри значения побудительности оттенок возможности / невозможности (*слова ему никто не скажи*), переходящий в значение свободы, легкости осуществления в случаях типа «Добрый доктор Айболит, Он под деревом сидит. Приходи к нему лечиться и ворона и лисица» (К. Чуковский), а также интересное явление поглощения императивного значения значением индикативным в случаях вроде следующих: А на левом с ходу, с ходу Подоспевшие штыки Их толкали в воду, в воду, А вода себе теки... (Твардовский, Василий Теркин, На Днестре); «Я скажу тебе откровенно: Это здорово, так скакать! Только запах нелегкий пота, — Голова от него трещи!» (Е. Винокуров, Потом пахнувшая арена...).

СИНТАКСИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ

I. Понятие синтаксического времени в русском языкознании было введено А. Шахматовым. В трудах В. Виноградова это понятие положено в основу определения предикативности в качестве одного из трех формирующих ее компонентов. В других терминах — как о «формах сказуемости» — писал о временных значениях в синтаксисе Ф. Фортунатов: «Формы, делающие глагол грамматическим сказуемым, это — формы времени и наклонения, которые вместе могут быть называемы формами сказуемости в глаголе, а надо заметить, что те и другие формы должны получить в грамматике одно общее название (разрядка наша. — *Н. Ш.*), так как ведь формы времени и формы наклонения в собственном смысле, т. е. формы косвенного наклонения, исключают по значению одни другие, не могут соединяться в глаголе» [Фортунатов 1904: 396]. Здесь чрезвычайно важна мысль о том, что на синтаксическом уровне формы времени и наклонения нераздельны и что поэтому они «должны получить общее название». «Формы сказуемости» были приняты в «Формальной грамматике» Н. Дурново (см. ниже).

Понятие синтаксического времени развивается в ряде работ автора этой статьи; синтаксическое время в его нерасчленимом единстве с объективной модальностью (т. е. в единстве времени и наклонения) в Грамматике-70 и в последующих работах рассматривается как категория, формирующая предикативность. Понятие синтаксического времени одними лингвистами принимается, другими отвергается; последние видят в нем морфологическое время, заключенное в глаголе и без строгих оснований именуемое синтаксической категорией тогда, когда глагол в соответствующей форме входит в предложение. В наиболее развернутом виде отказ от синтаксического времени как от грамматического значения простого предложения находим в книге А. Бондарко [1976: 16—25]. Подробное рассмотрение этого важного вопроса грамматической теории и изложение А. Бондарко своего собственного понимания синтаксического времени дает основание для того, чтобы еще раз обратиться к этой теме.

В самом общем виде возражения А. Бондарко сводятся к следующему. 1. Включение морфологических форм в сферу синтаксической категории закономерно только тогда, когда имеет место не реализация «категориального значения самой по себе данной словоформы», а ее участие в передаче принадлежащих предложению синтаксических отношений. 2. «Глобальное переключение» морфологических категорий в синтаксические незаконно: оно ведет к смешению морфологического и синтаксического времени, к «неоправданной гиперболизации сферы синтаксиса». 3. Изменение глагола по временам не отражается на синтаксической структуре простого предложения: в той парадигме, которая в Грамматике-70 приписывается предложению, эта структура остается неизменной (приводятся примеры предложений только типа *Я здесь живу — жил — буду жить*); на деле это — «морфологические варианты одной и той же модели предложения», реализация ее «морфологического потенциала». 4. Все явления контекстуально обусловленного функционирования глагольных форм в предложении относятся к мор-

фологии, к сфере функционирования морфологических категорий; это — область «функциональной морфологии»¹.

Прежде чем обратиться к рассмотрению вопроса о категории времени в синтаксисе — в ее отношении к одноименной морфологической категории глагола, уместно сделать три предварительных замечания по поводу четырех перечисленных пунктов.

1. Принадлежащими предложению синтаксическими отношениями глагола А. Бондарко признает только отношения нескольких глагольных форм друг к другу (его пример таких синтаксических отношений в структуре предложения: *Когда вы говорили, я думал о другом*. По-видимому, А. Бондарко не считает синтаксическими отношения друг к другу членов простого предложения, конструирующих его минимальный грамматический вид. Но тогда какие же это отношения? Ведь очевидно, что в предложениях *Я здесь жил* или *Я здесь был жилец* (ограничимся пока только предложениями с глаголом — знаменательным или служебным) главные члены связаны друг с другом определенным — и именно и только синтаксическим отношением, и это отношение (носителя признака и признака, отнесенного ко времени) оформлено глаголом. Представляется неправомерным сужение понятия «синтаксического отношения» только до отношения частей сложного предложения (или других непосредственно взаимодействующих фрагментов текста). Отношение членов предложения есть тоже — и только — синтаксическое отношение, и тот факт, что в предложениях с глаголом это отношение формально выражается координируемой с подлежащим спрягаемой формой глагола, вряд ли можно оспорить.

Нам могут возразить, что, даже согласившись с тем, что отношение между главными членами есть отношение синтаксическое, следует признать, что им. пад. — подлежащее относится здесь к спрягаемой форме вообще, независимо от ее временного значения, т. е. что отношение между подлежащим и сказуемым имеет вид: *Я живу (жил, буду жить)*.

С этим следовало бы согласиться, если бы это отношение существовало само по себе, а не входило бы в ряд: (1) *Я живу, жил, буду жить* — (2) *Я жилец, был жилец / жильцом, буду жилец / жильцом*, где в рядах 1 и 2 временные значения идентичны, а оба эти ряда вместе сами не входили бы в противопоставление: (3) *Я жил бы, пусть живу, живи бы я... — Я был бы жилец / жильцом, пусть буду жилец / жильцом, будь бы я жилец / жильцом...*

Следовательно, в этом противопоставлении на синтаксическом уровне, в позиции с к а з у е м о г о, мы имеем дело не с абстрактной формой слова, а с некоей единицей, заключающей в себе значение предиката и входящей в трехчленное множество, каждый из членов которого находится в синтаксических отношениях друг с другом.

2. Анализируя парадигму предложения так, как она представлена в Грамматике-70, А. Бондарко, к сожалению, оперирует только двусоставными предложе-

¹ См. убедительную аргументацию в пользу противоположной точки зрения в кн.: [Булыгина 1977: 174—175].

ниями с глагольным сказуемым (N₁ — V_f). Структура этих предложений в парадигме, конечно, не меняется: видоизменяется, предстает разными сторонами грамматического значения предложения (в полной аналогии с формоизменением слова). Однако в парадигме предложения типа *Я жилец* или *Зима* его структура внешне как будто уже меняется (об этом как о противоречии и непоследовательности писали критики данной концепции). Следовательно, неизменение формального вида предложения при образовании его форм (так, как они понимаются в Грамматике-70) — лишь частный случай, а общими, обязательными для парадигматических изменений предложений любой структуры, всех вообще грамматических предложений является общая, повторяющаяся роль глагольного слова — знаменательного (там, где оно входит в структуру исходного вида предложения) или служебного (там, где такого вхождения нет). Жаль, что в своем разборе А. Бондарко не обратил внимания читателей на эту закономерность.

3. Те явления, которые традиционно называются «употреблением времен» и описываются в аспекте «функциональной морфологии», принадлежат не только глаголу: они регулярны и в безглагольных предложениях. Если глагол в форме наст. вр. может обозначать «действие в будущем» (*Завтра я еду*) или в прошлом (*Иду я вчера по улице, вдруг...*), то точно такие же значения нормальны и для безглагольных предикативных структур, например: *Сегодня последний экзамен, и завтра ты инженер (и завтра — свобода)*; *Вчера он начальник, уважаемый человек (вчера — почет, уважение), а сегодня вся жизнь рушится* (см. об этом также ниже). Трудно отрицать, что эти последние явления, идентичные случаям употребления морфологических форм времени, никакого отношения к «функциональной морфологии» не имеют. Следовательно, все такие употребления нужно рассматривать в более широком аспекте, а именно — в аспекте употребления предложений, заключающих в себе те или иные временные значения.

II. Для того чтобы рассмотреть вопрос о синтаксическом времени с какой-то новой точки зрения и построить такую аргументацию в пользу его существования, которая не будет переизложением и переформулировкой того, что уже говорилось раньше, попробуем проанализировать синтаксис условно ограниченного текста так, как будто к этой задаче мы приступаем впервые. При этом будем помнить, что возможно — и во всех случаях правильно — тройственное понимание языка. Во-первых, язык в своей грамматике — это система абстракций, сложно взаимодействующих друг с другом отвлеченных образцов, по которым может быть построено бесконечное (для лексически свободных образцов) или конечное (для образцов лексически не свободных) число конкретных единиц, т. е. единиц, облаченных в материю слова. Во-вторых, язык в целом — это система номинаций (под номинацией здесь понимаем только собственно название, обозначение, но не сообщение)². В номинации непосредственно — но в разной степени и при разных условиях — участвуют и слово, и словоформа, и словосочетание, и пред-

² Сейчас существуют и другие, более широкие понимания номинации, отраженные, в частности, в книгах: [Языковая номинация 1977а; 1977б].

ложение (тогда, когда оно употреблено не как единица сообщающая, а как указующая или обозначающая). Все эти единицы могут называть (обозначать); причем, в результате взаимодействия единиц разных уровней в языке в сфере собственно номинации выработались такие ситуации названия, при которых словоформа или словосочетание, называя, одновременно «скрыто сообщает». Например, в последней из трех скобочных вставок (разрядка наша. — *Н. Ш.*): «*Есть три Пушкина. Пушкин — очами любящих (друзей, женщин, стихолобов, студенчества), Пушкин — очами любопытствующих (всех тех, последнюю сплетню о нем ловивших едва ли не жаднее, чем его последний стих), Пушкин — очами судящих (государь, полиция, Булгарин, иксы, и греки — посмертные отзывы) и, наконец, Пушкин — очами будущего — нас*» (М. Цветаева. *Наталья Гончарова*). В-третьих, язык — это последовательность сообщений, данных нам в непосредственном наблюдении и восприятии. К этому третьему аспекту мы предварительно и обратимся для анализа синтаксиса текста.

В любом условно ограниченном тексте, представляющем неспециальную, общую литературную речь, можно вычлени единицы сообщения, различающиеся по признаку наличия или отсутствия у них парадигматических свойств. Так, например, в известном тексте: *Ужель она? Но точно... Нет... Как! из глуши степных селений... И неотвязчивый лорнет Он обращает поминутно На ту, чей вид напомнил смутно Ему забытые черты* (Пушкин) — каждая из интонационно законченных (или относительно законченных) сообщающих единиц заключает в себе некую информацию. Однако одни такие единицы принадлежат и м е н н о э т о м у т е к с т у, в нем и в его окружении приобретают свойства понятности и информативной достаточности (*Но точно... Нет... Как! из глуши степных селений...*); другие относительно самостоятельны, сами по себе достаточны: для своего существования они не нуждаются в конситуативной поддержке, в разъясняющей их ситуации. Эти единицы опираются на специально предназначенные для сообщения отвлеченные грамматические образцы и являются их реализацией — неполной (*Ужель она?*) или полной (последняя часть приведенного текста, заключающая в себе два простых предложения, объединившихся в сложное единство посредством так наз. относительного подчинения).

Далее сосредоточим свое внимание на простом предложении. Эти единицы (будем называть их грамматическими предложениями или просто предложениями) имеют парадигматические свойства. Эти свойства состоят в способности (заключенной уже в самом элементарном грамматическом образце) соотносить сообщение с разными «кусочками действительности» (В. Виноградов), с разными ее временными планами. Иными словами, предложения способны г р а м м а т и ч е с к и в ы р а ж а т ь з н а ч е н и е в р е м е н и е. Если такие единицы, как *Но точно.., Нет.., Как! из глуши степных селений..* и многие другие им подобные, во временном плане могут быть определены только с точки зрения их отношения к моменту говорения, т. е. к реальному времени, то грамматические предложения всегда имеют г л у б о к о е с т р о е н и е: это значит, что они сами по себе, вне ориентации на момент говорения, формально способны передавать разные временные значения.

Сообщающие единицы первого типа не являются грамматическими предложениями; они существуют именно и только в данном виде, языку не принадлежат никакие их строго регулярные формальные грамматические видоизменения. Эти информирующие отрезки текста лишены парадигматических свойств. Это не значит, что таким высказываниям не свойственны вообще какие-либо модификации. Они изменяются. Во-первых, интонация всегда может придать им вопросительное значение или ту или иную субъективно-модальную окраску; во-вторых, они могут принимать в свой состав показатель субъективного отношения — частицу, междометие; в-третьих, они обладают способностью принимать в свой состав распространяющие члены (правда, с явными ограничениями); в-четвертых, наконец, в потоке речи такие высказывания могут так или иначе сочетаться с другими сообщающими единицами. Однако все это никак не меняет их непарадигматической природы: такие высказывания не опираются на абстрактные грамматические образцы, специально предназначенные языком для построения единиц сообщения и способные грамматическими (синтаксическими) средствами относить сообщение в тот или иной временной план.

В отличие от таких высказываний языковая организация предложений *Это — она, Ее черты забыты* или *Ему грустно* (будем говорить сначала о предложениях, не содержащих в своей исходной форме спрягаемой формы глагола) включает в себе возможности грамматических временных модификаций: этим предложениям принадлежат регулярные формальные изменения на временной оси. Средствами строго формальными, а именно введением служебного глагола с ничем не осложненным значением времени, они могут грамматически относить сообщаемое в план настоящего, прошедшего или будущего. Так возникает временная шкала: *Это она — Это была / будет она; Ее черты забыты — Ее черты были / будут забыты; Ему грустно — Ему было / будет грустно*. Языковые характеристики этой шкалы временных значений следующие. 1. Она принадлежит грамматическому строю языка и, поскольку на ней размещаются синтаксические структуры, она принадлежит его синтаксическому строю. 2. Размещенные на этой шкале единицы относят сообщения в один из определенных временных планов. Эта определенность — «сейчас», «прежде» или «потом» — обусловлена тем, что на этой шкале может быть — произвольно, но в любом случае правильно — установлена точка отсчета: если мы примем за такую точку отсчета настоящее время (что обычно и делается), то будущее время — это время, следующее за настоящим, а прошедшее время — это время, предшествующее настоящему; если за точку отсчета будет принято прош. вр., то наст. вр. — это время, непосредственно следующее за прошедшим, и т. д. В любом случае здесь есть временная определенность: в сообщениях заключено значение следования за чем-то или предшествования чему-то: наст. вр. следует за прош. вр. и предшествует будущему, прош. вр. предшествует настоящему и т. д. 3. В условиях контекста у единиц, расположенных на этой шкале, могут формироваться относительные временные значения: *Сказали, что это будет она* (относительное будущее время); *Сказали, что это она* (относительное наст. вр.); *Сказали, что это была она* (относительное прош. вр.). Как и абсолютные времена, относительные времена здесь определены; в них лишь не

варьируется точка отсчета: в наших примерах все относительные временные значения устанавливаются только по отношению к прош. вр. 4. Предложения в одном из трех определенных временных значений могут употребляться переносно: наст. вр. в значении будущего (*Пройдет еще год — и ее черты забыты!*), наст. вр. в значении прошедшего (*Вчера ему грустно, а сегодня он уже весел, смеется*), буд. вр. в значении настоящего (*Настроение его изменчиво: утром ему будет грустно, а вечером, глядишь, весел, смеется*).

Таковы языковые характеристики шкалы определенных временных значений и, следовательно, значений тех исходно неглагольных предложений, которые были размещены на этой шкале. Но хорошо известно, что возможности изменения таких предложений этим не исчерпываются. Кроме формальных средств выражения временной определенности, они обладают также формальными средствами выражения временной неопределенности: неопределенно представляемой возможности, желательности или побудительности (в целях простоты изложения условимся, что к значению возможности относится и условность, а значение долженствовательности рассматривается вместе со значением побудительности). Для определения временных значений таких предложений, как *Ее черты были бы забыты, Это была бы она, Если бы (лишь бы, только бы) это была она!*, не может быть установлена точка отсчета. Сомнение здесь может вызвать лишь значение побудительности. Однако значение осуществления в будущем, обычно приписываемое так называемым побудительным предложениям, совсем иного характера, чем грамматическое значение будущего времени³. Это последнее непосредственно соотносено с настоящим, от него отсчитывается (*Это она — Это будет она..;* в глагольных предложениях: *Ты пишешь — Ты будешь писать*). Этим подтверждается временная неопределенность побудительного значения. Естественное, что непосредственное побуждение к чему-либо в жизни предполагает последующее исполнение. Однако это касается прежде всего побуждения к конкретному действию или к конкретной ситуации, т. е. частного случая общего значения побудительности. В совершенно нормальных случаях побуждения в отвлечении от мысли о конкретном исполнении элемент постпрезентности ослаблен или отсутствует совсем. Особенно это очевидно при расширительном употреблении форм побудительности, когда отнесенность в будущее не может быть отграничена от отнесенности в настоящее, например: *Хорошо! так, по-вашему, я так ничтожен, что даже не стою ответа, — вы это хотели сказать? Ну, пусть будет так; пусть я буду ничто. — Да нет же, Фома, бог с тобой! Ну когда я это хотел сказать?.. — Хорошо! Пусть буду лгун!* (Достоевский); в глагольных предложениях: *О чем он может с писарем разговаривать? Писарь не только что разговаривать, п и с к н у т ь при нем не смей* (Чехов).

Предложения со значением временной неопределенности («когда-либо»: «сейчас, либо потом», «сейчас, либо прежде, либо потом») так же, как и предложения со значением временной определенности, могут быть расположены на шкале

³ Ср.: *От истерики, впрочем, никогда и никто не умирал. Да и пусть истерика, Бог женщине послал истерику любя* (Достоевский).

временных значений. Однако специфика этой второй шкалы по сравнению с первой состоит в том, что ни одно из расположенных на ней значений не может служить точкой временного отсчета для других значений, и поэтому расположение их на этой шкале произвольно (в отличие от шкалы определенных временных значений, где отсчет обоснованно ведется от значения наст. вр.).

Такая шкала естественно открывается значением сослагательности:

сослагательное значение: *Это была бы она. Ее черты были бы забыты. Ему было бы грустно.*

желательное значение: *Если бы это она! Она бы это! Если бы (пусть бы...) это была она! Были бы ее черты забыты! Если бы (пусть бы...) ее черты были забыты! Было бы ему грустно! Если бы (пусть бы...) ему было грустно!*

побудительное значение: *Пусть это будет она! Пусть ее черты будут забыты! Пусть ему будет грустно!*

Здесь правомерен вопрос: если все эти значения объединены временной неопределенностью, то на чем основывается их разграничение? Анализ материала показывает, что между значениями сослагательности, желательности и побудительности в языке существует распределение «компонентов неопределенности». Побудительное наклонение выражает неопределенность путем слияния значений настоящего и будущего (при должностовательности — также и прошедшего); сослагательное наклонение с равной степенью свободы означает любую неопределенность; желательным наклонением неопределенность выражается преимущественно путем слияния значений настоящего и будущего и реже — настоящего и прошедшего (*Если бы не война!*: желательность несуществования того, что уже осуществляется или осуществилось в прошлом).

Языковые характеристики шкалы неопределенных (ирреальных) временных значений следующие. 1. Так же, как и шкала определенных временных значений, она принадлежит синтаксису: временные значения расположенных на ней единиц оформляются синтаксическими средствами — служебным глаголом и синтаксическими частицами. 2. Размещенные на этой шкале единицы относят сообщение в один из неопределенных временных планов: для представленных здесь значений не могут быть установлены точки отсчета ни на самой этой шкале, ни на противостоящей ей шкале определенных временных значений. 3. В условиях контекста у единиц, расположенных на этой шкале, могут формироваться относительные временные значения: *Он подумал (думает / подумает): «Если бы это была она!»; Он говорит (сказал, скажет), что ему было бы грустно; Он подумал (думает / подумает): «Пусть это будет она!»* Во всех подобных случаях желательность, возможность, побудительность соотносены с тем временным планом, который представлен в первой части конструкции — настоящим, прошедшим или будущим. Неопределенность временных значений при этом всегда сохраняется, однако это не просто неопределенность, а неопределенность в ее отношении к настоящему, прошедшему или будущему. 4. В системе неопределенных временных значений широко представлены разнообразные транспозиции: семантически взаимодействуют значения сослагательности и желательности, побудительности и желатель-

ности, на основе значения побудительности сформировалось значение долженствительности.

Шкала определенных временных значений и шкала неопределенных временных значений существуют в противопоставлении друг другу как сложное единство. Они представляют две разные стороны значения синтаксического времени, имеющего в исходно безглагольных предложениях (о которых пока только и шла речь) свои собственные средства формальной организации: для выражения настоящего времени — значимое отсутствие глагольного слова, для выражения всех других значений — формы глагола *быть*, эти же формы в сочетании с синтаксическими частицами или только синтаксические частицы. Очень важно то, что две шкалы временных значений ни в одной из своих точек не пересекаются: значения временной определенности и неопределенности (или, что то же самое, реального или ирреального времени) строго противопоставлены друг другу. Говоря о том, что «формы времени и формы наклонения в собственном смысле, т. е. формы косвенного наклонения» исключают друг друга, Ф. Фортунатов сформулировал тезис, в основе которого лежит глубокая мысль о семантической противопоставленности форм определенного и неопределенного времени: «Что касается формы изъявительного наклонения, то ее значение состоит лишь в отсутствии значений ожидаемости или желаемости, вносимых формами косвенного наклонения» [Фортунатов 1904: 396].

III. До сих пор речь шла о предложениях безглагольных, т. е. таких, которые в своей исходной форме (в форме, полностью совпадающей с абстрактным образцом) не имеют спрягаемого глагола. Но это — только часть русских грамматических предложений. Другую часть составляют предложения глагольные, т. е. такие, которые в форме наст. времени имеют спрягаемую форму глагола. Обратившись к ним как к единицам, которые, естественно, также располагаются на шкалах временных значений, увидим, что, взятые как такие единицы, они отличаются от безглагольных предложений тем, что ту функцию, которую в этих последних выполняет нуль глагола или служебный глагол, в предложениях с V_f выполняет входящий в их элементарную структуру глагол знаменательный — один или в таких сочетаниях с синтаксическими частицами, которые идентичны сочетаниям этих частиц и служебного глагола в предложениях без V_f в исходной форме. Синтаксическая парадигма глагольных предложений такова: *Я здесь живу. — Я здесь жил. — Я здесь буду жить. — Я бы здесь жил. — Жил бы я здесь! Если бы (пусть бы...) я здесь жил! — Пусть я буду здесь жить*⁴.

Ту синтаксическую функцию, которую в парадигме предложений без V_f выполняют формы глагола *быть* или значимое отсутствие глагола, в предложениях с V_f выполняют формы глагола знаменательного; оставаясь необходимым компо-

⁴ Значение первого лица при побудительности — абсолютно нормально: например: — *Пусть я проклят, пусть я низок и подл, но пусть и целую край той ризы, в которую облекается Бог мой* (Достоевский); [Б о б ч и н с к и й] *Уж не мешайте, пусть я расскажу. Не мешайте! Скажите, господа, сделайте милость, чтоб Петр Иванович не мешал* (Гоголь); *Пусть и я сломясь от горя, Не жалея ты дочку* (Некрасов).

нентом структуры предложения, глагол здесь предоставляет свои морфологические формы для выражения временных значений как таких, которые свойственны предложению вообще, всякому, любому, как глагольному, так и безглагольному. Здесь нет ничего нового, это давно уже сказано: «Время как форма сказуемости может быть выражено или формой глагола: *я пишу, мы читали, вы узнаете* и пр., или неглагольным словом без связки в наст. вр. и со связкой в прош. и буд. вр.: *он болен, он был болен, он будет болен*» [Дурново 1924: 24].

Следовательно, формальные средства выражения синтаксических времен — определенных и неопределенных — одинаковы у всех форм глагольных и неглагольных предложений, за исключением формы наст. вр. (исходной), в которой временное значение у безглагольных предложений выражается значимым отсутствием глагольного слова, а у предложений глагольных (с Vf в их абстрактном образце) — спрягаемым глаголом в его морфологической форме наст. вр. Образование всех других форм глагольных и безглагольных предложений осуществляется по одним и тем же правилам: в нем участвует глагольная форма или глагольная форма в сочетании с синтаксической частицей: прош. вр. — форма на *-л*; буд. вр. — форма буд. вр. глагола; сослагат. накл. — форма на *-л* плюс *бы*; желательн. накл. — форма на *-л* плюс *бы* или ее модификации — с расположением компонентов, отличным от их расположения в форме сослагат. накл. (*Это был он* и *Был бы это он!*; *Он пришел бы* и *Пришел бы он!*); побудит. накл. — формы повелит. накл. глагола или формы наст. вр. в сочетании с *пусть, пускай* (*Пусть идет, Пусть я пойду, Пусть истерика, Пускай боль*), или форма на *-л* плюс *чтоб* (*Чтоб не было шума! Чтоб не шумели здесь!*).

Итак, «форма сказуемости» (по Фортунатову) или, что то же самое, формальные средства образования и выражения временных значений, существуют у всех грамматических предложений — как исходно глагольных, так и неглагольных. Временные значения в синтаксисе образуют систему, организующуюся противопоставлением определенного (реального) и неопределенного (ирреального) времени. В изучении этой системы нельзя разрывать эти две ее стороны и представлять их как существующие изолированно друг от друга. Тем более нельзя утверждать, что синтаксические формы сослагательного, побудительного, желательного наклонений лишены временных значений. Язык отражает жизнь, его синтаксический строй средствами предложения отражает «кусочки действительности», а в действительности нет ничего, что происходило бы вне времени. Время может мыслиться как определенное или как неопределенное. Язык имеет строгие формы для выражения этого объективно существующего противопоставления.

Мы попытались показать, что нет оснований решать вопрос о синтаксическом времени в предложении только на материале предложений глагольных: рядом существуют и в выражении временных значений аналогично ведут себя предложения исходно безглагольные. И те и другие вместе составляют систему русского простого предложения, и обязательно следует определить тот общий грамматический признак, который принадлежит предложению вообще, делает предложение предложением. Отвергая, во-первых, синтаксический характер отношения между главными членами, во-вторых, значение времени в простом

предложении как в синтаксической единице, грамматист не может освободить себя от ответа на вопрос о том, что же он оставляет на долю грамматического значения предложения? К сожалению, в ряде последних работ синтаксистов, отвергающих названные положения, мы не находим ответа на этот вопрос.

IV. Далее встает вопрос о том, как относится синтаксическое время глагольного предложения к морфологическому времени глагола. Здесь может быть проведена аналогия со значением падежа. Для установления значения формы слова исследователи практически пользуются двумя возможностями: во-первых, эти значения — в максимально абстрагированном виде — устанавливаются на основании отношений форм слова в парадигме; во-вторых, эти значения отвлекаются от синтаксических употреблений формы и далее в обобщенном виде приписываются самой форме; в этом случае форма почти всегда предстает как многозначная. Такой же подход практически должен быть осуществлен и к формам глагола. В парадигме *иду (идешь, идет, ... буду идти, ... шел)* членам собственно этого ряда принадлежит значение отношения. При этом определение значения формы слова на основании только ее отношения к другим членам парадигмы неизбежно оказывается предельно абстрактным: определяя такое значение мы отстраняемся от тех ее абсолютно регулярных употреблений, которые она получает в условиях контекста. Следовательно, от того максимально абстрагированного подхода, при котором значение формы выводится из ее противопоставленности другим формам в парадигме, мы обращаемся к обобщенной характеристике употреблений отдельных форм, т. е. к их синтаксическому функционированию. В этом случае устанавливается круг семантических функций формы слова, которые хорошо описываются во многих специальных исследованиях. Характеристика этих функций всегда сопровождается описанием лексико-семантических, синтаксических, контекстуальных условий того или иного употребления. Иначе и не может быть. Но все ли таким образом устанавливаемые значения, переносные употребления и их «оттенки» принадлежат именно и только морфологической форме слова? По-видимому, этой форме принадлежат лишь те значения, которые выводятся путем отвлечения, отстранения от условий контекста и от лексической семантики слов. Весь же богатый потенциал употреблений принадлежит форме слова уже как синтаксической единице. Так, собственно форме наст. вр. глагола несов. вида принадлежит значение отнесенности во временной план настоящего (в составе парадигмы — значение отношения к другим ее членам); весь же потенциал употреблений этой формы принадлежит ей уже не как форме слова (и, тем более, не как носителю отношения в составе парадигмы), а как сказуемому, выраженному этой формой. Для реализации, например, такого употребления, как «настоящее в знач. будущего», обычно такое употребление, когда сказуемое — глагол обозначает определенное реальное действие, а не отвлеченное состояние (*Завтра я еду, праздную, читаю лекцию, освобождаюсь от дел...*); при этом предложение оказывается темпорально детерминированным (*завтра я еду, ...*) или такая детерминированность подсказывается контекстом (*Итак, решено: я еду*). Точно те же условия нужны и для безглагольных предложений, сообщающих о будущем как о настоящем: *Завтра уже свободный человек; Завтра праздник; Завтра никаких развле-*

чений: *весь день работаю*. Это — явления одного порядка, и по характеру временного значения *Завтра я еду* ничем не отличается от *Завтра праздник* или *Завтра никаких развлечений*. Все это — сфера действия синтаксического, а не морфологического времени.

Анализируя употребление форм слов, мы уже тем самым вступаем в сферу синтаксиса и имеем дело с формой слова как с единицей синтаксической. Как таковая, эта форма входит в системные отношения и связи с другими языковыми формами, выполняющими идентичные синтаксические функции (ср.: *Завтра я освобождаюсь* — *Завтра я свободен* — *Завтра я свободный человек*). Семантическая общность членов такого ряда целиком лежит в сфере синтаксических, а не морфологических значений.

1978 г.

ВХОДИТ ЛИ ЛИЦО В КРУГ СИНТАКСИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ, ФОРМИРУЮЩИХ ПРЕДИКАТИВНОСТЬ?

I. Предикативность как синтаксическая категория разными исследователями понимается по-разному. Это различие в основном сводится к следующему: одни понимают предикативность как отношение между главными членами предложения — подлежащим и сказуемым; другие — как категорию, «делающую предложение предложением», т. е. присущую всякому предложению независимо от того, есть ли в нем подлежащно-сказуемая связь или нет¹. Для дальнейшего изложения нам важно подчеркнуть, что при любом из этих подходов предикативность понимается как собственно языковая, синтаксическая категория; следовательно, она имеет свое формальное выражение, т. е. объективирована в каких-то определенных грамматических формах. Важно также, что при любом понимании предикативность предстает перед нами как категория по самой своей природе сложная, комплексная, образующаяся взаимодействием каких-то других категорий, из них составляющаяся².

Понимание предикативности как комплексной синтаксической категории наиболее полно и убедительно обосновано в работах В. Виноградова. Здесь утверждается, что предикативность присуща всякому предложению; это — «совокупность таких грамматических категорий, которые определяют и устанавливают природу предложения как грамматически организованной единицы речевого общения, выражающей отношение говорящего к действительности и воплощающей в себе относительно законченную мысль» [Грамматика 1952—1954, II: 76]. Несколько

¹ Подробное рассмотрение и сопоставление этих двух точек зрения, а также развитие их см. в кн.: «Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков» (1971).

² Мы здесь оставляем в стороне рассмотрение некоторых последних точек зрения на предикативность как на категорию не собственно грамматическую, а семантическую, «выражающуюся разнородными языковыми элементами, объединяющимися в функционально-семантические категории» [Бондарко 1971: 30].

ниже читаем: «значение и назначение общей категории предикативности, формирующей предложение, заключается в отнесении содержания предложения к действительности» [Там же: 80]. Как видим, в первом из этих определений подчеркивается то свойство предикативности, что она формирует предложение как такую единицу, которая выражает отношение говорящего к действительности; во втором — что она формирует предложение как такую единицу, которая относит его содержание к действительности.

Таким образом, в понимании В. Виноградова, предикативности присущи одновременно две функции: она, во-первых, соотносит с действительностью содержание предложения (т. е. само сообщение), во-вторых, она выражает отношение к этой действительности (т. е. к тому, о чем сообщается) говорящего лица. Эта двойственность функций, с очевидностью вытекающая из двух приведенных определений, В. Виноградовым сознательно не разграничивается и не вводится в определение «общего понятия предикативности» при формировании образующих ее категорий: «категории времени и модальности, а также — в широком синтаксическом понимании — и категории лица» [Там же: 79].

Такое же неразграничение — конечно, не случайное, а принципиальное — мы найдем у В. Виноградова и в определении модальности. Сравним следующие положения: «Каждое предложение включает в себя как существенный конструктивный признак модальное значение, т. е. содержит в себе указание на отношение к действительности»; категория модальности предложения — «из типа тех категорий, которые академик И. И. Мещанинов назвал “понятийными категориями”... Семантическая категория модальности в языках разных систем имеет смешанный лексико-грамматический характер» [Виноградов 1950: 41—43]. В первом определении речь идет о модальности как о категории, выражающей отношение содержания предложения (сообщения) к действительности, т. е. о категории, входящей в «грамматический грунт предложения»; во втором — о модальности как о семантической категории, выражающей отношение говорящего к сообщаемому, как о «втором слое модальных значений» [Там же: 59].

Внимательное ознакомление с работами В. Виноградова с несомненностью приводит к выводу о том, что в своих общих определениях и характеристиках как предикативности, так и одной из основных ее категорий — модальности, он не разграничивает названные выше два аспекта — отношение сообщения к действительности и отношение говорящего к сообщаемому, однако при конкретном анализе такое разграничение он осуществляет постоянно и последовательно. Вся статья «О категории модальности и модальных словах в русском языке» ярко демонстрирует именно такой подход к этой важнейшей категории: самый анализ материала показывает здесь, что под термином «модальность» В. Виноградов объединяет явления внутренне различные, понимая модальность в языке в самом широком смысле.

II. В Грамматике 1970 г. принято понимание предикативности как такой категории, которая «делает предложение предложением»; принят и тезис о сложности, комплексности этой категории. Однако в отличие от определения предикативности, данного в работах В. Виноградова, предикативность определяется здесь

как «выражаемое специальными грамматическими средствами нерасчленяемое значение объективной модальности и синтаксического времени» [Грамматика 1970: 542]: из числа категорий, формирующих предикативность, оказывается выведенной категория лица. Такое определение предикативности вызывает несогласие и критику со стороны ряда синтаксистов, опирающихся в своих исследованиях на концепцию В. Виноградова. Отмечается, что каждое предложение так или иначе входит в соотношение «личность / безличность», что соотносит высказывание с окружающей действительностью именно и только говорящее лицо, оно же и «формирует предикативность» (С. Ильенко) [Теоретические проблемы синтаксиса... 1971: 35]. При непосредственном обмене мнениями, в научных спорах говорилось также, что выведение категории лица за пределы предикативности не согласуется с пониманием модальности в философском смысле этого термина: модальность здесь обязательно предполагает наличие субъекта как носителя отношения. Утверждается, что определение предикативности в Грамматике 1970 г. обедняет эту категорию и влечет за собой устранение из предложения позиции субъекта и говорящего лица.

В определении категории синтаксического лица в трудах В. Виноградова обнаруживается то же принципиальное неразграничение собственно грамматических, лексико-грамматических и лексико-семантических факторов, которое мы видели в его определении модальности. С одной стороны, развивается тезис о синтаксическом лице как о присутствии лица говорящего, выраженном так или иначе; ср.: «В предложении выражается не только сообщение о действительности, но и отношение к ней говорящего» [Грамматика 1952—1954, II: 65]; «В конкретном предложении значения лица, времени, модальности устанавливаются с точки зрения говорящего лица. Но сама эта точка зрения определяется объективным положением говорящего лица в момент речи по отношению к собеседнику и к выражаемому в предложении “кусочку действительности”» [Там же: 80; см. также с. 76, 79, 81]. Далее находим расширение понятия синтаксической категории лица: это «характеристика отношения речи к говорящему (или говорящим), к собеседнику (или собеседникам) и к посторонним предметам речи» [Там же: 82]. Отмечается, далее, что отношение к лицу в предложении выражается «главным образом формами местоимений и глагола», а также «посредством особых интонаций» [Там же: 82].

С другой стороны, в трудах В. Виноградова можно найти и такие характеристики «синтаксического лица», которые никак не соотносят эту категорию с лицом говорящим, собеседником или с «тем третьим, о чем может идти речь», а связывают ее целиком с грамматическим строением предложения, с наличием в нем собственно синтаксического субъекта. Показательна в этом смысле характеристика формы 3 л. ед. ч. глагола: «Ее личное значение только потенциально. Оно обусловлено обязательным наличием или подразумеванием субъекта. Оно целиком синтаксично» [Виноградов 1947: 456] (разрядка наша. — Н. Ш.). Интересно отметить в связи с этим, что безглагольные односоставные предложения типа: *Мороз! Тише! Внимание!* В. Виноградов характеризует как «единицы речевого общения, грамматически организованные на основе

тех же категорий модальности и времени (но не лица! — *Н. Ш.*)» [Грамматика 1952—1954, II: 79]. Несмотря на то что в последних двух предложениях и по смыслу и интонационно присутствует и говорящий и собеседник, синтаксического лица в них не усматривается: здесь нет глагола, т. е. формального, собственно грамматического показателя синтаксической категории лица.

Таким образом, и по отношению к категории синтаксического лица, так же как по отношению к модальности, в трудах В. Виноградова мы находим неразграничение явлений, принадлежащих строго и собственно грамматике, формальному строению предложения, и явлений, принадлежащих синтаксической семантике, а иногда и только словесному составу предложения, т. е. лексике. Такое неразграничение объясняется тем, что в своей синтаксической концепции В. Виноградов не разделяет как самостоятельные объекты исследования, с одной стороны, абстрактные грамматические образцы, по которым строятся предложения, с другой стороны, конкретные «речевые данности», «единицы речи», т. е. высказывания (как опирающиеся на такие образцы, так и не опирающиеся на них). Ср. его определение предложения: «Предложение — это грамматически оформленная по законам данного языка целостная единица речи, являющаяся главным средством формирования, выражения и сообщения мысли» [Там же: 65]. Очевидно, что под это определение подходит любое высказывание, поскольку любое высказывание всегда так или иначе грамматически оформлено, независимо от того, стоит ли за ним абстрактный грамматический образец единицы собственно коммуникативного плана или нет.

III. Признание лица одной из категорий, формирующих предикативность, необходимо влечет за собой вопрос о том, что такое лицо и какими языковыми средствами оно выражается. В учении В. Виноградова, как мы видели выше, лицо понимается прежде всего как член противопоставления «говорящий — собеседник — третье лицо»; к средствам выражения лица относятся глагольные формы, местоимения и интонация. В ряде современных работ лицо понимается иначе, и, в зависимости от этого понимания, средства выражения лица сужаются или расширяются. Так, например, максимально сужено понятие лица в работах Е. Седельникова: категория синтаксического лица по неясным мотивам сведена здесь только к противопоставлению личных местоимений; мена этих местоимений, сопровождающаяся меной личных форм глагола (*Я иду, ты идешь, он идет...*) или ничем не сопровождающаяся (*Не догнать тебе [мне, ей...] бешеной тройки*), принимается за парадигматические изменения предложений «по категории лица» [Седельников 1961; 1970]. Категория лица, следовательно, сводится к «личной местоименности» и приписывается только таким предложениям, в которых присутствует личное местоимение, указывающее на субъект. Очевидно, что при таком понимании категория синтаксического лица может быть обнаружена далеко не всегда: она охватывает лишь какую-то часть предложений.

Другая крайность — стремление увидеть синтаксическое лицо в каждом, любом предложении. Это, естественно, может быть только «лицо говорящее». Поиски средств его «обязательного» выражения приводят к окончательному размыванию границ между факторами собственно грамматическими, лексико-семанти-

ческими и экстралингвистическими. Так, например, С. Ильенко склонна видеть в каждом предложении личное значение как фактор «персонализации», т. е. установления позиции говорящего лица — информатора о действительности [Теоретические проблемы синтаксиса 1971: 35—36]. «Персонализация», по мнению автора, проявляется грамматически (морфологически и синтаксически) и лексически; по существу, в сферу «персонализации» вовлекаются самые разнообразные языковые средства, так или иначе помогающие определить позицию говорящего в не столько лингвистической, сколько экстралингвистической триаде «говорящий — собеседник — третье лицо».

Наконец, синтаксическое лицо может пониматься как субъект — производитель действия, носитель состояния, признака, свойства. Такое понимание подерживается тем, что каждое предложение входит в противопоставление «личность — безличность» (см. ниже). На понимании лица как субъекта основываются работы, авторы которых вводят в сферу синтаксического лица косвенные падежи с субъектным значением. На этой последней точке зрения мы остановимся несколько подробнее.

IV. Есть много специальных исследований, посвященных вопросу о способах выражения субъекта, выполненных как традиционными методами, так и методами трансформационной и порождающей грамматики (сопоставим, например, работы Е. С. Истриной, А. Пешковского, В. Сидорова и И. Ильинской, Я. Попелы, М. Ивич, Р. Ружички, Д. Уорта, В. Гака, Т. Алисовой и др.). Все эти исследования, так же как и непосредственно наблюдаемые факты живого языка, убеждают в том, что субъект в языке имеет самые различные способы выражения и не является категорией собственно грамматической. Субъект (действия, состояния, признака, воспринимающий) может быть выражен: 1) личной глагольной формой (*Иду на выставку; Тише едешь — дальше будешь; Не всему верь, что болтают*); 2) подлежащим двусоставного личного предложения (*Ребенок здоров; Мальчик читает*); 3) родительным падежом — обязательным компонентом предложений типа (*Воды прибывает; Свидетеля нет; Друзей не было*); 4) дательным падежом имени, распространяющим минимальный грамматический вид предложения (*Ребенку нездоровится; Всем явиться без опозданий! Мне завтра ехать*); 5) родительным падежом с предлогом *у* или *для* (*У старика бессонница; Для него нет ничего невозможного*); 6) творительным падежом с предлогом *с* (*С женщиной обморок; С сердцем плохо*); 7) творительным падежом в пассивных конструкциях (*Дом строится плотниками*).

Этот перечень может быть продолжен; однако уже и он свидетельствует о том, что субъект действия не является такой категорией, которая имеет сугубо определенное грамматическое выражение. Если даже признать возможность объединения всех этих средств в категорию грамматического субъекта, то остаются, во-первых, многочисленные случаи, когда никакого субъекта в предложении вообще нет (*Светает; Тишина; Ругать — не значит воспитывать* и мн. др.), и, во-вторых, гораздо более многочисленные случаи «двусубъектности» предложения (сравн.: *Ногам холодно и Отъехав полверсты мне стало холодно ногам*. Л. Толст. «Крейц. соната»). Если по отношению к первым применимо объяснение их как второго

члена оппозиции «субъектность — бессубъектность», то со вторыми дело обстоит сложнее. Сопоставим предложения:

1. <i>Каждый человек способен на подвиг.</i>	2. <i>У тебя (для тебя, тебе, с твоей точки зрения, по твоему) каждый человек способен на подвиг.</i>
3. <i>Руководить — значит проверять.</i>	4. <i>Для него руководить — значит проверять.</i>
5. <i>Сторож не спи ночь, стереги народное добро.</i>	6. <i>По мне сторож не спи ночь, стереги народное добро.</i>

В 1-м предложении субъектом является *каждый человек*; в 3-м субъекта нет, но он может предполагаться как «всякое лицо» («всякий, кто руководит»); в 5-м субъект — *сторож*; эти предложения односубъектны. Но во 2, 4, 6 предложениях появляются вторые субъекты; субъект здесь уже не один: во 2-м — *ты* (субъект мыслящий, оценивающий); в 4-м — *он* (субъект — носитель интеллектуального состояния: «он считает, полагает, мыслит»); в 6-м — *я* (субъект — мыслящий, носитель определенного мнения). Чем выражены вторые субъекты в предложениях 2, 4, 6? Падежной формой имени или вводным сочетанием. Обычна и такая ситуация, в которой второй субъект только подразумевается; ср.: *Все едут, а я сижу дома?* — субъект, считающий, что *я должен остаться дома*, известен говорящему, но обозначен только грамматическим значением формы долженствовательного наклонения.

Таким образом, субъект — категория не собственно грамматическая. Он может быть выражен и обязательным грамматическим формантом предложения (компонентом схемы), и распространителем предложения, вставной конструкцией, контекстом, может быть восстановлен из ситуации. Для дальнейших рассуждений важны выводы: во-первых, о необязательности субъекта для каждого предложения и, следовательно, о том, что субъект не является категорией, обязательной для предложения как минимальной собственно грамматической организации; во-вторых, о языковой неоднородности, разнохарактерности средств выражения субъекта и, в-третьих, о возможной подразумеваемости субъекта, о его выводимости из окружающего контекста.

V. Если субъект не имеет собственных грамматических средств для своего обязательного выражения в каждом, любом предложении, то тем более не имеет таких средств «лицо говорящее». В Грамматике 1952—1954 гг. к этим средствам причисляются интонация сообщения и предикативность (с. 76), личные формы глагола (с. 78), местоимения (с. 82), модальность (с. 79), «самая форма (или тип) предложения» (с. 83). В последующих работах, развивающих концепцию об обязательном присутствии лица говорящего в каждом предложении, это присутствие определяется как «принцип персонализации» (С. Ильенко). Круг «персонализирующих» средств расширяется, в него свободно вводится лексика. К обнаружите-

лям позиции говорящего оказываются отнесенными уже не только средства синтаксические или морфолого-синтаксические, но и чисто словесные: слова, «соотносящие позицию говорящего с моментом речи» (*раньше, сейчас, потом* и др.) или называющие лицо по его отношению к говорящему (*отец, брат, приятель, начальник* и т. п.); обращения; глаголы типа *мочь, хотеть*; вводные слова [Теоретические проблемы синтаксиса 1971: 35—36].

Ясно, что такая «персонализация» не имеет отношения к грамматике. Несомненно, что слово *вчера* в предложении *Еще вчера здесь был сад* (1) указывает, что говорящий сопоставляет вчерашнее состояние с сегодняшним; слово *отец* в предложении *У отца здесь был сад* (2) указывает, что говорящий соотносит бывшее некогда существование сада с отцом как его владельцем. Но в предложениях *Еще перед войной здесь был сад* (3) и *У помещика здесь был сад* (4) уже нет «говорящего сегодня» или «говорящего — сына своего отца»; на долю «персонализации» здесь остаются уже только время и модальность. Между тем грамматически предложения 1 и 3 совершенно идентичны, так же как 2 и 4.

С другой стороны, общеизвестно, что в установлении соотношенности конкретного предложения с говорящим, собеседником или третьим лицом определяющую роль в большинстве случаев играет широкий контекст или внеязыковая ситуация, т. е. факторы неграмматические или экстралингвистические. Ср.: *Упрек!.. скучно!* — упрекает ли лицо говорящее, собеседник или кто-то еще — из одного этого отрезка не может быть установлено. Зная узкий контекст, мы уже уверенно утверждаем, что упрекает кто-то, а воспринимает упрек говорящий: *Упрек!.. скучно! Но я его заслужил* (М. Ю. Лермонтов). Однако и этот контекст ничего не говорит нам о том, исходит ли упрек от собеседника или от третьего лица: и лишь ситуация, собственно повествование дает нам информацию о том, что субъектом действия здесь является третье лицо.

Все сказанное убеждает в том, что «лицо говорящее» не может быть признано собственно синтаксической категорией, формирующей предикативность как грамматическое значение предложения.

VI. В Грамматике 1970 г. понимание и определение предикативности и модальности опираются на противопоставление «отношение предложения к действительности» и «отношение говорящего к сообщаемому». С действительностью соотносено каждое предложение. Эта соотношенность осуществляется собственно грамматическими категориями синтаксического времени и тем комплексом значений «реальности / ирреальности», который в Грамматике 1970 г. назван «объективной модальностью» и в котором не присутствует говорящее лицо.

Термин «модальность» в синтаксисе совершенно обособился от этого термина в логике и философии и объединяет здесь в себе два разных значения: «отношение сообщения к действительности» и «отношение говорящего к сообщаемому». Первое объективировано в грамматических категориях со значением реальности / ирреальности, обязательно присущих каждому предложению как грамматической единице; это — «объективная модальность». Второе может быть или не быть: отношение говорящего к сообщаемому может или выражаться очень определенно, или никак не выражаться. Когда это отношение есть, оно выражается

разнообразными (грамматическими, лексико-грамматическими, интонационными) средствами, накладываемыми на первичную грамматическую основу предложения, на его «грамматический грунт» (В. Виноградов); это — «субъективная модальность».

Можно спорить об удачности или неудачности терминов «объективная» и «субъективная» модальность. Но несомненно, что обозначаемые ими явления в языковой действительности существуют и не совпадают друг с другом ни по уровню абстракции, ни по охвату тех единиц, которые называются предложениями, ни по средствам выражения.

Присутствие говорящего лица объективировано в предложении в тех случаях, когда в нем наличествует и соответствующим образом выражено одно из субъективно-модальных значений. Когда же такого значения нет, то и присутствие лица говорящего в предложении никак не объективировано. С абстрактным временным планом, а именно, с абстрактным планом реальности / ирреальности (т. е. с отношением к настоящему, прошедшему или будущему либо к возможному, желаемому, требуемому или долженствующему) сообщение соотносит не говорящий, а те собственно грамматические категории, которые принадлежат предложению как грамматической единице. Конечно, говорящее лицо пользуется этими категориями; но это пользование не определяется его волей: оно строго предписывается грамматическим строем языка и не имеет отношения к присутствию в предложении говорящего как лица, субъективно так или иначе относящегося к содержанию сообщения.

То отношение говорящего к сообщаемому, которое в Грамматике 1970 г. названо «субъективно-модальным», не связано ни с субъектом как носителем предикативного признака, ни с триадой «говорящий — собеседник — третье лицо». Это отношение принадлежит не предложению как собственно грамматической структуре, а конкретной единице речи, конкретному высказыванию, причем принадлежит не всегда. Поэтому отношение говорящего к сообщаемому и не может вводиться в число категорий, формирующих предикативность как грамматическое значение любого предложения.

VII. В синтаксической концепции В. Виноградова, в Грамматике 1952—1954 гг., а также в работах тех исследователей, чьи взгляды были рассмотрены выше, предложение понимается как «единица речи», как данность. В Грамматике 1970 сделана попытка разделить понятия: «предложение как абстрактный грамматический образец» (структурная схема) и «предложение как данность» (реализация этого образца). Предикативность принадлежит уже самой структурной схеме предложения: это ее грамматическое значение. Это значение формируется взаимодействием только синтаксического времени и объективной модальности — категориями неразделимыми, неразрывными и обязательно присутствующими во всяком предложении, построенном по абстрактному грамматическому образцу. Эти категории имеют в отличие от «категории лица» совершенно определенный и узкий круг собственно грамматических средств своего выражения (см. нашу статью «Парадигматика простого предложения в современном русском языке. Опыт типологии»).

В конкретных предложениях, в высказываниях, своей формой опирающихся на абстрактный грамматический образец или не опирающихся на него, могут обнаруживать свое присутствие или неприсутствие разные «лица»: 1) тот, кто говорит, — в его противопоставлении собеседнику или кому-то третьему; 2) субъект действия (состояния, признака); 3) говорящее лицо как носитель своего субъективного отношения к сообщаемому. Мы пытались показать, что все эти «лица» (далеко не всегда собственно синтаксические) не имеют отношения к категориям, формирующим предикативность как абстрактное грамматическое значение предложения.

VIII. Едва ли не основной дихотомией в системе простого предложения является оппозиция «личность — неличность». Это — одно из самых общих и традиционных противопоставлений и одно из самых бесспорных. Противопоставление предложений, строящихся на основе классического образца «подлежащее — сказуемое», всем другим грамматическим типам предложений является объективной реальностью. Попытки распространить понятие двусоставности на бесподлежащие двухкомпонентные предложения с родительным падежом (*Воды прибывает, Друзей нет*) и приписать родительному субъекта статус подлежащего (З. Клеменевич, В. Шмилаэр, Я. Бауэр и М. Грель, Р. Мразек, А. Мухин, Ю. Костинский и др.) не разрушают дихотомию «двусоставность — односоставность», а лишь перераспределяют объекты между ее членами.

В Грамматике 1970 г. сохранено традиционное понимание двусоставных предложений как таких, в которых подлежащее выражено именительным падежом (или формой, занимающей его позицию в том же самом своем отношении к сказуемому). Такие предложения обычно квалифицируются как личные; все остальные предложения оказываются неличными. Если понимать подлежащее расширительно, т. е. включать в число двусоставных предложений двухкомпонентные структуры с родительным субъекта, то эти последние тоже отходят к личным.

Тот факт, что подлежащее очень часто не имеет никакого отношения ни к говорящему, ни к субъекту действия, общеизвестен и иллюстраций не требует: подлежащее — это «лицо» сугубо формальное, собственно строевое. Поэтому и деление предложений на личные и неличные относится к их формальному устройству, к строевому соотношению их составов, а не к их грамматическому значению. На установление круга категорий, организующих предикативность, это деление влиять не может. Таким образом, то единственное «лицо», которое безусловно принадлежит самой грамматической структуре предложения (т. е. подлежащее в двусоставном предложении) не имеет отношения к его грамматической семантике в том плане, как это имеет место у синтаксического времени и объективной модальности. Бесспорным показателем этого различия является тот факт, что синтаксическое время и объективная модальность обращаются к нам разными сторонами своего грамматического значения (см. парадигму предложения в Грамматике 1970 г.), а категория «личность — неличность» стабильна и неизменна: она принадлежит собственно формальному устройству грамматического образца.

IX. Лицо (субъект) в предложении является категорией синтаксико-семантической; эта категория принадлежит типизированной смысловой стороне пред-

ложения, его семантической структуре, и соответствует тому компоненту информации, в котором заключено представление о деятеле либо носителе признака или состояния. Субъект как категория семантической структуры предложения имеет типизированные формы своего выражения, принадлежащие или собственному абстрактному образцу предложения или, в конкретном предложении, его распространителю (детерминанту), либо осложнителю его внутреннего состава. Общеизвестны соотношения типа: 1) *Я тоскую — У меня тоска — Мне тоскливо*; 2) *Я нездоров — Мне нездоровится*; 3) *Женщина в обмороке — С женщиной обморок*; 4) *Школа ему помогла — В школе ему помогли; Деревня не любит бездельников — В деревне не любят бездельников*; 5) *Свидетели отсутствуют — Свидетелей нет*; 6) *Стучат — Кто-то стучит*; 7) *Плотники строят дом — Дом строится плотниками; Молния убила человека — Молнией убило человека*, где один и тот же субъект одного и того же действия или состояния выражен по-разному: компонентом абстрактного образца или детерминантом (1, 2, 3, 4), компонентами разных абстрактных образцов (5, 6), компонентом абстрактного образца и распространителем внутреннего состава предложения (7).

Как уже отмечалось выше, субъект не является категорией, обязательно присутствующей в каждом предложении: его может вообще не быть. Ср. бессубъектные предложения: *Вечереет. Темно. Сыро* или: *Вечер. Темнота. Сырость* или: *На небе — тучи. Слева — крутой берег. В комнате — цветы, накрытый стол*. Бессубъектны также предложения с глаголами бытия типа: *Дождь идет. Холода стоят. Метель метет. Гром гремит*, где семантика субъекта бытия практически неотчленима от семантики самого его признака — бытия, наличия (ср. *Дождь. Холода. Метель. Гром*). Далеко не всегда присутствует семантический субъект и в личных двусоставных предложениях (ср., например, нераспространенные предложения: *Жить — интересно, Жизнь — это труд* и мн. др.).

В речи субъект очень часто восстанавливается из конситуации. Так, можно утверждать, что во 2-м предложении в ряду: *Она снова улыбается, смеется — Снова улыбка, смех* присутствует субъект («она»). Но субъект выражен не в самом этом предложении, а восстанавливается в нем или как в члене приведенного сопоставления, или как в компоненте развернутого текста (либо в опоре на ситуацию).

Семантической структуре конкретного предложения может быть свойственна «иерархия субъектов» (см. п. IV), которую еще предстоит изучать.

Х. Итак, ущербна ли предикативность без синтаксического лица?

Появляющиеся в нашей лингвистике в последние годы все новые и новые определения таких основных понятий грамматики, как предикативность и модальность, могут иметь значение лишь тогда, когда они опираются на самостоятельное и полное исследование языкового материала, а также на всесторонний анализ существующих научных знаний в этой области. В противном случае переосмысливание терминов грозит превратиться в своеобразную игру умов.

Современная русистика не знает филолога, который исследовательски владел бы и богатейшими материалами русского литературного языка, и всем накопленным научным опытом лучше, глубже, чем ими владел В. Виноградов. Опираясь на это свое владение, он выдвинул конструктивное понятие предикативности —

грамматической категории, присущей каждому предложению как единице языка, и показал составляющие этой категории. В Грамматике 1970 г. предикативность и модальность понимаются в том же смысле; выведение синтаксического лица из числа категорий, формирующих предикативность, не является произвольным: оно продиктовано необходимостью разграничения в статусе предложения разных ступеней языковой абстракции и естественным стремлением избежать беспорядочного смешения этих ступеней.

Синтаксис предложения в описательной грамматике ставит своей целью прежде всего дать полный перечень действующих грамматических образцов как минимальных структур, на которые так или иначе ориентировано бесконечное количество высказываний как единиц речи. К организации этих грамматических образцов говорящий не имеет отношения. Специальные компоненты для выражения субъекта действия есть лишь у части таких образцов, причем эти же компоненты могут быть специализированы на выражении личности (в ее противопоставлении неличности). Лексическое выражение лица (в его противопоставлении неллицу) непосредственного отношения к грамматике не имеет.

Тот широкий и пестрый круг явлений, который объединяется под общим названием «синтаксического лица», принадлежит не минимальному грамматическому образцу, а конкретному предложению, построенному по этому образцу (или высказыванию, не опирающемуся на такой образец). Этот круг явлений должен изучаться либо в аспекте семантической структуры предложения, либо в аспекте его субъективно-модальных значений.

Недифференцированное объединение под названием «синтаксического лица» явлений внутренне глубоко различных с неизбежностью ведет к многозначности, а, следовательно, и к неопределенности, расплывчатости этого названия, т. е. к обесмысливанию его как грамматического термина.

1971 г.

О ПОНЯТИИ «РЕГУЛЯРНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ СТРУКТУРНОЙ СХЕМЫ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ»¹

1. Простое предложение — это самостоятельная единица сообщения, грамматическим значением которой является предикативность, а формой — минимальная структурная схема (далее также — тип, образец предложения, простое предложение) с принадлежащей ей системой собственно грамматических средств для выражения синтаксических времен и наклонений. Понятие «структурная схема простого предложения» близко к тому, что в русской грамматиче-

¹ В настоящих тезисах мы опираемся на то понимание простого предложения, его грамматических признаков, формы и парадигмы, которое изложено в наших работах [Шведова 1966; 1967; 1968; 1969].

ской традиции называется нераспространенным предложением. Однако эта близость не означает совпадения, так как критерии разграничения структурных схем простого предложения (далее для краткости также — «простого предложения» или просто «предложения») — иные, чем традиционные критерии разграничения «типов простого предложения». Простое предложение как самостоятельная грамматическая единица определяется целым комплексом собственных признаков. В этот комплекс входят: 1) грамматическая устроенность самой схемы, т. е. ее исходная форма; 2) система форм, представляющая разные временные значения предложения (категории синтаксического времени и объективной модальности); 3) система регулярных реализаций; 4) система функций. Разграничение разных типов простого предложения осуществляется на основании не одного какого-либо из этих признаков, а на основании всего их комплекса.

2. Структурная схема простого предложения — это тот принадлежащий языковой системе отвлеченный образец, который предназначен для того, чтобы, будучи наполнен конкретным лексическим материалом, функционировать в качестве минимальной относительно самостоятельной единицы сообщения. Все структурные схемы простого предложения современного русского языка могут быть перечислены закрытым списком. Строевыми, конституирующими элементами образца служат определенным образом организованные формы слов. Категориальная принадлежность слов и частное категориальное значение форм слов, выступающих в качестве элементарных и обязательных компонентов простого предложения, является первостепенным объективным фактором, позволяющим точно определить, как организовано то или иное предложение в его исходной форме, т. е. в форме, открывающей парадигму предложения и представляющей структурную схему в ее ничем не осложненном виде. Поэтому, представляя список структурных схем простого предложения, мы прежде всего исходим: а) из категориальных значений и форм составляющих компонентов² и б) из характера комбинирования этих компонентов (если их в элементарном составе предложения два или более). Так, например, среди так наз. двусоставных предложений выделяем предложения, организующиеся номинативом и спрягаемой формой глагола, связанными друг с другом связью взаимного подчинения — координацией форм: $N_1 - Vf$ (*Ученик пишет*); предложения, организующиеся объединенными той же связью номинативами: $N_1 - N_1$ (*Брат — учитель*); предложения с некоординируемыми главными членами: $N_1 - Adv$ (*Отец дома*); $N_1 - N_2$.. (*Мы из Кронштадта, Письмо — тебе и др.*); $Inf - N_1$ (*Учиться — моя цель*).

3. Однако словесная формальная устроенность простого предложения, подающаяся изображению при помощи элементарных символов, далеко не исчерпывает собою его грамматической характеристики. Определив предложение та-

² Значение символов: N_1 — имя в именит. пад.; N_{N1} — имя существительное в именит. пад.; Gen — родит. пад.; N_2 — имя в косвенном пад.; N_3 — творит. пад.; Vf — глагол в спрягаемой форме, Vf_3 — глагол в форме 3 л. ед. ч.; Adv — наречие; Adv-o — наречие на -о; Adv praed — предикатив; quantit — количественное значение; Inf — инфинитив; Neg — отрицание; cop — связка.

ким образом, мы ответим на вопрос о формальном устройстве его исходного вида. Однако не менее важным различительным признаком предложения являются его парадигматические характеристики. Каждое предложение характеризуется принадлежностью к определенной парадигме, т. е. к тому или иному типу изменений, представляющих разные синтаксические значения отнесенности сообщения к плану реальности — ирреальности (временная определенность — неопределенность или, что то же самое, объективная модальность) и, внутри временной реальности, к плану настоящего, прошедшего или будущего времени. Иными словами, парадигма предложения базируется на оппозиции синтаксического индикатива и синтаксических ирреальных наклонений. В парадигме выявляются частные грамматические значения предложения или частные значения предикативности. Система выявления этих частных значений образует систему форм предложения, соотносящих сообщение с разными объективно-модальными планами. В этой системе форм в качестве исходной выступает сам тип предложения в его ничем не осложненном виде; остальные — не исходные формы строятся, во-первых, средствами спрягаемого глагольного слова, входящего в структурный образец предложения как его обязательный компонент, или средствами форм глагола *быть*, вносимых в предложение в качестве собственно грамматического форманта; во-вторых, специальными синтаксическими частицами; в-третьих, грамматически значимым расположением компонентов образца. Типы предложений, не принадлежащие ни к одной парадигме, т. е. не обладающие возможностями формоизменения, в современном русском языке весьма немногочисленны.

В зависимости от того, заполнены ли в парадигме предложения все ее члены или какие-то из них оказываются незаполненными, различаются полные или неполные парадигмы предложений; разными комбинациями вариантов форм определяются конкретные типы парадигм и их разновидности внутри одного типа. Выбор парадигмы определяется как самим типом предложения, так и частными категориальными значениями форм слов, которыми организуются его компоненты, а иногда и отнесенностью соответствующих слов к тому или иному лексико-семантическому классу. Таким образом, категориальные и семантические качества слов оказываются синтаксически значимым фактором, определяющим не только формальную устроенность предложения, но и его парадигматические характеристики. Все эти факторы влияют как на самый набор форм предложения, так и на комбинации их вариантов.

4. Элементарный тип простого предложения существует в языке не только в своем основном виде (включая в это понятие все формы предложения, которые представляют собой не что иное, как систему выявлений разных сторон его единого грамматического значения — предикативности), но также и в определенных своих регулярных реализациях. Регулярная реализация структурного образца простого предложения — это такой принадлежащий грамматической системе языка вид этого образца, который возникает либо в результате одного из его частичных формальных преобразований, не связанных с выражением

объективной модальности и синтаксического времени (т. е. не являющихся формой предложения), либо в результате конситуативно обусловленного изменения правил лексического наполнения одного из компонентов предложения.

Факторами, определяющими существование регулярных реализаций схемы, являются: 1) а) возможная полнота или неполнота предложения; б) возможное введение в состав предложения так наз. полузнаменательных глаголов; в) для некоторых видов двусоставных предложений — характер связывания главных членов; г) возможное введение непосредственно смыкающихся с одним из компонентов предложения (в двусоставных предложениях — со сказуемым) субъективно-модальных частиц, которые в некоторых случаях влияют на возможности лексического наполнения схемы; д) возможное замещение синтаксического места одного из компонентов целым предложением; 2) конситуативно обусловленное снятие лексических ограничений, характеризующих собственно тип предложения. Система регулярных реализаций принадлежит типу простого предложения как одна из его постоянных и первостепенных грамматических характеристик.

Регулярная реализация простого предложения есть одна из форм его существования. Такая реализация принадлежит грамматической системе языка так же, как и сам элементарный тип предложения.

Виды регулярных реализаций обнаруживаются и устанавливаются не как результат умозрительных трансформаций: они отвлекаются от самого языка, от тех конкретных высказываний, которые построены по определенным абстрактным образцам и отражают их грамматическую природу.

5. Неполная реализация обычна тогда, когда предложение находится в окружении определенного контекста или поддержано ситуацией речи (конситуативно обусловленные реализации; см. ниже). Очень многие двукомпонентные простые предложения в таких условиях могут быть представлены одним из своих компонентов. Двусоставные предложения при этом выступают как бесподлежащие или бессказуемые, сравн.: *Дом строится* (полная реализация схемы $N_1 - Vf$) и: — *Дом строится?* — *Строится?* — *Что это строится?* — *Дом* (подчеркнуты контекстуально обусловленные неполные реализации схемы). Аналогично: *Игрушки — для сына* (полная реализация схемы $N_1 - N_2$) и: *Что у тебя для сына?* — *Игрушки?* — *Для кого эти игрушки?* — *Для сына*. Неполные реализации двукомпонентной схемы Gen Vf_{3s} : *Не хватает друзей* и: *Сам не пойму, кого мне не хватает...* *Ну конечно же, друзья!* и т. п. Неполные реализации двусоставных предложений возможны и без опоры на конситуацию. Так, для двусоставных предложений, строящихся с участием личной формы глагола, с флективно выраженным в глаголе значением лица, обычны бесподлежащие реализации, отражающиеся в соотношении типа *Я иду — Иду*. Бесподлежащий вид таких предложений обычен, далее, для форм синтаксического побудительного наклонения при подлежащем — 2 л. ед. и мн. ч., 1 л. мн. ч. (*Читай! Пишите! Давайте читать! Будем(те) читать!*); в этих случаях полная реализация обусловлена конситуативно или объясняется эмфазой (*Читай ты, а он пусть послушает! Иди ты, а не я!*). Неполная реализация схемы $N_1 - Vf$ является нормой тогда, когда производитель действия представлен обобщенно или намеренно неопределенно: *На всех не уго-*

дишь; На эту печку дров не напасешься; Тонул — топор сулил, вытащили — топорща жаль (посл.); *Арендуем конторское помещение* (газетное объявление). Ни о каком особом типе предложения при так наз. обобщенноличности или неопределенноличности говорить нельзя: это нормальные неполные реализации двусоставного предложения, в данной форме закрепившие за собой определенный круг функций. Показательно, что при обобщенном понимании производителя действия не исключена и полная реализация схемы, сравн.: *Я отвечаю за все* (афоризм); *О х о т н о м ы д а р и м, что нам не надобно самим или: Ну что ты будешь делать с этим врунишкой!*

6. Для очень многих типов предложений, не включающих в свой исходный вид спрягаемой формы глагола, характерны регулярные реализации с полузнаменательными (полусвязочными) или бытийными глаголами: *стать / становиться, сделаться / делаться, получиться / получаться, показаться / казаться, оказаться / оказываться, пребыть / пребывать, явиться / являться, бывать, выйти / выходить, представиться / представляться, выдаться / выдаваться* (последние два — в условиях лексических ограничений) и некот. др. Для двусоставных предложений с личной формой глагола для всех его форм кроме исходной регулярны реализации с глаголом *стать*, сохраняющим здесь свое генетическое значение перехода от настоящего к будущему. Таковы, например, реализации (первым членом соотношения приводится исходный вид предложения): *Сын учится — Сын станет учиться; Я читаю — Я стал читать*. В предложениях другой структуры: *Сын — герой — Сын становится героем; День ясный — День выдался ясный / ясным; Поехать заманчиво — Поехать кажется заманчиво / заманчивым; Весна — На улице совсем весна делается; Много работы — Становится много работы; Грибов! — Там грибов оказалось! Светло — Делается светло; Оставаться невозможно — Оставаться становится невозможно / невозможным; На площади не протолкнуться — На площади стало не протолкнуться* и др. под.

При реализации отдельных типов предложения в языке могут действовать ограничения в возможностях употребления того или иного полузнаменательного глагола. Однако эти ограничения идут не от самого грамматического типа предложения, а от семантики слов, заполняющих его компоненты, т. е. от семантической структуры предложения. Анализ относящихся сюда явлений принадлежит к области взаимодействия собственно грамматического строения предложения и лексики, заполняющей позиции его компонентов.

7. Значительное место в системе регулярных реализаций двусоставных предложений со сказуемым — именем занимают реализации, варьирующие формальные средства связывания главных членов. Так, к системе реализаций предложений типа *Учение — главная задача* относятся разные виды так наз. связочных предложений: *Учение есть главная задача; Учение — это главная задача; Учение — это есть главная задача; Учение — это и есть главная задача; Учение — вот / вот это / вот это и есть главная задача*. К системе регулярных реализаций предложений типа *Поймать карася — наслаждение* относятся связочные реализации: *Слушать музыку — это / вот / вот это наслаждение*.

Кроме двусоставных предложений связочные реализации с *это* характерны для двукомпонентных предложений, строящихся по схеме Adv_{pred} — Inf с предикативами *необходимо, возможно, обязательно, хорошо, весело, интересно* и др., сравн.: *Необязательно соглашаться — Соглашаться — это обязательно; Отступить невозможно — Отступить — это невозможно; Кататься весело — Кататься — это весело; Читать интересно — Читать — это интересно*. Однако связочность *это* в данном случае может быть подвергнута сомнению: в условиях контекста такой инфинитив может сближаться с «формой представления» (сравн.: *Нужно учиться, читать — Читать?.. — Это неинтересно*).

К связочным реализациям, естественно, не относятся те случаи, когда связка является компонентом схемы. Таковы, например, схемы Inf cop Inf (*Жить значит трудиться*), N₁ это N_{N1} (*Дача — это расходы, Долголетие — это физкультура, Удобрение — это плодородие*), N₁ это Adv-o (*Призвание — это серьезно, Диспуты — это интересно*). В этих случаях бессвязочный вид (там, где он возможен) — значительно менее частотный и парадигматически неполный — представляет собой одну из возможных неполных реализаций предложения.

8. Многие типы предложений принимают в свой состав с у б ъ е к т и в н о м о д а л ь н ы е (экспрессивно-оценочные) ч а с т и ц ы, которые позиционно и интонационно непосредственно смыкаются с одним из компонентов схемы, — часто, при неполной реализации, например: *Ну и поешь же ты! Мальчишка этот ну и смышел! Эх и покатали! Вот так весна! Тоже мне герой! То-то шуму! Ох и морозит! Вот холодно-то!* Такое видоизменение предложения относится к сфере его регулярных реализаций: это прежде всего проявляется в том, что с появлением таких частиц всегда изменяется парадигма предложения — она становится четырехчленной (три формы синтаксического индикатива и форма сослагательного наклонения); сравн.: *Ох и устаем мы! — Ох и уставали мы! Ох и уставать мы будем! — Ох и уставали бы мы!; Ну и шум! — Ну и шум был! — Ну и шум будет! — Ну и шум был бы!* Кроме того, введение таких частиц не безразлично к лексическому наполнению предложения. Так, например, организуемые собственно номинативом односоставные предложения (N_{N1}) в своем ничем не осложненном виде обычно реализуются при условии наполнения словами с собственно экзистенциальным значением: *Ночь. Зима. Тишина* и под. При условии введения экспрессивно-оценивающих частиц это лексическое ограничение снимается; сравн.: *Ну и бал! Вот смех-то! Вот так радость! Уж и фильм!* и т. п. (см. об этом ниже).

9. Непринужденной и разговорной речи, просторечию принадлежат такие реализации двукомпонентных предложений, в которых позицию одного из главных членов (в двусоставных предложениях) или одного из формантов главного члена (в односоставных двукомпонентных предложениях) занимает не словоформа, а целое предложение. Наиболее частотны такие реализации для предложений с именным сказуемым, а также для предложений типа *Много дел, Времени в обрез* и под. Следующие примеры взяты из записей живой разговорной речи: *Одежды на рыбке — можно сейчас же переселяться на северный полюс* (сравн.: *Одежды много*); *Работа — только кнопки нажимай* (*Работа легкая*); *Бензину осталось — только-только добраться до*

базы (*Бензину осталось мало*); *Девочки сказали, что быть учительницей — горло надорвешь* (*Быть учительницей трудно*); *Народу — не пробиться* (*Народу много*); *Уток весной — стреляй вверх, обязательно попадешь* (*Уток много*); *Водителей — ни одного* (*Водителей нет*) и т. п. С фразеологизацией замещающего компонента: *Вещь — пальчики облизнешь*; *Положение — хуже некуда*; *Фруктов — завались*; *Подарков — хоть отбавляй*; *Гостей нет числа*; *Специалистов — раз, два и обчелся*; *Темь — зги не видно*; *Разрушений — не счесть* и под.

Предложение, замещающее компонент схемы и занимающее его синтаксическую позицию часто имеет форму придаточного, т. е. организуется с помощью союза или союзного слова. Однако придаточность эта — мнимая, так как здесь нет синтаксической связи подчинения и соответствующих отношений; сравн.: *Ручеек этот — каких тысячи на Камчатке* (газ.); *Кто посильнее — вперед вышли*; *Счастье — это когда любишь кого-то больше всего на свете*; *Теперь для него прыжок с парашютом — как стакан воды вылить*; *Ноги у меня были все равно хоть выбрось их* (М. Булгаков).

Изучение предложений, реализующих структурную схему простого предложения путем замещения синтаксической позиции его компонента целым предложением, позволяет под новым углом зрения рассмотреть многие явления, которые традиционно относятся к сфере сложных союзных и бессоюзных структур, но в действительности не имеют отношения ни к строению сложного предложения, ни к тем отношениям, которые существуют между его частями.

10. Особый вид регулярных реализаций — конситуативно обусловленное снятие лексических ограничений, принадлежащих синтаксическому образцу. Это те случаи, когда простое предложение, принимающее в качестве главного члена лишь слова с ограниченной семантикой, в условиях контекста или речевой ситуации освобождается от этого ограничения. Контекст, снимающий семантические запреты, может быть как узким, собственно синтаксическим, так и широким. Ярким примером в этом смысле могут служить так называемые номинативные предложения (структурная схема N_{N1}). Собственно сама эта схема лексически ограничена словами, в силу своего значения способными выражать бытийность, сравн.: *Ночь. Зима. Тишина. Война* и под. Регулярная реализация этой схемы — предложения со словами любой семантики, возникающие: а) в условиях текста (и, соответственно, — ситуации), напр.: *Вхожу в комнату. Все как прежде. Чистота. Цветы*; *Сквозь листву мелькнул огонек. Знакомый дом. Старое крылечко*; *Опять она навела свой мещанский уют. Фикус! Ведь просил убрать!*; *Снова анонимные письма, расследования, комиссии — невозможно работать*; б) при условии детерминации с обстоятельственным или субъектно-объектным значением, напр.: *На столе скатерть*; *В комнате цветы*; *Вам телеграмма*; *В воздухе гарь*; в) в условиях сочетания номинатива со словами субъективно-модальных значений, напр.: *Какая радость! Ну и дом! Вот так гость!*

В предложениях спрягаемо-глагольного класса лексически ограничена схема Vf_3 ; она заполняется собственно безличными глаголами, список которых в русском языке является закрытым: *Светает. Вечерет. Морозит. Тошнит* и др. В условиях конситуации это ограничение снимается; это — известные случаи безлично-

го употребления личных глаголов, напр.: *В трубке загудело; На море забурило; Молнией убьет; Только что я задул свечу, завоозилось у меня под кроватью* (Тург., Собака); «Машка» — *сказало в трубке и вздохнуло с облегчением* (И. Зверев).

Разные регулярные реализации одной и той же структурной схемы не всегда совмещаются друг с другом; однако каждая из них в отдельности всегда совмещается с собственнo схемой, т. е. может быть преобразована до ее основного вида; сравн.: *Мальчик умен и: Ну как мальчик? — Умен!, Мальчик становится умен, Мальчик ох и умен!, Мальчик — нахвалиться невозможно / не нахвалишься*. Примеры возможных совмещений: *Мальчик ох и умен становится; Мальчик становится — не нахвалишься; — Как ваш мальчик? — Умен, не нахвалишься / — хоть сам у него учись*.

11. Как уже сказано, система регулярных реализаций принадлежит простому предложению как один из его основных различительных признаков. Вместе с другим важным признаком — характером парадигмы, система регулярных реализаций служит основанием для разграничения типов предложения, внешне воспринимаемых как сходные. Так, например, по своему внешнему виду сходны конкретные предложения: (а) *Человек — (это) загадка*, (б) *Турпоход — (это) его идея* и (в) *Удобрения — это плодородие*. Однако эти предложения внутренне различаются по характеру отношений между главными членами, а также по своей структурной основе ($N_1 — N_1$ и $N_1 \text{ соп } N_1$): в (а) — отношения определяемого и предикативно определяющего; в (б) эти отношения осложнены отношениями результирования, направленными от стимула (сказуемое) к результату (подлежащее); в (в) — отношения односторонней обусловленности, направленные от обуславливающего (подлежащее) к обуславливаемому (сказуемое). Со стороны грамматических свойств эти предложения различаются, во-первых, характером парадигм, во-вторых, кругом регулярных реализаций. Первое предложение (структурный тип $N_1 — N_1$) имеет следующие конситуативно не обусловленные регулярные реализации: 1) предложения со связочными *есть, это* и др.: *Человек есть / это / это есть / вот / вот это загадка*; 2) предложения с полузнаменательными глаголами: *Человек становится (делается, кажется / оказывается) загадкой*; 3) предложения, в которых синтаксическое место подлежащего замещено целым предложением: *Что представляет из себя человек — (это) загадка*; 4) предложения, в которых целым предложением замещено синтаксическое место сказуемого: *Человек — что это за загадка такая!*; 5) предложения, в которых со сказуемым позиционно и интонационно смыкаются частицы, придающие всему предложению оценочно-экспрессивный смысл и ограничивающие его парадигму: *Человек — и загадка же! (ох и загадка, вот загадка так загадка, ну и загадка)*. Из всех этих реализаций второе предложение (б) имеет только первые две: 1) предложения со связочным *есть, это, это есть, это и есть*: *Турпоход — это его идея*; 2) предложения с полузнаменательным глаголом: *Турпоход оказался его идеей*. Третье предложение (в) вообще не имеет регулярных реализаций: оно существует только в своем непосредственном виде, причем связка является компонентом схемы.

12. Как сказано выше, регулярные реализации могут быть конситуативно обусловленными и конситуативно не обусловленными. Конситуативно обусловлен-

ные реализации опираются на определенным образом организованный грамматический контекст или на непосредственную речевую ситуацию. Так, все двусоставные предложения в условиях контекста могут реализовываться как бесподлежащие или бессказуемые (см. выше). Бесподлежащие предложения спрягаемо-глагольного типа ([Neg] Vf₃, N₂; *Хватает денег; Сводок не публикуется*) в конситуации могут реализовываться только собственно глаголом (*— Деньги у тебя есть? — Х в а т а е т ; — Хорошо бы прочитать сводку. — Здесь не п у б л и к у е т с я*) или только именным компонентом (*— Чего тебе не хватает? — Д е н е г ; Сводки есть? — Н е п у б л и к у е т с я*). В современном русском языке практически нет таких двукомпонентных предложений, которые не имели бы конситуативно обусловленных неполных реализаций.

Особый круг явлений характерен для конситуативно не обусловленных безглагольных реализаций предложений, строящихся с участием глагола. При полной реализации двусоставного предложения со сказуемым могут соединяться зависящие от него словоформы, связанные с ним как со словом определенной категории тем или иным видом подчинительной связи; например: *Я говорю о деле; Он идет к тебе; Дайте чаю; Я иду гулять; Земля отдается крестьянам* и т. п. По отношению к предложениям с таким сказуемым в языке действуют правила реализаций, в которых место глагольной формы остается незанятым, а с подлежащим оказываются непосредственно соотнесенными — позиционно и по смыслу — те словоформы, которые грамматически зависят от глагола-сказуемого, не представленного в данной реализации, но обязательно принадлежащего структурному образцу: *Я о деле; Он к тебе; Чаю!; Я гулять; Земля — крестьянам*. В этих случаях на основное грамматическое значение приглагольной словоформы наслаивается значение сказуемостное. Это выражается, во-первых, в том, что такая словоформа интонационно противопоставляется подлежащему и отделяется от него паузой; во-вторых, в том, что такие реализации обнаруживают тенденцию к образованию своей собственной парадигмы (см. ниже).

Бессказуемые конситуативно не обусловленные реализации двусоставных предложений — характерная черта разговорной, экспрессивно окрашенной речи. Они регулярны при следующих условиях: 1) в предложениях со сказуемым — глаголом словесного акта, речи: *Я о деле; Опять ты нам о своих успехах*; 2) в предложениях со сказуемым — глаголом движения: *Он к нам; Все на работу; Дочка от матери ни на шаг; Мы гулять*; 3) в предложениях со сказуемым — глаголом предоставления, дачения: *Слово — очередному выступающему; Этот подарок тебе*; 4) в предложениях со сказуемым — глаголом наличия, появления, обнаружения: *В семье ссоры редко; Здесь новички не часто; У нас в клубе фильмы регулярно*; 5) в предложениях со сказуемым — фазовым глаголом: *Лекция — в семь; Вся операция — пять минут*. С глаголами первых трех групп высокочастотны бессказуемые реализации с интонационно выраженным значением повелительности, напр.: *Только не об этом; Ваши документы! Выше голову! Сюда! Все наверх! Быстрее! Ко мне! За доктором! Чистый халат! Чаю!*

Для односоставных предложений, строящихся сочетанием модального предикатива с инфинитивом, в аналогичных условиях регулярна реализация без

инфинитива: *Мне надо ехать в Москву — Мне надо в Москву, Сюда ходить нельзя — Сюда нельзя; Пора приниматься за работу — Пора за работу.* То же — в инфинитивных предложениях со значением обязательного предстояния: *Ему через год идти в армию — Ему через год в армию; Мне завтра ехать на завод — Мне завтра на завод.*

13. Конситуативно не обусловленные бесказуемые реализации двусоставных предложений, описанных в п. 12, обнаруживают свои собственные парадигматические возможности. Так, бесказуемые реализации предложений 1, 2 и 3 групп, кроме приведенной выше формы синтаксического настоящего времени, имеют две формы синтаксических ирреальных наклонений: желательного и побудительного: *Если бы он о деле! Вот бы он к нам! За доктором бы! Чайку бы! Пусть он не только о своих успехах! Ты давай не о себе, а о деле! Пусть он к нам! Давай за доктором! Чтоб сейчас же чистый халат! Чтоб ты от матери ни на шаг!* Бесказуемые реализации предложений 4 и 5 групп имеют все формы синтаксического индикатива (настоящее, прошедшее и будущее) и формы синтаксических ирреальных наклонений — сослагательного, желательного и побудительного: *В клубе фильмы — регулярно — были регулярно — будут регулярно — были бы регулярно — Если бы (лишь бы, хорошо бы) в клубе фильмы были регулярно! — Пусть в клубе фильмы будут регулярно!; Лекция — в семь — была в семь — будет в семь — была бы в семь — Если бы (лишь бы) лекция была в семь! — Пусть лекция будет в семь!* Такие парадигмы в системе других парадигм двусоставных предложений занимают свое самостоятельное место.

Особые явления в области конситуативно не обусловленных регулярных реализаций предложений, строящихся с участием глаголов определенных семантических групп, убедительно иллюстрируют тезис о том, что предложение является той синтаксической структурой, существование которой определяется не только грамматическими, но и лексико-семантическими факторами, влияющими как на парадигматику конкретного предложения, так и на характер его собственно строевых вариаций.

14. В п. 1 настоящих тезисов отмечалось, что в число дифференциальных признаков простого предложения, помимо его грамматической организации, системы форм (парадигмы) и регулярных реализаций, входит также и круг его функций. Вопрос о функциях простого предложения почти не разработан и считается как бы само собою разумеющимся: функция предложения — служить средством сообщения, коммуникативной единицей языка. Между тем в плане собственно грамматическом вопрос этот сложнее. Простое предложение как грамматическая единица имеет круг функций, из которых одни являются основными, превалирующими, другие — вторичными. Первой и основной является функция относительно самостоятельного законченного сообщения; она — главенствующая, и примеры здесь излишни. Вторая — функция форманта сложного предложения: простое предложение, в разных своих формах и в разных реализациях, входит в сложное в качестве одной из его частей. Рассматривая сложное предложение типа *Работал бы отец, семья бы не бедствовала*, мы убеждаемся, что обе его

части представляют собой простые предложения в формах ирреальных синтаксических наклонений, соединившиеся по законам организации сложного предложения как особой формы текста. Такое же соединение находим в сложном предложении *Отец работай, а взрослый сын будет бездельничать?*, где простые предложения в формах долженствовательного наклонения и будущего времени объединились в сложную синтаксическую конструкцию и уже в ней приобрели те дополнительные модальные и темпоральные значения, которые накладываются на собственно значение формы самой этой конструкцией, а очень часто и более широким окружающим ее текстом. Вопрос о функциях простого предложения в составе сложного нельзя относить в область изучения только сложного предложения: он двусторонен. И то, что некоторые формы простого предложения функционируют исключительно (условное накл.) или преимущественно (долженствовательное накл.) в составе сложного, не выводит их за пределы системы форм и функций простого предложения. Третья функция простого предложения — функция собственно называющая. Она иллюстрируется известным примером — подписью под картиной Саврасова «Грачи прилетели» и многими другими подобными. Здесь предложение — в своей изолированно представленной форме — ничего не сообщает, а называет то, что мы видим, воспринимаем, т. е. является номинативным знаком. Та же функция предложения — в заголовках, названиях книг, фильмов, пьес и др.: «*Мы из Кронштадта*», «*Я шагаю по Москве*», «*Всюду жизнь*», «*Мне двадцать лет*» и под. В этой же функции могут выступать и готовые союзные форманты сложного предложения, сравн.: «*Когда деревья были большими*», «*Если дорог тебе твой дом*». Четвертая функция простого предложения — функция замещения компонента структурной схемы предложения при одной из ее регулярных реализаций (примеры см. в п. 9). Занимая синтаксическое место компонента схемы, предложение — в одной из своих форм или реализаций — может претерпевать те или иные внутренние модальные или темпоральные преобразования. Наконец, еще одна функция простого предложения — замещение им синтаксического места зависимого члена словосочетания. В случаях вроде *Всякие «купи кончились: денег нет; На заявлении было написано недвусмысленное «Отказаться»;* *Опять мы услышали это мучительное «Надо ждать»* подчеркнутые соединения иллюстрируют именно замещения, постоянно и свободно возникающие в речи.

Все сказанное выше позволяет еще раз подчеркнуть тот важный тезис, что простое предложение является сложной и многомерной категорией, которая может быть удовлетворительно определена и описана лишь при условии, если будут приняты во внимание все стороны ее языкового существования: формальное устройство, система форм, регулярных реализаций, его семантическая структура и система функций.

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ОПИСАНИЯ СТРУКТУРНЫХ СХЕМ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ЕГО ПАРАДИГМ¹

В «Грамматике современного русского литературного языка» 1970 г. предложено формальное описание структурных схем (элементарных образцов, минимальных грамматических структур) простого предложения и его парадигм, теоретическими основаниями которого являются положения: 1) о необходимости разграничения формального и функционального аспектов и о примате в грамматическом описании аспекта формального — в обязательном сочетании с характеристикой семантики форм и их функций; 2) о структурной схеме предложения как об элементарном грамматическом образце, имеющем свою собственную организацию и свое собственное значение; 3) о существовании системы форм предложения — парадигмы, выявляющей частные стороны его грамматического значения — предикативности; 4) о грамматической природе парадигмы предложения и о необходимости отграничения ее от тех многообразных и не всегда собственно грамматических связей и отношений предложения, которые можно назвать его «полем»; 5) о несовпадении в предложении категорий его грамматической и семантической структуры и о наличии целых комплексов ограничений, накладываемых семантикой предложения на его грамматическое поведение.

Как сами эти положения, так и их развитие в *Грамматике 1970* вызвали обсуждение и споры². Это заставляет дополнительно обосновать принятые решения и сопоставить их с другими возможными решениями.

1. Вопрос о принципах выделения и разграничения элементарных структур простого предложения — один из центральных вопросов синтаксиса. Прежде всего он важен для описательной грамматики, которая, если она претендует на хотя бы относительную полноту, обязательно должна содержать в себе исчерпывающий перечень этих структур. В первую очередь здесь следует решить вопрос о границах самой такой структуры, т. е. о том, где проходит раздел между строевыми ком-

¹ Настоящая статья является кратким ответом на отзывы и замечания, высказанные по поводу построения раздела «Простое предложение» в «Грамматике» 1970 г. Этот ответ по условиям места не может охватить всех проблем, вокруг которых развернулись споры. Здесь выделены два центральных вопроса. Проблеме детерминации предложения автор посвящает отдельную статью [Шведова 1973в]. Практические ответы на многие пожелания и предложения читатели найдут в выпущенном Институтом русского языка АН СССР «Проспекте “Русской грамматики”» [Проект Русской грамматики 1972].

² *Грамматика 1970* получила разбор и оценки в следующих публикациях: [Билимович 1972: 301—309; Бондарко, Кодухов 1971: 31—45; Ворт 1972: 397—403; 1972а; Горшкова, Планов, Попов 1972: 328—339; Кручинина 1972: 159—166; Кубик 1972: 65—69; Люкшин 1972: 104—106; Моисеев 1972: 106—113; Попова 1972: 91—94; Распопов 1972; Тихонов, Емельянова 1972: 293—300; Тихонов 1972а: 286—292; 1972б: 282—285; Эрельт 1972: 123—125; Ярцева, Арутюнова 1972: 144—147; Křížkova, Leška 1971: 220—225; Puzynina 1972: 231—235; Rybák 1972: 69—73; Wawryńczyk 1971: 188; Zimek 1971; Straková, Skoumalová 1972; Кристенсен 1971: 189—191; Sekaninová 1972: 192—197].

понентами собственно структуры и ее облигаторными (и не только облигаторными) распространителями. Известно, что здесь определились сейчас — в самом общем виде — два возможных решения: 1) элементарной формой предложения считается нераспространенная структура, обладающая грамматической и семантической достаточностью (т. е. такая конструкция, ни один из компонентов которой не может быть изъят без того, чтобы сама эта конструкция не разрушилась как грамматическое единство), а все ее распространители, включая и информативно облигаторные, выводятся за пределы такой минимальной структуры; 2) элементарной считается структура, обладающая грамматической и информативной достаточностью; поэтому все информативно облигаторные распространители считаются обязательными компонентами элементарной структуры. Соответственно, согласно первой точке зрения, в предложении *Брат пишет письмо* реализуется схема $N_1 - V_f$, а имя в вин. надеже является облигаторным распространителем глагола; в предложении *С женщиной обморок* реализуется именная схема (N_{N1}), а твор. падеж со значением субъекта является распространителем предложения, необходимым для полного представления его семантической, но не грамматической структуры. Согласно второй точке зрения, оба эти предложения являются нераспространенными, реализующими минимальные грамматические образцы.

Первая точка зрения восходит к сложившемуся в русской грамматической традиции пониманию границ нераспространенного предложения и соотношения предложения и словосочетания. Вторая представляет западноевропейскую традицию; эта точка зрения развивается сейчас и многими отечественными языковедами. В *Грамматике 1970* принято первое решение. Какие же возражения оно вызывает? В обобщенном виде возражения эти следующие.

1) Структурные схемы предложения в *Грамматике 1970* имеют морфологический вид, их первичные характеристики и символические изображения обнаруживают морфологизм в описании синтаксического объекта (см. [Кручинина 1972 — Арутюнова и др.; Křížková, Leška 1971]). Структура предложения всегда — глагольная; поэтому безглагольных структур нет: это эллипсис (см. [Кручинина 1972 — Л. Бархударов; Горшкова, Панов, Попов 1972]). 2) В предложенном понимании структурная схема часто представляет коммуникативно недостаточное предложение типа *Я встретил (друга), Он очутился (на улице), Пушкин — современник (Гоголя), Линия А параллельна (линии Б)*. Чтобы избежать такой «неосмысленности», при определении минимальных структур необходимо учитывать не только левую, но и правую валентность (см. [Кручинина 1972 — Ломтев, Дежё и др.; Кубик 1972; Křížková, Leška 1971]). 3) Инвентарь схем — очень дробный, в нем не показано соотношение схем по употребительности, они не сгруппированы в функционально взаимосвязанные ряды (см. [Кручинина 1972 — Кржижкова, Р. Ружичка, Д. Шмелев и др.; Бондарко, Кодухов 1971; Горшкова, Панов, Попов 1972; Křížková, Leška 1971]). 4) При характеристике схем не учитывается семантика предложений, строящихся по этим схемам; внимание к этой стороне необходимо вызвало бы дальнейшую дифференциацию обобщенно представленных грамматических образцов (см. [Кручинина 1972 — Д. Шмелев и др.; Бондарко, Кодухов 1971]). 5) В понимании границ схемы обнаруживается противоречие: в некото-

рых случаях в состав схемы вводятся распространители: *Этого разговора не миновать; Денег не достать* (см. [Кручинина 1972 — Кржижкова; Кубик 1972; Křížková, Leška 1971]); *Он поступил директором; Она лежит больная* [Кубик 1972]. 6) Отсутствует четкое разграничение свободных и фразеологизированных структур; эти последние не нашли точного определения (см. [Кручинина 1972 — Тулина]).

Соответственно предлагается: трактовать структурную схему предложения как всегда имеющую в своем составе глагол; все так называемые безглагольные структуры рассматривать как эллиптированные, с незанятой позицией V_f; расширить границы двухкомпонентных структур до трех- и четырехкомпонентных, включив в состав схемы все ее облигаторные распространители; положить в основу разграничения типов предложений не только их формальный вид, но и семантику строящихся на их основе предложений; пересмотреть самый инвентарь схем в направлении их большей дифференциации, а в некоторых случаях, напротив, обобщения; уточнить понимание компонента схемы, определить точно понятие фразеологизированной схемы в ее отличии от схемы свободной.

Обратимся к анализу этих критических замечаний и рекомендаций.

Безусловно справедливы все замечания, касающиеся отсутствия в *Грамматике 1970* четкого определения фразеологизированных структурных схем, самого понятия синтаксического фразеологизма, замечания о том, что схемы не представлены как группирующиеся в определенные синтаксические блоки (например, *Много народу и Народу!*). Верно также, что наряду с собственно формальными целесообразны и функциональные группировки материала, при которых «синтаксический чемодан» окажется «уложенным удобно для пользования» (см. [Кручинина 1971 — Арутюнова]). Это — особая задача, осуществление которой станет возможным только тогда, когда будут фронтально изучены все типы семантических структур предложений разной грамматической организации.

В то же время осуществление других рекомендаций было бы возможно лишь при условии отказа от принятого в *Грамматике 1970* понимания самой природы предложения, действия в его пределах разных «механизмов» языковой системы, соотношения в грамматике формы, ее значения и функции.

1) В русской грамматической традиции, начиная с Шахматова, укрепилось признание безглагольных предложений как самостоятельных и полных синтаксических конструкций, имеющих статус абстрактных грамматических образцов. Осуществленные во многих трудах разносторонние и многоаспектные изучения материалов как письменной, так и разговорной речи, современных и относящихся к предшествующим периодам развития русского языка, доказали научную обоснованность такого понимания и обнажили всю искусственность «удобной» и облегченной трактовки русских безглагольных предложений как эллиптированных образований³. Поэтому в *Грамматике 1970* безглагольные предложения описываются как самостоятельные образования, без обращения к идеально примысливаемому глаголу. Тезис о том, что в русском языке «безглагольные предложения

³ Этот вопрос хорошо изложен в ст.: [Савицкий 1972].

вряд ли возможны» [Горшкова, Панов, Попов 1972; см. также Кристенсен 1971], звучит по меньшей мере как ничем не подтверждаемый анахронизм.

На каких основаниях выводятся в *Грамматике 1970* структурные схемы простого предложения? Таким основанием служит совокупность следующих признаков: 1) формальная организация, т. е. определенным образом соположенные словесные компоненты — формы слов тех или иных категорий (в однокомпонентных схемах — одна форма); 2) отношение, возникающее между этими компонентами (в неоднокомпонентных схемах); 3) грамматическое значение, присущее схеме предложения как абстрактной языковой единице (предикативность); 4) система форм (парадигма); 5) непарадигматические модификационные способности (виды регулярных реализаций). Эта многосторонняя характеристика в необходимых случаях дополняется указанием на дистрибутивные свойства (детерминация) и на лексико-семантические ограничения или их отсутствие.

Морфологично ли такое описание, строящееся на целом комплексе формальных, смысловых (в плане собственно грамматической семантики) и модификационных признаков предложения? Представляется, что морфологизм здесь можно усмотреть только в том случае, если остановиться на первом шаге описания, т. е. на символическом изображении схемы, и не видеть всех последующих. Символическое изображение схемы, действительно, не включает в себя ни индекса отношения (в двукомпонентных схемах это может быть стрелка, указывающая на направление зависимости, которое, кстати, не всегда можно установить; но в однокомпонентных схемах такой индекс уже исключен; следовательно, индекс отношения не может быть введен в символическое изображение схемы как обязательный и всеобщий), ни индекса значения, ни индекса наполнения, ни индексов дистрибуции и разнообразного синтаксического поведения. Конечно, можно представить себе такое изображение элементарной структуры, которое включит в себя все такие специально придуманные индексы; может быть, такое изображение будет «синтаксичным», но крайне сложным и непонятным. В *Грамматике 1970* за формулой, изображающей внешнее устройство элементарной структуры предложения, стоит понимание ее как многомерной синтаксической единицы и, соответственно, многоаспектный анализ: рассмотрение внешней организации схемы (здесь «морфологизм» кончается!), отношений между ее компонентами, ее грамматического значения, правил ее наполнения, ее дистрибутивных свойств, ее парадигмы, регулярных реализаций и ее функций.

Если бы оппоненты показали, что в *Грамматике 1970* на основании чисто внешнего вида представлены как отдельные, самостоятельные такие структуры, которые объединяются общностью всех других перечисленных характеристик, то тогда следовало бы поставить вопрос о единстве их грамматического типа, т. е. об объединении таких структур в одну — конечно, только при условии определенных черт общности их исходной формальной организации.

2) Странно было бы отрицать тот факт, что предложения *Я встретил, Я очутился, Линия А параллельна, Пушкин — современник* и т. д. для коммуникативной достаточности требуют распространителя. Но распространителя чего? Любой сло-

варь покажет на большом и достоверном материале, что слова *встретить*, *очутиться*, *параллельный* и т. д. по законам сильной присловной связи необходимо требуют своего собственного распространителя: глагол *встретить* сильно управляет вин. падежом, при глаголе *очутиться* осуществляется связь сильного примыкания (*очутиться где, у кого, в каком месте*), *параллельный* требует *чему* и т. д. Это — сильные присловные связи, исходящие от сл о в а в любой его позиции в предложении (здесь — очень часто наряду со слабыми связями) и вне предложения, как лексемы: *Встретить друга радостно*; *Очутившиеся в западне искали выхода*; *Он начертил линию Б, параллельную линии А* и т. д. Самоочевидности присловного характера подобных связей не может быть противопоставлено ничего, кроме чисто умозрительной и недоказуемой идеи об инкорпорированности в таких конструкциях целого предложения.

Если включать сильные присловные связи — и соответствующие позиции зависимых форм — в элементарный вид предложения, то, помимо того, что это будет ошибкой по существу (так как синтаксические потенции слова принадлежат иному уровню синтаксиса, нежели строение предложения), количество структурных схем предложения не только возрастет до количества типов сильных присловных связей, но и должно будет помножиться на число всех других структур с теми же распространителями. Так, например, разными схемами предложения окажутся: 1) *Я много читаю*; 2) *Я читаю книги*; 3) *Я читаю о космонавтах...*; соответственно: 1) *Мое любимое занятие — читать*; 2) *Мое любимое занятие — читать книги*; 3) *Мое любимое занятие — читать о космонавтах...* Точно так же разными схемами будут: 1) *Мать беспокоится*; 2) *Мать беспокоится о детях*; 3) *Мать воспитывает детей*; 4) *Мать все отдает детям...* Соответственно разными схемами окажутся: 1) *Удел матери — беспокоиться*; 2) *Удел матери — беспокоится о детях*; 3) *Удел матери — воспитывать детей*; 4) *Удел матери — все отдавать детям* и т. д. и т. д. Не ясно ли, что такое описание, сместив и искажив реальную картину отношений между синтаксическими потенциями слова и абстрактными образцами предложения, окажется, во-первых, лишенным своего собственного объекта; во-вторых, бесконечно дублирующим типы распространителей, изображаемых как элементарные составляющие самой схемы; в-третьих, принципиально неисчерпывающим, так как валентностные возможности слов — сфера открытая: на наших глазах постоянно возникают все новые и новые сильные присловные связи, — в отличие от структурных типов предложения, обладающих исключительной стабильностью.

Предложения *Я очутился здесь*, *Я встретил друга*, *Я слышу чудачком (за чудачка)*, *Я нахожусь в городе*, *Я читаю книгу*, *Я беспокоюсь о детях* построены по одной и той же элементарной схеме: $N_1 - V_f$; финитные глаголы, занимающие в них позицию сказуемого, своими собственно словесными свойствами с необходимостью определяют наличие при них распространителя, который при других глаголах (*Я сплю*, *Я гуляю*) окажется необязательным. Относить подобные случаи к элементарной грамматической типологии предложений — значит снимать проблему облигаторных синтаксических потенций слова (реализующихся, естествен-

но, прежде всего — но не единственно! — тогда, когда слово в той или иной своей форме входит в предложение и занимает в нем определенную позицию)⁴.

Бесспорно, что на семантическом уровне конкретного предложения присловная природа распространителя может оказаться несущественной: семантическая структура предложений *Я очутился здесь* или *Я встретил друга* элементарна, так же, как элементарна семантическая структура предложений с детерминантами типа *Мне холодно*, *Ученику надоело в школе*. Грамматический и семантический аспекты при анализе предложения должны не смешиваться, а последовательно разграничиваться: каждый из них имеет свои собственные категории и свои собственные минимальные образцы.

В связи с вопросом о месте распространителей в предложении следует сказать о случаях типа *Этого разговора не миновать*, *Города не узнать*, *Голосов не слышать*, *Следов не видеть*. В отрицательных инфинитивных предложениях со значением отсутствия или невозможности форма род. падежа не относится к сфере присловных связей: она — компонент структурной схемы предложения. Верно то, что в *Грамматике 1970* эти случаи не объяснены, а просто названы, и это создает видимость противоречия. Что же касается случаев типа *Она лежит больная*, *Он ходит урюмый*, то здесь позицию сказуемого занимает группа, возникающая в предложении в результате слияния глагола и прилагательного в целостный и нерасчленимый сказуемый комплекс.

3) В *Грамматике 1970* нет рассмотрения предложений под семантическим углом зрения; там не определяются ни категории семантической структуры предложения, ни самые типы этих структур. Это — недостаток, но не упущение, так как систематическое изучение семантической структуры русского и — шире — славянского предложения только начинается, и эти изучения пока не дают материалов для хотя бы предварительных обобщений. Безусловно, семантические характеристики предложения позволили бы тоньше дифференцировать материал и отвели бы упреки в чрезмерной обобщенности описания (прежде всего — в области правил детерминации предложения, его парадигматики и регулярных реализаций). Такие характеристики должны найти место в описательной грамматике. Однако, составив новый аспект описания, семантические характеристики в принципе не изменят принятых критериев для выделения элементарных грамматических образцов предложения и самого их перечня. Уже сейчас можно с полной уверенностью утверждать, что элементарные категории семантической структуры предложения не совпадают с категориями его грамматической структуры и дале-

⁴ Углубленная разработка «семантических формул» (SF) глаголов у Фр. Данеша [Daneš 1971] следующим шагом необходимо предполагает типологию глагольных валентностей, на которую будет опираться «семантическая формула предложения». Установив на основе семантической типологии глагольного слова все его сильные правовалентные распространители (левовалентные распространители дадут гораздо более обобщенные классы, совсем иначе дифференцированные как грамматически, так и семантически), исследователь окажется перед необходимостью либо пересмотреть свой тезис о включении N₄ в грамматическую схему предложения, либо весьма существенно расширить круг таких схем, включив в него все случаи с сильной приглагольной связью.

ко не всегда на них накладываются. Даже самый общий анализ детерминантов и присловных распространителей с субъектным, субъектно-локальным, субъектно-темпоральным и объектным значением свидетельствует о том, что такие центральные категории семантической структуры предложения, как субъект и объект, свободно формируются за пределами элементарной грамматической структуры предложения. Поэтому неубедительны аргументы в пользу включения субъектных детерминантов в минимальный грамматический вид предложения⁵.

Исходя из тезиса о глубоком внутреннем различии категорий грамматической и семантической структуры предложения, подтверждаемого в последние годы работами исследователей, идущих разными путями к изучению одного и того же языкового объекта, мы не можем признать конструктивными рекомендации о включении субъектных и объектных распространителей в число компонентов, разграничивающих элементарные грамматические образцы простого предложения.

2. Понятие парадигмы предложения было введено почти одновременно учеными разных направлений; в это понятие вкладывается разное содержание⁶. Как бы ни были разногласия, современная описательная грамматика уже не может обойти молчанием вопрос о парадигме предложения. В *Грамматике 1970* впервые дано описание синтаксических парадигм, понимаемых здесь как системы форм предложения, объединенных общим значением предикативности и обнаруживающих разные ее стороны как те или иные грамматикализованные соотношения объективно-модальных и временных значений.

Были отмечены достоинства и недостатки избранного решения. Здесь мы суммируем и рассмотрим только критические оценки. Возражения сводятся к следующему.

1) Парадигма морфологична: синтаксические изменения подменяются изменениями глагола. Если бы для исходной формы было введено необходимое понятие «нуля глагола», то вообще не о чем было бы говорить, так как перед нами предстала бы глагольная парадигма в ее чистом виде (см. [Кручинина 1971 — Падучева и др.; Горшкова, Панов, Попов 1972; Люкшин 1972]). То, что парадигма предложения представлена на основе парадигмы глагола, противоречит «правилам изоморфизма разных уровней», так как на других уровнях, например, в морфологии, парадигма создается не формами единиц предшествующего уровня, а разными единицами одного и того же, данного уровня (см. [Кручинина 1971 — Моисеев]). 2) Парадигма мнима: в синтаксическом индикативе сама схема не изменяется, следовательно, показанные формы нельзя считать изменениями схемы; в ирреальных же наклонениях появляются новые схемы (*Ночь — Была ночь*); следовательно, и здесь нет изменения схемы, а появляется новая структура (см.

⁵ Опыт семантического анализа предложения на основе этих теоретических положений см. в нашей статье «О соотношении грамматической и семантической структуры предложения» [Шведова 1973б].

⁶ См.: [Костинский 1969]. См. также: [Общее языкознание... 1972: 336—339], где отмечены преимущества решения, предложенного в *Грамматике 1970*.

[Кручинина 1971 — Бондарко, Ицкович; Бондарко, Кодухов 1971; Горшкова, Панов, Попов 1972]). 3) Количество форм предложения — семь — установлено произвольно: их может быть и меньше, и больше. Следовало бы включить в число форм предложения модификации с лексически выраженной долженствительностью, необходимостью, возможностью и т. д.: *Я еду — Я должен (могу, готов...) ехать* (см. [Кручинина 1971 — Чернов]), а также отрицательные и вопросительные предложения, глагольно представленные изменения лица, разные способы актуализации (см. [Кручинина 1971 — Распопов]), «пассив» (см. [Кручинина 1971 — Бархударов]). 4) Парадигма «заняла абсолютистские позиции». На деле она есть далеко не у всех предложений: все виды синтаксической ирреальности лишены временных значений и, следовательно, не подходят под принятое содержательное определение парадигм (см. [Кручинина 1971 — Чернов]). 5) В описании отдельных форм предложений — побудительной, долженствительной — не учитываются транспозиции, которые не позволяют трактовать эти формы как самостоятельные синтаксические образования (см. [Кручинина 1971 — Савицкий; Křížková, Leška 1971]). 6) В парадигму попадают искусственные, «специально придуманные» конструкции [Бондарко, Кодухов 1971; Горшкова, Панов, Попов 1972; Кручинина 1972]. Рассмотрим эти возражения в том порядке, как это обозначено выше.

1) При том понимании структурной схемы предложения, которое принято в *Грамматике 1970*, формообразующим средством в парадигме выступает не только глагольное слово, но и синтаксические частицы: *бы* (и ее модификации), *пусть, лускай*, устар. *да*, а также порядок соположения компонентов. Формы синтаксического индикатива образуются комбинацией двух единиц: самой схемы и глагольного форманта (место форманта по отношению к компонентам схемы грамматически определено). В схемах с Vf таким формантом оказывается форма самого глагола с его временным значением (ср. известный тезис Ельмслева об отнесенности глагольных морфем к предложению в целом); в схеме без Vf — служебное глагольное слово, вводимое по определенным правилам. Формы ирреальных наклонений образуются комбинацией глагольных форм, синтаксических частиц и формально значимого соположения компонентов схемы. Перед нами — формообразующая роль разных единиц предшествующего (морфологического) уровня в сочетании с собственно синтаксическими факторами. Таким образом, форма предложения, подобно форме слова, строится сочетанием «основы» (структурной схемы) с неким служебным формантом, несущим частное грамматическое значение: в слове — морфологическое (числовое, личное, падежное), в предложении — синтаксическое (объективно-модальное и временное).

2) Признание безглагольных схем абстрактными грамматическими образцами (см. выше) несовместимо с введением *есть* в предложения типа *Ночь темна, Всего вдоволь, Мороз* и мн. др. под. Значимое отсутствие глагола (понятие «нулевого глагола» в *Грамматике 1970* не вводится именно потому, что за ним стоит эллиipsis) — это не «опущение» или «подразумевание» глагола, а отсутствие его позиции в элементарной структуре предложения. Поэтому *был, будет* в формах прошедшего и будущего времени выступают не как представители позиции гла-

гола в структурной схеме, а как свободно вводимые чисто служебные показатели времени.

Признавая предложения типа *Ночь* полной реализацией безглагольной схемы, мы, вслед за В. В. Виноградовым, не можем видеть во втором члене соотношения *Ночь — Была ночь* реализацию схемы $N_1 - Vf$. А. Кристенсен [Кристенсен 1971], сопоставляя формулировки из наших статей разных лет, приходит к выводу о колебаниях и о противоречивости решения этого вопроса в *Грамматике 1970*. Верно, что в первых статьях, посвященных парадигме предложения, формулировки могли бы быть более точными. Однако по существу своему решение не менялось. Противоречие усматривается в том, что, признавая в *Была тишина* формальную двусоставность (кто же бы стал отрицать наличие здесь двух словоформ вместо одной?), мы видим здесь все же одно из видоизменений односоставного предложения. Так оно и есть. Оппоненты [Горшкова, Панов, Попов 1972; Кручина 1972; Кристенсен 1971 и др.] обязательно хотят видеть в *Была тишина* однозначность глагола («была» = «существовала»). Но при этом забываются два важных обстоятельства.

Во-первых, вопрос этот неправомерно решать только по отношению к одному данному типу так называемых односоставных предложений (N_{N1}). Сопоставим ряды (1) *Холодно — Зима — Пора ехать — Здесь не пройти — Времени мало* и (2) *Было (будет, было бы) холодно — Была (будет, была бы) зима — Пора было (будет, было бы) ехать — Здесь было (будет, было бы) не пройти — Времени было (будет, было бы) мало*. Никто из оппонентов не возражает против того, что во всех членах второго ряда, кроме *Была (будет, была бы) зима*, глагол выступает в роли формального показателя времени, и только в *Была (будет, была бы) зима* его служебность отрицается. Между тем само соотношение рядов (1) и (2) уже говорит о том, что односоставные предложения разных типов свободно и нормально принимают в свой состав формы глагола *быть* в его служебном значении как показатели синтаксического времени. По отношению к *Была (будет, была бы) зима* сложность заключается в совпадении вторых членов двух разных соотношений: а) *Есть зима — Была зима* (— *Зима-то хоть у вас там на юге есть? — Есть зима, как же, и в этом году была*) и б) *Зима — Была зима* и, как следствие, в возможном неразличении лексико-грамматического качества глагола в отдельных речевых ситуациях. В первом члене соотношения перед нами форма прошедшего времени бытийного глагола *быть* в значении 'существовать, иметься', во втором — форма глагола *быть* как служебного синтаксического форманта. Впрочем, в таких ситуациях вступают в действие, во-первых, различительные средства актуализации — словопорядок и интонация, во-вторых, дистрибутивные свойства предложений; ср. темпорально-квантитативную детерминацию как показатель однозначности глагола: *Ветер подует с берега, зашурашат метелками промороженные тростники... И долго, очень долго будет зима* (В. Белов, Привычное дело). Нет никаких оснований для того, чтобы, перед лицом реального двучленного соотношения разных предложений *Есть зима — Зима*, отрицать внутреннюю двусмысленность комплекса *Была зима*, т. е. его способность представлять формы прошедшего времени этих

двух разных предложений и, соответственно, заложенность в этом комплексе разного лексико-грамматического качества глагола *быть*.

Во-вторых, почему-то все споры ведутся только вокруг одного семантического типа так называемых номинативных предложений — собственно бытийных. По-видимому, принимается как бесспорное положение о том, что другие семантические структуры в пределах того же номинативного типа не принимают глагола *быть* в формах прошедшего и будущего времени и ирреальных наклонений (П. Грабе, А. Е. Михневич и др.). Однако это неверно: эти формы принимаются и другими — разными — семантическими структурами номинативных предложений⁷. Вот только несколько из многих возможных примеров: *Пусть будут те же речи Про вольное житье, Твои высокие плечи, Безумие мое* (А. Блок); *Пусть будет бой. И бой пришел с рассветом* (Л. Ошанин); *Пусть будут печали — от слез прозревают глаза* (В. Тушнова); *Кот... сделал попытку полезть еще выше, но дальше был потолок* (Булгаков, Театр. роман, 1, 12); *Пожару был конец бесповоротный* (В. Чивилихин). Формообразующая роль глагольного слова здесь очевидна. Конечно, в речи есть случаи неразличения, однако они не могут изменить общей грамматической картины.

3) Парадигматические изменения предложения на модально-временной оси обнаруживают частные значения предикативности — реальность и ирреальность, с дальнейшими внутренними грамматическими делениями, которые представляют частные синтаксические категории внутри общей категории предикативности. Временное значение в формах ирреальных наклонений есть: это значение временной неопределенности, противопоставляющее их формам синтаксического индикатива, объединенных значением временной определенности. Эти категории имеют узкий, собственно грамматический круг средств выражения. Принадлежащие языковой системе разные соотношения этих средств, закрепившие за собой определенные абстрактные грамматические значения, образуют закрытую систему форм предложения. Эта система восьмичленна (в *Грамматике 1970* в целях облегчения изложения из состава парадигм исключены формы условного наклонения, никогда не употребляющиеся в независимой позиции); она — в разных своих воплощениях (полнота или неполнота парадигм) — охватывает все типы предложений, имеющих формоизменение. Поэтому произвольным оказывается не установление границ этой грамматической системы так, как она дана в языке, а стремление расширить или сузить эту систему на основании неясных представлений о том, что же является собственно грамматическим изменением именно данной структурной схемы предложения и где кончается это изменение и начинаются явления совсем другого порядка: во-первых, функциональные соотношения данной структуры с другими структурами (*Есть деньги — Нет денег*); во-вторых, соотношения разных видов актуализации (*Поезд идет — Идет поезд*); в-третьих, лексические введения, меняющие заодно и грамматический тип предложения (*Я еду — Я должен ехать*); в-четвертых, далеко не универсальные правила

⁷ Материалы см. в нашей статье «О соотношении грамматической и семантической структуры предложения» [Шведова 1973б].

негации; в-пятых, ограниченные определенной группой глаголов семантико-грамматические соотношения внутри предложения одной и той же структуры (актив — пассив); в-шестых, вообще не имеющие отношения к синтаксической парадигме изменения личных форм глагола в сказуемом, диктуемые личным значением местоимения-подлежащего (*Я еду — Ты едешь — Он едет*); в-седьмых, наконец, разнообразные субъективно-модальные осложнения, наслаивающиеся на грамматическое значение формы предложения.

Если бы оппоненты указали, что при определении состава парадигм в *Грамматике 1970* были упущены какие-то характеристики того же уровня, к которому относятся собственно грамматические средства формирования синтаксических объективно-модальных и временных значений, они были бы правы. Но таких указаний не последовало. Те же рекомендации, которые основываются на неразличении границ между грамматической парадигмой предложения и его функционально-смысловым «полем» (пусть в ряде случаев отдельные участки этого «поля» и имеют свои формальные характеристики), при описании грамматической парадигмы нельзя признать конструктивными. В то же время несомненно, что функциональный синтаксис не может обойтись без изучения такого «поля» и без его всесторонних характеристик, объединяющих разные аспекты: грамматические, лексические, собственно коммуникативные.

4) Вопрос о транспозициях — не бесспорный (см. [Шведова 1974а; 1974б]). Тезис о том, что долженствовательное значение предложения, строящихся с так называемой «формой 2-го лица ед. числа повелит. накл.», возникло как перенос повелительного значения, — антиисторичен. В современном языке значение долженствовательности также существует не как переносное. Конструкции с личной формой глагола на *-и*, *-ь* предстают в пяти самостоятельных значениях: 1) побудительность, 2) долженствовательность, 3) условность, 4) желательность и 5) неожиданность и завершенность одноразового действия в прошлом; генезис последнего значения ставит его на грань омонимии с первыми четырьмя значениями, представляющими многозначность. Что же касается транспонирования побудительности в сферу согласия, допущения, принятия, то это — одна из широко и свободно реализующихся функций данной формы, несколько не ослабляющая ее основного грамматического значения (ср. речевую транспозицию синтаксических форм желательности в семантическую сферу отрицания: *Хоть бы позвонил!* значит 'не позвонил', *Хоть бы глоток воды!* значит 'ни глотка воды', или форм побудительности в смысловую сферу долженствования: *Пусть никто не играет с огнем!* значит 'никто не должен...').

5) Парадигма предложения в *Грамматике 1970* строится с необходимым учетом двух равноправных форм литературного языка — письменной и разговорной, внутри письменной формы — с учетом разных функциональных стилей, поэтической речи и др. Естественно, что в парадигме, представляющей языковые противопоставления в целом, оказываются объединенными формы разного стилистического качества, разной степени употребительности (это специально оговаривается в §§ 1356—1357): важно, что такие формы образуются и, значит, занимают свое место в единой системе. Многие явления, отмечаемые в записях разго-

ворной речи, в письменных источниках не фиксируются или фиксируются случайно. Упрек в придумывании искусственных форм —тяжелый упрек для языковеда, работающего только с материалом и только ему доверяющего. Поэтому мы вынуждены привести здесь хотя бы некоторые материалы, подтверждающие возможность образования тех форм, которые в *Грамматике 1970* даны без оправдательных цитат.

В. И. Кодухов [Бондарко, Кодухов 1971] полагает, что высказывание типа *Начинает становиться не о чем говорить* искусственно; по-видимому, искусственным кажется сочетание фазового и полузнаменательного глагола в предложении без *Vf*. Но см. у Л. Толстого: *Скоро перестало быть слышно барабаны* (Посмертные записки старца Федора Кузьмича, 1). Фазовые и модальные глаголы вообще довольно свободно входят в реализации схем, создавая кажущиеся на первый взгляд необычными сочетания, например: *Никто не умеет так постоянно хотеть быть любимым* (Лермонтов, Княжна Мери); *Ему перестало хотеться спать, он забыл о своей обязанности быть строгим* (Л. Толстой, Альберт); *Париж вдруг представился каким-то скучным, так что даже и побывать в нем вдруг перестало хотеться* (Булгаков, Театр. роман, 1, 5). Нет сомнения, что если бы *Грамматика 1970* дала модель реализации предложения типа *Хочется побывать* с фазовым глаголом (*Перестало хотеться побывать*), то и здесь последовал бы упрек в искусственности такого образования.

Многих смущают формы долженствования с *будь*. Искусственными кажутся формы типа *У нас будь тишина (а вам можно шуметь?)*, *В доме всегда будь тепло (а сам даже дров не принесет)*, *И дом будь ее и сад (а мы — куда хочешь)*. Эти примеры взяты из записей разговорной речи. Но см. в письменном источнике: *До религии правительство не более дела, как до поваренного искусства: будь покорность законам, а желудок и совесть должны быть совершенно свободны* (П. Вяземский — А. Тургеневу, 6 дек. 1818 г. Ост. архив, I). В письменной речи широко фиксируются такие формы с условным значением: *Так тихо бывает в саду на дорожке, когда все спрячется. Но как ни будь тихо, все кто-то сзади шепчется* (Пришвин); *Будь бы боровики, настоящие грибы, стал бы я, старый человек, наклоняться за черным грибом!* (Пришвин). А. С. Попов [Горшкова, Панов, Попов 1972] считает «специально придуманной» форму *Пусть прибывает народу!* Но ср.: *Сестра выставляет под стреху кленовый ушат — пускай насобирается дождевой воды* (Правда, очерк, 1973). В записи разговорной речи: *Ей все время денег не хватает. — Как это не хватает? Надо укладываться. Пусть хватает*. С отрицанием: *Спешу на выручку, других зову, Пусть не найдется душ глухих и жестких!* (А. Яшин, Твоя родина). Автору этих строк пришлось принять упреки в «искусственности» форм желательного наклонения типа *Не приведи тебе увидеть такое! Окажись бы рядом друзья!* Но см. у А. Твардовского: *Но если было суждено Все это, все в зачет, Не доведись хоть то одно, Чему еще черед. Не доведись вам за войну, Жена, сестра иль мать, Своих живых солдат в плену Воочью увидеть* (Дом у дороги, V); *Она долго не решалась. Никому не приведи судом у родных детей помощи требовать* (Веч. Москва, 1972). Можно было бы продолжить эти перечни. Однако думается, что приведенных примеров достаточно для того, чтобы предостеречь против поспешных суждений об «искусственности» тех

или иных кажущихся необычными форм: редкость фиксаций, яркая стилистическая окрашенность, принадлежность живой разговорной речи (к которой часто еще, к сожалению, подходят с меркой привычных стандартов речи письменной) не делают приведенные формы ни ошибочными, ни тем более «придуманнами» и не выводят их за пределы общезыковой системы.

б) Причины неполноты парадигм лежат в сфере семантики предложения. В *Грамматике 1970* нет описания семантической структуры предложения, поэтому в главах о парадигмах отсутствуют объяснения причин такой неполноты. Вопрос этот требует больших специальных исследований.

В связи со сказанным следует еще раз вернуться к вопросу об изучении семантической структуры предложения.

Выдвигая те или иные критерии для определения и разграничения семантических типов предложений, на первых ступенях анализа не следует забывать о том, что эти критерии должны быть в каком-то смысле универсальны: нельзя избирать наиболее ясные, «удобные» типы предложений и на них строить общую теорию. Так, конструируя категории семантической структуры предложения, вряд ли следует опираться только на глагольные предложения, где вычленяются субъект, действие, объект и их определители и за которыми легко просматривается «внеязыковое положение вещей». Для того, чтобы определить саму природу и специфику категории семантического уровня в синтаксисе, нужно посмотреть, каковы семантически составляющие предложений самых разных грамматических типов.

Чем дальше мы отходим от формального синтаксиса в сферу семантики, тем многообразнее оказываются те компоненты, из которых составляются категории соответствующего уровня. Это и соответственно грамматические отношения в абстрактном образце предложения, и синтаксический потенциал предложения, и лексические значения слов. Взаимодействием всех этих факторов создаются категории семантической структуры предложения и иерархия этих категорий.

Разграничение предложений разной семантической структуры обязательно должно проверяться и корректироваться их грамматическими характеристиками. Это естественно, так как семантика не существует сама по себе, без грамматического оформления, а таким оформлением и является все синтаксическое поведение предложения. Эта проверка должна идти по линии парадигматических свойств (система форм и их вариантов) регулярных реализаций, синтаксических и семантических дистрибутивных возможностей, синтагматических связей.

Внимание к семантической стороне предложения привело некоторых современных авторов к утверждению, будто бы семантика и есть грамматика. По мысли этих авторов, абстрактных образцов предложений не существует вообще, и предложение сразу складывается из «кусочков смысла» в соответствии с требованиями информации. Такие утверждения на практике означают отказ от тезиса об асимметричном дуализме языкового знака. Между тем очевидно, что вся область семантической структуры предложения относится к внутренней стороне предложения, к сфере его значения. Как и всякое значение, семантика предложения имеет реальные средства своего оформления. Однако это не значит, что проникновение в сферу семантики предложения может хотя бы в какой-то степени

поколебать тезис о его грамматической природе, об абстрактном характере его образца и, следовательно, об асимметрии отношений между означающим и означаемым.

В описании синтаксической системы языка семантический аспект имеет большое значение. Без внимания к семантической структуре предложения многие грамматические характеристики, корректные для собственно грамматического образца, оказываются максимально обобщенными.

Авторы «Грамматики» 1970 г. неоднократно подчеркивали, что они ни в коей мере не претендуют на единственность и окончательность своих решений. *Грамматика 1970*, введя большое количество новых, ранее не описанных материалов и предложив их нетрадиционные классификации, стимулировала оживленное обсуждение центральных вопросов теории. В ходе этого обсуждения оказались непосредственно сопоставленными самые разные научные концепции. И в первую очередь в этом нужно видеть значение этой книги.

1973 г.

ДЕТЕРМИНИРУЮЩИЙ ОБЪЕКТ И ДЕТЕРМИНИРУЮЩЕЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВО КАК САМОСТОЯТЕЛЬНЫЕ РАСПРОСТРАНТЕЛИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В работах де Гроота [Groot 1939], Е. Куриловича [Курилович 1948; 1949], В. Виноградова (см.: [Грамматика 1954: Введение]), Е. Кротевича [Кротевич 1954; 1956 и другие его статьи 1952—1961 гг.]) был подчеркнут еще ранее выдвигавшийся в синтаксической науке тезис о том, что некоторые падежные, предложно-падежные формы и наречия в составе предложения могут выступать в периферийной по отношению к глаголу позиции, определяя все предложение в целом. Этот верный тезис, однако, до сих пор не был раскрыт и конкретизирован в применении к какому-либо определенному языку и, в частности, к русскому. Задача настоящей статьи — определить понятия детерминирующего объекта и детерминирующего обстоятельства как самостоятельных распространителей предложения, выяснить их отношения к словосочетанию и показать, что они не входят в его структуру, а также предложить некоторые методы отграничения детерминирующего объекта и детерминирующего обстоятельства от совпадающих с ними по форме компонентов словосочетания¹.

I. Для того чтобы иметь возможность говорить о самостоятельных распространителях предложения как о падежных или предложно-падежных формах, не входящих в структуру словосочетания, необходимо кратко определить, что по-

¹ Статья строится в основном на материалах газетной речи как таких, которые отражают живое современное употребление.

нимается под словосочетанием и каковы те типы связей, которые существуют в словосочетании².

В настоящей статье принимается та точка зрения, согласно которой словосочетание есть существующая в языке независимо от предложения некоммуникативная синтаксическая единица, образующаяся путем соединения двух или более полнозначительных слов на основе подчинительной грамматической связи и специфического значения (отношения), которое порождается характером этой связи и семантической соединимостью слов. Глагольно-именные, предложные и беспредложные словосочетания конструируются связью глагольного управления и я. Глагольным управлением называется такая связь, при которой зависимое от глагола имя стоит в форме косвенного падежа — с предлогом или без предлога. Само наличие при глаголе определяющей его падежной или предложно-падежной (далее везде — просто падежной) формы всегда обусловлено общей семантикой глагола как слова с процессуальным значением. В этом смысле правильно утверждение, что связь управления опирается на семантику глагольного слова. Эта общая семантика — процессуальность (действие или процессуальное состояние) в отдельных группах глаголов конкретизируется и уточняется: это глаголы со знач. непосредственной направленности на объект, обладания, восприятия, речи, мысли, движения и под.; их многочисленные частные семантические группировки обладают разной степенью четкости и определенности. По отношению к глаголам, входящим в такие группировки, само наличие и характер управляемого слова опирается на присущие глаголу именно данной группы грамматические и словообразовательные признаки. Вхождением глагола в ту или иную семантическую группу определяется и степень обязательности при нем управляемого имени³. Предлагаемое ниже разделение, данное в самых общих контурах и освобожденное от всякой детализации, как кажется, адекватно отражает характер связей слов в структуре глагольно-именного словосочетания.

А. Регулярное (сильное) глагольное управление — такая связь слов, при которой семантикой глагола, в ряде случаев поддержанной грамматическими или словообразовательными факторами, определяется обязательное наличие при глаголе падежной формы имени с объектным значением. Регулярное управление может быть одиночным, когда глагол требует одной определенной падежной формы, и двойным, когда глагол требует одновременно двух разных падежных форм.

1. При **одиночном** регулярном управлении глагол может обязательно требовать 1) обозначающего прямой объект имени в форме винительного падежа без предлога или соотносительного с винительным родительного падежа (*учить*

² Литература о связях слов и о типах словосочетаний — даже только в русском языке — имеет давнюю историю. Вынужденное отсутствие ссылок на эту литературу, естественно, не означает, что в своей работе автор не опирался на все то ценное, что сделано другими исследователями.

³ Многозначное слово, в разных своих значениях управляющее разными формами имени, в этих случаях ведет себя не как одно слово, а как разные слова.

детей, накупить книг⁴) или 2) имени, обозначающего не прямой объект; в этом последнем случае управление может быть: а) беспредложным (*натерпеться страху, дичиться людей, командовать полком*) и б) предложным (*наскочить на столб, войти в гавань, выбраться из беды, стремиться к победе, братья за руль, сердиться на ребенка, встретиться с другом*).

2. Двойное регулярное управление может быть: 1) беспредложным (*дарить книгу ученику, накрыть больного одеялом, угрожать соседям войной, снабдить туристов снаряжением*) и 2) беспредложно-предложным (*оторвать лист от ветки, сбросить снег с крыши, пристроить балкон к дому, превратить рошу в парк, принять друга за врага, связать следствие с причиной*).

Б. Нерегулярное (слабое) глагольное управление — такая связь слов, при которой семантикой глагола определяется возможное, но не обязательное наличие при нем одной из нескольких падежных форм имени с косвенно-объектным или обстоятельственным значением. Здесь выделяются: 1. Беспредложное нерегулярное управление (*запеть фальцетом, расстаться друзьями, болеть неделю, идти лесом, уехать осенью*) и 2. Предложное нерегулярное управление (*учиться на курсах, скрыться за роцей, жить в деревне, переплыть через реку, спать до обеда, уехать с зарей, вернуться к обеду, ходить без пальто, молчать из вежливости*).

Объединение регулярного и нерегулярного управления может представлять собой: 1) двойную связь, при которой соединяются а) одиночное регулярное управление с нерегулярным управлением (*читать книгу час, убрать посуду в буфет, вести преступника под конвоем*) или б) двойное регулярное управление и нерегулярное управление (*дарить книгу ученику на память, снабдить туристов снаряжением перед походом*), и 2) многочленную связь, при которой группа, представляющая собой результат объединения регулярного и нерегулярного управления, соединяется с нерегулярным управлением (*убрать посуду в буфет после завтрака, дарить книгу ученику на память перед отъездом*)⁵.

Соответственно этим видам связи выделяются следующие четыре типа глагольно-именных словосочетаний: 1) простые двучленные словосочетания с обязательной связью: беспредложные (одиночное регулярное беспредложное управление) и предложные (одиночное регулярное предложное управление); 2) простые трехчленные словосочетания с обязательной связью: беспредложные (двойное регулярное беспредложное управление) и беспредложно-предложные (двойное регулярное беспредложно-предложное управление); 3) простые двучленные словосочетания с необязательной связью: беспредложные (нерегулярное беспредложное управление) и предложные (нерегулярное предложное управление); 4) сложные трехчленные многочленные словосочетания с заключающей необязательной связью (объединение регулярного и нерегулярного управления, двойная и многочленная связь).

⁴ Здесь и везде дальше в скобках даются лишь иллюстрации, но далеко не полные перечни соответствующих типов связей.

⁵ О сложных словосочетаниях, организуемых соединением словосочетаний разных типов (не только глагольно-именных), см.: [Прокопович 1961].

II. Для определения понятий детерминанта — детерминирующего объекта и детерминирующего обстоятельства и их синтаксических свойств центральным является вопрос об их отношении к простым двучленным словосочетаниям с необязательной связью, так как именно в этих словосочетаниях слабее всего сцепление имени и глагола и, следовательно, наиболее свободно размещение компонентов словосочетания в строе предложения.

Простые двучленные словосочетания с необязательной связью (нерегулярной) могут быть как беспредложными, так и предложными. Характерным их признаком является то, что лишь в немногих случаях зависимое имя в них обозначает косвенный объект, на который может быть распространено действие (*улыбнуться ребенку, смеяться чужой беде, высказаться перед другом*); основной же массив этих словосочетаний составляют такие, в которых падежная форма является «конкретным», а не «грамматическим» падежом (Курилович)⁶. Эти падежи «с конкретной функцией», разнообразно определяющие глагольное действие по месту, времени, способу, причине или цели совершения, «образуют систему наречных значений» (Курилович) и по характеру связи с глаголом сближаются с примыканием (некоторые лингвисты употребляют для них термин «предложное примыкание»).

Глаголы, организующие такие словосочетания, не всегда поддаются более или менее точной семантической классификации, как это имеет место в словосочетаниях с обязательной связью⁷; однако косвенным признаком этой группы может служить отсутствие в ее составе глаголов отвлеченной семантики, обозначающих собственно бытие, наличие, обнаружение или становление: *быть, состоять, казаться, становиться, являться* и под. Чем абстрактнее и обобщеннее значение глагола, тем менее вероятна ситуация, при которой обозначаемый им процесс определялся бы по одному из перечисленных выше конкретных «наречных» признаков. Реальные условия, при которых протекает процесс, называемый такими глаголами, могут быть самыми разнообразными, любыми, а значит и сочетания таких глаголов с тем или иным падежом «конкретной семантики» не может служить их характеристикой: ничем не ограниченная сочетаемость слова есть не позитивный, а негативный, нулевой признак его распространимости. Поэтому и нет в языке словосочетаний типа «казаться на берегу», «называться через час», «становиться с утра до вечера», «состоять в течение дня» и под. Эти глаголы требуют управляемого слова не со значением конкретного обстоятельства, а со значением носителя процессуального признака: *являться, быть, казаться кем, состоять в качестве кого* и под.

III. На простые двучленные словосочетания с необязательной связью опираются такие распространители предложения, у которых зависимость от глагола

⁶ По де Грооту — «падежом с семантической функцией» в отличие от «падежа без семантической функции».

⁷ Лингвисты, развивающие тезис Ельмслева о том, что семантическая классификация глаголов должна опираться на дистрибутивный анализ (валетность), в своих практических исследованиях ограничиваются беспредложными словосочетаниями (см., например: [Гуцу-Ромало 1963]), в классификации же предложных словосочетаний предлагают исходить не из глагола, а из предлога (см.: [Dimitrescu 1963]).

практически отсутствует и которые соединены с предложением в целом «связью свободного, присоединительного характера» (В. Виноградов)⁸; это падежные формы, формально совпадающие с именным компонентом простого двучленного словосочетания, соединенным с глаголом связью нерегулярного управления. Такие распространители по своим формам и функциям объединяются в два класса: детерминирующие объекты и детерминирующие обстоятельства. Термины эти несовершенны и могут быть заменены лучшими, более легкими и точными. Однако само введение новых обозначений для второстепенных членов, не входящих в словосочетание и распространяющих предложение в целом, представляется необходимым.

Детерминирующим объектом назовем падежную форму, обозначающую лицо или предмет, связанные с предикативной основой предложения отношением направленности, значением отнесенности в широком смысле этого слова (о семантическом различии этих форм, способных заключать в себе как объектные, так и субъектные значения см. в статье «К спорам о детерминантах»: [Шведова 1973в]). Детерминирующий объект может быть выражен дательным беспредложным (*Грубия нам не место в футболе; Артисту удалось захватить зрителя своей игрой; Сыну исполнился год; Хозяину мало было собственного дома; Мне больно; Ему теперь хоть трава не расти*); сочетанием твор. падежа с предложением (*Со мной недавно было смешное приключение; С ней обошлись невнимательно; С погодой не везет; С ним не до шуток*); сочетанием род. падежа с предлогом⁹ (*У этого писателя уже опубликован сборник рассказов; У олейболстов победила женская команда столицы; У тебя нет другого выхода*); сочетанием род. падежа с предлогом для (*Странный это был день для Павла*); для родителей ты опять мальчишка); сочетанием твор. падежа с предлогом между (*Между друзьями произошла ссора; Между отцом и сыном недоразумения*); сочетанием дат. падежа с предлогом по отношению к (*По отношению к нему мы допустили бестактность*)¹⁰.

Детерминирующее обстоятельство определяет предложение по характеру и условиям проявления предикативного признака. Обозначая место, время, причину, цель, соответствие или несоответствие чему-либо, следствие и др., детерминирующее обстоятельство выступает в форме наречий или падежных форм, совпадающих с именным компонентом двучленного словосочетания с необязательной связью. Систематизация детерминирующих обстоятельств по значениям внешне накладывается на семантическую систематизацию наре-

⁸ Попытку развить тезис о наличии «свободного присоединения» на материале предложных конструкций с творительным падежом см. в канд. диссертации В. Малашенко: [Малашенко 1961] и в статьях того же автора в изданиях Ростовского-на-Дону гос. ун-та 1957—1961 гг.

⁹ Подробный анализ этих конструкций см.: [Mgázek, Vym 1962].

¹⁰ Этот и последующие перечни не исчерпывают всех падежных форм, входящих в данный тип детерминирующего члена предложения: в задачу статьи не входит составление полного их перечня. Однако такой перечень может быть составлен; в частности, и предлагаемое в данном разделе описание опирается на имеющиеся у автора более полные и — с точки зрения формальных признаков — более детально систематизированные материалы.

чий¹¹. Для удобства обозрения, однако, можно разделить детерминирующие обстоятельства на несколько групп в зависимости от их общего значения. Это следующие значения: место (*Со стороны центрального здания доносится свисток; При автопрокате создаются общественные советы; У берега по льду еще можно ездить на тракторе; По всему лесу раздаются голоса; За окном стемнело; На часах было начало одиннадцатого; В границах от Волгограда до Сухуми проведены посевы риса*); время (*До войны он был плотник; После техникума ее послали на ферму; С начала тридцатых годов писатель сотрудничает в газете; К вечеру добрались до озера; По окончании университета он уехал в деревню; Мы в юности часто мечтали о полетах на другие планеты; Много веков человек был привязан к Земле; При жизни отца семья не знала забот; Малышом он мечтал о многих профессиях; Вечерами геологи долго не расходятся по палаткам*); причину (*От испуга ребенок не мог говорить; Из-за отсутствия помещения нет возможности работать; За недостатком слушателей рассказчику пришлось умолкнуть; Из пустяков не стоит поднимать шум; Ввиду износа агрегат заменен*); соответствие или несоответствие, основание, касательство (*В погоне за цифрой забывают о качестве; В связи с семидесятилетием ученый награжден орденом; В честь юбилея был устроен банкет; В свете предстоящих стартов чемпионат приобретает особое значение; По проекту здесь вырастет коксохимический завод; Со зрелищной точки зрения поединки молодых мало чем уступают играм всеозного календаря; В представлении неискушенных лесник — это сторож с берданкой; С формальных позиций все законно; Вопреки предсказаниям моего спутника погода прояснилась*); цель, назначение (*Корысти ради этот человек готов на все; В целях выполнения обязательств обеспечено своевременное проведение работ; В порядке опыта модель выставлена в витрине магазина; Для повышения надежности безопасного возвращения на корабле установлено ручное управление; В обеспечение плана на завод прислали новые станки; Будем бдительны во имя мира*); следствие, возмещение (*С переходом на новую рецептуру получен выигрыш в ассортименте изделий; Люди понимают важность проблемы — отсюда гарантия успеха; За заслуги перед государством награждена орденами группа конструкторов; В результате общих усилий достигнуты большие успехи; Вследствие аварии механизмы остановлены*); условие и уступка (*В создавшихся условиях нам разумнее расстаться; При всех его достоинствах он мне не нравится; Несмотря на успехи, впереди еще много дела*); отключение, отчленение или включение, присоединение, замещение (*Все дети в школе, вне зависимо-*

¹¹ См. у Е. Куриловича: «Во вторичной функции все конкретные падежи изофункциональны и, следовательно, не образуют семантической системы. Если группировать конкретные падежи по их наречным функциям, мы не можем отвлекаться от функции всех прочих наречий» [Курилович 1949: 193].

сти от заработка родителей, получают горячие завтраки; За исключением нескольких человек, весь класс был в сборе; Вместо настоящего выполнения своих же решений, организации проводят многочисленные заседания; В отмену прежнего решения принято новое постановление; сравнение, сопоставление (В отличие от первого матча, команда играла плохо; Подобно метеоритам, корабль может сгореть; Мои заботы ничто рядом с заботами радиста); сопровождение, сопутствие (Вместе с успехами есть много недостатков; Нарушители предаются суду со всеми вытекающими отсюда последствиями; Отдал дом в распоряжение города с просьбой использовать его под детский сад); наконец, довольно пеструю группу составляют детерминирующие обстоятельства, с той или иной стороны конкретизирующие, уточняющие или ограничивающие сообщение, в основной своей массе совпадающие с тем, что школьная грамматика называет «обстоятельством образа действия» (С его поддержкой вошел в литературу талантливый сказочник; При переполненных трибунах прошли встречи футбольного чемпионата; Наша литература в нелегком труде, в спорах ищет своего героя; Под знаком острейшей борьбы прошел первый день дискуссии; То и дело открывается дверь; Снова и снова гремят овалы; В ожидании интерната ребята перестали ездить в школу; По форме он как бы и прав, а по существу губит дело; За счет использования отходящих газов здесь будут вырабатываться удобрения; Путем подкупа дельцы избегают контроля; В виде опыта подписка проводится по новой системе).

Как видно, семантическая классификация детерминирующих обстоятельств очень приближительна и зыбка. По-видимому, она не может быть иной: чем более четкой, точной — а значит и дробной — мы будем стремиться ее представить, тем дальше мы будем уходить в лексику.

IV. Прежде всего встает вопрос, почему все описанные выше распространители предложения являются формами, относящимися к предложению в целом, и не могут быть рассмотрены как падежи непосредственно зависящие от предиката, т. е. как компоненты глагольно-именных словосочетаний с нерегулярным управлением.

В предложении, распространяемом детерминирующим членом, глагол может быть и его может не быть. В тех случаях, когда глагол присутствует, есть возможность усмотреть формальную и смысловую зависимость детерминанта не от предложения в целом, а от глагола (ср.: *Под Орлом я узнал эту историю; Решающие победы в развитии науки мы одержали именно в это десятилетие* и под.); так обычно и делается в огромном большинстве описаний временных, пространственных и т. п. словосочетаний. Во-первых, самым общим и, может быть, формально наименее убедительным аргументом против понимания детерминанта как формы, связанной только с глаголом и им управляемой, может служить его место в предложении: как правило, детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство находится в начале предложения, реже — в конце и в середине предложения — непосредственно после подлежащего; ср.: *В финале московский*

«Спартак» встретился с воскресенским «Химиком» — Московский «Спартак» в финале встретился с воскресенским «Химиком» — Московский «Спартак» встретился с воскресенским «Химиком» только в финале. Можно привести многие десятки примеров, иллюстрирующих именно начальную позицию детерминанта как норму. При этом случаи расположения детерминирующего члена в абсолютном начале предложения составляют подавляющее большинство. Следовательно, с уверенностью можно констатировать отсутствие тяготения распространителей предложения к глаголу и, напротив, явное тяготение их к началу предложения, с которым в целом они соединяются свободной присоединительной связью. Против этого тезиса может быть выдвинуто то возражение, что и в словосочетаниях даже с обязательной связью в структуре предложения зависимое имя не обязательно находится непосредственно при глаголе и путем вынесения в начало или в конец предложения может быть от глагола отделено, ср.: *учить детей, натерпелся страху и Детей нужно учить, Страху мы натерпелись влесуили: Учить нужно детей; Натерпелись мы влесу страху.* Однако в этих случаях дистантное расположение сильноуправляемого имени и глагола обязательно связано с особыми задачами актуализации, а при отсутствии таких задач общеязыковой нормой является включение в предложение словосочетания с контактным расположением компонентов: *Влесумы натерпелись страху; Нужно учить детей.* Если обратиться к позиции детерминантов, то обнаружится, что в отличие от рассмотренных случаев, передвижение их в составе предложения не связано с задачами актуализации (такую актуализацию можно усмотреть лишь в некоторых случаях расположения детерминирующего члена в конце предложения, о чем см. ниже).

Слабая изученность собственно грамматических норм словорасположения и зыбкость критериев того, что называется «актуальным членением» не позволяют оперировать данными порядка слов как строго доказательными аргументами в пользу того тезиса, что те падежные формы, которые мы называем детерминантами, не являются компонентами глагольно-именных словосочетаний со слабым управлением. Однако здесь могут иметь значение некоторые дополнительные аргументы.

Во-первых, далеко не все детерминирующие члены, находящиеся в начале предложения, свободно передвигаются внутри его структуры: иногда такое передвижение влечет за собой изменение самого характера связи и, следовательно, невозможно. Таковы случаи, когда детерминант, будучи перенесен из начала в конец предложения, оказывается в непосредственном соседстве с существительным, с которым он как бы автоматически, самим фактом контактирования, устанавливает синтаксическую связь, ср.: *Между друзьями начался крупный разговор — Начался крупный разговор между друзьями; При автопрокате — Создаются общественные советы — Создаются общественные советы при автопрокате; На Западе раздаются призывы перейти в наступление в битве идей — Раздаются призывы перейти в наступление в битве идей на Западе; В летние месяцы количество желающих во много раз превышает возможности пансионата — Количество желающих во много раз превышает возможности пан-*

сионата в летние месяцы. Изменение функций словоформ, связанное с перестановками, может быть ярко проиллюстрировано на примере некоторых безглагольных именных предложений с детерминирующими обстоятельствами места, времени и некот. др.: будучи перенесены в конец предложения, эти детерминирующие члены становятся сказуемыми, и все предложение превращается в двусоставное, ср.: *В каких-нибудь двух шагах — озеро* и *Озеро — в каких-нибудь двух шагах; Через двадцать минут — австралийская станция Моусон* и *Австралийская станция Моусон — через двадцать минут.*

Во-вторых, возможность перемещения детерминанта из начала в конец предложения в ряде случаев является мнимой, так как тот или иной словопорядок строго связан с одной из двух форм речи — разговорной или письменной. Так, для письменной речи нормой является позиция детерминанта в начале предложения в конструкциях типа: *Однажды к нам за кулисы пришли иностранные журналисты; Сейчас завершена реконструкция цехов; Тут нам знакомы все стороны вопроса; Здесь требуется исключительно высокая точность; Теперь лето.* Постановка детерминирующего обстоятельства в конце предложения здесь возможна, но только в разговорной речи. Ср.: *В связи с этим не полностью используются рабочие — Не полностью используются рабочие в связи с этим; У руководителей не было иного выхода — Не было иного выхода у руководителей.* В глагольных предложениях со значением собственно бытия, становления действует противоположная норма: в письменной речи детерминант ставится в конце предложения, в разговорной — в начале, ср.: *Это было давно* и *Давно это было; Это случилось в скверике перед цирком* и *В скверике перед цирком это случилось.* Отклонения от такого словопорядка, естественно, не исключены.

Итак, существуют определенные, довольно простые правила расположения детерминантов в предложении. Эти правила не совпадают с правилами расположения в структуре предложения именных компонентов глагольных словосочетаний со слабым управлением.

V. Общеизвестно, что в словосочетаниях с необязательной связью (нерегулярное, или слабое управление) возможности сочетания тех или иных глаголов с разными падежными формами значительно шире и свободнее, чем в словосочетаниях с обязательной связью (регулярное управление). Именно поэтому представляется очень неопределенной задача классификации слабоуправляющих глаголов на основе их дистрибуции (см. [Dimitrescu 1963]). Несомненно в то же время, что эта свобода не безгранична, и глаголы, сочетающиеся с теми или иными падежными формами (при их определенном лексическом наполнении), объединяются в некие семантические группы — иногда широкие, а иногда, напротив, очень узкие. Объективно такая семантическая группировка должна идти не от собственно глагола, а от характера его зависимого компонента. Так в приводимом ниже примере о группах *в первом действии*, *во втором действии* можно сказать, что для них специфична связь с глаголами, обозначающими театральное действие, игру: *выступать, играть, петь, танцевать* и т. п. Объективным критерием системности такой связи (т. е. связи слова со словоформой) здесь служит наличие словосочета-

ний с соответствующим отглагольным именем: *игра в первом действии, выступление во втором действии* и под. Поэтому прикрепленность данной предложно-падежной группы к глаголам иной семантики в структуре предложения является сомнительной; ср.: «*В первом действии* плательщица бледнеет и краснеет. *Во втором* — закрыв лицо руками, бегают по этажам в поисках недостающей трешницы. *В третьем* платит» (газ.). Отсутствие в языке словосочетаний *бледнеть в первом действии, бежать во втором действии, платить в третьем действии* подтверждается не только невхождением образующих их глаголов в ту семантическую группу, которая системно сочетается с данным предложно-именным компонентом, но и отсутствием таких словосочетаний с именем, словообразовательно соотносительным с глаголом. Поэтому можно утверждать, что в приведенном примере вынесенные в начало предложно-падежные группы *в первом действии, во втором действии* и т. д. распространяют предложения в целом, являясь их детерминирующими обстоятельствами. Можно возразить, что соединения *беготня в третьем действии, бледность в первом действии* не исключены. Но здесь встает вопрос о соотношении словосочетаний, системно существующих в языке, и соединений, которые могут быть построены по их образцу в определенных речевых условиях. Этот вопрос — сам по себе очень важный — совершенно не изучен и не может рассматриваться в настоящей статье.

Другой пример. С семантикой прилагательных *знакомый, интересный* связано построение адекативных словосочетаний *знакомый с чем, с кем, кому, для кого; интересный чем, кому, для кого* и, с другой стороны, *хорошо, близко знакомый; очень, весьма интересный*. Соединение этих прилагательных с наречием места никак не опирается на их семантику, и поэтому в системе языка нет словосочетаний «знакомый тут», «интересный там». Поэтому следует признать, что в предложениях: «Правительству уже много лет приходится иметь дело с новым оружием, *тут нам знакомы все стороны вопроса*» или «Интересные приемы оформления показали южане. *Там* очень интересны небольшие альпинарии» — наречия *тут, там* не входят в словосочетания *знакомый тут, интересный там*, а являются детерминирующими обстоятельствами, относящимися к предложению в целом.

Дополнительным показателем несвязанности падежной формы с глаголом может служить соединение этой формы, начинающей собою предложение, с частицей, например: *Еще в райцентре ему рассказали о делах в деревне*. Помимо тех соображений, которые были высказаны выше об отсутствии словосочетаний типа *бледнеть в первом действии* и которые могут быть отнесены и к соединению *рассказать в райцентре* (ср. словосочетания *жить, работать, встретиться* и т. п. *в райцентре*), аргументом в пользу самостоятельной функции предложной группы может служить тот факт, что вхождение модальных частиц в структуру словосочетания исключено. Это положение распространяется и на те случаи, когда входящий в предложение глагол по своей семантике может управлять данной предложно-падежной формой, например: «*Только в Иркутске* работают в этих организациях тридцать тысяч горожан».

Особенно показательны случаи, когда в предложении не могут быть установлены даже формальные связи между глаголом и детерминантом, например: *Мно-*

го века человек был привязан к земле или При всех его достоинствах он мне не нравится (очевидная невозможность — формальная или смысловая — конструирования словосочетаний *привязать (кого к чему) много веков* или *нравиться при всех достоинствах*). Нагляден такой эксперимент в случаях так называемой вводности, когда она синтаксически ничем не отличается от других типов распространителей предложения и может рассматриваться как один из видов детерминирующих обстоятельств: *По подсчетам астрономов, в солнечной системе наблюдается около 40 миллионов комет; По предварительным сведениям, завод выполнил план на 100 %* (невозможно конструирование сочетаний *наблюдаться по подсчетам астрономов, выполнить план по предварительным сведениям*).

В отдельных случаях установлению связей мешает видимое нарушение грамматической связи между предложно-падежной группой и глаголом, например: «*В воде опрокинулись освещенные оранжевым солнцем далекие вершины*»; «*В Москву ожидается приезд команд США и Финляндии*». Однако никакого нарушения нормы здесь в действительности нет, так как нет непосредственной связи между глаголом и предложно-падежной группой¹².

Выше упоминалось, что одним из способов установления синтаксической независимости детерминанта от наличествующего в предложении глагола может служить нетрансформируемость такого соединения в словообразовательно соотносительное с ним именное словосочетание. Этот рабочий прием в данном случае может оказаться очень действенным. Так, если взять ряд предложений: *По существу он губит новое дело; Узнав о пустующем детском саде, я возобновила беседы по новому кругу; По нашей квалификации мы с тобой вместе скоро останемся без работы; В районе одни говорят, что нужны черные пары, а другие заявляют — нет; Солдатом он начал тянуть телефонный провод от Волги до Берлина* — и попытаться доказать, что группы: *губить (дело) по существу, возобновить (беседы) по новому кругу, останемся без работы по нашей квалификации, говорить в районе, тянуть (провод) солдатом* являются глагольно-именными словосочетаниями, то опровержением этого утверждения послужит невозможность трансформации таких соединений в именные словосочетания со словообразовательно соотносительным стержневым словом. Ср. свободную трансформацию словосочетаний: *возражать по существу — возражение по существу; ходить по кругу — хождение по кругу; работать по квалификации — работа по квалификации; жить в районе — жизнь в районе; служить солдатом — служба солдатом*.

Другой способ проверки трансформируемостью заключается в следующем. Словосочетания с необязательной связью в системе языка часто входят в более или менее развернутый ряд соотносительных с ними по значению словосочетаний с тем же глаголом, но с другой формой зависимого компонента, например: *действовать вместе с кем — совместно с кем; идти по улице — идти улицей — идти вдоль улицы* и под. Детерминирующие члены не трансформируются в синонимическую конструкцию. Так, словосочетания *стоять за окном — стоять под окном* —

¹² Ср. аналогичную видимость нарушения связи при выражении долженствования в случаях типа: *Наделают ошибок, а мне отвечать*.

стоять у окна образуют соотносительный ряд, и именные компоненты в них при определенных условиях могут взаимозаменяться; в предложении *За окном стемнело* предложно-падежная группа не заменяется ни одной из соотносительных групп. То же в предложении: *По всему лесу растет трава* (ср. словосочетания *идти по лесу* и *идти лесом* и невозможность конструкции «Лесом растет трава»). Аналогичная нетрансформируемость обнаруживается и в безглагольных предложениях, например: *Мои заботы ничто рядом с заботами радиста*; ср. невозможность построения: «Мои заботы ничто около (вблизи и т. п.) забот радиста».

Наконец, третий способ проверки может быть применен по отношению к детерминантам, трансформируемым в конструкции, находящиеся на уровне не словосочетания, а предложения. Практически это — функционально и семантически не всегда достаточно близкие соотношения, то, что неопределенно называется «синтаксической синонимикой». Однако соответствующие подстановки, применяемые как подсобный прием, могут быть одним из показателей особой синтаксической природы детерминантов в отличие от компонентов словосочетания. Так, детерминирующая словоформа — косвенный падеж со значением субъекта: *с кем, кому, между кем, у кого, для кого* может трансформироваться в подлежащее (*С женщиной обморок — Женщина в обмороке; Для Анатолия чужды интересы коллектива — Анатолий чужд интересам коллектива; Мне весь этот процесс мыслится несколько иначе — Я весь этот процесс мыслю несколько иначе; Между отцом и сыном идет крупный разговор — Отец и сын крупно разговаривают; У конструкторов приготовлена документация — Конструкторы приготовили документацию*). Аналогична трансформация детерминирующей словоформы в безглагольном предложении: *В стремлении к большой работе нет ничего предосудительного — Стремление к большой работе не предосудительно*. Детерминирующее обстоятельство в форме творительного беспредложного с временным значением трансформируется в деепричастную группу (*Малышом он мечтал о самолетах — Будучи малышом...; Сталеваром будешь получать хорошую зарплату — Работа я сталеваром...*). Характерно соседство твор. падежа и деепричастного оборота как равнозначных детерминирующих членов: «*Подрастком, юношей, работая на Украине, он запечатлел на пленку стройку Харьковского тракторного, ДнепроГЭСа, труд донецких горняков*». В деепричастную группу могут трансформироваться также и детерминирующие обстоятельства с причинным значением — в форме твор. падежа с предлогом *за* и род. падежом (*За недостатком времени не пошел на концерт — Не имея времени...*), со значением несоответствия — в форме вин. падежа с предлогом *в* и род. падежом (*В нарушение всех юридических норм, судья вынес оправдательный приговор — Нарушая все юридические нормы...*). Детерминирующая форма *у кого* может трансформироваться в творительный деятеля (*У этого писателя опубликован сборник рассказов — Этим писателем опубликован...*).

Итак, проверка на трансформируемость — там, где она применима, — показывает, что внешне возможное соединение глагола с предложно-падежной формой в составе предложения не является словосочетанием: 1) если невозможна

трансформация такого соединения в именное словосочетание со словообразовательно соотносительным стержневым словом; 2) если невозможна замена детерминирующего члена равнозначной или соотносительной предложно-падежной группой, отвлеченной, так же, как и детерминант, от одного из словосочетаний синонимического ряда; 3) если детерминант трансформируется в конструкцию уровня предложения.

VI. Глаголы отвлеченной семантики, обозначающие бытие, наличие, появление, обнаружение, переход из одного состояния в другое: *быть, бывать, иметься, наличествовать, находиться, происходить, состояться, являться, появляться, становиться, оставаться, исполняться, получаться, начинаться, оказываться, делаться, создаваться, выступать, выявляться, возникать, представлять, представляться, замечаться, производиться, выглядеть* и другие относящиеся сюда по общему отвлеченному значению глаголы в силу своей семантики не требуют указания на конкретные условия проявления процессуального признака. В предложениях с такими глаголами особенно наглядно выявляется отсутствие непосредственной синтаксической связи между глаголом и детерминантом. Вот многие из возможных примеров: *С возрастом передвижение становится труднее; Действие комедии начинается на вокзале; В Закарпатье сохранится теплая погода; Ни в лице его, ни в голосе не было раскаяния; 30-го будет ревизия; Начиная с субботы, на стройку доставляются горячие обеды; Уже с первых кадров герой предстает перед зрителями в ореоле особой значительности; И в будни и в негостеприимной такой город будет выглядеть празднично; Целыми днями ребята пропадали в спортзале; Минутами на него находила слабость; Ежедневно проводятся короткие летучки; За отличной одеждой не сразу замечаются недостатки его фигуры; Сравнение получается весьма показательным даже по данным газеты; С девяти утра до пяти вечера, за исключением выходных дней, этот домовладелец являет собой как бы образ передового служащего; Впервые в истории космических исследований на борту корабля находилась женщина; Поздним вечером завершились старты скороходов; С целью урегулирования конфликта состоится совещание глав правительств.*

Самостоятельность детерминанта в предложениях с такими глаголами устанавливается двумя сериями преобразований.

1. Предложения со значением собственно бытия, наличия при синтаксическом значении настоящего времени трансформируются в предложения безглагольные: *В Закарпатье теплая погода; С девяти утра до пяти вечера за исключением выходных дней, этот домовладелец — как бы образ передового служащего; 30-го ревизия; В его лице и голосе — раскаяние* и т. д. Такие преобразования убеждают в том, что детерминант и в соответствующих глагольных предложениях опирается не на глагол, а на предложение в целом.

2. В предложениях с такими глаголами исключены преобразования в именное словосочетание с существительным, словообразовательно соотносительное с глаголом, например: *В Грузии вчера шел снег* (ср. глагольное словосочетание *жил в Грузии*, трансформирующееся в именное *жизнь в Грузии* и отсутствие такого соотношения для группы *шел в Грузии*); *В парке выросла ледяная горка* (ср. слово-

сочетания гулять в парке — прогулка в парке); *В багровых отблесках огня кузнец казался великаном* (ср. словосочетания *сиять в отблесках огня — сияние в отблесках огня*); *При переполненных трибунах проходили встречи футбольного чемпионата* (ср. словосочетания *выступать при переполненных трибунах — выступление при переполненных трибунах*) и т. д. Это доказывает, что группы «шел в Грузии», «выросла в парке», «казался в отблесках огня», «проходили при переполненных трибунах» являются мнимыми синтаксическими образованиями.

Нетрансформируемость в именные словосочетания обнаруживается также в предложениях со значением возможности, необходимости, долженствования — с глаголами или прилагательными соответствующих модальных значений или с включающими их сочетаниями. Ср.: *По смерти отца все имущество должно перейти к сыну*; *В преддверии нового учебного года хочется сказать о том, что мешает работе*; *В создавшихся условиях нам разумнее не узнавать друг друга*; *Здесь нельзя уповать только на эпизодические проверки*; *В оставшиеся часы нам предстояло разобраться во всем этом хаосе событий*; *Ценой огромных усилий команде удалось сравнять счет*.

Из сказанного ясно, что чем абстрактнее, отвлеченнее значение предиката, тем меньше оснований привязывать к нему детерминирующий член предложения.

VII. Вопрос о зависимости или независимости детерминанта от глагола не возникает во всех случаях его присоединения к предикативной основе безглагольного предложения — односоставного или двусоставного. Это — конструкции, бесспорно доказывающие отнесенность детерминанта к предложению в целом. Важно подчеркнуть, что возможности распространения детерминантом у безглагольного предложения те же, что и у предложения глагольного: и те и другие «принимают» все перечисленные в разделе III виды детерминирующих членов предложения. Вот некоторые примеры. Односоставные предложения: *С кадрами неблагополучно*; *С чистописанием неудача*; *Сейчас в дирекции уже другие разговоры*; *В комнате душно*; *Из-за отсутствия помещения нет возможности работать*; *Он ничему не верит, отсюда и этот раздраженный тон*; *На уме у него только выгода*; *Кругом полно знакомых, Ленинградскому эксперименту около пяти лет*; *У ребят радость*; *Проектировщиков на шахте нет*. Двусоставные предложения: *Теперь он уже не тихий служащий, а хозяин доходного дома со всеми вытекающими для постояльцев неприятностями*; *Для миллионов пар регистрация брака — не канцелярская бумажка; Он тебе никто*; *До седьмого класса мать ей и помощница, и авторитет*.

Появление в таких предложениях связочного глагола (*быть, стать, являться, казаться* и т. д., а также *не было* в соответствии с *нет*) или глагола со значением наличия, существования (*У библиотеки сейчас уже две тысячи читателей* — *У библиотеки и сейчас уже есть две тысячи читателей*) не влияет на отношение детерминанта к их предикативной основе в целом и не меняет этого отношения.

VIII. Несколько детерминантов (обычно — два, реже — три и более) в предложении могут объединяться в детерминирующие группы. Чаще всего объединяются два детерминирующих обстоятельства со значением места или места и времени, а также два детерминирующих обстоятельства со значением вре-

мени. Однако в принципе ограничений в формировании таких групп нет, за исключением невозможности объединения друг с другом некоторых видов детерминирующих объектных форм с субъектным значением¹³.

При условии контактного расположения членов такой группы место ее в предложении определено более строго, чем место одиночного детерминанта: такая группа или начинает собою предложение, или — реже — замыкает его: *Год назад в газетах сообщалось о недостатках в работе Новосибирского комбината; Все переменилось в нашей стране за последние годы*. Позиция группы в середине предложения (после подлежащего) в письменной речи фиксируется редко (*Командир теперь, в трудных условиях, по-новому оценил своих бойцов*). Перестановка такой группы из начала в конец предложения не знает тех ограничений, которые могут действовать по отношению к одиночному распространителю: оказываясь в непосредственном соседстве, — два детерминирующих члена не тяготеют к непосредственно предшествующему слову, — за исключением тех случаев, когда они оказываются лишь внешне объединенными друг с другом (см. ниже, тип 1); такие детерминанты формируют независимую синтаксическую группу, члены которой соединяются своими собственными отношениями. Эта спаянность членов детерминирующей группы новыми отношениями, появляющимися в результате и при условии непосредственного их контактирования и семантической соединимости, превращает такую группу в особую категорию, принадлежащую только предложению.

Рассмотрим кратко основные типы детерминирующих групп с точки зрения характера отношений между их членами. Таких типов три.

1. Два (реже — более) детерминанта, оказываясь рядом, не уточняют друг друга, а относятся каждый самостоятельно к предложению в целом. Соединительное отношение между ними внешнее, случайное; оно устанавливается только благодаря их непосредственному соседству и не является синтаксической связью. Например: *13 января при сильном шторме в Кадисском заливе погиб рудовоз «Умань»; Сегодня в Москве и Московской области ожидается облачная погода; По распоряжению начальника с июня по сентябрь все работы были приостановлены; Вечерком со споротыми погонами поручик заскочил проститься с невестой (Леонов); Внешне у них много общего; Всю зиму по ночам через открытые форточки слышалась стрельба; Теперь руками бывших гидростроителей в Жигулях создается новый промышленный центр*. Такая группа, внутренне никак не спаянная, легко распадается. Поэтому для этого типа соединений — и только для него — возможна неконтактность детерминантов. Показательна свобода передвижения, объединения и разъединения таких детерминантов; ср.: *И в мирное время*

¹³ При возможных соединениях типа *У нас между ребятами идет спор; У дочери с арифметикой неладится; Для специалиста с этими чертежами не может быть никаких трудностей; У учителей по отношению к этому ученику выработался неправильный подход* и др., ограничены возможности соединения детерминирующих словоформ с объектно-субъектным значением, строящихся по типу *кому и между кем, с кем и между кем* и некот. др. Этот вопрос требует специального исследования.

есть место подвигу — Подвигу есть место и в мирное время — Подвигу и в мирное время есть место — Есть подвигу место и в мирное время и т. д.

2. Два детерминанта находятся друг с другом в определительных отношениях: первый определяется, уточняется вторым. Общность семантики для них обязательна. Это — синтаксическая группа, так как соединение ее членов мотивировано, между ними есть внутренняя связь, отношение. По своему интонационному рисунку эти соединения резко отличаются от соединений первого типа: для них характерно подчеркнутое интонационное расчленение. Дистантное положение для членов такой группы в письменной речи практически исключено. Например: *Здесь, на Марухском перевале, тишина очень молода; В Одессе, в Филатовской клинике девочку трижды оперировали; На вокзале, у поезда начинается действие комедии; Скоро, с первым льдом поднимутся перелетные утки; Однажды, дождливым вечером, я «голосовал» у шоссе; По утрам, до завтрака пионеры строились на линейку.*

Этот тип соединения может стать основой для пересечения в одном детерминирующем члене двух разных значений — явление, возможное только под влиянием контекстных связей. В основном это случаи «отражения» временного значения первого члена во втором, имеющем значение места: *Девочкой, у себя на родине она тоже обожала школьные походы; Это было еще тогда, в родном городе.* Возможно также семантическое взаимодействие детерминирующих членов со значениями временным и условным: *Теперь, согласно новому закону эта категория рабочих пользуется особыми льготами; Можем ли мы сейчас, в преддверии перемен не думать о будущем?* Именно для соединения этого типа в современной речи характерно подчеркнутое интонационное членение, связанное с задачами актуализации: *Это было давно, в ее родном городе; Команда прибыла в город лишь на рассвете вчерашнего дня, за двенадцать часов до матча Канада — СССР!*

В качестве определяющего члена в синтаксических группах описываемого типа могут выступать придаточные предложения с *когда, где*: *Там, на берегу, когда на землю опустится роса, остро и горько пахнет степная полынь; В одном из самых очаровательных мест Цейлона, у озера Паракрама, где прохаживаются розовые фламинго и пятнистые лани, мы увидели высеченное на камне изречение цейлонского философа.* Предложения с союзными словами синтаксически здесь ведут себя так же, как отдельное слово или предложно-падежное сочетание, и являются таким же детерминирующим членом, как и словоформы, в окружении которых они выступают.

3. Третий тип составляют группы, члены которых — их всегда два, — объединенные определительными отношениями, интонационно сливаются и утрачивают раздельность. Это — детерминирующие обстоятельства со значением места или времени: *однажды ночью, в прошлом году летом, в небе над Москвой, у нас в институте и т. п.* Для этих групп исключена распространенность, это всегда простое соединение двух предложно-падежных форм или предложно-падежной формы и наречия. Например: *Было это в 1935 году летом; К утру 2-го мая мы*

вышли к окраине села; У нас в Ленинграде сейчас белые ночи; Приказ лежит у директора на столе.

В конкретных речевых ситуациях основные типы детерминирующих групп могут комбинироваться. Однако эти комбинации не формируют новых типов объединений, а представляют собой лишь по-разному сгруппированные сочетания основных типов детерминирующих групп.

Есть два подхода к анализу распространения простого предложения: можно делить его на какие-то части («члены предложения») в соответствии с заранее принятыми правилами и можно изучать, как предложение распространяется в действительности. В этом последнем случае обнаруживается, что в распространении простого предложения участвуют единицы двух разных уровней: во-первых, словосочетания как единицы, построенные по собственным синтаксическим образцам, и, во-вторых, объединения словоформ и отдельные словоформы как готовые распространители предложения в целом. Словосочетания могут или включаться в предложение целиком или видоизменяться в нем в зависимости от многих факторов коммуникативного характера. Объединения словоформ, свойственные только распространению предложения, могут внешне опираться на форму словосочетания (отличаясь от нее категориальным наполнением и характером отношений) и могут не опираться на эту форму. Детерминанты, рассмотренные в настоящей статье, — принадлежность собственно предложения: они могут опираться на форму одного из компонентов словосочетания, но не являются таким компонентом: у них свои, внешне никак не оформленные связи с предложением, свои возможности комбинирования и объединения друг с другом.

1964 г.

СУЩЕСТВУЮТ ЛИ ВСЕ-ТАКИ ДЕТЕРМИНАНТЫ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНЫЕ РАСПРОСТРАНИТЕЛИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ?

В нашей статье, опубликованной в 1964 г., развивалась высказывавшаяся ранее в общем виде в работах де Гроота, Е. Куриловича, В. Виноградова и некоторых других ученых мысль о том, что структурная основа простого предложения в целом может быть распространена определяющим членом с обстоятельственным или объектным значением, причем этот компонент (детерминант) не связан подчинительной связью ни с каким определенным словом в составе предложения.

Сам тезис о правомерности выделения детерминантов как особой синтаксической категории, а также те критерии, на основании которых они выделяются и отграничиваются от связей, предопределенных валентностью отдельного слова, вызвали ряд сомнений и возражений и продолжают обсуждаться (см.: [Кржижкова 1967а; Дискуссия о книге... 1967; Котелова 1967]). Поэтому кажется необходимым еще раз вернуться к этому вопросу, так как признание или непризнание обосно-

ванности выделения детерминантов имеет существенное значение для решения многих вопросов, касающихся как границ структурной схемы простого предложения и правил ее распространения, так и общей теории синтаксиса слова и словоформы.

Основные возражения сводятся к следующим четырем пунктам.

1. В статье о детерминантах неправомерно объединены распространяющие члены с обстоятельственным и объектным значением; по своей природе это совершенно разные явления, так как обстоятельственный распространитель так или иначе всегда тяготеет к собственно слову, а то, что названо объектным распространителем, нередко связано с самой «структурой оборота», т. е. входит в структурную схему предложения, которая без него не существует (например: *Мне больно, Ему неидется, С ней обморок* и под.). Если даже в принципе согласиться с возможностью выделения детерминантов (в первую очередь, по-видимому, обстоятельственных) как самостоятельных распространителей предложения, то границы между ними и слабоуправляемыми формами оказываются настолько зыбкими и неустойчивыми, что установить строгие критерии для разграничения тех и других практически невозможно: любой из приводимых в статье детерминантов может трактоваться как член словосочетания, возникшего на основе слабой связи: слабого управления или примыкания (у падежей с наречной функцией — так называемого именного примыкания).

2. В современном русском языке нет предложений без глагольного ядра; все случаи его отсутствия — это явления или собственно опущения глагола или «инкорпорирования» глагольного предложения в какую-либо «поверхностную структуру». Словоформы, рассмотренные в статье о детерминантах под углом зрения распространения предложения в целом на деле являются распространителями зримо или незримо присутствующего глагола, реализуют его валентность, его сильные или слабые связи. Поэтому в случаях, когда глагол в предложении отсутствует и соответствующая «привязка» к нему той или иной словоформы внешне не может быть осуществлена (например, *В доме тишина, В Закарпатье теплая погода*), реализуется та же глагольная связь, что и в предложениях *В доме была тишина* или *В Закарпатье наступила теплая погода*.

3. Положение о том, что нормальной, т. е. наиболее частотной, логически неакцентированной и стилистически нейтральной синтаксической позицией детерминанта является позиция в начале предложения (в абсолютном начале или непосредственно при одном из компонентов структурной основы предложения), не может считаться корректным, так как, с одной стороны, позиция детерминанта в начале предложения во многих случаях связана с задачами актуального членения предложения, а с другой стороны, в статье есть примеры, где детерминант находится в середине или в конце предложения.

4. Одним из аргументов в пользу существования детерминантов и отграничения их от распространителей собственно глагола является тезис о несистемности связей типа *бледнеть в первом действии* (ср. детерминант: *В первом действии плательщица бледнеет и краснеет*), *рассказать в райцентре* (ср. детерминант: *В райцентре ему рассказали о делах в деревне*); утверждается, что соответственно в языке

отсутствуют системные соотношения словосочетаний типа *бледнеть в первом действии — бледность в первом действии, рассказать в райцентре — рассказ в райцентре*. Этот тезис ошибочен, так как, во-первых, непонятно, что имеется в виду под системностью / несистемностью связей, во-вторых, именно словосочетание в подобных случаях часто не может быть образовано по причинам не синтаксического, а словообразовательного характера.

Таковы представленные в самом обобщенном виде возражения против выделения детерминатов как синтаксической категории строя предложения, т. е. уровня, принципиально отличающегося от валентности слова. Следует заметить, что в наиболее «радикальном» виде отрицание детерминатов представлено в статье Н. Котеловой; кажется, что она вообще склонна все явления соответствующего уровня относить к разным видам реализации собственно словесных связей. В работах Е. Кржижковой можно найти высказывания в поддержку существования детерминатив; однако она считает, что при «тонком анализе» многое из того, что в нашей статье рассматривается на уровне распространения предложения, должно вернуться в лоно глагольной валентности, а на долю распространителей предложения останется лишь небольшое количество действительно бесспорных случаев.

К сожалению, а может быть и к счастью, современное состояние синтаксической науки таково, что мы не можем говорить о существовании в ней как общепризнанных, само собою разумеющихся вещей даже о самых элементарных и в то же время самых основополагающих, кардинальных понятиях. Несмотря на большое количество интереснейших точек зрения, высказанных в самые последние годы, мы не можем, например, считать доказанным, что понятие структурной схемы предложения («предложения-модели») как «рядов символов, которые порождаются из одного S посредством правил экспансии на следующем уровне» [Кржижкова 1967а: 33], является единственно правильным, а все другие — неправильны; или, например, что теоретическая позиция, объявляющая *verbum finitum* обязательным и универсальным признаком современного славянского предложения¹, — истинна, а все другие — ложны; или что теория эллипсиса как общеязыковой категории, находящейся в ряду категорий, конституирующих предложение, — единственно верная теория, а все другие ошибочны, и т. д. Поэтому представляется мало конструктивной та критика, которая исходит из той или иной теории как из единственно правильной и, анализируя языковые факты с точки зрения этой теории, отвергает самую возможность любых других путей анализа как заведомо ложных. Это особенно настораживает тогда, когда реально принадлежащие языку структуры объявляются «поверхностными», а собственно грамматическими, «глубинными» признаются структуры, реконструируемые лингвистом на основе своей собственной теории — пусть стройной, но основанной на чисто умозрительных предпосылках.

На разных этапах развития лингвистической науки, вплоть до самого последнего времени, ни у кого из грамматистов не возникало сомнения в том, что объек-

¹ Вряд ли лингвист, берущийся за объяснение «сущности типов предложений в славянских языках», имеет право «оставлять в стороне» вопрос об именных предложениях, столь активных, например, в таком славянском языке, как русский (см.: [Грепль 1967]).

том ее изучения прежде всего должен служить сам язык как та реальность, которая дана исследователю и законы которой он должен познать и обобщить. Остываясь на этой, может быть, старомодной, но совершенно реалистической точке зрения, посмотрим же, что дает нам сам языковой материал для изучения простого предложения и способов его распространения.

Естественно, что нельзя рассуждать о распространителях предложения, не определив при этом, что понимается под структурной основой предложения, так же, как нельзя рассуждать о подчинительной связи слов, не определив, что это за связь и какова ее внутренняя природа. Нельзя также оперировать понятием словосочетания, не выяснив, на основе каких связей и на каком уровне «синтаксического здания» возникает и существует соответствующая единица. Точно так же, говоря об актуальном членении, т. е. о средствах варьирования функциональной перспективы предложения, нужно точно представлять себе, что же именно членится, т. е. как при актуальном членении меняется нормальный словопорядок и каким при этом оказывается реальное соотношение «неактуализированный словопорядок / актуализированный словопорядок». Наконец, говоря о системности или несистемности тех или иных связей, тоже нужно ясно определить, что при этом имеется в виду. Сразу же признаем, что в статье «Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения» не каждая из этих необходимых теоретических предпосылок была изложена достаточно четко.

Рассмотрим соответствующие вопросы по порядку тех пунктов возражений, которые были сформулированы выше.

1. В названной выше статье мы исходили из того, что синтаксис как наука имеет разные объекты, и, соответственно, существуют разные сферы синтаксических изучений. Существует синтаксис слова, синтаксис формы слова, синтаксис простого предложения — собственно схемы и ее распространения, — синтаксис сложного предложения (включая сюда и структурные единицы диалога) и синтаксис развернутого текста. У каждого из них — свои проблемы, и каждый имеет два аспекта — формальный и функциональный. Это не означает, конечно, что эти сферы никак не связаны друг с другом: эти связи очевидны и нерасторжимы.

К сфере синтаксиса слова относятся все явления дистрибуции, идущие от категориальных свойств слова, т. е. 1) от его значения как части речи, 2) от его частных грамматических значений и 3) от его принадлежности к определенному семантическому классу слов. Все словосочетания возникают в сфере синтаксиса слова — на основе такого распространения слова, которое предопределено его категориальными свойствами. Например, сильная связь *встретиться с кем-н.* предопределена категориальными свойствами управляющего слова: 1) его процессуальным значением (глагол), 2) его частным грамматическим значением (возвратность) и 3) его принадлежностью к семантической группе слов со значением взаимного действия. Другой пример. На основе слабой связи глагола *жить* со словоформой *в лесу* возникает словосочетание *жить в лесу*; эта связь предопределена категориальными свойствами глагола: его принадлежностью к классу слов с процессуальным значением и — внутри этого класса — к семантической группе

глаголов пребывания (действие второго «составляющего» — частных грамматических значений слова — в данном случае отсутствует). Любые связи на уровне синтаксиса слова опираются на категориальные свойства слова, предопределяющие характер связи.

К сфере синтаксиса формы слова относится все, что связано с синтаксическим поведением собственно форм слов, т. е. с их строевыми свойствами и системой функций. Известно, что синтаксические возможности формы слова чрезвычайно многообразны: она выступает в роли определителя слова и, следовательно, члена словосочетания; в роли обязательного компонента структурной схемы предложения; в роли распространителя предложения в целом; наконец, в роли позиционного эквивалента словосочетания в строе предложения или позиционного эквивалента предложения — в строе сложного текста. Так, например, словоформа *к чаю*, определяя слово *печенье*, участвует в формировании словосочетания (*печенье к чаю*); она может занимать место компонента схемы предложения (*Это печенье — к чаю*) или распространять предложение в целом (*К чаю предложили хорошее печенье*); в диалоге или в «сложном целом» эта же форма выступает как позиционный эквивалент предложения (*Зачем ты купил это печенье? — К чаю*; или: *Купил печенье. Еще вчера надо было. К чаю*).

Области синтаксиса простого предложения относятся, во-первых, организация его структурных схем, во-вторых, законы распространения этих схем: детерминация предложения в целом, правила функционирования словосочетания в предложении, возникновение специфических связей внутри предложения.

Проблема детерминантов непосредственно относится, во-первых, к синтаксису формы слова (словоформы), во-вторых, к синтаксису простого предложения (распространение его в целом). К синтаксису слова эта проблема не имеет отношения, так как детерминант не опирается на категориальные свойства какого-либо отдельного слова; в этом — специфика детерминантов как особой синтаксической категории уровня предложения. Именно поэтому в роли детерминантов выступают не только словоформы, но и так называемые «обороты» — деепричастные и сравнительные. Однако детерминант в большинстве случаев выражается падежной формой или наречием, и эта же форма может реализовать связь, идущую от слова; в этом — трудность разграничения детерминантов и совпадающих с ними по форме членов словосочетаний (ср.: *жить в лесу — Он живет в лесу* и: *В лесу надо особенно осторожно обращаться с озем; встретиться с приятелями — Он встретился с приятелями* и: *С такими приятелями недолго и о работе забыть*). В этих случаях критерием разграничения может явиться наличие или отсутствие в составе предложения слова, для которого связь с данной словоформой предопределена его категориальными свойствами (см. ниже о понятиях системности и несистемности связи).

2. В своем понимании структурной схемы (структурной основы) простого предложения мы исходим из определения ее как минимального ряда внутренних связанных словесных форм (возможно — и одной формы), предназначенного — в конкретном лексическом наполнении — для функционирования в качестве от-

носителем законченной единицы сообщения и имеющего свое собственное грамматическое значение (предикативность) и (в конкретном лексическом наполнении) свою систему форм (парадигму). Со стороны грамматического значения эта структура характеризуется обязательным присутствием синтаксической категории предикативности (значением реальности / ирреальности, объективирующимся в категориях синтаксического времени и синтаксического наклонения), а со стороны формальной — специальными грамматическими средствами, которые противопоставляют отдельные формы предложения по объективно-модальным значениям (см. об этом: [Шведова 1967]). Исходя из этого определения, структурной схемой, лежащей в основе предложения *С женщиной обморок*, так же, как и предложения *В городе духота*, признается собственно номинатив. Именно он как конкретная словоформа достаточен для того, чтобы стать образцом (моделью, схемой, формулой) для построения коммуникативных единиц, и именно он — уже не как член парадигмы слова, а как структурная схема предложения — обладает специальными грамматическими средствами для отнесения сообщения в определенный объективно-модальный и временной план (см. об этом там же). Вопрос о лексическом материале, способном заполнять ту или иную схему, требует особого рассмотрения. Лексико-семантическая характеристика слов, заполняющих компоненты схемы при ее конкретной реализации, должна найти отражение в формуле лишь в том случае, если здесь имеет место или ограниченность, или закрытость лексического наполнения. Хорошо известно, однако, что список слов, принимаемых схемой N_1 , не является закрытым. Если предложения определенного лексического наполнения (*Ночь. Тишина. Зима* и под., т. е. со словами, от самих значений которых абстрагируется экзистенциальность) обладают здесь наивысшей частотностью, то это вовсе не значит, что предложения, построенные по этому же образцу, но с другим — менее частотным лексическим наполнением (*Крик. Звонок. Обморок² или Лес. Деревня. Кусты* и под.), являются уже каким-то качественно иным синтаксическим образованием. Проверка и тех и других на «синтаксическое поведение» убеждает в идентичности их формальной организации и грамматических свойств. Поэтому в предложении *С женщиной обморок*, так же, как и в предложении *В городе духота*, предложно-падежная форма является *отчленяемым элементом*: она не входит в структурную схему предложения в качестве ее обязательного компонента, а лишь распространяет ее. Точно так же в предложении *Мне больно* дательный падеж является *отчленяемым элементом³*, так как структурная основа здесь — собственно предикатив (ср. *Холодно. Сыро. Непокойно* и под.), и распространитель в форме косвенного падежа регулярно появляется здесь лишь тогда, когда должен быть обозначен субъект состояния (*Мне больно*).

² См. у Грибоедова: [Ч в ц к и й] «Смятенье! обморок! поспешность! гнев! испуг!» Так можно только ощущать, Когда лишаешься единственного друга». Здесь перед нами — не «именительный представления», а собственно экзистенциальные номинативные предложения, сообщающие о том, что осуществляется в реальном плане, в действительности.

³ Ср. возможность здесь двух детерминантов в форме дательного беспредложного: *Мне ногам неудобно сидеть; Ему ушам холодно* (из разг. речи); *Отъехав с полверсты, мне стало холодно ногам* (Л. Толстой, Крейц. соната).

Ему тяжело, У меня на душе неспокойно); ср. аналогичную ситуацию в двусоставных предложениях: *Ему/для него в этом доме каждая минута тяжела; Мне/для меня это помещение мало; Тебе/для тебя не составит труда нам помочь*. Таким образом, косвенный падеж не входит в состав структурной основы односоставного предложения как такой компонент, с изъятием которого сама эта основа разрушается; наличие или отсутствие косвенного падежа не влияет и на общую систему временных и объективно-модальных показателей этой схемы.

Если исходить из понимания структурной схемы предложения как минимальной словесной формулы с присущей ей системой показателей временных и объективно-модальных значений, то придется признать не только правомерным, но и необходимым рассмотрение вопроса о возможностях распространения этой схемы, на первом этапе — в отвлечении от характера самого распространителя: *С женщиной обморок — У нее обморок — Сегодня опять обморок; Ему неспокойно — На душе неспокойно — Как-то неспокойно без писем; Мне больно — В груди больно — Из-за ожога все время больно*. Все выделенные словоформы — распространители структурной схемы предложения, и эта общая функция есть то, что их объединяет; дальнейшая же их дифференциация принадлежит следующим ступеням анализа.

3. В своем понимании структурной основы предложения мы исходим из той опирающейся на реальную языковую действительность предпосылки, что в современном русском языке существует целый ряд таких структурных схем предложения, в состав которых личная форма глагола не входит в качестве их обязательного компонента. Таковы, например, предложения, строящиеся по схеме $N_1 - N_1$ (*Отец — учитель*), $N_1 - N_{2,3}$ (*Отец на работе*), $N_1 - Adv$ (*Отец дома*)⁴, Adv_{quant} Gen (*Много работы*), N_1 (*Ночь. Обморок*) и ряд других. Грамматический ряд форм: *Отец — учитель — Отец был учителем — Отец будет учителем — Отец был бы учителем* или *Ночь — Была ночь — Будет ночь — Была бы ночь ...* показывает в исходной форме (синтаксическое настоящее время) нормальное отсутствие глагола. Нуль глагола не может рассматриваться как материальный грамматический центр, распространяемый зависимой от него словоформой. Формальное отсутствие глагола и эллиптированный глагол — далеко не одно и то же. Опущенное слово всегда может быть восстановлено на своем синтаксическом месте. Там, где возможность такого восстановления исключена (**Отец есть учитель, *Отец есть дома, *Отец есть на работе, *Есть ночь*), не может быть речи об эллипсисе. Отсутствие глагольного слова в этих схемах — их обязательный, собственно структурный признак, и поэтому ни о каких глагольных связях (**есть учитель* на основе *быть учителем*, **есть дома* на основе *быть дома*, **есть на работе* на основе *быть на работе*), т. е. о зависимости наречия или падежной формы имени от «подразумеваемого», «опущенного» глагола, здесь говорить нельзя. Это — очень большая натяжка, может быть и удобная для лингвиста, но не только не помогающая понять структуру такого предложения, но и затрудняющая ее понимание.

⁴ Вопрос о том, не составляют ли два последние вида одну формулу, может обсуждаться особо, однако в данном случае то или другое решение несущественно.

По тем же самым причинам нет основания искать «эллиптированный» или «инкорпорированный» глагол со значением 'произойти' в предложениях вроде: 1) *Наз здесь встретят*, 2) *На аэродроме полицейские проверили наши паспорта*, 3) *На дежурстве моего сменщика в машине полетела крестовина кардана* (см.: [Кржижкова 1967а: 39]). Утверждается, что здесь «инкорпорированы» предложения «Это произойдет здесь», «Это произошло на аэродроме», «Это произошло на дежурстве моего сменщика». Может быть, «объяснение Adv Loc посредством инкорпорации какого-либо предложения в позицию NP матрицевого предложения $N_1 - VFin - Adv Loc$ ($VFin = \text{'произойти'}$)» [Там же] и «выгодно» (sic!) [Там же] лингвисту (хотя в этой «выгодности» очень можно сомневаться), но к реально существующим языковым связям все это не имеет отношения. Естественнее и правильнее констатировать здесь построение предложения по определенной структурной схеме (односоставной или двусоставной) с дальнейшим распространением всего предложения детерминантом — локальным (*здесь, на аэродроме, в машине*) или темпоральным (*на дежурстве моего сменщика*).

4. В специальных исследованиях, касающихся актуального членения предложения, приемы и правила актуализации выводятся на основе изменения словопорядка, нейтрального по отношению к логическому акцентированию того или иного элемента в составе предложения. Если словопорядок *Рабочие строят дом* безразличен к соотношению темы и ремы высказывания (конечно, лишь при условии нормального неакцентирования подлежащего), то при актуализации возможен словопорядок: *Строят рабочие дом*, *Строят дом рабочие*, *Дом рабочие строят* и т. д. Актуализированный или, что то же самое, функционально измененный словопорядок не существует сам по себе; он выявляется только в противопоставлении «неактуализированный словопорядок — актуализированный словопорядок»⁵. Поэтому нельзя говорить об актуализации словопорядка, не показывая, как же при этом изменяется нормальное, неактуализированное словорасположение. Так, например, бессодержательно утверждение о «разрыве обязательной синтаксической связи» якобы при «модификациях на логико-грамматическом уровне» [Котелова 1967: 132—133] в предложениях вроде *Сыну исполнился год*, *На часах было начало одиннадцатого*, *В связи с этим не полностью используются рабочие*, *С ним не до шуток*, *У меня есть одна интересная идея* и др. под. Нужно сразу показать, какому нормальному, неактуализированному словопорядку противопоставлены эти построения. Есть ли основания утверждать, что нормальным здесь был бы словопорядок *Исполнился сыну год*, *Было на часах начало одиннадцатого*, *Не полностью используются в связи с этим рабочие* и т. д.? Конкретный языковой материал опровергает подобное утверждение; он показывает, например, что актуализация формы *у меня* равно отсутствует как в предложении *Есть у меня интересная идея*, так и в предложении *У меня есть интересная идея*⁶. Точно так же не имеет отношения к актуализации словопорядок в предложениях

⁵ В языке есть случаи внешне актуализируемого, но на самом деле регулярного словопорядка, вроде *Наступила ночь*, *Прошло лето*, *Дует ветер* и под., но это — особая проблема, касающаяся позиции в предложении бытийного глагола.

⁶ См. материалы в статье: [Mrázek 1962].

типа *Малышом он мечтал о самолетах, Сталеваром будешь получать хорошую зарплату*. Туманные рассуждения о каком-то специфическом логико-грамматическом аспекте предложений со «свернутым придаточным» [Котелова 1967: 135]⁷ практически не несут никакой позитивной информации: не доказывается, да и не может быть доказано, что, например, словопорядок вроде *Он мечтал малышом о самолетах, Будешь получать сталеваром до трехсот рублей* — нормален, а словопорядок с творительным падежом в абсолютном начале предложения — функционально значим. Фактор частотности в данном случае (как, впрочем, и в других) отражает реально действующую норму.

В соотношении «детерминант — весь остальной состав предложения» наиболее частотным и безразличным к логическим «манифестациям» является именно данное их соположение; в других случаях всегда очевидна тенденция помещения детерминанта ближе к началу предложения⁸. Тот факт, что в нашей статье о детерминантах распространитель (по тщательному подсчету рецензента!) в 29 случаях из 238 стоит в конце предложения, не опровергает общего положения: предложения с актуализированным или по другим причинам измененным словопорядком⁹ не исключались из иллюстративной части этой статьи.

Высказывались замечания, что во многих приведенных в статье предложениях детерминант, выраженный местоименным словом, является «данном» (темой); поэтому-то он как исходная часть и вынесен в начало предложения — перед ядром высказывания: далее следует «новое» (рема); например: *Шофер долго хлопает дверцей: в ней испорчен замок* [Котелова 1967: 133; Кржижкова 1967б: 80], или: *По отношению к нему мы допустили бестактность; Тут нам знакомы все стороны вопроса*. Но все подобные случаи не имеют отношения к актуальному члену предложения. Детерминант здесь во всех случаях занимает свое синтаксически нормальное место: оно нормально и для самого детерминанта как распространителя предложения и для местоименного слова, соединяющего части текста.

В связи со стремлением некоторых авторов во что бы то ни стало объяснить позицию детерминирующей словоформы в начале предложения требованиями актуализации, остановимся на одной продуктивной для современного русского языка конструкции. В разговорной речи, в малых газетных жанрах, в публицистике сейчас широко употребительны так называемые неопределенно-личные предложения с детерминирующим членом локального значения, соотносительным в то же время с субъектом действия: *На заводе поддержали новатора, В школе с этим парнем намучились, На пленуме обсудили важные вопросы, В*

⁷ В ход идут даже буслаевские, лишь словесно модернизированные приемы «разбора», — только бы так или иначе утвердить столь необходимый для автора-составителя словаря сочтается тезис о том, что словоформа якобы не может быть распространителем предложения.

⁸ Тезис Кржижковой о том, что «для некоторых разновидностей самостоятельных распространителей положение на первом месте совсем не характерно» [Кржижкова 1967б: 80], не иллюстрирован никакими конкретными примерами.

⁹ Изменение нормального места детерминанта очень часто вызывается актуализацией не самого детерминанта, а какого-либо другого члена предложения. Случаи такого «производного» изменения словорасположения совершенно не изучены.

колхозе начали сеять и под. Позиция детерминанта в начале предложения регулярна; это — неактуализированная позиция. Ср. при актуализации: *Новатора поддержали на заводе; С этим парнем намучились в школе* и т. д. Нормальное место в начале предложения для этих словоформ определяется и их системным соотношением с падежом субъекта: *Завод поддержал новатора, Пленум обсудил важные вопросы, Колхоз начал сеять, Школа с этим парнем намучилась*.

Таким образом, если считать грамматическим словопорядком для определенной конструкции не «глубинный» словопорядок, отвлекаемый от качественно совсем иных синтаксических образований, а тот, который на основе непосредственного изучения этих конструкций устанавливается для них как наиболее частотный и с точки зрения логических акцентов нейтральный, то для детерминантов нормальной позицией необходимо признать положение в начале предложения. Эта позиция нормальна для детерминанта вне зависимости от контекста. Контекст, ситуация, логические акценты, естественно, могут оказаться и оказываются фактором, изменяющим нормальное словорасположение. Вопросы эти пока изучены явно недостаточно, так же, как, по справедливому замечанию Е. Кржижковой, не изучены и комбинаторные возможности нескольких детерминантов в составе одного предложения.

5. В статье о детерминантах 1964 г. утверждается, что одним из существенных критериев для разграничения словоформ, распространяющих предложение в целом, и тех же словоформ, связанных подчинительной связью с каким-то определенным словом, является то, что внешняя привязка детерминанта к тому или другому слову в предложении, хотя грамматически и возможная, дает несистемную связь, в то время как связь, регулярно возникающая на уровне синтаксиса слова, является связью системной. Так, в предложении *В райцентре ему рассказали о делах в колхозе* связь *рассказать в райцентре* грамматически правильна, но несистемна, — в отличие, например, от связи *жить в райцентре* (*В райцентре живет мой хороший знакомый*), которая и грамматически правильна, и системна.

Что понимается под системностью и несистемностью связи? Подчинительные связи слов (точнее — слова и словоформы) возникают на уровне синтаксиса слова; в предложение эти связи проецируются через словосочетание. Ср.: *Я пишу длинное письмо своему другу*; вся «группа сказуемого» здесь отражает связи слов: глагола (*писать письмо другу*) и имен (*длинное письмо* и *свой друг*). Связи словоформ, возникающие в предложении (например, *Увидел его бегущего / бегущим; Скучно сидеть дома одному; Он весь дрожит, Она сидит грустная* и др.), не имеют отношения к синтаксису слова, предопределенному его категориальными свойствами. Одной из составляющих таких категориальных свойств является принадлежность к определенному лексико-семантическому классу. Так, например, глагол *жить* (в значении 'обитать') принадлежит к классу слов со значением пребывания; для этих глаголов их семантикой предсказана и потому регулярна, системна связь с локальным определителем (*жить в городе, на юге, у моря* и т. д.). Глагол *говорить* принадлежит к классу глаголов речи, для которых системна связь с падежом объекта (*говорить что о ком-чем / про кого-что / насчет кого-чего и говорить с кем — кому* и т. д.); локальный определитель для этого глагола возмо-

жён, но несистемен, так же, как несистемна объектная форма при глаголе *жить*. Глагол *бледнет* имеет своим категориальным свойством принадлежность к группе глаголов 'изменения состояния'; соответственно для него несистемна (хотя и не запрещена) связь с локальным определителем. Когда в одном из очерков В. Пескова мы читаем: «*В Чехословакии попросили двадцать тысяч пластинок с голосами птиц*», то формально конструируемая и грамматически правильная связь *попросить в Чехословакии* оказывается несистемной, так как семантикой глагола *просить* при нем не предсказан локальный определитель; предложно-падежная форма *в Чехословакии* выступает здесь как детерминант, распространяющий предложение в целом. В то же время слабая подчинительная связь «попросить + предложный падеж с локальным значением» грамматически правильна и в принципе возможна, ср., напр.: *Просил в городе, просил в деревне — нигде нет*; но эта грамматически правильная связь в данной своей конкретной реализации не является системной связью. Связь, несистемная для глагола, несистемна и для отглагольного существительного (само собою разумеется, в том случае, когда оно может быть образовано), ср.: *рассказать в городе — рассказ в городе, просить в Чехословакии — просьба в Чехословакии, (по)бледнет в первом действии — бледность (побледнение) в первом действии*.

Системный или несистемный характер связи может быть определен применительно не ко всем группам словоформ. Так, например, собственно темпоральная или казуальная связь по самому своему характеру является более свободной (т. е. регулярна для большего количества слов и их групп), чем связь локальная, и тем более объектная. Поэтому системность или несистемность связи, устанавливаемой между наличествующими в предложении глаголом и распространяющей словоформой, является лишь одним из критериев, которые должны приниматься во внимание при отграничении детерминантов от присловных управляемых или примыкающих словоформ. В связи со сказанным нужно подчеркнуть, что далеко не все управляемые и даже слабоуправляемые или примыкающие словоформы могут выступать в функции детерминанта.

На изложенное здесь понимание системности и несистемности связей опирается и тезис о вхождении или невхождении самостоятельных распространителей предложения в те или иные ряды функционально соотносительных форм слов.

Важно в то же время отметить, что хотя в предложениях вроде: *В городе живет мой хороший приятель, Сегодня к нам придут гости, Из-за тебя мы опоздаем в кино* и др. под. — и может быть установлена системная связь с глаголом (*жить в городе, прийти сегодня, опоздать из-за тебя*), сам по себе этот факт еще недостаточен для безусловного признания того, что открывающая предложение словоформа является вынесенным вперед членом соответствующего словосочетания. Вряд ли может здесь удовлетворить и тезис о «позиции неразличения». Комплекс всех других факторов, а именно: неактуализированная позиция в начале предложения, сохраняемость во всех формах предложения и в его регулярных реализациях (см. ниже) и в случаях неполной реализации схемы (например: *В городе — мой хороший приятель; Сегодня к нам гости*) — свидетельствует об отнесенности данной словоформы к предложению в целом. Поэтому при опреде-

лении детерминанта как распространителя предложения следует исходить из всего комплекса признаков, показывающих его специфический характер сравнительно со словоформой — распространителем слова.

6. В статье о детерминантах 1964 г. нигде не сказано, что названные там их признаки обязательно присущи всем детерминантам, что каждый из них обладает всем комплексом этих признаков. Если бы это было так, вряд ли бы возникли споры о правомерности самого выделения этой синтаксической категории. В действительности дело обстоит сложнее. Существует, во-первых, группа признаков, свойственных всем детерминантам¹⁰, и, во-вторых, группа признаков, свойственных лишь некоторым из них. К первой группе признаков относятся: 1) нормальная позиция или в абсолютном начале предложения или непосредственно при предикативном ядре предложения; 2) способность сочетаться с предложениями любой структуры — практически — всегда с несколькими, разными; 3) регулярная сохраняемость во всех формах данного предложения и в его регулярных реализациях с ползунаменательными глаголами. Ко второй группе признаков относятся: 1) невозможность грамматической привязки детерминанта ни к одному из слов в составе данного предложения; 2) отсутствие системной связи с тем словом, к которому детерминант в составе данного предложения формально может быть отнесен; 3) вхождение в функционально-соотносительный ряд с другими детерминантами того же значения; 4) наличие регулярного смыслового соотношения детерминанта с одним из компонентов структурной основы предложения.

Одни из этих признаков рассмотрены в статье о детерминантах 1964 г., о других говорилось выше. Поэтому здесь остановимся лишь на некоторых.

Один и тот же детерминант всегда может сочетаться с предложениями разной структуры. Так, например, один и тот же локальный, темпоральный, объектный детерминант может распространять двусоставное предложение, односоставное предложение именное, спрягаемо-глагольное, инфинитивное, наречное. Ср.: *В городе ожидается приезд гостей — В городе масса народу — В городе есть на что посмотреть — В городе никого не найти — В городе шумно.* Или (при формально объектной детерминации с субъектным значением): *У него все нехороши — У него плохой характер — У него хватает дел — У него самоуверенности не занимать — У него на уроках неинтересно.* Или: *Войне близок конец — Войне конец! (Конец бы войне!) — Войне не предвидится конца — Войне не видно конца — (Этой) войне никогда не кончиться.*

¹⁰ Углубленное изучение детерминирующих членов предложения убеждает в правомерности разделения обстоятельственных и объектных детерминантов и позволяет выделить внутри обстоятельственных детерминантов следующие группы: 1) локальные (включая и переносные локальные значения), 2) темпоральные (включая темпорально-квантитативные значения), 3) причинно-следственные (повода, основания), 4) цели, 5) обусловленности и уступки, 6) образа действия, 7) соответствия — несоответствия, 8) включения — исключения, 9) сравнения (сопоставления), 10) ограничения (уточнения, сопутствующего обстоятельства). Существенно при этом, что система значений детерминантов не накладывается целиком на систему значений словоформ, вступающих в связь именного примыкания и, тем более, слабого управления.

Из сказанного не следует, что в сочетаемости с разными предложениями для детерминантов нет никаких ограничений. Эти ограничения существуют, они могут идти как от детерминанта, так и от самого предложения; так, например, ограниченно принимают детерминант предложения со значением побудительности или экспрессивно-оценочным, некоторые фразеологизированные структуры. Весь круг соответствующих вопросов изучен недостаточно или не изучен совсем.

Общим признаком для всех детерминантов служит, как уже сказано, сохранение их в одной и той же позиции во всех формах предложения и в его регулярных реализациях с полужнаменательными глаголами, например: *В городе масса народу — В городе была / стала / оказалась / сделалась масса народу — В городе будет / станет / сделается масса народу — В городе была бы масса народу — Пусть в городе будет масса народу — Если бы в городе была масса народу!* или: *У него на уроках неинтересно — У него на уроках было / бывало / становилось / делалось / оказывалось неинтересно — У него на уроках будет неинтересно.*

Здесь нет ни возможности, ни необходимости останавливаться на всех более частных замечаниях оппонентов: отдельные замечания, касающиеся трактовки некоторых конкретных предложений, должны быть приняты. Однако представляется, что ошибочность самого исходного тезиса о существовании детерминантов как особой категории уровня предложения не доказана, так же, как не доказана и некорректность характеристик их основных признаков.

Высказывалось опасение, что введение понятия детерминанта и пересмотр материалов глагольного управления под этим углом зрения покажет несостоятельность помет о сочетаемости слов в словарях, внесет путаницу в лексикографическую практику и сделает проблематичной задачу составления словаря сочетаемости [Котелова 1967: 130]. Опасения эти напрасны. Что касается практики помещения в словарях сведений о синтаксических связях слов, то она уже давно обнаружила свою полную неупорядоченность: разные словари очень часто дают к одному и тому же слову или разные пометы, или — чаще — один словарь дает помету о характере связи, а другой не дает ее (большая или меньшая степень единства здесь может быть констатирована лишь для пометы *кого-что*); один словарь показывает уходящий вид связи как живой, другой его совсем не показывает; новые, активные связи, как правило, совсем не отмечаются нашими словарями, так же как и развивающаяся вариативность связей. Пока грамматика не даст ответ на вопрос, что такое сильная и слабая связь и каковы виды сильной связи, в словарях не будет порядка. Пометы же типа *нейметя к о м у, не чета к о м у, (не) место к о м у - ч е м у, незадача с кем - чем* и т. д. показывают связи слов в предикативно-ограниченных значениях (для многозначных слов) или связи собственно предикативов; следовательно, это связи, возникающие на уровне предложения и в словарях лишь проецируемые на слово. Практически такие пометы нужны, но по самому своему существу связи в случаях, например, *поклоняться кому-чему-н.* и *неймется кому, дать (что-н.) ребенку и ребенку здесь не место* внутренне глубоко различны.

Что касается словаря сочетаемости, то такой словарь, конечно, очень нужен. Но прежде, чем его составлять, следует продумать его теоретические основы.

Нужно ответить на вопрос, что такое подчинительная связь слов, чем она предопределена и каково ее отличие от связей, возникающих в предложении. Ответ на этот вопрос может дать только тщательный анализ категориальных свойств слов. Пока мы не разграничим строго и последовательно связи, идущие от слова (именно эти связи и должны найти отражение в словаре сочетаемости), и связи, возникающие на уровне предложения, — до тех пор «сочетаемость» будет описываться эмпирически. А время эмпирических описаний на наших глазах уходит в прошлое.

1968 г.

К СПОРАМ О ДЕТЕРМИНАНТАХ

(Обстоятельственная и необстоятельственная детерминация простого предложения)

Споры о детерминантах продолжаются. Однако сейчас эти споры вступили в новую фазу. Если после статьи 1964 г. [Шведова 1964б] приходилось доказывать само существование этой категории, то сейчас положение изменилось: обсуждается уже вопрос не о том, существуют ли вообще распространители целого предложения, а о том, каковы, во-первых, должны быть строгие методы отграничения детерминантов от присловных словоформ, во-вторых, правильно ли относить их к предложению в целом и не вернее ли видеть в них распространители предикативного ядра предложения. Дискуссия, продолжающаяся уже почти десять лет, несомненно, дала положительные результаты. Были высказаны дополнительные аргументы в пользу необходимости более четкого противопоставления обстоятельственных и необстоятельственных детерминантов (см. [Симпозиум по теории русской грамматики 1972]), показа их не только формальных, но и функциональных различий. Как вполне закономерный и обоснованный прозвучал также тезис о необходимости глубже проанализировать природу «объектных» детерминантов и показать их особую роль (субъектное значение) в семантической организации предложения. Отмечены были и отдельные неточные формулировки в статьях 1964 и 1968 гг. [Шведова 1964б; 1968б], касающиеся отношения детерминанта к структурной схеме предложения. Ряд замечаний по поводу трактовки детерминантов в «Грамматике современного русского литературного языка» 1970 г. (далее — Грамматика 1970) был высказан в рецензиях на эту книгу, а также в выступлениях на симпозиуме по теории русской грамматики в октябре 1971 г.¹ В то же время появились работы, авторы которых ввели новые материалы о детерминантах и дополнительные важные их характеристики (см.: [Малашенко 1971; 1972; Чернов 1969; Ковтунова 1971]). Все это заставляет еще раз вернуться к вопросу о детерминации предложения.

¹ См.: [ВЯ 1971, № 6; 1972, № 3; Изв. АН СССР, ОЛЯ 1972, № 4; Вестник АН СССР 1972, № 4; Československá rusistika 1971, № 5; 1972, № 2; Zimek 1971 и др.] (список рецензий и отзывов на Граматику 1970 к настоящему времени насчитывает более 25 названий).

1

В статьях о детерминантах 1964 и 1968 гг. был определен комплекс признаков, отличающих распространитель предложения от присловной зависимой словоформы. Критические замечания и возражения по этому поводу сводились к тому, что, взятый в отдельности, ни один из признаков, объединенных в этом комплексе, не оказывается достаточным и доказательным для отграничения детерминанта от присловного распространителя. Так, например, в предложении *На севере диком стоит одиноко На голой вершине сосна* (Лермонтов) сочетание *на севере диком* может быть квалифицировано как обстоятельственный (локальный) детерминант по комплексу таких характерных признаков, как неактуализированная позиция в начале предложения, семантическая несистемность связи в грамматически правильном соединении *стоит на севере*, сохраняемость в той же позиции во всех формах и регулярных реализациях данного предложения, свобода сочетаемости с другими предложениями; однако каждый из этих признаков в отдельности не является абсолютным, может быть оспорен, и на этом основании некоторые лингвисты отвергают тезис о наличии комплекса в целом. Думается, что такой фактор, как повторяющийся набор взаимосвязанных и взаимодействующих языковых признаков, сам по себе уже есть объективная языковая данность, которую нельзя ни игнорировать, ни перечеркивать, механически расчленяя этот набор на его составляющие с целью доказать неабсолютность каждого из них, взятого в отдельности. Обратимся к некоторым материалам, за которыми в собрании автора этих строк стоят многие десятки аналогичных выборок. Здесь и далее не вызывающие сомнений в своей правильности примеры, извлеченные из журналов, а также из записей разговорной речи, не документируются; примеры, извлеченные из художественной литературы, документируются.

В тридцать семь лет в той же заветной тетради Толстой задумывается о создании новой, соответствующей развитию человека религии (Л. Леонов); *Через какую-нибудь сотню шагов вниз моя карта ничего не говорит мне, я не узнаю долин и сопок* (М. Пришвин); *В бытность деканом мне довелось вести длительные разговоры с одним нашим студентом; Ты сячелетия назад люди так же страдали и любили, как и сейчас; С гибелью друга стала еще заметнее замкнутость юноши; На противоположной скамейке девушка тихо говорила парню: «Ну, подожди...»*². Есть все основания утверждать, что во всех этих примерах выделенные группы детерминируют предложение в целом: их позиция в начале предложения или непосредственно при его предикативном ядре, по-видимому³, не определяется тем, что в них заключен информативно централь-

² Аналогичные материалы можно найти в работе: [Малашенко, Антонова 1964], в [Грамматике 1970] и др.

³ Эта оговорка не случайна: без знания контекстного окружения бесспорная характеристика информативной нагрузки обстоятельного члена в предложении вообще не может быть осуществлена; в этом случае можно говорить лишь о позиции нормальной, обычной, т. е. наиболее частотной и в данном тексте не связанной со специальной коммуникативной задачей, либо о позиции необычной, т. е. менее частотной, и в данном тексте коммуникативно существенной.

ный элемент сообщения; грамматическая организация группы не препятствует ее сочетанию с другими словоформами в этих предложениях и с предложениями других структур; для каждой из этих групп могут быть продемонстрированы специфические для данной ее позиции трансформационные возможности; связь группы с каким-то отдельным словом в предложении грамматически может быть осуществлена, но образующиеся соединения редки и необычны, так как ни в какой степени не предсказаны категориальными свойствами слов (ср.: *задумываться в тридцать семь лет; задумываться в тетради; через какую-нибудь сотню шагов вниз ничего не говорит* и т. д.).

Таким образом, налицо специфический и особый комплекс характеристик, общих для всех приведенных выше и многих других подобных случаев. И все же среди всех этих характеристик есть одна, которая может «взорвать изнутри» этот комплекс: это грамматическая правильность, «формальная безошибочность» только что приведенных собственно словесных соединений и вытекающая отсюда невозможность доказать, что такого соединения здесь нет, что перед нами — действительно детерминация предложения «свободно присоединяемой формой» (В. Виноградов), а не вынесение в дистантно отчлененную позицию зависимого компонента словосочетания.

Следовательно, тезис о детерминирующей функции атрибутивных словоформ для своего утверждения требует примеров таких построений, в которых возможность грамматической «привязки» детерминанта к какому-либо отдельному слову в предложении исключена. Таких построений — огромное количество. Например: — *Тише, тише, — горестно зашептал Николка, — к нему слышно* (М. Булгаков); *Первый день из шалаша я снял трясогузку да с тем и пришел на кордон* (В. Песков); *Порядок работы такой: в первую половину дня никаких звонков, никаких хождений; Вне национального нет искусства; Без знаний теперь как-то несовременно; За всю историю завода не было такого случая.*

Как видно, наличие самого факта детерминации предложения и детерминантов как особой синтаксической категории оспорено быть не может. Нам говорят, что и в этих бесспорных случаях детерминант относится не ко всему предложению, а только к его предикативному ядру. Безусловно, что, свертывая детерминируемое и как-то еще распространенное предложение и сохраняя при этом свертывании детерминант, мы получим связь детерминанта с предикативным ядром предложения. Однако распространяя это ядро и сохраняя при этом детерминант, мы убедимся, что он продолжает обращать свое обстоятельственное значение на весь состав предложения. Это с полной очевидностью обнаруживается в тех случаях, когда обстоятельственный детерминант открывает собою целый развернутый текст (см. ниже).

К сказанному следует добавить еще следующее. В языке существует то, что можно назвать с и л о в о м о з и ц и е й. Обстоятельственные характеристики — локальные, темпоральные — тяготеют к абсолютному началу предложения и в чисто информативном плане могут противопоставляться остальному его составу. Так, в ряду: *В окне лесной сторожки мелькает огонек; В окне лесной сторожки и сердце путника радуется мелькнувший огонек; В окне лесной сторожки*

овонек открывающее предложение обстоятельство одинаково создает «локальную кулису» для всей остальной его части, и на уровне смыслового членения предложения оказывается несущественным тот факт, что в первом случае локальная группа безусловно может считаться грамматически связанной с глаголом⁴, во втором — такая связь грамматически правильна, но семантически совершенно необычна, а в третьем ее просто нет.

Показательно, что та же закономерность действует и в более сложных синтаксических организациях, когда вынесенное в абсолютное начало целого текста именное образование с обстоятельственным, чаще всего — локальным или темпоральным значением (это может быть номинативное предложение, предложно-падежная группа или их ряды), детерминируют всю последующую часть такого текста: *В городе по пути на вокзал. Извозчик мчит во весь дух* (И. Бунин); *Под Одессой, в светлую, теплую ночь конца августа. Шли, гуляя, по высоким обрывам над морем* (И. Бунин); *На полустанке. Прибыл скорый, который останавливается здесь на минуту* (Э. Капиев; пример из работы А. Попова); *Утро Дня протеста. На углу Бродвея и Уолл-стрит — у старинной церкви Святой Троицы. У ее входа в эти утренние часы необычайно много народу* (газ.).

Итак, существование обстоятельственных детерминантов имеет целый ряд веских собственно языковых подтверждений; сюда относятся: 1) повторяющийся комплекс своих собственных языковых характеристик; 2) такие конструкции, в которых свободное присоединение детерминанта к предложению в целом самоочевидно и не может быть опровергнуто формальной возможностью прикрепления такого распространителя к отдельному слову; 3) действие «силы позиции», влекущей обстоятельственный определитель в начало текста и делающий такой определитель единицей, которая практически обладает информативной отдельностью⁵.

2

I. Под семантической структурой предложения будем понимать его целостное значение, представленное как принадлежащее языковой системе организованное соотношение взаимообусловленных абстрагированных элементов содержания. В этом определении важно понимание структуры как целого, элементы которого находятся в отношениях не только взаимозависимости, но и взаимопорождения.

⁴ Возможно, и даже вернее всего, что такой связи здесь нет; но доказать этого нельзя, так как она свободно конструируется.

⁵ Интересно, что в своей вышедшей в 1972 г. книге «Типология языка и речевое мышление» С. Д. Кацнельсон, ни словом не упоминая о почти десятилетней дискуссии в центральных журналах по поводу детерминантов и упрекая «традиционную грамматику» в том, что она «не разгадала специфический характер обстоятельства», с большой убежденностью формулирует тезис об отнесенности обстоятельств (и в первую очередь обстоятельств места и времени) к содержанию предложения в целом (см.: [Кацнельсон 1972: 210, 211, 212]).

Необстоятельственные детерминанты образуют два больших класса: субъектные и объектные: внутри этих подклассов, в свою очередь, возможны дальнейшие семантические осложнения (см. ниже). В грамматически по-разному-объективирующейся триаде элементарных и в то же время основных и центральных категорий семантической структуры предложения⁶: «ядро ситуации, т. е. предикативно выраженное динамическое или статальное состояние, — субъект ситуации — объект, на который ситуация направлена», обстоятельственные детерминанты выражают субъект⁷ или объект. Поэтому конструктивная роль обстоятельственных детерминантов в формировании семантической структуры предложения столь же значительна, как и роль таких компонентов структурной схемы предложения, как подлежащее или генитивный формант двукомпонентной схемы, либо как облигаторный присловный распространитель с объектным или субъектным значением. Значит ли это, однако, что, как утверждают некоторые лингвисты, такие детерминанты относятся к числу обязательных грамматических компонентов структурной схемы предложения? Конечно, нет. Утверждать так — значит не видеть очень существенных грамматических и смысловых различий двух синтаксических категорий. Различия эти следующие:

1) структурные схемы предложения являют собой комбинации синтаксических компонентов, несущие наиболее абстрактные грамматические значения; каждый из компонентов, вступающих в эти комбинации, сам по себе также наделен таким абстрактным значением, которое принадлежит только ему. Так, например, значение субъекта, открываемое в подлежащем, отнюдь не совпадает с тем значением субъекта, которое есть в детерминантах: у подлежащего как компонента схемы это значение гораздо менее конкретно, более обобщенно (ср. объектные значения с о б с т в е н н о форм в детерминантах *С ним что-то неладно, Мне этот процесс мыслится иначе, Со стороны властей последовали репрессии и под.*). Сказанное не опровергается наложением субъектных значений подлежащего и детерминанта в случаях типа *Ваня нездоров — Ване нездоровится, В нем нервозность — Он нервозен* и под.: различия в их категориальной семантике здесь ослаблены, но не сняты;

2) сочетание компонентов в структурной схеме предложения уникально; это — неварьируемая по своему составу комбинация словоформ. Сочетаемость возможностей детерминантов — иного качества, их связи гораздо более свободны (ср.: *Сын школьник — У нее сын — школьник — У нее у дочери сын — школьник*); а детерминируемые предложения в части детерминанта варьируемы (ср. *Ему / для него / у него нет ничего невозможного*);

⁶ Ср. определение языковой структуры у Л. Ельмслева: «Структура — это автономная сущность с внутренними зависимостями» [Ельмслев 1962: 122].

⁷ Существует много определений семантического субъекта: в терминах «актантов», «предикандумов», «функций падежа в предложении» и др. Для дальнейшего анализа обстоятельственных детерминантов нам достаточно понимания семантического субъекта как *agens'a*. Подробнее см. в нашей статье «О соотношении грамматической и семантической структуры предложения» [1973б]. Из последних работ о природе субъекта в высказывании см.: [Hausenblas 1971].

3) компонент схемы не присоединяется ни к какому целому синтаксическому образованию, а всегда является необходимой и на структурном уровне неотчленимой частью такого образования. Детерминант всегда присоединяется к целому синтаксическому образованию, поэтому на структурном уровне он всегда отчлениваем. Так, например, обычностью, высокой частотностью детерминанта в случаях типа *С ним беда, У меня грипп* не может быть опровергнут тот факт, что и в подобных случаях номинативная схема существует как односоставная; кстати, и речевые подтверждения такого существования не столь уж редки⁸.

II. Итак, обстоятельственный детерминант распространяет собою предложение. Всякое ли? Существуют ли здесь какие-либо ограничения, идущие от структурной схемы предложения, от ее семантики или от характера самой информации? Ограничения существуют.

Начнем с субъектных детерминантов как весьма сильной и в употреблении массово представленной категории.

Анализ материалов под углом зрения поставленных выше вопросов показывает, что те или иные ограничения в субъектной детерминации идут от ядра ситуации (см. выше), и, в частности, от того центра предложения, который на основе своей лексико-грамматической организации входит в противопоставление «субъектность — бессубъектность ситуации». Субъектной ситуацией является такая, в которой присутствует тот, с кем связано, к кому отнесено само существование этой ситуации, кем она произведена, порождена, кто является ее носителем или имеет к ней непосредственное внутреннее или внешнее касательство (см. ниже классификацию субъектных ситуаций)⁹. Соответственно негативно — по отсутствию этого признака — определяется бессубъектная ситуация.

Субъектность — бессубъектность ситуации не соотносится непосредственно со строением предложения, и предварительно можно сказать, что субъектная ситуация находит выражение в самых разных конструкциях.

На основе разных соотношений в предложении его лексико-грамматических характеристик можно выделить четыре вида субъектных ситуаций, в обозначении которых могут принимать участие субъектные детерминанты: 1) ситуация состояния: физического, физиологического, психического, интеллектуального, морального, качественного; 2) ситуация наличия или отсутствия кого-чего-либо (предмета, явления, события, факта) как предмета владения, обладания; 3) ситуация процесса, процессуального состояния, деятельности, формально представленная или как связанная с ее носителем, или как не связанная с носителем, однако фактически исходящая от некоего деятеля; 4) процессуальная или статальная ситуация, существование которой соотносено с кем-то, кто имеет к ней не-

⁸ См. материалы в нашей статье «О соотношении грамматической и семантической структуры предложения» [Шведова 1973б].

⁹ Дальнейшее изложение подведет нас к одной из возможных классификаций выражаемых детерминантами субъектов, но пока следует ограничиться этим самым общим определением. Подробное описание семантических субъектов на основе характера предикатов см. в работах Т. Алисовой, в частности в ее статье «Семантико-коммуникативный субстрат безличных предложений» [Алисова 1969].

посредственное касательство, ею характеризуется, ее воспринимает, «конструирует», оценивает или стимулирует¹⁰.

Каждое из предложений, за которым стоит одна из этих субъектных ситуаций, может быть односубъектным и двусубъектным. Поясним понятие односубъектности и двусубъектности на конкретных примерах. В предложении *Ногам холодно* представлены ядро ситуации — состояние и субъект — носитель этого состояния (назовем его sub_1 — первый субъект); ситуация односубъектна. В предложении *Отъехав с полверсты, мне стало холодно ногам* (Л. Толстой) ситуация наличия субъектного состояния (*холодно ногам*) вся целиком приписана носителю (назовем его sub_2 — второй субъект); предложение *Мне холодно ногам* двусубъектно. Предложение *Нет времени* отражает односубъектную ситуацию отсутствия; *время* является субъектом (sub_1) отсутствия; предложение *У студента нет времени* двусубъектно: *студент* (sub_2) является носителем ситуации отсутствия времени. Предложение *Мать — учительница* односубъектно: *мать* — субъект (sub_1) стательной ситуации; в предложении *У него мать — учительница* появляется второй субъект (*он*), характеризуемый названной ситуацией как целым.

Возможны и трехсубъектные и даже четырехсубъектные ситуации, и детерминирующие формы готовы обозначить собою и sub_3 и sub_4 , ср.: *У директора сегодня юбилей* (*у директора* — sub_2) — *Удочки на работе у директора сегодня юбилей* (*у дочки* — sub_3) — *У меня у дочки на работе у директора сегодня юбилей* (*у меня* — sub_4 ; из записей разг. речи). Но далее речь пойдет только об односубъектных и двусубъектных предложениях.

Как и всякая семантическая классификация, предложенные разбиения не абсолютны и не единственны. Но для предложений, принимающих детерминант, они обладают объяснительной силой.

III. В каких случаях детерминантом обозначается субъект в односубъектных предложениях? Случаи эти достаточно определены. Это предложения со значением ситуации 1-го типа (состояния) и тех ситуаций 3-го типа (процесса), в которых процесс формально (структурной схемой) представлен как не связанный с производителем. Круг структурных схем ограничен: это недвосоставные схемы, не заключающие в себе компонента с субъектным значением, т. е. так наз. безличные или инфинитивные предложения. Во всех таких случаях субъектно детерминируют формы: дат. пад., «с + тв. пад.», «для + родит. пад.», «у + род. пад.». Детерминанты здесь, как и во всех других случаях, о которых речь пойдет ниже, распределены в зависимости от двух факторов: а) от частного значения ситуативного ядра предложения (в данном случае — от того, о каком состоянии идет речь) и б) от значения самой словоформы, которая выступает в детерминирующей функ-

¹⁰ Как видно, это разграничение субъектных ситуаций (отвлеченное только от предложений с субъектными детерминантами) опирается на самое общее «понятийное содержание» предложения, на общий характер того события, о котором сообщается. Такое разграничение помогает установить общие правила распределения наборов субъектных детерминантов. Однако это не значит, что на основе характера событий может быть построена типология семантических структур предложения вообще. Такая типология должна опираться на состав и соотношение собственно языковых категорий семантического уровня.

ции; поэтому выбор детерминантов ограничен, а там, где есть их взаимозаменяемость (*С больным плохо — Больному плохо, Ему все равно — Для него все равно* и т. п.), она, как правило, имеет объяснение; случаи полной дублетности взаимозамещающихся детерминантов не столь уж многочисленны. Однако в настоящей статье мы не будем касаться вопроса о правилах распределения и выбора детерминирующих форм. Это — очень важная, но особая тема.

Собственно субъектная детерминация: *Мне холодно; Тебе неудобно; Голове низко; Хвалят — ему лестно; Говорили, да мне невдомек; У Льва как гору с плеч свалило* (Крылов); *Вроде бы рано зиме; Старому мастеру без учеников как без рук; Начальству опаздывать не годится; Больному не спится; Всем оставаться на своих местах! Старику идти не к кому; С женщиной плохо; С этим делом совсем худо; Для больного здесь шумно*; субъектно-уступительная детерминация: *Для любителя совсем неплохо*.

Субъектно-локальная детерминация — характерный вид детерминации с нерасчлененным значением: по форме это распространители локальные, по семантике — субъектные; однако субъектная семантика небезразлична к значению самой детерминирующей формы (так же, как ниже — в случаях субъектно-темпоральной и субъектно-темпорально-локальной детерминации), и этим создается характерная для детерминанта диффузность значения. Субъектно-локальные детерминанты распространяют предложения: а) со значением ситуации 1-го типа (с теми же, что и при субъектной детерминации, ограничениями со стороны структуры предложения), а также — и это наиболее частый случай — б) со значением ситуации 3-го типа, при так называемой неопределенно-личности.

а) *В земельном управлении бодро* (Н. Погодин); *Со стороны смешно*.

б) *На собрании решили; В министерстве не согласились; Из редакции звонили; С работы дали хорошую характеристику; По всей стране готовятся к празднику; У соседей весь день стучат; Учусь: дома заставили*.

Субъектно-темпоральная (а) и субъектно-темпорально-локальная (б) детерминация в односубъектных предложениях отмечается в случаях типа: а) *В семнадцать лет так хочется жить! В сорок лет пора быть умнее*; б) *В доярках трудно; В шоферах тоже нелегко; В секретаршах хлопотно, беспокойно*.

IV. За двусубъектным предложением стоит одна из субъектных ситуаций, охарактеризованных выше. Первый субъект в них (sub₁) может быть выражен или субъектным детерминантом (при этом его место может быть не занято; но при субъектной ситуации оно всегда открыто), или компонентом схемы, несущим субъектное значение; второй субъект (sub₂) всегда выражается детерминантом, причем набор субъектных распространителей в основном своем составе здесь тот же, что и в односубъектных предложениях. Более или менее явных ограничений со стороны структурных схем предложения для двусубъектных предложений пока установить не удается.

1) Ситуация наличия субъектного состояния; sub₂ — носитель состояния — может быть выражен детерминантом в форме: дат. пад., «у + род. пад.», «для + род. пад.», «с + тв. пад.».

Мне ногам холодно; Тебе руку больно; Подростку такая работа не под силу; Композитору исполнилось восемьдесят лет; У человека радостно сту-

чит сердце; У отца плохо со здоровьем; Для писателя необходимо знание людей; С больной случился обморок.

В предложениях со значением качественного состояния sub_2 может быть выражен детерминантом в форме «из + род. пад.»: *Плохой из меня воспитатель; Командир из него замечательный*. При значении внешнего состояния возможна детерминация (sub_2) формой «от + род. пад.»: *От ночного дождя простыли след* (Ю. Яковлев). Субъектно-локальная детерминация (sub_2): *В сердце боль; На этом человеке — ни пятнышка; В душе его нет раскаяния; В городе плохо с торговлей; Дома тревога, беспокойство*. Субъектно-локально-темпоральная детерминация (sub_2): *В партизанах я понял лес по-настоящему; В кухарках она натерпелась унижений*. Субъектно-условная и субъектно-темпорально-условная детерминация (sub_2): *В директорах я не справлюсь; В шоферах такси со всякими людьми приходится встречаться*.

2) Ситуация наличия / отсутствия того, чем можно обладать, владеть; sub_2 — обладатель / необладатель — может быть выражен формами: дат. пад., «у + род. пад.», «для + род. пад.», при нематериальности предмета обладания — «за + тв. пад.»: *У следователя недостаточно улик; Ему есть время подумать; Мне нет никого родней тебя; У нашей страны были гении литературы; У военных престоуплений нет давности лет; За ним — авторитет, годы работы, слава, а умения что? Субъектно-локальная детерминация (sub_2): В каждом вузе есть возможность отбора; В этой шутке — доля правды; В искусстве нет готовых схем; Этот человек — легенда: на нем множество ран, он много раз был контужен (газ.); Перед молодыми — большой выбор специальностей; На счету охотника — много убитых хищников; Дом ветеранов сцены существует уже семьдесят лет, там — проверенный временем опыт (газ.)*.

3) Ситуация процесса, процессуального состояния; реальный производитель этой деятельности — sub_2 ; sub_1 , занимающий в схеме позицию производителя процесса, носителя процессуального состояния (подлежащего или генитивного компонента двукомпонентной схемы), либо выраженный детерминантом, на семантическом уровне обнаруживает значение не деятеля, а объекта деятельности¹¹. Sub_2 выражается формами дат. пад., «у + род. пад.», «с + тв. пад.», «между + тв. пад.» (при множественности субъектов), «со стороны + род. пад.»: *Нам этот процесс мыслится иначе; Неприютной ночи наступил конец; Воспоминаниям настанет свой черед; Всем дел хватает; У поэта опубликован сборник стихов; У подростка начались неприятности с учителями; У нее родился сын¹²; У нас*

¹¹ С. Д. Кацнельсон называет это «понижением ранга именительного падежа», «сдвигом его позиционной значимости» [Кацнельсон 1972: 65].

¹² О предложениях типа *У нее родился сын* Т. Алисова [1970: 41] пишет, что исходя из «объективной реальности», т. е. денотата, или из психолого-логических предпосылок, вряд ли возможно установить, какое из двух существительных следует считать реальным или психологическим «субъектом». Вычленив элементарную грамматическую структуру (*родился сын*), со своей семантикой и своим субъектом (sub_1), показанным позицией (подлежащее), и противопоставив ее детерминанту как носителю значения sub_2 (т. е. субъекта целостной ситуации), мы получаем объективные грамматические показатели разных языковых субъектных значений N_1 (*сын*) и N_2 (*у нее*).

*с вами не должно произойти недоразумений; У этих фанатиков понедельник начинается в субботу; Заважничал, но, думаю, это с ним пройдет (газ.); Со мной такого не бывало; Со стороны профсоюза последовал протест; Между ожидающими ми прошел слух, что поезд опаздывает*¹³. Субъектно-локальная детерминация: *В институте выписано много специальных журналов; В выступлении секретаря ставятся важные вопросы; С обеих сторон прилагаются усилия для налаживания новых отношений; В министерстве не только давали советы: отсюда принимались и другие меры; Из школы — предупреждение; Из центра — одни обещания; Дома — угрозы, истерика.*

4) Самостоятельная процессуальная или статальная ситуация; sub₁ — реальный носитель ядра ситуации — процесса, признака, состояния и т. п.; второй субъект (sub₂) — субъект разнообразного касательства: а) ситуация в целом характеризуется тем, что имеет к sub₂ ближайшее внутреннее касательство («у + род. пад.», субъектно-локальная детерминация; множественность субъектов допускает в подобных случаях детерминацию формами «среди + род. пад.», «из + род. пад.»); б) ситуация воспринимается (дат. пад., «для + род. пад.»); в) ситуация квалифицируется, оценивается (дат. пад., «у + род. пад.», «для + род. пад.», *по мне*, «в глазах кого», «в представлении кого»); г) ситуация стимулируется («у + род. пад.», «от + род. пад.», «с + тв. пад.»):

а) *У него уже внук в школу ходит; У меня мать учительница; У строителей вода прорвала плотину; У животных / среди животных / между животными самые боязливые — овцы*¹⁴; *У этого учителя все ученики успевают; В дверце испорчен замок;*

б) *Кому воскресенье, а кто и без выходов; Кому лето, а у кого зуб на зуб не попадает; Кончилась к оту масленица; Для нее театр — это вся жизнь;*

в) *Мне праздник не в праздник; Им все не так; В представлении неискuschenных, лесник — это сторож с берданкой (газ.); У сильного всегда бессильный виноват (Крылов); По мне уж лучше пей, да дело разумей (Крылов); Я понял, что я дитя в ее глазах (Тургенев);*

г) *У него не побездельничаешь; От соседей много шума; Старику от детей нет помощи; С ним не до шуток; С этим учителем ребятам интересно.*

Итак, предложения, обозначающие определенные ситуации — односубъектные и двусубъектные, — требуют определенных детерминантов; однако тот или иной детерминант, как правило, не прикреплен строго к какому-то одному типу ситуаций (исключения единичны и касаются детерминантов с наименее обобщенной семантикой, типа «в представлении кого-н.», «по мне, по тебе» и т. д., «в глазах кого-н.», «за кем» и некот. др.). В то же время с полной уверенностью можно сказать, что такой прикрепленностью характеризуются наборы детерминантов. Предложенное выше описание не может считаться исчерпываю-

¹³ Как видно, в глагольных предложениях предикативным центром здесь могут быть не только те глаголы, которые А. Пешковский назвал «одноличными» (см.: [Пешковский 1938: 333]); однако семантические ограничения для глагола в этих случаях самоочевидны.

¹⁴ Определение в этих случаях субъекта как «субъекта ближайшего касательства» кажется более точным, чем определение его как «субъекта происхождения» [Кацнельсон 1972: 67].

шим; материалы, которыми мы располагаем, для полного описания недостаточны. Кроме того, предстоит еще большая работа по изучению наборов структурных схем, которыми строятся предложения со значением той или иной субъектной ситуации. Пока очевидно лишь, что в этом смысле действуют ограничения в системе предложений, обозначающих односубъектные ситуации. По отношению к разным видам двусубъектности можно говорить о преимущественности той или иной грамматической организации предложения, но не о каких-либо явно выраженных ограничениях.

Описанная система детерминации, опирающейся на тип субъектной ситуации, дает основание для самой общей классификации субъектов, выражаемых детерминирующими формами. Это субъекты: 1) носитель состояния; 2) обладающий; 3) производитель деятельности; 4) носитель признака; 5) воспринимающий; 6) квалифицирующий и 7) стимулирующий. Субъектно-обстоятельственные детерминанты в этой классификации естественно находят свое место. На основе этой общей классификации может быть построено более детальное членение — с учетом разных видов состояний, обладаний, действий, отношений и т. д.; тем самым будет уточнено и объяснено распределение детерминирующих форм между разными семантическими типами.

V. Объектные детерминанты обозначают того (то), на кого (что) распространяется, направлена, при помощи чего осуществляется, кем произвольно обусловлена субъектная ситуация. Формы объектных детерминантов: «с + тв. пад.», дат. пад., «для + род. пад.», «насчет, относительно, в отношении, в смысле + род. пад.». Ограничений со стороны структуры предложения, по-видимому, нет, есть лишь более или менее определенные тенденции (особенно для объектных детерминантов «с + тв. пад.»).

Собственно объектная детерминация: *С этим делом ты мне порядочно надоел; Не дает мне сынишка покоя с велосипедом; Нелегко будет театру с репертуаром; Со своими куклами Образцов завоевал весь мир; По сути ребят толкают на длительное безделье; с работой — пусть поищут; с участием в самодеятельности — пусть подождут, пока на работу устроятся (газ.); Отсев вузу не планируется; Для каждого укапитана своя мерка требовательности; Насчет премии /с премией получилась неувязка; В отношении /относительно жилья нет ясности; В смысле работы он не очень-то ретив.*

Объектно-локальная детерминация: *Мне нравится в самодеятельности; Ему надоело в школе; Я ставил вопрос в горисполкоме; В работе он передовик.*

Характерны случаи, когда позицию детерминанта (как правило, с субъектным или объектным значением) занимает целое предложение, по форме придаточное, но по существу им не являющееся; ср.: *В деревне ты шофер, тракторист, комбайнер, слесарь — интересней кто технику любит* (разг. речь); *На уборке до четырехсот рублей в месяц выходило, кто себя для дела не жалел* (газ.); *Не хнычь. Кукаться хорошо кому делать нечего* (В. Шугаев); *Кто поглупей видно за версту* (разг. речь); *Он и других водителей учит: кто мало за работы вает, берет к себе в бригаду* (газ.).

Приведенные материалы убеждают, что субъектный и объектный детерминанты, так же как и детерминанты со сложным, слитным значением, представляют собой такие распространители предложения, за которыми стоят основные категории его семантической структуры. На смысловом уровне, таким образом, эти распространители невычленимы из простейшей семантической формулы предложения, т. е. из такой автономной сущности, внутренние зависимости которой не могут быть нарушены без разрушения самой этой сущности. Однако на уровне собственно формальном такой распространитель всегда отчленяется от структурной схемы предложения и в ее состав не входит. Это же положение относится и к собственно обстоятельственным детерминантам, за которыми на смысловом уровне стоят семантические категории, распространяющие элементарную семантическую формулу предложения.

И по своей формальной роли распространителя предложения, и по своему участию в объективации разных компонентов его семантической структуры грамматическая категория детерминантов предстает перед нами как чрезвычайно сильная и массово употребительная. Усилия синтаксистов целесообразно направить не на то, чтобы «закрыть» эту проблему и во что бы то ни стало привязать детерминирующие словоформы к тому или иному отдельному слову в предложении, а на то, чтобы глубже вскрыть природу детерминации, дать ее полные и точные формальные и смысловые характеристики, изучить правила комбинаторики детерминантов, выявить все случаи детерминации предложения союзной группой, дееспричастием, наконец, целым предложением, по форме совпадающим (а иногда и не совпадающим) с придаточным. Пока во всех этих направлениях сделаны лишь первые шаги.

1973 г.

О СИНТАКСИЧЕСКИХ ПОТЕНЦИЯХ ФОРМЫ СЛОВА *

1. Синтаксис составляет особый уровень¹ языка. Синтаксическая наука имеет дело с разными объектами. Эти объекты принадлежат разным участкам синтаксиса как внутриязыковой системы. Можно выделить следующие участки: 1) син-

* Настоящая статья представляет собою обобщение и систематизацию тех наблюдений над синтаксическими потенциями формы слова, которые содержатся в Грамматике-70 в главах о связях слов и о простом предложении. Раздел «Синтаксис формы слова» в «Грамматике» отсутствует. Между тем, описательный синтаксис необходимо должен заключать в себе систематическую характеристику всех функций форм слов и определение зависимостей этих функций от лексической семантики слов. Здесь мы попытаемся в конспективном виде изложить один из возможных путей построения раздела «Синтаксис формы слова» в описательном синтаксисе современного русского литературного языка.

¹ Термин «уровень» употребляется здесь в значении подсистемы, но не в значении части целого, входящей в иерархическую организацию частей, из которых каждая следующая, более сложная, формируется на основе более простых компонентов предшествующей; ср. понимание уровней языка как иерархической организации в статье: [Данеш, Гаузенблас 1969].

таксические возможности слова, правила его дистрибуции и те единицы, которые образуются в результате реализации этих дистрибутивных возможностей; 2) синтаксис простого предложения: его структурные схемы (образцы), правила их наполнения и распространения, их синтаксическое поведение (парадигматика, регулярные реализации, функции); коммуникативные формы простого предложения; его семантическая структура; его синтагматика; формальные и смысловые соотношения типов в системе простого предложения в их общей системе; 3) синтаксис сложного предложения как единицы, совмещающей в себе свои собственные грамматические качества со свойствами элементарного развернутого текста; 4) синтаксис развернутого текста (периода), т. е. такого построения и соединения коммуникативных единиц, которое имеет свои собственные, индивидуальные и часто с трудом уловимые языковые характеристики.

Ко всем этим участкам обращен синтаксис формы слова, т. е. правила синтаксического поведения форм слов, их синтаксические потенции и значения. Эти правила реализуются во всех участках синтаксиса, так как форма слова, во-первых, является той элементарной единицей, которая конструирует словосочетание и предложение и участвует в их распространении, и, во-вторых, имеет свою собственную сферу употребления: с одной стороны, все то, что связано с независимой и относительно независимой позицией формы слова, с другой стороны, все то, что связано с функционированием формы слова как относительно самостоятельного высказывания — в условиях речи или, шире, вообще ситуации общения.

В дальнейшем изложении будут рассматриваться прежде всего формы слова в словосочетании и в предложении, а также в позиции называния; синтаксические потенции формы слова в позиции отдельного высказывания рассматриваться не будут, отчасти потому, что это — особая область, со своим собственным кругом проблем, а отчасти также и потому, что функции формы слова в позиции отдельного высказывания производны от их функций в строе словосочетания и предложения.

2. Итак, первый вопрос состоит в том, каковы могут быть функции разных форм слов, во-первых, при образовании некоммуникативных синтаксических единиц, во-вторых, при образовании единиц собственно коммуникативного плана и, наконец, непосредственно в самом акте коммуникации². На первых ступенях анализа следует оперировать формой слова как собственно грамматической категорией, т. е. в отвлечении от ее конкретного лексического наполнения. Это требование диктуется задачей единого подхода к разным формам слова и к формам разных слов. Между тем часто приходится наблюдать ту непоследовательность (имеющую, впрочем, свое основание), что если по отношению, например, к инфинитиву, к личной форме глагола или к номинативу исследователи довольствуются их собственно грамматической характеристикой, констатацией их самого отвлеченного грамматического значения и затем непосредственно обращаются к

² Интересные соображения о полифункциональности форм и о перекрещивании их функций см. в статье: [Арутюнова 1968].

анализу их функций, то по отношению к косвенным падежам имени намечается опасная для грамматиста тенденция рассматривать в качестве элементарной и первичной синтаксической единицы форму слова сразу в ее конкретном лексическом наполнении и противопоставлять ее той же форме в другом лексическом наполнении или в другой функции как особую формальную единицу.

3. Значение формы слова как синтаксической категории образуется на основе ее употреблений и абстрагируется от этих употреблений. В результате этого абстрагирования первично выделяются три круга значений: значения присловные, значения уровня предложения и опирающиеся на первые два значения номинативные. Так, например, у косвенно-падежной формы имени существительного с предлогом выявляются значения, свойственные ей в сфере присловных связей — сильных и слабых, в сфере предложения (его схемы и ее распространения) и в сфере номинации (ниже это будет показано на анализе одной предложно-падежной формы). Эти значения могут быть или не быть связаны с определенными лексико-семантическими ограничениями и запретами: это фактор чрезвычайно существенный.

Определив в целом систему функций для той или иной формы слова как синтаксической категории, мы должны обратиться к конкретным условиям функционирования и, соответственно, — к выявлению значений форм. Анализ с этой точки зрения всех форм внутри того или иного разряда слов (части речи или грамматического класса) выявит определенные закономерности, с одной стороны, их синтаксического поведения, с другой стороны, их отношения к другим формам и позволит построить классы противопоставлений. Таким образом, намечаются следующие ступени анализа: 1) изучение форм слов с точки зрения их значений, порождаемых, во-первых, присловными связями, во-вторых, синтаксическими позициями в предложении и, в-третьих, позицией номинации; 2) систематизация этих значений в их отношении к лексико-семантическим факторам (семантически и лексически обусловленные или необусловленные синтаксические значения); 3) сопоставление систем значений разных форм — внутри одного класса и разных классов — и выявление черт общности и различия; 4) систематизация всех значений форм слов с точки зрения их сужения на пути от абстрактного к более конкретному значению.

4. Какова система синтаксических функций формы слова вообще? Эта система весьма богата. Функции формы слова могут относиться, во-первых, к сфере присловных (подчинительных) связей; во-вторых, к сфере предложения: а) компонентов схемы и б) связей, возникающих внутри предложения при его распространении; в-третьих, к сфере номинации, собственно именованию; в-четвертых, к сфере конситуативно обусловленных высказываний. Соответственно форма слова может быть: 1) подчиненным членом словосочетания; 2) компонентом элементарной структуры предложения; 3) распространителем предложения в целом (детерминантом); 4) распространителем внутреннего состава предложения (при невариативных и вариативных связях, возникающих только в предложении, а также в случае включения в предложение обособленных форм и групп или союзных введений); 5) формантом сложного предложения или диалогического единства;

б) формантом сложного текста; 7) советвенно называющей единицей; 8) отдельным высказыванием, опирающимся на конситуацию (эту последнюю функцию из дальнейшего рассмотрения исключаем, так как она должна изучаться в аспекте теории высказывания).

5. Рассмотрим — пока в самом обобщенном виде — круг функций спрягаемой формы глагола, инфинитива, именительного падежа имени существительного, косвенных падежей. Как видно, на первых шагах анализа мы будем идти от максимальной ступени обобщения, помня, что лишь через эту ступень грамматист должен идти к более детальному рассмотрению явлений и к более частным описаниям.

Основной функцией спрягаемой формы глагола является функция форманта простого предложения — сказуемого или главного члена односоставного предложения спрягаемо-глагольного типа (*Дождь идет / шел, Светает / светало*). В этой функции *verbum finitum* (Vf) является средоточием и узлом морфологических и синтаксических категорий. Спрягаемая форма не может быть зависимым компонентом словосочетания, в предложении — подлежащим; однако она может быть распространителем внутреннего состава предложения — сказуемого или главного члена односоставного спрягаемо-глагольного предложения (ср.: *Они живут — не ссорятся; Он стоит не шелохнется; Докладчик говорит и говорит; Ты беги снеси записку; Пойду схожу поговорю с соседом; Мы работаем, а он стоит смотрит; Пускай себе звонят-надрываются*). В разговорной речи спрягаемая форма глагола может выступать как детерминант (ср. темпоральную детерминацию: *Гуляла зашла в магазин 'т. е. когда гуляла', 'во время прогулки'; Погреюсь немножко: озяб ходил т. е. 'когда ходил', 'потому что ходил'*); впрочем в этих случаях скорее можно говорить о детерминации не словоформой, а целым предложением (его бесподлежащей реализацией). В заглавиях Vf может выступать как называющая форма.

Косвенный падеж имени существительного может быть: 1) зависимым (подчиненным) формантом словосочетания; 2) компонентом двусоставного предложения — сказуемым; 3) компонентом фразеологизированного односоставного предложения (*Мне не до тебя. Нам по пути*); 4) детерминантом; 5) распространителем внутреннего состава предложения (*Дом строится плотниками, Мы в деревне не боимся никакой работы*)³; 6) формантом сложного предложения (*Думаю не о себе, а о детях*); 7) формантом сложного синтаксического целого (*Тебе — но голос музы темной Коснется ль уха твоего? [Пушк.]*); 8) называющей формой (в заглавиях). Косвенный падеж существительного не может быть подлежащим (случаи окказионального замещения позиции сюда не относятся).

О функциях инфинитива и именительного падежа существительного см. ниже.

6. По своим синтаксическим потенциям формы слов первоначально организованы в определенные ряды противопоставлений. В такие противопоставления вступают следующие формы.

1) Формы, которые могут занимать присловную позицию, — формы, которые не могут занимать такую позицию; первый член противопоставления: кос-

³ Анализ таких распространителей см.: [Камынина 1970].

венно-падежные формы имени, инфинитив, деепричастие, наречие, компаратив; второй член противопоставления: личные формы глагола.

2) Формы, которые могут быть компонентами элементарной структуры простого предложения, — формы, которые не могут быть такими компонентами; первый член противопоставления: личные формы глагола, инфинитив, косвенно-падежные формы имени, наречие, компаратив; второй член — деепричастие.

3) Формы, которые могут функционировать только в составе предложения в его элементарном виде или при его распространении, — формы, которые могут быть не только компонентами предложения; первый член противопоставления: спрягаемые формы глагола; второй член: косвенно-падежные формы имени, инфинитив, наречие, деепричастие, компаратив.

4) Формы, которые могут быть каждым из двух главных членов двусоставного предложения, — формы, которые могут быть только сказуемым; первый член противопоставления: инфинитив, именительный падеж имени; второй член: личные формы глагола, косвенно-падежные формы имени.

5) Формы, которые могут распространять предложение в целом, — формы, которые не могут распространять предложение в целом; первый член противопоставления: косвенно-падежные формы имени, наречие, деепричастие, компаратив; второй член: личные формы глагола⁴.

6) Формы, которые могут распространять внутренний состав предложения независимо от законов сочетаемости слов, — формы, которые не могут так распространять внутренний состав предложения; первый член противопоставления: личные формы глагола, инфинитив, деепричастие, косвенно-падежные формы имени, наречие; второй член: компаратив.

Перечисленные противопоставления — самые общие. Последующее детальное изучение синтаксических потенций форм слов приводит к выявлению — внутри этих основных — целых систем частных ограничений.

7. Применительно к более узким классам форм изучение должно быть углублено и расширено. Так, например, формы косвенных падежей имени, как самый общий класс, могут распространять предложение в целом; однако внутри этого класса есть формы, не способные детерминировать предложение (например, нераспространенный родительный беспредложный). Следовательно, с этой точки зрения внутри класса косвенных падежей существует собственное правило. Внутри этого класса вообще широко развита система внутренних противопоставлений: не все косвенно-падежные формы могут быть детерминантами; не все они могут входить в вариативные связи внутри предложения.

Изучение форм слов со стороны их синтаксических возможностей ставит перед исследователем ряд важных проблем. Среди них прежде всего нужно назвать следующие: 1) изучение форм слов разных частей речи с точки зрения их участия в создании коммуникативных и некоммуникативных единиц языка; 2) выявление всех существующих противопоставлений — для всех вообще форм и для форм

⁴ Это противопоставление снимается, если считать случаи типа *озяб ходил, не шелохнется стоит* (см. выше) детерминацией предложения средствами глагола, а не предложения.

слов определенных классов и подклассов; 3) синтаксические потенции собственно формы и семантического класса слов, заполняющих эту форму.

На основе синтаксических функций форм слов складываются их абстрактные синтаксические значения. Эти значения могут быть обобщены и систематизированы по ряду признаков. Общность этих признаков для разных форм разных классов слов оказывается большей, чем это кажется на первый взгляд. Как уже сказано, в соответствии с названными выше функциями значения всех вообще форм слов первоначально группируются в три цикла: 1) присловные, 2) уровня предложения и 3) номинативные (собственно называющие). Присловные значения могут быть более абстрактными (объектное, восполняющее, субъектное и их контаминации) и менее абстрактными (определятельные: собственно-определятельные, обстоятельственно-определятельные и их контаминации с одним из более абстрактных значений). Значения уровня предложения — это, во-первых, значения компонентов элементарной структуры предложения (предикативные), во-вторых, детерминирующие, которые в свою очередь распадаются на ряд более конкретных значений, в-третьих, полупредикативные и, в-четвертых, определятельные.

8. Обратимся к конкретному анализу некоторых форм слов и попытаемся показать возможный путь изучения их синтаксических значений и те обобщения, которые можно сделать на основе этих изучений.

1) **На + винительный падеж**. Эта предложно-падежная форма имеет все названные выше значения: присловные, уровня предложения и номинативное.

Соответственно с присловными функциями, на основе сильных и слабых связей, у этой формы выделяются следующие **присловные значения**: во-первых, значения объектное (*наекать на соседа, напасть на человека, курс на сотрудничество, запрет на ввоз, сердитый на сына, согласный на отъезд*⁵) и восполняющее (*поступить на службу, перейти на диету, мастак на выдумки*); во-вторых, значения определятельное с необходимыми дальнейшими конкретизациями (*двигаться на восток, приехать на неделю, жить на гроши, дорога на Берлин, деньги на театр, рыцарь на час, позади на шаг*) и объектно-определятельные: объектно-целевое (*испытание на прочность, средства, необходимые на постройку*), объектно-каузальное (*смеяться на шутку*) и объектно-характеризующее (*установка на изоляцию, скупой на похвалы*).

Для всех присловных значений первостепенен вопрос о лексико-семантических ограничениях, идущих как от слова, предопределяющего связь, так и от слова, занимающего в данной форме определенную присловную позицию.

Неприсловные (уровня предложения) значения формы «на + винительный падеж» — это значения предикативное, детерминирующее и определятельное. Предикативное значение формируется на основе следующих функций: 1) собственно сказуемостной (*Наши окна — на набережную; Это пальто — на мальчика; Вся надежда — на друга*); 2) регулярного замещения позиции

⁵ Здесь и далее даются не перечни, а лишь отдельные примеры. Те оттенки значения, которые могут быть установлены не на основе факторов собственно лексико-синтаксических, а на основе глубинных ситуационных соотношений и преобразований, здесь не рассматриваются.

сказуемого (*Я — на стадион; Оружие на стол! Когда же на дачу?*); 3) регулярного замещения инфинитивного или наречного компонента структурной схемы предложения в случаях типа: *Хочется на пляж; Мне тебя на пять минут; Ему на работу; Вам не обязательно на осмотр*; 4) замещения позиции N_1 в структуре $N_{1(quantit)}$ Gen (Дел на полчаса; Работы на двоих); 5) форманта сложного предложения, союзного введения, второй реплики диалога или форманта сложного текста (*Уехал на юг, а говорил, что на дачу; Кричит на меня, как на мальчишку; Куда ты? — На свидание*). Детерминирующее значение «на + винительный падеж» выявляется на основе его функций детерминанта темпорального (*На первое декабря план выполнен; На третьи сутки был получен ответ*), включения / исключения (*На тысячу один такой найдется*), ограничения, уточнения (*На прощанье — и такие слова*), предназначенности (*На обед — жаркое*). Определительное (на уровне предложения) значение формы «на + винительный падеж» образуется на основе возникающих в предложении связей — аналогов подчинения, например: *На тебя на чучело и смотреть не хочется; Где ты был? — На лекцию на выставку ходил* (т. е. 'на лекцию, которая была на выставке').

В характеристику всех неприсловных значений, так же, как и значений присловных, обязательно должны входить указания, касающиеся лексико-семантической свободности или несвободности сочетания, и, в случае несвободности, — сведения об ограничениях, идущих от семантики самого слова, выступающего в данной форме, от семантической структуры предложения, от значений других его компонентов.

Все эти ограничения в дальнейшем должны быть обобщены. В основу обобщения должен лечь характер ограничения (причина несвободности) и тип ограничения (семантическая несвободность или лексическая закрытость — со всеми необходимыми для синтаксиса лексико-семантическими дифференциациями).

Номинативное значение формы «на + винительный падеж» выявляется в его независимой позиции (собственно называющая функция). Однако независимость этой позиции относительна; называющая функция словоформы всегда конситуативно обусловлена: рядом присутствует предмет (ситуативная обусловленность) или текст (контекстная обусловленность). Верно, что в номинациях типа *На статую играющего в бабки* (Пушк.); *На счастье; На торжества* (подпись под фотоснимком) присутствуют значения повода, назначения или локальное, а в номинациях типа *На врага; На бой* (подписи под изображениями) — объектное или объектно-целевое. Однако такие характеристики недостаточны. Для формы слова в номинативной функции характерна своеобразная комплексность значения, так как за ней могут стоять не одна, а сразу несколько синтаксических позиций этой формы и ее функций. Так, за указательной надписью *На выставку* могут стоять следующие позиции (и соответственно — функции) формы «на + винительный падеж»: присловная определительная (*Вход на выставку*), предикативная (*Этот вход — на выставку*), детерминирующая (*На выставку — прямо*). Определить, на какое из этих значений (именно данное, одно) опирается форма в своей номинативной позиции, очень часто бывает невозможно, для нее характерна нерасчлененность значения.

2) Именительный падеж имени существительного (номинатив). Эта форма имеет все те обобщенные синтаксические значения, свойственные формам слов, о которых говорилось выше: присловные, уровня предложения и номинативное.

Соответственно с присловными функциями, на основе слабых связей, у номинатива выделяется одно присловное значение — определительное. Это значение (семантически не ограниченное) отвлекается от присловных позиций зависимого номинатива: согласованного (*дочь-красавица, злодейка-западня*) и несогласованного (*на озере Байкал; с человеком по фамилии [по кличке, по имени, по прозвищу] Орел*); в составе ряда (*на ракете «Земля—Земля», по схеме «лаборатория — завод — потребитель»*).

Неприсловные (уровня предложения) значения номинатива — это значение предикативное, детерминирующее и полупредикативное. Предикативное значение номинатива абстрагируется от его функций подлежащего двусоставного предложения, именного сказуемого такого предложения, главного члена именных односоставных предложений — нефразеологизированных и фразеологизированных, а также от функций форманта сложного предложения, союзного введения, второй реплики диалога или форманта сложного текста. Полупредикативное значение свойственно номинативу, входящему в состав вариативного ряда в случаях распространения внутреннего состава предложения (типа *И я родился мещанин [Пушк.]; Брат вернулся калека / калекой*). Определительное значение в предложении у номинатива формируется на основе возникающего в предложении аналога подчинительной связи в случаях типа: *Мы студенты народ веселый; Он куда нам не поверил; Сам дурачок напросился*.

Что касается назывного значения номинатива, то к нему полностью относится то, что было сказано выше о комплексности, нерасчлененности такого значения формы слова. Именительный падеж существительного имеет следующие основные функции в сфере называния: собственно номинативную (однословные или союзные названия, заголовки); номинации контактирования (внутри ряда; ср. заголовки типа: *Москва — Неаполь; Земля — Луна — Земля*); источника или предмета информации (*Англия: бастуют почтовики*); вокативную. Ни одна из этих функций не является конситуативно необусловленной. Все они — сложные по своим внутренним качествам: даже самая простая из них — собственно номинативная — функционально неразрывно связана с именуемым текстом.

3) Инфинитив. Как и другие рассмотренные выше формы, инфинитив имеет все три вида синтаксических значений: присловные, уровня предложения и номинативное. Все его значения свободны со стороны лексической семантики слова.

Соответственно с присловными функциями инфинитива выделяются следующие его присловные значения: во-первых, значение объектное (*взлететь [кому] прийти, научить [кого] читать, хотеть учиться, любитель выпить, готовый помочь*) и восполняющее (*умудриться упасть, намерен ехать*); во-вторых, значения определительные: определительно-характеризующее (*счастье любить, манера спорить*) и целевое (*прийти обедать, снести [вещь] починить*). Предикативное

значение инфинитива абстрагируется от его функций подлежащего двусоставного предложения, сказуемого (собственно сказуемого и его позиционной замены в случаях типа *Я — гулять*), главного члена инфинитивных односоставных (собственно инфинитивных и двухкомпонентных наречно-инфинитивных и глагольно-инфинитивных) предложений — нефразеологизированных и фразеологизированных, а также от функций форманта сложного предложения, союзного введения, второй реплики диалога или форманта сложного текста. Детерминирующее значение инфинитива абстрагируется от его функции условно-темпорального и условно-причинного детерминанта (*Глядеть сердце надрыдается; Стоять озьянешь*). Полупредикативное значение обнаруживается во всех случаях акцентирования и скрытого противопоставления (*писать не пишет, поговорить — то поговорили, гулять не гулять, а пройтись нужно*). Определительное значение в предложении абстрагируется от случаев неприсловного определения с оттенком целевого значения (*Дай карандаш расписаться; Вот тебе газета почитать*). Что касается номинативного значения инфинитива, то в собственно названиях оно практически отсутствует: заголовочный инфинитив (типа: *Помнить о будущем; Дерзать*) всегда сохраняет в себе предикативное значение.

9. На отдельно взятых примерах мы попытались показать возможный путь обобщенных характеристик значений форм слов, отвлеченных от их функций. Как видно, эти обобщенные значения совпадают у форм слов разных классов. Это подтверждает ту мысль, что вопрос о синтаксических потенциях и синтаксических значениях форм слов на первых ступенях анализа может ставиться безотносительно к категориальной принадлежности соответствующих слов. Под этим углом зрения можно рассмотреть все формы слов. Такое изучение форм с точки зрения их функций (и — соответственно — значений), с учетом лексико-семантического фактора (значения лексически не ограниченные, или свободные, лексически ограниченные, или несвободные, и лексически закрытые) должно привести к первичному объединению всего многообразия синтаксических значений форм в крупные синтаксико-семантические блоки.

Однако далее встанет вопрос о новом аспекте систематизации — во-первых, как уже сказано, в связи с наличием или отсутствием ограничений, накладываемых на функционирование формы лексической семантикой слова, и, во-вторых, в связи с внутренними дифференциациями самих функций, идущими от лексики; иными словами — вопрос о взаимодействии синтаксического значения формы и лексической семантики слова, выступающего в этой форме, и об образовании на основе этого взаимодействия нового качества — значения словоформы.

Охарактеризованная выше система общих синтаксических значений — присловных, уровня предложения и номинативных — по-разному соотносится с лексической семантикой слов. Так, например, все названные в п. 8 функции инфинитива безразличны к его лексической семантике: они свободны. У номинатива свободны значения присловные (в отношении так называемого «приложения» это требует проверки), предикативные, полупредикативные и называющее; значение определительное (в предложении) ограничено со стороны лексической семантики существительного. Наибольшие сложности представляют взаимоотношения

синтаксических функций форм и лексической семантики слов в системе падежных и предложно-падежных форм⁶. С каких бы позиций мы ни подходили к изучению синтаксических потенций этих форм, отрыв изолированно взятых словоформ от всей системы функций соответствующей формы и противопоставление этих функций друг другу в плане синтаксической омонимии представляется ошибочным. Такой отрыв не может быть оправдан лексико-семантической несвободностью формы в той или иной функции. Так, в нашем примере формы «на + винительный падеж» в системе присловных значений свободны значения объектное и собственно сказуемое; все остальные значения так или иначе ограничены со стороны лексической семантики существительного. На основе этой ограниченности формируются постоянные семантико-синтаксические соединения предлога и падежной формы типа *на час, на восток, на дачу, на обед, на память, на килограмм* и т. д., высокочастотные в присловных определительных значениях, но вполне обычные и в других значениях — объектном, сказуемом, детерминирующем, номинативном и др. В случаях типа *прийти на час, двигаться на восток, окна на набережную* и т. п. — это формы со значением присловным определительным; дальнейшая дифференциация значения (определительно-темпоральное, определительно-локальное и т. д.) целиком опирается на лексическую семантику слов. В случаях типа *Работы — на час, Наши окна — на набережную* синтаксические значения этих форм — предикативные, а их более конкретные значения, абстрагируемые от лексики, могут быть существенны или для установления системы соотношений и преобразований (если они в этих случаях имеются) или для определения условий заполнения предложно-падежной формой предикативной позиции (если такие условия значимы). В других случаях та же форма слова выступит в других позициях и с другими синтаксическими значениями: [*Я*] *рассчитываю на час [твоего времени], рыцарь на час* и др. Однако из этого не следует, что перед нами — разные формы: это одна и та же форма, в разных позициях реализующая разные свои — весьма богатые и сложные — синтаксические потенции, причем некоторыми из этих позиций на форму накладываются те или иные лексико-семантические ограничения; роль ограничивающего фактора может принадлежать как тому слову, которое определяет связь, так и тому, которое вступает в эту связь. Позиции с лексико-семантическими ограничениями — та питательная среда, в которой образуются лексико-синтаксические спайки, ведущие к качественным преобразованиям и переходам конкретных словоформ в другие лексико-грамматические классы слов (сравн. все многочисленные явления образования наречий из косвенно-падежных форм имени).

Таким образом, при характеристике синтаксических функций и значений форм в их синхронном состоянии следует, на наш взгляд, идти от самых общих значений, определяемых собственно синтаксической позицией формы, к тем ограничениям, которые в этой позиции накладываются на форму лексикой, и фиксировать характер этих ограничений. Особым объектом исследования в дальней-

⁶ Наиболее полные обзоры литературы по этому вопросу см. в работах З. Д. Поповой, К. И. Ходовой, Е. В. Чешко, Д. С. Станишевой.

шем должна явиться сама типология таких ограничений и тех качественных преобразований словоформ, которые могут предопределяться лексико-семантической несвободностью их позиций.

10. В соответствии со всем сказанным можно было бы предложить следующий план построения раздела «Синтаксис формы слова» в описательной грамматике современного русского языка:

- I. Форма слова как синтаксическая категория.
- II. Форма слова в присловной позиции.
- III. Форма слова в предложении.
- IV. Форма слова в номинативной позиции.
- V. Форма слова в связующей функции (в сложном предложении).
- VI. Обобщающая характеристика форм слов на основе систем их функций.
- VII. Типология значений форм слов.
- VIII. Система противопоставлений форм слов по их синтаксическим потенциям.

В пп. II и III материал должен располагаться по формам слов, внутри — по конкретным позициям (соответственно — по общим синтаксическим значениям), далее — по признакам лексико-семантической свободы / несвободности (включая закрытость) и, для лексически несвободных и закрытых позиций, по конкретным значениям словоформ, группирующихся в определенные блоки.

В п. IV материал должен располагаться по формам слов, далее — по признакам лексико-семантической свободы / несвободности, внутри — по характеру специфических для номинативной позиции значений.

В этот план не включены пункты «Форма слова в сложном тексте» и «Форма слова как относительно самостоятельное высказывание», которые должны быть включены в план, ориентированный на исчерпывающую полноту описания синтаксиса формы слова.

1971 г.

О ПОНЯТИИ СИНТАКСИЧЕСКОГО РЯДА

В языке с богатой и давней литературной традицией и разветвленной системой функциональных стилей на каждом этапе его исторического развития очень многие синтаксические структуры имеют свои функциональные и семантические эквиваленты; иными словами, в таком языке всегда существуют строевые элементы, которые в определенный момент связаны друг с другом отношениями взаимозаменяемости. Под отношением взаимозаменяемости синтаксических конструкций понимается предопределенная общностью их грамматического значения способность быть употребленными в идентичной функции. Такую способность к взаимозамещению, опирающуюся на идентичность функций, можно назвать функционально-семантической соотносительностью. Конструкции, находящиеся в отношениях такой соотносительности, образуют синтаксический ряд. Таким об-

разом, синтаксический ряд — это существующий на определенном этапе развития языка набор структур, находящихся между собой в отношениях-взаимозаменяемости или, что то же самое, функционально-семантической соотносительности.

История синтаксиса — это история синтаксических рядов. Изменения в употребительности и в самих формах конструкций происходят не сами по себе, а в условиях непосредственных связей с той ближайшей синтаксической средой, в которой они существуют. Реальным языковым объектом, в процессе исторического развития языка претерпевающим те или иные изменения, является ряд функционально и по значению соотносительных конструкций. Поэтому историю синтаксиса следует изучать не как историю отдельно взятых конструкций, а как историю синтаксических рядов. В основе изменений синтаксического строя лежит, во-первых, меняющееся соотношение членов синтаксического ряда, их расхождение и схождение — функциональное, семантическое, стилистическое; во-вторых, изменения в самом составе рядов, уход отдельных конструкций и появление новых, вступающих в свои собственные отношения с сохраняющимися членами ряда и меняющих внутрирядные отношения в целом; в-третьих, изменения, обусловленные взаимодействием конструкций, входящих в разные ряды, их взаимовлиянием. Все эти процессы и обуславливают собой движения в синтаксическом строе языка.

Изучение истории отдельно взятых структур мало помогает познанию развития синтаксической системы языка в целом или отдельных ее сторон. Только изучив историю отношения такой структуры к другим в составе синтаксического ряда и в системе взаимодействующих рядов, мы можем судить о происходящих исторических процессах, о тенденциях развития отдельных звеньев системы. Так, например, в XVIII — первой половине XIX в. в русском литературном языке существовал трехчленный ряд однозначных структур простого предложения типа: *он веселого нрава — он с веселым нравом — у него веселый нрав*; «конструкция принадлежности» (последний из трех членов приведенного ряда) лишь в конце XIX в. стала самой активной и стилистически нейтральной; еще в середине XIX в. она тяготела к непринужденной речи и в общелитературном языке была менее употребительна, чем построения с родительным качественным или с творительным падежом. На протяжении последнего столетия развитие этого ряда выразилось в ослаблении и ограничении его первых двух членов; предложения со сказуемым родительным качественным постепенно ограничивались и утрачивали употребительность; родительный качественный сохранялся в несказуемой функции (ср. существующий и сейчас двучленный ряд сочетаний типа: *человек веселого нрава — человек с веселым нравом*); что касается предложений типа *он с веселым нравом*, то они также претерпевали ограничения как в употребительности самой конструкции, так и в возможностях ее лексического наполнения (см. [Шведова 1962]). Эта беглая иллюстрация показывает, что если бы мы захотели изучить изолированно историю лишь одной из трех взаимодействовавших конструкций, то такое изучение неизбежно было бы неполным и односторонним.

Каковы границы ряда, чем определяется вхождение или невхождение в его состав той или иной конструкции? Для того чтобы дать ответ на этот вопрос, пред-

стоит детально изучить все возможные виды функционально-семантических соотношений и на основе этого исследования определить как общие принципы установления типологии рядов, так и саму эту типологию в применении к конкретному историческому материалу. Однако уже предварительные изучения позволяют говорить о двух основных видах функционально-семантической соотносительности: это, во-первых, полная соотносительность, или дублетность, и, во-вторых, такой вид соотношений, который можно назвать функционально-семантической близостью или схождением. При полной соотносительности мы имеем дело с собственно равнозначностью конструкций, целиком накладывающихся одна на другую и не различающихся никакими оттенками в своих грамматических значениях и функциях. Примером могут служить в современном русском языке ряды словосочетаний-дублетов типа: *секция фигурного катания — секция по фигурному катанию* или *дом под номером вторым — дом номер второй — дом номер два*. Явления функционально-семантического схождения конструкций связаны с наличием между ними различий — в оттенках общего грамматического значения или в условиях функционирования; так, например, современные русские словосочетания *школа взрослых* и *школа для взрослых* или *волнение публики* и *волнение среди публики* различаются по частным грамматическим значениям: сочетания с родительным беспредложным имеют определительное значение: собственно определительное в первом случае и субъектно-определительное во втором; в предложных сочетаниях те же значения конкретизированы с помощью предлогов; это определение по предназначенности (*для взрослых*) и по локальной отнесенности (*среди публики*). Примером функциональной близости членов ряда может служить отношение сочетаний типа: *высота, равная трем тысячам метров — высота в три тысячи метров — высота три тысячи метров — высота трех тысяч метров*; условия функционирования последнего члена ряда ограничены: такое сочетание возможно только при косвенном падеже стержневого слова (*на высоте трех тысяч метров, с высоты трех тысяч метров, на высоту трех тысяч метров, но не *высота трех тысяч метров*).

Стилистические различия возможны как между дублетами, так и между такими членами ряда, которые совпадают по общему значению, но расходятся по оттенкам этого значения или по функциям (будем называть их эквивалентами); эти различия не относятся к числу явлений, определяющих типологию рядов, так как синтаксический ряд, как категория грамматическая, строится на основе грамматических, а не стилистических признаков. Однако стилистические расхождения играют существенную роль как в развитии соотношений между членами ряда, так и в общей тенденции развития ряда как целого.

При появлении синтаксических новообразований, пополняющих уже существующий ряд или открывающих новый ряд (в тех случаях, когда новообразование «подстраивается» к имеющейся в языке конструкции в качестве ее дублета или эквивалента), обычно остро встает вопрос о правильности или неправильности такого новообразования, об его отношении к языковой норме. Так, например, в результате своеобразных структурных упрощений и преобразований в современном русском языке функционирует ряд словосочетаний-дублетов типа:

стоять в очереди на получение квартиры — стоять в очереди на квартиру — стоять на квартиру; члены такого ряда стилистически противопоставлены. Все ли конструкции этого ряда следует считать правильными? И каковы вообще критерии правильности для синтаксических новообразований?

Новые типы построений, непривычные сочетания часто кажутся ошибочными тем, кто привык к уже установившейся норме; однако это не значит, что эти конструкции действительно неправильны. Критерием правильности, «законности» для синтаксических новообразований, по-видимому, должны служить два момента: во-первых, регулярная воспроизводимость, тенденция к закреплению в коллективной языковой практике; во-вторых, вхождение в систему в качестве такого ее звена, которое связано с другими звеньями системы и с ними взаимодействует. Определяющим фактором является второй. Поясним это примером. В современном языке закрепляется двоякое предложное управление слов *заявить, заявление: заявить, заявление о ком-чем — заявить, заявление на кого-что*. В первой конструкции — старое, нормативное глагольное управление; сочетания с *на* + вин. пад. — синтаксическое новообразование, возникшее по аналогии с *жаловаться, жалоба на кого* в результате контекстуально обусловленного сужения значения слова *заявление*. Правильно или неправильно это новообразование? С точки зрения старой нормы — неправильно. Но, во-первых, оно приобрело массовую употребительность и регулярно воспроизводится в официальной, газетной, разговорной речи; во-вторых, — и это главное — оно входит в соотношение с другими образованиями, активно с ними взаимодействует; под влиянием *заявление на кого* (первоначально — только с одушевленными существительными) появилось *заявление на что* — с утратой семантического соответствия «заявление — жалоба»: *заявление на жилплощадь, заявление на развод* и под. Этим порождаются новые движения: в ряду типа *подать заявление о разводе — подать заявление на развод* в результате упрощения появляется третий, стилистически ограниченный компонент: *подать на развод, подать на жилплощадь* и под. Таким образом, синтаксическое новообразование *заявить, заявление на кого-что*, в определенном — и довольно широком — кругу носителей литературной нормы воспринимающееся как неправильное, входит в язык; это подтверждается не только и не столько высокой частотностью употребления, но и, что гораздо важнее, развитием у него новых связей, во-первых, с уже существующими конструкциями, во-вторых, с сочетаниями, которые сами возникают на его основе.

Итак, грамматическая норма — это не обязательно старое, закрепленное традицией употребление. Грамматическая норма — это возможность такого образования и употребления форм, которая, характеризуясь регулярной воспроизводимостью в коллективной языковой практике, вводит соответствующие языковые единицы в системные соотношения и связи с другими единицами языка.

В определенные периоды развития языка синтаксический ряд может оказаться открытым и для таких новообразований, которые не отвечают сформулированным выше требованиям нормы. Это относится почти исключительно к тем случаям, когда к уже существующим структурам подстраивается в качестве дублетной конструкция, являющаяся принадлежностью узкой или специфической

речевой сферы (ср.: избыточные сочетания типа *магазин по продаже хозяйственных товаров*, *фабрика по производству готовых лекарств*). Естественно возникает вопрос: если мы рассматриваем синтаксический ряд как единицу языковой системы, то вправе ли мы включать в этот ряд в качестве его членов такие новообразования, которые, дублируя уже существующие конструкции функционально и семантически, заведомо не необходимы и, ограничиваясь употреблением в специфических языковых сферах, имеют характер отступления от нормы? Но в tomto и заключается природа синтаксического ряда, что, в целом являясь одним из звеньев системы, он всегда открыт для таких построений, которые сами по себе могут и не войти в систему в качестве отстоявшихся и закрепившихся ее элементов. Всякое новообразование, возникая, вступает в синтаксический ряд — уже существующий или «потенциальный»¹; ряд принимает это новообразование и включает его в круг действия и связей своих членов. Но это еще не значит, что тем самым новообразование автоматически входит в систему языка: оно может не закрепиться в составе ряда, исчезнуть как избыточное. Новообразование исчезнет, но ряд сохранится. Таким образом, синтаксический ряд — это по своей природе живая ячейка, внутренне изменчивая и постоянно подвижная; это как бы своеобразная лаборатория, апробирующая и испытывающая на прочность все то новое, что стихийно возникает в речевой практике. В систему языка из этой лаборатории переходит лишь то, что в составе ряда находит свое собственное место, оправданное потребностями самой этой системы.

Нередко приходится слышать, что синтаксический строй современного русского языка упрощается и стандартизируется: появляются многочисленные штампы, стереотипные формулы, которые, проникая во все сферы речи, нивелируют язык стилистически и обедняют его выразительность. В качестве основного аргумента в пользу «упрощения и стандартизации» синтаксиса обычно приводится тезис о развитии так называемого аналитизма: в составе разных видов словосочетаний слова, обладающие парадигмой словоизменения, перестают склоняться и примыкают в исходной форме к определяемому слову; порядковые числительные — определители вытесняются количественными числительными в их исходной форме; появляются сочетания типа: *в городе Раменское*, *автомагистраль Москва — Ленинград*, *рейс восемнадцать* и под. Сами по себе такие сочетания, конечно, являются формулой более простой, чем равнозначные модели, строящиеся с формами словоизменения. Но если брать эти новые сочетания не изолированно, а как члены ряда и рассматривать как единицу синхронного среза синтаксической системы не отдельную конструкцию, а именно ряд, то мы увидим, что развитие упрощенных конструкций ведет не к сокращению, а к усложнению синтаксического ряда; это усложнение есть одновременно и обогащение, так как новая структура, расширяя границы ряда, закрепляет за собой определенный круг функций и этим содействует дальнейшей стилистической дифференциации других членов ряда.

¹ Под «потенциальным рядом» понимается существующая в системе языка конструкция, к которой в качестве функционально-семантического эквивалента или дублета может «подстроиться» новообразование.

Появление новых конструкций простой структуры, облегчение уже существующих структурных типов или развитие в них почти ничем не ограниченных возможностей лексического наполнения само по себе еще не говорит об упрощении синтаксического строя языка: нужно посмотреть, в какие синтагматические отношения вступают новообразования, какие изменения они вносят в синтаксический ряд и как расширяют его границы. И здесь-то обнаруживается, что непосредственным следствием появления новообразований обычно является усложнение ряда, развитие в нем новых отношений, дальнейшая дифференциация функций отдельных его членов. Появление новых конструкций не влечет за собой автоматической замены ими конструкций уже существующих. Поэтому сами по себе новые структуры «упрощенных» типов не могут служить аргументом в пользу тезиса об обеднении синтаксического строя или его стандартизации. Изучение соответствующих материалов показывает, что в целом система словосочетаний современного русского языка, обогащаясь новыми конструкциями, становится по сравнению со своим предшествующим состоянием более гибкой и более сложной.

Кроме того, при характеристике общих тенденций развития синтаксиса нельзя упускать из виду тех сложных явлений, которые возникают в результате взаимодействия структур, не объединенных ни общностью значения, ни совпадением функций, а связанных друг с другом отношениями порождения. Так, в современном русском языке очень большое количество вновь образующихся субстантивных сочетаний с именным примыканием в своей форме как бы опираются на трехчленные глагольные структуры, строящиеся на основе сильного управления и именного примыкания. Например, возможность связи компонентов в сочетании типа *учебная нагрузка в часах* может быть объяснена лишь через конструкцию типа *учитывать (планировать и т. п.) учебную нагрузку в часах*. Точно так же новообразование *библиотека на общественных началах* имеет в качестве «опорной» глагольную структуру типа *организовать библиотеку на общественных началах*, в которой предложно-именная группа *на общественных началах* естественно тяготеет к глаголу и лишь через него — к имени. Если при этом помнить, что процессы пополнения рядов новыми конструкциями, возникающими по продуктивным образцам, и процессы образования одних конструкций на основе преобразования других взаимосвязаны и взаимообусловлены, то картина развития современной системы словосочетаний предстанет как очень сложная, а характерной ее чертой окажется ярко выраженная взаимопроницаемость отдельных ее звеньев.

Признав, что претерпевающей изменения конструктивной единицей синтаксического строя является синтаксический ряд (а не признать этого нельзя, так как именно в структуре ряда находят приложение все те факторы, которыми обусловлено меняющееся взаимодействие функционально и семантически соотносительных конструкций), мы должны принять и тезис о том, что основные конструктивные единицы в сфере словосочетания усложняются. Это усложнение системы связано с развитием в ней новых единиц. В то же время появление новообразований на какое-то время неизбежно ведет к дублетности, от которой язык всегда старается освободиться. Но даже если обогащающиеся сейчас ряды в про-

цессе дальнейшего развития упростятся за счет выпадения малоактивных звеньев или дублетов, сами эти ряды не только сохранятся, но, преобразуясь, явятся теми сериями, в которых будет заключена потенция новых преобразований.

1967 г.

О ФУНКЦИЯХ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

I

Никто не сомневается в том, что основная и первичная функция простого предложения — служить средством сообщения. Как бы ни подходить к предложению, с какой бы стороны его ни определять, это основное и первичное назначение предложения всегда остается — явно или скрыто — обязательным элементом всякого определения. Будем ли мы видеть в предложении «мысль, выраженную словами», или какую-то линейную организацию словоформ, простейшую (ядерную) либо возникающую в результате определенных трансформаций, или реализацию определенных отношений, или, наконец, двумерную грамматическую единицу, которая имеет наряду со специфическим формальным устройством и свое собственное грамматическое значение, — в любом случае мы исходим из коммуникативной функции предложения, из того тезиса, что эта единица предназначена специально для того, чтобы быть сообщением. Эта функция сообщения — носителя определенной информации — отличает предложение от других единиц — морфемы, слова, словосочетания.

Известно, однако, что в определенных условиях передавать информацию может не только предложение, но и любой знак. Поэтому сказать, что функция предложения — служить средством сообщения, еще мало. Нужно определить специфику того сообщения, которое передается предложением — в его отличии от всяких других видов сообщения.

Эта специфика состоит в том, что, сообщая о чем-то, предложение, в отличие от любого другого знака, одновременно соотносит информацию со сложной областью реальной действительности: то, о чем сообщается, самой формой предложения относится во временной план настоящего, прошедшего или будущего (т. е. в план реального, определенного времени), либо в неопределенный (ирреальный) временной план — возможного, желаемого, необходимого или требуемого. Для выражения всех этих значений предложение располагает специальными грамматическими средствами. Таким образом, уже в самих формах предложения заключается не просто сообщение, но и характеристика сообщаемого с точки зрения его отношения к действительности. Приняв это существенное уточнение, мы можем сказать, что основная и первичная функция предложения есть функция сообщения о чем-то как о происходящем в определенном (реальном) или неопределенном (ирреальном) времени.

Однако назначение быть сообщением — не единственное у простого предложения. Оно выполняет и ряд других, весьма существенных функций. Это функ-

ции форманта сложного предложения, детерминирующая, замещающая и называющая.

II

1. Простое предложение участвует в формировании сложного. В лингвистической литературе этот тезис считается бесспорным и общепризнанным лишь до тех пор, пока речь идет об участии в составе сложного тех форм простого предложения, которые выражают реальность, т. е. форм настоящего, прошедшего и будущего синтаксического времени. В самом деле, очевидно, что в сложных предложениях *Я объясняю, а ты не слушаешь; Он не придет, потому что у него нет времени* или *Скажи ему, что завтра в пять часов лекция* соединились два простых предложения. Однако в таких случаях как: 1) *Не будь у него времени, он бы не пришел*, 2) *Я объясняй, а ты даже слушать не хочешь?* 3) *Вы просили, чтобы в пять часов была лекция?* 4) *Из кожи вылезу, пусть бы только дети учились* о подчеркнутых формантах обычно уже не говорится как о простых предложениях в составе сложного: в них видят особые структуры, принадлежащие только и единственно уровню сложного предложения. Между тем в этих формантах представлено одно из нормальных изменений простого предложения, т. е. одна из его форм. В первом предложении формант *не будь у него времени* является формой предложения *У него нет времени*, несущей одно из значений ирреальности — условное. Сравните возможные формы условного наклонения у предложений других структур: *Не учись бы (не учись, не учились бы) дети, я бы уехал из города; Будь (будь бы, был бы) я инженером, я бы работал на заводе; Будь бы (будь, было бы) у тебя всего вдоволь, ты бы не стал жаловаться* и т. д. Во втором предложении формант *я объясняй* является формой предложения *Я объясняю*, заключающей в себе одно из значений ирреальности — должноствовательное. Ср.: *Дети учись, а ни книг, ни тетрадей нет; У меня не будь ни минуты свободной, а ты будешь бездельничать? В доме всего будь вдоволь, а сам не желает работать* и под. В третьем предложении формант *чтобы была лекция* является формой сослагательного наклонения так называемого номинативного предложения (*В пять часов — лекция*). Ср.: *Хочу, чтобы дети учились; Хорошо, что ты пришел сегодня: вчера не было бы времени поговорить; Закрой окно, чтобы не было слышно голосов* и под. В четвертом предложении формант *пусть бы только дети учились* является формой предложения *Дети учатся*, заключающей в себе одно из значений ирреальности — желательность. Ср.: *Буду ночами работать, только бы (лишь бы, пусть бы только) сын был инженером; Ничего не пожалю, только бы (лишь бы, пусть бы только) у него всего было вдоволь; Окно готов забить, только бы (лишь бы / пусть бы только) не было слышно этого шума* и под.

Таким образом, в приведенных сложных предложениях формант, выражающий ирреальные значения, есть не что иное, как форма простого предложения, включившаяся в структуру сложного. Правила такого включения и запреты почти не изучены. Однако несомненно, что для разных форм предложения эти пра-

вила различны: одни употребляются в составе сложного так же свободно, как и в независимой позиции; другие связаны со сложным предложением преимущественно или исключительно; третьи входят в его состав редко, при ярко выраженных ограничивающих условиях.

Формы простого предложения, несущие ирреальные значения, составляют значительный массив среди других формантов сложного предложения. Регулярность их образования (там, где это не противоречит собственно содержательной стороне высказывания) настолько велика, что они нередко переступают через морфологические возможности входящего в предложение глагола. Вот яркие и характерные примеры: *Прокурарекал, а там хоть и не рассветай* (посл.); «Это просто свойство такое у подлости — проявляться на трудностях. *Недоставай завтра чего-то другого, шкурно важного* — и тоже сразу ясно станет, кто Сим, а кто Хам» (газ.). Перед нами форма условного наклонения предложения *Рассветает, Чего-то не достаает* (ср. другие возможные их формы с тем же значением: *...а там пусть хоть и не рассветает; Недоставало бы чего-то, Если бы недоставало*). Для образования условного наклонения с глагольной формой, омонимичной форме повелительного наклонения, использована форма повелительного наклонения безличного глагола, отсутствующая в его парадигме, т. е. невозможная на морфологическом уровне.

2. Разные формы простого предложения в роли грамматического форманта сложного ведут себя по-разному. Формы настоящего, прошедшего и будущего времени употребляются как в свободной позиции, так и в составе сложного предложения. Формы сослагательного наклонения могут употребляться как свободно (в условиях контекста), так и в составе сложного предложения, в его придаточной части (второе чаще), например: *Съезди в деревню. Сейчас лето. Ты бы немного отдохнул и: Нужно, чтобы ты немного отдохнул*. Аналогично употребляются формы должноствовательного наклонения: в свободной позиции и в составе сложного (сложносочиненного) предложения, например: *Что за жизнь у него! Всем он помогай, всех он выручай и: Он всех выручай, а об нем никто не позаботится*. Формы желательного наклонения употребляются как в свободной позиции, так и в составе сложного предложения, например: *Только бы сын стал человеком! и: Ничего не пожалею, только бы (лишь бы) сын стал человеком!* Формы условного наклонения функционируют только в составе сложного предложения, например: *Выручи бы он меня, я бы этого не забыл! Отдохнул бы (отдохни, отдохни бы) ты немножко, ты бы сразу ожил*.

Особых замечаний требует употребление формы побудительного наклонения. Обычно отмечается, что эти формы («побудительные предложения») употребляются только в независимой позиции. Однако в разговорной речи и просторечии нормальны употребления вроде: *Он сказал, что мы пусть останемся здесь, а ты иди домой*. Нормально также употребление этих форм при сочинении, например: *Они как хотят, а мы давайте (давайте будем, будемте) веселиться!* Есть и еще один круг явлений, относящихся к функционированию простого предложения в форме побудительного наклонения в со-

ставе сложного. Это — формы с частицей *пусть*, развивающей союзную функцию, например: *Ты ей душу разбудил. Пусть боль, пусть тоска, но это жизнь* (В. Овечкин), *Пусть одиночество, чем быть в чужих руках забавою, Интригою, Игрушкой* (А. Богучаров). В подобных случаях, когда сохраняется форма побудительности простого предложения и общее значение волеизъявления (допущения), есть все основания говорить о том, что перед нами — форма простого предложения в составе сложного, с явным формированием в семантике частицы союзного значения.

Следует специально подчеркнуть, что ограниченность и строгая определенность круга функций некоторых форм простого предложения не выводит их за пределы единой системы формоизменения простого предложения: принадлежа простому предложению как один из его нормальных грамматических видов, такие формы могут быть функционально прикреплены к сложному предложению и именно через эту свою функцию входить в сферу законов и правил его грамматической организации.

3. Становясь формантом сложного предложения, форма простого предложения может претерпевать существенные изменения в своей грамматической семантике. Именно этой сфере прежде всего принадлежат разнообразные транспозиции временных и модальных значений предложения. Так, например, в независимом употреблении форма *Он будет* означает будущее; в составе сложного предложения: *Я говорил, что он будет знаменит, так и вышло* эта же форма означает «будущее в прошлом». В независимом употреблении форма *Ты актер* обозначает настоящее; в сложном предложении: *Ты вспомни, как ты жил: то ты актер, то путешественник, то журналист*, та же форма относит сообщение в прошлое. В рассмотренных выше примерах с формами побудительного наклонения на основное значение этих форм в сложном предложении накладывается значение уступительности или сопоставительности.

Таким образом, на уровне синтаксиса сложного предложения (и, шире, синтаксиса развернутого текста) возникает проблема разнообразных транспозиций модальных и временных значений разных форм простого предложения, традиционно относимая к морфологическим значениям глагольных форм. Эти транспозиции могут определяться как самой структурой сложного предложения, так и — очень часто — собственно содержанием высказывания.

4. С функционированием форм простого предложения в составе сложного тесно связан вопрос о полипредикативности сложного предложения. Несомненно, что, входя в состав сложного в качестве его форманта, простое предложение сохраняет грамматическое значение модальности и времени. Однако при этом происходит внутреннее преобразование этого значения под влиянием грамматического соседства и разнообразных синтаксических взаимодействий. Существенно, что самой структурой сложного, в первую очередь сложноподчиненного, предложения образующие его форманты поставлены в неравноправное положение: один из них, грамматически зависимый, претерпевает изменения в своем временном и модальном значении под влиянием другого, грамматически главенствующего. Так, в простом предложении *Только бы (лишь бы) сын стал человеком!*

самой формой предложения выражается желательность как отвлеченная эмоциональная устремленность в план будущего. В составе сложного предложения: *Всю жизнь она работала, себя не жалела, только бы (лишь бы) сын стал человеком* это значение преобразуется и осложняется: помимо осложнения целевым значением, эмоциональная устремленность здесь перемещена в прошлое; фактором, обуславливающим эту транспозицию, является грамматическое значение главной части (синтаксическое прошедшее). Введением всего этого сложного предложения в определенный синтаксический контекст могут быть вызваны дальнейшие преобразования: *Всю жизнь она работала, себя не жалела, только бы (лишь бы) сын стал человеком, а он так жестоко обманул ее надежды!* Здесь на значение желательности наслаивается не только отнесенность ее в прошлое, идущая от главной части сложного предложения, но и модальность неосуществленности, идущая от заключительной части всего построения.

Таким образом, грамматический контекст (а сложное предложение есть не что иное, как минимальная единица контекста) может существенно преобразовать грамматическое значение входящего в него простого предложения как зависимого форманта. Предикативность частей в таком предложении внутренне глубоко различна: грамматически несамостоятельный формант оказывается несамостоятельным и в смысле своей грамматической семантики. Поэтому сложное предложение — это не просто «сумма двух предикативностей», а некое особое качество, в котором отношение к действительности представлено только в главной части, в зависимой же части представлено отношение к этому отношению.

III

Простое предложение может выступать в синтаксической позиции детерминанта, т. е. выполнять определяющую функцию по отношению ко всему предложению в целом. При этом детерминирующее предложение (так же, как и в функциях замещающей и называющей; см. ниже) может открываться относительным местоимением, т. е. выступать как грамматически оформленный формант сложного предложения. Это условие не является, однако, обязательным: местоименно (и союзно) оформленные предложения в этих функциях могут выступать наравне с предложениями без такого оформления.

Наиболее ясные и бесспорные случаи — это вхождение предложения с темпоральным значением в открытый ряд с детерминантами — отдельными словоформами; например: *Осенью, когда грязь, в этот овраг плохо спускаться; Там на берегу, когда на землю опустится роса, горько пахнет степная полынь; Через несколько дней, как установится погода, снова двинемся в путь; Сейчас, когда верстается этот номер, на улицах и площадях происходят народные гулянья (газ.).*

По-видимому, очень многие явления такой детерминации, традиционно рассматриваемые в рамках сложного предложения, должны быть выведены из этой сферы; их место — в области правил распространения простого предложения. Детерминант в форме предложения может и не входить в ряд с другими детерми-

нантами, а выступать как единственный; например: *Когда грязь, в этот овраг плохо спускаться; Когда на землю опустится роса, горько нахнет степная полянь; Как установится погода, снова двинемся в путь* и под. Показателем детерминирующей функции таких предложений является, кроме нормальной начальной позиции, свобода сочетания с предложениями разной структуры. Для разговорной речи характерна детерминирующая (субъектно-объектная) функция предложений с относительным местоимением *кто*: *Кто с детьми (у кого дети) — трудно; Кто хочет быть здоровым — зарядка нужна обязательно; А в деревне ты шофер, тракторист, комбайнер, слесарь, мотоциклы свои у ребят — интересней, кто технику любит* (газ.). Однако вопрос этот требует изучения, здесь он только поставлен.

Та же детерминирующая (темпоральная и темпорально-каузальная) функция обнаруживается у глагольных нераспространенных (обычно бесподлежащих) предложений и без относительных слов. Это случаи вроде: *Сию минуту уйду-с... Не побеспокою... Озябла, признаться, бежала* (Пл. Успенский. Будка); — *Что же, очень рад был? — спрашивал он. — Как же не рад! Чуть не прыгает пошел отсюда* (Л. Толстой. Анна Каренина); *В Спас-Клепики я поехал, чтобы увидеть все, что связано там с именем Есенина. Ехал — не знал ни одного человека* (газ.); сравните в записях разговорной речи: *Бежала к тебе озябла; Мы шли видели лося; Гуляла с малышом зашла в магазин; Так я устала ходила! Замерзла ты? А я вот не замерзла шла*. Вхождение в функционально соотносительный ряд с союзными построениями и с отдельными словоформами подтверждает детерминирующий характер таких предложений. Ср.: *Гуляла с малышом зашли в магазин — Когда гуляла... — Гуляя...*

IV

1. В потоке речи, в разнообразных контекстах предложение реализует еще одну свою функцию — *з а м е щ а ю щ у ю*: предложение — целиком или в какой-то своей части — может занимать синтаксическую позицию отдельной словоформы: зависимого элемента словосочетания или компонента структурной основы предложения. В романе А. И. Эртеля «Гарденины» (1890) в речи героя из неинтеллигентской среды находим следующий любопытный пример: «Вот, господа, прогуливается, этта, по Тверской самый что ни на есть первеющий барин, обнаковенно, в пальте, американского бобра воротник и эдакая *угоришь тросточка*» (2, 1). Очевидно, что форма *угоришь* не отвечает здесь никаким грамматическим нормам. Эта форма в обобщенно-личном значении занимает при существительном *тросточка* синтаксическую позицию определяющего слова с качественно-характеризующим значением. Таким образом, обобщенно-личное предложение находится здесь в совершенно несвойственной ему синтаксической позиции. Это же предложение может занять позицию сказуемого, например: *Тросточка у него — угоришь!* Перед нами предложение в замещающей функции, в первом случае — в словосочетании, на месте зависимого компонента, во втором — в предложении, на месте сказуемого.

2. Остановимся сначала на замещении предложением синтаксического места зависимого компонента словосочетания. Это явление отмечается в эмоционально окрашенной, непринужденной речи, в стихах. Вот некоторые примеры: *Ну, мебель конечно, обычная, стиля «все как один»* (А. Ремчук); *Привыкла считать себя «не как все»* (газ.); *И сразу внять московских организаций полетел телеграфный «караул, спасайте»* (газ.). Нормальный грамматический вид выделенных сочетаний — это сочетания с грамматически подчиненной словоформой (*шаблонный стиль, считать себя особенной, телеграфный крик о помощи* и т. п.).

В специальной грамматической литературе все явления, отражающие замещение места компонента словосочетания целым предложением, отводятся в сферу сложного предложения. Так, например, в предложении: *Я пристально наблюдаю, но увижу: кукушка кладет яйцо вряд ли кому удавалось* (В. Песков) подчеркнутая часть традиционно рассматривается как бессоюзное сложное предложение (*увидеть, как кукушка кладет яйцо, увидеть то, как...*). Однако перед нами простое предложение с замещением места сильно управляемого имени целым предложением¹.

Для того, чтобы с уверенностью разграничить, с одной стороны, явления замещения синтаксического места целым предложением в составе простого и, с другой стороны, явления грамматической организации собственно сложного предложения, нужно прежде всего определить, что такое сложное предложение как специфическая структура. При этом, по-видимому, предстоит освободиться от привычной мысли, что относительное местоимение (а иногда и союз) в любом случае является бесспорным показателем грамматической сложности предложения.

3. Разные по своей структуре предложения (в полном или неполном виде) способны замещать позицию обязательного компонента структурной основы предложения. Существенно, что это имеет место только у таких предложений, структурная основа которых состоит из двух словоформ, т. е. у так называемых двусоставных предложений или у двукомпонентных предложений с родительным падежом типа *Времени мало, Вопросов масса*.

В двусоставных предложениях целым предложением может быть замещено место как подлежащего, так и сказуемого. Замещение подлежащего представлено в случаях вроде: *«Все знаю» — не лучший аргумент* (газ.); *Звучит во мне твое «Приду»* (Д. Терещенко) и под. При таком употреблении в позиции подлежащего в предложении ослабляется его специфическое грамматическое значение; на это значение наслаивается комплекс других значений: во-первых, значение субъектное и, во-вторых, значение номинативное, идущее от синтаксической позиции.

Значительно чаще в речи имеет место замещение предложением синтаксического места именного сказуемого, причем такого, которое лексически выражает оценочное или характеризующее значение. В роли замещающих выступают обычно нераспространенные или малораспространенные предложения, часто — с обобщающим значением. Именно таковы следующие предложения: Складный

¹ См. об этом: [Егорова (Кручинина) 1967; Кручинина 1968].

да ладный такой паренек: *Руки — медведя за горло душишь, И корме-вать на нови пеньки, Ноги — по мерке сапог не найти* (А. Яшин); *У друга базарная кличка — «Петруша», глаза — поскорее чего бы украсть* (И. Шкляревский); *Один пропал в военной выюге, Судьба другого — горше нет* (А. Корнеев); *Девочки говорят, что быть учительницей — сплошная трепка нервов и горло надорвешь* (газ.).

Такие же замещения возможны и в формах прош. времени, а также в реализациях с полузнаменательными глаголами: *Ноги у меня были все равно хоть выбрось их* (М. Булгаков. Записки юного врача); *А домик-то оказался — ногтем сковырни* (С. Сартаков. Не отдавай королеву). С фразеологизмами: *Вещь получилась — пальчики оближешь; Темень была — зги не увидишь*.

Так же, как и при замещениях в составе словосочетания, место подлежащего или сказуемого может быть замещено предложением, открываемым союзом или относительным словом. И здесь — та же мнимая придаточность, о которой говорилось выше; например, в записях разговорной речи: *Для вас найдется что по-новее; Ходит кто смелый; Кто по сильнее пойдет учиться на радиотехника; С кем пришлось встретиться говорили то же самое; Человек он — каких тысячи*. Особенно показательны построения со связками, например: *Как стал он владельцем этого фильма, где раздобыл его, есть тайна, которую никто пока не удосужился раскрыть* (газ.); *Что раньше на северном берегу не было ни одного врача — это известно* (газ.); *Но так уж считается, если сын стал токарем — это не благо для семьи, а если поступил в институт — великая радость* (газ.).

В современной публицистической, ораторской речи активизируются двусоставные предложения со сказуемым — именем существительным в именит. пад., с обязательной связкой *это*, главные члены которых находятся не в отношении признака и его носителя, а в отношении обусловленности, причинно-следственной связи, порождения, стимулирования, ассоциирования; например: *Работа на «Скорой» — это тяжесть носилок с больным; КВН — это вспыхивающие споры; Здоровье — это хорошее настроение*. Показательно, что и здесь место сказуемого может быть замещено предложением с относительным словом; связка обязательно сохраняется; например: *Принято считать, что творчество — это когда пишут книги, музыку, картины, делают научные открытия* (газ.).

4. В двукомпонентных предложениях с родит. падежом типа *Много работы* место количественного компонента в экспрессивно окрашенной речи очень часто замещается нераспространенным или малораспространенным предложением с семантикой обобщающей и оценивающей количественной характеристики, например: *Разговоров — на воз не покладешь, на паре не увезешь* (А. Веселый. Россия, кровью умытая); *Зрителей — яблоку негде упасть* (газ.); *Лечь да растянуться — земельки-то, а живут... живут!* (И. Касаткин. На барках); *Инструмента всякого — словно подняли клад из-под земли* (М. Кочнев. От всей души). То же в формах других времен: *У меня у самого благо-родства-то — ней не хочу было!* (Л. Леонов. Барсуки).

V

Наконец, предложение очень часто выступает в функции *на з ы в а ю щ е й*, т. е. в функции изолированной словоформы или изолированного словосочетания. Это — широко известные случаи названия целым предложением литературного сочинения, статьи, кинофильма, картины и под. Ср. известные всем названия вроде «Грачи прилетели», «Не ждали», «Всюду жизнь», «Время, вперед!», «Иду на грозу», «Опять двойка», «Я шагаю по Москве» и т. п. В называющей функции могут выступать и предложения с союзом или союзным словом: «Когда деревья были большими», «Если дорог тебе твой дом», возможно в эллиптированном виде («Если парни всего мира...») или в формах ирреальных наклонений («Живи и помни»).

В этих случаях на основное грамматическое значение предложения наслаивается значение, свойственное слову как номинативной единице. Однако сложность здесь заключается в том, что в подобных случаях предложение является одновременно указывающим и называющим знаком: оно совмещает функцию названия с функцией указательной («это есть то-то»). Но при этом предложение сохраняет свою форму и свое значение как предикативная единица: в нем остаются формально выраженными синтаксические время и наклонение. В результате возникает функционально обусловленное комплексное значение, которое не может быть приравнено к тому значению, которым характеризуется предложение в своей основной функции — относительно самостоятельного сообщения. Употребление простого предложения как единицы называющей накладывает ярко выраженные ограничения на возможности его распространения и на его синтагматические связи.

Из всего сказанного можно сделать следующие выводы:

1. Ставшее обычным противопоставление: «слово как единица номинативного уровня языка — предложение как единица его коммуникативного уровня» правильно лишь на той ступени анализа, когда мы рассматриваем язык на парадигматической оси, т. е. как отвлеченную систему определенным образом противопоставленных единиц. Но как только мы переходим из сферы формальных отношений в сферу функциональную, это противопоставление оказывается односторонним и требующим существенных уточнений.

2. На уровне синтаксиса предложения место и роль парадигмы простого предложения, системы его форм — двойки. Эти формы безусловно принадлежат простому предложению как реальный вид его грамматического существования. Однако как только от собственно грамматического описания этих форм мы переходим к изучению правил их употребления, мы обнаруживаем, что эти правила обращены не только к простому, но и к сложному предложению, к его грамматическому устройству, определив при этом, что та или иная форма простого предложения употребляется преимущественно или исключительно как формант сложного предложения, мы сказали все, что должны были сказать об этой форме как о простом предложении и его регулярных функциях. Переходя на следующую ступень изучений, мы рассматриваем правила вхождения этой формы в сложную струк-

туру и, с другой стороны, ее семантические преобразования в составе такой структуры.

3. Систематический и полный анализ разных случаев замещения предложением синтаксической позиции словоформы — в словосочетании и в предложении — позволяет пересмотреть очень многие вопросы, традиционно относимые к теории сложного предложения, в описаниях которого часто приходится сталкиваться с искусственными приемами, подгоняющими случаи такого замещения под привычные схемы сложного предложения.

4. В тех случаях, когда простое предложение выступает в замещающей функции, его основное грамматическое значение осложняется значением того компонента, позицию которого оно замещает: в словосочетании значением объектным или определительным, в предложении — субъектным или предикативно характеризующим. Эта осложненность не есть нечто внешнее: с ней связано ослабление в замещающем предложении его собственного грамматического значения. Перед фактом осложнения и преобразования грамматической семантики предложения мы оказываемся и в тех случаях, когда предложение выступает в функции единицы называющей.

5. Функции самостоятельного сообщения, замещения зависимого компонента словосочетания и называющая не накладывают никаких видимых собственно грамматических запретов на выбор той или иной структуры предложения или той или иной его формы. Что же касается функций форманта сложного предложения, детерминирующей и замещения предиката, то здесь действуют ограничения, которые предстоит изучить.

6. Рассмотренные функции простого предложения не выстраиваются в один ряд. Основной является функция относительно независимого сообщения. Остальные — вторичны. Среди них наиболее существенны функции форманта сложного предложения и детерминирующая; здесь открывается широкое поле для исследования сложных грамматических отношений и преобразований. Функция замещающая грамматически ограничена и стилистически значима: она реализуется в определенных конструкциях и в определенных речевых сферах.

МЕСТО СЕМАНТИКИ В ОПИСАТЕЛЬНОЙ ГРАММАТИКЕ

МЕСТО СЕМАНТИКИ В ОПИСАТЕЛЬНОЙ ГРАММАТИКЕ (СИНТАКСИС)

1. Цель настоящей статьи — поставить некоторые общие вопросы, связанные с характеристикой семантической стороны синтаксических конструкций — так, как эта характеристика может быть представлена в описательной грамматике русского языка. Автор статьи не претендует на единственность и бесспорность предлагаемых решений и рассматривает свои выводы прежде всего как некоторые обобщения, которые могут стимулировать дискуссию. Естественно, что речь пойдет прежде всего о семантическом аспекте и изучении предложения. В последнее время, как известно, интерес к этой стороне предложения значительно активизировался. В работах русских, чешских, польских синтаксистов даются образцы конкретного анализа содержательной стороны предложения (см. работы Т. Алисовой, Ю. Апресяна, В. Гака, Н. Арутюновой, Д. Шмелева, Фр. Данеша, Я. Корженского, Ст. Кароляка, Л. Богуславского, А. Вежбицкой и др.). Представляющие иногда очень разные направления в изучении синтаксической семантики, исследования этих и ряда других авторов, несомненно, помогают выработать объективные языковые критерии для определения категорий семантической структуры предложения и типов самих этих структур. В существующих описательных грамматиках славянских языков семантический аспект синтаксиса, как правило, отражен очень неполно.

2. Нигде и никогда ни один знающий и уважающий мировую лингвистическую традицию синтаксист не отрицал необходимости рассматривать значение синтаксической конструкции как определенной формальной организации. Один из самых замечательных языковедов прошлого — и самый «формальный» из всех грамматистов — Ф. Ф. Фортунатов еще в начале нашего столетия в лаконичных и убедительных формулировках определил, что различие в разных типах того, что он — все вместе — называл словосочетаниями, лежит в сфере значений.

Наличие содержательной стороны в синтаксисе (т. е. синтаксических значений) признают все. Расхождения начинаются там, где возникает конкретная задача определить строго, что же понимать под синтаксической семантикой. Поэтому нет оснований утверждать, что те синтаксисты, которые анализ этой содер-

жательной стороны начинают с наиболее абстрактных, собственно грамматических значений (таких, как предикативность для предложения, тип отношений для непредикативных сочетаний), отказываются от семантического анализа, — так же, как нет оснований утверждать, что к этому анализу первыми приступают те синтаксисты, которые сразу начинают с более конкретных, по существу с лексических значений, представляя их как первичные и единственные содержательные единицы синтаксиса. Дело осложняется тем, что в грамматических описаниях значимая сторона синтаксических конструкций последовательно никем не выделяется как особый и специальный объект, полностью абстрагированный от грамматической «оболочки». Семантические характеристики, как правило, всегда оказываются сопровождающими собою характеристики формальные, и поэтому представление самих семантических категорий и их иерархия как самостоятельные объекты изучения исчезают из поля зрения.

3. Поиски путей, по которым следует идти синтаксисту в описании содержательной стороны своего объекта, идут в разных направлениях. От самых общих способов выражения в языке отношения к действительности, от максимально обобщенного понятийного содержания высказывания шли в этих поисках оригинальные русские грамматисты-практики с конца XIX в. Эта линия, позднее усиленная влиянием О. Эсперсена, у нас была продолжена в трудах Л. Щербы и А. Бельского. Слабой стороной здесь было недостаточное внимание к формальной стороне изучаемого объекта.

В последние годы активизировалось направление, разрабатывающее семантический аспект синтаксиса в терминах глубинных и поверхностных структур. Здесь достигнуты интересные результаты¹. Однако очевидно, что при таком подходе вопрос об иерархически организованной системе единиц значения в синтаксисе вообще не ставится, а трактовка очень многих конструкций как по своей грамматической природе «вторичных», «преобразованных», «порожденных» и т. д. снимает вопрос об их собственных значениях и, таким образом, неизбежно ведет к весьма нежелательным искажениям общей картины синтаксических связей и отношений.

В поисках познания основных категорий семантической структуры предложения ученые обращаются к структуре ситуации, выдавая (не столь уж бесспорные в своей упрощенности и препарированности) явления изоморфизма за ту базу, на которой можно строить целостную семантическую систему в синтаксисе. В других случаях, заслоняя собой грамматические значения, в центре внимания оказывается компонентный анализ входящих в состав предложения слов, вычленение из этого состава лексических сем, дистрибутивными потенциями которых определяется минимальный содержательный комплекс сообщения. Такой путь может быть перспективен для анализа конструкций с глагольным предикатом, но за пределами семантического анализа при этом остается весь массив разнообразных структур, не содержащих в своей основе спрягаемой формы глагола.

¹ См. материалы проходившей в Москве в декабре 1972 г. конференции «Глубинные и поверхностные структуры в языке».

Обещающим положительными результатами представляется тот путь, который определяется пониманием синтаксической конструкции как самостоятельного и в самом себе достаточного языкового знака, имеющего свою собственную форму и свое собственное значение, не привнесенное в него ни из якобы породивших его «первичных» структур, ни из внеязыковой ситуации. При таком понимании значимая сторона синтаксической единицы может определяться только на основе языковых показателей, отвлеченных от самой этой единицы. Это отвлечение неизбежно осуществляется в несколько шагов, т. к. в непосредственно данной синтаксической конструкции всегда представлены по меньшей мере два уровня значения: с одной стороны, наиболее отвлеченное, собственно грамматическое значение того абстрактного образца, по которому эта конструкция построена, с другой стороны, тоже отвлеченное, но уже не собственно грамматическое значение предложения как конкретной реализации этого образца. Этим определяется разноразность категориальных значений в синтаксисе.

Тезис об уровне организации значения в синтаксисе является центральным для настоящей статьи; подробнее он будет развит ниже.

4. Что понимать под грамматическим значением синтаксической единицы, что такое грамматическое синтаксическое значение? Как и в любой другой грамматической единице, это есть неотчленимое составляющее языкового знака. Грамматическое значение синтаксической конструкции — это заложенное в самом ее формальном устройстве отношение к референту. Референтами в синтаксисе служат мыслительные категории самого абстрактного плана: это или понятия о «микроединицах бытия», т. е. о протекающих во времени элементарных ситуациях, или понятия об отдельных компонентах этих ситуаций, или, наконец, понятия о самых разнообразных связях и зависимостях. Понятия о ситуациях — точнее, о типах ситуаций, — служат референтами предложения в широком смысле (включая все виды высказываний, простые и сложные структуры); понятия о компонентах таких ситуаций служат референтами того, что традиционно объединяется под названием членов предложения; понятия о реально существующих отношениях и зависимостях являются референтами разнообразных формальных связей на всех уровнях синтаксиса. Эти значения — самые абстрактные, собственно грамматические категориальные значения синтаксических единиц. Естественно, что во всех случаях, когда синтаксическая единица имеет систему форм, за этой системой стоит организованное множество грамматических значений одного уровня; ср. грамматическое значение предикативности, существующее и выявляемое в системе форм предложения.

При синтаксическом анализе необходимо разделять понятия значения и функции, т. е. назначения. Значение неотчленимо от языкового знака; функция — это свойство, потенция грамматической единицы, но не ее содержательная, знаковая сторона. Поэтому по отношению к предложению можно говорить о предикативности как о его грамматическом значении и о специальной предназначенности к сообщению как о его основной функции.

5. Сложность проблемы синтаксической семантики определяется тем, что значимая сторона представленных в непосредственном наблюдении синтаксических

единиц далеко не исчерпывается названными выше значениями. В строящихся по отвлеченным образцам конкретных синтаксических единицах их собственное значение (семантика) образуется двойным взаимодействием: во-первых, со значениями форм слов, занимающих в конструкции те или иные позиции, и, во-вторых, с лексическими значениями слов, занимающих эти позиции. Этим взаимодействием в синтаксисе создаются новые семантические качества.

Сложной и малоизученной является проблема взаимодействия значения формы слова и значения конструкции, строящейся с участием этой формы (этих форм). Этого взаимодействия нельзя не замечать, так же, как нельзя приписывать образуемое этим взаимодействием семантическое качество только морфологической форме (напомним известные споры о морфологических и синтаксических временах и наклонениях). Так, например, в типах простого предложения (его структурных схемах) морфологическая форма главного компонента (компонентов) непосредственно влияет на общую семантику именно данного типа предложения. В так называемых глагольных безличных предложениях (*Светает, Нездоровится*), не принимающих грамматического подлежащего, формой 3 л. ед. ч. глагола определена общая для всех них семантика собственно процессуального состояния, отнесенного ко времени. В так называемых номинативных предложениях (*Ночь, Тишина, Беда, Обморок*) формой именит. пад. существительного определена общая для этих предложений семантика экзистенциальности. В двусоставных личных глагольных предложениях (*Ученик пишет*) морфологическими формами слов — главных членов предложения и отношением между этими членами определена общая семантика предложения: «отнесенное ко времени отношение между носителем процессуального признака и самим этим признаком». В двусоставных именных предложениях (*Москва — столица*) морфологическим качеством словоформ — главных членов и отношением между этими членами определена общая семантика предложения: «отнесенное ко времени отношение между носителем непроцессуального признака и самим таким признаком». Подобным образом могут быть представлены значения всех типов простого предложения (его структурных схем, образцов).

Важно подчеркнуть, что так образующаяся семантика не является просто производной от семантики образующих ее морфологических форм: морфологическое значение формы — лишь одно из составляющих нового качества — общей семантики предложения или его компонента (компонентов). Другими составляющими являются, с одной стороны, и прежде всего, грамматическое значение самой конструкции (в наших примерах — предложения), с другой стороны, значения слов, принимаемых этой конструкцией.

Подробнее об этом будет сказано ниже.

Участвуя в образовании той или иной синтаксической конструкции, морфологическая форма может при определенных условиях нейтрализовать одно из своих характерных качеств. Ярким примером здесь может служить форма повелительного наклонения глагола, участвующая (наряду с другими, неморфологическими средствами) в образовании форм синтаксического побудительного наклонения. Значение морфологической формы повелительного наклонения — волеизъявле-

ние, обращенное к исполнителю; в этой форме присутствует (и объективировано парадигматически) значение лица (*иди — идите, идем — идемте, иди — пусть идет, идите — пусть идут*). Когда глагол в форме повелит. накл. 3 л. (с частицей *пусть*) становится формантом синтаксического побудительного наклонения, значение лица-исполнителя нейтрализуется. Это объясняется тем, что в тех парадигматических противопоставлениях, в которые входит форма синтаксического наклонения, значение лица отсутствует: синтаксическая парадигма предложения строится на оси временных и объективно-модальных, но не личных значений (сравн.: *Ложь бессильна — Ложь была бессильна — Ложь будет бессильна — Ложь была бы бессильна — Если бы ложь была бессильна! — Пусть ложь будет бессильна!* — см. у Р. Рождественского: *Да будет ложь бессильна!*). Очевидно, что в предложениях, построенных в форме синтаксического побудительного наклонения, лицо (исполнитель) присутствует необязательно, а в тех случаях, когда оно присутствует, лицо грамматическим формантом синтаксического наклонения не является.

На уровне образования семантики синтаксических конструкций, реализующих абстрактные образцы, во взаимодействие с грамматическим значением этого образца вступает лексика. На этой ступени семантические категории формируются взаимным действием грамматического значения абстрактного образца и лексических значений слов, заполняющих конструкцию, построенную по этому образцу. Так, например, в типе словосочетания «приставочный глагол движения — имя существительное в винит. пад. с предлогом, дублирующим приставку» (*взехать во что, съехать с чего, наскочить на кого-что, забежать за кого-что* и т. п.), грамматическим значением является отношение между действием и локализованным объектом, на который направлено это действие. В конкретном словосочетании *взехать в лес* объектное значение ослаблено лексической семантикой зависимого слова (ср. аналогичное «распределяющее» действие лексики в случаях типа *наскочить на забор, наскочить на незнакомца*). Взаимодействием грамматического значения образца и лексических значений заполнивших его слов образовалось новое, уже более конкретное качество — значение определенного словосочетания. Когда в повести М. Булгакова «Жизнь господина де Мольера» мы читаем: «Огромный воз чепухи *въехал во французскую литературу*» (13), то перед нами — абсолютно правильное использование грамматического значения образца и его окказиональное наполнение. В словосочетании *Гамлет Смоктуновского* грамматическим значением является отношение собственно определительное; лексика допускает двойственную конкретизацию этого отношения: как субъектно-определятельного (ср.: *Смоктуновский играет Гамлета*) и как притяжательного (ср.: «у Смоктуновского был свой Гамлет»); недвусмысленную информацию о конкретном значении словосочетания *Гамлет Смоктуновского* даст языковой контекст или пресуппозиция.

Таким образом, в языковых единицах, реализующих абстрактные синтаксические образцы, факторами, из которых складывается их значение, являются, во-первых, грамматическое значение самого такого образца; во-вторых, морфологическое значение формы, представляющей тот или иной его компонент; в-третьих, синтаксические значения таких компонентов и отношения между ними; в-чет-

вертых, лексическое значение слов. Грамматическое значение образца есть значение категориальное. Семантика реализующих образец построений (предложений, словосочетаний) представляет собою особое сложное качество, формирующееся взаимодействием значимых единиц синтаксиса, морфологии и лексики. На основе этого взаимодействия образуются категории семантической структуры предложения.

6. Как было показано, значения в синтаксисе организованы иерархически. Эта организация начинается с самого абстрактного, категориального значения синтаксического образца. Для предложения это грамматическое значение структурной схемы (любой, всякой). При реализации структурной схемы, т. е. при построении на ее основе конкретного предложения, в действие вступают лексико-семантические факторы и правила облигаторного распространения слов. С участием этих факторов формируются категории семантической структуры предложения. Л. Ельмслев весьма удачно определил структуру как «автономную сущность с внутренними зависимостями» [Ельмслев 1962: 122]. Принимая в целом такое понимание, можно дать следующее определение семантической структуры предложения: семантическая структура предложения — это его языковое содержание, абстрагированное от формальной основы, от словесного наполнения предложения и представленное как замкнутая система отношений языковых значений.

Как мы пытались показать, внутри этой «автономной сущности с внутренними зависимостями» сочленены значения разных ступеней абстракции. Для установления того типа информации, который заключен в конкретном предложении, т. е. для определения его семантической структуры, существенны прежде всего те значения, которые формируются взаимным действием грамматики и лексики.

Проиллюстрируем этот тезис анализом русских так наз. безличных глагольных предложений. Собственно грамматическим, категориальным значением структурной схемы Vf_{3s} , как и любой другой структурной схемы предложения, является предикативность, т. е. самое абстрактное значение, формирующееся взаимным действием неотторжимых друг от друга категорий синтаксического времени и объективной модальности. Это значение объективируется в парадигме предложения.

Семантикой схемы Vf_{3s} , независимо от лексического наполнения (и, следовательно, от облигаторных распространителей), является отнесенное ко времени процессуальное состояние. Это значение отвлечено от формы глагольного компонента, а также от синтаксического и семантического потенциала образца независимо и до его конкретного лексического наполнения. В современном русском литературном языке такой образец заполняется глаголами четырех лексико-семантических групп. Это глаголы со значением: 1) состояния внешней среды, обстановки; 2) внутреннего или внешнего состояния живого существа; 3) конкретного действия и 4) бытия, становления, обнаружения. Семантическая структура предложений, строящихся по этому образцу, формируется при заполнении его глаголом одной из этих групп и, одновременно, при появлении распространителей — приглагольных управляемых словоформ или детерминантов — с объектным или субъектным, а также объектно-обстоятельственным значением.

На этом шаге формируются элементарные семантические категории и отношения между ними.

Первое противопоставление так образованных предложений проходит на основании «бессубъектно-безобъектные — субъектные и субъектно-объектные предложения». Бессубъектно-безобъектные предложения строятся с глаголами 1-й группы, не имеющими облигаторных распространителей: *Светаёт, Вечереет, Морозит*. Обязательные субъектно-объектные детерминанты здесь также отсутствуют. Семантикой этих предложений является наличие бессубъектного и безобъектного внешнего процессуального состояния.

В предложениях субъектных и субъектно-объектных, обозначающих наличие субъектного процессуального состояния — объектно направленного или объектно не направленного, — в разных соотношениях присутствуют объединенные внутренними зависимостями следующие семантические категории:

1) субъектное процессуальное состояние — собственное или воспринимаемое извне: *Не везет, Знобит, Убило, Качает*;

2) субъект:

а) воспринимаемого состояния: *Мне не везет*;

б) процесса: *Ветром подуло, Грозой убило*;

в) стимулирующий: *Досталось от отца*;

г) носитель ситуации в целом: *У путника / путнику ветром сорвало шляпу*;

3) объект: *Не ладится с работой, Не верится в его искренность*;

4) субъект состояния / объект действия (процесса)²: *Его убило грозой*.

Этими категориями, организуемыми во внутренне связанные зависимости, образуется второе противопоставление — три элементарные семантические структуры³ субъектных и субъектно-объектных предложений.

Первая элементарная семантическая структура: «субъект состояния — процессуальное состояние»: *Меня знобит; Мне нездоровится; У него наболело на сердце; Его убило; Со всяким случается; Тебе влетит / попадет / достанется; Куда тебя понесло? Больного парализовало*.

Вторая элементарная семантическая структура: «субъект процесса (действия) — процессуальное состояние (действие)»: *Затопало копытами по дороге (Л. Толстой); Пахнуло прохладой; Вет весной; Подуло ветром⁴*.

Третья элементарная семантическая структура: «субъект состояния — процессуальное состояние — объект»: *У него не ладится с проектом; Мне не верится в его искренность; Ему надоело в школе; У него не ладится на работе* (в последних двух примерах — объектно-обстоятельственное значение распространителя).

² Иную, опирающуюся на семантику предиката классификацию субъектов в безличных предложениях см.: [Алисова 1969].

³ К неэлементарным структурам относятся структуры с разного вида обстоятельственными определителями, которые здесь не рассматриваются.

⁴ Предложения с глаголами *пахнуть, нести, отдавать* и под. и творит. восполняющим (*пахнет сеном, несет гнилью, отдает плесенью*) не обнаруживают в себе категорий субъекта и процесса: по своей семантической структуре они смыкаются с предложениями бессубъектно-безобъектными.

Каждая из этих трех структур — в тех случаях, когда это допускается лексическим значением глагола, — может в свою очередь распространяться субъектом, т. е. включать в себя одну из категорий субъекта, а именно: субъект действующий, субъект стимулирующий или субъект — носитель ситуации в целом. Так формируются три вида субъектно-распространенных элементарных семантических структур.

Первая распространенная структура возникает в результате распространения первой элементарной семантической структуры формой со значением субъекта действия: *Молнией убило человека; Волной подбросило корабль*. При этом субъект состояния (*человека, корабль*) приобретает сему объекта.

Вторая распространенная элементарная семантическая структура возникает в результате распространения первой или второй элементарной структуры субъектом стимулирующим. При этом субъект состояния так же, как и в первом случае, приобретает дополнительную сему объекта. Если в роли стимулирующего субъекта выступает неодушевленный предмет, то субъектное значение в нем совмещается со значением обстоятельственным; если же в роли стимулирующего субъекта выступает одушевленный предмет, то субъектное значение в нем ничем не осложнено: 1) *Тебе достанется от отца, Ему влетело от учителя*; 2) *Его тянет на родину, Его влечет в авиацию, Дом разрушило из орудия, Губы свело от жажды*; 3) *От моря пахнуло прохладой, С севера веет холодом*.

Третья распространенная элементарная семантическая структура возникает в результате распространения первой или третьей элементарных структур субъектом — носителем ситуации в целом (с теми же лексическими ограничениями, о которых было сказано выше): *У него брата убило; У меня дочке нездоровится; У него у сына не ладится с учебой*.

7. Из сказанного очевидно, что в синтаксисе взаимодействуют значения разных ступеней абстракции, т. е. разные типы значений: во-первых, значения собственно грамматические; во-вторых, значения несобственно грамматические, образующиеся взаимодействием грамматической и лексической семантики; в-третьих, значения неграмматические, для своего выявления требующие констатирующего окружения (см. выше о двузначности сочетаний типа *Гамлет Смоктуновского*). Это — самая общая классификация значений; она может быть уточнена и детализирована. Несомненно одно: в синтаксической конструкции всегда взаимодействуют значения разной степени абстракции, формирующиеся и выявляемые разными языковыми средствами⁵.

⁵ В синтаксисе возможна многозначность, в каком-то смысле изоморфная лексической полисемии. Такая многозначность может быть присуща только значениям несобственно грамматическим. Выше это было проиллюстрировано на примере словосочетаний с родительным определительным. Другим примером могут служить предложения типа *Мало сокровищ, Много денег*. Грамматическим значением здесь является предикативность; семантика схемы — «существование кого-чего-либо в некоем количестве». Однако при конкретной реализации семантическая структура «субъект — его количественно характеризуемое существование» оказывается двузначной: количественная характеристика может конкретизироваться как «малое / большое количество» и как «недостаточное / избыточное количество»; ср.: 1) *Раскопали захоронение: сокровищ*

Важный теоретический вопрос — о целостных единицах значения в синтаксисе. Такие, хотя и сложные по своей организации, но все же целостные единицы значения выделяются в системе значений собственно грамматических: в значениях простого предложения, в собственно синтаксических отношениях, в системе элементарных категорий семантической структуры предложения. Что же касается единиц значения, составляющих семантическую структуру предложения как целое и сочленяющую в себе несколько элементарных сем, то такие единицы с необходимой полнотой и строгостью пока не описаны. По-видимому, сложность организации языкового знака обратно пропорциональна внутренней спаянности компонентов его значения. Если внутри слова лексические семы организуются в новое целое, т. е. в лексическое значение слова, то в семантической структуре предложения такие компоненты, как субъект, предикативный признак (как процесс или непроцессуальное состояние), объект, квалифицирующий компонент, — сохраняют статус отдельных компонентов значения и, объединяясь в «автономную систему с внутренними зависимостями», не обнаруживают тенденции к слиянию в некое новое качество, преобразующее в себе эти компоненты в целостное значение высшего порядка. Это тем более относится к сложному предложению, где его собственной семантической категорией оказывается только тип отношения между его частями.

8. Теперь мы подошли к вопросу, который поставлен в начале этой статьи: как же представить семантику в «описательном синтаксисе», обращенном как к лингвистам, так и к тем, кто только приступает к изучению этой науки? Вспомним сначала общепризнанные — и вполне разумные — требования, предъявляемые сейчас к научной описательной грамматике. Таких требований по меньшей мере три. Первое: описание должно быть строго научным; его надо строить со знанием того, что является достоянием науки в данный момент; в самом материале обязательна полнота: ничего не должно быть упущено. Второе: описание должно быть непротиворечивым: следует знать результаты самых разнообразных исследований и находить рациональные основания для применения этих результатов. Третье: материал должен быть изложен таким образом, чтобы это изложение было понятным и, в то же время, компактным и удобным для восприятия.

Памятуя об этих требованиях, как же синтаксисту решать вопрос о той основе, на которой будут строиться первичные классификации описываемых им объектов? Должен ли он идти от формы или от значения? Описание «от формы» обеспечивает полноту, строгость и точность исходной организации материала: оно гарантирует — на этой первой стадии — безусловно необходимое отграничение грамматики от лексики, синтаксиса от морфологии, одних классов форм от других. Наконец — и это едва ли не главный аргумент — такой подход обеспечивает

*мало; Живет хорошо: денег много и 2) Ему своих сокровищ мало; Для меня этих денег много. Двусмысленность снимается дистрибутивными характеристиками, приемами актуализации, интонацией, presupпозицией — с проверкой «внутриязыковым переводом» («сокровищ немного» и «ему своих сокровищ не хватает», «денег в избытке» и «для меня эти деньги излишни»). Аналогична ситуация в случаях типа *Больному плохо* («С больным плохо» и «Когда болеешь, плохо»).*

возможность при анализе значений обращаться к объективно данным материальным единицам как к знакам, значение которых заключено в них самих. Описание «от значений» ничего этого не обеспечивает. У разных лингвистов семантические характеристики продолжают оставаться неоднозначными и конструируются на разных основаниях. Изучая специальные работы, посвященные синтаксической семантике, мы не испытываем ни малейшей уверенности в том, что система значений представлена в них с необходимой полнотой. Решения еще только ищутся. Достаточно напомнить, что до сих пор нет общепринятых определений даже для собственно грамматических значений синтаксических конструкций, не говоря уже о категориях семантической структуры предложения: в терминологии царит полный разнбой.

Конечно, можно представить себе такую идеальную картину, когда вся иерархически организованная система синтаксических значений будет досконально изучена, в строгих терминах описана, целиком соотнесена с формальными единицами синтаксиса и со всеми видами их реализаций. Полное описание синтаксиса «от значений» в этом случае окажется реальным; однако пока до этого еще далеко. Значит ли это, что сейчас, приступая к описанию синтаксической системы языка, грамматист должен отказаться от семантических характеристик синтаксических конструкций и отложить эту задачу до лучших времен? Конечно, нет. Вопрос заключается в том, в каком порядке и последовательности представлять эти характеристики — там, где мы располагаем для этого обоснованными сведениями. В современной описательной грамматике должны найти отражение все охарактеризованные выше типы значений. Но необходимо разумно определить место и соотношение таких описаний. Что касается категориальных значений абстрактных образцов и общей семантики структур предложения, то эта последняя не может быть отделена от характеристики самих этих образцов и им противопоставлена: грамматическое значение — неотчлняемое составляющее грамматической формы. То же самое относится ко всем типам синтаксических отношений: значимая сторона связи и возникающее на ее основе отношение должны характеризоваться при описании самой этой связи.

Поскольку элементарные категории семантической структуры предложения могут совпадать у предложений разных грамматических типов, целесообразно вынести в отдельную главу типологию самих этих семантических категорий. В этой главе найдет свое место общее определение семантической структуры предложения и ее элементарных и неэлементарных категорий; здесь будут определены факторы, формирующие эти категории; перечислены все виды принадлежащих языку семантических структур; охарактеризовано отношение семантической структуры предложения к его парадигматике, модификациям, к важнейшим дистрибутивным и синтагматическим характеристикам. В параграфах, посвященных регулярным реализациям простого предложения, все семантические характеристики будут опираться на понятия и термины, введенные в этой специальной главе. Она же может послужить основой для отдельной главы, посвященной семантическим соотношениям в системе простого предложения (т. е. предложениям с разной грамматической, но одинаковой или близкой семантической орга-

низацией); основой классификации здесь должны стать собственно значения — элементарные семантические структуры.

Аналогично можно построить описание того, что в русской грамматической традиции называется «значениями словосочетаний». Определение грамматических значений (отношений), возникающих в тех единицах, которые образуются на основе присловных связей, целесообразно отделить от описания множества тех конкретных реализаций этих общих значений, которые связаны, с одной стороны, с категориальными свойствами слов, составляющих словосочетание, и, с другой стороны, с лексико-грамматическими качествами зависимого форманта. В «Грамматике современного русского литературного языка» 1970 г. семантические характеристики словосочетаний ограничены собственно отношениями; значения второго вида там обозначены крайне обобщенно. Отношения, возникающие в результате реализации присловных связей, нужно представить гораздо более дифференцированно. И здесь также целесообразно вынести типы отношений в отдельную главу и показать в систематическом виде иерархию общих и частных значений (например: объектные отношения и их виды; определительные отношения и их виды и т. д.).

В заключение полезно напомнить, что, вводя в описание разнообразные семантические характеристики, грамматист должен оставаться грамматистом: эти характеристики должны быть строгими. И здесь мы сталкиваемся с неожиданным парадоксом: чем детальнее и скрупулезнее описывается синтаксическая конструкция со стороны ее значения, тем труднее становится определять и формулировать грамматические законы и правила. Поэтому в изучении значимой стороны синтаксических единиц мы не можем выходить за те границы, которые определяет для нас сама материя нашей науки — язык.

1974 г.

О СООТНОШЕНИИ ГРАММАТИЧЕСКИХ И СЕМАНТИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК ПРЕДЛОЖЕНИЯ

1. В последние годы отмечается усиленный интерес к информативной стороне предложения как к специальному объекту лингвистического исследования. Самый этот объект не может считаться новым; и в западноевропейской, и в русской лингвистической традиции можно назвать имена ученых, обращавшихся в своих исследованиях к «смысловой форме» предложения, к его «коммуникативному содержанию». Особый интерес к информативной стороне предложения в настоящее время явился, по-видимому, естественной реакцией на весьма энергично пропагандировавшиеся методы сугубо формальных описаний строения предложения — как в плане чисто линейном, так и в плане парадигматических связей или трансформаций. Как бы то ни было, сейчас уже можно говорить о нескольких направлениях в изучении семантической структуры предложения и

категорий этой структуры. Основное разграничение проходит в сфере-самых методов и приемов выделения объектов семантического уровня в синтаксисе. С одной стороны, семантика предложения описывается в непосредственной опоре на конкретную ситуацию речи; «глубинные структуры» ищутся в реальных сферах внеязыкового положения вещей. С другой стороны, делаются попытки установить категории семантической структуры предложения и самые типы таких структур на основе фактов собственно языковых. Исследователь, считающий себя синтаксистом, естественно, может быть компетентен только в этой области. Однако и здесь уже можно констатировать наличие разных путей и методов исследования. Это, во-первых, описания, построенные на основе теории «глубинных» и «поверхностных структур» в духе Хомского (ср., например, статью Фр. Мико об именных одночленных предложениях, 1968); во-вторых, это работы, направленные на построение такой типологии семантических структур предложения, которая опиралась бы на характеристики, отвлекаемые от самих этих предложений как единиц, несущих в себе сложный комплекс грамматических и лексико-семантических характеристик. Из работ этого направления нужно прежде всего назвать сопоставительные исследования В. Гака (1965—69), работы Т. Алисовой (1969—71), Фр. Данеша (1967—68). Объектом изучения для этих исследователей является собственно лексико-синтаксический состав предложения с его ориентированностью на внеязыковую ситуацию (Гак, Алисова), либо без ориентации на реальные ситуации, на основе собственно языковой триады: «грамматическая модель предложения — его семантическая модель — коммуникативная структура высказывания» (Данеш). Особняком стоят работы, отрывающие семантику от формы и трактующие компоненты семантической структуры предложения как единственные строевые категории синтаксиса.

2. В настоящей статье не ставится задача предложить какие-либо принципиально новые пути для изучения семантической структуры предложения. Анализ здесь будет осуществляться в русле того направления, представители которого оперируют собственно и только языковыми показателями. Мы полностью согласны с тезисом Т. Алисовой, которая пишет: «Поскольку смысловая структура предложения относится прежде всего к явлениям языка, а не к фактам психическим, общественным или физическим, ее элементы могут быть определены как единицы семантического плана только через их соотношение с планом формально-языкового выражения» [Алисова 1971б: 8]. Однако, в отличие от исследователей, конструирующих категории семантической структуры и самые типологии этих структур на основе понятий «первичных и вторичных» форм и функций, а также в отличие от исследователей, решающих эти задачи практически лишь на основе лексической семантики входящих в высказывание слов, мы проиллюстрируем опыт разграничения семантических структур предложения на основе комплекса собственно языковых характеристик, — с тем, чтобы показать, что разные комбинации этих характеристик дают исследователю достаточно объективные и надежные показатели возможного несовпадения семантической природы предложения одного и того же абстрактного грамматического образца.

3. Под семантической структурой предложения здесь понимается его содержательная сторона, представленная в абстрагированном виде

как соотношение типизированных элементов значений, определенным образом отраженных в формальной и словесной организации предложения. Семантическая структура предложения располагает системой своих собственных категорий, объективирующихся в конкретных наборах синтаксических форм с определенными лексико-семантическими характеристиками.

На первых ступенях анализа необходимо ограничиться вычленением и систематизацией основных категорий семантической структуры предложения, а именно, тех, которые соотносятся, во-первых, с компонентами структурной схемы предложения (его элементарного грамматического образца), во-вторых, с их обязательными (на уровне сильных связей) распространителями и, в третьих, с неотъемлемыми детерминантами предложения (т. е. с распространителями всего его состава в целом). Важно подчеркнуть, что эти категории и их характеристики отвлекаются не от отдельных конкретных высказываний, а от определенных их классов, и, таким образом, категории семантической структуры предложения представляют собой категории общеязыковые.

Грамматическая организация предложения, его отвлеченного образца, безотносительно к его данному лексическому наполнению, уже сама по себе является фактором, небезразличным для семантической структуры построенного по этому образцу предложения. Отвлеченные значения компонентов элементарной структуры и отношения между ними конструируют первооснову семантической структуры конкретного предложения, представляя ее в максимально обобщенном виде. Так, например, значение экзистенциальности, заложенное в одноставных номинативных предложениях, служит тем семантическим остовом, на котором средствами лексики, субъектной детерминации, парадигматических и модификационных свойств, специфической дистрибуции формируются разные семантические виды номинативных предложений — бессубъектные и субъектные, — со всеми их конкретными более частными разновидностями.

Задача выявления и систематизации всех категорий семантической структуры предложения, действующих в данном языке в определенный момент его развития, чрезвычайно сложна и еще далека от сколько-нибудь окончательного решения. Приходится констатировать, что в работах, посвященных изучению этой проблемы, выводы нередко делаются на основе анализа наиболее ясных, «удобных» типов предложения (например, предложений со значением «деятель — действие — объект» или «деятель — безобъектное действие» или «бессубъектное действие» и под.). Между тем, очевидно, что критерии для определения и разграничения категорий семантической структуры предложения с теоретической точки зрения должны быть едиными для всех грамматических типов предложения — и тех, в которых за самой организацией и информативным качеством компонентов легко просматривается внеязыковое положение вещей, и тех, лексико-грамматическая организация которых не изоморфна такому положению и несводима к «первичным формам» (ср. те же номинативные предложения).

4. В формировании категорий семантической структуры предложения одновременно участвуют три фактора: 1) грамматическая организация того формального элемента предложения (в иных терминах — «позиции»), который соотносится с определенным семантическим компонентом, а именно: компонента

структурной схемы предложения; облигаторного распространителя этого компонента либо распространителя предложения в целом — детерминанта, в том случае, когда он по своей семантике является необходимым членом в ряду ближайших преобразований (практически это всегда — субъектный детерминант); 2) лексическое наполнение этого формального компонента; 3) место значимого элемента в ряду синтаксических преобразований, который объединяет предложения разной грамматической, но сходной семантической структуры. Корректность определения семантических категорий и самого их существования проверяется различиями: 1) в лексике, принимаемой или не принимаемой предложениями определенных семантических структур; 2) в парадигматических свойствах этих предложений; 3) в характере их регулярных реализаций (грамматических модификаций, не влияющих на исходную структуру образца); 4) в наборах субъектно детерминирующих форм; 5) в семантико-синтаксических дистрибутивных свойствах предложения; 6) в возможностях его синтаксических преобразований.

В соответствии со сказанным в пределах той или иной структурной схемы семантические типы предложения, складывающиеся как особое качество на основе взаимного отношения ряда определенных семантических категорий, разграничиваются по шестичленному набору перечисленных признаков; у разных семантических типов предложений могут совпадать отдельные из названных признаков, но никогда не система таких признаков в целом.

5. На основе изложенных выше положений были изучены семантические типы русских предложений, строящихся по разным структурным схемам: $N_1 - N_1, N_{NI}, Inf\ cop\ Inf$ и некот. др. В настоящей статье будут кратко изложены выводы, полученные при изучении семантического строения предложений типа *Простить значит забыть* ($Inf\ cop\ Inf$).

Значение собственно синтаксического образца здесь определяется как «действие (или процессуальное состояние), связываемое некими отношениями с другим действием (или процессуальным состоянием)». Категориями семантической структуры этих предложений являются: 1) действие (или процессуальное состояние); 2) отношение этого действия к другому действию, связанность с ним и 3) действие, связанное с первым такими отношениями. В конкретных предложениях соотношенность таких действий (или процессуальных состояний) обнаруживается в одном из пяти своих видов: а) идентичность, совпадение; б) равносильность, приравненность друг к другу; в) установление сущности одного через другое; г) условно-следственная связь или вообще зависимость; д) сравнение, сопоставление. Соответственно выявляются пять семантических типов предложений:

1) предложения со значением идентичности («это есть то же самое что, это идентично тому-то»; категории семантической структуры: действия / или процессуальные состояния / и их соотношенность как идентичность): *Выбирать дело — это выбирать жизнь; Ходить быстро — это ходить по 6 км в час; Толстеть значит стареть; Ревновать еще не значит любить; Говорить о будущем — это говорить о будущем своих сыновей;*

2) предложения со значением равносильности («это равносильно тому-то»; категории семантической структуры: действия / или процессуальные состояния /

и их соотношенность как равносильность): *Решать значит делать; Для артиста не волноваться — это значит не жить;*

3) предложения со значением установления сущности («сущность этого — в том-то»; категории семантической структуры: действия / или процессуальные состояния / и их соотношенность как установление сущности одного действия через другое): *Знать противника — это не значит выведывать его тайны; Уметь слушать не значит только молчать; Жалеть человека — это понимать его; Действовать — это переделывать, совершенствовать жизнь;*

4) предложения со значением условно-следственной связи («это влечет за собой то-то»; категории семантической структуры: действия / или процессуальные состояния / и их соотношенность как условно-следственная зависимость): *Услышать хорошую песню значит воспрянуть духом; Освободить себя от собственного суда — это совершить огромную ошибку; Ждать навигации — это потерять несколько недель;*

5) предложения со значением сравнения («это похоже на то-то»; категории семантической структуры: действия / или процессуальные состояния / и их соотношенность как сопоставленность): *Здесь сломать лыжи — это все равно что перевернуться на лодке в открытом море; Экранизировать Достоевского — все равно что идти на штурм неприступной крепости; Писать письмо — это все равно, что смотреть в глаза.*

Ни один из этих семантических типов не знает каких-либо ограничений со стороны лексической семантики инфинитива; не удастся также установить различий в сфере облигаторной синтаксико-семантической дистрибуции этих предложений. Все предложения такой структуры могут принимать два вида субъектных детерминантов: 1) обозначение субъекта, оценивающего соотношенность действий, и 2) обозначение субъекта, воспринимающего или осуществляющего эту соотношенность. Следовательно, семантическое разграничение в этом грамматическом типе проверяется по трехчленному набору признаков: связочные реализации, парадигма и возможности преобразований.

В отвлечении от лексического наполнения предложения, построенные по схеме Inf cop Inf, в русском языке имеют семичленную парадигму: все формы, кроме должноствительного наклонения; однако парадигма может быть и неполной (см. ниже). Для своих регулярных реализаций этот тип предложения располагает богатым набором связок и связочных образований, объединяющихся в десять групп:

1. *это*
2. *это есть, это и есть*
3. *значит, это значит, это и значит*
4. *есть, и есть*
5. *все равно что, это все равно что*
6. *то же самое что, это то же самое что*
7. *как, это как, все равно как, это все равно как, это как и*
8. *означает, это означает, это и означает*
9. *называется, это называется, это и называется*
10. *нулевая связка.*

Что касается преобразований, то для грамматического типа как такового они не могут быть указаны: каждый семантический тип предложения здесь входит в свой специфический ряд синтаксико-смысловых соотношений.

Рассмотрим предложения разной семантической структуры с точки зрения принадлежащих им грамматических возможностей.

1) Предложения со значением **идентичности** (*Выбирать дело — это выбирать жизнь; Ревновать не значит любить*) принимают связки групп 1, 2, 3, 4, 6, 8, 9, 10 и не принимают связок групп 5 и 7, т. е. связок, в своей семантике сохраняющих элемент сравнения: *Ревновать — (это, это есть, это и есть, значит, это значит, это и значит, и есть, то же самое что, это то же самое что, означает, это означает, называется, это и называется, —) любить*; но не: **Ревновать — это все равно что (это как, это все равно как) любить*. Именно для предложений со значением идентичности характерны бессвязочные реализации с негацией при втором члене (= «не идентично, не то же самое что»), особенно в речениях пословичного типа, в афоризмах: *Ломать — не строить* (посл.); *Заглушать боль — еще не лечить болезнь*; *Воевать — не в бирюльки играть* (посл.); *Жизнь прожить — не поле перейти* (посл.); *Деток родить — не ветки ломить* (посл.); *Век изжить — не рукой махнуть* (посл.).

Парадигма семичленна. Преобразования: (1) в двусоставные именные предложения — бессвязочные и со связками *это, есть, то же что* и их модификациями: *Выбор дела — (это, это есть, это и есть, есть, и есть, то же что, это то же самое что) выбор жизни. Ревность — это не любовь (не есть, не то же что любовь)*; (2) в обобщенно-личных глагольных предложениях с деепричастием, обозначающим действие, одновременное с действием личного глагола: *Выбирая дело, выбираешь жизнь; Глушая боль, еще не лечишь болезнь; Говоря о будущем, говоришь о будущем своих сыновей*; (3) в сложные предложения со значением одновременности: *Если ревнует, то еще не значит, что любит; Если глушаешь боль, то это еще не значит, что лечишь болезнь; Когда говоришь о будущем, то говоришь о будущем своих сыновей*.

2) Предложения со значением **равносильности**, приравненности (*Решать значит делать; Для артиста не волноваться — это не жить*) принимают связки групп 1, 2, 3, 5, 6 и не принимают связок групп 4, 7, 8, 9, 10: *Для артиста не волноваться — (это, это есть, значит, это значит, все равно что, это все равно что, то же самое что, это то же самое что) не жить*; но не: **Для артиста не волноваться есть (это как, означает, называется) не жить*.

Парадигма четырехчленна: наст., прош., буд. вр. и сослагат. накл. Преобразование — в двусоставные предложения с *равносильно* — предикативом (при инфинитиве) или прилагательным (при существительном): *Решать — это / это значит делать → Решать равносильно тому, чтобы делать → Решение равносильно делу. Уйти с работы значит для него потерять все → Уход с работы для него равносильен потере всего → Уйти с работы для него равносильно тому, что он потеряет все*.

3) Предложения со значением **установления сущности** (*Искать значит сомневаться; Жалеть человека — это понимать его; Знать противника не значит выведывать его тайны*) принимают связки групп 1, 2, 3, 4, 8 и не при-

нимают связок групп 5, 6, 7, 9, 10: *Жалеть человека — это (это и есть, значит, это значит, и есть, это означает) понимать его, но не: *Жалеть человека это все равно что (то же самое что, это как, называется, —) понимать его.*

Парадигма — семичленная. Преобразование — в двусоставные предложения со сказуемым — предложно-падежной группой «в + предл. пад.»; в подлежащем — глагольное имя или слово *сущность, существо: Знать противника не значит выведывать его тайны → Знание (сущность знания) противника — не в выведывании его тайн → не в том, чтобы выведывать его тайны. Искать значит сомневаться → Поиск — в сомнении → в том, чтобы сомневаться. Уметь слушать не значит только молчать → Умение слушать — не только в молчании → не в том, чтобы только молчать.*

4) Предложения со значением условно-следственной связи (*Ждать навигации — это потерять несколько недель; Услышать хорошую песню — это значит воспринять духом*) принимают связки групп 1, 3, 8, 10 и не принимают связок групп 2, 4, 5, 6, 7, 9: *Ждать навигации — это (значит, это значит, означает, это означает, —) потерять несколько недель, но не: *Ждать навигации это есть (есть, все равно что, это все равно что, то же самое что, это то же самое что, это как, это все равно как, называется, это называется) потерять несколько недель.*

Парадигма — четырехчленная. Преобразования: (1) в союзные и бессоюзные предложения со значением условно-следственных отношений: *Ждать навигации — это потерять несколько недель → Если будем ждать навигации, то потеряем несколько недель → Будем ждать — потеряем несколько недель → Жди мы навигации — потеряем несколько недель;* (2) в предложения с деепричастием со знач. обуславливающего действия: *Ожидая навигации, потеряем несколько недель.*

5) Предложения со значением сравнения (*Писать письмо — это все равно что смотреть в глаза; Отстаивать свое достоинство — это как в бой идти; Пересказывать репризу — все равно что переливать шампанское*) принимают связки групп 5, 6, 7 и не принимают связок групп 1, 2, 3, 4, 8, 9, 10: *Писать письмо — все равно что (это все равно что, это то же самое что, это как, это все равно как) смотреть в глаза, но не: *Писать письмо есть (это, это есть, значит, это значит, означает, называется, —) смотреть в глаза. Из всех пяти семантических типов предложения Inf cop Inf только предложения этого семантического типа могут реализовываться с полузнаменательными глаголами *стать, становиться* (обычно при наличии детерминанта со значением воспринимающего или действующего субъекта): *Для меня / мне писать письмо стало как в глаза смотреть; Для нее / ей / у нее соблюдать свое достоинство стало как в бой идти.**

Парадигма — четырехчленная (синтаксический индикатив и сослагательное наклонение). Преобразования: (1) в двусоставные именные предложения с *похоже, сходно* или в глагольные с *походит, напоминает: Пересказывать репризу — все равно что переливать шампанское → Пересказывание репризы сходно с переливанием шампанского / похоже на переливание шампанского → походит на переливание шампанского;* (2) в именные предложения со сравнительным союзом: *Пересказывание репризы — это как переливание шампанского.*

Характеристика семантической структуры предложения должна стать частью его полного описания: необходимо постоянное и последовательное соотнесение

двух аспектов — формального и семантического. Парадигматические и модификационные ограничения и запреты, накладываемые на конкретные типы предложений их информативной спецификой (семантикой), являются объективным фактором, требующим своего описания и объяснения. Такие аспекты грамматического поведения предложения как его парадигматика, система регулярных реализаций, дистрибутивные возможности, правила детерминации не могут получить полного и детального освещения и объяснения без знания семантической типологии предложений. Для собственно синтаксического описания первоначально важно то, что эта типология основывается на системе категорий, формируемых средствами самой языковой системы.

1973 г.

ТРУДНЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ОПИСАТЕЛЬНОЙ ГРАММАТИКЕ

(Тезисы доклада, прочитанного на X Заседании Международной грамматической комиссии в г. Скопле в 1979 г.)

1. На современном уровне изучения смыслового строения предложения научная описательная грамматика конкретного языка не может не иметь в своем составе специального раздела, посвященного характеристике семантической структуры предложения и его центральных семантических категорий. Теоретические основы и все строение этого раздела, естественно, находятся в непосредственной зависимости от того, какой научный метод положен в этой грамматике в основу описания синтаксического строя языка.

2. В синтаксисе, ставящем своей задачей дать полное описание всех живых конструкций языка, определить их формы, значения, правила их функционирования, а также их взаимные отношения и связи, — система семантических категорий предложения и вся его семантическая структура в целом не могут быть привнесены извне: ни категории логики, ни категории внеязыковой действительности не совпадают с категориями языковой семантики и поэтому не могут представлять языковых значений синтаксических конструкций и их компонентов.

3. Известно, что структура значимой стороны языкового знака неоднородна: каждая из значимых единиц языка несет в себе по меньшей мере два рода значений: во-первых, самое абстрактное, наиболее общее и отвлеченное значение единицы своего класса и, во-вторых, более определенное, более конкретное, свое собственное значение — или значения — отдельной единицы, входящей в этот класс. Сложность описания языкового значения предложения заключается в том, что для каждого предложения характерно неединственность значения и иерархическая организация его значений. В отдельном предложении как конкретной коммуникативной единице представлены одновременно несколько языковых значений разной степени абстракции: во-первых, самое общее, наиболее абстрактное

значение предложения как особой синтаксической категории — предикативность, т. е. отнесенность сообщаемого в тот или иной временной или объективно-модальный план; во-вторых, значение того определенного образца, по которому данное предложение построено (семантика отдельной, данной структуры, схемы предложения); в-третьих, значение конкретного предложения, складывающееся на основе взаимодействия семантики образца и его лексического наполнения (семантическая структура предложения); в-четвертых, коммуникативное содержание или актуальное значение предложения, его тематико-рематическое строение, т. е. та реальная раскладка элементов информации, которая выражается слово-расположением и интонацией. Все эти значения заключены в языковой материи, в языковой форме, которая всегда и при любых условиях существенна.

4. Если исходить из бесспорного тезиса о том, что в славянских языках существуют не только глагольные, но и безглагольные типы предложений (их структуры, образцы), то придется признать, что глагольные предложения далеко не всегда дают ключ к формальному и смысловому анализу предложений безглагольных (сравн., напр., построенные по разным образцам глагольные и безглагольные предложения типа *У нас зима* и *Есть зима* и *на юге*, различающиеся по значениям неабсолютного и абсолютного времени). Вопрос о семантических характеристиках предложения в грамматическом описании не может быть сведен ни к анализу глагольной интенции, ни к утверждению тождества семантики предложений на основе заключенной в них пропозитивной номинации. В грамматике предметом описания семантической структуры предложения должны стать те языковые семантические категории и образуемые ими семантические структуры, которые формируются взаимодействием значения самой структуры предложения и лексических значений слов, занимающих позиции компонентов этой структуры, а также ее облигаторных распространителей; на основе сочетания этих значений формируются элементарные семантические структуры предложения и их компоненты. Так, напр., в предложениях, реализующих схему $N_1 - Vf$, процессуальный субъектный признак на лексических основаниях конкретизируется или как активный (действие, деятельность) или как неактивный (процессуальное состояние) — и то и другое с дальнейшими смысловыми дифференциациями; в соответствии со значениями субъектного признака могут быть исчислены и значения субъекта; в круг элементарных семантических категорий таких предложений может входить также объект и — при определенном словопорядке — комплексная категория субъекта состояния / объекта действия (ср.: *Сильные обидели слабого* и *Слабый обижен сильными*).

5. При установлении системы элементарных и неэлементарных семантических категорий предложения перед синтаксистом встает целый ряд сложных проблем, по-разному разрешаемых разными исследователями. Это вопросы: (1) о реальных связях и отношениях явлений действительности и о тех связях, которыми в предложении могут объединяться обозначения этих явлений (напр.: *Главное — отдых*; в реальной действительности *отдых* не есть признак *главного*; однако в предложении *главное* и *отдых* связаны — через посредство синтаксических позиций — отношениями носителя признака и самого этого признака); (2) о соотно-

шении элементарных формальных и элементарных семантических категорий и структур (напр.: *Гром и Гром гремит, В лесу деревья — В лесу растут деревья*); (3) о допустимых и разумных границах обобщений при выделении таких первичных, элементарных семантических категорий как категории предикативного признака, субъекта и объекта и о языковых основаниях для их классификации; (4) о лексической классификации предикатов; (5) о принципах разграничения субъекта и объекта в тех случаях, когда оба актанта заключают в себе признаки как той, так и другой семантической категории (*Сосед дружит с соседом, Учителя возмущает ложь, Ребенок радуется игрушке*); (6) о тех семантических явлениях, которыми сопровождается (не обязательно всегда функционально нагруженное) изменение словопорядка в случаях типа: *Внуки помогают старику → Старику помогают внуки, Партизаны преследуют карателей → Карателей преследуют партизаны*.

6. Особого внимания требует вопрос о тех внутренних семантических преобразованиях, которые могут происходить при детерминации всего предложения или введении сильных присловных распространителей. Известно, что во многих случаях структурная схема предложения, одновременно со своей реализацией средствами определенных слов сразу же получает такой распространитель, который несет в себе значение субъекта, напр.: *Врачами не рекомендуется курить, У ребенка грипп* и под. На основании принадлежащих языку соотношений типа (1) *Врачами не рекомендуется курить — (2) Врачи не рекомендуют курить*, (1) *У ребенка грипп — (2) Ребенок болен гриппом*, (1) *Слушателям понравилась песня — (2) Слушатели полюбили песню*, (1) *Всему конец — (2) Все кончено*, (1) *У больного тоска — (2) Больной тоскует* часто делается безапелляционный вывод о том, что значения членов такого соотношения совпадают полностью и что первый член соотношения является структурой, элементарной не только по значению, но и формально. Между тем, такие предложения как *Не рекомендуется курить, Грипп, Песня понравилась, Конец, Тоска* существуют в языке как вполне нормальные реализации определенных структурных схем и имеют каждое свою собственную семантическую структуру. Субъектные распространители, с высокой степенью регулярности вводимые в такие элементарные предложения, не просто «добавляют» что-то к семантической структуре такого предложения, но влекут за собой определенные семантические конденсации. Если предложение *Музыка успокаивает* обозначает «субъект (*музыка*) — его способность, свойство (*успокаивает*)», то в предложении *Человека успокаивает музыка* семантические компоненты смешаются: это уже «субъект (*человек*) — его состояние — стимулятор этого состояния»; предложение *Тоска* означает собственно наличие, существование субъектного состояния; предложение *У больного тоска* означает «субъект (*больной*) — его состояние». Таким образом, введение распространителя с субъектным значением может изменять семантическое качество распространяемого предложения: это имеет место в тех случаях, когда так распространяемое предложение по своему значению способно все в целом стать обозначением субъектного признака. И все же форма остается первостепенно существенной. В соотношении *У больного тоска — Больной тоскует* и др., приведенных выше, нет полных смысловых наложений. Совпадает семантическая структура этих предложений, но не семантика тех

элементарных грамматических образцов, по которым они построены; языковая семантика схемы ни при каких условиях не может быть полностью поглощена семантической структурой построенного по этой схеме предложения.

7. В последнее время специальными исследованиями установлено наличие в предложении диффузных элементарных семантических категорий, таких, как категория субъекта состояния / объекта действия (*Закон одобрен парламентом*), категория субъекта состояния / субъекта действия (*У хозяйки приготовлено угощение*), категория квалификаторов субъектно-обстоятельственных (*В пятьдесят лет не думают о смерти*, *В ребенке нет зла*) и объектно-обстоятельственных (*Детям наскучило на даче*, *Семнадцать лет брали на войну*). Предстоит не только выявить и описать всю систему таких категорий, но и определить собственно языковые критерии их отграничения от неэлементарных категорий с определительными значениями.

8. В грамматике следует описать специфические семантические свойства разных формальных компонентов предложения: формантов структурной схемы предложения, облигаторных присловных распространителей, детерминантов с необстоятельственными и обстоятельственными значениями, необлигаторных присловных распространителей. Все эти компоненты формального строения предложения обладают неодинаковыми возможностями для объективации тех или иных семантических категорий. На основе такого описания целесообразно далее установить систему синонимических и сближающихся средств выражения элементарных и неэлементарных категорий семантической структуры предложения и самих таких структур в целом. Описывая разные способы выражения той или иной семантической категории, нельзя забывать о том, что синонимия никогда не равняется полной идентичности, так как форма обязательно накладывает на общее значение заключенной в ней категории свое собственное грамматическое значение.

9. Одна из сложностей описания семантической структуры предложения заключается в том, что такая структура, как и всякая языковая единица, в своем функционировании не стабильна: в процессе такого функционирования, в условиях речи, она поворачивается разными своими сторонами, обнаруживает способности тех или других — иногда весьма существенных изменений. С одной стороны, в языке действуют разнообразные правила комбинаторики элементарных семантических категорий, и эти комбинации осуществляются с достаточной степенью регулярности. С другой стороны, семантическая структура предложения всегда взаимодействует с его грамматической формой, с тем значением, которое предложение имеет как член синтаксической парадигмы: во всех формах предложения его семантика вступает во взаимодействие с грамматическим значением формы, с ее модальным и временным значением. При идентификации семантической структуры предложения большую роль могут играть необлигаторные распространители, а также условия конституации. Описание всех таких явлений должно найти место в грамматике.

ОБЪЕКТНАЯ ФОРМА В СУБЪЕКТНОЙ ПОЗИЦИИ

1. В статье будет сделана попытка показать, что при определенных условиях порядок слов непосредственно участвует в формировании одной из центральных категорий семантической структуры предложения, а именно — категории носителя предикативного признака — субъекта; иными словами утверждается, что порядок слов участвует в формировании элементарной категории семантической структуры предложения, наряду — и вместе — с такими факторами, как значение формы слова и лексическая семантика слов.

2. Мы будем исходить из того очевидного факта, что в предложении, сообщаемом о действии или состоянии, приписываемом субъекту, существует специальная позиция (синтаксическое место) субъекта — носителя предикативного признака. Эта позиция открывает собою предложение; она далеко не всегда связана с его актуальным членением и существует до такого членения¹. Субъектная позиция принадлежит тому строю предложения, который формирует его семантическую структуру и имеет дело с позиционными «раскладками» тех элементов значения, которые не зависят от функциональной перспективы предложения, от его коммуникативной задачи. Так, например, в ряду предложений *Он замерз, Ему холодно, У ребенка жар, Ребенок в жару, Покоя нет* первая — субъектная — словоформа нормально занимает свою позицию в начале предложения; форма со значением предикативного признака — определяющая, естественно следует за определяемым. Если в такое предложение как *Покоя нет* (= «покоя не существует») вводится распространитель с субъектным значением: *Мне/у меня / для меня покоя нет*, то, в силу общей семантики так образовавшегося предложения, субъектное (личное) значение целиком сосредоточивается в распространителе, занявшем субъектную позицию (и вытеснившем, т. о., с этой позиции неличный субъект нераспространенного предложения), а весь остальной состав начинает обозначать состояние этого субъекта — лица. Аналогично: *Ложь возмущает — Учи т е л я возмущает ложь; Молчание леса тревожит — Пу т н и к а тревожит молчание леса; Авиация влечет — Ю н о ш у влечет авиация; Руку больно — М н е руку больно; Сердце болит — У м е н я сердце болит* и под.

Сила субъектной позиции такова, что при ряде специальных условий и, в том числе, при условии лексико-семантической нерегулярности собственно словесных (присловных) связей, субъектное значение может сосредоточиваться и в вынесенном в субъектную позицию формально обстоятельственном детерминанте: *Из дому помогают, В семье рады сыну, В школе довольны учеником*.

3. Субъектная позиция как объективно существующая языковая данность непосредственно влияет не только на ту «раскладку» компонентов значения внутри предложения, которая создает его целостное семантическое качество, но и на само формирование этих компонентов. Сопоставим несколько двучленных рядов предложений, различающихся только словопорядком:

¹ Из самых последних работ, в связи с анализом позиции детерминантов, см. об этом: [Ковтунова 1976].

*Внуки помогают старику
Небо влечет смелых
Ложь возмутила учителя
Молнией зажгло сарай
От внуков старику помощь*

*Старику помогают внуки
Смелых влечет небо
Учителя возмутила ложь
Сарай зажгло молнией
Старику помощь от внуков*

Во всех предложениях первого столбца сообщается о некоем действии, от ко-го(чего)-н. исходящем процессуальном признаке, имеющем своего производителя, и о том, на кого это действие направлено. Производитель действия — субъект — представлен в этих предложениях или формой именит. падежа, т. е. чистой субъект-ной формой, не осложненной никакими дополнительными элементами значе-ния, идущими от собственно формы; или формой творит. падежа, осложняющей значение действующего субъекта элементом значения орудийности; или, нако-нец, формой родит. пад. с предлогом *от*, осложняющей значение действующего субъекта значением исхождения. Обратим внимание на то, что во всех этих слу-чаях субъект занимает свою нормальную позицию в абсолютном начале предло-жения, не связанную ни с какими задачами актуализации. Позиция объекта везде занята — нормально вслед за предикатом — винит. или дательным падежом, т. е. формой, специализированной для выражения объектного значения.

Семантическая структура каждого из предложений первого столбца: «отно-шение между субъектом и его активным процессуальным признаком, направлен-ным на объект». То, что в позиции действующего субъекта оказываются такие слова как *ложь* или *небо*, нисколько не меняет дела: в том соотношении элемен-тарных семантических категорий, которым формируется семантическая структу-ра предложения, позиция категории субъекта лексически свободна, и поэтому субъект закономерно присутствует в таких предложениях, как *Ложь возмущает*, *Картина чарует*, *Музыка очищает*, *Тишина настораживает* и мн. др. под. Субъект-ное значение формы именит. падежа, сила субъектной позиции, занятой этой формой, ее вполне определенное отношение к предикату, наличие собственной семантической структуры предложения («субъект — его процессуальный признак как способность к воздействию»), вхождение всего такого предложения в единую систему нераспространенных глагольных подлежащно-сказуемых предложе-ний с общим для этого структурного образца значением — все это делает назван-ные предложения вполне достаточными, законченными и полными формальны-ми и семантическими структурами. При неодностороннем анализе тезис о «не-полноте» подобных предложений, якобы обязательно являющих собою такие по-строения, в которых ждет своего заполнения позиция сильного приглагольного распространителя, не подтверждается реальными фактами языка.

4. Во всех предложениях второго столбца форма с объектным значением за-няла позицию субъекта, а форма с субъектным значением отодвинулась в конец предложения. Такое передвижение в принципе может быть связано с актуализа-цией; но тогда вынесенная в начало актуализированная форма, как правило, ак-центируется или обособляется интонационно; отсутствие таких условий говорит о неактуализированности такой формы. Для дальнейших рассуждений важно под-черкнуть н о р м а л ь н о с т ь такого положения, при котором неактуализиро-

ванная форма с объектным значением выносится в предложении в абсолютно начальную позицию, т. е. в позицию субъекта. Такому перемещению сопутствуют весьма существенные смысловые изменения. Во всех предложениях второго столбца вынесенная в субъектную позицию словоформа с объектным значением наращивает в себе элемент субъектного значения; одновременно со значением объекта она начинает обозначать и того, кто испытывает состояние, некое воздействие извне. Условием для такого наращивания значения, кроме собственно вынесения объектной формы в начало предложения, всегда является характер семантической структуры предложения в целом: оно информирует о кем-то испытываемом состоянии, являющемся результатом действия ('старик получает помощь', 'сарай зажжен молнией' и т. д.), причем субъект этого действия может быть известен, назван, а может быть и неопределенным или неназванным, напр.: *Старику помогают; Сарай зажгло; Старику помощь*; в последних случаях, т. е. при неназванности субъекта действия, значение субъекта состояния у формы, занимающей субъектную позицию, особенно очевидно.

5. Итак, во всех предложениях второго столбца в вынесенной в субъектную позицию словоформе присутствует элемент значения: «тот, кто испытывает состояние, являющееся результатом действия». Сочетание объектного значения, предопределенного формой слова, с субъектным значением, предопределенным позицией, формирует диффузную семантическую категорию «объекта действия/ субъекта состояния, являющегося результатом этого действия» (эта же категория представлена во всех тех конструкциях пассива, в которых субъектная позиция занята подлежащим: *Дом построен студентами, Задания даются бригадиром*).

6. Присутствие значения субъекта в показанных предложениях подтверждается их системными соотношениями с предложениями той же семантической, но другой грамматической структуры: *Старику помогают внуки — Старик получает помощь от внуков, Учителя возмутила ложь — Учитель возмущен ложью, Сарай зажгло молнией — Сарай зажжен молнией*. Правомерно ли обращение к таким соотношениям? Не происходит ли при этом незаконной подстановки, подгонки значения одного предложения под значение другого, недопустимого игнорирования того собственно языкового, индивидуального и особенного, что идет от формальной организации каждого из так соотносимых предложений? Для того чтобы ответить на этот вопрос, нужно прежде всего строго разграничить те «смыслы», т. е. те единицы «плана содержания», которые сочленены в каждом предложении в некий комплекс взаимосвязанных значений.

В предложении, помимо его грамматического значения (предикативности), а также помимо его значения как коммуникативной единицы, способной своими собственными средствами расставлять «акценты значимости» (в том соотношении компонентов сообщения, которое все вместе несет информацию), заключены еще и другие виды значений. Это, во-первых, значения позиций, самих синтаксических мест внутри предложения; во-вторых, это значения входящих в предложение форм слов, заполняющих в нем названные позиции; в-третьих, это значение данного предложения в целом, его семантическая структура как «автономная система» значимых единиц в их отношении друг к другу. Далее пойдет речь об этих трех видах значений.

7. Начнем с вопроса о значении синтаксической позиции.

Если мы обратимся к таким предложениям, как *Внуки помогают старику*, *Мы видим звезды*, *Отец наказал сына*, *Профессор руководит семинаром*, то еще раз убедимся в том, что каждая словоформа в них занимает позицию, которая вне условий актуализации нормальна и стабильна: первая позиция является позицией субъекта, вторая — позицией предиката, третья — позицией объекта. Эти позиции значимы: в отвлечении от лексики нормальное соположение этих позиций изображается в виде ряда: (1 — S) — (2 — P) — (3 — O). Если вводить в эти предложения темпоральный квалификатор (4 — T), то его нормальное место будет в начале предложения: *Теперь внуки помогают старику*, *По ночам я вижу звезды*, *Сегодня отец наказал сына*, *В этом году профессор руководит семинаром*. Нормальной позицией качественного квалификатора при предикате окажется позиция непосредственно перед предикатом: *Теперь внуки охотно помогают старику*, *По ночам мы хорошо видим звезды*; *Сегодня отец строго наказал сына*. Во всех этих рядах сама позиция сигнализирует о том, каким семантическим компонентом она должна быть нормально заполнена. Таким образом, в предложении присутствуют значения позиций, существующие в отвлечении от значений заполняющих их конкретных словоформ.

8. Формы слов входят в предложение со своими собственными значениями: в предложении *Внуки помогают старику* объектное значение дат. падежа есть его значение как формы слова. Это значение сохраняется всегда, в какой бы позиции эта словоформа ни оказалась; оно сохраняется, естественно, и в предложении *Старику помогают внуки*. В предложении *Учитель возмущается ложью* форма творит. падежа сама по себе означает объект; одновременно она занимает и объектную позицию. В предложении *Внуки помогают старику* значения словоформ совпадают со значениями тех позиций, которые они занимают: именит. пад. занимает позицию субъекта, дат. пад. — позицию объекта; значения форм слов и значения позиций здесь не вступают ни в какое противоречие друг с другом. Аналогична ситуация в предложениях *Ложь возмутила учителя*, *Старик получает помощь от внуков*, *Учитель возмущен ложью*; в предложении *Молнией зажгло сарай* также имеет место полное совпадение значений словоформ и значений позиций: творит. пад. со значением субъекта занимает позицию субъекта (значение орудийности, присущее форме творит. пад., здесь не утрачено, но приглушено лексическим значением слова); винит. падеж со значением объекта занимает позицию объекта.

Однако очень часто значения словоформ не совпадают со значениями позиций. Так, в предложении *Старику помогают внуки* значение формы слова — объектное не совпадает со значением позиции — субъектной; аналогично в предложении: *Таких людей поискать* (→ *Такие люди редки*); в предложении *В ребенке нет* определительное пространственное значение формы предложн. пад. не совпадает со значением позиции — субъектной (→ *Ребенок не знает зла, чужд злу*). Таким образом, значения форм слов в предложении так или иначе взаимодействуют со значениями синтаксических позиций. Однако форма слова при этом не утрачивает своего собственного грамматического значения — за исключением тех слу-

чаев, когда, в результате взаимодействия разных значений формы и позиции, последнее значение абсолютно возобладало и поглотило противоречащее позиции значение формы, что привело к образованию в словоформе совершенно нового его значения. Именно так обстоит дело в случаях типа *Мне холодно, грустно, одиноко, Мне дремлет, не спится* или *Большого знобит, тошнит, лихорадит*, где в силу значения предиката объектное значение падежной формой практически утрачено.

9. Компоненты семантической структуры предложения создаются взаимным действием одновременно трех единиц значения: значений форм слов, значений синтаксических позиций и лексических значений слов. Такими компонентами формируется общая семантика заключенного в предложении сообщения, такая, например, как «отношение между действующим субъектом, его действием и объектом этого действия» или «отношение между субъектом и его состоянием» и под. Например, в предложении *В ребенке нет зла* в предложно-падежной форме *в ребенке* взаимодействуют: значение формы — пространственное, значение позиции — субъектное, и лексическое значение слова — название лица; все эти компоненты существенны: в результате их взаимного действия возникает семантическая диффузия, во многих случаях определяющая собою формирование того или иного компонента семантической структуры предложения. В предложении *Старику помогают внуки* в форме *старику* взаимодействуют значение формы (объектное), значение позиции (субъектное) и лексическое значение слова (название лица), в результате возникает та семантическая диффузия, о которой сказано выше.

10. Если теперь вернуться к вопросу о соотношениях типа *Старику помогают внуки* — *Старик получает помощь от внуков*, то выяснится, что и в том и в другом предложении в каждом из трех его компонентов есть общие семы: в форме *старику* присутствует элемент субъектного значения, идущий от позиции; соответственно и предикат (*помогают*) в какой-то степени оказывается признаком этого субъекта: он сигнализирует о его состоянии и этим сближается с предикатом второго предложения: *получает помощь*; в форме *от внуков* присутствует ее собственное субъектное значение (в сочетании с элементом значения исхождения), приглушенное, с одной стороны, объектной позицией, которую эта форма занимает, с другой стороны, тем, что в этом предложении уже есть субъект, бесспорно доминирующий в этом качестве в силу своей позиции (субъектной) и формы (именит. пад.). В соотношении *Учителя возмутила ложь* — *Учитель возмущен ложью* в первом предложении объектное значение формы винит. падежа приглушено субъектной позицией, а также неодушевленностью и абстрактным значением субъекта действующего (*ложь*): в форме *учителя* наращивается субъектное значение; во втором предложении словоформа *учитель* — по всем трем признакам — субъект состояния (позиция, форма слова, одушевленность), а в словоформе *ложью* объектной позицией и наличием в предложении субъекта почти полностью снято субъектное значение, которое в первом предложении было сильным и бесспорным, так как ему отвечала и позиция (подлежащего), и форма слова (именит. пад.). Общие семы, присутствующие в компонентах обоих сопоставляемых предложений, и регулярные перераспределения этих сем, вызываемые собственно языковыми фак-

торами, позволяют сопоставлять предложения, имеющие разную грамматическую структуру, но общие элементы категориальной семантики. Эти общие элементы и есть то, что заставляет исследователей разных времен и разных направлений обращаться к таким сопоставлениям и соотношениям как к фактам, имеющим объяснительную силу.

В то же время в так сопоставляемых предложениях никогда нет полного семантического тождества: различия в значениях форм слов — фактор чрезвычайно существенный и сильный; именно он обеспечивает сохранность в языке обоих (а иногда и более) членов соотношения. Однако семантика предложения не есть простая сумма значений входящих в него словоформ: в предложении эти значения приходят в соприкосновение с другими видами значений: с синтаксическими значениями позиций и с лексическими значениями слов. При этом формируются семантические категории иного — по сравнению со значениями форм слов — характера абстракции.

11. Названные три компонента, все вместе формирующие семантическую структуру предложения, находятся в отношениях «колеблющегося равновесия». Это значит, что в представленной в конкретном предложении раскладке значений в каких-то случаях решающая роль принадлежит позиции, в каких-то — значению формы или таким лексико-семантическим свойствам слова, как одушевленность или неодушевленность, конкретность или абстрактность. Эта роль определяется всем составом предложения.

Возьмем ряд предложений, заключающих в себе одну и ту же словоформу с объектным значением и расположенных по признаку постепенного наращивания в этой форме значения субъектного:

- (1) *Врачи разрешили больному вставать*
- (2) *Больному врачи разрешили вставать*
- (3) *Больному врачами разрешено вставать*
- (4) *Больному разрешили вставать*
- (5) *Больному разрешено вставать*
- (6) *Больному можно вставать.*

В первом предложении дат. пад. — чисто объектный: совпадает значение формы и позиции, в предложении присутствует субъект, направляющий на данный объект свое конкретное действие. Во втором предложении во взаимном противодействии субъектной позиции и объектного значения формы это последнее оказывается сильнее в силу тех же факторов, которые действуют в первом предложении; однако значение позиции не подавлено: объектная форма в субъектной позиции сигнализирует о том, что вся ситуация, названная «после объекта» (*врачи разрешили вставать*) «спроецирована» на *больного* как ситуация, характеризующая его состояние. В третьем предложении элемент субъектного значения в форме *больному* усилен субъектно-орудийным значением формы *врачами* и неличной формой предиката. В четвертом и пятом предложениях это усиление возрастает: субъект действующий неопределен (4) или полностью устранен (5). В шестом предложении объектное значение в форме дательного падежа отсутствует: это чисто субъектная форма. Предложение сообщает о состоянии возможности, и форма

больному однозначно называет субъект этой возможности. Это — то же, что *Больной может вставить*, — с той разницей, что форма предиката в этом последнем предложении включает в себе элемент значения активности, процесса (отсутствующий в предикативе *можно*) и, соответственно, субъект предстает здесь как субъект процессуального состояния.

В приведенном ряду предложений члены (3), (4) и (5) в своей субъектной позиции демонстрируют диффузную семантическую категорию объекта действия / субъекта состояния, являющегося результатом этого действия.

В зависимости от взаимных отношений разных семантических элементов предложение с одним и тем же лексическим составом входит в разные соотношения с предложениями другой грамматической структуры. К языковому анализу имеют отношения только такие ближайшие сопоставления, которые основаны на присутствии в соотносимых предложениях одних и тех же элементов значения.

1976 г.

ДИХОТОМИЯ «ПРИСЛОВНЫЕ — НЕПРИСЛОВНЫЕ ПАДЕЖИ» В ЕЕ ОТНОШЕНИИ К КАТЕГОРИЯМ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

1. В современном синтаксисе ушел в прошлое подход к предложению как к единице с симметричным соотношением внешнего и внутреннего строения. Ученые разных направлений по-разному разделили и противопоставили друг другу эти две — в языковой реальности нерасчленимые — стороны предложения и разработали различные методы их изучения. Признание и утверждение тезиса, согласно которому отдельные формальные компоненты предложения далеко не всегда симметрически соотносятся с отдельными компонентами его значения, со всеми вытекающими отсюда теоретическими и практическими следствиями и выводами, несомненно, нужно отнести к числу фундаментальных достижений современной синтаксической науки.

В связи с обращением к предложению как к двустороннему языковому знаку с асимметричным строением вновь остро встал вопрос о той роли, которую в предложении выполняет падежная форма имени. Еще раз подтвердилось с полной очевидностью, что строевая (формальная) и семантическая функции падежа здесь часто не только не совпадают, но могут самым существенным образом расходиться. Были предложены разные ответы на вопрос о семантической роли падежных форм в предложении. Существенно то, что представители разных направлений, разделяя и противопоставляя в предложении его формальную и семантическую стороны, так или иначе соотносят участвующие в строении предложения падежные формы с категориями его семантической структуры¹.

¹ Из самых последних интересных опытов соотнесения падежных значений с категориями семантической структуры славянского предложения см.: [Michalk 1975].

В настоящей статье будет сделана попытка показать на материале современного русского языка один из возможных подходов к разрешению вопроса о семантических функциях падежей. Однако прежде чем говорить о падеже в его отношении к той или иной категории семантической структуры предложения, необходимо кратко сформулировать принятое автором понимание категориального (морфологического) значения падежа и соотнести это значение со значением падежа как единицы синтаксического уровня.

2. В определении категориального значения падежа современные исследователи так или иначе отправляются либо от учения Р. Якобсона о падежных корреляциях, либо от теории де Гроота и Е. Куриловича о грамматических и неграмматических падежах — часто с попытками соединения того и другого². Работы последних десятилетий показали, что поиски инвариантного значения падежа в том духе, как это сделал Р. Якобсон, нереалистичны; во всяком случае, применительно к современному языковому состоянию они не дали обнадеживающих результатов. Для отдельного падежа как члена целостной падежной системы не удастся найти такого единого, в разной степени и в разных видах, но во всех употреблениях присутствующего значения³. Тезис о наличии в каждом падеже семантического инварианта, так или иначе присутствующего во всех синтаксических позициях этого падежа и объединяющего все его традиционно исчисляемые значения в некое семантическое целое, не смог получить доказательного подтверждения⁴. Поэтому сохраняет свою силу утверждение, согласно которому абстрактным грамматическим значением любого падежа, падежа вообще как грамматической категории является отношение имени к какой-то другой — называющей или сообщающей, языковой единице. Это — отношение имени в определенной его форме — к слову, к словоформе (или словоформам) в составе предложения, либо к целой синтаксической конструкции. Таково самое общее, в высшей степени отвлеченное значение падежа вообще, всякого падежа⁵. В том или ином отдельном падеже это отношение всегда предстает в каких-то определенных видах: в каждом падеже сосредоточено несколько таких частных видов отношения, т. е. каждый падеж имеет несколько значений, объединяющихся в систему, организованную по принципу семантического центра и окружающей его семантической периферии.

² Разной степени полноты обзоры работ о падежных значениях содержатся в трудах Н. Арутюновой, А. Бондарко, Т. Булыгиной, А. Зализняка, С. Кацнельсона, И. Ревзина, З. Поповой, Д. Станишевой, Е. Чешко; в кн.: [Категория падежа... 1971; Проблемы семантики 1974; Деянова 1976].

³ Убедительную аргументацию см., например, в работах Т. Булыгиной, в частности в ее статье «Некоторые вопросы классификации частных падежных значений» [Булыгина 1961]. См. также: [Кацнельсон 1972: 41 и сл.].

⁴ О разнообразных направлениях в поисках значения падежа свидетельствует сопоставление теории Р. Якобсона, например, с тезисом А. Лосева о «непрерывной семантической текучести» падежа и его «безбрежном семантическом поле» [Лосев 1968: 232 и сл.].

⁵ Ср. в той же книге А. Лосева: «Падеж определяют то как отношение имени к предложению, т. е. как выражение функционирования имени в предложении, то как отношение к предложению и вообще словосочетанию, то как вообще отношение имени к любым другим элементам связной речи. По-видимому, это последнее и самое широкое определение падежа — есть и самое правильное» [Лосев 1968: 227].

При систематическом описании грамматического строя падеж объектом рассмотрения необходимо оказывается дважды: как категория морфологическая, т. е. как член парадигмы имени, и как категория синтаксическая, т. е. как компонент словосочетания и предложения. Для морфологии существен прежде всего комплекс наиболее абстрактных, обобщенных значений падежа, изначально отвлекаемых от его синтаксических функций, но на морфологическом уровне рассматриваемых в отстранении от этих функций. Такими обобщенными, соответственно категориальными падежными значениями, отвлеченными от функционирования падежей во всех их возможных позициях как при слове, так и в предложении, можно считать значения субъектное, объектное и определительное (в определительное значение входят те значения, которые традиционно описываются и как собственно определительные, и как обстоятельственные). Каждое из этих значений далее необходимо предполагает внутреннюю дифференциацию, отражающую те более частные значения, которые определяются прежде всего формальной характеристикой падежа. Так, например, различие объектного значения у русских винит. и дателън. беспредложных падежей состоит в том, что в дателън. падеже значение предмета как непосредственного приложения действия конкретизируется самой его формой как значение адресата, а в винит. падеже такого осложнения нет; субъектное значение именит. падежа, как правило, ничем не осложнено, а в субъектном значении творит. падежа присутствует идущий от формы элемент значения орудийности и т. д.

3. Падеж многозначен. В морфологической парадигме имени каждый отдельный падеж предстает как определенным образом организованный комплекс значений. В то же время в парадигму слова падеж входит не как изолированная грамматическая единица: в составе парадигмы падежи оказываются в отношении единиц, объединенных в законченное множество. Падеж как член парадигмы относится к другим падежам как необходимый участок системы к другим ее участкам. Парадигма имени объединяет и сосредоточивает в себе значения всех падежей: все вместе эти значения, рассредоточенные языком по разным падежам и по-разному в каждом из них соотносенные друг с другом, составляют целостную систему падежных значений. Как носитель определенного комплекса значений падеж занимает свое место в парадигме, которая, таким образом, являет собою законченную целостность многозначных грамматических единиц с распределенными между ними комплексами значений одного и того же уровня абстракции. Отношение одной из этих единиц (одного падежа) ко всем остальным (к другим падежам) есть отношение члена системы к системе в целом, а отношения между отдельными падежами есть внутрисистемные отношения таких членов друг к другу. У разных падежей могут сближаться или совпадать отдельные их значения, но комплексы значений в целом у разных падежей не совпадают никогда.

Важно еще раз подчеркнуть, что те значения падежа, которые делают его членом единой системы падежных значений, не являются неким линейным набором его семантических функций: в каждом отдельном падеже его значения имеют свою внутреннюю организацию, представляющую собою оппозицию, во-первых, абстрактных и конкретных падежных значений (см. п. 5), во-вторых, значений

центральных и периферийных: какие-то значения составляют семантический центр падежа, т. е. являются функционально наиболее для него характерными, представительными, регулярными и высокочастотными; другие находятся на семантической периферии падежа, т. е. не могут служить основанием для его примарной семантической характеристики, менее для него характерны, менее регулярны и менее частотны⁶. Значения, принадлежащие к семантическому центру падежа, могут так или иначе отражаться в его нецентральных, периферийных значениях (см. об этом ниже); однако ни в одном падеже значение (или значения), относящееся к его центру, не пронизывает собою весь комплекс его значений, т. е. не является его семантическим инвариантом. По отношению к центральному значению, может быть, и можно говорить о «семантической доминанте» данного падежа, понимая под этим наиболее регулярные и важные его семантические функции; но надо признать, что такая «доминанта», во-первых, далеко не всегда может быть установлена (семантический центр падежа может организоваться двумя и даже тремя значениями); во-вторых, часто оказывается мнимой: даже такое значение, как, например, орудийное значение у творит. падежа, при ближайшем его рассмотрении не оказывается доминирующим в кругу его семантических функций.

В общую систему падежей и их значений входит и именительный падеж. Сейчас уже, кажется, никто не считает, что этот падеж противостоит всем косвенным падежам как «падеж без отношения»: именительный падеж семантически так же нагружен, как и косвенные падежи. Как член парадигмы именительный падеж так же о т н о с и т с я к другим падежам (к каждому из них в отдельности), как и один косвенный падеж — к другому (к другим)⁷.

4. Как в словосочетании, так и в предложении падежные значения субъектное, объектное и определительное могут вступать — и очень часто вступают — в различные соединения друг с другом. Так возникают значения контаминированные, нерасчлененные: объектно-определительное, субъектно-определительное и субъектно-объектное⁸. В разных своих соотношениях и комбинациях те или иные значения формируют семантическое строение каждого отдельного падежа. Различия такого строения у разных падежей заключаются как в самом комплексе значений, так и в их распределении между семантическим центром падежа и его семантической периферией.

Как уже сказано выше, центральное значение падежа в ряде случаев может отражаться в каких-то других его значениях, проникать в их сферу. Так, напри-

⁶ Обзор различных пониманий семантического центра и периферии (применительно к понятию функционально-семантического поля) см. в кн.: [Бондарко 1976: 216—217].

⁷ Возможны и другие отношения в парадигме; сравним личные или временные глагольные парадигмы, где открывающие формы входят в качестве органического звена в цепочку парадигматических отношений, а инфинитив как форма без таких отношений, т. е. называющая, в этом смысле оказывается вне парадигмы; соответственно могли бы быть противопоставлены (и некоторыми исследователями справедливо противопоставляются) как две разные формы, совпадающие лишь внешне, именительный падеж, открывающий парадигму, и именительный падеж «словарный», собственно называющий.

⁸ Все эти значения применительно к каждому падежу рассмотрены в главе «Значения падежей» в кн.: [РГ-80, т. 1].

мер, в центре значений беспредложного винит. падежа находится значение объектное: *читать книгу, готовить доклад, любить детей, жаль друга*. Даже в тех случаях, когда в предложении, сообщающем о субъектном состоянии, винит. падеж выносится в синтаксическую позицию субъекта, т. е. в начальную позицию, не predeterminedенную тематико-рематическим строением предложения (*Больного трясет; Пассажиров не устраивает ждать; Рuku больно*), он не утрачивает своего объектного значения, а контаминирует его со значением субъекта, испытывающего состояние или, в таких случаях как *Людей видно; Голоса слышно*, субъекта, обнаруживающего себя, кем-то воспринимаемого. На периферии семантического строения винит. падежа находятся значения определятельные, — четко разграничивающиеся, ни при каких условиях не перекрещивающиеся ни друг с другом, ни со значением объектным и в разной степени, но всегда лексически ограниченные: это значение винит. падежа, определяющего по мере времени, пространства и количества.

Как уже сказано, падеж может иметь не одно центральное значение. Яркий пример сочетания центральных значений дает творит. падеж. Его семантический центр составляют значения определительное и объектное. Определительное значение творит. падежа представлено, во-первых, в сказуемом: открывание или приписывание предикативного признака есть в широком смысле слова один из видов определения; во-вторых, — в условиях различных лексико-семантических ограничений, — в многообразных квалифицирующих функциях: творит. падеж способен определять по очень разным обстоятельственным признакам. Эти два вида определительности в творит. падеже свободно сочетаются, с одной стороны, друг с другом (сравним: *путь полями и Путь — полями; записка карандашом и Записка — карандашом*); с другой стороны, со значением объектным (*ходить конем, ход конем и Ход — конем; писать карандашом, письмо карандашом и Письмо — карандашом*). Субъектное значение, находящееся на периферии семантической системы творит. падежа (*Проект одобрен комиссией, чтение романа автором*), стоит особняком; однако объектное значение входит и в сферу субъектного значения: в случаях типа *Молнией зажгло сарай* субъектное значение творит. падежа сочленено со значением орудийности. Сравним редкий случай орудийного значения в творит. падеже существительного одушевленного: — *Если оно [хозяйство] рационально, то вы можете наймом вести его, — сказал Свяжешский. — Власти нет-с. Кем я его буду вести? позвольте спросить? — Рабочими* (Л. Толст., Анна Каренина, I, III, 27).

5. Падеж как категория синтаксическая, т. е. как компонент словосочетания или предложения, требует семантических характеристик, осуществляемых под иным углом зрения. Таким характеристикам и посвящается настоящая статья. Мы попытаемся подойти к семантике падежа, сопоставив прежде всего его присловные и неprisловные позиции, соответственно — его присловные и неprisловные значения, и рассмотреть далее взаимодействие этих значений в предложении. Материалом для рассуждений и выводов послужат русские беспредложные падежи. При этом мы будем исходить не из широко понимаемых глубинных

«семантических полей» падежных форм⁹, а только из тех реальных, грамматических падежей, которые даны в соединениях слов и в предложении. Однако в соответствии с пониманием собственно языковой характеристики той или иной категории как характеристики необходимо многоаспектной и ни при каких условиях не односторонней, в комплекс собственно языковых характеристик падежа в предложении будут включены следующие показатели: 1) сама падежная (грамматическая) форма слова; 2) синтаксическая позиция этой формы; 3) лексическая семантика слова, представляющего в этой форме и в этой позиции; 4) минимальный контекст, релевантный для установления языковых качеств словоформы; 5) место конструкции, образованной с участием данной словоформы в ряду других конструкций, объединенных отношениями ближайшей формально-смысловой соотносительности. Так, например, в предложении *Инженеры разработали проект* первая падежная форма должна характеризоваться не просто как форма именит. падежа, а как занимающая позицию подлежащего форма именит. падежа одушевленного существительного, обозначающая субъект действия, направленного на объект, и входящая в ближайшие формально-смысловые соотношения с формами творит. падежа беспредложного и родит. падежа с предлогом *у* в ряду: *Инженеры разработали проект — Инженерами / у инженеров разработан проект*. Вторая падежная форма в том же предложении должна характеризоваться как занимающая позицию сильноуправляемого имени при глаголе форма винит. падежа существительного с конкретно-предметным значением, обозначающая объект действия и входящая в ближайшие формально-смысловые соотношения с формой именит. падежа в ряду: *Инженеры разработали проект — Инженерами разработан проект — Проект разработан инженерами* (о роли позиции в формировании семантического качества падежа см. нашу статью «Объектная форма в субъектной позиции»).

Падежная форма имени как элемент синтаксической конструкции может занимать одну из четырех позиций: 1) позицию присловную — в словосочетании; это — те позиции, которые показываются при слове в словарях как сигналы его сильной интенции, а также те позиции, которые открыты для реализации его слабых интенций и поэтому в словарях показываются нерегулярно¹⁰; 2) позицию обязательного компонента предложения — его главного члена или одного из его главных членов; 3) позицию непосредственного распространителя внутреннего состава предложения, не предопределенную категориальными свойствами слова (например, в случаях типа *Проект разработан инженерами*, где форма творит. па-

⁹ Ср. получивший разнообразные применения «глубинный» подход Филлмора, употребляющего термин «падеж» для обозначения «синтаксико-семантических отношений», а термин «падежная форма» — «для обозначения выражения этих отношений в конкретном языке»; «We may agree... with Hjelmslev, who suggests that the study of cases can be pursued most fruitfully if we abandon the assumption that an essential characteristic of the grammatical category of case is *expression in the form of affixes on substantives*. I shall adopt the usage first proposed, as far as I can tell, by Blake (1930), of using the term *case* to identify the underlying syntactic-semantic relationship, and the term *case form* to mean the expression of a case relationship in a particular language — whether through affixation, suppletion, use of clitic particles, or constraints on word order» [Fillmor 1968: 21].

¹⁰ См. нашу статью «Категориальные свойства слова на службе его синтаксических связей».

дежа с агентивным значением предопределена законами построения пассивной конструкции, а не свойствами слова *разработать*); 4) позицию распространителя предложения в целом — его детерминанта¹¹. В этой системе первый ее член — присловная позиция падежа противопоставлен трем последующим — неприсловным позициям как такая позиция, которая может быть занята падежной формой до предложения: каждое отдельно взятое слово в определенном своем лексическом значении, во всей системе своих форм, есть единица, обладающая собственным синтаксическим потенциалом, и в этом смысле вполне правомерно введение слова в круг синтаксических единиц языка. Конечно, присловные позиции падежных форм при анализе берутся из предложения (хотя методологически совершенно правомерно установление этих позиций на основании «синтаксических импульсов», идущих непосредственно от слова); но существенно то, что значения присловного падежа имеют свою собственную организацию, и ни эта организация, ни сами эти значения не совпадают полностью со значениями и организацией падежей неприсловных. Иными словами, семантические функции падежа разграничиваются, с одной стороны, как функции, предопределенные категориальными свойствами синтаксически главенствующего слова, с другой стороны, как функции падежа, не зависящие от этих свойств, не предопределенные словом. При этом в предложении как присловная, так и неприсловная падежная форма — одна или в некоем сочетании — всегда является носителем той или иной семантической категории предложения, элементарного (основного) или неэлементарного (неосновного) компонента его семантической структуры.

С выражением элементарных категорий семантической структуры предложения — субъекта, объекта, предикативного признака, а также диффузных семантических категорий с субъектно- или объектно-обстоятельственными значениями¹² — связаны те значения падежей, которые можно называть значениями абстрактными; с выражением неэлементарных категорий — разнообразных качественно- и обстоятельно-характеризующих определителей (квалификаторов) — те значения, которые можно называть конкретными значениями падежей¹³. Это противопоставление проходит внутри самого падежа, который всегда многозначен: он заключает в себе потенциал нескольких семантических функций. Как и в других случаях языковой полисемии, эта многозначность обнаруживается при определенных условиях: лексико-семантических и/или позиционных. Абстрактные значения, как правило, характеризуются меньшей лексико-семантической

¹¹ См. наши статьи о детерминантах 1964, 1968, 1973 гг.

¹² О принятых здесь принципах выделения и разграничения элементарных и неэлементарных категорий семантической структуры предложения см. статьи: [Шведова 1973б; 1973в; 1976].

¹³ От известных работ А. де Гроота и Е. Куриловича идет разделение падежей на грамматические и неграмматические. Если стремиться сохранить это разделение, то можно считать, что элементарные падежные функции совпадают с грамматическими падежами, неэлементарные — с неграмматическими. В этом будет свой резон, так как абстрактные падежные значения участвуют в формировании семантической структуры предложения, а конкретные — только в расщеплении ее. Однако, поскольку такое расширение целиком лежит в сфере синтаксиса, вряд ли есть основания отказывать конкретным падежным значениям в грамматическом качестве.

ограниченностью, большей свободой как для самих форм, так и для синтагматики словоформ; конкретные значения в обоих этих смыслах менее свободны, более ограничены (из этого общего правила, однако, есть исключения, в русском языке касающиеся, в частности, определительных значений приименного родительного и «именительного согласовательного» падежей).

Итак, если исходить из тезиса о том, что знаменательное слово, в силу своей внутренней природы, обладает свойством разной силы синтаксического притяжения к себе (к любой своей словоформе) другого слова (слов) в какой-то определенной форме (формах), то естественно заключить, что в так образованном словосочетании подчиненная падежная форма имеет определенное значение, а в отвлечении от всех возможных для нее словесных соединений — комплекс своих собственных присловных значений (или, что то же самое, семантических функций). Здесь уместно сделать два существенных замечания. Во-первых, при определении всего комплекса семантических функций присловного падежа противопоставление приглагольных и приименных его значений, традиционное в русских грамматиках, может оказаться не определяющим, так как эти значения нередко совпадают (такова, например, почти вся сфера определительных значений у падежей с предлогами). Гораздо более важным часто оказывается перекрывающее собою приименность и приглагольность противопоставление абстрактных и конкретных падежных значений. Во-вторых, при установлении как абстрактных, так и конкретных значений для присловных падежей в очень многих случаях первостепенно важными оказываются лексико-семантические характеристики обоих участников присловной связи; считая присутствие этих характеристик само собою разумеющимся, мы в дальнейшем изложении останавливаться на них не будем.

Специальные изучения материала под углом зрения сопоставления присловных и неприсловных падежных значений показывают, что системы значений присловного падежа не совпадают с системой значений этого же падежа в неприсловных позициях и, следовательно, с системой значений данного падежа в целом: круг присловных значений падежа, во-первых, уже системы его значений в целом; во-вторых, сами присловные и неприсловные значения, в чем-то совпадая, в то же время могут существенно расходиться. Так, например, нельзя в одном плане, линейно (пусть с оговорками) выстраивать и характеризовать значения родительного падежа, с одной стороны, в случаях типа *искать следов, ждать конца, час покоя, поворот дороги* и, с другой стороны, в случаях типа *Родных у нее — только сестра, Следов не заметно или Конец не предвидится*. В строках из стихотворения А. Твардовского: *Спасибо за утро такое, За чудные эти часы Лесного — не сна, а покоя, Безмолвной морозной красы, Когда над изгибом тропинки Сразлтых недвижных ветвей Снежинки, одной порошинки стряхнуть опасается ель* — родит. падеж в сочетании *часы сна, покоя, красы* является падежом присловным (функция его здесь определительная); что касается второй части текста, то формы *снежинки, (одной) порошинки* могут быть объяснены и семантически охарактеризованы только исходя из той «скрытой негации», которая заключена в этом предложении в целом. Сравним аналогичное: *И быя еще дар: неумение таить ни мыслей, ни чувств, никаких движений души* (Ю. Трифонов).

Если для иллюстрации тезиса о различии присловных и неприсловных падежных значений обратиться к русскому родительному беспредложному, то этот падеж даст следующую картину. На уровне присловных связей здесь — при допустимом обобщении — устанавливаются четыре вида значений.

1) **Определительное: собственно-определятельное:** *час ночи, приехать пятого мая, театр [имени] Вахтангова, человек дела, физика высоких энергий* и контаминированные: а) **определятельно-субъектное** (в родит. падеже — элемент значения субъекта обладающего): *книга сестры, весна года, корень зла, смысл преобразования* и б) **определятельно-субъектно-объектное:** *памятник Пушкина* (одновременно: 'какой', 'поставленный кому' и 'принадлежащий кому'; именно этим сложным значением объясняется устойчивое сосуществование вариантов типа *памятник Пушкина / Пушкину, цена слов / словам*). 2) **Объектное:** *ждать письма, желать счастья, настроить домов, уважение традиций, цензура печати, боязнь осласки*. 3) **Субъектное** (субъекта действия или состояния — в сочетании с компонентом определительности): *суд глупца, приезд начальника, стук колес, белизна снегов*. Как уже сказано выше, ни одно из этих значений не может быть установлено «без лексики», «до лексики». 4) **Особая семантическая функция родительного падежа — это функция и н ф о р м а т и в н о** необходимо в о с п о л н я ю щ е г о падежа при словах, не употребляющихся абсолютно или допускающих такое употребление только в контексте, с одной стороны, в таких случаях как *род гостиницы (этот пансионат — род гостиницы), трое друзей, пара сапог, несколько книг, полный воды*, с другой стороны, в таких случаях как *удостоить внимания, стоить денег или сильнее смерти*.

Все присловные значения падежа переносятся в предложение, присутствуют в предложении: слово, занимающее (в отдельной своей форме) ту или иную позицию в предложении, прежде всего в нем реализует свои валентностные свойства, связи и отношения. Однако падежная форма в предложении далеко не всегда «тянется за словом»; помимо присловных позиций, она выступает, во-первых, как обязательный строевой компонент предложения; во-вторых, как его распространитель. И здесь общая картина функций родительного падежа оказывается существенно иной. Неприсловными значениями родительного беспредложного являются следующие. 1) **Субъектное**¹⁴ (субъекта действия или состояния); здесь во многих случаях в родительном падеже присутствует элемент значения количественности: 'сколько-то', 'много', 'мало' или 'несколько' (а); но совер-

¹⁴ Субъектное значение некоторых форм косвенных падежей неоднократно рассматривалось исследователями. У разных косвенных падежей это значение в различной степени сохраняет в себе след того «несубъектного» значения, которое принадлежит собственно форме. Показательны, однако, устанавливаемые на основе сопоставления близких контекстов семантические совпадения косвенно-падежных форм с «чистой» субъектной формой именит. падежа; например: *Он и не помнит. Сказал и забыл. А я с ума сходи* (В. Распутин) и: *Посажу тебя счетоводом. Кормить будем, поить будем. — Мне за это перед тобой на лапках служи!* (В. Тендряков). В одном и том же контексте один и тот же семантический субъект нормально выражается разными падежными формами; например: — *Здесь он чувствует себя в своей сфере. Ем у столько дела, и он имеет дар всем интересоваться* (Л. Толст.); *Между слушателями и произошел разговор, и хотя он и говорили по-русски, я ничего не понял* (М. Булгаков).

шенно нормальны и случаи отсутствия количественного значения (б): а) *Воды прибывает; Дел много; Народу! Ревизоров приехало целых три!*; *Ходьбы — десять минут; Друзей никого; Хлеба еще осталось; Не минуло и году; Только и радости, что внучка; Куска хлеба как не найтись!* (С.-Ш.); *Объявляет, что в доме никого не живет, кроме его жены* (Л. Толст.); *Зари — только клочья* (И. Бунин); *Комара — в две руки не отмашешься* (Шергин); *Крови еще будет* (М. Булгаков); *Будет еще морочки, будет...* (В. Распутин). б) *Таких ситуаций не должно возникать; Его и след простыл; Твой тих далекий дом, и не грозит тебе Позора — понимать, и ужаса — родиться* (Инн. Анненск.); *Еще не село первой льли намолодую нашу прыть* (С. Орлов). 2) Значение объектное (объект действия, отношения, восприятия, обладания, требуемый, даваемый): *не жаль затрат, не слышу выстрелов, не читаю книги; Окружающих стыдно; Лучшего отдыха и придумать невозможно; Черный человек. Ты не смеешь этого!* (Есенин); *Мне даже и смерти не страшно, Она, как и жизнь, позади* (А. Твард.); *И орден в своих с собою им не положено иметь* (К. Симонов); *А у нас тишь да гладь, Божья благодать. А у нас светлых глаз Нет приказу подымать* (А. Ахм.). 3) Субъектно-объектное значение (субъект состояния/объект действия, вызвавшего собою это состояние) обнаруживает родит. падеж в предложении в случаях типа: *Подтверждения не получено* ('подтверждение не получено' и 'подтверждения не получили'); *Потоплено скота, что и не счесть* (Крыл.). Далее следуют периферийные, но тем не менее занимающие свое место в системе неприсловные значения: 4) Субъектно-определятельное (временное): *Семнадцать лет шли на войну* ('семнадцатилетние' и 'в семнадцать лет'); *Двух лет научился плавать*. 5) Объектно-определятельное (временное): *Семнадцать лет брали на войну* ('семнадцатилетних' и 'в семнадцать лет'); *Двух лет уже учат плавать*. 6) Значение предикативное (предикативного признака): *Дом — старой стройки; Сабля — отца; Чье вино, того и заздравщице* (посл.); *Лицо у него толстое, фигура — медведя* (И. Бунин). 7) Определятельное (временное): *Девятого мая — праздник*.

Из этого краткого обозрения видно, что если в присловных позициях субъектное значение либо осложняет собою значение определятельное (значение субъекта обладающего), либо само осложняется определятельным значением (значение субъекта действия или состояния), то в предложении субъектное значение родит. падежа нормально выступает как не осложненное определятельностью (причем центральное), а характер его возможного совмещения с другими значениями (определятельным: темпоральным, а также объектным) отличен от совмещения значений на уровне присловных связей. В присловных позициях объектное значение находится на периферии значений родит. падежа, и лексико-семантические условия возникновения этого значения легко исчислимы; в предложении же объектное значение у родит. падежа, наряду с субъектным, доминирует, оно связано, с одной стороны, с негацией, с другой стороны, с характером самого строения предложения (см. примеры выше). Объектное значение, далее, в предложении контаминируется, во-первых, с субъектным значением — без всяких оттенков определенности, во-вторых, со значением обстоятельством (временным). Значение определятельное, на уровне присловных связей относящееся

к семантическому центру родит. падежа, в предложении представляет его семантическую периферию. Важной характеристикой родит. падежа в предложении является наличие у него здесь предикативного значения, — впрочем, очевидно, опирающегося на его присловные значения: определительного (*Глаза — испуганной лани*), определительно-субъектного (*Сабля — отца*) и определительно-субъектно-объектного (*Памятник — Пушкина*).

Так распределены присловные и неприсловные значения русского родительного беспредложного, на уровне словосочетания характеризуемые в максимально обобщенном виде, в высказывании предстающие все вместе как семантические функции падежа, но, как мы старались показать, по своей языковой природе различающиеся в сфере присловных связей и в строе предложения. Это различие подтверждается и проверкой присловных и неприсловных падежных значений по тем показателям, которые выше были определены как необходимые собственно языковые характеристики падежа. Так, например, синтагматические возможности присловного родительного падежа с субъектным значением ограничены лексически: управляющее имя обязательно должно иметь процессуальное или признаковое значение; такой родительный по значению непосредственно соотносится с прилагательным и заменяется им (*приезд отца — отцов приезд, голубизна неба — небесная голубизна*). Неприсловный родительный с субъектным значением со стороны лексико-семантической не знает никаких ограничений в своей сочетаемости; его ближайшее синтаксическое соотношение — с формой именительного падежа со значением субъекта (*Хлеба еще осталось — Хлеб еще остался, Не прошло и году — Не прошел и год*). Аналогичным несовпадением многоаспектных характеристик присловных и неприсловных значений отличаются и другие русские беспредложные падежи.

6. Присловные и неприсловные падежи в предложении обнаруживают разнообразные семантические взаимодействия. Здесь мы остановимся на явлениях семантических преобразований присловного падежа, вызываемых его позиционными перемещениями внутри предложения.

В предложении, сообщающем о действии или состоянии субъекта существует нормальная, не связанная с актуальным членением позиция, предназначенная для падежной формы, несущей значение семантического субъекта¹⁵ либо заключающей в себе элемент такого значения. Это позиция в абсолютном начале предложения. Так, например, в ряду предложений *Он устал, Ему грустно, У него жар, Он в жару, В публице / у публицы / среди публицы недоумение* словоформа, открывающая собою предложение, либо нераздельно обозначает субъект, либо, при строгих лексико-семантических условиях (см. последнее предложение), контаминирует субъектное значение со значением посессивным или обстоятельственным. Субъек-

¹⁵ Тезис о «непозиционности» русского языка [Общее языкознание 1972: 216] далеко не бесспорен. В той же книге этот тезис опровергается следующим утверждением: «Наличие у каждой позиции первичной синтаксической функции как будто подтверждается данными разного рода лингвистических экспериментов, таких, как опыты по конструированию предложений из заданных слов, анализ спонтанной речи, интерпретация предложений носителями языка и др.» (с. 293).

тная позиция принадлежит той системе внутренних характеристик предложения, которая имеет дело с расположением семантических компонентов, не зависящим от функциональной перспективы предложения¹⁶. Сопоставляя предложения *Небо влечет смелых* — *Смелых влечет небо*, мы видим, что в первом предложении сообщается о некоем действии и о том, от кого это действие исходит и на кого оно направлено. Производитель действия — субъект¹⁷ (*небо*) представлен здесь формой именит. падежа (т. е. называющей формой, не осложненной никакими дополнительными значениями, свойственными косвенным падежам в субъектной функции) и нормально занимает субъектную позицию. Семантическая структура этого предложения — «отношение между субъектом и его активным признаком, направленным на объект». Во втором предложении неакцентированная форма с объектным значением (*смелых*) заняла субъектную позицию, а форма с субъектным значением отодвинулась в конец предложения. Такому перемещению (не связанному с актуальным членением, которое для рематизации формы *смелых* дало бы виды: *Смелых влечет небо* или *Небо смелых влечет*) сопутствуют весьма существенные смысловые преобразования: объектная форма наращивает в себе элемент субъектного значения. В этой позиции она обозначает не только объект, но и того, кто испытывает состояние ('смелые влекомы небом'). Сочетанием объектного значения, заключенного в форме слова, с субъектным значением, предопределенным позицией, формируется диффузная семантическая категория «объект действия / субъект состояния, вызываемого этим действием». Та же категория представлена в таких предложениях, как *Дом построен студентами*, *Задание дается бригадиром* или *Сарай зажгло молнией* (см. об этом ниже). Рассмотрим два наиболее характерных случая таких смысловых наращений.

1) Приглагольный падеж с объектным или объектно-определятельным значением, будучи в предложении вынесен в субъектную позицию, ослабляет в себе свое присловное значение, отрывается от слова. Этот отрыв часто сопровождается интонационным отчленением. Так, например, в предложении: *Неизвестных столько лиц, Все свои, все дома, а солдат у — попадись Хоть бы кто знакомый* (Твард.) дательный падеж с объектным значением (*попасться солдату*), заняв субъектную позицию, не только сочленяет это свое присловное значение со значением субъекта воспринимающего, но и подчиняет первое второму ('солдат не встретил'). Аналогично осложнение значения родительного падежа в предложениях: *Такого безлюдья, такой тишины — поискать* (И. Бунин); *Таких людей по пальцам пересчитать; Тебя не узнать; Слов не разобрать* (ср.: 'такое безлюдье — редкость', 'такие люди очень редки', 'ты неузнаваем'). В предложениях *В снабжении — перебои*, *С приездом — происшествие* осложняются субъектным значением предложный и творительный падежи, которые на уровне присловной связи

¹⁶ В приведенных предложениях неакцентированная словоформа в начальной позиции не является актуализированной. Актуализация будет связана или с акцентированием словоформы, открывающей предложение, или с изменением словопорядка (*Он устал, а не я* или *Устал он, а не я*).

¹⁷ «Субъект — это тот предмет мысли, по отношению к которому мыслится, определяется и выделяется предикат. Субъект в предложении находит выражение в подлежащем» [Смирницкий 1957: 108].

имеют значение определительно-объектное (*перебой в снабжении: какие, в чем, происшествие с приездом: какое, с кем*). Именно в таких случаях часто возникает различие присловного падежа и детерминанта.

Таким образом, в формировании — в условиях предложения — нового значения присловного падежа участвует, во-первых, значение позиции, во-вторых, значение самой падежной формы, занимающей эту позицию, в-третьих, те отношения, которыми образуется семантическая структура данного предложения. Условием такого формирования является несовпадение значения падежной формы и нормальной предназначенности позиции, которую заняла в предложении эта форма. Категории семантической структуры предложения создаются взаимным действием значений форм слов, значений позиций и лексических значений слов. Например, в предложении *В публике недоумение* в предложно-падежной форме (*в публике*) взаимодействуют значение предложно-падежной формы (определяющее: пространственное), предназначенность позиции (субъектная) и лексическое значение слова (название совокупности лиц). Все эти компоненты существенны: их взаимным действием формируется семантическая категория с диффузным субъектно-обстоятельным значением — и соответствующее значение падежной формы в предложении. В случае *Ученику помогает смекалка* в первой словоформе взаимодействуют ее собственное значение (объектное), предназначенность позиции (субъектная) и лексическое значение слова (название лица); в результате создается диффузная семантическая категория «субъекта состояния / объекта действия, вызывающего собою это состояние» — и соответствующее значение падежной формы в предложении.

Названные три компонента, все вместе формирующие семантические категории предложения, находятся в отношениях «колеблющегося равновесия». Это значит, что в конкретном предложении в каких-то случаях решающая роль принадлежит позиции, в каких-то — значению формы или таким лексико-семантическим характеристикам слова, как одушевленность или неодушевленность, значение личное или неличное. Возьмем ряд предложений, заключающих в себе одну и ту же словоформу с объектным значением, и расположим их по признаку постепенного наращивания в этой словоформе значения субъекта-носителя состояния: 1) *Молния зажгла сарай*; 2) *Сарай зажгла молния*; 3) *Сарай зажгло молнией*; 4) *Сарай зажгло*. В первом предложении винит. падеж — чисто объектный: совпадают значения формы и предназначенность позиции, в предложении присутствует субъект действия, направленного на объект, выраженный специальной субъектной формой, которая нормально занимает предназначенную для нее субъектную позицию. Во втором предложении во взаимном противодействии субъектной позиции и объектного значения формы это последнее оказывается сильнее в силу присутствия в предложении формы именит. падежа с ничем не осложненным субъектным значением; однако значение позиции не подавлено: объектная форма в субъектной позиции сигнализирует о том, что вся ситуация 'зажгла молния' спроецирована на предмет (*сарай*) как характеризующая собою его состояние. В третьем предложении элемент субъектного значения в форме винит. падежа усилен орудийным (в предложении — орудийно-субъектным) значением формы творит. падежа *молнией* и неличной формой глагола-сказуемого. В

четвертом предложении это усиление максимально: действующий субъект полностью устранен; предложение сообщает о состоянии предмета как о результате бессубъектного действия, и форма винит. падежа называет субъект этого состояния. Однако форма винит. падежа и наличие в языке присловной связи *зажечь сарай* обеспечивают сохранность в этом семантическом компоненте элемента объектного значения. В приведенном ряду предложения 3 и 4 демонстрируют диффузную семантическую категорию «субъект состояния / объект действия, вызывающего собою это состояние». Аналогично может быть проанализировано значение винит. падежа в ряду предложений: *Студенты построили клуб — Клуб построили студенты — Клуб построен студентами — Клуб построен —* или значение дат. падежа в ряду предложений: *Врачи разрешили больному встать — Больному врачи разрешили встать — Больному врачами разрешено встать — Больному разрешили встать — Больному разрешено встать — Больному можно встать.*

Строгому языковому анализу во всех подобных случаях помогают ближайшие смысловые сопоставления, т. е. сопоставления, основанные на том, что в соотносимых предложениях разной формальной структуры могут быть выделены одни и те же семантические компоненты и одни и те же их соотношения. Так, предложение *Молния зажгла сарай* ближайше соотносится с предложением *Молнией зажжен сарай*; *Сарай зажгло молнией* — с предложением *Сарай загорелся от молнии*, а *Сарай зажгло* — с предложением *Сарай горит*; *Врачи разрешили больному встать* ближайше соотносится с *Врачами больному разрешено встать*, а *Больному врачи разрешили встать* — с *Больному врачами разрешено встать.*

2) Слова некоторых семантических групп присоединяют к себе сильноуправляемую форму со значением, определяемым обычно как объектное, однако таким, которое в силу самого лексического значения управляющего слова является максимально абстрактным, а в некоторых случаях предстает как падежная функция необходимого информативного восполнения. Таковы падежные функции при глаголах *нравиться, полюбить, казаться, мерещиться, мниться, чудиться, мечтаться, грезиться, сниться* к о м у - н., *даваться* (в знач. 'быть доступным для понимания, усвоения') к о м у - н., *восхищаться, воодушевлять, охватывать* (о чувствах), *захватывать* (в знач. 'увлекать, поглощать'), *настораживать* к о г о - н., *удовлетворять* к о г о - н., *влечь* (в знач. 'привлекать, притягивать'), *тянуть, подмывать* (в знач. 'влечь') к о г о - н., *отличать* (в знач. 'быть характерным') к о г о - н., при глаголах со значением бытия, наличия, бытийного отношения, становления, появления: *принадлежать* к о м у - н., *случаться, бывать* с к е м - н., *происходить, стать* с к е м - н.; при прилагательных: *присущ, свойствен, известен, знаком, приятен, понятен, чужд, ненавистен* к о м у - н., *популярен у кого-н. / среди кого-н., нужен, необходим, полезен, важен, удобен, привычен* к о м у - н. / *для* к о г о - н. и некот. др. под. Нельзя отрицать, что такие связи и, следовательно, падежные значения существуют как присловные; именно в таком качестве они свободно реализуются и в предложении; например: *Мечта летать влечет его с детства*; *Фильм нравится публике*; *Случилось с тобой что-нибудь?*; *Мастерство дается настойчивым*; *Базаров не мог усидеть на месте, словно что-то его подмывало* (Тург.).

Однако присловная падежная форма в подобных случаях в предложении не только очень часто, но н о р м а л ь н о выносится в субъектную позицию: *Его*

влечет мечта летать, Его подмывает спорить, Только на стойчивым дается мастерство, Зрителям фильм нравится и т. д. Во всех подобных случаях зависимая падежная форма, занявшая субъектную позицию, обозначает субъект (состояния, восприятия), а во всей остальной части предложения происходят специфические семантические смещения: субъектный именит. падеж в подлежащем наращивает в себе элемент значения объекта, а признаковое значение сказуемого оказывается обращенным на субъект состояния или восприятия, т. е. на форму косвенного падежа; ср.: *Земля принадлежит крестьянам* (ближайшее соотношение: 'земля находится во владении крестьян') и *Крестьянам принадлежит земля* (ближайшее соотношение: 'крестьяне владеют землей'). Ср. соответственно разное семантическое строение предложений в парах: *Эта книга популярна у молодежи* — *У молодежи популярна эта книга*; *Лицемерие противно всем* — *Всем противно лицемерие*; *Движение полезно детям* — *Детям полезно движение*; *Фильм не понравится зрителям* — *Зрителям фильм не понравится*¹⁸.

Таким образом, в предложении присловный падеж в определенных случаях обнаруживает стремление освободиться от своей прикрепленности к слову.

Падежные значения в предложении тесно связаны друг с другом — в том же смысле, в каком взаимно связаны в предложении компоненты его семантической структуры, за которыми стоят определенные семантические категории уровня предложения. Поскольку эти категории организуются в целостную систему взаимодействующих единиц значения, постольку и падеж, наряду с другими грамматическими категориями непосредственно участвующий в формировании таких единиц, являет собою такую организацию значений, которая, с одной стороны, отвлечена от семантического строения предложения, а с другой — целиком спроецирована на это строение. И как безуспешны были бы попытки свести к единому значению все семантические категории предложения, так же нельзя свести к семантическому инварианту все разнообразные — но и вполне обозримые — семантические функции падежа.

Из всего сказанного отнюдь не следует, что семантическая структура предложения складывается из значений падежных форм. Эта структура формируется при участии нескольких факторов: во-первых, формального устройства и семантики самой грамматической основы предложения; во-вторых, лексических значений слов, занимающих позиции членов предложения и его распространителей; в-третьих, тех отношений, которые связывают весь состав предложения в единое целое. В эту сложную систему органически вписывается падеж как носитель таких значений, которые отвлечены языком от семантических категорий синтаксиса и к этим же категориям обращены.

1978 г.

¹⁸ См. замечания С. Кацнельсона [1972: 61 и сл.] о таких семантических преобразованиях в случаях типа *У него болит голова, У него есть машина*, анализирующего сходные явления в терминах «сдвига позиционной значимости падежей».

СЛОВО В СИНТАКСИСЕ

ПРОБЛЕМА ЛЕКСИЧЕСКИХ ОГРАНИЧЕНИЙ КАК ОДНА ИЗ ПРОБЛЕМ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ СИНТАКСИСА РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА XVIII—XIX вв.

1. Изучение истории синтаксического строя литературного языка нового времени таит в себе ряд специфических трудностей, связанных с общим характером и темпами развития грамматического строя языка. Задача такого изучения может быть понята по-разному. С одной стороны, она может быть традиционно поставлена как изучение истории отдельной конструкции или группы конструкций. Но, задавшись целью изучить историю конструкции на протяжении сравнительно небольшого и близкого к современности отрезка времени, исследователь очень часто оказывается перед фактом отсутствия каких-либо изменений в самой конструкции, что, естественно, обусловлено крайне медленным изменением в грамматическом строе. Таким образом, традиционный подход к истории категорий, взятых изолированно, как отдельный и самостоятельный объект, обнаруживает здесь свою непригодность. Более целесообразной и исторически оправданной будет попытка изучить движение целой группы конструкций, находящихся в относительно постоянных (но не стабильных) структурных и семантических соотношениях. Это будет попытка восстановить историю развития соотносительных связей, историю семантических перемещений и изменений в употребительности, в сферах бытования и в стилистической окраске соотносительных синтаксических явлений. Здесь открывается широкое поле для исследования. Системы соотношений гораздо более подвижны и изменчивы, чем самые формы конструкций. Эти системы, по существу, и должны представлять собою объект исторического исследования: именно они являются той исторической синтаксической реальностью, которая находится в постоянном движении и развитии.

2. Но если форма той или иной синтаксической конструкции на протяжении последних двух столетий не претерпевала внешних изменений, то значит ли это, что за истекшее время она не имела никакой внутренней истории, что в ней не происходило никакого движения? Такой вывод был бы односторонним и неверным. Дело в том, что, кроме изменений собственно формальных (тогда, когда

они имеют место), кроме изменений в связях и соотношениях с другими типами построений, в употребительности и в сферах бытования, в жизни синтаксической конструкции очень часто происходят изменения внутренних условий ее функционирования, т. е. изменения отношений между синтаксической конструкцией и способным наполнять эту конструкцию словесным материалом. Эти отношения меняются, и изменения эти очень часто оказывают решающее влияние на судьбу модели в целом.

Известно, что очень многие типы словосочетаний, односоставных предложений, сказуемых ограничены в возможностях своего словесного наполнения. Это не те ограничения, которые связаны с содержанием речи, с невозможностью смыслового сочетания слов, непосредственно обусловленной невозможностью сочетания реалий. Лексические ограничения как один из структурных факторов, по существу, как своеобразный показатель конструкции, имеют другие, собственно языковые истоки и причины, причем выявление этих причин составляет особую задачу, которая в большинстве случаев может быть решена лишь после специальных исторических разысканий.

Лексические ограничения в синтаксисе неоднородны. С одной стороны, весь круг слов, способных участвовать в построении той или иной конструкции, может быть ограничен, т. е. включать в себя считаемый ряд лексем. Таков, например, характер лексической ограниченности того типа безличных предложений, которые строятся с собственно безличными глаголами (*вечереет, рассветло* и т. п.). Изменения в составе слов, способных наполнять такую конструкцию в данном случае никак не относятся к ее собственной истории, но только к истории соответствующего круга слов. Так, не имеет отношения к истории соответствующего синтаксического построения характерный для русского литературного языка XIX в. переход ряда личных глаголов в разряд безличных; ср.: «День светает» (Крылов, Лиса); «День уже вечерел» (Лажечников, Последний Новик); «Твой вечерет век» (Батюшков, Тибуллова элегия); «Вечереет жизни день» (Ф. Плинка, Судьба Наполеона); «Уж день прохладно вечерел» (Жуковский, Суд в подземелье); «Сердце вечерет» (Вяземский, Ты светлая звезда); еще пример: «Нам молодость везет» (Грибоедов, Кто брат, кто сестра); «Счастье везет» (Некрасов); «Смеркается много звезд» (Помяловский, Молотов) и др.

С другой стороны, и чаще, сам по себе круг слов, «закрепленных» за определенным типом конструкции, не знает узких границ; однако далеко не все такие слова могут быть использованы при формировании этой конструкции. Примером лексического ограничения этого типа могут служить безличные предложения, главный член которых выражен сочетанием им. падежа существительного с инфинитивом. Слова, входящие в категорию имени существительного, практически бесчисленны; но в формировании безличных предложений названного типа могут участвовать лишь несколько десятков отвлеченных слов с самой общей семантикой объективно данного или субъективно выявляющегося состояния или возможности и долженствования (*Сейчас не место и не время об этом говорить; Не дело тебе здесь оставаться; Велика вещь возить или пахать!; Написать «Выжигина» не штука; Ей не след выходить замуж; Срам смотреть; Просить для меня нож; Твоя*

вая их принять или не принять; *Грех тебе будет не захватить* и т. п.)¹. Именно такое специфическое употребление дает повод для выделения — на наш взгляд недостаточно обоснованного — некоторых из этих существительных, особенно часто употребляющихся в таких конструкциях (*охота, грех, лень, пора, время* и под.) в «категорию состояния». Другим примером могут служить безличные предложения, строящиеся сочетанием местоимения *что* с род. падежом лишь нескольких существительных отвлеченной семантики или узкого круга качественных прилагательных (*Что пользы по свету таскаться!*; *Что общего меж нами!*; *Что мне лестного быть членом клуба!*; *Что прибыли любить!*).

3. Лексико-семантические ограничения, действующие при наполнении разных синтаксических моделей, исторически изменчивы. В этих изменениях проявляется внутренняя история конструкции. Важно подчеркнуть, что они возникают не сами по себе, а как результат изменения в соотношениях данной конструкции с другими: изменения в таких соотношениях и изменения в лексических ограничениях часто составляют две стороны единого исторического процесса. Так, например, двусоставные предложения с именным сказуемым со связкой *есть* (*Театр есть училище нравов*; *Жить долго есть терять мильх*) в течение длительного времени находились в активном соотношении с равнозначными бессвязочными построениями, а в конце XVIII и в XIX вв., особенно во второй его половине, — с построениями с новыми или активизировавшимися связками *вот, это, значит, это значит, это есть, является*. Бессвязочные конструкции и конструкции с новыми связками были категорией, явно побеждающей; построения с *есть, суть* резко сокращаются. Но это далеко не было простое количественное сокращение. Если еще в XVIII — первой половине XIX в. сказуемое со связкой *есть, суть* могло быть выражено существительными самой разнообразной семантики — и отвлеченными (*Вероятность не есть доказанная истина*), и конкретными (*Граф есть внук бывшего датского министра*), и собственными (*Автор пьесы есть господин Бульи*), — то во второй половине XIX в. и позднее в составе этой конструкции фиксируются почти исключительно существительные отвлеченной семантики. По направлению к нашему времени эта тенденция продолжает развиваться и становится все более определенной. Так сокращение употребительности конструкции сопровождается ограничениями в возможностях ее словесного наполнения.

В целом в движении лексико-семантических ограничений в русском литературном языке XIX в. можно уловить общую тенденцию, которая заключается или в дальнейшем сужении возможностей лексического наполнения (там, где ограничения уже были), или в появлении лексико-семантических ограничений там, где раньше конструкция имела любое или неопределенно широкое словесное наполнение. Одним из примеров, ярко иллюстрирующих эту общую тенденцию, может быть судьба так называемого родительного качественного.

В русском литературном языке XVIII — первой половины XIX в. активно функционировали как в атрибутивном, так и в предикативном употреблении слово-

¹ Примеры, которые для современного читателя покажутся необычными, взяты из разных произведений писателей XVIII—XIX вв. (см. список авторов в статье «Из истории родительного качественного в русском литературном языке XVIII—XIX вв.»).

сочетания, строящиеся соединением род. падежа имени с неотчленяемым согласуемым словом. Хотя такие сочетания и были в той или иной степени лексически ограничены со стороны имени существительного, но все же возможности их построения были довольно широкими: в них могли входить слова, связанные с понятиями разряда, категории, группы (*какого сорта, низшего разряда, разного разбора, обоего пола, лифляндской породы, не нашей нации*), размера (*равной толщины, разного веса, крошечного роста*), возраста, цвета, внешних или внутренних признаков, свойств, качеств (*особливого сложения, устройства, красивого лица, недурной наружности, замечательной красоты, отменного сложения, хорошего свойства, благородных качеств, разных добродетелей*), умственного и психического склада, образа мыслей, поведения (*иного мнения, тех же идей, таких мыслей, буйного характера, темперамента, недалекого ума, простого обхождения, сурового нрава*), периода времени (*не нашего века, двенадцатого года*), действия (*его сочинения, своего засола, моего печенья*), а также ряд слов конкретно-предметного значения, объединяемых понятием материала (*черного дерева, красного сукна*) или места (*нашего уезда, полка, здешней семинарии, обители*) и некоторые другие. Одни из таких сочетаний не имели функционально-смысловой соотносительности с сочетаниями иных форм, другие имели такую соотносительность. С процессами изменения грамматической соотносительности, вытеснения сочетаний с род. падежом другими типами сочетаний сложно переплетались процессы сужения возможностей лексического наполнения построений с родительным квалитативным. На протяжении всего XIX в. резко сокращалось употребление в составе таких словосочетаний слов относительно частных, дифференцирующих и конкретно-предметных значений.

Эта тенденция была поддержана и отчасти даже определялась тем, что основная масса несоотносительных с другими и поэтому устойчиво сохранявшихся сочетаний строилась именно со словами общих и широких, не конкретно-предметных значений (ср.: *необыкновенной величины, какого роста, первого сорта, высшего разряда, лучшего качества, скольких лет, какого цвета* и др.). Так к концу XIX в. исчезли совсем или резко сократили употребительность сочетания с отглагольными существительными со значением конкретного действия (по соответствующему глаголу), в которых в роли согласуемого слова выступала притяжательная форма (*фарс Гетева сочинения; дом твоего построения; пироги ее печенья; цветы нашего сажанья; картины его рисованья*), с существительными, обозначающими конкретное качество и словообразовательно соотносительными с соответствующими прилагательными (*человек сердечной доброты, примерной аккуратности, увлекательной любезности, решительной неустрашимости, необычайной понятливости, беспримерно высокомерия*), с существительными, называющими конкретные черты или стороны внешности (*офицер сурового лица; девка немецкой талии; старушка набожной физиономии; блондин греческого профиля; мужчина изящных форм*), сочетания с существительными конкретно-предметного значения, соотносительные с сочетаниями с твор. падежом с предлогом *с* (*рудники удобного металла; платье модного узора; стихи дактилического окончания*) и с сочетаниями с род. падежом с предлогом *из* (*стаканы моего буфета; фрукты собственных апельсинов*) и под. Следствием этих процессов явилось закрепление в языке генитивных сочетаний с однообраз-

ным, повторяющимся словесным наполнением: в них продолжают входить существительные разной семантики (см. выше), но объединяемые тем, что значения их являются широкими, как бы недифференцированными — в противоположность словам с узкими, определенными и конкретно-предметными значениями.

Другим примером сужения лексических границ конструкций под влиянием развития соотносительных форм может служить судьба бессвязочного творительного предикативного, на протяжении XIX в. подвергавшегося последовательным лексическим ограничениям и сохранившегося сейчас как форма, употребление которой обусловлено возможностью только очень узкого словесного наполнения. Бессвязочный творительный предикативный имени существительного во второй половине XVIII — начале XIX в. был значительно употребительнее, чем в конце XIX в. и тем более, чем в современном языке. Употребление этой конструкции было обусловлено следующими лексическими ограничениями. Обычны были построения: 1) с отвлеченными существительными: *доказательство, причина, вина, пренона, порука, залог, пример, утешение, наказание* и т. п. (*Самые те права преноною к тому, чтобы...; Причиною богатства его тайная связь; Пребывание ваше в Петербурге для меня ясным доказательством того, что...; Ваши правила для меня порукою вашей твердости; А мне так песни утешеньем на старости моей; Это право в его руках слепым орудием прихоти; Жизнь ему казнью*); 2) со словами, характеризующими субъект (обычно лицо) по временному состоянию, назначению, функции, внешнему виду, поведению: *Я уже три дня свидетелем ее добронравия; Я снова на несколько дней затворником; Но это ли честолюбие надежным вожатым на пути почестей?; Не думай, что я побудителем ее ревности; Я здесь твоим проводником, Зачинщиком ли он нового у нас поэтического языка?; Что это вы франтом таким?; 3) со словами, называющими род занятий, профессию, должность: *Он советником посольства; Самый тот, который ныне у нас портным; Послом там г-н Булгаков; Как все переменялось ныне во Франции! Дессен капралом! Дессен в мундире!; Все лучшие люди в городе членами клуба; Директором вод Новосельцев.**

Известно, что творительный предикативный в изучаемый период активно взаимодействовал с именительным предикативным. Для бессвязочных построений констатируется ограничение твор. падежа и явное возобладание им. падежа под влиянием общей активизации именительного бессвязочного в связи с ослаблением связочных конструкций с *есть, суть*, а также в связи с тем, что очень большое количество случаев употребления именительного предикативного вообще не знало употребления, соотносительного с твор. падежом. На протяжении XIX в. в употреблении творительного предикативного без связки, наряду с общим количественным убыванием, наблюдается дальнейшее сужение возможностей лексического наполнения конструкции. Это сужение выражается в следующем: 1) из слов первой группы (с отвлеченным значением) устойчиво удерживается употребление слов *причина, вина, порука*, чаще других употреблявшихся и превратившихся в индивидуально функционирующие словоформы; 2) для обозначения временного состояния, функции, внешнего вида, поведения сохранилось постоянное употребление форм твор. падежа лишь для нескольких слов: *он молодцом, фран**

том, *щеголем; он свидетелем; 3)* при обозначении рода занятий, деятельности твор. падеж сохраняется только там, где называется собственно должность, служебное положение (*Она здесь учительницей; Я тут комиссионером винокуренного завода*). Таким образом, бессвязочный творительный предикативный к концу XIX в. оказался синтаксической категорией, не только не свободной с точки зрения возможностей своего лексического наполнения, но ограниченной настолько, что речь, по существу, может идти лишь об отдельных словах, допускающих такое синтаксическое употребление. Именно с этими словами, в данном лексическом наполнении, бессвязочный творительный предикативный остался в употреблении, превратясь из в свое время продуктивного синтаксического образца в лексически замкнутую конструкцию особого качества. Судьба бессвязочного творительного предикативного, так же как судьба рассмотренных выше сочетаний с род. падежом, — яркий пример тех изменений внутренних условий функционирования конструкции, которые могут привести к изменению формального качества самой соответствующей структуры.

4. В истории развития разных синтаксических конструкций в русском литературном языке XIX в. выявляются разные процессы в движении лексических ограничений. В одних случаях эти процессы выражались в том, что при сохранении всех семантических групп слов, участвующих в той или иной конструкции, сокращения происходили внутри этих групп, т. е. входящие в более широкий семантический круг слова того или иного лексико-семантического ряда теряли способность быть строительными элементами в составе данного синтаксического образца. Так, например, в сочетаниях с родительным качественным, как мы уже видели, способная входить в такие сочетания семантическая группа слов, обозначающих внешние признаки и черты внешности, сократилась за счет слов, обозначающих отдельные конкретные черты внешнего облика, лица. В других случаях ограничение выражалось в уменьшении самого количества семантических групп слов, способных функционировать в составе того или иного построения. Примером такого типа сокращения может служить кратко охарактеризованная выше судьба бессвязочного творительного предикативного, когда фактически вся группа слов отвлеченной семантики (за исключением нескольких отдельных словоформ) утратила способность входить в соответствующий тип предложения. Иногда ограничения, уже идущие из прошлого состояния языка, завершаются на наших глазах образованием неделимого сочетания. Так, современное *делать что-нибудь из-под налки* восходит к еще живому для начала XIX в. типу словосочетания с предлогом *из-под*, показывавшему «вывод действия из понудительных мер»: *делать что-нибудь из-под страха, из-под побоев* (см. Востоков, Русская грамматика). В других случаях можно говорить о сохранении в языке лишь единичного словесного реликта когда-то живой синтаксической конструкции. В этом отношении показательна судьба предикативного функционирования деепричастий в литературном языке XVIII — XIX вв. Известно, что для этого периода такое функционирование уже было остаточным и проявлялось очень ограниченно. Однако в повествовательной прозе, в описаниях конца XVIII — начала XIX в. (а в частной переписке и значительно позднее) сказуемые-деепричастия, выражающие состояние, если и

не регулярно регистрируются, то, во всяком случае, не представляют исключения: *Много снегу напавши; Площадь вся заросши лесом, «Лед весьма был стеснившись»* (Мордвинов, Записки); *Церковь вся осевши в землю; Мы были приставши в трактире; Флот был забежавши в Унскую губу* (Челишев, Путешествие по северу России); *Бабушка была нагнувшись* (Болотов, Жизнь и приключения...); *Нос и уши побелевши и растуши* (Измайлов, Евгений); *Итальянец был спрятавшись* (Зотов, Замок Сен-Жермен); *Рожи у Григория и Ивана вдруг становятся насупившись* (Гоголь, Лакейская); *Петрович был совсем заспавшись* (Гоголь, Шинель); *Я был уже пришедши* (Бутков, Петербургские вершины); *Старая девица-барышня была обнаживши костлявую шею* (Писемский, Боярщина) и т. п. Такое употребление уже в первой половине XIX в. резко идет на убыль; устойчиво держится лишь одна форма — *выпиши*, стилистически окрашенная и явно обнаруживающая тенденцию изолироваться от парадигмы соответствующего глагола. Перед нами — лексическое ограничение на своей крайней стадии: синтаксический образец как потенциально воспроизводимый полностью утратился, сохранился лишь его случайный осколок в единственно возможном словесном наполнении (ср., впрочем, просторечное *не жрамши*).

Особым видом ограничения является то, что можно назвать «лексическим исключением»: из общей массы разнообразных семантических групп слов, способных участвовать в конструировании того или иного предложения, некоторые группы начинают резко — до фразеологизации — ограничиваться или совсем утрачивают способность функционировать в составе данной конструкции, — при сохранении активности всех других групп. Такие лексические ограничения имели место, например, по отношению к предикативному функционированию некоторых предложно-падежных сочетаний. Характерна в этом смысле судьба отдельных сочетаний существительных в предложном падеже с предлогом *в*. Эти сочетания свободно употреблялись и продолжают употребляться в сказуемой функции для обозначения самых разных состояний: пребывания в числе лиц (*был в кучерах, в солдатах*), внешнего состояния (*все в движении, в пыли*), внутреннего состояния (*он в удивлении, в гнев*) и др. Из продолжающего свободно функционировать широкого круга таких сочетаний к концу XIX в., во-первых, почти полностью исключаются сочетания, обозначающие пребывание в состоянии болезни (*Дети в скарлатине, в коклюше; Я в насморке; От ваших советов он будет в чахотке; Ты совсем в лихорадке*); во-вторых, резко сокращается употребление сочетаний, обозначающих эмоциональное состояние (*Воображение мое было во всей своей бурной стремительности; Он в печали; Ты, кажется, в смущении; Я был весел, в удовольствии; Он в раскаянии; Я в тех же мыслях; Все арабы в торжестве; Она была в рассеянии, в беспокоестве, в заботе, в крушении, в нервах; Я не в бешенстве и не в преувеличении*). Уже с середины XIX в. явно начинает действовать тенденция к ограничению этих последних сочетаний, к стабилизации их лексического наполнения; в конце века для выражения внутреннего состояния преимущественно отмечаются сказуемо-значимые сочетания, во-первых, со словами, называющими сильные внутренние чувства (*он в изумлении, в смятении, в восхищении, в восторге, в бешенстве, в негодовании, в отчаянии* и под.), во-вторых, сочетания, требующие инфинитива

(я не в силах, не в состоянии, не в праве молчать). Как и для других видов лексических ограничений, «лексическое исключение» связано с владением соотносительных конструкций (ср.: *Он в скарлатине — у него екарлатина; Они в торжестве — торжествуют* и под.). Аналогичный процесс можно отметить и по отношению к сочетаниям род. падежа с предлогом *без* (ср. постепенное исключение из круга этих конструкций сочетаний, обозначающих внутреннее состояние: *Я сделался без ума, без памяти; Дама к нему не без склонности; Они были не без сведений; Вздор твой не без истины; Мне будет разговор тогда без наслаждения; Он стал без всякой терпимости, без малейшего снисхождения или сострадания*).

5. Развитие лексико-семантических ограничений, как правило, приводит к такому сужению возможностей словесного наполнения конструкции, которое по существу уничтожает ее как живую и продуктивную схему синтаксического построения. Такая схема перестает быть грамматическим каркасом для самых разнообразных по содержанию, т. е. словесно во множестве варьирующихся, сообщений или компонентов сообщения. Модель (образец, тип) в строгом смысле этого слова перестает существовать. Вместо нее появляется новое грамматическое качество, особый тип построения, для которого определенным образом ограниченная возможность словесного заполнения является одним из обязательных условий существования, т. е. в конечном счете одним из элементов формы. Так строящиеся конструкции, занимающие промежуточное положение между продуктивными образцами и фразеологизмами, образуют считаемый ряд и представляют собой особое языковое качество, требующее особых методов изучения. Конструкции такого типа — своеобразный продукт длительного исторического развития лексически свободных (или относительно свободных) построений, изменивших степень и качество своей формализованности в результате взаимодействия с другими построениями — равнозначными или близкими по значениям. Естественно, что законы дальнейшего функционирования в системе языка так образовавшихся лексически ограниченных или закрытых конструкций оказываются иными, чем законы функционирования грамматических образцов, знающих только категориальные, но не словесные ограничения. У них могут вырабатываться свои индивидуальные связи и соотношения с другими типами построений, может появляться та или иная стилистическая окрашенность; постоянное функционирование слова в определенной форме в качестве форманта лексически ограниченной конструкции — особенно при очень узком круге допустимых лексем — может накладывать свой отпечаток и на саму эту словесную форму, выводя ее за пределы парадигмы данного слова, а иногда и за пределы его семантической структуры.

Изучение изменений в характере лексико-семантических ограничений, действующих при наполнении словесно замкнутой и непродуктивной конструкции, так же как и изучение последствий этих ограничений, должно стать обязательной частью исследования истории самой такой конструкции. Лингвист, занимающийся историей синтаксического строя языка, должен знать во всех деталях те меняющиеся условия бытования конструкции, которые на определенном этапе развития языка не только ограничивают возможности ее функционирования, но

в конечном счете оказывают определяющее воздействие на судьбу самой конструкции и на ее место в кругу ближайших синтаксико-семантических соотношений.

1960 г.

ИЗ ИСТОРИИ РОДИТЕЛЬНОГО КВАЛИТАТИВНОГО В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ XVIII—XIX вв.

(К проблеме лексических ограничений в синтаксисе)

Именные беспредложные сочетания так называемого родительного квалитативного с обязательным согласуемым словом, функционирующие как в роли сказуемого, так и в роли определения, — конструкция, известная всем восточнославянским, так же, как и другим славянским языкам: она зафиксирована в памятниках, в записях произведений народной словесности, в художественной литературе и в разговорной речи (см.: [Востоков 1838: 251; Плаголевский 1873: 25; Потебня 1899: 190—192; Тимченко 1913: 128—129; Карский 1956: 408; Шапино 1953: 164]). Безоговорочное отнесение всех таких конструкций к синтаксическим галлицизмам вряд ли обосновано (см.: [Булаховский 1939: 15; 1954: 270—271]); еще Ломоносовым они отмечены как построения нормализованного русского литературного языка: «Существительные, до похвалы или похуления надлежащие, требуют родительного падежа: *человек превосходного остроумия; младенец слабого сложения*» [Ломоносов 1952: 557]. Показательно, что А. С. Шишков в своем «Рассуждении о старом и новом слоге российского языка» приводит эту конструкцию среди иллюстраций правильного, собственно русского словоупотребления: «...Что разумеется под словом *дух*? Во-первых, *бесплотное существо...*; во-вторых, *душевное свойство*, как например: *муж твердый* или *твердого духа...*» [Шишков 1824: 43].

В русской прозе конца XVIII — первой половины XIX в. эти сочетания в общем не знали жанрово-стилистических ограничений¹; они свободно употреблялись для выражения довольно широкого круга значений, а именно: для характеристики лица по внутренним качествам, свойствам, поведению, характеру (*человек редких достоинств, веселого нрава, посредственного ума, тихого характера, доброго расположения, счастливой памяти, большой учености*); по внешности, физиче-

¹ Цитируемые в статье писатели: Баратынский, Белинский, Бибииков, Боборыкин, Болотов, Боткин, Бунин, Буслав, Бутков, Васильев, Вельтман, Вяземский, Герцен, Гоголь, Головин, Гончаров, Грибоедов, Григорович, Державин, М. Дмитриев, Добрынин, Достоевский, Дружинин, Жихарев, Жуковский, Завалишин, Загоскин, Златовратский, А. Иванов, Измайлов, Карамзин, Короленко, Крылов, А. Кутузов, Кюхельбекер, Лажечников, Лермонтов, Лесков, Ломоносов, Марлинский, Менделеев, Мельников-Печерский, Михайловский, Мордвинов, Нарезный, Нащокин, Некрасов, Никитенко, Новосильцев, Озеров, Павлов, Писемский, Погорельский, Помяловский, Пушкин, Пущин, Радишев, Рикорд, Рылеев, Рычков, Салтыков-Шедрин, Свербеев, Сенковский, Славутинский, В. Соллогуб, Станицкий, Станюкович, Стасов, А. К. Толстой, Л. Толстой, А. Тургенев, И. Тургенев, П. Успенский, П. Федоров, Фет, Фонвизин, Храповицкий, Челишев, Чернышевский, Чехов, Чулков, Шаховской, Шишков, Щербатов, Эртель.

ским свойствам (она была *чрезвычайного пригожества, редкой красоты, почтенной наружности, высокого роста, отменного сложения, приятного лица, попердственной толщины*); по образу мыслей, взглядов (мы с тобой *одних мыслей, взглядов, противоположного мнения*); по происхождению (человек *знатной фамилии, царской крови, лакейского происхождения*); по отнесенности к партии, религии, направлению, национальности, группе лиц (он *не вашего закона, другой нации, противоположной партии*); по общественному положению (хотел быть *бригадирского чина, важного сану, невеста купеческого состояния*); по возрасту (он еще *юных лет, глупого возраста*); для характеристики предмета по внутренним свойствам, качествам (подарок *невеликой цены, ливень неслыханной ярости, письма разного содержания, табак невероятной крепости*); по отношению к другому предмету, лицу, действию и по результату этого отношения (пятаки *не нашей чеканки, рудники удобного металла, картина твоей работы, рыба ночного улова, фрукты собственных апельсинов, вино здешней разливки*); по внешним признакам (покои *разной меры, зал огромной величины, местоположение примечательной красоты, гора необыкновенной крутизны, платье модного узора*); по материалу (воротник *чернобурых лисиц, кафтан алого сукна, пюсового бархату, вино собственного винограда, стихари разных материй, серого камлота*); для характеристики лица или предмета по цвету (глаза *серого цвета, радужных цветов* косынка, собаки *всех мастей, белой шерсти*); по отнесенности к периоду времени (американцы *колумбовых времен, человек прошлого века, кампания двенадцатого года, Париж того времени*)². Несмотря на то, что круг существительных, образующих такие сочетания, был относительно широк, возможности их построения все же были лексически ограничены (см. ниже).

В течение XVIII—XIX вв. в русском литературном языке происходит постепенное сокращение употребительности этих сочетаний как в атрибутивной так и — главным образом — в предикативной функции. Задача настоящей статьи — показать основные тенденции в общем сокращении употребительности сочетаний с родительным качественным, преимущественно — в изменениях их сказуемого функционирования³.

* * *

На судьбу сочетаний с родительным качественным решающее влияние оказывал фактор наличия или отсутствия у этих сочетаний регулярной функционально-смысловой соотносительности с другими типа-

² В народной восточнославянской речи возможности образования таких сочетаний, по-видимому, были шире и свободнее, ср. примеры, приводимые Е. К. Тимченко [1913: 128—129]: *Великого роду, а псыого ходу* (Етногр. збірник, XXVII, 15); Был Данил барзо *великой науки и милости* от самого небесного Бога (Пам. укр. мови и літ., I, 312); Ой той же та козак Зарвай, а він *бистрого ока* (А. Метлинский. Народн. южнорусск. песни, 451); Тоты звѣрьки слѣпы суть а *такои злои ѳди*, если бы кого оукусило, то ся нѣколи не загойть (Пам. укр. мови, III, 69); Зеленая явориночка, Чом ти мала — *невеличка?* Чи ти *росту невеликого?* Чи *коріння неглибокого?* Чи ти *листу неширокого?* (Метл., 156) и др.

³ Специальное рассмотрение вопроса об атрибутивном функционировании этих сочетаний не входит в задачу настоящей статьи.

ми сочетаний. В тех случаях, где такая соотносительность была, т. е. тогда, когда изучаемые сочетания стояли в ряду других, равнозначных или близких к ним по значению и по функциям построений, — там среди сочетаний с род. пад. наблюдаются специфические изменения. Там же, где сочетания с родительным качественным не имели рядом с собой соотносительных по функциям и по значению сочетаний других форм, — там они оказывались устойчиво употребительными и в целом не претерпевали существенных изменений.

Не имели соотносительности с другими типами сочетаний и поэтому устойчиво употреблялись и продолжают употребляться сочетания, строящиеся со словами следующих семантических групп⁴.

1. Со словами со знач. категории, вида, сорта, разновидности, разряда: *первого сорта, различного разбора, средней руки, особого рода, низшего разряда, другой марки, всевозможных видов, высшего порядка, высшей степени, нового типа, особого калибра, той же категории*. Голова у него очень *малой* руки и притом деревянная (Чулк., Пересемешник); Парижские цветочницы *одного разбора* с рыбными торговками (Карамз., Письма русск. путеш.); — Однако дочери мои, позвольте сказать, *не такого разбору*, чтоб можно было над ними смеяться (Погорельск., Монастырка); А кахетинское здесь прекрасное... разумеется, не то, что в Грузии, однако *лучшего сорта* (Лерм., Герой нашего времени); Немецкие шарманщики *бывают двух родов* (Григорович, Пб. шарманщик); Его формализм *был второй степени*, но столько же скучный, как и все прочие (Герц., Былое и думы); Все они [произведения] *бывают ныне одного и того же рода и вида* (М. Дмитр., Мелочи из зап. моей памяти); Импровизация эта *бывала*, конечно, *не очень высокого музыкального калибра* (Стасов, Учидище правовед.).

2. Со словами со знач. качества, свойства, ценности: *отличного качества, не грубого свойства, не равной цены, соленого вкуса, разных достоинств, такой же доброты* (в знач. 'качество'), *одинаковой сущности, юмористического характера* (в знач. 'свойство', 'качество'). Подарок сей *невеликой цены* (Чулк., Поздравл. с новым годом); Мозг ваш *не может быть такой же доброты*, как мозг потомков великого Магомета (Крыл., Каиб); Но Полянский, при остром уме и познаниях, *был свойства горячего и неуступчивого* (Добрынин, Зап.); Правда, что картины его *не равной цены*; последние несравненно превосходнее первых (Карамз., Письма русск. путеш.); Кроме упомянутых картин Рубенса, их около двадцати в Дрезденской галерее: они *не одинакого достоинства* (Кюхельб., Отр. из путешествия по Герм.); [С о ф и я] *Чудеснейшего свойства* Он, наконец: уступчив, скромн, тих (Гриб., Горе от ума); ...теоретическое объяснение «небесных тел, которые *должны быть одного начала и одинаковой сущности с земными*» (Телескоп, 1831); 2) *Все мяса, рыба — отличного качества* (Гонч., Фр. «Паллада»); *Колодцы оказались солонковатого вкуса* (Тург., Отцы и дети); Вообще — все письмо *самого лестного и ободряющего свойства* (Короленко, письмо к А. С. Короленко, 18 июня 1892).

⁴ Естественно, что лексические изменения и перемещения внутри этих групп, сокращение употребительности или уход отдельных входящих в них слов не имеют отношения к судьбе соответствующих сочетаний как синтаксической категории.

3. Со словами со знач. формы, размера, веса: *громادного размера, средней величины, разной меры, высокого роста, равной высоты, ширины, толщины, такого же объема, особого покроя, античных линий, старого фасона, круглой фигуры* (в знач. 'форма'), *странной формы, большого формата, тяжелого веса*. Между семи [реками] находилась одна, которая была довольно и сажень до двадцати простирающейся ширины (Болотов, 1); Гердер не высокого росту, посредственной толщины (Карамз., Письма русск. путеш.); Японцы помучили нас часа два вопросами: *какой фигуры* этот флаг, велик ли (Головнин, Зап.); Первенствующие лица, явившиеся на сцене его, *были размера исполинского, героического* (Вяземск., Фонвизин); Он *бывает всех ростов, возрастов и объемов*: мал и высок, толст и тонок, стар и молод (Сенковский, Человечек); Их руки и ноги — *формы совершеннейшей* (Ботк., Письма об Испании, Соврем., 1847, дек.); Ни один заряд *не был того веса*, который означен был в «Руководстве» (Л. Толст., Севаст. в авг. 1855 г.); Дом *был огромной величины* (Дост., Идиот); ...Этот жилет *французского покроя* (Г. Усп., Нравы Растер. улицы); У нее хороший рост, ...бюст *ласкающих античных линий* (Боборык., На ущербе).

В некоторых случаях сочетания со словами этой семантической группы были соотносительны с именами прилагательными соответствующих значений (*высокого роста — высокий и высок ростом, большого размера — большой, тяжелого веса — тяжелый* и т. п.), или — в предикативной функции — с «конструкциями принадлежности» (*они одинаковой высоты и веса — у них одинаковая высота и вес*). Однако регулярных и систематических соотношений у всей этой группы в целом не было, во-первых, потому, что не все слова допускали такие соотношения (ср., например, отсутствие непосредственных соотношений с прилагательными у сочетаний со словами *величина, мера, объем, фасон*), во-вторых, потому, что такие соотношения часто были возможны только в предикативной, но не в атрибутивной функции (ср. соотношения типа *он высокого роста — у него высокий рост*). Таким образом, для сочетаний со словами со знач. формы, размера, веса заменяемость другими построениями не имела характера регулярности. Такое отсутствие регулярных соотношений, с одной стороны, и массовая употребительность сочетаний с родительным качественным, с другой стороны, обусловили устойчивое сохранение в языке всей этой группы сочетаний в целом.

4. Со словами со знач. возраста: *средних лет, одного году, двух месяцев, глупого возраста*. Он был в глубокой старости, *лет осьмидесяти* (Нащокин, Зап.); ...до возраста сына своего от нее рожденного, который был тогда *одного году* (Рычков, Опыт Каз. ист.); *Каких ты лет тогда был?* (Добрынин, Зап.); По летам он уже *был годовков двадцати* (Вельтм., Саломея); Мальчик *Илюшиных лет* (Л. Толст., письмо к С. А. Толстой, 15 июня 1878).

И здесь, так же как в предыдущей группе, при предикативном функционировании имело место соотношение данных сочетаний с именными предложениями с дательным пад. субъекта (*он был сорока лет — ему было сорок лет*). Но отсутствие постоянного соотношения при атрибутивном функционировании, а также наличие у сочетаний с родительным качественным дополнительных семантических возможностей (ср., например, возможность выражения приблизительности сло-

водем перестановки компонентов: *сорока лет — лет сорока*) определили устойчивое сохранение в языке сочетаний со словами со знач. возраста.

5. Со словами *цвет, краска* (в знач. 'цвет'), *масть, колорит, оттенок*. Потолок от долговременности даже потемнел и *сделался кофейного цвета* (Болотов); Лошадь... точно хороши: большого роста, одна в одну, *рыжегалой, так называемой розовой масти* (Жих., Зап. совр.); От пояса к низу платье было в обтяжку; каждое *особливое цвета* (Рикорд, Зап.); Муслины, атласы, кисеи были *таких бледных модных цветов*, каким даже и названия нельзя прибрать (Гоголь, Мертв. души); — Мы сами с усами, хоть и *не одной с тобой масти* (Славутинск., Читальщица); Зелень *стали такой яркой, зеленой краски*, какой не найдешь у Аванцо (Л. Толст., письмо к С. А. Толстой, 9 апр. 1882). В атрибутивном употреблении: В национальном костюме, часто богатом, но всегда *цвета яркого*, предпочтительно *алого* (Погорельск., Монастырка); Картины *такого же колорита* (Писемск., Тысяча душ); Бородка *рыжеватого оттенка* (Боборык., На ущербе).

Сочетания со словами *цвет, масть* в предложении могут быть соотносительны с прилагательными, называющими признак по цвету: *зеленого цвета — зеленый* и подобное. Однако этой соотносительности нет там, где прилагательное неоднозначно и знач. цвета не является основным его значением, ср.: *песочного цвета, телесного цвета, крапивного цвета, небесного цвета, кирпичного цвета, огненного цвета, кофейного цвета, каштанового цвета, казенного цвета, дикого цвета, радужных цветов* и т. п. Во всех подобных случаях сочетания с род. пад. не были однозначно соотносительны с прилагательными. Это и сохраняло устойчивую употребительность вообще всей группы сочетаний со словами *цвет, масть*.

6. Со словами со знач. неопределенно большой группы, совокупности чего-либо (обычно — лиц): *скифского племени, разных наций, немецкого народа, дворянской породы, графского рода, купеческого состояния, простого звания, другого поколения, высокого круга, деловой сферы, смешанного общества, большого света, низкого класса, фламандской школы, дорического ордена, обоего пола*. Баварский крестьянин мало понимает мекленбургского или бранденбургский швабского, хотя все *того же немецкого народа* (Ломон., О пользе книг церк.); Сей человек *не простого роду* (Чулк., Пригож. повариха); Тогдашний Казанский царь назван Алехом [мнится Алей-Хан] Абрегимовым; но *того ль или иного был он отродия*, сего в описании не показано (Рычков, Опыт Каз. истории); Нынешние города Казани обыватели *не того уже роду и языка*, о которых объявляет сия история (Там же); Он был царской крови, от роду царей Золотой Орды, *поколения Токтамышева* (Там же); Предки наши *были знатной татарской и княжеской породы* (Болотов, I); Он *был одной нации со мною* (Карамз., Письма русск. путеш.); Предки наши славяне *были конечно Скифского племени* (Карамз., Изв. о Марфе Посаднице); Более всего берегись досадить женщине, *сколь бы низкого состояния она тебе ни казалась* (Крыл., Похв. речь в память моему дедушке); Орловский — *фламандской школы*, но кто русее его в содержании картин? (Вяземск., письмо к А. Тург., 19 дек. 1819); Ты *роду-звания большого* (Баратынск., Бал); Сам я *породы Царской*, весьма на земле знаменитой (Жуковск., Война мышей и лягушек); — Кто она такая? — Саломея Петровна Яликова. — *Большого круга?* — *Большого* (Вельтм., Саломея); — «*А какого звания?*» — Мой отец, гово-

рит, мешанин (Некр. и Станицк., Три стр. света); Она слишком для этого молода и слишком *большого света* (Писемск., Тысяча душ); И вышло так, как будто он и не был *мещанского рода* (Помяловск., Мещ. счастье); *Общества он был смешанного*, разумеется, во всяком случае, «*тузового*» (Дост., Идиот); Я, если смею так выразиться, *священнического поколения* (Тург., Дым); — А потому, что я простой человек! *Простого звания* (Гл. Усп., Разоренье); — Они, значит, *боярского роду*? — Боярского, говорит, или не боярского, а уж порода такая (Короленко, Чудная).

Некоторые сочетания этой группы, а именно те, которые строятся со словами, называющими более или менее определенное множество, допускают соотносительность с сочетаниями с предлогом *из* (см. ниже; напр.: *мещанского звания* — *из мещанского звания*, *бедного класса* — *из бедного класса* и под.). Однако практически такой регулярной соотносительности установить не удастся, по-видимому, в силу противодействия тех сочетаний, где неопределенность множества исключает мысль о единичном исхождении из этого множества (ср.: *знатной породы*, *женского пола*, *германской нации*), а также под влиянием близких по общему смыслу сочетаний со словами других семантических групп, где такой соотносительности быть не может (напр.: *царского рода*, *породы и царской крови*, *мещанского рода*, *звания*, *состояния* и *мещанского происхождения*, см. следующую группу).

7. Со словами со знач. происхождения: *плебейского происхождения*, *знатной природы*, *благородной крови*. Скажу вам, любезный приятель, что я *природы татарской!* (Болотов, 1); Можно отгадать, что он *благородной крови* (Крыл., Похв. речь в память моему дедушке); Между европейскими турками весьма немногие *происхождения оттоманского* (Атеней, 1828, 16); Ряд древних греческих богов... *были древнефиникийского происхождения* (Телескоп, 1831, 2); Шарманшики в Петербурге вообще *бывают трех различных происхождений* (Григорович, Пб. шарманшик); Молотов *был происхождения темного, мещанского* (Помяловск., Мещ. счастье); Вы не даром *одной крови* с Анной Сергеевной (Тург., Отцы и дети); Полагает, что самый карьеризм — *либерального происхождения* (Вестн. Европы, 1890, IX).

8. Со словами со знач. общественного направления или вероисповедания: *христианской веры*, *разных исповеданий*, *католического закона*, *другой религии*, *не того направления*. Жители города Архангельска хотя и *христианския веры*, но *разных исповеданий*: природные россияне православные и раскольники, чужестранцы лютеране и кальвины (Челищ., Путеш.); Две немецкие кирки: одна *реформаторского закону*, деревянная, другая *лютеранского закону*, каменная (Там же); ...забыв, что мой гасконец *католического исповедания* (Жих., Зап. совр.); ...от кочующих разных в областях Российской империи народов, *какого бы они закона ни были* (Бибииков, Зап.); Народонаселение Вадтского кантона большею частью *протестантского исповедания* (Соврем., 1847, V); — Спросишь его: *какой ты веры?* — он тебе отвечает: *старой* (С.-Щ., Губ. оч.); — Ага! — подумал я, — вот ты какая, характер объявляется, *нового направления* (Дост., Кроткая); Ретируется, признаваясь, что он *другой религии* (Короленко, письмо к А. С. Короленко, 19/31 июля 1893).

9. Со словами со знач. периода времени: *нынешнего века*, *прежней эпохи*, *колумбовых времен*, *одного времени*, *двенадцатого года*, *прошлого столетия*. Вот отчет настоящего и предположения будущего. Все это не очень цветно, но цветы — не

нашего века (Вяземск., письмо к А. Тург., 22 февр. 1819) — Может быть, даже вы знакомы по университету? Судя по летам, должно быть *одного времени* (Писемск., Тысяча душ); Ну, да этот вопрос *недалекого времени*, так как, вероятно, еще зимой я буду в Петербурге (Короленко, письмо к М. М. Стасюлевичу, 20 ноября 1892); Большая была старуха, вся какая-то темная. Панева — *чуть не прошлого столетия*, чуньки — покойницкие (Бунин, Ант. яблоки).

Помимо слов перечисленных выше семантических групп, в сочетании с родительным качественным, не имевшие регулярных функционально-смысловых соотношений с сочетаниями других форм, могли входить а) отдельные слова более или менее отвлеченной семантики (*высокой жизни, религиозной морали, подобного стиля, византийского пошиба, особенного устройства, хорошего тона, последней моды, изрядной живописи, древней печати, художого тиснения, новейшей пропорции, вашей руки, европейского искусства, необычной архитектуры*) и б) отдельные слова с конкретными значениями, употребленные для обозначения обладателя в широком смысле этого слова (*одного родителя, того же царя, другой компании, не здешнего мира* и т. п.).

а) У попугаев и параклиток язык *подобного сложения* человеческому (Храповицк., Дневн., 24 июля 1785); Были мы с нею *одного ремесла* (Чулк., Пригож. повара); Она была хотя обветшала, однако щеголиха. Лицо ее *было самой древней печати и художого тиснения* (Чулк., Пересмешник); Прочие списки *такого же штиля* и содержания (Рычков, Опыт Каз. ист.); Они почти все *жития строгого*, до крайности покоренные своим начальникам (Щербат., Статистика); Они [гусли] *были... особенного сложения* (Болотов, 1); Платье мое *самой последней моды* (Крыл., Почта духов); — Да и надпись, кажется, *женской руки!* (Нарежн., Росс. Жилбляз); Только в лирике слышно русское наречие и русские имена; все прочее — *всех цветов и всех голосов* (Вяземск., письмо к А. Тург., 19 дек. 1819); Иконостас *вызолочен*; образа все *греческой живописи* (Отеч. зап., 1839, VII); ...*Письма мои были известной страсти*, из чего вышла новая беда (А. Иванов, письмо к Гоголю, 1847); Точность, красота резца и миловидность рисунка *были высокого искусства* (М. Дмитр., Мелочи из зап. моей памяти); — Разные есть документы-с, все *вашей руки-с* (С.-Щ., Губ. оч.); Нашли и шкатулку с пропавшими деньгами; *была она железная, английского устройства, с секретным замком* (Дост., Идиот).

б) Картины в сем дворце также *великих мастеров* (Фонв., письмо к Ф. И. Фонвизиной, 7/18 дек. 1784); — Дочка ваша, тоже могу сказать, весьма приятная девица... Конечно, *одного родителя* (Златовратск., Устой); — Или мы *не того же царя?* (Короленко, В голодн. год).

Таков довольно широкий круг сочетаний с родительным качественным, которые были устойчиво употребительны в силу того, что не находились в постоянных соотношениях с сочетаниями других типов. В целом для них отчетливо выделяются довольно определенные пределы возможностей лексического наполнения. И если можно говорить о каких-либо тенденциях развития этих сочетаний в литературном языке XVIII—XIX вв., то это были изменения отношений между моделью и наполняющим ее словесным материалом. Как было показано выше, для основной массы описываемых сочетаний характерно — со стороны имени

существительного — неразнообразное и повторяющееся лексическое наполнение (ср.: *какой формы, величины, толщины, какого цвета, размера, роста, сорта, веса, фасона, скольких лет, какого рода, вида, какой веры, нации, какого свойства, происхождения и др.*). Такие сочетания употреблялись везде, постоянно, массово, и это соединение лексической узости с исключительно широкой употребительностью ставило их в положение своеобразных устойчивых образований. Это положение усугублялось еще тем, что основная коммуникативная нагрузка здесь часто падает на согласуемое слово. Выше уже можно было видеть именно такое неравномерное распределение функций между компонентами сочетания с родительным качественным. Вот еще ряд характерных примеров. Ф. О. [Федор Орлов] не так умен, а А. О. [Алексей Орлов] совсем *другого сорта* (Храповицк., Дневн., 30 мая 1786); Ломоносов *был иного покроя*. С ним шутить было накладно (Пушк., Путеш. из М. в Пб.); *Разговор был такого рода*, что мог продолжаться до бесконечности (Лерм., Кн. Лиговская); *Стол, кресла, стулья, все было самого тяжелого и беспокойного свойства* (Тоголь, М. души); *У моей матери характер такого сорта*, что на нее сильно и благотворно действует всякая нравственная поддержка (Чех., письмо к М. П. Чехову, 10 мая 1877). В атрибутивном употреблении: *шляпа очень небогатой руки* (Новосильцев, письмо к Г. Р. Державину, 16 апр. 1774); *люди благородного сорта* (Добрынин, Зап.); *глупцы разного свойства* (Вяземск., Фонвизин); Приходы же и расходы, остаток денежной кассы, бумага *разного звания*, печатные книги, материалы, инструменты и вещи записываются в *шнуровые книги* (Устав имп. СПб. Академии наук, ЖМНП, 1836, 9, I); *изба средней руки* (Фет, Воспом.); *радость высшего порядка* (П. Федоров, Соловки).

Сочетания с повторяющимся лексическим наполнением составляли основной массив рассматриваемых построений с родительным качественным. И именно они прочно удерживаются в языке. Характерно, что те сочетания, в которые входили существительные, не столь регулярно и постоянно употреблявшиеся в составе этих построений, в течение XIX в. обнаруживают явную тенденцию к сокращению и постепенному исчезновению. В этом смысле показательна судьба сочетаний с нерегулярно употреблявшимися в их составе существительными отвлеченной семантики (см. выше). Более или менее последовательно они отмечаются до 60—70-х годов XIX в., а дальше употребляются главным образом сочетания, ставшие устойчивыми, полуфразеологическими единицами: *хорошего (дурного) тона, последней (новейшей) моды, высокого полета, нового пошиба, подобного (известного) стиля, гражданской архитектуры* и некоторые другие. Таким образом, здесь имеет место концентрация, сужение словесных средств наполнения образа, и в целом развитие таких сочетаний идет по пути стабилизации форм с узким и однообразным словесным составом и утраты сочетаний с такими словами, которые включались в них не столь регулярно.

В то же время сами сочетания с родительным качественным были продуктивны и образования эти не представляли собой непополняемого ряда. О том, что это был живой синтаксический образец, а не набор считааемых штампов, убедительно свидетельствует тот факт, что с появлением новых слов соответствующ-

шей семантики (или новых значений) они свободно и естественно становились компонентом такого сочетания. Ср. относительно позднюю фиксацию сочетаний со словами *характер* (в знач. 'свойство, качество, своеобразие'), *тип* (в знач. 'образец, которому соответствует известная группа предметов, явлений; разновидность'), *сфера* (в знач. 'среда, общественное окружение, обстановка'), *порядок* (в знач. 'образ, способ'), *направление* (в знач. 'общественное течение, движение, группировка'), *класс* (в знач. 'социальная группа, часть общества'), *категория* (в знач. 'разряд однородных предметов'), *марка* (в знач. 'сорт, качество'). Люди *низкого класса* (Тоголь, М. души); Люди *практической сферы* (Герц., Зап. одного молодого клас.); Она *врывалась среди речи или с анекдотом или с дельным замечанием, но дельность которого была низшего порядка* (Герц., Былое и думы); Тогда уж не будет этого отдельного типа, потому что все люди будут *этого типа* (Черн., Что делать?); Облик его был не *русского типа* (Сверб., Зап.); Он, говорит, *западник... Мы не того направления* (Боборык., Китай-город); И недостатки, и совершенства у всех трех общие, или, по крайней мере, *одной и той же категории* (Стасов, О знач. Иванова); Шампанское *другой марки* (Фет, Воспом.); Впечатления *религиозного характера* (П. Федоров, Соловки).

Наряду с сочетаниями с родительным качественным, не имевшими регулярной соотносительности с сочетаниями других форм, в русском литературном языке XVIII—XIX вв. функционировали такие сочетания, которые входили в постоянно действующую систему соотносительных построений. Выделяется четыре вида таких сочетаний по характеру соотношения: 1) сочетания, соотносительные с наречно-адъективными сочетаниями; 2) сочетания, соотносительные с личными глагольными или с причастно-именными конструкциями; 3) сочетания, соотносительные с адъективно-субстантивными сочетаниями в творительном падеже с предлогом *с* и с «конструкциями принадлежности»; 4) сочетания, соотносительные с адъективно-субстантивными сочетаниями в родительном падеже с предлогом *из*. Все эти сочетания на протяжении XIX в. претерпевали существенные изменения как со стороны употребительности, так и со стороны норм лексического наполнения.

1. Сочетания, соотносительные с наречно-адъективными сочетаниями. Среди сочетаний родительного падежа имени с обязательным согласуемым словом отчетливо выделяются по словообразовательным и семантическим признакам сочетания с существительными, образованными от качественных прилагательных (или словообразовательно соотносительных с ними по корневой морфеме) и называющими внешний или внутренний признак, свойство, качество; прилагательное при таком существительном обычно обозначает меру, степень признака или его оценку: *снежной белизны, достопочтенной древности, неограниченной мнительности, неподражаемого милосердия, редкой основательности, нестерпимого высокомерия, победоносной силы, неслыханной ярости, чудесной красоты, огромной тучности* и под. В литературном языке второй пол. XVIII — первой пол. XIX в. такие сочетания были употребительны. Женился на его дочери, о которой сказуется, что она *была чрезвычайного пригожества* (Рычков, Опыт Каз. ист.); Но,

подошел ближе, удивисься, *какой* они [ангелы] величины и *огромности* (Фонв., письмо к Ф. И. Фонвизинной, 7/18 дек. 1784); Сей человек, имеющий впрочем разум, *был беспримерного высокомерия* (Фонв., Чистосердечн. призн.); Сей город, если бы был лучше укреплен, то *мог бы великия важности быть* (Щербат, Статистика); В тогдашнее время унтер-офицерские и сержантские чины в гвардии *были великой важности* (Болотов, 1); Однакож вообще хор наш *не был удивительного совершенства* (Добрынин, Зап.); Был ...необыкновенно умен и *такой сердечной доброты*, что невольно привлекал к себе любовь всех его знавших (Жих., Зап. совр.); Решительно ничего хмельного в рот не берет, *примерной аккуратности* и самый попечительный отец семейства (Там же); Какой-то муравей *был силы непомерной* (Крыл., Муравей); Дело *такой важности*, а я не намерен отвечать за других (Нарежн., Росс. Жилблз.); Все, что пишется в неаполитанском парламенте, *удивительной силы* (Вяземск., письмо к А. Тург, 7 янв. 1821); Последние две или три главы — *ужаснейшей и величайшей красоты* (Вяземск., письмо к А. Тург, 20 окт. 1818); Хотя от природы я и *не решительной неустрашимости* (Вяземск., письмо к жене, 24 авг. 1826); Он хорошо говорит по-русски; я заставил его учиться грамоте, *Понятливости необычайной* (Марл., Аммалат-Бек); Она [гора] *крутизны необыкновенной* (Отеч. зап., 1839, VII); Ростом небольшой, но *такой дородности*, что глядеть на него весело (В. Соллогуб, Тарантас); Скажите Мельг[унову], что Naxthausen'a 3-й том *глубокого интереса* (Герц., письмо к М. К. Рейхель, 17 сент. 1852); Табак у него *был крепости невероятной* (Герц., Былое и думы); Наши споры и ссоры в Покровском иногда *бывали полнейшего комизма* (Там же); Лицо его *было еще замечательной красоты* (Л. Толст., Детство); Перчатки палевые, жилет кашемировый, *пестроты ослепительной* (С.-Ш., Губ. оч.); Он угадывал, *какой силы* ее решимость (Дост., Идиот); В белых перчатках с утра, фрак — *красоты обаятельной* (Будильник, 1865, 9 [Д. Минаев]).

Такие сочетания находились в активном и регулярном соотношении с наречено-адъективными сочетаниями: *чрезвычайного пригожества* — *чрезвычайно пригож*, *чрезвычайно пригожий*; *какой огромности* — *как огромен*, *какой огромный*; *беспримерного высокомерия* — *беспримерно высокомерен*, *беспримерно высокомерный*; *непомерной силы* — *непомерно силен*; *глубокого интереса* — *глубоко интересен* и под. Наречено-адъективные сочетания были постоянно и массово употребительны и практически не знали никаких лексических ограничений. В этом соотношении сочетания с родительным падежом были формой явно подавляемой, во-первых, потому, что они вообще входили в относительно узкую категорию, во-вторых, потому, что эта категория была лексически ограничена. Литературный язык второй пол. XIX в. показывает явную картину сокращения употребительности описываемого типа сочетаний с родительным качественным. Но это было не просто количественное сокращение. Рядом с уменьшением употребительности самих сочетаний отмечается как бы «усыхание» входящего в них лексического материала — резкое сужение самого набора формирующих сочетание лексем. Здесь прежде всего нужно констатировать тенденцию к утрате сочетаний со словами относительно частных значений. Крайне редко теперь фиксируются сочетания с существительными,

называющими свойство⁵ или определенную черту характера, поведения (см. выше обычные для XVIII — нач. XIX в. сочетания со словами *высокомерие, основательность, аккуратность, честолюбие, неустрашимость, мнительность, понятливость* и др.). Сохраняют относительную употребительность сочетания со словами *сила, красота, белизна, крутизна, яркость, важность* и некоторые другие. И на шее твоей ожерелье — Погодила б ты им щеголять! Пусть оно *красоты идеальной*, Пусть ты в нем восхищительна, но... (Некр., Балет); Руки у него красивые, *замечательной белизны* (Тург., Лит. и жит. воспом.); Знаешь ли, какой вопрос *самой огромной важности* в здешних местах? (Эртель, Гарденины); Это «новые люди», если сказать правду, *были*, за некоторыми исключениями, *новизны* очень *сомнительной* (Короленко, В голодн. год). В атрибутивном употреблении: *скатерть ослепительной белизны* (Фет, Воспом.).

Очень важно то, что, в отличие от сочетаний, не имеющих функционально-смысловой соотносительности с сочетаниями других форм, построения типа *замечательной белизны, ужасной силы, редкой красоты* и под., по существу, утрачивают качество продуктивного синтаксического образца: сохранившиеся формы функционируют как ряд конструкций с обязательным непополняемым набором слов. Так возникает в языке особое синтаксическое качество, переходная форма между продуктивной моделью и застывшим сочетанием фразеологического характера.

2. Сочетания, соотносительные с личными глагольными или с причастно-именными конструкциями. Примерно до середины XIX в. более или менее регулярно фиксируются сочетания, строящиеся соединением отглагольного имени со знач. действия и согласуемого слова с притяжательным значением: *твоего рисованья, Гетева сочинения, сестрина печенья, собственного приготовленья, нашего мастерства, своего изобретения, моего изготовления* и под. Сказал воеводе, что кант *моего сочинения*, а не архиерейского (Добрынин, Зап.); Царские двери в нашей приходской церкви, в селе Русятине *были его построения* (Болотов, I); Признаюсь, что эти прекрасные правила *не моей выдумки* (Крыл., Мысли философа по моде); Все пиесы, означенные в «Зрителе» буквою X, *его сочинения* (Вестн. Евр., 1802, V, 19); Я читал написанные им стихи, не ручаюсь, чтоб они *были его сочинения* (Жих., Зап. совр.); — Вы любите цветы?... Люблю, это все *моего сажанья* (Некр. и Станищ., Три стр. света). В атрибутивном употреблении: *календарь своего сочинения* (Измайлов, Евгений); *пирог ее печенья* (там же); *картинки своего рисованья* (Гоголь, письмо к матери, 24 апр. 1825); фарс *Гетева сочинения* (Герц., Зап. одного молодого чел.).

Сочетания этого типа находились в регулярных соотношениях, во-первых, с личными глагольными конструкциями с глаголом в перфектном значении (предикативные: *его сочинения — он сочинил, моего сажанья — я сажал, его рисованья — он рисовал*), во-вторых, с причастно-именными конструкциями с формой страдатель-

⁵ Ср. в письме Л. Н. Толстого к жене: Покупка эта *выгодности баснословной*, как и все покупки здесь (8 июля 1871). В «Записках» Д. Н. Свербеева: Роста он был огромного, *худобы* в теле *редко встречаемой*... (т. II, стр. 59).

ного причастия также в перфектном значении (предикативные: этот фарс *его сочинения* — *им сочинен*, картина *моего рисования* — *мною нарисована*), в-третьих, с причастно-именными конструкциями с полным страдательным причастием (атрибутивные: *его сочинения* — *им сочиненные*, *моего сажанья* — *мною посаженные* и под.), в-четвертых, с относительными конструкциями с *который* (атрибутивные: фарс *его сочинения* — фарс, *который он сочинил*, *который им сочинен*). В этой сложной системе соотношений сочетания с родительным падежом, лексически ограниченные и относящиеся к убывающей синтаксической категории, явно уступали активным и массово употреблявшимся конструкциям с личным глаголом или причастием; во второй пол. XIX в. эти сочетания явно идут на убыль. Характерно, что так же, как и утратившиеся сочетания предыдущей группы (*беспримерного высокомерия* и под.), это были сочетания со словами более конкретных значений.

К описанным сочетаниям с собственно глагольными именами по словообразовательным связям и общей семантике примыкают такие сочетания, в которых согласуемое слово не обязательно имеет притяжательное значение, а само имя не обозначает непосредственно действия по глаголу: *хорошей работы*, *местного изобретения*, *иноземной отделки*, *первого издания*, *ночного улова*, *своего запаса*, *закола*, *размола*, *прошлогоднего соления*, *старого закала* и некоторые другие. Сумский острог стоит над рекою Сумою, городок деревянный, *старинного строения* (Мордвинов, Зап.); Неужели картина сама о себе не сказывает, *чьей она работы?* (Фонв., письмо к Ф. И. Фонвизиной, 7/18 дек. 1784); Убогий этот дом Василий Климыч Злов С большим раченьем своим построил иждивеньем. И нищие в дому *его* же все *трудо*в (Крыл., Убогий этот дом...); — Покажи-ка бутылку, *здеиной разливочки?* (Вельтм., Саломея); — Вот это изрядный табак! Верно, *нового привозу* (Там же); Душа *его* была не *такого закала*, чтоб наслаждаться тихой любовью и скромной дружбой (Писемск., Тысяча душ); Правда, и попугай-то особенного свойства и *отличной выучки* (Искра, 1859, 8); — Почему вы узнали, что это венчание *трудо*в *отца N?* (Леск., Русск. тайнобрачие); Медный лоб тоже справедливо говорит, что он *отечественной фабрикации* (Михайловск., Медн. лбы и вареные души); Я желал бы, чтобы ты была такая же существенно хорошая, как она; но хочется, *чтоб* ты была (как оно и есть) *более тонкой работы* и с большими умственными интересами (Л. Толст., письмо к С. А. Толстой, 10 дек. 1864); И ей все московские *показались* такими устарелыми, *своего домашнего изделия*, рядом с этим «европейцем» (Боборык., На ущербе); — Парень как будто не дурак... *Заграничной выделки*, между прочим (Горьк., Фома Горд.). В атрибутивном употреблении: *трудо*в *своих* ложки (Добрынин, Зап.); *столовая часть прочного заведения* (Там же); образ *старинной работы* (Измайлов, Евгений); стихи «*собственной работы*» (Лажечн., Лед. дом); песня *собственного сочинения* (Писемск., Тысяча душ); образа *новой иконописной работы* (Боборык., На ущербе); *килька ночного улова* (Фет, Воспом.); *мука своего размола*, *кушанья сложного приготовления*, *солонина прошлогоднего соления* и под.

Соотношения с глагольными и причастными конструкциями для таких сочетаний не были регулярными и имели особый характер, поскольку согласуемое слово здесь не обязательно несло в себе указание на субъект, а само имя непосред-

ственно не соотносится с глаголом как название действия. Такие сочетания, строящиеся с участием довольно ограниченного набора имен, сохраняют употребительность на протяжении всего изучаемого периода. Многие из них приобретают характер устойчивых выражений (*ручной работы, топорной работы, старого закала*; ср. также постоянное, в некоторых случаях граничащее с терминологическим употребление сочетаний с существительными *размол, закол, засол, улов, привоз, разлива* и под.).

3. Сочетания, соотносительные с адъективно-субстантивными сочетаниями в творит. пад. с предлогом *с* и с «конструкциями принадлежности». Во второй пол. XVIII — нач. XIX в. активен был ряд соотношений типа: *он такого мнения, недалекого ума — с таким мнением, с недалеким умом — у него такое мнение, недалекий ум; эта девица красивого лица — с красивым лицом — у этой девицы красивое лицо*. Для истории этого рода соотношений характерны следующие черты. 1) Сочетания с род. пад. на протяжении XIX в. последовательно шли на убыль, но убывание это было неравномерным: в атрибутивном употреблении они были устойчивее и сокращались медленнее; в предикативной же позиции имело место явное и резкое сокращение употребительности, шедшее разными путями: как по линии собственно количественного убывания, так и по линии лексического ограничения. 2) Сочетания с творит. пад. функционировали в данном ряду соотношений или только как определительные, или как и определительные и предикативные, — это зависело от значения существительного (см. ниже). 3) Для многих случаев сочетания с творит. пад. в предикативной позиции сами оказывались неустойчивыми и к концу XIX в. вышли из соотносительного ряда сказуемостно функционирующих форм, — при сохранении соотносительности с творит. пад. для атрибутивно значимых сочетаний (*человек светского воспитания, такого мнения — человек со светским воспитанием, с таким мнением*).

Имея в качестве основного предмета исследования судьбу родительного качественного в предикативной функции, необходимо в то же время исходить из развития соотносительного ряда в целом. Соответственно следует рассматривать особо, во-первых, такие ряды, в которых сочетания с творит. пад. функционировали только в роли определения, и, во-вторых, такие, в которых сочетания с творит. пад. функционировали как в роли сказуемого, так и в роли определения. Остановимся сначала на сочетаниях с родительным качественным, входивших в соотношения такого типа, в которых конструкции с творит. пад. употреблялись в обеих названных функциях. Основной массив здесь составляют сочетания с существительными, называющими склад интеллекта, психики, совокупность внутренних свойств: *миролюбивого нрава, деятельного характера, скептического склада, добрейшей души, неустрашимого духа, чистой совести, незлобного сердца, умнейшей головы* и под. Эти сочетания были широко употребительны до 60—70-х годов XIX в. Лишь к концу века можно констатировать их постепенное убывание. Впрочем, девушка сама была *сельского ума* (Трутень, 1769, XXIX): Отец мой *был характера весьма встыльчивого, но не злопамятного* (Фонв., Чистосердечн. призн.); Но не *такого нрава и расположения* был мой учитель (Болотов, 1); Он *был веселого и шутили-*

вого нрава (Там же); Такие дети *бывают* обыкновенно *неуступчивого духу* (Крыл., Мысли философа по моде); Ты *не столь пылкого сложения*, как я (Крыл., Почта духов); До сего времени *казался* мне преосвященный *твердого и непобедимого дужа* (Добрынин, Зап.); Госпожа Нельфор *была* чувствительна и *пылкого ума* (Вестн. Евр., 1802, IV); Союз сей [*однакож*] показывает всегда некоторое изъятие из предыдущего предложения, как например: он *хотя тихого нрава* и терпелив, *однакож* не даст себя в обиду (Шишков, Рассужд. о ст. и нов. слоге); Он был *недального разума* (Измайлов, Евгений); Я *веселого нрава* (Жих., Зап. совр.); Сия духовная особа от природы *была неробкого духа* (Нарежн., Два Ивана); Он *дикого и сумрачного нрава* (Пушк., Ск. рыц.); Хозяин мой... *был веселого характера* (Атеней, 1828, 24); Он встылчив, но *доброго сердца* (Марл., Амалат-Бек); Он *не особенно широкого ума* (Никитенко, Дневн., 8 авг. 1834); Он *был доброй души* (Гоголь, М. души); *Характера* он *был больше молчаливого, чем разговорчивого* (Там же); А он *вдобавок был раздражительного характера* (Дост., Бедн. люди); — Чудесный, должно быть, он человек! — подхватила Настенька, — Чудеснейший! — повторил Петр Михайлович. — *Сердца благородного, ума возвышенного* — чудеснейший! (Писемск., Тысяча душ); Муж, которому подобного, *Может* быть не знали вы, *Сердца ангельски незлобного и Умнейшей головы* (Некр., Филантроп); *Была* очень *тонкого ума*, Воспитан превосходно (Некр., Прекрасн. партия); Карамзин *был ума глубокого и ясного* (М. Дмитр., Мелочи из зап. моей памяти); Вы, может, думаете, что монахи первых веков *были холодного темперамента?* (Герц., Скуки ради); Он *слишком деятельного характера* (Л. Толст., В. и мир); Класовский *был самого нервного темперамента*, можно сказать — *женоподобного* (Бул., Мои воспом.).

Соотношения этих конструкций с сочетаниями с творит. пад. не были устойчивы и постоянны. Предикативно значимые сочетания типа *с крутым нравом* уже с середины XIX в. сами становятся исчезающими; более или менее последовательно они отмечаются лишь до 30-х годов XIX в., например: Сей Б. *был с счастливым умом* (Добрынин, Зап.); Он, конечно, не классический писатель, но *с прекрасною, хотя и пылкою душою* (А. Тург., письмо к Вяземск., 5 авг. 1819); ...Он — *с умом необыкновенным* (А. Тург., письмо к Вяземск., 21 апр. 1820). Гораздо более стабильным было соотношение родительного квалитативного с «конструкциями принадлежности» (*он счастливого ума — у него счастливый ум*). «Конструкция принадлежности», широкая по значению и входящая в разные соотносительные ряды (ср. *он в скарлатине — у него скарлатина* и под.), оказывалась более сильным членом ряда; построения с род. пад. постепенно уходят из употребления⁶. Этому процессу способствовало еще и то, что в тех случаях, когда с формой род. пад. имени соединялось прилагательное, способное характеризовать человека со стороны его психологических и интеллектуальных свойств, такие сочетания оказывались равнозначны с прилагательными и часто уступали им место: *веселого нрава — веселый, он характера независимого и честного — он независим и честен, недалекого ума — недалек, неустрашимого духа — неустрашим*.

⁶ В атрибутивной позиции они оказываются гораздо более жизнеспособными; ср. обычные и для современного языка сочетания типа *человек веселого нрава, необыкновенного ума, люди самых разных характеров, мужчина скептического склада*.

Рядом с сочетаниями, строящимися со словами *нрав, ум, характер* и под., в аналогичный ряд соотношений выстраивались сочетания со словами (в форме мн. ч.), называющими отдельные стороны интеллекта или внутреннего склада: *отменных дарований, строгой чести, безукоризненной нравственности, счастливой памяти, увлекательной любезности, других привычек, редких достоинств, разных добродетелей, честных правил, ограниченных способностей, благородных качеств.*

Такие сочетания, еще в первой пол. XIX в. вполне употребительные, после 60-х годов отмечаются крайне редко, как явно исчезающие. Начальник твой *будет таковых же качеств*, как и раболепствующие ему (Радищ., Житие Уш.); Сей брат *редких достоинств* и может сделаться великим (А. М. Кутузов, письмо к Н. Н. Трубецкому, 3 янв. 1792); Развратин был *посредственных дарований*, посредственных знаний, испорченных нравов и испорченного сердца (Измайлов, Евгений); Он *набожных был правил* (Крыл., Кот и Повар); Но другие ... *были очень ограниченных способностей* и ума (Жих., Зап. совр.); Он был характера приятного, *разговора живого и острого, любезности веселой и увлекательной* (Вяземск., Фонвизин); *Примерной чести* всегда и *твердости душевной* только тогда, когда его порядочно разогрели в деле о благе общественном, умный и благородный вельможа, он был самый слабый господин (Лажечн., Лед. дом); Вообще книга его *не большого достоинства* (Отеч. зап., 1839, VI); Эти коллежские секретари *были нрава тихого и нравственности неукоризненной* (Бутков, Пб. верш.); Я был *престранных правил*, Поругивал балет (Некр., Балет). В атрибутивном употреблении: человек *благородных качеств* (Фонв., Чистосердечн. призн.); человек *великих достоинств* (Фонв., письмо к П. И. Панину, 1772); человек *таких качеств* (Добрынин; Зап.); человек *счастливой памяти* (Там же); человек *честных правил* (Там же); учитель *отменных дарований* (Там же); человек *строгой чести* (Вяземск., Фонвизин); человек *других привычек* (Черн., «Губ. оч.» Щедрина); артист *высокого таланта* (Боборык., Китайгород).

И здесь, так же, как для сочетаний предыдущей группы, существовало трехчленное соотношение: *он других привычек, больших дарований, счастливой памяти* — он с другими привычками, с большими дарованиями, со счастливой памятью — у него другие привычки, большие дарования, счастливая память. Сочетания с творит. пад. в позиции сказуемого и здесь были неустойчивы и сравнительно рано перестали употребляться (ср.: Куприанов *был не без способностей, но с дурными наклонностями*. Завалишин, Зап. декабр.; Он... *был жесток по системе и с деспотическими привычками*. Там же). «Конструкция принадлежности» возобладали и в этих случаях.

Таким образом, родительный качественный, входящий в соотношения с предикативно значимыми сочетаниями с творит. пад. и с «конструкцией принадлежности», оказался категорией, которая к концу XIX в. практически перестала употребляться.

В другую группу объединяются сочетания, где соотносительность с конструкциями с творит. пад. практически имеет место только в атрибутивной функции, а при сказуемом функционировании соотносительный ряд двучленен: *он открытого лица* — у него *открытое лицо*. В такой тип соотношения входили сочета-

ния с родительным качественным с участием существительных, называющих: 1) черты внешности, физического склада и состояния (*лицо, наружность, сложение, телосложение, вид, здоровье* и др.); 2) круг познаний, совокупность понятий или навыков (*знание, образование, воспитание, сведения, ученость, поведение, обхождение, обращение* и др.); 3) образ мышления, взгляды (*мнение, мысль, вкус, чувства, убеждения, идеи, понятия* и др.); 4) со словами *чин, сан*; 5) с отдельными словами, называющими такие признаки, которые не могут быть отчленимы от их обладателя (*платье модного узора — с модным узором, книга интересного содержания — с интересным содержанием*; см. ниже).

Сочетания со словами, называющими черты внешности, физического склада и состояния, строились как со словами конкретных значений (*лицо, физиономия, талия*), так и со словами более общих, недифференцированных значений (*вид, наружность, телосложение, сложение, комплекция, здоровье*). Сочетания со словами конкретных значений во второй пол. XIX в. отмечаются как редкое явление остаточного характера. В XVIII — первой пол. XIX в. (примерно до 30-х годов) они обычны: Гетман изображен несколько сухошавым, с булавою в руке, а гетманша — *приятнейшего, молодого, полновидного, несколько продолговатого лица*, с хусточкою (платок) в сложенных руках (Добрынин, Зап.); Ты роду-звания большого; Твой князь *приятного лица* (Баратынск., Бал); Валахи вообще телосложения крепкого и *физиономии приятной* (Атеней, 1828, 16); Сей владетель Тарков *был высокий, статный юноша, открытого лица* (Марл., Аммалат-Бек). В атрибутивном употреблении: офицер *лица немецкого, больше темно-красноватого, нежели белого* (Добрынин, Зап.); человек *лица белокурого и не сухого* (Там же); Параша, девка чернобровка, *немецкой талии, греческого лица* (Там же); старушка *набожной физиономии* (Измайлов, Бедн. Маша); муж *приятного чела* (Озеров, Эдип в Афинах); морской солдат *самой разбойничьей физиономии* (Марл., Лейт. Белозор); моряк *доброго, но сурового лица* (Там же); мертвец *злобного лица* (Марл., Вечер на Кавк. водах); Девица лет сорока пяти и *не совсем красивого лица* (Писемск., Тысяча душ); Иван Иванович Раевский... был *небольшой, хорошенького личика, белокуренький человек* (Сверб., Зап.); *Блондин немецкого профиля* (Боборык., Китай-город).

В атрибутивной функции такие сочетания уступили место формам творит. пад. с предлогом *с* (*с набожной физиономией, с немецким профилем*); предикативно значимый родительный качественный с таким лексическим наполнением уступил свое место «конструкциям принадлежности» (*у него набожная физиономия, немецкий профиль*).

Гораздо устойчивее оказались сочетания со словами более общих, менее дифференцированных значений. В течение всего XIX в. они отмечаются как вполне употребительная конструкция: Он *слабого здоровья* (Фонв., Друг честн. людей); Дитя и без узкого кафтана *деликатного сложения* (Фонв., Недоросль); Он *был совсем противного со мною сложения* (Болотов, 1); Он *высокого роста, важного вида* (Рикорд, Зап.); Она лет 18-ти, *добрый и приятной наружности* (Вяземск., письмо к жене, 24 июля 1826); Обитатели Горюхина большей частию *росту среднего, сложения крепкого и мужественного* (Пушк., Ист. села Горюхина); Он *был, кажется, крепкого, цветущего здоровья* (Никитенко, Дневн., 16 янв. 1831); *Сложения был художца-*

вого (Тург., Затишье); Он такой слабой комплекции (Русск. вестн., 1857, 7); Телосложения он был хлипкого (С.-Щ., Губ. оч.); Он был счастливой наружности (Дост., Идиот); Он видный был мужчина, Изящных форм, с приветливым лицом (А. К. Толст., Сон Попова); Ваша модель... была более приятных, чем изящных форм (Стасов, О знач. Иванова).

В современном языке такие сочетания также уступили место «конструкциям принадлежности»; сказуемое их функционирование ограничено несколькими построениями полулексикализованного характера (*слабого здоровья, крепкого телосложения, сомнительного вида, обыкновенной наружности* и некот. др.); в атрибутивной функции сочетания со словами таких общих значений сохраняют употребительность до настоящего времени (*мужчина представительного вида, недурной наружности, странного вида* постройки и под.).

Сочетания со словами, называющими круг познаний и сведений, совокупность навыков (*небольшой учености, обширных знаний, хорошего воспитания, светского образования, глубоких сведений, посредственного образования, порядочного поведения, приятного обхождения, гордого обращения*) более или менее регулярно употреблялись в позиции сказуемого до 60—70-х годов XIX в.; позднее они почти полностью были вытеснены «конструкциями принадлежности»: Зело был в войне счастлив и в делах *доброго распорядка* (Нащокин, Зап.); Будь только *порядочного поведения* (Крыл., Похв. речь в память моему дедушке); Был он весьма и весьма *посредственного знания* (Болотов, 1); Она была *лучшего нынешнего воспитания* (Измайлов, Евгений); Да и сынок-то был не таких свойств и *воспитания*, чтоб мог оказать какие-нибудь заслуги (Жих., Зап. совр.); Он не слишком *светского образования* (Там же); Вельяминов, его начальник штаба, чрезвычайно неглупый человек, твердых правил, *прекраснейших сведений* (Гриб., письмо к С. И. Бегичеву, 7 дек. 1825); Всегда учтивость сохранял, *Была обхождения простова* (Жуковск., Максим); Я вам сказал, что я *небольшой учености* (Дост., Идиот); Ума была *небольшого, а знания литературы весьма сомнительного* (Там же); — *Образования отличного, он правовед, манеры прекрасные* (Тург., Накануне); — В конно-егерском полку я служил... И состоял по «южному» обществу. — *Домашнего воспитания?* — *Домашнего...* (Боборык., На ущербе). Ср. в фиксации нелитературной речи: — Не отличишь, какая из них барыня, а какая, примерно, служанка. Все скрозь мамзели и *гордого обращения* (Станюк., Вокр. света на «Коршуне»).

Дольше других сохраняли употребительность сочетания со словом *поведение*: Можешь судить, *какого поведения была* эта женщина (Дружинин, Полинька Сакс).

Сочетания со словами, называющими образ мысли, взгляды, употреблялись на протяжении всего изучаемого периода; однако для более раннего времени (конец XVIII — нач. XIX в.) здесь можно отметить более разнообразный набор существительных: *одинаких мыслей, умеренных мнений, благородного образа мыслей, таких же чувств и мнений, ваших убеждений, новых идей, иных понятий*: И Петр 1-й нехорошего об них был *мнения* (Храповицк., Дневн., 2 июля 1788); Я с женою до сих пор *той веры*, что в Петербурге жить несравненно лучше (Фонв., письмо к Ф. И. Фонвизиной, 20 ноября / 1 дек. 1777); [Советница] Я сама с тобою *одних сентиментов* (Фонв., Бригадир); Но сколь *неравных* с ними он сам о себе *был мыслей*, доказал то

самым делом (Радищ., Житие Уш.); Он *не одного вкуса со мною* (Карамз., Письма русск. путеш.); Елизавета, сестра ее, была во всем *противных мыслей, чувств и поступков* (Нарежн., Росс. Жилбаз); [Загорецкий] Об нем все *этой веры* (Гриб., Горе от ума); Очень немногие *были противоположного со мной мнения* (Письмо П. Г. Каховского к имп. Ник. Павл.); Он со мною *одного образа мыслей и чувств* (Из показаний К. Ф. Рылеева); *Иных здесь чувств и мнений люди* (Рылеев, Войнаровский); Я *той веры*, что в деревне лучше, если они [комнаты] высоты посредственной (Гоголь, письмо к матери, 5 авг. 1830); Все русские художники теперь *одной мысли* (Стасов, О знач. Иванова. Из письма А. Иванова, 1833); — Я *был других мыслей*, но теперь вижу истину (Никитенко, Дневн., 1 дек. 1828); Я никогда *не был о себе слишком высоких мыслей* (Павлов, Ятаган); Кетчер, разумеется, *той же веры* насчет этого дела (Белинск., письмо к М. А. Бакунину, 1 ноября 1837); Он *осмелился быть в литературе различного мнения* с государем (М. Дмитр., Мелочи из зап. моей памяти); Если ты *не московского мненья*, Не входи туда — будешь побит! (Некр., Газетная); — Я сам *ваших убеждений* во всем! (Дост., Идиот); — Я и сама — *ваших новых идей!* (Дост., Дядюшк. сон); — Маман *была таких понятий*: натрескается наливки, благоверного на замок... (Эртель, Гарденины).

После 60-х годов относительно регулярное употребление сохраняют сочетания с существительными *мнение, убеждение, образ мыслей*.

Сочетания со словами *чин, сан* сохраняли употребительность примерно до середины XIX в. [К н я г и н я] Ты *хотел* из капитанов *быть* вдруг *бригадирского чина* (Фонв., Разговор у кн. Халдиной); А ты Осла назначь: он *знатного же чина* (Крыл., Лев и Барс); Они, надув спесиво грудь Как будто *важного какого сану*, Несутся гоголем по Океану (Крыл., Пушки и Паруса); Все там *были почти одного и того же чина* (Гоголь, Шинель).

Как уже сказано выше, сочетания с родительным качественным, соотносительные с «конструкцией принадлежности» (а в атрибутивной функции — с сочетаниями в творит. пад.), могли строиться с отдельными существительными, называющими признак, неотчлняемый от его обладателя: *платье модного узора, газ определенной температуры, книги различного содержания* и под. Наиболее употребительны здесь были сочетания с существительным *содержание*; они и сохранились в языке, другие же употреблялись редко и нерегулярно. Оной [указ] *был следующего содержания* (Шаховск., Зап.); Они [рифмические стихи] называются мужскими, женскими, *дактилического и трибрахического окончаний* (Атеней, 1828, 13); Сказки его *были различного содержания* (Отеч. зап., 1839, III); ...стараясь придумать, *какого содержания была* эта роковая бумага (Бутков, Пб. верш.); Эти пьесы *были, как всегда, патриотического и сатирического содержания* (Там же); ...если бы самые кушанья *не были такого простого, очень мало меняющегося состава* (П. Федоров, Соловки). В атрибутивном употреблении: рудники *удобного металла* (Щербат., Статистика); *платье модного узора* (Гоголь, М. души); *воздух своего собственного запаха* (Там же); лошадь *какой-нибудь голубой или розовой шерсти* (Там же); Впереди их идет волк *осьмой, шерсти белой* (А. К. Толст., Волки); *газ определенной температуры* (Мендел., Основы химии); человек *ограниченных средств* (Речь присяжн. повер. Войцеховского, дело 1875).

Итак, для развития сочетаний с родительным качественным, входящих в систему регулярных соотношений с сочетаниями с творит. пад. и с «конструкцией принадлежности», характерна явная тенденция к общему количественному сокращению и к сужению возможностей лексического наполнения. Специфической чертой этого сужения является то, что в первую очередь уходят из употребления слова узких, недифференцированных значений (см. судьбу сочетаний типа *открытого лица, бригадирского чина, удобного металла* и под.). Во многих случаях имеет место такая ступень лексического ограничения, которая делает все сочетание лексикализованным единством.

4. Сочетания, соотносительные с адъективно-субстантивными сочетаниями в род. пад. с предлогом *из*. Такие сочетания строились с участием существительных двух различных семантических групп: во-первых, с существительными, называющими место, учреждение, организацию, относительно узкую группу лиц (*полк, рота, завод, семинария, обитель, монастырь, факультет, университет, отделение, курс, секта, партия, фамилия* и под.), во-вторых, с существительными, называющими предмет, способный быть материалом, из которого что-то изготовлено (*дерево, сукно, бархат, кожа, сафьян, медь* и под.). 1) *Я была не стоической секты* и совсем не держалась их системы (Чулк., Пригож. повариха); *У полковника Петра Амплейча был; оной полку С.-Петербургского кабатинерного* (Васильев, Дневн., 19—21 мая 1775); *Оные же особы были фамилии знатной* (Нашокин, Зап.); *Они, быв Омаровой секты, суть, по самому сему, связанные с турками* (Щербат., Статистика); *Мать моя была фамилии Бакеевых* (Болотов, 1); *Бонапарте всегда был Бриссотовой партии* (Вестн. Евр., 1802, III, 11); *Стерляди и судаки из собственного его пруда...*; *Фрукты собственных оранжевей* (Жих., Зап. совр.); *Ведь я не здешнего прихода* (Крыл., Прихожанин); *Я не робкого десятка* (Загоск., Юрий Милосл.); *Они все одной партии* (Баратынск., письмо к И. И. Козлову, 7 янв., 1825); — *Какого факультета-с? — Математического.* — *И я-с...* (Герц., Зап. одн. мол. человека); *Товарищ мой по редакции был кандидат нашего университета и одного со мною отделения* (Герц., Былое и думы); — *Вы какого изволили быть факультета?* (Писемск., Тысяча душ); — *Я знаю одного студента — правда, он не моего курса* (Тург., Накануне); *А в графинах водка золотая, водка анисовая, водка зорная, водка кардамонная, водка тминная — да всех и не вспомнишь, а все своего завода* (Мельн.-Печерск., Старые годы); *Парадная лошадь была отцовского завода* (Фет, Воспом.); *Рядовой Тупов — одной с ним роты* (Судебн. заключ., Дело 1886); *Все они были словесного отделения* (Бусл., Мои воспом.). В атрибутивном употреблении: *госпожи знаменитых фамилий* (Добрынин, Зап.); *солдат могилевской штатной роты* (Там же); *сержант одной с ним роты* (Измайлов, Евгений); *ребята дружеской артели* (Вяземск., К старому гусару); *кое-кто неробкого десятка* (Гоголь, М. души).

2) *Комоды, шкафы, столики, бюро — красного дерева* (Добрынин, Зап.); *Вчера солнце было точно красной меди* (Вяземск., письмо к жене, 21 авг. 1826); *Плов у нас не купленного пшена* (Марл., Амалат-Бек); *Фрак у него был серенький, с перламутровыми пуговицами; панталоны черные, какой-то непонятной допотопной материи* (Герц., Зап. одн. мол. человека); *Ограда около дома каменная, ворота тол-*

стога дерева (Герц., Долг прежде всего); *А кафтаны вокруг шиты золотом, камзолы алого сукна, а рукава алого бархату...* Шапки на гайдуках *пюсового бархату* (Мельн.-Печерск., Старые годы); *Шкап с книгами и письменный стол — также черного дерева* (Боборык., Китай-город); Все признавали, что ум и душа Петра еще чистейшая *tabula rasa*; ...что эта *tabula* — *хорошего, доброкачественного материала* (Златовратск., Устои). В атрибутивном употреблении: *тончайшего флеру платок* (Держ., письмо к А. А. Безбородко, 11 марта 1786); *вино собственного винограда* (Добрынин, Зап.); стихари *разных материй* (Там же); *епанечка малино-цветного бархата* (Там же); *фрак серо-светлого камлота* (Там же); *воротник чернубурых лисиц* (Там же); *платье хорошего миткалю* (Нарежн., Росс. Жилблаз); *шуба калмыцкого меха* (Лажечн., Лед. дом); *тонкого голландского полотна рубашка* (Писемск., Тысяча душ); *зеленого сафьяна сапоги* (Там же); *резного ореха шкапчик* (Там же); *фрак толстого сукна* (Герц., Зап. одн. мол. человека); *мундир синего сукна* (Пушин, Зап. о Пушк.); *старинного саксонского фарфора чашки* (Сверб., Зап.); *американского бобра воротник* (Эртель, Гарденины). Ср.: *мозолистой кожи рука* (Златовратск., Устои); *щеки нечистой кожи* (Боборык., На ущербе).

В языке XVIII — нач. XIX в. выстраивались соотносительные ряды: 1) *знаменитой фамилии — из знаменитой фамилии, нашего полку — из нашего полку, не робкого десятка — не из робкого десятка*; ср.: — Какой Зыков? *Не из Московского ли университета?* — почти воскликнул Калинович. — *Московского университета* (Писемск., Тысяча душ); 2) *черного дерева — из черного дерева, пюсового бархата — из пюсового бархата* и под. Однако в первой пол. XIX в. сочетания с предлогом не были активны; ср., например: *Кажется, я не был из застенчивого десятка*, но тут как-то потерялся (Пушин, Зап. о Пушк.); *Спаржа, толщиной чуть не в палку, из своих огородов* (Жих., Зап. совр.); *Спросят, не из рыбьего ли сукна мой фрак?* (Там же); *Потолок в комнатах был из темного дерева* (Гонч., Фр. «Паллада»). Употребительность сочетаний с предлогом *из* явно расширилась во второй половине и в конце XIX в.

Сочетания первой группы (*одной роты — из одной роты*) в атрибутивной функции сохранялись, а в предикативной постепенно уступали место конструкциям с *из*. Сочетания второй группы (*красной меди — из красной меди*) в обеих функциях уступили место конструкциям с *из*. И в том и в другом случаях сохранились отдельные сочетания, стоящие на пути к лексикализации: *орловского завода, неробкого десятка, красного дерева* и некоторые др.).

Итак:

1. Родительный квалитативный в русском литературном языке конца XVIII — первой половине XIX в. употреблялся во много раз шире и свободнее, чем во второй половине и в конце XIX в. Эта широта и свобода употребления выражались как в чисто количественных показателях, так и в том, что возможности лексического наполнения были значительно менее ограничены, чем это имеет место позднее.

2. Сочетания с родительным квалитативным в одних случаях не входили в соотносительные ряды с другими конструкциями, в других случаях они находились в регулярных соотношениях с другими типами построений.

3. Те сочетания, которые не были постоянно соотносительны с другими конструкциями, сохраняли устойчивую употребительность на протяжении всего изучаемого периода. Развитие этих сочетаний шло по линии изменения отношений между синтаксическим образцом и его словесным наполнением. Фактор сочетания массовой употребительности с узостью и неразнообразием постоянно повторяющегося лексического состава (а часто и с ослаблением номинативной значимости стержневого имени) ставило такие сочетания в положение синтаксического образца, характеризующегося прогрессирующим ограничением в возможностях своего словесного наполнения.

4. Те сочетания, которые входили в соотносительные ряды с другими конструкциями, в течение XIX в. претерпевали значительные изменения как со стороны употребительности, так и со стороны возможностей своего лексического наполнения. Во всех видах соотношений сочетания с родительным качественными были категорией слабейшей и вытесняемой.

5. Дальнейшее ослабление активности таких сочетаний идет как по пути чисто количественного сокращения, так и по пути все большего сужения возможностей лексического наполнения самого синтаксического образца. Общей является тенденция к утрате сочетаний со словами относительно частных, конкретных значений и к сохранению сочетаний со словами абстрактных, обобщенных значений.

6. В отличие от сохраняющих продуктивность сочетаний, не входящих в соотносительные ряды с другими конструкциями, сочетания, являющиеся членами соотносительного ряда, утрачивают основное качество живого образца, — способность включать в свой состав новообразования, отвечающие требованиям такого образца, а именно: вхождения слова в определенный лексико-семантический класс. Сохраняющиеся сочетания продолжают функционировать или как считае́мый ряд построений с непополняющимся набором слов или как лексикализованные единства.

История родительного качественного может служить яркой иллюстрацией тех «малых процессов», которые характерны для развития языка на протяжении относительно короткого периода его существования.

1962 г.

МЕЖДОМЕТИЯ КАК ГРАММАТИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫЙ ЭЛЕМЕНТ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

1

В современной русской разговорной речи существует ряд конструктивных типов предикативных единиц — сказуемого и предикативной основы предложения, — в которых обязательным структурным элементом является производное междометие или неразложимое сочетание такого междометия с частицей либо

местоименным словом¹. Изъятие междометия ведет здесь не только к изменению эмоциональной и модальной окраски высказывания, но и к разрушению данной предикативной единицы как определенного типа построения. Некоторые из этих конструкций отмечают исследователи, но собственно грамматическая роль междометия обычно упускается из виду, и конструкции эти рассматриваются наряду с такими, в которых междометия стоят «вне предложения» [Овсяннико-Куликовский 1912: 34], «синтаксически полностью обособлены» [Щерба 1928: 9], «присоединяются со стороны» [Мещанинов 1945б: 291]. Здесь в разных формулировках повторяется традиционное и считающееся бесспорным положение о том, что «вступить в какие-либо отношения с другими словами языка эти слова не могут» [Пешковский 1938: 372], что «входя в состав предложения, междометие не связывается синтаксически с другими словами в предложении и не является членом предложения» [Грамматика 1952, I: 674]. Однако нельзя согласиться с тем, что, например, в предложениях типа *Ах она змея! Ах ты мошенник!*² значение презрения, упрека или порицания выражается междометием *ах* [Виноградов 1947: 751]: эмоционально-оценочное значение выражается здесь конструкцией в целом. Несмотря на то что местоимение в таких построениях обозначает того, кому приписывается признак, называемый именем, это местоимение нельзя рассматривать как грамматическое подлежащее: вся конструкция не может быть традиционно расчленена на отдельные члены предложения. Ср. у Шахматова: «По-моему, односоставны и предложения типа: *Ах, вы золотой человек!* — со вздохом промолвила *Марья Николаевна*. Вешн. воды, XXXV [не то, чтобы она утверждала, что Сангин золотой человек; *вы* не подлежащее; *вы золотой человек* нераздельное сочетание]» [Шахматов 1941: 511]³. Точность требует добавить, что само это «нераздельное» сочетание существует только в составе более сложного и тоже нераздельного сочетания — особого типа предложения с произвольным междометием в качестве обязательного конструктивного элемента.

В предложениях типа *Ах я дурак! Ай да молодец наш Гриша! Эх молодость, молодость! Ох и ругался же он!* и других приравнять междометия к тем или иным членам предложения, видеть в них эквиваленты определений или обстоятельств — невозможно. Вряд ли закономерно рассматривать междометия и как «экспрессивные синонимы» каких-либо знаменательных частей речи⁴. Междометие вы-

¹ Изучение материала показывает, что специальные средства выражения модально-экспрессивных и оценочных значений для формы сказуемого и для предикативной основы предложения в своей основной массе являются общими.

² Обычно ставящаяся после междометия запятая (а иногда и восклицательный знак) здесь, как и в ряде других случаев, которые будут рассмотрены ниже, противоречит интонации: междометие произносится слитно с непосредственно следующим за ним словом.

³ Высказанное здесь понимание этих предложений как односоставных противоречит помещению их в разделе двусоставных согласованных односказуемых субстантивных предложений (§ 206²); впрочем, и в этом разделе Шахматов пишет, что «сказуемое в некоторых восклицательных предложениях представляет особую природу. *Ах, она старая чертовка!* (здесь нет утверждения)» (с. 187).

⁴ Ср. замечание о том, что первичные междометия «нередко... выступают как экспрессивные синонимы или смысловые эквиваленты слов из категории состояния, существительных, количе-

стует здесь в одной из своих обычных функций — в функции структурного элемента предикативных единиц определенного типа. Незнание природы этих конструкций не может служить основанием для того, чтобы отрицать в них собственно грамматическую роль междометий.

В. В. Виноградов отмечает, что «способы разнообразного функционально-синтаксического использования междометий у нас совершенно не изучены» [Виноградов 1947: 759]; он называет исследование синтаксических функций междометий одной из задач будущего [Там же: 760]. Действительно, литература о синтаксической роли междометий в структуре предложения русской разговорной речи почти полностью отсутствует. Этому вопросу специально посвящена лишь статья А. И. Германовича «Синтаксис междометий и их стилистическое значение» [Германович 1949]. Здесь междометия изучаются с точки зрения того, в функции каких членов предложения они выступают. Так, рассматривая предложения: *Ай да молодец!*; *Ох, несчастье!*; *Ай, беда!*; *Ну, публика!*; *Изволь вот ей угодить!*; *Ох и красота!*, А. Германович полагает, что междометия здесь выступают в роли определения [Там же: 11, 14]. Правильно отмечая, что «знаки препинания на письме не передают интонационных связей междометия» [Там же: 17], автор статьи в то же время не обращает достаточного внимания на интонацию предложения и на конструктивную роль междометий. Поэтому оказываются объединенными в одном ряду предложения, в которых роль междометий очень различна. Если в предложениях типа *Ох и красота!* или *Ай да молодец!* междометие вместе с частицей интонационно неотделимо от имени и вместе с ним участвует в образовании особого вида синтаксической конструкции, то в предложениях типа *Ох, несчастье!* обязательно хотя бы незначительное интонационное членение; междометие здесь не является грамматически значимым элементом предложения, которое сохранит свою форму и значение и в случае изъятия междометия, чего не случится в случае изъятия междометий из предложений первой группы. Конечно, ни в том, ни в другом случае видеть в междометии определение не представляется возможным; стремление подогнать предложения особой, специфической структуры под традиционную схему несколько не помогает уяснению их природы и, в частности, той функции, которую выполняют здесь междометия.

Итак, междометие может быть одним из формообразующих компонентов синтаксического построения того или иного типа. Это построение обычно является предикативно значимым; однако возможно — хотя со значительными ограничениями — участие междометий в таких построениях, которые не являются отдельным предложением или сказуемым (см. ниже).

2

Существует два основных вида предикативных единиц, оформляемых при участии первичных непроезженных междометий: 1) построения, оформляемые

ственно-усилительных наречий и даже целых предложений. Например: «Скучно так, что ой-ой-ой!» (Рылеев); «В ту пору был начальником губернии такой зверь, что у!» (Салтыков-Шедрин, Губернские очерки. Первый рассказ подъячего); «В каждом приятном слове ее торчала ух какая булавка!» (Гоголь, Мертвые души) [Виноградов 1947: 750; см. также с. 759].

при участии одиночного междометия, и 2) построения, оформляемые при участии сочетания междометия и частицы; несколько особняком стоят конструкции, оформляемые при участии сочетания междометия с местоименным словом.

Предикативные единицы, оформляемые при участии одиночного междометия.

1. Непроизводные междометия *ох, ах, эх, ух, ой, ай* могут выступать в качестве обязательного конструктивного элемента при образовании безличных предложений⁵, имеющих значение интенсивности, высокой степени проявления предикативного признака. Междометие находится в абсолютном начале предложения или непосредственно перед его главным членом, несет на себе ударение и интонационно не отделяется от следующего за ним слова; интонационная слитность с последующим словом и подчеркнутая ударность междометия отличают описываемые предложения от таких, в которых междометие не является конструктивным элементом в предложении; ср.: *Трудно мне с ним работать, ох трудно!* и *Ох, трудно!* Предложения данной структуры характеризуются тем, что они обычно строятся на основе повторения знаменательного слова в составе сложной бессоюзной конструкции: *Трудно, ох трудно! Достанется тебе от матери, ух достанется! Хорошо у них, ах хорошо!*⁶.

Личные подлежащные предложения также могут строиться с участием междометия; такие предложения обычно являются нераспространенными или малораспространенными: *Ух что сделаю! — Стало быть, она очень бедная? — Ух бедная!* Как и в безличных предложениях, такое предложение часто возникает на основе повторения: *Нудный ты, ух нудный! Тонкий расчет у командира, ох тонкий! Вот теперь закурю, Варюша, ох закурю! Вернется это к тебе с возрастом — ох вернется!*

Рассматривая подобные построения с междометиями, «примыкающими» к следующему слову, А. Германович объединяет в одном ряду такие построения: *Ух, жарко! До полдня грибы собирали* (Некрасов) и *Ух, я не выношу клевет!* (Лермонтов) [Германович 1949: 13]. Между тем в первом случае междометие, интонационно сливающееся с предикатом (*Ух жарко!*), является неотъемлемым компонентом предложения определенной структуры и значения; во втором предложении междометие такой структурной функции не выполняет и синтаксически не связано с предикативной основой предложения.

Непроизводное междометие может участвовать и в формировании сказуемого; так же, как и в строе односоставного предложения, междометие здесь несет на себе ударение и интонационно сливается с непосредственно следующим за ним

⁵ Интересно замечание С. Карцевского о том, что междометия *эх, ах, ох, ух, эй, ай, ой* и некоторые другие обычно служат для введения фразы («... ne servent normalement qu'à introduire la phrase») [Karcevski 1941: 73].

⁶ Возможно участие производного междометия и в образовании предложений инфинитивных; однако такие построения редки; ср.: «Бурлаки работают: то и дело нагибая спины, наклоняются, поднимаются, шлепают тяжелыми, усталыми ногами, думают что-то, вероятно, об том: *ах бы лечь и отдохнуть*» (Решетников, Подлиповцы).

глаголом или именем: *Учитель наш — эх башка!*; *Этот мужик только с виду вежливый, а сам ух вредный*⁷.

2. Особый тип предложения образуется сочетанием непроемного междометия *эх, ах, ох* с дважды повторяемой именной словоформой. Междометие стоит в абсолютном начале предложения и интонационно не отделяется от следующего за ним слова; все предложение произносится слитно, без паузного членения и обычно с интонационным спадом в конце. Такое предложение имеет значение сожаления или осуждения, легкой насмешки: *Ох нервы, нервы!* *Эх молодость, молодость!* *Эх деньги, деньги!* *Ах дела, дела!* Разновидность таких конструкций — предложения с редуцируемым личным местоимением после междометия; значение предложения остается тем же; местоимение не является ни подлежащим, ни обращением; роль его — полуслужебная: *Эх ты житье, житье!* *Вставши да за вытье* (поговорка). При наличии местоимения существительное может не повторяться дважды: *Эх она жизнь!*

3. Предложения типа *Ах она старая чертовка!* Шахматов справедливо считал односоставными, видя в соединении местоимения с существительным «нераздельное сочетание» (см. выше). Нераздельной здесь является, однако, вся структура предложения: междометие конструктивно значимо, с его изъятием нарушается данный особый тип синтаксического построения. Интонационное членение в предложениях этого типа отсутствует, междометие и имя (существительное или прилагательное) несут на себе ударение, местоимение безударно. Предложение имеет ярко выраженное эмоционально-оценочное значение; входящее в его состав имя обычно называет лицо по отрицательному или, реже, положительному признаку: *Ах он мошенник этакий!* *Ах ты проклятый!* *Ах я дурак!* *Ах я скотина неловкая!* *Ах она шельма!* *Ах ты умница моя!*

4. Строящиеся без участия междометия предложения типа *Эти мне кумушки!* (или: *Уж эти мне кумушки!* *Уж эти кумушки!* *Эти кумушки!*) имеют значение неодобрения, осуждения, отрицательной оценки⁸. Рядом существует равнозначная аналогичная конструкция с непроемным междометием *эх, ах* в абсолютном начале предложения. Разновидности ее таковы:

а) *Ох эти кумушки!* Междометие всегда находится в абсолютном начале предложения, ударяемо и интонационно не отделяется от следующего за ним местоимения: *Ах эта тетушка!* *Ох эти больные барыни!* *Ах эти жалкие мужчины!* *Эх эти строители!* Местоимение может следовать за именем: *Ах народ этот!* *Эх мальчишки эти!*

б) *Ох уж эти кумушки!* Междометие несет на себе ударение, интонационно сливается с *уж*: *Ох уж эта весенняя сырость!* *Эх уж эта контора!*

⁷ Сочетание словоформы с междометием не является средством оформления только предикативных единиц: таким сочетанием может оформляться и актуализированное обстоятельство или определение: *Тут-то много — ух! много горя приняли мужички!* (Л. Толстой, Утро помещика); *Книжка попалась ух интересная!* (Из разг. речи).

⁸ По-видимому, синтаксическая калька с немецкого. Ср. вообще способность определенно-го артикля в немецком языке выражать разные оттенки эмоционального отношения к лицу.

в) *Ох уж эти мне кумушки!*⁹ Наиболее сильно акцентуруемые слова — указательное местоимение и имя: *Ох уж эти мне переезды! Ох уж эти мне нервные люди! Ох уж это мне ненастье!*

5. Междометие *ай* участвует вместе с именем в образовании предложений со значением удивления: *Ай Москва!* Интонационное членение отсутствует, междометие безударно, всегда начинается собою предложение.

В предикативных единицах всех описанных типов неизпроизводное междометие не просто прибавляется для выражения того или иного чувства, эмоции, оценки: оно выполняет в предложении собственно конструктивную функцию.

Предикативные единицы, оформляемые при участии сочетания неизпроизводного междометия и частицы.

Строевую роль в предложении может выполнять междометие в сочетании с частицами *и* и *да*. Целые предложения и сказуемые, формируемые при участии сочетаний *ох и*, *ах и*, *эх и*, *ух и*, *ой и*, выражают экспрессивную оценку. Предложения, оформляемые при участии данного сочетания, односоставны (за исключением построений с *был*, *будет* в собственно бытийном значении); междометное сочетание всегда начинается собою всю конструкцию; междометие несет на себе ударение: *Эх и песня!* Однако ударение на междометии может быть ослаблено и сосредоточено на знаменательном слове: *Эх и песня! Эх и песня была!*¹⁰. В обоих случаях междометное сочетание интонационно не отделяется от следующего за ним слова.

В русской разговорной речи существуют следующие виды предложений, строящихся при участии сочетаний междометия с частицей *и*.

1. Односоставные определенно-личные предложения, обычно нераспространенные: а) главный член выражен существительным — одним или в сочетании с определяющим прилагательным: *Эх и песня! Ох и ездок! Ой и свидетель! Ух и вино! Ох и дотошная баба!*; б) главный член выражен прилагательным: *Ой и вредный! Ох и ученый! Горы-то какие! Ух и велики!*; в) главный член выражен спрягаемой формой глагола: *Ох и жмет! Эх и придумал!*

2. Односоставные не личные предложения: а) безличные предложения: *Ах и нехорошо! Ох и вкусно!*; б) неопределенно-личные и обобщенно-личные предложения: *Эх и саданули! Ух и лютуют! Ох и дрожись бывало!*

3. Двусоставные предложения со сказуемым — глаголом бытия: *Ох и неприятности будут! Эх и крик стоял!*

Во всех описанных конструкциях значение оценки может усиливаться и подчеркиваться введением после знаменательного слова частицы *же*. Усиливая экспрессию предложения, частица не является, однако, его обязательным структурным компонентом. Основной акцент в таких построениях падает на знаменатель-

⁹ При наличии паузы после междометия (*Ох, уж эти мне кумушки!*) оно не может рассматриваться как структурный компонент данного построения.

¹⁰ Неточно поэтому утверждение, что интонационно междометие «всегда центральное слово, принимающее на себя наибольшую силу экспрессии, выражающейся в подчеркнутом произношении его, в силе или повышении тона» [Германович 1949: 15; см. также с. 17].

ное слово: *Эх и песня же! Ой и надоело же. Эх и народ же кислый! Ох и печёт же сегодня!*

При участии междометного сочетания *ох и* (*ах и*, *эх и* и т. п.) может строиться и сказуемое двусоставного предложения: *Ох и люблю я эту песню! На меня отец вчера эх и рассердился! Ох и распушился ты, дед!*

Так же, как и в структуре целого предложения, в состав сказуемого, строящегося при участии междометного сочетания с частицей *и*, может входить усиленная частица *же*, не являющаяся и здесь обязательным конструктивным элементом предикативной единицы данного типа: *А лес и вправду шумел, ох и шумел же! Больше всего ей нравилось море. Эх и размахнулось же оно! Ох и хорош же он был! Ох и хлебнет же она горя в жизни!*¹¹.

Междометие *ай* может соединяться с частицей *да* в сложное единство, для современного языка уже почти ставшее неразложимым. Предложения типа *Ай да мед!* выражают оценку, иногда — с оттенком удивления. Интонационное членение отсутствует. Преобладающим типом являются здесь построения с именем существительным конкретного значения, часто — с именем собственным: *Ай да Фекла Ивановна! Ай да жена! Ай да тетка! Ай да питерский!* Возможны и глагольные конструкции этого типа: «Володя лежал в гостиной, дремля на диване, и изредка, с некоторой злобной иронией, не обращаясь ни к кому в особенности, бормотал: “Ай да валяет!.. музыкантша... Бетховен!”» (Л. Толстой, Юность). По тому же типу образуется сказуемое, чаще именное; в структуре предложения оно обычно предшествует подлежащему, начиная собою предложение: *Ай да молодец мичман!*

Существует ряд предикативных единиц, оформляемых при участии сочетания непроизводного междометия с указательным местоименным словом. В построениях типа *Ох как горько! Устал я, ах как устал. Сердце ой-ой как колотится! Сам-то он ой-ой какой баловень!* сочетание междометия и местоименного слова нечленимо и выступает в качестве конструктивного компонента всего построения. Слова *как* и *какой* утрачивают здесь свои местоименные значения и не могут рассматриваться как самостоятельные члены предложения¹²: сочетание междометия с местоименным словом в целом имеет усилительное значение и является одним из элементов формы предложения или сказуемого; такое сочетание может стоять и после знаменательного слова, например: *Руку обжег ой-ой как! Сам-то он баловень ой-ой какой!* Междометие в таких построениях обязательно несет на себе ударение, мест. *как*, *какой* — безударно; вся конструкция интонационно не членится. Значение таких форм — высокая степень проявления предикативного признака.

Существуют следующие виды односоставных предложений, строящихся при участии сочетаний *ох как*, *ах как*, *эх как*, *ух как*, *ай как*, *ой (ой-ой) как*: 1) гла-

¹¹ Междометные сочетания *ох и (же)*, *ах и (же)* и другие могут оформлять не только предикативные единицы, но и другие члены предложения, логически и экспрессивно акцентированные в речи: *Ой и здорово ж горит!* См. также примеры в упоминавшейся статье А. Германовича [1949: 13 и 14].

¹² Тем более нельзя здесь видеть в междометии обстоятельственное слово (см.: [Германович 1949: 11]).

гольные определенно-личные предложения: *Ох как устал! Ай как старался!*; 2) безличные предложения: *Денег надо. Ах как надо! Ух как круто приходилось!*; 3) неопределенно-личные и обобщенно-личные предложения: *Были тебя? — Ох как были.*

Характерной чертой функционирования описываемых предложений является их употребление в составе бессоюзного построения непосредственно после предложения близкой структуры (но без междометного сочетания) и близкого лексического состава, с незначительной паузой: это — употребление, типичное вообще для построений с междометиями (ср. конструкции с непроезными междометиями): *Стыдно, ох как стыдно. Тошно, ах как тошно! Да, всплакнешь еще, ой-ой-ой как всплакнешь. Наболело у меня на душе, ох как наболело! Бьют их, ах как бьют.* Такое повторение может осуществляться и после значительной паузы. В этом случае нельзя говорить о бессоюзной конструкции, однако тесная лексико-синтаксическая связь между двумя предложениями очевидна: *Все равно мне теперь. Ох как все равно! Круто приходится. Ух как круто! Ошибся. Ой как ошибся! Трудно принять решение. Ох как трудно!*

Не менее обычны в разговорной речи и сказуемые, строящиеся при участии сочетания междометия с местоименным словом *как*: *Я теперь тебя ох как понимаю. Впоследствии он ой-ой как может раскаться! Избаловала она себя; ох как избаловала себя эта барыня! Дело свое они ух как знают! Самонадеянности море ох как не любит!*

И здесь, так же как в структуре целого предложения, обычны конструктивные лексико-синтаксические повторения типа: *Состарился ты, ах как состарился. Хирею я, ах как хирею! Отстал я от хороших людей, ах как отстал! Ублажил ты меня, ах как ублажил!*

При значительном паузном членении построения типа *ах как состарился*, образующиеся на основе повторения простого глагольного сказуемого, выступают как относительно самостоятельные предложения. Такие построения Шахматов относил к «дефектным предложениям»¹³: *Нам честь полка дорога. Ох как дорога. Жизнь, которую я пережил, — как она утомительна... Ах как утомительна!*¹⁴ *Свои делишки обделывать он умеет. Ох как умеет!* Ср.: *Нет, невеселое мое дело. Ох до чего невеселое!*

Именное сказуемое также может оформляться при участии неизменяемого междометия и местоименного слова; но в состав сказуемого в этом случае входит не местоименное слово *как*, а местоименное прилагательное *какой*, также не являющееся здесь самостоятельным членом предложения и утрачивающее в таком употреблении свое лексическое значение. Междометие несет на себе ударение; все сочетание интонационно нечленимо: *У меня старший сын ух какой баловник был! Силища у него у-у какая! Я был дураком — ах каким дураком! Тяжелые дни войны.*

¹³ Его пример: «Но вообще я буду осторожен... У, как [я буду] осторожен!.. Тут политика нужна. Холост» [Шахматов 1941: 246].

¹⁴ Ср. в этом последнем примере резкое различие в значениях *как*, во втором случае почти полностью лексически опущенного.

*Тяжелые, ах какие тяжелые! Сюда же: Убытки тут не ахти какие большие; Дело-то неахти как важно*¹⁵.

Выше рассмотрены основные типы предикативных единиц, строящихся при участии первичных производных междометий — одиночных, в сочетании с частицей или с местоименным словом. Факторы собственно конструктивные, а также интонационные и акцентологические подтверждают, что во всех этих случаях междометия и междометные сочетания не просто «прибавляются» к предложению или его члену, а выступают в качестве одного из строевых элементов предикативных единиц определенного типа.

3

Производные междометия, образовавшиеся из разных форм знаменательных частей речи, занимают особое место в системе слов — «знаков чувствований» [Пешковский 1938: 372] и не участвуют в формировании предикативных единиц в том смысле, как это имеет место по отношению к производным междометиям. Но некоторые производные междометия входят в предложение не для выражения чувств, эмоций говорящего, а для выражения тех или иных модально-экспрессивных значений всего предложения или сказуемого. Выполняя данную функцию, междометия не свободны, а подчиняются легко выявляемым правилам словорасположения, а также определенным правилам интонирования и акцентуации.

В формировании предикативных единиц участвуют производные междометия двух групп: 1) междометие *эк* и его вариант *эка* и 2) так наз. «глагольные междометия» *хлоп*, *бац*, *хват*, *трах* и под.

1. Междометие *эк* (*эка*) участвует в формировании предложений разной структуры, с общим значением оценивающего акцентирования и высокой степени проявления предикативного признака. Междометие всегда находится в абсолютном начале предложения и несет на себе ударение, которое иногда может быть ослаблено. Выявляются следующие виды построений с междометием *эк* в качестве одного из конструирующих элементов: а) двусоставные личные предложения, в которых междометие, акцентируя все предложение в целом, в то же время тяготеет к глагольному сказуемому: *Эк ты храпишь! Эк он обрадовался! Эк ты напугал меня!*; б) личные глагольные и именные предложения, представленные одним из своих главных членов; междометие в них выступает в той же функции: *Эк мерзавец, ведь мне ничего не сказал. Эк улепетывает! Эк налакался!*; в) односоставные предложения; междометие, акцентируя все предложение в целом, тяготеет к главному члену: *Эк тебя разнесло, а? Цыц, проклятые! Эк на вас погибели нет; г) в предложениях разной структуры, включающих в себя местоименные слова *как*, *куда*, *когда*, *какой*, следы прежнего значения междометия *эк*, поглощаясь местоимен-*

¹⁵ Сочетаниями с *ох* (*ах* и т. п.) *как* и *ох* (*ах* и т. п.) *какой* могут оформляться и другие члены предложения: *Рассуждает-то он ах как ловко; Давно, ох как давно это было; Здесь ой какой капитальный ремонт нужен; Нам еще с этим парнем ой-ой какая возня предстоит.* Здесь *ах* как *ловко*, *ох* как *давно*, *ой* *какой* *капитальный* *ремонт*, *ой-ой* *какая* *возня* синтаксически нечленимы. и сочетания *ах* *как*, *ой* *какой* и т. п. являются элементами формы предложения.

ным значением этих слов, совсем утрачиваются и междометие сближается с частицей: *Эк шпaga как исцарапалась! Эк цену какую завернули! Эк ты когда хватился насчет ученья!*

Междометие *эк* может сочетаться с частицей *ведь*; этим усиливается общее экпрессивное значение всей конструкции: *Эк ведь оказия! Эк ведь вопит!*

Вариант междометия *эк* — *эка* выступает в той же функции и в тех же типах конструкций, что и *эк*, находится всегда в начале предложения и несет на себе ударение (*эка*); в ряде случаев ударение может быть ослаблено, так же как и на *эк*: *Эка, бездельник, как расписывает! Эка врать здоров ты! Эка вишищем от тебя разит как! Эка народу валится*¹⁶.

Особую конструкцию представляют собой предложения типа *Эк его залива-ется!* (*Эк ее заливаается! Эк их заливаются!*). Грамматический состав конструкции здесь очень четок, словопорядок строго закреплён: междометие, местоимение 3-го лица в форме родительного-винительного падежа¹⁷ и глагол в личной форме, называющий действие лица (лиц), обозначенного местоимением. Значение этой конструкции — то же, что у всех других построений с междометием *эк*.

2. «Глагольные междометия» *хлоп, бац, трах, хват* в некоторые другие отличаются от междометных глагольных форм (*шмыг, топ, бух, вжик, шасть, мах* и под.) возможностью полной утраты процессуального значения. Такие междометия обозначают не конкретные действия, а «мгновенные, неожиданные и потому не вполне покоренные сознанию явления — проявления времени, света, звука, механического движения. Есть сходство в их значении со значением однократных глаголов, но в последних явление представляется более сознательным и поэтому оформленным» [Потебня 1941: 189]¹⁸. Потебня называет такие формы «глагольными или предикативными частицами» [Там же: 189—190], видя их отличие от междометий в том, что эти частицы сохраняют «способность требовать дополнения» [Там же: 188]. Однако «глагольное междометие», обозначающее мгновенное и неожиданное действие вообще, этой способностью не обладает; ср.: «Как, думаю, теперь мне с холстом домой ворочаться? А на двор, на постоянный, *хлоп*, въезжает троешник» (Лесков, Воительница). Здесь *хлоп* относится к предикативной основе предложения (*въезжает троешник*), показывая неожиданность и неподготовленность того, о чем сообщается; никакого другого значения, тем более непосредственно восходящего к соответствующему глаголу *хлопнуть* у этой формы нет.

¹⁶ В именных предложениях — определенно-личных и номинативных — *эка* сохраняет свое местоименное значение, например: *Эка ночь-та! Эка добрая баба!*

¹⁷ См. у Шахматова: «Неясен винит[ельный] падеж в таких предложениях, как: *Эк его заливаается*. Женитьба, II, 7; может быть под влиянием *пусть его заливаается*» [Шахматов 1941: 328, § 428].

¹⁸ Д. В. Бубрих, называя такие междометия «изобразительными речениями», которые обычно бывают «вплетены в синтаксическую ткань предложения», писал, что они «еще не называют, а только условно изображают явления... Они изображают звучания, звучания, связанные с движениями, движения, связанные со звучанием, просто движения, а дальше и состояния, внешний вид предметов и т. п.» [Бубрих 1949: 196 и 197].

Шахматов относит такие слова к «глагольным наречиям бытия, состояния» [Шахматов 1941: 503, § 585; с. 228, § 282]. Однако в другом месте он называет их «глагольными междометиями» [Там же: 113, § 103]. Дважды рассматривая предложение: «Я байдюжа прибираю себе пасуду, а Пронюшка стала становить пираги — хроп! а вон видёт гастей (Обоянск. Машк. 55)», Шахматов соответственно видит в *хроп* то «придаточное сказуемое, выраженное наречием» [Там же: 228], то «междометно-глагольное безличное предложение» [Там же: 113]. Однако представляется более правомерным рассматривать *хроп* как «глагольное междометие», предваряющее последнюю часть текста (*хроп! а вон видёт гастей*) и вносящее модальное значение неожиданности и неподготовленности. В этом смысле вполне обоснованно не соглашается с Шахматовым А. Германович [Германович 1949а: 46]; однако его собственное объяснение данной конструкции вызывает возражения (см. ниже).

«Глагольные междометия» входят в состав предложения в качестве его синтаксического форманта, вносящего значение быстроты, неожиданности и неподготовленности. Такое междометие может находиться или непосредственно в начале предложения («Можно мне так дальше жить? Да ить это хорошо, бедный ли богатый урожай. А ну, *хлоп* неурожай?» (Шолохов, Поднятая целина), или перед его предикативной основой, после вынесенных вперед второстепенных членов: «— Ты стараешься не забывать того, чему тебя учили, а там — *хвать!* — оказывается, что все это вздор...» (Тургенев, Отцы и дети); «— Ну, после смерти отца он иногда бывал у меня, встречался на улице и в один прекрасный вечер — *бац!* сделал предложение... как снег на голову...» (Чехов, Попрыгунья); «— ... Сидим это, братец ты мой, мы в кабаке, например, и вдруг *трах!* следовательно» (Мамин-Сибиряк, Золото).

Анализируя подобные построения, А. Германович утверждает, что «глагольное междометие», «приближаясь по функции к глагольной связке», входит здесь в состав «аналитической формы» [Германович 1949а: 34, 45—46, 53]. Однако во всех приводимых в статье примерах автор неверно представляет интонационную сторону данных построений, полагая, что глагольное междометие в произношении сливается с личной формой глагола и не отделяется от нее паузой. Так, в приведенном выше примере из «Воительницы» А. Германович, стремясь изобразить сочетание *хлоп* и *въезжает* как аналитическую форму глагола, опускает имеющуюся в тексте между этими словами — и в данном случае несомненно значимую — запятую; получается *хлоп въезжает* (*трах приезжает, шасть является, хлоп уходит, бац приезжает* и т. п.) — произнесение, невозможное в живой речи, где после «глагольного междометия» всегда проходит интонационное членение. В русском языке нет аналитических форм типа *хлоп въезжает*; междометные формы *хлоп*, *бац* и под. не имеют никакого отношения к связке, так как им чужды какие-либо ее функции. Лишенные номинативных значений глагольные междометия *хлоп*, *бац*, *трах*, *хвать* и некоторые другие входят в состав предложения любой структуры в качестве его компонента, всегда интонационно обособляемого и имеющего в составе предложения свое определенное место. Наиболее обычное место таких междометий — перед группой членов предложения, объединяющих-

ся вокруг сказуемого; в этом случае междометие не является составным элементом сказуемого, а функционирует в составе предложения в качестве слова, обозначающего определенное модально-экспрессивное значение целому отрезку предложения: «И все будет, все будет около меня же круги давать, все суживая да суживая радиус, и — *хлоп!* прямо мне в рот и влетит...» (Достоевский, Преступление и наказание)¹⁹.

Итак:

1. Непроизводные междометия, одиночные и в сочетании с другими словами служебного характера, могут входить в состав предикативной единицы в качестве ее конструктивного компонента; вместе с знаменательными словами такое междометие грамматически значимо: оно формирует предложение в целом или сказуемое.

2. В предикативных единицах определенных типов грамматический характер функционирования междометий и междометных сочетаний связан с определенными условиями словорасположения, интонирования и акцентуации.

3. Входя в состав предикативной единицы в качестве ее компонента, производное междометие или междометное сочетание вносит в соответствующее построение то или иное модально-экспрессивное значение; в этом — отличие грамматически значимого междометия от междометия, конструктивно и позиционно свободного. Такое свободное междометие, выражая в предложении те или иные чувства, эмоции, не определяет собою его общего модального значения.

4. Производные междометия, так же, как и производные, внося в предложение определенные модально-экспрессивные значения, не свободны в своем употреблении: их функционирование в составе конструкции определяется соответствующими синтаксическими правилами.

1957 г.

К ИЗУЧЕНИЮ РУССКОЙ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ: РЕПЛИКИ-ПОВТОРЫ*

Современный общенациональный русский литературный язык существует в двух постоянно взаимодействующих функциональных разновидностях или формах: в форме письменной речи и в форме речи разговорной. Письменная речь — это всегда так или иначе обработанная и обдуманная фиксация языка с целью

¹⁹ От описанных построений следует отличать предикативные единицы, конструируемые при участии сложных частей *хватя и, глядя и*, интонационно всегда сливающихся с глаголом: *глядя и приходит письмо; хватя и свалился как сон*.

* В настоящей статье излагаются некоторые положения одного из разделов готовящейся работы, посвященной изучению синтаксиса русской разговорной речи. Все материалы извлечены из произведений русской классической литературы, а также из записей современной разговорной речи.

последующего воспроизведения написанного¹. Разговорная речь — это сам звучащий язык, непосредственно обращенный к слушателю или к слушателям. Различие двух форм речи опирается на различия «в общественных условиях и в материальных средствах социального общения» [Виноградов 1955: 78]². В разговорной речи, как и в речи письменной, говорящий использует готовые, закреплённые в системе языка формы, которые, однако, в отличие от пользования письменной речью, заранее не отбираются, а используются естественно и непосредственно в процессе говорения. Если в письменной речи обязательно присутствует момент избираемости формы выражения, то в разговорной речи этого момента нет. Это — определяющее разграничение в пользовании письменной и разговорной речью. Отсюда следует, что далеко не все написанное относится к речи письменной, так же как и далеко не все устное, произносимое (и даже воплощающееся в разговоре) относится к речи разговорной.

Между двумя формами языка существуют значительные различия. Об этих различиях очень верно писал А. Н. Боголюбов: «Существенной остается разница между письмом и говорением, между чтением глазами и слушанием; между языком, к которому привыкают наши руки и глаза, и языком, к которому привыкают наш язык (и вообще органы говоренья) и наши уши... Важно понимать разницу этих двух явлений и соответственно изменять приемы их изучения» [Боголюбов 19]4: 9]. И дальше: «Если взглянуть на писанный и говоримый язык со стороны грамматики и дальше: «Если взглянуть на писанный и говоримый язык со стороны грамматического строения говоримой речи зависит в значительной степени от обстановки говоренья и от собеседника или слушателей» [Там же: 13].

Собственно языковые различия между разговорной и письменной речью с наибольшей четкостью выявляются прежде всего в области интонации, а также в области синтаксиса словосочетаний и особенно синтаксиса предложения³. В области синтаксиса система собственно строевых элементов разговорной речи является не менее определенной, чем в речи письменной. Распространенное мнение о свободе строя разговорной речи, об отсутствии в ней строгих норм, о «недостаточной оформленности» ее конструкций держится только благодаря слабой изученности огромного массива соответствующих материалов. Больше того, самого пристального внимания заслуживает мысль о том, что письменная речь свободнее в выборе языковых средств, чем речь «говоримая», которая, в силу специфики своего протекания, не знает процесса обдуманного избирания, а естественно отливается в готовые и общеобязательные языковые формы⁴.

¹ «Письменная речь является речью, закреплёмой в порядке ее осуществления; в результате остается, таким образом, нечто пребывающее, некоторое произведение» [Якубинский 1923: 145].

² Ср.: [Виноградов 1950: 45]. О функциональных различиях разговорной и письменной русской речи см. также: [Шапиро 1953: 5—9, 298].

³ Замечания об «элементах синтаксиса разговорной речи» см. в книге: [Гвоздев 1952: 187—196]. Рамки статьи не позволяют дать необходимый критический анализ ряда высказанных в этом разделе положений.

⁴ «В языке письменном возникает иллюзия свободы в выборе слов и выражений, названий и оборотов; сильнее начинает чувствоваться момент логической и эстетической оценки, про-

Внутри разговорной формы речи существуют две основные разновидности: монолог как непосредственно обращенный к собеседнику непринужденный рассказ⁵ и диалог. Сколько-нибудь точного определения монолога со стороны его языковой природы не существует⁶. Те признаки, которые выявляются в монологе некоторыми исследователями, во-первых, относятся к монологу как элементу литературного произведения, во-вторых, в значительной мере случайны и не могут считаться признаками собственно языковыми.

Разговорный монолог — это форма непринужденного рассказа, непосредственно обращенного к слушателю или слушателям⁷. Между монологом и диалогом, несомненно, существуют формально-языковые различия, и диалогическая реплика отличается от монолога не только объемом, «направленностью к партнерам» и «узостью тематических границ» (см. [Винокур Г. О. 1948: 51]). Диалогическая реплика, если она связана собственно синтаксически с предшествующим высказыванием собеседника, есть единица синтаксическая, имеющая свои характерные признаки, присущие ей как компоненту сложного языкового построения.

Диалог представляет собой обмен высказываниями, порождаемыми одно другим в процессе разговора⁸. Эта взаимосвязанность высказываний в диалоге есть всегда взаимосвязанность смысловая и — в определенных случаях — структурно-языковая. Предметом изучения в настоящей статье являются только такие высказывания диалога, которые соединены друг с другом определенными синтаксическими связями. Простейшим сочетанием здесь является обмен двумя высказываниями, из которых последующее в своей словесно-грамматической форме зависит от предыдущего. Такие два сочетающиеся по определенным правилам вы-

зачиская и поэтическая ценность различных языковых средств, — в ущерб чувству о б я з а т е л ь н о с т и такого-то говорения при таких-то обстоятельствах и н е п р и к о с н о в е н н о с т и готовых традиционных формул» [Боголюбов 1914: 16].

⁵ Монолог есть и в письменной речи, но там он отличается в особые, отличные от разговорного монолога формы. О формах монолога в художественной речи см.: [Виноградов 1927]. Следует признать, что поддержанная и развиваемая Л. П. Якубинским мысль Л. В. Щербы об искусственности монолога: (см.: [Щерба 1915: 3—4]) справедлива лишь в отношении монолога «построенного», литературно обработанного и не может быть распространена на литературно не обработанный, разговорный монолог.

⁶ Понятие это нельзя считать вполне ясным. С упрощенной точки зрения монолог — это просто более или менее пространная реплика. Но это только один, и может быть не самый существенный признак для характеристики отдельной реплики. Сколько-нибудь содержательное определение монологической реплики, естественно, можно получить только путем сопоставления ее с репликой диалогической» [Винокур 1948: 51].

⁷ По терминологии, принятой в одной из ранних работ В. Виноградова, это монолог «сообщающего типа» в его «повествующей» разновидности (см.: [Виноградов 1926: 30—31]).

⁸ Русская диалогическая речь почти не подвергалась специальному изучению. Цитируемая выше статья Л. Якубинского «О диалогической речи» [Якубинский 1923] была у нас едва ли не первой попыткой постановки вопроса о языковой специфике диалога. Однако вопрос этот не нашел здесь достаточного освещения: подчеркивая необходимость «чисто речевого», «именно лингвистического подхода к делу» (с. 109), Л. Якубинский в то же время большую часть своей статьи посвятил проблемам неязыковым — «алперцепционному моменту в восприятии речи», «бытовому шаблону в диалоге» и «речевому автоматизму». О других опытах изучения русской диалогической речи см. ниже.

сказывания дальше будем называть репликами, вкладывая в этот термин указанное выше содержание: второе высказывание в своей структуре зависит от первого и без него не существует. Такое сочетание реплик есть сложное построение — коммуникативная единица диалога, в которой синтаксическая связанность выявляется почти исключительно в формах второй реплики⁹.

В современном русском языке выявляются два основных вида синтаксической зависимости второй реплики от первой. Первый: состав второй реплики с точки зрения выражения всех элементов мысли оказывается «неполным» и «восполняется» из первой реплики (ср.: [Винокур Г. 1948: 44]) (*Ты когда приехал? — Вчера*). Такие реплики исследователями обычно включаются в круг так называемых «неполных» предложений (см., например: [Попова 1953: 94—119]). Рассмотрение таких реплик как «восполняющих синтаксический состав предложения предыдущей реплики» как «обрубков» предложений, характерное, например, для работы Т. Г. Винокура [1953] также весьма спорно. Несколько по-иному, в плане «синтаксической соотнесенности» реплик (однако тоже с точки зрения «неполноты» состава) второй реплики, тот же материал освещается Т. Винокур в статье «О некоторых синтаксических особенностях диалогической речи» [Винокур Т. 1955]¹⁰.

Другой вид синтаксической зависимости второй реплики от первой обнаруживается тогда, когда вторая реплика, в своем словесном составе обязательно повторяя первую или ее часть (реже — однокоренное слово), ничего в ней не «восполняет», а выражает различные экспрессивные, оценивающие «реакции на действительность» [Виноградов 1950: 49], на то, что сказано. В состав второй реплики часто входит частица, модальное слово или междометие, повторяемое слово может выступать в удвоении (подробнее см. ниже), но структурной основой второй реплики обязательно является повторение — в том или ином виде — элементов словесного состава первой реплики. Так построенные вторые реплики диалогического единства можно называть репликами-повторами (далее для краткости просто повторами); они и являются предметом анализа в настоящей статье.

Итак, реплика-повтор — это построенная по правилам разговорной речи вторая реплика диалогического единства, заключающая в себе экспрессивно окрашенную реакцию на сказанное, имеющая в качестве своей основы те или иные элементы словесного состава первой реплики и опирающаяся на ее форму.

Повтор в его разнообразных формах широко распространен в русской диалогической речи. Исследователи отмечали это явление (см., например: [Гвоздев 1952: 194, 197—198; Попова 1953: 121—122; Киселев 1954: 9]), но определяли его по-раз-

⁹ В статье анализируются простейшие типы названных коммуникативных единиц диалога. Поэтому обычные в диалоге явления языковых сцеплений нескольких реплик, когда и первая реплика не свободна, а зависит от предыдущей, здесь не изучаются.

¹⁰ Ср. аналогичную точку зрения, изложенную в только что опубликованном автореферате кандидатской диссертации М. Л. Михлиной «Из наблюдений над синтаксисом диалогической речи», где говорится о «структурной неполноте взаимосвязанных реплик диалога» [Михлина 1955: 5], о «недостаточной сформированности предложений» как «одной из наиболее характерных синтаксических особенностей диалогической речи» (с. 14).

ному. Так, Шахматов отмечает повтор в «Синтаксисе русского языка»: В разделе «Вставленные из соседнего предложения слова» он пишет: «В составе предложения могут оказаться слова, находящие себе место в предшествующем или в следующем предложении в качестве членов этих предложений, между тем как в данном предложении они могут оказаться излишними и не оправдываемыми смыслом предложения. Например, из предшествующего предложения вставлены в следующее: Здравствуйте, молодые люди... (гости встают и кланяются). [1 - й г о с т ь] (смеется). Молодые люди... а вы разве старая? «Иванов», II. [Ч е б у т ы к и н] Не ходите, дуся моя. [М а ш а] Да, не ходите... Эта жизнь проклятая, невыносимая. «Три сестры», I. В том и в другом случае можно допустить пропуск слов: вы сказали» [Шахматов 1941: 273, § 364]. Перед нами — вторые реплики-повторы, и согласиться, что «вставленные из соседнего предложения слова» здесь оказываются «излишними и не оправдываемыми смыслом предложения», не представляется возможным; никакого «пропуска слов» здесь, конечно, тоже нет.

Подробный обзор реплик-повторов (однако без необходимого разграничения собственно повторов и реплик, «скрепленных синонимическими выражениями») дает Г. Винокур в статье «Горе от ума» как памятник русской художественной речи». Приводимые здесь материалы убеждают, что они являются не результатом «изобретательного языкового мастерства» (см.: [Винокур Г. 1948: 35, 41]) Грибоедова, а отражением живой разговорной речи эпохи. Ведь не случайно автор, задумавший свою статью как исследование о языковом мастерстве писателя, приходит к выводу, что «рукой Грибоедова... водил сам русский язык». Впрочем Г. Винокур принципиально не отказывается от возможного заключения о принадлежности описанных им явлений к «индивидуальной художественной манере» писателя [Там же: 35, 68].

Нельзя также согласиться с Л. Булаховским, относящим «лексически совпадающие концы синтаксических отрезков» к индивидуально гоголевским приемам создания комического [Булаховский 1954: 459]¹¹.

Повтор — общенародное явление русской диалогической речи; непринужденный разговор почти всегда включает в себя повторы как конструктивный элемент диалога. Анализируя «шаблонную форму бытового разговора», Л. Якубинский приводит шуточный разговор: — *Здорово, кума. — На рынке была. — Аль ты глуха? — Купила петуха. — Прощай, кума. — Полтину дала.* По поводу этого разговора Якубинский замечает, что если бы глухая не забыла, что при встрече здороваются, этот разговор «должен был бы протекать так: — “Здорово, кума” — “здорово, кума”, “где была”, “на рынке была”, “что покупала”, “купила петуха”, “сколько дала”, “полтину дала”...» [Якубинский 1923: 166]. Следует признать, что так — с точки зрения языковых норм диалога — разговор протекать не мог. По нормам разговорной речи он должен был бы строиться примерно так: — *Здорово, кума. — Здорово (или: — Здорово, кума). — Где была? — Где была-то? Да на рынке (или: — Где? На*

¹¹ Ср. приводимый здесь пример: «— А как, например, *числом*? — спросил Чичиков. — Да, сколько *числом*? — подхватил Манилов. — Да как сказать *числом*? Ведь неизвестно, сколько умирало: их никто не считал».

рынке). — *Что купила?* — *Что купила-то? Да (вот) петуха* (или: — *Купила-то? Да (вот) петуха*). — *Сколько дала?* — *Сколько? Полтину* (или: — *Дала-то? Да полтину*).

Повторение слов, характерное для диалогической речи, выступает в разных видах и имеет разные функции. Так, в утвердительном ответе повторение слова, несущего на себе в вопросе смысловый акцент, в разговорной речи является нормой¹², например: «— Ты разве *одна* здесь? — спросил я девочку. — *Одна*, — произнесла она едва внятно. — Ты *Лесникова* дочь? — *Лесникова*, — прошептала она» (Тургенев, Бирюк)¹³.

С точки зрения того, какие слова или группы слов входят из первой реплики в состав реплики-повтора, выделяются три основных типа реплик: 1) повторяется одно слово из состава первой реплики (— *Ты все это сам сделал?* — *Какое сам!*); 2) повторяется словосочетание или предложно-именное сочетание (— *Вылей хоть одну чашечку!* — *Разве что одну чашечку...*; — *Без пальто идти?* — *Что ты без пальто!*); 3) повторяется предикативная основа первой реплики (— *Помилуйте, смею ли я...* — *Чего смею ли я!* — *Как же ты это сделаешь?* — *Как сделаю. Я и сам не знаю*). Если первая реплика является нераспространенной или мало распространенной, то она может повторяться целиком (— *Ушибся?* — *Вот еще ушибся!*), но эти случаи принципиально не отличаются от перечисленных трех основных типов повторов. Слово или сочетание слов может повторяться или в той же форме, в которой оно употреблено в первой реплике, или изменять свою форму; в определенных случаях возможны замены слова другим словом с тем же корнем. Замена или сохранение форм или слов подчиняются определенным правилам, главнейшие из которых будут изложены ниже.

Состав и строение повтора как второй части сложной единицы диалога определяются составом и строением первой реплики. Но вторая реплика представляет собой повторение именно данного, определенного слова или слов; она лексически незаменима. В то же время в построении многих типов повторов, как уже отмечалось и как будет показано дальше, самую активную конструктивную роль играют разнообразные частицы, междометия, модальные слова, т. е. слова определенного лексико-грамматического класса, без которых не образуется тот или иной тип повтора. Таким образом, в построении повтора обязательно должны участвовать в качестве его структурных элементов конкретные, не заменяемые другими лексические единицы. В этом — двойственная природа повторов, поче-

¹² См. интересные замечания А. В. Добиаша о формах ответа в связи с разными видами вопросов [Добиаш 1897: 471—472].

¹³ Писатель И. Новиков напрасно видит в этих ответах выражение неразвитости, отсталости детской речи и своеобразие художественной манеры Тургенева (см. [Новиков И. 1954: 59—61]), ответы эти построены по живым нормам русской разговорной речи. Вообще повторы логически акцентуемых слов — характернейшее средство соотнесения компонентов диалога. Ср. «{Б а - р а б о ш е в} У нас *серьезное* финансовое дело, никакого замедления не терпит. {Ф е л и ц а т а} У тебя *серьезное*, у нас еще *серьезнее*. Там у нее *ундер* {Б а р а б о ш е в} *Ундер* чин *незначительны*. {Ф е л и ц а т а} *Незначительный*, а беспокоить не велели» (Островский, «Правда хорошо ...»). См. об этом: [Винокур Г. 1948: 41—44]. В дальнейшем изложении все примеры взяты из литературных источников, названных в нашей книге «Очерки по синтаксису русской разговорной речи» [Шведова 1960].

му мы и должны говорить о их лексико-синтаксическом, а не просто синтаксическом строении.

Реплики, построенные при участии частиц, имеют богатый круг модальных значений. Если интонация может варьироваться, специфический рисунок ее может быть отчетливее или слабее, то частицы всегда выступают как яркие и несомненные выразители соответствующих значений. Ср. замечание Добиаша по поводу вопросительной частицы: «...Вопросительная “частица” была н у ж н а языку для самых примитивных его погрешностей (тон — тоном, но полезно и предупредить этот тон каким-нибудь средством, тем более что во многих случаях он может установиться и обнаружиться только с течением речи, а никак не на самом первом слове)» [Добиаш 1897: 465]. Ср. также: [Виноградов 1950: 44—45]. Характерно, что Добиаш подчеркивал случаи отнесения частиц не к отдельному слову, а к целому «тексту» [Добиаш 1897: 474].

Круг модальных частиц, конструирующих реплики-повторы, уже и определеннее, чем тот, который намечается для класса модальных частиц в целом¹⁴. Модальные частицы, функционирующие в качестве структурных элементов повторов, классифицируются, с одной стороны, по своим живым, еще не утраченным связям с другими классами слов или по отсутствию таких связей; с другой стороны — по своему составу, по формам.

Намечаются следующие группы модальных частиц по их в той или иной мере сохраняющимся функционально-смысловым связям с другими классами слов или по отсутствию таких связей: 1) наречные частицы; 2) местоименные частицы; 3) союзные частицы и 4) частицы, не сохраняющие функционально-смысловых связей с другими классами слов. Со стороны состава частицы, конструирующие повторы, разделяются на простые, составные и сложные. Простые частицы состоят из одного слова. Составные частицы представляют собой неустойчивые сочетания, легко возникающие и распадающиеся. В разговорной речи с простой частицей обычно свободно соединяются, так же свободно отъединяясь от нее, усиливающие элементы (один или более), не привносящие никакого нового значения в саму частицу и не влияющие на общее значение повтора в целом. Вот характерные примеры. Местоименная частица *какое*, конструирующая повтор со значением уверенного отрицания, легко обрастает усиливающими элементами *уж, тут, там, тебе, к черту* и некоторыми другими (— *Был он у тебя? — Какое там был! — Какое тебе был! — Какое уж был! — Какое к черту был!*). Наречная частица *как*, конструирующая экспрессивно окрашенный переспрос, легко обрастает свободно отчленимыми усиливающими элементами *да* (препозитивное безударное), *это, то есть, же* и некоторыми другими (— *Где бы ты хотела жить? — Как это где жить? — Да как где жить? — То есть как это где жить? — Как же это где жить? —*

¹⁴ Общий обзор литературы вопроса и подробную характеристику модальных частиц см. в статье В. Виноградова «О категории модальности в русском языке» [Виноградов 1950]. См. также кандидатскую диссертацию: [Светлышев 1955]. Заметим кстати, что предложенное здесь деление частиц на экспрессивные и эмоциональные не представляется достаточно обоснованным и убедительным.

Это-то есть как же где жить? и т. п.). Местоименная частица *что*, конструирующая повтор, выражающий отношение к сказанному как к несущественному, мало-важно, легко соединяется с усиливающими препозитивными элементами *да, ну, постпозитивн. тут, там, же* и некоторыми другими (*— Полноте, маменька! — Да что полноте! — Что же полноте! — Ну что полноте! — Да что ж там полноте! — Что тут полноте!* и под.). Как видно уже из отдельных примеров, усиливающие элементы в частице в большинстве случаев подвижны, свободны и легко отчленимы.

Сложная частица ни по составу, ни по значению не членима и представляет собой единое структурно-смысловое целое, порядок компонентов которого обычно строго закреплён. В то же время в составе частицы сравнительно легко выделяется ее смысловое ядро, выявляющее ее живую связь с наречием, местоимением или союзом. Таковы, например, сложные наречные частицы *так и* (*— Придет! — Так и придет!*), *туда же* (*— Герой! — Туда же герой!*), местоименная частица *что это* (*— Еще заснем все. — Что это заснем!*) и многие другие. Сложные частицы в ряде случаев могут обрастать усиливающими элементами, однако со значительно большими ограничениями, чем простые (ср.: *— Так тебе и придет! — Туда же мне герой! — Что это еще заснем!*).

Строение и состав частиц влияет на строение повтора; разные частицы по-разному функционируют в реплике с точки зрения их интонационных связей с ее остальным составом, а также с точки зрения места частицы в общей структуре повтора¹⁵.

Современная русская разговорная речь включает в число своих специфических конструкций двенадцать основных лексико-синтаксических типов реплик-повторов¹⁶.

1. Собственно повторы, т. е. повторения, не осложненные никакими добавочными словесными элементами, о б я з а т е л ь н о участвующими в построении второй реплики в качестве ее структурного элемента. Здесь выделяются следующие структурные виды повторов¹⁷.

а) Повторение в форме вопроса, на который обычно сам говорящий здесь же дает ответ: *— Ну, а любовь что? — Любовь? Любовь с этого дня пошла на убыль; — Чем-нибудь ты ведь жил же на улице. — Чем жил? Воровал.* Особое место занимают по-

¹⁵ Усиливающими элементами могут обрастать не только частицы, но и формы полных слов, употребляющиеся в функции модальных слов (*— Нельзя уж просто поговорить! — Бросьте; поговорить!* и *— Бросьте там поговорить! — Уж бросьте еще поговорить!* и т. п.). Легко образуются и составные междометные сочетания, например: *— Это доктор. — Ах да, доктор!* или *— А, да, доктор!; — Высписься еще. — Ну да, высписься!* (ср.: *— Ах, доктор! — А, доктор! — Да, высписься!*).

¹⁶ По условиям места мы вынуждены отказаться от дифференцированного рассмотрения разных видов повторов, так же как и от подробного анализа их значений.

¹⁷ Здесь и дальше под повторением имеется в виду повторение слова, сочетания слов или предикативной основы первой реплики.

вторения личных местоимений: такие повторы играют роль собственно синтаксических скреп между вопросом и ответом: — *Ты куда идешь? — Я? Домой*¹⁸.

б) Повторение в форме вопроса, с выделительной частицей *-то*: — *До броду далеко? — До броду-то? Недалеко; — Что говорят обо мне? — Что говорят-то? Да говорят разное.*

в) Повторение, произносимое с интонацией полувопроса или восклицания; далее обычно следует разъяснение: — *За чем пришла? — За чем, за ложкой; — Что ты с ним в снях говорила? — Что говорила! Говорила, на бочку обруч набить надо.*

г) Двоекратное повторение, обычно — с интонацией восклицания: — *О чем вы так долго? — О чем, о чем! Сама знаешь о чем. — Угли сырые, не раздуешь никак. — Сырые, сырые! Надо сушить.*

Основные значения собственно повторов группируются вокруг выражения разных оттенков отрицательного отношения к сказанному или уяснения смысла того, что содержится в первой реплике; эти оттенки определяются характером первой реплики, формами и интонацией повторов.

2. Повторы с наречными частицами. В группу наречных частиц, участвующих в конструировании повторов, входят следующие частицы: *как (да как, как же, да как же, как это, да как это, то есть как, как так, как это так, как такое), так и (так тебе и*¹⁹*), так-таки, так уж, уж, чего (да чего, чего там, чего тут, чего ж, да чего же, чего уж, чего еще), нечего (нечего там, нечего уж), куда (куда там, да куда, куда уж, куда уж там, куда ж), где (да где, где уж, где там, где ж, да где там, да где ж), зачем, туда же, хорошо, прямо (прямо уж, прямо тебе)*²⁰. Все эти частицы в той или иной степени сохраняют смысловые связи с соответствующими наречиями, что, естественно, отражается на их функционировании в составе второй реплики и на общем модалном значении повтора. Почти все повторы с наречными частицами выражают разные виды отрицательного или недоуменного отношения к сказанному. Со стороны интонационного строения можно выделить два вида повторов с наречными частицами.

а) Повторение, произносимое как вопрос, полувопрос или восклицание, в сочетании с простой или составной частицей: — *Не горячись, пожалуйста. — Как (как это) не горячись?; — Не холодно тебе будет? — Чего (чего там) холодно!; — Ведь любила его? — Куда (куда уж) любила!; — С отцом пойдешь? — Где (где тут) с отцом; — Сами делали. — Так-таки (так уж, так уж и) сами?*

б) Повторение, произносимое с интонацией восклицания или утверждения, в сочетании с простой частицей: — *Я его слегка только отстранил. — Хорошо отстранил!; — Я тебе верну. — Нечего верну!*

Почти для всех повторов с наречными частицами характерны препозиция частицы и интонационная нечленимость повтора, общие для ряда построений пра-

¹⁸ Нельзя согласиться с утверждением, что такие переспросы «вызваны стремлением отделиться от ответа, оттянуть его, выиграть время для его обдумывания» [Попова 1953: 121].

¹⁹ О некоторых конструкциях с частицами см.: [Гвоздев 1952: 198].

²⁰ В настоящий перечень не включены наречные частицы, оформляющие повтор, обязательным элементом которого является отрицание (см. ниже).

вила замены глагольных форм и распространения реплики дополнением; там, где структура реплики, ее словесный состав содействуют подчеркиванию первоначального наречного значения частицы, это значение накладывает определенный отпечаток на модальное значение повтора в целом.

3. Повторы с местоименными частицами. Эта реплики, так же как и реплики с наречными частицами, объединяются широким кругом разнообразных оттенков отрицательного отношения к сказанному или к предмету речи. Местоименные частицы, участвующие в формировании повторов, таковы: *что* (*а что, ну что, что такое*), *чего, что* (*что тут, что там, а что, да что, ну что, что ж, а что ж, да что ж, ну что ж*), *что это* (*чтой-то*), *что за*²¹ (*что такое за, что ж за*), *какое*²² (*какое там, какое тут, какое уж*), *то-то*²³ (*то-то же, вот то-то, вот то-то же*), *никаких*. Многие из этих частиц сохраняют смысловые связи с местоимениями, что отражается на строении и значениях соответствующих повторов.

а) Повторение, произносимое как вопрос, полувопрос или восклицание, в сочетании с простой, сложной или составной частицей: — *Мне ведь на службу... — Что (что уж) на службу; — Проспишь! — Что это (что это еще) просплю!; — И ты все был кучером? — Какое (какое там) все кучером!; — Длинно. — Что за длинно! (— Что еще за длинно!).*

б) Повторение, произносимое как вопрос, полувопрос или восклицание, в сочетании с простой или составной частицей и с частицей *-то*: — *Глупы вы стали. — Да что глупы-то?!*

в) Повторение, произносимое как утверждение, в сочетании с простой или составной частицей: — *Я не жалуюсь. — То-то (вот то-то), не жалуюсь; — Его к тебе послать? — Что ж (ну что ж), ко мне. — (Что ж, и ко мне).*

4. Повторы с союзными частицами. Эти реплики богаты по формам и разнообразны по значениям. За очень небольшим исключением все они, так же как и повторы с наречными и местоименными частицами, выражают разные оттенки отрицательного отношения. В формировании повторов участвуют следующие союзные частицы: *а, да, и* (*а и, да и, ну и, вот и, вот тебе и, вот те и, а вот и, даже и*), *уж и* (*ну уж и, так уж и, вот уж и, ну вот уж и, чтой-то уж и*), *будто* (*будто бы, будто и, уж будто и, будто уж*), *разве* (*разве что, разве уж, ну разве*), *если* (*если уж, ну если*), *тоже*²⁴ (*тоже мне*), *хоть* (*хоть бы, хоть бы и, а хоть бы и, ну хоть*), *а то*. Характерной чертой многих союзных частиц — особенно частиц, включающих *и, уж и будто*, — является сложность их состава при равной смысловой и конструктивной значимости основных составляющих частицу компонентов. Так, например, в частицах *уж и, будто уж и, будто и* нельзя выделить компонент, являющийся в смысловом и конструктивном отношении центральным. Ср. равнозначные

²¹ О происхождении данной конструкции и о ее параллелях в других языках см.: [Попов 1879: 1—12].

²² Об употреблении частицы *какое* в «аффективно-восклицательных высказываниях» см.: [Виноградов 1950: 45].

²³ О значениях конструкций с *то-то* см.: [Аксаков 1875: 585—587].

²⁴ О значении построений с *тоже* см.: [Добиаш 1897: 506].

повторы: — *Она в меня влюблена. — Уж и влюблена!* (при возможном: — *Уж влюблена!*) — *Будто влюблена!* — *Будто уж влюблена!* — *Будто и влюблена!* — *Уж будто и влюблена!*

Выделяются следующие виды повторов с союзными частицами.

а) Повторение, произносимое как вопрос, полувопрос или восклицание, в сочетании с простой, сложной или составной частицей: — *Ну что? — Да что? Куда ехать-то?; — Что же вы есть-то будете? — А что есть? Нечего; — Сотенную дал! — Уж и (даже и) сотенную?; — Сватать пришли? — Хоть бы и (а хоть бы и, ну хоть бы и) сватать!; — Выпей чашечку. — Разве (ну разве что) чашечку.*

б) Повторение, произносимое как утверждение или восклицание, в сочетании с простой или составной частицей: — *Говядинки отвесить? — Хоть (ну хоть) говядинки.*

в) Повторение, произносимое как утверждение или восклицание, в сочетании с простой, сложной или составной частицей: — *Я про это читал. — Также (тоже мне) читал!; — Дворянина в рекруты сдали! — И (а и, да и) сдали!; — Вы шутите. — Вот и (вот те и) шутите.*

г) Повторение, произносимое как вопрос, полувопрос или восклицание, с общим значением, обязательно противоположным общему значению первой реплики (т. е. с отрицанием, если в первой реплике содержится утверждение или утверждающий вопрос, и без отрицания, если в первой реплике содержится отрицание или отрицающий вопрос), в сочетании со сложной частицей *а то*: — *Страшно? — А то не страшно?!*; — *Не страшно? — А то-страшно?*

В пунктах 2, 3 и 4 перечислены вторые реплики-повторы, в построении которых участвуют частицы, в той или иной мере сохраняющие смысловые и функциональные связи с другими классами слов. Эти связи несомненно влияют на структуру и значение повторов. Ср. реплики с частицами *нечего, зачем*, сохраняющими целевые значения; с частицей *как*, сохраняющей смысловую связь с вопросительным наречием и — соответственно — синтаксико-функциональные связи с ним как со словом, организующим вопросительное предложение; реплики с частицами *хорошо, прямо*, первоначальными значениями которых как наречий определяется ироническая окраска соответствующих реплик. Смысловые и функциональные связи частиц с местоимениями могут определять строение и значение повтора. Таковы, например, реплики с *что*, которые легко сопоставляются с соответствующими конструкциями с предцирующим местоимением. В повторах с союзными частицами и значение, и строение реплики часто обусловлено связанностью частицы с союзом. Ср., например, повторы с *и*, где обязательная препозиция частицы, ее интонационное слияние с повторяемым словом, а также сами значения реплик, так или иначе сопоставляющих, соединяющих противоположные или сходные мысли, сообщения, объясняются именно сохранением живых связей частицы с соответствующим союзом. Сохранение — правда, в очень различной степени — живых связей с другими классами слов и влияние этих связей на строение повтора — то общее, что объединяет вторые реплики, организуемые наречными, местоименными и союзными частицами.

5. Повторы с частицами, не соотносительными с другими классами слов или не сохраняющими с ними живых функционально-смысловых связей²⁵. Таковы частицы *ну, ну уж, вот (вот еще, ну вот еще), и есть*²⁶, *как есть, ишь (ишь ты), вишь (вишь ты), еще бы (еще бы те)*. Можно выделить 4 вида соответствующих повторов.

а) Повторение, произносимое как вопрос, полувопрос или восклицание, в сочетании с простой или составной частицей: — *Это где?* — *Ну (да ну, ну вот) где. Не знаешь разве?*

б) Повторение, произносимое как утверждение или восклицание, часто с интонацией вызова, насмешки, в сочетании с простой или составной частицей: — *Ушибся?* — *Вот (вот еще) ушибся!*; — *Ушибся?* — *Ну (да ну) ушибся!*

в) Повторение, произносимое как утверждение, в сочетании с простой или сложной частицей: — *Не узнал, видно?* — *Не узнал и есть.*

г) Повторение, произносимое как утверждение или восклицание, с общим значением, обязательно противоположным общему значению первой реплики (ср. 4, пункт «г»), в сочетании со сложной частицей *еще бы*: — *Бедно жили.* — *Еще бы не бедно!*; — *Не бедно жили.* — *Еще бы бедно!*

6. Повторы с отрицанием как обязательным элементом структуры реплики. Это, во-первых, отрицающие повторы с отрицательной частицей — одной или в сочетании с усиливающим элементом; во-вторых, утверждающие повторы с частицей *как (как не)*.

а) Повторение, произносимое как утверждение или восклицание, в сочетании с отрицательной частицей *не*; вторая реплика является первым компонентом противительной конструкции: — *Денег нужно.* — *Сколько?* — *Не сколько, а давайте.*

б) Повторение, произносимое как утверждение или восклицание, в сочетании с отрицательной частицей и выступающей в качестве усиливающего элемента наречной частицей *ничего, нисколько, нимало, ничуть, никак, вовсе, совсем*: — *Спи, спи.* — *Ничего не спи! Мы еще ужинать будем;* — *Секрет?* — *Нимало не секрет.*

в) Повторение, произносимое как утверждение, в сочетании со сложной отрицательной частицей *не то что, не то чтоб*; вторая реплика является первым компонентом противительной конструкции или произносится с интонацией недоговоренности: — *Не смеешь?* — *Не то что (не то чтоб) не смею, а...;* — *Любишь?* — *Не то чтобы люблю...*

г) Повторение, произносимое как вопрос, полувопрос или восклицание, в сочетании с наречной частицей *как* и с отрицательной частицей: — *Жутко?* — *Как не жутко!*

7. Повторы с модальными словами или модальными сочетаниями слов. Эти повторы многообразны. В отличие от частиц, большинство модальных слов и сочетаний интонационно отчлняются от повторяемого слова. Лишь в некоторых случаях модальное слово или сочетание составляет с повторяемым словом инто-

²⁵ Отсутствие связей с другими классами слов не означает, что эти частицы не могут быть возведены к тому или другому классу слов, из которого они вычлненылись. Но важно то, что эти связи являются только генетическими, а не функционально-смысловыми; как общее правило, они не влияют на функционирование частиц в составе повтора и на его значение.

²⁶ О частице *и есть* см.: [Шахматов 1941: 418, § 487; 239—240, § 304; Виноградов 1950: 71].

национное целое (повторы с *и то, мало что, кой черт* и др.); обычно модальное слово легко отделяется от повторяемого слова, которое в этих случаях может функционировать как собственно повтор, а модальное слово, само выражающее то или иное отношение, может самостоятельно выступать в качестве ответа или реагирующей реплики. В формировании повторов участвуют модальные слова и сочетания: *и то, и точно, мало что (мало ли что), ничего себе, нечего сказать, кой черт, отчего (отчего же), почему (почему же), отчего (отчего же), что ж (а что ж, ну что ж), как же (а как же, а то как же), известно, конечно, разумеется, именно, как бы не так, полно, подумаешь* и др.

а) Повторение, произносимое как утверждение или восклицание, с интонацией вызова, недоверия: — *Велел. — Мало ли что (мало ли чего) велел!*; — *Некогда. — Полно некогда!*; — *Он у нас как дома. — Ничего себе (нечего сказать, кой черт) как дома.*

б) Повторение, произносимое как утверждение: — *Умный он. — И точно (и то, известно) умный*; — *Обманет он тебя. — Почему (почему же) обманет.*

8. Повторы с формами существительных и глаголов, выступающими в роли модальных слов. Ряд отдельных форм глаголов и имен, не теряя своих лексических значений и парадигматических связей, получили способность употребляться в речи для выражения того или иного отношения. Функции их совпадают с функциями модальных слов: выражая отношение, такие формы способны не только выступать в качестве относительно самостоятельного высказывания, но и оформлять повтор. Таковы глагольные формы: *бросьте (бросьте там, бросьте еще), рассказывай (да, рассказывай; ну, рассказывай), дождись, погоди, постой, помилуйте*, сочетание *легко сказать*; именные формы: *пустяки, пустячки, вздор, глупости, новости (вот новости)* и некоторые другие. По своему месту в составе повтора и по интонационным связям с повторяемым словом перечисленные слова обнаруживают закономерности употребления, общие с модальными словами и сочетаниями слов. Все повторы, строящиеся с такими словоформами, заключают в себе разные виды и оттенки отрицательного, недоуменного, недоверчивого отношения.

а) Повторение, произносимое как утверждение или восклицание, в сочетании с формами именительного падежа существительных: — *Немножко опоздал. — Пустячки немножко!*; — *Может быть, отдохнуть?* — *Вздор (глупости) отдохнуть!*

б) Повторение, произносимое как утверждение или восклицание, обычно с интонацией вызова, недоверия, в сочетании с формами повелительного или изъявительного склонения глагола: — *Пойдем!* — *Погоди пойдем*; — *Ты ее оскорбил. — Рассказывай (бросьте, помилуйте) оскорбил!*; — *Он вернется. — Дождись, вернется!*

9. Повторы с междометиями. Они выражают два основных круга значений: разные оттенки отрицательного отношения и разные оттенки уяснения, припоминания. И в тех и в других видах повторов междометие может находиться как в начале, так и в конце реплики, но в живой речи препозиция и интонационная неотделимость междометий является почти правилом.

а) Повторение, произносимое как восклицание или утверждение: — *Он ведь устал. — Э (эва, эка, господи), устал!*; — *Доктор пришел. — Ах да, доктор.*

б) Повторение, произносимое как вопрос, полувопрос или восклицание: — *Старуха пришла. — А (ах, а ну), пришла? Зови ее сюда.*

в) Повторение, произносимое с интонацией вызова, несогласия, в сочетании с междометием *да* (возможно — с усиливающими элементами): — *Что это за игра! Не представляет никакого интереса. — Да (ну да, да уж), никакого интереса*²⁷.

10. Повторы с формами согласуемых слов.

а) Повторение, произносимое как вопрос, полувопрос или восклицание, в сочетании с формами местоимения *какой*: — *Жалованье получаешь? — Какое жалованье!*

б) Повторение, произносимое как утверждение или восклицание, с обязательной отрицательной частицей, в сочетании с формами местоимения *никакой* в усиливающей функции: — *Ну и лентяй! — Никакой не лентяй.*

в) Повторение, произносимое как утверждение или восклицание, с интонацией недоверия, насмешки, в сочетании с формами прилагательных *хорош, хороший* или *хорошенький*: — *Вы еще дети. — Хороши (хорошие, хорошенькие) дети!*

Специфика повторов, структурным элементом которых являются согласуемые слова, заключается в том, что, оформляя вторую реплику, эти слова утрачивают или ослабляют свои категориальные и лексические значения и сближаются с частицами и модальными словами. Так, в вопросе-ответном единстве — *Грамоте знаешь? — Какая грамота!* слово *какая* не имеет ни вопросительного, ни указательного значения: функция этого слова — оформление эмоционально окрашенного отрицания. В обмене реплик: — *Он такой обходительный. — Хорош обходительный!* слово *хорош*, оформляющее реплику со значением иронического отрицания, не является ни определением, ни сказуемым; в нем не удается обнаружить и его основного лексического значения.

11. Повторы с обязательным местоимением в форме именительного падежа в субъектном значении. Сюда входит несколько видов реплик, причем степень субъектной значимости местоимения в них различна. В одних случаях субъектное значение местоимения ослаблено, что объясняется слиянием этого местоимения с другим словом в связи с тенденцией образования своеобразной сложной частицы (повторы с *что ты, что вы*). В других случаях местоимение, сохраняя грамматическое значение субъекта, по смыслу не является им, так как не обозначает действующего лица (повторы типа — *Утону! — Я те утону!*). Наконец, есть реплики, в которых местоимение сохраняет и грамматическое, и смысловое значение субъекта (повторы типа — *Он опять увильивает. — Увильивет он у меня!* или: — *За это в суд. — Даст он вам в суд!*).

а) Повторение, произносимое как восклицание или утверждение, в сочетании с частицей *что* и неотделяемым от нее личным местоимением: — *Жарко уж в шубе-то. — Что ты жарко!* Ср. при возражении самому себе: — *Успею. Хотя что я успею!*

²⁷ Повторы с *да* Шахматов относит к неполным предложениям, видя здесь опущение глаголов речи. Ср. его пример: *Господи! — Да: господи! Теперь вот и господи!* (Слепцов, Мертвое тело). См.: [Шахматов 1941: § 313, с. 243—244].

б) Повторение глагола в форме 1-го лица, произносимое с интонацией угрозы, вызова, в сочетании с местоимением я и формой дательного падежа местоимения со значением косвенного объекта: — *Пошутил ведь я. — Я тебе (те) пошучу!*; — *Он пошутил. — Я ему пошучу*²⁸. В первой реплике глагол выступает в любой форме, во второй реплике — всегда в форме 1-го лица будущего протого; соответственно имеют место видовые замены. Порядок слов во второй реплике строго определен: местоимение 1-го лица (*я*), форма *те* или дательный падеж *тебе, вам* и глагол.

в) Повторение, произносимое с интонацией угрозы, в сочетании с предшествующим повторяемому слову личным предложением, в котором обязательно присутствует подлежащее — личное местоимение, дательный падеж местоимения со значением объекта и сказуемое, выраженное формой будущего времени глагола *дать, задать, показать* и некоторыми другими: — *За это в суд можно. — Я тебе дам в суд!* (— *Даст он вам в суд!* — *Они вам покажут в суд!*).

г) Произносимое с интонацией угрозы повторение глагола (в форме будущего времени), имеющее форму двусоставного предложения, в котором субъект совпадает с субъектом первой реплики: — *Он увильивает. — Увильивет он (увильивет он у меня)!'*

12. Повторы с удвоением или сдвоенные повторы. Спецификой этих построений не всегда принимавшейся во внимание при их описании, является, как и для всех других типов повторов, их формальная и смысловая несамостоятельность, их порождает первая реплика и неразрывная связь с ней²⁹. Так же, как и все другие повторы, они представляют собой повторение слова первой реплики, однако повторение двоекратное, причем формы повторяемого слова в составе второй реплики могут быть в одних случаях одинаковы, в других — различны. Большинство сдвоенных повторов выступают в качестве первого компонента сложной противительной конструкции. Это накладывает яркий отпечаток на их значение и создает двустороннюю связь такого повтора, с одной стороны, с первой репликой, с другой стороны — со второй частью того сложного построения, в составе которого этот повтор фигурирует.

1) Повторы, обычно являющиеся первым компонентом сложной конструкции:

а) две словоформы, соединенные частицей *-то*: — *Хорош. — Хорош-то хорош, да...*;

б) инфинитив и личная форма того же глагола, соединенные без частиц, частицей *-то* или отрицанием: — *Ты когда-нибудь летал? — Летать(-то) (не) летал, да...*;

²⁸ Об этих конструкциях см.: [Гвоздев 1952: 193].

²⁹ Удвоения есть и в монологической речи; но там они или являются применением диалогических форм для построения монолога, или имеют свои особые оттенки значений и специфические условия употребления. Сдвоенные повторы отмечались в ряде исследований. См.: [Потебня 1874: 131, 401, 403—405; Шахматов 1941: § 206¹, с. 187; Чернышев 1927: 69—70; Гвоздев 1952: 194—196; Трофимов 1952: 111; Шведова 1955]. Некоторые авторы, смешивая форму слова с формой конструкции, пытались даже доказать, что такие построения являются особым средством морфологического формообразования. См.: [Киселев 1954].

в) две словоформы, соединенные отрицанием (возможно — в сочетании с уступительным союзом *хоть*): — *Вы таки были министр. — Министр (хоть) не министр, а...*;

г) две словоформы, соединенные отрицанием и разделительным союзом: — *Довольно будет? — Довольно ли (или) не довольно, а...*;

д) бессоюзное сочетание форм именительного и творительного падежей существительного: — *Разве вам мало было подарков? — Подарки подарками, а...*

2) Повторы, функционирующие вне противительной конструкции:

а) повторы, образующиеся сочетанием двух словоформ (или сочетаний слов), соединенных безударной частицей *так*: — *Приходите в среду. — В среду так в среду;*

б) повторы, образующиеся сочетанием двух словоформ при помощи союза *и*: — *Глуп ты еще. — Глуп и глуп. Не впервой мне это слышать.*

* * *

При построении реплик-повторов в языке действует система правил сохранения или замены форм повторяемого слова или сочетания слов. Эти правила в основном совпадают для многих типов повторов (исключая двоякие повторы, где действуют свои правила замен).

Для глагола выделяются прежде всего явления замен, характерные для всех спрягаемых форм.

В некоторых видах повторов спрягаемая форма глагола может заменяться инфинитивом. Это бывает тогда, когда, отвечая, говорящий сосредоточивает свое внимание не столько на конкретном действии определенного лица, сколько на мысли о действии вообще (— *Прости его. — Простить? — Как же простить? — Обижаться? — Обижаться?! — Вот еще обижаться!* — *Господи, обижаться!*). Замена спрягаемой формы инфинитивом обычна в собственно повторах, в повторах с наречной частицей *как* и с отрицанием (— *Как не обижаться!*), а также с частицей *где* (— *Где уж обижаться!*). В повторах, формируемых наречными частицами, сохраняющими оттенок причинно-целевого значения (*чего, зачем*), спрягаемые формы глагола, заменяясь инфинитивом, образуют реплику, выражающую несогласие, уверенность в обратном (— *Зачем обижаться! — Чего там обижаться!*). В повторы с инфинитивом часто включаются местоимения в дательном падеже с субъектным значением (— *Где уж мне обижаться!*). При акцентировании в повторе мысли о действии вообще возможна (а иногда и обязательна) не только замена спрягаемой формы инфинитивом, но и замена видовой формы глагола (— *Ты сходи сам. — Что мне ходить!*; — *Я еще оправдаюсь. — Чего ж тут оправдываться!*).

Там, где модальное значение всей реплики не связано с акцентированием мысли о действии, а имеет непосредственно реагирующий, оценивающий характер, замены спрягаемой формы инфинитивом не происходит (например: — *Не знал я. — Мало что не знал; — Вот те и не знал! — Хорошо не знал! — Ничего себе не знал!*).

В некоторых видах повторов спрягаемые формы глагола могут заменяться существительными — отглагольными или по значению соотносительными с глаголом; здесь также имеет место отвлечение от личного значения и подчеркивание

мысли о действии вообще. Такие замены могут осуществляться в репликах, строящихся с формами согласуемых слов (*— Вы спите? — Какой сон!; — Кажется, она теперь успокоилась. — Хорошо спокойствие!*) и со сложной местоименной частицей *что за* (*— Стану я грешить! — Что ж за грех!*). Если заменяющее имя ставится в форме множественного числа, то в реплике подчеркивается отрицательная оценка, вносится элемент пренебрежения: *— Позвольте я их атакую! — Какие тут атаки!*

С другой стороны, выделяются явления замен, характерные лишь для некоторых форм глагола.

а) Формы 1-го и 2-го лица, как общее правило, в повторах заменяются в соответствии со значением лица говорящего: *— Я шучу. — Шутишь?; — Ты шутишь! — Шучу?; — Вы плачете? — Плачу?* Личная форма в этих случаях может остаться неизменной тогда, когда в повторе выражается та или иная реакция не только на содержание сказанного, но и на его форму или когда сказанное воспринимается как неожиданное, странное, такое, которое еще не сразу может быть понято, осмыслено: *— Забудь! — Вот еще забудь!; — Я это устрою. — Как это устрою?*

б) Формы 3-го лица глагола не заменяются другими личными формами, если речь идет именно о ком-то третьем, а не об одном из собеседников. Если же формой 3-го лица называется действие одного из собеседников, то замены обычны, например:

— Он уходит! — Как это ухажу? (реакция собеседника на сказанное о нем как о 3-м лице). Сохранение формы акцентирует ее значение и модальное значение всей реплики (*— Как это уходит?*).

в) При «вы» вежливости или при соответствующем употреблении глагола на -л правилом является замена формы множественного числа формой единственного и обратно: *— Вы ведь обещали. — Как это обещал?; — Я ничего не видал. — Как то есть не видали?* Сохранением формы глагола достигается тот же оттенок значения, который отмечен по отношению к сохранению личных форм (*— Как это обещали?*).

Местоимения 1-го и 2-го лица, а также соответствующие притяжательные заменяются в повторах в соответствии со значением лица говорящего (*— Ты взял! — Прямо я!; — Это мое. — Ах твоё!*). Отсутствием замены выражается или неполное понимание (*— Пойдем ко мне. — Как так ко мне?*), или подчеркивается соответствующее модальное значение повтора (*— Это мы здесь все починили. — Так уж будто и мы?*). Именно в силу данного значения подобных повторов (без замены формы) они невозможны в тех случаях, когда повторяется личное местоимение, не несущее на себе смыслового акцента, по своей функции в первой реплике «морфемное» (*— Куда это ты идешь? — Я-то? А домой*). Местоимения 3-го лица заменяются местоимениями 1-го лица, если речь идет об одном из собеседников: *— Это опять его штучки. — Ничего не мои.*

Формы косвенных падежей существительных в повторах могут заменяться или не заменяться формой именительного падежа — в зависимости от структуры реплики.

Замены обязательны в репликах, строящихся при помощи согласуемых слов, а также при помощи сложной частицы *что за*, т. е. там, где оформляющее реплику

слово имеет форму и сохраняет связь со значением именительного падежа: — *Придираешься к ребенку. — Хорош ребенок! — Да какой же ребенок?! — Что за ребенок!*

Особое место занимают возможные в повторах с согласуемыми словами случаи замены формы единственного числа формой именительного падежа множественного числа. Так же, как и в соответствующих заменах глагольных форм, здесь усиливается элемент пренебрежительного отношения: — *Чаю выпьешь? — Какие тебе чаи!*

Замены возможны, но не обязательны: а) в репликах, строящихся при помощи таких местоименных частиц и модальных слов местоименного происхождения, которые, оторвавшись от категории местоимений, сохраняют лишь форму именительного падежа: — *А с матерью говорил? — Да что ж мать? и — Да что ж с матерью?; — Сироткой прикинулся. — И то сиротка! и — И то сироткой!;* б) в репликах, строящихся при помощи модальных частиц, восходящих к глагольно-связочным формам: — *С праздничком вас! — Праздничек и есть! и — С праздничком и есть!; — Все дети пьяницами повывасти. — Пьяницы как есть! и — Пьяницами как есть!;* в) в репликах, строящихся при помощи частицы *как*, если существительное имеет оценивающее значение: — *Туда с такими пустяками не ходят. — Как пустяки?! и — Как с пустяками?!*

Замен не происходит в репликах, строящихся при помощи таких слов, которые своей формой не влияют на форму повторяемого слова, например при помощи частиц *хоть, хоть бы, разве, если* и под.: — *К брату пойдешь? — Разве что (а хоть бы и, если только, да хоть и) к брату.*

Прилагательные, наречия и предикативы в некоторых типах реплик могут заменяться существительными или глаголами. Естественно, что в этих случаях в той или иной степени осуществляется смысловой отход повтора от первой реплики.

а) В повторах, оформляемых согласуемыми словами, наречия, предикативы и прилагательные заменяются формами именительного падежа однокоренного существительного; аналогичные замены обычны в повторах, конструируемых с помощью частиц, сохраняющих формальную связь с формой именительного падежа (*не то что, не то чтобы, что за*): — *У него такой искренний был тон. — Хорошая искренность! — Какая искренность!; — Здоров? — Какое здоровье!; — Богато жили? — Не то что (чтобы) богачи, а жили хорошо. — Что за богатство!*

б) В повторах с отрицанием, оформляемых частицей *как* (*как не*), возможны замены прилагательных, наречий и предикативов инфинитивом глагола: — *Жалко? — Как не жалеть; — Что-то он сегодня грустный. — Да как же не грустить! Сюда же: — Нет ли самовара? — Как не быть!*

Не все виды реплик-повторов свободны со стороны категорий и форм повторяемых слов и сочетаний. Наряду с категориально и синтаксически не ограниченными видами повторов существуют реплики, образование которых ограничено возможностью повторения слов только некоторых категорий (имен, глаголов) или слов, выступающих в первой реплике только в определенной синтаксической функции (предикативной, обстоятельственной). Эти ограничения непосредственно связаны с формой тех частиц (модальных слов и др.), которые явля-

ются структурным элементом повтора. Отметим некоторые из видов повторов; ограниченных категориально и синтаксически.

Повторы с союзными частицами *а, да*, имеющие, чаще всего форму вопроса или полувопроса, строятся почти всегда как вторая реплика, выражающая непосредственную и экспрессивно окрашенную реакцию на вопрос (легкое пренебрежение к предмету разговора, как к не заслуживающему серьезного внимания, некоторую неохоту отвечать). Здесь повторяется или предикативная основа первой реплики в сочетании с вопросительным словом (*— Что ты здесь делал? — Да что делал — ждал*), или только вопросительное слово либо предложно-именное сочетание (*— Как же вы тут жили без меня? — Да как? Обыкновенно*).

Вторые реплики со значением уверенного подтверждения (с частицами *и есть, как есть, как же, еще бы*, модальными словами *известно, именно, и то, и точно* и др.) или со значением отрицания (с частицами *не то что, не то чтобы, как же и др.*) строятся преимущественно на основе повторения таких слов первой реплики, которые несут в ней предикативную функцию; другие члены предложения повторяются тогда, когда в первой реплике они логически акцентируются: *— Ведь это разбой! — Как есть разбой! — Разбой и есть. — Именно разбой! — И точно разбой. — Еще бы не разбой! — Как же не разбой! — И то разбой. — Как же, разбой! — Не то чтобы разбой... — Ничего не разбой; — Где же мне с суконным-то рылом... — Еще бы не суконное! — И то суконное!; — Пришли-то вы рановато. — Рановато и есть. — Именно рановато; — Что это за народ идет, словно с кольями? — С кольями и есть. — Как же, с кольями.*

Только сказуемое или предикативный центр односоставного предложения повторяется в выражающих согласие, утверждение репликах, оформленных модальными словами *отчего (же), почему (же)*, сохраняющими живую связь с соответствующими наречиями: *— Не узнаете? — Отчего же, узнаю. — Узнаю, почему же.*

Реплики со значением вызывающего согласия, строящиеся при помощи союзной частицы *и (ну и, вот и, да и, а и)*, а также при помощи сложной частицы *так и (так тебе и)*, ограничиваются повторением глагола-сказуемого и редко — именем в предикате (первые). Ограничения при этом распространяются и на формы повторяемых слов. Так, повторы с частицей *и (ну и)* обычны (но не исключительны) с формами 1-го лица изъявительного наклонения, когда в первой реплике — повелительное наклонение (*— Иди! — Ну и пойду!*), или с формами повелительного наклонения, когда в первой реплике — изъявительное наклонение или инфинитив (*— Сами организуем это дело. — Вот и организуйте; — Придется мне самому съездить. — И съезди*). Именные формы здесь повторяются редко и тогда, когда в первой реплике они употреблены предикативно: *— А еще фронтовичка! — Ну и фронтовичка, а грозы боюсь; — Подумаешь, важная птица! — Вот и не птица, а будет по-моему.*

В репликах, оформляемых сложной частицей *так (тебе) и*, сохраняющей элемент наречного значения, повторяется глагол-сказуемое в спрягаемой форме: *— Он всю деревню спалит. — Так (тебе) и спалит!*

Реплики, оформляемые простой местоименной частицей *что* и имеющие значение экспрессивно окрашенного переспроса, строятся на основе повторения

имен, неизменяемых слов (наречий, союзов и др.) и реже — предикативной основы первой реплики: — *Я, конечно, согласен, но...* — *Что, «но»?*; — *Отдай скотину, не то худо будет.* — *Что «худо будет»?!* Глагольные формы в таких репликах повторяются сравнительно редко (— *Нет, я не могу.* — *Что не могу?*).

В репликах, оформляемых сложной частицей *что за* и выражающих уверенное опровержение, несогласие, повторяются, как общее правило, существительные и прилагательные в форме именительного падежа: — *Чем потчевать прикажете?* — *Что за потчеванье!* Спрягаемые глагольные формы здесь повторяются крайне редко (— *Зачем же врешь?* — *Что за вру!*); инфинитив в формировании таких повторов не участвует.

В репликах, выражающих оценку чего-либо как несущественного, не заслуживающего внимания и строящихся при помощи частицы *что* (*что ж, да что*), повторяются преимущественно имена и именные сочетания: — *Ведь это он тебя с бревном тогда поймал.* — *Что же с бревном..;* — *Молотба-то как?* — *Да что молотба!*; — *Как же ты с знатной барыней кончил?* — *Что, братец, знатные барыни!* Спрягаемые формы здесь повторяются реже, поскольку сочетаниям типа: — *Надоел!* — *Да что ж надоел!* или: — *Я приказываю.* — *Что тут «приказываю!»* противоречит прежнее местоименное (в предложении — предикативное) и наречное значение *что*; это значение проявляется в том, что спрягаемые формы первой реплики здесь, как правило, заменяются инфинитивом, причем совершенный вид заменяется несовершенным, выражающим действие вообще, вне ограничений какими-либо пределами (— *Поучи его!* — *Что ж его учить...*).

Повторы, образуемые формами согласуемых слов, включают в свой состав только формы именительного падежа существительных, прилагательных и местоимений: — *А грамоте знаешь?* — *Какая грамота!*; — *Откровенничать с чужим человеком!* — *Хорош чужой!* — *Никакой не чужой!*; — *Все твои штучки.* — *Какие же мои?*

Таким образом, во многих репликах, в которых частица или другое оформляющее повтор слово не утратили или не совсем утратили смысловые и функциональные связи с теми классами слов, из которых они вычленились, имеют место те или другие категориальные, формальные и функциональные ограничения для слов, входящих во вторую реплику в качестве повторяемого элемента.

Место частиц, междометий, модальных и других слов, участвующих в формировании вторых реплик-повторов, не свободно. В некоторых случаях эти слова могут находиться только в начале реплики, в других — в начале или в конце ее; случаи, когда частица или другое оформляющее повтор слово свободны в смысле своего местоположения в составе повтора, единичны.

Большинство слов, участвующих в формировании повтора, открывают собою реплику; однако самый характер закреплённости их в начале повтора различен.

С одной стороны, выделяются такие слова, которые ни при каких условиях не могут быть перемещены внутри реплики и обязательно находятся в начале ее. Такая строгая закреплённость непосредственно определяется строением соответствующих слов и их связями с теми или иными частями речи. Обязательным условием синтаксического функционирования этих слов в структуре повтора является их интонационная слитность с повторяемым словом. Это прежде всего частицы,

основой которых является слово *и* — одно или в сочетании с другим словом: *а и, ну и, вот и, вот те (тебе) и, хоть (бы) и, так (тебе) и, уж и, будто и, даже и* и т. п.: — *Это не причина. — Ну уж и не причина! — Так тебе и не причина! — Будто и не причина! — Даже и не причина?* Те же ограничения действуют в отношении частиц *а, да*.

Всегда препозитивны и интонационно не отделяются от повторяемого слова частицы *как (не), не то что (не то чтобы)*, участвующие в формировании реплик, обязательным структурным элементом которых является отрицание: — *Женихи найдутся. — Как (же) не найдись!*; — *Отстал ты. — Не то что отстал, а...* Те же правила распространяются на согласуемые слова *какой* и *хорош*, участвующие в построении повтора: — *Волк?! — Какой (тебе) волк!*; — *Сапоги-то совсем новые. — Хороши новые!*, а также на частицу *что за*: — *Волк?! — Что за волк!*

Только препозитивна местоименная частица *что* (*ну что, что такое*) в экспрессивно окрашенном переспросе (— *Это что такое? — Что «что такое»?*), частицы *хорошо* (— *Леонько отстранил... — Хорошо «отстранил»*), *никаких* (— *Мне пора ехать. — Никаких «ехать»!*), сложная частица *вот те* (— *Да ну? — Вот те ну!*).

Рассмотренные случаи характеризуются тем, что частица или согласуемое слово ни при каких условиях не может изменить свое положение в структуре реплики или интонационно обособиться от следующего за ней повторяемого слова. В отношении частиц эта строгая позиционная ограниченность естественно определяется самой их структурой или первоначальным значением и происхождением; в отношении согласуемых слов строгая определенность их места в препозиции к повторяемому слову является грамматическим показателем их особой семантической и синтаксической функции.

С другой стороны, многие слова (частицы, модальные слова, междометия), всегда начинающие собою реплику-повтор и интонационно не отделяемые от повторяемого слова, могут быть отделены от него, перемещены в конец реплики и интонационно обособлены, например: — *Новые ведь еще сапоги-то. — Какое новые!* и — *Новые? Какое!*; — *Я тебе сказал. — Мало ли что сказал!* и — *Сказал! Мало ли что!*; — *Опоздали мы. — Как то есть опоздали?* и — *Опоздали? Как то есть опоздали?*; — *Он согласится. — Куда там согласится!* и — *Согласится! Куда там!* Но уже отдельные примеры показывают, что перемещение частицы в конец реплики меняет не только оттенок ее значения. В случае — *Какое новые!* перед нами реплика-повтор, формируемая двумя словами, которые вместе создают единую конструкцию с определенным значением; в случае же — *Новые? Какое!* мы видим две самостоятельные конструкции — собственно повтор и частицу как эквивалент предложения, которые свободно разделяются и могут функционировать независимо друг от друга. Хотя в обоих случаях выражается отрицание, несогласие, но оттенки этого общего значения здесь ясно различаются: в первом случае весь повтор имеет значение уверенного и категорического несогласия, отрицания; во втором случае это значение расчленено: собственно повтором говорящий, сомневаясь и не доверяя, уясняет себе сказанное, а интонационно обособленной и синтаксически свободной частицей выражает свое несогласие с утверждением собеседника. Таким образом, перед нами не видоизмененная со стороны порядка слов и

интонации конструкция, а две разные конструкции. Поэтому, изучая реплики-повторы в том плане, как это изложено в начале настоящей статьи, мы не можем говорить о том, что такие частицы, как *чего (чего там), куда (куда там), зачем, нечего, какое, как* (при переспросе), *той-то, то-то*, ну, *еще бы, вот, ну вот*, сочетания *что ты*, модальные слова и *точно, мало ли что, кой черт*, формы имен и глаголов *пустяки, легко сказать* и др. могут находиться или в начале или в конце повтора, отделяясь или не отделяясь интонационно от повторяемого слова: как собственно частицы они могут находиться только в начале повтора и интонационно не отделяются от повторяемого слова.

Ряд частиц, модальных слов и междометий, участвующих в формировании повтора, могут находиться как в начале, так и в конце реплики. Повторы эти неоднородны.

1. Здесь выделяются такие реплики, в которых оформляющая их частица или другое слово, независимо от своего положения по отношению к повторяемому слову, произносится с ним слитно. Таковы реплики, оформляемые частицами *что (что ж, что там)* (— *Да ведь холода стоят!* — *Холода что!* и — *Что холода!*), *ничего, нисколько, ничуть, вовсе* (— *Озяб?* — *Ничего не озяб!* — *Не озяб ничего*), и *есть* (— *Точно все сговорились!* — *И есть сговорились* и — *Сговорились и есть*), *разве, если* (— *Одну чашечку!* — *Разве чашечку*, — *Если чашечку* и — *Чашечку разве*, — *Чашечку если*), согласуемым словом *никакой* (— *Ну и соня ты!* — *Никакой я не соня* и — *Не соня я никакой*).

2. Существуют такие реплики, в которых оформляющая их частица, модальное слово, находясь в начале реплики, произносится слитно с повторяемым словом, а находясь в конце реплики, может интонационно отделяться от него, но такое отделение не является обязательным. Таковы повторы с частицей *как есть* (— *Сыновья-то ее пьяницы*. — *Как есть пьяницы*, — *Пьяницы как есть* и — *Пьяницы, как есть*).

3. Выделяются повторы, в которых оформляющее их слово (частица, междометие), находясь в начале реплики, может или отделяться от повторяемого слова интонационно или не отделяться, а находясь в конце реплики, обязательно отделяется интонационно. Это повторы с частицами *вот, вот еще* (— *Мой пиджак тебе не влезет*. — *Вот (еще) не влезет!* — *Вот (еще), не влезет!* и — *Не влезет, вот (еще)!*), *прямо* (— *Прямо не влезет!* — *Прямо, не влезет!* и — *Не влезет, прямо!*), с модальными сочетаниями *ничего себе, нечего сказать, легко сказать* (— *Еще рано*. — *Ничего себе рано*. — *Ничего себе, рано* и — *Рано, ничего себе*. — *Нечего сказать рано*, — *Нечего сказать, рано* и — *Рано, нечего сказать*).

4. В некоторых случаях частица, находясь или в начале, или в конце реплики, может либо не отделяться интонационно от повторяемого слова, либо отделяться от него. Таковы повторы с частицей *тоже*: — *Он много знает, читал*. — *Тогда читал!* — *Тогда, читал!* — *Читал тоже!* и *Читал, тоже!*

5. Значительная группа модальных и других слов, частиц и междометий, оформляя повтор, может находиться как в начале, так и в конце реплики, интонационно не сливаясь с повторяемым словом, обязательно отделяясь от него. Таковы реплики с модальными словами *как же* (— *Он вам родственник?* — *Как же,*

родственник и — Родственник, как же), отчего (же), почему (же), с глагольными формами рассказывай, дождись, скажите, с частицами ишь (ты), вишь (ты), с междометиями да, эка, господи и мн. др.

Таким образом, в интонационном оформлении реплик-повторов выделяются достаточно четкие правила.

* * *

Описанные в настоящей статье типы повторов со стороны своей структуры обнаруживают значительные различия. В то же время все они объединяются рядом общих собственно языковых черт, позволяющих видеть в них единый объект изучения. Таким объединяющим фактором является, с одной стороны, общая и легко выявляемая система модально-экспрессивных значений: это — выражения многообразных — в большинстве случаев отрицательных — непосредственных реакций на то, что сказано, о чем сообщается в первой реплике. Непосредственная и всегда экспрессивно окрашенная оценивающая реакция на сказанное — таково смысловое наполнение основной массы повторов. Эти смыслы реплик создаются не лексическими значениями повторяемых слов, а строением реплики и ее интонацией.

Полная смысловая самостоятельность повторов целиком связана с их структурой. Повторы не существуют в языке вне прямого соотношения с первой репликой, чьей формой обусловлено их строение. Эта обусловленность двойственна. С одной стороны, словесный состав второй реплики определяется словесным составом первой реплики: повторяется данное конкретное слово или сочетание; с другой стороны, это повторение осуществляется по определенным грамматическим правилам. И если лексическая сторона здесь каждый раз индивидуальна, то условия строения повтора определяются действующими в языке нормами. Принципиально такое положение не отличается от условий построения большинства свободных синтаксических единиц языка.

Представляется несомненным, что реплики-повторы должны быть объектом грамматического изучения. Факторы, подтверждающие наличие у них своего синтаксического статуса, своей структурной специфики, изложены выше. Кратко обобщим их.

1. Повторы существуют в разговорной форме речи как построения, порождаемые первой репликой диалогического единства, и представляют собою структурно зависимую часть этого сложного единства. Порождаясь первой репликой, повтор отливается в определенную синтаксическую форму, которая далеко не всегда представляет собою прямое повторение словоформ, заключающихся в первой реплике; иными словами, повторы имеют свои синтаксические формы, свои правила построения.

2. В своем строении реплики-повторы подчиняются определенным правилам сохранения или замены формы повторяемого слова. В том или другом типе повтора для слов одних грамматических категорий обязательным является сохранение формы повторяемого слова, для других — замена ее другой, но не случайно избранной, а определенной, именно данной формой. Там, где есть возможность

выбора, эта возможность определяется не желанием или вкусом говорящего, а тем значением или оттенком значения, которые связаны с употреблением именно той, а не другой формы.

3. Многие типы повторов ограничены со стороны категорий повторяемых слов: есть типы реплик, в которых повторяются только имена, только глаголы, только наречия или сочетания, выступающие в первой реплике в функции обстоятельства. Внутри этих ограничений обычно действуют другие, более частные: имена могут повторяться только в форме того или иного падежа, глаголы — только в форме того или иного склонения, времени, лица.

4. Реплики-повторы строго ограничены со стороны распространения их другими словами. В большинстве случаев возможность распространения повторов исключена. Там, где повтор может быть распространен, выявляются собственно синтаксические правила введения распространяющих слов; в разных типах повторов намечаются свои закономерности введения сочетаний или форм с определенными синтаксическими функциями.

5. Реплики-повторы строятся с участием специальных слов — частиц, междометий, модальных слов или сочетаний, а также согласуемых слов. Все эти слова не просто «прибавляются» к повторяемому слову, а играют в составе второй реплики конструктивную роль: они являются одним из таких ее компонентов, который не может быть изъят без того, чтобы эта реплика не перестала существовать как данная синтаксическая конструкция с определенным значением. Степень внешней структурной спаянности частицы (междометия, модального слова и др.) с повторяемым словом неодинакова. В одних случаях изъятие частицы (или ее аналога) ведет к полному внешнему разрушению данного типа повтора; в других случаях частица (или другое слово) внешне легко отделима, но такое отделение ведет к превращению данного типа повтора в другой, с иной структурой, интонацией, с иным оттенком значения.

6. Место частицы (как и других слов, участвующих в формировании повторов) не свободно. Одни из этих слов всегда начинают собою вторую реплику, другие могут начинать или заключать ее; порядок конструирующих вторую реплику слов определяется действующими в языке нормами словорасположения.

7. Разные типы повторов имеют свои интонационные характеристики. Вопрос этот остался неосвещенным в настоящей статье: он требует особых, экспериментальных методов исследования. Однако даже самые общие и поверхностные наблюдения убеждают, что те или иные типы повторов закрепляют за собой определенный интонационный рисунок.

8. Существование целого ряда повторов обусловлено двусторонними конструктивными связями: они оформляются только как часть сложного построения, обнаруживая синтаксические связи с первой репликой диалогического единства и со второй частью сложной конструкции, которую повтор собою начинает (ср. сдвоенные повторы).

Все сказанное приводит к выводу, что вторые реплики-повторы представляют собой один из видов специфических конструкций, характерных для разговорной речи. Они многообразны и дают широкие возможности выбора. Поэтому нельзя

согласиться с Л. Якубинским в том, что диалогическая форма речи «способствует умалению значения речевых элементов в общем порядке взаимодействия»³⁰. Напротив, диалог как одна из форм разговорной речи обладает богатейшими собственно языковыми средствами, которые и реализуются говорящими в процессе общения.

1956 г.

ОБ АНАЛИТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЯХ В СИСТЕМЕ СЛОВСОЧЕТАНИЙ

(Сочетаемость, диктуемая стержневым словом)

В современном русском языке развиваются явления, которые не всегда дифференцированно объединяют под общим названием «аналитизма»¹. В плане собственно синтаксическом здесь существенно развитие таких сочетаемостей, при которых зависимый компонент, обладающий — как определенная грамматическая категория — формами словоизменения, в структуре словосочетания не реализует этих своих возможностей и примыкает к стержневому слову в своей исходной форме. Здесь намечается три круга явлений.

Во-первых, это все более и более узакониваемые языком сочетания с примыкающим именем собственным, имеющим формы словоизменения: *из аэропорта «Внуково», в городе Раменское, на остановке «Восьмая линия»* и под. Явление это неоднократно отмечалось в специальной литературе как развивающееся; истоки его ясны: это чтение карт, язык военных приказов, документов, не допускающих ни малейшей двойственности обозначений. Колебания сохраняются в говорении, у носителей старой нормы, а в отражающей современные нормы письменной речи и, в частности, в языке газеты неизменяемость зависимого компонента в этих случаях становится уже почти правилом². Это правило поддерживается такими не входящими ни в какой «синонимический» ряд сочетаниями, как, с одной стороны, *витамин «С», операция «икс», пункт «в»* и под., с другой стороны — соединениями типа *удостоверение «Мастер своего дела», операция «Летающий кран»*.

Во-вторых, это массово распространяющиеся цифровые обозначения в названиях — одиночные или в сочетании с буквенными. Они восходят к определениям, выраженным порядковыми числительными: современные *депо Москва-2, пшеница тулун-14* и под. еще в 30-х годах звучали как *Москва вторая, тулун четырнадцатый*. Так, до войны был *«Второй МХАТ»*³; это обозначение исчезло вместе с

³⁰ Якубинский Л. Указ. статья. С. 184. Ср. также: Вандриес Ж. Язык. М., 1937. С. 144.

¹ Сюда относят и явления собственно несклоняемости слов, и те случаи, когда слова, обладающие формами словоизменения, только в определенных синтаксических позициях не реализуют изменений своих форм, см.: [Русский язык и советское общество 1962: 52 и след.].

² Все примеры, в том случае, когда это не оговаривается, взяты из современных центральных газет и журналов.

³ «Окрепнув, она [Первая студия] повела самостоятельную художественную жизнь и, наконец, превратилась в *МХАТ 2-ой*» (Станиславский К. С. Моя жизнь в искусстве. М., 1962. С. 430).

реалией; когда сейчас пишут *МХАТ-2* (школа при *МХАТ-2*), то это написание людьми, не слышавшими о *Втором МХАТе*, читается как *МХАТ-два*. Новые названия с цифровым обозначением возникают с примыканием (конечно, в устной речи возможность употребления в составе такого названия согласуемого числительного не исключена)⁴: аэровокзал *Внуково-2*, комбайн *Херсонце-7*, скороспелка *36*, рис *дубковский 129*, космонавт-*шесть*, высота *301*, дом *десять*, корпус *пять*, объект *восемнадцать*, боевая часть-*2* и т. д.; в сочетании с буквенными обозначениями — сокращениями или индексами: витамин *В-12*, автомобиль *ЗИЛ-138*, АТС *Б-6*, шахта *10-бис* и т. д. «Несклоняемость» поддерживается цифровыми обозначениями, начинающимися с нуля, например: *при домоуправлении 054*; но ср.: *Вызываю ноль первого* (газ. «Вечерняя Москва»).

В-третьих, наконец, к стержневому слову может свободно примыкать количественный определитель — одиночный (*расстояние два км, емкость десять литров, кросс 500 метров, урожай 40 центнеров с га*) или групповой: *эстафета 4 × 100, эстафета 4 по 100 м, соотношение 1 и 200 (и соотношение один — двести), схемы посева 60 на 60* и под.

Возникает вопрос: является ли развитие всех этих и других им подобных сочетаний ничем не ограниченным победным шествием аналитизма и во всех ли позициях неаналитические сочетания уступают им место? Ведет ли развитие аналитизма к упрощению синтаксического строя современного русского языка или к его усложнению?

Попытаемся ответить на эти вопросы, рассмотрев основные виды тех отношений, в которые аналитические конструкции вступают с конструкциями неаналитическими⁵ и, соответственно, виды так возникающих синтаксических рядов⁶.

Дом под номером вторым — дом второй — второй номер дома — дом номер второй — дом под номером два — дом номер два — дом два — Петровка два

В этом заголовке приведен полный вид многочленного ряда сочетаний с числовым определителем. Однако возможности лексического наполнения этих конструкций и, следовательно, степень полноты ряда в данном случае непосредственно обусловлены стержневым словом: с одними словами этот ряд полнее, с другими какие-то его члены не заполняются и ряд может сводиться к двучленному. Поэтому в дальнейшем изложении анализ рядов ведется от стержневого слова.

Простейший вид, ядро такой многочленной серии — двучленный ряд типа: *высота триста первая — высота триста один*. Как уже сказано выше, второй член такого ряда — явление развивающееся. Результат активности сочетаний с примыкающим числительным — появление соотношений типа *депо Москва вторая — депо*

⁴ См. об этом: [Янко-Триницкая 1964].

⁵ Как сказано, материалом для статьи послужил язык газеты. О газетном языке как источнике для изучения живых процессов в синтаксисе см. нашу статью: [Шведова 1964а], а также нашу книгу: [Шведова 1966].

⁶ О понятии синтаксического ряда см. нашу книгу: [Шведова 1966а].

Москва два, рейс семьдесят третий — *рейс семьдесят три* и т. п. С существительным *размер* ряд становится трехчленным: *ботинки тридцать восьмого размера* — *ботинки размер тридцать восьмой* — *ботинки размер тридцать восемь*. Показательно, что в словосочетаниях со словом *номер* в значении 'размер' изменяемость сущ. *номер* утрачена и оно всегда примыкает к определяемому имени (см. об этом ниже); ряд двучленен: *ботинки номер сороковой* — *ботинки номер сорок*; во втором члене ряда — двойное примыкание слов, имеющих формы словоизменения⁷.

Многочленный ряд возникает в тех случаях, когда в словосочетание входит существительное *номер* для обозначения порядка при счете. Здесь появляются разнообразные серии — в прямой зависимости от стержневого слова словосочетания. Наиболее разветвленные ряды дают словосочетания со словами *дом, корпус, комната, квартира, палата, вагон* и под. Синтаксический ряд с этими словами может возрастать до восьмичленного. Первоначальный — и наиболее полный — вид: *дом под номером вторым, комната под номером шестым, корпус под номером двадцатым*; это редкая форма, в современном языке возможная, но несущая в себе явный оттенок устарелости и нарочитости; в письменной речи она практически почти не фиксируется; цифровое обозначение при чтении воспроизводится как числительное количественное: *двухэтажный домик под № 136, в комнате под № 13* находится представитель ТАСС; *проходя мимо старинного невысокого дома под номером восемнадцать*. Такое сочетание с примыкающим числительным — второй член ряда. В неофициальной речи возможны третий, четвертый и пятый члены ряда — сочетания типа *дом номер второй*⁸, *второй номер дома* и *дом второй*; в первом случае слово *номер* оказывается неизменяемым: *в доме номер вторым* (см. прим. 7). Однако наиболее распространены как в устной, так и в письменной речи (в последнем случае — в виде цифрового обозначения) два последние по времени возникновения члена ряда: *дом номер два* и *дом два* (*в доме номер два, в доме два, на объекте восемнадцать* и т. д.); это массово употребительные формы, свободно сосуществующие с сочетаниями с согласуемым порядковым числительным, ср.: *корпус 44* — это небольшое двухэтажное здание и там же: *ускорить работу на 44-м корпусе*. Видоизменение ряда, возможность включения в него отдельных сочетаний может зависеть от их вхождения или невхождения в более сложное образование. Так, только в сочетании с названиями улиц могут появляться еще два члена ряда: интонационно сливающиеся с этим названием числительное (*Петровка 38, улица Чкалова 5; еду на Ленинский проспект 77*) или соединение числительного со словом *номер*: *живет на Волоколамском шоссе № 10; переехал на улицу Димитрова № 9*. Активность обоих сочетаний (особенно первого) — очень высока. Числительное в таких сочетаниях сливается с названием улицы в единую номинацию: происходит как бы забвение его первоначальной обязательной отнесенности к слову *дом*;

⁷ О сочетаниях типа *в доме номер восьмым, в вагоне двадцать пятым* в их соотношении с сочетаниями типа *в доме номер восьмой* см.: [Шахматов 1941: 309].

⁸ Ср. в XIX в. сочетания типа: *Баржу № 9-ый разбило* (М. Горький, Фома Гордеев); *Каждый раз, уходя из квартиры номер пятый, он опускал ему в руку два двугривенных* (Боборыкин, На ущербе); Затем в «Русской мысли» появилась «*Палата № 6-ой*» (Короленко, Антон Павлович Чехов).

поэтому оговариваются возможные соединения вроде: *неказистое здание по Ново-Басманной 29* или: *бывали в доме по Рогожскому валу № 13*.

В сочетаниях с названиями улиц намечается следующая ступень аналитизма — «несклоняемость» слова *дом*: *Шалапин жил в Петрограде на Пермской, ныне улице Графтия, дом 2-б* (Лит. газ., 1964 г.); *в Староконюшенном переулке, дом 17*; *перевалился на Смирновскую улицу, дом 5*. Но рядом сохраняется и сочетание со словоизменением: *идет на Большую Грузинскую, в дом 7б*; *на улице Горького, в доме № 19*; *живет на 2-ой Подмосковной, в доме № 4*; *проживает на улице Садовой, в доме 8-А*.

Несклоняемость определяемого существительного в сочетаниях типа (*поеду*) *на Смирновскую улицу дом три* опирается на разговорную речь с ее тенденцией соположения слов в их исходных формах; ср. двучленные ряды, отражающие нормы письменной речи (первое из двух сочетаний) и речи разговорной (второе сочетание): *ботинки 38-го размера — ботинки размер тридцать восемь*; *живет на Пушкинской в доме № 11 — живет Пушкинская дом 11*; *стоит 71 копейку — стоит 71 копейка*.

Показательны примеры из писем лиц, не полностью владеющих литературной нормой: *живет от меня всего 300 метров*; *направили на работу в город Белгород стройуправление № 109*; *мы жили Амурская область, станция Поздеевка* (из писем, присланных в редакцию «Комсомольской правды» молодыми рабочими).

Преимущественное употребление той или иной конструкции там, где оно не определяется стилистическими или позиционными условиями, часто связано с узусом, с привычностью употребления определенного слова в составе именно данной конструкции в языке вообще или в конкретной среде его носителей. Так, в рассмотренном выше типе соотношений слово *палата* преимущественно сочетается с порядковым числительным (*вторая палата*) или с примыкающим соединением со словом *номер* (*палата номер два*); *палата два* возможно, но, по-видимому, далеко не столь частотно, как *дом два*; сочетания с «опущением» слова *палата* (типа «шестой корпус, два») неупотребительны. То же со словом *вагон*: в ряду типа *поезд восьмой, вагон четвертый — вагон под номером четвертым — вагон под номером четыре — вагон номер четвертый — четвертый номер вагона — вагон номер четыре — вагон четыре* сочетания «поезд восьмой четыре», «поезд номер восемь четыре»; «поезд номер восьмой четыре» неупотребительны.

Выше рассматривался полный вид ряда и его вариации, обусловленные факторами лексическими, позиционными и собственно узуальными. Действие этих факторов — совместное и каждого в отдельности — может приводить к созданию рядов, теоретически допускающих полный вид, но практически существующих как укороченные серии. Так, со словами *квартал, микрорайон* не функционируют сочетания типа *квартал* или *микрорайон под номером вторым, квартал под номером два, второй номер квартала*; то же со словом *поезд*. В сочетаниях со словами *приказ, бумага, распоряжение* и под. сохраняются как норма группы за *номером* (*приказ за*

⁹ Ср. очень редкое: Он стал военнопленным за номером 420 (Правда, 1964) или: Заслуги маститого геолога в изучении Арктики Географическое общество СССР отметило Большой золотой медалью за № 4 (Известия, 1965).

номером сто два)⁹ и под номером (распоряжение под номером сто четыре); зато неупотребительны словосочетания вроде приказ сто два, распоряжение сто четыре; в официальной речи с этими словами наиболее употребительно сочетание типа приказ номер два. Со словами школа, училище, больница, магазин, аптека и под: в современном языке синтаксический ряд практически двучленен: седьмая школа — школа номер семь; и та и другая форма свободно употребляются в речи, например: магазин номер семнадцать; дирекция семисотой школы; тридцать девятое профтех-училище; другие сочетания или редки (школа номер седьмой), или вообще исключены («школа два», «школа под [за] номером семь, седьмым»).

В современной речи распространены двоянные цифровые обозначения: квартал 51—52, микрорайон 37—38, гидрозабой № 1—2 и под. Полный вид ряда для этих построений таков: пятьдесят первый — пятьдесят второй квартал — квартал пятьдесят один — пятьдесят два — квартал номер пятьдесят один — пятьдесят два — квартал номер пятьдесят первый — пятьдесят второй — квартал под номером пятьдесят первый — пятьдесят второй — квартал под номером пятьдесят один — пятьдесят два; однако практически чаще всего двоянное обозначение функционирует в составе двучленного ряда: квартал пятьдесят один — пятьдесят два — пятьдесят первый — пятьдесят второй квартал. В то же время установить тенденцию к закреплению той или иной конструкции исходя из современной языковой практики не всегда можно: ср. равноправное функционирование членов ряда: микрорайон под номером 37—38 на Юго-Западе; жилой корпус в 51—52-ом квартале; пятиэтажный дом в квартале 16—73; Колмогоровский гидрозабой № 1—2.

Лишь в одном случае активная и живая конструкция с примыкающим к имени сочетанием «номер + количественное числительное один» не входит в синтаксический ряд и функционирует как фразеологизированное единство с общим значением первостепенности (образцом, по-видимому, послужил военный термин готовность номер один): проблема номер один, новость номер один, вопрос номер один, резерв номер один, обязанность номер один и др.

Итак, возможности употребления аналитических сочетаний с примыкающим числительным в строе определенного синтаксического ряда ограничены лексически (одни слова более отзывчивы на аналитическую сочетаемость, другие — менее), а также позиционно и отчасти узуально. Пока эти ограничения, несомненно, связывают развитие аналитизма и превращают его в несвободное синтаксическое явление. Перспективы снятия этих ограничений, если судить по современному употреблению, неясны; во всяком случае эти перспективы нельзя считать безгранично широкими.

На примере сочетаний с примыкающим числительным можно убедиться, что развитие аналитизма в системе словосочетаний усложняет эту систему: создаются многочленные серии, объединяющие в себе такие образования, которые, по-видимому, лишь на крайних точках ряда могут утрачивать свойства дублетности. Даже если эти ряды постепенно упростятся за счет выпадения малоактивных звеньев, вариативность в них, несомненно, сохранится.

Расстояние, равное двум километрам — расстояние, равное два километра — расстояние протяженностью в два километра — расстояние протяженностью два километра — расстояние в два километра — расстояние два километра

У существительных, не присоединяющих к себе количественные определители при помощи форм *длиной, шириной, высотой, глубиной, протяжением, размером, площадью, емкостью* и под., ряд сочетаний с такими количественными определителями в современном языке четырехчленен. Основной массив здесь составляют построения со стержневыми словами *высота, длина, глубина, ширина, вместимость, емкость, протяженность, расстояние, скорость, грузоподъемность* и под., естественно не принимающие тавтологию в виде творительного падежа этого же слова (**глубина глубиной в 100 м*): *высота, равная ста метрам — высота, равная сто метров — высота в сто метров — высота сто метров; длина, равная трем тысячам миль — длина, равная три тысячи миль — длина в три тысячи миль — длина три тысячи миль; скорость, равная семидесяти км — скорость, равная семьдесят км — скорость в семьдесят км — скорость семьдесят км* и под. Первый и третий член такого ряда — образования полного вида; второй и четвертый — новые активные конструкции, развившиеся под действием аналитизма. В тех случаях, когда стержневое слово (*длина, высота, глубина* и под.) стоит в форме косвенного падежа, ряд может становиться пятичленным: в него входит старая нормативная конструкция типа *на высоте трех тысяч метров, на глубине двух метров, в диапазоне восьмидесяти метров, со скоростью семидесяти километров в час*. Вот некоторые иллюстрации употребления разных входящих в такие ряды конструкций из современной газетной речи: *расстояние в три метра; на расстоянии в полтора метра от скважины; глубина в две тысячи метров; лифт поднимает грузы на высоту в 22 этажа; давление равно глубине в 30 метров; плотина поднимается на высоту двести шестнадцать метров; корабль идет со скоростью 75 километров в час; на высоте девять тысяч метров; затажные прыжки с высоты двух тысяч метров; «Восток» расположен на высоте трех с половиной тысяч метров над уровнем моря.*

Аналогично могут строиться четырехчленные ряды с существительными других значений, например: *жирность молока, равная четырем процентам — жирность, равная четыре процента — жирность в четыре процента — жирность четыре процента.*

Если существительное, обозначающее измеряемый предмет, может присоединять к себе количественный определитель при помощи форм *площадью, длиной, глубиной, высотой, величиной, шириной, протяженностью* и под., то синтаксический ряд становится шестичленным: он принимает тот вид, который приведен в заголовке настоящего подраздела: *дистанция, равная четыреста метрам — дистанция, равная четыреста метров — дистанция протяженностью в четыреста метров — дистанция протяженностью четыреста метров — дистанция в четыреста метров — дистанция четыреста метров*¹⁰. Первый, третий и пятый члены ряда (*дистанция,*

¹⁰ При переносном значении стержневого слова синтаксический ряд укорачивается за счет выпадения из него аналитических сочетаний, ср.: *Дорога длиною в четырнадцать туров* отделяет

равная четыремстам метрам — протяженностью в 400 метров — в 400 метров) — построения полного вида, из которых в современном языке самым употребительным является последнее; первое — принадлежность сугубо официальной речи; сочетание с формой творительного падежа остается нейтральным и широко употребительным. Что касается второго, четвертого и шестого членов ряда (*дистанция, равная четыреста метров — протяженностью четыреста метров — дистанция четыреста метров*), то все они — новые, появившиеся в результате нереализации предложно-падежной формы количественного числительного. Из этих сочетаний первое (*дистанция, равная четыреста метров*) свойственно только говорению (см. выше о сочетаниях типа *высота, равная сто метров*), а два последние широко употребительны в публицистической речи. Вот некоторые иллюстрации употребления разных конструкций этого шестичленного ряда: *дистанция протяжением в один километр; лыжня длиной в 800 м; пойма в двести метров шириной; акватория площадью в миллион гектаров; платформа длиной 22 метра; маршрут протяженностью 2229 км; автопоезд грузоподъемностью 120 тонн; трубы диаметром 1400 мм; складское помещение размером 300 м; двор восемнадцать метров шириной и тридцать шесть метров длиной; междурядья в 90 см; расстояние в 28 км; на площади 102 гектара посеяли кукурузу; дистанция 1000 метров; расстояние 5700 км; на трассе 4,5 км. Ср. в одном контексте: на волну в 21 сантиметр и на волне 21 сантиметр (газ., 1964 г.).*

Ряды, включающие в себя сочетания со словоформами *емкостью, мощностью, грузоподъемностью, калибром*, укорочены вследствие невхождения в них построений со словом *равный* и ограниченностью употребления конструкций с собственно предлогом. Обычный вид такого ряда: *автопоезд грузоподъемностью в 120 тонн — автопоезд грузоподъемностью 120 тонн; контактная система мощностью в тысячу тонн — контактная система мощностью тысячу / тысяча тонн; бутылки емкостью в 10 литров — бутылки емкостью 10 литров; часы калибром в 12 мм — часы калибром 12 мм*. Беспредложные сочетания широко употребительны, например: *холодильник емкостью 12 тысяч тонн; часы наручные калибром 12 мм; миксер емкостью 1600 тонн*. Ср. в одном контексте: *реактор мощностью в 100 тысяч киловатт и атомная станция мощностью 100 мегаватт (газ.)*. Сочетания типа *автопоезд 120 тонн, реактор 300 тысяч киловатт, холодильник 17 тысяч тонн* в газетных текстах не отмечены.

С отдельными лексемами, выступающими в роли стержневых слов, наблюдаются видоизменения рядов. Так, с существительными, называющими нечто, что может быть получасом периодически или из разных источников, в синтаксический ряд входят сочетания с *по*. Ряд приобретает следующий вид: *урожай, равный тридцати центнерам с гектара — урожай, равный тридцать центнеров с гектара — урожай по 30 центнеров — урожай в 30 центнеров — урожай 30 центнеров; прибавка, равная четырем центнерам — прибавка, равная четыре центнера — прибавка по четыре центнера — прибавка в четыре центнера — прибавка четыре центнера*. Три

сильнейших ватерполистов страны от старта чемпионата (газ.) (сочетание «дорога, равная четырнадцать туров» или «дорога четырнадцать туров» невозможно); в Москве очереди за пианино *вытянулись длиной в пять лет* (Лит. газ., 1964 г.),

последних члена ряда могут функционировать как полные дублеты, ср.: в первый год получен урожай гороха 25,8 центнера с гектара, а второй год — пшеницы по 35,4 центнера с гектара (газ.); беспредложная конструкция активно употребляется: внесение удобрений дает прибавку четыре-пять центнеров зерна с га; урожай 17 центнеров с га; тонна удобрений дает прибавку зерна две-три тонны и под.

Со словами, называющими то, что исчисляется денежно (убыток, сумма, долг, пенсия и под.), в ряд входит сочетание с группой *в размере, в количестве, в объеме*; при словах *долг, убыток, пенсия* — в сумме: *убыток, равный тысяче рублей* — *убыток, равный тысяча рублей* — *убыток в размере (в сумме, в количестве) тысячи рублей* — *убыток в размере (в сумме, в количестве) тысяча рублей* — *убыток в тысячу рублей* — *убыток тысяча рублей*. Вот некоторые примеры: *долг 485 р. погасил за счет совхоза; завод понес убытки в десятки тысяч рублей; пенсия в размере 88 рублей*. Со словом *скидка* в этом ряду место сочетания с «в + вин. пад.» занимает сочетание с «на + вин. пад.»: *скидка, равная десяти процентам* — *скидка, равная десять процентов* — *скидка в размере десяти процентов* — *скидка в размере десять процентов* — *скидка на десять процентов* — *скидка десять процентов*.

Со словами *крен, наклон* в ряд входит как конструкция с «на + вин. пад.», так и с «в + вин. пад.» (конструкция с группой *в размере* из этого ряда выпадает): *крен, равный пятидесяти градусам* — *крен, равный пятьдесят градусов* — *крен на 50°* — *крен в 50°* — *крен 50°*.

Наряду с многочленными, функционируют двучленные ряды, возникающие в результате примыкания количественного определителя:

1) Словосочетания с «на + вин. пад.» — беспредложные словосочетания с примыкающим количественно-именным сочетанием: *бег на 100 метров* — *бег 100 метров*; *кросс на 800 метров* — *кросс 800 метров*, например: *в беге на 5000 м порадовал молодой стайер; бежала кросс 500 метров*.

2) Словосочетания с «в + вин. пад.» — беспредложные словосочетания: *комната в 20 м* — *комната 20 м*; *мороз в 40°* — *мороз 40°*.

Наконец, сочетания с примыкающим количественным определителем могут не входить ни в какой ряд; это новообразования типа: *передача на волне 70, 09 метра*, *автомобиль класса 350 куб. см* и нек. др.

В особые ряды входят сочетания со сложным количественным компонентом «от + род. п. — до + род. пад.»: *площадь от ста до ста двадцати метров* — *площадь в 100—120 м* — *площадь 100—120 м*; *мощность от 5 до 16 тысяч киловатт* — *мощность в 5—16 тысяч киловатт* — *мощность 5—16 тысяч киловатт* и под. Значение таких конструкций хорошо передается сочетанием с группой *в диапазоне*: *штрафы накладываются в диапазоне от 5 до 25 рублей (газ.)*. В зависимости от стержневого слова такой ряд может быть четырехчленным, трехчленным и двучленным. Четырехчленные ряды: *участок размером от десяти до двадцати га* — *участок от десяти до двадцати га* — *участок в десять* — *двадцать га* — *участок десять* — *двадцать га*; *ветер силой от одного до трех баллов* — *ветер от одного до трех баллов* — *ветер в один* — *три балла* — *ветер один* — *три балла*; *дети в возрасте от 10 до 15 лет* — *дети в возрасте 10—15 лет* — *дети от 10 до 15 лет* — *дети 10—15 лет*. Трехчленные ряды: *морозы от 35 до 40 градусов* — *морозы в 35—40 градусов* — *моро-*

зы 35—40 градусов; на глубине от 130 до 140 м — на глубине в 130—140 м — на глубине 130—140 м; крутизна от 50 до 55 градусов — крутизна в 50—55 градусов — крутизна 50—55 градусов; температура от 60 до 100° — температура в 60—100° — температура 60—100°; глубины от 300 до 800 м — глубины в 300—800 м — глубины 300—800 м; длина от трех до пяти автомашин — длина в три — десять см — длина три — десять см; стоянка от трех до пяти автомашин — стоянка трех — пяти автомашин — стоянка для трех-пяти автомашин и др. Д в у ч л е н ы е р я д ы: стипендия в размере от 19 до 55 р. — стипендия в размере 19—55 р.; срок от трех до шести месяцев — срок три-шесть месяцев.

Со словами *цена, стоимость* беспредложные словосочетания (типа *цена 70—140 рублей*) не отмечены: требованием точности и однозначности обозначения определяется употребление только конструкций с предлогами: *стоимость коммуникаций от 30 до 70 процентов* общей стоимости строительства; *цена от 70 до 140 рублей*. Однако эта конструкция может вступать в отношения функционально-смысловой соотносительности с именными словосочетаниями с предлогом *за*, ср.: *обувь ценой от 8 до 12 рублей — обувь за 8—12 рублей*.

Итак, система сочетаний с количественными определителями, так же как и сочетаний с числовыми определителями, в современном языке значительно усложняется. Как видно, разные виды сочетаний здесь почти не расходятся функционально; но ограничения, идущие от стержневого слова, очевидны. Кроме того, на полюсах ряда сохраняется стилистическое расхождение аналитических и неаналитических сочетаний, аналогичное тем, которые были отмечены для сочетаний с числовыми определителями.

Поединок «Водника» и «Локомотива» — поединок между «Водником» и «Локомотивом» — поединок «Водника» с «Локомотивом» — поединок «Водник» — «Локомотив»

Именные конструкции со вторым компонентом — соединением слов, объединенных отношением связи, контактирования, выстраиваются в разнообразные двучленные и многочленные синтаксические ряды. В функционировании отдельных членов этих рядов особенно ярко обнаруживаются ограничения, идущие, с одной стороны, от лексики, т. е. непосредственно от стержневого слова словосочетания, и, с другой стороны, от позиции, т. е. от функции словосочетания, от его места в строе предложения, от его связи с другими компонентами предложения.

1. Большой активностью отличаются в современном языке сочетания со вторым компонентом, обозначающим собственно взаимодействие, контактирование; это ряд типа приведенного в заголовке настоящего подраздела. В составе второго компонента могут быть как существительные неодушевленные, так и одушевленные: *встреча Спасского и Штейна — встреча между Спасским и Штейном — встреча Спасского со Штейном — встреча Спасский — Штейн*. Полный вид ряда — четырехчленный — выступает в сочетаниях со стержневыми словами, называющими различные виды обоюдного контактирования: *переговоры, встреча, поединок, приглашение, дружба, разговор* и под. Построения с примыкающими номинативами

строго ограничены позиционными условиями: они активны лишь в случае нераспространенности слов, сочетающихся в составе зависимого компонента: *диалог Бонн — Париж, поединок «Труд» — «Динамо», встреча Эрхард — де Голль, заговор Лондон — Солсбери* и под. Однако это не значит, что при тех же условиях исключены другие конструкции; напротив, сочетания типа *поединок «Труда» и «Динамо», встреча Л. Штейна с Б. Спасским, переговоры между Эрхардом и де Голлем* или *переговоры де Голля с Эрхардом* совершенно обычны и широко употребительны; в сугубо официальной, дипломатической речи они не уступают места аналитическим сочетаниям, ср.: *соглашение о сотрудничестве между СССР и США* в области опреснения соленых вод (газ.).

Со словом *матч* синтаксический ряд существует как трехчленный: *матч между ЦСКА и «Спартаком» — матч ЦСКА и «Спартак» — матч ЦСКА — «Спартак»*. Наибольшая активность характерна здесь для сочетаний с примыкающими номинативами: *итоги шахматного матча Москва — Ленинград; матчем РСФСР — Великобритания* закончился легкоатлетический сезон; *тройной матч РСФСР — Польша — ГДР; матчи Т. Затуловская — М. Раннику и А. Кушнир — В. Козловская* и под. Однако конструкции с родительным падежом и с «*между + твор. пад.*» фиксируются рядом как равнозначные и равноправные: *за час до хоккейного матча сборных команд СССР и Швеции; сегодня матч сборных СССР и Уругвая; во время матча сборной Европы со сборной Скандинавии; матчи 28 ноября ЦСКА — «Крылья Советов», 1 декабря между ЦСКА и «Спартаком», 5 декабря «Динамо» — «Спартак»; матч между сборными Швеции и СССР; во время матча на первенство Италии между «Фиорентиной» и «Моденой». Сюда же: центральная встреча тура Смыслов — Ларсен.*

Со словом *партия* в значении «игра» (обычно шахматная) теоретически возможны неаналитические построения; однако практически сейчас употребляется аналитическая конструкция: *партия Спасский — Штейн, в партии Симагин — Зайцев, партии Ли (Англия) — Бойкович (Югославия) и Цвайг (Норвегия) — Адамски (Польша).*

При распространенности сочетающихся в составе зависимого компонента слов нормальны неаналитические сочетания: *встреча чемпионки мира Н. Гаприндашвили с А. Чайковской; футбольный матч между командами Перу и Аргентины; ср. там же: матч Перу — Аргентина; встреча между гостящими здесь советскими волейболистами и китайскими мастерами мяча.*

Перечисленными словами в роли стержневых слов соответствующих словосочетаний почти исчерпываются возможности функционирования конструкций с примыкающими определителями со значением контактирования, связи. Для многих лексем, входящих в ту же семантическую группу, такая сочетаемость не характерна: *отношения Венгрии и Румынии — между Венгрией и Румынией — Венгрии с Румынией*, но не «отношения Венгрия — Румыния»; *экономические связи между ФРГ и СССР — ФРГ и СССР — ФРГ с СССР*, но не «экономические связи ФРГ — СССР»; *торговый оборот между СССР и Швецией*, но не «торговый оборот СССР — Швеция». Однако нет оснований утверждать, что ряд слов, принимающих примыкающие номинативы, в дальнейшем не будет пополняться.

2. Другую большую группу составляют словосочетания, компоненты которых объединены значением пространственной связи. Большую роль в возможностях

группировки конструкций в синтаксические ряды здесь также играют конкретные слова, организующие словосочетание. Предлагаемые ниже перечни таких слов, естественно не могут считаться исчерпывающими. В словосочетаниях с такими компонентами входят в качестве стержневых слова: *маршрут, линия, рейс, путь, участок, перегон, трасса, магистраль, канал, дистанция* и под. Конструкции с этими словами образуют ряды типа: *автомагистраль между Москвой и Симферополем — автомагистраль из Москвы в Симферополь — автомагистраль от Москвы до Симферополя — автомагистраль Москва — Симферополь*. Последний член ряда — самый частотный. Виды рядов варьируются в непосредственной зависимости от стержневого слова словосочетания.

а) Наиболее полный вид ряда — пятичленный — выступает в словосочетаниях со словами *магистраль, линия, трасса, дорога, канал, газопровод*: *трасса Москва — Воронеж — трасса между Москвой и Воронежем — трасса из Москвы в Воронеж — трасса от Москвы до Воронежа — трасса от Москвы к Воронежу*. Предложные конструкции в современном употреблении отмечаются редко: *строительство трамвайной линии от города Волжского до химкомбината; построить монорельсовую дорогу от ВДНХ к Клязьминскому водохранилищу; канал от Дальнего к Дону*. Аналитическая конструкция явно преобладает: *новая линия Пирогово — Хлебниково; железнодорожная линия Ачинск — Абалаково; газопровод материк — остров Жидой; газопровод Бухара — Урал, на линии Москва — Норильск, авиалиния Москва — Алжир; канал Иртыш — Караганда* и под. Особенно активно функционирование таких построений в заголовочной функции. Ср. характерное соседство однозначных, но по форме различных конструкций в заголовке и в следующем за ним тексте статьи: *Воздушный мост Москва — Тегеран* и *Завтра открывается прямое воздушное сообщение между Москвой и Тегераном*.

б) Трехчленный ряд типа: *участок железной дороги Сухиничи — Брянск — участок между Сухиничи и Брянском — участок от Сухиничи до Брянска* характерен для сочетаний со словами *дистанция, участок, этап, перегон, лесополоса*. Первый вид становится основным членом ряда: *воздушная дистанция Париж — Москва — Волгоград; государственная лесополоса Волгоград — Камышин; на перегоне Кунцево — Одиново; на участке Девятая линия — мост; девятнадцатый этап велогонки Либерец — Пардубице*; сюда же относятся надписи на трамваях, троллейбусах, автобусах, маршрутных такси, называющие конечные пункты маршрута: *площадь Пушкина — улица «Правды», Театральная площадь — Курский вокзал* и под.

в) Трехчленный ряд типа: *рейс Москва — Владивосток — рейс из Москвы во Владивосток — рейс от Москвы до Владивостока*¹¹ образуется словосочетаниями со стержневыми словами *маршрут, рейс, проезд, полет, путешествие, путь*, а также *поезд, билет*. Построения с *из—в* в газетной речи отмечаются сравнительно редко¹²; по-

¹¹ Последний вид существует как вариативный: *от—до, из—до, с—до (путь от Москвы до Уфы, путь из Москвы до Уфы, путь с линии фронта до Ташкента)*. — Комс. правда, 11 дек. 1963 г.

¹² Эта (или другая неаналитическая конструкция) единственно возможна в случаях типа *потерялись они на пути из Нерехты в Могилев* (Комс. правда, 30 окт. 1964 г.), где пространственное значение неотделимо от временного.

лет из Антарктиды в Москву, рейс из Москвы в Горький. Конструкция с *от*—до употребительна преимущественно со словами *путь, рейс, проезд, поезд, билет*: *билет от Москвы до Хабаровска, стоимость проезда от ст. Бакалы до ст. Туймазы*. Сочетания с примыкающим определителем при словах *маршрут, полет, путешествие, поезд* характеризуются массовой употребительностью: *экскурсионный маршрут Ковров — Горький; экскурсия по маршруту Луговая — Мещериха — озеро Круглое; такси на маршруте Пушкинская площадь — комбинат «Правда»; в поезде Таллин — Рига; поезд Рим — Неаполь; пробный полет Москва — Багдад* и под. При многочленности зависимого компонента аналитическая конструкция в газетной речи практически стала сейчас единственно употребительной: *путешествие Ленинград — Закарпатье — Молдавия — Украина — Ленинград*, ср. ироническое *совершил пеший переход по маршруту: горсовет — горком профсоюза — редакция городской газеты — депутат облсовета — отделение милиции — прокуратура — народный суд* (Правда, 1963 г.).

В независимой позиции — в заголовках — сейчас широко распространено самостоятельное функционирование сочетаний номинативов в функции собственно называния: *Внуково — Шереметьево* (о линии маршрутного такси); *Томск — Москва — Томск; Карачи — Москва — Лондон* (о прямом воздушном сообщении). Однако в той же функции нередки и предложно-падежные группы, например: *От Калининской до Кунцева* (о новой линии метрополитена); *С Дуная на Лему* (о водном пути кораблей); *От лаборатории до завода; От Нарвских до Бранденбургских* (Правда, 1964 г.).

3. По-видимому, новой можно считать аналитическую конструкцию в рядах словосочетаний с собственно временным значением типа: *период от мая (с мая) до октября — период с мая по октябрь — период май — октябрь*; например: «Морского змея» чаще всего удавалось наблюдать в северном полушарии в *период май — сентябрь*, а в южном — *октябрь — март* (Комс. правда, 1964 г.). Такие построения в письменной речи фиксируются сравнительно редко. Чаще отмечаются подобные словосочетания со значением временной последовательности, в ряде случаев накладывающимся на значение пространственное; это как правило сочетания с многочленным зависимым компонентом, интонационно отделяемым от стержневого слова, например: в принципе существует некая классическая *схема внедрения: Академия наук — отраслевые институты — производство* (Сов. Россия, 1964 г.); *Формула «знание — убеждение — поступок»*, разумеется, решается в школе всей воспитательной работой (Комс. правда, 1964 г.); связь науки с производством осуществляется *через цепочку «исследование — пропаганда — внедрение»*. В заголовочной функции сейчас распространяется изолированное употребление зависимых групп со значением временной последовательности: *Завод — вагон — автомашина — поле* (об опыте железнодорожников в организации перевозок удобрений); *Мальчик — мужчина — отец; Фабрика — магазин — покупатель* и под. Аналогично функционируют предложно-падежные группы: *От проекта до объекта; От лаборатории к производству* (ср.: *путь от лаборатории к производству*); *От пробирки до производства; От молекулярной биологии до селекции*.

4. Синтаксический ряд словосочетаний, зависимый компонент которых выражает собственно соединительные отношения, двучленен; в примыкающей части соединяются как правило имена собственные: *спортсменки Синикина и Бизак —*

наши спортсменки Синикина — Бизак; нападающие Юрзинов и Петухов — нападающие Юрзинов — Петухов; тбилисский дуэт: Нона и Нана — тбилисский дуэт Нона — Нана. В современной газетной речи здесь все более распространяется второй член ряда — сочетания с бессоюзным примыкающим определителем, двучленным и трехчленным: все взоры обращены к паре СССР — Швеция; спор между парами фигуристов Белоусова — Протопопов и Боймлер — Килиус; включить в сборную новую тройку — Л. Волков — Дроздов — Фирсов; гротескный триумvirат Спасский — Холмов — Штейн. Эта активная конструкция распространяет свое действие в четырех направлениях: во-первых, на примыкающие соединения, включающие имена с неличным значением: Воспитательная работа в коллективе вертится вокруг одной оси: производственный план — дисциплина — учеба; в цепочке «подросток — семья — завод» не должно быть пропущенных звеньев; во-вторых, на непримыкающие зависимые компоненты: Это касается динамовских нападающих Юрзинова — Петухова — Ю. Волкова; эти деятели продолжают придерживаться «жесткой линии» Аде-науэра — Штрауса; в-третьих, на согласуемые порядковые определители: матч за третье-четвертое места; обувь 7—8-й полноты; в седьмом-десятом классах; соревнующиеся поделили первое-второе места; в-четвертых, наконец, об активности этой конструкции свидетельствуют случаи бессоюзной связи двух зависимых компонентов в словосочетаниях с неопределительным значением: в июне-июле 1941 года; весной-летом 1945 года.

Соединение номинативов при собственно соединительных отношениях возможно и в самостоятельном употреблении — в собственно называющей функции: магазин «Вино — фрукты»; магазин «Спорт — охота»; книжно-иллюстративная выставка «Дания — Норвегия — Швеция»; аппарат «сердце — легкое»; система Земля — Луна.

Соединения описанного в четвертой группе типа опираются на живую тенденцию разговорной речи к бессоюзным соединениям там, где нормой письменной речи является соединительный союз (ребенку год два месяца; ждем уже час двадцать минут и т. п.).

5. Активностью аналитических сочетаний объясняется появление таких бессоюзных соединений, между членами которых устанавливается связь недифференцированного характера. Эта недифференцированность, диффузность общего значения связи выводит такие соединения за пределы синтаксического ряда: они не имеют функционально-смысловых соответствий в системе союзных или предложных соединений. Так, комплексное, недифференцированное значение контактирования обнаруживается в соединениях типа гастроли Милан — Москва (о гастрольях Миланской оперы в Москве и Московской — в Милане), общество «Италия — СССР» и под.

Для характеристики развития комплексных значений в бессоюзных и беспредложных соединениях собственных имен показательное развитие сочетаний со словом район: район Черницыно — Гольяново, район Волхонка — ЗИЛ, район Химки — Ховрино — с зависимой частью либо примыкающей (в районе Черницыно — Гольяново), либо реализующей свойства словоизменения (в районе Волхонки — ЗИЛа — Веч. Москва, 1963). Определяющий компонент здесь обозначает как пункты, между

которыми расположен район, так и весь район, включающий в себя эти пункты. Именно эта недифференцированность значения вводит такие определители в систему самостоятельных номинаций, равных слову: в *Химках*—*Ховрине*, в *Хорошеве*—*Мневниках*, в *Филях*—*Мазилове* и под.

Таким образом, круг сочетаний с примыкающим определителем разнообразен, но для всех их видов существенна одна общая черта: нераспространенность слов, сочетающихся бессоюзной и беспредложной связью в составе зависимого компонента словосочетания. Эти сочетания входят в синтаксические ряды и взаимодействуют с другими видами сочетаний: обнаруживаются расхождения в таких взаимодействиях: позиционные, лексические и — на полюсах ряда — стилистические. Аналитические сочетания — явление новое и активное; однако говорить о вытеснении ими других членов синтаксического ряда нельзя, так как для всех этих новых сочетаний характерна ярко выраженная несвободность — черта, или совсем несвойственная или свойственная в очень малой степени конструкциям с падежными связями.

В истории синтаксического строя русского языка отмечено много случаев развития несвободности сочетаний. Возможность функционирования рассмотренных выше несвободных конструкций с примыкающим неоднословным определителем находится в непосредственной зависимости от значения того слова, которое выступает в роли главного компонента словосочетания. Это значит, что в данном случае живое и очень активное построение не находит опоры в строгом грамматическом правиле. Явление это значительно усложняет систему действующих в языке синтаксических рядов и самим своим существованием говорит об односторонности утверждения, согласно которому в русском языке доминирует тенденция к развитию аналитического строя.

1966 г.

КАТЕГОРИАЛЬНЫЕ СВОЙСТВА СЛОВА НА СЛУЖБЕ ЕГО СИНТАКСИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ¹

1. Общеизвестна сложность проблемы синтаксических связей и отношений, возникающих на основе этих связей. Литература вопроса огромна. Общий обзор ее был предложен А. Е. Михневичем [1968]. Из работ последних лет, несомненно содействующих дальнейшему продвижению в разработке этих проблем, следует прежде всего назвать работы К. Гаузенбласа, Я. Оравца, Д. Копечного, Д. Станишевой, Ю. Д. Апресяна и некот. др.

¹ Настоящая статья является кратким изложением тех общих принципов, которые легли в основу описания подчинительных связей слов в Грамматике современного русского литературного языка [Грамматика 1970]. См.: [Основы построения описательной грамматики 1966]. Естественно, что в процессе работы над *Грамматикой* многие положения, изложенные в этом проспекте, были уточнены, а некоторые и пересмотрены.

Обычно вопросы синтаксических связей, «валентностной структуры» или «интенции» рассматриваются на материале глагольного слова. Это и понятно, так как связи, идущие от глагола, в наших языках наиболее разнообразны. Однако вопрос о синтаксических связях и о возникающих при этом отношениях в собственно теоретическом плане должен решаться по отношению к знаменательному слову вообще. Здесь должны быть выявлены какие-то общие закономерности, выработана непротиворечивая система понятий и терминов.

Прежде всего, нужно хотя бы предварительно ответить на вопрос, что понимается под синтаксической подчинительной связью. Здесь, в самом общем виде, намечились две тенденции. Одни называют подчинительной связью любую связь двух словоформ, обнаруживающуюся в синтагматической цепи. Какому бы синтаксическому соединению (конструкции) ни принадлежала эта связь и какие бы отношения ею ни выражались, внешняя соединенность словоформ (как правило, двух, реже — трех) оказывается достаточной для того, чтобы говорить о наличии в этом случае подчинительной связи. Другие исследователи полагают, что под термином «подчинительная связь слов» часто неправомерно объединяются явления внутренне различные, и пытаются разграничить эти явления. Отсюда и введение новых терминов, далеко не всегда удачных, но предназначенных показать эти различия.

О каких же различиях идет речь? Обильный материал из разных славянских языков, введенный в последнее время в научный оборот в названных выше и многих других исследованиях, убедительно показывает, что под термином «синтаксическая связь слов» часто недифференцированно объединяются два разных явления: во-первых, связи, predeterminedенные собственно словом как языковой единицей, его собственными внутренними свойствами, и, во-вторых, связи, predeterminedенные синтаксической позицией слова, его местом и ролью в предложении. Связи первого вида, когда слово само по себе, независимо от своего возможного места и роли в составе предложения, на уровне словаря, выступает как единица, главенствующая в элементарном соединении, можно назвать подчинительными связями. Связи второго вида, когда то или иное соединение predeterminedенно не внутренними свойствами самого слова, а его синтаксической позицией, тем местом, которое оно занимает в предложении, и той ролью, которую оно играет в его организации, вряд ли следует называть подчинительными связями. Конечно, дело не в названии. Но принципиально важно противопоставить эти два вида связей и показать, что к синтаксической связи, так же, как и к любому другому грамматическому явлению, нужно подходить не только с мерилom линейной устроенности, чисто внешней организации (наличие зависимости и формальное выражение этой зависимости), но с мерилom всей полноты грамматических характеристик, т. е. учитывающая также: факторы, predeterminedяющие связь; отношения, возникающие в результате этой связи; получаемую единицу; ее формoизменение; ее вхождение в ту или другую систему отношений с другими единицами; круг ее функций. Приняв противопоставление связей, predeterminedенных собственно словом, и связей, predeterminedенных синтаксической позицией и ролью слова в предложении, мы долж-

ны будем далее показать внешний характер совпадения этих связей и их внутреннее различие.

2. Подчинительная связь имеет формальное выражение и значимую сторону. Формальное выражение — это или согласование по формам (форме), или постановка зависимого имени в определенном, требуемом падеже, или такое соединение, когда признаком связи оказывается простое присоединение (соположение) неизменяемого слова (включая здесь в понятие неизменяемого слова также компаратив, деепричастие и инфинитив) и сама его неизменяемость. За этими разными формальными выражениями зависимости стоит определенный круг абстрактных значений (отношений), объединенных тем, что все они являются непредикативными отношениями. В самом общем виде, без учета возможностей, во-первых, выделения более частных значений внутри более общих, и во-вторых, контаминации значений, эти отношения могут быть представлены в следующем виде: 1) *отношения объектные, которые* характеризуются: а) обратимостью «правой интенции» в «левую интенцию» при помощи тех же лексем или их конверсивов (собственно конверсивы и конверсивы «результативания»); сюда же относятся все случаи, когда обратимость по тем или иным причинам отсутствует, однако налицо аналоги таких отношений, подтверждаемые разложением главенствующих слов на идентичные дифференциальные элементы значений; б) соотносительностью — формальной и /или смысловой — словообразовательной структуры слова с показателем предложной связи; 2) *отношения восполняющие и е (комплетивные)*, возникающие при связи, предопределенной информативной недостаточностью слова (см. ниже п. 4); «правая интенция» при этих отношениях не обращается в «левую интенцию»; 3) *отношения атрибутивные или определительные*: качественно характеризующие, субъектно характеризующие и обстоятельственно характеризующие (подробную характеристику всех этих отношений и рассмотрение их формальных показателей см. ниже, п.п. 4—7). Определение той или иной подчинительной связи обязательно должно включать в себя оба момента: формальный, т. е. выражение зависимости, и смысловой, т. е. характер возникающих отношений.

3. Подчинительные связи слов (слова и словоформы) для своего изучения и разграничения не нуждаются в предложении. Независимо от роли и места в предложении знаменательное слово как представитель класса (части речи), а также и подкласса — грамматического и /или семантического — обладает определенной суммой качеств, предопределяющих его валентность. Назовем эти качества *категориальными свойствами слова*. Категориальные свойства слова представляют собой единство трех составляющих: 1) принадлежность слова к определенному грамматическому классу — части речи (глагол, существительное, прилагательное, наречие, компаратив, местоимение-существительное, числительное-существительное); 2) частное грамматическое значение слова и /или его словообразовательное значение (переходность / непереходность глагола, на морфологическом уровне объективированная в системе причастий; возвратность; одушевленность /неодушевленность; словообразовательная структура слова, в первую очередь — отношения производности со словами других классов и характер пре-

фиксального и префиксально-постфиксального аффиксов и некот. др.); 3) принадлежность к определенной семантической группе внутри своего класса.

Подчинительная связь слова предопределяется и определяется категориальными свойствами слова в названном их комплексе. Однако не каждый из названных компонентов этих свойств во всех случаях релевантен для возникновения той или иной связи: первый компонент — принадлежность к самому общему грамматическому классу и соответствующее частеречное значение — всегда «работает на связь»; со вторым компонентом дело обстоит иначе: слово может быть лишено релевантных для характера связи специальных, частных грамматических значений и / или словообразовательных характеристик; третий компонент присутствует в каждом слове, но для характера связи он также может быть иррелевантен (ср., напр., связь согласования, универсально распространяющуюся на любое существительное).

Отсюда все три компонента категориальных свойств слов далеко не всегда действуют совместно. Обычны случаи, когда предопределяющими ту или иную связь оказываются не все три компонента, а два или даже один. Из всех перечисленных факторов, в сумме составляющих категориальные свойства слова, для подчинительной связи всегда обязательно действие первого фактора; действие же второго и третьего — возможно, но не обязательно: подчинительная связь может образоваться и без их участия. Разными действиями названных трех компонентов категориальных свойств слова предопределяются разные подчинительные связи слов, а также сила или слабость связи (см. п. 5).

4. Прежде чем перейти к рассмотрению вопроса о сильной и слабой связи, необходимо определить понятие «информативной достаточности и информативной недостаточности слова». Напомним, что речь идет, во-первых, о словах знаменательных частей речи; во-вторых, фразеологизмы, имеющие свою собственную валентность, рассматриваются как слова и ни при каких условиях не разлагаются; в-третьих, разные значения слова, различающиеся своей валентностью, в аспекте связей рассматриваются как разные слова.

Информативно недостаточными будем называть знаменательные слова абстрактных значений, семантическое качество которых таково, что их абсолютное употребление в минимальном изолированном контексте может быть только окказиональным (случай опоры на конситуацию, а также эллипсис в расчет, следовательно, не принимаются, как они и вообще не должны приниматься во внимание при изучении подчинительных связей). Информативно недостаточными могут быть существительные (включая количественные числительные), глаголы и некот. наречия (вопрос об информативно недостаточных предикативах здесь не рассматривается, так как он относится не столько к подчинительным связям, сколько к связям, возникающим в предложении). Все такие слова подаются полным перечням; в настоящем кратком изложении задача дать такие перечни слов, естественно, не ставится и отдельные слова приводятся как иллюстрации.

Из существительных это: 1) слова, называющие количество — количественные числительные, существительные с собственно количественным зна-

чением и со значением точной меры, всегда сочетающиеся с родит. падежом; 2) существительные *род, вид* в знач. 'нечто вроде', всегда сочетающиеся с родит. пад.; 3) существительные (*не*) *дурак, охотник, зверь* 'о том, кто понимает толк, любит, умеет'; *мастер, искусник, мастак* 'о том, кто хорошо умеет', всегда сочетающиеся с инфинитивом или также с некоторыми строго требуемыми предложно-падежными формами; 4) существительные *вещь, дело, штука* в указательном (местоименном) значении, всегда требующие согласуемого слова.

Из глаголов информативно недостаточны следующие: 1) так называемые полужнаменательные глаголы со значением обнаружения, выявления, становления, перехода из одного состояния в другое: *быть* (не в бытийном значении), *состоять, являться, стать, сделаться, оставаться* и под., всегда сочетающиеся с творит. пад., а также с некот. др. формами (см. ниже); 2) глаголы *казаться, выглядеть, считаться, слыть* и под., сочетающиеся с творит. пад. и с некот. др. формами (см. ниже); 3) глаголы со значением обнаружения состояния: *веять, дышать, отдавать, нести* и под., всегда сочетающиеся с творит. пад.; 4) глаголы со значением ложного восприятия или представления: *выдать (кого-что), принять (кого-что), сойти* и под., всегда сочетающиеся с «за + винит. пад.»; 5) глагол *восходить* в знач. «происходить», всегда сочетающийся с «к + дател. пад.»; 6) глаголы *приняться, взяться* в знач. 'непосредственно и энергично приступить к каким-л. действиям', всегда сочетающиеся с «за + винит. пад.»; 7) глаголы со значением вступления или перехода в состояние: *превратиться, преобразоваться, перейти, поступить, угодить* и под., всегда сочетающиеся с «в + винит. пад.» или «на + винит. пад.», а некоторые из них — также и с другими формами (см. ниже); 8) глагол *нуждаться* в знач. 'испытывать необходимость в чем-н.', всегда сочетающийся с «в + предложн. пад.»; 9) глаголы со знач. отношения, обращения к кому-чему-н., контактирования: *относиться, обратиться, прибегнуть, приступить* и под., всегда сочетающиеся с «к + дател. пад.»; 10) глаголы со знач. направленного действия: *обойтись, поступить* и под., всегда сочетающиеся с «с + творит. пад.»; 11) глаголы со знач. внутреннего состояния или обнаружения этого состояния: *заключаться, проявляться, состоять* и под., всегда сочетающиеся с «в + предложн. пад.»; 12) глаголы *свести, свестись* ('довести до чего-н. малого, несущественного', 'закончившись, выразиться в чем-н. малом, незначительном'), всегда сочетающиеся с «к + дател. пад.»; 13) модальные глаголы *мочь, уметь, умудриться* и под., всегда сочетающиеся с инфинитивом; 14) глаголы *извоить, не преминуть, не замедлить* и под., всегда сочетающиеся с инфинитивом.

Информативно недостаточен также **к о м п а р а т и в**: он всегда требует беспредложного родит. падежа или группы, вводимой союзом *чем*.

Все слова с информативной недостаточностью объединяются спецификой своей семантики: она такова, что слово обязательно требует содержательного восполнения. Этим специфическим семантическим качеством определяется то, что между таким словом и словом, от него зависящим, возникают отношения, которые не являются ни объективными, ни характеризующими (собственно-, субъектно- или обстоятельственно-характеризующими): это отношения восполняющие; назовем их **к о м п л е т и в н ы м и**. Комплетивные отношения — наиболее тесный

вид отношений, возникающих при подчинительных связях; на основе этих отношений создаются наиболее компактные, слитные по смыслу объединения слов (слова и словоформы).

5. Подчинительная связь может быть сильной и слабой. Сила или слабость связи определяется не количественным моментом, а тем, какие компоненты категориальных свойств слова предопределяют связь, в каком соотношении друг с другом эти компоненты находятся и какие отношения при этом возникают.

В тех случаях, когда из названных выше трех компонентов категориальных свойств слова действуют компоненты 1, 2, 3 или 1 и 2, всегда возникает сильная связь: *шептать с соседом* (*шептать*: процессуальность, взаимно-возвратность, совместность); *избирать депутата* (*избирать*: процессуальность, переходность); *двое саней* (*двое*: количественность, собирательность); *налететь на столб* (*налететь*: процессуальность, словообразовательное значение, семантика сближения, контактирования). При действии подобных компонентов всегда возникают отношения объектные, комплетивные или контаминированные — объектно-комплетивные.

В тех случаях, когда действует только компонент 1, всегда возникает слабая связь: *хороший друг*, *приехать рано*, *дом у дороги*, *задержаться из-за дождя*, *сад осенью*, *лодка на троих*, *ждать час*. На основе такой связи всегда возникают определительные (собственно-характеризующие или обстоятельственно-характеризующие) отношения.

В тех случаях, когда действуют компоненты 1 и 3, связь может быть сильной и слабой. У информативно недостаточных слов связь здесь всегда сильная: *свестись к пустякам*, *находиться неподалеку*, *стать борцом*, *два студента* и под. У информативно достаточных слов связь в этих случаях является сильной, если на ее основе устанавливаются отношения объектные (об основаниях для установления объектных отношений см. п. 7): *восхищаться другом*, *защититься от дождя*, *жениться на однокурснице*, *восприимчивый к болезни*, *сердит на сына*, *готовиться ехать* и слабой, если на ее основе устанавливаются отношения определительные (*крышка чайника*, *лечиться порошками*, *ехать лесом*, *лечь спать*) или субъектно-определительные (*приезд отца*, *грохот машин*).

Из всего сказанного можно вывести следующие определения сильной и слабой подчинительной связи. Сильная подчинительная связь — это такая связь, которая предопределена либо всем комплексом категориальных свойств слова, либо его значением как части речи совместно с его частным грамматическим и /или словообразовательным значением, либо его значением как части речи и его лексическим значением, и при котором возникают отношения объектные или комплетивные. Слабая подчинительная связь — это такая связь, которая предопределена только значением грамматически главенствующего слова как части речи или этим значением совместно с лексическим значением слова и при которой возникают отношения определительные (собственно- или обстоятельственно-характеризующие) или субъектно-определительные.

6. Информативно недостаточные слова всех частей речи всегда вступают в сильную связь, так как их семантикой всегда предопределяются комплетивные отношения.

Информативно достаточные слова могут вступать в сильные и слабые связи. Для этих слов всегда слабыми являются связь согласования и связь именного примыкания, т. е. такая связь с падежной формой имени, при которой возникают определительные отношения (именно такие падежные формы составляют для современного русского языка класс падежей, называемых Е. Куриловичем «неграмматическими»). Как сильной, так и слабой может быть для этих слов связь примыкания инфинитива и связь управления.

Сильное примыкание инфинитива — это такое примыкание субъектного или объектного инфинитива к глаголам или глагольным именам (а также вообще к именам с отвлеченной семантикой) определенных семантических групп, при котором возникают объектные отношения; напр.: *хотеть учиться, начать говорить, готовиться ехать; велеть (кому) идти, дать (кому) закурить; готовый спорить*. **Слабое примыкание инфинитива** — это такое примыкание субъектного или объектного инфинитива к глаголам или глагольным (и, шире, отвлеченным) именам определенных семантических групп, при котором возникают отношения определительные (собственно- или обстоятельственно-характеризующие), напр.: *приехать помочь, отправить (кого) учиться*.

Сильное управление — это такое управление объединяющихся в многочисленные семантические группы глаголов, глагольных (и, шире, вообще отвлеченных) имен и отдельных наречий, при котором возникают объектные или объектно-комплетивные. Дать перечни таких групп не позволяют границы настоящей статьи, поэтому ограничимся отдельными примерами: глаголы: *читать, писать, строить что, любить, видеть, купить кого-что; спуститься, бежать, съехать с чего; выехать, войти, вникнуть во что; налететь, наскокочить, натолкнуться на кого-что; залететь, забежать, заехать за что; перейти, перескочить, переплыть через что; отличаться, светиться, пылать, блистать чем; владеть, управлять, руководить кем-чем; интересоваться, плениться, восторгаться, наслаждаться кем-чем; достичь, добиться, домогаться чего; сочувствовать, верить, радоваться кому-чему; наскучить, надоест, опостылет кому; существительные: долг, вина, ответственность перед кем; решение, приказ, указ, соглашение, декрет, закон о ком-чем; жалость, любовь, зависть, ненависть к кому-чему; прилагательные: сердитый, злой на кого; восприимчивый, склонный, пристрастный к чему; подвластный, покорный, послушный кому-чему; сильнейший, умнейший из всех; наречия: наравне, наедине с кем; сродни кому-чему; украдкой от кого; задолго до чего.*

Слабое управление — это управление объединяющихся в определенные семантические группы глаголов, глагольных (и, шире, отвлеченных) имен и некоторых наречий, при котором возникают отношения объектно- или комплетивно-определительные или (у имен) субъектно-определятельные.

Примеры: глаголы: *спасти (жизнь) ребенку, теребить кого-н. за волосы, прославиться героизмом, пожать руку гостю, пилить пилой, есть с ложки, проверить (семена) на всхожесть, ценить (откровенность) в друге; существительные:*

приезд отца, исполнение (арии) Шаляпиным, гимн герою; прилагательные: далекий от города, обильный снегопадами; наречия: вниз головой, вверх ногами.

7. На основании каких собственно языковых показателей определяются те или иные отношения, устанавливающиеся между словом и словоформой при подчинительной связи? Как уже ясно из сказанного выше, речь идет прежде всего об основаниях для установления отношений: а) объектных, б) объектных, осложненных отношениями определительными или комплетивными, и в) определительных, осложненных отношениями субъектными.

Отношения объектные (или объектно-комплетивные) могут быть установлены по одному из следующих оснований (иногда эти основания совмещаются).

1) Языку принадлежит регулярная оппозиция, в которой зависимый падеж на уровне предложения преобразуется в падеж субъекта. Предопределенная семантической структурой образовавшегося на основе подчинительной связи словосочетания, эта оппозиция строится образованием от главенствующего слова формы со страдательным значением либо введением конверсива, напр.: *избрать, избрание депутата* → *депутат избран, избирается; интересоваться литературой* → *литература интересует; дать книгу ученику* → *книга дана (дается) ученику* → *ученик получает книгу*. В тех случаях, когда правила формо- и словообразования либо отсутствие конверсивов препятствуют построению такой оппозиции, мы часто имеем дело с полными смысловыми аналогами тех связей, которые такую оппозицию допускают. Эта аналогия подтверждается вхождением слов в единую узкую семантическую группу; ср.: *предохранить что* — *предохранение чего* (→ *что предохраняется*), аналог: *профилактика чего; достигнуть, достижение чего* (→ *что достигнуто, достигается*), аналоги: *домогаться, добиваться чего; радоваться кому-чему* (кто-что радуется), аналоги: *сочувствовать, поклоняться кому*. Таким образом, самый факт вхождения в группу слов с формально идентичными связями, включающую в себя в качестве «сильных представителей группы» такие члены, которые допускают построение названных оппозиций, свидетельствует об идентичности характера отношений у всех членов этой группы. Слова и отношения, по каким-либо причинам не допускающие таких оппозиций, выступают как прямые аналоги тех слов и отношений, для которых такие противопоставления возможны.

2) Объектные (и объектно-комплетивные) отношения возникают тогда, когда предлог дублирует приставку формально и по значению или только по значению, причем такие отношения характеризуют целые подклассы слов; напр.: *наскокочить на что, съехать с чего, вьехать во что, дотянуться до чего, закинуть (что) за что* и т. д. Соответственно те же отношения возникают у смысловых аналогов таких слов; ср.: *отказаться, отрешиться, отступить, отделаться от кого-чего* — *удержаться от чего, избавиться от кого-чего; одеться, обуться, обрядиться во что* — *нарядиться во что; сразиться, сцепиться, схватиться с кем* — *биться, драться, бороться с кем*.

3) Показателем объектных отношений является вхождение сочетания в вариативный ряд (см. п. 11) с сочетаниями, образующими оппозиции, описанные под цифрой 1: *запрет чего* (→ *что запрещено*) — *на что, страх чего* (*страшиться чего* →

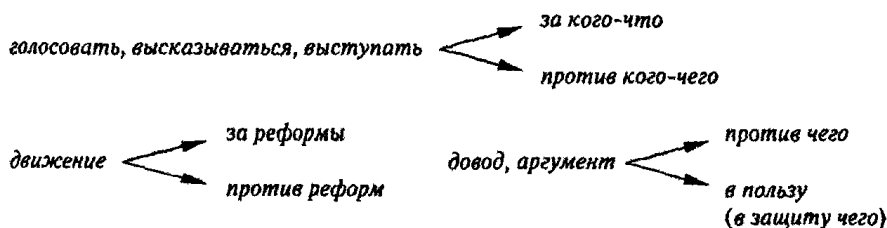
что страшит) — *перед чем*; *умиляться чему* (→ что умиляет) — *на что*; *доказательство-чего* (*доказать что* → что доказано) — *чему*; *начать читать* — *чтение*; *готовиться, готовый спорить* — *к спору*; *дать кому-н. есть* — *еду*; *грозить (кому) отомстить* — *местью*; *поручить (кому) контролировать* — *контроль*.

4) В очень многих случаях целые группы глагольных имен имеют свои особые связи, соотносительные с сильной глагольной связью, проверяемой оппозициями, описанными под цифрой 1: *приказать, указать, декретировать, решить что* (→ что решено) — *приказ, указ, декрет, решение о чем*; *судить, наказывать кого* (→ кто судим) — *суд над кем*; *победить, побороть, одолеть кого* (→ кто побежден) — *победа, торжество над кем* и под. Сама регулярность таких групповых оппозиций показывает идентичность отношений, возникающих на основе этих формально различных связей. Незнание соотношений сильных связей у глаголов и глагольных имен, правил сохранения или несохранения глагольных связей отглагольным именем позволяет здесь только поставить этот вопрос.

5) Сохранение сильной связи производящего слова безусловно свидетельствует и о сохранении возникающих на основе такой связи объектных или объектно-комплетивных отношений, напр.: *сердиться, злиться, обижаться, дуться на кого-н.* (→ кто-н. сердит, злит, обижает) — *сердитый, злой на кого-н.*; *пристраститься, привыкнуть к кому-чему* — *пристрастие, привычка к кому-чему, пристрастный, привычный к кому-чему*.

6) Объектно-определительные и субъектно-определительные отношения устанавливаются на основе двойных оппозиций типа: *приезд отца* → *отцов приезд* и *отец приехал*; *чтение Качалова* → *качаловское чтение* и *Качалов читает*; *пилить пилой* → *пила пилит* и *пилить при помощи пилы*; *прославиться геройством* → *геройство прославило* и *прославиться благодаря геройству*.

7) У некоторых информативно достаточных слов — глаголов и отвлеченных имен со значением активного воздействия или активного взаимного действия может быть несколько сильных связей на уровне управления, выражающих объектные отношения, причем объекты противопоставлены как взаимоисключающие (объект удаления и объект приближения, объект принимаемый и объект отвергаемый и т. п.); напр.:

8) Вопрос о двойной сильной связи неоднократно поднимался в специальных исследованиях (из последних работ см. работы Я. Оравца и Ю. Д. Апресяна). Двойная сильная связь — специфическая принадлежность глагольного слова. Эту связь имеют слова, категориальными свойствами которых

предопределяется наличие при слове двух форм с объектным значением, каждая из которых подчиняется правилам преобразования «правой интенции» в «левую».

Двойная связь у глагола может быть предопределена: а) его словообразовательной структурой; б) его принадлежностью к определенной семантической группе. У слов группы (а) эти факторы обычно совмещаются.

а) Глаголы с приставками *на-, за-, о-, об-, от-, у-, с- (со-), вы-, до-, пре-* и некот. др. имеют сильноуправляемые падежи: винит. беспредложный и творит. беспредложный или винит. с предлогом, дублирующим приставку: *наполнить, набить, напитать, накрыть что чем (напитать почву влагой); загородить, заклеить, забросать, заслонить, загрузить что чем (загородить кровать ширмой); оклеить, обшить, обнести что чем (облепить стену картинками); соединить, сочетать, сложить, соизмерить, сравнить что с чем (сложить краску с водой, сравнить юг с севером); вынести, выбросить, вытащить, вычест что из чего (вынести дрова из сарая, вытащить вещи из чемодана); преобразовать, превратить, претворить что во что (превратить мечту в действительность); довести, дотянуть кого-что до кого-чего (дотянуть трос до борта, довести старика до дома); снять, спустить что с чего (счистить кожуру с плода, снять план с местности); налепить, наклеить, наколоть что на что (наклеить этикетку на бутылку); вбить, вколотить, вдавить что во что (вбить гвоздь в стену). Значение прямого объекта у обоих падежей проверяется синтаксическими преобразованиями с тем же глаголом или его конверсивом; каждый из падежей может стать падежом субъекта: *напитать почву влагой → почва напитана влагой и влага напитала почву, загородить кровать ширмой → кровать загорожена ширмой и ширма загородила кровать, облепить стену картинками → стена облеплена картинками и картинки облепили стену. С конверсивами — собственно обратными и результирования: превратить мечту в действительность → мечта превращена в действительность и действительность стала мечтой; отобрать нож у подростка → нож отобран у подростка и подросток лишен ножа; наклеить этикетку на бутылку → этикетка наклеена на бутылку и бутылка снабжена этикеткой и под.**

б) Двойную сильную связь имеют глаголы некоторых семантических групп: глаголы давания, снабжения, информирования: *дать, отдать, вручить, подарить кому что (дать книгу ученику → книга дается ученику — ученик получает книгу); снабдить, наделить, угостить кого чем (снабдить экспедицию продовольствием → экспедиция снабжена продовольствием — продовольствие получено экспедицией); глаголы соединения, взаимного отношения и я: соединить, мирить, посорить кого с кем, согласить что с чем (поссорить отца с сыном → отец посорен с сыном — сын посорен с отцом); менять, обменивать что на что (обменивать книгу на журнал → книга обменена на журнал — журнал обменен на книгу); отдельные глаголы: предпочесть что чему, прочить кого за кого, вдохновлять кого на что.*

Двойная сильная связь представлена в случаях сильного примыкания инфинитива к глаголу волеуправленного акта: *велеть, обещать, приказать, грозить, поручить, предложить* и под. (во многих случаях здесь инфинитив является варьируемой формой, см. ниже п. 10): *предложить другу поехать (поездку) → поездка предложена другу — друг получил предложение поехать / о поездке; поручить комите-*

ту контролировать (контроль) → контроль поручен комитету — комитет получил поручение контролировать и под.

В конкретных речевых ситуациях двойная сильная связь очень часто реализуется как одиночная: *дать кому, дать что, мирить кого, отобрать что, загордиться что* и др. Такие неполные реализации, высоко частотные, не следует рассматривать как полный вид связи: системе подчинительных связей здесь принадлежат двойная связь, а случаи ее неполной реализации принадлежат сфере употребления.

9) Тройной сильной связью обладают переходные глаголы с приставкой *пере-*: они сильно управляют винит. беспредложным и двумя падежами с предлогами; второй и третий зависимый компонент могут чередоваться с сильно примыкающими локальными наречиями (*оттуда, отсюда; туда, сюда*): *перевезти детей из города в деревню (с дачи на море; отсюда туда), передать сигнал с нерва на мышцу*. Проверка на силу связи: *мышца получила сигнал → сигнал передан мышце → нерв дал сигнал*.

10) В системе сильных подчинительных связей глаголов и отвлеченных имен выделяется массив *вариативных связей*, т. е. таких, которые разными формальными средствами передают одно и то же отношение. Варьироваться могут связи одной формы (разные формы сильного управления) и разных форм (сильное управление и сильное примыкание). Главный вопрос вариативных связей — вопрос о том, какими специфическими особенностями категориальных свойств слова или собственно самой связи предопределяется вариативность. В самом общем виде здесь могут быть названы четыре круга явлений. Вариативность связи может предопределяться: а) наличием в языке равнозначных предложных и беспредложных связей (*забыть кого — о ком, про кого*); б) наличием однозначных предлогов, закрепивших за собой — в сочетании с одной и той же или разными падежными формами — идентичные функции (*тосковать о ком — по ком — по кому*); в) наличием разных падежных форм и, шире, вообще словоформ (включая слова без форм словоизменения) с идентичной функцией (*памятник поэту — поэту, бросить курение — курить*); г) скрещиванием в слове разных семантических компонентов, т. е. элементов значений таких слов, которые принадлежат к разным семантическим группам, имеющим свои характерные связи; явления этого последнего круга — наиболее сложные.

Вариативность, предопределенная факторами, названными в п.п. а), б) и в), может быть проиллюстрирована рядами типа: *помнить о ком-чем — про кого-что — насчет кого-чего; новость, рассказ, письмо о ком-чем — про кого-что — насчет кого-чего*. К этому виду относится варьирование сильноуправляемой формы (с предлогом или без предлога) и инфинитива: *хотеть знаний — знать; начать, кончить, продолжать чтение — читать; бояться, опасаться болезни — заболеть; стыдиться лени — лениться; любитель споров — спорить; грозить (кому) мстью — отомстить; поручить (кому) контроль — контролировать; мечтать, мечта, мысль поехать — о поездке; право, возможность выбора — выбирать; воля победить — к победе; охота путешествовать — к путешествиям; готовый, склонный к борьбе — бороться; братья решить — за решение; пуститься в объяснения — объясняться*.

Вариативность, предопределенная сложностью семантической структуры слова (п. 2), сочетанием в нем значений (и, соответственно, связей) слов разных семантических групп должна быть рассмотрена отдельно по отношению к словам информативно достаточным и информативно недостаточным.

Информативно недостаточные слова обычно обладают вариативной связью, представленной многочленным рядом, причем в этот ряд могут входить формы управляемые или управляемые и примыкающие, напр.: *быть, состоять* → *переводчиком* — *в переводчиках* — *в качестве переводчика*; *быть, числиться, считаться* → *отстающим* — *в отстающих* — *в качестве отстающего* — *среди отстающих* — *в числе отстающих*; *прочитать (кого)* → *директором* — *в директора* — *в качестве директора* — *директорствовать* — *на место директора*.

Такая вариативность объясняется семантической спецификой информативно недостаточных слов.

У информативно достаточных слов вариативный ряд в большинстве случаев двучленен, и разные типы сильных связей в нем не сочетаются; это всегда сильное управление. С точки зрения характера семантических скрещений здесь, в самом предварительном виде можно наметить два круга явлений: во-первых, взаимодействие собственно лексической семантики слова и его словообразовательного значения; соответственно — действие разных связей; во-вторых, взаимодействие в слове таких семантических составляющих, которые принадлежат словам разных семантических групп; соответственно — действие разных связей.

К явлениям первого рода относятся случаи типа: *перескочить забор* — *через забор*, *перебежать поле* — *через поле* (взаимодействие значений прямой переходности и соотношения *пере-* — *через*); *дождаться утра* — *до утра* (взаимодействие *ждать чего* и соотношения *до-* — *до*); *согласиться с предложением* — *на предложение* (взаимодействие значения 'ответить, откликнуться на что' и соотношения *со-* — *с*).

Явления второго рода — взаимодействие разных семантических составляющих могут быть проиллюстрированы случаями: *полный воды* — *водой* (взаимодействие *налить, насыпать чего* и *наполнить, заполнить что чем*); *гнушаться кого-чего* и *кем-чем* (взаимодействие: *брезговать кем-чем* и *избегать кого-чего*); *запрет чего* — *на что* (*запретить что* и *отказ на что*); *уважение кого-чего* — *к кому-чему* (*уважать кого-что* и *чувство, любовь к кому-чему*); *начинать учеником* — *с учеников* (*становиться, делаться кем* и *начинать с чего*); *поддаваться уговорам* — *на уговоры* (*отдать чему* и *попасться на что*); *дернуть веревку* — *за веревку* (*держаться; хвататься за что* и *брать, тянуть что*); *превосходство над кем* — *перед кем* (*возвышение над кем* и *преимущество перед кем*); *беспокоиться о детях* — *за детей* (*думать о ком* и *бояться за кого*).

Слова (или слово) с вариативной связью могут выделяться из общего состава той или иной семантической группы слов, очерчиваемой с достаточной степенью определенности и имеющей свою характерную сильную связь. Причины этого явления — в сложных семантических взаимодействиях. Так, например, семантическая группа слов со значением активного насильственного действия: *агрессия*,

акция, репрессия, преступление сильно управляет родит. пад. с предлогом *против* (*агрессия против кого*); в этом ряду слово *преступление* имеет вариативную связь *против кого* — *перед кем* под влиянием связи *вина перед кем*; в ряду *интересоваться, любоваться, наслаждаться, плениться, восторгаться кем-чем* слово *любоваться* имеет вариативную связь *кем-чем* — *на кого-что* под влиянием связи *смотреть, глядеть на кого-что*; в ряду *решиться, склониться, отважиться, поддаться на что* слово *склониться* имеет вариативную связь *склониться на что* — *к чему* под влиянием *клониться к чему*; в ряду *согласиться, мириться, смириться с кем-чем* слово *согласиться* имеет вариативную связь *согласиться с чем* — *на что* под влиянием *решиться на что*.

11) Что касается вариативной слабой связи, то она чаще всего определяется наличием равнозначных средств связи и форм подчинения; фактор сложности семантической структуры слова здесь не играет той роли, которую он играет при вариативной сильной связи. Напр.: *молчать за обедом* — *во время обеда*; *бежать за кем* — *вслед за кем*; *пятнышко с вишню* — *в вишню* — *величиной с вишню / в вишню*; *скидка студентам* — *для студентов*; *деревня за версту от города* — *в версте от города*; *жизнь в деревне* — *деревенская*; *грядка огуречная* — *под огурцы* — *для огурцов*; *замкнутый на людях* — *при людях*; *кинуться помочь* — *на помощь*; *устать ждать* — *от ожидания*; *позвать (кого) обедать* — *на обед* — *к обеду*; *удовольствие встречи* — *встретиться* — *от встречи*.

12) В отношении сильной и слабой связи может вступать не одна словоформа, а группа словоформ (их вариативный ряд), чаще всего — две (см. об этом: [Апресян 1964; Оравец 1969]). В такой группе один из ее членов может быть грамматически главенствующим или грамматически подчиненным.

Среди случаев грамматического главенствования выделяются следующие: а) вся группа в целом не может быть разбита, зависимая словоформа не может быть присоединена лишь к одному из членов такой группы, напр.: сильная связь: *поступить, обойтись как с кем, вести себя как с кем, сделать, совершить что с кем-чем*; слабая связь: *сходить за нами* / *пирсами отцу / для отца*; *пожать руку гостю / угостя*; *испортить жизнь подростку* — *у подростка*; б) группа в употреблении может быть разбита; напр.: сильная связь: *ассоциировать что с кем-чем, закрепить кого-что за кем-чем, разлучить кого с кем-чем*; *прочитать кого директором* — *в директоры* — *как директора* — *директорствовать* — *на директорское место*; *принять кого членом* — *в члены* — *в качестве члена*; слабая связь: *пригласить друга обедать* — *к обеду* — *на обед*; *пустить детей гулять* — *на прогулку*; *отнести кольцо оценить* — *для оценки*.

Что касается групп словоформ в зависимой позиции, то здесь прежде всего выделяется большой массив случаев двупадежного именного примыкания, где также должны быть разграничены случаи: а) невозможности расчленения двупадежной группы (свидетельство той или иной степени фразеологизации или влияния значения предлога) и б) возможного ее расчленения. Напр.: а) *стоять плечо в плечо, плечо к плечу*; *жить дом с домом*; *приезжать из года в год, встречаться изо дня в день*; *сесть между хозяйном и хозяйкой* и некот. др.; б) *ехать от Москвы до Петер-*

бурга, ждать от полуночи до утра, ездить из города в город, гостить с субботы по понедельник, путь из лаборатории в производство, ночь с пятницы на субботу, передаваться от отца к сыну, явиться за час до срока и др.

От всех рассмотренных связей, существующих на уровне синтаксиса слова, должны быть отграничены связи, возникающие на уровне предложения и предопределенные не категориальными свойствами слова, а синтаксической позицией словоформы: 1) связь между компонентами структурной схемы предложения; 2) связь между предложением и его детерминантом; 3) связи, возникающие специально и только в предложении при распространении отдельных его членов.

1971 г.

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ЯЗЫКА. СЛОВО. ЕГО ОПИСАНИЕ В СЛОВАРЕ

ОБ АКТИВНЫХ ПОТЕНЦИЯХ, ЗАКЛЮЧЕННЫХ В СЛОВЕ

1. Знаменательное слово обладает разнообразными сочлененными в нем свойствами и возможностями, принадлежащими ему как единице, с одной стороны, называющей, а с другой стороны, — непосредственно участвующей в построении сообщения. Эта насыщенность слова активными и разнонаправленными свойствами, сконцентрированными в нем самом (и определяющими его собственный статус как единицы лексической) и в то же самое время обращенными вовне (и определяющими его отношение к разным участкам языкового строя), подтверждает тезис, согласно которому слово является центральной единицей языковой системы.

Слово связано со всей системой языка несколькими линиями отношений. Во-первых, это лексико-парадигматические отношения, т. е. вхождение в лексико-семантические классы и подклассы; во-вторых, это собственно грамматические отношения, т. е. вхождение в грамматические категории и в грамматические парадигмы грамматических категорий и грамматической парадигмы; в третьих, это все синтагматические отношения слова, характерные для его функционирования в сообщении, объективируемые в системе языка как внутреннее свойство слова.

Слово — самая сложная единица языка. Суммируя кратко то очень многое, что уже сказано в разное время разными исследователями по поводу этой сложности, можно назвать следующие факторы. 1) В слове соединены черты единицы современной, сущей, и единицы, своими корнями уходящей в историю, причем бывшее, ушедшее оставляет в слове свой живой и неизгладимый след. 2) Слово относится одновременно к реальному миру вещей, понятий, отношений, к мышлению и к другим единицам языка; таким образом, в нем представлены одновременно реальная действительность, мысль и язык. 3) В слове сочленены означающее и означаемое, при этом (в подтверждение тезиса об асимметрическом дуализме языкового знака) одному означающему, как правилу, соответствует не одно означаемое. 4) В слове слиты три структуры: звуковая, грамматическая и структура значения; каждая из них имеет внутри слова свое собственное членение, свои единицы, а две последние — асимметрическую организацию; таким образом, слово обращено одновременно к разным уровням языка. 5) Слово одновременно есть

единица двух систем — лексической и грамматической, и в то же время оно непосредственный участник коммуникативного акта. 6) В акте коммуникации слово в одно и то же время и «знаменует» (обозначает), и «служит», т. е. выполняет разнообразные информативные, конструктивные и связующие функции. 7) Слово всегда входит в отношения с другими словами: оно всегда — член лексического множества: класса, подкласса, группы, лексико-семантического ряда; следовательно, на нем всегда лежит печать отношения к данному множеству и через него — к другим лексическим множествам.

Этот перечень, суммирующий многократно описанные признаки слова как весьма сложной единицы языка, должен быть дополнен еще одним — и очень важным — пунктом: слово и в системе языка и в акте сообщения находится в состоянии постоянной активной работы; оно является разнонаправленно работающей единицей. Работа слова осуществляется как реализация двух заключенных в нем потенциалов: во-первых, это реализация его центростремительного потенциала, это работа, направленная к самому слову, все действия активного словесного притяжения, «вбирания в себя», т. е. работа концентрации; во-вторых, это реализация центробежного потенциала слова, это работа, направленная от слова, все его избирательные действия, т. е. работа выбора, работа отдачи. Сочлененность в слове этих двух никогда не прекращающих своего действия потенциалов делает слово единицей, уникальной по семантической нагруженности и конструктивной силе.

2. Центростремительные свойства слова составляют его характеристику как единицы, принадлежащей лексической системе языка. Эти свойства формируются в слове в результате притягивания к нему — с последующим стягиванием, конденсацией и, следовательно, приобретением качества собственных свойств слова — языковых характеристик тех контекстов, в среде которых оно существует.

Контекстуальные условия существования слова имеют тройственный характер. Во-первых, это условия существования слова в кругу его смысловых партнеров и антиподов, т. е. в рамках лексического множества (класса, разряда, группы, лексического ряда) и одновременно в условиях противопоставлений, разнообразных семантических оппозиций и отталкиваний. Во-вторых, это условия разнообразных синтагматических связей слова, непосредственных линейных окружений, как закрепившихся (системных, стабильных), так и новых, становящихся, поначалу индивидуальных или окказиональных. В-третьих, это условия бытования слова в принципиально неочерченных пределах содержательных целостностей, в контексте таких характерных для слова речевых ситуаций, собственные языковые границы которых, в отличие от целостностей синтагматических и парадигматических, не могут быть четко определены.

Иными словами, лексическая единица всегда существует одновременно в контексте своего класса, в контексте текстовой последовательности (линейные контексты, синтагматика) и в содержательном контексте речевой ситуации (обстановочные или так называемые «фоновые» контексты).

Синтагматический контекст наиболее близок к речи, наиболее очевиден: он отражает цепочечные связи слова как непосредственно воспринимаемые и по-

стоянно повторяющиеся данности. Контекст класса не может быть выявлен синтагматически: это — абстракция не от непосредственных употреблений, а от осуществленной самим языком систематизации своих ресурсов, т. е. от отношений лексических единиц друг к другу. Контекст класса устанавливается путем определения места слова в границах той лексической целостности, внутри которой оно существует, и отвлекается от отношения слова к другим членам этой целостности, а также от его противопоставленности единицам других лексических множеств. Именно контекст класса нужен для характеристики значения слова: оно определяется, во-первых, на основе того места, которое принадлежит слову в данном классе и опирается на его семантические связи с другими членами этого класса, и, следовательно, во-вторых, на основе возможностей синонимических замен и тех результатов, которые получаются вследствие этих замен.

Индивидуальный контекст употребления (обстановочный, «фоновый» контекст) создается отвлечением сугубо индивидуальных признаков слова от обычных для его употребления ситуаций. Он не опирается ни на синтагматику слова, ни на его внутриклассные или межклассные связи (такие контексты рассмотрены в статье «Типы контекстов, конструирующих многоаспектное описание слова», см.: [Шведова 1982]).

Слово как называющая единица обладает способностью конденсировать и преобразовывать в себе самое работающее на него признаки всех названных видов контекстных окружений: их свойства притягиваются словом, абстрагируются в нем и отливаются уже в его собственные качества. Таким образом, слово — это своеобразный генератор своих классных, линейных и узואльно-речевых связей и отношений. Значения и свойства, вырабатываемые в слове средствами такого сочленения, являются конечной реализацией его центростремительного потенциала. Работа концентрации отражается в слове двояко: с одной стороны, как концентрированность свойств, т. е. как результат; это — все стабильные, устоявшиеся характеристики слова; с другой стороны, как концентрирование свойств, т. е. как процесс; это — постоянно осуществляющиеся в слове появление и закрепление в нем осложнений значения, сочетаемости, отношения к лексическим партнерам, стилистических смещений. Поясним это конкретным примером.

Слово *огонек* в одном из своих прямых значений входит в лексический класс вместе со словами, называющими то, что светится. Оно объединено с ними основной семьей, сочетаемостью, общим характером ближайших окружений. Его прямое лексическое значение, правила синтаксической и семантической сочетаемости, стилистическая окраска содержатся в нем как его собственные свойства (хотя и такие, объясняя которые лексиколог не может не обратиться к тем окружениям, о которых сказано выше и на основе которых эти свойства отлились в слове). Но вот, сначала в рамках сочетания *голубой огонек*, а потом и вне его, слово *огонек* приобретает новую значимость, связанную с включением его в такой лексический ряд, как *вечер, вечер-встреча, концерт, эстрадная программа*, и соответственно с появлением новой сочетаемости (*у нас на огоньке, во время огонька, устроить огонек, веселый, интересный огонек*). Идет процесс концентрации свойств, вбираемых словом из новых для него контекстов — классных, линейных и обстановоч-

ных. Что происходит раньше: возникает новое значение слова или осуществляется новая его сочетаемость? Вряд ли вообще нужно так ставить вопрос. Правильнее сказать, что слово, во вновь возникшей и повторяющейся ситуации оказываясь обращенным к несвойственной для него реалии, сейчас же приводит в действие свой центростремительный потенциал, вбирая в себя признаки нового для него лексического класса и занимая в нем свое место, осваивая соответствующую сочетаемость, а затем и образуя новое гнездо. Эти приобретенные возможности закрепляются за словом, интегрируются и абстрагируются в нем и становятся уже его собственными характеристиками. Центростремительная работа «вбирания в себя» приводит к сконцентрированности новых связей и отношений в такие данности, которые становятся собственными качествами самого слова.

С точки зрения строгой синхронии, по отношению к условно остановленному моменту развития, к условно взятой точке, центростремительный потенциал слова находится в состоянии покоя. По отношению к диахронии, движению, живому, постоянно совершающемуся на наших глазах, или глубокому, отливающимся в длительные исторические процессы, центростремительный потенциал слова находится в состоянии постоянной работы.

Сконцентрированность в слове всех его связей и отношений служит предметом его описания в словаре.

Многоаспектное научное описание слова (применительно к словарю — словарная статья) является не чем иным, как определенным образом организованной совокупностью специально препарированных его окружений разного характера. Такое описание — в идеале — это полный и всесторонний показ результатов конденсации и препарации разнообразных и полифункциональных окружений слова, его принадлежности к классу и тех ситуативных условий, в которых слово функционирует. Это описание можно назвать максимально сжатым показом контекстуальной среды слова, системой, представляющей такую среду. Словарная статья во всех своих частях отвлекает от сложившихся — очень различных по своей природе — языковых условий характерные, «правильные» контексты, их обнажает и систематизирует. В словарях — в разных их типах по-разному — слово выступает как данность, характеристики которой строятся путем обобщения свойств, сформировавшихся в нем под действием его центростремительного потенциала.

3. В процессе развития грамматики как науки существенно менялось понимание ее объема. Каков бы ни был сам ход грамматической мысли — обращалась ли она в качестве своей опоры к логическим теориям или к тем или иным психологическим концепциям, к точным наукам, или провозглашала свою полную независимость от всех других отраслей гуманитарных и естественных знаний, — независимо от всего этого, — конструктивными оказались такие подходы (методологически иногда очень различные), которые не отграничивали изучение грамматических законов и правил от их постоянного и сложного взаимодействия с законами лексической организации языка. В современном языкознании практически ни одно грамматическое описание, какими бы методами оно не пользовалось, не обходится без обращения к взаимодействию грамматических и лексических факторов и, следовательно, к роли слова в системе грамматических отноше-

ний. Сам грамматический строй языка определяется как неоднородная система, организуемая абстрактными грамматическими категориями в их отношении не только друг к другу, но и к определенным лексико-семантическим классам, множествам и подмножествам.

В грамматике знаменательное слово предстает как единица, характеристики которой, релевантные для данного языкового уровня, сложились на основе его центробежного потенциала. Вступая в контакт с грамматическим законом, образцом, правилом, слово приводит в действие и обращает вовне свои внутренние качества: классовую принадлежность, лексическое значение, сочетаемостные свойства, индивидуальные семантические характеристики. В своих отношениях с грамматическим законом (образцом, правилом) слово осуществляет работу отдачи: оно здесь разнонаправленно и уверенно диктует, разрешает или запрещает. От внутренних качеств слов в грамматике исходят правила выбора вариантов; правила выбора слов, заполняющих зависимые позиции; для предикативно функционирующих слов — правила выбора имен для субъектной и объектной позиции; правила заполнения абстрактных синтаксических образцов предложения и мн. др.

Грамматический строй языка пронизан лексикой. Нет почти ни одного грамматического правила, которое не требовало бы включения в свою формулировку лексической части. Само определение грамматики как науки должно включать в себя тезис, согласно которому эта наука изучает многоуровневый формальный строй языка в его нерасторжимых и разнонаправленных связях с системно организованной лексической материей этого языка.

Если допустить очень большую степень обобщения и даже схематизации, то можно сказать, что существует три вида отношения слова (его класса, разряда, группы, словесного ряда) к грамматическому образцу (закону, правилу).

1) Слово относится к грамматическому образцу почти свободно, однако эта свобода никогда не доходит до полного безразличия; данное положение может быть проиллюстрировано в различных грамматических сферах; несколько ниже мы покажем это, говоря о взаимодействии лексики и синтаксических типов предложения.

2) Слово относится к грамматическому образцу избирательно — разной степенью ограничений в выборе. Общеизвестны здесь многочисленные случаи колеблющегося выбора вариантов форм; вся избирательность — в сфере построения словосочетаний или субъектно-предикатных соединений; ср., например, соединения, сообщающие о возникновении, начале бытия: *Наступила старость, осень, весна, лето, разочарование, опрезаление...*, но (по строгим правилам) не *боль* или *ревность*; *Свалилась беда* или *счастье*, но не *удовольствие* или *отдых*.

3) Слово относится к грамматическому образцу запретительно. Так, например, так называемый второй родительный на -у (*сахару; меду*) запрещен для всего массива слов мужского склонения, кроме семантически узкой, считаемой группы «вещественных» имен.

Очевидна конструирующая роль лексики в сфере предложения. Здесь слово не только относится избирательно к тем или иным абстрактным образцам (в заполнении одних оно готово так или иначе участвовать, в заполнении других —

нет), но этой своей избирательностью оно в конечном счете предопределяет одно из оснований для самой систематизации таких образцов; их деление на «свободные, относительно свободные или несвободные» опирается на диктующую роль слов: целого их класса, какого-то их разряда или отдельных лексических единиц. Любой синтаксический образец предложения не свободен от «оглядки на слово»: для лексически несвободных образцов словом первично предопределяется само их существование; для так называемых лексически свободных структур вмешательство слова обнаруживается на ступени семантики предложений, в их семантической структуре. Так, например, абстрактная синтаксическая модель так называемых номинативных предложений практически открыта для любого имени; однако на уровне семантической структуры предложения в действие вступают ограничивающие права лексики: для бытийных предложений она предоставляет одни свои ресурсы (*Ночь. Зима. Тишина*), для темпорально-синхронизирующих — другие (*Учился, потом завод, армия*), для оценочно-характеризующих — третьи и т. д. Ограничения, накладываемые лексикой на синтаксический образец, могут быть проиллюстрированы инфинитивными предложениями со значением объективного предстояния (*Быть беде! Цвети садам! Бежать рукотворным рекам! Шуметь лесам! Звенеть детским голосам!*); заполнение позиции инфинитива здесь ограничено; свободна эта позиция только для глаголов с собственно бытийным значением.

Убедительный пример диктующей роли слова при выборе субъектно-значимой формы дают глаголы со значением возникновения, начала бытия, его становления. Здесь очевидны вполне определенные лексические группировки слов, предопределяющие употребление тех или иных форм с субъектным значением. Если собственно субъект возникающий, становящийся выражается при любом глаголе подлежащим: (*являются новые традиции, возникают ремесла, встает новый день, пошли грибы, поползли тучи, полетели вопросы, развертываются события, открываются возможности, вылезают старые грехи*), то способы выражения других, осложненных видов субъектов, так или иначе относящихся к бытию (его началу, становлению), распределены по определенным лексическим группам глаголов. Так, субъект возникающий и одновременно в своем возникновении кем-то воспринимаемый (субъект воспринимаемого возникновения) при таких глаголах, как *пахнуть, повеять, потянуть, понести*, специально выражается формой творительного падежа; при этом субъект воспринимающий выражается формой «на + вин. п.»: *на нас пахнуло ароматом, на путников повеяло запусанием, на вошедших потянуло сыростью, понесло гилью*. Субъект возникающий (становящийся, осуществляющийся) и в своем возникновении для кого-то предназначенный (кому-то адресуемый) при таких глаголах, как *возникнуть, подвернуться, попасться, открыться*, выражается формой именительного падежа в регулярном сочетании с формами *кому / для кого: ему / для него открылись новые возможности, ему / для него подвернулась работа, попался интересный экспонат*. Субъект возникающего внутреннего состояния при таких глаголах, как *найти, накатить, навалиться*, выражается формой *на кого-что: на него нашла тоска, накатила ненависть, навалился страх*. Субъект возникающего физического состояния при таких глаголах, как *забить*,

заколотить, затрясти, выражается формой винительного падежа: *больного забила дрожь, заколотил озноб; затрясла лихорадка*. Специфическая семантическая категория «субъект существующий и сочленяющийся с субъектом возникающим» при глаголах *добавиться, прибавиться, присоединиться* выражается формой «к + дат. п.»: *к обиде присоединилась растерянность; к бедности добавилась болезнь*. При глаголах *почувствоваться, послышаться, почудиться, померещиться, услышаться, увидеться* формой дательного падежа выражается субъект, воспринимающий то, что возникает (*мне почудилась ложь, услышался намек*), а формой предложного падежа (*в чем*) — субъект, объективирующий, репрезентирующий собою то, что возникает: *в этих словах ему почудилась ложь; в твоём вопросе мне услышался намек, почувствовалась фальшь; в мелькнувшей фигуре ему померещились знакомые черты*.

Научная грамматика не может освободить себя от отражения — в той или иной форме — конструктивно значимых возможностей слова. Определяющими подходами к материалу в развитии грамматической науки всегда были те, которые не только не освобождали грамматический анализ от уз слова, но и признавали их необходимость. Отказ от попытки проникнуть в те законы, которые сложно и многоступенчато связывают систему грамматических категорий и форм с лексикой, делает работу грамматиста бесперспективной.

Центробежный потенциал слова действует не только в грамматике, но и внутри самой лексической системы. Формирование в слове нового значения не безразлично для той лексической группировки, которая открывает для него свои границы. Так, образование нового значения в слове *огонек* (см. выше) является фактором, значимым не только для самого этого слова, но и для статуса того лексического ряда, в котором объединились слова *представление, праздничный вечер, концерт, эстрадная программа, вечер-встреча* и под. Этот ряд пополняется новой единицей, функции его компонентов дифференцируются; перераспределяются внутрирядные отношения. Эти изменения производны от того семантического наращения, которое осуществилось в слове *огонек*, стимулированы этим наращением. Изменяясь само, слово тем самым влияет и на ту среду, в которую его вовлекают эти изменения. Таким образом, новое значение слова — это не только его собственное дело: в его появлении заложено обязательное последствие — воздействие на состав и качество тех единиц, которые становятся его функциональными партнерами.

Если считать, что образование в слове нового значения предшествует появлению у него новой семантической сочетаемости (*новогодний, интересный, молодежный огонек*), то действие центробежных сил слова можно видеть и в появлении такой сочетаемости. Однако выше мы старались показать, что эти процессы нерасчленимы ни в самом слове, ни во времени.

4. Только на уровне строения сложного текста, связи его частей, слово ослабляет или совсем утрачивает свой диктат, ограничивает свою долю участия в строевой сфере языка. Связанность или несвязанность частей текста не определяется словом как единицей, участвующей в грамматическом конструировании. Текстовая последовательность — это та языковая среда, в формировании которой центробежный потенциал слова практически не участвует. Напротив, в развернутом тек-

сте — как своеобразное средство скрепления его частей — активизируется называющая роль слова, акцентируется его отдельность, его собственные внутренние свойства. Приведем лишь один пример, поясняющий эту мысль. Возьмем текстовую последовательность из романа М. Булгакова «Белая гвардия» (I, 6): «Ах, боже мой, боже мой! Тогда было солнце, шум и грохот. И Максим тогда был не такой, как теперь, — белый, скорбный и голодный. У Максима на голове была черная сапожная щетка, лишь кое-где тронутая нитями проседи, у Максима железные клещи вместо рук и на шее медаль величиною с колесо на экипаже... Ах, колесо, колесо. Все-то ты ехало из деревни "Б", делая N оборотов, и вот приехало в каменную пустоту. Боже, какой холод. Нужно защищать теперь... Но что? Пустоту? Гул шагов?...» В этом отрывке очевидна связующая и содержательная нагруженность слова *колесо*. Со ступени сравнения, где это слово выступает в своем прямом номинативном значении (*медаль величиною с колесо на экипаже*), через квазиобращение (*Ах, колесо, колесо...*), переводящее все изложение из плана реминисценций в план идеологического анализа и философских оценок, это слово приобретает в тексте функцию его образного стержня. Оно сливает в себе свое прямое значение с тем аллегорическим смыслом, который, как в символе неотвратимости движений и смен, закрепился в нем в таких сочетаниях, как *колесо Фортуны (счастья)*, *колесо истории*. Эта в тексте функционально обусловленная спаянность значений (в системе языка противопоставленных), конситуативно приобретаемая семантическая многомерность имени влечет за собой осложнение значений и других, окружающих, слов (*все-то ты ехало из деревни «Б», делая N оборотов, и вот приехало в каменную пустоту*). Этот пример показывает, что тогда, когда слово выступает в роли компонента, скрепляющего развернутый текст, активно действующим элементом оказывается его многозначность. Его лексические значения здесь не просто так или иначе выявляются, но функционируют совместно как составляющие сложного целого. Таким образом, и в этих случаях слово предстает в работе, действует как участник организации сообщения, но организации уже не грамматической, а сугубо индивидуальной, собственно содержательной.

Так, совершив перед нами своеобразный круг, в строе текста слово вновь открывается прежде всего как носитель своих центростремительных потенций.

1984г.

ТИПЫ КОНТЕКСТОВ, КОНСТРУИРУЮЩИХ МНОГОАСПЕКТНОЕ ОПИСАНИЕ СЛОВА

1. На одном из заседаний Международной грамматической комиссии при Международном комитете славистов проф. Франтишек Копечны сказал, что прогресс лингвистической науки состоит в том, что она, начав со слова и постепенно углубляя и расширяя свой предмет, дошла до таких сложных объектов, как пред-

ложение и текст; следующим шагом к углублению и усложнению объекта, сказал он, явится переход от лингвистики текста... к лингвистике слова. Каждому языковеду ясно, какой глубокий и верный смысл заключен в этом на первый взгляд парадоксальном утверждении. Здесь нет нужды напоминать также, что В. В. Виноградов был одним из тех ученых, кто в своих трудах развивал и углублял тезис о центральной позиции слова в языке, об обращенности слова ко всем уровням языковой системы.

По мере углубления и развития исследовательских подходов к слову, в нем открываются все новые и новые грани; хорошо всем известные его свойства поворачиваются подчас неожиданными для нас сторонами. Эти аспекты оказываются тесно связанными с проблемой «слово и его окружение», точнее — «слово и виды его окружений» или еще точнее — «слово и виды его окружений в их взаимодействиях и взаимозависимостях».

Современные лексикологическая теория и лексикологическая практика естественно приводят к утверждению, согласно которому всестороннее описание слова строится на основе определенных, предписанных языком правил специального препарирования разных видов контекстов — в определенных их различных и нестабильных раскладках и соотношениях. Эта препарация контекстов и само их соотношение имеют своей задачей дать такую характеристику слова и условий его функционирования, которая будет лаконичной, достаточно информативной и точной. Следует подчеркнуть, что такое описание строится по правилам, которые диктуются самим словом: его внутренними свойствами и условиями его существования.

Языковые условия существования слова имеют тройственный характер. Это, во-первых, условия существования слова в кругу его семантических партнеров и антиподов, т. е. в рамках лексического класса (лексической группы, разряда, лексической парадигмы, ряда и под.) и одновременно в условиях смысловых противопоставлений, разнообразных семантических оппозиций и отталкиваний. Во-вторых, это условия разнообразных синтагматических связей слова, непосредственных линейных окружений, как закрепившихся (системных, стабильных), так и новых, становящихся, поначалу индивидуальных или окказиональных. В-третьих, это условия бытования слова в принципиально не очерченных пределах содержательных целостностей, в контексте таких характерных для слова речевых ситуаций, определенные языковые границы которых, в отличие от целостностей собственно синтагматических и парадигматических, не могут быть строго и четко определены.

Иными словами, лексическая единица всегда существует одновременно в контексте класса, в контексте текстовой последовательности и в содержательном («обстановочном») контексте речевой ситуации. Краткие характеристики этих трех видов контекстов и их взаимосвязанности содержатся в настоящей статье.

2. В термины «текст» и «контекст» вкладывается сейчас столько разнообразных смыслов, выделяется столько их видов и разновидностей, что сама только систематизация соответствующих словоупотреблений может составить отдельную задачу. Пишут о контекстах словесных и речевых, структурных и функциональ-

ных, внешних и внутренних, о контекстах ситуационных, лексико-семантических и семантико-синтаксических, о контекстах моносемантизации и актуализации значений, о контекстах указательных и операционных, микроконтекстах и макроконтекстах, контекстах профессиональных, специальных, даже о «контекстах культуры» [Языковые процессы 1973]. Этот перечень можно было бы продолжить, однако обилие терминов не всегда уясняет суть дела.

По отношению к окружению слова понятие контекста как «указательного минимума» у нас получило стимулирующую интерпретацию в работах Н. Амосовой, позднее — А. Уфимцевой, разработавшей методику показа разнообразных комбинаций таких минимумов, а также в исследованиях Д. Шмелева.

В настоящей статье в термин «контекст» вкладывается содержание, соответствующее как тому, что называют «указательным минимумом», так и тому, что служит для слова его собственным языковым окружением, той языковой обстановкой, в которой закрепилось его существование. В своих рассуждениях мы будем исходить из того, что многоаспектное описание слова (применительно к словарю — словарная статья) является не чем иным, как представлением определенным образом организованной совокупности специально препарированных его окружений разного характера. Это описание можно назвать показом контекстной среды слова. Для разных классов и групп слов такие контекстные среды оказываются различными.

Из сказанного следует, что инструментом для многоаспектного описания слова служит целенаправленно отобранный круг его языковых окружений. Словарная статья во всех своих частях отвлекает от сложившихся — очень различных по своей природе — языковых условий характерные, «правильные» контексты, их обнажает, концентрирует и систематизирует. Без этого отвлечения и обнажения разнохарактерных контекстных сред описание слова не может быть осуществлено. Следовательно, все те характеристики, которыми слово снабжается в словаре (вспомним в связи с этим обзор параметров описания слова в докладе Ю. Караулова на VIII Виноградовских чтениях в 1978 г.), представляют собою не что иное, как концентрации контекстов. Эти концентрации осуществляются в трех направлениях.

Во-первых, характеристики слова отвлекаются от его принадлежности к неким лексическим группировкам, к сложным словесным организациям, существующим как классы и как внутренние членения этих классов. Это — все несинтагматические, глубинные, парадигматические связи, находящиеся достаточно определенное отражение в описании значения слова и отвлекаемые не от синтагматических связей слова, а от его связей парадигматических — грамматических и лексических. Этот вид концентрации и препарации связей осуществляется при толковании значения слова и опирается на его внутриклассные и межклассные отношения.

Во-вторых, характеристики слова отвлекаются от его линейных контекстов, т. е. от тех его свойств, которые обнаруживаются в синтагматике; это — все те характеристики слова, которые *п р о з в о д н ы* от его классной принадлежности и от его места в лексическом классе (подклассе, группе). Так, например, пере-

носное значение слова *лес* 'верный и презираемый прислужник кого-н. недостойного' при словарном описании получает характеристики, отвлеченные как от внутриклассных связей, так и от линейных контекстов. Синтагматические связи находят отражение в показе синтаксической и семантической валентности (*верный, цепной лес кого-н.; стать, сделаться, оказаться чьим-н. псом, превратиться в чьего-н. пса*). Однако такие характеристики слова, как 'прислужник' и, далее, 'прислужник кого-л. недостойного' и 'прислужник одновременно верный и презираемый', отвлечены уже не от линейных контекстов, а от связей словесной группы, от «контекста класса» как обобщенного участка лексической системы, служащей необходимой и естественной средой для каждого из своих единиц (ср.: *слуга, прислужник, приспешник, угодник* и другие).

В-третьих, при характеристике слова принимаются во внимание окружения, которые можно назвать контекстами обстановки («обстановочными контекстами»). На этот вид контекстов опираются те детализирующие элементы толкования, которые приписываются слову на основании его употреблений в определенных содержательных отрезках и не входят в круг показателей, отвлекаемых от классной принадлежности слова или от его синтагматических связей. Таковы, например, детализирующие компоненты толкований у слов — названий редких и индивидуальных реалий. Примером может служить слово *разговоры* 'застежки-нашивки на красноармейской шинели в годы гражданской войны', которое сейчас редко встречается даже в литературе. Напомним свидетельство писателя В. Пескова (см. его статью о встрече с маршалом Г. К. Жуковым в газ. «Комсомольская правда» от 2.XII.1976 г.): «А потом снимок 1923 года. Буденовка, шинель с "разговорами" и на шинели (так все носили тогда) — боевой орден. Этот снимок командира кавалерийского эскадрона Георгия Жукова мы, помню, рассматривали с Жуковым-маршалом. Я спросил: как сложилась эта привычная нам теперь форма "красных" в гражданской войне? И впервые узнал тогда от Георгия Константиновича: незадолго до революции появилась мысль одеть российскую армию в форму, напоминающую облик древних русских богатырей. Был объявлен конкурс на новый покрой военной одежды. Так появилась островерхая шапка, напоминавшая металлический шлем, и шинель с полосами-застежками на груди ("разговорами"). Такую одежду для армии сшили. Но со складов она попала к восставшему народу и стала одеждой революционной армии». Очевидно, что при описании этого слова мало ввести его в класс «одежда: ее части» и мало показать сочетаемость (*шинель с разговорами*); необходимо привлечение элементов «обстановочного контекста»: 'В годы гражданской войны: поперечные расширяющиеся на концах застежки-полосы на красноармейской шинели'.

Синтагматический контекст наиболее близок к употреблению, наиболее естествен, очевиден: он непосредственно, зрительно отражает реальные связи слова в тексте как постоянно повторяющиеся условия его существования. Контекст класса определяет место слова в кругу близких ему единиц: это есть абстракция не от непосредственных употреблений, а от осуществленной самим языком систематизации своих словесных ресурсов, т. е. от отношений лексических единиц друг к другу. Индивидуальный контекст (обстановочный, или, в терминах неко-

торых исследователей, «фоновый контекст») создается отвлечением сугубо индивидуальных признаков слова от обычных, узуально закрепившихся для него употреблений.

Названные три типа контекстов, на основе взаимодействия которых строится описание слова, демонстрируют разные виды и разные степени языковой абстракции. Соответственно они требуют принципиально различных знаний о языке: определение контекста класса и синтагматического контекста обязательно опирается на предварительные строгие систематизации материалов, на полноту информации о собственно языковых условиях функционирования слова и о его месте в лексической системе языка; определению обстановочного контекста такие систематизации не помогут: здесь нужны знания индивидуальной истории слова, его «биографии».

3. О синтагматических контекстах слова существует большая литература, выделены и описаны разные их виды. В словарном описании слова синтагматические контексты иллюстрируют сочетаемость грамматическую, позиционную (место в конструкции), категориальную (например, виды глагола, одушевленность/неодушевленность), лексико-семантическую, стилистическую. Синтагматический контекст может ориентировать грамматически, лексически, акцентологически (напр., *в двух верстах*, но *о двух вёрстах*), оценочно-стилистически (напр., при описании современного употребления таких оторвавшихся от глагольной парадигмы словоформ с квалифицирующим значением, как *убей (убей не пойму)*, *умираю (умираю скучно)*, *не хочу (ешь не хочу)*, *не знаю как (не знаю как уважаю)*). Синтагматический контекст может показывать переходы от синтаксической сочетаемости к образованию цельнооформленного сложного слова (напр., *перо-пух*, *деды-бабки*, *кормить-поить*, *одевать-обувать*). Можно было бы привести много примеров разнообразных видов синтагматических контекстов, препарирующих непосредственные языковые связи и участвующих в построении многоаспектного описания слова.

По отношению к синтагматическим контекстам можно говорить о контекстах минимальных, расширенных или максимальных, широких. Так, например, для указания на лексемную спаянность словоформ достаточен минимальный контекст (*продается перо-пух*, *буду тебя поить-кормить*). С другой стороны, характеризующие значения названных выше глагольных форм требуют показа более определенного и специфического синтагматического контекста. Ср. квалифицирующие значения выделенных слов (словоформ) в следующих случаях:

1) *умираю (умираем и т. д.)* 'о крайней степени проявления какого-н. состояния': *умираю скучно* (*Пришли мне стихов, умираю скучно*, Пушкин, письмо П. А. Вяземскому 10 окт. 1824 г.); *умираю спать хочу*, *умираю устал*, *умираем есть хотим*, *умирали смеялись*; 2) *убей(те)* в собственно усилительном значении 'никак', 'ни за что': *убей(те) не пойму*, *убей(те) не поведем*, *убей(те) не останусь*; 3) *не хочу* в значении 'сколько угодно', 'вволю': *ешь — не хочу*, *гуляй — не хочу*, *пей — не хочу*, *читай — не хочу*; 4) *не знаю (не знаем... и т. д.) как* в значении 'очень сильно': *не знаю как уважаю*, *не знаю как*

стараются, не знаю как угождают. Для показа синтагматических контекстных связей во всех подобных случаях требуются характеристики сочетаемости, во-первых, лексико-семантической, т. е. указания на то, какие лексемы могут квалифицироваться (далеко не всякие); во-вторых, формальной, т. е. какие именно формы квалифицируют и с какими формами они сочетаются; в-третьих, интонационной — в случаях обязательной интонационной слитности всей синтагмы; в-четвертых, позиционной предпочтительности препозиции или постпозиции описываемой словоформы.

4. Контекст класса не может быть выявлен синтагматически; он устанавливается путем определения места слова в границах той целостности, которую можно назвать лексико-семантическим классом (подклассом, разрядом, группой и т. д.), отвлекается от отношения слова к другим членам этой целостности и от его противопоставленности единицам других классов. Именно контекст класса нужен для характеристики значения слова. Так, значения рассмотренных выше собственно квалифицирующих глагольных словоформ отвлекаются не от их синтагматики, а от их вхождения в класс слов-квалификаторов: они принадлежат этому классу как его члены и занимают в нем свое вполне определенное место.

Значения слов как членов класса устанавливаются: во-первых, на основе того места, которое принадлежит слову в данном классе и определяется его семантическими связями с другими членами этого класса; во-вторых, на основе возможностей синонимических замен и тех результатов, которые получаются вследствие этих замен; в-третьих, на основе межклассных отношений.

По отношению к описанию служебных слов и частиц, т. е. слов со значениями максимально отвлеченными, роль контекста класса может быть проиллюстрирована на одной из субъективно-модальных частиц. В русском языке — в его просторечной сфере и в речи старых людей — существует не фиксируемая современными словарями нерасчленяемая частица *было б* (именно с таким ударением, ср. у Крылова, по старой московской норме, при лексическом выражении 'неследования в прошлом': Не надобно было тебе по миру славить, Что столько ты богат. «Крестьянин в беде»). Эта частица означает сожаление по поводу того, что сделано нечто нецелесообразное (*было б + не + инф.*) или, напротив, не совершенно то, что было бы целесообразно (*было б + инф.*), например: [А н н а А н д р е е в н а] А все ты со своим глупым жеманством: совершенно оделась, нет, еще нужно копаться... было б не слушать ее вовсе (Гоголь); Так и разошлись из-за трехсот рублей... Ругаю теперь себя, грешный человек, истинно говорю. Было б мне отдать ему триста, или же попутать, на весь город посрамить (Чехов). При описании этой частицы синтагматический (собственно синтаксический) контекст показывается сочетанием этой частицы с инфинитивом. Но для толкования значения этой частицы требуются обстановочные (содержательные) контексты, от которых и отвлекаются компоненты значения: а) следования, целесообразности, б) неосуществленности и в) сожаления по поводу неосуществления. В контексте класса ближайшие отношения у частицы *было б* устанавливаются с частицей *бы* со значением желательности и с ее модификацией *лучше бы*: *Было б тебе не ходить —*

Не ходить бы тебе — Лучше бы тебе не ходить — Не ходил бы ты — Лучше бы ты не ходил (не ходил бы ты лучше).

Понятие контекста класса может быть проиллюстрировано на примере глаголов со значением предбытия. В общей системе русского глагола глаголы со значением предбытия занимают свое место внутри класса бытийных глаголов, которые располагаются на лексической шкале, представляющей последовательные фазы бытия; начало бытия — становление — осуществление; каждая из этих фаз имеет свою сложную организацию (см. нашу работу «Русские бытийные глаголы и их субъекты» в: [Шведова 1989]). В русском языке есть около 80 глаголов, называющих предбытие. Таковы, например, глаголы *предстоять*, *грозить* (о чем-н. опасном), *ждать* (о том, что должно произойти, случиться), *ожидаться*, *предвидеться*, *грядти*, *зарождаться*, *надвигаться*, *близиться*, *подкарауливать* (о беде). Такие глаголы могут называть предбытие самого субъекта бытия или предбытие с точки зрения субъекта воспринимающего: как актуальное (близкое, назревшее) или неактуальное; как оцениваемое (характеризуемое) или не оцениваемое. Все такие глаголы к своим субъектам относятся избирательно: существуют определенные правила и ограничения соответствующей сочетаемости. Каковы же признаки целостности этой группы глаголов и почему можно говорить о том, что эти глаголы составляют «малую систему», служащую для каждого из них «контекстом класса»? Эти признаки — следующие.

1) Все эти глаголы имеют семантический инвариант — добытийность, представленный тремя вариантами: значениями предстояния, зарождения или близости. Разные глаголы своими индивидуальными лексическими значениями дифференцируют далее каждую из этих частных фаз предбытия; однако это не меняет общей картины: предбытийность представлена глаголом в трех названных фазах. Таким образом, глаголы со значением предбытия объединяются общими семантическими характеристиками, которые, далее, могут дополняться и «расцветиваться» дополнительными компонентами значения — модифицирующими или образными. Модифицирующие компоненты значения дают такие сочетания, как, например, 'предстоять и быть ожидаемым' (*ждать*, *ожидать*, *ожидаться*, *предвидеться*), 'предстоять и быть готовящимся' (*готовиться*, *подготавливаться*), 'зарождаться постепенно' (*зреть*, *созревать*), 'приближаться постепенно и быть нежелательным' (*подкрадываться*, *надвигаться*) и ряд других. Образные компоненты создаются ассоциациями и уподоблениями: они изображают предстояние как движение (*закрадываться*, *надвигаться*, *наползать*), как физическое или интеллектуальное действие (*настигать*, *подстерегать*, *угрожать*), как физиологическое состояние (*вынашиваться*, *зреть*), как результат целенаправленного действия (*готовиться*, *планироваться*) и др. Все такие дополнительные семы, во-первых, легко исчислимы, во-вторых, представляют собою уже собственную семантическую организацию, отображающую и неодносторонне оценивающую вполне определенный участок действительности.

2) Одним из важнейших показателей взаимной связанности глаголов предбытия является то, что они группируются в ряды, обращенные к определенным субъектам. Конечными множествами, из которых складывается лексическая

(в данном случае глагольная) микросистема, служат не отдельные слова, а сочетательно ориентированные ряды слов. Глагол входит в ряд, который ориентирован на повеловательное обозначение всех этапов предбытийного состояния по отношению к определенному субъекту, ср.: *дождь — ожидается, собирается, близится, надвигается; тьма — рождается, идет, близится, приближается, подкрадывается, напалзает, подступает, крадется, надвигается; характер — рождается, зарождается, намечается, обозначается; смерть — грозит, угрожает, ждет, ожидает, подстерегает, поджидает, подкарауливает, близится, приближается, подходит, стучится, настигает, нависает*. Такие ряды имеют свои специфические характеристики, а вхождение или невхождение глагола в тот или другой ряд является одним из признаков самого этого глагола. Такие ряды различаются по составу, по семантическим потенциям и по способности самим своим составом охарактеризовать субъект; соответственно выявляется вполне определенная типология рядов.

3) Глаголы предбытия характеризуются одинаковыми тенденциями взаимодействия с другими участками глагольной лексики (одинаковой обращенностью к ним). Характер таких взаимодействий — тройственный. Это, во-первых, взаимодействие с другими бытийными глаголами, прежде всего со значением начала бытия; во многих случаях границы здесь нечетки (ср., например: *закипает страсть, ненависть; накапливается усталость*); во-вторых, это синтаксически объективированные взаимные связи с глаголами конкретных значений, называющих действие (*поездка предстоит, ожидается и затевается, намечается, предполагается, готовится*); в-третьих, это общие тенденции в избирательном отношении к новациям.

Таким образом, та функциональная и семантическая общность глаголов предбытия, которая дает основание говорить о них как о группе слов, составляющих «контекст класса», выражается в том, что для этих глаголов самим языком предписаны правила координированного поведения при построении рядов, при установлении связей с субъектами и при взаимодействии с другими участками лексики.

5. Обстановочный (содержательный) контекст не опирается ни на синтагматику слова, ни на его внутриклассные или межклассные связи. Такого контекста в своем описании требуют прежде всего слова с многокомпонентными значениями, часто занимающие обособленное место в кругу других, пусть близких, лексических единиц, причем значения эти обычно оказываются остро реагирующими на экстралингвистические ситуации и оценки.

Убедительные иллюстрации роли содержательных контекстов в характеристике слова дают, например, нарицательные наименования, образовавшиеся из имен собственных, такие, как *донкихот, золушка, хлестаков* и под. Рассмотрим слово *донкихот*. Его семантический статус явно эволюционирует в соответствии с эволюцией понятия. На фоне компонентов значения 'наивный фантазер', 'нежизненность его идеалов', 'бесплодность его борьбы' и 'его смешная роль' в современном употреблении слова *донкихот* все яснее обнаруживается активизация и превалирование не отмечаемых словарями компонентов: во-первых, самоотверженности, самоотречения и, во-вторых, «идеальности» идеалов, их общечеловеч-

ности (не случайно вышел из активного употребления глагол *донкихотствовать*); соответственно отмечается и новая сочетаемость типа *не переведутся донкихоты* (газетный заголовок); ср. внутренний глубоко положительный смысл этого слова в названии известного фильма «Дети Донкихота». Интересно сопоставить толкования слова *донкихот* в разных словарях. Семнадцатитомный словарь: 'наивный мечтатель, бескорыстно, хотя и бесплодно стремящийся приносить людям пользу во имя каких-л. неосуществимых идеалов'. Словарь под ред. Ушакова: 'фантазер, вызывающий насмешки бесплодной борьбой за свои идеалы'. Четырехтомный словарь под ред. А. П. Евгеньевой: 'фантазер, наивный мечтатель, бесплодно борющийся за нежизненные, неосуществимые идеалы'. Словарь Ожегова (9-е изд.): 'фантазер, увлеченно, но бесплодно борющийся за нежизненные идеалы'. Как видно, только в 1-м и 4-м из приведенных толкований присутствуют позитивные элементы: бескорыстие, стремление приносить пользу и увлеченность. Однако полностью современному значению слова *донкихот* не отвечает ни одно из этих толкований. Можно утверждать, что та эволюция понятия, о которой говорилось выше, сейчас уже почти подводит к такому определению этого слова: 'странный для окружающих человек, который самоотверженно и бескорыстно борется за отвлеченные идеалы добра'. Это определение отражает изменение тех контекстуальных понятий, в которых слово *донкихот* функционирует в современных речевых ситуациях.

Из чисто содержательных ситуаций, из «контекстов обстановки», которые проецируются на слово и концентрируются в компонентах его значения, складывается описание таких слов, как *золушка* 'о том, кто несправедливо гоним, кого не любят, обижают' или уже имеющее право на место в словарях сочетание *подпоручик Кижж* 'выдуманная личность, выдаваемая и принимаемая за реально существующую'.

б. Описание любого слова невозможно без знания и показа его контекстных связей. Однако разные типы слов в своих характеристиках требуют разного соотношения показанных выше трех типов контекстов. Есть слова, которые для своего описания требуют участия всех видов контекстуальных препаратов, и есть слова, которые такой полноты не требуют. Так, например, связующие служебные слова практически никогда не требуют сведений о содержательных (обстановочных) контекстах. Термины, а также номинации полутерминологического характера в своем описании целиком опираются на контексты класса, а также на реальные условия употребления: синтагматические контексты здесь представлены как готовые сочетания. Лексические единицы, образовавшиеся на основе метафорических употреблений, для своего описания требуют прежде всего разнообразных синтагматических контекстов, причем чем живее метафора, тем сложнее оказывается конструирование таких контекстов в словаре, показ избирательности лексико-семантических связей слова.

Итак, здесь была сделана попытка показать, что описание слова представляет собой специально концентрированную препаративную форму всех тех видов окружений, в которых данное слово существует в языке и предстает в употреблении в беско-

нечто повторяющихся речевых ситуациях. Это специальное выявление характерных контекстов осуществляется не только при определении сочетаемости, но и при определении значений слова. Специфика и сложность этого выявления состоят в том, что оно осуществляется в разных направлениях: не только (и, может быть, не столько) на пути отвлечений тех или иных характеристик от данных в непосредственном наблюдении текстовых последовательностей, но и в значительной степени на пути отвлечения таких характеристик от внутриклассных и межклассных отношений, а также от тех речевых обстановок, которые определяют собою индивидуальные условия существования слова в данный исторический момент жизни языка.

Если подойти к максимально сжатому и в то же время многоаспектному описанию слова, т. е. к словарной статье как к произведению, которое строится на основе изучения и систематизации языковых окружений слова, то естественным окажется заключение, что действительно научное словарное описание слова — это всестороннее представление его отношений к другим единицам класса, его разнообразных окружений и тех экстралингвистических ситуативных условий, в которых это слово существует.

1982 г.

ГЛАГОЛ КАК ДОМИНАНТА В СИСТЕМЕ РУССКОЙ ЛЕКСИКИ

I. В статье «Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования» В. В. Виноградов писал: «Строй языка определяется взаимодействием его грамматики и лексики... Между грамматикой и лексикой тесная связь и соотношение. Так же, как принято говорить о грамматическом строе языка, следует говорить о его лексическом строе» [Виноградов 1994: 5]. Ниже излагаются некоторые положения, подтверждающие и развивающие мысль о том, что лексика имеет свой строй, свою системную организацию.

В Институте русского языка Российской Академии наук создается «Русский семантический словарь», ставящий своей задачей представление строя общепотребительной русской лексики в форме словарного описания. Единицей изучения и описания здесь является отдельное значение слова со всеми принадлежащими ему характеристиками; следовательно, классификация лексики равна классификации лексических значений. Такая классификация, вбирающая в себя все частеречные значения и принимающая их в качестве исходных, основывается на материале, охватывающем более трехсот тысяч значений. Она предстает как широко разветвленное древо, вершиной которого является слово (словозначение), а последние, конечные ветви, являются подмножествами, члениющимися уже только на отдельные составляющие их лексические единицы или на ближайшие синонимические ряды.

Классификация лексики, строящаяся на строгой основе собственно языковых характеристик слов (= значений), позволяет познать словесный строй языка как живую естественную систему, т. е. как сложную целостность, объединяющую в себе другие целостности, ей подчиненные и ею управляемые; такие подчиненные целостности (подсистемы) сами имеют сложное внутреннее устройство и, как живые участки единой общей организации, разными путями и способами взаимодействуют друг с другом. Лексическая система существует как высоко устойчивая исторически сложившаяся целостность; ее развитие выражается не в существенном преобразовании самой этой целостности, а в постоянном движении внутри ее отдельных участков (классов, подклассов, составляющих их множеств и подмножеств); такие участки открыты для пополнения, однако границы такой открытости весьма различны; движения и перемещения, происходящие внутри лексической системы, не произвольны: они подчиняются внутренним законам ее организации.

Лексическая система открывает перед нами созданную языком картину мира, и, что особенно важно, — картину, предстающую в ее исторической перспективе. Эта картина трехсторонняя: она изображает, во-первых, мир реальных, во-вторых, многообразные пути и линии их связей, отношений, зависимостей и, в-третьих, весь тот арсенал оценок и квалификаций, который создан языком для определения как самих реальных, так и их отношений и связей. В создании этих сторон языковой картины мира по-своему участвуют все классы слов.

Лексические классы как участки сложной многоуровневой организации, находящиеся в постоянном живом взаимодействии друг с другом, все вместе образуют лексическую систему языка. Эта система сформировалась как такая естественная целостность, которая включает в себе способность, с одной стороны, именовать предметы и их признаки, движения, состояния и свойства, а, с другой стороны, устанавливать их разнообразные зависимости, собственно связанность одного с другим, связи по расположению в пространстве, по отнесенности ко времени, по порождению или обусловленности, по последовательности их расположения, а также по тем оценочным характеристикам, которые приписываются либо самим именуемым реалиям, либо отношениям между ними.

Внутри каждой из традиционно выделяемых частей речи существуют свои лексические классы; каждый из таких классов имеет свои собственные характеристики: свою грамматику, свой словообразовательный потенциал, свою идиоматику и, что первостепенно важно, свои правила и законы взаимодействия с другими лексическими классами. Среди всех этих классов глагол занимает свое особое место.

II. Глагол составляет класс слов, именующих процесс как активное действие или деятельность, деятельностное или недеятельностное процессуальное состояние. Важнейшей характеристикой глагола является то, что в нем уже как в слове грамматически, формально заложена способность отнесения именуемого ко времени; это коренным образом отличает глагол от всех других классов именующих слов, в том числе и от глагольного имени, называющего процесс как абстрактную категорию, т. е. представляющего его предметно. Строение глагола как части речи

характеризуется большой сложностью: соответствующее «древо» предстает как разветвление, по многим ступеням нисходящее от вершины к ветвям, представляющим лексико-семантические классы, подклассы и входящие в них множества и подмножества. Во всех этих подсистемах и «малых системах» лексическое значение глагола предстает как такое, которое отличает его от значений всех других именуемых слов.

Основное предназначение и, следовательно, основное свойство значения слова — именовать понятие. Понятие может быть более конкретным, как бы осязаемым, и менее конкретным, высоко абстрактным. И в том и в другом случае оно создано человеком: именно он создал понятия о предметах, процессах, признаках, свойствах, количествах, связях, отношениях и зависимостях. Все такие понятия отлиты в значения слов.

Значение слова — живая и активно функционирующая языковая единица, несущая в себе соответствующие категориальные характеристики; как такая единица оно имеет свои собственные признаки. Обращаясь преимущественно к глаголу, назовем здесь те признаки лексического значения, которые относятся к числу основных.

1) На значении слова лежит печать той реалии, которую — через ступень понятия — оно именует. Это свойство значения непосредственно отражается на его семантико-синтаксическом потенциале, т. е. на предсказанном значением, стимулируемых им семантических и синтаксических связях. Так, глагольное значение несет на себе печать именуемой реалии — процесса, действия, динамическая природа которого предопределяет атрибуцию по времени (реальному или ирреальному), интенсивности, направленности от субъекта к объекту; значение существительного, опирающегося на понятие о предмете, предполагает связи с определителями по свойству, качеству, вообще по любому возможному признаку, принадлежащему предмету или ему приписываемому; прилагательного предполагает связи, средствами которых определяется характер и степень признака. Все такие связи и отношения конкретизируются в зависимости от собственного значения слова. Понятно, что это — лишь схематически представленные черты, в самом общем виде характеризующие синтаксическое поведение значений разных классов именуемых слов.

2) Значение слова, принадлежащего к тому или иному лексическому классу, способно взаимодействовать со значениями слов, принадлежащих к другим классам: оно стремится, с одной стороны, проникнуть в другие классы значений, а с другой — вобрать в состав своего класса единицы других классов. Это взаимодействие осуществляется средствами формального и семантического словообразования (сравн., например, с одной стороны, *донкихот* → *донкихотствовать*, с другой — *донкихотствовать* 'вести себя смешно' → 'вести себя благородно, будучи непонятым другими'). Проникая в другие классы, значение слова обеспечивает их пополнение и активные процессы внутри соответствующих множеств. Все классы именуемых слов обладают своим словообразовательным потенциалом. Однако многочисленные исследования убедительно показали, что словообразовательные сферы распределены между этими классами достаточно строго

и что соответствующий потенциал разных лексических множеств неодинаков. В то же время остаются необобщенными результаты, касающиеся такого потенциала, принадлежащего не просто словам, а разным видам их лексических значений (сравн., например, круг значений и, соответственно, семантическую структуру слова *судьба*).

3) Значение слова способно к расширению или сужению; в первом случае это проявляется в возникновении переносов и так называемых «оттенков значения» (которые сами способны отливаться в новое, самостоятельное значение), во втором случае — в формировании менее общего, более узкого значения, либо в идиоматизации или формировании ограниченной или закрытой сочетаемости.

4) Значение слова способно к собственным, внутренним модификациям: оно может усиливаться, интенсифицироваться или, напротив, ослабляться. Интенсификация или ослабление значения — при сохранении его внутренней целостности — осуществляется посредством однокоренного словообразования (сравн.: *знобит* — *познабливает*; *белый* — *беловатый* — *белехонек*). Разные виды значений при этом ведут себя по-разному. Так, значение, уже в себе самом заключающее элемент интенсивности, способно усиливаться, но не ослабляться (сравн.: *веселый* — *развеселый*, *сильный* — *пресильный*); значение, уже в себе самом несущее элемент некоторой неполноты, может ослабляться далее, но не усиливаться (сравн.: *беловатый* — *беловатенький*, *светлый* — *светловатый*). В языке выстраиваются целые серии таких модификаций, варьируемые в зависимости от природы того значения, которое можно считать нейтральным с точки зрения интенсивности или неинтенсивности (сравн.: *любить* — *обожать* и *любить* — *недолюбливать*; *знобит* — *трясет*, *колотит* и *знобит* — *познабливает*). Глагол в системе таких отношений занимает центральное место. Именуя тот или иной процесс или процессуальное состояние, глагол притягивает к этому именованию все его словесные вариации, принадлежащие как самому глаголу, так и другим лексическим средам. Это свойство определяется спецификой лексического значения глагола: глаголу и его производным принадлежит приоритет именования реалий, лежащих в неделимой интеллектуально-эмоциональной и физической сфере, причем реалий динамических, т. е. таких, в самой природе которых заложена способность к внутренним изменениям и разнообразным проявлениям. Именно этим особым качеством лексических значений глагола объясняется его стремление к варьированию именованного, к характеристике его с разных сторон и в разных обнаружениях.

5) Значение слова способно к идентификации другим словесным знаком. Это значит, что в целом ряде случаев одно и то же значение может быть выражено по-разному. Однако почти всегда такое совпадение сопровождается различной сочетаемостью, и эти различия накладывают на значение слова свои, часто почти неуловимые оттенки. Так, например, в классе глаголов, именующих процессы, относящиеся к интеллектуальной сфере, существует противопоставление *не знать* — *сомневаться* (частица «не» в этом случае равна приставке); противопоставление *я не знаю* — *я сомневаюсь* в толковании раскрывается как 'я не имею сведений о чем-н. — я не уверен в том, что мои сведения верны'. Каждое из этих значений обращено к таким лексическим средствам, которые его либо идентифицируют и

абсолютизируют (т. е. обозначают то же самое, либо модифицируют стилистически или оценочно). Однако характерно различие таких вариаций. Значение собственно незнания средствами других классов слов и фразеологизмов идентифицируется как *я не осведомлен о чем-л., не имею сведений о чем-л., мне неизвестно что-л.*; модификации, интенсифицирующие либо ослабляющие основное значение, осуществляются средствами фразеологии и во всех случаях выражают отстранение сомнения, безусловность незнания: *понятия не имею; представления не имею; знать не знаю, ведать не ведаю*. Иная картина открывается при обращении к вариациям значения сомнения: при возможной идентификации словами других лексических классов (*сомневаться — сомнительно — быть, находиться в сомнении — быть неуверенным*) другие модификации (уже не собственно словесные, а возникающие в контексте) не усиливают, а, напротив, ослабляют и смягчают значение сомнения (сравн. контекстуальные варианты: *мне не кажется (что это так), я как-то сомневаюсь; боюсь, что я не осведомлен*). Возможности и границы таких вариаций, то ближайшее смысловое и фразеологическое окружение, которое существует вокруг соответствующих значений глагола, принадлежит к числу его собственно языковых характеристик.

По комплексу названных признаков значение именуемого слова существенно отличается от значения слова, по своей природе дейктического (не именуемого, а указующего, означающего) — собственно дейктических слов — местоимений и дейктических глаголов, а также счетных слов, слов связующих и собственно оценивающих. Для именующих слов характерен весь этот комплекс; для слов дейктических — отдельные из этих признаков — в разных их соотношениях для разных групп дейктических слов.

III. Изучение разных видов лексических значений слов с точки зрения их собственно словесных и экспрессивных вариаций возможно применительно к любому классу именующих слов; однако для глагола такие взаимодействия особенно разнообразны. Глагол как слово, динамическое по самой своей природе, не просто и не только именуется процесс или процессуальное состояние, но стремится активно участвовать в назывании предметно представленных абстрактных категорий действительности, связей и отношений. Лексическим значением глагольного слова предопределяется его окружение, формирующееся средствами других классов слов и фразеологизмов; такое окружение служит безусловной языковой характеристикой данного глагольного значения. Весь этот комплекс свойств позволяет говорить о глаголе как о некоем центре в системе лексических классов и в кругу тех разнообразных отношений, которые существуют между этими классами. Глагол не просто образует глубоко разветвленный и обширный класс слов, именующих процесс, но обнаруживает стремление к активному проникновению в сферы других классов, во многом диктуя им пути пополнения и внутренних перегруппировок. Глагол проникает в сферу слов, именующих предмет, едва ли не с регулярностью формы образуя имена, представляющие действие как данность, т. е. предметно; с высокой степенью регулярности глагол образует именованья лиц, а также признаков, устанавливаемых по отношению к процессу; вторгаясь в сферу связующих слов, глагол обогащает их арсенал и углубляет их семантику; то

же относится к области собственно оценивающих слов; прежде всего к области модальных слов. Сфера дейксиса также открыта для глагола: класс русских дейктических глаголов, как и класс местоимений, закрытый, но достаточно определенный и не столь уж малочисленный, ждет своего специального изучения¹. Во всех этих сферах глагол ведет себя как хозяин: он не просто пополняет — с разной степенью активности — круг соответствующих единиц, но и определяет те смысловые и функциональные перемещения, которые являются обязательным следствием такого пополнения. Средствами, обеспечивающими способность глагола активно воздействовать на жизнь других лексических классов, являются, во-первых, его мощный словообразовательный потенциал; во-вторых, исторически сложившиеся способы преобразования функций отдельных форм, изоляция или полное отторжение их от глагольной парадигмы; в-третьих, стремление таких изолирующихся форм к слиянию со служебными формантами для образования связующих единиц-фразеологизмов с разной степенью спаянности их компонентов. Всеми этими факторами утверждается роль глагола как доминанты в системе русской лексики.

1995 г.

ЛЕКСИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ РУССКОГО ГЛАГОЛА (на фоне чешской семантико-компонентной классификации) *

1. Систематизация слов — это систематизация языковых единиц, находящихся в состоянии постоянной активности. Знаменательное слово обладает разнообразными сочлененными в нем свойствами и потенциами, принадлежащими ему как единице, с одной стороны, называющей, а с другой стороны — непосредственно участвующей в построении сообщения. Эта насыщенность слова активными и разнонаправленными свойствами, сконцентрированными в нем самом и в то же самое время обращенными вовне, подкрепляет тезис, согласно которому слово является центральной единицей языковой системы.

Слово — самая сложная единица языка. Суммируя в самом общем виде то, что уже сказано в разное время разными исследователями по поводу этой сложности, можно назвать следующие факторы: в слове соединены черты единицы современной, живой, и единицы, своими корнями уходящей в историю, причем

¹ Классическим представителем русских дейктических глаголов является слово *делать* в знач. 'осуществлять действие, производить поступок, заниматься какой-н. деятельностью или (в условиях речевой ситуации) вообще находиться в каком-н. процессуальном состоянии' (ср. в разных ситуациях любой из возможных ответов на вопрос *Что он делает?* — *Читает* или — *Спит*, или — *Скучает*, или — *Балует*, или — *Путешествует* и что угодно еще). По существу дейктической является функция всех так называемых полузнаменательных глаголов.

* В первом пункте этого доклада в сжатом виде излагается содержание двух отдельных статей: «Типы контекстов, конструирующих многоаспектное описание слова» [Шведова 1982] и «Об активных потенциах, заключенных в слове» [Шведова 1984].

бывшее, ушедшее оставляет в слове свой неизгладимый след; в слове сочленены означающее и означаемое, при этом одному означающему, как правило, соответствуют несколько означаемых; слово относится одновременно и к мысли, и к реальному миру вещей, понятий, отношений, и к другим единицам языка, — таким образом, в нем репрезентированы одновременно мысль, реальная действительность и язык; в слове слиты три структуры: звуковая, морфологическая и структура значения, каждая из этих структур имеет в слове свое собственное членение, а две последние — асимметрическое строение; таким образом, слово обращено одновременно к разным уровням языка; слово одновременно есть единица двух систем — лексической и грамматической, и в то же время оно — непосредственный участник коммуникативной деятельности: в акте коммуникации слово в одно и то же время знаменует и служит, т. е. выполняет разнообразные информативные, конструктивные и связующие функции; слово всегда входит в межсловные отношения: оно всегда — член некоего лексического множества, следовательно, на нем всегда лежит печать отношения к данному множеству и через него — к другим лексическим множествам (см.: [Шмелев 1973; Языковая номинация 1977а: гл. I—VII; 1977б: гл. I; Аспекты семантических исследований 1980]).

Эти признаки слова должны быть дополнены еще одним — и очень важным — пунктом: слово и в системе языка, и в акте сообщения является разнонаправленно и активно работающей единицей. Работа слова осуществляется как реализация двух заключенных в нем потенциалов: во-первых, его центростремительного потенциала; это — работа, направленная к самому слову, все действия активного словесного притяжения, «вбирания в себя», т. е. работа концентрации, конденсации; и, во-вторых, его центробежного потенциала; это — работа, направленная от слова, все его избирательные действия, т. е. работа выбора, работа отдачи. Сочлененность в слове этих двух активно действующих потенциалов делает его единицей, уникальной по семантической нагруженности и конструктивной силе.

Центростремительные свойства слова составляют его характеристику как единицы, принадлежащей лексической системе языка. Эти свойства формируются в слове в результате притягивания к нему (с последующим стягиванием, конденсацией и, следовательно, приобретением качества собственных свойств слова) языковых характеристик тех контекстов, в среде которых оно существует. Контекстные условия существования слова имеют тройственный характер. Это, во-первых, условия существования слова в кругу его смысловых партнеров и антиподов, т. е. в рамках лексического множества и одновременно в условиях смысловых противопоставлений, разнообразных семантических оппозиций и отталкиваний. Во-вторых, это условия разнообразных синтагматических связей слова, непосредственных линейных окружений — как закрепившихся (системных, стабильных), так и новых, становящихся, поначалу индивидуальных или окказиональных. В-третьих, это условия бытования слова в принципиально неочерченных пределах содержательных целостностей, в контексте таких характерных для слова речевых ситуаций, собственные языковые границы которых, в отличие от целостностей синтагматических и парадигматических, не могут быть четко определены. Иными словами, лексическая единица всегда существует одновременно в усло-

виях текстовой последовательности, в контексте класса и в содержательном контексте речевой ситуации.

Синтагматический контекст наиболее близок к употреблению, наиболее очевиден: он отражает линейные, цепочечные связи слова как непосредственно воспринимаемые и постоянно повторяющиеся данности. Контекст класса не может быть выявлен синтагматически: это — абстракция от осуществляемой самим языком систематизации своих ресурсов, т. е. от отношений лексических единиц друг к другу. Контекст класса устанавливается путем определения места слова в границах одного из тех множеств, которые можно называть лексико-семантическим классом, подклассом, разрядом, группой, лексической парадигмой, лексическим рядом и т. д.; этот контекст отвлекается от отношения слова к другим членам этого множества и от его противопоставленности единицам других лексических множеств. Именно контекст класса нужен для характеристики значения слова: оно определяется на трех основаниях: во-первых, на основании межклассных связей, во-вторых, на основании того места, которое принадлежит слову в данном множестве и опирается на его семантические связи с другими членами этого множества, и, следовательно, в-третьих, на основании синонимических отношений.

Слово как называющая единица обладает способностью конденсировать и преобразовывать в себе самом работающие на него признаки всех названных видов контекстных окружений: их свойства притягиваются словом, абстрагируются в нем и отливаются уже в его собственные качества. Таким образом, слово — это своеобразный генератор своих классных, линейных и узуально-речевых связей и отношений.

Работа концентрации отражается в слове двояко: с одной стороны, как сочлененность свойств, т. е. как результат; это — все стабильные, устоявшиеся характеристики слова; с другой стороны, как сочленение свойств, т. е. как процесс; это — постоянно осуществляющиеся в слове появление и закрепление в нем новых черт значения, сочетаемости, отношения к ближайшим лексическим единицам, стилистических смещений.

С точки зрения строгой синхронии, по отношению к условно остановленному моменту развития слово находится в состоянии покоя. По отношению к диахронии, движению, живому, постоянно совершающемуся на наших глазах, или глубокому, отливающемуся в длительные исторические процессы, — слово находится в состоянии постоянной работы.

Слитность, совокупность в слове всех его связей и отношений служит предметом его описания в словаре.

Центробежный потенциал слова действует внутри самой лексической системы. Формирование в слове нового значения не безразлично для той лексической группировки (ряда), которая открывает для него свои границы: этот ряд пополняется новой единицей, тем самым функции его компонентов дифференцируются, перераспределяются внутрирядные отношения. Эти изменения производны от тех семантических наращений, которые осуществлялись в слове, стимулированы этими наращениями. Таким образом, в появлении нового значения слова заложено обязательное последствие — воздействие на состав и качество тех еди-

вид, которые становятся его функциональными партнерами. Если считать, что образование в слове новой номинации предшествует появлению у него новой семантической сочетаемости, то действие центробежных сил слова можно видеть и в появлении такой сочетаемости. Однако эти процессы нерасторжимы ни в самом слове, ни во времени.

Из сказанного следует, что, классифицируя слова на основе их лексических характеристик, значений, мы выявляем систему тех активных единиц, которые в пределах определенных лексических множеств постоянно действуют в направлении развития как своих собственных потенций, так и в направлении развития самого состава и организации соответствующих множеств.

2. Как средство идеализации мира, язык воспроизводит его картину в целом и именуется разными ее сторонами¹. Лексическая система глагола представляет собой один из важнейших участков номинационной системы языка². В литературе существует большое количество классификационных описаний отдельно взятых групп русского глагола, так же, как и глаголов других языков³.

Можно ли и нужно ли пытаться строить такую классификацию глагола, которая будет иметь единое основание, полно отразит реально существующую систему и верно покажет ее внутреннюю организацию? Такая задача трудна, но выполнима. В то же время она очень важна. Познавательное значение так построенной «без остатка» классификации велико. Базируясь на собственно языковых основаниях, она воспроизводит картину всех видов активных деятельностей и жизненных процессов и состояний, протекающих во времени и пространстве. Эта кар-

¹ «Характерной чертой языков является то, что они налагают на реальный мир некую лексическую категоризацию» [Лайонз 1978: 450]. См. также: [Караулов 1976; 1981]. О соотношении тематических групп слов и их структурно-семантических разрядов и о языковых основаниях для выделения тематических групп слов см.: [Шмелев 1973: 103—107].

² Номинацию здесь и далее будем понимать не как любое означивание любого сигнификата и конкретного денотата, включая целую ситуацию (см.: [Языковая номинация 1977а; 1977б]), а в старом, виноградковском смысле, т. е. как название в его отличии от сообщения. Такое, традиционное, понимание не позволяет языковеду забывать о глубоком различии в самой природе языковых единиц; при новом, широком понимании номинации все «номинанты» сначала объединяются (все они — «номинационные единицы»), а потом — если исследователь (что бывает далеко не всегда) не чувствует себя вправе уклониться от изучения их кардинальных языковых различий — снова разделяются.

³ См., напр.: [Мартынов, Шуба, Ярмош 1965]; работы Э. Кузнецовой, в частности: [Кузнецова 1971; 1979] (здесь — обзор литературы); [Классы слов... 1979]. Ю. Караулов справедливо называет предрассудком реализуемую во многих частных классификациях мысль, «будто системе можно изучать несистемно, когда в качестве объекта исследования выбирается некоторый изолированный фрагмент словарного состава» (в числе примеров — «слова, выражающие понятия *помнить, думать, дрожать*, или глаголы движения, говорения, знания, зрительного восприятия»; добавим еще: «глаголы удара», «глаголы положения тела» и мн. др. под.) «по принципам «замкнутости» и «естественной (легкой) выделяемости», и изучаются взаимоотношения составляющих его единиц. При этом результаты подобного анализа не поддаются точной формулировке, их, как правило, трудно бывает использовать другим исследователям, и ценность они представляют только для автора, способствуя расширению его представлений об изучаемом материале» [Караулов 1981: 172]. Отметим здесь, что так выделенный обширный (и тем самым в значительной степени размытый в своих границах) материал охвачен в работе [Васильев 1971].

тина раскрывается перед нами не на плоскости, а в углубленной перспективе, поскольку полная классификация глагола, как и слов любой другой знаменательной части речи, может строиться только по принципу ступенчатой инклюзии. Эта картина, далее, строится не «из головы», а фиксирует в словах объективно существующие связи, предстающие во внутренней организации большого массива лексики. Таким образом, чистая и полная языковая таксономия, без всяких отклонений в сторону заранее созданной теории, приводит к воспроизведению одной из важнейших сторон картины мира и к выявлению реально существующего соотношения ее участков. Это соотношение оказывается весьма показательным. Так, русская глагольная лексика — сама по себе, только средствами своей устроенности, показывает, что сфера действий, активности в жизни значительно шире, разветвленное, чем сфера пассивно протекающих (или пассивно воспринимаемых) состояний; что в то же время действие далеко не всегда может быть противопоставлено состоянию, отделено от него; что в сфере активной человеческой деятельности практически нет чистого противопоставления действий интеллектуальных, интеллектуально-эмоциональных и конкретно-физических, а в большинстве действий есть лишь различное соотношение соответствующих компонентов; что есть жизненные сферы, с которыми связан богатейший и разветвленный круг действий и состояний, и жизненные сферы, с которыми связан ограниченный, сравнительно узкий такой круг; само соотношение таких сфер оказывается весьма сложным.

В собственно языковедческом аспекте полная классификация глагола нужна лексикологам, лексикографам и грамматистам. Она поможет уяснить вопрос о разных видах глагольных значений и о влиянии этих видов на устройство глагольной лексики в целом; выявит организующую эту лексику систему отношений и покажет обязательную сопоставленность тех ее расходящихся ветвей, которые расположены на одном уровне. Такая классификация даст объективные основания для более точного, чем мы располагаем пока, ответа на вопросы о том, каковы реальные признаки лексического класса (и вообще как-то ограничиваемого лексического множества) и что же такое «системность лексики». Лексикографу такая классификация даст надежное основание для того, чтобы слова, по своей природе требующие сходных описаний, наконец их получили. Очевидна также та практическая польза, которую, имея такую классификацию, получит грамматист: эта классификация открывает, в частности, некоторые новые аспекты синтаксических характеристик слов и целых конструкций.

В то же время полная классификация глагола должна быть по возможности свободна от недостатков, грозящих ей в силу принципиальной неисчислимости классифицируемых единиц: она должна быть обозрима, постигаема; количество ее рубрик не может исчисляться многими тысячами, и при этом отобранный (и отвечающий требованиям относительной полноты) материал должен охватываться ею без остатка. Обязательным свойством такой классификации должно быть то, что она не только даст верное представление о специфике описываемого лексического класса, но и будет построена на единых основаниях, диктуемых самой этой спецификой.

3. Классификация русского глагола, послужившая основанием для настоящей работы, построена на материале 35 000 глагольных единиц (значений), отраженных в одномтомном толковом «Словаре русского языка» С. И. Ожегова (начиная с 9-го, 1972 г., посмертного издания, пополняемого и редактируемого автором этой статьи). Разбиения на множества осуществляются на основании общности компонентов значения, на одной ступени составляющих семантическую оппозицию. Компонент значения (глагольная сема) понимается как такой элемент лексического значения, который выступает как единственно или неединственно сочетающийся с категориальным значением любого глагола — значением процесса (действия или процессуального состояния). Единственность так сочетающейся семы может быть проиллюстрирована фазовыми глаголами, где с семой процесса сочетается сема начинания, окончания или продолжения. Неединственность сем, сочетающихся с основной лексической семой любого глагола, может быть проиллюстрирована глаголом, называющим физическое действие, например, гл. *идти* (в словарях исходное значение): лексическая сема процесса-действия сочетается здесь с семой движения, движения посредством собственных органов перемещения, движения неубыстренного, неразнонаправленного; гл. *шептать*: сема процесса — действия сочетается здесь с семой говорения и говорения тихого, без участия голоса. Следовательно, показываемая ниже классификация глагола является собственно лексической (лексико-семантической) классификацией глагольных единиц (значений), располагающихся по признаку нарастания вокруг основной глагольной семы дифференцирующих, уточняющих сем. Таким образом, эта классификация имеет целиком и только языковые основания. Как показал специальный анализ, тезис о непосредственной связи между грамматикой (синтаксисом) и лексической семантикой слова не подтверждается: валентностные свойства слов, входящих в те или иные множества и подмножества, не могут служить основанием для лексической классификации глаголов⁴; лексические единицы, входящие в одну и ту же группу, очень часто имеют разную формальную (хотя при этом возможно и общую смысловую) интенцию.

Предлагаемая лексико-семантическая классификация русского глагола может рассматриваться на фоне компонентно-семантической классификации чешского глагола, разработанной Фр. Данешем на основе развиваемой Б. Гавранком дихотомии «глаголы действия — глаголы состояния» [Daneš 1971: 193—207]. Анализ структуры значения глагола здесь берется как основание для изучения семантической структуры глагольного предложения. Лексическая классификация глагола строится как синтаксически релевантная: показывается, что каждое глаголь-

⁴ См.: [Апресян 1962]. См. здесь выделение отдельных «структурно-семантических полей» глагола. См. также выделение лексических классов глаголов в гл. «Лексические синонимы» в кн.: [Апресян 1974]. По существу синтаксическим (причем максимально обобщенным) является и одно из оснований классификации глагола, развиваемое в работах А. Уфимцевой, — «по типу смысловых моделей, раскрывающих направленность и члены внутренних семантических отношений, выражаемых глагольной лексемой, а именно: отношение признака к определенному предмету, который может быть субъектом или объектом, которому придается данный признак» [Языковая номинация 1977б: 72].

ное значение содержит в своем ядре определенную структуру семантических элементов, которые потенциально могут быть синтаксически значимы. Глагольные значения делятся первоначально на статические (ситуативные) и динамические (глаголы действия). Первые выражают двухместные отношения (например, существование, положение в пространстве, принадлежность, обладание, сходство, уподобление и др.), вторые — простые процессы (не события) и сложные события. Динамические (процессуальные) глаголы, называющие простые процессы, представляют их как активные (без участника или с участником), неактивные либо нечленимые (безличные). Динамические глаголы, называющие сложные события, выражают разные типы переходов от исхода события к его завершению (по характеру исхода или завершения; по типу перехода; по типу события и др.). В целом эта классификация, демонстрирующая строгое понимание компонентного анализа, опирается на лексические глагольные семы разной степени обобщенности и может служить непосредственным основанием для анализа семантического строения предложения: установление семантической формулы глагольного значения оказывается необходимой предпосылкой для классификации глагольных предложений по признаку их семантической структуры. В то же время эта классификация открывает хорошие исходные позиции и для изучения собственно лексических значений глаголов.

4. Лексическая классификация русского глагола на основании его ступенчатой семной организации подтверждает иерархический характер упорядоченности лексики (см.: [Залевская 1977; Караулов 1981: 190 и след.]). Эта классификация требует многостороннего комментирования, касающегося организации и самого состава глагольных множеств, группировки составляющих их единиц и иерархии их дифференциальных признаков.

Почти бесспорным считается тезис об открытости, незамкнутости словаря — свойстве, определяемом как внутриязыковыми факторами, так и постоянными взаимодействиями с внешней средой⁵. Однако фронтальный анализ современной русской глагольной лексики заставляет внести в этот тезис то существенное уточнение, что степень открытости разных участков в лексике далеко не одинакова: в ней есть множества, «отмыкающиеся» с большой неохотой; ни о каком «бесконечном разрастании за счет новых слов и новых значений» (Ульман) по отношению к таким лексическим участкам не может быть и речи. В этом смысле ясную картину дает противопоставление глаголов связующих (ассоциирующих) и собственно называющих: первые во многих своих подмножествах демонстрируют лексическую организацию и состав, весьма стабильные на протяжении длительных исторических периодов.

Глагольная лексика организуется в сложную и разветвленную систему противопоставлений: противопоставленность лексических множеств конструирует всю эту сферу словаря. П е р в ы м является безусловное противопоставление глаголов действия глаголам состояния. И те и другие называют процесс, но первые представляют процесс как деятельность, исходящую от субъекта, им активно и

⁵ См. соответствующие обобщения в кн.: [Шмелев 1973: 18 и след.].

непосредственно создаваемую: субъект при них является производителем действия. Вторые представляют процесс как состояние, направленное на воспринимающий субъект как на пассивного носителя этого состояния: субъект при них является носителем состояния как неактивного признака, свойства, качества. Это противопоставление не снимается и в таких случаях реализации глагольных значений как *лихорадка меня измучила, сомнение одолевает кого-н.* и под.: реально недеятельный субъект представлен здесь глаголом как субъект действительный, активный.

Вторым является противопоставление «глаголы означающие: указующие, связующие и квалифицирующие — глаголы называющие». Термины эти условны: можно говорить о первых как о глаголах с абстрактной значимостью, с собственно сигнификативной семантикой, с самостоятельной номинацией, в широком смысле дейктических, по своей лексической природе характеризующихся недетализированным (однокомпонентным) гносеологически пассивным значением, а о вторых — как о глаголах с индивидуальной значимостью, с денотативно-сигнификативной семантикой, с самостоятельной номинацией, в широком смысле недейктических, с детализированной (неоднокомпонентной) семантикой, с гносеологически активными значениями (см.: [Языковая номинация 1977а: гл. VII; 1977б: гл. I]). Однако при этом остается бесспорным основное различие этих двух классов слов, заключающееся в том, что первые связуют, ассоциируют или абстрактно квалифицируют, а вторые собственно именуют. Это противопоставление, помимо собственно лексико-семантической оппозиции, подтверждается следующими языковыми факторами. Во-первых, глаголы означающие не организуются или почти не организуются в разветвленные подмножества (это возможно только при многосемности значений), а глаголы называющие организуются в такие подмножества и выстраиваются в разветвленные ступенчатые классификации многосемных единиц со значением собственно процесса. Разбиения означающих глаголов (например, фазовых или модальных) принципиально отличаются от разбиений глаголов называющих: первые классифицируются непосредственно на основании своих лексических значений (например, фазовые глаголы со значением начала, продолжения, конца, модальные глаголы со значением возможности, необходимости, вынужденности, должности, целесообразности), а вторые — на основании уточнений, конкретизации, сужения значений. Во-вторых, по отношению к дейктическим, связующим и ассоциирующим глаголам правомерна постановка вопроса о наличии у них значения процессуального признака как одного из двух компонентов частеречного глагольного значения. В самом по себе дейктическом, полужнаменательном, модальном, фазовом, ассоциирующем, собственно связующем глаголе трудно обнаружить признаковую в обычном понимании этого слова. Признаковость присуща не им, а конструируемым с их участием синтаксическим блокам типа *начал работать, надлежит согласиться, стал поэтом, зависит от нас* и под. Показательно, что наречие как «признак признака» принимается именно таким блоком, но никогда не самим отдельным глаголом. В-третьих, глаголы с абстрактной значимостью и глаголы называющие расходятся в своих синтаксических характеристиках. Помимо всем известных явлений в различии сочетаемости, здесь следует обратить внимание

на то, что эти два вида глаголов по-разному относятся к линейным и нелинейным⁶ единицам сообщения: глаголы первого вида имеют свой собственный, специфический круг функций в сфере парадигматических и реализационных модификаций грамматического предложения и в сфере организации его формально-семантических параллелей. В-четвертых, наконец, в отличие от глаголов называющих, глаголы с абстрактной значимостью не знают противопоставлений в обозначении действий или состояний физических, интеллектуальных и эмоциональных: это противопоставление (часто снимаемое нерасчлененностью значений в многозначном слове) принадлежит только глаголам второго вида (называющим).

Противопоставление третье состоит в следующем. Считается как бы само собой разумеющимся, что все глаголы делятся на глаголы со значением действий (и состояний) физических, интеллектуальных и эмоциональных. Но такая трихотомия существует только как частный случай. В огромном же большинстве случаев называемое интеллектуальное действие или состояние неотделимо от физического либо эмоционального или от того и другого одновременно. Поэтому для называющих глаголов реальным является противопоставление «глаголы со значением интеллектуально-эмоционального или интеллектуально-эмоционально-физического действия (состояния) — глаголы со значением физического (также физиологического или механического) действия или состояния». Это противопоставление принадлежит только глаголам недействительным (с самостоятельной номинацией).

Противопоставление четвертое строится антонимией (*спешить — медлить, ухудшать — улучшать, помогать — мешать* и т. д.). Абсолютно регулярна в языке антонимия всех глаголов по признаку негирования: она или выражена специальными лексемами (и тогда она отражается словарями, например, *полюбить — невзлюбить, информировать — дезинформировать*) или — всегда — приставкой *не*, орфографически представляемой как отдельная частица (*идти — не идти, любить — не любить, ходить — не ходить*).

Множества и подмножества, в которые организуются глаголы, различаются как собственно количественно, так и по составу, по своей внутренней организации, по самим системам своих признаков. К сфере такой организации относятся вопросы о сравнительной сложности множеств, о собственных признаках класса (и подкласса) в его противопоставлении лексико-семантическому множеству (и подмножеству) и о конечном подмножестве — лексико-семантическом ряде слов; о «семантических парадигмах», об организующих их семах, архисемах и архилексемах (гиперонимах); о количестве и иерархии дифференциальных признаков слова (его лексических сем)⁶. Все эти вопросы в настоящем докладе в теоретическом аспекте не рассматриваются. Однако намечающиеся пути их решения можно увидеть в следующем ниже относительно подробном рассмотрении класса бытийных глаголов.

⁶ См. в кн.: [Языковая номинация 1977а: гл. VI] требующий проверки и не подтверждающийся нашими материалами тезис о том, что «иерархия дифференциальных признаков включает не более 4–5 ступеней» (с. 250).

5. Глаголы со значением бытия составляют одну из ветвей класса глаголов, называющихся «состояние»⁷.

Здесь для иллюстрации приведем глаголы, относящиеся к первым пяти фазам — в некоторых случаях с указанием нисходящего далее множества. 1) *Предбытие*: *предстоять, зарождаться, близиться*. 2) *Возникновение*: собственное появление: *начаться, возникнуть*; появление в добавление к существующему: *добавиться, прибавиться*; появление в соотношении со временем: *подоспеть, опоздать, упредить*; появление вновь: *возродиться*; обнаружение и самообнаружение: *обнаружиться, завиднеться*. 3) *Становление*: *становиться, делаться*. 4) *Осуществление*: *осуществиться, сделаться*. 5) *Существование*: без количественных, локальных или темпоральных характеристик — собственно существование: *быть, существовать, жить* с качественными характеристиками: с недифференцированной семой качественности: *житься*, со значением интенсивности, полноты: *бушует гроза, валит снег*, прочности, стабильности: *коренится порок*, вольности, плавности, торжественности: *реет свобода*, слабости, неясности, вялости: *брезжит рассвет*, нестабильности: *мигает огонек*, тайности, скрытности: *кроется ошибка*, затрудненности, неудовлетворительности: *влачатся дни, прозябать в нищете*; существование самовывяляющееся и воспринимаемое: общее или недифференцированное значение самовывяления: *проявляются способности*; воспринимаемое: *замечаться, наблюдаться*; самовывяления и чувственного восприятия: *алеть, серебриться, зреть, звенеть, нестись* [о запахе]; с количественными, локальными или темпоральными характеристиками: с количественной характеристикой: *насчитываться*; с локальной характеристикой 'быть где-то': *обитать, пролегать (дорога пролегает в горах)*; в сочетании с качественной характеристикой 'быть где-то и как-то': *витья, возвышаться (тропинка вьется вдоль берега; вдалеке возвышается замок)*; в узком локальном отношении к чему-н.: *вдаваться во что, громоздиться на чем*; с темпоральной характеристикой — без каких-л. осложнений или с дополнительными темпоральными характеристиками: *бывать, случаться, бытовать, зимовать, днеть, тянуться (жизнь тянется уныло), лететь (время летит); подгадывать, подоспевать (как раз подгадали каникулы)*; в темпоральном отношении к чему-н.: *предшествовать, сопутствовать, следовать за чем, чередоваться, повторяться*.

Раскрываемая русским глаголом картина бытия уже в самом схематическом виде дает основания для того, чтобы сформулировать некоторые важные положения.

1) Самими лексическими значениями глаголов бытие представлено как такое состояние, которое протекает во времени и пространстве: иерархически организованные множества предназначены для именованья разных видов отнесенности бытийного состояния к какому-л. моменту, периоду, к другому состоянию,

⁷ Эта система подробно описана в работе «Русские бытийные глаголы и их субъекты» [Шведова 1989]. Всего в эту ветвь в русском языке входит около двух тысяч глаголов (глагольных значений), распределенных языком по девяти фазам: 1) предбытие, 2) возникновение, 3) становление, 4) осуществление, 5) существование, 6) мгновенность бытия, 7) приостановка, затуhanие, 8) перерыв в течении бытия, 9) конец, исчезновение; все эти фазы вместе противопоставят небытию, несуществованию.

действию, либо для именованя локальной отнесенности бытийного состояния к чему-л. Глаголы, именующие бытие в его темпоральной отнесенности, объединяются в такие подмножества, которые репрезентируют разные фазы и подфазы существования в их отношении друг к другу.

2) Глагол показывает бытие как такое состояние, которое существует в условиях обязательной сменяемости его стадий. Фаза собственно существования следует за фазами предстояния (предбытия), возникновения, становления и осуществления; за существованием следует ряд других стадий, завершающихся фазой конца. Внутри отдельных стадий темпоральные связи и отношения фиксируются специальными лексемами, группирующимися в определенные подмножества.

3) Именование бытия в глаголе в очень многих случаях неотделимо от качественной характеристики, оценки бытийного состояния. Соответствующие семы практически пронизывают весь массив бытийных глаголов; они представлены в большинстве его множеств. Это делает глагольный ряд (т. е. конечную ветвь класса) гибкой и чуткой организацией, которая во всех необходимых случаях легко реагирует на возникающую потребность не просто именовать бытие, но с разных позиций оценить его. Поэтому, например, наличие музыки может быть обозначено не только с позиции безразличного слушателя (музыка *играет, звучит, раздается, слышится, доносится*), но и с позиции того, кто небезразличен к ее звучанию (музыка *течет, плывет, льется, разливается, раскатывается, катится, заливается, звенит, гремит, грохочет, надрывается, громыкает, бухает, бабахает, барабанит, бречит, дребезжит, пиликает, тенькает, тренькает, дзенькает, хрипит*); уходящая вдаль дорога может *лежать, идти, бежать, ползти, нырять, виться, удаляться, уходить, убегать, уползать*; человек, проходящий свой жизненный путь или какие-то его этапы, *живет* (ему как-то *живется*), но также и *существует, прозябает, пробивается, перебивается, коптит, скрипит, тянет*, либо как-то *поживает, здравствует и процветает*. Оценивающие возможности бытийного глагола необычайно широки, и сама гамма оценок показывает их соотношение так, как оно исторически складывается в сознании носителей языка.

4) Бытие представлено глаголом как такое состояние, субъект которого (субъект бытия, существования) взаимодействует с субъектами, это бытие воспринимающими, к нему так или иначе относящимися. Эти отношения очень различны. Например, в случаях типа *алеет закат, синее море, розовеет восход* бытие представлено как состояние, кем-то воспринимаемое — такие глаголы по своей семантике двусубъектны: для обозначения субъекта бытия предоставлена позиция подлежащего, а субъект воспринимающий (заключенный в самом значении глагола: *алеет* 'об алом: быть видимым' и т. д.) либо не назван, либо, в высказывании, прямо или косвенно обозначается распространителем (*вдали перед нами синее море, перед глазами алеет закат*). Значения бытийного состояния субъекта существующего и субъекта воспринимающего могут быть сочленены в одном и том же глаголе. Так, например, в глаголе *близиться* в условиях разной сочетаемости выявляются значения приближения самого субъекта бытия (*близятся события, холода*) и приближения уже существующего субъекта для того, кто, приближаясь сам, это существование воспринимает (*близятся горы, лес, море*); это противво-

поставление может нейтрализоваться, ср.: *близятся звуки, голоса, смех, песня, шум, свет, огонек*.

Одно из явлений двусубъектности — случаи типа *ссора предшествовала разговор, за письмом последовала встреча*: субъект названного бытийного состояния (предшествования либо последования — *разговор, встреча*) соединен отношением темпорально-следственной связи с субъектом последующей или предшествующей ситуации (*была ссора, было письмо*).

6. Глаголы, называющие бытийное состояние, представляют собой целостную лексическую систему и обнаруживают признаки такой системы. О том, что такое система и системные отношения в лексике написано очень много. Однако в большинстве случаев признаки системности формулируются достаточно неопределенно, часто неконкретно. Так, например, указывается, что «структура лексической системы может быть описана в терминах смысловых отношений, имеющих место между ее членами» [Лайонз 1978: 457]; что «лексика является системой, т. е. такой организацией, единицы которой взаимообусловлены и взаимозависимы в содержательном плане» [Слесарева 1980: 13]. П. Денисов пишет о лексической системе так: «Обычно для системы характерно следующее: 1) система — целостный комплекс взаимосвязанных элементов; 2) она образует особое единство со средой; 3) как правило, любая исследуемая система представляет собой элемент системы более высокого порядка; 4) элементы любой исследуемой системы в свою очередь обычно выступают как системы более низкого порядка» [Денисов 1980: 53]. См. также: [Соколовская 1979]. Кроме того, в очень многих случаях исследователи ставят знак равенства между понятиями лексической системы и поля⁸, что, на наш взгляд, неверно. Прав Ю. Караулов, утверждающий, что многие пытаются «изучать систему несистемно», не принимая во внимание «стабильность ее структуры», «неизменность структурных отношений внутри блока» и «интенсивность внутренних связей между составляющими данного фрагмента» [Караулов 1981: 172—173].

Здесь мы попытаемся установить конкретные языковые признаки лексической системы, опираясь на анализ вполне определенного и достаточно большого участка словаря — глаголов со значением бытия в разных его фазах. В чем обнаруживается цельность и внутренняя организованность этого множества, взаимная связанность его единиц, специфический характер их взаимодействия друг с другом, общность тех признаков — лексических и валентностных, — по которым они характеризуются и объединяются в более частные группировки? Можно назвать следующие факторы, служащие к такому обнаружению.

1) Все глаголы, входящие в данное множество, имеют общий компонент лексического значения: 'существовать, находиться в состоянии бытия'; этой семой формируется инвариантное значение любого из таких глаголов. В подмножествах (подсистемах) и их дальнейших членениях эта сема комбинируется с дополнительными, дифференцирующими компонентами значений: 'быть в предстоянии' (предбытие, добытийность); 'начать быть' (возникновение); 'осуществлять или

⁸ Из последних работ см., напр.: [Бородина, Гак 1979: 51].

осуществить состояние своего бытия' (становление и осуществление); 'собственно быть, наличествовать' (существование); 'клониться к концу бытия, приостанавливаться или останавливаться в течении своего бытия' (затухание, приостановка, остановка); 'возникнуть и тут же исчезнуть' (мгновенность бытия); 'прекратить свое бытие' (конец, исчезновение). На эти значения далее наслаиваются, с ними комбинируются уточняющие, сужающие семы, вокруг которых группируются более частные подмножества. Однако сема 'быть, существовать, наличествовать' присутствует в любом глаголе, относящемся к данной лексической целостности.

2) Бытие в очень многих случаях именуется глаголом при участии модифицирующих, ассоциирующих сем, создающих образную картину бытийных состояний. Эти модифицирующие семы исчислимы и проходят через разные подмножества, создавая их общий «фонд ассоциаций». Таковы семы движения, перемещения или положения в пространстве (*закрадывается мысль, бежит струя, подкапывает дурнота, падает снег, сваливается беда, несется грохот, хлынул свет, виляет трюпа, засела мысль, пролегла дорога*); конкретного активного действия, воздействия (*стучится старость, ударил гром, хлещет дождь, метет метель, нападает тоска, рвет ветер, окутывает мрак, захватывает чувство, одолевают заботы*); волевого акта или интеллектуально-эмоционального состояния (*грозит беда, ждет сюрприз, просится сравнение, упорствует болезнь, ярится злоба*); состояния как результата целенаправленного действия (*копяется обиды, заваривается дело, вводятся перемены, играется свадьба, практикуется метод, чинится расправа*); физического состояния (*закипает обида, нависает угроза, дрожит огонек, клопочет злоба, пылают страсти, теплится надежда*); физиологического состояния или действия (*вынашивается план, роятся облака, зреет решение, рождается идея, плодятся проекты*). Этот перечень здесь по условиям места является максимально обобщенным и недифференцированным. Не все эти семы одинаково активны (или даже присутствуют) на всех фазах, во всех подмножествах. Однако наличие у расходящихся по разным фазам глаголов бытия общего образного фонда модифицирующих сем — один из важных признаков целостности данного множества, наличия у него общих собственно языковых характеристик.

3) Бытийные глаголы имеют общий фонд качественно-оценочных значений. Почти на всех фазах состояние бытия может быть представлено как оцениваемое положительно (*веет свобода*), или отрицательно (*влачатся дни, грозит беда, подкрадывается старость, наваливаются неприятности*); интенсивно или вяло, слабо, постепенно (*клопочут страсти, закипает вражда, прошибает слеза; копится неприязнь, обозначаются перемены, дрожит звук*); стабильно или нестабильно (*сидит мысль, угнездился страх; мерцает луч, дрожит огонек*); вольно, свободно или с трудом (*играет улыбка, плывут доходы; старик еще тянет*); открыто, явно или тайно (*бьет запах, кричит безкусица; дремлет чувство, кроется тайна*).

4) На каждой фазе бытия конечным вычленимым подмножеством в этом классе является функционально ориентированный лексический ряд, обращенный к определенному классу субъектов. Конечные ряды бытийных глаголов имеют свою типологию, свои наборы характеристик (по составу, по семантическим потенциям, по сочетаемости оценочных сем), а вхождение или невхождение гла-

пола в тот или другой ряд, его семантическая сочетаемость или несочетаемость с другими глаголами в составе ряда является одной из характеристик самого этого глагола; ср., например, на фазе начала: *дождь, ливень* — *начаться, поливать, налететь, ударить, припустить, хлынуть, хватить, захлестать, захлобыстать, забушевать, зазвенеть, застучать, забарабанить, защелкать, загудеть*, но *пойти, брызнуть, зарядить, закапать, закрапать, заморосить, посыпаться* — только о дожде; *улыбка, усмешка, ухмылка* — *явиться, появиться, изобразиться, проглянуть, проступить, но блеснуть, сверкнуть, заиграть, засиять, засветиться, просиять* — только об улыбке. Лексический ряд обнаруживает свойства блока, входящего в более крупную ячейку и занимающего в ней свое вполне определенное место.

5) Глаголы, называющие разные фазы бытия, имеют общие тенденции в своем взаимодействии друг с другом. Здесь обнаруживаются (представленные в одной единице) разные виды размытости границ между некоторыми фазами бытия: начала и становления, начала и осуществленности, предстояния и начала, возникновения и исчезновения (мгновенность бытия).

6) Бытийные глаголы имеют важные объединяющие их синтаксические характеристики. Сюда относятся специфические явления, во-первых, из сферы облигаторных связей (формальных и семантических), во-вторых, из сферы необлигаторных распространителей, в-третьих, из сферы облигаторного отсутствия связей. Здесь назовем некоторые из таких характерных явлений.

В сфере облигаторных связей для ряда глаголов характерно семантическое осложнение падежных форм — образование с их участием осложненных семантических категорий в составе предложения. Так, бытийное значение (при ослаблении значения действия) в сочетании с определенным кругом субъектов характерно для таких глаголов, как *завладеть, охватывать, наполнять, одолевать* и под.; субъект бытия здесь синтаксически представлен как действитель, а зависимая форма (вин. п.) называет носителя того состояния, которое обозначается подлежащно-сказуемой группой в целом: *седина тронула виски, страх наполняет душу, горе посетило семью, смерть настигла путника* и т. д. Для глаголов при этом характерна разная степень отхода от их прямых номинативных значений. Во всех таких конструкциях присутствуют два семантических субъекта: субъект бытия (в подлежащем) и субъект-носитель бытийной ситуации в целом (в зависимой форме): *дождь омыл сады*, значит и 'дождь — излился на сады' и 'сады — омылись дождем'. Аналогичное осложнение падежной семантики имеет место и в других случаях, таких как *нас ожидает беда, ему угрожает болезнь* ('будет беда — у нас' и 'мы — ждем беды'), *у слушателей возникли замечания* ('слушатели — сделали замечания' и 'возникли — замечания слушателей'), *в документ акралась ошибка* ('документ — содержит ошибку' и 'есть ошибка в документе'), *на нас пахнуло сыростью* ('сырость пахнула на нас' и 'мы — ощутили сырость'). В других случаях двусубъектность реализуется как наличие существующего субъекта и возникновение рядом другого, с ним сочленяющегося, например: *к обиде прибавилась тоска* ('была обида' и 'к ней присоединилась тоска').

Формально необлигаторные распространители могут косвенно указывать на характер субъекта, тем самым одновременно конкретизируя саму фазу бытия. Так,

в случаях типа *перед глазами возникли горы, за окнами вагона потянулись леса, вдали встали очертания зданий* необлигаторные распространители с локальным значением сигнализируют о том, что в ситуации присутствует субъект воспринимающий, а возникновение имеет характер обнаружения или самовыявления. Аналогичную функцию выполняют формально необлигаторные, но семантически обязательные атрибутивные формы в таких случаях как *нарастает непонятное чувство, предстоит невеселая жизнь*.

Облигаторность отсутствия зависимой формы (тв. п.) имеет место в тех случаях, когда бытийное значение развилось в глаголе на основе значения страдательности, например: *вынашиваются планы, задумываются перемены, готовится выставка, произносятся речи, творятся беззакония, допускаются ошибки*.

Итак, признаками лексической системы можно считать: наличие у всех слов, объединенных в данное множество, общего, инвариантного лексического значения, вокруг которого, в границах отдельных подмножеств, организуются дополнительные, дифференцирующие компоненты значений; наличие общего фонда ассоциативных, образных обозначений и общего фонда качественно-оценочных дифференциальных компонентов значения; общность типологии функционально-ориентированных конечных лексических рядов; общность тенденций к ограничению семантической сочетаемости и к взаимодействию с другими участками лексики; общность синтаксических характеристик. Этим комплексом взаимодействующих признаков создается то, что можно определить как стабильную функциональную и семантическую связанность объединенных в систему глаголов, их сочлененность в целое вполне конкретными языковыми свойствами и отношениями.

Здесь была сделана попытка показать, что классификация глагольной лексики на собственно семантических основаниях позволяет подойти к отдельным ее участкам с таким мериллом, которое служит к установлению многих важных признаков этих участков, в том числе — к установлению признаков «малой языковой системы».

1983 г.

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СИСТЕМА И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ (Класс личных местоимений)

1. Вряд ли есть необходимость напоминать ту непреложную истину, что слово принадлежит одновременно двум уровням языка — лексическому и грамматическому. И дело здесь не просто в том, что слово обладает и лексическими, и грамматическими свойствами, а прежде всего в том, что и те и другие свойства слиты в значении слова и в нем нерасторжимы: грамматическое значение слова входит в его лексическое значение, и лексического значения нет без значения граммати-

ческого. Следовательно, изучать слово как лексическую единицу в отрыве от его грамматических характеристик невозможно. Это важно подчеркнуть потому, что, принимая тезис о системности лексики, исследователь должен постоянно иметь в поле своего зрения грамматическую природу слов.

Можно ли утверждать, что лексика языка представляет собой систему, т. е. целостную организацию с взаимосвязанными и взаимозависимыми участками, в свою очередь имеющими собственное устройство и подчиняющимися законам существования этой целостности? Известно, что здесь существуют разные точки зрения. Одни языковеды утверждают, что словесный состав языка лишен соответствующих признаков: нестабильность значения слова и его семантической структуры в целом, часто приводящие к невозможности провести четкие границы между значениями многозначного слова, непрерывные передвижения в лексике, активная роль словообразования как сферы, предопределяющей все новые и новые вхождения — все это создает впечатление неочерченности границ как словесного состава языка в целом, так и отдельных его участков. В то же время мы нигде не находим прямых утверждений о том, что в лексике царит полный беспорядок. Безусловно признается наличие определенных группировок слов, отношений семантической близости и противопоставленности, организующая роль словообразования. Но при этом вопрос об устройстве словесного состава языка в целом или обходится молчанием, или получает самый общий ответ в том духе, что здесь «все со всем связано».

С другой стороны, неоднократно предпринимались попытки представить словесный состав языка как некое целое. К античным временам восходят опыты систематизации слов, опирающиеся на конструируемую в сознании «картину мира». На тех же основаниях, по существу, строятся и все описания лексики, представляющие ее как соположения семантических полей. Полнота охвата, хотя бы относительная, так же как и установление собственно языковых, классных показателей выделяемых группировок при этом не могут быть достигнуты.

Принимая тезис о лексике как системе, очень многие исследователи ограничивают свою задачу описанием отдельных групп слов, «полей», «классов», не ставя вопроса о том, как избранный для описания участок лексики относится к словесному составу в целом. Очевидно, что ответить на этот вопрос можно только выяснив, что же такое лексическая система языка, каковы ее признаки, какое место занимают в ней те или иные ее блоки и как они относятся друг к другу.

Общими свойствами всякой естественной системы являются: 1) сложность устройства, т. е. наличие в ней отдельных участков (подсистем), причем таких, которые сами имеют достаточно сложную внутреннюю организацию; 2) обязательное и постоянное взаимодействие этих подсистем, в своих связях и отношениях воздействующих друг на друга; 3) верховная роль системы в целом, не просто сочленяющей в себе отдельные участки, но координирующей и контролирующей происходящие в них процессы.

Язык как естественная система обладает всеми этими характеристиками: он состоит из подсистем, которые сами являются достаточно сложными организациями; эти подсистемы взаимодействуют друг с другом и в своем развитии и функ-

ционировании активно и разнонаправленно влияют друг на друга; в то же время происходящие в них процессы регулируются языком в целом.

Языковая система с точки зрения ее членения (и, следовательно, наличия составляющих ее частей) имеет тройственную организацию. Прежде всего, язык организуется несколькими его уровнями. Звуковой строй языка в силу незнаковой природы звука может считаться относительно простой организацией. Что же касается словесного состава и грамматического строя, то эти уровни языка отличаются своим собственным — весьма сложным строением. Эти системы находятся в постоянных связях и отношениях друг с другом, взаимно влияют на формирование и функционирование принадлежащих им единиц и их объединений. В то же время язык в целом регулирует все такие процессы, координирует взаимные действия звукового строя и грамматики, грамматики и лексики, лексики и словообразования. Налицо, таким образом, составленность языковой системы из отдельных частных систем, их сочлененное существование и координирующая роль языка применительно к его отдельным уровням.

2. Слово присутствует на разных уровнях языка. Однако говорить о лексике как системе можно только имея в виду словесный состав в его противопоставлении грамматическому строю. Лексический состав языка обладает всеми признаками целостной организации: он членится на отдельные участки (подсистемы), которые сами имеют достаточно сложное внутреннее устройство; эти участки не изолированы друг от друга, между ними существуют разнонаправленные связи; наконец, само существование лексических подсистем, движения в их составе, взаимные отношения входящих в них единиц и их группировок регулируются всем словесным составом языка.

Первичным членением словесного состава языка является его членение на части речи. Части речи — это не только грамматические классы, но и классы лексические. Такие значения, как значение предметности, процесса, непроцессуального признака, указательности, количественности представляют собой не что иное, как высшую ступень отвлечения от лексических значений отдельных слов, семантический инвариант слов, образующих целый лексический класс. Связи между классами слов, идущие в разных направлениях, осуществляются уже на уровне частеречного членения. Эти связи, реализующиеся с одной стороны, средствами словообразования, с другой стороны — усечением парадигм, «перехода» слов из одной части речи в другую, общеизвестны. Известно также, что все такие перемещения и преобразования влекут за собой определенные последствия как для отдельных лексических подсистем, так и для всего словесного состава языка, не просто реагирующего на такие процессы, но и регулирующего их.

Слова отдельных частей речи как исходных лексических классов предстают далее в виде многочисленных группировок, множеств и подмножеств, находящихся друг с другом в отношениях ступенчатого сужения. Каждое из таких подмножеств возглавляется своим инвариантом, имеет свою организацию и свои связи с другими подмножествами данного класса и других лексических классов. Такое устройство находит свое отражение в многоступенчатых классификациях. Их построение не есть результат простого «перебора» словесного материала; оно имеет

большое научное значение, так как позволяет увидеть собственную внутреннюю организацию класса, его реальные очертания и соотношения его частей. Обязательными условиями построения таких классификаций являются: 1) полный охват всех единиц данной части речи — в том объеме, в котором они отражены в современных толковых словарях; полученное количество оказывается достаточным: оно дает уверенность в том, что не отмеченные словарями единицы в случае пополнения материалов из других источников обязательно найдут свое место в соответствующих классах; так, например, для русского глагола такие классификации построены на материале более 135 тысяч словарных единиц — отдельных глагольных слов и значений [Шведова 1983а]; 2) безостаточное естественное распределение всех этих единиц между установленными подмножествами — ветвями лексического древа; 3) осуществимость такой проверки «снизу вверх», т. е. от конечного лексического ряда к исходным, наиболее обобщенным участкам, при которой отдельные единицы шаг за шагом входят в подклассы верхних рядов; 4) осуществимость такой проверки, при которой каждая появляющаяся в языке новая единица (слово, значение) естественно входит в один из классов и — по мере его членения — в конечный лексический ряд, находя в нем свое место в кругу ближайших партнеров и влияя на распределение их функций.

Иллюстрацией такого естественного членения большого участка лексики может служить подкласс русских бытийных глаголов (см.: [Шведова 1989]).

Так построенные лексические классификации дают возможность увидеть в больших массивах слов не просто некий конгломерат их отдельных групп, а определенным образом организованную систему.

Значение полных лексических классификаций состоит еще и в следующем. Построенные на материалах, охватывающих не менее полутора-двух столетий (а именно такую лексику заключают в себе все современные толковые словари), эти разбиения демонстрируют стабильность лексической системы: внутренняя организация класса устойчиво сохраняется на протяжении длительного времени и не меняется ни под влиянием процессов словообразования или образования новых значений слов, ни под влиянием внутриклассных или межклассных перемещений, ни под воздействием посторонних вхождений. Все такие процессы не разрушают лексической системы: они происходят внутри нее. Активность словообразования, развитие полисемии, экспансия интернационализмов или слов чужого языка и вызываемые всем этим изменения внутри словесных подмножеств, занимающих заключительные ступени классификаций, не оказывают влияния на строение системы в целом, на сгруппированность и соподчиненность ее частей, на их иерархическую организацию. В определенные моменты развития языка те или иные участки системы, вбирая в себя все новые и новые единицы и перемещая их относительно друг друга, могут становиться полнее, в разных отношениях значимее. Активность словесных движений на разных уровнях системы и в разных ее участках может создавать впечатление нестойкости лексики в целом, беспорядочности ее существования. Однако впечатление это ложное. Следует иметь в виду принципиально различные явления: во-первых, законы существования системы в целом как отдельного уровня языкового строя; во-вторых, законы су-

существования отдельных участков этой системы, ее частей и их взаимодействия друг с другом; в-третьих, наконец, законы жизни единиц, входящих в эти участки и через них — в систему в целом.

Законы существования слов, их развития и их отношений друг к другу определяются прежде всего тем, что слово по самой своей природе является единицей, противящейся состоянию покоя: реализуя свой центробежный и центростремительный потенциал, слово находится в активных взаимодействиях со всем своим окружением, с разными типами контекстов (см. статьи: [Шведова 1982; 1984]). Отсюда — все те разнообразные процессы, которые иногда определяются исследователями как проявления неупорядоченности и неустойчивости лексики вообще. Однако, как сказано, законы жизни слов не равны законам существования словесных систем: последние демонстрируют упорядоченность своей структуры и ее значительную устойчивость.

Установление системных отношений в лексике позволяет поставить вопрос о синтаксическом потенциале словесных классов, о синтаксических позициях, открытых при всех словах данного класса, и о правилах заполнения этих позиций. Введение понятия синтаксической парадигмы слова как комплекса его предикативно функционирующих форм [Касимова 1986] дает возможность выявить все такие позиции и изучить законы их грамматической объективации.

3. Выше уже упоминалось о том, что по направлению к конечным ветвям лексического древа уточняется круг тех признаков, которые служат показателями целостности такого множества: сужается самый круг единиц, семантически определеннее становится доминанта, наглядно выступают разные виды связей слов — формальных и семантических, как существующих внутри подмножества, так и идущих от него вовне.

Проследим черты системной организации лексического класса на примере замкнутой малой системы русских личных местоимений. Этот подкласс состоит из восьми слов: *я, ты, он, она, оно, мы, вы, они*, объединенных семантическим инвариантом 'предмет указуемый (собственно предмет или лицо)', грамматически — принадлежностью к классу имен существительных. Признаками системной организации личных местоимений являются: 1) наличие инварианта и близкое для всех этих слов направление сужения и конкретизации значений; 2) четко выраженные связи между значениями этих слов; 3) характерные выходы в другие участки системы имен; 4) общие тенденции к сочетаемости с другими словами; 5) общее отношение к образованию гнезда. Рассмотрим эти признаки.

Пройдя через противопоставление «как лицо, так и не лицо»: *он, она, оно, они* — «только лицо»: *я, ты, мы, вы*, члены класса на основе инварианта 'указуемое лицо' организуются в оппозицию, в которую местоимения *он, она, оно, они* входят как указатели лица: «единичное лицо (*я, ты, он, она, оно*) — неединичное лицо (*мы, вы, они*)». Здесь первично противопоставлены значения: «лицо указуемое равно лицу указующему на себя (*я*) или сочленено с лицом указующим (*мы*) — лицо указуемое не равно лицу указующему (*ты, вы, он, она, оно, они*)»; в последнем случае сема указующего лица не устраняется полностью: *ты* = 'не я, а лицо, ближайшее к я'; *он* = 'не я и не ты, а кто-то третий'. Далее сужение значений предстает в следующем виде:

я: 'любое конкретное лицо' ↔ 'лицо, мыслимое обобщенно'; второй член противопоставления конкретизируется как оппозиция: 'всякий, каждый' ↔ 'личность, его'.

ты: 'любое конкретное лицо' ↔ 'лицо, мыслимое обобщенно'; далее второй член противопоставления сужается до: 'всякий, каждый' ↔ 'лицо, почитаемое, возвышаемое'.

он (она): 'любое конкретное лицо' ↔ 'лицо, мыслимое обобщенно'; второй член оппозиции предстает в виде: 'лицо как обобщенно-мыслимый носитель свойства' ↔ 'лицо маскируемое'.

Как видно, сопоставление семантического строения слов *я, ты, он* открывает картину общности: во всех этих словах присутствуют элементы значения и конкретного и обобщенного; последнее предстает, во-первых, как обобщение на основе семы 'любой, каждый' (*я* обобщенно-личное в случаях типа: *Ты мне, я тебе; Если не я, то кто же? см. у Даля: Я ли не я ли?* — похвальба; *ты* обобщенно-личное: *Сегодня ты, а завтра я*) или на основе семы 'некто как тип, обобщенно-мыслимый носитель свойства' (*он* обобщенно-личное в случаях типа: *Бывают же люди: он тебя оскорбит, и он же еще и обижен*); во-вторых, как обобщение, отлившееся в отдельное лексическое значение: *я* — 'личность, индивид' (ср.: *потерять свое я*); *ты* как именование лица возвышаемого (*Ты* — 'божество' или 'государь'), *он* как лицо маскируемое, сознательно не называемое (*он* — 'враг' или 'бес', а также 'лицо для кого-нибудь единственное, избранное').

Во всех этих случаях на ступени обобщения вступает в силу возможность обозначить формой единственного числа некое неопределенное множество; тем самым в слове ослабляется его указательное значение; оно максимально ослаблено в случаях формирования собственно предметного значения (*у я*) или значения фразеологически связанного (*у ты: быть на ты с кем-н.*).

Что касается слова *оно*, то это местоимение семантически членится так же, как *он*, с теми ограничениями, что любое конкретное лицо здесь — 'любое дитя', 'любой детеныш'; сужение значения у члена оппозиции 'лицо, мыслимое обобщенно' у *оно* отсутствует.

В системе значений слов *мы, вы, они* присутствуют следующие отношения:

мы: 'я вместе с кем-то еще' ↔ 'я в моем отношении к кому-то еще'; первый член противопоставления далее конкретизируется как: 'я и еще одно лицо, мы вдвоем' ↔ 'я и еще несколько лиц, мы все вместе' ↔ 'я в составе неопределенного множества'; сужение значения 'я в моем отношении к кому-то еще' предстает как оппозиция 'я в моем отношении ко многим другим' ↔ 'я, вступающее в односторонне окрашенный контакт';

вы: 'ты вместе с кем-то еще' ↔ 'ты в отношении к тебе другого лица'; первый член оппозиции может далее конкретизироваться на основе уточнения количества тех лиц, которые объединяются с *ты*: 'ты и еще одно лицо, вы вдвоем' ↔ 'ты и еще несколько лиц, вы все вместе' ↔ 'ты в составе неопределенного множества';

они: 'он вместе с кем-то еще' ↔ 'он в отношении к нему другого лица' ↔ 'неопределенное множество не-мы и не-вы'; дальнейшее сужение значения слова *они* связано с первым членом противопоставления и приводит к выделению

оппозиции: 'он и еще кто-то один, они вдвоем' ↔ 'он и еще несколько лиц, они все вместе'.

В описанной системе значений местоимений *мы, вы, они* обращает на себя внимание значение указуемых лиц, включенных в неопределенное множество. У *мы* и *вы* при этом сохраняется сема 'я и кто-то еще', 'ты и кто-то еще': *Нас (вас) миллионы; Мы победим; Вы будете побеждены. У они* значения 'он в составе неопределенного множества' нет: в случаях типа *У них* и *у нас* или *Они в городе* (т. е. городские жители) не знают *хлопот* сема *он* отсутствует; *они* здесь означает 'множество, состоящее из «не-мы» и «не-вы»'.

Для всех трех слов (*мы, вы, они*) характерно развитие значения единичного лица в его отношении к другому лицу или к другим лицам. Это *мы* в значениях: 1) 'я в моем отношении к тем многим другим, к кому я адресуюсь' ('авторское *мы*'); 2) я как участник односторонне расположительного, либо нерасположительного, односторонне фамиллярного либо, напротив, односторонне самоуничижительного общения с другим лицом, я, вступающее в контакт (*Мы, кажется, сердимся?; Ого, мы уже улыбаемся!; Ну, как мы себя чувствуем?; — Устал? — Ничего, мы привычные*); 3) 'я как возвеличиваемое лицо' (*мы, Николай Второй*). В *вы* значение единичного лица (*тебя*) в отношении к нему другого лица (*меня*) заключено в «вы вежливости» (указание на уважаемое лицо со стороны лица уважающего). В *они* значение единичного лица в отношении к нему другого лица заключено в «они подобострастия» (устар.), в указании подчиненного, зависимого лица на лицо вышестоящее.

В сфере значений между всеми словами класса личных местоимений существуют тесные связи. Это выявляется, во-первых, в пересечении значений единичности и множественности, во-вторых, в пересечении значений лица указующего и лица указуемого. Все личные местоимения заключают в своем семантическом строении и значение единичности и значение множественности. Значение единичности у *я, ты, он* — первичное, у *мы, вы, они* — вторичное; значение множественности у *мы, вы, они* — первичное, у *я, ты, он* — вторичное. Такое перекрещивание значений делает весь этот круг слов тесно спаянной лексической организацией, члены которой готовы в соответствующих условиях осуществить перераспределение своих функций. С другой стороны, в системе личных местоимений сложно переплетены значения «лицо указуемое» — «лицо указующее».

Сема указующего лица присутствует во всех словах этого класса: в *я* эта сема — основная (его первичное значение: «лицо, указующее на себя»), в *мы* она сочленена с семей «и еще кто-то»; в *ты, он, вы, они* эта сема присутствует как противопоставляемая: «не я, а другое лицо (другие лица)». Таким образом, значение указующего лица так или иначе присутствует во всех личных местоимениях: это или лицо, непосредственно указующее на себя и противопоставляемое всем другим (*я*), или указуемые лица, противопоставляемые лицу указующему.

Близость семантической структуры у разных личных местоимений проявляется также в том, что все они, хотя и в разной степени, способны в одной из своих вторичных функций указывать на лицо, репрезентирующее некие свойства. У *я* это выражается в сформированности отдельного лексического значения ('лич-

ность'); у *он* — в сужении дейктической функции до указания на лицо предпочтительно не называемое; у *ты, мы, вы, они* отход от собственно указательности обнаруживается в обращении в этих словах квалифицирующих сем: *мы* 'лицо, обращающееся ко всем, и либо лицо почитаемое, либо лицо противопоставляющее себя другим, либо лицо принижающее себя'; *вы, они, ты* — 'лицо уважаемое либо высоко почитаемое'. Такой ход сужения значений, с одной стороны, — концентрация указательности и, с другой стороны, — осложнение указательной функции оценочными семами — является специфической чертой семантического строения личных местоимений.

Все личные местоимения весьма избирательно относятся к сочетаемости с другими словами — как в плане собственно синтаксическом, так и семантическом. Специфична их сочетаемость друг с другом (*я и ты, ты и он, мы и вы* и т. д.; *я с ним, мы с тобой, вы с ним* и т. д.); ограничены возможности сочетания с собственно квалифицирующими словами (сочетания типа «*А теперь он знает все не хуже Мудрых и старых вас*» [А. Ахматова] воспринимаются как окказиональные); регулярна сочетаемость мест. *мы, вы, они* с локальным квалификатором, репрезентирующим субъект (*мы в институте обсудили, они здесь хорошо устроились, вы там горя не знаете, мы тут волновались* и под.). Подробное рассмотрение синтаксической и семантической сочетаемости личных местоимений откроет убедительную картину их индивидуального отношения к синтагматическим связям и к смысловым соседствам в разных типах контекстов.

Характерная черта личных местоимений — негативное отношение к производству на их основе новых слов. Только *я* дало *якать* и *ячество* (см. у Даля: *якать* — «твердить *я, я*, говорить все только о себе и от себя»; *якала* — «тот, кто *якает*»; см. там же введенное Бодуэном *яйность* 'эгоизм'); *ты* — *тыкать, тыканье, вы* — *выкать*. Неохотно относятся эти слова и к образованию с их участием фразеологизмов (ср. *быть с кем-нибудь на ты и на вы, выпить на ты, перейти на ты*).

Все сказанное убеждает в том, что личные местоимения обладают признаками достаточно определенной словесной организации, члены которой предпочитают существовать в себе и для себя. Замкнутость системы обнажает эти ее свойства. В то же время несомненно и то, что представленные здесь аспекты характеристики лексического класса применимы и к другим лексическим организациям.

Отражают ли современные толковые словари систему личных местоимений как целостную организацию? И да и нет. Сопоставление соответствующих словарных статей показывает здесь целый ряд упущений, объясняющихся прежде всего тем, что эти слова предварительно не были рассмотрены лексикографом под единым углом зрения (впрочем, то же самое можно сказать и об очень многих других лексических множествах). Заметим здесь, что переходящие из словаря в словарь определения типа: «*Я* — служит для обозначения лица говорящего», «*Ты* — служит для обозначения лица, — собеседника, преимущ. близкого», «*Он* — служит для обозначения лица, исключая говорящего и собеседника», «*Мы* — служит говорящему для обозначения себя и собеседника или нескольких лиц, включая себя» опираются на речь и никак не отражают собственно языковых, системных значений этих слов. Между тем, в центре этой «малой системы» стоит *я* как слово, кото-

рое «указывает на себя как на лицо, являющееся средоточием отношений с другими лицами: с *ты, он, вы, они*, со всеми вообще, — ставящее себя в центр таких отношений»; соответственно «*ты* — указывает на лицо, к которому *я* относится как к близкому и ближайшему из числа других»; «*он* — указывает на лицо, противостоящее *мне, тебе, нам, вам* или вообще всем другим»; «*мы* — указывает на множество, в которое входит *я* вместе с другими, т. е. *я и ты, я и он, я и вы, я и они, я и все вообще*». Уже в речи — и только в речи — *я* указывает на говорящего, *ты* — на собеседника, *мы* — на говорящего вместе с кем-то еще, *вы* — на тех лиц, к которым говорящий не относится и т. д.

4. Словарь разворачивает перед своими читателями картину мира — так, как она существует в сознании носителей данного языка, причем эта картина относительно полным толковым словарем представляется в исторической перспективе. В этом смысле роль словаря не может быть переоценена. Погружаясь в мир слов, читатель открывает для себя живую картину общественных отношений, быта, национальных знаний и умений, представлений об окружающем мире, закрепившихся в народе социальных оценок и квалификаций. В исторической перспективе предстают изменения в общественном устройстве, в состоянии научных знаний, в становлении и развитии профессий, в возможностях проникновения в мир природы. Но это только одна сторона дела. Картина мира в ее отражении языком сложнее и глубже, чем та, которая воссоздается собственно именованиями реалий. Это также картина связей и отношений, существующих, во-первых, между предметами, явлениями, ситуациями; во-вторых, между такими реалиями и теми, кто их воспринимает и оценивает; в-третьих, между самими такими квалификациями и оценками. Одна из основных функций языка — выражать связанность, сочлененность всего существующего — в словаре проецируется на мир человека и его окружений и служит воспроизведению существующих в этом мире отношений и зависимостей. Словарь служит источником, из которого черпаются сведения об этих связях. На основе анализа значений соответствующих слов, их семантических схождения и расхождения, анализа служебных средств языка и распределенности их функций выстраивается «каркас отношений» в отвлечении от самих относящихся друг к другу единиц. Картина мира предстает, таким образом, не просто как «все именуемое», а и как «все относящееся друг к другу, связанное друг с другом и друг от друга зависящее».

Все это так. Однако самый жанр словаря исключает возможность последовательного разворачивания перед читателем как воспроизводимой картины мира в целом, так и отдельных ее участков: обобщая информацию, заключенную в отдельных словарных статьях, лексикограф предоставляет читателю возможность самому воссоздавать все соответствующие целостности. То же самое относится и к познанию через словарь лексической системы языка в целом.

В алфавитном толковом словаре лексика получает принципиально асистемное изображение. Однако это не значит, что организованность словесного состава языка лишена здесь своей интерпретации. Задачу отображения такой организованности берет на себя отдельная словарная статья и все словарные статьи в их совокупности. Словарная статья заключает в себе информацию об отнесенности

слова к определенному грамматическому классу и о принадлежащих слову классных характеристиках; о деривационном потенциале слова и, тем самым, о его связях с другими грамматическими классами; о наличии в слове семантического инварианта и, следовательно, о том, что это слово существует не само по себе, а в окружении других слов с тем же семантическим центром; о вхождении слова в некий ряд слов, близких, а иногда и совпадающих по значению; при многозначности — об обращенности слова одновременно к разным лексическим классам; о синтаксических свойствах слова — неиндивидуальных и индивидуальных; о его участии в создании фразеологизмов. Иными словами, словарная статья своим строением, характером заключенных в ней сведений показывает, что слово существует в составе разнообразных множеств, как член этих множеств; тем самым сообщается о наличии в языке неких целостностей и об отношении этих целостностей к отдельным входящим в них единицам.

Можно говорить, следовательно, о двух принципиально различных типах информации, заключенной как в отдельной словарной статье, так и в толковом словаре в целом: это, во-первых, прямая, непосредственная информация о слове: о его значении, семантической структуре, грамматических характеристиках, элементарных синтаксических свойствах, об обрастании слова фразеологическими единицами, т. е. о возникающих вокруг него идиоматических наращениях, о словопроизводственных возможностях слова; во-вторых, это скрытая, т. е. однозначно не сформулированная непрякая информация о существующих в языке классах — грамматических и лексических, акцентологических, стилистических и других — и об отношениях между этими классами. Первый вид информации легко извлекается из словаря. Эта информация может быть более полной или менее полной, более точной или менее точной, но она сосредоточена при слове, собрана воедино и представлена как комплекс его собственных характеристик; принадлежность слова классу (классам) в словарной статье представлена как обращенность класса (классов) к слову [Шведова 1988а]. Второй вид информации рассредоточен по всему словарю; ее нужно извлекать из словарных статей, обобщать и систематизировать. Однако из-за этого такая информация не оказывается менее важной. Напротив, словарь, в силу специфики своего жанра, может предоставить читателю точные и достоверные сведения о том, что в языке существует система разных и перекрещивающихся классов слов с соответствующими обобщенными характеристиками.

Разные типы толковых словарей располагают разными возможностями представления как той, так и другой информации. Однако в любом случае лексикограф должен стремиться к ее точности и возможной полноте. Эта задача осложняется тем, что существующие в языке лексические классы в науке не описаны как целостные иерархически организованные и многоаспектно характеризующиеся множества. Необходимость такого описания очевидна, — так же, как очевидна сложность и трудоемкость той работы, которая должна ему предшествовать. Однако ясно, что только фронтальное и полное описание лексических классов позволит сделать словарное представление лексики точным, а все виды заключенной в словаре информации — достаточно объективными и проверенными.

В создаваемом в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН «Русском семантическом словаре» информация о лексических классах, скрытая в алфавитном словаре, становится прямой, а отдельные слова и значения непосредственно предстают перед читателями как члены самим языком упорядоченных лексических целостностей. Такая организация словесного материала позволяет снять многие болезненные вопросы современной толковой лексикографии: 1) слова и значения, входящие в конечные подмножества, предстают как ряды единиц, непосредственно демонстрирующие те черты общности и различия слов, которые должны найти отражение в словаре; 2) становится не просто декларируемой, но вполне осуществимой задача унификации толкований, иллюстрирования, оценок, построения заромбовой части статьи — там, где такая унификация действительно необходима; 3) обнажаются сильные и слабые стороны словника и оказывается вполне выполнимой задача его перманентного упорядочения и пополнения; 4) облегчается задача показа в словаре активных процессов в лексике, как в сфере собственно словесных вхождений и утрат, так и в сфере развития многозначности; 5) легче становится усовершенствовать и дифференцировать систему всех видов помет, а также хронологизирующих и локализирующих «вводо» в составе словарной дефиниции. И, что, может быть, самое главное, так систематизированный словарь помогает утвердиться в той мысли, что лексический состав языка представляет собой не просто вечно волнуемое море слов, а целостную и достаточно стабильную в своем устройстве организацию, обладающую всеми теми признаками естественной системы, о которых было сказано в начале этой статьи.

1988 г.

ПАРАДОКСЫ СЛОВАРНОЙ СТАТЬИ

Словарная статья по своим внутренним свойствам представляет собою во многих смыслах противоречивый лингвистический жанр, причем такой, который, создавая коллизии, в самом себе содержит возможности их снятия и разрешения.

Словарная статья берет на себя сразу очень много различных задач. Она должна дать всесторонние характеристики самого слова, вынесенного в заглавную часть; удовлетворительно информировать о разных видах его окружений, о контекстуальных, парадигматических, синтагматических связях слова, о силе и слабости этих связей; сообщить о тех стилистических и функциональных сферах, к которым принадлежит слово; показать его деривационные возможности, словообразовательное гнездо; вместить слово в его «фразеологическое поле» и показать разную степень фразеологической связанности тех или иных значений слова.

Таким образом, можно сказать, что словарная статья — это лингвистический жанр, информирующий не только о слове, но и о разных видах языковых окружений слов — контекстуальных, классных, деривационных, фразеологических, функциональных. На основе анализа разных словарных статей лингвист может сделать вывод о принадлежащих языку разных видах таких окружений.

Следовательно, любая словарная статья в толковом одноязычном словаре решает сразу две задачи, обращенные к разным адресатам: одну — для тех, кто ищет информацию именно о самом слове; другую — для тех, кого интересует типология словесных окружений; эта последняя, собственно научная информация, необходимо заключенная в словаре, до сих пор еще не нашла теоретического обобщения и лингвистической интерпретации.

Естественно, что перегруженность задачами делает словарную статью очень сложным лингвистическим жанром. Оторвавшись от повседневной работы и поставив перед собой, казалось бы, совершенно естественный вопрос, что за произведения одно за другим выходят из-под его пера, лексикограф убеждается, что миниатюрный жанр словарной статьи заключает в себе по меньшей мере пять парадоксальных ситуаций.

П а р а д о к с п е р в ы й: всеохватность задачи — сжатость, миниатюрность жанра. Языковой макромир здесь показывается через микромир слова, как бы конденсируется в нем. Языковая отдельность — слово — берет на себя задачу предстать в контексте языка, сузив его большой мир до границ своего микромира. Между тем реальностью является не обращенность языка к микромиру слова, а, наоборот, включенность отдельной единицы — слова — в большой мир языка, полная ему подчиненность. Коллизия состоит в том, что слово, существуя только в контексте класса — частеречного, парадигматического, семантического, синтагматического — и / или в контексте обстановочном, фоновом, возглавляя словарную статью, тем самым как бы берет на себя задачу типизировать те окружения, в составе которых оно существует, информировать о самих этих окружениях и о своем отношении к ним. Возникает противоречие между всеохватностью задачи и ограниченными возможностями жанра.

П а р а д о к с в т о р о й: «классоцентризм» языка — «лексоцентризм» (эгоцентризм) слова в словарной статье — тесно связан с первым. Словарная статья описывает некий языковой микромир, причем описывает его, во-первых, как некую отдельность, изолированную от более широкой сферы, во-вторых, как такой микромир, центром которого является отдельное слово, который как бы весь тянется к слову. Это — очень большая условность, необходимо вытекающая из самого жанра словарной статьи. Не требует доказательств, что то языковое окружение слова, которое показано в отдельной словарной статье, в огромном большинстве случаев не есть только его окружение: это — препарация тех общих правил разнообразной сочетаемости, парадигматических и синтагматических связей, которым подчиняется слово (исключение — его фразеологические связи).

Лексоцентризм словарной статьи выражается в том, что слово в ней предстает как единица, предопределяющая связи и отношения, «влекущая к себе» другие слова, формы, виды связей. Между тем это лишь одна сторона дела: слово не столько притягивает к себе другие единицы, сколько подчиняется общеязыковым законам и правилам. Эту подчиненность словарная статья изображает как диктат слова, как его требования к среде. Однако ситуация эта двусторонняя: слово подчиняется законам среды, а требования его — индивидуальны. Словарная статья не может показать этого различия и все связи, как диктуемые слову средой,

так и предопределенные индивидуальной спецификой именно данного слова, равно показываются исходящими от слова как от центра, вокруг которого будто бы вращается целый языковой макромир. Таким образом, словарная статья *весьма условно и своеобразно изображает соотношение «класс — слово как член класса».*

Общих языковых классов, в системе которых существует слово и его принадлежность к каждому из которых так или иначе отражается в словарной статье, существует по меньшей мере четырнадцать. Это классы: 1) частеречный, 2) лексико-семантический (внутри части речи), 3) собственно грамматический (внутри части речи, например, у имен — одушевленность, собирательность, *Pluralia tantum*, у глаголов — вид, грамматически выраженный способ действия, возвратность), 4) словообразовательный (для производных слов), 5) деривационный (по типам гнездования), 6) класс синтаксических связей, 7) класс семантических связей и далее классы и разряды: 8) стилистический, 9) функциональный (по сферам употребления), 10) хронологический (и локально-хронологический или только локальный), 11) квалификационный и оценочный, 12) орфоэпический, 13) акцентологический, 14) орфографический.

Лексикографической практикой выработаны устоявшиеся способы показа принадлежности слова к каждому из этих классов и разрядов. Принадлежность к части речи показывается специальной классной пометой, флексиями, толкующей формулой, грамматическим видом иллюстративного предложения, косвенно — гнездом и заромбовой частью статьи; отнесенность к лексико-семантическому классу выявляется средствами толкующей части, с наибольшей ясностью — через так называемый синонимический ряд; указания на собственно грамматические признаки слова (внутри части речи) в словарной статье присутствуют в дифференцирующих пометах, в специальных частях толкования, в иллюстративных предложениях; вхождение в словообразовательный класс демонстрируется самой материей слова, специальными компонентами толкующей части (ср., например, толкования неодноморфемных производных глаголов), косвенно — гнездовой частью статьи, а также через посредство соседних статей, посвященных однокоренным словам; принадлежность к деривационному классу слова выявляется через структуру гнезда, косвенно — путем непосредственного словарного окружения (соседние статьи однокоренных) и производными, прежде всего служебными единицами заромбовой части (производные предлоги и союзы); отнесенность к тому или иному классу синтаксических связей в словарной статье показывается специальными синтаксическими пометами и структурой иллюстративного предложения; семантические связи выявляются посредством ограничительного компонента толкования (ср.: *алеть* 'об алом: виднеться'; *гнедой* 'о масти лошадей...'; *блеснуть* 2 'о мысли, идее: внезапно возникнуть'), ограничительными указаниями типа *о ком (чем)*, специальным подбором иллюстраций; стилистическое качество слова показывается специальной пометой, в толковании — включением в соответствующий синонимический ряд, иллюстрацией. Для указания на квалификационную и /или оценочную сторону слова или его отдельного значения используются в разной степени дифференцированные так называемые стилистические пометы, квалификационно-оценочные части толкования, способ иллюстрирования; хронологическая (и локализирующая) квалификация реализуется по-разному: средствами

специальных (обычно даже в одном и том же словаре недостаточно соотнесенных друг с другом) помет (хронол.), информирующим компонентом толкования, так наз. «вводом» типа *в старину...*, *в России до революции*; *в европейских странах*); принадлежность к функциональному классу, к специальной сфере языка определяется соответствующими пометами (в больших словарях обычно достаточно детализирующими), информирующей частью толкования (ср.: у моряков, у строителей, у медиков, в горном деле), для специальных терминов — самим типом толкования, при современных требованиях читателя к толковому словарю, неизбежно отягощенного элементами энциклопедизма, а также характером иллюстраций (преимущественно терминологические или полутерминологические сочетания), показом специфических семантических сужений в составе гнезда. Орфоэпический облик слова в необходимых случаях отражается в элементах транскрипции; акцентологический — акцентным знаком; орфография показывается самим словом, в необходимых случаях вариантами.

Все эти средства отнесения слова к тому или иному классу или разряду и к разным классам в их совокупности в словарной статье предстают в компактном единстве. Каждое из них в отдельности отвечает «за свой участок», за достаточность и точность информации, за непротиворечивость своих отношений к другим компонентам этого единства. Максимальная насыщенность информации, заключенной в названной целостности разнообразных классных показателей, требует «дешифровки». Эта «дешифровка» возможна только на основе таких знаний языковой системы, которые далеко выходят за рамки условных сигналов, практически пронизывающих всю ткань словарной статьи.

П а р а д о к с т р е т и й: непосредственно вытекает из второго: это — максимальная концентрированность информации, заложенная в самом жанре словарной статьи — присущая ей потенция восстановления общей картины классов. Из сказанного выше ясно, что сведения, заключенные в словарной статье, представляют собой не что иное, как отсылающие сигналы, которые обязательно предполагают достаточные знания о классах и разрядах слов в отдельности и об их системе в целом.

Классная характеристика, даваемая при слове, предполагает, что в сознании читателя обязательно тут же должна развернуться картина класса в целом. Поэтому ни одна из названных коллизий самой словарной статьей не разрешается: они разрешаются самим читателем, который обращается к словарю или уже владея языком, или изучая его; выучить язык собственно «по словарю» невозможно.

П а р а д о к с ч е т в е р т ы й: всеобщая связанность всех константных свойств слова в самом языке — их искусственное разъятие в словарной статье как обязательное условие самого ее существования. В природе языка — органическая нерасчлененность классных свойств отдельной лексемы: в слове слиты его лексическое и грамматическое значения, все его частные грамматические значения спаяны воедино; разделить морфологические, словообразовательные характеристики слова и его валентностные свойства практически невозможно. Вспомним пример с *калесом* из «Белой гвардии» М. Булгакова (см. [Шведова 1984]), где очевидны едва уловимые переходы не только от одного значения слова к другому, но и от одного вида его связей к другим, от одной сферы его употребления — к другой.

В словарной статье все внутренние свойства слова представлены разчлененно, каждое в отдельности, как будто они существуют самостоятельно. Лексикограф не может показать органическую целостность этих свойств и обязательную совместность их существований. Словарная характеристика слова, несомненно, упрощает, а может быть, в какой-то степени и искажает всю сложность его внутренней организации. Не случайны расхождения разных словарей в представлении семантической структуры одних и тех же многозначных слов (например, *быть, идти, иметь, путь*; вспомним полемику о возможности расчленения на разные значения такого слова, как *земля*). Именно поэтому соответствующие статьи отягощаются зарембовой частью: во фразеологический ареал слова попадает все то, что не находит себе места в традиционно принятой «разбивке» на значения.

Парадокс «слитность свойств в слове — их разъятие в словарной статье» применительно к семантической структуре слова в самой этой статье снимается показом взаимосвязанности значений, их взаимными переходами; применительно к грамматическим свойствам отдельных значений многозначного слова данная коллизия в словарной статье не разрешается: для этого нужны широкие языковые контексты и несловарные знания об их строении.

П а р а д о к с п я т ы й: слово как единица, не знающая состояния покоя, — представление слова в словарной статье как единицы, находящейся в состоянии покоя. В слове заключен залог постоянного движения, развития, обусловленный его противоборствующими потенциалами: центростремительным (притяжение к себе) и центробежным (работа выбора и отдачи: слово диктует своему окружению, каким ему быть; см. указ. соч.). В результате реализации заключенного в слове центростремительного потенциала к нему притягиваются свойства окружающих его контекстов и входящих в них единиц; под действием этих свойств становятся возможными новые употребления самого слова, в нем формируются новые значения, новые отношения к своим семантическим партнерам. Под действием центробежного потенциала у слова формируются в разной степени устойчивые синтагматические связи.

Парадокс словарной статьи заключается в том, что она показывает развивающееся, движущееся явление как стабильное, т. е. описывает движение в условно остановленный момент развития. Эта коллизия самой словарной статьей не может быть разрешена: на помощь толковой лексикографии здесь приходит диахроническая лексикология.

Бытуют выражения: составлять словарь, составитель словаря. Они дают неправильное представление о лексикографической работе, искажают ее суть. Каждая словарная статья есть результат исследования того, как существует слово в своем многогранном контекстном и классном окружениях. Представление результатов этого исследования осложнено спецификой жанра словарной статьи. Чем ответственнее относится лексикограф к своей работе, тем напряженнее он ищет пути разрешения тех парадоксов, которые ставит перед ним этот маленький и коварный жанр.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ, ПОЛУЧЕННЫЕ В РАБОТЕ НАД «РУССКИМ СЕМАНТИЧЕСКИМ СЛОВАРЕМ»

I. Основания для классификации лексики. «Русский семантический словарь» (около 300 000 словозначений) был задуман как труд, который представит современную русскую общеупотребительную лексику в виде такого уровня языковой системы, который, как и уровни грамматический и словообразовательный, имеет собственную организацию и может быть представлен как такая организация. Этот постулат с необходимостью предполагал поиск обобщений определенных данностей, конструирующих такую организацию и обеспечивающих ее целостность. Путь поиска дает сам язык: он разделил слова на классы, организуемые одновременно самой общей лексической семантикой входящих в них единиц и обобщением грамматических свойств этих единиц. Такими классами являются части речи. С давних пор в русской грамматической традиции в разграничении частей речи соседствуют два принципа: строго формальный и функциональный. Если исходить от функций тех или иных классов слов, то в вершине членения (вслед за всеохватывающим началом — «Слово») оказывается членение функциональное: оно представляет все слова как распределенные по четырем множествам: слова указующие, именующие, связующие и квалифицирующие. Этому членению подчинены собственно лексико-грамматические классы — части речи: слова указующие — местоимения; слова именующие — имена существительные, прилагательные, наречия, предикативы и глаголы; слова связующие — предлоги и союзы и слова собственно квалифицирующие — частицы, модальные слова. Эти классы как носители самой обобщенной лексической семантики, общих грамматических свойств слов и их словообразовательных потенций и были положены в основу классификации материалов, извлеченных из современных толковых словарей и специально составляемых новых баз данных. Отступление от формального принципа, также традиционное, было сделано для обобщенного описания слов указующих, т. е. местоимений, а также для счетных слов: здесь доминирующим было признано функциональное основание, причем сам термин «указующие слова» следует считать достаточно условным (см. далее раздел V). Таким образом, вершина классификации оказывается трехступенчатой: «слово — функциональные классы слов — части речи». Такая классификация, исходящая из совокупного и нераздельного существования в слове его лексической семантики и грамматических свойств, позволила не только охватить весь материал без остатка, но и найти путь к его естественным внутренним членениям.

В результате тщательного анализа семантических свойств слов, входящих в ту или иную часть речи, каждый такой класс предстал как разветвленное лексическое древо, расходящееся на многочисленные ветви, идущие от вершины к основанию и вычленившиеся одна из другой на основе семантического сужения. Такое древо, характеризующееся ступенчатой инкорпорированностью своих нисходящих ветвей и безостаточностью (в границах привлеченного материала) единиц, образующих такие ветви и к ним устремленных, представляет собою лексико-семантический класс как множество, сочленяющее в себе подмножества разной

степени обобщенности и наполненности. В семантическом словаре такое множество и его строение показано соответствующими схемами; их задача — не искусственная схематизация словесного состава языка, а наглядное представление лексического класса как естественной системы (см. п. II).

Избранный путь представления лексики как одного из уровней языковой системы обеспечил строгость описания, его возможную полноту и естественность его основания; этот путь непосредственно подвел к такому представлению языковой картины мира, которое отвечает самому существу этого понятия. Возможно было и другое словарное описание, которое шло бы не от третьего шага вершины, а от второго (см. выше): тогда рядом с местоимениями в качестве слов «указующих», оказались бы действительные глаголы и действительные имена существительные, рядом с предлогами и союзами — все каузативные глаголы, рядом со словами квалифицирующими — все прилагательные, называющие градуируемый признак. Однако реализация такого принципа не только сделала бы пользование словарем в высшей степени затруднительным, но и не отразила бы природы лексики как естественной системы.

II. Лексика как система. Изучение и лексикографическое представление большого массива слов, распределенного на тех основаниях, которые изложены в п. I, подтвердило тезис, согласно которому современная русская общепотребительная лексика представляет собою такую естественную целостность, которая обладает всеми свойствами исторически сложившейся живой самоорганизующейся и саморегулирующейся системы. Эта система предстает как живая самодостаточная организация, характеризующаяся, как и всякая другая материальная естественно сложившаяся система, следующими свойствами.

1) Современная русская лексическая система сложилась исторически и отражает многовековой опыт народа; в ней присутствуют как отдельные единицы, так и целые их подмножества, несущие в себе следы прежних стадий развития языка; таким образом, самой системе присуща соположенность единиц, различных по своим индивидуальным генетическим и хронологическим характеристикам, а также по стилистической окраске, по своей сути тоже принадлежащей к широкой сфере исторических характеристик слова.

2) Лексическая система живет по своим собственным законам, созданным языком и регулирующим ее существование и развитие; эти законы исключают хаос и регламентируют процессы, происходящие внутри всей словесной организации.

3) Лексическая система состоит из отдельных участков — подсистем, взаимодействующих друг с другом, но существующих под эгидой системы в целом и подчиняющихся ее законам. Эти участки сами имеют свою внутреннюю организацию — некое ядро, к которому устремлены все составляющие такого участка. Движения внутри системы назревают и осуществляются в пределах таких подсистем: именно здесь эти движения наблюдаемы на сравнительно коротких временных отрезках.

4) Лексическая система является открытой системой; эта открытость различна для разных ее участков: какие-то из них легко принимают новации, другие почти строго консервативны.

5) При вхождении новаций в тот или иной участок системы в нем происходят определенные изменения; новая единица не просто вмещается в этот участок: ее присутствие влияет на соотношение и качество тех ближайших единиц, в круг которых эта новация входит как составляющее, принимаемое в границы соответствующего множества.

6) Лексическая система как естественная и живая исторически сложившаяся целостность обеспечивает возможность такого воспроизведения языковой картины мира, которая основывается на множестве иерархически организованных номинаций, в своих связях и отношениях осмысляемых средствами самой языковой системы (см. п. VIII),

Очевидно, что полученные результаты, подтверждающие статус лексического уровня языка как естественной самоорганизующейся целостности, исключают понимание лексической системы как конструкта — отдельного фрагмента, отвечающего тем требованиям, которые предъявляет к нему концепция исследователя: этот фрагмент, по замыслу исследователя, обязательно должен включать в себя единицы, толкуемые единым метаязыком и связанные друг с другом возможностями взаимобращения (обязательностью объяснения одного через другое); при таком понимании исследователь волен оперировать любой избранной им совокупностью слов как «лексической системой».

Нам говорят, что полная и многоступенчатая классификация всей общелитературной и общеупотребительной лексики, взятой из толкового словаря среднего типа (порядка 250 000 значений) и не оставляющая за своими границами ни единиц, реально существующих, ни потенциальных единиц (при своем возникновении естественно входящих в соответствующие множества), схематична и недостаточна для понимания внутренней организации лексической системы: утверждается, что принцип, на котором основана эта таксономия, не позволяет увидеть сложные связи и зависимости, существующие внутри системы, те отношения, которые связывают между собою классы слов и постоянно размывают их границы. С этим можно было бы согласиться, если бы устанавливая наличие в лексике сложной иерархии семантических множеств и подмножеств, мы забывали бы при этом о следующих обстоятельствах.

1) Лексические множества посредством недоминантных компонентов значений слова (недоминантных сем, т. е. тех сем, которые диагностируются как нецентральные после выделения семантического ядра синонимического или конкретно-предметного ряда), пересекаются друг с другом; ср., напр., пересечение классов глаголов, называющих интеллектуально-эмоциональные состояния и реакции, и глаголов, называющих эмоционально окрашенные поведения и поведенческие реакции; при этом существуют законы и виды таких пересечений, которые еще только предстоит изучить. Нельзя однако не видеть, что те, кто выдвигает против «таксономического подхода» в качестве основного аргумента тезис о пересечении классов, тем самым утверждают, что классы существуют: если бы не существовало классов, то не могло бы быть и речи об их пересечении. Практически же во всех таких спорах вопрос сводится не к тому, существуют ли лексические классы, а к тому, выполнима ли задача их полного исчисления и описания ступенчатого строения всей их системы.

2) Лексические множества объединяют в себе единицы продуцирующие, порождающие новые слова и значения, которые, будучи порождены, обычно стремятся покинуть породившую их среду и войти в другие среды, в другие кластеры и на другие ступени иерархии.

3) Самые общие лексические классы, своей семантической доминантой возглавляющие дальнейшее расчленение, не выстраиваются в линейный ряд: они глубоко различны по своим внутренним свойствам. Противопоставленность основных лексических классов базируется на различии функций, закрепленных в характере значений слов, входящих в этот класс, и в их потенциях: классы слов называющих, собственно именующих (глагол, имя, наречие, предикатив), противостоят классам слов указующих (дейктические глаголы, местоимения), связующих (предлоги, союзы и их аналоги) и собственно оценивающих (модальные слова, частицы и их аналоги).

4) Лексические классы, а также их отдельные участки объединены пронизывающими их (и скрепляющими их) общими смыслами, которые образуют смысловую сеть языка.

Таким образом, исчисление классов и подклассов слов, построение древа, от своей вершины до последних разветвлений раскрывающего перед нами не просто словесную ткань языка, но саму форму и реальность ее существования, не есть чистая таксономия: такое построение открывает путь к познанию собственного устройства лексикой и присущих словесному составу языка разнонаправленных устремлений большинства его участков.

III. «К а р т и н к и ж и з н и», рисуемые предконечным или конечным подмножеством лексического древа. Подмножества слов, относящиеся к предконечным или конечным ветвям лексического древа, не являются простыми подборками единиц, обладающих некоей семантической общностью; такие подмножества выполняют важную собственно конструктивную и информативную задачу, открывая перед нами определенный «кусочек действительности» (В. В. Виноградов). Это языковые «картинки жизни», через ступень подмножества естественно вписывающиеся не только в систему лексики, ей принадлежащие, но и занимающие свое место на конечных ступенях языковой картины мира. Такие «картинки» рисуются прежде всего лексикой, называющей разнообразные реалии бытия — именами существительными и глаголами. В центре такого подмножества стоит слово (или несколько слов) с опорным, наиболее общим значением; к нему по-разному обращены слова, составляющие его ближайшее окружение. Существуют определенные типы таких «картинок»; одни дают собственно изображение, другие его так или иначе живописуют; в большинстве случаев такие типы контаминируются в одном подмножестве. «Картинка жизни» может совпадать с традиционным понятием синонимического ряда, но это бывает только на последней ступени разбиения: предконечные подмножества, как правило, не равны синонимическому ряду словозначений. Типология «картинок жизни» требует специального изучения; здесь назовем наиболее характерные их виды.

1) Подмножества собственно информирующие формируются лексикой, близкой к терминологической и не допускающей стилистических соположений; срав-

ни, например, названия реальных, относящихся к церковному устройству, к предметам богослужения, а также все относящиеся сюда глаголы: здесь нет «живописания» соответствующей сферы жизни, но только тщательная и точная о ней информация. В ряде случаев такие собственно информирующие подмножества несут в себе косвенную информацию о том, что сопутствует именуемому, какой конкретный участок жизни за ним стоит; сравни именованья таких совокупностей, которые беспорядочны или имеют только видимость порядка: *куча, груда, ворох, нагромождение — кипа, батарея (батарея бутылок; перен.), пирамида (поставить ружья в пирамиду; перен.), шеренга (шеренга автомобилей; перен.) — охапка*; вникая в строение этого ряда, мы ясно представляем действия того, кто что-нибудь беспорядочно набросал или нагромоздил, либо как-то сложил или уставил, либо беспорядочно ухватил столько, что больше уже не взять; соответствующие глаголы или фразеологизмы дорисуют начатое (*нагромоздить, навалить, накидать, наставить, охватить* и др.).

2) Подмножества «живописующие», сочетающие в себе единственно возможное обозначение с его ментальными и ментально-эмоциональными модификациями, раскрывающие средствами языка сложившееся отношение к именуемому; ср.: *умереть* — и все его окружение, от представления смерти как ухода к Богу до самого грубого и даже циничного обозначения. Еще один яркий пример такой живописующей «картинки жизни» — именование глаголом фазы бытия как предстояния: здесь лишь глагол *предстоять* выполняет информирующую, собственно обозначающую функцию; далее вступает отношение человека как незнание или страх перед предстоящим (*надвигаться, угрожать, подкарауливать* и др.) либо — весьма ограничено — как удовлетворенность (*улыбается, светит что-н. кому-н.*). Яркие «жизненные картинки» открываются такими подмножествами как «глаголы, называющие поведение или контакты» или «названия человека по его поведению, поступкам» и мн. др.

3) Наиболее распространенный вид рассматриваемых подмножеств — сочетание собственно информирующей и живописующей функций; при этом первая часть может быть синонимическим рядом (например, *человек — индивид — личность — персона*) или несинонимическим рядом (например, *населенный пункт — город — село — деревня — хутор...*), а вторая часть живописует любое из таких именованья: *человек... — смертный, раб божий, ближний* (во втором случае — *дыра, медвежий угол, тмутаракань...*). Сравни в глаголах, называющих манеру, способ речи: *говорить, произносить и бормотать, тараторить, тархтеть, гундеть, гнусавить, шепелявить*.

«Картинка жизни» — в разных своих видах — восполняет отношение «лексическая подсистема — синонимический ряд»; она оказывается необходимым членом триады, организующей лексическое пространство внутри класса: «лексический класс со своим внутренним устройством — подмножества, членящие (и одновременно собою организующие) этот класс — предконечный или конечный лексико-семантический ряд, самим своим составом информирующий об устройстве того или иного “кусочка действительности” и его живописующий».

Характерно, что слова, своими значениями обращенные к квалифицирующей (признаковой) сфере, не образуют подмножеств, рассматриваемых выше; их объе-

динения специфичны: это или ряды, градуирующие смысл (например, *какой — хороший, прекрасный, отличный* и т. д.; *весьма — очень, чрезвычайно* и т. д.), или ряды, сопологающие значения, относящиеся к сфере модальности (*нужно, должно, необходимо, целесообразно, возможно* и др.).

«Картинки жизни» — необходимый компонент лексической системы, ее органические составляющие.

IV. Обнаруживается глубинное сходство между строением лексического класса и многозначного слова: принадлежит к общей сфере языковой номинации, они сходны по своему устройству, по тенденциям развития, по своему отношению к языковым новациям и к разностилевым компонентам, тяготеющим к их составу. В многозначном слове, как в микромире, отражаются все основные свойства лексического класса — его макромира. Это объяснимо, так как и то и другое представляет собой сложившуюся целостность значимых единиц одной и той же природы: многозначное слово существует как иерархически организованная целостность словозначений, лексический класс — как многоступенчатая целостность множеств, объединяющих такие значения. Речь идет о многозначном слове, однако существование однозначных слов не противоречит сказанному: при моносемии всегда существует возможность семантических модификаций, готовность к семантическому расширению. Говоря об изоморфизме слова и лексического класса, следует помнить, что при этом сопоставляются не отдельные слово с отдельным лексическим классом, а общие для всех слов и для всех классов черты строения и закономерности развития. Эта общность не абсолютна, но характерно, что черты различия выступают на фоне сходства, и это сходство с очевидностью доминирует над различием этих двух основополагающих языковых систем — лексического класса и слова как такой микросистемы, языковые свойства которой формируются внутри класса, которому эта микросистема обязана самим своим существованием. Выявляются несколько безусловных черт сходства в строении многозначного слова и лексического класса.

1) Как слово, так и лексический класс представляет собой многоступенчатую целостность, объединяющую в своем составе такие участки, которые сочленены в определенную систему; в составе класса — это все его подмножества и подчиненные им ветви, в слове — это все его отдельные значения и заключенные в них семантические потенции («оттенки»), также тесно сплетенные в единое целое. И в том и в другом случае составляющие системы находятся друг с другом в отношениях взаимной зависимости: это не простое соположение, а отношения порождающего и порождаемого: и в слове, и в лексическом классе присутствует возникающая в самом ходе их развития связь между теми целостностями, которые являются компонентами их структуры.

2) И многозначное слово, и лексический класс, представляют собой ступенчатую организацию: и в том и в другом случае ступени нисходят от общего к частному, от производящего к производному. Для лексического класса такая черта является конструирующей, она обязательна и постоянна: это всегда сужение. Для семантической структуры слова эта черта характерна, но не абсолютна: модификации значений разнообразны, это может быть как сужение, так и расширение

производящего значения; однако и само расширение значения, по-видимому, может рассматриваться как один из видов семантического включения. В целом же картина достаточно очевидна: лексическое древо предстает как разветвление семантически дифференцируемых, сужающихся ветвей, многозначное слово — как семантическая структура, расчленяющаяся по направлению от общего к частному; даже в тех случаях, когда вычленившееся значение оказывается более широким по сравнению с вычлениющим, отношения порождения всегда остаются одной из ступеней, идущих от семантического ядра к его модификациям. В любом случае для каждой из этих систем характерна семантическая дифференциация, направляющаяся от вершинного исхода к завершающим ступеням целостного построения.

3) Как многозначное слово, так и лексический класс являются открытой системой. Слово развивается, образует новые значения, всегда при этом сохраняя «спящие», но готовые по-разному напомнить о себе значения старые или устаревшие. Открытость слова состоит в его разнообразных взаимодействиях с другими лексическими единицами, осуществляющихся посредством словопроизводства, синонимии, омонимических отталкиваний; практически ни одно слово не существует вне взаимодействия с другими словами или фразеологизмами. Та же черта характерна и для лексического класса: он открыт для образования новых единиц — лексических рядов, создающихся в результате появления новых слов и значений, займствований, интернациональных вхождений. Однако ни в слове, ни в лексическом классе открытость не колеблет целого, а лишь обогащает его и стимулирует его естественное развитие.

4) Слово и лексический класс сходны по характеру происходящих и них и обусловленных развитием языка внутренних движений. И там, и там перед нами — живая и развивающаяся система, в самой себе заключающая потенциал расчленения и обогащения: в границах слова формируются новые семантические единицы, порождаемые самим словом как знаком, обращенным вовне — к реалиям, требующим именованья, к другим словам и к связям между ними. В границах лексического класса формируются (но гораздо постепеннее, чем в слове) новые обогащающие его компоненты — лексические ряды, в процессе развития лексики вычлениющиеся из конечных ветвей лексического древа.

5) Как многозначное слово, так и лексический класс обладают собственным производящим потенциалом. В слове это способность каждого из его значений к собственному словопроизводству, способность образовать другие единицы, принадлежащие как к тому же самому, так и к другим классам и распределяющиеся по самым разнообразным множествам. В лексическом классе — это его мощный потенциал взаимодействия с другими классами, осуществляющийся по общим законам словообразования и межклассных семантических связей.

6) Слово и как совокупность внутренне связанных значений, и как однозначная лексема имеет свою грамматику — парадигму, предписанную ему языком, а также диктуемые ему языком синтаксические связи. Свою грамматику имеет и лексический класс: в круг его характеристик обязательно входят те или иные правила словоизменения и синтаксической сочетаемости слов, а также (и не в послед-

ною очередь) те грамматические черты, из которых складывается индивидуальная характеристика того или иного лексического множества. Грамматика слова — со многими условно допускаемыми ограничениями — показывается в словарной статье; грамматика лексического класса в лингвистических описаниях ограничивается сообщением о ней только в терминах и категориях частей речи; грамматика отдельных подмножеств, отдельных ветвей лексического древа обычно характеризуется очень бегло или вообще остается вне поля зрения исследователя. Между тем, наука о словесном составе языка, претендующая на всестороннее описание лексики, обязательно должна иметь своим предметом все те общие и частные грамматические характеристики, которые вместе с семантикой слов, образующих данное множество, составляют сущностную черту этого множества.

7) Как для лексического класса и любого из образующих его множеств, так и для многозначного слова характерно то, что можно назвать «стилистической всеядностью»: внутри словесной системы и ее подсистем сосуществуют единицы разной, очень часто противоположной стилистической значимости; это объясняется множественностью и разнообразием путей формирования и пополнения лексики, открытостью большинства ее участков. В многозначном слове свободно соседствуют значения, принадлежащие к самым разным языковым сферам: к нейтральной, книжной или высокой речи, к речи узко специальной или профессиональной, к просторечью, жаргонам, к диалектам, взаимодействующим с общенациональными нормами; слово отличается высокой активностью, оно стремится действовать во всем языковом пространстве, которое для него всегда открыто. Многозначное слово включает в свою семантическую структуру как живые, активные значения, так и значения устаревающие или старые. То же самое относится к лексическому классу: он вбирает в себя словесные единицы, принадлежащие к разным периодам в истории языка; такой класс свободно охватывает словесные массивы, складывающиеся на протяжении нескольких эпох. В зависимости от задач предпринимаемого лексикографического труда, в словарной статье описывается или относительно полный исторически сложившийся состав значений слова со всеми связующими их переходами, или показывается только то или другое его современное состояние.

На фоне рассмотренного сходства отчетливо выступают черты различия, обусловленные знаковой природой слова и природой лексического класса.

1) Слово есть знак: за ним стоит, с одной стороны, понятие, с другой — сама именуемая реалья; в нем заключен потенциал неких взаимоотношений, связей как с понятием (сигнификатом), так и с конкретной жизненной данностью (депотатом). Лексический класс как целостная организация не обладает таким потенциалом: его структура — это абстракция от отношений между словесными множествами, именно благодаря этим отношениям организованными в систему. Здесь уместна аналогия между лексическим классом и грамматической категорией. В обоих случаях языком представлена высокая ступень обобщения: в грамматической категории это абстракция от значений словоформ, в лексическом классе — от семантических характеристик его подмножеств. Как грамматическая категория, отлившись в языковую абстракцию, существует уже над поразившими

ее и подчиняющимися ей единицами, так и лексический класс, сложившись в систему связей и отношений между словесными множествами, существует уже сам по себе и независимо от наличия или отсутствия какой-то отдельной единицы в составе того или иного такого множества.

2) Слово обращено к речи: речь (устная и письменная, социально нормированная или индивидуальная, отклоняющаяся от нормы) — сфера его существования. Именно поэтому слово — в устах говорящего или под пером пишущего — открыто для индивидуальных осмыслений и переосмыслений, для неожиданных столкновений; сама знаковая природа слова позволяет ему расширять круг именуемого, делает его предметом творчества, художественного мастерства. Лексический класс обращен непосредственно к тем связям и отношениям, которые формируют языковую систему. Никакая индивидуальная деятельность в границах класса или входящего в него множества невозможна — так же, как невозможна такая деятельность в сфере грамматики, ее категорий и форм: редкие попытки выглядят странно и никогда не принимаются языком.

3) В слове переход от одного значения к другому происходит плавно и постепенно: будь то сужение или расширение значения, преобразование его в связанный компонент фразеологизма, — здесь всегда существуют промежуточные ступени, связующие звенья между семантическими наращениями или утратами. Между множествами и подмножествами лексического класса таких переходов нет. Связь между лексическими множествами внутри класса — это сложившаяся вычлененность нисходящей ветви из той, которая ей непосредственно предшествует и, следовательно, обязательное вхождение нисходящей ветви в ту, которая ее порождает. Эти отношения между подмножествами закреплены структурно: ими создается многочастная целостность, принадлежащая самой языковой системе.

4) В слове заложена высокая семантическая продуктивность, обеспечивающая появление новых значимых единиц. Продуктивность класса, т. е. способность порождать и вычленять новые ветви, не идет ни в какое сравнение с продуктивностью слова: если в слове ее можно наблюдать «невооруженным глазом», то в лексическом классе соответствующие процессы обнаруживаются лишь в результате специальных исторических разысканий.

Показанное выше сопоставление может быть продолжено: оно может исходить от природы лексического значения как от такой организации семантических составляющих, которая имеет ядро и устремленные к нему (и от него отходящие) компоненты, все вместе образующие семантическую целостность.

V. Работа над «Русским семантическим словарем» позволила по-новому осмыслить строение многих классов слов, в частности — местоимений и глаголов. Анализ класса *местоимений* как особой системы, вместе с действительными глаголами, противостоящей другим классам слов по своей основной функции и по своему строению, привел к следующим важным выводам.

1) Местоимения как слова, лишённые номинативных (денотативных) значений, образуют систему слов означающих (собственно указующих) и в этом качестве противопоставлены всем другим словам — именуемым, связующим и квалифицирующим. Во главе класса местоимений стоит закрытый ряд исходных

(первичных, начальных) слов, означающих глобальные понятия материального и духовного мира: это понятия о живом существе (*кто*), предмете (*что*), признаке (*какой, каков*), принадлежности (*чей*), количестве или его последовательности (*сколько, который*), мере (*насколько*), времени (*когда*), месте (*где*), пределе в пространстве или во времени (*докуда, откуда*), о состоянии (*каково*), об элементарных связях и зависимостях (*почему, зачем*). Каждое из таких местоимений возглавляет собственную микросистему, средствами местоименных слов представляющую означаемое как определенное, неопределенное или несуществующее (отсутствующее или непознанное), например: *где — тут, там — где-то — нигде; какой — такой — какой-то — никакой; кто — кто-то — никто* и т. д. Такое сегментарное трехступенчатое членение отражает самые общие и основные ступени человеческого познания.

2) Класс местоимений является смыслопорождающей категорией: его исходный ряд включает в себе те центральные понятия, которые формируют языковые смыслы и смысловые категории языка (см. п. VI). Языковой смысл (например, «*где — место*», «*кто — существо одушевленное*», «*когда — время*») притягивает к себе равноуровневые языковые средства и формирует на их основе общие и частные смысловые категории языка. Эти категории все вместе образуют то пространство, которое можно назвать смысловым строем языка. Исходное местоимение возглавляет микросистему, представляющую означаемое, во-первых, как то, что может быть определенным, неопределенным или непознанным (это — членение микросистемы «по вертикали», например, *где, где-то, нигде*); во-вторых, как то, что может быть предельным (данным, точечным) или непредельным (не данным, не точечным) (это — членение «по горизонтали», например, *где — тут и там, что — это и то, почему — поэтому и потому, который — этот и тот*); в-третьих, как неопределенно единичное и неопределенно множественное (например, *кто-то и кто-нибудь, кто-либо, кое-кто; куда-то и куда-нибудь, куда-либо, кое-куда*). Такие противопоставления в самом абстрактном виде демонстрируют заключенные в языковых смыслах идеи существования и несуществования, предельности и непредельности, единичности и множественности, определенности и неопределенности.

3) Местоимение как класс означающих слов представляет собою концентрацию абстрактных языковых значений: в нем заключены и им формализованы, представлены в ничем не осложненной и строгой системе такие абстракции как бытие и небытие, пространство и время, определенность и неопределенность, предельность и непредельность, одушевленность и неодушевленность, субъектность и бессубъектность, считаемость, мера, принадлежность, ситуативное состояние (*каково*), причина, цель. Все эти абстракции, связанные местоимениями в стройную и прозрачную организацию, присутствуют — в разных языковых единицах — на разных уровнях языка: в грамматических категориях и формах, в морфемике, в лексических значениях слов; они скрепляют собою все эти уровни и обеспечивают целостность языковой системы, существование единого смыслового строя языка (см.: [Шведова 1998]).

Смыслы, означаемые местоимениями и дифференцируемые средствами разных языковых множеств, скрепляют собою «изобразительное полотно» языковой

картины мира и обеспечивают неодноплановость и глубину этой картины (см. п. VIII).

VI. Работа над разделом «Местоимения» позволила сформулировать основное различие между языковым смыслом и языковым значением и предложить такое определение языкового смысла, которое представляется достаточно строгим.

1) Языковой смысл — это языковая категория, стоящая на высшей ступени абстракции; по отношению к любому языковому значению смысл является его инвариантом.

Языковой смысл — это самое общее понятие, означенное исходным местоимением и в границах создаваемого этим исходом понятийного пространства материализуемое посредством таких языковых целостностей, которые по своей природе (по семантической общности входящих в них единиц) обращены к такому пространству, входят в это пространство и в нем располагаются. Языковой смысл есть глубокая структура, сочетающая в себе два конструирующих начала: во-первых, одно из основных понятий материального мира и духовного мира человека, этот мир познающего; во-вторых, обобщенно представленную семантику разноуровневых языковых средств, к этому понятию обращенных и его собою материализующих.

Каждый языковой смысл членится, во-первых, в соответствии с теми ступенями познания, которые отражены в строении местоименной микросистемы (определенность, познанность, данность — неопределенность, неполная познанность — непознанность, непредставленность и, следовательно, несуществование); во-вторых, по охвату обращенных к этому смыслу языковых семантических общностей, по их сужающемуся членению.

2) В недрах языкового смысла структурируются языковые смысловые категории. Эти категории — общие и частные — отвлекаются от языковой материи и обнаруживают себя в совокупностях материальных единиц и в самих таких единицах. Так, например, языковой смысл «сколько — количество», представляющий общую смысловую категорию, и самим строением местоименной микросистемы членищийся по названным выше основаниям (*сколько: столько — сколько-то, -нибудь, -либо — нисколько*), порождает смысловое пространство, которое первично членится на частные смысловые категории (*сколько кого, сколько чего, сколько раз, сколько времени и сколько лет кому-чему*) и далее — внутри этих первых — на следующие, более частные смысловые категории, определяемые семантической общностью единиц, входящих в каждое из ступенчато сужающихся подмножеств. Языковой смысл «чей — принадлежность» представляет общую смысловую категорию, члениющуюся по ступеням определенности — неопределенности — непредставленности (*чей: мой, твой, ваш, его, их, свой — чей-то, чей-нибудь, чей-либо — ничей*) и порождающую смысловое пространство, которое объединяет внутри себя частные смысловые категории: «лично свой — общий — чужой», далее члениющиеся на основе семантической общности тех единиц, которые распределены в границах такого смыслового пространства по ступенчато сужающимся подмножествам.

3) **Языковое значение** — это содержательная целостность, неотделимая от языкового смысла, образуемая слиянием семантических составляющих (главной и конечной или конечными семами) и представляющая собой содержательный аспект языкового знака: в двуликой природе такого знака значение открывает тот его «лик», в котором заключено знание об именуемом.

Коренное различие языкового значения и языкового смысла состоит в том, что смысл стабилен, консервативен, а значение нестабильно, подвижно. Строй смыслов, понятийно скрепляющий собою всю языковую систему, существует исконно и не меняется ни под влиянием социальных перемен, ни в результате изменений в значениях слов; значение подвижно и изменчиво: оно обращено к единицам того же качества, их к себе притягивает и от них отталкивается: центробежный потенциал (стремление взаимодействовать с другими подобными единицами и формировать новые такие единицы) и центростремительный потенциал (стремление притягивать к себе другие подобные единицы, вбирать их в себя) существуют в значении одновременно и вместе являются движителем в развитии как самого значения, так и других значений, к нему устремленных и от него отталкивающихся. Лексическое значение не существует само по себе, одно: оно входит в лексико-семантическое множество и активно взаимодействует с другими единицами такого множества.

В составе лексико-семантического множества значение может быть опорным или неопорным. Опорное значение организует группу — подмножество или конечный лексико-семантический ряд; в той «картинке жизни», о которой говорилось в п. III, оно именует эту «картинку», составляет ее центр. К опорному значению устремлены все другие члены подмножества: они или дополняют собою его семантическое ядро или «расцветивают» его познавательно, оценочно либо стилистически.

Любое значение включает в себя смысл как свой понятийный инвариант; смысл облекается множеством значений и скрепляет их в пределах порождаемого им понятийного пространства (см. выше п. 2).

VII. Новые результаты получены при фронтальном изучении и описании значений глагола.

1) Традиционной дихотомии «глаголы со значением активного действия — глаголы со значением неактивного процессуального состояния» оказалось естественно противопоставленным разбиение «глаголы, в своих значениях не заключающие противопоставления активного действия либо неактивного состояния — глаголы, в своих значениях противопоставленные по этому признаку». В первый блок вошли глаголы дейктические, бытийные, модальные, фазовые, глаголы со значением связей и зависимостей; второй блок делится на «глаголы, называющие активные действия, действительности» и «глаголы, называющие неактивные процессуальные состояния — субъектные и бессубъектные». Внутри каждого из этих блоков присутствует собственное многоступенчатое членение. При таком разбиении оказались представленными в общем блоке глаголы, по своим значениям безразличные к характеру субъекта (или к отсутствию субъекта), наиболее отвлеченные по своим значениям, а также глаголы, способные означать действие или состояние вообще либо ситуацию в целом (дейктические).

2) Бытийные глаголы в русском языке составляют обширную группу слов, способных не только именовать те или иные фазы бытия, но и обозначать их различные характеристики. Этот класс состоит из десяти множеств, в которых объединяются глаголы со значениями: предстояния, близости, возникновения, становления, осуществления, существования, мгновенности бытия, достижения предела бытия, перерыва в течении бытия, склонения к концу бытия, конца, несуществования. Внутри каждого из этих множеств присутствует внутреннее членение (например, существование: собственно существование, существование, характеризующее с точки зрения интенсивности или неинтенсивности, существование-самовыявление; предстояние: собственно предстояние, предстояние отдаленного и предстояние близкого и др.). Бытийные глаголы своим составом показывают все реально существующие фазы бытия, сложность и многогранность этих фаз; своей организацией они наглядно демонстрируют один из фрагментов языковой картины мира (см. п. VIII).

3) Русские дейктические глаголы образуют сложный класс, первично организующийся в четыре большие группы.

а) Глаголы, способные называть самые разнообразные действия или состояния, по охвату означаемого наиболее близкие к местоимениям (см. п. V): это глаголы *делать, делаться, происходить, быть* ('присутствовать', 'иметь место', 'наличествовать') и некоторые другие, составляющие закрытый ряд слов. Глагол *делать* способен означать любое действие, поступок, поведение, исходящие от активного субъекта (при негации — отсутствие такого действия, поступка): *Что он делает? — Работает / Спит / Гуляет / Пишет статью / Сдает экзамены / Уехал отдыхать... / Ничего не делает.* Глаголы *делаться, происходить* означают любую ситуацию, собственно событие, в котором явно или неявно присутствует субъект действующий, тот, от кого ситуация исходит, кем она конструируется (— *Что там делается? — Драка / Ссора / Приехали гости / Поймали ворышку / В доме делается что-то непонятное*). Дейктическая функция принадлежит также предикативу *сделано*, означющему результативное состояние, продолжающийся и актуальный результат действия, поступка: *Что сделано, того не веротишь; Сказано — сделано.*

б) Глаголы связанные, способные означать действие или состояния только в сочетаниях с определенными словами; такая сочетаемость может быть относительно широкой или узкой, но эти связи всегда оказываются закрытыми; ср.: *вести* (*разговор, беседу, дело, речь* и некот. др.), *держать* (*речь, экзамен, ответ, свою линию* и некот. др.), *нести* (*ответственность, наказание* и некот. др.), *войти* (*в азарт, в раж, в роль, в суть дела* и некот. др.), *проводить* (*время, жизнь* и некот. др.). Таких глаголов в русском языке около 300; в словарях они подаются с пометой «в некоторых сочетаниях» со случайными иллюстрациями; однако их последовательное словарное описание — применительно к современному русскому общему словоупотреблению — удалось осуществить только при фронтальном изучении глагольных значений.

в) В русском языке есть около 30 глаголов, соотносительных с так называемыми «глагольными междометиями», такие, как *бахнуть, бухнуть, грохнуть, шарахнуть, хлопнуть* и под. Такие глаголы первично означают звук и его произведе-

ние, а далее — различные энергичные одноразовые действия: удар, брөсок, рывок, быструю речь, быстрое направленное движение. В словарях семантическая структура таких слов описывается по-разному. Между тем, эти глаголы по своей природе являются дейктическими словами, способными означать любое разовое и резкое, сильное физическое действие; характерна общая тенденция семантического развития соответствующих глагольных междометий — от воспроизведения звука до формирования внутритекстовой частицы, означающей неожиданное действие или событие (*Сижу без денег и вдруг — хлоп! — посыдка; То нет никого, то вдруг — бах! — целая куча гостей!*).

г) К дейктическим глаголам примыкает также небольшая группа глаголов, способных экспрессивно означать собственно энергичное действие или движение: *дуть, жать, чесать, сыпать, шпарить, валять* (*Так и дует [жарит, шпарит, чешет, сыпет] на балалайке; Так и чешет [жмет, жарит, дует] по дороге; Валяй [дуй, чеши] за папиросами*). Ср. глагол *плясать* у Пушкина в «Сказке о попе...»: «До света все у него *пляшет*, Лошадь запряжет, полосу вспашет, Печь затопит, все заготовит, закупит...»). Таким образом, работа над «Русским семантическим словарем» утвердила тезис о наличии в русском языке особого класса дейктических слов, имеющего собственную организацию и собственное внутреннее членение. Дейктические слова — глаголы и местоимения — создают основу для типологии сообщений (языковых ситуаций) и для рассмотрения их системы в целом. Внутри всего языкового пространства размещаются те языковые смыслы, которые заданы исходными дейктическими единицами; эти смыслы, сополагаясь, контаминируясь и осложняясь в строе текста, отливаются в нем в материальную форму и организуют его как единицу сообщения.

4) Фронтальное изучение глагольных значений наглядно продемонстрировало действующие в языке тенденции порождения одних классов значений другими: устанавливаются живые связи между глаголами дейктическими и глаголами со значением физических действий и состояний, движения и перемещения; между глаголами со значением бытия и глаголами со значением движения или эмоциональных состояний и др. Изучение таких тенденций подводит к важному теоретическому положению о возможности воссоздания некоего идеального конструкта, показывающего многозначное слово как структуру с открытыми или закрытыми, заполненными или незаполненными участками, обладающую определенным потенциалом семантического развития (см. об этом в ст.: [Копорская 1996]).

Важным результатом является также то, что мы получили твердое представление о природе тех участков, которые составляют лексическую систему глагола: здесь выявляются участки закрытые, почти не принимающие новаций, участки, допускающие такие новации, но относящиеся к ним с большой осторожностью, и участки, свободные принимающие новации — прежде всего, в связи с развитием тех или иных сфер жизни, знаний, появлением новых реалий.

VIII. Признав существование лексики как естественной самодостаточной и самоорганизующейся системы, живущей по своим законам, независимо от концепции исследователя, приступающего к описанию системы с заранее предъявляемыми к ней требованиями, мы неизбежно подходим к вопросу о том, что же такое создаваемая самим языком *я з ы к о в а я к а р т и н а м и р а*. Прежде все-

го встает вопрос: что же стоит во главе этой картины, к чему обращены основные массивы слов, как лексическая система своим составом изображает окружающий нас мир и все в нем существующее? Ответ на этот вопрос дает тот «человекоцентризм» (антропоцентризм, эгоцентризм), о котором с разных позиций пишут многие исследователи: в центре всего изображаемого словом стоит человек — он сам и все то, что воспринимается им как его окружение, сфера его бытия; наиболее полные и развитые ветви лексического древа, представляющего систему, относятся к человеку — к нему самому, к его жизнедеятельности, к продуктам его труда и занятий: человек незримо присутствует в любом именовании как тот, кто об именуемой реалии может сказать «мое», наконец, во всей системе именовании человек присутствует как тот, кто специально для этого предназначенными языковыми средствами может сопоставить и сочлениить такие именованья, квалифицировать и оценить именуемое. Наверное, о человеке, воспринимающем себя как центр мироздания, никто не сказал лучше Г. Р. Державина; см. в его знаменитой оде «Бог»:

*...Поставлен, мнится мне, в почтенной
Средине естества я той,
Где кончил тварей Ты телесных,
Где начал Ты духов небесных
И цепь существ связал всех мной.*

*Я связь миров, повсюду сущих,
Я крайня степень вещества;
Я средоточие живущих,
Черта начальна Божества;
Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь, — я раб, — я червь, — я Бог!*

Так мы подходим к пониманию языковой картины мира не как отдельного, удобного для анализа фрагмента лексики, а как картины в целом, как целостного изображения языком всего того, что существует в нас и вокруг нас. К такому пониманию обязывает сам термин, за которым стоит мысль о способности языка своими собственными средствами представить все сущее как нечто целостное, вмещаемое в единое изобразительное пространство и этим пространством объединяемое. Исходя из всего сказанного можно сформулировать следующее определение языковой картины мира:

Языковая картина мира — это выработанное многовековым опытом народа и осуществляемое средствами языковых номинаций изображение всего существующего как целостного и многочастного мира, в своем строении и в осмысляемых языком связях представляющего, во-первых, человека, его материальную и духовную жизнедеятельность и, во-вторых, все то, что его окружает, среду и условия его существования: пространство и время, живую и неживую природу, область созданных человеком мифов и социум. Такая картина мира предстает как развернутое полотно с изображенной на нем вершиной и с обращенными к ней участками, компоненты которых располагаются по принципу ступенчатого су-

жения. В вершине этого изображения стоит человек; к этой вершине обращены две главенствующие ветви: «сам человек, его жизнедеятельность и ее плоды» и «его окружение, сфера его существования»; именно такое первичное членение соответствует восприятию человеком самого себя и того, что существует вокруг него и «для него». В первой ветви это само бытие человека, его тело и его дух, его виды (существующие генетически или образованные в процессе его жизнедеятельности), его действия и поступки, разнообразные плоды и результаты его трудов и занятий, его человеческое окружение и контакты; во второй ветви это пространство и время, вся живая и неживая природа, мир созданных человеком мифов и социум — общество, созданное человеком, его окружающее и регулирующее его социальное поведение. Каждый из названных участков далее членится на множество отдельных фрагментов, предсказанных строением соответствующей лексической ветви (ветвей): в этих участках оказываются объединенными слова, принадлежащие к разным частям речи, но относящиеся к одному и тому же фрагменту языковой картины мира (например, «бытие, существование человека»: имена, называющие фазы этого существования, глаголы, называющие соответствующее протекание процессов бытия; «время»: соответствующие имена и глаголы, называющие течение времени и т. п.). Внутри каждого из таких участков присутствуют собственные группировки и собственные отношения между входящими в них единицами и их совокупностями.

Сущность и строение языковой картины мира не ограничиваются только его словесным изображением: это изображение осмысливается языком, им связывается и окрашивается. На словесное «изобразительное полотно» накладывается сеть языковых смыслов, придающих такому изображению качество неоднотонности и глубины.

Поэтому возможно и такое представление «картины мира», в основу которого будут положены те глобальные языковые смыслы, которые заключены в дейктической системе языка. К таким смыслам обращена вся номинативная лексика: в собственно именуемом слове первично всегда заключено самое общее понятие — о предмете (лице или нелице), о признаке, о бытии, действии, поступке и др., т. е. один из тех смыслов, которые присутствуют в дейктической системе языка и составляют ее предназначение.

Никто не сомневается в том, что лексика отражает реалии и понятия существующего мира — так, как он сложился в восприятии носителей языка. Если подойти к термину «мир» с позиции лингвиста, то окажется, что «мир» — это все то, что познано (познаваемое или воспринимаемое как существующее за пределами познания), осмыслено и поименовано языком как существующее и обнаруживающее себя в разных состояниях, в движении или покое, в разнообразных связях и отношениях. Следовательно, и «языковая картина мира» естественно может предстать как отражение этого мира. Но если это так, то такое отражение обязательно должно основываться на самом общем языковом осмыслении мира и уже затем, в опоре на это осмысление, представлять реалии, обращенные к этим первичным, глобальным смыслам и группирующиеся вокруг этих смыслов. Основной языковой картины мира при этом окажется дейктическая система языка: именно к понятиям бытия, времени, пространства, действия, состояния, пред-

мета, признака, элементарных связей обращены многочисленные лексические классы именуемых слов, их участки и разветвленные множества.

Так вырисовывается возможная структура идеографического словаря, построенного не от идеи, которая представляется главной его составителью, а собственно от языка. Такое описание картины мира, опирающееся на внутреннюю двойственность лексической системы, на принадлежащую языку знаковую и функциональную противопоставленность дейктических и именуемых слов обеспечит объективность описания и исключит возможность решений, опирающихся на произвольно выбранную «всепорождающую идею».

1998 г.

АВТОР ИЛИ СОСТАВИТЕЛЬ?

(Об ответственности лексикографа)

Исполняется сто лет со дня рождения С. И. Ожегова. Это имя — крупнейшего нашего словарника, историка литературного языка, специалиста по вопросам языковой нормы и культуры речи — не нуждается в рекомендациях. Широкому читателю оно известно прежде всего как имя автора однотомного толкового словаря современного русского литературного языка, первоначально задуманного как краткий строго нормативный словарь, близкий к учебному, и постепенно, в ходе многочисленных новых изданий и пополнений, ставшего толковым словарем академического типа¹. На следующих страницах речь пойдет о С. И. Ожегове преж-

¹ Напомним здесь кратко историю этого словаря. Впервые «Словарь русского языка» вышел в свет в 1949 г. под редакцией акад. С. П. Обнорского (50 000 слов). Второе издание, исправленное и дополненное, под той же редакцией вышло в 1952 г. (52 000 слов). Третье издание было стереотипным (1953 г.). Четвертое издание, исправленное и дополненное, вышло в 1960 г. (около 53 000 слов); пятое, шестое, седьмое и восьмое издания были стереотипными (1963, 1964, 1968, 1970 гг.). После смерти С. И. Ожегова (1964 г.) работа над словарем была продолжена автором настоящей статьи. Под нашей редакцией и с авторским участием вышли все последующие издания этого словаря (с 9-го по 23-е). В 1972 г. вышло девятое издание, исправленное и дополненное (около 57 000 слов); десятое, одиннадцатое и двенадцатое издания были стереотипными (1973, 1975, 1978 гг.). В 1981 г. — тринадцатое издание, исправленное и дополненное; четырнадцатое и пятнадцатое были стереотипными (1982, 1984 гг.). В 1984 г. вышло шестнадцатое издание, исправленное и дополненное; семнадцатое и восемнадцатое издания — стереотипные (1985, 1986 гг.). В 1987 г. — девятнадцатое издание, исправленное и дополненное; двадцатое издание было стереотипным (1988 г.). В 1989 г. вышло двадцать первое издание словаря, исправленное и дополненное (70 000 слов); двадцать второе и двадцать третье издания — стереотипные (оба — 1990 г.). Далее начинается издание «Толкового словаря русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой: 1992 г. — 72 500 слов и 7 500 фразеологических выражений; 1994 г. — второе издание, исправленное и дополненное, 1995, 1996 — третье издание, стереотипное; 1997 г. — четвертое издание, дополненное, включающее 80 000 слов и фразеологических выражений; подготовлено пятое издание, значительно дополненное и снабженное сведениями о происхождении слов. О том, какая работа велась над словарем после смерти С. И. Ожегова, см. в «Предисловии» к девятому изданию словаря (1972 г.), а также в «Предисловии» к «Толковому словарю русского языка».

де всего как о лексикографе, хорошо понимавшем всю ту ответственность, которую берет на себя лингвист, вручающий своему читателю книгу о словах — об их значениях, формах, употреблении и об их ближайшем же словесном окружении, т. е. книгу, в которой важнейшей информацией насыщено не только каждое слово авторского текста, но и их расположение, последовательность, а также каждый знак, значок, сопровождающий и организующий этот текст.

Что такое ответственность лексикографа? Она не одна: автор словаря ответственен, во-первых, перед наукой о языке и тем самым перед лингвистами, обращающимися к словарю как к произведению, необходимо отвечающему требованиям современной науки; во-вторых, перед читателем-нелингвистом, доверяющим словарю и ищущем в нем нужную ему точную и достоверную справку; в-третьих, перед научной традицией, которую автор продолжает и развивает; в-четвертых, наконец, перед самим собой как специалистом и автором труда, выходящего под его именем. Рассмотрим все названные аспекты такой тяжелой ответственности.

Лексикограф ответствен перед своей наукой. Он не может не знать ее современного состояния, не быть в курсе проблем, непосредственно обращенных к теории слова. Следовательно, его произведение обязательно должно быть концептуально: в основе толкового словаря (как и любого другого собственно лингвистического лексикона) должна лежать строгая научная концепция — обоснованное понимание природы слова как языковой единицы, его значения, границ между значением и употреблением, объема и состава гнезда, границ между многозначностью и омонимией, тенденций образования связанных значений и фразеологизмов и многое другое; такое понимание должно быть ясно читателю из самой словарной статьи, из ее организации, а не только из теоретического введения к словарю (которое, кстати, далеко не всегда изучается читателем). Будучи ответствен перед своей наукой, лексикограф обязан быть не только лексикологом: он с необходимостью выступает и как грамматист, и как специалист в области словообразования, стилистики; он хорошо знает орфоэпические, акцентологические нормы и тенденции их движения. Иными словами, ученому-лексикографу нужно очень многое знать как лингвисту, и эти знания должны быть с очевидностью продемонстрированы в словарных статьях, выходящих из-под его пера; недопустимо такое положение, когда читатель-лингвист сталкивается на страницах словаря с лингвистическими ошибками, с путаницей в понимании видовых отношений глагола, с неразличением свободного и связанного значения, с подменой стилистических характеристик слова любительскими рассуждениями по поводу его употребления.

Лексикограф ответствен перед читателем-нелингвистом, который ищет в словаре нужную ему справку. Этот читатель не погружается в научную концепцию словаря: ему нужно верное и понятное определение значения, убедительные иллюстрации, точные сведения о формах слова, о его стилистической и хронологической принадлежности; увидя ошибку или не найдя нужного ответа на свой вопрос, такой читатель откладывает словарь в сторону с чувством неудовлетворенности. Об этом нельзя забывать, тем более, что носитель языка очень часто считает, что он сам не хуже лексикографа знает, что верно и что неверно; опыт-

ные словарики знают множество случаев, когда разгневанный читатель шлет ему письма, предлагая свои, иногда анекдотические, толкования, свои суждения о связях слова, о его употреблении и т. д. Помня о запросах читателя-лингвиста, лексикограф обязан очень точно соблюдать «правила игры»: словарная статья в толковом словаре, оставаясь научной, должна быть понятной, доступной, строго организованной; ее задача — преподнести нужные знания о слове доступно, а не зашифровывать их в заведомо усложненной форме, в многословных и расплывчатых определениях, в ничего не говорящих иллюстрациях. Если автор научной лингвистической статьи или книги может писать как он хочет и что он хочет, предоставляя читателю право читать егоopus или отложить его в сторону, то словарник такого права не имеет: он раб своего жанра — самого строгого из всех жанров, принадлежащих науке о языке.

Лексикограф ответствен п е р е д т р а д и ц и е й; он не один: словари писались до него и будут писаться после. Это — закон, вытекающий из самой материи словаря: лексическая система есть живая саморазвивающаяся организация, она живет; слова и значения появляются или исчезают, очень часто длительное время «дремлют» и в новых условиях возрождаются для новой жизни. Именно в силу своей материи толковый словарь, охватывающий относительно протяженный период в жизни языка, — это книга, обреченная на старение; это особенно ощущается в моменты резких социальных перемен. Поэтому очевидно, что словарь не может не обновляться, постоянно и время от времени разные авторы и составители с разным успехом принимаются за дело. Однако при этом необходимо помнить о традиции, знать ее и четко определять в ней свое место. Наша лексикографическая традиция богата, ее достижения велики; имена лингвистов, бравшихся за многотрудную работу словарника, составляют славу отечественного языкознания. Это обязывает. И здесь мы подходим к вопросу о том, что такое «составление словаря»? Есть два ответа на этот вопрос — в зависимости от того, какую задачу поставил перед собой тот, кто берется за его написание. Новый толковый словарь может быть или самостоятельным авторским научным произведением, или компиляцией из других словарей. Словарь как научное произведение может быть или собственно авторским, или коллективным трудом. Примерами последнего у нас могут служить словарь под редакцией Д. Н. Ушакова и Семнадцатитомный академический словарь 1948—1965 гг.: в обоих случаях работали коллективы высококвалифицированных специалистов, присутствовала ответственная редакция. И в том и в другом случае перед нами — а в т о р ы словаря. Компиляция не имеет отношения к научной традиции: здесь трудится с о с т а в и т е л ь.

Иногда приходится слышать утверждение о том, что «все словари списывают друг у друга». Думаю, что далеко не все. Научную ценность имеют как раз те словари, которые не списывают с других, а строятся на самостоятельном изучении материалов и авторы которых с полным основанием видят в словарной статье плод своего собственного исследования. Такая работа исключает компиляцию и делает труд словарника творческим. Вошли в историю и стали вехами в традиции именно те словари, где авторы не у кого не списывали, а трудились сами, глубоко и надолго погружались в материю языка, в то живое море слов, которое питало их

труд; именно творческое погружение в материал, в живую ткань языка сделало нарицательными такие имена, как Даль, Ушаков и Ожегов.

Современные компьютерные технологии открывают широкие возможности для компилятивных словарных произведений и таят в себе соблазны быстрого издания громоздких лексиконов псевдотезаурского типа, в которых составитель рискует превратиться в придаток к машине. База данных сама по себе не знает ничего: знанием языка обладает только человек; поэтому он обязан относиться к этой базе разборчиво и, приступая к составлению словаря, строго сформулировать для себя принципы и правила отбора. В ином случае, как бы ни было объемно такое сочинение, оно останется собранием списанного, сложенного вместе в одну упаковку, из которой, при первом же ознакомлении, торчат многочисленные непоследовательности и несуразности.

Из всего сказанного ясно, что нужно понимать под ответственностью лексикографа перед самим собой: это ответственность перед своей научной совестью, сознание, что работа сделана честно, без ненужной поспешности и с полной отдачей больших, трудами накопленных знаний. Компилятор не создает словарь: он его «составляет» и тем самым освобождает себя от ответственности и перед традицией, и перед наукой; ответственность перед самим собой — его сугубо личное дело.

Конечно, ни один словарь не свободен от ошибок; вопрос только в том, каковы эти ошибки и каково их количество. Можно смело сказать, что в компилятивном словаре их гораздо больше, чем в словарях авторских. В этих последних (даже в лучших из них) самой уязвимой стороной является неунифицированность описания слов, относящихся к одному и тому же лексико-семантическому классу, неоправданные расхождения в пометах, часто — неполнота определений, непоследовательность в разграничении многозначности и омонимии. Однако ни в одном авторском, ответственном словаре мы не найдем таких ошибок и непоследовательностей, которые нам в изобилии предлагает компилятор. Примеры такого «составления» в изобилии рассыпаны в «Большом толковом словаре русского языка», выпущенном «автором проекта, составителем и главным редактором» канд. филол. наук С. А. Кузнецовым под грифом Института лингвистических исследований Российской академии наук в Санкт-Петербурге в 1998 г. Но это — уже предмет специальной рецензии.

Как видно, вопрос об ответственности словарника — не такой уж праздный, как это может показаться с первого взгляда.

ДЕЙКТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ЯЗЫКА. ЯЗЫКОВОЙ СМЫСЛ

МЕСТОИМЕНИЕ И СМЫСЛ

*(Класс русских местоимений
и открываемые ими смысловые пространства)*

В этой работе содержится обоснование и развитие тех положений, которые были изложены в теоретической части книги: Н. Ю. Шведова и А. С. Белоусова «Система местоимений как исход смыслового строения языка и его смысловых категорий» (М., 1995; автор теоретической части — Н. Ю. Шведова, автор «Словаря местоимений» — А. С. Белоусова). После выхода в свет этой работы автором теоретической части была предпринята попытка последовательного анализа каждого исходного местоимения, его трехчастной микросистемы и устройства того смыслового пространства, которое открывается таким местоимением. Такая работа привела ко многим уточнениям и углублениям тех положений, которые легли в основу публикации 1995 года. Предлагаемое сейчас читателю исследование, основанное на прежней концепции, содержит, вслед за развернутой теоретической частью, анализ каждого исходного местоимения, его смысла, строения его микросистемы и порождаемого им смыслового пространства. Этот анализ углубляет, а во многих случаях также и уточняет те положения и выводы, которые были сформулированы ранее.

В первой части содержится общее рассмотрение системы русских местоимений, ее отношения к другим классам слов, рассматривается закрытый ряд исходных местоимений, их трехчастная сегментация и их фразеологический потенциал, обращенный к каждому из участков соответствующей микросистемы; вводится и определяется понятие языкового смыслового пространства, порождаемого местоименным исходом (началом, вершиной), и организующихся в лоне этого пространства общих и частных смысловых языковых категорий; рассматривается роль разноуровневых языковых средств, тяготеющих к определенному смысловому пространству и участвующих в формировании смысловых категорий. Особое внимание обращается на существование в русском языке дейктических глаголов, роли которых распределены относительно означаемых ситуаций — в соответствии с тем смыслом, носителем которого является дейктический глагол или глагольное устойчивое сочетание.

Вторая часть содержит описание двухсот русских местоимений, организованных в строгую систему и обращенных к тем или иным языковым смысловым пространствам. Это описание в каждой из 17 небольших глав строится по следующему плану: 1) местоименный исход как вершина микросистемы; смысл, им означаемый; его строение (сегментация «по вертикали»); местоимения, заполняющие сегменты определенности, неопределенности и непредставленности, а также обращенные к данному исходу местоимения, означающие всеохватность; 2) поведение исхода по отношению к своим сегментам (местоименные фразеологизмы, относящиеся к одной из ступеней в членении исходного смысла); 3) смысловое пространство, открываемое исходом и его сегментами; 4) языковые средства, заполняющие собою данное смысловое пространство; 5) подвершинное, «по горизонтали» (по отношению к вершине-исходу) членение смыслового пространства; 6) общие и частные смысловые категории; 7) смысловые взаимодействия.

В этой работе класс местоимений описывается как самостоятельная внутриязыковая система и рассматривается строение этой системы; в задачу автора не входило, во-первых, описание каждого местоимения как лексемы, имеющей собственную семантическую структуру и собственные, индивидуальные тенденции семантического развития; во-вторых, подробное рассмотрение функционирования местоимений в составе предложения или в условиях развернутого текста; этому последнему вопросу посвящена большая специальная литература, богатая материалом и важными наблюдениями.

Исследование местоимений осуществлялось одновременно с коллективной работой над многотомным «Русским семантическим словарем» (т. I. Москва, 1998 г., т. II — 2001 г., т. III — 2003, последующие тома готовятся к изданию). Эта работа, а также многолетний труд автора этих строк над однотомным толковым словарем и над изучением и описанием грамматического строя русского языка привели, в частности, к тем теоретическим обобщениям, которые читатель найдет в следующих ниже главах.

По сравнению с 1-м изданием книги (1998 г.) в настоящую публикацию введен ряд дополнений и уточнений, цитатный иллюстрированный материал. Значительно расширена глава о дейктических глаголах: в ней сжато излагаются некоторые положения, содержащиеся в статьях автора, специально посвященных этому вопросу. Из текста исключены все таблицы, присутствующие в 1-м издании (кроме первой, обобщающей, помещенной в «Приложении»): их содержание излагается в соответствующих параграфах. В «Приложении» представлена также общая схема строения системы местоименных слов — «Графическое изображение дейктической системы языка в ее базовых единицах». Частично изменена композиция второй части книги.

Часть I

СИСТЕМА МЕСТОИМЕНЕЙ
КАК ОСНОВА СМЫСЛОВОГО СТРОЕНИЯ ЯЗЫКА

§ 1. МЕСТОИМЕННЫЕ СЛОВА В КРУГУ ДРУГИХ СЛОВ. В русском языке вся система так называемых знаменательных слов состоит из двух неравноколичественных множеств, различающихся по своей предназначенности и по своему положению относительно исторических изменений. Основной массив — это собственно именующая лексика, называющая реалии и явления, принадлежащие миру человека, его среды и всего того, что его окружает. Эта лексика, объединяемая в словесную исторически сложившуюся систему номинаций, с одной стороны, открыта для новаций, с другой стороны, знает утраты. В этой системе, внутри составляющих ее классов, происходят постоянные движения как в самих словах, в их составе, так и в их связях и отношениях. Такая лексика составляет живую материю языка. Другую, значительно меньшую часть лексической системы составляет лексика, предназначенная для означения самых основных, глобальных понятий, относящихся к собственно существованию всего живого и неживого: к понятию о бытии, времени, пространстве, движении, событии, о предмете — лице и нелице, его признаке, количестве, мере, о действии, поступке, состоянии, об отношениях и связях между предметами, признаками, действиями, ситуациями. Это — дейктические единицы, указующие на те центральные понятия — смыслы, вокруг которых группируется вся номинативная лексика: в собственно именующем слове первично всегда заключено самое общее понятие — о предмете (лице или нелице), о признаке, о бытии, действии, поступке и др., т. е. один из тех смыслов, которые присутствуют в дейктической системе языка и составляют ее предназначение. Такие дейктические единицы всегда однозначны (что не исключает возможной их полифункциональности), значимая (содержательная) сторона их как языкового знака не членится на составляющие компоненты (семы). Система таких единиц — весьма консервативна и является закрытой, — так же как стабильна система основных понятий человека об устроенности его собственного и внешнего мира. Номинативная лексика обращена к дейктической системе как к высшей ступени обобщения, как к области носителей собственно *я з ы к о в ы х с м ы с л о в*.

Дейктическая система русской лексики двучастна: одной своей стороной она обращена к «сфере покоя», другой — к «сфере бытия и движения». Все основные понятия, относящиеся к собственно существованию всего того, что есть в мире, его формам и проявлениям, представлены (означены) языком либо как лежащие в области стабильного состояния, либо как относящиеся к области движения — собственно бытия или движения, действия, состояния, протекающего во времени. К «сфере покоя» относится вся собственно местоименная лексика: ею означены понятия о предмете (*кто, что*), признаке (*каков, какой, чей, как*), количестве, мере, счете (*сколько, насколько, который*), о времени в отвлечении от его течения, т. е. собственно о моменте (*когда, как давно, с каких и до каких пор*), о пространстве

и его точке в отвлечении от его измерения (*где, куда, откуда, докуда*), о собственно связи или зависимости (*зачем, почему*). В самих этих означениях не заключено понятие о движении, процессе — о бытии кого-чего-нибудь, о ходе времени, о протяженности пространства, о процессе счета или измерения, о проявлении связи или отношения: все данности, означенные собственно местоименными словами, представлены покоящимися.

Глагольный дейксис — все его единицы означают понятия, лежащие в «сфере процесса, движения» — бытия или действия, либо состояния, протекающего во времени. Это глаголы и глагольные фразеологизмы, означающие (но не именующие!) бытие, пребывание, присутствие, ситуацию, событие, действие, поступок, деятельность, актуальный результат действия, пребывание в состоянии, отношении к кому-чему-нибудь, соотношенность с кем-чем-н.

Как класс местоимений, так и класс дейктических глаголов — закрытые малые системы: они стабильны и непополняемы, их единицы исчислимы, и, что очень важно, составляя вместе особую часть всей лексической системы, они имеют точки соприкосновения как посредством самих единиц (*каково, что¹, как¹*), так и в сферах смыслового членения и в собственной внутренней парадигматике.

Сами местоимения формально распределены между именами, наречиями и предикативами. Однако роль местоимений в языке выходит далеко за границы каких-либо грамматических классов. Местоимения ничего не называют (не именуют): они означают смыслы, относящиеся к глобальным понятиям материального и духовного мира и одновременно углубляют, дифференцируют и сопоставляют эти смыслы (о том, какое содержание вкладывается в настоящей работе в термины «смысл», «языковой смысл» и «языковая смысловая категория» см. § 12). Исходные местоимения, возглавляющие и организующие весь этот класс, означают и осмысливают такие понятия, которые относятся к самым основам материального и духовного мира; это понятия о времени и пространстве, о живом существе, предмете, явлении, признаке, количестве, мере, а также об элементарных связях и отношениях между данностями реального мира. Здесь можно вспомнить интересную мысль В. Чермака [Czermak 1927] о первичной функции местоимений; приводим ее здесь в изложении К. Е. Майтинской: «В. Чермак считает, что в конечном счете любое языковое выражение восходит к выражениям пространственных восприятий, т. е. к местоименным словам в широком смысле слова, первые из которых передавали противопоставление примитивных представлений о «Я — не-Я». Постепенно усложняясь, данные представления трансформировались в оппозиционные пары типа «здесь — там», «видимое — невидимое», «известное — неизвестное», «полное — пустое», «жизнь — смерть», «действие — пассивность» и т. д.» [Майтинская 1969: 28].

Средствами самих местоимений глобальные понятия получают свое первичное расчленение, например: признак приписываемый и сущностный (*какой и каков*), принадлежностный или счетный (*чей и который*), время вообще и точка его отсчета или предела (*когда и откуда, отколе, докуда, доколе*), пространство вообще и его направленность, начало и предел (*где и куда, откуда, докуда*), количество как собственно счет и возможность его сопоставления и счета (*сколько, насколько и который*).

Все эти элементарные понятия, предстающие в языке как исходные, первичные смыслы, в системе местоимений расчленены по признаку определенности, неопределенности или непредставленности (непознанныости или несуществования). Эта расчлененность демонстрирует реально существующие ступени человеческого знания: «знаю» — «знаю неполно или не до конца, не уверен в своем знании» — «не знаю и поэтому отрицаю» (например: *чей — чей-то — ничей, куда — куда-то — никуда, зачем — зачем-нибудь — низачем, нэзачем*). С другой стороны, строение системы местоимений демонстрирует сложившееся у людей и отраженное в языке представление о противопоставленности предела, средоточия, «точки» и отсутствия предела, несосредоточенности, «неточности»; сравн. *этот и тот, это и то, тут и там, сюда и туда, досюда и дотуда, поэтому и потому* и под.

Таким образом, системой местоимений охватываются самые общие понятия, которые далее получают разнообразные, иерархически организованные именованные в лексике, формализуются в грамматике и морфемике, обозначаются словами связующими и квалифицирующими. В классе местоимений сосредоточены и абстрагированы понятия (смыслы, идеи) живого и неживого, личности и неличности, предельности и неопределенности, частного и общего, количества, признака сущностного и придаваемого, открываемого, принадлежности и непринадлежности, совокулности и раздельности, совместности и несовместности, элементарных и в то же время главных связей и зависимостей. Все эти понятия, означенные местоимениями как языковые смыслы, предстают как принадлежащие сфере познания, познанные и познаваемые, открывающиеся разными своими гранями.

Система местоимений, характеризуемая четкостью и глубиной своего строения, по своей природе самодостаточна, она обращена, в то же время, ко всем другим классам слов и с ними сложно взаимодействует. По уровню абстракции эта система стоит над всеми другими классами слов: она осмысляет устройство этих классов и их взаимные связи. Класс местоимений — это арсенал смысловых абстракций, заключенных в языке в целом; этим определяется роль местоимений в системе других классов слов. Спецификой местоимения как означающего (указующего, но не называющего) слова объясняется то, что оно не может быть названо «частью речи»: комплекс смысловых абстракций, сосредоточенных в системе местоимений, вступает в противоречие с формальной унификацией, обязательно присущей тем классам слов, которые традиционно называются «частями речи».

§ 2. ОБЩИЙ СОСТАВ КЛАССА МЕСТОИМЕНИЙ. В современном русском литературном языке функционируют более 200 местоимений, распределенных по следующим участкам системы: исходные (вершинные) местоимения, означающие те глобальные понятия, о которых сказано в § 1; местоимения, входящие в сегменты исхода и означающие: определенность (данность, реальность, собственно существование), неопределенность, неуверенность в существовании, предположительность; непредставленность — несуществование или отрицание существования либо незнание; местоимения, означающие всеохватность, всеобщность; местоимения, означающие собственно и только связь компонентов текста; ме-

стоимения, означающие единичность, изымание из множества чего-то одного, сосредоточенность на этом одном, его исключительность. Все эти местоимения организуются в строгую систему взаимосвязанных участков. В настоящем параграфе приводятся списки местоимений, расположенных по названному выше участкам и, внутри этих участков, перечисляемых в том порядке, который присутствует в описании местоимений во второй части работы.

1) Исходные местоимения: *кто, что, каков, какой, чей, сколько, сколь, как, зачем, почему, отчего, каково.*

2) Определенные местоимения: *я, ты, он, мы, вы, они, сам, себя; это, то, таков, такой, такой; мой, твой, его, ее, наш, ваш, их, свой; столько, столь; настолько; этот, сей, оный, тот; тут_{тепр}, тогда; тут_{юр}, там; сюда, туда; отсюда, оттуда; отсюда, оттоле; досюда, дотуда; доселе, дотоле, посюда, потоле; так, этак; затем; поэтому, поему, потому; оттого; такова.*

3) Неопределенные местоимения: *некто, кто-то, кто-нибудь, кто-либо, кое-кто, кто-никто; нечто, что-то, что-нибудь, что-либо, кое-что, что-ничто; некий, какой-то, какой-нибудь, какой-либо, кое-какой, какой-никакой; чей-то, чей-нибудь, чей-либо, кое-чей, чей-ничей; несколько, сколько-то, сколько-нибудь, сколько-либо, сколько-нисколько, сколь-либо; насколько-то, насколько-нибудь, насколько-либо; некоторый, который-нибудь, который-либо; некогда, когда-то, когда-нибудь, когда-либо, кое-когда, когда-никогда; где-то, где-нибудь, где-либо, кое-где, где-нигде; куда-то, куда-нибудь, куда-либо, кое-куда, куда-никуда; откуда-то, откуда-нибудь, откуда-либо, кое-откуда, откуда-ниоткуда; отколе-либо; отколя-либо, докуда-то, докуда-нибудь, докуда-нидокуда; доколе-либо; как-то, как-нибудь, как-либо, как-никак; зачем-то, зачем-нибудь, зачем-либо, кое-зачем, зачем-низачем; почему-то, почему-нибудь, почему-либо, почему-нипочему; отчего-то, отчего-нибудь, отчего-либо.*

Местоимения *кто-никто, что-ничто, какой-никакой, чей-ничей, когда-никогда, где-нигде, куда-никуда, откуда-ниоткуда, докуда-нидокуда, сколько-нисколько, зачем-низачем, почему-нипочему* принадлежат разговорной речи и просторечию; они отмечаются словарями непоследовательно или не отмечаются совсем. Между тем это обычные в обиходном употреблении слова, означающие неопределенность малого, редкого и, как правило, противопоставляемого реально существующему или осуществляющемуся, сравн.: *кого-никого, а повстречаешь; с кем-ни с кем, а поговоришь; у кого-ни у кого, а разузнаю; чем-ничем, а порадует; чья-ничья вещь, а хозяин найдется; чему-ничему, а научит; какой-никакой, а все-таки подарок; докуда-нидокуда, а добредем; зачем-низачем, а заглянет; сколько-нисколько, а даст; когда-никогда, а встретимся; где-нигде, а жильё найдем; как-никак, а справлюсь.*

4) Отрицательные местоимения: *никто, никого, некого; ничто, ничего, нечего; никаких; ничей; нисколько; нинасколько; никоторый; никогда; нигде, негде; никуда, некуда; ниоткуда, неоткуда; ниотколе; нидокуда; нидоколе; никак; низачем, незачем; нипочему; ниотчего, неотчего; никаково.*

5) Местоимения, означающие всеобщность, всеохватность: *все, всё, всякий, всяк, всячески, каждый.*

6) Местоимения собственно с в я з у ю щ и е: *каковой, таковой, кой.*

7) Местоимение, означающее и с к л ю ч и т е л ь н о с т ь, никогда не функционирующее самостоятельно и вносящее смысл сосредоточенности, точности, единичной и исключительной данности, изымаемой из множества: *самый*.

К классу местоимений тяготеют, активно взаимодействуя с ними, такие слова и сочетания как *человек, люди, народ; дело, вещь, предмет, штука; другой, иной, любой, данный; нашенский, вашенский, ничейный; тамошний, тутошний, здешний, последний, следующий* (оба в ряду считаемых); *вон, вот, стар. се* ('вот'), *везде, всюду, отовсюду, повсюду, всегда, донныне, поныне, сейчас, здесь, иногда, иначе, пока, покамест, покуда, после, потом, посейчас, постоянно; до сих пор, до тех пор, с тех пор, до сей поры, с той поры, по сию пору* и некоторые другие. В систему местоимений такие слова и сочетания не входят, так как они не относятся к области слов собственно означающих, указующих (дейктических) и наращивают в себе компоненты номинативного значения.

§ 3. СТРОЕНИЕ КЛАССА МЕСТОИМЕНИЙ. Элементарные и в то же время глобальные понятия — о живом существе, о предмете (т. е. обо всем неживом материальном, а также обо всем том, что можно представить себе как некую чувственно или умственно воспринимаемую реалию), о принадлежности, о признаке открываемом, воспринимаемом, придаваемом, приписываемом либо сущностном, о времени (собственно времени либо точке его отсчета или условной остановке), о пространстве (собственно пространстве и его направлении, начале и пределе), о количестве (собственно количестве и его мере), счете, о ситуации, внешней или порождаемой чьим-н. внутренним состоянием, наконец, о связанности ситуаций или действий по причине или цели — все эти понятия («идеи», смыслы) представлены местоимениями, которые можно назвать исходными (местоименными исходами); см. § 2, п. 1.

Как уже сказано, эти понятия расчленяются средствами самой системы по следующим основаниям: 1) определенность — неопределенность — непредставленность, отсутствие (см. § 2, пп. 2, 3 и 4); это — первое членение, членение «по вертикали», т. е. по смысловой парадигме; 2) внутри определенности: предельность, сосредоточенность, «точечность» — непредельность, несосредоточенность, «неточечность»; это — членение «по горизонтали», т. е. по отношению к пределу; 3) внутри неопределенности, также «по горизонтали»: потенциальная единичность — потенциальная неединичность (сравн.: *кто-то* — *кто-либо*, *кое-кто*; *где-то* — *где-либо*, *где-нибудь*, *кое-где* и под.).

Функции местоименных исходов строго распределены, однако они связаны друг с другом, во-первых, возможными дотекстовыми и внутритекстовыми смысловыми контаминациями, во-вторых, обращенностью к единому и общему началу — к тексту, высказыванию, где отношения как между самими исходами, так и между их расчленениями еще более осложняются.

Система местоимений в своем строении отличается от других классов слов двумя существенными признаками: 1) своей закрытостью, т. е. весьма настороженным отношением к новациям и 2) глубиной и ясностью своего устройства, которое играет определяющую роль в смысловом строении языка в целом. Здесь

целесообразно вспомнить о философских категориях Аристотеля, по существу оказывающихся также и категориями языковыми: все они определяются посредством слов с самым абстрактным значением и, что очень важно, в большинстве своем посредством местоимений.

Как уже сказано, класс местоимений представляет собой естественную систему, обладающую основными признаками такой системы: это исторически сложившийся класс функционально единообразных слов, объединяющий в себе такие участки, которые, существуя под эгидой вершины (вершинного ряда), находятся друг с другом в отношениях постоянного и тесного взаимодействия, их организующего и сопрягающего. Все малые организации, участки, составляющие систему в целом, обладают впечатляющим сходством своего формального и смыслового строения и функциональной предназначенности; никакой другой класс слов не характеризуется такой строгостью и стройностью внешней и внутренней организации и такой значимостью для языка в целом.

Система местоимений практически закрыта для интервенции каких-либо новаций: она стабильна и самодостаточна в силу самой своей предназначенности, которая заключается, во-первых, в означении основных, исходных понятий, представленных в языке как некие основополагающие смыслы, и, во-вторых, в том, чтобы, расчлняя и уточняя эти смыслы, отразить средствами языка основные ступени познания и саму структуру познания, постоянные и нерасчленимые переходы от незнания к знанию, от неопределенности к определенности этого знания.

§ 4. СЕГМЕНТАЦИЯ ИСХОДНЫХ МЕСТОИМЕНЕЙ: ЧЛЕНЕНИЕ «ПО ВЕРТИКАЛИ». Исходное местоимение имеет нелинейную организацию: означаемый им смысл сегментирован средствами самой системы по признаку «определенности — неопределенности — непредставленности (незнания, несуществования)». Определенность есть данность, представленность, утверждение наличия, существования и, следовательно, познаннысти: «знаю точно, это есть, существует»; неопределенность — это возможное существование, возможная данность и, следовательно, неполная познаннысть, неуверенность в данности: «кажется, что это есть, вполне возможно, но нет оснований утверждать с полной уверенностью, мое знание нетвердо»; непредставленность — это или незнание, или утверждение отсутствия, несуществования: «не знаю или знаю, что нет, не существует». Из этих трех сегментов последний — самый категоричный и наименее расчлненный по своему составу. Так внутри системы местоимений выстраиваются свои подсистемы, каждая из которых представляет собственную «малую систему», возглавляемую исходом и дифференцирующую его с точки зрения ступеней познания:

КТО: *я, ты, он (она, оно), мы, вы, они, сам (сама, само), сами, себя — некто, кто-то, кто-нибудь, кто-либо, кое-кто — никто, никого, некого;*

ЧТО: *это, он (она, оно), они, то, сам (сама, само), сами, себя — нечто, что-то, что-нибудь, что-либо, кое-что — ничто, ничего, нечего;*

ЧЕЙ: *мой, твой, его, ее, наш, ваш, их, свой — чей-то, чей-нибудь, чей-либо, кое-чей — ничей;*

КАКОЙ: *такой, этакий — некий, какой-то, какой-нибудь, какой-либо, кое-какой — никакой;*

КАКОВ: *таков — никаких;*

КОГДА: *тут_{тепр}, тогда — некогда, когда-то, когда-нибудь, когда-либо, кое-когда — никогда;*

ГДЕ: *тут_{юс}, там — негде (стар.), где-то, где-нибудь, где-либо, кое-где — нигде, негде;*

КУДА: *сюда, туда — куда-то, куда-нибудь, куда-либо, кое-куда — никуда, некуда;*

ОТКУДА: *отсюда, оттуда — откуда-то, откуда-нибудь, откуда-либо, кое-откуда — ниоткуда, неоткуда;*

ОТКОЛЕ_{тепр}: *отселе, оттоле, откале-либо — ниотколе;*

ДОКУДА_{юс}: *досюда, дотуда — докуда-то, докуда-нибудь, докуда-либо — нидокуда;*

ДОКОЛЕ_{юс и тепр}: *доселе, дотеле — доколе-либо — нидоколе;*

СКОЛЬКО: *столько — несколько, сколько-то, сколько-нибудь, сколько-либо — насколько;*

НАСКОЛЬКО: *настолько — насколько-то, насколько-нибудь, насколько-либо — никаксколько;*

СКОЛЬ: *столь — сколь-либо, сколь-нибудь — нисколь;*

КОТОРЫЙ: *этот, сей, тот — некоторый, который-нибудь, который-либо — ни-который;*

КАК: *так, этак — как-то, как-нибудь, как-либо — никак;*

ЗАЧЕМ: *затем — зачем-то, зачем-нибудь, зачем-либо, кое-зачем — низачем, не-зачем;*

ПОЧЕМУ: *поэтому, посему, потому — почему-то, почему-нибудь, почему-либо — ничо-чему;*

ОТЧЕГО: *оттого — отчего-то, отчего-нибудь, отчего-либо — ниотчего;*

КАКОВО: *таково.*

Таким образом, класс местоимений демонстрирует строгое и достаточно единообразное устройство своего членения. Это устройство здесь показано «по вертикали», т. е. по сегментированности исхода по трем названным выше ступеням. Однако связанность, формальная и функциональная скрепленность всех участков класса обнаруживается не только в этом.

«По вертикали» сочлененность участков системы и их отдельных элементов обнаруживается также в регулярном взаимодействии первых двух сегментов — неопределенности и определенности — в соединениях типа *кто-то сам, чей-то свой, какой-то такой, когда-то тогда, где-то там, где-то тут, как-то так, откуда-то отсюда, откуда-то оттуда, докуда-то досюда, куда-то сюда, куда-то туда; куда-нибудь сюда, откуда-нибудь отсюда* и т. д. (*спрятал куда-то сюда; валяется где-то тут/там; виделись когда-то тогда; устроил как-то так; Этот щенок чей-нибудь свой; Никто не бросал, это упало что-то само*). Во всех подобных случаях смысл неопределенности сохраняется, но происходит его сужение, очерчиваются его предметные, признаковые, временные, локальные и другие границы.

«По вертикали» в речи через посредство негации осуществляется взаимодействие местоимений, относящихся к сегментам неопределенности и определен-

ности; так возникают сочетания, уточняющие и усугубляющие смысл неопределенности: *кто-то не он, что-то не то, чей-то не мой, какой-то не такой, как-то не так, куда-то не туда, куда-то не сюда, откуда-то не отсюда, зачем-нибудь не затем, почему-нибудь не потому, отчего-то не оттого, когда-то не тогда, насколько-то не настолько, где-нибудь не тут* и под.

В выражение смыслов определенности (всеохватности, множественности), неопределенности и отсутствия (непредставленности) в речи включаются риторический вопрос и восклицательные предложения — в сочетании с частицами, усиливающим *это* или с гл. *мочь*.

1) Определенность (всеохватность, множественность) — сочетание местоимения с частицами *только ни* или *ни*: *Кого только я ни встречал! Чего ни рассмотрелся! Откуда только ни приходили! Каких только рассказов ни наслушался! Куда только ни приглашали! Как только ни упрасивали!*

2) Неопределенность (поиск определенности) — сочетание местоимения с частицей *бы*, с гл. *мочь*, с *это*: *Кто бы это мог быть? Что бы это было? Откуда бы это письмо? Зачем это / Зачем бы это он приходил? Сколько бы это могло стоить? Когда бы это могло случиться?*

3) Отсутствие (непредставленность) — сочетание местоимения с частицами *там, тебе, еще, же*: *Кто там мне поможет!* (т. е. 'никто'). *Откуда там / тебе /еще у меня деньги! Когда там / тебе еще я попаду в Крым! Зачем это / еще мне к нему ходить!* (т. е. 'незачем'). *Какие там у него помощники!* (т. е. 'нет никаких'). *Куда же мне идти?* (т. е. 'некуда'). *Зачем же я буду у него просить?*

«По горизонтали» членение класса осуществляется по двум основаниям: внутри определенности — на основе сопоставления предельности, сосредоточенности и неопределенности, несосредоточенности; внутри неопределенности — на основании сопоставления потенциальной единичности и потенциальной множественности.

В сегменте определенности с очевидностью обнаруживается противопоставленность местоимений, означающих предельность (сосредоточенность, точечность), местоимениям, означающим неопределенность, несосредоточенность на чем-то одном, неточечность); сравн.: *я, ты, он и сам, себя*, где *сам* и *себя* могут означать любое из первых трех лиц: *я сам, ты сам, он сам; я взял себе, ты взял себе, они взяли себе*. Аналогична противопоставленность: *это и то, такой и этакий, мой, твой, его, ее, наш, ваш, их и свой, тут_{тепр} и тогда, тут_{юс} и там, сюда и туда, откуда и оттуда, отсюда и оттоле, досюда и дотуда, этот и тот, поэтому и потому*.

Отсутствие таких соотношений у *сколько, насколько, каков, каково* восполняется при участии исхода в сочетании с *вот*: *вот сколько — столько; вот насколько — настолько; вот каков — таков; вот каково — таково*. Наличие противопоставления по предельности — неопределенности (сосредоточенности — несосредоточенности, точечности — неточечности) убеждает, что такая важнейшая оппозиция принадлежит не только глагольному виду.

В сегменте неопределенности «по горизонтали» противопоставлены местоимения с *-то*, способные означать как единичность, так и множественность (*кто-то, то-то, где-то* и т. д.) и местоимения с *-нибудь, -либо*, предпочитающие озна-

чать неопределенную множественность и в этом смысле обращенные к местоимениям с *кое-*, в самой системе означающим только множественность.

Из сказанного можно заключить, что порождаемые исходом противопоставления «по вертикали» и «по горизонтали» пронизывают всю систему местоимений и скрепляют ее в такую организацию, которая по своему устройству отлична от всех других классов слов. В общем виде членение класса местоимений по «вертикали» и по «горизонтали» показано в таблице, представленной в Приложении.

§ 5. ВСЕОХВАТНОСТЬ (ВСЕОБЩНОСТЬ) В ЕЕ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИИ ТРЕХСТУПЕНЧАТОЙ СЕГМЕНТАЦИИ ИСХОДА. Ко всем трем сегментам исходного местоимения обращен смысл всеохватности, всеобщности. Основную роль в выражении этого смысла берет на себя — в соответствующей распределенности — мест. *весь* (*вся, всё, все*), а также *каждый, всякий, всяко, всячески, по-всякому*. Местоимение *весь* функционирует здесь или самостоятельно, или в составе устойчивых сочетаний, в составе свободного словосочетания либо в качестве словообразующей морфемы. Такая обращенность свойственна не всем исходам, а только тем, где в разной степени допускается смысл считаемости, исчисления; это прежде всего местоимения *кто, что, когда, где, куда, откуда, докуда, сколько, насколько, который, как*; смысл всеобщности не закрыт и для других местоимений (*чей, зачем, почему, отчего*), однако здесь он выражается либо полнозначительными словами, либо синтаксически. Для местоименных исходов, открытых для понятия считаемости или предела, система местоимений располагает специальными средствами: это или собственно местоимения, или наречия, образованные от местоимения, или местоименные фразеологизмы, образованные с участием исхода: *кто — все* (субст.), *каждый* (субст.), *всякий* (субст. и в сочетаниях *всякий человек*); *что — все, всё, всякое* (субст.), *всякий* (в сочетаниях с неполнозначительным словом); *какой — всякий; когда — всегда; где — везде, всюду; откуда — отовсюду; который — каждый* (субст.), *всякий* (субст.); *как — всячески, всяко, по-всякому*.

В выражение смысла всеобщности включаются фразеологизмы, строящиеся с участием исхода: *кого ни возьми, всякий знает; кого только я не встречал; где только не побывал!; куда ни оглянись* (т. е. 'везде'); *зачем ни приди — поможет; чего не бывает!* (т. е. 'всякое'); *сколько ни дай — все мало*.

В выражении смысла всеохватности, всеобщности, повсеместности широко участвует лексика и фразеология: *кто — каждый встречный; где — повсюду, повсеместно; куда — на все четыре стороны, во все концы; как — на все лады, и так и сяк; сколько — бесчисленно, нет числа, не счесть; насколько — безмерно, всемерно; какой — всевозможный; откуда — со всех сторон, со всех концов; где — на всем белом свете, во всей вселенной; когда — в любое время, из века в век, из рода в род и др.*

Как уже сказано, из всех местоимений, означающих всеохватность, самым емким и универсальным является *весь* (*вся, всё, все*): само это местоимение или сочетания либо образования с ним входят в сферу смыслов *кто* (*все*), *что* (*все, всё*), *когда* (*всегда, во все времена, всю жизнь*), *где* (*всюду, повсюду, во всех местах, повсеместно*), *куда* (*во все концы*), *откуда* (*со всех сторон*), *как* (*на все лады*), *который* (*все — исчерпанность при счете*). Кроме того, местоимение *весь*, в отличие от всех

других, способно означать вместе как живое, так и неживое, явление, ситуацию и все к ней относящееся, т. е. именно и собственно всеохватность, ср. в сочетаниях: *все кончено, все пройдет, все в прошлом, все, что было*. Вспомним строки:

*Тени сизые смешались,
Цвет поблекнул, звук уснул —
Жизнь, движение разрешились
В сумрак зыбкий, в дальний гул...
Мотылька полет незримый
Слышен в воздухе ночном...
Час тоски невыразимой!..
Всё во мне, и я во всём!..*

(Пютчев)

Смыслу всеохватности, всеобщности противостоит смысл средоточия, сосредоточенности на одном, данном, единичном; этот смысл — ничем не осложненный — заключен в местоимении *самый*, специфика которого состоит в том, что оно не употребляется абсолютивно, вне сочетания с другим местоимением, именем или, в разговорной речи, в форме *самое* — с инфинитивом (см. ниже). Функции местоимения *самый* как означения средоточия, единичной данности сводятся к следующему.

1) В сочетании с личным местоимением оно означает несомненность, употребляясь в значении 'так и есть', 'именно', 'и никто иной': — *Ты Иванов? — Я самый; — Приехали гости? — Они самые*; то же при идентификации события, ситуации в сочетании с *это, оно, то*: — *Случилось то, чего ожидали? — Это / то / оно самое; — Неужели он опять солгал? — Оно самое*.

2) В сочетании с именами локального или темпорального значений *самый* означает непосредственность — точку, пункт, определенное и данное место или время, вычленяемое из пределов общего пространства: *забрались на самую вершину, в самую середину, на самый край; подошли к самому дому, увяз по самую макушку; приехал под самое Рождество, в самую полночь; в это самое место, в это самое время, в тот самый час, в эту самую минуту*.

3) В разговорной речи и просторечии *самый (самое)* сочетается с инфинитивом, означая то, что нужно, целесообразно в какой-то момент, безусловно удобно именно в данной ситуации: *Самое разведать, пока темно (Фадеев); Сейчас самое закусить; Дети выросли, самое учить; На полянке травка, тенек: самое отдохнуть*.

4) В сочетании с именем, называющим действие, состояние, *самый* означает момент, время, лучшие для данного действия, поступка: *Под дождичек самый сон; Без посторонних самый разговор; В жару самое купанье*.

5) В сочетании с прилагательным, в так называемых формах превосходной степени *самый* означает изымание единичного из определенного или неопределенного множества, в составе которого означаемое определяется как безусловное и единственное средоточие именуемого признака: *самый умный, самый хороший, самая любимая, самые веселые, самое верное* и т. д. Все эти свойства местоимения *самый* представлены в таких устойчивых сочетаниях как *в самый раз, самое верное, самое малое, самое лучшее, самое большое* и под.

Противопоставленность смысла всеохватности, всеобщности смыслу сосредоточенности, данности, единичности, изымаемой из множества подобного, составляет одну из характерных черт системы местоимений.

§ 6. ИСХОДНОЕ МЕСТОИМЕНИЕ В ЕГО ОТНОШЕНИИ К СЕГМЕНТАМ.

Исходное местоимение стремится участвовать в заполнении своих сегментов. Язык воздал целую систему фразеологизмов, сочетаний с частицами, которые вместе с собственно местоимением занимают свое место в каждом из трех сегментов исхода. Такие фразеологизмы способны представить означаемое как собственно определенное или как полностью отсутствующее (в сегменте непредставленности), или как неопределенное и по-разному характеризваемое.

В сегменте *определенности* это, во-первых, сочетание с *во*, заключающее или открывающее сообщение и несущее в себе смысл сосредоточенности, данности: *во* *кто*, *во* *что*, *во* *чей*, *во* *какой*, *во* *каков*, *во* *где*, *во* *когда*, *во* *куда*, *во* *откуда*, *во* *докуда*, *во* *сколько*, *во* *насколько*, *во* *зачем*, *во* *почему* / *отчего*, *во* *как*, *во* *каково*; во-вторых, это сочетания, построенные по образцу: «*кто — как / если не я (не ты, не он, не мы, не вы, не они)*»: *кто как / если не я*, *что как / если не это*, *чей как / если не твой*, *какой если / как не такой*, *как если не так*, *когда если / как не тогда*, *где как / если не тут / не там*, *куда как / если не сюда / не туда*, *откуда как / если не откуда / не оттуда*, *сколько если не столько*, *насколько если не настолько*, *зачем если не затем*, *почему как не потому*, *который если не этот*, *откуда как / если не оттуда / отсюда*; позиция второго местоимения свободно замещается знаменательным словом (*кто как не Ваня*, *откуда если не из дома* и т. д.).

В сегменте *непредставленности* (непознанности, несуществования, отсутствия) исходное местоимение участвует, во-первых, в сочетании с *хоть бы* (полное отрицание при потенциальном существовании многих, многого): *хоть бы кто* (т. е. 'никто из многих возможных'), *хоть бы что* (*хоть бы чем порадовал*, *хоть бы о чем поговорил* и т. п.), *хоть бы какой*, *хоть бы чей*, *хоть бы как*, *хоть бы когда*, *хоть бы где*, *хоть бы сколько*, *хоть бы насколько*, *хоть бы откуда*, *хоть бы куда*, *хоть бы зачем*; во-вторых, в риторическом вопросе, закрепившем в себе значение отрицания: *Кто мне поможет?!* (т. е. 'никто'); *Чем я могу помочь?!*; *Куда же я пойду?!*; *Где я найду помощь?!*; *Откуда ждать ответа?!*; *Как я отведу беду?!*; *Сколько я могу терпеть?!*; *Старались, и каков же результат?!*

Наиболее широк круг таких образований в сегменте *неопределенности*. Это может быть или собственно неопределенность (1) или неопределенность при подразумевании некоего множества, выбор из неопределенного или случайного множества (2).

1) Собственно неопределенность: *Бог знает / Бог его знает*, *Бог ведает / Бог весть кто (что, чей, какой, когда, где, куда, откуда, докуда, сколько, насколько, как, зачем, почему, отчего)*; *кто знает кто (с кем, у кого и т. д.)*, *кто знает что (когда, где, как, куда, зачем и т. д.)*; *не знаю / незнаю / не знаешь кто (что, как, когда, куда, зачем и т. д.)*, *не понять / не поймешь / не разберешь / не разбери-поймешь кто (что, как, чей, какой, почему, отчего, сколько, зачем и т. д.)*; *черт (его) знает кто (что, какой, чей, как, когда, где и т. д.)*; *черт-те кто (что, когда, где, зачем и т. д.)*.

2) При неопределенности выбора из множества обнаруживаются разные смысловые оттенки, закрепленные за тем или иным фразеологизмом. а) Собственно неопределенно многое: *кто да кто* (узнай, кто да кто там был), *что да что* (расскажи, что да что видел), *где да где* (где да где побывал?), *куда да куда*, *откуда да откуда*, *зачем да зачем* (пристал: зачем да зачем они приходили?), *как да как*, *чей да чей* (спрашивали: чьи да чьи это вещи). б) С компонентом безразличия: *хоть кто*, *хоть что*, *хоть когда*, *хоть где*, *хоть чей*, *хоть какой*, *хоть как*, *хоть сколько*, *хоть куда*, *хоть откуда*, *хоть зачем*; *кто угодно*, *что угодно*, *чей угодно*, *какой угодно* и т. д.; *кто хочешь*, *что хочешь*, *как хочешь*, *зачем хочешь*, *откуда хочешь* и т. д.; в сочетаниях с *угодно*, *хочешь*, так же, как и в сочетаниях типа *кто ни...*, *кто бы то ни...*, *где бы то ни...* (см. п. в), смысл неопределенности (безразличия или случайности) сочетается со смыслом всеохватности, повсеместности: *приходи кто угодно / кто хочешь*; *это может случиться где угодно / где хочешь*; *когда бы то ни было*, *а случится*; *где бы то ни было*, *а встретимся*; *куда ни поиду*, *везде народ*. в) С компонентом случайности, произвольности: *кто бы то ни был*, *что бы то ни было*, *где бы то ни было* и т. д.; *кто придется*, *что придется*, *зачем придется*, *откуда придется* и т. д.; *кто ни попадись*, *что ни попадись*, *где ни попадись*, *сколько ни попадись* и т. д.; *кто ни попадя*, *что ни попадя*, *какой ни попадя*, *когда ни попадя*, *откуда ни попадя* и т. д. г) С количественным компонентом ('много', 'мало'): *много кого знавал*, *много чего повидал*, *много где побывал*, *много зачем приходил*, *много каких знавал*, *много куда обращался*, *много откуда понаехали*, *много чьих рассказов наслушался*, *мало кого встречал*, *мало чем порадует*, *мало куда ездил*, *мало откуда пишут* и т. д.; *редко с кем встречаюсь*, *редко чем одарит*, *редко когда заходит*, *редко зачем обращается* и т. д.; *кто-никто*, *а заглянет* (т. е. 'мало кто' или 'редко кто'); *чем-ничем*, *а угостит*; *какой-никакой*, *а подарок*; *где-нигде*, *а повстречаемся*; *когда-никогда*, *а навестит*; *сколько-нисколько*, *а даст*; *насколько-ниасколько*, *а подрос*; *зачем-низачем*, *а вечером позвонит*. д) С компонентом неуверенности и / или уверенности в обратном: *кто-кто*, *а он поможет* (т. е. 'может быть, кто другой не поможет, а он поможет обязательно'); *с чем-с чем*, *а с этим согласен*; *куда-куда*, *а в Москву съезжу*; *откуда-откуда*, *а из дому напишут*; *зачем-зачем*, *а поздравить зайдет*; *кто даст*, *а кто и нет*; *чему научишься*, *а чему и нет*; *где угостят*, *а где и нет*; *когда вспомнит*, *а когда и нет*; *куда позовут*, *а куда и нет*; *который простит*, *а который и нет*; *какой понравится*, *а какой и нет*. е) С компонентом сомнения (обычно по поводу будущего), с безударными частицами *там*, *еще*, *тебе*: *кто еще / там мне поможет* (т. е. 'вряд ли кто-нибудь поможет'); *где там / еще / тебе я найду такого друга*; *какой еще / тебе / там от этого прок*; *где там / тебе / еще у меня деньги* и т. д.

Аналогичное функционирование фразеологизмов и несвободных конструкций наблюдается в сфере всеохватности, означения всеобщности, исчерпанности множества: здесь исходные местоимения также стремятся участвовать и выступать в качестве строевого элемента конструкции (см. § 5).

Таким образом, местоимением не только обозначены основные ступени познания, но и сформирован целый круг фразеологизмов, способных показать оттенки, колебания, возникающие на этих ступенях. Средствами собственно местоимений и местоименных фразеологизмов язык воспроизводит самый ход по-

знания — от уверенного знания к незнанию, от познанного к непознанному. Между полярными постулатами («знаю, уверен, дано» и «не знаю, не дано») лежит целая область колебаний между познанным и непознанным. Эти колебания разнообразны, часто расплывчаты, и язык с очевидностью демонстрирует это разнообразие.

Исходные местоимения — категория в высшей степени активная: в них, кроме всего прочего, заложен потенциал выражения эмоционального отношения к сообщаемому. Такое функционирование всегда опирается на контекст, на интонацию и очень часто поддерживается сочетанием местоимения с частицами *же, и, только* (*и кто же, и где же, кто только, и зачем только* и под.). Сравни: *С кем был? Куда меня закинула судьба!* (Гриб.); *А вы! о Боже мой! кого себе избрали? Когда подумаю, кого вы предпочли!* (Гриб.); *Какие перушки! какой носок!* (Крыл.); *И что только ты в нем нашла?; Каково мое положение?!; Как ты думаешь, и где же я ее нашел?!; Я его ждал, и как же он себя повел?!; Откуда только берутся такие люди!*

§ 7. СМЫСЛОВЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И КОНТАМИНАЦИИ. Смыслы, означаемые исходными местоимениями, в составе этого класса существуют как дискретные единицы. Однако картина такой отдельности осложняется, во-первых, обращенностью этих смыслов к тем структурам, в составе которых они функционируют и взаимодействуют; во-вторых, смысловыми контаминациями, реально существующими на досинтаксической ступени, т. е. в знаменательном слове; в-третьих, такими контаминациями, представленными в элементарных дотекстовых сочетаниях слов (в словосочетаниях), а также в предложении.

Сферой функционирования местоимения является текст: здесь языковой смысл представлен в реальном воплощении, сочленен с другими смыслами в естественную целостность. Поэтому не будет ошибкой сказать, что все языковые смыслы устремлены к тексту. В этой своей устремленности те или другие смыслы обнаруживают обращенность друг к другу, некую регулярную парность: *кто — каков* (и *какой, чей*); *что — каков* (и *какой, чей*); *кто — сколько*; *что — сколько*. В то же время непосредственно к высказыванию обращены такие смыслы как *почему, зачем, когда, где, куда, откуда, откуда*: их сочетаемость с *кто, что* и др. вторична, отвлечена от строения текста, от предиката (ср.: *кто откуда, чей почему, что откуда, сколько зачем* и под.).

Контаминация смыслов может быть дотекстовой (досинтаксической) и внутритекстовой. Дотекстовая контаминация обнаруживается в слове, например при собирательности — *кто* или *что* и *сколько* (неопределенно много кого-чего-н.): *зверье, воронье, учительство*; в отдельных словах: *снова* (*как и когда*), *назло* (*зачем и как*), устар. *что* (в значении 'зачем' и 'почему'): *Что ты жадно глядишь на дорогу?* <Некр.> и др.

Внутритекстовая контаминация смыслов возникает в словосочетаниях, в предложениях и в разнообразных высказываниях, в текстовых последовательностях. Она весьма разнообразна, часто индивидуальна и требует специальных изучений. Здесь приведены лишь некоторые характерные примеры таких смысловых сочленений, как элементарных, так и сложных, часто неоднозначных: *стихи п о э т а*

(кого или чьи), приказ командира (кого и чей), рассказ о событиях (очень какой), ночь без сна (без чего и какая), пульс — сто двадцать (какой и сколько), у нас тишь да гладь (у кого и где), случилось еще при царе (при ком и когда), родня мне (кому и чья), устал от разговоров (от чего и почему), без музыки тоска (без чего и почему), поход на троянцев (на кого, какой и куда), показав себя в бою (где и когда) и под. Все такие случаи хрестоматийны; попытка расчленения смыслов здесь заранее обречена на неудачу: их слияние органично. Развернутые тексты демонстрируют разные виды сложных смысловых скрещений. Вот несколько классических образцов: *Но в цвете надежды и силы Угас его царственный сын* (Лерм.); *И мне больно глядеть одному В предвечернюю серую тьму* (Бунин); *Вот какой ты стала — в униженьи, В резком, неподкупном свете дня!* (Блок).

Таким образом, языковой смысл существует как строевой элемент закрытой системы дейктических означений и как компонент текста. В системе дейктических означений он однозначен как исход, но углублен и разят «по вертикали» посредством троичной сегментации. В строе текста языковой смысл взаимодействует с другими, и виды этого взаимодействия различны: они варьируются от элементарного соединения до сложных и нерасчленяемых смысловых скрещений.

§ 8. СМЫСЛОВОЕ ПРОСТРАНСТВО. Исходное местоимение вместе со своими сегментами создает некое смысловое пространство, в которое устремляются разноуровневые языковые средства — лексика, фразеология, морфемика, грамматические формы и конструкции, — имеющие определенную семантическую общность. Смысловое пространство — это открываемая местоименным исходом, им создаваемая и к нему обращенная естественная сфера существования разноуровневых языковых средств, в семантике которых заключено самое абстрактное понятие, означенное местоименным исходом. Смысловое пространство имеет собственную организацию: оно, во-первых, отражает сегментацию исхода (т. е. в нем сосредоточены средства, означающие именуемое как определенное, неопределенное либо отрицаемое), во-вторых, заполняющие его языковые множества сами складываются в определенные участки, частные семантические группировки. Такие группировки определяют собою то подвершинное членение исходного смысла, на основании которого выстраиваются языковые смысловые категории (см. § 12). Таким образом, языковые группировки, входящие в смысловое пространство, сами членятся на основе значений единиц, эти группировки образующих. Однако обращают на себя внимание черты сходства в строении смысловых пространств, возглавляемых разными исходами. Это сходство состоит в следующем: 1) в любом смысловом пространстве сохраняется сегментированность «по вертикали», определяемая сегментированностью собственно исхода: здесь во всех случаях присутствует сопоставленность «определенность, неопределенность и непредставленность, несуществование»; 2) в любом смысловом пространстве обнаруживается сходство в поведении исходного местоимения в строе текста, в высказывании (см. соответствующие разделы части II); 3) в каждом смысловом пространстве присутствует противопоставление входящих в него языковых средств по

признаку «сосредоточенность, предельность, точечность — несосредоточенность, непредельность, неточечность»; 4) в каждом смысловом пространстве присутствует сопоставление входящих в него языковых средств по признаку «единичность, данность — множественность, всеохватность». Все эти черты сходства дают основание утверждать, что понятие «смысловое пространство» есть понятие собственно языковое.

В связи с характерной чертой смыслового пространства, названной в п. 3, можно сделать следующее важное заключение: противопоставление «предельность, сосредоточенность, точечность — непредельность, несосредоточенность, неточечность», традиционно приписываемое только глагольному виду, в действительности присутствует в языке в целом. Это противопоставление с очевидностью обнаруживается в категории времени: так называемая изъяснительность представляет время, сосредоточенное в пределах настоящего, прошедшего или будущего; со-слагательность (собственно сослагательность, условность, долженствовательность, желательность), а также побудительность представляют время вне каких-нибудь определенных пределов, не сосредоточенное в рамках настоящего, прошедшего или будущего. На противопоставлении предельности, данности, определенности и непредельности, неданности, неопределенности строится вся категория числа: единственное число по самой своей сути предназначено для обозначения одного, данного, исключающего идею неопределенности; множественное число воплощает в себе именно эту идею. В категории падежа рассматриваемая противопоставленность выступает в виде оппозиции «падеж прямой, именуемый — все косвенные падежи в их совокупности»: в именительном падеже ед. ч. присутствует смысл единичности, сосредоточенности в одном; в косвенных падежах этот смысл не исключен, но в их системе в целом он размыт присутствием предлогов, во многих случаях вносящих смысл неединичности, рассредоточенности. Смысловую противопоставленность предельности и непредельности можно увидеть и в целом ряде лексических множеств.

§ 9. ЛЕКСИКА И ФРАЗЕОЛОГИЯ В ИХ ОБРАЩЕННОСТИ К СМЫСЛОВОМУ ПРОСТРАНСТВУ ИСХОДА. Первым шагом в обращении именуемых единиц к смысловому пространству исхода является наличие слов с размытой, полуместоименной семантикой. Таковы, например, для *к т о*: *человек, люди, народ; один* (субст.), *многие* (субст.), *иной* (субст.), *некоторые* (субст.), *любой* (субст.), *другой* (субст.), сочетания *друг друга, никто на свете* и др.; для *ч т о*: *один* (субст.), *одно* (субст.), *дело и вещь*; для *к а к о й*: *подобный, тот или иной*; для *к о г д а*: *сейчас, однажды, в ту пору, как-то раз*; для *г д е*: *здесь, в одном месте, здесь и там, там и тут*; для *к у д а*: *вон, прочь, туда-сюда*; для *о т к у д а*, *о т к о л е*_{темп}: *издревле, издавна, с тех пор, с давних пор*; для *д о к у д а*, *д о ж о л е*_{темп}: *дольше, поныне, до сих пор*; для *с к о л ь к о*: *много, мало, достаточно, не счесть, без конца, конца нет, сто раз*; для *н а с к о л ь к о*: *вмеру, полностью, во много раз, во сто раз*; для *к о т о р ы й*: *данный, последний*; для *к а к*: *иначе, по-иному, каким образом*; для *з а ч е м*: *так* (в знач. 'без всякого дела'), *просто так*. Все подобные единицы тесно взаимодействуют с собственно местоименными словами, принадлежащими одному

из сегментов исходного местоимения или относящемуся к нему смыслу-всеохватности.

Вслед за такими полуместоименными единицами к смысловому пространству оказываются обращенными лексические множества собственно знаменательных слов и фразеологизмов, в семантике которых заложен соответствующий смысл. Полученные на сотнях тысяч словозначений многоступенчатые лексические классификации, легшие в основу «Русского семантического словаря», убедительно показывают распределенность лексических множеств по тем или иным пространствам смысловой системы языка. Принадлежащие таким множествам лексико-семантические группы естественно размещаются в пределах того или иного смыслового пространства. Рассмотрим это на нескольких примерах (для простоты изложения в большинстве примеров будем опираться только на смысловую исход). Так, в пространстве смысла *чей* размещены языковые смыслы: 1) 'лично свой, принадлежащий себе, владельцу', 2) 'общий, свой для нескольких или многих' и 3) 'не свой, принадлежащий другому или другим, чужой'; соответственно группируется лексика и фразеология, объединяемая такими значениями. В смысловом пространстве *куда* размещаются единицы, объединенные смыслом 'в / на какое-то место, к какому-то месту'; соответственно группируется лексика и предложно-падежные формы (*вперед, назад, навстречу, вправо, влево* и под. — *внутри* и под. — *наружу* и под.). В пространстве *когда* объединены смыслы 'в настоящем', 'в прошлом', 'в будущем', 'всегда'; соответственно распределяется лексика и предложно-падежные формы (*теперь, сейчас* и под. — *прежде* и под. — *потом, постоянно* и под.). В смысловом пространстве *почему* лексические множества расположены вокруг смыслов: 'собственно причина, повод' — 'стимулирующая причина, условие' — 'противопричина', т. е. отвергаемый повод, так называемая «уступка» (есть причина, основание для несовершения того, о чем сообщается в противопоставляемой части текста, но это основание не принимается во внимание или отвергается: *Несмотря на запрет, пошел; Вопреки очевидному спорит*); соответственно группируется лексика и другие словесные средства (*вследствие чего, по причине чего — при условии чего — несмотря на что, вопреки, хотя и*). В самом общем виде такие размещения показаны в соответствующих разделах части II этой работы.

§ 10. ГРАММАТИКА В ЕЕ ОБРАЩЕННОСТИ К СМЫСЛОВОМУ ПРОСТРАНСТВУ ИСХОДА. Вместе с лексикой и фразеологией в смысловую сферу каждого из местоименных исходов (включая и их сегменты) вступает морфемика, грамматические формы, падежные и предложно-падежные сочетания, союзы, синтаксические конструкции. Все такие явления многократно и всесторонне описаны исследователями в терминах «способов выражения значений» или «семантических полей». К этому вопросу мы еще вернемся во второй части работы при рассмотрении отдельных смысловых категорий. Здесь же обратим внимание на некоторые относящиеся сюда характерные явления из области сочетаемости слов, а также синтаксических конструкций.

К числу основных характерных выражений смыслов *кто* и *что* относятся принадлежащие им личные формы глагола и его зловые формы с практически формообразующими *я, ты, он, она, оно, они, сам, сама, само, сами*. К смыслу *кто* обращены так называемые неопределенно- и определенно-личные предложения (*Говорят, что...*, *Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты*), специфическая сочетаемость с местоимением для обозначения определенного множества типа *мы с тобой, ты с братьями...* Смысл *что* наиболее емкий: за ним стоит как предмет (вещественная реалья), так и понятие или целая ситуация; в последнем случае обычным средством дейктического обозначения является субстантивированная форма *это, то*: *Э т о м у не бывать*; *Собственно говоря, в первый и последний раз я влюбился, лет шести, в свою няню; — но э т о м у очень давно* (Тург. «Первая любовь»); *Прошло т о м у тринадцать лет, Как ты, в аул чужой пришел, Вручил мне слабого младенца* (Пушк.); *Черный человек! Ты не смеешь э т о г о!* (Есен.). Специфической конструкцией, обращенной к «*что* ситуативному», являются так называемые номинативные предложения.

В смысловое пространство *чей* обращены такие средства как «родительные принадлежности», специфические сочетания типа *наш с тобой дом, моя с братом комната, мамыны с лапой вещи, твои вместе с ним книги*; форма *у кого* в значении «*чей*» в обязательном непосредственном соседстве с предшествующим именем, называющим предмет обладания: *лицо у него в веснушках*; *Душа у нее добрая*; *Забрались у них в дом*; сравн. дублирование, предназначенное в устах героя для безусловного утверждения собственности: *Эта пара, царь, моя, И хозяин тожея* (Ерш.).

К смыслу *какое* как к означению сущностного, неотъемлемого свойства или качества, кроме краткой формы прилагательного и компаратива, с безусловной определенностью обращен так называемый «родительный квалификативный», сейчас сохраняющийся как лексически ограниченный, но еще в языке XIX в. широко употребительный: *Он самых честных правил, веселого нрава, зрелого возраста, высокого роста, богатырского сложения*; *А у людей она слыхала, Что это зло еще не так большой руки, Лишь стоит завести очки* (Крыл.). К смыслу *какое* тяготеют также определения типа *мальчик с пальчик* (*Младший сын был ростом с пальчик*. <Ахм.>), *мужичок с ноготок, огурец с гору, он ростом с меня*.

Смысл *где* располагает для своего выражения разнообразными предложно-падежными сочетаниями, способными тонко дифференцировать представление о пространстве; эта способность очень часто реализуется в сочетаниях нескольких словоформ, сравн.: *За горами, за лесами, за широкими морями, Не на небе, на земле Жил старик в одном селе* (Ершов). Для смысла *куда* характерны собственные способы уточнения направленности, типа *вниз по реке; влево к лесу; иди прямо к дому; близко к дороге* и др.; этой смысловой сфере принадлежат односоставные императивные предложения — требования движения, перемещения в определенном направлении: {Ф а м у с о в} *Подале от этих хватов, В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов* (Гриб.); *Направо! Налеву! Назад! Вперед!*

Широк круг синтаксических средств, обращенных к смыслу *сколько*; см. разнообразные способы выражения приблизительности, заполняющие сегмент

неопределенности (*человек с десять, около десяти человек, собралось до десяти человек, с десяток, с сотню, неделя-другая, год-два, дня два, недели две-три, ему под сорок, за сорок, уже близко к сорока*). С другой стороны, для *с к о л ь к о* характерно уточнение определенности, переходящее в избыточность: *пять человек гостей; Всех офицеров скакало семнадцать человек* (Л. Толстой. Анна Каренина. Том 2. Часть 2. XXV); смысл *с к о л ь к о* располагает многочисленными синтаксическими конструкциями со значением определенного, неопределенного или отсутствующего множества: *Посетителей — всего-навсего один; Гости — ни одного; Их только трое; Народу — не протолкнешься; Зевак — яблоку негде упасть; Народу!; Грибов!; Орехов — завались; Пирогов — ешь не хочу; Вином хоть пару поддавай; Беда за бедой; Гость ни гость — хозяину радость* (посл.) и др.

Здесь был представлен самый общий взгляд, задача которого — показать, что смысловое пространство каждого из местоименных исходов открыто для разных языковых средств, в своей совокупности его материализующих.

§ 11. РАЗНЫЕ ПОНИМАНИЯ ЯЗЫКОВОГО СМЫСЛА. Поиски языкового смысла и возможностей его формализации ведутся давно и в разных направлениях. Языковой смысл понимается исследователями по-разному: это или некая полевая структура (функционально-семантическое поле), или значение предиката, или лексическое значение слова, или само содержание сообщения. Насколько разноречивы, а иногда и явно противоречивы определения понятия «языкового смысла» и связанной с ним «понятийной категории», можно убедиться, сопоставив соответствующие определения, предлагаемые разными авторами в современной «Лингвистической энциклопедии» (М., 1990).

Смысл иногда рассматривается как целое, совместно образуемое сигнификатом, интенционалом, коннотацией и парадигматикой слова (см. в том же издании в статье «Понятие» у Ю. С. Степанова: [Степанов 1990: 383]). Понятийные категории некоторыми авторами трактуются как «смысловые компоненты общего характера, свойственные не отдельным словам и системам их форм, а обширным классам слов», но далее: «В качестве средств выражения понятийных категорий выступают граммы грамматических категорий, словообразовательные и лексические подклассы знаменательных слов, служебные слова, синтаксические конструкции и суперсегментные средства (просодический контур и порядок слов)» (Т. В. Булыгина и С. А. Крылов, статья «Понятийные категории»: [Булыгина, Крылов 1990: 385]). На других страницах в связи с определением понятия «универсум значений» мы узнаем, что существуют «смысловые блоки»; такой блок, в качестве внутренне организованного семантического объекта вступающий в знакообразующую связь с означающим, может «использоваться говорящим как единая элементарная сущность, исходный материал для построения более сложных смысловых структур» (Е. А. Кибрик «Язык»: [Кибрик 1990: 605]). В статье А. С. Мельничука «Язык и мышление»: [Мельничук 1990: 607] смысловые категории приравниваются к категориям мышления, при этом усматривается частичное соответствие смысловых категорий категориям грамматическим (например, субъект — подлежащее, предикат — сказуемое, атрибут — определение). Вяч. В. Иванов в статье «Языка-

знание» [Иванов 1990: 620], пользуясь термином «исходный смысл», за соответствующим определением отсылает к статье «Понятийные категории», где об этом вообще ничего не говорится. Из последних работ назовем статью А. В. Бондарко «К интерпретации понятия “смысл”» в сборнике «Словарь. Грамматика. Текст» [Бондарко 1996] (жаль, что здесь автор приписывает мне утверждение о наличии в языке некоего «семантического смысла»: ничего подобного в моих работах никогда не было).

Не ставя своей целью полемизировать с другими исследователями, напомним читателю о тех работах, в которых концепция языкового смысла изложена с достаточной степенью определенности. Это прежде всего известные труды И. И. Мещанинова, где в терминах «понятийных категорий» рассматривается такое «языковое содержание», которое обязательно имеет системное выражение — «языковое проявление» (см.: [Мещанинов 1945а; 1945б: 195—198]). Далее, это выходящие в последние годы работы А. В. Бондарко, в которых языковой смысл описывается при помощи разветвленного аппарата понятий и их дефиниций, куда относятся «языковое содержание», «мыслительное содержание языка», «понятийное содержание», «языковой смысл», «понятийные категории», «языковые семантические функции» и некоторые другие, рассматриваемые в их отношениях друг к другу и сводимые в границы «функционально-семантических полей» (см.: [Бондарко 1978; Теория функциональной грамматики 1987]). Теория смысла в прямом отношении к сигнификату развивается в работах Ю. С. Степанова (см.: [Степанов 1981; 1985]). На целостной концепции смысла основаны работы И. А. Мельчука, прежде всего, его книга «Опыт теории лингвистических моделей ‘смысл — текст’» [Мельничук 1974], где смысл понимается как определенная информация (означаемое), т. е. сложное «семантическое представление», конструируемое из более простых единиц (сем); это означаемое передается соответствующими речевыми сигналами — означающим — текстовыми единицами: словоформами, словосочетаниями, предложениями.

Разные подходы к понятию «языковой смысл», безусловно, поучительны. Однако они не приводят в конечном счете к достаточно строгому и однозначному определению языкового смысла, к возможности исчисления самих таких смыслов и порождаемых ими смысловых категорий. Далее мы попытаемся представить собственно языковые основания для определения смысла как *я з ы к о в о й к а т е г о р и и*, а также для разграничения и исчисления самих таких смыслов и возможностей их формализации. Наша задача — найти формальные основания для определения языкового смысла и языковой смысловой категории. При этом мы будем исходить из того безусловного положения, согласно которому языковое значение не может быть отделено от того самого общего понятия, которое лежит в его основании и которое, тем самым, входит в состав этого значения. Следовательно, языковой смысл понимается как данность, сочленяющая в себе некое самое общее понятие и собственно лексическое (а также грамматическое, словообразовательное) значение, материализованные в той или другой единице языка. Но для того, чтобы говорить о понятии как языковой категории, нужно определить те языковые средства, которыми это понятие обозначено само по себе,

материализовано языком «в чистом виде». Средствами такой материализации являются дейктические слова: местоимения и дейктические (собственно указующие, означающие) глаголы, в русском языке организующиеся в сложную, стройную и в высшей степени функционально нагруженную систему. Понятие как порождающая основа языкового смысла в дейктическом слове получает материальное выражение: оно означает такое слово, открывающим собою определенное «смысловое пространство» для разноуровневых, но семантически связанных знаковых единиц. При заполнении этого пространства такими единицами (собственно именуемыми единицами или их сочленениями, грамматическими средствами) формализуются языковые смысловые категории, располагающиеся на разных ступенях абстракции.

В классе местоимений в вершине смысловых категорий всегда стоит исходное дейктическое слово, входящее в закрытый ряд других вершинных исходов, предназначенных языком для того, чтобы облечь в материальную языковую оболочку глобальные понятия о мире и о человеке как о «связи миров, повсюду сущих», как о «средоточии живущих» (Державин), в этом мире существующем и его познающем. Понятие, означенное таким дейктическим исходом, относится ко всему массиву обращенных на него знаковых единиц языка; это понятие всегда участвует в формировании такого массива и в его расчленении.

§ 12. ЯЗЫКОВОЙ СМЫСЛ. ЯЗЫКОВЫЕ СМЫСЛОВЫЕ КАТЕГОРИИ.

Все сказанное выше подводит к собственно определению языкового смысла и языковой смысловой категории (далее все определения будем строить в опоре на класс местоимений, помня при этом, что соответствующий подход, естественно оказывается обращенным и к классу дейктических глаголов; см. § 15). **Я з ы к о в о й с м ы с л** — это самое общее понятие, первично означенное местоименным исходом, средствами принадлежащих ему местоимений сегментированное по троичному признаку «определенность — неопределенность — непредставленность» и материализуемое при помощи таких разноуровневых языковых единиц, семантика (языковое значение) которых включает в себя соответствующее понятие и объединяет все эти единицы в некое семантическое множество. Языковой смысл интегрирован в значение каждой единицы, входящей в такое множество, возглавляемое местоименным исходом и, в свою очередь, членившееся по трем названным выше основаниям.

В лоне языкового смысла образуются языковые смысловые категории. **Я з ы к о в а я с м ы с л о в а я к а т е г о р и я** — это абстракция, существующая как отвлечение совокупно от понятия, означенного исходным местоимением, и от языковых значений (от семантики) (формальных, морфемных, лексических, фразеологических), которые, образуя некие языковые множества, обращены к исходному смыслу и заключают его в себе как высший абстрактный компонент своего значения.

Существуют общие и частные языковые смысловые категории. **О б щ а я с м ы с л о в а я к а т е г о р и я** — это абстракция, представленная дейктическим означением исходного понятия и его обобщенным словесным именованьем, на-

пример: «кто — существо одушевленное», «сколько — количество», «когда — время», «зачем — цель» и т. д. Общая смысловая категория имеет членение, которое можно назвать подвершинным («по горизонтали»). Подвершинное членение общей смысловой категории осуществляется тогда, когда вступают в действие словесные множества как составляющие исходного смысла, например: «кто — существо одушевленное: лицо (включая олицетворяемое существо) — животное»; «что — предмет: вещь, вещественная реалья — состояние — поступок — событие — бытие»; «чей — принадлежность: лично собственный — общий — чужой»; «когда — время: вне отнесенности к одному из реальных временных планов — в настоящем — в прошлом — в будущем» и т. д. Частная смысловая категория — это абстракция, представленная одним из подвершинных членений общей категории (одним из ее составляющих) и тем языковым множеством, которое обращено к этому составляющему и его материализует. Частная смысловая категория входит, вместе с другими, в общую смысловую категорию: все вместе они образуют ее состав; см. примеры выше; сравн. еще: «почему — причина: собственно причина, повод — условие — противоположная»; «сколько — количество: количество кого — количество чего — количество раз (действий, поступков) — количество времени — количество лет (о возрасте)»; «каково — состояние: состояние среды, внешнее — состояние субъекта, внутреннее — состояние субъекта ситуативно (внешне) обусловленное». Каждая частная смысловая категория сохраняет трехэлементную («по вертикали») сегментацию исхода по признаку определенности — неопределенности — непредставленности (несуществования или незнания).

Таким образом, общая смысловая категория возглавляет собою ею самой образуемое смысловое пространство; это пространство открыто для семантически связанных разноуровневых языковых средств, с участием которых образуются частные смысловые категории. Как и в грамматическом строе языка, частные смысловые категории выделяются на первом шаге членения общей категории и способны далее расчленяться на свои более узкие и определенные составляющие (сравн.: категория рода — мужской, женский и средний род; категория числа — единственное и множественное число; категория падежа — именительный падеж и все косвенные падежи с их собственными значениями). Однако такие модификации возможны лишь тогда, когда в языке есть определенные наборы средств, способные предстать как некое семантическое обобщение.

Общие и частные смысловые категории образуют основу смыслового строя языка. Этот строй, подобно внутриязыковым уровням — грамматическому, словообразовательному, лексическому — существует как иерархически сужающееся целое: во главе его стоят самые общие понятия — смысловые исходы; из этих исходов вычлениаются (ими порождаются и ими же интегрируются) частные смысловые категории. Вся эта система представлена комплексом языковых средств, устремленных к вершине — закрытому ряду дейктически означенных смыслов, организуемых и скрепляемых смысловой строй языка.

Существуют очевидные черты как сходства, так и различия между смысловыми и грамматическими категориями языка. Как те, так и другие, будучи отвлечением и принадлежа к высоким ступеням абстракции, не могут быть представле-

ны непосредственному восприятию: они могут быть только осознаны. Это осознание осуществляется путем анализа определенных материальных языковых данностей и их совокупностей; различие состоит в той материи, от которой осуществляется отвлечение тех или иных значимостей. Грамматическая категория — это абстракция от грамматических значений языковых форм, принадлежащих к одному и тому же языковому уровню и, следовательно, характеризующихся общими формальными чертами в материализации своих значений (сравн., например, категорию падежа, категорию времени глагола, словообразовательные категории, категорию синтаксического субъекта и др.). Смысловая категория — это абстракция одновременно от понятийной природы местоименного исхода и от значений разноуровневых языковых единиц, обращенных к этому исходу и заполняющих его смысловое пространство. Так, например, общая смысловая категория «зачем — цель» формализуется лексикой, падежными формами, предложно-падежными сочетаниями, целыми синтаксическими конструкциями, текстовыми последовательностями, фразеологизмами. То же относится и к другим смысловым категориям. Однако такая специфическая природа смысловых категорий не выводит их за пределы категорий собственно языковых; напротив, смысловые категории образуют каркас языка как средства общения, сопрягают его уровни и обеспечивают совокупность их существования.

Важной чертой сходства грамматических и смысловых категорий является в обоих случаях свойство членимости: и там и там существуют категории общие и частные, возникающие в результате неодношагового расчленения, т. е. членения общих категорий в направлении иерархического сужения.

§ 13. ФОРМЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ СМЫСЛОВ. ТАК НАЗЫВАЕМОЕ «ОТНОСИТЕЛЬНОЕ ПОДЧИНЕНИЕ». Итак, местоимения предстают как система, предназначенная для объективации тех или иных языковых смыслов. Эти смыслы отливаются в языке в его собственные категории, располагающиеся по принципу «от общего к частному». Смысловые категории языка существуют вне текста — как некий круг абстракций — и в тексте — как данности, организирующие его содержание и, в то же время, подчиняющиеся законам его строения. В отвлечении от текста языковые смыслы могут быть представлены как система абстракций, материализуемых местоимениями (местоименными исходами); здесь они соположены как равновеликие данности. Однако уже в самом таком соположении языковые смыслы определенным образом относятся друг к другу, обращены (или лишь опосредованно обращены) один к другому. Так, к смыслам *кто* и *что* непосредственно обращены смыслы *каков*, *какой*, *чей*, *который*, *сколько*; в других случаях, применительно к *когда*, *где*, *куда*, *откуда*, *зачем*, *почему*, можно говорить не о непосредственной обращенности к какому-то определенному смыслу, а о допустимых сочетаниях: как локализация, так и — в еще большей степени — темпорализация и каузация — явления, характерные прежде всего для высказывания, для структуры сложного текста.

В системе смыслов центральное место занимает смысл *кто*, вобравший в себя означение существа, ставящего себя в центр материального и духовного мира и

одновременно этот мир познающего (см. § 15). Смысл *кто* притягивает к себе смыслы определяющие (*какой, каков, чей*) и количественно характеризующие (*сколько, который*); он включен в грамматические формы глагола и — через синтаксические категории субъекта и объекта (а во многих случаях также предиката и квалификатора) — и в семантическую структуру предложения. Расширяя круг своих функций, смысл *кто* в виде местоимения *сам* берет на себя роль компонента, связующего противопоставляемые участки текста: *сам (сама, сами)* сопоставляет такие поступки одного и того же субъекта, из которых один, сопутствующий, умалывает собою роль другого; *сам* при этом раскрывает действительное состояние дела, суть и ценность происходящего: *Ругает, сама (а сама) улыбается; Говорит, что жарко, сам (а сам) весь дрожит; Обещали быть, а сами уехали; Взлась шить, а сама не умеет.*

В высказывании, в сложном тексте языковые смыслы организуются по законам строения и поведения единиц сообщения и их сочленений. На возникающие здесь отношения смыслов (элементарные и неэлементарные, осложненные) при этом накладываются «сетки» внутритекстовых связей, времени, модальности, членения на тему и рему, субъективных оценок; предикативность диктует здесь свои законы и правила. Однако языковые смыслы и их контаминации при этом не только никогда не устраняются, но своим обязательным присутствием скрепляют сообщение и придают ему содержательную целостность. Поэтому, говоря о том, что содержание сообщения всегда индивидуально, следует помнить, что канвой этой индивидуальности являются самые общие отношения языковых смыслов — в том понимании, как это было изложено выше. В любом высказывании всегда присутствует то, что в традиционной формальной грамматике отыскивается путем вопросов: «кто?», «какой?», «чей?», «когда?», «где?», «почему?» и т. д. Мы не предлагаем здесь вернуться к гимназическому «разбору предложения по его членам», однако, обращаясь к любому высказыванию (в широком понимании этого термина) или к предложению, построенному по строгим синтаксическим правилам, мы всегда находим в нем обязательное присутствие тех или иных языковых смыслов, их соположений и комбинаций, на которые опирается содержание сообщения.

В составе текста позиции исходных местоимений прямо или косвенно связаны с вопросом: это или вопрос об определенной ситуации, событии (*Кто пришел? Зачем ты остался?*), или так называемый косвенный вопрос (*Спроси, когда он придет; Узнаю, где будет встреча*). На основе вопроса, обычно в отрыве от него, с участием местоимений-исходов в языке образовался широкий круг синтаксических фразеологизмов, например: *чем не... (чем не жених!)*, *что делать, что подделаешь, как быть, что значит (Я не согласен — Что значит «не согласен»?)*, *почему бы нет, куда тебе! (мне, ему и т. д.)*, *сколько можно!*, *кто бы мог подумать!* и очень многие другие.

Особого рассмотрения требует поведение местоименных исходов при так называемом относительном подчинении. Здесь такие местоимения берут на себя функцию индивидуализации смысла. В случаях типа *Я тот, кого никто не любит, Он тот, которого я ждал, Иди туда, куда тебя зовут, Это было тогда, когда я был еще*

ребенком и под. исходное местоимение (*кто, куда, когда*) вводит индивидуальное раскрытие того, что обозначено местоимением определенным (*тот, туда, тогда*). В так называемой придаточной части, вводимой исходом, определенность смыслов *тот, туда, тогда* получает индивидуальную отнесенность к единичной (данной, отдельной) ситуации. Здесь имеет место следующее соположение: 1) языковой смысл, занимающий в местоименной триаде ступень определенности (*тот, туда, тогда*) — 2) исходный смысл, берущий на себя функцию введения дальнейшего и возводящий определенные местоимения к исходу (*кто, куда, когда*) — 3) компонент текста как индивидуализация смысла определенности, содержащий в себе его данное, единичное представление. В текстах: *Я, который тебя любил; Он, чьей дружбой я дорожил; Пришел от туда, откуда никто не возвращался; Увидел его таким, как им не знал раньше* — выделенные разрядкой сочетания демонстрируют индивидуализацию языкового смысла посредством взаимного действия местоименных слов, из которых первое указывает на определенность, а второе вводит текст, изымающий единичное из того бесконечного множества «определенностей», в котором заключено это единичное.

Показанная индивидуализация возможна также и для смыслов, относящихся к сегментам неопределенности и несуществования; однако в этих случаях часть текста, вводимая местоименным исходом, не заключает в себе позитивной информации, а сообщает о чем-нибудь неопределенном, неясном, неосознанном или неосуществленном: *Пришел кто-то, кого я не знаю; Это было когда-то, когда я был еще ребенком; Уеду куда-нибудь, где найдется работа; Лежат какие-то вещи, чьи — неизвестно; Нет никого, кто мог бы мне помочь.*

Функционирование местоимений, относящихся к сегментам определенности, неопределенности и непредставленности, требует специального изучения; очевидно лишь то, что правила такого функционирования — свои собственные, далеко не полностью совпадающие с правилами употребления знаменательных слов.

§ 14. ЯВЛЕНИЕ «ЧЕЛОВЕКОЦЕНТРИЗМА». Как в общем расположении исходного смыслового ряда (в ряду местоименных исходов), так и в строе текста, в высказывании, смысл *кто* занимает первое место. Здесь обнаруживается тот «эгоцентризм», о котором не раз шла речь в различных философских и лингвистических построениях. С особой убедительностью об этом сказано у В. Гумбольдта: «Мне кажется, что в одной из более ранних работ я сумел показать, что местоимения должны быть первичными в любом языке и что представление о том, что местоимение есть самая поздняя часть речи, абсолютно неверно. Представление о чисто грамматическом замещении имени местоимением подменяет в таком случае более глубокую языковую склонность. Изначальным, конечно, является личность самого говорящего, который находится в постоянном непосредственном соприкосновении с природой и не может не противопоставлять последней также и в языке своего «я». Но само понятие «я» предполагает также и «ты», а это противопоставление влечет за собой и возникновение третьего лица, которое, выходя из круга чувствующих и говорящих, распространяется и на неживые предметы. Лицо, в частности, «я», если отвлечется от конкретных признаков, находится во внеш-

ней связи с пространством и во внутренней связи с восприятием» [Гумбольдт 1984: 113—114]. См. также у Б. Рассела: «Я называю “эгоцентрическими словами” те слова, значение которых изменяется с переменой говорящего и его положения во времени и пространстве. Четырьмя основными словами этого рода являются “я”, “это”, “здесь” и “теперь”. Слово “теперь” каждый раз, когда я его употребляю, обозначает какой-либо отдельный момент из серии следующих друг за другом моментов времени; слово “здесь” обозначает какую-либо отдельную область пространства, в которой “я” оказываюсь после всякого передвижения; слово “я” обозначает любое лицо, в зависимости от того, кто его произносит» [Рассел 1957: 119].

Применительно к функционированию смысла *кто* мы будем говорить о явлении «человекоцентризма». «Человекоцентризм» в языке и в условиях речевого общения проявляется не только в том, что для смысла *кто* языком создана самая полная и точная система местоимений, заполняющих сегмент определенности, но также и в том, что этот смысл активно проникает в другие смысловые сферы, демонстрируя способность означать не только живое существо (одушевленное или одушевляемое), но и многие другие первичные смыслы либо их контаминации. Рассмотрим наиболее очевидные свидетельства преимущественного положения смысла «кто» по сравнению с другими языковыми смыслами.

Для исходного смысла *кто* язык создал собственный круг местоименных слов, относящих означаемое к о п р е д е л е н н о м у лицу или лицам (*я, ты, он, она, оно, мы, вы, они, сам, сама, само, сами, себя*), отражающих понятийную триаду: *я* как лицо, ставящее себя в центр всего окружающего и все вокруг воспринимающее — *ты* как лицо, ближайшее к *я* и ему непосредственно противостоящее — *он* как лицо, им обоим противостоящее и от них отдаляемое. В наиболее абстрактном и в то же время строго формализованном виде эта триада утвердила себя в сфере обозначения действий и поступков: здесь она закреплена в личных формах глагола, а для эловых форм — в практической сращенности местоимения с глагольной формой. Присутствие *кто* в сфере протекания процесса закреплено в классической конструкции личного двусоставного предложения; оно инкорпорировано также в так называемых определенно-личных и неопределенно-личных предложениях.

К сегментам определенности, неопределенности и непредставленности смысла *кто* обращены многие полудейктические слова: *человек* (определенный и неопределенный), *люди, народ, один* (субст.), *другой* (субст.), *третий* (субст.), *последний* (субст.), *многие* (субст.), *иной* (субст.), *иные* (субст.), *немногие* (субст.), *всякий* (субст.), *ни один* (субст.) и др.

Местоимение, занимающее свою позицию в одном из сегментов *кто*, способно означать лицо обобщенно, распространяя свойство одного на неопределенно мыслимое множество. Солоставление функционирования микросистемы *кто* с другими местоименными микросистемами показывает сложность этой «малой системы» и разнообразие функций входящих в нее единиц.

Специфика смысла *кто* заключается, по сравнению с другими, также в том, что он стремится своими собственными средствами участвовать в представлении

таких смыслов, как «где — место», «когда — время», «почему — причина» и др., а также в представлении ситуации в целом. Сюда относятся следующие явления (перечень их может быть продолжен).

1) Человек («кто — я, он и т. д.») склонен видеть себя в центре любого временного пространства; сравн.: *Это было еще при мне (при нем, до тебя); Это случилось, когда я был ребенком; Это произошло, когда меня еще на свете не было.* Любая ситуация языком может быть хронологизирована применительно к *кто*, т. е. к тому, кто имеет к ней какое-либо отношение, о ней осведомлен, о ней повествует, или, напротив, не имеет к ней никакого отношения (*Это случилось без меня, до меня, когда меня не было*).

2) Вторгаясь в сферу смыслов *где, куда, откуда, докуда*, смысл *кто* готов стать точкой отсчета или центром в некоем пространстве: *Передо мной горы; У вас зима, а у нас тепло; У нас водятся волки; Кругом меня народ, толпа; Город недалеко от меня; Вокруг меня чужая страна;* здесь перед смыслом *кто* открывает свои возможности широкий круг предложно-падежных форм.

3) Исходным смыслом *кто* порожден и во многом сдублирован смысл *чей* (*мой, твой, его, ее, наш, ваш, их, свой*), расчлененный «по горизонтали» на «собственный» и «чужой», а внутри первого — на «лично свой: мой, твой, его» и «общий» (*наш, ваш, их*); строение смыслового исхода *чей* целиком определяется строением исхода *кто*. В сферу *чей* смысл *кто* входит также в конструкциях типа *Иди ко мне в дом* (т. е. «в мой дом»), *Возьму к себе в рюкзак* (т. е. «в мой рюкзак»), *Он у себя в кабинете* (т. е. «в своем кабинете»), *Попросился к нему в машину* и под. Условием для такого осмысления падежной формы является особое значение следующего далее имени: оно должно называть либо предмет, способный быть чьей-н. собственностью, либо то, что от лица неотчленимо: *Заглянул к нему в душу; Не знаю, что у него в голове; Посмотри мне в глаза; Поройся у себя в памяти.*

4) Смысл *кто* вторгается в область смысла *как* («каким образом») через ступень *чей*, поглощая при этом значение принадлежности; *кто* предлагает себя в качестве материального или ментального образца либо средоточия истины: *Делай по-моему* (т. е. «так, как делаю я»); *По-моему, все это неправда* (т. е. «я так считаю, утверждаю»).

5) Через ступень *чей* (с утратой при этом значения принадлежности и в застывшей словоформе) смысл *кто* заявляет себя в качестве мерила количества, степени, причем такого, которое для других недостижимо: *Поживи-ка с мое; Повоюйте с наше; Пусть поработает с твое, помучается с его.*

6) *Кто* готово поставить себя в центр ситуации, показывая либо (а) независимость от нее, безразличие или пренебрежение к ней, либо, напротив, (б) свое центральное в ней место, способность управлять ситуацией, направлять и определять ее: а) в застывшей форме себе: *Ему говорят, а он молчит себе; Крик, шум, а он себе спит; Тебя не трогают, ступай себе мимо;* б) в формах *у кого, с кем, кому*: *Они у меня узнают, как обманывать! У него / с ним не побездельничаешь; Он у нас / у меня / со мной / при мне быстро спесь потеряет; Наплачется он у меня! Поговори мне / у меня еще!* (угроза).

7) В устойчивых предложениях со значением неопределенной и рассредоточенной множественности *кто* открывает такое речение и, ставя себя в центр происходящего, предлагает свое поведение, поступок как противопоставляемое всем другим, прочим: *Кто куда, а я домой; Кто к кому, а я к тебе; Кто где, а я на работе; Кто зачем, а я за советом; Кому сколько, а мне и этого достаточно*; сравн.: *Кто гуляет, а я работаю; Кто в ресторан, а я в библиотеку* и под.

Изложенное показывает, как свободно чувствует себя смысл *кто* в кругу других языковых смыслов и с какой готовностью эти смыслы открывают ему свои позиции.

§ 15. ДЕЙКТИЧЕСКИЕ ГЛАГОЛЫ. Принято утверждать, что в русском языке нет дейктических глаголов. Однако это неверно: у нас есть как собственно формообразующие глаголы, так и дейктические глаголы, по своей функции совпадающие с местоимениями. К собственно формообразующим глаголам относится — в одной из своих функций — гл. *быть*, в синтаксической парадигме предложения образующий формы прошедшего, будущего времени и формы ирреальных синтаксических времен (*был бы, пусть бы был, пусть будет, будь*). Собственно дейктическими можно считать формы *стать, стало, станет, статья, случилось, станется* в случаях типа *Все может статья, Так и стало / случилось, Так и станет / станется*; сравн. остаточную форму глагола *стать* в утраченной просторечной конструкции «не — инфинитив — статья» со значением собственно подтверждения при отрицании: *Пахарю работы не занимать статья; Мне с хозяином не спорить статья*; в пословицах (Даль): *Для тягости родин жениху не отказывать статья; Живут же люди неправдой — и нам не лопнуть статья!*

В русском языке существуют как свободные дейктические глаголы (см. ниже), так и большое количество связанных дейктических глаголов, сочетаемость с которыми ограничена. Здесь речь пойдет о свободных дейктических глаголах и дейктических фразеологизмах, т. е. о таких, которые по своим функциям, синтаксическому поведению и парадигматике уверенно вписываются в общую систему собственно означающих (указующих) слов.

Глагольный дейксис весь обращен к означению процесса — бытия, движения, действия или состояния, длящегося во времени. На первых шагах членения этот класс возглавляется глаголами и устойчивыми глагольными сочетаниями: 1) *быть*, 2) *делаться, происходить*, 3) *делать, поступать*, 4) *испытывать состояние, находиться в состоянии*, 5) *состоять где, кем, пребывать в каком-нибудь положении*, 6) *относиться к кому-чему-нибудь, получать, воспринимать отношение извне*. Этой общей системой охватываются значения всех процессуальных состояний: бытийных, деятельных (субъектных и социальных), ситуативных. К каждой из показанных групп обращены дейктические глаголы, дифференцирующие соответствующий смысл. Такой дифференциацией на втором шаге членения открываются частные смыслы, тяготеющие к центральной дейктической единице и очерчивающие круг ее функций. Эта дифференциация имеет следующий вид (здесь приводятся не все, а лишь основные дейктические единицы, дифференцирующие общий смысл): 1) *б ы т ь*: *существовать, жить; наличествовать, находиться, пребывать, присут-*

ствовать; иметь место; 2) делаться: происходить; случаться; получаться; 3) делаться: поступать, действовать, заниматься; 4) испытывать состояние: чувствовать; находиться в состоянии; находиться в каком-нибудь расположении духа; находиться (оказаться) в каком-нибудь положении; 5) состоять кем, где: находиться в каком-нибудь социальном состоянии; 6) иметь отношение к кому-чему-нибудь: получать, воспринимать отношение извне.

Дейктической системой языка — глагольной и местоименной — охватывается весь круг элементарных, основополагающих, самых общих понятий, относящихся к существованию всего живого и неживого, к их признакам и свойствам, к субъектным и бессубъектным ситуациям, к действиям и состояниям человека.

Дейктическая система служит основанием для типологии сообщений. Тип сообщения, следовательно, — это элементарная целостная абстрактная единица коммуникативного плана языка, в которой сосредоточено представление о действительности (о бытии, действии, событии, состоянии, о сущности или признаке кого-чего-нибудь, о пребывании во времени или пространстве), являющейся предметом информации. Тип сообщения, как и всякая языковая категория, существует как категория общая и как объединяемая ею система частных категорий, дифференцирующих общий смысл средствами местоименного или глагольного дейксиса. Рассмотрим некоторые из таких глаголов.

Глагол *делать* — *сделать* означает любое действие или деятельность, исходящие от активно действующего субъекта или субъектов: это может быть действие определенное, разовое, равное поступку, и может быть широко развернутая деятельность: — *Что он делает?* — *Он работает / учится / читает / ищет работу / гуляет / руководит заводом / уехал отдыхать / улегся спать / собирается жениться* и т. д. В качестве такого действия может быть представлено и собственно состояние; сравн. в ответе на вопрос: — *Что он делает?* — *Спит / болеет / погрузился в размышления / бедствует / уже год без работы / бездельничает / ничего не делает* и под.

Глагол *поступать* — *поступить* означает любой целенаправленный поступок или действие, связанное с присутствием воли (волевой акт) и, следовательно, может означать любое сообщение соответствующего содержания: *Как он поступил?* — *Он сделал недоброе дело / Он меня обманул / Он бросил работу / женился / продал дом / унес чужую книгу / уехал жить в другой город* и под. С глаголами *делать*, *поступать* смыкается дейктическая форма *сделано*, означающая необратимое состояние как результат действия, поступка; за ней стоит причастный предикатив, называющий стабильное состояние как результат действия определенного или неопределенного субъекта: *Что сделано* — *того не воротить*; *Сказано* — *сделано* (см. нашу статью «Русская дейктическая форма *сделано* и означаемый ею тип сообщения»: [Шведова 2000]).

Глагол *делаться* — *сделаться* означает ситуацию, которая совершается с участием определенного или неопределенного субъекта (субъектов); этот субъект может быть не назван, но о его присутствии в таком сообщении всегда так или иначе сигнализируется: — *Что там делается?* — *Шумят, кричат / Драка / Опять воюют / Набилось народу / Кто-то приехал, встречают / Ссора, скандал у соседей и*

под. Глаголом *делаться* может также означаться природное явление как некое событие, а также вообще происшествие, случай: — *Посмотри, что делается (происходит) за окном: гроза, ливень; Буря: что сейчас делается в поле!*

Сочетание *иметь место* ('быть', 'наличествовать') означает ситуацию с устраненным субъектом или с таким субъектом, активность которого исключена, т. е. с субъектом пассивного состояния; это сообщения о недеятельном состоянии, о сложившемся положении вещей: *Что там?* (т. е. 'что имеет место?') — *На дворе мороз, ветер, небо в тучах; — Что с ним, как у него дела? — С ним беда, смешная история; — Что кругом? — Голод, нищета.*

Для глаголов *делать — сделать, поступать — поступить, делаться — сделаться, происходить — произойти*, для сочетания *иметь место* в языке есть синонимы: *совершить, сотворить, учинить, устроить, твориться, вершиться, наличествовать* и ряд других; однако во всех этих случаях присутствует ограниченная сочетаемость, семантическое осложнение либо стилистическая окрашенность.

Смысловые пространства дейктических глаголов весьма широки: к ним обращена вся глагольная лексика и фразеология, соответствующим образом распределяющаяся; кроме того, в каждое из таких пространств входят разные синтаксические структуры, сравн. собственно бытийные номинативные предложения, целиком входящие в смысловое пространство «быть».

В «Русском семантическом словаре» (т. IV) дейктические глаголы представлены как класс, объединяющий собственно дейктические глаголы (свободные) и глаголы, входящие в несвободные сочетания; в этом словаре описан весь класс русских дейктических глаголов в их противопоставлении глаголам собственно именующим.

§ 16. ОБЩИЕ ЧЕРТЫ МЕСТОИМЕННОГО И ГЛАГОЛЬНОГО ДЕЙКСИСА.

Как глагольные, так и местоименные дейктические единицы имеют важные общие черты, объединяющие их в целостный класс указующих (дейктических) слов и противопоставляющие их всем другим классам лексических единиц. Черты эти следующие.

1) Значение дейктического слова, т. е. заключенный в нем смысл, не членится на компоненты: функция указания на предмет, лицо, признак, наличие, ситуацию и др. есть то — и только то, — что составляет значимую сторону дейктического слова — имени, наречия или глагола.

2) В полифункциональных дейктических единицах (таких как *быть, делать, делаться, что, как, каково* и др.) их функции в отличие от значений многозначного слова, не выводятся одна из другой: эти функции соположены. Так, глагол *быть* (*есть, был, было, будет, был бы, было бы, будь*) способен означать собственно время (в парадигме предложения); собственно существование в разных его видах; наличие, нахождение; нахождение во владении у кого-нибудь; пребывание, присутствие где-нибудь; собственно событие, нечто происходящее (*Будь, что будет; Было да прошло и бывшем поросло; Что будет, то будет, а будет то, что Бог даст* <Даль>); состояние — собственное, неотъемлемое, неизбежно предстоящее или окказиональное (*Каков есть, такова и честь, посл.; Быть грозе великой; Выскокил из дома*

как / в чем был / в чем есть) (см. об этом нашу статью «Еще раз о глаголе *быть*», 2001). Как видно, ни один из этих смыслов не выводится из другого: в отличие от полисемии многозначного слова, при которой одно значение всегда так или иначе производно от другого, полифункциональность дейктического слова исключает семантическую производность и противопоставляет ей соположенность смысловых значений.

3) Как местоимения, так и дейктические глаголы имеют характерную сочетаемость, отличающую их от других лексических единиц; специфика их валентности — прежде всего в сфере квалификаций — предмет специального описания.

4) Как местоимения, так и дейктические глаголы способны членить свой смысл по трем основаниям: а) по единичности — множественности (*кто: я, ты, он — мы, вы, они; каков — каковы; чей — чьи и был — были; делал — делали; поступил — поступили*); б) по предельности — непредельности, точности — неточности (*где: тут_{loc} — там; куда: сюда — туда; докуда: досюда — дотуда; когда: тут_{temp} — тогда и сделать — делать, произойти — происходить*); в) по определенности — неопределенности — непредставленности, отсутствию (*кто — кто-то, кое-кто — никто; зачем — зачем-то — низачем, нэзачем; какой — какой-то — никакой; как — как-то — никак и был — был бы — не был, делал — делал бы — не делал; поступил — поступил бы — не поступил*).

Не каждое дейктическое слово членит заключенный в нем смысл по всем этим трем основаниям, но способность такого членения, присущая классу, является его характерной чертой: исходный, первичный смысл заключает в себе частные смыслы, лежащие на следующей, нисходящей ступени абстракции.

Глагольный и местоименный дейксис имеют точки соприкосновения, функционально связывающие их в единую систему. Такими связующими единицами являются местоимения *каково, как* и *что*, способные означать состояние или ситуацию, сравн.: *Каково в городе? Каково на дворе?* т. е. 'что имеет место', 'какова ситуация' и *Каково больному? Каково теперь путнику в поле?*, т. е. 'каково состояние больного', 'как чувствует себя путник'. Местоимение *каково* по своему смыслу — единственное местоименное слово, означающее только ситуацию или состояние и тем самым «вторгающееся» в сферу глагольного дейксиса. Местоимения *как* и *что* могут означать такие смыслы (*Как в городе? Как теперь путнику в лесу! Как больной? Что в городе? Что на дворе? Что наше дело?*) и совмещают эту способность со своими основными смыслами (об этих местоимениях см. в части II).

§ 17. МЕСТОИМЕНИЕ В СЛОВАРЕ. В свете всего изложенного выше местоимение как предмет словарного описания может быть рассмотрено с двух разных точек зрения.

Во-первых, каждое местоимение является с л о в о м и, как слово, имеет свою семантическую структуру и собственные тенденции семантического развития. Несомненно, что семантическая структура местоименного слова специфична: первичная функция означения (а не именованья) диктует свои законы в развитии местоимения как лексем; оно весьма осторожно относится к включению в свой состав каких-либо семантических новаций. Однако такие новации все же

возникают и обычно отмечаются словарями как отдельные значения местоименного слова; в то же время очевидно, что в очень многих случаях здесь в качестве отдельного значения местоимения описывается его употребление в условиях замкнутого контекста.

Во-вторых, местоимение существует как член малой дейктической системы: это само исходное слово, слова и местоименные фразеологизмы, заполняющие его сегменты и, в большинстве случаев, местоимения и местоименные сочетания или местоименные наречия, означающие всеохватность, всеобщность. Высокая регулярность таких отношений, представляющих исход как единицу, членимую на основе неких собственно смысловых признаков, позволяет ставить вопрос о том, что предметом собственно словарного описания может быть исходное местоимение вместе с относящимися к нему местоимениями, образующими его «микросистему». Такое описание показало бы реальные смысловые отношения между входящими сюда единицами и их неразрывные языковые связи. Естественно, что в словарную статью при этом не вошло бы детальное описание индивидуального лексического строения каждого из входящих в нее слов. Здесь был бы определен только смысл того или иного местоимения и показана распределенность смысловых отношений в малой дейктической системе (см., например, различие между местоимениями с *-то*, *-либо*, *-нибудь*, *кое-* или *ничто* и *ничего*, *никто* и *некого*, *низачем* и *незачем*).

Словарная статья специального «Словаря местоимений» может иметь следующие зоны.

I. Зона исходного местоимения: его парадигма; смысл; синтаксические позиции. II. Зона сегментов: а) местоимения, относящиеся к сегменту определенности: их противопоставленность по признаку единичности и множественности, предельности и неопределенности, их парадигма, смысловая противопоставленность; исходное местоимение и регулярные сочетания с ним в сегменте определенности; б) местоимения, относящиеся к сегменту неопределенности: их парадигма, смысловая противопоставленность, исходное местоимение и строящиеся с ним фразеологизмы со смыслом неопределенности; в) местоимения, относящиеся к сегменту непредставленности (отрицания, несуществования): их парадигма, смысловая противопоставленность, местоименные фразеологизмы, строящиеся с участием исходного местоимения в позиции местоимения отрицательного. III. Зона всеохватности, всеобщности: собственно местоимения, их парадигмы, местоименные сочетания и фразеологизмы со значением всеохватности.

Во всех случаях словарное описание должно сопровождаться иллюстрациями, показывающими употребление местоимения в словосочетании или в предложении. Так составленные и собранные вместе словарные статьи наглядно представили бы всю систему местоимений и ее собственно языковую организацию. Понятно, что при этом не исключается традиционное описание местоимений, принятое в толковых словарях; однако такое описание должно осуществляться с ориентацией на описание «малых систем» местоимений с учетом той специфики, которая присуща классу местоимений в целом. Тогда будет устранен тот разнородный

и непоследовательность, которые до сих пор присутствуют в наших толковых словарях.

§ 18. ЯЗЫКОВОЙ СМЫСЛ И ЯЗЫКОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ. Итак, основными понятиями, на которых строится данная работа, являются: местоимение как слово, означающее одно из глобальных понятий бытия и способное своим собственным членением представить первичные и основные ступени познания человеком всего реального мира и существующих в нем связей и отношений; языковой смысл как абстракция, создаваемая соответствующим дейктическим означением и его языковым именованием; смысловая категория общая и частная как порождение совокупного действия языкового смысла и языковой семантики знаковых единиц, заключающих в себе этот смысл; смысловое пространство, открываемое исходным местоимением и его сегментацией и заполняемое определенным множеством семантически связанных разноуровневых языковых средств; смысловой строй языка, образуемый системой смысловых категорий и представляющий собою основу, организующую всю языковую материю в целом.

Языковой смысл есть глубокая структура, сочленяющая в себе две конструктивные данности: с одной стороны, одно из основных понятий материального мира и духовного мира человека как субъекта, этот мир познающего, с другой стороны, обобщенно представленную семантику языковых средств, к этому понятию обращаемых. Соответственно каждый языковой смысл членится, во-первых, по ступеням познания (определенность, данность, собственно знание — неопределенность, неуверенность в знании — незнание или отрицание существования), во-вторых, по охвату тех или иных языковых семантических общностей. В недрах языкового смысла структурируются смысловые категории языка; эти категории, как и категории грамматические, отвлекаются от языковой материи и, существуя в сознании как абстракции, обнаруживают себя в отдельных языковых единицах и в их совокупностях. Исходные смыслы и порождаемые ими смысловые категории скрепляют языковую систему и обеспечивают ее целостность. При анализе языкового значения «по семам» так наз. архисема не является самой первой ступенью обобщения: над ней всегда стоит языковой смысл, относящий это значение к той или иной языковой смысловой категории; в языке нет ни одного знака, семантика которого первично не восходила бы к тому или иному исходному смыслу. Закрытая система языковых смысловых категорий образует тот каркас, на котором строятся классы, множества и подмножества языковых знаков, в специальной литературе называемые «семантическими полями»: во главе такого «поля» всегда стоит языковой смысл — общая смысловая категория для единиц с самым абстрактным значением и частная смысловая категория для отдельных языковых подмножеств.

В свете всего изложенного оказывается необходимым четкое разграничение языкового смысла и языкового значения. Языковой смысл — это самое общее понятие, означенное местоименным исходом и его сегментами и в границах создаваемого им пространства материализующееся посредством семантических языковых множеств, по самой своей природе существующих в этом пространстве.

Языковое значение — это целостная единица, образуемая слиянием общих (общей) и конечной сем и представляющая собою содержательную сторону языкового знака. В двуликой природе этого знака значение образует тот его «лик», который обращен к мысли, к знанию о называемом, к концентрации этого знания и к его собственному индивидуальному наименованию. Одно из коренных отличий языкового смысла от языкового значения состоит в том, что смысл консервативен, стабилен, а значение подвижно. Строй смыслов, понятийно связывающих собою всю языковую систему, существует исконно и не меняется ни от социальных катаклизмов, ни от изменений в самом языке: те глобальные понятия, которые означены исходными местоимениями, представляют собой основу, на которой зиждется вся знаковая организация языка. Значение подвижно и изменчиво: это — живая единица «плана содержания», обращенная к другим таким же единицам, их к себе притягивающая и от них отталкивающаяся; оно находится в процессе постоянного движения и развития, в ходе своего существования обрастая «оттенками» и порождая новые единицы, равные себе по языковой природе.

Характерны сами различия языковых процессов, происходящих в строе смыслов и в значениях слов. В обозримые периоды истории определенного языка сами смыслы не меняются, их строй стабилен; могут меняться (постепенно, вяло) словесные обозначения смыслов: это или архаизация слов (сравн., например, *азъ — я, негде — когда-то, сей — этот, кой — который*), или уход в отдельные языковые сферы (напр. *доселе, отселе; эдак, посему*), или образование фразеологизмов, равнозначных слову (*зачем — с какой целью, почему — по какой причине, докуда — до каких пор*). Во всех подобных случаях смысл не меняется: меняются лишь его обозначения. В сфере значений изменения имеют качественно иной характер: здесь меняются не словесные обозначения, а сама сущность языковой единицы, обнаруживаются признаки ее собственного развития.

Смыслы составляют остов всей системы языковых именований, как бы ни понималась номинация: только применительно к собственно именуемым единицам или же к целому высказыванию; значения — это живая ткань языка, облекающая этот остов и без него не существующая.

Часть II

ИСХОДНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ, ИХ МИКРОСИСТЕМЫ И ИХ СМЫСЛОВОЙ ПОТЕНЦИАЛ

КТО

1. Местоимение *кто* занимает главное место в строе местоименных исходов. Это объясняется тем, что оно наряду с другими означает не просто одно из глобальных понятий бытия, но существо одушевленное и прежде всего человека, ставящего себя в центр всего окружающего, познающего мир и установившиеся в

нем связи. В силу этой своей предназначенности местоимение *кто* получило в языке сложную и разветвленную организацию; эта сложность обнаруживается прежде всего в сегменте определенности, где формализовано противопоставление «я» всем остальным: *тебе, ему, нам, вам и им*; это — максимально точное представление сосредоточенности (точности, данности) в ее противопоставленности несосредоточенности, возможной обращенности к любому (*сам, сама, вамо, сами, себя*).

Местоимения, принадлежащие к КТО, распределены по признакам: 1) «лицо или существо олицетворяемое — животное» и, внутри этого членения, 2) «один — не один». При этом сегменты «по вертикали» выглядят по-разному: 1) в сегменте определенности применительно к животному отсутствуют *я* и *мы*: они возможны здесь только при олицетворении; *ты* и *вы* здесь возможны только при непосредственном обращении; 2) в сегменте неопределенности не заполнены позиции *я*, *ты*, *мы* и *вы*: *я* (и включающее его *мы*) как центр личностных отношений исключает неопределенность; то же относится к *ты* и *вы* как к таким участникам этих отношений, которые непосредственно и определенно противостоят *мне* как центру, их организующему; 3) в сегменте непредставленности (несуществования, отсутствия, незнания) не заполнены позиции *я* и *ты*, а применительно к животным также *мы* и *вы*.

Таким образом, местоимения *я, ты, он (она, оно), мы, вы, они, сам (сама, само), сами, себя* входят в микросистему местоимения *кто*, являются его смысловыми составляющими.

2. Как и во всех других случаях, исходное местоимение *кто* безразлично к составу своих сегментов: оно стремится участвовать в их заполнении.

В сегмент определенности местоимение *кто* входит в сочетании с *вот (вот кто)*, индивидуализируя смысл указанием на единичное лицо (возможно также животное) или определенные лица (*Это сделал вот кто: Ваня; Это сделали Ваня и Коля, вот кто*). Ср. также: *я сам, ты сам, я самый, ты самый*. В конструкции *кто если / как не я (не ты, не он и т. д.)*, т. е. «именно и только я (ты, он и т. д.)»: *Кто если не я тебе поможет?; Кто как не ты это сделал!* На ступени неопределенности исход участвует в составе целого массива фразеологизмов, распределенных по признаку немножественности или множественности (возможности выбора из неопределенного множества), либо по признаку малости, несущественности или весомости, существенности (см. часть I, § 6): собственно *кто* в значении «кто-нибудь»; [Л и з а] *Ну, кто придет, куда мы с вами?* (Гриб.); [С о ф и я] *Ах! если любит кто кого, Зачем ума искать и ездить так далеко?* (Гриб.); *кто знает / кто его знает кто, Бог знает кто, Бог весть кто, не знаю / не знаешь / не поймешь / не разберешь кто, неведомо / невесть кто, черт знает / черт-те кто, кто хочешь, кто угодно, хоть кто, кто бы то ни был, кто придется, кто ни попадись, кого (кому, с кем и т. д.) ни попадя, мало ли кто, много кого (много кого в жизни встречал), кто-никто, а... (кто-никто, а навестит), кто-кто, а... (кто-кто, а друг не выдаст), кто..., а кто... (кто даст, а кто и нет), кто еще / там / тебе (кто еще / там / тебе поможет — сомнение или уверенность в обратном). В сегменте непредставленности, отсутствия: *хоть бы кто (хоть бы кто пожалел)*; в риториче-*

ческом-вопросе: (*Кто ее полюбит?!*, т. е. 'никто'; *Кому будешь жаловаться?!*, т. е. 'некому').

3. Смысловое пространство местоимения *кто* и всех его сегментов открыто для разноуровневых языковых средств: в него входят лексика (все именованья человека и живого существа вообще), личные имена, морфемика, идиоматика, грамматика — формы лица, числа, род, синтаксические конструкции и специфические средства построения развернутого текста. В строе текста могут сниматься или модифицироваться те или иные ограничения в заполнении сегментов неопределенности и непредставленности: окказиональная неопределенность или отсутствие здесь могут обозначаться сочетаниями слов, фразеологизмами, самим построением текста. При обращении к разноуровневым языковым средствам, устремленным к смысловому пространству *кто*, формализуется членение «*кто* — лицо» и «*кто* — животное», а внутри каждого из этих членений разделение на «один» и «не один».

В сегменте неопределенности позиции «я» и «ты» не заполнены (в тексте здесь возможно *кто-то* при намеке, известности, что речь идет обо мне, о тебе или о нем); здесь свободно участвуют «полуместоименные» слова и сочетания *один* (*один кто-то, один какой-то*), *иной, другой, один человек*: *Бегут: иной с дубьем, Иной с ружьем* (Крыл.); *Один говорит одно, другой другое*; — *Кто тебе сказал? — Один человек*; обычные сочетания с определением: *кто-то чужой, кто-то странный, кто-нибудь из вас, один из них* и под.

Смысловое пространство «*кто* — лицо — не одно» заполняется в сегменте определенности формами 1, 2 и 3 л. мн. ч. глагола, формами мн. ч. прош. времени глагола, лексикой (все именованья лиц в формах мн. ч.), идиоматикой, фамилиями в форме мн. ч. (*Мы, Ивановы, все такие*), сочетаниями с предлогами и союзами типа *мы с тобой, я с ним, ты с ними, ты и я, отец и сыновья, мать и сын, мы с ним вдвоем, ты с ними втроем*; идентифицирующими сочетаниями типа *мы сами, вы самые, они самые* (*Эти люди приходили? — Они самые*). В сегменте неопределенности не заполнены позиции *у мы* и *вы* (в речи это ограничение может сниматься). Для *они*: *кто-то* (*-либа, -нибудь*), субст. *многие, немногие, иные, некоторые, одни — другие* (*У одних так, у других по-другому*); неопределенно-личные конструкции (*Говорят, что..; На улице шумят, кричат*); слова *люди, народ* (*Что люди скажут? Народ собрался, а докладчика все нет*); сюда обращены все местоименные фразеологизмы, означающие неопределенную множественность: *кто-кто, а.., кто да кто, кто ни на есть, кто был, кто придется; мало кто, редко кто* (*Редко кто видел тигра на свободе*). Для *мы, вы: наш (ваш) брат, наша (ваша) сестра* (прост.). В сегменте неопределенности, отсутствия, несуществования во всех позициях — *нет меня (тебя, его, нас, вас, их)*; конструкция с *ни.. ни* (*ни меня ни тебя; нет ни их ни вас и т. д.* — *нас / вас / их не существует, мы отсутствуем*); для *вы, они* — *никто, некого, хоть бы кто* (*Никто кругом / на свете / в мире не знает, куда он пропал*), *ни один человек, ни одна живая душа, ни души* (*Кругом — ни души*).

Смысловое пространство «*кто* — животное» заполняется значительно более узким кругом разноуровневых языковых средств. Позиции *я* и *мы* открыты здесь только при персонификации, *ты* и *вы* — при непосредственном обращении; со-

ответственно эти позиции в самой системе не заполнены. Позиции *он, она, оно, сам, сама, само, сами, себя* заполняются личными формами глагола, лексикой (собственно именования и клички), средствами словообразования, в «один» — формами рода в глаголе. В сегменте *неопределенности* для *он: кто-то, кто знает / кто его знает кто, неизвестно* (не поймешь, не разберешь, неведомо, незнамо) *кто; для они: кто-то* и все фразеологизмы с *кто*, обращенные к понятию множества. В сегменте *непредставленности* — *нет, никто, некого, хоть бы кто, никого нет*, прост. *ни черта* (ни чёрта), глаголы *не существует, не бывает, не водит-ся; сочетание ни... ни*.

В строе текста, в речи заполнение такого смыслового пространства расширяется; однако его общее строение при этом остается постоянным.

4. Трехчастному строению местоимения *кто*, всем его сегментам вместе, противостоит смысл всеобщности, всеохватности, означения всех вообще. Этот смысл выражается местоимениями *все* (мн. ч.), *всякий* (субст.), *каждый* (субст.), *всяк* (субст.): *Что волки жадны всякий знает* (Крыл.); *Всяк себе норovit* (посл., Даль); *Знай всяк сам свое* (Даль); ср. у М. А. Булгакова: «...возможность к а ж д о м у выиграть огромную сумму золотом», — машинально повторял Ежиков, — *эм, к а ж д о м у. В сущности говоря, почему я не могу выиграть? Я такой же каждый, как и всякий*». (М. Булгаков «Серия ноль-шесть № 0660243. Истинное происшествие»); фразеологизмом *кто ни... (кого ни возьми, к кому ни обратись, кого ни спроси...)*; сочетаниями *всё живое, всё сущее*; местоимением *всё*: *Внимало всё тогда Любимцу и певцу Авроры; Затихли ветерки, замолкли птичек хоры, И прилегли стада* (Крыл.); *Всё хлопает. Онегин входит, Идет меж кресел по ногам* (Пушк.); [Л и з а] *Всё в доме поднялось* (Гриб.); применительно к лицу также *человек* (Человек смертен), *смертный* (высок.), *люди* (*Все люди братья*), *все мы*, субст. *любой* (*Это знает любой*). Здесь обычны сочетания типа *все люди, все кругом, весь свет*, открытые перечислительные сочетания типа *и я, и ты, и он*: *Все мы люди, все мы человеки* (афоризм); — [Ч а ц к и й] *Дознаться мне нельзя ли, Хоть и некстати, нужды нет: Кого вы любите?* — [С о ф и я] *Ах! боже мой! весь свет!* (Гриб.); *Но если это так, то что есть красота, И почему ее обожествляют люди?* (Заболоц.); *Все мы, все мы в этом мире тленны* (Есен.).

Проблема выражения всеобщности, всеохватности применительно к лицу требует специального углубленного изучения.

Как видно, общая смысловая категория «*кто* — существо одушевленное» предстает в двух первых подвершинных частных смысловых категориях: «*кто* — лицо» и «*кто* — животное»; первая из них делится на вторые частные смысловые категории: «*кто* — человек» и «*кто* — олицетворяемое мифическое существо»; здесь различается лексика, фразеология, частично — средства словообразования, а также — с большой очевидностью — возможности заполнения сегментов неопределенности и непредставленности. Частная смысловая категория «*кто* — человек, лицо» включает в себе дальнейшее многошаговое смысловое членение, предсказанное членением именуемых слов на семантические множества и подмножества. Реальную основу для выведения иерархии подвершинных смысловых категорий дают классификации лексики, представленные в «Русском семантическом словаре» (том I, 1998).

5. Исходный смысл «кто — существо одушевленное» в дотекстовых сочетаниях (в словосочетаниях), в элементарных соединениях в речи, в тексте, а также в отдельных словах может вступать в контаминации с другими исходными смыслами: здесь для него практически нет ограничений; это объясняется тем явлением «человекоцентризма», о котором говорилось в § 14 части I настоящей работы: существо познающее определяет свое место в окружающей его обстановке и в своих связях и отношениях со всем другим и другими; при этом человек естественно видит себя в центре своего окружения. Осознание себя, своих поступков и отношений невозможно без осмысления таких понятий как *где, когда, как, сколько, почему, зачем*. Так возникают регулярные смысловые сочленения, отливающиеся в такие словесные сочетания, в которых объединены два исходных смысла, причем такое сочленение в данном сочетании оказывается нерасторжимым. Так сочленяются смыслы: *кто и что* (*Сбежался в е с ь г о р о д; Ш к о л а н е д о в о л ь н а ученикам; Е е з н а е т в с я у л и ц а*); *кто и чей* (*З а й д и к о м н е в к а б и н е т; Ж и в е т у н е г о в д о м е; В с е н а п и с а н о у н е г о н а л и ц е*); *кто и сколько* (*П р и ш л и в п я т е р о м, в ш е с т е р о м...*); *кто и какой* (все явления субстантивации прилагательных и причастий); *кто и когда* (*Ж и л е щ е п р и ц а р е; Э т о с л у ч и л о с ь б е з м е н я*); *кто и как* (*Ж и в е т б е з р о д н ы х, б е з р о д и т е л е й*); *кто и где* (*Т о г д а т ы б ы л с о м н о й; Н а т е б е б о ь ш а я о т в е т с т в е н н о с т ь*); *кто и куда* (*п о х о д н а п е ч е н е г о в; п о й т и в с о л д а т ы; П о е х а л к о т ц у*); *кто и откуда* (*п о с ы л ь н ы й о т п о р т н о г о*); *кто и докуда* (*д о б е ж а л д о м е н я*); *кто и зачем* (*с д е л а л д л я т е б я, р а д и д е т е й*); *кто и почему* (*с л у ч и л о с ь и з - з а м е н я, и з - з а н а с*). Этот перечень — лишь общий взгляд на само явление контаминации смыслов.

Наряду со способностью к разнообразным смысловым контаминациям для *кто* характерны множественные собственные позиции в строе предложения и текста.

6. Функционирование собственно исхода *кто* имеет ряд специфических черт. Поскольку выражение определенности при нем взял на себя закрытый ряд личных местоимений, однозначно означающих участника ситуации, постольку для собственно *кто* в качестве основной осталась функция означения того, кто мыслится отвлеченно или обобщенно; однако самый характер такого отвлечения и обобщения сложен: здесь обнаруживается переход функций — от поисков того, кто может стать известным или кому-то известен, до высшей ступени обобщения — поиска собственно сущности или ценности — в полном отвлечении от конкретного носителя соответствующего признака. Можно назвать несколько ступеней знания о том (тех), кто обозначен исходным местоимением, и, соответственно, несколько ступеней формирования у *кто* функции общения, обращенности к кому-то одному, ко многим или ко всем вообще, к некоему «образу существа».

1) Означаемый известен или может быть известен; это конкретное лицо (лица), которое имеется в виду говорящим: *ты, кого я любил...; те, кому я верил...; друг, с кем я провел лучшие годы жизни*; в этих случаях местоимение *кто* вводит ту часть текста, которая индивидуализирует наполнение предшествующего местоимения (*ты, тот* и под.), либо вводит информирующее определение. Сюда же относятся специ-

фические конструкции типа *Мне есть (было, будет) с кем поговорить / к кому идти за помощью / о ком вспомнить* и т. д.; местоимением *кто* в таких случаях означает лицо или лица известные, но не называемые: здесь присутствует намек, умолчание или избыточность названия (сравн.: *Тебе есть о ком заботиться: у тебя дети; Было с кем посоветоваться: ведь я рядом*). Во всех подобных случаях *кто* являет собою отвлечение от известного, данного.

2) Означаемый известен кому-то другому: его конкретное, определенное обозначение ищется и может быть найдено, открыто самим участником речи: — *Позвольте спросить, кто вы таковы? — Я дочь капитана Миронова (Пушк.); Кто он таков? Ужель Евгений? Ужели он? Так, точно он (Пушк.); Кто пришел?; Кто это сделал?; Вы к кому? Это кто, способное открыться, отвлечено от реально существующего в данной единичной ситуации, от того, кто эту ситуацию конструирует или непосредственно в ней участвует.*

3) Существование означаемого (одного или, чаще, многих) признается или допускается, но сам он мыслится как некий представитель множества: *Все, кто его знал.; Любой / всякий, кого ни спроси; Спасайся кто может*. Сюда относятся устойчивые сочетания, фразеологизмы, в которых *кто* означает беспорядочно распределяемое множество и одновременно — одного из входящих в это множество: *кто куда, кто где, кто когда, кто о чем, кто откуда, кто зачем, кто с кем, кто кому, кто к кому, кто кого* и под. Неопределенность снимается в условиях расширения текста: *Кто про что: ты про Фому, а он про Ерему; Кто где: мать дома, отец на работе, дети в школе.*

4) Означаемый известен как носитель отрицательных качеств, как тот, чье поведение, поступки, образ жизни безусловно осуждается, о ком известно, кто он такой, или его качества неожиданно открываются: — *Да кто же доктора? Жрецы науки (Л. Толст.); Кто ты такой, чтобы учить старших?; Кто он, чтобы считать себя умнее других?; ср. всем известные грибоедовские строки: А судьи кто?; С кем был!; Куда меня закинула судьба!; А вы! о Боже мой! кого себе избрали? Когда подумало, кого вы предпочли!*

5) Существование того, кто означает, сомнительно: вернее всего, что он вообще не существует. Эта функция местоимения *кто* обнаруживается в риторическом вопросе: *Кого любить?!; Кому же верить?!; Кто не ошибается?!; Кто знает, что с нами случится впереди?!; Кто исправит эгоиста?!* В устойчивых сочетаниях с бы: *Кто бы мог подумать, что это случится!; Кто бы узнал в ней прежнюю девочку?!* Во всех подобных случаях *кто* приближается к *никто*: под сомнение ставится само существование означаемого.

6) Означаемого не существует: отрицается сама возможность действия и, соответственно, его субъекта; это имеет место в устойчивых сочетаниях *кто сказал / придумал / выдумал, что...; кто видел, слышал, что...*, вводящих сообщение о невозможном, заведомо ложном: *Кто сказал, что я знаю этого человека? (т. е. 'я его не знаю'); Кто это придумал, что я женюсь?; Кто слыхивал, чтоб рыба говорила?; Кто видел, чтобы на березе росли шишки?* Это *кто* заведомого несуществования, отрицания самой возможности существования означаемого.

7) Означаемый мыслится как обобщенный носитель характерных признаков, типичного поведения: *У кого что болит, тот о том и говорит* (посл.); *Кто жил и мыслил, тот не может в душе не презирать людей; Кто чувствовал, того тревожит Призрак невозвратимых дней* (Пушк.).

8) Кто означает искомую сущность, поиск некоего содержательного наполнения, сути лица; это — функция наивысшего отвлечения от указательности, от собственно местоименности кто: *По свойству своего характера Кити всегда в людях предполагала все самое прекрасное, и в особенности в тех, кого она не знала. И теперь, делая догадки о том, кто — кто, какие между ними отношения и какие они люди, Кити воображала себе самые удивительные и прекрасные характеры* (Л. Толст.); *Он всех одинаково любит или презирает, что все равно, а служит только тому, что заложено в него свыше. Он любит одно — красоту, единственно несомненное благо в мире. Да вот кто он та кой! Ниц падайте все перед ним, на колена!* (Л. Толст.); *Кем вырастет этот ребенок?; Стало понятно, кто есть кто; Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты* (афоризм); Сравн. тот же смысл установления сущности в личных местоимениях: [М о л ч а л и н] *Дай обниму тебя от сердца полноты. Зачем она не ты?* (Гриб.); [Ф е д я] *А завтра что? Все буду я — я, а она — она* (Л. Толст.).

Так вырисовывается круг функций местоимения кто, развившего в себе разнообразные способности обобщений.

7. Как уже сказано, так называемые личные местоимения — я, ты, он (она, оно), мы, вы, они, сам (сама, само), сами, возвр. себя — в системе местоимения кто занимают сегмент определенности и распределены там применительно к лицу и велицу; местоимения сам (сама, само, сами) и себя противопоставлены всем остальным по признаку несосредоточенности, неточности: сам, себя обозначают определенное лицо только в условиях текста; здесь же они легко сочетаются как с личным местоимением, так и друг с другом, подтверждая означение лица: я сам, ты сам, мне самому, мы сами, он сам себе враг, мы сами с усами, я себя не обижу и под. В центре всего сегмента определенности стоит я, означающее лицо, к которому так или иначе обращены все другие, все другое: я — это лицо непосредственно воспринимающее, познающее, действующее, оценивающее и мысленно или реально концентрирующее вокруг себя все окружающее: я ставит себя в центр и наглядно демонстрирует тот «человекоцентризм», о котором говорилось выше. Вспомним точное описание такого мировосприятия в оде Державина «Бог», где человек предстает как средоточие всего существующего:

*Я связь миров, повсюду сущих,
Я крайня степень вещества;
Я средоточие живущих,
Черта начальна Божества...*

Я как «лицо говорящее» незримо присутствует в любом сообщении: каждый член триады «я — ты — он» может быть представлен как субъект, конструирующий ситуацию (— Кто открыл дверь? — Я; Опять неприятности, все ты; Из библиотеки пропадают книги: это опять он); однако, во всех подобных случаях утверждаю-

шим лицом является тот, кто знает источник ситуации, т. е. *я* — источник знания: *знаю я, говорящий, сообщающий, а не ты и не он*. Но такая роль *я-говорящего* обнаруживается в тексте, в речи, а не в системе местоимений как в классе указующих слов (см. об этом часть I, § 14).

Синтаксические позиции личных местоимений в тексте определяются их категориальным значением и совпадают с позициями собственно имени. Для этих местоимений характерна функция обобщения: в меньшей степени для *я*, в большей — для *ты, он*, а также для *сам, себя*. Вот характерные примеры афоризмов, пословиц, строящихся с участием таких местоимений (все пословицы, которые могут показаться редкими, взяты из словаря Даля).

Я, ты, о н, м ы: Сегодня ты, а завтра я; Ты мне, я тебе; Без меня меня женили; Всяк о себе, а кто же обо мне?; Я ли не я ли! (похвальба); Я не я, и лошадь не моя и я не возница; Послужи на меня, а я на тебя; Ты — как бы дело сладить, а он — как бы дело изгадить; Отдаст ему — неведомо кому; Не нами мир стал, не нами и кончится; в насмешках: Мир сотворили, а нас и не спросили; Им свет стоит, к нему солнышко спрашиваться ходит!

С а м, с е б я: Сами с усами; Сам поет, сам слушает, сам и хвалит; Сам едет, сам и погоняет; Сам-не сам, а при помощи других сладил; Ни себе, ни людям; Выше себя не вырастешь; Знай себя, так и будет с тебя; На себе везут, так прогонов не берут. В обычном сочетании сам себя: Познай самого себя (афоризм); Знай всяк сам себя; Всяк сам себе хорош. Обобщенное значение сам часто выступает при противопоставлении; см. у Даля: Прими зятя в дом, а сам уходи воя; Дурака пошлешь, за ним сам пойдешь. Отсюда — развитие у сам собственно связующей функции: Улыбается, а у самой слезы текут; Молчит, а сам злится; Сам недоволен, но молчит.

Показательно, что функция обобщения у личных местоимений совпадает с той же функцией у личных форм глагола; для форм I лица ед. ч. эта функция обычно не отмечается, но см. у Даля: *Хоть церковь и близко, да ходить склизко, а кабак далеконько, да хожу потихоньку.*

8. Словарная статья, посвященная местоимению *кто*, может быть построена двояко. Первый способ — традиционный: отмечаются все возможности употребления *кто* как слова и выделяются те, которые могут быть приписаны ему как отдельные значения; однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что такая статья в большей своей части есть не что иное, как описание, во-первых, функционирования собственно *кто* и контекстов, которые необходимы для такого функционирования, и, во-вторых, тех фразеологизмов, которые строятся с участием *кто* и в большинстве своем заполняют в его системе сегмент неопределенности (реже — определенности или непредставленности). Такое описание только утверждает в мысли о том, что *кто*, как и другие местоименные исходы, возглавляет собственную трехчастную «малую систему».

Другой, нетрадиционный способ словарного представления *кто* — это описание всей его системы в целом. Тогда здесь должны быть строго разграничены следующие зоны словарной статьи: 1) исходное местоимение (определение его языкового смысла); 2) сегмент определенности (описание местоимений *я, ты, он, мы, вы, они, сам, себя* как носителей самого общего дейктического смысла); 3) сег-

мент неопределенности (все соответствующие местоимения и местоименные фразеологизмы); 4) сегмент непредставленности, отсутствия (все соответствующие местоимения и местоименные фразеологизмы); 5) местоимения, принадлежащие к смысловому пространству всеохватности (всеобщности). Внутри каждой из этих зон должно быть показано специфическое функционирование каждого местоимения, а также даны его грамматические характеристики. Так построенная словарная статья, вместе с другими, входящими в специальный «Словарь местоимений», покажет местоименное слово не как отдельную лексему, а как элемент системы, существующий и функционирующий по законам, диктуемым этой системой.

ЧТО

1. Местоимение *что* как исход, возглавляющий собственную дейктическую микросистему, означает любую сущность, данность, не являющуюся существом одушевленным; в этом смысле *что* внутри собственно класса местоимений находится в противопоставлении к *кто*. Спектр реальных, означаемых местоимением *что*, весьма широк; это может быть все, что непосредственно воспринимается физически или осмысливается умственно, духовно, — все, что оказывается в поле зрения человека как существа воспринимающего, мыслящего и чувствующего: собственно предмет, вещь или совокупность предметов, понятие, состояние, свойство, чувство, мысль, сообщение, явление, поступок, событие, ситуация или целое «бытийное пространство», срез жизни, бытия, отрезок действительности.

В микросистему *что* входят местоимения *это, то, он (она, оно), они, сам (сама, само), сами, себя* → *ничто, что-то, что-нибудь, что-либо, кое-что* — *ничто, нечего*.

Исходное местоимение *что*, как и все другие местоименные исходы, стремится участвовать в заполнении своих сегментов. Это относится прежде всего к сегменту неопределенности и, в значительно более ограниченном виде, к сегментам определенности и непредставленности (несуществования, отсутствия, незнания).

В заполнении сегмента *о п р е д е л е н н о с т и* местоимение *что* участвует, во-первых, в сочетании с *вот: вот что* (*Странно вот что: он не пришел*), во-вторых, в составе конструкций со знач. исключительной данности и единственности означаемого: *что если не.., что как не..* (*Чем если не/как не музыкой наслаждаться, Чему как не искреннему участию / если не искреннему участию радоваться*). Аналогично значение конструкций с *не это ли, не то ли*, также принадлежащих сегменту определенности (*Не этому ли / не тому ли радоваться, Не об этом ли вспоминать*).

В сегменте *н е о п р е д е л е н н о с т и* представлен широкий спектр присутствия *что* в составе фразеологизмов, в сочетаниях с частицами. Это или 1) собственно неопределенность, основанная на неполном знании, неполном понимании, или 2) неопределенность, связанная с выбором из некоего множества. 1) *Неведомо что, невесть что, не поймешь (не понять, не разберешь) что, незнамо что, не знай что, Бог весть что, Бог знает / ведает что, Бог его знает что, кто знает что, черт знает что, черт-те что*. 2) Там, где неопределенность связана с выбором, возникают разные дополнительные оттенки: а) неопределенность выбора из лю-

бого возможного, «неопределенность безразличия»: *хоть что, что угодно, что хочешь, чего ни захоти, что ни возьми, что ни на есть* (*Бери хоть что / что хочешь / чего ни захоти / что ни на есть*); б) случайность, произвольность, неразборчивость в выборе: *что придется, что ни попадись; Бьет чем ни попадя*; в) выбор из неопределенно многого или неопределенно малого: *много чего, мало что / чего, редко что, мало ли что, что-ничто, а...* (*Мало что знаем, Редко чем порадуем, Много чего повидал, Чем ничем, а угостит*, т. е. 'может быть и малым, но угостит обязательно'; *О чем ни о чем, а поговорим*); см. у Даля: *что не что* (сиб.) 'немного, помалу, чуть'; г) ограниченность и сомнительность выбора: *что... а что...* (*Чем угодишь, а чем и нет, Что запомнишь, а что и нет*); д) неуверенность в возможности выбора: *что там / еще / тебе* 'в знач. частицы' (*— Им помогут. — Чем там / еще / им помогут!, Чему еще / там мне радоваться!*). Кроме того, местоимение *что* в непринужденной речи может обозначать собственно неопределенность вне связанной сочетаемости с другими словами: *Случится что, позвони; — Почему не разговариваешь, обиделся на что?* (т. е. 'на что-нибудь').

В сегменте не представленности (отсутствия, незнания): *хоть бы что* (*хоть бы чем порадовал!*); в риторическом вопросе: *Что теперь от него получишь?!* (т. е. 'ничего не получишь'), *Что этот бедняга может сделать?!* (т. е. 'ничего не может'). В сочетании с *только*, а также с *ни*, *только ни* местоимение *что* участвует в выражении всеохватности, универсальности: *Чего только я ни рассмотрел! Чем только ни занимался, о чем только ни думал!*

2. Как уже сказано, смысловое пространство, открываемое местоимением *что*, очень широко, практически оно шире, чем у любого другого местоименного исхода; это объясняется тем разнообразием означаемых, о котором сказано выше; в толковых словарях все это многообразие обычно объединяется под дефиницией «указывает на предмет или явление». В представлении соответствующих смысловых категорий участвует как само местоимение *что*, так и местоимения, входящие в его сегменты; наиболее регулярны здесь местоимения *он*, *это*, *то*, *ничто*, *что-то*; для отдельных элементов системы действуют ограничения или запреты, идущие от тех или иных частных значений. Ниже предлагается общий взгляд на возможности таких означений.

1) Мест. *что* может означать предмет, вещь, единичную материальную реалию, а также совокупность предметов или предметов и лиц: — *Что он подарил тебе? — Вот это.* / — *А вон оно, лежит на столе.* / — *То, чего я и ждал.* / — *Что-то очень красивое.* / — *Ничего не подарил; — Чем открыть банку? — Вот этим.* / — *Чем-нибудь.* / — *Чем-то острым.* / — *Ничем ее не открыл; Что с возу упало, то пропало* (посл.); *Чем богаты, тем и рады* (посл.); *Чем вы, гости, торг ведете?* (Пушк.).

2) Мест. *что* может косвенно указывать на одушевленное существо через ступень ситуации, в которой это существо присутствует как неопределенное и возможное, ее представляющее: *Сил нам нет кружиться доле; Колокольчик вдруг умолк; Кони стали...* — «*Что там в поле?*» — «*Кто их знает? пень иль волк?*» (Пушк.); — [Б а р ы н я] (указывает на мужиков) *Это что? Что это? Что это за люди?* [Ф е д о р И в а н о в и ч] *Это крестьяне из Курской о покупке земли к Леониду Федорови-*

чу. [Б а р ы н я] Вижу, что крестьяне, да кто их пустил? (Л. Толст.); — Что ни роди-
кое? Я не понимаю. Что такое музыка? Что она делает? И зачем она делает то, что
она делает? (Л. Толст.); Что наша жизнь. — Игра!

3) Мест. что может заключать в себе смысл е с у т и предмета, явления, его
основного сущностного признака: ...И вообще странная вещь музыка. Что это та-
кое? Я не понимаю. Что такое музыка? Что она делает? И зачем она делает то, что
она делает? (Л. Толст.); Что наша жизнь. — Игра!

4) Мест. что (то, это) может означать свойство, внутреннее состоя-
ние, чувство, непосредственное восприятие, мысль, речь: Что он ска-
зал?; О чем речь?; Что у него на уме?; Это ложь; — Что с ним? — Хандра; О чем
толкуете?; — Одним, одним нехороши... — А чем же? Расскажи, служивый (Пушк.);
— Что в сердце вашем я нашла? Какой ответ? одну суровость (Пушк.); ...но что-то
кроме этого есть, что тебя тревожит и мешает. Что это? ...Вы спрашиваете, что?
То, что я любила (Л. Толст.); Быть может, юноша веселый В грядущем скажет обо
мне: Простим угромство — разве это Сокрытый двигатель его? Он весь — дитя добра
и света, Он весь — свободы торжество! (Блок).

5) Мест. что может означать поступок или событие, случай: — Что
делал там? — Я слушал Терек (Пушк.); То было раннею весной, В тени берез то было
(А. К. Толст.). Собственно случай: Что ни случится, поможет; — Что произошло? —
Ничего / — Что-то непонятное; — Что случилось? — То самое, что и ожидали; — Что
с ним? — Он упал; Из-за чего шум? В устаревшей, сохранившейся во фразеологизме
конструкции с дательным падежом местоимения то, это, означают событие, слу-
чай в прошлом: То м у л е т п я т ь, когда зимой кормы Нам были худы, На грех меня
лукавый натолкнул... (Крыл.); Прошло т о м у тринадцать лет (Пушк.); То м у на-
зад одно мгновенье В сем сердце билось вдохновенье, Вражда, надежда и любовь,
Играла жизнь, кипела кровь (Пушк.); Э т о м у очень давно (Тург., см. часть I, § 10).

6) Мест. что (обычно в вопросе) может указывать на образ жизни,
времяпрепровождение, общее состояние кого-чего-нибудь, по-
лож е н и е вещей в сравнительно протяженный отрезок времени: — Ну, что со-
седки? Что Татьяна? Что Ольга резвая твоя? (Пушк.); Мои богини! Что вы? Где вы?
(Пушк.); [С а м о з в а н е ц] Что Годунов? [П л е н н и к] Он очень был встревожен
Потерю сраженья... (Пушк.); [С а м о з в а н е ц] Ну, что в Москве? [П л е н н и к]
Все, слава Богу, тихо (Пушк.); [С а м о з в а н е ц] Ну, войско что? [П л е н н и к]
Что с ним? Одето, сыто, Довольно всем (Пушк.).

7) Мест. что может означать целостную ситуацию, то, что происхо-
дит: Но ч т о ж е, возвратясь, он видит? На полу Обедки пирога, А Васька-кот в
углу, Припав за искусным бочонком, Мурлыча и урча, трудится над курчонком (Крыл.);
То не ветер ветку клонит, Не дубравушка шумит, Т о м о е сердечко стонет, Как осен-
ний лист дрожит (песня); Я давно предчувствовала э т о: День последний и последний
дом (Ахм. «Приговор», первонач. вариант).

8) Одна из важнейших функций мест. что — означение среза бытия, не-
коего «бытийного пространства», не прикрепляемого к какому-нибудь
определенному времени; при этом нельзя говорить об означаемом ни как о пред-
мете, реалии, ни как об определенной ситуации, событии: это означение сложив-
шегося, относимого к жизни вообще, к ее условиям, к тому, что существует и, как

данное, существовало или будет существовать: *Будь что будет; Чему быть, того не миновать; Чем люди живы?; Во что же верить?; Что впереди?; [Ч а ц к и й] Помилуйте, не вам, чему же удивляться? Что нового покажет мне Москва? (Гриб.)*. Для означения «бытийного пространства» характерно соотношение *что с все, всякое* (всеохватность): *Всякое бывало; Всему свое время; И вспомнил он свою Полтаву, Обычный круг семьи, друзей, Минувших дней богатство, славу, И песни дочери своей... И старый дом, где он родился, Где знал и труд, и мирный сон, И все, чем в жизни наслаждался, Что добровольно бросил он. И для чего? (Пушк.); За все, за все тебя благодарю я: За тайные мучения страстей, За горечь слез, отраву поцелуя, За месть врагов и клевету друзей, За жар души, растроченный в пустыне, За все, чем я обманут в жизни был (Лерм.)*.

Особой функцией мест. *что* является указание на лицо. Здесь можно назвать два частных случая.

а) *Что* применительно к лицу указывает на его сущность, на лицо как средоточие самых его главных, определяющих качеств, свойств, признаков: *Что таков стационарный смотритель? Сущий мученик четырнадцатого класса... (Пушк.); Что ж он? Узели подражанье, Ничтожный признак или еще Москвич в Гарольдовом плаще (Пушк.); [Ч а ц к и й] Перед Молчалиным не прав я, виноват: Быть может, он не то, что три года назад (Гриб.); — Да, но ты не забудь, что ты и что я... И кроме того, продолжала Анна, — ... ты не забудь, главное, что я теперь нахожусь не в том положении, как ты (Л. Толст.); Так вот что значил мой сон. Пашенька именно то, что я должен был быть и чем я не был (Л. Толст.); Все равно, что бы я ни был: такой же зверь, как и все, на котором трава вырастет и больше ничего, или я рамка, в которой вставилась часть единого божества, все-таки надо жить наилучшим образом (Л. Толст.)*.

б) Сужение этой функции *что* — означение кого-либо как лица ничтожного, ничего не значащего: *Виноват я сам. Какое право имел я думать, что она захочет соединить свою жизнь с моею? Кто я? И что я? Ничтожный человек, никому и ни для кого не нужный (Л. Толст.); [Ю с о в] Обратили на тебя внимание, ну, ты и человек, дышишь, а не обратили, — что ты?.. Червь! (А. Остр.)*

Все эти частные смыслы составляют общую картину строения смыслового пространства местоимения *что* и, в ряде случаев, местоименных слов, заполняющих его сегменты.

3. Как видно, в строении местоимения *что* в сегменте определенности, так же, как и в других местоимениях, присутствует противопоставление сосредоточенности, точности (*это, он, вот что*) и несосредоточенности, неточности (*то, сам, себя*). В сегменте неопределенности единичное неопределенное (*ничто, что-то*) противопоставлено неединичному (*что-либо, что-нибудь, кое-что*); однако это противопоставление во многих случаях оказывается нечетким, размытым. Сосредоточенность обнаруживается также в высокочастотных сочетаниях *что это, что такое, что это такое*; она вносится также мест. *самый*, свободно сочетающимся с *это, то, оно* (*— Что случилось? — Это / то / оно самое; — О чем речь? — Вот о чем / — Об этом / о том самом*).

Что, относящееся к бытийному пространству или к отвлеченному представлению о чем-либо, очень часто открывает собою текст и сразу же в этом тексте

наполняется конкретным содержанием: *Что его ждет? Нужда, лишения; [С о ф и я] Что, Лива, на тебя напало? Шумишь...* (Гриб.); *Что слава? — Яркая заплата На ветхом рубище певца* (Пушк.); *Что дружба? Легкий пыл похмелья, Обиды вольный разговор, Обмен тщеславия, безделья Иль покровительства позор* (Пушк.).

4. Смысловое пространство, открываемое местоимением *что* и его сегментами, заполняется разноуровневыми языковыми средствами, именно распределение этих средств служит основанием для выделения тех частных смыслов, о которых сказано в п. 2. Эти средства колеблются от собственно номинации реалии до целого сообщения или относительно законченного фрагмента сложного текста.

Общая смысловая категория местоимения *что* — не одушевленная данность (предмет, явление, понятие, ситуация, событие, само бытие); эта данность — единичная или множественная — означает как отыскиваемая, способная быть воспринимаемой и познанной: ступени ее познания предстают в сегментах исхода, членящих его «по вертикали». «По горизонтали» выстраиваются первые подвершинные частные смысловые категории, которые, в свою очередь, могут вычленять из своего состава более частные смыслы.

5. Местоимение *что* употребляется как связующее слово: оно вводит часть сложного предложения, индивидуализирующую смысл: *Случилось то, чего не ждали (чего не ждали — компонент, наполняющий индивидуальным содержанием «неточечное», несосредоточивающее то; аналогично: Не верь тому, что говорят; За что купил, за то и продаю; Что дал, то и взял* (Даль).

Местоимение *что* входит во многие фразеологизмы, с достаточной полнотой фиксируемые толковыми словарями. Словари фиксируют также сформировавшиеся у местоимения *что* отдельные лексические значения. Однако целостное словарное описание микросистемы *что* отсутствует. Между тем, такое описание (как и применительно ко всем другим местоимениям), осуществленное под углом зрения существования и функционирования именно такой системы как предмета лексикографического рассмотрения, может показать внутренние связи единиц, входящих в данную микросистему и представить саму специфику такого объединения и его отличия от других ближайших словесных объединений.

КАКОВ

1. Местоимение *каков* (*какова, какво, каковы*) означает признак и представляет его как стабильный, как сущностное, неотъемлемое свойство или качество: этот признак, заключенный в ком-чем-нибудь, выступает как основная характеристика — внутренняя или внешняя: *Каков этот человек? — Он умен, добр; Он высок, красив; Он лжив, груб.* Смыслом сущности объясняется то, что сегмент неопределенности у *каков* оказывается незаполненным, все устройство этой микросистемы в целом весьма несложно: *каков — таков — никаков*.

Исходное местоимение *каков* может входить в состав фразеологизма или сочетаться с частицей; в этих случаях возможности заполнения сегментов расширяются. В сегменте определенности — в сочетании с частицей *вот* (*вот каков...*) (*Трудненьк путь!.. Да вот-с каков: Отправится пятьсот, А до нерчинских рудников И трети не дойдет!* <Некр.>); сегмент неопределенности открыт для конструкции с *ни*:

каков ни... (*Каков ни будь жених, все-таки жених*) и для сочетания с безударной частицей *еще* — при означении неуверенного предположения (*Каков еще окажется жених! Каковы еще соседи, а то хоть из дому беги; Ехать или не ехать: какова еще будет погода...*).

2. К смысловому пространству *каков* обращен достаточно определенный круг грамматических и лексических средств.

1) Это прежде всего краткие прилагательные, закрепившие за собой в современном языке позицию предиката, открывающего в субъекте его основное свойство, доминирующую характеристику: сюда относятся также фразеологизмы с соответствующей семантикой: *Он немолод — Он уже в летах, в возрасте / на возраст-те*. Качество, называемое кратким прилагательным, может быть представлено в сравнении; тогда в позиции соответствующего предиката оказывается компаратив: *Ты хитер, а она еще хитрее; Ты прекрасна, спору нет; Но царица всех милее, Всех румяней и белее* (Пушк.); *А ночь была тюрьмы черней, И на дворе шумела буря* (Пушк.).

2) К смысловому пространству *каков* обращена конструкция так наз. «родительного квалитативного», специально предназначенная для обозначения сущностного, неотчлняемого признака, свойства: *Он доброго нрава, строгих правил, примерного поведения, хорошего воспитания; Он высокого роста, крепкого телосложения*. В современном языке такая конструкция непродуктивна, однако в литературе XIX в. она представлена широко; сравн.: *Начальник их был нраву прекрутого* (Крыл.); *Царь этот не чурбан, совсем иного нрава* (Крыл.); *Мой сын не любит шумной светской жизни: Он дикого и сумрачного нрава* (Пушк.); *Богатырского сложения, Здоровенный был детинушка!* (Некр.).

3) К *каков* в предикате обращены сочетания типа *мальчик — с пальчик, мужичок — с ноготок, огурец — с гору, дырочка — с булавочную головку*, а также с творит. пад. типа *Он ростом с меня, Яма — глубиной в метр / с метр, Глыба — величиной с дом; Смотри-ка, квакушка, что, буду ль я с него?* (Крыл.).

4) К смыслу *каков* могут быть обращены конструкции с *чем*, означающие сущностный признак субъекта: *Кто знатен и силен, Да неумен, Так худо, ежели и с добрым сердцем он* (Крыл.).

5) Смысл *каков* заключен в идентифицирующих сочетаниях с *сам* (*Соня — сама любовь*); сюда же: *Эта девочка — сама нежность / воплощение нежности / воплощенная нежность*. Вот некоторые примеры сообщений, в которых в разных синтаксических формах заключен смысл «каков — таков», т. е. означение неотъемлемого сущностного признака, свойства. У Крылова: *Что то за зверь? какого роду? Чай, он зубаст? Рогов, чай нет числа?; Осел был самых честных правил, Ни с хищностью, ни с кражей не знаком; Да вы уж родом так: Собою невелички, А песни — что твой соловей; В ком есть и совесть и закон, тот не украдет, не обманет; В Восточной стороне какой-то был Брамин Хоть на словах и теплой веры, Но не так о-ся сем ж и т ь е м*. Сравн. также: *У старинушки три сына: старший умный был детина, средний был и так и сяк, Младший вовсе был дурак* (Ерш.); *Он был уже летами стар, Но млад и жив душой незлобной: Имел он песен дивный дар И голос, шуму вод подобный* (Пушк.); [Аграфена Кондратьевна] *Посудите, люди добрые, каково житье в чуждеальной стороне, чужим куском давиться, кушаком слезы утираючи*

(Остр.); *Вы могли презирать его, мучить, унижать, а он был, есть и будет неизмерима выше всех вас* (Л. Толст.).

3. Местоимением *каков* порождается общая смысловая категория «каков — сущностный качественный признак, сущностное свойство». При заполнении смыслового пространства *каков* разноуровневыми языковыми средствами из этой общей категории вычлениются первые частные подвершинные смысловые категории: 1) «собственно сущностный признак — внешнее или внутреннее качество, свойство» (*Он умен, высок, красив; Он доброго нрава, с добрым сердцем*); 2) «сущностный признак, выявляющийся при сравнении, сопоставлении» и 3) «сущностный признак, выявляющийся через идентификацию» (см. выше). Далее возможно вычленение подвершинных более частных смысловых категорий, на основе семантики объединяющихся в подмножества разноуровневых языковых средств.

4. Местоимения *каков*, *таков* позиционно закреплены в предикате: *каков* — обычно — в вопросе (*А видел ли слона? Каков собой на взгляд!* <Крыл.>; — *А какова у вас река? — Да не мелка.* <Крыл.>; *Какова ситуация?; Каковы будут последствия?*); *таков* — в утверждении (*Всегда так будет, так бывало, Таков издревле белый свет: Ученых много, умных мало, Знакомых тьма, а друга нет* <Пушк.>). Как и для других местоименных исходов, для *каков* характерна функция введения индивидуализации смысла при так наз. относительном подчинении; см. в пословицах: *Каков поп, таков и приход; Каков привет, таков и ответ; Каков в колыбельку, таков и в могилку; Каково дерево, такова и отрасль.*

Показательно, что для *каков*, *таков* не характерно сочетание со *стать*, *делать*, *становиться* и другими полузнаменательными глаголами, означающими переход из одного состояния в другое: такой переход не сочетается со смыслом сущности, неотчленимого свойства или качества.

В *каков*, как и в *каково* (см. ниже) в риторическом вопросе развился компонент оценки, субъективного отношения: *Нет, но каков результат!* (т. е. 'хорош' или 'плох'); *Наш Ваня-то каков! Каково положение?!* В старом языке обычно было употребление *каков* в вопросе о здоровье: *Наталья Павловна, привстав, Осведомляется учтиво, Каков он? Что нога его?* (Пушк.); — *Что батюшка? Где он? Каков он?* (Пушк.).

5. В строе текста смысл *каков* взаимодействует с *каково* в сообщениях о состоянии — внешнем или внутреннем, ср.: *Какова погода? и Каково на дворе?; Каково теперь его состояние! и Каково теперь ему!*; при этом *каков* оказывается обращенным к ситуации — субъектной или бессубъектной (см. подробнее в главе «Каково»).

КАКОЙ

1. Местоимение *какой* означает признак кого-чего-нибудь — лица, совокупности лиц или предмета, совокупности предметов, состояния, свойства, понятия, явления, ситуации, события, собственно бытия. Это может быть либо признак непосредственно воспринимаемый, открываемый или приписываемый, придаваемый (градулируемый), признак, исходящий от самой материи предмета (неградулируемый и имманентно самовыявляющийся), либо признак, обнаруживаю-

щий себя как протекающий во времени и непосредственно связанный с процессом, порождаемый процессом. До наполнения смыслового пространства *какой* разноуровневыми языковыми средствами строение этого местоимения выглядит следующим образом: *какой — такой, этакий (эдакий) — некий, какой-то, какой-нибудь, какой-либо, кое-какой — никакой*.

Здесь индивидуально (по сравнению с другими) заполнение сегмента определенности: местоимение *этакий (эдакий)*, долженствующее представлять сосредоточенность, точечность признака, в современном языке отошло в сферу просторечия и осложнилось компонентом качественности; тем самым смысл сосредоточенности в *такой* оказывается размытым. Местоимение *таковой* функционально ограничено: оно синтаксически связано с *каковой (таковой, каковой...)*; в свободном употреблении оно устарело, отошло в узкую сферу официально-канцелярской речи. К сегменту определенности относится фиксируемое Далем обл. *сякой*, толкуемое им как 'такой': «*Нету такого (никакого), выйдешь и за сякого*».

Как и в других случаях, исходное местоимение *какой* стремится участвовать в заполнении своих сегментов — прежде всего, сегмента неопределенности. Здесь представлен в целом тот же набор фразеологизмов и сочетаний с частицами, который присутствует у других местоименных исходов. В сегменте *о п р е д е л е н н о с т и*: *вот какой (Цвет у василька вот какой: синий; Человек он жесткий, вот какой; Что же ты потупилась в смущеньи? Посмотри, как прежде, на меня. Вот какой ты стала — в униженьи, В резком, неподкупном свете дня <Блок>);* в составе конструкции: *какой (же), если не такой; какой (же) как не такой*, т. е. 'именно такой': *какой же, если не синий*. В сегменте *н е о п р е д е л е н н о с т и*: собственно *какой (Не будет ли каких распоряжений?), кто знает какой, бог весть (ведает) какой, бог (его) знает какой, не поймешь (не понять) какой, не разберешь какой, неведомо (незнамо) какой, черт знает (черт-те) какой, хоть какой, какой угодно, какой хочешь, какой ни возьми, какой ни на есть, какой бы то ни было, какой ни попадя, какой придется, редко какой, мало какой, мало ли какой, какой-никакой, а... (какой-никакой, а подарок);* сравн. у Даля то же сочетание со значением неопределенной множественности: *Каких-никаких обнов ей не справляли*). Все эти сочетания распределены по более узким смыслам собственно неопределенности, возможности выбора, малости, множественности, полной неизвестности, сомнения, близкого к отрицанию. В сегменте *о т с у т с т в и я , н е п р е д с т а в л е н н о с т и*: *хоть бы какой (хоть бы какой подарок принес, т. е. 'никакого')*; *какой еще / там / тебе (Какой там / еще / тебе от него подарок!)*; а также в риторическом вопросе: *Какой он друг?!; Какие от него подарки?!; Какой помощи ждать от лентяя?!*

2. К исходному местоимению *какой* и к его сегментам обращены разноуровневые языковые средства: имена прилагательные со всеми организующими их лексическими классами, морфемика, синонимические с прилагательными падежные и предложно-падежные формы, идиоматика, а также все полные формы действительных и страдательных причастий, совмещающих в себе смысл *какой* со смыслом процесса. При заполнении смыслового пространства *какой* всеми такими средствами возникает первое подвершинное (непосредственно подчиненное исходу) троичное членение: 1) признак, непосредственно воспринимаемый, при-

писываемый или открываемый, 2) признак неградируемый, создающийся самой материей и имманентно выявляющийся и 3) признак, относимый ко времени, создающийся в течение или в результате процесса и сочетающийся в себе смысл какой со смыслом процессуальности или ее сохраняющегося результата.

Участок системы, занятый обозначениями качественного признака (т.е. такого признака, который представляется как изменяемый, способный выявляться в разной степени или, будучи присущим кому-чему-нибудь, может выявляться или не выявляться, оцениваться, квалифицироваться открываемого, приписываемого, непосредственно воспринимаемого, в сегменте определенности открыт для так наз. качественных прилагательных, имеющих сослагательные формы рода, числа и падежа, образующих как полные, так и краткие формы, компаратив, увеличительные и уменьшительные производные, существительные на -есть. Погода не-сносная, дорога скверная, ямщик упрямый, тошадь не везут, - а виноват смотритель (Пушк.), сюда обращены собственно лексические классы прилагательных, словообразовательные средства, идиоматика, здесь активна идиоматическая конструкция с что за, способная означать любую степень признака. Что там за дамы <Крыл.> т.е. 'очень маленькие', но, в другом контексте, возможно также 'очень большой' или 'очень хороший'. Что за уха. Да как жирна <Крыл.> Участку системы, к которому обращены качественные прилагательные, принадлежит мест. такой, двум другим участкам системы это местоимение не свойственно сравни: *такой деревянный *такой бегущий. К сегменту неопределенности, кроме местоимений и местоименных фразеологизмов, обращено прилагательное один (один человек сказал, в одном городе, читал в одной книге). Сегмент непредставленности занят местоимением никакой, разговорными сочетаниями никакой не. (- Он добрый. - Никакой он не добрый), ничего не... Ничего он не добрый)

Участок системы занятый словами и сочетаниями, называющими признак неградируемый и имманентно исходящий от кого-чего-нибудь, образуемый самой материей предмета или его назначением, заполняется так наз. относительными прилагательными здесь выстраиваются свои лексические множества и подмножества, присутствуют свои словообразовательные средства, сюда входят предложно-падежные сочетания для чего, для какого употребления, из чего (из какого материала) и некоторые другие. Сегменты неопределенности и несуществования в этом участке не заполнены.

Для "признака выявляемого, открываемого, приписываемого", а также для "признака, имманентно самовыявляющегося" в ряде случаев возможен смысл "всеохватности, всебытности", выражаемый местоимением всякий, прилагательными разный, самый разный, всяческий, напр. всякие разные цвета, всякие разные люди, всякие разные изделия. Такой смысл присутствует не в смысловой категории в целом: он обнаруживается лишь при вычленении тех или иных семантических множеств имен прилагательных.

Участок системы, занятый полными действительными и страдательными причастиями, представлен только в сегменте определенности. Смысл неопределенности компенсируется сочетаниями с какой-то, какой-нибудь, но при этом в причастной форме доминирует значение качественности: какой-то пришибленный

какой-нибудь нищенствующий, взгляд какой-то ускользающий. Причастия являются базой для образования качественных прилагательных (ср.: *монашествующий, фашиствующий, соленый, копченый*; исторически также прилагательные на *-лый*: *посинелый, огрубелый*). Природой причастия объясняется то, что в языке осуществляется постоянное взаимодействие трех показанных выше участков смысла *какой*; сравн. характерное сочетание исходного местоимения *какой* с *такой* и, далее, с прилагательными и причастием: — *Какая, какая она? Та ли, какая была прежде, или та, какая была в карете?... Она была ни такая, как была прежде, ни такая, как была в карете. Она была совсем другая. Она была испуганная, робкая, пристыженная, и оттого еще более прелестная* (Л. Толст.).

3. Общая смысловая категория «какой — признак, присутствующий в лице или предмете» на первом подвершинном членении выступает в трех частных смысловых категориях: 1) «признак градуируемый, открываемый, воспринимаемый или приписываемый» (*Какой он? — Он умный, красивый и т. д. — Какой это цвет? — Синий / темно-синий / чистый синий / синеватый / в синеву / сине-зеленый*); 2) «признак неградуируемый, имманентно самовыявляющийся, идущий от самой природы предмета, его материи, предназначения или принадлежности к классу, ряду» (*Какая это чаша? — Деревянная / из дерева / из кости; Какое это растение? — Многолетнее / из семейства розоцветных; — Что это за заболевание? — Инфекционное*); 3) «признак, соотносимый со временем, с процессом, протекающим во времени или закрепленным как результат»; в этом случае позиция местоимения *какой* ослаблена: его смысл подавляется смыслом процесса (*Что это за постройка? — Это какая-то разваливающаяся / развалившаяся развалиюшка*).

Эти первые подвершинные частные категории имеют свое собственное дальнейшее членение. Первая, охватывающая все так наз. качественные прилагательные, с очевидностью членится на основании собственно лексических множеств; это членение подтверждается выстраивающимися при этом рядами одно- или близко функциональных слов и словоформ, идиом (сравн.: *синий — синего цвета — мосинелый — в синеву — с синевой; умелый — мастеровитый — с умелыми руками — золотые руки и под.*). Вторая частная категория также членится на следующие (возможно и далее) подвершинные частные категории: это членение определяется составом лексических множеств так наз. относительных прилагательных и принадлежащих этим множествам словообразовательных средств и синонимических единиц. Третья частная смысловая категория также вмещает в себя последующие подвершинные категории: см. такие основания членения как предельность и неопредельность, настоящее и ненастоящее время, залоговые характеристики, т. е. все те параметры, которые идут от глагола к его атрибутивной форме. Здесь регулярна соотносительность с определительными конструкциями (*бегающий — который бежит, убежавший — который убежал, пойманный — которого поймали и под.*).

Из названной триады частных смысловых категорий выпадает местоимение *какой*, корреспондирующее с *который* и с ним равнозначное: «какой по счету, какой по месту в ряду считаеваемых»: — *Какой это ребенок в семье? — Третий; — Какой твой номер по списку? — Сороковой*.

4. Исходное местоимение *какой* свободно употребляется в вопросе; в составе предложения оно связано с *такой*, осуществляя индивидуализацию смысла: *Подарок такой, какой ты хотел; Какие родители, такие и дети; Какая погода, такое и настроение*. На основе вопросительной функции в *какой* развилось значение отрицательного слова: — *У него есть деньги. — Какие у него деньги! / Какие деньги!; — Ты здоров. — Какое здоровье! / Какое тебе / еще / там / у меня здоровье! и просто Какое!* В этом местоимении обособилось также значение собственно оценочное: *Какой простор!; Какая воля! Какой же он негодяй!; Какие перушки! какой носок!* (Крыл.). В оценочном и отрицательном значениях *какой* синонимично с фразеологизмом *что за*: — *Ты здоров. — Что за здоровье!; Что за перушки!; Что же за негодяй он оказался!*

В современном языке смысл *какой* корреспондирует со смыслом *каков* через посредство сочетания полного прилагательного с существительным, относящим субъект к некоему общему виду, напр.: *Он человек старый; Она женщина молодая; Она девушка красивая; Он мужчина высокий, статный; Арбат — улица старая; Пес — животное умное; Волк — зверь хищный*.

ЧЕЙ

1. Местоимение *чей* означает принадлежность: собственно принадлежность как владение или как отнесенность, исхождение от кого-чего-нибудь либо обращенность к кому-чему-нибудь. В строе местоименных исходов *чей* также как *каков*, *какой* занимает свое место непосредственно при *кто*, *что*: это определяется тем, что смысл принадлежности обязательно предполагает владельца и предмет владения. В своем строении мест. *чей* полностью воспроизводит строение других местоименных микросистем: это сам исход и его трехчастная сегментация: *чей — мой, твой, его, ее, наш, ваш, их, свой — чей-то, чей-нибудь, чей-либо, кое-чей — ничей*. Средствами собственно местоименных слов в этой системе противопоставлены смыслы 'лично собственный' (*мой, твой, его, ее*), 'общий' (*наш, ваш, их, кое-чей*) и 'не принадлежащий никому' (*ничей*).

Внутри сегмента определенности означение сосредоточенной, «точечной» принадлежности (*мой, твой, его, ее, наш, ваш, их*) противопоставлено означению любой из этих «точек» (*свой*); внутри сегмента неопределенности означение собственно неопределенности (*чей-то*) противопоставлено означению принадлежности тому, кто входит в неопределенное множество (*кое-чей*); местоимения *чей-нибудь* и *чей-либо* способны сочетать в себе обе эти возможности.

2. Исходное местоимение *чей* — собственно *чей* или в составе фразеологизма — готово принять участие в заполнении каждого из трех своих сегментов. Такое участие всегда связано с некоторым смысловым осложнением; этим объясняется то, что сегменты определенности и непредставленности, отсутствия весьма осторожно относятся к таким включениям; наибольшая свобода подобного участия характерна для сегмента неопределенности.

В сегменте определенности местоимение *чей* входит в сочетании с частицей *вот* — при обязательном условии последующей или предшествующей конкретизации означаемого: *Это дом вот чей: Иванова / Это дом Иванова, вот чей; та-*

кая определенность может сигнализироваться также самим контекстом, свидетельствующим об узнавании, познании: *Так вот чей это дом! И вот чьей дружкой я дорожил!* В наполнении сегмента определенности *чей* участвует также в составе конструкций типа *чей если / как не мой (твой, его, ее и т. д.)* т. е. 'именно и только мой (твой, его и т. д.)': *Чьи же это проделки если / как не твои! Чья же еще это вещь как не ваша?!* В сегмент неопределенности местоимение *чей* может входить без каких-либо осложнений, сравн. просторечное: *Забегит чья собака, узнай, кто хозяин; Взял чью вещь, так верни;* здесь представлена собственно неопределенность. Однако чаще мест. *чей*, как и другие, выступает в составе фразеологизма в сочетании с частицами; при этом возникают те или иные смысловые осложнения (см. ч. I, § 6): *кто знает чей, Бог знает чей, Бог весть чей, не понять (не поймешь, не разберешь) чей, неведомо (невесть) чей, не знаю (незнаю) чей, черт знает чей, черт-те чей, хоть чей, чей угодно, чей хочешь, чей бы то ни было, чей придется, чей ни попадя, чей ни попадись, мало ли чей, редко чей, чей-ничей, а... (чья-ничья вещь, а хозяин найдется), чей ни будь, а... (чей ни будь щенок, а все божья тварь), чей ни возьми, чей-чей, а... (чьи-чьи, а свои книжки бережет), чей... а чей (чьи книжки бережет, а чьи и нет)*. В сегменте отсутствия (отрицания, несуществования, непредставленности) местоимение *чей* занимает место рядом с *ничей*, во-первых, в составе фразеологизма *хоть бы чей* (*Хоть бы чей голос услышать!*, т. е. 'не слышно ничьего голоса'; *Хоть бы чья душа откликнулась!*), во-вторых, в риторическом вопросе (*Чьим же словам теперь верить?!*, т. е. 'нельзя верить ничьим'). Такое поведение местоимения *чей* по отношению к его сегментам представляет полную аналогию с другими местоименными исходами.

3. Местоимение *чей* — собственно исход и его сегменты — открывает свое смысловое пространство для разноуровневых языковых средств — лексических, грамматических, словообразовательных, идиоматических, — в семантике которых заключено понятие принадлежности, отнесенности к кому-чему-нибудь. Сюда устремляются слова, группирующиеся вокруг значений 'принадлежность', 'собственность' (*собственность, собственный*), 'личный': субст. *чье, мое, твое, свое, ее, его, наше, ваше*, просторечное *ихнее, ничье* (*Что мое — мое, что твое — твое; Мое и больше ничье; Слушай людей, а делай свое <Даль>*); слова *нашенский, вашенский, обчий, ничейный*. Сюда оказываются обращенными все образования со значением принадлежности (притяжательности): *Ванин дом, сестрина книга, отцовская шапка, поповские проповеди*. Смысловое пространство *чей* заполняется синтаксической конструкцией так наз. «родительного принадлежности» (*дом отца, портрет героя, сочинения Пушкина*), предложно-падежными сочетаниями *за кем, у кого* (*Покупаю: вещь за мной; Дом был деда, а теперь он у внуков*). Специфической формой со значением принадлежности не одному, нескольким лицам являются конструкции типа *наш с тобой, мой с ним: Мой с братом дом / мой и брата / мой вместе с братом / мой совместно с братом / мой и братни;* *Сад мамин с папой, сестрин с братьями / сестры и братьев / обчий сестры и братьев*. Сегмент неопределенности принимает в свой состав прилагательное *божий* в знач. 'не принадлежащий никому и одновременно всем', сравн. в пословице: *Божья вода по божьей земле течет*

(Даль). Такое употребление свойственно и современной речи, например: *На африканском континенте земля была божья* (радио, 7. VIII. 1996).

При заполнении смыслового пространства *чей* разноуровневыми языковыми средствами его строение приобретает новый вид; здесь «по горизонтали» появляется новый смысл «чужой», а в составе каждого из сегментов оказывается соответствующее лексическое обозначение.

Смысл «чужой» противопоставлен обоим первичным смыслам местоимения *чей* ('лично свой, собственный' и 'общий'), а также всем его сегментам; в *чужой* заключен смысл всеохватности, обращенности ко всем, кто не относится *ко мне, к тебе, к нему, к нам, вам* или *им* как многим, но известным.

В строе текста во взаимодействие с местоимением *чей* и с языковыми средствами, к нему обращенными, вступает негация: частица *не* берет на себя функции разграничения своего и чужого; так возникают отношения типа: *не твой, не его, не ваш...*, *а мой (не его, а твой и под.)*; *не его, а ваш, не чей-нибудь, а мой; не ничей, а их; не мой и не твой, не мое и не ваше, не наше с тобой, не свое, чей-то не мой (не наш, не их...)* и под.

4. Местоимение *чей* возглавляет общую смысловую категорию «*чей* — принадлежность»; это обозначение, как и в других случаях, строится сочетанием местоименного исхода и словесного именованного соответствующего смысла: таким обозначением охватываются все сегменты исходного местоимения, а также все те разноуровневые языковые средства, которыми заполняется смысловое пространство исхода.

Общей смысловой категории подчинены (в нее входят, ее наполняют и дифференцируют) частные смысловые категории — непосредственно подвершинные (первые подвершинные) и далее их расчленяющие последующие частные (не первые подвершинные) смысловые категории. Первыми подвершинными частными категориями у «*чей* — принадлежность» являются: 1) «собственный — свой», 2) «собственный — общий» и 3) «чужой — не свой и не общий». Далее следует членение каждой из первых подвершинных категорий на более частные смысловые категории, осуществляемое на основе смыслов: а) собственно владение, обладание чем-нибудь как собственностью (*мой дом, наши вещи, чужое имущество*), б) неотчленимая или тесная близость (*мои дети, его отец, своя семья, наша страна*), в) обращенность к кому-нибудь (*твой портрет, твоя биография*) и г) исхождение от кого-нибудь, порожденность кем-чем-нибудь (*мое произведение, их исполнение*).

Позиция лица в словосочетании и в тексте может быть занята именованном нелитом, представляемым как обладатель, владетель либо как субъект, к которому нечто относится или от которого нечто исходит.

5. В ряду местоименных исходов местоимение *чей* обращено прежде всего к смыслу *кто* (*чей сын, чей дом, чье решение*); в элементарных дотекстовых соединениях и в тексте смысл *чей* может контаминироваться с *кто* (*дом отца — чей и кого, памятник писателю — чей и кому*, сравн.: *Вот это часть моя по договору, Вот эта мне, как Льву, принадлежит без спору, Вот эта мне за то, что всех сильнее я...* <Крыл.>), при неодушевленности имени — с *какой* (*пена волны — чья, чего и ка-*

кая), *пески пустыни* (чь, чего и какие), *набережная Невы* (чья, чего и какая), *голос крови, узор оград, сумрак ночи* и под.

В строе текста в непосредственные взаимные отношения с *чей* вступают конструкции с *кому, к кому, у кого*; имя в падежной или предложно-падежной форме при этом не свободно: оно называет то, что является чьей-нибудь принадлежностью или неотчленимой сущностью: *И всю ночь ходил дозором У соседки под забором* (Ерш.) (сравн.: *под забором соседки / соседкиным*); *садись ко мне в лодку / в мою лодку; у себя в кабинете / в своем кабинете; лицо у него в веснушках; попал ко мне в сети; посмотри мне в лицо / в мое лицо; заглянул к нему в душу / в его душу*.

Функционирование собственно исходного местоимения *чей* в тексте ограничено: оно, во-первых, выражает прямой или косвенный вопрос о принадлежности или отнесенности (*Чья вещь? Чье произведение?*); при этом обычна «поддержка» местоимением *это* (*Узнай, чья это вещь? Интересно знать, чьи это выдумки*); во-вторых, *чей* оформляет так наз. относительное подчинение, индивидуализируя смысл местоименного слова в другой части конструкции: *Чья земля, того и хлеб* (посл.); *По чьей воде плыть, того и волю творить* (посл., Даль); *Ты, на чью помощь я надеялся..; Явился тот, чьего посещения никто не ждал*; в-третьих, мест. *чей* участвует в построении обобщенно- и неопределенно-личных предложений (*Чья бы корова мычала, а чья бы молчала*, посл.) (см. также приведенные здесь пословицы). Та же функция — у *мой, твой, наш, ваш, свой*: *Мой дом — моя крепость* (афоризм); *Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты* (афоризм); *Моя хата с краю* (посл.); *Что мое — мое, что твое — тоже мое* (шутл.); *Своя рубашка ближе к телу* (посл.).

Функционирование в тексте местоимений *мой, твой, его, ее, наш, ваш, их, свой*, а также местоимений, занимающих сегменты неопределенности и непредставленности, видимых ограничений не обнаруживает: для них открыты все синтаксические позиции согласуемых слов, нормальна субстантивация.

СКОЛЬКО

1. Местоимение *сколько* означает одну из основных жизненных сущностей и то понятие, которое сложилось как результат осмысления этой сущности — количество. До заполнения смыслового пространства исхода и его сегментов разноразноуровневыми языковыми средствами строение местоимения *сколько* выглядит следующим образом: *сколько — столько — не сколько, сколько-то, сколько-нибудь, сколько-либо — нисколько*.

В малой системе мест. *сколько* — в собственно ее строении — в сегменте определенности не представлено противопоставление сосредоточенности и несосредоточенности; это отсутствие компенсируется сочетанием с *вот*: *столько — вот сколько и вот столько*. В говорах такое противопоставление сохранилось, оно фиксируется у Даля: *сколько — столько — эстолько*; см.: «*Эстоль, эстолько, вот сколько, только, так: Эстоль маловато, а вот эстолько хватит... Хоть бы эстолько дал. Эстолький — вот сколькокий* (тверск.)», «*Сэстолько — вот сколько. Хоть сэстолько дай. Вот сэстоль ему хлеба отрежь*».

Как и в других случаях, местоименный исход *сколько* в том или ином виде — в сочетании с частицей или в составе фразеологизма — прицимает участие в запол-

нении своих сегментов. В сегменте о п р е д е л е н н о с т и: *вот сколько, сколько, как / если не столько* (т. е. 'именно столько'). В сегменте н е о п р е д е л е н н о с т и: собственно *сколько* (*Получишь сколько, поделись со мной*), *кто знает сколько, Бог (его) знает (ведает) сколько, Бог весть сколько, неведомо (невесть, незнамо) сколько, не знаю (не поймешь, не понять, не разберешь, не разобрать) сколько, черт знает сколько, черт-те сколько, сколько ни попадя, хоть сколько, сколько угодно, сколько хочешь (пожелаешь), сколько бы то ни было, сколько ни на есть, сколько придется (получится), сколько ни.., а...* (*Сколько ни дай, а все мало*), *сколько ни возьми, сколько еще / тебе / там* (*Сколько еще / тебе / там я заработаю!*, т. е. 'неопределенно мало'), *сколько-нисколько* (*Сколько-нисколько, а получишь*). В сегменте н е п р е д с т а в л е н н о с т и, отсутствия: *хоть бы сколько* (*Хоть бы сколько дали*, т. е. 'нисколько не дали'); в риторическом вопросе: *Сколько (сколько там, сколько еще) он мне помогал?!*, т. е. 'нисколько или очень много'. Все эти средства распределены между разными смысловыми оттенками определенности, неопределенности и непредставленности.

2. Смысловая категория «*сколько — количество*» — одна из центральных общих смысловых категорий языка. При обращенности в ее смысловое пространство разноуровневых языковых средств эта категория оказывается расчлененной на пять первых подвершинных частных смысловых категорий: 1) «*сколько кого* (живых существ)»; 2) «*сколько чего* (неодушевленных предметов: собственно предметов, явлений, ситуаций, понятий)»; 3) «*сколько раз* (о действиях, поступках, процессуальных состояниях)»; 4) «*сколько времени*» и 5) «*сколько лет кому-чему*». Каждая из этих частных категорий имеет свое собственное членение и требует отдельного рассмотрения.

3. Смысловое пространство «*с к о л ь к о кого*» первично «по горизонтали» членится на «*один*» и «*не один*». Смысл «*один*» в сегменте определенности собственно местоимением не означен; сегмент неопределенности здесь не заполнен; в сегменте непредставленности — *нисколько, ни одного*. Смысл «*не один*» в сегменте определенности членится на «*количество считаемое*» (*столько, вот сколько*) и «*количество исчисленное*» (*все: явились все / все до одного*); сегмент неопределенности расчленен на смыслы: «*собственно неопределенность*» (*несколько, сколько-то, сколько-либо, сколько-нибудь*), «*неопределенно много*» (*много*) и «*неопределенно мало*» (*мало*); в сегменте непредставленности — *нисколько, ни одного, ни единого*. К этим сегментам и частным смысловым категориям устремлены многие разноуровневые языковые средства (ниже они представлены в виде общей картины, но далеко не в качестве хотя бы относительно полного перечня).

ОДИН: в сегменте о п р е д е л е н н о с т и: собственно *один (одна, одно), один единственный, один-единешенек*, сущ. *одиночка (волк-одиночка)*, нареч. *в одиночку*; сложения с *одно-*; формы ед. ч. существительных одушевленных; личные формы ед. ч. глагола; сегмент н е о п р е д е л е н н о с т и не заполнен; в сегменте н е п р е д с т а в л е н н о с т и: *нисколько, ни одного, ни единого, хоть бы один* (— *Сколько тебя помощников? — Да хоть бы один*, т. е. 'ни одного').

НЕ ОДИН: в сегменте о п р е д е л е н н о с т и: количество считаемое и количество исчисленное: *столько, вот сколько*; счетные слова; *сам-друг, сам-третей*,

сам-шѐст (устар.); суш. *троица* (неразлучная *троица*), *пара*, *парочка* (влюбленная *парочка*); нареч. *вдвоем*, *вчетвером*, *впятером*..; сочетания типа *в количестве пяти человек*, *стадо в количестве / счетом в сто голов*; перечни с *всего-то*, *только* (*Живности всего-то / только петух да кошка*); сложение с *двух-*, *дву-*, *трех-*, *пяти-*, *десяти-* под.; закрытые союзные сочетания типа: *Имущества — дом и огород, Детей у него сын и дочка*; количество исчисленное и закрытое: *все, все до одного, все до единого, все как один* (*Явились все, все десятеро, все до одного, К ней в светлицу Раз, лишь только рассвело, Всех их семеро вошло* <Пушк.>; *Всех офицеров скакало семнадцать человек* <Л. Толст.>). В сегменте неопределенности присутствует членение на «собственно неопределенность», «много» и «мало». «Собственно неопределенность»: *несколько, сколько-то, сколько-нибудь, сколько-либо, кто знает сколько, Бог их знает сколько, хоть сколько, не поймешь сколько, сколько придется, сколько ни возьми, сколько-нисколько* и др. (см. п. 1), *сколько* (прост.: *Помощников мало: найдется сколько, и то хорошо*); *приблизительно* (*Гостей приблизительно человек десять*), *около* (*Всадников около сотни*), сочетания типа *с сотню, до сотни*, порядок слов (*человек десять / с десять, скота голов пятьсот / с пятьсот*). «Много»: *сколько угодно, сколько хочешь, черт-те сколько, черт знает сколько, сколько, что* (в значении 'много': *Сколько людей! Что зевак собралось!*), *много, масса, множество, уйма, тьма, море, сотни, десятки, тысячи*; существительные собирательные: *студенчество, салдатня, голь*; конструкции типа *Народу! Гостей!* (*Гостей-то, гостей со всех волостей!* посл.), сложения с *много-* (*многолюдье, многолюдство*); фразеология: *хоть пруд пруди, хоть отбавляй, девать некуда, видимо-невидимо, яблоку негде упасть, семеро по лавкам у кого* (т. е. 'много маленьких детей'). Со смыслом «много» смыкается смысл «всего хватности, неисчислимости»: *не счесть кого, числа нет кому, бессечно, без конца, конца не видно, миллионы и миллионы кого, тьмы и тьмы* (*Милыоны — вас. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы* <Блок>), *неисчислимое количество*. «Мало»: *мало кого* (*В городе мало кого знаю*), *немного, недостаточно, чуть-чуть, чуточку, сколько-нисколько, сколько тебе / там / еще* (— *Много помощников? — Сколько там / тебе / еще помощников!*, т. е. 'очень мало'), *единицы, всего несколько, всего-то столько, всего-навсего*, сложения с *мало-* (*малолюдье, малочисленный*); фразеология (она же — и для неодушевленности): *раз-два и обчелся, курам на смех, с гулькин нос, кот наплакал, по пальцам пересчитать кого*. В сегменте непредставленности, отсутствия: *нисколько, ни одного, ни единого, хоть бы сколько, хоть бы один, ни столечко, нискалечко*.

4. Смысловое пространство «с к о л ь к о ч е г о» по своему строению совпадает со строением «сколько кого»; во многом совпадают и средства заполнения участков этого пространства.

ОДИН: определенность: *один* (*одна, одно*), *один единственный*; имя существительное неодушевленное в форме ед. ч.; глагол в форме ед. ч.; сложения с *одно-* (*однаместный, однослойный, односторонний, однадневный, одноколейка*); неопределенность отсутствует; непредставленность: *нисколько, ни одного, ни единого, хоть бы один*.

НЕ ОДИН: определенность считаемого: *столько, вот сколько, вот столько*; счетные слова; *вдвое, втрое больше / меньше*, сочетания с единицами в количестве / количеством, в числе / числом, *счетом* (*Багаж в количестве десяти мест /*

количеством в *десять мест / счетом в десять мест / всего в десять мест*); сложения с *дву-, двух-, трех-* и т. д.; определенность исчисленного, закрытого количества: *все (получила все письма), все до одного, все полностью*. Неопределенность: собственно неопределенность: *несколько, сколько-то, сколько-нибудь, сколько-либо, сколько* (в значении 'сколько-нибудь': *Заработаешь сколько, принеси домой*), *кто его знает сколько, Бог его знает сколько, приблизительно, около, с десяток, с сотню, штук десять / с десяток, домов в селе эдак с полсотни / до сотни будет*.

МНОГО: *много, достаточно, довольно, сколько угодно, сколько хочешь, сколько душе угодно, масса, уйма, гибель, пропасть, тьма, сотни, тысячи, десятки*, сложения с *много-* (*многоместный, многочасовой*); *сколько* (в значении 'много': *Сколько подарков! Сколько новых идей!*), *что (Что грибов, орехов!)*; конструкции типа *В лесу ягод! Подарков, поздравлений!*; собирательность; фразеология: *хоть отбавляй, хоть пруди пруди, куры не клюют, девать некуда*; конструкции типа *Еды — ешь не хочу, Вина — пей не хочу*. В развернутом тексте способы выражения этого смысла еще более расширяются, ср.: *Сокровищ у него нет сметы, В дому сластей и вин — чего не пожелай, Всего с избытком, через край* (Крыл.). К смыслу «много» примыкает смысл «в с е о х в а т н о с т и», неисчислимости: *бессчетно, не счесть, не сосчитать, конца нет, видимо-невидимо, не окинешь взглядом (Цветов на лугу — не окинешь взглядом)*.

МАЛО: *мало, немного, недостаточно, сколько-нисколько, сколечко, чуть-чуть, один-два, два-три*, сложения с *мало-* (*малокалорийный, малоэтажный*); *всего-навсего, всего-ничего*, фразеология (она же — и для одушевленности): *кот наплакал, курам на смех, по пальцам пересчитать, раз-два и обчелся* и др. Непредставленность, отсутствие: *нисколько, нисколечко, ни одного, ни единого, ни вот столько, ни черта, ни шута, ни шиша, хоть бы сколько*, в риторическом вопросе (— *У тебя же есть деньги. — Сколько у меня денег?!*, т. е. 'нисколько нет').

Подчеркнем еще раз, что здесь, как и в других сходных по содержанию пунктах, даются не перечни языковых средств, относящихся к соответствующему смысловому пространству, а лишь указания на те языковые сферы, где соответствующие средства присутствуют.

5. Смысловая категория «*с к о л ь к о р а з*» (т. е. 'каково количество действий, поступков, процессов, процессуальных состояний, протяженных во времени') «по горизонтали» членится на «*один раз*» и «*не один раз*». Смысловое пространство «*один раз*» заполнено в сегменте определенности сочетаниями *один раз, один единственный раз, один только раз*, нареч. *однажды (Видел его только однажды), единожды (Единожды солгал, кто тебе поверит? <афоризм>)*, сложениями с *одно-* (*одноразовый, однократный*), конструкциями со значением разовости (*Как закричит!*; *От неожиданности так и сел*), однократными глаголами, так наз. глагольными междометиями; сегмент неопределенности не заполнен: разовостью, однократностью данный смысл исключен; в сегменте непредставленности, несуществования: *нисколько* (— *Сколько раз ты там был? — Нисколько / Ни разу не был*), *ни разу, ни разочка, хоть бы раз (Хоть бы раз навестил!*, т. е. 'ни разу')

Смысловое пространство «*н е о д и н р а з*» членится на смыслы: «считаемое количество раз» и «исчерпанность счета, закрытость считаемого количества».

Собственно «НЕ ОДИН РАЗ»: в сегменте определенности: *столько, вот сколько*, сочетания со счетными словами (*два, три... раза*); *двухкратно, пятикратно...*; *сделал за два, три раза, за пять... раз*; наречия *дважды, трижды, четырежды*; сочетания с *пятью, шестью, семью, восемью, девятью, десятью* (*пятью пять, шестью шесть...*); сложения с *двух-, тре(х)-* (*двухразовый, трехкратный, пятиразовый*) и т. д.; «исчерпанность считаемого»: *все разы, каждый раз* (*Три раза обещал, и каждый раз / всякий раз / все разы обманывал*). Сегмент неопределенности членится на «собственно неопределенность», «много раз» и «мало раз». Собственно неопределенность: *несколько раз, сколько-то раз, раз пять-шесть*; многократные глаголы; *сколько (бы) раз ни...* (*Сколько раз ни пробовал, не получается*), *хоть сколько раз* (*Хоть сколько раз говори, не слушается*). МНОГО РАЗ: *много раз, не раз, не один раз, сколько раз* (*Сколько раз я тебя просил!*), *не раз и не два, десять / сто / тысячу раз, раз за разом* (*Выстрелы гремят раз за разом*), сложения с *много-* (*многоразовость, многократный*), *неодно-* (*неоднократный*), нареч. *многожды* (устар.), *неоднократно*. При означении *всех ватности*: *каждый / всякий раз* (*Сколько ни начинал, всякий / каждый раз бросает*); *сколько раз ни...* (*Сколько раз ни проси, все равно не сделает*). МАЛО РАЗ: *всего несколько раз, считанные разы, два-три раза, раз-другой, раз в год по обещанию* ('редко', 'мало раз'), *сколько там / тебе / еще раз...* (*Он к тебе приходил. — Сколько там / тебе раз он приходил!*, т. е. 'мало, редко'). В сегменте *непредставленности*, отсутствия: *ни разу, нисколько, хоть бы раз, ни единого разу, ни разика / ни разочка*; с компонентом значения 'никогда': *ни разу в жизни, ни разу за всю жизнь*.

В строе текста смысл «сколько раз» способен контаминироваться со смыслом «сколько чего», сравн.: *сколько раз уговаривали — сколько уговоров, несколько раз встречались — несколько встреч, хоть бы раз взглянул — хоть бы один взгляд, пять раз звонил, напоминал — пять звонков, напоминаний, всего один раз напомнил — только одно напоминание и под.*

6. Смысловая частная категория «с к о л ь к о в р е м е н и» первично членится на «сколько времени считаемого, длящегося» и «сколько времени "остановленного" ("который час?!)»; внутри первой категории противопоставлены «собственно счет времени» и «время исчисленное, в своем исчислении законченное»; языковые средства во всех этих случаях многообразны.

Время длящееся, текущее представлено языком либо непосредственно в своем течении и в этом течении точно исчисляемое, считаемое, либо как уже исчисленное и в этом исчислении закрытое. Количество времени длящегося и считаемого в сегменте определенности обозначается местоимениями *столько, вот сколько* с дальнейшим называнием количества: *Сколько времени ты ждешь? — Час (два часа, год...), вот сколько / именно столько*; счет времени обозначается словами *час, минута, секунда*, а также такими словами, как *сутки, день, месяц, год* и под.; их сочетаниями со счетными словами (*пять минут, два года, три недели...*); сочетаниями с *в течение, в продолжение, за сколько времени* (*в течение / в продолжение часа, сделал за час / за неделю...*); сочетаниями с предлогами *с, от... до / начиная с, от... до* (*Сколько длится лекция? — Час / с двенадцати до часу / от двенадцати до часу*). Исчисленность времени обозначается сочетаниями с *весь, целый*

(весь год жду; целый месяц прошел). Сегмент неопределенности (считаемое время) членится на «собственно неопределенность», «много» (долго) и «мало» (недолго); собственно неопределенность обозначается сочетаниями *несколько времени, некоторое время, сколько-то / сколько-нибудь времени, какое-то время, хоть бы сколько времени, Бог его знает сколько времени, неведомо (неизвестно) сколько времени, лет десять / около десяти / с десять / приблизительно десять, ждать придется часов пять-шесть / часов пять или шесть / часиков так с пять-шесть / около пяти-шести часов / примерно / приблизительно пять-шесть часов*. Смысл «неопределенно много времени (долго)» имеет свое внутреннее членение: 1) собственно неопределенно много времени и 2) долгое время, длящееся с какого-то неопределенно далекого момента и продолжающееся: 1) *много времени, Бог знает сколько времени, сколько угодно / сколько хочешь времени, годы, месяцы, недели, десятилетия, жду часами, месяцами, годами...; сколько, столько* (в значении 'долгое время': *Столько / сколько ждал, и все напрасно*); сложения с *долго-* (*долголетие, долговременный, долгожданный, долгоиграющий*); 2) *давно (давно не виделись, давно жду), год от году, из года в год, из месяца в месяц, час за часом, неделя за неделей*. Со смыслом «много времени» смыкается смысл всеохватности: *бесконечно долго, целую вечность*. Смысл «неопределенно мало времени (недолго)»: *мало времени, недолго, скоро* в значении 'недолго, за короткое время' (*Скоро, да не споро*; посл.), *час-другой, год-другой, месяц-другой, день-два, год-два, всего только час-два, остались считанные минуты, времени в обрез / всего-ничего; езды — всего десять минут; живет здесь без году неделя*; сложения со *скоро-* (*скороварка, скоропортящийся, скорозамерзающий*). В сегменте непредставленности, отсутствия — только по отношению ко времени длящемуся, исчисляемому (но не исчисленному, в своем течении как бы закрытому): *нисколько, ни часу, ни минуты (У меня времени нет нисколько / ни часу / ни минуты / ни одной секунды)*.

Смысловая категория «время условно остановленное» сосредоточивает в себе языковые средства, относящиеся к определению времени суток, к вопросу «который час?» и к соответствующему сообщению. Как и в других случаях, здесь участвуют местоименные слова, своя лексика, морфемика, грамматика; сегмент неопределенности здесь сужен до смысла незнания, неосведомленности; сегмент непредставленности не заполнен: в случаях типа *нет и десяти, не было еще и трех* заключен смысл не отсутствия, а приблизительности, близости к данному, определенному часу.

В сегменте определенности время обозначается как условно остановленное, как некая отдельная точка, момент в его течении: *столько, вот сколько времени, сейчас час, два, три.., половина, четверть девятого, десятого..; полночь, ровно полдень; ровно половина второго; на башне било (бьет) двенадцать; на часах ноль часов десять минут; пять часов утра (вечера); явились в десять часов пополудни; встреча назначена на три часа; уже без пяти шесть*. В сегменте неопределенности: — *Который час? — Приблизительно час, около часу, двух часов, близко к полудню, десять с минутами, время к полудню, сейчас часа два или около того; между часом и двумя; ближе к одиннадцати; скоро семь, двенадцатый час, первый час ночи, за полночь и др.*

7. Смысловая категория «*с ко л ь к о л е т к о м у - ч е м у*» включает в себе осмысление и обозначение возраста; она членится на основании одушевленности или неодушевленности субъекта: здесь распределены разные языковые средства. 1) *Сколько лет кому*. В сегменте определенности: *столько, вот сколько; ему год, два, три года; ему четыре, пять, десять... лет; младенцу два дня, неделя, месяц; она младше (старше) меня на десять, пять... лет; годовалый, двухмесячный, двухлетний, десятилетний... ребенок; человек в возрасте сорока лет; ему уже сорок стукнуло; двухлеток, сеголеток* ('молодняк текущего года', спец.); *дочке пять с половиной лет*. В сегменте неопределенности: *под сорок, лет сорок кому, ей лет двадцать-двадцать два, около пятидесяти, сыну шестой год* и прост. *пять—шестой* (ср.: «*А кой тебе годик? — Шестой миновал*» <Некр.>), *ему нет (и) десяти лет, ему все сорок, сорок с хвостиком (с гаком); дети до шестнадцати лет; она уже пятый десяток разменяла; перешагнула за шестьдесят*. Сегмент непредставленности не заполнен; в тексте, однако, возможно: — *Сколько времени детенышу? — Нисколько, он только что родился, пять минут тому назад вылупился*. 2) *Сколько лет чему* (предмету, состоянию, сложившейся ситуации, обществу). В сегменте определенности: *Этому зданию — сто лет; Памятнику — три столетия; Возраст этого дерева — пятьдесят лет; Городу — три тысячи лет; Этой новости — всего два дня; Столице — два столетия*. Неопределенность: *приблизительно, около ста лет; года три-четыре; дому — годов с полсотни; новому журналу еще и года нет; старому пиджаку без малого десять лет*. В сегменте неопределенности выделяется смысл «исхождения из прошлого»: *Этому событию уже давно*.

Исчерпывающее рассмотрение языковых средств, обращенных к смыслу «*сколько лет кому-чему*», должно показать их точное и строгое распределение.

Итак, общая смысловая категория «*сколько — количество*» членится на пять первых подвершинных частных смысловых категорий: 1) «*сколько кого — количество лиц, живых существ — одушевленных или одушевляемых*», 2) «*сколько чего — количество предметов, явлений, понятий, ситуаций*», 3) «*сколько раз — количество осуществляемых во времени действий, процессов, процессуальных состояний*», 4) «*сколько времени — количество, счет времени*» и 5) «*сколько лет кому-чему — количество прожитых отрезков времени*». Каждая из этих частных смысловых категорий имеет собственное (второе и последующие) смысловое членение: первая, вторая и третья членятся каждая на «*один*» и «*не один*», четвертая — на «*время текущее*» и «*время остановленное*», пятая — на «*возраст кого*» и «*возраст чего*». Таким образом, членение общей смысловой категории здесь предстает как осуществляемое в два шага. Как уже подчеркивалось выше, разноуровневые языковые средства, обращенные к названным смысловым пространствам, на предыдущих страницах показаны сугубо фрагментарно; полное описание таких средств, по-видимому, позволит сделать дальнейшие шаги и определить следующие, подчиненные вышестоящим, частные смысловые категории (напр., внутри «*сколько кого*» — количество людей и количество животных; внутри «*сколько чего*» — количество предметов и явлений или событий; внутри «*сколько лет кому*» — возможно членение на основании того, чей возраст обозначается, и др.

8. До вхождения в текст смыслы «*сколько* — количество кого» и «*сколько* — количество чего» обращены непосредственно к смыслам *кто* и *что*; *сколько* естественно сочетается с именами живых существ и предметов в форме родительного падежа. В предложении, в строе развернутого текста падежные сочетания со *сколько* функционируют в субъектной и объектной позициях (*Сколько лет прошло! Сколько горя он видел! Сколько людям он помог! О скольких друзьях он вспоминает!*). В восклицательных номинативных предложениях, в риторическом вопросе осуществляется смысловое наращение: *сколько* срastaется со смыслом «много» или «мало» (*Сколько забот! Сколько раз я тебя просил! Старик уже не работник: сколько он там / тебе / еще наработает!*).

Сколько, как и все другие исходные местоимения, входя в сложное предложение с так наз. «относительным подчинением», вводит фрагмент текста, индивидуализирующий смысл местоимения в соседствующей части: *Дал столько, сколько просили; Звонил столько раз, сколько ты велел; Сколько голов, столько умов* (посл.).

В словаре местоимений, построенном на основании излагаемого здесь подхода, словарная статья *сколько* должна включать зоны, посвященные местоимениям *сколько, столько, несколько, сколько-то, сколько-либо, сколько-нибудь, нисколько* — с охватом всех относящихся сюда местоименных фразеологизмов. В составе такой статьи, в отдельных ее зонах, должно получить отражение смысловое членение общей смысловой категории «*сколько* — количество», ступени такого членения и все те формальные характеристики, которыми такое членение сопровождается.

НАСКОЛЬКО

1. Местоимение *насколько* означает сопоставление по степени, мере, количеству; это может быть сопоставление предметов, лиц по количеству, меры признаков, свойств, явлений, ситуаций, поступков, сопоставление по мере времени. В силу этого смысла мест. *насколько* требует при себе компаратива: *насколько больше или меньше, умнее или глупее, чаще или реже, старше или младше* и т. д.; в строе текста предполагается дальнейшее указание — определенное или неопределенное — на меру сопоставляемого (— *Насколько это дороже? — Намного / Немного / На значительную сумму; — Насколько он старше? — Заметно старше / — На пять лет / Всего на два месяца* и т. д.). До заполнения смыслового пространства разноразноуровневыми языковыми средствами строение местоимения *насколько* имеет следующий вид: *насколько — настолько — насколько-то, насколько-нибудь, насколько-либо — нинасколько*.

В собственно микросистеме в сегменте определенности противопоставление по сосредоточенности — несосредоточенности отсутствует; оно осуществляется при сочетании *натолько* с частицей *вот*: *натолько — вот настолько* (см. аналогичное отношение в местоимении *столько*); см. у Даля: *сэстолько, сэстолечко, сэстоль*.

Исходное местоимение *насколько* в составе фразеологизма или в сочетании с частицей участвует в заполнении своих сегментов. В сегменте о п р е д е л е н н о с т и: *вот насколько* (*подросток вот насколько / вот насколько подросток*); в конструкции с *насколько* если (*как*) не *натолько*, т. е. «именно, точно настолько». В сегменте н е о п р е д е л е н н о с т и: *Бог весть насколько / Бог знает (ведает) насколько, черт*

знает *насколько*, *черт-те насколько*, *хоть насколько*, *насколько угодно*, *насколько хочешь*, *неизвестно (невест) насколько*, *насколько-ниасколько*, *а...* (*насколько-ниасколько*, *а за лето подрос*), *насколько ни...* (*насколько ни прибавляй, все мало*), *насколько бы ни было*, *насколько ни на есть*, *насколько там / еще / тебе* (т. е. 'мало, сомнительно, что намного'): *Насколько там / тебе / еще он подрос*, т. е. 'очень ненамного'), *насколько придется / получится / выйдет*; *кто знает / кто его знает насколько*. В сегменте не представленности: *хоть бы насколько*, *хоть бы вот настолечко*.

2. Смысловое пространство *насколько* в сегменте определенности принимает в себя равноуровневые языковые средства: лексику, морфемную, предложно-падежные сочетания, грамматические формы, синтаксические конструкции: сюда относятся сочетания с предлогом *в*, типа *в два раза*, *в десять раз*, *с на* в значении 'настолько-то' (*на два шага дальше*, *на год*, *на час позже*, *на рубль дороже*), наречия типа *вдвое*, *втрое*, *вчетверо*, *наполовину* (*двумя рублями дешевле*). В сегменте неопределенности: *намного*, *гораздо* (*намного / гораздо больше, меньше*), *ненамного* (*ненамного, рубля на два дешевле*), *чуть*, *чуть-чуть*, *чутьочку* (*чутьочку глубже, чуть дальше*), *во много раз* (*во много раз интереснее*), компаративы в сочетании с *еще* (*еще дальше, еще интереснее*), сочетания типа *часа на два дольше*, сочетания с *не в меру* (*не в меру заважничал, не в меру навязчив*); конструкции с *как* в значении 'в высокой степени' (*Как мил! Как долгие пути! Как она похорошела!*). Полнота меры (достижение предела) выражается образованиями с приставкой *до-* и сочетаниями с предлогом *до*: *догала*, *допоздна*, *досыта*, *до отвала*, *наполнил до краев*, *промок до нитки*, *до костей*, сочетаниями с *по* (*сыт по горло*); наречиями *стольна*, *полностью*. В сегменте не представленности (несуществования, отсутствия, отрицания): *ниасколько*, *хоть бы насколько*, *ничутьочки*, *ничутьочку*, *ниачутьочку*, *ниасколько*; сравн. у Ю. Трифонова («Студенты»): *Не считается с ней ни вот настолько* (цит. по Большому акад. словарю).

3. Общая смысловая категория «*насколько* — степень меры, измеримость при сопоставлении» объединяет в себе частные смысловые категории: 1) измеримость при сопоставлении по собственно количеству, считаемости; 2) измеримость сопоставляемого по качеству, свойству, приписываемому признаку; 3) измеримость сопоставляемого по мере пространства; 4) измеримость сопоставляемого по мере времени; 5) измеримость сопоставляемого по мере веса; 6) измеримость сопоставляемого по стоимости, цене. Внутри этих частных смысловых категорий могут быть вычленены более частные смыслы группировки, напр.: измеримость сопоставляемого по протяженности в длину, в высоту, в глубину, по объему и т. д.; измеримость сопоставляемого по внутренней ценности и по собственно цене и др. Во всех этих случаях в выражении сопоставления регулярно участие компаратива: *намного больше, меньше, впятеро дороже, на два года старше, гораздо умнее, часом раньше, вдвое длиннее, на сто рублей дороже* и т. д.

4. Местоимение *насколько* — сам исход и местоимения, относящиеся к его сегментам — заполняют в тексте позиции количественно или качественно характеризующего компонента — квалификатора или предиката; сам смысл меры связывает все такие единицы с глаголом или с именем: *поступил гораздо умнее, полу-*

чил ненамного меньше, этот ученик намного способнее других, старается значительно больше твоего, эта дорога длиннее на целый километр и под.

5. В словаре местоимений, построенному на тех основаниях, которые были определены в ч. I, § 17, статья *насколько*, открываемая исходом, должна включать в себя все местоимения, относящиеся к его сегментам; зоны, иллюстрирующие употребление, помимо демонстрации синтаксической и семантической сочетаемости, могут включать в себя ближайшую синонимику. В такой словарной статье должно найти отражение прежнее употребление *сколь, столь, столько* в значении 'настолько', сравн.: *Не надобно было тебе по миру славить, Что столько ты богат* (Крыл.); *За что ж к слам ты столько лих, Что им честей нет никаких...* (Крыл.). Не исключено также такое построение словарной статьи, которое покажет принадлежащее языку распределение единиц по частным смысловым категориям и по их дальнейшему внутреннему членению.

КОТОРЫЙ

1. Местоимение *который* означает вычленение из считаемого множества или изымание единичного из множества подобных и отнесение к порядковому месту при счете. За местоимением *который* стоит идея числа, считаемого множества и изымания единичного из этого множества. В смысле этого местоимения присутствует след его давнего происхождения; см. у Фасмера, возводящего *который* к древне-индийскому *kataras* — 'один из двух'. Строение микросистемы *который* имеет следующий вид: *который* — *этот, тот, сей, оный* — *некоторый, который-нибудь, который-либо* — *никоторый*.

Смысл местоимения *который* исключает из его строения неопределенное местоимение *который-то*: в *-то* живо значение единичности и, следовательно, приглушено значение возможности выбора, всегда присутствующее в *-либо* и *-нибудь*. Местоимение *оний* (устарелое и книжн.) означает 'тот, который известен или о котором упоминалось'; см. у Даля: *оний* — 'тот, вон который'. Исходное местоимение *который* может участвовать в заполнении своих сегментов; однако это участие, по сравнению с другими исходами, ограничено. В сегменте *о п р е д е л е н н о с т и*: *вот который* (*Он по счету вот который: пятый / пятый, вот который*). В сегменте *о п р е д е л е н н о с т и* противопоставление сосредоточенности — несосредоточенности представлено соотношением «*этот, сей, оный* — *каждый из* (в знач. 'один из кого-чего-нибудь')»: *каждый из присутствующих* (т. е. 'один, входящий во множество и вместе с другими его составляющий'), *каждая из выставленных картин хороша по-своему*; то же в сочетании со счетными словами: *каждый пятый, из шеренги выступил вперед каждый третий*. В сегменте *н е о п р е д е л е н н о с т и* словесных средств мало: смысл счета не содействует расширению средств выражения неопределенности; у *который это*, кроме *некоторый, который-либо* и *который-нибудь*: собственно *который* (*Уже которое письмо пишу, который раз прошу, который год жду*, т. е. 'один из многих и неопределенный по счету'); см. у Даля: «*Березы не натыканы, а которые посажены, которые посеяны*»; *который хочешь, хоть который, который ни на есть, который ни есть* (Даль), *который бы то ни*

было, который придется, который ни... (который ни возьми, с которого ни начни), который..., а который... (которого приласкают, а которого и прогонят).

2. Смыслу собственно исхода и всем его сегментам противостоит смысл «охватывающий всех по возможному счету или вообще по считаемому количеству». Этот смысл выражается местоимениями *все* (мн.), *каждый*, *всякий*, прилагательным *любой*, местоимением *всё* — для означения собственно исчерпанности или исчерпанности при завершении счета (*Считаю: первый, второй, третий, четвертый — все!*). Для мест. *все* характерна функция означения некоей совокупности, причем, это может быть как совокупность только лиц, так и лиц и предметов, вообще всего того, что присутствует: *Внимало все тогда Любимцу и певцу Авроры: Затихли ветерки, замолкли птичек хоры И прилегли стада* (Крыл.); *Все уселось и примолкло, последние звуки увертюры прогремели...* (Пушк.); *В девять часов утра заблаговестили к обедне, и все потянулось к новой каменной церкви* (Пушк.); *Все смолкло. В грозной тишине Раздался дважды голос странный...* (Пушк.). *Все хлопает. Онегин входит...* (Пушк.); [Л и з а] *Все в доме поднялось* (Гриб.).

Противопоставление несосредоточенности, исчерпанности при счете и собственно всеохватности в тексте часто оказывается размытым: *Всякий / каждый / любой прохожий / каждый из прохожих дорогу покажет; Это знает каждый / всякий / знают все; Каждый, кто видел... / всякий, кто видел / каждый из тех, кто / все, кто видели; на каждом шагу, каждую минуту, при каждом слове, за каждую ошибку; на всякий случай, от всякой / каждой / любой болезни помогает.*

3. При заполнении смыслового пространства *который* разноуровневыми языковыми средствами к нему прежде всего устремляются порядковые числительные: это их сфера, поле их применения; сравн.: *Так, не ошиблись вы: три клада В сей жизни были мне отрада. И первый клад мой честь была, Клад этот пытка отняла; Другой был клад невозвратимый Честь дочери моей любимой. Я день и ночь над ним дрожал; Мазепа этот клад украл. Но сохранил я клад последний, Мой третий клад: святую мечь. Ее готовлюсь Богу снести* (Пушк.). Смысл вычленения из множества, предположительно считаемого, присутствует также в так наз. превосходной степени (*лучший из всех*); этот же смысл заключен в конструкциях *кто из кого, что из чего (кто из вас идет / который из вас; [Ф а м у с о в] Который же из двух? <Гриб.>); единственный из (выход, единственный из возможных); из кого-чего (я не из их числа; выбрал из всех одного)*; то же — при неопределенности: *тот или этот, тот или другой, тот или иной.*

В сферу местоимения *который* входит местоимение *кой* (старое), сохранившееся во фразеологизмах (*А кой тебе годик? <Некр.>*), а также — в старой и стилизованной официальной речи — как связующий компонент: *происшествие, коему я был свидетелем; люди, коим можно доверять.*

В выражении сосредоточенности, точности участвует местоимение *самый*: *этот самый, тот самый, те самые, эти самые; в ту / эту самую минуту, на этом / том самом месте; те / эти самые места.*

4. Общая смысловая категория *который* — «числовое отношение ко множеству, изымание единичного из считаемого множества»; частные смысловые категории определяются в опоре на лексическую семантику слов и других единиц,

называющих считаемые множества, напр.: *который из солдат, стоящих в шеренге.., которая из этих вещей.., которое время года.., которые сутки* и под.

5. Местоимение *который* функционирует в сочетаниях *который по счету, который по порядку* (сравн.: *третий по счету, сотый по порядку*), *который из кого-чего* (*который из вас, который из ожидающих; которое из этих зданий гостиница?*), в устойчивом сочетании *который час?* (т. е. 'какое место данный «условно остановленный» момент времени занимает в ряду текущих'); при вопросе о месте кого-чего-нибудь в некоем множестве (— *Скажи: которая Татьяна? — Да та, которая грустна и молчалива, как Светлана, Вошла и села у окна.* <Пушк.>).

Одна из основных функций местоимения *который* — связующая, в сочетании с *тот* (— *Мы те, Которые, здесь роясь в темноте, Питают вас* <Крыл.>; *Я тот, которому внимала Ты в полуночной тишине.* <Лерм.>; *Она была та, совершенно та, которую он любил, и одежда ее была та же* <Л. Толст.>). В этой позиции *который* индивидуализирует смысл, заключенный в *тот*. Связующая функция характерна для *который* и вне отнесенности к *тот* (*человек, который смеется; вещь, которая тебе понравилась*). В этой позиции (так же, как и в собственно вопросе) с *который* конкурирует местоимение *какой*; при этом смысл изымаемости из множества стирается, сравн.: *Который / какой твой номер?; Которое / какое сегодня число?* То же для *некоторый* (*В некотором царстве, в некотором государстве..*, т. е. 'в каком-то').

КОГДА

1. Местоимение *когда* означает время. Это — одно из центральных понятий, отражающих осознание того, что все сущее находится в некоем невидимом движении от начала своего существования к концу, от какой-то точки бытия к другой такой точке, от одного отрезка существования к другому; иными словами, понятие «когда» означает осознание того, что существование как материи, так и духа протекает во времени и что само это протекание может быть осмыслено как имеющее фазы, способные разграничиваться или плавно переходить одна в другую. До заполнения смыслового пространства разноуровневыми языковыми средствами строение местоимения *когда* имеет следующий вид: *когда — тогда, тут_{тепер} — некогда, когда-то, когда-нибудь, когда-либо, кое-когда — никогда*.

Исходное местоимение *когда*, как и другие исходы, стремится участвовать в заполнении своих сегментов. В сегменте *о п р е д е л е н н о с т и* это сочетание *вот когда..*, а также конструкции типа *Когда как (если) не теперь* (т. е. 'именно и только теперь'): *Это случилось вот когда: вчера; Когда же повеселиться, если / как не в молодые годы?!* Наиболее активен исход в сегменте *н е о п р е д е л е н н о с т и*, где он участвует как сам по себе (*Ты с ним когда* <т. е. 'когда-нибудь'> *встречаешься?*), так и в сочетании с частицами и во фразеологизмах: *кто знает когда, Бог знает когда, Бог весть когда, неведомо (незнамо, невесть) когда, не понять (не поймешь, не разберешь) когда, черт знает (черт-те) когда, хоть когда, когда угодно, когда хочешь, когда бы то ни было, когда придется (получится, случится), когда ни возьми, мало когда, редко когда, мало ли когда, когда-когда, а... (Когда-когда, а навестит), когда.., а когда... (Когда похвалит, а когда и обругает), когда-никогда, а... (Когда-никогда, а повстречаемся), когда еще / там (Когда еще / там увидимся?), когда ни...*

(*Когда ни попроси, сделает*), *когда ни на есть* (*Когда ни на есть, а чем-нибудь кончится*); при выражении неопределенной отдаленности во времени сочетание с частицей *вон*: *Встречались еще вон когда!* (т. е. 'неопределенно давно'), *Увидимся еще вон когда!* (т. е. 'не скоро'). В сегменте *н е с у щ е с т в о в а н и я*, не-представленности: *хоть бы когда* (*Хоть бы когда позвонил!*, т. е. 'никогда не звонит'), а также в риторическом вопросе (*Когда я тебя обманывал?!*, т. е. 'никогда не обманывал').

При заполнении смыслового пространства *когда* разноуровневыми языковыми средствами все подобные сочетания находят свое место в соответствующих множествах.

2. К смыслу *когда* обращены многие языковые средства, обозначающие время как применительно к процессу (т. е. к формально или лексически обозначенному его протеканию в настоящем, прошедшем или будущем), так и в отвлечении от процесса и от определенного времени его протекания. Соответственно языковые средства, обращенные к смысловому пространству *когда*, разделяются на две большие группы: 1) средства, обозначающие время вне отнесенности к одному из реальных временных планов, и 2) средства, обозначающие время как отнесенное к одному из таких планов. В этом противопоставлении участвуют и местоимения, принадлежащие одному из трех сегментов исхода. Внутри возникающих при этом членений сохраняется противопоставленность «сосредоточенность, точечность» и «несосредоточенность, неточечность» и, кроме того, возникает собственное двойственное отношение — по выраженности или невыраженности внутренней связи с другим моментом или с другим временным планом. В заполнении соответствующих участков существенна роль местоимений *тогда* и *тут*_{темп}. Местоимение *тогда* может означать как 'в то время как', 'в тот период' (это *тогда*₁, как правило, соотносящееся с *когда*, *в то время как*, сравн.: *Когда волнуется желтеющая нива... Тогда смиряется души моей тревога...* <Лерм.>), так и 'в тот момент, в ту минуту' (это — *тогда*₂, соотносимое с *тут* 'именно в этот момент', сравн.: *Беда, тогда / тут уж не до шуток*). Местоимение *тут*_{темп} всегда означает сосредоточенность, точечность: *Орел Немного посидел И тут же на другой овин перелетел* (Крыл.).

3. В выражении смысла *когда* вне отнесенности к одному из реальных временных планов участвуют как лексические, так и грамматические средства, распределенные по признаку, во-первых, сосредоточенности или несосредоточенности во времени и, во-вторых, соотношенности или несоотношенности с каким-либо моментом, отрезком или периодом времени. Сегмент определенности здесь возглавляется местоимениями *тогда* и *тут*_{темп}. *Тогда*: а) вне соотношенности с последующим, в любое возможное время — *тогда*₁ (*Приходит / пришла / придет старость, тогда наступает / наступило / наступит прозрение*) и б) в таком соотношении — 'именно в тот самый момент, вслед за чем-н.' — *тогда*₂ (*Все смолкли. Тогда заговорил старик*). *Тут*_{темп} всегда служит для выражения сосредоточенности и соотношенности во времени (*Все смолкли. Тут заговорил старик*). С *тут*_{темп} сближается здесь, *вот тогда, вот тут* (*А ныне, ах! ее зовут уж на бостон! Вот тут спесивица переменяет тон* <Крыл.>).

По названным видам противопоставлений распределены лексические, лексико-фразеологические и грамматические средства: 1) вне соотнесения с моментом, периодом или отрезком времени: *зимой, летом, осенью, ночью, вечером, днем, чуть свет; в мае, в праздник, в войну, в грозу, в полночь; в старости, в юности; при царе, при новом правительстве*; в сегменте неопределенности во взаимодействии с местоимениями вступают *однажды, иногда, иной раз, один раз, как-то раз, в один прекрасный день*; 2) при соотнесении с моментом, отрезком или периодом времени: *в тот момент, при этом, прежде, ранее, напоследок, первое время, поначалу, снова, наутро, там* ('потом'), *вскоре, накануне; при виде кого-чего, в это время, в этот момент, до поры до времени, пока, к вечеру, к утру, на другой день, на третьи сутки, едва лишь, между тем как, в то время как, тотчас*; сегменты неопределенности и непредставленности во многих случаях оказываются при этом незаполненными.

Смысл *когда* в отнесенности к одному из реальных временных планов выражается разноуровневыми языковыми средствами, среди которых первостепенную роль играет глагол в формах наст., прош. и буд. времени, по-разному взаимодействующий с лексикой и синтаксическими конструкциями; при этом в разграничении смыслов сосредоточенности и несосредоточенности определяющую роль принадлежит видовому значению глагола.

К смысловому пространству «в н а с т о я щ е м» обращены в сегменте определенности местоимения *тогда*₁ и *тогда*₂, взаимодействующие с ними наречия *теперь, сейчас*, сочетания *в настоящее время, в настоящую минуту, в настоящий момент, в данный момент, сегодня, нынче, ныне, этой зимой, этим летом, в этом году*. К сегменту неопределенности здесь обращены местоименные фразеологизмы (см. п. 1), сочетания *как-то раз, иной раз, когда как, наречия иногда, временами*. При означении следования, последовательности, временного совпадения, отправления от какого-нибудь момента или к такому моменту: *по сию пору, отныне, с тех самых пор, впредь, до сих пор, уже, еще, ранее* (не знал я ранее — т. е. 'до сих пор'), *пока, пока что, покамест, давно* (*Давно не встречались*), *только что* (*Только что был здесь*), *между тем как* (в этих последних случаях сегменты неопределенности и непредставленности не заполнены). В распределении смыслов сосредоточенности и несосредоточенности во времени, в аспекте следования, а также соотнесенности или несоотнесенности с другим временем (моментом, периодом) участвует употребление форм времени и значения синтаксического времени, выраженного предложением в целом.

К смысловому пространству «в п р о ш л о м» обращены формы прош. времени глагола и синтаксическое прошедшее время, лексика, фразеология, союзные средства. Сегмент определенности возглавляется местоимением *тогда*₁ и, при означении сосредоточенности, *тут*_{1,2,3}; с ними взаимодействует лексика и фразеология, устойчивые сочетания: *вчера, вчерашним днем, позавчера, в прошлом / позапрошлом году, напередни, в те поры, в ту пору*, образования с *до-, пред-* (*довоенный, предвоенный*). В сегменте неопределенности к местоименным фразеологизмам, показанным в п. 1, присоединяются *недавно, во время оно, как-то раз, было время, бывало* и др. В смысловом пространстве «в прошлом», как и «в настоящем» и «в буду-

шем», присутствует противопоставленность, во-первых, «сосредоточенность, точечность — несосредоточенность, неточечность» (*тогда*, 'в ту пору, в прошлом' — *тогда₂*, *тут_{temp}* 'в тот момент'), во-вторых, «несоотнесенность с другим моментом или периодом (*тогда*,) — соотношенность с таким моментом или периодом (*тогда₂*, *тут_{temp}*)». В выражение смысла «в прошлом» и всех его модификаций вовлечены значения форм времени, синтаксическое время, союзные средства.

Аналогично строение смыслового пространства «в б у д у щ е м». Сюда обращены глагольные формы времени, союзы, лексика, фразеология. Сегмент определенности возглавляется местоимениями *тогда*, и *тогда₂*, *тут* (несосредоточенность и сосредоточенность во времени, а также несопоставленность и сопоставленность с чем-н. при протекании во времени); сюда обращены лексика и устойчивые сочетания: *в будущем*, *будущим летом*, *в будущем году*, *на будущей неделе*, *потом* ('не сейчас, в будущем'), *отныне*; образования с *после-* (*послевоенный*, *послеобеденный*). В сегмент неопределенности включаются сочетания с частицами, местоименные фразеологизмы. Во всех случаях там, где присутствует противопоставление «сосредоточенность — несосредоточенность во времени», в действие может вступать местоимение *самый* — одно или в сочетании *тот самый*, *этот самый*: это местоимение готово соединиться с любым именным обозначением времени, чтобы выполнить свою основную функцию — показать сосредоточенность, единичность, данность именуемого: *в ту самую зиму*, *на самое Рождество*, *в самый солнечник*, *в этот самый миг*, *на самый праздник*, *к самому его приходу*, *с тех самых пор*, *до самой этой минуты*, *в этот самый год* и т. д.

К смысловому пространству в с е о х в а т н о с т и («всегда, постоянно») обращено настоящее время: формы глагола и настоящее синтаксическое, лексика и устойчивые сочетания: *всегда*, *вечно*, *вовек*, *во все времена*, *отныне и навек*, *ежечасно*, *постоянно*, *испокон века*, *во веки веков*, *каждую минуту*, *каждый день и каждый час*, *денно и ночью*, *год за годом*, *день за днем*, *каждый божий день*; сложения с *вечно-* (*вечнозеленый*, *вечномерзлый* — о почве). Смысл «всегда» внутренне расчленен на «постоянно», «начиная от... и до конца» и «отныне и навсегда», сравн.: *всегда*, *вечно* — *сроду*, *издревле*, *отродясь* — *до скончания веков*, *навечно*. В сегменте непредставленности: *никогда*, *никогда в жизни*, *ни в жизнь* (прост.); сегмент неопределенности не заполнен.

4. На основе расчленения смыслового пространства и распределения в нем разноуровневых языковых средств, множества которых возглавляются местоимениями или функционально сближающимися с ними словами (см. *всегда*, *постоянно*), в языке выстраиваются многочисленные ряды, внутри которых сохраняется противопоставление по сосредоточенности, предельности — несосредоточенности, неопределенности и, с другой стороны, по сопоставленности с тем или иным временным планом, обращенности к нему или исхождения от него либо несопоставленности с каким-либо временным планом, отвлечения от такого возможного сопоставления. В состав таких рядов входят лексико-фразеологические средства, грамматические формы, морфемика, синтаксические конструкции. Выше такие возможности были показаны на отдельных примерах, в самом общем, далеко не полном виде; углубленное изучение материала (вернее — переосмысление

материалов, уже вошедших в научный оборот) под соответствующим углом зрения покажет все богатство и разнообразие наполнения таких рядов внутри смыслового пространства «когда — время». Нужно показать такой ряд как организацию, строящуюся по названным выше основаниям, продемонстрировать возможности взаимодействия тех или иных участков такой организации.

5. В сфере исхода *когда* формируются общие и частные смысловые категории. Общая смысловая категория «когда — время» представлена местоименным исходом и словесным именованием понятия, означаемого этим исходом; эта категория, как и все другие, с точки зрения ступеней познания сегментирована на основании определенности (данности), неопределенности (сомнения, неполного знания) и незнания (непознанны, непредставленности, несуществования). В лоне общей смысловой категории формируются, ее расчленяют и наполняют частные (подвершинные «по горизонтали») смысловые категории, которые возглавляются местоимениями, принадлежащими сегменту определенности (*тогда₁*, *тогда₂*, *тут*); к этим смыслам обращены (ими объединяются, их в себя включают) соответствующие ряды разноуровневых языковых средств. Первыми подвершинными частными смысловыми категориями здесь являются: 1) «*тогда₁* — в любое возможное протекающее время — в настоящем, прошедшем или будущем» (*зимой, летом, в молодости, на праздниках*); 2) «*тогда₁* — в настоящем» (*сейчас, сегодня, в эту минуту, этим летом*); 3) «*тогда₁* — в прошлом» (*вчера, прошлым летом, той зимой, на прошлой неделе*); 4) «*тогда₁* — в будущем» (*завтра, в будущем году, сразу вслед за предстоящим праздником*); 5) «всегда, постоянно» (*всегда, искони, испокон веку*). Каждая из первых четырех частных категорий членится на вторые подвершинные категории на основе противопоставления «несоотнесенность с каким-нибудь моментом, отрезком времени (*тогда₁*) — соотнесенность с таким моментом или отрезком (*тогда₂*, *тут_{темп}*), т. е. ‘во время чего-нибудь, до или после чего-нибудь’». Так возникают вторые подвершинные частные смысловые категории: 1) «в любое возможное время в настоящем, прошедшем или будущем — вне непосредственного соотнесения с текущим моментом или отрезком времени — *тогда₁*» (см. выше); 2) «в любое возможное время — в настоящем, прошлом или будущем — в соотнесении с моментом, отрезком времени, т. е. ‘во время, до или после чего-н.’ — *тогда₂*, *тут_{темп}*» (*приходит, тогда / тут и разговариваем — пришел, тогда / тут и поговорим — придет, тогда / тут и поговорили*); 3) «в настоящем — вне непосредственного соотнесения с моментом или отрезком времени — *тогда₁*» (*Он молод, тогда не думают об опасности*); 4) «в настоящем — в соотнесении с моментом или отрезком времени, т. е. ‘во время, до или после чего-н.’ — *тогда₂*, *тут_{темп}*» (*Когда он встает, тогда / тут все замолкают — Тут / тогда он встает и все замолкают — Он встает, тут / тогда все замолкают*); 5) «в прошлом — вне непосредственного соотнесения с моментом или отрезком времени — *тогда₁*» (*Тогда была зима; Тогда он был молод*); 6) «в прошлом — в соотнесении с моментом или отрезком времени, т. е. ‘во время, до или после, вслед за чем-н.’ — *тогда₂*, *тут_{темп}*» (*Пришла зима, тут / тогда грянули морозы; Тогда / тут подули ветры и пришла зима*); 7) «в будущем — вне непосредственного соотнесения с каким-н. моментом или отрезком времени — *тогда₁*» (*Верили в будущее: тогда придут лучшие времена*);

8) «в будущем — в соотношении с моментом или отрезком времени, т. е. ‘во время, до или после чего-н.’ — *тогда₂, тут_{temp}*» (*Кончается война, тогда / тут наступает мир — Кончилась война, тогда / тут наступил мир — Кончится война, тогда / тут наступит мир*). Каждая из частных категорий, означаемая местоимениями *тогда₂, тут_{temp}* (2, 4, 6 и 8), далее делится по основанию: а) совпадение с каким-н. моментом, отрезком времени, сосредоточенность на этом моменте, отрезке (*во время, в момент*); б) следование за каким-н. моментом, отрезком (*вслед за, после*) и в) предшествование какому-н. моменту, периоду времени (*до, перед чем-н.*). Наполненные живым материалом, все эти категории представляют созданную языком богатую и сложную систему временных отношений.

6. Смысловая категория «*когда — время*» и все ее частные категории обращены прежде всего к развернутому тексту; в дотекстовых позициях (в словах, словоформах, словосочетаниях) здесь часто присутствуют контаминации с *где* (*погибнуть в бою, рожден в бедности, познакомиться в походе*), со *сколько* (*сжигивал, хаживал, говаривал*, т. е. ‘в прошлом и не однажды’). Наиболее характерная и очевидная дотекстовая смысловая контаминация обнаруживается в причастиях (*когда и какой*) и в деепричастиях (*когда и как*).

В тексте категория «*когда — время*» является организующей: она присутствует в предикате и во временном значении предложения в целом: на ней основывается категория синтаксического времени. В строе текста эта категория является также квалифицирующей: содержащие ее словоформы и сочетания осуществляют темпоральную детерминацию предложения в целом или темпорально квалифицирующую характеристику его компонентов. Разнообразные контаминации *когда* с другими смыслами (*как, почему, зачем* и др.) присутствуют в так называемых обособленных оборотах. В строе текста по-разному контаминируются и обогащаются временные значения глагольных форм, их сочетаний с частицами.

Для функционирования смысловой категории «*когда — время*» в высшей степени характерны разнообразные уточняющие сочетания типа: *в прошлом году весной, этим летом в праздник, рано утром, поздно вечером, ночью в самую темень, каждое воскресенье летом, той весной в мае, в тот год под Рождество; как-то раз летом, однажды осенью, иной раз под вечер, когда-нибудь потом, когда-то в молодости* и под. Менее характерны, хотя и вполне нормальны, такие сочетания для сегмента непредставленности: *никогда в прошлом, никогда больше, никогда в прежнее время, никогда за всю свою жизнь* и др.

Самому местоименному исходу *когда* в тексте принадлежат функции, во-первых, собственно вопроса, во-вторых, в сложном предложении, соотношения разных временных планов; именно такое соотношение привело к формированию у *когда* значения собственно связующего слова. Кроме того, как и в других случаях, мест. *когда* выполняет функцию индивидуализации смысла при так называемом относительном подчинении (см. об этом часть I, § 3).

ГДЕ

1. Местоимение *где* означает место, отнесенность к пространству; в нем заключен смысл локализации предмета, лица, ситуации или события. До заполне-

ния смыслового пространства разноуровневыми языковыми средствами строе- ние местоимения *где* выглядит следующим образом: *где — тут_{loc}, там — негде²* (стар. высок.: 'где-то'), *где-то, где-нибудь, где-либо, кое-где — нигде, негде¹* ('нет та- кого места, чтобы...').

При вхождении в один из сегментов собственно исхода *где* — одного или в составе фразеологизма, в сочетании с частицей — в значение о п р е д е л е н - н о с т и включается *вот где* (с предшествующим или последующим раскрытием: *Познакомились в Париже, вот где*), а также конструкции с *где если не...*, *где как не...* (*где отдохнуть, если / как не на даче*, т. е. 'именно на даче'). В сегменте н е о п р е - д е л е н н о с т и: *где (Встречу его где, сразу узнаю), кто знает где, Бог знает (ве- дает) где, Бог весть где, невесть (неведомо) где, где ни попадя, не поймешь (не понять, не разберешь, незнамо) где, черт знает где, черт-те где, хоть где, где угодно, где хо- чешь, где придется, где получится, где бы то ни было, где ни на есть, где бы ни пришлось (ни случилось), где ни попадись (ни случись), мало ли где, мало где, редко где, где-нигде, а... (Где-нигде, а повстречаемся), где-где, а... (Где-где, а дома ждут), где..., а где... (Где помогут, а где и нет), где там / тебе / еще (Где еще повстречаемся!); при смысле «неопределенно далеко» в сочетании с частицей *вон*: *До них не доберешься — жи- вут-то вон где; [Р и с п о л о ж е н с к и й] А домишко-то звоно где! Что сапогов одних истреплешь, ходимиши к Воскресенским воротам с Бутырок-то!* (Остр.). В сегменте н е п р е д с т а в л е н н о с т и: *хоть бы где*; в риторическом вопросе (*Где можно уви- деть такое чудо?!*, т. е. 'нигде').*

2. Смысловое пространство *где* заполняется разноуровневыми языковыми средствами; при таком заполнении возникает следующее смысловое членение: 1) означение места, не содержащее в себе указания на сосредоточенность или не- сосредоточенность, на близость или отдаленность в пространстве, равно заклю- чающее в себе как то, так и другое; 2) «здесь», «близко» или «там — не здесь или далеко»; 3) «езде, повсюду». Внутри второго множества выделяются три подмно- жества: а) «здесь, тут_{loc}» — сосредоточенность, точность, данность, 'именно в этом, названном месте'; это подмножество возглавляется местоимением *тут_{loc}*, местоименным наречием *здесь*; б) «близко, вблизи»; это подмножество возглав- ляется сочетаниями *тут близко, тут рядом*; в) «не здесь, в некотором отдалении или далеко»; это подмножество возглавляется местоимением *там*.

С о б с т в е н н о м е с т о в пространстве, вне противопоставления «*тут — там*», «здесь — близко — там, в отдалении» в сегменте определенности обознача- ется лексически, падежными и предложно-падежными формами, фразеологией. Здесь сосредоточены самые разнообразные средства выражения локализации: *в ком-чем, на ком-чем, при ком-чем, под кем-чем, около кого-чего, за кем-чем, перед кем-чем, справа, слева от кого-чего* и т. д. В строе текста, в условиях ближайшей сочетаемости, эти средства могут распределяться между *тут_{loc}* и *там*, напр.: *тут в лесу и там в лесу, здесь за горой и там за горой, здесь в городе и там в городе, тут где- то за домом и там где-то за домом, здесь где-нибудь на столе и там где-нибудь на столе и под.*; см. слова и сочетания: *сзади, спереди, сбоку, внутри, снаружи, в лесу, в городе, на горе, на заводе, у леса, около стены, над крышей, под забором, справа, слева от ворот, по улицам, по горам, на чужой стороне, по-над берегом, по-за огородами*

и др. под.; сегмент неопределенности здесь свободно заполняется местоименными фразеологизмами.

Сосредоточенность в пространстве означает местоимением *тут*_{loc}, наречием *здесь*, сочетаниями *вот где, вот тут, вот здесь, в этом / в этом самом месте*; этот смысл заложен в прилагательных *тутошний, здешний*. Ограниченность средств выражения сосредоточенности в пространстве компенсируется местоимением *самый*, которое и в других случаях берет на себя функцию обозначения сосредоточенности, точечности: *на самой вершине, в самом углу, под самым берегом, на самом краю, за самым домом, под самым забором, у самого крыльца* и под. Сегмент неопределенности здесь заполняется только с наращениями типа: *где-то здесь, где-нибудь тут, где-нибудь в этом месте, где-то вот тут*.

Близость означает сочетаниями *тут близко, тут недалеко*, наречиями *близко, недалеко, рядом*, соч. *в двух шагах, рукой подать* и др.; при неопределенности: *где-то близко, где-нибудь недалеко, где-то здесь рядом*.

Несосредоточенность в пространстве, а также отдаленность, означает местоимением *там*, сочетаниями *не здесь, в том месте, вдали, далеко*; в сегменте неопределенности: *негде*² (стар. высок.; см.: *Негде, в тридевятом царстве, В тридесютом государстве, Жил-был славный царь Дадон*; Пушкин.), *кое-где, Бог знает где, неведомо и невесть где, где-то там*.

Всем названным группам противостоит смысл «везде»: *везде, всюду, повсюду, повсеместно, на всем белом / божьем свете, во всей вселенной, во всем подлунном мире, куда ни взгляни / ни погляди / ни глянь; в конструкции где только ни (не)...: Где он только ни побывал...; Где только о нем не говорят!*

3. Разноуровневые языковые средства со значением места организуются в ряды, распределенные — внутри общей смысловой категории — по ее частным составляющим. Как видно из изложенного выше, общая смысловая категория «где — место» первично членится на пять первых подвершинных частных категорий: 1) «где — вообще в называемом месте»; 2) «где — здесь, тут, именно в этом, данном месте»; 3) «где — близко, рядом»; 4) «где — там, не здесь, не в этом месте» и 5) «где — повсюду, везде, в любом из возможных мест». Первая частная категория объединяет в себе несколько последующих подвершинных категорий, выделяемых на основе семантики языковых единиц, образующих соответствующее множество; таковы, например, единицы: «на чем-н.», «в чем-н.», «под чем-н.», «внутри чего-н.», «снаружи чего-н.», «сбоку от чего-н.», «посреди чего-н.», «перед чем-н.», «позади чего-н.» и т. п.; разнообразие средств и их дифференциация здесь позволяют выявить неоднотупенчатые смысловые членения.

Собственное дальнейшее членение имеют и все другие частные смысловые категории.

4. Смысл «где — место» свободно контаминируется с *когда*; сравн.: *узнал его в бою, познакомились в ссылке, встречались еще в Париже, крики в тишине*. В строе текста возможности смысловых сочленений расширяются: здесь появляются контаминации с *кто* в субъектном и объектном значениях (*У нас тишь да гладь, Среди собравшихся — шум, Между участниками — споры*), с *что* и *когда* (*Среди рукоплесканий и похвал — неожиданное оскорбление*).

Исходное местоимение *куда*, как и во всех других случаях поведения исхода, стремится участвовать в заполнении своих сегментов, вносить в них смысловые и стилистические оттенки. В сегменте определенности: *вот куда, куда как / если не... (куда как / если не домой, куда как / если не в город, т. е. 'именно, определенно туда')*. В сегменте неопределенности: собственно *куда (Пойдешь куда, возьми меня с собой), кто знает куда, Бог (его) знает (ведает) куда, Бог весть куда, неведомо (невесть, незнамо) куда, не знаю (не поймешь, не понять, не разберешь, не разобрать) куда, черт знает куда, черт-те куда, хоть куда (Пошлите хоть куда — пойду), куда угодно, куда хочешь, куда бы то ни было, куда придется (получится), куда ни... (Куда ни пошли — пойдет), куда ни попадя, куда ни на есть, редко куда (Редко куда хожу), мало куда, мало ли куда, куда-куда, а... (Куда-куда, а к родителям съезжу), куда..., а куда... (Куда пойдет, а куда и нет), куда еще / тебе / там (Куда еще забросит судьба! т. е. 'неизвестно куда')*; при смысле неопределенной отдаленности — сочетание с частицей *вон*: *Заслани вон куда!, Пошли на лыжах вон куда: к самому полюсу!* В сегменте непредставленности (несуществования, непознанности): *хоть бы куда (Хоть бы куда позвали!, т. е. 'никуда не зовут')*; в риторическом вопросе (*Куда меня зовут?!*, т. е. 'никуда не зовут'). При означении в с о х в а т н о с т и: *куда ни глянь (ни погляди, ни обратись, ни оглянись), куда только ни... (Куда его только ни посылали!), куда бы ни... (Куда бы ни пойти, везде одно и то же)*.

2. При заполнении смыслового пространства *куда* разноуровневыми языковыми средствами первично возникает членение, связанное с участием смысла сосредоточенности и несосредоточенности.

1) Собственно означение направления, не содержащее в себе компонента сосредоточенности или несосредоточенности в пространстве, охватывает широкий круг средств — падежных и предложно-падежных форм, наречий, фразеологизмов, морфем, синтаксических конструкций, — обозначающих направление во что-нибудь, на что-нибудь, к чему-нибудь, за что-нибудь, подо что-нибудь, навверх чего-нибудь, внутрь чего-нибудь: *вниз, вверх, вправо, влево, в дом, в город, на крышу, за забор, к воротам, под крыльцо, внутрь здания; Ко мне! Домой! Правее! Левее!* и под. В зависимости от контекста за такими обозначениями может стоять как *сюда*, так и *туда*. В сегменте неопределенности здесь присутствуют местоимения *куда-то, куда-нибудь, куда-либо, кое-куда*.

2) Означение направления, заключающее в себе противостоящие смысловые компоненты «сосредоточенность, точечность» и «несосредоточенность, неточечность», представлено местоимениями *сюда* и *туда*.

Сосредоточенность выражается собственно местоимением *сюда*, сочетанием этого местоимения с единицами, относящимися к первой группе (*сюда в город, сюда наверх, сюда к берегу, сюда под крышу* и под.), а также сочетанием таких единиц с местоимением *самый*, реализующим здесь свою функцию представления единичности, данности (*под самую крышу, на самый верх, к самому верху, под самый край*; при дублировании: *сюда под самую крышу, сюда на самую верхушку, сюда в самое нутро* и под.). В сегменте неопределенности здесь присутствуют местоимения *куда-то, куда-нибудь, куда-либо*, а также сочетания этих местоимений с *сюда*: *спря-*

тал куда-нибудь сюда, убери это куда-нибудь сюда, куда-то вот сюда, куда-нибудь вот сюда.

Несосредоточенность представлена собственно местоимением *туда*, а также сочетаниями с предлогами *в направлении к*, *по направлению к* (*в направлении к вокзалу*, *по направлению к дому*). Сегмент неопределенности здесь заполнен местоимениями *куда-то*, *куда-нибудь*, *куда-либо*, *кое-куда*, а также высокочастотными сочетаниями таких местоимений с собственно обозначениями направления (*куда-то дугою*, *куда-то за забор*, *куда-то вниз*, *спрятал куда-нибудь в шкаф*, *отправилась кое-куда по магазинам и под.*).

Ко всему смысловому пространству, связанному отношениями «собственно направления куда-нибудь» и «направления, осложненного компонентами сосредоточенности или несосредоточенности», обращен смысл всеохватности, направления в любое пространство, в любую возможную точку; здесь действуют фразеологизмы *во все концы*, *во все пределы*, *на все четыре стороны*, а также местоименные фразеологизмы *куда ни..*, *куда только ни..*, *куда ни взгляди..*, *куда ни глянь..* *Куда ни взгляди*, *товсюду ледяные просторы*).

3. Смысловое пространство «куда», как и «где», «откуда», характеризуется тесным взаимодействием всех своих участков. Это взаимодействие осуществляется как «по вертикали», так и «по горизонтали». Взаимодействие «по вертикали» проявляется в том, что средства, заполняющие сегмент определенности, свободно и постоянно соединяются с местоимениями и местоименными сочетаниями, обозначающими неопределенность; происходит некое уточнение неопределенности и, в то же время, ослабление определенности: *куда-то в лес*, *куда-нибудь под крышу*, *куда-нибудь на чердак*; *куда-то направо*, *куда-нибудь внутрь*, *куда-то вниз*; *положил куда-то сюда*, *куда-то вот в это место*, *засунул куда-то туда*, *не сюда*; *спрятался куда-нибудь за сарай*, *куда-нибудь сюда положил*; то же — при *никуда*: *никуда в лес не ходил*, *никуда в карманы не клал*, *сюда никуда не убирал*, *туда никуда не поеду*.

Взаимодействие участков системы «по горизонтали» проявляется в широких возможностях сочетаний типа *сюда в деревню*, *туда на горку*, *иди сюда ко мне*, *пошел в лес в то самое место*, *сюда вверх*, *бросай туда вниз*, *тащи сюда наружу и под*.

Как уже сказано, в выражении сосредоточенности, точечности в смысловом пространстве *куда* участвует местоимение *самый*; оно способно снимать противопоставление собственно направления и его сосредоточенности, сравн.: *на самую середину*, *в самое пекло*, *за самую черту*, *в самое нутро*, *к самому берегу*, *в то самое место*, *к самой верхушке*, *на самую глубину* и т. п. Именно в силу своего назначения «изымания единичного из множества» местоимение *самый* не принимается сегментом неопределенности и непредставленности, а также смыслом «в любом возможном направлении, в любое возможное место».

4. Общая смысловая категория «куда — направление в какое-нибудь место, по направлению к какому-нибудь месту» объединяет в себе частные смысловые категории, определяемые, с одной стороны, семантикой отдельных предлогов и соответствующей лексикой, с другой стороны, смыслом всеохватности; это смысловые категории: «куда — во что», «куда — на что», «куда — подо что», «куда — за что», «куда — к чему», «куда — в направлении к чему» и «куда — в любое из воз-

можных мест». Внутри каждой из этих первых подвершинных частных категорий выявляется дальнейшее членение, определяемое семантикой предлога или лексическим значением наречия. Частными смысловыми категориями объединяются ряды разноуровневых языковых средств, связанных семантической общностью.

5. В элементарных дотекстовых сочетаниях смысл *куда* может контаминироваться с *кто* и *что* (*поход на печенегов, вязаться в драку, пойти на шум, на зов, на крик, на голоса*), с *как* (*посмотри мне в глаза, в лицо*). В тексте такие возможности расширяются: здесь открывается широкое поле для окказиональных сочетаний и наращений. Исходное местоимение *куда* функционирует в вопросе, в границах «относительного подчинения» (*туда, куда..; иди туда, куда велят; в то место, куда...*). В этих случаях, так же, как и в случаях типа: *в лес, куда бояться ходить; внутрь, куда трудно попасть; иди вслед, туда, куда я пойду* и под. — местоимение *куда* вводит компонент текста, индивидуализирующий смысл. Как и другие исходные местоимения, *куда* является лексемой, имеющей собственную семантическую структуру, в рамках которой образовались свои лексические значения — вплоть до полной утраты местоименности (см. в отрицании типа: — *Он тебе помогает? — Куда! / Куда там! / Куда тебе!*).

Словарная статья, в специальном словаре местоимений посвященная местоимению *куда*, должна быть строго соотнесена со статьями «Откуда», «Докуда».

ОТКУДА, ОТКОЛЕ

Местоимения *откуда* и устар. *отколе* означают исхождение от какого-нибудь места, направление *от, с, из* чего-нибудь. Этот общий смысл в местоимении *откуда* двойственен: это исхождение, направленность *от, с, из* какого-нибудь места (*откуда* локальное: *откуда_{loc}*) и исхождение от какого-н. момента или периода, начало отсчета во времени: «начиная *от, с* чего-нибудь» (*откуда* темпоральное: *откуда_{temp}*); оба эти смысла объединяются означением направленности *от* чего-нибудь. До наполнения смыслового пространства *откуда* разноуровневыми языковыми средствами строение этого местоимения выглядит следующим образом:

откуда_{loc} — *отсюда, оттуда* — *откуда-то, откуда-нибудь, откуда-либо, кое-откуда* — *ниоткуда, неоткуда*

откуда_{temp} — *отсюда, оттуда* — *откуда-то, откуда-нибудь* — *ниоткуда*.

Дальнейшее рассмотрение *откуда_{loc}* и *откуда_{temp}* требует раздельного описания.

ОТКУДА_{loc} ОТКОЛЕ_{loc}

1. В трехчастном ряду значений направления движения: «*откуда — куда — докуда*» *откуда_{loc}* обозначает начальную точку, «пункт отправления». Как и все другие местоименные исходы, *откуда_{loc}* — само или в составе фразеологизмов — стремится участвовать в заполнении своих сегментов. В сегменте определенности: *вот откуда* (*Письмо пришло из Москвы, вот откуда*), *откуда как / если не...* (*Откуда как / если не из дома ждать помощи*, т. е. «именно из дома»). В сегменте неопределенности: *откуда* (*позвонят откуда, скажи, что меня нет дома*), *кто знает откуда, Бог знает (ведает) откуда, Бог весть откуда, неведомо (невесть,*

незнаю) *откуда*, не знаю (не поймешь, не понять, не разберешь, не разобрать) *откуда*, черт знает *откуда*, черт-те *откуда*, хоть *откуда*, *откуда* хочешь, *откуда* угодно, *откуда* ни на есть, *откуда* бы то ни было, *откуда* придется (получится), редко *откуда*, мало *откуда* (Редко *откуда* приезжают; Мало *откуда* пишут), *откуда-ниоткуда*, а... (Откуда-ниоткуда, а появится), откуда.., а откуда и... (Откуда напишут, а откуда и нет); при смысле неопределенной отдаленности — в сочетании с частицей *вон*: *Слухи-то ползут вон откуда!*; *Дороги нет, а добираться-то придется вон откуда!* В сегменте непредставленности, отрицания: *хоть бы откуда* (*Хоть бы откуда пришло письмо!*), в риторическом вопросе (*Откуда мне ждать писем!*, т. е. 'неоткуда').

2. При наполнении смыслового пространства *откуда*_{loc} разноуровневыми языковыми средствами — лексическими, словообразовательными, грамматическими, идиоматическими — строение системы осложняется. Здесь прежде всего выделяются средства, именующие собственно направление из чего-нибудь, от чего-нибудь, с чего-нибудь, из-за чего-нибудь, из-под чего-нибудь, изнутри чего-нибудь: *из леса*, *от берега*, *с реки*, *из-за горы*, *из-под камня*, *изнутри здания*, наречия *изнутри*, *снаружи*, *сверху*, *снизу*, *извне* и под.; такие слова и сочетания, в зависимости от контекста, могут означать как сосредоточенность, точечность, так и несосредоточенность, неточечность; в сегменте неопределенности здесь присутствуют местоимения *откуда-то*, *откуда-нибудь*, *откуда-либо*, *кое-откуда*, в сегменте непредставленности — *ниоткуда* и *неоткуда*; при неопределенности обычны сочетания типа *откуда-то из-за леса*, *откуда-то с реки*, *откуда-нибудь из деревни*, *откуда-то из-под горы* и под. Этому участку в целом противопоставлено смысловое членение по признаку сосредоточенности или несосредоточенности в пространстве: *отсюда* и *оттуда*. В первом случае возглавляющим сегмент определенности является местоимение *отсюда* (*вот отсюда*), а также соединения с *самый* (*из-за самого леса*, *с этой самой горки*, *с самого верху*, *с этой самой стороны*, *от самого края*, *из-под самого крыльца* и под.). При смысле несосредоточенности в пространстве сегмент определенности возглавляется местоимением *оттуда*; сюда входят сочетание *со стороны чего* (*ветер со стороны леса*), наречия *издали*, *издалека*; в сегменте неопределенности: *откуда-то*, *откуда-нибудь*, *откуда-либо*, *кое-откуда*, сочетания типа *откуда-то с горы*, *откуда-нибудь из города*, *кое-откуда из деревень*, *откуда-то со стороны дороги*, *откуда-то издалека* и под. Для смысла непредставленности, отсутствия здесь характерны сочетания типа *Ниоткуда из города не пишут*, *Ниоткуда из деревни не выезжал*, *Ниоткуда из дома не выходил* и под.

Всему построению в целом противостоит смысл всеохватности, направления из любого возможного места: *отовсюду*, *со всех сторон*, *со всех концов*, *из всех возможных мест*, *откуда только можно*; этот смысл способен сочетаться с названием собственно места исхождения (*Отовсюду из окон — флаги*; *Со всех сторон из-за домов бегут люди*; *Отовсюду из-под снега текут ручьи*).

3. Местоимение *отколе* (*откаль*)_{loc} — устарелое, сейчас принадлежит высокой речи. Его строение совпадает со строением *откуда*_{loc}, однако заполнение сегментов здесь значительно более ограничено: *отколе*_{loc} (*откаль*) — *отселе* (*отсель*), *оттале* (*отталь*) — *открае-нибудь*, *открае-либо* — *ниотколе*.

Местоимение *отколе*_{loc} (*отколь, отселе, оттолева, отселева*) сохранилось в народных говорах; многочисленные фиксации см. у Даля.

4. Общая смысловая категория, формируемая исходом *откуда* (*отколе*)_{loc} обозначается как «откуда» — направление с какого-нибудь места, из какого-нибудь места», частные смысловые категории определяются значениями предлогов и соответствующих наречий: 'с чего-нибудь', 'из чего-нибудь', 'от чего-нибудь', 'из-за чего-нибудь', 'из-под чего-нибудь', 'со стороны чего-нибудь', 'изнутри чего-нибудь', 'извне чего-нибудь'. Местоимение *откуда* (*отколе*)_{loc} функционирует в вопросе, в составе сложного предложения (*Откуда ветер, оттуда и счастье* <посл.>; *Город, откуда я приехал*); в элементарных дотекстовых сочетаниях этот смысл обычно контаминируется с *кто* и *что*: *письмо от друга* ('откуда и от кого'), *вход со двора / со стороны двора* ('с чего и откуда'), *удар из-за угла* ('из-за чего и откуда') и под.

ОТКУДА_{temp}, ОТКОЛЕ_{temp}

1. Местоимения *откуда*_{temp}, *отколе*_{temp} означают исхождение от какого-нибудь момента или периода, начало отсчета во времени. Местоимение *откуда*_{temp}, подобно другим исходам, участвует — через ступень фразеологизации — в заполнении своих сегментов; однако границы такого участия здесь достаточно узки: в сегменте *о п р е д е л е н н о с т и* в сочетании с *вот* (*Еще с детства, вот откуда началась наша дружба*); в сегменте *н е о п р е д е л е н н о с т и*: *кто знает откуда, Бог знает откуда, Бог весть откуда*; при означении большой отдаленности во времени — в сочетании с частицей *вон*: *Обычай идет еще с допетровских времен, вон откуда!*

Строение смыслового пространства местоимений *откуда*_{temp}, *отколе*_{temp} имеет следующий вид:

*откуда*_{temp} — *отсюда, оттуда — откуда-то, откуда-нибудь, откуда-либо — ниоткуда*;

*отколе*_{temp} — *отселе, оттоле — отколе-либо, отколе-нибудь — ниотколе*.

К смыслу *откуда*_{temp} обращены слова и сочетания: *с тех пор, с этого времени, с той поры, начиная (с того времени, момента), с некой поры, с неких пор, с той минуты, давно* (в значении 'с давних пор': *Я давно его знаю, Знаю его давно, еще со школы*), *больше* (в значении 'с некоторых пор и продолжаясь': *Это была последняя встреча, больше я его не видел*), *отныне, впредь*. При означении всеохватности: *искони, истари, издавна, издревле, с давних пор, из глубины веков*.

2. Общая смысловая категория «откуда_{temp}, отколе_{temp} — начиная / с / от какого-то времени» членится на две частные категории: 1) «собственно отсчет»: *с тех пор, с этих пор, с той поры, с того самого момента, с того времени* и под. (*Метрополия наша раздвоилась оттоле на две* <Карамзин>; *Отколе помню себя* <Даль>) и 2) «отсчет начатый и открытый для продолжения»: *впредь, далее, больше, потом* (*Больше / впредь так не поступаай; Посмотрим, что будет дальше / потом*).

Анализ строения местоимений *откуда*, *отколе*, сходство смысловых отношений *откуда*_{loc}, *отколе*_{loc} и *откуда*_{temp}, *отколе*_{temp}, их стилистические схождения и расхождения, сходство в строении сегментов и самая сегментация утверждают в мысли о том, что вся эта микросистема сама по себе может и должна служить предметом

целостного словарного представления, которое покажет живые схождения и расхождения между единицами, конструирующими этот участок класса местоимений в целом.

ДОКУДА, ДОКОЛЕ

Местоимение *докуда* существует в двоичном расчленении, объединенном общим смыслом направления к пределу: *докуда_{loc}* — «направленность к пределу в пространстве» и *докуда_{temp}* — «направленность к пределу во времени»; роль местоимения *докуда* в системе местоименных слов весьма существенна: здесь, как и в *откуда_{loc}* и *откуда_{temp}*, непосредственно означен смысл предельности, в системе местоимений в целом представленный в соотношении «сосредоточенность, точечность — несосредоточенность, неточечность», присущем почти каждому исходу в сегменте определенности, и непосредственно сопоставимый с видовыми значениями глагола.

До наполнения смыслового пространства разноуровневыми языковыми средствами строение местоимения *докуда* имеет следующий вид:

докуда_{loc} — *досюда, дотуда* — *докуда-то, докуда-нибудь* — *нидокуда*
докуда_{temp} — *досюда, дотуда* — *докуда-то, докуда-нибудь* — *нидокуда*.

Рядом с местоимением *докуда* в языке функционирует устарелое и высокое местоимение *доколе_{loc и temp}*. Местоимения *докуда_{loc}* (*доколе_{loc}*) и *докуда_{temp}* (*доколе_{temp}*) требуют раздельного рассмотрения.

ДОКУДА_{loc}, ДОКОЛЕ_{loc}

1. В общем ряду означений направления движения: «откуда — куда — докуда» *докуда_{loc}* означает конечную точку, «пункт назначения». Местоимение *докуда_{loc}*, будучи исходным, как и другие, участвует в заполнении своих сегментов. В сегменте определенности это сочетание с *вот* (*вот докуда*); в сегменте неопределенности: *кто знает докуда, Бог знает (ведает) докуда, Бог весть докуда, неведомо (незнамо) докуда, не поймешь (не разберешь, не понять, не разобрать) докуда, черт знает докуда, черт-те докуда, хоть докуда, докуда хочешь, докуда ни на есть, докуда угодно, докуда бы то ни было, невесть докуда, мало докуда, редко докуда, докуда-нидокуда (Докуда-нидокуда, а дойдем), докуда..., а докуда... (Докуда доберешься, а докуда и нет)*; при смысле неопределенной отдаленности — в сочетании с частицей *вон*: *Поклажа тяжелая, а ехать-то вон докуда!* В сегменте неопределенности, отрицания: *хоть бы докуда (Хоть бы докуда добрался, т. е. 'нидокуда не добрался')*, в риторическом вопросе (*Докуда такой калека дойдет?! (т. е. 'нидокуда не доберется')*).

2. К смысловому пространству *докуда_{loc}* обращены предложно-падежные сочетания с *до* (*до кого-чего*), *по что* (*по пояс, по грудь*), наречия с приставкой *до* (*доверху, донизу*), наречия *потуда, посюда* (обл. *докудова, дотудова*), сочетания *до каких / сих / этих пор* (т. е. 'до этого места, предела'), глаголы движения с приставкой *до-*. Все такие средства могут обозначать как сосредоточенность, так и несосредоточенность предела; сосредоточенность, предельность: *досюда, посюда, вот досюда, до этого места, до сих пор / до этих пор / по сих пор, до самого леса, по самую*

шейку; несосредоточенность, неопределенность: *дотуда, потуда, до тех пор, до того места*. Все му составу соответствующих средств принадлежит тройственное разбиение: сосредоточенность — несосредоточенность — беспредельность, всеохватность (*нет конца, нет предела чему; Беспредельны пути планет*).

3. Общая смысловая категория «*докуда_{loc}* — направленность к пределу в пространстве» существует в расчленении на две подвершинные частные категории: 1) «направленность к собственно пределу или его достижение» (*до чего*) и 2) «направленность к приблизительному, условному пределу» (*по что*), сравн.: *вода до пояса и вода по пояс, он ростом тебе до груди и он ростом тебе по грудь, до шейки и по шейку* и под.

Поведение местоимения *докуда_{loc}* в тексте сходно с поведением местоимения *откуда_{loc}* (см. выше).

В просторечии и в говорах присутствует соотношение *покуда_{loc}* — *посюда* — *потуда* (— *Покуда в реке вода? — Вот посюда / — Вот потуда*).

4. Местоимение *доколе_{loc}* устарело, в современном языке оно имеет окраску высокого стиля. Строение его смыслового пространства совпадает со строением *докуда_{loc}*, однако наполнение как местоименных сегментов, так и частных смысловых категорий ограниченнее и строже; собственно направленность к пределу: *до чего* (— *Доколе путь держите? — До святых мест*); неопределенность: *доколе-либо, доколе-нибудь*; отрицание: *нидоколе*; сосредоточенность: *доселе, до сего места*; несосредоточенность: *дотоле, до того места*. Участие исхода в наполнении сегментов ограничено: *Бог ведает доколе, Бог весть доколе, неведомо доколе, невесть доколе*.

Принадлежавшее старому языку соотношение *поколе_{loc}* — *поселе* — *потоле* сейчас утрачено.

ДОКУДА_{temp}, ДОКОЛЕ_{temp}

1. Местоимение *докуда_{temp}* (и высок. и устар. *доколе_{temp}*) означает направленность к временному пределу. К *докуда_{temp}* обращены такие языковые средства, как сочетания с *до сих (этих) пор, до той (этой, сей) поры*, сочетания с *до чего (до утра, до ночи, до зари, до света, до третьих петухов; до старости, до могилы, до гробовой доски)*, сочетание с *по что (по сю пору, по сей день)*; наречия типа *дотемна, доныне, поныне*, обл. *досе*, глаголы с приставкой *до-* (*дожить, договорить...*); построения с *пока, до тех пор пока, до тех пор покуда*. При неопределенности — фразеологизмы: *до некоторых пор, до поры до времени, до второго пришествия*; при означении неопределенной отдаленности — в сочетании с частицей *вон*: *Велели ждать до самого Рождества, вон докуда!* При означении беспредельности во времени: *беспредельно, бесконечно, навеки, навсегда (Беспредельно познание; Нет конца течению жизни на Земле; Было горе, будет горе, Горю нет конца <Ахм.>)*.

Как и для *докуда_{loc}*, для *докуда_{temp}* характерно участие местоимения *самый* для означения сосредоточенности: оно или дублирует смысл сосредоточенности (*до этой самой минуты, до этих самых пор, по самую эту пору*), или само вносит этот смысл (*до той самой поры, до самого моего ухода, до того самого времени*).

Как и в других случаях в *докуда_{temp}* присутствует противопоставление сосредоточенности, предельности (*досюда, до сих пор, до этой самой минуты, доныне, поны-*

не, до этой поры, до самого утра и др.) и несосредоточенности, неопределенности (*дотуда, до той поры пока, покамест, до тех пор пока* и др.).

2. Местоимение *доколе*_{temp} так же, как и *доколе*_{loc}, устарело, в современном языке оно принадлежит высокой речи. Его строение совпадает со строением *докуда*_{temp}, однако наполнение смыслового пространства стилистически ограничено, — так же, как и участие исхода в заполнении сегментов (*Бог знает доколе, Бог ведает доколе, кто ведает доколе, неведомо доколе, невесть доколе*). Наполнение сегментов: о п р е д е л е н н о с т ь: *доселе* (сосредоточенность) и *дотоле* (несосредоточенность); н е о п р е д е л е н н о с т ь: *доколе-либо, доколе-нибудь*; о т р и ц а н и е: *ни-доколе*; в заполнении смыслового пространства участвуют: *по сей день, до сей поры, по сию пору, по сей час, до сего времени, до сего часа* и некоторые др.

Принадлежавшее старому языку соотношение *поколе*_{temp} — *поселе* — *потоле* современным языком утрачено.

3. Общая смысловая категория «*докуда*_{temp} (и *доколе*_{temp}) — направленность к пределу во времени» существует в первичном расчленении на две частные смысловые категории: 1) «собственно направленность к пределу или его достижение» (*до чего: до конца дней, по сию пору, по сей день*) и 2) «направленность к пределу, отодвинутому в неопределенное будущее и заведомо не обозначаемому»; это построения с *пока, пока еще, еще, покуда: Съел поллуда, сят покуда* (шутл. погов.); *Пока / пока еще он об этом не знает; Ему еще / пока еще не сказали*. Такое смысловое членение сходно с членением *докуда*_{loc}, где противопоставлены собственно направленность к пределу и направленность к пределу условному (см. п. 3).

Словарное представление *докуда*_{loc}, *доколе*_{loc}, *докуда*_{temp} и *доколе*_{temp} в специальном словаре местоимений может быть осуществлено на основе тех же положений, которые изложены выше применительно к другим местоименным микро-системам.

КАК

1. Местоимение *как* — весьма сложно по своему смысловому строению и обусловленному этим строением кругу функций: оно означает ситуативное состояние или собственно ситуацию, либо ситуацию, сопряженную с теми или иными обстоятельствами, а также сами такие обстоятельства и их совмещение. Соответственно к этому смыслу, в ряде случаев характеризующемся смысловой диффузией, могут быть обращены вопросы: «какова ситуация, что происходит?», «каков характер действия, способ осуществления чего-либо?», «каковы обстоятельства, сопутствующие действию, состоянию или ситуации в целом?», «каков признак, принадлежащий действию, состоянию или ситуации в целом?», «каков процесс, сопровождающий собою действие, состояние или ситуацию в целом?». В большинстве случаев такое смысловое слияние имеет место уже в самом исходе (*как*) и в местоимении *так*, открывающем собою сегмент определенности; неединственностью смысла и смысловым синкретизмом объясняется развитие в *как* союзной функции, а также обилие фразеологизмов, образовавшихся с его участием.

До наполнения смыслового пространства разноуровневыми языковыми средствами строение местоимения *как* имеет следующий вид: *как — так, этак (эдак) —*

как-то, как-нибудь, как-либо — никак. Это построение при смысловой дифференциации *как* оказывается зыбким: относительно стабильна только позиция *так*; остальные местоимения могут не сочетаться с теми или иными частными смыслами, порождаемыми исходом. То же относится и к смыслу всеохватности, выражаемому местоимениями *всячески, по-всякому*, конструкцией с *как ни...*, *как только ни...* (*Как ни кинь, все клин* (посл.); *как ни старался.., как ни убеждали..*, т. е. 'всячески старался', 'убеждали всеми возможными способами') (см. об этом п. 3).

Местоимение *этак* (*эдак*) сейчас устарело и отошло в область просторечия; в языке XIX в. его употребление нормально (см.: [Ч а ц к и й] *Вы ради? в добрый час. Однако искренно кто ж радуется эдак?* <Гриб.>; *Тут этак, там не так* <Крыл.>). Мест. **сяк* сохранилось только во фразеологических сочетаниях *и так и сяк, не так не сяк, то так то сяк*: *Вертит очками так и сяк* (Крыл.); сравн. относительно свободное в противопоставленности *так* употребление *сяк* у Даля: *Так ли, сяк ли, а делать надо; Я и так, я и эдак, а он — ни так, ни сяк!; И так дурак, и сяк дурак, и эдак не так, и всячески дурак.*

Как и другие местоименные исходы, *как* участвует в заполнении своих сегментов; однако показанные выше смысловые различия накладывают здесь свои явные ограничения; общая картина подобного участия может быть представлена лишь в отвлечении от таких ограничений. В сегменте о п р е д е л е н н о с т и: *вот как* (*Это сделано вот как: с умислом*), *как же, если не так*. В сегменте н е о п р е д е л е н н о с т и: собственно *как* (*Нельзя ли как помочь?*), *кто знает как, Бог знает* (*ведает*) *как, Бог весть как, черт знает как, черт-те как, хоть как* (*Помоги хоть как*), *как угодно, как хочешь, как придется, мало ли как, неведомо* (*невесть, не поймешь, незнамо*) *как, как бы то ни было, как никак, а..., как ни на есть*. В сегменте н е п р е д с т а в л е н н о с т и: *хоть бы как* (*Хоть бы как объяснил*, т. е. 'никак не объяснил'); в риторическом вопросе; сравни в обмене реплик — *Он все понимает. — Как там / еще / тебе / он понимает!*), т. е. 'не понимает'.

2. При наполнении смыслового пространства разноуровневыми языковыми средствами — наречиями, падежными и предложно-падежными формами, деепричастиями, модальными предикативами, целыми синтаксическими конструкциями, фразеологизмами — микросистема «*как — так — как-то — никак*» обрастает разными частными смыслами и предстает как весьма разветвленное смысловое пространство.

Наши толковые словари непоследовательно, а иногда и случайно отражают одну из основных функций местоимения *как* (и *так*) — означение с и т у а ц и и в ц е л о м либо ее модальной характеристики. Между тем, большое количество употреблений, фиксируемых как значение «образа действия», «обстоятельства» или «способа», на деле представляет собой означение собственно ситуации — без ее расчленения на те или иные ситуативные компоненты. Сравн.: *Как будет потом?* (общее осведомление о будущем); *Расскажи, как было / как будет / как оно есть на самом деле; — Ты был у них? Ну как там?; Как будет дальше, непонятно; — Ну что там, как? — Да ничего особенного, все в порядке; [Х л е с т а к о в] С Пушкиным на дружеской ноге. Бывало часто говорю ему: «Ну что, брат Пушкин?» — «Да так, брат, — отвечает, бывало, — так как-то все...»* (Гоголь). Сюда относятся все слу-

чай идентификации ситуаций, определение одной ситуации через другую, традиционно рассматриваемые как сравнение: *Наташа стала, как была, Опять румяна, весела* (Пушк.); *Все как прежде / как всегда / как обычно; Хотели как лучше, а получилось как всегда* (афоризм о неумных и неумелых руководителей); в конструкциях с *как...* так и: *Как аукнется, так и откликнется; Как предполагали, так и случилось; Как жила, так и помер* (Даль); *И от лености или со скуки Все поверили, так и живут: Ждут свиданий, боятся разлуки И любовные песни поют* (Ахм.).

К явлению идентификации ситуаций относится употребление *как* при так наз. вводности (*как говорится, как водится, как принято, как бывает, как заведено*), при обобщении сказанного о ситуации: *Если / раз так, то я согласен; Пусть так, но...* (с дальнейшим развитием в *так* собственно утвердительности). Сравн. заключающее *если так, то...* у Н. Заболоцкого в «Некрасивой девочке»: *А если это так, то что есть красота И почему ее обожествляют люди?*

Характерно смысловое соотнесение посредством *как... так* и таких ситуаций, которые сразу, стремительно сменяют одна другую: *Увидела его, как сидела, так и замерла; Как стоял, так и грохнулся; Пожар: как были, так и выскочили.*

При означении ситуации местоимение *как* вторгается в смысловую сферу местоимения *каково*. Здесь обнаруживается параллелизм в наборе означаемых ситуаций: 1) ситуация бытийная локализуемая: *Как в городе? Как кругом? Как там на площади?*; 2) ситуация природной обстановки, состояния окружающей среды: *Как в лесу? — Ни звука, ни шороха; Как с погодой? — Дожди;* 3) ситуация физического состояния субъекта: *Как больной?; Как здоровье?; — Как тебе? — Больно;* 4) ситуация интеллектуального или эмоционального состояния субъекта: *Тебе все равно, а ему как?; Подумай только, как ему будет узнать о такой беде; А ему как, разве не обидно?;* 5) ситуация установившаяся, принятая: *У вас тут как, курить можно?; У вас постоянно бранятся, а у нас не так;* 6) ситуация житейская, жизненная: *Как живется? — Да все так же; Как дела?; Как дома, в семье, на работе?; Как с едой, с деньгами?;* 7) ситуация социальная: *Как в обществе?; Как настроение у людей?; Властям хорошо, а народу-то как?*

Вот некоторые примеры употребления мест. *как, так* для означения целостной ситуации — известной или подразумеваемой: [Ф а м у с о в] *Изволили смеяться; как же он? Привстал, оправился, хотел отдать поклон, Упал вдругорядь — уж нарочно* (Гриб.); [У с т и н ь я Н а у м о в н а] *Да и девку-то раздражила, на дно два раза присылает: что жених да как жених?* (Остр.); *Если допустить даже, что мужчина предпочел бы известную женщину на всю жизнь, то женщина-то, по всем вероятностям, предпочтет другого, и так всегда было и есть на свете* (Л. Толст.); *Нет, хоть он и отец, а не люблю я его. Не знаю, все ли так, но я не люблю* (Л. Толст.); [К н я з ь А б р е з к о в] *А особенно трудно матери, приучившей себя к мысли о своем счастье для сына. Все женщины так* (Л. Толст.).

Особая смысловая функция *как*, реализуемая наречиями и наречными сочетаниями — придание высказыванию того или иного модального значения: возможности, необходимости, уместности, целесообразности, своевременности, желаемости, вынужденности, соответствия должному, случайности; смысл «как» присутствует в словах сочетаниях *зря, напрасно, охотно, впору, невольно, недаром, не по*

летам, не по положению и мн. др.: *согласен безусловно, сделаю обязательно, съездил зря, напрасно, попусту; отдам при первой возможности, как смогу, умен не по годам; Не по чину берешь (Гоголь); Сделал поневоле, неохотно, по принуждению, не случайно, недаром.*

3. Собственно местоименной «вертикали» «как — так, эдак — как-то, как-либо, как-нибудь — никак» принадлежит смысл способа: 'таким способом', 'таким образом': *Как это сделать? — А так / вот как / вот так / вот эдак — Как-нибудь так — А никак не сделать; — Как он поступил? — А так / а вот как: встал и ушел — Как-то странно — Никак ни поступил; — Как открыть дверь? — Вот как / Вот так — Как-нибудь откроем — Ее никак не открыть: как ни старались, пробовали и так и эдак.* См. у Даля: *Туда так, а оттуда-то как? — сказала лиса, нюхая под углом курятника; там же: Вот так, вот сям, вот и эдак, вот и так!* (песня, когда сеют мак); сравн.: [Ц а р ь] *Предупредить желал бы казни я, Но чем и как? (Пушк.); Как сердцу высказать себя? Другому как понять тебя? (Тютч.).*

Собственно смыслу способа принадлежит соотношение со смыслом всеобщности, «всеохватности»: *Как только ни пробовал!* (т. е. 'всячески', 'по-всякому', 'всеми возможными способами').

Смысл способа обнаруживается также при вторжении *как* в сферу *кто* и *что* (см. п. 5).

4. Собственным смыслом *как* (*как — так*) является смысл неопределенной величины, меры, степени. Этот смысл у *как* с полной определенностью отмечен еще Далем: «*Как (сколь): Как далеко отсюда до Москвы?*». Здесь *как* всегда координируется с *так* (но не с *как-то* или с *никак*): *Не так страшен черт, как его малюют* (посл.); *Как велики потери? — Не так уж велики / так велики, что не счесть; — Как долго ждать? — Не так уж долго; — Как долог путь? — Так долог, что и недели не хватит; — Как высока цена? — Да не так высока, чтобы нельзя было купить / — Так высока, что не подступишься.* С наращением собственно усилительности: *Как здесь красиво! — Здесь так красиво!; Как я устал! — Я так устал!*; в устарелых и просторечных сочетаниях: *Куда как мил! Куда как весело! Страх как устал! Чудо как хороши! — Так хороши, что чудо; Жуть как далеко — Так далеко, что жуть.* Сравн. только куда: *Куда я беден, Боже мой!* (Крыл.). С лексическим повтором (разг.): *Нужно, еще как нужно / ох как нужно!; Обижен, еще как / как еще / ох как / ах как обижен!*

Смысл неопределенно высокой степени уже сам по себе исключает для местоимения *как* заполнение сегментов неопределенности (*как-то*) и непредставленности (*никак*).

5. Местоимение *как* способно означать так наз. образ действия: обстоятельство, при котором что-либо происходит, осуществляется, сопутствующую обстановку, ситуативную характеристику действия или состояния, устанавливаемую через сходство, подобие, близость к чему-нибудь или через качественную идентификацию с чем-нибудь. При этом *как* вторгается в смысловые сферы местоимений *кто*, *что*, *чей* и контаминируется с ними (см. примеры ниже). Характерно, что во всех таких случаях «вертикаль» «*как — так — как-то, как-нибудь, как-либо — никак*» оказывается ослабленной: отдельные ее позиции (и даже несколько позиций одновременно) остаются незанятыми.

Рассмотрим реальные обнаружения смысла «образ действия» (не забывая при этом об условности этого термина).

1) «Как: каким образом, при каких определяющих или сопутствующих обстоятельствах»: *Расскажи, как это случилось?; Как он был ранен: в бою?;* этот смысл заключен в отдельных словоформах и сочетаниях, напр.: *Дерево не спилили, оно упало само; Все решилось само собой; Явился без спутников; Работает с помощниками.*

2) «Как: сходно с кем-чем-нибудь, подобно кому-чему-нибудь, таким образом как кто-что-нибудь, так, как в какое-нибудь время»: *Всяк сплешет, да не как скоморох (посл. Даль); Сделал иначе, не как ты, по-другому, по-своему, похоже, близко к оригиналу; Как / по-каковски он говорит? — По-русски, по-английски; Поступил по-дружески, по-соседски; Делает по-моему, по-своему, по-папиному, по-маминому; Оделся по-зимнему, по-летнему;* в словоформах и сочетаниях: *Волком выть, Столбом стоять; Нарисовал похоже, близко к оригиналу.* Сюда относятся все случаи определения «образа действия» посредством компаратива, который сам уже заключает в себе значение сравнения с иным, сходным, сопоставляемым: *Подойди ближе; Отойди дальше на шаг; Нарисовал лучше, чем ты; Добежал быстрее.*

3) «Как — в каком качестве, замещая или представляя собою кого-что-нибудь, являясь кем-чем-нибудь, в виде кого-чего-нибудь»: *Работаю как секретарь / в качестве секретаря; Явился как утешитель / в качестве утешителя / в роли утешителя;* в словоформах и сочетаниях: *И всю ночь ходил дозором У соседки под забором (Ершов); Не в идишкою луна Освещает снег летучий (Пушк.); Покину хижину мою, Уйду бродягою и воров (Есенин).*

4) «Как — используя какое-нибудь средство, посредством чего-нибудь, при помощи чего-нибудь»: — *Как это сделано? — Сделано руками, вырезано ножом; Как добивались? — Ехали на лошадях / лошадьми, добивались на плотах, поездом / на поезде; Носит ребенка на руках; Держит добычу в зубах.*

Для всех случаев, названных в пп. 1—4, нормальна постановка вопроса «как?»; этот общий смысл присутствует здесь в своих частных проявлениях. Сегменты неопределенности и непредставленности во всех этих случаях оказываются незаполненными.

6. Как уже сказано в п. 3, смысл *как* постоянно взаимодействует с другими смыслами; в языке высоко регулярны соотношения типа *хороший — хорошо, плохой — плохо, умный — умно, понятный — понятно, ласковый — ласково* и т. д.; краткие толковые словари обычно не выделяют так образующиеся наречия в особые словесные значения и описывают их вместе с прилагательным, что, конечно, является очевидным огрублением. На основе показанного соотношения складывается весьма характерный смысл «как — собственно признак: качество или свойство — качество характеризируемые действия, состояния или ситуации в целом»; это может быть признак приписываемый, обнаруживаемый или выявляющийся как постоянное или неотъемлемое свойство, сущность. Далее вступает в действие семантика соответствующих наречий, расчленяющая частные смыслы на дальнейшие (не первые) подвершинные ветви общего смыслового строения исхода, всего его смыслового пространства.

В выражении смысла выявляемого (выявляющегося, обнаруживающегося, воспринимаемого) признака, качества, свойства участвуют как наречия, так и падежные и предложно-падежные формы, фразеологизмы, а также конструкции с *как*: *Сделал плохо, кое-как — без старания; Повел себя предательски / как предатель; Повеселились вволю / на славу; Как-то уладилось, с грехом пополам; Сделал умело, мастеровски / как настоящий мастер; Съездил бесполезно / напрасно / без пользы / зря; Несется быстро / стрелой / как стрела; Поступил необдуманно / очертя голову / как дурак; Пошел добровольно / без всякого принуждения / как сам захотел.*

«Вертикаль» *«как — так, вот как — как-то — никак»* в полном виде присутствует здесь не всегда: ограничено заполнение последнего сегмента. Сравн. при полном заполнении «вертикали»:

— *Как решилось дело? — Как и должно было решиться: положительно, без проволочек. — Как-то непонятно: как-нибудь должно решиться. — Да никак не решилось.*

— *Как он работает? — Как и полагается: хорошо, усердно. — Да как-то будто бы работает. — Никак он не работает.*

— *Как на него повлиять? — Только так, как ты умеешь: уговорами, ласково, постепенно. — Как-нибудь сумеешь повлиять. — На него никак не повлияешь.*

7. Контаминируясь со смыслом *каков*, *как* может означать сущностный признак кого-чего-нибудь, его неотъемлемый статус; здесь обнаруживается два вида смысловых соотношений.

1) Местоимение *как* означает сущность данного, стабильного, установленного, не поддающегося случайным изменениям, лишённого случайностей; соотношение «*как — как-то — никак»* здесь отсутствует: *Как ваше имя, фамилия, отчество? Работник он хороший, а характер у него как? Как там климат / с климатом?*

2) *Как* означает сущность нестабильного, изменчивого, полного нюансов и разнообразных возможностей; здесь присутствует соотношение «*как — так — как-то — никак»*: *Как дела? — Так, помаленьку. — Да так как-то. — Да никак; — Как жизнь? — Как успехи? Как с учебой? Как настроение? — Да так как-то. — Да никак; Как здоровье? — А вот как: ложусь в больницу. — Да так как-то: то одно болит, то другое. — Да никак: некогда о нем думать.* В первом случае означает сущность статуса, во втором — сущность изменчивого состояния.

8. Смысл *как* может вступать в сферу смысла *сколько*; это происходит в определенных условиях контекста.

1) В вопросе о цене, плате: *Вещь хорошая, а как цена? За квартиру сто рублей, а как за услуги? Сейчас стоит тысячу, а как по новой цене, не знаю; На ценнике — двадцать долларов, а как в рублях / на рубли?; Отдал рукопись и даже не спросил, как заплатят; Им заплатили по сотне, а тебе как?*

2) В наречиях *вдвоем*, *втроем*, *впятером* и под. и в однозначных сочетаниях: *Явились вдвоем, втроем, вдесятером...; Отправились добровольцами в количестве / в числе ста человек.*

3) В сочетаниях количественных слов с *все*, *вместе*: ... *Вести с поклажей воз взялись, И вместе трое все в него впряглись* (Крыл.); *Помощники пришли все трое вместе / все вместе втроем.*

В случаях 2 и 3 сочетаются смыслы *сколько* и *как* ('каким образом').

9. Смысл *как* ('каким образом') способен сочетаться со смыслами *где*, *куда*, *откуда*:

1) *как* и *где*: *Добирались болотами, охотничьими тропами; Ехали санным путем; Идем вдоль по берегу, Шагает прямо по траве.*

2) *как* и *куда* или *откуда*: *Полез вверх по откосу; Скатился вниз с лестницы; Дверь заперта, лезь в окно / через окно.*

В таких случаях нормально соотношение «*как — так*»: *Как шли, болотами? — Приходилось и так; Добирались как, санным путем? — И так, и на вертолете.*

10. Местоимение *как* может заключать в себе смысл *цели* (*зачем*) — обычно в контаминациях.

1) Смысл *зачем* осложняется в *как* оттенком отрицания ('незачем'): *Он занят, как я буду его беспокоить? Он только что заснул, как его будить? Там холодно и голодно, как я повезу туда детей?*

2) Смысл *зачем* контаминируется в *как* со смыслом образа действия или способа: *Как все это было задумано? — Чтобы всех удивить; — Как он это сделал? — Нарочно / без злого умысла / назло / нечаянно / в насмешку / в отместку / в угоду начальству / в назидание другим.* В этом случае присутствует соотношение «*как — так*»: *— Как это было задумано? — А так: нарочно / а вот как: чтобы всех насмешить.*

11. Местоимение *как* способно заключать в себе смысл *причины* (*почему*). Это может быть собственно причина либо причина в сочетании с обстоятельством или каким-нибудь состоянием.

1) Собственно причина: *Как не помочь другу в беде?; Как он, человек порядочный, решился на обман?; Как это, что мы ни начнем, Суды ли, общества ль учены заведем, Едва успеем оглянуться, Как первые невежи тут вотрутся* (Крыл.). При этом присутствует соотношение «*как — как-то, как-то так*»: *Чиж робкий на заре чирикал про себя, Не для того, чтобы похвал ему хотелось, И не за что: так как-то пелось!* (Крыл.), т. е. 'просто так', 'без всякого повода'.

2) Причина в сочетании с каким-нибудь обстоятельством: *Как это могло случиться?; Как это случилось?; Как может быть, что он об этом не знает?* (т. е. 'почему' и 'каковы обстоятельства') (соотношение: «*как — так, вот как*»).

3) Причина в сочетании с собственным состоянием ('почему' и 'в качестве кого-чего-нибудь, будучи кем-чем'): *Кольцо, как вещь ценная / будучи вещью ценной / в качестве вещи ценной хранилось под замком; Ермолай, как человек не слишком образованный.., начал было его «тыкать»* (Тург.).

12. *Как* заключает в себе смысл *сопутствующего процесса* или *процессуального состояния*. Этот смысл заключен прежде всего в *деепричастии*, сочетающем в себе значения собственно процесса и обстоятельства, сопутствующего процессу или процессуальному состоянию: *Стесняясь, сердце поет* (Пушк.); [Л и з а] *Что, сударь, плачете? живите-ка смеясь* (Гриб.). Следующий шаг здесь — «наречивание» деепричастий в случаях типа *Слушал молча, Живет играючи, Читает лежа, стоя, сидя*. То же в наречных сочетаниях: *повернулся ко мне на бегу, остановился на всем скаку, на ходу, ударил со всего размаху*. Здесь присутствует соотношение «*как — так*».

Итак, общая смысловая категория местоименного исхода *как* «квалификация ситуации в целом, установление ее сущности, или квалификация какого-то ее компонента, внешнего, сопутствующего или внутреннего, собственно характеризующего» разделяется на ряд частных смыслов: квалификация собственно ситуации, события, поступка; квалификация по модальности; квалификация по способу; квалификация по неопределенной величине, степени; образу действия — обстоятельству, сопутствующему ситуации, случаю, поступку; квалификация по сходству, подобию, состоянию заместительности; квалификация по неотчленяемому, сущностному признаку; по количественным отношениям, счету; по пространству; по цели; по причине; сопутствующему процессуальному признаку — действию или состоянию. В зависимости от языкового наполнения и от комбинирования равноуровневых средств внутри каждого из этих частных смыслов могут быть выделены следующие ниже (вторые и третьи) подвершинные частные смысловые категории.

Смысловое пространство *как* в отличие от местоимения *каково*, практически открыто для самых разных языковых средств: оно заполняется наречиями, падежными и предложно-падежными словоформами, деепричастиями и очень часто — целым высказыванием или ответной репликой диалога. Это объясняется той смысловой полифункциональностью (смысловой емкостью) исхода *как*, которая была показана выше.

Местоимения *как* и *так* породили большое количество фразеологизмов, с разной степенью полноты отмечаемых в толковых словарях; определить один какой-то смысл местоимения в составе фразеологизма невозможно; сравн.: *Как можно!* (удивление и осуждение или несогласие); *Как бы не так!* (возражение, отрицание возможности); *Как знать!* (сомнение, неуверенность); *Как быть?* (растерянность, поиск решения); *Как так?* (удивление и переспрос); *и так и сяк; как (это) так?; Вот так так!* и др.

Смысловая диффузия *как* со всей очевидностью обнаруживается в его союзной функции: здесь присутствует движение от явного сохранения того или иного местоименного смысла до полной его утраты и образования собственно союза.

ЗАЧЕМ

1. Местоимение *зачем* означает цель, предназначенность как одну из двух основных и первичных связей между действиями, поступками, ситуациями. До заполнения смыслового пространства равноуровневыми языковыми средствами строение микросистемы «зачем» имеет следующий вид: *зачем — затем — зачем-то, зачем-нибудь, зачем-либо, кое-зачем — низачем, незачем.*

Как и во всех других случаях, исходное местоимение в составе фразеологизма или в сочетании с частью участвует в заполнении своих сегментов. В сегменте о п р е д е л е н н о с т и: *вот зачем, зачем же, если / как не за этим.* В сегменте н е о п р е д е л е н н о с т и: *собственно зачем (Придет зачем, спроси, что ему нужно), кто знает зачем, Бог знает (ведает) зачем, Бог весть зачем, неизвестно (неведомо, невесть, незнамо) зачем, не поймешь (не понять, не разобрать) зачем, черт знает за-чем, черт-те зачем, хоть зачем, зачем угодно, зачем хочешь, зачем бы то ни было, зачем*

придется, зачем получится, зачем ни попадя, зачем ни на есть, мало ли зачем, зачем-низачем, а... (Зачем-низачем, а забежит на минутку). В сегменте не представлено е н н о с т и, отрицания: *хоть бы зачем (Хоть бы зачем заглянул!)*; в риторическом вопросе (*Зачем мне тебе это объяснять?! т. е. 'незачем, не нужно'*); *зачем еще / там / тебе (Зачем там / еще / тебе ему об этом знать, т. е. 'незачем')*. При обозначении в с е о х в а т н о с т и: *зачем ни возьми, зачем ни... (Зачем ни приходи, никогда не откажет), зачем только ни... (Зачем только ни приходят!)*.

2. К смысловому пространству «зачем — цель» обращены равноуровневые языковые средства: лексика, фразеология, морфемика (приставка *на-*: *назло, насмех, напоказ*), сочетания с предлогами *в, в знак, для, ради (в отместку, в наказание, в назидание, для смеха, для удовольствия, ради шутки, в знак уважения, любви)*; конструкции с союзами *чтобы, затем чтобы, для того чтобы, затем чтобы, ради того чтобы*, построения с инфинитивом.

В выражении общего смысла участвуют разные устойчивые сочетания, наречия, синтаксические конструкции: *пошто* (обл. и прост.), *на кой* (прост.), *что* ('зачем': *Что тут хитрить?*), *на что* (*На что мне знать о твоих делах?*), *к чему* (*К чему лгать?*), *для чего, ради чего, не затем ли* (*Не затем ли ты пришел, чтобы меня уговаривать?*), *на что / на то и... чтобы* (*На то и щука в море, чтобы карась не дремал*, посл.) и мн. др. В сегменте непредставленности: *так, просто так, без всякой цели* (— *Зачем пришел? — Да низачем / так / просто так / без всякой цели*).

3. Языковые средства, служащие для обозначения цели, не обнаруживают своего последовательного распределения с точки зрения противопоставления сосредоточенности, данности и несосредоточенности, неединичности, неточечности; как тот, так и другой смысл могут равно заключаться в *затем, чтобы, для чего, ради чего, к чему, на что, на то и...*; однако преимущественно сосредоточенность выражается в построениях с инфинитивом (*пришел поговорить / чтобы / для того чтобы / затем чтобы поговорить*), в образованиях с предлогом *в* (*сделал в отместку, в насмешку*). Функцию выражения сосредоточенности, данности берут на себя сочетания с *вот, самый, именно, это, то*: *за тем самым, за этим самым, именно за этим, для этого самого, для того самого, вот зачем, вот за этим, для этого самого* и под.; сравн. с собственно *зачем*: *Я, конечно, обещал. Но всему же есть граница. И зачем тебе девица?* (Пушк.); *Зачем тебе ее? Она меня любит, она отвыкла от прежнего своего состояния...* (Пушк.); *Зачем весь мир, вся прелесть его, если он греховен и надо отвлечься от него?* (Л. Толст.).

Напротив, смысл неданности, несосредоточенности скорее выражается сочетаниями с *что* ('зачем'): *ради чего, на что, к чему*: *Друзья! К чему весь этот шум?* (Крыл.); [*Ф а м у с о в*] *Ты, посетитель, что? Ты здесь, сударь, к чему?* (Гриб.); [*Г р а ф и н я - в н у ч к а*] *Мсье Чацкий! вы в Москве! Как были, все такие?* [*Ч а ц к и й*] *На что меняться мне?* (Гриб.); — *На что мне тебя? — отвечает молодая чинара, — Ты пылен и желт, — и сынам моим свежим не пара* (Лерм.).

4. Общая смысловая категория «зачем — цель» членится на частные смысловые категории, между которыми с достаточной степенью определенности распределены связующие языковые средства, а также местоимения, относящиеся к сегментам неопределенности и непредставленности. 1) «Цель — достижение, осу-

шествление какого-нибудь действия, состояния, ситуации»; соответствующие средства: *чтобы, для того чтобы, с той целью чтобы, с тем чтобы, в целях того, чтобы, для чего-нибудь, ради чего-нибудь, во имя чего-нибудь, инфинитив: приехал учиться / чтобы учиться / для того чтобы / с той целью чтобы / имея целью / ради того чтобы учиться, уйти чтобы остаться* (афоризм); с негативной оценкой — *к чему* (*К чему все эти объяснения?*); неопред. *зачем-то, зачем-нибудь, отриц. низачем и нэзачем, ни к чему* (*зачем-то приходил; Ведь приходил же он зачем-нибудь? — Приходил в общем-то низачем / Нэзачем ему было приходиться; Ради чего он старается? — Уж ради чего-нибудь, да старается; К чему эти разговоры? — Совершенно ни к чему*). 2) «Цель — конкретный единичный поступок»; соответствующие средства: *чтобы, для того чтобы, инфинитив* (*Постучал, чтобы войти; зашел взять книгу / чтобы взять / для того чтобы взять книгу / за книгой*); неопред. *зачем-то*. 3) «Цель — использование»; соответствующие средства: *чтобы, для, для того чтобы, инфинитив* (*журнал, чтобы почитать в вагоне / почитать в вагоне; цветы, чтобы подарить имениннику / подарить имениннику / цветы в подарок имениннику; лента, чтобы завязать косу / завязать косу*). 4) «Псевдоцель» (антицель); соответствующие средства: *чтобы* (*Прошел всю войну и вернулся невредимым, чтобы дома погибнуть от нелепой случайности; Помогал каждому, отдал все, чтобы потом быть обвиненным в расточительности*).

5. В дотекстовых сочетаниях (в словосочетаниях) смысл *зачем* контаминруется с *кто* или *что* (*сделал ради тебя, сказал для шутки, для потехи*), с *как* (*сделал назло, напоказ, в насмешку, в знак уважения*), с *какой* (*краска покрасить раму, т. е. 'какая' и 'чтобы покрасить'*).

Исходное местоимение *зачем* функционирует в вопросе (*Спроси, зачем он пришел; Идти так далеко... Зачем это?!*). Наряду с этим *зачем* функционирует в сложном предложении как связующее средство, вводящее индивидуализацию («ситуатизацию») смысла: *Пришел затем, зачем позвали; Сделал это затем, зачем было нужно*.

Словарная статья местоименной микросистемы *зачем*, как и в других случаях, может быть построена так, что в ней будет представлено четырехчастное строеие местоимения: исход и его сегменты и местоименные фразеологические единицы, означающие всеохватность цели (*зачем хочешь, для чего угодно, зачем ни возьми*). Словарное описание всех соответствующих единиц охватит их грамматику, сочетаемость и характерные для них смыслы.

ПОЧЕМУ, ОТЧЕГО

1. Местоимения *почему* и *отчего* означают одно из основных отношений, существующих между поступками, явлениями, событиями, признаками, — отношение обусловленности одного другим: причину, основание, повод, следствие. Так же, как и другие исходные местоимения, мест. *почему* и *отчего* членятся по ступеням определенности, неопределенности и непредставленности (отсутствия, несуществования). Мест. *отчего* по своему смыслу и функциям не отличается от *почему*, однако в сегменте определенности они с очевидностью расходятся: у *почему* наличествует противопоставление сосредоточенности и несосредоточенности, у *отчего* это противопоставление отсутствует (оно возмещается соотношении-

ем от этого — *оттого*). Кроме того (и это первостепенно важно), смысл *отчего* не входит в полный круг частных смысловых категорий, принадлежащих местоимению *почему* (см. п. 4). До заполнения смыслового пространства разноуровневыми языковыми средствами и до участия исхода в заполнении сегментов строение местоимений *почему* и *отчего*, как и у других, имеет следующий вид:

почему — *поэтому, потому, посему* — *почему-то, почему-нибудь, почему-либо* — *ничему*

отчего — *оттого* — *отчего-то, отчего-нибудь, отчего-либо* — *ниотчего, неотчего*.

2. Местоименный исход *почему* (*отчего*) в сочетании с частицей или в составе фразеологизма, как и другие местоимения, участвует в заполнении своих сегментов. В заполнении сегмента *определенности* исход участвует, во-первых, в сочетании с частицей *вот* — при обязательном условии дальнейшего или предшествующего раскрытия указуемого, того, о чем говорится; определенность при этом сопровождается акцентированием и сосредоточенностью на единичном (*Не приходил вот почему: болел; Болел, вот почему и не приходил*); во-вторых, в составе конструкции с *если не... то*: *Если не из ревности, то почему же?* (т. е. именно из ревности); *Почему же если не по недомыслию?* (т. е. именно, безусловно по недомыслию). В сегменте *неопределенности*: собственно *почему* в значении 'почему-нибудь' (*Задержись почему, обязательно позвони, кто (его) знает почему, бог знает (ведает) почему, бог весть почему, неведомо (невесть) почему, неизвестно (незнаю) почему, не знаю (не поймешь, не понять, не разберешь, не разобрать) почему, черт знает почему, черт-те почему, хоть почему* — *Почему он будет хитрить?* — *Да хоть почему*, т. е. 'по любой возможной причине'), *почему угодно, почему хочешь, мало ли почему, почему-ничему, а...* (*Почему он обиделся?* — *Почему-ничему, а целый день не разговаривает*). В сочетании с означением в *се о х в а т н о с т и*: *почему бы то ни было* (т. е. 'по любой возможной причине').

3. Местоимение *почему* (*отчего*), как и другие исходы, открывает свое смысловое пространство для разноуровневых языковых средств: лексических, грамматических, идиоматических, словообразовательных, интонационных, собственно связующих. При этом общий смысл предстает расчлененным на частные смыслы: 1) собственно причина (*по причине, на основании, из-за чего, благодаря чему, по поводу чего*); 2) причина-условие (*при условии, если, если бы, раз*) и 3) «противопричина» (*несмотря на что, вопреки чему, хотя и...*). Собственно причина — это реальное основание того, что совершается, совершилось или совершится; условие, т. е. стимулирующая причина — это возможное допускаемое основание, оказывающееся действительным при тех или иных ограничениях, в оговариваемых обстоятельствах; «противопричина» (так наз. уступка) заключает в себе следующий смысл: «существует (существовало, будет существовать) нечто, что дает основание, могло служить причиной для несовершения чего-то, однако это основание не принимается во внимание, отвергается» (*Несмотря на дождь, едем*, т. е. 'дождь является причиной, дает основание для того, чтобы не ехать, однако это основание отвергается').

К смысловому пространству собственно причины, повода, основания (*почему, отчего*) обращены сочетания с предлогами *по, из-за, за* (*по глупости,*

из-за неосторожности, за ненадобностью); союзные средства (*по причине чего, вследствие чего, вот и, ну и: проспал, вот / ну и опоздал*), лексика, морфемика и другие языковые средства, многократно описанные исследователями под разным углом зрения. К смысловому пространству с т и м у л и р у ю щ е й п р и ч и н ы обращена лексика, называющая условие, возможность (*при возможности, если будет, представится возможность...*), союзы *если, коль, коли... то, если... то, если бы, раз, раз... то*, в развернутом тексте — интонация (*Уйдешь — я обижусь*); конструкции типа: *Приди он, все было бы иначе*; фразеологизмы *ни за что* (т. е. 'ни при каком условии'), *ни за какие блага*, разговорные построения типа: *Убей не пойду* (т. е. 'ни при каких условиях, низачто'). К смысловому пространству «противопричины» обращены следующие средства: *несмотря на, невзирая на, вопреки чему, наперекор чему, несмотря на то что, невзирая на то что, вопреки тому что, хотя и... но*; сочетание *все равно: Уговаривали — все равно пошел*; конструкции типа: *Проси-не проси — не пойду, Лечись-не лечись, все равно болеешь*.

Так выстраиваются смысловые ряды (здесь, естественно, показываемые сугубо фрагментарно) типа: *почему, отчего, потому, оттого, от этого, по причине того что, по поводу, на основании, почему-то, кто знает почему, без всякой причины, при условии, если, коли, раз, если бы, случись бы..., ни при каком условии, вопреки чему, несмотря на, невзирая на, все равно*. В строе текста такие ряды оказываются весьма развернутыми: в них входит вся соответствующая лексика и фразеология, морфемика, падежные и предложно-падежные формы, синтаксические конструкции, атрибутивные формы глагола, интонация.

Полный анализ так формирующихся рядов разноуровневых языковых средств, обращенных к тому или иному смысловому пространству, делает актуальным вопрос о типологии самих рядов, вообще об их систематизации и изучении с точки зрения самого состава ряда, его границ, его открытости или закрытости, его взаимодействия с другими подобными участками языковой системы.

4. Итак, общая смысловая категория, порождаемая исходом *почему*, обозначается как «*почему — причина*». При заполнении ее смыслового пространства лексикой, фразеологией, грамматическими формами и конструкциями, морфемикой, в тексте — тем или иным интонационным рисунком — формируются частные подвершинные смысловые категории: 1) собственно причина, основание, повод (*по причине, по поводу*), 2) причинность-следственность (*вследствие чего, потому и...*), 3) причина как стимул, условие (*при условии, если... то*) и 4) «противостоящая причина» (*несмотря на, вопреки*).

В отличие от *почему*, местоимение *отчего* открывает свое смысловое пространство только для смысла собственно причины, повода (*Отчего ты расстроен? — Оттого, что кругом неприятности*) и для смысла причинности, следственности (*Опять неприятности, оттого и расстроен*); смыслы условия, стимула и противопричины в пространстве «*отчего — оттого*» отсутствуют.

5. В ряду местоименных исходов местоимение *почему* обращено к признаковым значениям (*какой, каков*), но прежде всего — к сообщению в целом или к предикату; таким тяготением объясняется образование с участием *потому и оттого* сложных союзных образований.

В элементарных дотекстовых соединениях (словосочетаниях) смысл *почему* контаминируется с *кто* (*Опоздали из-за тебя*), с *что* (*За что полюбил: за красоту*), в старой речи — с *зачем* ([Ф а м у с о в] *Сеней не запер для чего? И как не досмотрел? и как ты не дослышал?* <Гриб.>). В тексте характерна контаминация смысла *почему* с означением полноты, исчерпанности следствия при помощи формы *все*: *Все ты!* (т. е. 'все, что происходит — из-за тебя, вызвано тобою, причина в тебе'; [Ф а м у с о в] *Ты, быстроглазая, все от твоих проказ* <Гриб.>).

Исходное местоимение *почему* (*отчего*) в тексте функционирует как собственно вопрос; в составе сложного предложения — как «относительное слово» (*Узнай, почему это случилось*) либо как слово, вводящее индивидуализацию смысла (*Не пришел потому, почему не пришли и другие; Расстроен оттого же, отчего и ты*).

Словарная статья, посвященная местоимениям *почему*, *отчего* может быть построена на тех же основаниях, на которых строятся статьи, посвященные всем другим местоименным микросистемам; в специальных зонах здесь должны получить словарные характеристики местоимения *потому*, *поэтому*, *посему*, *оттого*, все соответствующие местоимения, означающие неопределенность и непредставленность, все относящиеся сюда местоименные фразеологизмы.

КАКОВО

1. Местоимение *каково* означает состояние субъекта (*каково кому*) или ситуацию в целом (*каково где*). В любом случае в *каково* заложено (ему присуще) отношение ко времени: *каково* — наст., *каково было* — прош., *каково будет* — буд., *каково было бы* — неопределенное, ирреальное время; в этом — существенное отличие *каково* от других местоименных исходов и сближение его с действительными глагольными фразеологизмами *иметь место*, *пребывать в состоянии*, *испытывать состояние*. Таким образом, *каково* оказывается связующим звеном между местоименным и глагольным дейксисом.

Как местоименный предикатив, как слово, *каково* имеет такое же строение как и другие местоимения. До заполнения смыслового пространства «*каково*» равноуровневыми языковыми средствами строение этого местоимения имеет следующий вид: *каково* — *таково* — *никаково*. Сегмент неопределенности здесь не заполнен в силу того смысла сущностности, который сближает местоимение *каково* с местоимением *каков* (в случаях типа *Каково-то ему придется -то* — усилительная, а не формообразующая частица). Местоимение *никаково* в употреблении практически не фиксируется; оно показано в словаре Даля как областное: «*никаково* (тверск.)».

Исходное местоимение в заполнении своих сегментов участвует весьма ограниченно. В сегменте определенности: *вот каково*; в сегменте неопределенности (при несуществовании в нем формообразующих частиц *-то*, *-нибудь*, *-либо*, *-кое*): *кто знает каково*, *бог весть каково* / *бог знает (ведает) каково*, *не поймешь (не понять, не разобрать) каково*, *каково еще (Каково еще придется в жизни!)*, *каково ни...* (*Каково ни придется, будем терпеть*), *мало ли каково (Мало ли каково в жизни бывает)*, *каково ни на есть (Каково ни на есть, а приходится терпеть)*.

2. Смысловое пространство *каково* имеет разнообразное наполнение. Здесь выделяются достаточно явные смысловые сферы, которые определяют собою формирование частных смысловых категорий (см. ниже п. 3).

1) *Каково где и когда*: а) внешняя физическая ситуация — состояние среды: *Каково на дворе?* (Даль); *Каково сегодня с утра?* — *Жарко*; б) внешняя бытийная ситуация, обстановка ('каково здесь, кругом?'): *Кругом темно, мрачно; Никого не видно; Голосов не слышно / не слышать; В лесу таинственно, глухо; У тебя светло и просто* (Ахм.); в) ситуация, сложившаяся в жизни, в обычае ('каково установлено, повелось, бывает, принято; именно таково'): *У нас так не положено, не разрешено; Но в дележе когда без спору?* (Крыл.).

2) *Каково кому*: а) ситуация физического состояния субъекта: *Каково сегодня больному?* — *Лучше; Тебе тесно, жарко, душно; Вашему пахарю моченьки нет* (Некр.); б) ситуация внутреннего (интеллектуально-эмоционального) состояния субъекта: *Ему стыдно, обидно, страшно; Ему все ни почем.*

3) *Каково кому где, в какой обстановке, в каком окружении*: а) ситуация создавшегося положения ('каково кому в каких-нибудь обстоятельствах'): *Каково же им в море!* (Даль); *Смеялся над чужой бедой, а теперь самому каково?; Вам ничего, а мне каково?* (Даль); *Каково ему придется!; Он остался совсем один, каково ему?;* б) ситуация жизненная, житейская: *Каково вам живется на новом месте? Каково живется-можется? — Теперь слава Богу!*

Как видно, смысл *каково* имеет достаточно стройную внутреннюю организацию. Всем названным смыслам в целом противостоит смысл *всеохватности*, распространения ситуативного или субъектного состояния на любое возможное — и потому всегда неопределенное — время; эта всеохватность выражается наречиями *всяко, по-всякому* (*всяко бывает; по-всякому приходилось*); сочетанием *каково ни..., а*: *Каково бы то ни было / каково ни будь на дворе, а ехать надо; Каково в жизни ни придись / каково бы ни привелось, надо терпеть; Каково ни будь / каково бы ни было на душе, виду не покажет.*

В означении большинства показанных выше ситуаций *каково* свободно чередуется с *как*, сравн.: *Каково / как на дворе?* — *Холодно; Каково / как в лесу?* — *Пусто, мрачно; Каково / как живется?; Каково / как остаться одному! Ему весело, а мне-то каково / как?!*

В старой и областной речи *каково* функционирует в значении 'каким образом, каким способом': «*А каково стрелял он? — спросил меня граф. — Да вот как, ваше сиятельство: бывало увидит он, села на стену муха... Бывало, увидит муху и кричит: Кузька, пистолет! Кузька и несет ему заряженный пистолет. Он хлоп, и давит муху в стену!*» (Пушк.); см. у Даля: *Каково испекла, таково и подала.*

К смыслу *каково* обращены предикативы: *жарко, тихо, плохо, грустно, стыдно, опасно* и под. (*На улице жарко, В лесу тихо, Больному плохо, Нам грустно, Так поступать стыдно, Там опасно* и под.). К смыслу *каково* обращены также номинативные предложения, в которых сообщается о внешнем ситуативном состоянии: *каково где* (*На улице холод, Кругом тишина, Всю осень дожди*), а также о внутреннем состоянии: *каково кому* (*В душе обида, Видеть его мне тяжело, На сердце легко*); соответственно с негацией: *Все лето нет дождей, Ни звука; В душе нет обиды, Мне нет*

покая. Таков же общий смысл предложений типа *Я один / одинок, Он всеми забыт, заброшен* ('каково мне, ему?').

3. Общая смысловая категория «каково — ситуация бессубъектная или субъектная» первично членится на две подвершинные частные смысловые категории: «ситуация бессубъектная (нелично-субъектная)» и «ситуация субъектная (лично-субъектная)»; дальнейшее (не первое подвершинное) смысловое членение показано в п. 2; там названы частные смысловые категории, принадлежащие смыслу «каково», этим смыслом порождаемые; эти вторые (не первые подвершинные) смысловые категории, в свою очередь, легко поддаются дальнейшему членению, опирающемуся на частные семантические группировки разноуровневых языковых средств.

Смысловая категория «каково — ситуация бессубъектная или субъектная» целиком обращена к сообщению, к тексту: она не реализуется в дотекстовых сочетаниях (в словосочетаниях), но только в высказывании, в предложении, в развернутых текстовых последовательностях — и поэтому в ней всегда присутствует субъект как 'лицо говорящее': это либо тот, кто непосредственно создает ситуацию, либо тот, кто к ней так или иначе относится, о ней сообщает, оценивает, в ней заинтересован.

4. Местоимению *каково* и другим местоимениям и местоименным фразеологизмам, образующим его микросистему, в специальном словаре местоимений должна быть посвящена отдельная статья; ее зоны — таковы же, как и в других статьях, открывающихся местоименным исходом. Однако здесь особое внимание должно быть уделено употреблению *каково* (и *таково, никаково*) в окололитературных и нелитературных языковых сферах, а также в текстах XVIII и XIX веков, когда это местоимение было стилистически нейтральным и активным и его современные соотношения с местоимением *как* еще только складывались; все такие употребления проливают дополнительный свет на функционирование *каково* в современном литературном языке и на тенденции складывания относящихся к нему смысловых соотношений. Убедительные материалы здесь дает словарь Даля, а также Большой академический словарь в 17-ти томах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Все изложенное выше показывает, что класс русских местоимений обладает строгой формальной организацией, членам которой присуще характерное распределение ролей: исходные местоимения означают глобальные понятия бытия — так, как они сложились у людей в их представлении об основаниях материального и духовного мира. Эти местоимения обладают глубоким смысловым потенциалом: средствами слов того же класса означаемые понятия сегментируются по признаку «определенность, данность, познанность — неопределенность, неполная познанность — неданность, непредставленность, отсутствие», каждое из первых двух членений имеет свою организацию, строящуюся на собственных внутренних расчленениях: «определенность: предельность, сосредоточенность, точеч-

ность — неопределенность, несосредоточенность, неточечность»; «неопределенность: единичность — неединичность». Роли слов, входящих в класс местоимений, внутри этой системы распределены на основании смыслов, стоящих на высокой ступени абстракции.

В системе местоимений заключены важнейшие идеи, принадлежащие языку в целом; сюда относятся идея живого и неживого, лица и нелица; фазовости в движении, в протекании бытия; противопоставленности предела и не предела; идея количества, меры, единичности и множественности; идеи определенности и неопределенности, наличия или отсутствия, знания или незнания. Вместе с дейктическими глаголами, заключающими в себе смыслы существования, наличия, действия или деятельности, субъектного или бессубъектного состояния, отношения, сложившегося статуса, события, класс местоимений образует основу смыслового строя языка.

Местоимения как класс слов демонстрируют все свойства и признаки естественной языковой системы: это целостная исторически сложившаяся самодостаточная и самоорганизующаяся языковая общность, совокупившая в себе ряд «микросистем», образующих подмножества под эгидой закрытого представительного ряда, наделенного ролью и функциями верховенствующего начала. Специфической чертой класса местоимений является то, что этим классом собственными средствами создан свой фразеологический арсенал, с высокой степенью точности и последовательности обслуживающий каждый из сегментов исходного местоимения, его микросистему в целом и тонко расцвечивающий ее смысловое членение.

Местоимениям, их классу принадлежит порожденная самим языком роль означения языковых смыслов и тем самым — роль создания смысловых пространств, охватывающих собою разноуровневые языковые единицы, сгруппировавшиеся на основе семантической общности и устремленности к одному определенному смысловому исходу.

В настоящей работе смысл понимается как языковая категория, означаемая местоименным исходом и поименованная языковым знаком, возглавляющим языковое пространство, которое порождается таким исходом. Таким образом, языковой смысл не приравнивается ни к лексическому значению слова, ни к характеру предиката, ни к семантической структуре предложения или к содержанию сообщения, ни к категориям логики или к языковым универсалиям; он ищется в самой системе языка и рассматривается как абстрактная языковая категория, материализующаяся в определенных языковых единицах и в общностях таких единиц. Языковой смысл, изначально означенный местоименным исходом, существует как категория, членимая, с одной стороны, на основании определенности, неопределенности или отрицания означаемого (это — сегментация «по вертикали») и, с другой стороны, на основании первичного, самого общего, членения того языкового множества, которое устремлено к такому исходу (это — расчленение «по горизонтали»). Языковой смысл обладает порождающей способностью: на его основе образуется смысловое пространство, объединяющее семан-

тически связанные друг с другом разноуровневые языковые единицы. Трехчастное строение местоименной микросистемы — ее сегментация «по вертикали» и осуществляемое тем самым трехступенчатое членение исходного языкового смысла в самом общем виде отражает ступени человеческого познания и открывает картину самой природы этого познания. Языковые смыслы не изолированы друг от друга: представленные в системе местоимений закрытым рядом слов (местоименными исходами) они характеризуются, во-первых, — уже в составе самого этого ряда — регулярной обращенностью или необращенностью один к другому, во-вторых, способностью к контаминации, простейшей в дотекстовых сочетаниях и сложной и многообразной внутри текста.

Языковыми смыслами порождаются — и, будучи порождены, к ним обращаются — смысловые пространства языка. Смысловое пространство — это реальная сфера, открываемая исходным местоимением для семантически близких разноуровневых языковых средств и заполняемая этими средствами по законам строения живого сужающегося множества: в вершине смыслового пространства стоит общая смысловая категория, далее членимая на частные — первые подвершинные и последующие смысловые категории; языковые средства, заполняющие смысловое пространство, распределяются по этим категориям и образуют участки, в разной степени открытые как для разностилевых единиц, так и для языковых новаций. Смысловые пространства как принадлежность языковой системы связаны друг с другом, во-первых, возможностью простейшей дотекстовой контаминации смыслов, во-вторых, взаимообращенностью смыслов, выражающейся в их регулярных дотекстовых и внутритекстовых притяжениях друг к другу.

Смысловые пространства, возглавляемые местоименными исходами и, далее их подвершинным членением, в их соположенности и в их связях образуют смысловой строй языка. Смысловой строй языка представляет собой совокупность его смысловых пространств и предстает как целостность, имеющая собственные формальные характеристики, к которым относятся: 1) исчисляемость входящих в эту систему смысловых пространств; 2) возглавленность этих пространств собственно языковыми дейктическими единицами и их строго формализованными микросистемами; 3) безусловная закрытость самого этого строя, предопределенная закрытостью исходного ряда слов, которые означают, с одной стороны, основополагающие глобальные понятия материального мира и, с другой стороны, знаковые знания человека, этот мир для себя открывающего.

На основе изложенной концепции может быть осуществлено такое целостное описание русского языка, которое условно назовем «Русской грамматикой смыслов»: эта книга объединит в себе описание языковых смыслов, их строения, а также описание разноуровневых языковых средств, которые к этим смыслам устремлены и связаны отношениями, исходящими от самих этих смыслов.

О ГЛАГОЛЕ БЫТЬ

Если глагол *являться* означает 'обнаруживать свое бытие', *казаться* — 'обнаруживать свое внешнее непостоянное бытие', *оставаться* — 'продолжать свое бытие', то *быть* уже означает 'собственно бытие' и только его. Это самый отвлеченный глагол и самое отвлеченное полное слово в языке вообще (несчитая местоимений, конечно). Ведь «бытие» — это самый общий признак вещей.

А. М. Пешковский

1. Прежде чем изложить свою точку зрения на природу глагола *быть* и его роль в представлении сообщения, определим кратко основные понятия, на которые мы будем опираться в последующем изложении: это понятие сообщения, понятие дейксиса как собственно указания и понятие языкового смысла как языковой категории.

Под сообщением будет пониматься минимальная предикативно значимая единица, содержательно заключающая в себе относительно законченный отрезок информации. В качестве сообщения как минимальной единицы рассматриваются высказывания (грамматически оформленные простые предложения или их функциональные аналоги), свободные от полупредикативных распространителей и представляющие собою в чистом (неосложненном) виде тип информативной единицы — тип сообщения как носителя определенного языкового смысла (см. ниже). Изучение и систематизация большого массива сообщений открывает перед нами их типологию как особую область высшей языковой абстракции.

Тот или иной тип сообщения определяется в опоре на дейктическую единицу — глагольную или неглагольную — как на слово, специально предназначенное для обозначения языкового смысла и, следовательно, самого характера и вида информации. Спецификой дейктического слова как слова указующего обусловлено особое качество его значимой стороны: здесь можно говорить не о значении как о содержательной стороне языкового знака — всегда сложной, — а об обозначении как о семантической функции такого знака. Этим термином мы и будем пользоваться в дальнейшем изложении (о различии значения и обозначения см. также ниже). В русском языке существует класс дейктических (указующих, не именующих, а только означающих) единиц, специально предназначенных для представления сообщения в целом, в отвлечении от его конкретного, единичного, данного содержания. Этот класс двучастен: он образуется соположенными и противопоставленными друг другу системами неглагольных и глагольных дейктических слов; к первой части класса относятся местоимения, ко второму — дейктические глаголы и дейктические глагольные фразеологизмы¹.

¹ О местоимениях как носителях языкового смысла см.: [Шведова 1998].

Класс дейктических глаголов и глагольных фразеологизмов (далее, для краткости, просто — глаголов) существует (подобно всем другим лексическим классам) как система, имеющая ядро и окружающую его периферию, одной своей частью тесно смыкающуюся с ядром, в другой — взаимодействующей с полноточными глаголами. Рассматривая эту систему в самых общих чертах, мы убеждаемся, что она средствами языка воспроизводит все основные формы существования человека и того, что его окружает, его «макро-» и «микромир», те условия и данности, без которых такое существование вообще невозможно. Каковы же эти формы и условия существования? Они могут быть легко перечислены: человек существует, живет, где-то находится и вокруг него существует и находится среда, без которой он существовать не может; он воспринимает окружающее и что-то о нем знает; он действует — физически и умственно, совершает поступки; вокруг него происходят события, разворачиваются ситуации, в которых он так или иначе участвует; он является носителем определенных состояний — собственных или стимулируемых извне: физических, эмоциональных, ментальных, модальных — или положений, возникающих случайно, окказиональных; он обязательно что-то имеет, чем-то владеет; он находится в определенных отношениях с другими людьми и с обществом, с ними взаимодействует. Для всех этих форм и условий существования глагольная дейктическая система имеет свои значения — самые общие, «ядерные», и их дифференцирующие, расчленяющие. Здесь представим только ядро, центр этой системы и (показанные в скобках) те ближайшие глагольные дейктические единицы, которые на первом шаге предназначены для уточнений и дифференциаций основного смысла, заключенного в глаголе, принадлежащем непосредственно центру системы.

1) *Быть* (существовать, бывать, водиться, вестись, случаться; находиться, иметься, иметь место, наличествовать; пребывать, побывать).

2) *Делаться* (происходить, сбываться, осуществляться, случаться, получаться).

3) *Делать* (поступать, действовать, вести себя, вести какой-н. образ жизни, заниматься чем-н.).

4) *Испытывать состояние* (пребывать в состоянии, находиться в состоянии, чувствовать, ощущать, испытывать).

5) *Воспринимать* (видеть, чувствовать, находить 'воспринимать', ощущать, замечать).

6) *Знать* (осознавать, быть осведомленным, иметь сведения).

7) *Владеть* (иметь, обладать, есть <что у кого>, располагать чем).

8) *Находиться в случайном положении* (попасть в какое-н. положение, очутиться, оказаться в каком-н. положении).

9) *Относиться к кому-чему-н.* (иметь отношение к кому-чему-н., воспринимать чье-н. отношение, находиться в каких-н. отношениях с кем-н., быть связанным с кем-чем-н., заслуживать чего-н., слыть кем-н., занимать какое-н. положение где-н., состоять где-н. в качестве кого-н.).

Предвидя неизбежные вопросы и замечания, сразу же подчеркнем два важных положения: во-первых, представленный перечень — в составе каждого из

пунктов — не является полным: его цель — показать общую структуру ядра класса дейктических глаголов и обозначить первые шаги к представлению его периферии; во-вторых, здесь сознательно оставляется в стороне вопрос о глаголах, которые можно назвать «сопутствующими», т. е. о глаголах, содержащих смысл того или другого дейктического глагола, но развивающих, в опоре на этот смысл, собственное номинативное значение (сравн., напр., *быть, жить, существовать* — и *прозябать, алачить существование или сделать* — и *учудить, вытворить; стоять* 'находиться, располагаться где-н.' — и *лепиться: по берегу стоят дома я по берегу лежатся деревушки* и мн. др. под.).

Каждая дейктическая единица является носителем языкового смысла: это ее значимая — содержательная, нематериальная сторона; самой природой дейктической единицы определяется то, что такое содержание принадлежит высокой ступени абстракции: по самому общему определению, языковой смысл — это то понятие, которое означается дейктической единицей и, в силу степени своей отвлеченности, может получать различное материальное выражение. В то же время сами языковые смыслы, их система есть закрытая область языка: они существуют, выявляются и исчисляются в опоре на класс дейктических слов (глагольных и неглагольных, местоименных) как на закрытый класс собственно языковых означений.

Смысл сообщения о том (любом), что протекает во времени, целиком опирается на смысл, принадлежащий той или иной единице глагольного дейксиса: в смысл сообщения переносится то понятие, которое принадлежит глагольной дейктической единице как значимая сторона этого двустороннего языкового знака. При одном и том же смысле материальная сторона сообщений (их форма, лексический состав) может различествовать: определяющим является общность возможного означения тем или иным дейктическим словом; сравн.: *Зима — Стоит зима; Остров на море лежит, Град на острове стоит* (Пушк.) и *Есть остров..., Есть град...* Вот яркий пример разного грамматического и лексического оформления одного и того же смысла 'делать', 'заниматься чем-н.': «— Вот тут отдохните. Не взывайте. А мне идти надо. — Куда? — *Уроки у меня тут*: совестно говорить — *музыке учу*» (Л. Толст., Отец Сергей). Другой пример: выражение смысла 'находиться' как самим этим глаголом, так и его равнофункциональными глаголами со знач. положения в пространстве, физического состояния, причастной формой глагола со знач. физического действия, а также безглагольным (номинативным) предложением: «В доме Гаврилы Афанасьевича из сеней направо *находилась* темная каморка с одним окошечком. В ней *стояла* простая кровать, покрытая байковым одеялом, а *перед кроватью еловый столик*, на котором *горела* сальная свеча и *лежали* открытые ноты. На стене *висел* старый синий мундир и его ровесница, треугольная шляпа; над нею тремя гвоздиками *прибита была* лубочная картинка, изображавшая Карла XII верхом» (Пушк., Арап Петра Великого).

Примеры подобных несовпадений «материи» разных сообщений при общности их языкового смысла читатель найдет ниже — при рассмотрении смысловых функций глагола *быть*.

2. Глаголу *быть*, его формам и его существованию в кругу ближайших синонимов посвящено большое количество исследований; он тщательно описан в больших толковых словарях — прежде всего, в словаре Даля и в Семнадцатитомном академическом словаре; надежный и ценный материал для изучения развития гл. *быть* в новое время дает «Словарь русского языка XVIII века» (вып. 2). В задачу настоящей статьи не может входить хотя бы самый общий обзор таких описаний. Не будет ошибкой сказать, что из поля зрения исследователей не выпало ничего, что касается этого глагола — его форм и «значений», его ближайшей валентности и широких дистрибутивных возможностей, его употреблений в разных типах контекстов, сопоставления его с соответствующими лексемами в других языках. В центре внимания в работах последних десятилетий оказываются вопросы, во-первых, о семантической структуре гл. *быть*, о системе его «значений», во-вторых, о его роли в образовании бытийных предложений и, в связи с этим, вопрос о его «нуле» в номинативных предложениях и в других типах предложений, в своей исходной форме (в форме синтаксического настоящего времени) безглагольных.

В разных работах ищется разное количество значений глагола *быть*; если суммировать результаты этих поисков и попытаться перечислить все такие «значения» и «подзначения», то их окажется более тридцати; в работе Ю. Д. Апресяна [1995: 503—537], посвященной «лексикографическому портрету» гл. *быть*, выделяется «шесть крупных групп значений» (связочные, локальные, посессивные, экзистенциальные, модально-экзистенциальные, вспомогательные) и, внутри каждого из них, еще по 2—3 или 4 значения; в системе таких значений вводится и «нулевая форма глагола» в предложениях типа *Задача трудная, Больная в обмороке, Мне незачем спорить* и мн. др. под. Описанию гл. *быть* (англ. *to be*) как многозначного противопоставляется его представление как «поливариантного», в разных своих употреблениях реализующего значение 'быть' в четырех вариантах: существование, нахождение, наличие и присутствие [Селиверстова 1977: 5—67]. О том, насколько убедительно приписывание глаголу *быть* множественности значений (в отдельных диссертационных исследованиях выводимых из самых широких контекстов), скажем ниже; здесь же остановимся на «нуле глагола» в разных типах безглагольных предложений. Такое решение вопроса весьма спорно. Приписывая предложению типа *Край в запустении* «нуль глагола» на основании анализа гл. *был* в предложении *Край был в запустении*, не следует отвлекаться от парадигматических отношений *Край был / будет / был бы / будь / будь бы... в запустении* (точно так же: *Мне незачем / незачем было / будет / было бы спорить; Шум / был / будет / был бы шум; Праздник / был / будет / был бы / пусть будет праздник* и под.): здесь везде формы гл. *быть* относят сообщаемое ко времени — реальному (прошедшему или будущему) или ирреальному (предполагаемому), — и на этом их функция кончается: это не связка, а формообразующий компонент, входящий в синтаксическую парадигму предложения, в которой исходная форма (синтаксического настоящего времени) не имеет глагола и в этом своем качестве самодостаточна (см.: [РГ-80, т. II: глава «Формы простого предложения»]).

Глагол *быть* так тщательно описан в больших словарях и столько раз привлекал к себе внимание исследователей, что вряд ли можно сейчас ввести в обиход

какие-либо касающиеся его новые материалы (хотя здесь и можно отметить некоторые частичные упущения). Однако можно посмотреть на этот «таинственный» глагол с точки зрения его особого, собственного и единственного положения в общей системе глаголов и глагольных фразеологизмов. На следующих страницах мы попытаемся рассмотреть гл. *быть* не как полнознаменательное (полнозначное) слово, а как **п о л и ф у н к ц и о н а л ь н ы й д е й к т и ч е с к и й** глагол, способный означать тот или иной тип сообщения и благодаря этой способности органически вписывающийся в круг других дейктических глагольных единиц и с ними тесно взаимодействующий.

3. Среди тех языковых смыслов, о которых было сказано выше, и, соответственно, среди означающих их глагольных дейктических единиц, гл. *быть* занимает особое место: в нем заключена способность в составе сообщения означать не только собственно существование, но также и другие смыслы, формирующие центр глагольного дейксиса: функция означения существования в разных его проявлениях совмещается в этом глаголе с функцией означения отдельно взятой ситуации или события, деятельности, пребывания в состоянии или в каком-н. случайном положении, отношения к кому-чему-н. или восприятия отношения извне; кроме того, в условиях строгих ограничений, гл. *быть* демонстрирует свои утраченные, «реликтовые» функции и тем самым приоткрывает перед нами свой прежний, еще более широкий смысловой потенциал.

На первом шаге, на ступени допустимого обобщения, смысловое строение гл. *быть* предстает в пяти принадлежащих ему способностях означения. Это — I: означение времени — реального (настоящее, прошедшее, будущее) или ирреального (сослагательность, условность, долженствовательность, желательность, побудительность) в синтаксической парадигме предложения (*Зима теплая — была // будет // была бы // будь / будь бы зима теплая...*; *Весело — было // будет // было бы // будь // будь бы < Будь / будь бы там весело, я бы туда пошел >* и т. п.); об этой, собственно грамматической функции гл. *быть* сказано выше; заметим только, что формы гл. *быть* здесь вряд ли правильно называть связками: это собственно синтаксический показатель времени, в большинстве случаев — прежде всего в условиях тематико-рематического членения предложения — позиционно свободный; II: означение существования, бытия, наличия; III: означение присутствия, пребывания где-н.; IV: означение ситуации в ее данном, спокойном состоянии или события, происшествия; V: означение нахождения кого-чего-н. в каком-н. состоянии или положении. Далее остановимся подробнее на каждой из этих функций, реализующих сложный смысловой потенциал слова *быть* как глагола, способного означать тип сообщения и в этом своем качестве взаимодействующего с другими дейктическими глагольными единицами, входящими с ним в отношения функциональной общности.

I. О з н а ч е н и е реального или ирреального в р е м е н и (см. выше); это — самая отвлеченная функция гл. *быть*, ступень наивысшего обобщения; к этой функции восходит формообразующее *быть* в глаголах несов. вида (*буду, будешь, будет жить*). В этой функции означения времени гл. *быть* может выступать и в своей исходной форме — тогда, когда сообщение относится к постоянному или дляще-

муся состоянию, сравн.: [Репетиллов] *Да умный человек не может быть не плутом* (Гриб.); [Фамусов] *Что за комиссия, Создатель, Быть взрослой дочери отцом!* (Гриб.); *Я была и не могу не быть в отчаянии* (Л. Толст.); *Мы продолжаем быть благополучны и здоровы* (Л. Толст.).

II. Означеніе существования: 1) собственно существования: (а) существовать всегда, вообще; (б) существовать, выделяясь из множества подобных; (в) существовать в процессе жизни, бытия; (г) существовать установившись и продолжаясь; 2) наличия, нахождения где-н.; 3) нахождения во владении или в тесном отношении к кому-н.: (а) находиться во владении, в собственности или в пользовании; (б) находиться в постоянном и тесном отношении к кому-чему-н., в связанности с кем-чем-н.

1) Собственно существовать — вообще, всегда или когда-то, как-то, где-то, у кого-то.

а) Существовать, всегда, вообще (*есть — было — будет — было бы — будь*): *Везде есть прекрасное* (Л. Толст.); — *Да, я знаю, — перекрикивал нас седой господин, — вы говорите про то, что считаете существующим, а я говорю про то, что есть* (Л. Толст.); — *Но есть же между людьми то чувство, которое называется любовью и которое дается не на месяцы и годы, а на всю жизнь?* — *Нет, нету* (Л. Толст.); *Было горе, будет горе, Горю нет конца* (Ахматова).

б) Существовать, выделяясь из множества подобных своей особенностью, бывать, случаться (*есть — был — будет — был бы — будь*): *А ведь признайся, есть Из кумушек моих таких кривляк пять-шесть* (Крыл.); [Ч а ц к и й] *Кто более вам мил?* [С о ф и я] *Есть многие, родные...* [Ч а ц к и й] *Все более меня?* [С о ф и я] *Иные* (Гриб.); *Есть в осени первоначальной Короткая, но дивная пора* (Тютч.).

в) Существовать — пребывать в процессе жизни — жить (*есть — был — будет — был бы*): *Жил не жил, был не был* (посл., Даль); *Будет и наша правда, да нас тогда не будет* (посл., Даль); *Был человек, который никакого Не знал ни промысла, ни ремесла* (Крыл.); *Был некто Анджело, муж опытный, не новый В искусстве властвовать* (Пушк.); — *Зачем ему продолжаться, роду человеческому?* — *Как зачем? Иначе бы нас не было. — Да зачем нам быть? — Как зачем? Да чтобы жить. — А жить зачем?* (Л. Толст.); *Меня не будет, так что же будет? Ничего не будет. Так где же я буду, когда меня не будет? Неужели смерть? Нет, не хочу* (Л. Толст.). Сравн. в слиянии: *жил-был, жили-были*.

г) Существовать искони, установившись и продолжаясь, вестись, повестись (*есть — было — будет*): *Если даже допустить, что мужчина предпочел бы известную женщину на всю жизнь, то женщина-то, по всем вероятностям, предпочтет другого, и так всегда было и есть на свете* (Л. Толст.).

д) Существовать, принадлежа кому-н., находясь в обладании кого-н., в тесном отношении к кому-чему-н. (*есть — был — будет — был бы — будь — будь бы*). (1) Существовать в качестве собственности, в обладании у кого-н.: *И зубы есть, да нечего есть* (посл., Даль); [М о л ч а л и н] *Есть у меня вещицы три: Есть туалет, прехитрая работа* (Гриб.); *Был тулуп, да что греха таить? Заложил вечер у целовальника* (Пушк.). (2) Существовать в пользовании, в употреблении: *И ноты есть у нас, и инструменты есть; Скажи лишь, как нам сесть!* (Крыл.); *Что ты хлопочешь?*

Будет тебе оброк, коли захочешь (Пушк.); *Старик объявил ребятам, что «Машкин Верх скосить — водка будет»* (Л. Толст.). (3) Существовать в родстве, в неразрывной близости с кем-чем-н., в тесной связанности, в общении: *Будет с нас, не дети у нас, а дети будут, сами добудут* (Даль); [С к а л о з у б] *Жениться? Я ничуть не прочь*. [Ф а м у с о в] *Что ж? У кого сестра, племянница есть, дочь...* (Гриб.); *У дочери его была мадам англичанка* (Пушк.); [Р е п е т л о в] *У нас есть общество, и тайные собрания По четвергам. Секретнейший союз* (Гриб.).

2) Налицествовать, иметься, находиться где-н. (*есть — был — будет — был бы — будь — будь бы*).

а) Находиться, располагаться, занимать место где-н.: *Вот ива... Были здесь ворота... Снесло их, видно... Где же дом?* (Пушк.); *Там за речкой тихоструйной Есть высокая гора, В ней глубокая нора* (Пушк.); *Есть остров на том океане — Пустынный и мрачный гранит; На острове том есть могила, А в ней император зарыт* (Лерм.);

б) Иметься где-н., налицествовать у кого-н., быть в наличии / налицо: [М о л ч а л и н] *Я только нес их для доклада, Что в ход нельзя пустить без справок, без инх: Противуречья есть, и многое недельно* (Гриб.); [София] *Он не в своем уме*. [Г. Н.] *Ужли с ума сошел?* [С о ф и я] *Не то, чтобы совсем...* [Г. Н.] *Однако есть приметы?* (Гриб.); *Лучшего не надобно дохода, Да есть на них недоимки за три года* (Пушк.).

III. Означеніе пребывания, присутствия: 1) собственно пребывание; 2) присутствия; 3) посещения; 4) появления где-н.

1) Пребывание (*был — будет — будь — будь бы*): а) собственно пребывание: [Ч а ц к и й] *С кем был! Куда меня закинула судьба!* (Гриб.); [З а г о р е ц к и й] *Схватили, в желтый дом, И на цепь посадили*. [Г. Д.] *Помилуй, он сейчас здесь в комнате был, тут* (Гриб.); б) пребывание продолжающееся, длящееся: *Где был, там и будь* (Даль); [Ч а ц к и й] *Буду здесь, и не смыкаю глазу Хоть до утра* (Гриб.).

2) Присутствие (*был — будет — был бы — будь*): *Но куча будет там народу И всякого такого сброду... — И, никого, уверен я! Кто будет там? своя семья* (Пушк.); *Бедный отец не сразу решился спросить у дьячка, была ли она у обедни. Дьячок отвечал, что не бывала* (Пушк.); [Ч а ц к и й] *Прикажете мне за него терзаться?* [С о ф и я] *Туда бежать, там быть, помочь ему стараться!* (Гриб.); *Но самый вечер был веселый. Было лучшее общество* (Л. Толст.).

3) Посещение ('посетить, побывать') (*был — будет*): *Если Алексей будет у меня всякий день, то Бетси должна же будет в него влюбиться* (Пушк.); [Ф а м у с о в] *Его величество король был прусский здесь, Дивился не путем московским он девицам* (Гриб.).

4) Прийти, прибыть, явиться (*был — буду — будь*): *Улита едет, когда-то будет* (посл.); *Не было ли тут солдата? — Коли что пропало, так был* (Даль); [Л и з а] *Сударыня, за мной сейчас К вам Алексей Степаныч будет* (Гриб.); [С о ф и я] *Вы вечером к нам будете?* [С к а л о з у б] *Как рано?* (Гриб.); *Того и гляди, злодеи будут сюда* (Пушк.); — *Ступайте к Акулине Памфиловне, я сейчас туда же буду* (Пушк.).

IV. Означеніе ситуации, события, происшествия. Здесь с очевидностью выявляются возможные гл. *быть* означать разные типы сообщений, подтверждаемые регулярным и четким взаимодействием с другими дейктическими глаголами и глагольными фразеологизмами: 1) *иметь место*; 2) *делаться*; 3) *случиться*; 4) *выйти, получиться*.

1) Означение ситуации, протекающей во времени не как неожиданное и чрезвычайное событие, а как располагающейся в «поле времени», занимающей в нем свое место и не нарушающей ход времени, а вписывающейся в него (*было — будет — было бы*): [Ч а п к и й] *Что нового покажет мне Москва? Вчера был бал, а завтра будет два* (Гриб.); *На другой день был праздник* (Л. Толст.); *Значит — страна Так не сдана, Значит — война Все же была!* (Цвет., Один офицер). Для такого употребления *быть* характерно именование представляемой ситуации через имя предмета, на котором эта ситуация сосредоточилась: *Была в провинции и связь с одной из дам, навязавшейся щеголеватому правоведу, была и модистка, были и попойки с приезжими флигель-адъютантами, и поездки в дальнюю улицу после ужина, было и подслуживание начальнику и даже жене начальника* (Л. Толст.); *Но, вспоминая все то, что я пережила с тех пор, всегда спрашиваю себя: да, а что же все-таки было в моей жизни? И отвечаю себе: только тот холодный осенний вечер. Ужели он был когда-то? Все-таки был. И это все, что было в моей жизни* (Бунин). В этих случаях характерно означение ситуации посредством местоимения *это, то, что*: *Что было, то прошло, что будет, не ушло* (Даль); *Чредою всем дается радость; Что было, то не будет вновь* (Пушк.); *И всем становилось страшно, что вдруг нарушится эта приличная ложь и всем будет ясно то, что есть* (Л. Толст.); [В ы ш н е в с к а я] *Пожалуйста, не думай, чтобы ты говорила что-нибудь новое. Все это было и всегда будет* (Остр.).

2) Означение единичного события, происшествия, нарушающего ход вещей: 'происходить, делаться' (*было — будет — было бы*): *Что будет, то будет, а будет то, что Бог даст* (Даль); *Вот ужю будет нам потеха, Вам, собакам, великая помеха* (Пушк.); — *Знаете, что я делал предложение и мне отказано... — Я не знала этого. Я знала только, что что-то было, но что, я никогда не могла узнать от Кити. Я видела только, что было что-то, что ее ужасно мучило и что она просила меня никогда не говорить об этом... Но что же у вас было? Скажите мне. — Я вам сказал, что было* (Л. Толст.).

3) Означение неожиданной, единичной ситуации, случая: 'случиться' (*было — будет*): *Чему быть, того не миновать* (посл.); *И я подумал, что мы поссорились и помирились и что больше этого уже не будет* (Л. Толст.).

4) Означение ситуации как следствия, итога, предвиденного результата: 'выйти', 'получиться', 'статься' (*есть — было — будет*): *Делать как-нибудь, так никак и будет* (Даль); — *Господи боже мой! Вишь, какие новости! Что из этого будет?* (Пушк.); *Как им сказал Старик, так после то и было* (Крыл.); [Х о з я й к а] *...только здесь и добрым людям нынче прохода нет — а что из того будет? — ничего: ни лысого беса не поймают* (Пушк.); *Знает, что кроме лжи и обмана из этого ничего не будет, но ему нужно продолжать мучить меня* (Л. Толст.); [Ф е д я] *Да, я своим распутством помогала их сближению. Что же делать, так должно было быть* (Л. Толст.).

V. Означение состояния свойственно глаголу *быть* в сообщениях: 1) о собственном, неотъемлемом внутреннем состоянии, о своей сущности, 2) о модальном состоянии и 3) о случайном состоянии, окказиональном положении.

Сущностное, неотъемлемое состояние, собственный признак означает гл. *быть* (*есть — был — буду — будь*) всегда в сочетании с мест. *каков, какой, как, таков, такой, так*: *Каков есть, такова и честь* (посл., Даль); *Каков я прежде был, та-*

ков и ныне я. *Беспечный, влюбчивый* (Пушк.); [Графиня - внучка] *Мсье Чацкий! вы в Москве! как были, все такие?* [Чацкий] *На что меняться мне?* (Гриб.); *Так пускай я буду какая есть, но не буду притворяться* (Л. Толст.). Сравн. в устойчивых сочетаниях: *так оно и есть; это как есть* (т. е. 'именно так'). Смысл сущности заключен и в идентифицирующей связке *есть (и есть, это и есть): Театр есть училище нравов* (афоризм); то же с инфинитивом: *Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная* (Пушк.).

Модальное состояние всегда является чьим-то состоянием, порожаемым такой ситуацией, из которой обязательно следует другая, с ней связанная, ею обусловленная; именно таково состояние необходимости ('есть что-то, из чего обязательно вытекает нечто другое, последующее'), возможности, предопределенности, целесообразности, должности, допустимости, предположительности; в гл. *быть* — в условиях определенных формальных ограничений — заключена способность означения подобных состояний.

а) Предопределенность, неизбежность (*быть*): *Быть бычку на веревочке* (посл.); *Так вспомни же меня, что быть тебе без шубы* (Крыл.); *Коль до когтей у них дойдет, То, верно, Льву не быть живому* (Крыл.); [Шуйский] *Весть важная! и если до народа Она дойдет, то быть грозе великой* (Пушк.); сравн. шутл.: *Быть было ненастью, да дождь помешал* (Даль).

б) Предположительность (*будет*): *Смотри-ка, квакушка, что, будешь ли с него? — Нет, кумушка, далёко* (Крыл.); — *А они далеко тут? — Верст тридцать. Пожалуй, и сорок будет* (Л. Толст.). Сравн. в говорах *быть* в знач. 'может быть, возможно': — *Пройду ли я тут? — Быть пройдешь* (Даль).

в) Вынужденность: 'придется' (*будет*): *Ешьте, дорогие гости, все равно будет собакам выкинуть* (Даль). В говорах: *Сколько ни плакать, а быть перестать; Сколько ни браниться, а быть помириться* (Даль).

3) Смысл случайного положения, в котором оказывается кто-н., присутствует в формах настоящего, прошедшего и будущего времени глагола *быть* в сочетании с местоименным словом, напр.: *Пожар! Выскочили как / в чем были; Как был, так и свалился; — Я не одет. — Выходи как / в чем есть.* [Липочка] *Да давно ль ты его видела?* [Устинья Наумовна] *Нынче утром была. Вышел как есть в одном шлафоре* (Остр.); ... *как был в пыльных сапогах ложась на приготовленную постель* (Л. Толст.); из разг. речи: *Не буду переодеваться пойду в чем буду.*

Таков общий круг сообщений, охватываемых гл. *быть* и разными его формами — в условиях тех или иных ограничений или вне таких ограничений. В устойчивых сочетаниях, в застывших фразах гл. *быть* сохраняет и утратившуюся свою способность означать действие, поступок, проявление поведения. В этом смысле характерен статус фразеологизма *как быть?* ('что делать?', 'как поступить?'): в нем цело означение поступка; это с очевидностью вытекает из контекстов, в которых *как быть?* сочетается с *теперь, тут, мне / нам, с тобой / с ним и под.*, а также из окружения, сообщающего о необходимости деятельного поведения, немедленного поступка, сравн.: *Как быть и как с соседом сладить, Чтоб от пенья его отводить?* (Крыл.); [Аграфена Кондратьевна] *Ах, батюшки! Да как же*

это быть-то? (Остр.); [Князь Абрезков] *Что делать! Но как же быть с ними?* (Л. Толст.).

Быть (*был* — *буду* — *был бы*) может означать поведение ('вести себя', 'держаться'), сравн.: *Будь со мною, как прежде бывала, О скажи мне хоть слово одно* (Лерм.); *Стараюсь быть умницей*.

В отдельных, оторвавшихся от парадигмы формах гл. *быть* сформировались собственные лексические значения. Таково 1) *будет* (*и было, было бы*) в знач. 'достанется, попадет' (*Вот уж тебе будет, гарнизонная крыса!* (Пушк.); 2) *будет* (*будешь, будет*) в знач. единичного сходного поступка в будущем (*Прости, я так больше не буду*); 3) *буду* (*будешь, будет*) в знач. 'принятия пищи, питья' (разг.) (*— Чай будешь?; — Кофе не буду*). Как отдельные лексемы существуют формы *будь, будь бы, буде* (союз), *было* (частица), *будет* ('довольно', 'достаточно'); в говорах: *быть* 'истина', 'быль' (*быти достоверные*) и 'создание', 'тварь сушая' (*Всякая быть создана Богом*); *быто* 'скарб, пожитки'; утратившаяся в общем употреблении причастная форма *быто* (*Не дорого пито, а дорого быто*) (все — по словарю Даля). Важно отметить, что и в прежнем, в чем-то утраченном своем состоянии гл. *быть* демонстрирует «несобранность» своих смыслов, способность означать иногда далекие друг от друга явления. О таких явлениях в русских говорах см. в статье: [Кузьмина, Немченко 1968].

4. Как видно из предложенного краткого обзора, гл. *быть* в своих возможностях взаимодействует с широким кругом дейктических глаголов, и это взаимодействие состоит не только и не просто в синонимии, а в способности гл. *быть* в общении занимать место нескольких или одной из единиц этого общего круга. Напомним, что может значить гл. *быть*. Возможности его весьма широки; это: существовать в действительности (всегда, везде или встречаться, бывать, водиться); продолжаться, существовать издавна (вестись, повестись); жить, проживать; находиться, быть налицо, находиться где-н., иметься; иметься у кого-н., принадлежать кому-н.; пребывать, присутствовать; явиться, посетить, побывать; происходить, делаться, иметь место; случаться, выдаваться, выпадать; получаться, проистекать из чего-н, становиться; состояться, осуществляться; составлять сущность, суть кого-чего-н.; испытывать состояние, стимулируемое другим состоянием или извне (предстояние неизбежного, предопределенность, вынужденность); находиться в случайном положении; совершать поступок или вести себя каким-н. образом. Что общего у всех этих «значений»? Только смысл «быть», заключенный в гл. *быть* как в п о л и ф у н к ц и о н а л ь н о й означающей единице.

В отличие от полисемии, при которой одно значение всегда так или иначе производится от другого («семантическая производность»), полифункциональность исключает такую производность и противопоставляет ей р а в н о п о л о ж е н н о с т ь (соположенность) смысловых значений. Очень важно и другое: в отличие от именуемого (знаменательного) слова содержательная сторона дейктического слова — глагола, местоимения — нерасчленима. Как бы ни относиться к компонентному анализу, очевидно, что в значении слова присутствуют центр и более частные составляющие; в содержательной, значимой стороне указующего (дейктического, местоименного) слова таких составляющих нет, и глагол *быть*

убедительно демонстрирует эту особенность. По сравнению с другими дейктическими глагольными единицами, представляющими его непосредственное окружение, глагол *быть* обладает необычайно широким диапазоном функций — от означения собственно времени до указания на случайное состояние или поступок. В этом заключается уникальность гл. *быть*, справедливо определяемая исследователями как его особенность. Очевидно, что именно природой *быть* как полифункционального дейктического (не называющего, а указующего, означающего) слова объясняется та легкость, с которой многие исследователи награждают его десятками отдельных лексических «значений».

В разных типах сообщений *быть* вступает в непосредственные соотношения с полнознаменательными глаголами и с отдельными словоформами, напр.: *Жил на свете рыцарь бедный* (Пушк.) / в беловом варианте *был на свете*; *Был бы отец жив, он бы тебя научил* / *Был бы отец...* / *Жил бы отец...*; *Так оно издавна есть* / *Так издавна ведется* (*повелось*) / *заведено* / *установлено* / *устроено*; *Он уходит, а я буду с тобой* / *останусь*; *Быть беде* / *беды не миновать*; *Каким я был, таким и остался* / *остался прежним*; — *И что же, успехи делают?.. — Делают и успехи* (Л. Толст.) / — *Успехи есть? — Есть и успехи*. Регулярны также соотношения *быть* с глаголами со значением положения на месте или движения: [Р и с п о л о ж е н с к и й] ...*тут я вспомнил, что, должно быть, я его [дело] в погребке забыл. Поехали с экзекутером — оно там и есть* (Остр.) / *там и лежит*; *Надобно знать, что бабушка моя, лет шестьдесят тому назад, ездила в Париж и была там в большой моде* (Пушк.) / *была, побывала в Париже*; *Будьте сегодня в семь часов в беседке у ручья* (Пушк.) / *приходите в беседку*; [С о ф и я] *Была у батюшки, там нету никого* (Гриб.) / *Ходила к батюшке*; — *Моя обязанность ясно начертана для меня: я должен быть с ней и буду* (Л. Толст.) / *и останусь*. Все такие соотношения наглядно демонстрируют различие в природе значимой стороны дейктического глагола *быть* и его полнозначных соответствий, синонимизирующихся с ним в условиях контекста.

Описывая глагол *быть*, толковые словари представляют его смысловую палитру как множественность лексических значений. Это естественно диктуется жанром словаря и не может быть иначе; однако знаковая природа этого глагола, его семантическая структура и его место в языке — качественно иные, чем у собственно именующих полнознаменательных многозначных глаголов.

2000 г.

РУССКАЯ ДЕЙКТИЧЕСКАЯ ФОРМА СДЕЛАНО И ОЗНАЧАЕМЫЙ ЕЮ ТИП СООБЩЕНИЯ

В многочисленных работах, посвященных русскому (и не только русскому) глаголу, и в его словарных описаниях не раз отмечалось, что в языке существуют глаголы и глагольные фразеологизмы, т. е. единицы со связанными значениями входящих в них глаголов и имен, которые или лишены номинативной функции, или включают в себе очень широкое значение; такие глаголы разными иссле-

дователями характеризуются как глаголы «неполнозначительные», «грамматизированные», «делексикализованные», «глаголы с диффузным значением», «десемантизированные» и под. В работе «Местоимение и смысл» (М., 1998) была сделана попытка представить такие глаголы как самостоятельный лексический класс, объединяющий слова с общей функцией указания на процесс (действие, процессуальное состояние), и в этой своей функции сближающиеся с собственно местоимениями; специфика таких слов состоит не в «диффузии» их значений и не в их «делексикализации» (термин, введенный еще Л. А. Булаховским), а прежде всего в их местоименной, собственно указующей, дейктической функции. Класс таких глаголов нигде полностью не описан¹; между тем именно на этот класс опирается вся собственно языковая система сообщений, их общая типология.

Специальных объяснений требует употребление слов «дейксис», «дейктический глагол». В известных работах Ю. Д. Апресяна [1995], Е. В. Падучевой и С. А. Крылова [1984; 1992] и в многочисленных статьях того же направления², развивающих и углубляющих идеи К. Бругмана, Э. Бенвениста, Л. Блумфилда, К. Бюлера, Ч. Филмора, Дж. Лайонза и др., дейксис понимается как ролевая распределенность самых разных языковых средств, группирующихся в речи (в тексте, в текстовых последовательностях) вокруг *я*, *здесь* и *сейчас* и вовлекающих в свою орбиту все явления актуализации, модальности, оценок, а также таксиса и всего того, что относится не только к говорящему, но и к «позиции наблюдателя речи». Такое понимание позволяет погрузиться в глубины текста, во все многообразие речевых ситуаций. Однако оно не исключает возможности использования термина «дейксис» в его первоначальном, исходном значении собственно указательности и, отвлекаясь от необходимого лона речи, пользоваться им для описания явления самой языковой системы, ее устройства и частей, ее организующих.

Здесь позволим себе маленькое отступление. Каких бы взглядов ни придерживался лингвист, он всегда оказывается перед двумя реалиями: перед единицей языка, входящей в его общую систему (и тем самым неизбежно вступающей в строевые отношения с другими ее единицами), и перед функционированием этой единицы в речи, ее отношениями с единицами, относящимися уже не к данному участку языковой системы, а к совсем другим, разным ее данностям. Пока еще никем не опровергнут классический тезис, согласно которому эти реалии необходимо разграничивать и рассматривать отдельно; смешивать два эти ремесла можно, но не нужно, так как при таком смешении лингвист вынужден навсегда расстаться с понятием языкового знака как основополагающей единицы любой языковой системы. Вот один из очевидных примеров. Современные работы, посвященные языковому дейксису, на первых шагах обязательно начинают с «я» как лица говорящего; так же, следуя укоренившейся традиции, поступают и все толко-

¹ В статье В. Н. Белоусова указательные глаголы рассматриваются в контексте глаголов неполнозначительных и специально им не противопоставляются {Белоусов 1989}. Из более ранних работ см. прежде всего исследования А. А. Уфимцевой [1974]; см. также в работах Ю. С. Степанова [1973; 1989].

² См. раздел «Дейксис» в книге «Человеческий фактор в языке: Коммуникация. Модальность. Дейксис» (1992).

вые словари в описании значений этого местоимения. Между тем существование «личного местоимения» *я* начинается не с говорения, а с его места как *с л о в а* в микромире других слов-местоимений, и прежде всего — с его отношений к *ты* и *он* именно как к словам, а не как к участникам речи. Следовательно, как слово, как лексическая единица местоимение *я* должно получить словарное определение, исходящее из его отношений к тем словам, которые составляют его ближайшее окружение, в его «малый лексический класс», и только вслед за этим можно обратиться к роли этого слова в говорении, в речи. Дать строгое словарное определение местоимению *я* в отрыве от традиции, «забыв» о говорящем, — трудно, так как лексическое значение его лежит в сфере высокой абстракции; однако очевидно, что в состав такой дефиниции должно прежде всего войти указание на то, что в лексическом значении местоимения *я* заключена идея средоточия отношений лица к *ты* и *он* (а также к *мы*, *вы* и *они*), централизация этих отношений в одном-единственном лице, самим языком противопоставляемом всем другим лицам, его окружающим. *Я* — не пустая единица, готовая служить любому: это слово, обладающее собственным — хотя и очень специфическим — лексическим значением, имеющее свою семантическую структуру. т. е. несколько значений, порождаемых первичным, исходным (см. систему его значений, показываемую в словарях), и свой словообразовательный потенциал; особая роль местоимения *я* в речи, среди ее участников, не лишает его всех этих качеств и не делает его просто «указующим знаком».

В предлагаемой статье термин «дейксис» будет употребляться в значении собственно указания, причем такого, которое принадлежит прежде всего самому строю языка и может быть изучено до его отношений с говорящим или наблюдателем и до окружающей речь внеязыковой обстановки. Такое понимание термина «дейксис» опирается на его генезис и определяется тем, что дейктические глаголы и дейктические глагольные фразеологизмы, организуясь во вполне определенный лексический класс, по характеру своих функций, по своей языковой предназначенности, вполне четко координируются с собственно местоименными словами: если эти последние означают глобальные языковые смыслы и своими собственными средствами расчленяют их на более частные смыслы, то и дейктические глаголы и дейктические глагольные сочетания (далее, для краткости, просто — дейктические глаголы), будучи лишены номинативной функции, т. е. не называя никакого определенного действия или состояния, способны означать тот или иной тип сообщения, а сама типология сообщений опирается на класс таких глаголов. На этих страницах мы не имеем возможности описывать сам этот класс и его строение, хотя материалы, специально извлеченные прежде всего из русской классической литературы, из ее питающих истоков (Пушкин, Лермонтов, Грибоедов, Крылов, А. Островский, Л. Толстой, Бунин и др.), позволяют это сделать. Но это — предмет специальной большой работы; здесь же обратим внимание только на группу дейктических глаголов, предназначенных для означения некоей активности — собственно действия или состояния, связанного с действием называемого или скрытого субъекта (субъектов); такие глаголы группируются вокруг трех центральных единиц: *делать / сделать, делаться / сделаться и сделано*.

Предметом рассмотрения далее будет дейктическая форма *сделано*, за которой стоит сообщение о состоянии как о необратимом актуальном результате действия, деятельности, поступка определенного субъекта или субъектов либо деятельности многих как обобщение опыта либо как результат веления свыше, высшей воли; во всех случаях общий смысл определяется вопросом *что сделано?* и дифференцируется на основе одного из трех частных смыслов: *что исполнено / совершено* — *что заведено, установлено* и *что суждено, предназначено, дано свыше*. Состояние (ситуация) как актуальный и безусловный результат всегда безусловно и необратимо для того момента, к которому относится сообщение; ср. в устойчивых предложениях: *Что сделано, того не воротишь; Что сделано, то сделано; Сказано — сделано; Ловко сделано!; Решено и подписано*. Этот смысл заложен в предложениях с главным членом — причастным предикативом (но не только, см. ниже): *Принято!; Условлено; Улажено; Обо всем договорено; Так заведено, принято; Решено; Кончено* и под.; в личных предложениях со сказуемым — страдат. причастием: *Все кончено; Все решено; Старое прощено и забыто; — Ага, — сказал Муромский, — да у вас, кажется, дело совсем уже слажено* (Пушк.); *Все было бы спасено, если бы у моего коня достало сил еще на десять минут* (Лерм.).

Покажем на живом языковом материале то троичное членение общего смысла, о котором сказано выше.

I. *Сделано, исполнено*. Этот смысл — как частный в составе общего — обычно присутствует в сообщениях о собственно конце, об окончательном решении, неизбежности конечного результата. В безличных предложениях с *кончено, решено*: [Ш у й с к и й] *Народ идет, рассыпавшись, назад. Пойдем скорей, узнаем: решено ли?* (Пушк.); [Д о н Гу а н] *Вставай, Лаура, кончено*. [Л а у р а] *Что там? Убит?* (Пушк.); [Д о н Гу а н] *Я гибну — кончено — о, Донна Анна!* (Пушк.). С всё, подчеркивающим необратимость состояния, исчерпанность всего того, что привело к этому состоянию: [С т а т у я] *Все кончено. Дрожишь ты, Дон Гуан* (Пушк.); [Ч а ц к и й] *И я чего хочу, когда все решено?* (Гриб.).

Обычно в таких сообщениях речь идет о состоянии как актуальном результате волевого акта, речи, познания; субъект действия устранен: — *Я пришла к тебе против своей воли... но мне велено выполнить твою просьбу* (Пушк.); [П а т р и а р х] *Я посылал тогда нарочно в Углич, И сведано, что многие страдальцы Спасение подобно обретали* (Пушк.); [Ц а р ь] *Гонца схватить*. [С е м е н Годунов] *Уж послано в догоню* (Пушк.); [Г р и г о р и й] *Царь повелев изловить его...* [П р и с т а в] *И повесить*. [Г р и г о р и й] *Тут не сказано повесить* (Пушк.); *Ничего не названо, — опять говорил себе Пьер, — ничего не придумано. Знать мы можем только то, что ничего не знаем* (Л. Толст.). Субъект действия может быть так или иначе обозначен или известен: тогда состояние как актуальный результат — решение, воля — оказывается обращенным к субъекту: *О свадьбе Ленского давно У них уж было решено* (Пушк.); [Л и з а] *Однако велено к сердечному толкнуться* (Гриб.); *Все было между нами решено* (Пушк.); *Положено было... на другой день утром послать в С*** за лекарем* (Пушк.).

Тот же смысл актуального результата присутствует в сообщениях о состоянии, вызванном конкретным единичным действием, исходящим от определенного субъекта: он присутствует, хотя и не назван: [Ф а м у с о в] *Моя невестушка, кото-*

рой уж давно Об вас говорено (Гриб.); [Ф а м у с о в] *А у меня что дело, что не дело, Обычай мой такой: Подписано, так с плеч долой* (Гриб.); *Мне только тысячу мою скорей добавьте — ...Мне две не dodано* (Крыл.); *Пустынник был не очень говорлив, Мишук с природы молчалив, Так из избы не вынесено сору* (Крыл.).

Грамматически в сообщениях со смыслом «что сделано» доминируют конструкции с предикатом — страдательным причастием в краткой форме, независимо от того, является ли предложение личным или безличным; в последнем случае даже при наличии подлежащего (субъект, испытывающий состояние), смысл сообщения не меняется; это — весьма интересное явление возобладания общего языкового смысла над семантической структурой предложения; ср.: *Что написано пером, не вырубишь топором* (посл.); *...двор... обращен был в некошенный луг* (Пушк.); *Мария Гавриловна долго колебалась; множество планов было отвергнуто* (Пушк.); *Явились: им расточены Порой тяжелые услуги Гостеприимной старины* (Пушк.); *Вдруг Евгений хватает длинный нож и вмиг повержен Ленский* (Пушк.); *Иные даже утверждали, Что свадьба сложена совсем, Но остановлена затем, Что модных колец не достали* (Пушк.). Не меняет общего смысла сообщения и наличие в предложении прямого названия того, от кого исходит действие, порождающее состояние актуального результата; ср.: *Рукопись Петра Андреевича Гринева доставлена мне от одного из его внуков* (Пушк.); *И, словом, от родных и от друзей любезных Советов тысячу надавано полезных* (Крыл.); *В овечьи старосты у Льва просился Волк. Стараньем кумушки-лисицы Словечко за него замолвлено у Львицы* (Крыл.); *Дорога в Симбирск мною очищена и безопасна* (Пушк.); *Таким образом, тайна была сохранена более чем полудюжиною заговорщиков* (Пушк.).

Во всех случаях, рассмотренных в п. I, перед нами — сообщение о состоянии как об актуальном результате действия, поступка, поведения — независимо от того, назван или не назван субъект, чьим действием произведено такое состояние; сам такой субъект может быть вполне определенным или мыслиться как обобщенный; языковой смысл сообщения, «сжатый» в дейктической форме *сделано*, остается при этом неизменным: за ним стоит языковой тип сообщения.

В общем строе смыслов, конструирующих собственно языковую типологию сообщений, к смыслу собственно *сделано*, *исполнено* тяготеют сообщения о ситуации как итоге, стабильном результате, опирающиеся на дейктическую функцию глагола *делать / сделать* и строящиеся с глаголами *получаться, стать* и некоторыми другими: *Так и сталося / сделалось; Так получилось / сложилось*; ср.: *Нет, она хорошо сделала, что умерла! Ну что бы с ней сталося, если б Григорий Александрович ее покинул?* (Лерм.). См. в сказке: *Приезжаю — тьма народу! Ну, ни выходу, ни входу. Что тут делать? Приказал Гнать народ, чтоб не мешал. Так и сталося, Царь-надёжа!* (Ершов).

II. *Заведено, установлено*. Другой частный смысл, заключенный в дейктическом *сделано*, — сообщение о ситуации как о сложившемся, принятом, констатация существующего узуса: *так заведено, принято, установлено, положено, так уж устроено на белом свете; Не нами заведено, не нами и кончится* (посл.). *Пишите оды, господа, Как их писали в стары годы, Как было встарь заведено* (Пушк.); — *Они все плачут при помолвке... это у них уж так заведено* (Пушк.); — *Лучший стре-*

лок, которого удалось мне встречать, стрелял каждый день, по крайней мере, три раза перед обедом. Это у него было заведено, как рюмка водки (Пушк.); [Р и с п о л о ж е н - с к и й] *А уж это, Аграфена Кондратьевна, первый долг, чтобы дети слушались родителей. Это не нами заведено, не нами и кончится* (Остр.); [У с т и н ь я Н а у м о в н а] *...всякий человек — живая тварь, тому невеста понадобилась, то жениха хоть роди, да подай, а там где-нибудь и вовсе свадьба. А кто сочинит — все я же. Отдувайся одна за всех, Устинья Наумовна. А отчего отдуваться? Оттого, что так уж, видно, устроено — от начала мира этакое колесо заведено* (Остр.).

Очевидна смысловая соотносительность таких сообщений с глагольными бытийными предложениями с *повелось / ведется, вошло в обычай*, сообщающими о том, что заведено, существует исстари как постоянное, установившееся: *Так испокон веку велось / повелось / ведется, так издавна ведется / повелось на Руси*. [Ф а м у - с о в] *...у нас уж исстари ведется, Что по отцу и сыну честь* (Гриб.). *И так, как исстари велось, В аду на суд явился* (Крыл.); *В Египте в старину велось обыкновенье... Наемных плакальщиц пускать за гробом выть* (Крыл.); — *Знаешь, как-то напрашиваться в дом неловко, хотя здесь это и водится* (Лерм.). Такие сообщения связаны с *заведено, принято, установлено* общим смысловым компонентом ситуации как узального состояния.

III. *С у ж д е н о*. Этот смысл заключен в сообщениях о непреложности, неизбежности, предназначенности свыше, об обреченности чьего-л. состояния некоей высшей силой, высшей волей, судьбой, роком: *так назначено судьбой, суждено, дано, на роду написано*. В безличных предложениях: [Л и з а] *Кому назначено, не миновать судьбы* (Гриб.); [П л а т о н М и х а й л о в и ч] *И кто жениться нас неволит? Ведь сказано ж иному на роду...* (Гриб.); — *Да, жаль беднягу... Черт его дернул ночью с пьяным разговаривать! Впрочем, видно, уж так у него на роду было написано!* (Лерм.). *В не дано* — в сочетании со смыслом невозможности: *Что ж делать? Речью неискусной занять ваш ум мне не дано* (Лерм.); *Нам не дано предугадать, Как слово наше отзовется* (Тютч.). С прямым или косвенным указанием на высшую волю: *Природой здесь нам суждено В Европу прорубить окно* (Пушк.); [Ч а ц к и й] *Опять увидеть их мне суждено судьбой!* (Гриб.); *Так, видно, небом суждено* (Пушк.); *То в вышнем суждено совете, То воля неба — я твоя!* (Пушк.); *Но, видно, было написано на небесах, что в эту ночь я не выслюсь* (Лерм.).

Тот же смысл «суждено», «предназначено» сохраняется в личных предложениях с подлежащим, называющим субъект состояния неизбежности, предназначенности свыше. Такие сообщения, так же как и личные предложения, описанные в п. I и II, — яркий пример того, как языковой смысл оказывается сильнее, весомее грамматического значения предложения, подчиняет себе это значение и вводит соответствующие построения в единый тип сообщения, объединяемый тем или иным общим языковым смыслом. Вот хрестоматийные примеры из пушкинской поэтической речи: *Нет, не могу противиться я воле, Судьбе моей: я избран, чтоб его Остановить; Быть может, это все пустое, Обман неопытной души, И суждено совсем иное; Я знаю, век уж мой измерен; Ах, он любил, как в наши лета Уже не любят, как одна Безумная душа поэта Еще любить осуждена; Но я не создан для блаженства; Ему чужда душа моя...* То же в рожден в знач. 'создан для чего-н.':

[Ч а ц к и й] *Ах, если рождены мы все перенимать, Хоть у китайцев бы нам несколько занял Премудрого у них незнания иноземцев (Гриб.); Я был рожден для жизни мирной. Для деревенской тишины (Пушк.); Быть может, он для блага мира Иль хоть для славы был рожден (Пушк.).*

Наконец, самый полный вид таких сообщений — с обозначением субъекта состояния и той высшей силы, которой это состояние предопределено; см. у Пушкина: *Ужели жребий вам такой назначен строгою судьбой?; Я знаю: ты мне послан Богом, До гроба ты хранитель мой; ... Что так доверчива она. Что от небес одарена Воображением мятежным...; Ты угадала. Разлука нам судьбою суждена; Как знать? Дни наши сочтены не нами; Ах, вижу я: кому судьбою Волненья жизни суждены, Тот стой один перед грозой, Не призывай к себе жены. У Л. Толстого: Он, как соломинка, сгорел весь от того священного огня, которому мы все служим, — но он исполнил все то, что было заложено в него Богом («Альберт»).*

Непосредственна соотносительность предложений со смыслом «суждено» с глагольными предложениями, входящими в систему смысла активного действия («делать», «поступать»): [Б о р и с] *Дитя мое! судьба мне не судила Виновником быть твоего блаженства (Пушк.); сравн.: Так Бог судил, Так рок судил.*

У читателя может возникнуть вопрос: не является ли означающая форма *сделано* по своему смыслу только модификацией указательной функции глагола *делать / сделать*, не совпадает ли круг их дейктических функций? Однако такого совпадения нет, и специальное изучение материала с этой точки зрения приводит к выводу об отдельности, самостоятельности этих единиц в общем строе означений того или иного типа сообщения. В гл. *делать / сделать* присутствует широкий круг указаний на собственно активность, исходящую от деятельного субъекта (субъектов) и обнаруживающуюся как в смысле собственно активности, действия вообще, так и в более частных смыслах, где такая активность предстает как поступок, причинение чего-л. кому-н., поведение, занятие, образ жизни, времяпрепровождение и некот. др. Покажем это на классических примерах, не забывая при этом, что здесь предлагаются только примеры и что за каждым из них может стоять развернутое описание и собственная дальнейшая внутренняя дифференциация того или иного смысла сообщения.

1) Указание на собственно активность, действие вообще: *Да наши предки Рим спасли... Все так. Да вы что сделали такого? (Крыл.); Папенька сердит и запретил всему дому вас слушаться, но велите мне сделать, что вам угодно, и я для вас все сделаю (Пушк.); Стар, государь, я нынче: при дворе Что делать мне? (Пушк.); Отдай мне свою лошадь, и я сделаю все, что ты захочешь (Лерм.); Бог видит, что жизнью моей рад бы я заплатить тебе за то, что ты для меня сделал (Пушк.); Что Бог ни делает, все к лучшему (посл.).*

2) Указание на поступок: *Как часто, что-нибудь мы сделавши худого, Кладем вино в том на другого (Крыл.); [Г е р ц о г] Это очень странно. Или вам стыдно за кого? [Б а р о н] Да... стыдно... [Г е р ц о г] Но что же сделал он? (Пушк.); [Л а у р а] Как хорошо ты сделала, что явился Одной минутой позже! (Пушк.); У меня остались ваши бумаги. Что мне с ними делать? (Лерм.).*

3) Указание на то, что предпринимается: *Если решишь прибегнуть ко мне, то принесите кольцо сюда <...> Я буду знать, что делать (Пушк.); Она упрекала себя в*

невосприимчивым поведением и не знала, что ей делать (Пушк.); — *Будьте спокойны, я им не поддамся. — Что же вы хотите сделать? — Это моя тайна* (Лерм.); *Многие, невольно вскрикнув, схватили его за руки. — Что ты хочешь сделать? Послушай, это сумасшествие* (Лерм.).

4) Указание на действие, поступок, причиняющие что-н. кому-н.: *Не делай другому того, чего не хочешь себе* (посл.); *Вся кровь от яду в нем горит. — Что сделал я тебе? — Змея он говорит* (Крыл.); *Авось ревность сделает то, чего не могли мои просьбы* (Лерм.); *Жить приучил в самом огне, Сам бросил — в степь заледенелую! Вот что ты, милый, сделал мне. Мой милый, что тебе — я сделала?* (Цветаева).

5) Указание на поведение: [Ф а м у с о в] *Вот то-то, все вы гордецы! Смотрели бы, как делали отцы? Учились бы, на старших глядя* (Гриб.); *Многочисленная челядь ее, разжирев и поседев в ее передней и девичьей, делала, что хотела, наперерыв обкрадывая умирающую старуху* (Пушк.); *А вы, что делали, скажите, в это время? Когда в полях чужих он гордо погибал, вы потрясали власть, избранную, как бремя? Точили в темноте кинжал?* (Лерм.) См. игру слов: [Ф р а н ц] *Ломилуй, батюшка, за что ты на меня сердиться? Я, кажется, ничего не делаю.* [М а р т ы н] *Ничего не делаю! То-то и худо, что ничего не делаешь. Ты, ленивец, даром хлеб ешь да небо коптишь* (Пушк.).

6) Указание на образ жизни, времяпрепровождение: *Ты хочешь знать, что делала я На воле? Жил, и жизнь моя Без этих трех блаженных дней Была б печальней и мрачней Бессильной старости твоей* (Лерм.).

7) Указание на деятельность, занятие: *Но так как, живучи, я был здоровьем слаб, То сам я областью не правил, А все дела секретарю оставил. — Что делал ты? — Пил, ел и спал, Да все подписывал, что он мне подавал* (Крыл.); [Щ а р ь] *Он вновь собрал расseyанное войско И нам со стен Путивля угрожает. Что делают меж тем герои наши? Стоят у Кром, где кучка казаков Сменяется им из-под гнилой ограды* (Пушк.); — *Вы замужем? — Да. — А муж ваш что делает? — Работает в Югославии* (Бунин).

От всех подобных и других означений отвлечена и обособлена обильная фразеология с *делать / сделать, поделать: Делать нечего / Нечего делать; Что же делать!; Ничего не сделаешь; Что ты будешь/вы будете делать!; Что прикажете делать; Что тут сделаешь; Ничего не поделаешь; Что тут можно сделать!* и др.

Дейктическое слово *сделано* — явление сочлененности в новое качество двух разноуровневых абстракций: грамматического значения отпричастного предикатива и смысла, заключенного в дейктическом глаголе *делать / сделать*.

Предложенное рассмотрение сообщений о состоянии как актуальном и безусловном результате действия является частью полного описания смысловой типологии сообщений, означаемых дейктическими глаголами и глагольными сочетаниями. Естественно, что такое описание предполагает детальное изучение и убедительное представление самого класса таких единиц и их возможностей означать тот или иной тип сообщения. Пока можно с уверенностью утверждать, что результатом такого исследования явится достаточно строгое представление типологии сообщений, лежащей в сфере смыслового строя языка.

ОПЫТ ОПИСАНИЯ ТИПОВ СООБЩЕНИЯ В ОПОРЕ НА ДЕЙКТИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ ЯЗЫКА (*делать — делаться — иметь место — каково*)

Эта статья опирается на те теоретические положения, которые изложены в наших работах 1998—2001 гг. о дейктических глаголах и о местоимениях как носителях языкового смысла. Здесь в сжатой форме напомним основные положения той концепции, на которую опирается предлагаемое ниже описание.

Вся лексическая (лексико-фразеологическая) система языка состоит из двух неравноколичественных множеств, различающихся по своей предназначенности. Основной массив — это собственно именующая лексика, называющая реалии и понятия, которые принадлежат материальному и духовному миру человека, его среде и всему тому, что его окружает. Другую, значительно меньшую часть лексической системы составляют слова, предназначенные для обобщенного означения самых основных, глобальных понятий, относящихся к с о б с т в е н н о с у щ е с т в о в а н и ю всего живого и неживого: к понятию о бытии, времени, пространстве, движении, событии, о предмете — лице и неллице, его признаке, количестве, мере, о действии, поступке, состоянии, об отношениях и связях между предметами, признаками, действиями, ситуациями. Это — дейктические единицы, означающие те абстрактные понятия, вокруг которых группируется вся номинативная лексика. Система номинаций обращена к дейктической системе как к высшей ступени обобщения, как к области носителей собственно я з ы к о в ы х с м ы с л о в.

Дейктическая система лексики двучастна: одной своей стороной она обращена к «сфере покоя», другой — к «сфере бытия и движения». Все основные понятия, относящиеся к собственно существованию, его формам и проявлениям означены языком либо как лежащие в сфере стабильного состояния (это — местоименный дейксис), либо как относящиеся к сфере движения, процесса — бытия, его движения или действия, состояния, протекающего во времени. Глагольный дейксис, все его единицы означают понятия, относящиеся к этой сфере. На первых шагах членения этот класс возглавляется дейктическими глаголами и глагольными фразеологизмами: 1) *быть*, 2) *делаться, происходить*, 3) *делать, поступать*, 4) *испытывать состояние, находиться в состоянии*, 5) *состоять где, кем, пребывать в каком-нибудь положении*, 6) *относиться к кому-чему-нибудь, получать, воспринимать отношение извне*. Этой общей системой охватываются значения всех процессуальных состояний: бытийных, деятельных, ситуативных, субъективных, социальных. К каждому из названных множеств обращены дейктические глаголы, дифференцирующие соответствующий смысл. Такой дифференциацией на следующем шаге членения открываются частные смыслы, тяготеющие к центральной дейктической единице и определяющие круг ее функций. Эта дифференциация имеет следующий вид (здесь приводятся не все, а лишь основные единицы, дифференцирующие общий смысл): 1) *б ы т ь*: *существовать, жить, наличествовать, иметь место, пребывать, присутствовать*; 2) *д е л а т ь с я*: *прис-*

ходить; случаться, получаться; 3) *д е л а т ь*: поступать, действовать, заниматься; 4) *и с п ы т ы в а т ь с о с т о я н и е*: ощущать, чувствовать, находиться в каком-нибудь состоянии; находиться в каком-нибудь расположении духа; оказываться в каком-нибудь положении; 5) *с о с т о я т ь к е м*, *г д е*: находиться в каком-нибудь социальном состоянии; 6) *и м е т ь о т н о ш е н и е к к о м у - ч е м у - н и б у д ь*: получать, воспринимать отношение извне.

Дейктическая система служит основанием для типологии сообщений. Тип сообщения — это элементарная абстрактная единица коммуникативного плана языка, относящая информацию к одной из основообразующих сфер действительности (к бытию, действию, состоянию, пребыванию во времени и пространстве, к сущности предмета или явления, к его признаку) и способная быть означенной дейктическим (указующим) словом, специально предназначенным языком для такого означения. Тип сообщения, как и всякая языковая категория, существует как категория общая и как система частных категорий, дифференцирующих общий смысл средствами местоименного и глагольного дейксиса.

На основе изложенных теоретических положений, более развернуто сформулированных и обоснованных в названных выше работах, предлагается описание трех типов сообщений, обозначенных в заглавии.

ДЕЛАТЬ

Глагол *делать / сделать* в системе дейктических глаголов занимает одно из центральных мест: им означает любое активное действие (действия, деятельность), исходящее от деятельного субъекта, причем это действие может быть как предопределено волей, так и не связано с ее непосредственным проявлением: это может быть поведение, образ жизни, времяпрепровождение (в условиях речи смысл активного действия, означаемого этим глаголом, может быть консигуативно ослаблен). Показательно определение этого глагола в словаре Даля: «*д е л а т ь* — работать или трудиться, производить, совершать, доспевать, упражняться, заниматься; действовать, изъяслять, оказывать; причинять, доставлять, наносить кому что-либо; поступать с кем-либо; девать куда-либо».

Глагол *делать / сделать* возглавляет собою ряд дейктических глаголов и глагольных устойчивых сочетаний, объединенных тем же общим смыслом активного действия, исходящего от субъекта. Состав этого ряда таков (необходимые стилистические характеристики здесь пока оставляем в стороне как очевидные):

Глаголы: *д е л а т ь / с д е л а т ь*, *в е р ш и т ь / с в е р ш и т ь*, *в е с т и / с в е с т и* (что к чему), *в ы п о л н я т ь / в ы п о л н и т ь*, *д е й с т в о в а т ь*, *д е р ж а т ь с я* (как), *ж и т ь* (кем, как), *з а н и м а т ь с я / з а н я т ь с я*, *и с п о л н и т ь / и с п о л н я т ь*, *и с п о л ь з о в а т ь* ('применить, употребить'), *п о с т у п и т ь / п о с т у п а т ь*, *п р о и з в е с т и / п р о и з в о д и т ь*, *с л а д и т ь / л а д и т ь* (сладить дело), *с о в е р ш и т ь / с о в е р ш а т ь*, *т в о р и т ь / с о т в о р и т ь*, *у п о т р е б и т ь / у п о т р е б л я т ь* (употребить все способы, все возможные меры), *у с т р о и т ь / у с т р а и в а т ь*, *у ч и н и т ь / ч и н и т ь*, *у ч р е д и т ь / у ч р е ж д а т ь*. Устойчивые сочетания: *в е с т и ж и з н ь*, *в е с т и с е б я*, *д е р ж а т ь с я ч е г о* (каких-н. правил, привычек), *и м е т ь о б ы к н о в е н и е*, *и с п р а в л я т ь о б я з а н н о с т и* (должность), *п р о в о д и т ь в р е м я*, *с т а в и т ь / п о с т а в и т ь с е б я* (кем, как). Между всеми этими глаголами и глагольными единицами распределены функции означения собственно дей-

ствия, поступка, деятельности, занятия, поведения, образа жизни, времяпрепровождения и др. (см. ниже); однако глагол *делать / сделать* противопоставлен им всем как такой, который может означать сообщения о любой активности и ее обнаружении: физического, трудового действия, занятия, любого волевого акта, мысли, речи. Кроме того, гл. *делать / сделать* заключает в себе способность означать **активность вообще** — в отвлечении от определенного действия или действий; эта сконцентрированность на самой идее действия отразилась в таких пословицах как *Чем думать, так делай, Слушай людей, а делай свое, Меньше говори, да больше делай, Что Бог ни делает, все к лучшему* (все — у Даля), а также в многочисленных фразеологизмах, таких как *Что же делать, Что мне делать, Нечего делать, Ничего не сделаешь, Что прикажете делать, Что остается делать, Что тут делать* и многие др.

Кроме того, вне устойчивых сочетаний, гл. *делать / сделать*, в отличие от всех глаголов показанного ряда, способен означать множественность возможных действий, возможность или заданность их выбора; в этих случаях в предложении он сочетается с мест. *всё, что (что угодно, что хочешь), ничего, чего (чего не сделаешь), что ни (что ни сделает)*:

Снуждою, однакож, хоть большою, Чего не сделаешь терпением и трудом? (Крыл.); *На свете кто силен, Тот делать все волен* (Крыл.); *...велите мне сделать, что вам угодно, и я для вас все сделаю* (Пушк.); *Вот уж три дня как я в Москве, и все еще ничего не сделал* (Пушк., письмо Н. Н. Пушкиной, 1836); *Ступай себе на все четыре стороны и делай что хочешь* (Пушк.); *Отдай мне свою лошадь, и я сделаю все, что ты хочешь* (Лерм.); *Чего женщина не сделает, чтобы огорчить соперницу?* (Лерм.); *Все сделаю, решительно все сделаю, чтобы помочь ему* (Л. Толст.); [Л и з а] *Ну так скажите ему, чтобы он вернулся, что ничего не было, что все забыто. Сделайте это из любви к нему и дружбы к нам.* [К а р е н и н] *Сделаю все, что могу* (Л. Толст.).

Кроме этой своей способности, гл. *делать / сделать* может означать широкий круг сообщений, относящихся к сфере собственно действий, поступков, воздействий, поведений, занятий и др. Этим глаголом (и связанными с ним соответствующей функцией другими дейктическими глаголами показанного выше ряда) означаются следующие типы сообщений: 1) о собственно действии, единичном активном акте — физическом, умственном, волевом; 2) о поступке как о действии сознательном, неслучайном; 3) о поступке как о начинании, направленном на исполнение; 4) о поступке как исполнении, завершении, использовании; 5) о причинении чего-нибудь кому-нибудь, о порождении, результате; 6) о деятельности, занятии; 7) о поведении; 8) о времяпрепровождении; 9) об образе жизни.

Каждое из таких сообщений может быть означено глаголом *делать / сделать*, к которому обращены те или иные глаголы, обладающие суженной (частной) дейктической функцией (см. выше). Такие сообщения грамматически могут быть оформлены по-разному: это могут быть предложения глагольные или неглагольные, с разными формами предиката. В дальнейшем изложении для иллюстрации соответствующих типов сообщений будут приводиться предложения с гл. *делать / сделать* (под цифрой 1) и предложения с другими относящимися сюда дейктическими глаголами (под цифрой 2); предложения, содержащие тот же смысл, но

не заключающие в себе дейктического глагола, будут приводиться (под цифрой 3) только в необходимых случаях, тогда, когда тот или иной тип сообщения требует соответствующей иллюстрации.

I. Сообщение о собственно действии как единичном активном акте, исходящем от активного и определенного субъекта: *Что он делает / сделал?* Глаголы: *делать / сделать, вершить / свершить* (высок.), *творить / сотворить* (высок.).

1) — *Да наши предки Рим спасли! — Все так да вы что сделали такое? — Мы? Ничего!* (Крыл.); *Как часто, что-нибудь мы сделавши худого, Кладем вино в том на другого* (Крыл.); *Вы видите, что я играю в ваших глазах самую жалкую и гадкую роль и даже в этом признаюсь. И это все, что я могу для вас сделать* (Лерм.); *Думая о близкой возможности смерти, я думаю об одном себе, иные не делают и этого* (Лерм.); [Ф е д я] *Я негодяй. Но есть вещи, которые я не могу спокойно делать. Не могу спокойно лгать* (Л. Толст.).

2) *Вспомни, матушка царица, Ведь нельзя переродиться, Чудо Бог один творит* (Ершов); [Ц а р ь] *Нет, милости не чувствует народ: Твори добро — не скажет он спасибо* (Пушк.); [Б а с м а н о в] *Дай Бог ему с Отрепьевым проклятым Управиться, и много, много он Добра в России совершит* (Пушк.).

Такие сообщения строятся с глаголами, называющими разовое (разовые или повторяющиеся) действие, исходящее от активного субъекта — совершающего физическое действие, движение, волевой акт, действующего интеллектуально или эмоционально, говорящего, вступающего в контакт с кем-л. Кроме глагольного предложения такое сообщение может быть оформлено и без участия спрягаемой формы глагола: а) так называемым «глагольным междометием»; б) инфинитивом; в) предложением со сказуемым — именем в косвенном падеже и некот. др. — в том случае, когда речь идет об активном единичном действии, непосредственно исходящем от субъекта, напр.: *Татьяна ах!, а он реветь* (Пушк.); *Мартышка, в Зеркале увидя образ свой, Тихохонько Медведя толк ногой* (Крыл.); *Шалун какой-то тень свою хотел поймать: Он к ней, она вперед; он шагу прибавлять, Она туда ж, он, наконец, бежать* (Крыл.); *...она, Одной ногой касаясь пола, Другую медленно кружит, и вдруг прыжок, и вдруг летит...* (Пушк.); [Ч а ц к и й] *Вон из Москвы! Сюда я больше не ездук* (Триб.); [Л и з а] *Улыбочка и пара слов, И кто влюблен — На все готов* (Триб.); [Устинья Наумовна] (садясь) *Присесть, серебряная. Измучилась я нынче* (Остр.).

II. Сообщение о поступке как о действии, осуществляемом намеренно, неслучайно, возможно — обдуманном: *Что сделал / делает, Как поступил / поступает?* Глаголы: *сделать / делать, поступить / поступать*.

1) *В Москве, видно, барышни подались в ученость — и хорошо делают, право!* (Лерм.); [Л е п о р е л л о] *А завтра же до короля дойдет, Что Дон Гуан из ссылки самовольно В Мадрид явился, — что тогда, скажите, Он с вами сделает.* [Д о н Г у а н] *Пошлет назад. Уж верно головы мне не отрубят* (Пушк.); [Г е р ц о г] *Это очень странно, Или вам стыдно за него?* [Б а р о н] *Да... стыдно.* [Г е р ц о г] *Но что же сделал он?* (Пушк.); [М а ш а] *А что ты плохо живешь, пьешь да кутишь. А ты живой человек — брось.* [Ф е д я] *Легко сказать. [М а ш а] И сделай так* (Л. Толст.); *На другой день он объявил регенту свое намерение немедленно отправиться в Россию. — Подумайте о том,*

что вы делаете, — сказал ему герцог (Пушк.); [Л и п о ч к а] *Что же это такое со мной делают? Воспитывали, воспитывали, потом и обанкротились!* (Остр.).

2) *Как братья, все друг с другом поступают* (Крыл.); [С о ф и я] *Я очень ветрено, быть может, поступила. И знаю, и винюсь; Но где же изменила? Кому...?* (Гриб.); *...в тот страшный час Вы поступили благородно* (Пушк.); *Вы согласитесь, мой читатель, Что очень мило поступил С печальной Таней наш приятель* (Пушк.); [П о д х а л ю з и н] *...потому он сам несправедливо поступает, против закона идет* (Остр.).

Сообщения о поступке обычно заключены в собственно глагольных предложениях, ср.: *И сам не знаю я, Как впал во искушение; Ах, наустил меня проклятый бес!* (Крыл.); *Зачем ты, Балда, к нам залез?* (Пушк.); *Впервые входила она в тайные, тесные сношения с молодым мужчиною* (Пушк.).

III. Сообщение о поступке как начинании, направленном на исполнение: *Что сделал? Что предпринял?* Глаголы: *делать / сделать, предпринять / предпринимать*.

1) [Л а у р а] *Что там? Убит? прекрасно! в комнате моей! Что делать мне теперь, повеса, дьявол? Куда я выброшу его?* (Пушк.); *Если решишь прибегнуть ко мне, то принеси мне кольцо сюда, опусти его в дупло этого дуба. Я буду знать, что делать* (Пушк.); *...будьте спокойны, я им не поддамся. — Что же вы хотите делать? — Это моя тайна* (Лерм.); *Многие, невольно вскрикнув, схватили его за руки. — Что ты хочешь делать? Послушай, это же сумасшествие, — закричали ему* (Лерм.).

2) *...дал обещание, что он ничего не предпримет тайно от родителей* (Л. Толст. БСл); *Надо было что-то предпринимать. Стоять неподвижно перед толпой было невозможно* (Н. Остр. БСл).

Такой смысл заключен обычно в собственно глагольных предложениях, напр.: [Ф а м у с о в] *Молчать! Ужасный век! Не знаешь, что начать!* (Гриб.).

IV. Сообщение о поступке как исполнении, использовании, завершении: *Что сделал? Что устроил?* Глаголы: *сделать / сделать, исполнить / исполнять, призвести / производить, устроить, учинить, сладить* (разг.), *употребить* (устар.).

1) *А что же сделал он такого? Всего-то лил часа два-три* (Крыл.); *И, узнав, что караульщика нет, что лошади в денниках, в конюшне, — подвел воров и сделал все дело* (Л. Толст.).

2) [Г р а ф и н я - б а б у ш к а] *Что? что? Уж нет ли здесь пожара?* [З а г о р е ц - к и й] *Нет, Чацкий произвел всю эту кутерьму* (Гриб.); *Если Алексей будет у меня всякий день, то Бетси должна же будет в него влюбиться. Это в порядке вещей. Время все сладит* (Пушк.); *Устрой лишь так, чтобы тебя отныне Недолго я еще благодарил* (Лерм.); *...решил вернуть свои деньги. И устроил дело* (Л. Толст.); *Выходит, что Бог не понимал того, что нужно, и потому, не спросившись у волхвов, дурно устроил* (Л. Толст.); *Да скажите, что же я мог сделать? Ведь я употребил все, чтобы удержать ее: я говорил и о средствах, и о детях, которых мы должны оставить, и о моих делах, — она ничего слышать не хочет* (Л. Толст.); *Но он исполнил все то, что было заложено в него Богом, за то он и должен называться великим человеком* (Л. Толст.).

V. Сообщение о причине и чего-н. кому-н., о результате, о том, что вызвано чем-н.: *Что сделал? Что причинил?* Глаголы: *делать / сделать, причинить / чинить* (устар.) / *причинять, приключить кому что* (устар.).

1) *Да что же я сделал матушке твоей? — Что ты сделал?.. Кто просил тебя писать на меня доносы? (Пушк.); Вся кровь от яду в нем горит. Что сделал я тебе? — Змея он говорит (Крыл.); Любовь, как огонь, — без пищи гаснет. Авось ревность сделает то, чего не могли мои просьбы (Лерм.); Страшная вещь музыка. Что это такое? Я не понимаю. Что такое музыка? Что она делает? И зачем она делает то, что она делает? (Л. Толст.); [3-й мужик] Вот что делает вино-то! (Л. Толст.); Не делай другому того, чего не хочешь себе (посл.).*

2) *Не приключи нигде ни бед, ни горя, Вода моя до самого бы моря Так докатилась чиста, как серебро (Крыл.); Простите мне огорчения, которые я вам причинила (Тург. БСл).*

В старом языке *причинять* — без негативного оттенка: *...какую красоту причиняет слово (Лажечников, БСл); Стрельба в цель укрепляет руку и причиняет верность глазу (Козьма Прутков, БСл).*

VI. Сообщение о деятельности: а) о многих одновременно совершаемых целенаправленных поступках, действиях (*делать, действовать*) или б) о постоянной деятельности, занятиях (*что делает? чем занимается?*). Глаголы: *делать, действовать; заниматься, быть занятым, исправлять дело* (устар.).

а) *Как действует кто-нибудь?*

Вы пишете мне: действуйте или дайте мне действовать. Как скоро получу рукопись переписанную, тотчас и начну. Это не может и не должно мешать вам действовать с вашей стороны (Пушк., письмо Н. Н. Дуровой, 1836); Мысль быть сподвижником великого человека и совокупно с ним действовать на судьбу великого народа возбудила в нем в первый раз благородное чувство человеколюбия (Пушк.); Отец Сергей заметил, что купец что-то строго действует, и слабым голосом сказал келейнику, чтобы тот не гнал народ (Л. Толст.).

б) *Чем занимается, что делает, чем занят?*

1) *Но так как, живучи, я был здоровьем слаб, То сам я областью не правил, А все дела секретарю оставил. — Что ж делал ты? — Пиш, ел и спал, Да все подписывал, что он ни подавал (Крыл.); А что же делает супруга Одна в отсутствии супруга? Занятий мало ль есть у ней: Грибы солить, кормить гусей, заказывать обед и ужин, В амбар и в погреб заглянуть (Пушк.); Скажите какой-нибудь матушке или самой девушке правду, что она только тем и занята, чтобы ловить жениха. Боже, какая обида! А ведь они все только это и делают. И больше им делать нечего (Л. Толст.); ...с пятью рублями пришел домой. Дома делать нечего было: лошади не было (Л. Толст.); — Вы замужем? — Да. — А муж ваш что делает? — Работает в Югославии (Бунин); 2) *Как я рад, — продолжал Корсаков, — что еще не умер от скуки в этом варварском Петербурге. Что здесь делают, чем занимаются? (Пушк.).**

Сообщения этого типа строятся предложениями как глагольными, так и именными. Таков смысл, например, следующих именных предложений:

[Ф а м у с о в] *...день целый Нет отдыха, мечусь как словно угорелый. По должности, по службе хлопотня, Тот пристаёт, другой, Всем дело до меня! (Триб.); Там [в суде] уже был обмят тот хомут, в котором он работал: он сразу попал в него. Просители, справки в канцелярии, сама канцелярия, заседания — публичные и распорядительные (Л. Толст.).*

Сравни один и тот же смысл ('заниматься чем') в соседствующих безглагольном и глагольном предложениях: *Вот тут отдохните. А мне идти надо. — Куда? — Уроки у меня тут: совестно говорить — музыке учу* (Л. Толст.).

VII. Сообщение о поведении: *Что делает? Как себя ведет? Как держится? Глаголы: делать, вести себя, держаться, держать себя.*

1) Многочисленная челядь ее, разжирев и посевев в ее передней и девичьей, делала что хотела, наперерыв обкрадывая умирающую старуху (Пушк.); [Фамусов] *Вот то-то, все вы гордецы! Спросились бы, как делали отцы? Учились бы, на старших глядя* (Гриб.); *А вы, чті делали, скажите, в это время? Когда в полях чужих Он гордо погибал, Вы потрясали власть избранную как бремя? Точили в темноте кинжал?* (Лерм.); *Ну хоть бы как те, в Саратове, кажется, поехали и замерзли. Ну, что бы наши сделали? Как бы вели себя? Да, наверно, подло. Каждый бы за себя. Да и я тоже подло вела бы себя* (Л. Толст.); [Федя] *Или третье: забыться, пить, гулять, петь. Это самое я и делал. И вот допелся* (Л. Толст.); [Акулина Кондратьевна] *Сама ты, мать, посуды, что я буду с благородным-то зятем делать? Я и слова-то сказать с ним не умею, словно в лесу* (Остр.).

2) [Фамусов] *Пожалостя при нем веди себя скромненько...* (Гриб.); [Фамусов] *Вы повели себя исправно, Давно полковники, а служите недавно* (Гриб.); *Здравствуй, друг мой Павел! Держись моих правил: Делай то-то, то-то, Не делай того-то. Кажется, что ясно: Прощай, мой прекрасный* (Пушк.).

3) Сообщения, заключающие в себе смысл «вести себя как, кем», оформляются или развернутым описательным текстом (а), или специальными глаголами, составляющими достаточно широкий подкласс внутри глаголов со знач. действия (б), фразеологизмами (в) либо именными (безглагольными) предложениями (г).

а) *Один Иван Петрович был как дома: ел за двоих, пил в свою меру, смеялся своему смеху и час от часу дружелюбнее разговаривал и хохотал* (Пушк.); *Грушницкий юнкер. Он только год в службе; носит по особенному роду франтовства толстую солдатскую шинель... Он закидывает голову назад, когда говорит, и номинутно крутит усы левой рукой* (Лерм.); *Сначала, чтя его особу превысоку, Не смеет подступить из подданных никто: Со страхом на него глядят оне, и то Украдкой, издали, сквозь аир и осоку* (Крыл.).

б) Глаголы: *блажить, дурить, дурачиться, дичиться, гоняться за кем* ('добиваться внимания'), *повесничать, хозяйничать, не церемониться с кем, увиваться за кем, удариться во что (в разгул), разливаться (в пирах, в мотовстве), сумасбродить, чиниться с кем, чудесить* и мн. др. (более 100 глаголов).

в) Фразеология: *На сей раз Бог простит, Но берегись вперед И знай, с кем шутишь!* (Крыл.); *...размышлял о том, какую роль играть ему в присутствии Лизы* (Пушк.); *...Они немножечко дерут; Зато уж в рот хмельного не берут, И все с прекрасным поведением* (Крыл.); *моду взял кто (делать что-то), дня не проведет кто без чего, мелким бесом рассыпаться, быть как дома, много позволять себе* и мн. др.

г) Неглагольные предложения: [Репетитлов] *Не любишь ты меня, естественное дело: С другими я и так и сяк, С тобою говорю несмело, Я жалок, Я смешон, я неуч, я дурак* (Гриб.); [Хлестова] *...Сердитая! все кошачьи ухватки!* (Гриб.); [Чацкий] *Как суетится! Что за прыть!* (Гриб.); *Смотрите: вот пример для вас! Он горд был, не ужился с нами* (Лерм.).

VIII. Сообщение о времяпрепровождении: *Что делает? Как проводит время?* Глаголы: *делать, проводить время.*

1) *В глуши что делать в эту пору? Гулять? Деревня той порой Невольно докучает взору Однообразной наготой. Скакать верхом в степи суровой? Но конь, притупленной подковой Неверный зацепляя лед, Того и жди, что упадет. Сиди под кровлею пустынной, Читай: вот Прадт, вот W. Scott. Не хочешь? — поверяй расход, Сердись, иль пей, и вечер длинный Кой-как пройдет, а завтра тож, И славно зиму проведешь* (Пушк.).

2) *Один среди своих владений, Чтоб только время проводить, Сперва задумал наш Евгений Порядок новый учредить* (Пушк.); [Л е п о р е л л о] *Вы приятнее здесь время проводили — Чем я, поверьте* (Пушк.).

Здесь обычные сообщения с сочетаниями *проводить дни, провести день* (вечер, ночь), *провести лето* (зиму, осень, месяц) и под.: *Потом не могут уж расстаться И целые проводят вместе дни* (Крыл.); [М о л ч а л и н] *Поди, Надежды много впереди, Без свадьбы время проволочим* (Гриб.); *Он три часа по крайней мере Пред зеркалами проводил* (Пушк.); *Я не держу тебя; но где ты Свои проводишь вечера?* (Пушк.); *Лето он провел в своей деревне, устраивая свои дела* (Л. Толст.).

IX. Сообщение об о б р а з е ж и з н и: *Что делает? Какую жизнь ведет? Какое имеет обыкновение? Каков образ жизни?* Глаголы и глагольные фразеологизмы: *делать, вести жизнь, иметь обыкновение.*

1) *Ты хочешь знать, что делал я На воле? Жил, и жизнь моя Без этих трех блаженных дней Была б печальней и мрачней Бессильной старости твоей* (Лерм.). Сравни игру слов: [Ф р а н ц] *Помилуй, батюшка, за что ты на меня сердиться? Я, кажется, ничего не делаю.* [М а р т ы н] *Ничего не делаю! то-то и худо, что ничего не делаешь. Ты ленивец, даром хлеб ешь, ешь да небо коптишь* (Пушк.).

2) *Он вел жизнь самую рассеянную: торчал на всех балах, объедался на всех дипломатических обедах* (Пушк.); *Мы ведем жизнь довольно прозаическую* (Лерм.); *Покамест мирно жизнь она вела, Не думая о балах, о Париже, Ни о дворе* (Пушк.); *Каждому казалось, что та жизнь, которую он ведет, есть одна истинная жизнь* (Л. Толст.). С вариантами фразеологизма: *Презрев оковы просвещение, Алеко волен как они; Он без забот и сожаленья Ведет кочующие дни* (Пушк.); [Г р и г о р и й] *Как весело провел свою ты младость! Ты воевал под стенами Казани...* (Пушк.); *Он стада малого был мирный обладатель И век спокойно проводил* (Крыл.); *И так он свой несчастный век Влачил, ни зверь, ни человек, Ни то ни се, ни житель света, Ни призрак мертвый...* (Пушк.).

3) Кроме глагольных предложений, этот смысл может выражаться именными предложениями, включая и собственно номинативные, напр.: *Прогулки, чтение, сон глубокой, Лесная тень, журчанье струй, Порой белянки черноокой Младой и свежий поцелуй, Узде послушный конь ретивый, Обед довольно прихотливый, Бутылка светлого вина, Уединенье, тишина: Вот жизнь Онегина святая* (Пушк.); [Ч а ц к и й] *Нам, Алексей Степаныч, с вами Не удалось сказать двух слов. Ну, образ жизни ваш каков? Без горя нынче? без печали?* [М о л ч а л и н] *Попрежнему-с.* [Ч а ц к и й] *А прежде как жилали? [М о л ч а л и н] День за день, нынче как вчера.* [Чацкий] *К перу от карт? и к картам от пера? И положенный час приливам и отливам?* (Гриб.).

Таким образом, дейктический глагол *делать / сделать* участвует в значении как единичного действия, исходящего от активно действующего субъекта, так и действий, складывающихся в деятельность, занятие, или поступков, действий, образующих поведение, времяпрепровождение, образ жизни. Этот глагол возглавляет ряд дейктических единиц — глаголов и глагольных фразеологизмов, — на одном полюсе которого стоит сам этот глагол как единица с наиболее широким кругом функций, а на другом — единицы с ограниченным кругом функций, такие, как *вести себя, вести образ жизни* или *причинить, сладить, устроить*.

Глагол *делать* в своей функции означения активного действия никогда не коррелирует с *каково*, в отличие от *иметь место* и *испытывать состояние*, где такая корреляция присутствует и своим существованием реализует связь между классом дейктических глаголов и местоимений.

Позволим себе в качестве заключения рассмотреть сообщения, означаемые глаголами *делать, поступать, действовать* в сказке Пушкина «О поле и о работнике его Балде». Эта сказка написана Пушкиным в Болдинскую осень (1830) и при его жизни не публиковалась. В письме к Данилевскому в 1831 г. Н. В. Гоголь писал, что Пушкин читал ему свои сказки; о «Сказке о попе» он пишет, что сказка «не «Руслан и Людмила», а «совершенно русская и прелесть невообразимая». В записи сказки, рассказанной Пушкину в Михайловском в 1824 г., конец сказки иной: Балда попадает в царский дворец, хитрыми уловками избавляет царевну от беса и наказывает его; весь этот конец в пушкинской сказке отброшен.

«Сказка о попе и о работнике его Балде» занимает особое место среди других сказок Пушкина: написанная «в стиле раёшника» (Б. Томашевский), по своему жанру и композиции это динамическая миниатюра, драматургическое произведение, состоящее из двенадцати сцен, скрепленных авторскими пояснениями, выполняющими роль своеобразных кулис. Все повествование есть изображение ситуаций, событий и действий, динамически сменяющих друг друга и друг из друга вытекающих; эти события, ситуации, поступки распределены между действующими лицами: Балдой, бесами и попом; такое распределение четко соотносится с представлением типов сообщения — применительно к каждому из героев.

В центре изображения, естественно, находится Балда. Это — традиционный сказочный герой, однако, в отличие от многих народных сказок, действующий без помощи каких-нибудь внешних, чудесных сил, а, напротив, с самого начала ими управляющий. Единственная дань традиционному образу ничем не занятого дурака — одна строка в самом начале сказки: *Навстречу ему Балда Идет, сам не зная куда*. Далее Балда характеризуется только через сообщения о его действиях — целенаправленных поступках, о конструктивной мысли-решении, об образе жизни, выражающемся в активной и разумной деятельности. Мысль его представлена как решение, всегда приводящее к поступку, к осуществлению: *Балда мыслит: Этого проведи не штука!*; сами поступки — активные действия следуют за сразу возникающим решением: *Балда, с попом понапрасну не споря, Пошел, сел у берега моря; Там он стал веревку крутить Да конец ее в море мочить*; то же — с обеганием вокруг моря: за мгновенным решением о «меньшем брате» следует поступок: *По-*

шел Балда в ближний лесок, Поймал двух зайков, да в мешок. Поступок непосредственно приводит к задуманному результату; то же — с закидыванием палки за тучку и с подниманием кобылки. Заодно с Балдой действует и помогающая ему природа: море и волны, ближний лесок и разумно поступающие зайки.

Все изображение Балды в сказке строится средствами сообщений о действиях, сливающихся либо в целостную деятельность, либо в последовательность осмысленных поступков; сам его образ жизни неотделим от деятельности: *Живет Балда в поповом доме, Спит себе на соломе, Ест за четверых, Работает за семерых, Дó светла все у него пляшет, Лошадь запряжет, полосу вспашет, Печь затопит, все заготовит, закупит, Яичко испечет да сам и облупит* — и, как завершающий штрих: *Кашу заварит, нянчится с дитятей*. Сравни также развертывание последовательных действий — решений и поступков — в описании поимки двух зайков и всего того, что за этим следует.

В изображении Балды мы не найдем ни сообщений об эмоциональном, психологическом состоянии, о раздумьях, ни сообщений об окружающей его обстановке, о внешних несобытийных ситуациях: все здесь сконцентрировано на деятельной мысли, решении, поступке, складывающихся в ряд целенаправленных действий; такая последовательность решения, действия и результата заранее присутствует в самом сознании героя: *Да жду вон этой тучки; Зашвырну туда твою палку, Да и начну с вами, чертями, свалку*. Характерно, что модель поведения Балды как бы заложена в самой композиции сказки: это решение (*Балда говорит: «Буду служить тебе славно, Усердно и очень исправно...»*), вытекающая из этого решения последовательность действий и поступков и — естественное завершение всей предшествующей деятельности: *Балда его тут отыскал, Отдал оброк, платы требовать стал*.

Черты тоже действуют, но действуют по-своему: в их действиях нет ни решения, вытекающего из разумной и конструктивной мысли, ни целенаправленных поступков, ни деятельности, складывающейся из таких поступков. Их действия, рассчитанные на слабость соперника, оканчиваются неудачей; их мысль есть не действие, а пассивное состояние (*Старый Бес стал тут думать думу...*); их эмоциональное, психическое состояние, которое у Балды неотделимо от решения и поступка, обнаруживается в состоянии уныния, растерянности и страха: *Беса старого взяла тут унылость...; Испугался бесенок да к деду...; Бесенок оторопел, Хвостик поджал, совсем присмирел...*; их физическое состояние — это состояние слабости и неумения: *Вот, море кругом обежавши, Высунув язык, мордку поднявши, Прибежал бесенок, задыхаясь, Весь мокрешенек, лапкой утираясь...; Беденький бес Под кобылу подлез, Понатужился, Понапружился, Приподнял кобылу, два шага шагнул, На третьем упал, ножки протянул*. Характерно, что о физическом состоянии Балды сообщения вообще отсутствуют, оно ясно из его действий (сравни в сделанной Пушкиным записи: *Балда дюж, работающ*).

В аспекте анализа типов сообщения действия бесов часто оказываются лишь средством для изображения несобытийной ситуации, в которой субъект выступает как необходимый компонент рисуемого «кусочка действительности» (*Вот из моря вылез старый Бес: «Зачем ты, Балда, к нам залез?»; Вынырнул подосланный бесенок...; Вылез опять бесенок: Что ты хлопчешь?»*). Единственный собственно посту-

пок у бесов — вынужденный и бесславный финал всех их усилий: *Делать нечего — черти собрали полный оброк Да на Балду взвалили мешок.*

На этих страницах мы постарались показать, что типы сообщения, их выбор и распределение в художественном произведении (так же, как и вообще в речи индивида) являются ярким выразительным средством. В художественном произведении такой выбор оказывается важной составляющей его стиля, — не менее значимой, чем словесная и грамматическая ткань произведения.

ДЕЛАТЬСЯ

Среди русских дейктических глаголов, в их общей системе глагол *делаться* относится к сфере означения таких ситуаций (случаев, событий, происшествий), которые, в отличие от *быть* (*существовать, иметь место, иметься, наличествовать*), представляют собой некую динамическую картинку, сценку, где — определенно или в скрытой форме — присутствует или активный деятель (деятели) или тот (те), на кого такая деятельность направлена. Глагол *делаться* возглавляет собою ряд дейктических глаголов, так или иначе дифференцирующих этот общий смысл. Этот ряд имеет следующий вид: *делаться / сделаться, выходить / выйти, дойти / доходить (до чего), обернуться / оборачиваться (чем), обойтись / обходиться (как), повернуться / поворачиваться (как), получиться / получаться, приходиться / прийти, приключиться / приключаться, произойти / происходить, сбыться / сбываться, случиться / случаться, совершиться / совершаться, свершиться / свершаться, стать ('произойти'), стать, стрястись, твориться / сотвориться, устроиться / устраиваться.* Все эти глаголы распределены по частным смыслам, и только глаголы *делаться / сделаться* способны означать любой из этих частных смыслов. Обращает на себя внимание то, что этот ряд, в отличие от других дейктических глагольных микросистем, не имеет в своем составе устойчивых глагольных сочетаний (за исключением, по-видимому, единственного сочетания *пасть / выпасть на долю* 'прийтись, случиться').

Наши толковые словари (в отличие от *быть*) очень скупо и неполно описывают семантическую структуру гл. *делаться / сделаться*; между тем, она достаточно сложна, и частные смыслы, заключенные в этом глаголе, образуют далеко не простую систему. За каждым из перечисленных выше глаголов стоит определенный тип сообщения. В строе текста, в речи само сообщение далеко не всегда включает в себя соответствующий дейктический глагол (и даже, гораздо чаще, не включает его), но оно может быть означено дейктическим глаголом, передающим самый отвлеченный смысл сообщаемого: информацию о событии, случае, происшествии, о событии как об ожидаемом результате, о событии неожиданном, прерывающем сложившийся ход вещей и др. (см. ниже).

Глагол *делаться / сделаться* способен означать следующие смыслы сообщаемого¹: 1) сообщение о ситуации, возникающей на «несобытийном фоне»

¹ Здесь оставляются в стороне следующие значения этого глагола: 1) значение перехода из одного состояния в другое (полузнаменательность), напр.: *На улице совсем весна делается; Делается тепло* и 2) страдательное значение, напр.: *Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается* (посл.); ср.: *Дома, Федору Михайловичу казалось, все делалось ему наперекор* (Л. Толст.).

и спокойно вписывающейся в этот фон, в сложившийся или текущий ход вещей; 2) сообщение о ситуации, нарушающей сложившийся или обычный ход вещей; 3) сообщение о неожиданной, непредвиденной ситуации, нарушающей ход вещей; 4) сообщение о стечении активных ситуаций, складывающихся в целостную картину; 5) сообщение о единичной случайной ситуации, о собственном случае; 6) сообщение о происшествии, ломающем, «взрывающем» ход вещей, о приключении; 7) сообщение о ситуации, сложившейся как следствие, результат, итог того, что ей предшествовало; 8) сообщение о беспокойном эмоциональном внутреннем состоянии, о борьбе чувств. По функциям означения всех этих частных смыслов распределены дейктические глаголы показанного выше ряда; важно при этом иметь в виду, что один и тот же глагол может означать не один из названных частных смыслов, а несколько; однако «малые ряды», относящиеся к каждому из этих смыслов в отдельности, никогда полностью не накладываются друг на друга. Наиболее свободны в своих возможностях сам гл. *делаться / сделаться* (он способен означать любой из названных смыслов), а также глаголы *произойти / происходить, случиться / случаться*, способные означать не один, а несколько частных смыслов; функции других глаголов уже и иногда ограничены возможностью означения лишь одного из названных выше частных смыслов (см., напр., *статься, выйти, получить, обернуться, устроиться* или *стрястись, приключиться*).

Далее рассмотрим все названные частные смыслы, объединяющиеся в гл. *делаться / сделаться*, и проиллюстрируем их материалами из русской классической литературы; под цифрой (1) приводятся сообщения, означенные самим дейктическим глаголом, под цифрой (2) — сообщения, не заключающие в себе такого глагола, но способные быть им означенными.

I. Сообщение о единичной, отдельной ситуации, возникающей на «несобытийном фоне» и вписывающейся в ход вещей как одна из ситуаций, естественно входящая в общее течение событий: *Что произошло? Что сделалось?*

(1) *Все сели, опять спросили о здоровье. Произошло молчание. Лиза спросила у матери о бинокле. Произошли пререкания между матерью и дочерью, кто куда его дел* (Л. Толст.).

(2) *Успех нас первый окрылил* (Пушк.); *Братья милую девицу Полюбили. К ней в светлицу Раз, лишь только рассвело, Всех их семеро вошло* (Пушк.).

II. Сообщение о ситуации, нарушающей ход вещей, их течение вследствие вмешательства чьей-нибудь активности, посторонних обстоятельств: *Что произошло? Что сделалось? Что приключилось?*

(1) *В долгом времени, Аль вскоре, Приключилось им горе: Кто-то в поле стал ходить И пшеницу шевелить* (Ершов); [Ч а ц к и й] *Уж Софье Павловне какой Не приключилось ли печали?* (Гриб.); *Спокоен от Мышей Купчина: По кладовым и день и ночь дозор; И все бы хорошо, да сделалась причина: В дозорных появился вор* (Крыл.); *Жива ли, нет ли, Бог весть. Всякое случается* (Пушк.); *Он часто удивлялся тому, как это случилось, что ему, Степану Касатскому, довелось быть таким необыкновенным угодником и прямо чудотворцем* (Л. Толст.).

(2) — *О други! — начал Лев. — По множеству грехов Подпали мы под сильный гнев богов* (Крыл.), [Л и з а] *Мне-с... ваша тетухса на ум теперь пришла, Как молодой*

француз сбежал у ней из дому. Голубушка! хотела схоронить Свою досаду, не сумела... (Гриб.); Вот однажды царь Дадон Страшным шумом пробужден (Пушк.); — Обидел кто тебя, Скажи; Хоть только след нам укажи (Пушк.); [Р е п е т и л о в] Пускай лишусь жены, детей, Оставлен буду целым светом, Пускай умру на месте этом, Да разразит меня Господь... (Гриб.).

III. Сообщение о неожиданной, непредвиденной ситуации, о том, что произошло вдруг, внезапно: *Что вдруг сделалось? Что произошло? Что случилось? Что произошло?*

(1) [Б а с м а н о в] *Что сделалось такое?* [П я т ы й] *Царь занемог.* [Ш е с т о й] *Царь умирает.* [Б а с м а н о в] *Боже!* (Пушк.).

(2) *Наутро сваха к ним на двор Нежданная приходит* (Пушк.); *Ведь кошка, говорят, попала в когти к Льву* (Крыл.); *Волк ночью, думая залезть в овчарню, Попал на псарню* (Крыл.); *В нежданной встрече сын Гасуба Ручкой завистника убит Вблизи развалин Татартуба* (Пушк.); *И пришлось нам нежданно-негаданно хоронить молодого стрелка* (Некр.).

Сюда относятся сообщения, строящиеся со словами и фразеологизмами, заключающими в себе смысл внезапности, неожиданности: *вдруг, как вдруг, очутиться, оказаться, попасться; встретить, повстречать(ся); ахнуть не успел, оглянуться не успел, откуда ни возьмись, только успел, как...*

Тихонько брел домой проселочным путем, Как вдруг Разбойнику попался (Крыл.); *Вдруг это мертвое лицо изменилось неузнаваемо* (Пушк.); *Рассуждая таким образом, очутился он в одной из главных улиц Петербурга, перед домом старинной архитектуры* (Пушк.); *Только вымолвить успела, Дверь тихонько заскрытела, И в светлицу входит царь, Стороны той государь* (Пушк.).

IV. Сообщение о стечении активных ситуаций, складывающихся в общую картину: *Что делается? Что происходит? Что творится (где-нибудь, у кого-нибудь, кругом)?*

(1) *По его словам, я отряжен был от Пугачева в Оренбург шпионом, ежедневно выезжал на перестрелки, дабы передавать письменные известия обо всем, что делается в городе* (Пушк.); *Но возвратимся к добрым ненарадовским помещикам и посмотрим, что-то у них делается? А ничего* (Пушк.); *...притворившись дураком, казалось, не обращал никакого внимания на все, что около него делалось* (Пушк.); *Все было так, как он ожидал: все было так, как всегда делается. И ожидание, и важность напускная докторская, и выстукивание, и выслушивание, и значительный вид* (Л. Толст.).

(2) *Медведь повалился. Все сбежались, дверь отворилась, Кирила Петрович вошел, изумленный развязкой своей шутки* (Пушк.); [С о ф и я] *Мы в темной комнате. Для довершенья чуда Раскрылся пол — И вы оттуда, Бледны как смерть, и дыбом волоса! Тут с громом распахнулись двери, Какие-то не люди и не звери, Нас врознь — и мучили сидевшего со мной* (Гриб.).

V. Сообщение о случае, случайной разовой ситуации: *Что сделалось? Что случилось?*

(1) *Ягненок в жаркий день зашел к ручью напиться; И надобно ж беде случиться, Что около тех мест голодный рыскал Волк* (Крыл.); *По счастью, близко тут Журавль случился* (Крыл.); [Ф а м у с о в] *На куртаге ему случилось обступиться; Упал, да так,*

Что чуть затылка не прошиб (Гриб.); *Лиза прибегает в слезах. — Что? Что-нибудь сделалось?* — *Мамы не слышно* (Л. Толст.).

(2) *Иной бы был такой доволен частью; Но Скворушка услышь, что хвалят соловья* (Крыл.); *Он хотел в открытых игорных домах Парижа вынудить клад у очарованной Фортуны. Случай избавил его от хлопот* (Пушк.); *А, старый хрыч, — сказал Пугачев. — Опять Бог дал свидеться* (Пушк.).

VI. Сообщение о происшествии, об экстраординарной ситуации, «взрывающей» ход вещей: *Что сделалось? Что случилось? Что произошло? Что потрясло? Что совершилось?*

(1) *Убирайтесь все отсюда! Здесь сейчас случится чудо* (Ершов); *Сделалось смятение. Люди бросились в комнату старого барина* (Пушк.).

(2) [Ф а м у с о в] *А? бунт? ну так и жду содома* (Гриб.); *Надеждой счастье сперва ему польстило; Но бурю корабль разбило* (Крыл.); *Государь! проснись! беда! — Что такое, господа? ...А?... кто там? беда какая? Воевода говорит: Петушок опять кричит* (Пушк.); *Осада! приступ! злые волны, Как воры, лезут в окна* (Пушк.).

VII. Сообщение о ситуации как итоге, следствии, ожидаемом или неожиданном результате, исходе: *Что сделалось? Что получилось? Что вышло? Что стало? Что сбылось?*

(1) *Пугачев мог проведать истину и другим образом... Тогда что станет с Марией Ивановной?* (Пушк.); *Нет, она хорошо сделала, что умерла! Ну, что бы с ней стало, если бы Григорий Александрович ее покинул?* (Лерм.); *Петр Андреич сочинил недавно песню и сегодня запел ее при мне, а я затаил свою любимую... Вышла разладица* (Пушк.); [П о д х а л ю з и н] *Я это к примеру говорю — в добрый час молвить, в худой промолчать, от слова не станется* (Остр.); *К нему [идеалу] всегда стремились и стремятся люди. И посмотрите, что выходит. Выходит, что плотская любовь — это спастительный клапан* (Л. Толст.).

Тот же смысл с наращением компонента собственно конца (а) или оценки (б):

а) *Дошло что до чего, довело что до чего, пришло ('дошло до чего')*: *Не может Волк ни охнуть, ни вздохнуть, Пришло хоть ноги протянуть!* (Крыл.); *Коль до когтей у них дойдет, То, верно, Льву не быть живому* (Крыл.); *...Все перероет, пересадит На новый лад и образец. Какой же выдался конец?* (Крыл.);

б) *И на этот уже раз Обошлось без проказ* (Ершов); *Сегодня удалось, А завтра кто порукой?* (Крыл.); *Он должен был настоять на том, чтобы дело обошлось как можно секретнее* (Лерм.); в разговорной речи: *Все устроилось к лучшему.*

К этому смыслу относятся устойчивые сочетания: *так получилось, может стать-ся, вышло так, что...*, как бы чего не вышло и некоторые другие.

(2) *Проказники тут до того шумели, Что захватило их в дыму* (Крыл.); *А Балда наделал такого шума, Что все море смутилось И волнами так и расходилось* (Пушк.); [Ф а м у с о в] *Дай волю вам, Оно бы и засело* (Гриб.); *А если корень иссушится, Не станет дерева, ни вас* (Крыл.).

VIII. Всем сообщениям, описанным под пп. I—VII и относящимся к внешним ситуациям, противопоставлены сообщения о внутреннем состоянии субъекта а) как о сложном беспокойном движении чувств: *что делается, что происходит,*

что творится в ком / в душе у кого / с кем? и б) как о состоянии субъекта, предопределенном каким-нибудь внешним воздействием: что сделалось с кем?

а) *И что с ним делается теперь? О чем он думает и грустит?* (Л. Толст.); *Но как она может не понимать этого, и что в ней делается? — говорил он себе* (Л. Толст.); *Ей казалось, что он насквозь видит ее и понимает все то нехорошее, что в ней делается* (Л. Толст.); *Степан Аркадьевич улыбнулся. Он понимал, что делалось в душе Левина* (Л. Толст.); *...Как огромно и значительно кажется ей, бедняжке, то, что происходит теперь в ее душе* (Л. Толст.).

б) *Что это с вами сделалось? — сказала она, увидев меня. — Как вы бледны!* (Пушк.); [Л е п о р е л л о] — *Ай, ай! умру!* [Д о н Г у а н] — *Что сделалось с тобой?* [Л е п о р е л л о] — *Статую...* (Пушк.). Сравни безглагольные фразеологизмы: *что с ним? что с тобой? что со мной?*

В устойчивом сочетании *что делается / сделается кому* смысл, описанный в п. б), осложнен смыслом устойчивого невосприятия субъектом какого-н. внешнего воздействия: *что ему делается* значит 'ничего с ним не делается, не произойдет, он не таков, чтобы с ним что-нибудь случилось': — *А что Казбич? — спросил я нетерпеливо у штабс-капитана. — Да что этому народу делается! ... ведь ускользнул!* (Лерм.); [У с т и н ь я Н а у м о в н а] *Здравствуй, живая душа! Каково попрыгиваешь?* [П о д х а л ю з и н] *Что нам делается* (Остр.).

Как уже сказано, глаголы, перечисленные в начале как закрытый ряд, неравнозначны с точки зрения своих функций: такие глаголы как *делаться, происходить, случаться* составляют центр этого ряда: они могут означать разные ситуации, события, случаи; другие глаголы, такие, как *статься, выйти, устроиться* и некоторые другие образуют периферию и прикреплены только к определенным видам сообщений. Однако во всех случаях с полной определенностью обнаруживается дейктическая функция каждого из глаголов, группирующихся вокруг гл. *делаться / сделаться, происходить / произойти, случаться / случиться*.

Покажем на одном ярком примере то качество глагола *случиться*, которое делает его способным означать как собственно случай, так и неожиданную ситуацию или событие, складывающиеся из последовательно осуществляемых поступков, действий: «В Петербурге в сороковых годах случилось удивившее всех событие: красавец, князь, командир лейб-эскадрона кирасирского полка, которому все предсказывали и флигель-адъютантство и блестящую карьеру при императоре Николае I, за месяц до свадьбы с красавицей-фрейлиной, пользовавшейся особой милостью императрицы, подал в отставку, разорвал свою связь с невестой, отдал небольшое имение свое сестре и уехал в монастырь, с намерением поступить в него монахом» (Л. Толстой, «Отец Сергей», I, начало повести).

ИМЕТЬ МЕСТО

Дейктическим сочетанием *иметь место* ('наличествовать', 'быть где и когда') означает сообщение о несобытийной ситуации, т. е. о таком «кусочке действительности», который непосредственно не связан ни с какой активной деятельностью, с деятелем либо с происшествием, случаем, окказиональной и нежиз-

данной ситуацией, врывающейся в ход вещей, его нарушающей или пресекающей. Предметом сообщения здесь является такая ситуация, которая предстает как спокойно изображаемая, рисуемая, целиком относимая к плану развертывающегося повествования. Классическим примером здесь могут служить общеотрицательные предложения, открываемые негацией, — обычно при сопоставлении сообщений об отрицаемом и утверждаемом, напр.: *Не серна под утес уходит, Орла слышит тяжкий лет; Одна в снях невеста бродит, Трепещет и решенья ждет* (Пушк.). В своем элементарном виде — это всегда относительно законченное сообщение о внешней обстановке, о внешней несобытийной ситуации, в которой деятель либо носитель состояния или вообще исключен, или является «мнимым», нужным только для того, чтобы стать в центре повествования как то, вокруг чего создается некая «картинка». Применительно к такой ситуации всегда правомерен вопрос «Что там?», «Каково положение вещей?», «Какова наличествующая, текущая ситуация?»; сравни: *Старый князь, ступая на пятку, ходил по кабинету и послал Тихона к Марье Богдановне спросить: что? — Только скажи: князь приказал спросить что? и приди скажи, что она скажет. — Доложи князю, что роды начались* (Л. Толст.).

Можно назвать несколько основных типов ситуаций, которые способны быть означены дейктическим сочетанием «иметь место»; это, во-первых, ситуация собственно бытийного природного состояния либо ситуация внешней обстановки, а также несобытийная ситуация с «мнимым субъектом»; во-вторых, несобытийная ситуация со скрытым или устраненным субъектом либо такая ситуация с субъектом пассивного состояния. В любом случае — это сообщения о внешнем положении, не связанном с активной деятельностью определенного субъекта, с его целенаправленно поступком, волей, чувством; присутствие такого субъекта здесь или исключено или представлено косвенно, неопределенно, сквозь призму ситуации, к которой тот или иной субъект имеет некоторое касательство. Рассмотрим каждую из таких ситуаций и более частные их разновидности.

I. Собственно бытийная ситуация — природное состояние окружающей среды, погоды. Здесь смысл «иметь место» смыкается со смыслом «каково где и когда»: *На дворе холодно, тепло; За окном метель, вьюга; Ненастье, дождь; Холод, ветер.* Здесь обычны предложения не только с предикативом, но и глагольные:

[С о ф и я] *Сидим, а на дворе давно уж побелело* (Гриб.); *Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю Слугу, несущего мне утром чашку чаю, Вопросами: тепло ль? утихла ли метель? Пороша есть иль нет?* (Пушк.); *В тот год осенняя погода Стояла долго на дворе* (Пушк.); *Все дороги занесло* (Пушк.); *Весеннее солнце взошло и жар уже наступал* (Пушк.); *В четверг ветер затих и надвинулся густой туман* (Л. Толст.); *Весна долго не открывалась. Последние недели поста стояла ясная, морозная погода* (Л. Толст.); *Днем таяло на солнце, а ночью доходило до семи градусов* (Л. Толст.).

II. Ситуация внешней обстановки, имеющегося, наличествующего положения вещей может быть представлена (1) как локализованная, данная либо (2) как обычная, одна из сходных, подобных.

1) *Добро бы было в гору Или в ночную пору — А то и под гору, и днем!* (Крыл.); *Ладно ль за морем иль худо, И какое в свете чудо? (Пушк.); Видно: на море не тихо; Смотрит — видит дело лихо* (Пушк.); *Пойдем опять к Анне Ивановне, там весело,*

шум, народ, музыка (Л. Толст.); *Танцы и шум не переставали, но было как-то скучно, не говко* (Л. Толст.).

В таких сообщениях обычно обобщающее *всё*, указывающее на широту охвата ситуации, на включенность в нее многого — всего того (не исключено также и неопределенно мыслимых тех), чем эта ситуация создается:

Все счастливо: уж есть и дети у Орлицы (Крыл.); *Заздравный ковч кругом пошел: Все шумно, гости пьяны* (Пушк.); *И все дремало в тишине При вдохновительной луне* (Пушк.); *Коль кругом все будет мирно, Так сидеть он будет смирно* (Пушк.); *Время шло медленно. Все было тихо. В гостиной пробило двенадцать* (Пушк.); *И вот она одна. Все тихо. Светит ей луна* (Пушк.); *Гаврила Афанасьевич, послав за лекарем, закрылся в своей комнате, и в его доме все стало тихо и печально* (Пушк.); *Вид ужасный! Все перед ним завалено; Что сброшено, что снесено* (Пушк.).

2) Ситуация внешней обстановки может быть представлена как одна из обычных, повторяющихся; темпоральная детерминация при этом может отсутствовать, но она не исключена:

Там будет бал, Там детский праздник (Пушк.); [Ф а м у с о в] *То бережешься, то обед* (Гриб.); [Ч а ц к и й] *Вчера был бал, а завтра будет два* (Гриб.); *Татьяны именины в субботу* (Пушк.); *Послали купить рубашку. Лакей вернулся: все закрыто — воскресенье* (Л. Толст.).

III. Несобытийная ситуация с «мнимым субъектом» имеет место в тех случаях, когда сообщение представляет собой как бы рисуемую картинку, т. е. предметом сообщения является целостная ситуация, создаваемая присутствием того, вокруг чего она существует: позиция субъекта формально занята, обозначено и его действие или состояние, однако смысл сообщения заключен не в этом сочетании, а в воспроизведении того, что создается таким сочетанием, им объясняется или стимулируется. Здесь можно обозначить несколько видов таких сообщений.

1) Сообщение о состоянии природы, внешней среды — картинка, рисуемая вокруг того, чем она создается как целое:

Сквозь туман кремнистый путь блестит; Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу, И звезда с звездою говорит (Лерм.); *По камням струится Терек, Плещет мутный вал* (Лерм.); *Горные вершины Спят во тьме ночной, Тихие долины Полны свежей мглой; Не пылит дорога, Не дрожат листья...* (Лерм.); *В синем небе звезды блещут, В синем море волны хлещут; Туча по небу идет. Бочка по морю плывет* (Пушк.).

2) Сообщение о ситуации — положении, сложившемся в результате каких-н. обстоятельств:

Надеждой счастье сперва ему польстило (Крыл.); [С о ф и я] *Привычка вместе быть день каждый неразлучно Связала детскою нас дружбой* (Гриб.); *Нечаянный случай всех нас изумил* (Пушк.); *Обстоятельства некогда сблизили нас* (Пушк.); *Радость произвела в больном самое сильное впечатление* (Пушк.).

IV. Сообщениям, заключающим в себе смысл «иметь место» и исключающим ту или иную обращенность к субъекту, к деятелю или деятелям, противостоят сообщения с тем же общим смыслом, но сопрягающие этот смысл с косвенной отнесенностью ситуации к субъекту — деятельному, активному, либо пассивному, испытывающему то или иное состояние. В обоих этих случаях в разной степени

имеет место скрытость, устраненность субъекта, наличие у него статуса некоего придатка к ситуации, которая осуществляется как бы без его участия, сама по себе. Здесь можно назвать несколько видов таких сообщений, — с той оговоркой, что этот перечень не является ни исчерпывающим, ни в необходимой степени детализируемым: сообщения, заключающие в себе смысл «иметь место», «наличествовать» применительно к внешней ситуации, составляют едва ли не основной массив в общем пространстве повествовательного поля языка.

1) Субъект, деятель скрыт за так называемой «неопределенно-личностью». Это или глагольные предложения с главным членом — глаголом в форме 3 л. мн. ч., обычно сообщающие об информации, сведениях, исходящих от неопределенного, неназываемого источника (а), или именные предложения с тем же общим смыслом (б), или сообщения о конкретных действиях или состояниях неопределенного лица или лиц (в).

а) *И вдруг, как будто наяву, Изба передо мною. Я к ней, стучу — молчат. Зову — Ответа нет* (Пушк.); *От старой графини таили смерть ее ровесниц* (Пушк.).

Собобщенно-названным субъектом: — *Но, быть может, люди врут. Князю Лебедь отвечает: Свет о белке правду бает* (Пушк.).

б) *Ведь идет слух, Что все у богачей лишь бисер да жемчуг* (Крыл.); — *Какой набор? — Да так. Есть слух: Война с Китаем* (Крыл.); [С к а л о з у б] *Я вас обрадую: всеобщая молва, Что есть проект насчет лицеев, школ, гимназий* (Гриб.); *Нынче поутру у колодца только и было толков, что о ночном нападении черкесов* (Лерм.).

в) *По улицам Слона водили, Как видно, напоказ* (Крыл.); *За волком поиски, клянет его весь свет* (Крыл.); [Ч а ц к и й] *Кому нужна: тем спесь, Лежи они в пыли* (Гриб.); *Однажды играли в карты у конногвардейца Нарумова* (Пушк.). В сочетании с указанием на собственно предмет или предметы, символизирующие ситуацию: *Началась панихида — свечи, стоны, ладан, всхлипывания* (Л. Толст.).

2) Множественный и известный субъект представлен обобщенно: как целостность, совокупность:

Внимало все тогда Любимцу и певцу Авроры: Затихли ветерки, замолкли птичек хоры, И прилегли стада (Крыл.); [Л и з а] *Все в доме поднялось* (Гриб.); *Все уселось и примолкло, последние звуки увертюры прогремели* (Пушк.); *Все хлопает. Онегин входит* (Пушк.); *В девять часов утра заблаговестили к обедне, и все потянулось к новой каменной церкви* (Пушк.); — *Государь! Государь! — вдруг послышалось между гусарами. Все побежало, заторпилось* (Л. Толст.).

То же в именных предложениях, сообщающих о действии или состоянии тех, кто представлен обобщенно, как целое, действующее совместно: [Ч а ц к и й] *Умалк. И тут со всех сторон Тоска, и оханье и стон! Ах, Франция! Нет в мире лучше края!* (Гриб.); *Это похоже было на поединок: глубокое молчание царило кругом* (Пушк.); *В комнате пронесся чистый, стройный звук и сделалось совершенное молчание* (Л. Толст.).

3) Субъект известен, но не назван, и его действие представлено как самостоятельная внешняя ситуация, относимая к определенному времени, моменту:

Вот пуще прежнего и кваканье, и стон, Чтوب им Юпитер снова Пожаловал царя иного (Крыл.); *Пустылися мои ребята в разговоры, Пошли догадки, толки, споры* (Крыл.); [Л и з а] *Переведу часы, хоть знаю: будет гонка, Заставлю их играть* (Гриб.);

Алексей Александрович не успел прочесть брошюру вечером и дочитал ее утром. Потом явились просители, начались доклады, приемы, назначения, удаления, распределения наград, новости, жалования, переписки — то будничное дело, как называл его Алексей Александрович, отнимавшее так много времени (Л. Толст.); Приводим в чувство. Еще слезы, и, наконец, примирение. И не примирение: в душе у каждого та же старая злоба (Л. Толст.).

4) Субъект действия или состояния представлен в ситуации, которую он создает, но его активность ослаблена формально: он обозначен или (а) как обладающий ситуацией (*у кого*), или (б) локализирующий ее (*между кем, среди кого*), или (в) как определяющий ее (*чей*), или (г) как орудие ее осуществления (*кем*):

а) *Зарей, где спят еще, а уж у них давно Пошло плясать веретено (Крыл.); [Ч а ц к и й] У вас в лице, в движеньях суета (Гриб.); Вот пуще прежнего пошли у них разборы И споры, Кому и как сидеть (Крыл.); Дб света все у него пляшет, Лошадь запряжет, полосу вспашет, Печь затопит, все заготовит, закунит, Яичко испечет да сам и облупит (Пушк.); Как-то раз перед толною соплеменных гор У Казбека с Шат-горюю был великий спор (Лерм.).*

б) *Меж ими все рождало споры И к размышлениям влекло: Племен минувших договоры, Плоды наук, добро и зло (Пушк.); Меж юных жен, увенчанных цветами, Шел разговор веселый обо мне (Лерм.).*

в) *[С о ф и я] Хочу к нему, вы тянете к себе! Нас провожают стон, рев, хохот, свист чудовищ (Гриб.); В передней толкотня, тревога; В гостиной встреча новых лиц, Лай мосек, чмоканье девиц, Шум, хохот, давка у порога, Поклоны, шарканье гостей, Кормилиц крик и плач детей (Пушк.).*

г) *То солнцем дерево печет, То градом, то дождем сечет, И ветром наконец, то Дерево сломило (Крыл.).*

5) Субъект как собственно производитель действия или носитель состояния в сообщениях со смыслом «иметь место» присутствует тогда, когда речь идет об узуальной ситуации, о том, что имеет место всегда, постоянно, что сложилось как общеизвестное: *Ведь это все, чай, знают, Что ласточки к нам прилетают Перед весной (Крыл.); Люди женятся, гляжу, Неженат лишь я хожу (Пушк.); Миленькие вдовушки в девках не сидят (Пушк.); [Чацкий] Молчалины блаженствуют на свете! (Гриб.).*

Во всех рассмотренных случаях предметом сообщения является внешняя несобытийная ситуация, непосредственно не связанная ни с чьей-нибудь активной деятельностью, поступком, ни с происшествием, случаем, неожиданным событием. Для таких сообщений характерно означение посредством дейктического сочетания *дело было (тогда-то, там-то)*, сравни: — *Дело в пятницу на масляной было, так никого не было: все по балам (Л. Толст.); — Так часу в третьем было дело. Играли господа: гость большой (так его наши прозвали), князь был (что с ним все ездит)... Народу было порядочно (Л. Толст., «Записки маркера»).*

КАКОВО

1. В описании смысловых функций местоимения *каково* мы будем исходить из того положения, что в русском языке существует целостный класс слов, предназначенных языком не для номинации определенных реалий — предметов, про-

цессов, признаков, — а для означения сообщения в целом. Это — вся система местоимений, в предложении способных занимать позицию предиката, а также закрытый класс дейктических глаголов и глагольных фразеологизмов с собственно указующей (означающей) функцией. Все вместе эти слова объединяются общей для них функцией означения сообщения в целом, т. е. способностью представлять тип сообщения, самый характер информации, содержащейся в том или ином высказывании.

II. Местоимение *каково* является связующим звеном между местоименным и глагольным дейксисом: формально это предикатив и, следовательно, ему, как и собственно местоимению, выступающему в функции означения сообщения в целом, предназначена позиция предиката. В то же время это — дейктическое слово, по своим функциям сближающееся с глагольным дейксисом. Сообщения, означаемые местоимением *каково*, по своему общему смыслу могут совпадать с сообщениями, означаемыми дейктическими глаголами и дейктическими глагольными фразеологизмами: *иметь место* (о несобытийной бытийной ситуации), *испытывать состояние, находиться в состоянии* (о несобытийной субъектной ситуации, о состоянии субъекта); в то же время *каково* сохраняет способность означать собственно признак: *каково* = 'как'; сравни: ...*А каково стрелял он?* (Пушк.); *Каково проживаете?* разг. речь (см. об этом ниже). Во всех случаях *каково* заключает в себе смысл сущности, самой сути состояния или ситуации; с этой точки зрения *каково* сохраняет свою смысловую связь с *каков* (*какова, каково, каковы*), в системе неглагольного дейксиса означающим сущностный признак кого-чего-н.

Позиция местоимения *каково* в предложении — всегда позиция предиката, причем, в зависимости от означаемой ситуации, *каково* может быть предикатом в односоставном предложении (*Каково сегодня на дворе? Каково сегодня больному?*) либо в двусоставном предложении — в сочетании с инфинитивом (*Каково мне это терпеть? Каково ему жить одному?*).

Рассмотрим функции местоимения *каково* и те типы сообщений, которые опираются на смысл этой полифункциональной дейктической единицы.

1) Местоимение *каково* указывает на отнесенное к определенному моменту состояние внешней среды ('каково где?; каково состояние погоды, обстановки?; какая внешняя, несобытийная ситуация имеет место?'); в этом случае оно всегда — собственно предикат, а означаемая ситуация всегда относится к определенному времени: — *Каково на дворе? — Солнышко. Тепло* (С.-Щ.); *Каково сегодня, холодно? В лесу тихо, а каково-то в поле?* Этот смысл заключен в сообщениях с соответствующим предикативом (а), а также, возможно, с предикатом-именем, безличной формой глагола или бытийным глаголом (б), причем эти формы очень часто соседствуют в тесном контексте.

а) {Ч а ц к и й} *Куда ни взглянешь, Все та же гладь и степь, и пусто, и мертво...* (Гриб.); *В небе, в полях, по дороге было также серо и пасмурно, и та же осенняя мгла сыпалась на грязь дороги, на крыльцо, на карету* (Л. Толст.); *На улице было пусто, но длинный ряд фонарей еще светил красными огнями, на небе было высоко и звездно* (Л. Толст.).

Сочетания с инфинитивом представляют в этих случаях сосредоточенность состояния на каком-н. действии: *Читать было темно, и поэтому я закрыл глаза и*

притворился, что хочу заснуть (Л. Толст.); *Гулять сегодня холодно; На солнце сидеть жарко.*

б) *Уж было поздно и темно; Сердито бился дождь в окно, И ветер дул, печально воя* (Пушк.); — *А какова погода? Кажется, ветер. — Никак нет-с, ваше сиятельство, очень тихо-с* (Пушк.); *А далеко на севере — в Париже, Быть может, небо тучами покрыто, Холодный дождь идет и ветер дует* (Пушк.); *Днем таяло на солнце, а ночью доходило до семи градусов* (Л. Толст.); — *А холодно на дворе? — спросил Делесов. — Мороз здоровый* (Л. Толст.).

Во всех таких сообщениях смысл «каково сейчас где» смыкается со смыслом «иметь место» — применительно к несобытийной ситуации, относящейся к состоянию внешней среды и относимой к определенному времени и месту.

2) Местоимение *каково* означает имеющуюся, сложившуюся ситуацию как в о с п р и н и м а е м у ю кем-нибудь и х а р а к т е р и з у е м у ю; эта характеристика, свойство как бы существует само по себе и применяется к присутствующему, данному положению вещей: *Черт догадал меня родиться в России с душой и талантом! Весело, нечего сказать* (Пушк.); *Право, кажется, военные цензоры марают для того, чтобы доказать, что они читают. Тяжело, ничего не скажешь. И с одной цензурой наплачешься, каково же зависеть от целых четырех?* (Пушк.). — *Что? — спросил импровизатор. — Каково? — Удивительно, — ответил поэт. — Как! Чужая мысль чуть коснулась вашего слуха и уже стала вашей собственной. Удивительно, удивительно!* (Пушк.); *...говорил он все быстрее, не давая никому вставить слова и все больше и больше разгорячаясь. Все молчали. Было неловко* (Л. Толст.); *Ведь посмотреть на нынешних красавиц, смех и жалость!* (Пушк.); [Б о р и с] *Но если в ней единое пятно, Единое, случайно завелось, Тогда — беда!* (Пушк.); [Ф е д я] *Пбило. Скучно. Скучно. Бессмысленно* (Л. Толст.); [А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а] *Я и слова-то сказать с ним не умею, словно в лесу.* [У с т и н ь я Н а у м о в н а] *Оно точно, жемчужная, дико сперва-то, ну, а потом привыкнешь, обойдется* (Остр.).

То же при обобщающих *все*, *это*: *И все бы хорошо, да сделалась причина: В дозорных появился вор* (Крыл.); *Что Москва говорит о Петербурге, так это умора* (Пушк.).

В таких сообщениях нормален инфинитив, называющий само характеризующее действие или состояние: *Сзубить легко, да душе-то каково?* (Даль); *Вот видишь ли, Петр Андреич, каково погуливать!* (Пушк.); *Когда перенимать с умом, тогда не чудо И пользу от того сыскать; А без ума перенимать И божье сохрани как худо!* (Крыл.); [Б о л ь ш о в] *Сидят-то сидят, да каково сидеть-то? Каково по улице идти с солдатом?* (Остр.). С фразеологизмом со смыслом «каково»: [Ф а м у с о в] *Что за комиссия, Создатель, Быть взрослой дочери отцом!* (Гриб.); *А угодить на Льва, конечно, не безделка* (Крыл.); [С о ф и я] *Гоненье на Москву! Что значит видеть свет!* (Гриб.); с придаточным в позиции инфинитива: *Какая вещь пустая! Не глупо ль, что его высоко так ценят?* (Крыл.).

3) Местоимение *каково* означает физическое или нравственное, эмоциональное состояние субъекта, создаваемое им самим или стимулированное извне и, в любом случае, сосредоточенное в нем самом. Смысл с о с р е д о т о ч е н н о с т и в с е б е, я н а с е б е есть то, что отличает такое состояние от состояния модального (испытываемой необходимости, должности, вынужденности, возможности,

целесообразности), при котором субъект всегда оказывается в центре двух воздействий: ситуации вынуждающей, стимулирующей и той, которая осознается, осмысливается как вытекающая из первой, ею требуемая (см. п. II). В отличие от состояния модального, в *каково* это — состояние ощущаемое, чувствуемое, причем такое, которое может осознаваться как возникающее почему-то, из-за чего-то либо без такого осознания, сравни: *мне радостно, грустно, неприятно видеть этого человека, мучительно быть с ним и мне весело, грустно, на душе легко, светло*. В отличие от состояния модального, при котором всегда присутствует ситуация, это состояние порождающая и ею порождаемая, т. е. стимул состояния и то, чем оно должно разрешиться (*мне необходимо ехать, следует подождать, должно согласиться* и под. значит 'есть нечто, что вынуждает меня к тому-то, нечто, требующее от меня того-то'), в случаях с *каково* в элементарной конструкции заключена только ситуация стимулирующая (не называемая, скрытая или обозначенная инфинитивом), а порождаемая, стимулируемая ситуация не обозначена: состояние субъекта сосредоточено в нем самом и в самой конструкции или не объясняется (*мне страшно, стыдно, грустно...*) или объясняется инфинитивом (*мне страшно оставаться одному, ему стыдно лгать, мне грустно слышать об этом*).

Рассмотрим далее на материалах, извлеченных из классической речи, соответствующие типы сообщений со смыслом 'каково кому', располагая их в порядке: (а) сообщение о собственном состоянии субъекта (собственно предикатив) и (б) сообщение о таком состоянии, чем-то вызванном, обусловленном (предикатив в сочетании с инфинитивом). Внутри пункта (а) цитаты располагаются в соответствии с формальным выражением смысла «каково»: собственно предикативом (а¹) или другой словоформой в функции и в позиции предикатива (а²).

а¹) *Вам-то ничего, да нам-то какво?* (Даль); *Он разлучен с подружкой был своей, Ему тошнее всех в неволе* (Крыл.); [Ф а м у с о в] *Терпенья, мочи нет, досадно* (Гриб.) [Х л е с т о в а] *Знакомит, не спросясь, приятно ли нам, нет ли?* (Гриб.); [Ч а ц к и й] *Блажен, кто верует, тепло ему на свете* (Гриб.); [Л и п о ч к а] *Да, легко вам разговаривать, а позвольте спросить, какво мне-то?* (Остр.); *Отец Сергей видел, что молодой человек не верит и что, несмотря на то, ему хорошо, легко и спокойно* (Л. Толст.); *Чем крепче прижимал он к груди скрипку, тем отраднее и слаще ему становилось* (Л. Толст.); *И ему не только легко и радостно, умиленно стало* (Л. Толст.); *Такое же неприятное чувство испытывал Михайлов при виде живописи Вронского: ему было и смешно, и досадно, и жалко, и оскорбительно* (Л. Толст.). *Но мне вдруг стало страшно за свою голову..., за свой бедный ум стало страшно* (Л. Толст.). Сравни характерное сочетание смыслов внешнего и внутреннего состояния: *Пришла весна... Радостно, молодо было и на небе, и на земле, и в сердце человека* (Л. Толст.).

а²) *Где горки, рытвины, ухабы — Котлу безделица, Горшки натурой слабы. От каждого толчка Горшку большой наклад* (Крыл.); *Не то бы в Питере, да не о том уж речь; Все лучше, чем голодным лечь* (Крыл.); *Льву смех, но наш Комар не шутит* (Крыл.); *Судьям худые шутки: В холодный пот кидает их боязнь* (Крыл.); *Худые песни Соловью В когтях у Кошки* (Крыл.); *У Льва как гору с плеч свалило* (Крыл.); [Марина] *О стыд! О горе мне!* (Пушк.); *Оно, кажется, страшно жить в таких условиях, а им было ничего, жить можно было* (Л. Толст.).

б) [Ч а ц к и й] *Служить бы рад, прислуживаться тошно* (Гриб.); *Неприятно было Чарскому с высоты поэзии вдруг упасть под лавку конторщика* (Пушк.); [О н а] *Но больно мне с тобою не грустить* (Пушк.); *Мне было совестно на него глядеть* (Пушк.); *Мне жутко стало лежать в темноте, я зажег свечу, и мне как-то страшно стало в этой маленькой комнате с желтыми обоями* (Л. Толст.); *А с ним жить я не могу, мне мука видеть его* (Л. Толст.).

Уже в языке XIX в. местоимение *каково* в функции предикатива во всех позициях соотносится с *как*; это последнее активно выступает как равнозначное, сравни: *Каково / как поживаете? Каково / как в городе?*; *Тебе хорошо, а каково / как мне-то?* См. у Крылова: *Смотри-ка, квакушка, что, будь ль я с него? — Подруге говорит. — Нет, кумушка, далеко. — Гляди же, как теперь раздуюсь я широко. Ну, каково? Пополнилась ли я? — Почти что ничего. — Ну, как теперь? — Все то ж.*

Функция собственно наречия местоимением *каково* утрачена; см. у Пушкина: *— А каково стрелял он? — спросил меня граф. — Да вот как, ваше сиятельство: бывало, увидит он, села на стену муха <...> и кричит: Кузька, пистолет! Кузька и несет ему заряженный пистолет. Он хлоп, и давит муху в стену!* («Быстрел»); В словаре Даля: *Каково испекла, таково и подала; Каково кликнется, таково и аукнется.*

II. Итак, сообщения, заключающие в себе смысл «каково кому», в элементарной конструкции могут представлять собственно внутреннее состояние субъекта (*мне весело, грустно, стыдно* и т. д.) либо состояние, стимулируемое извне, чем-то другим (*мне грустно быть одному, тяжело сознавать свою ошибку, приятно встретить друга*). В отличие от других сообщений об эмоциональном, ментальном состоянии, рассмотренные выше высказывания всегда заключают в себе смысл состояния, сосредоточенного в субъекте и не распространяемого на другого (других): смысл «каково кому» входит в более широкий смысл «испытывать состояние», «находиться в состоянии», «чувствовать, ощущать»; посторонняя ситуация здесь или отсутствует или оказывается ситуацией, стимулирующей собою состояние, испытываемое субъектом.

Это особое качество типа сообщения, отвечающего смыслу «каково кому», хорошо раскрывается в его сопоставлении с сообщениями о модальном состоянии субъекта, т. е. о состоянии обязательности, необходимости, возможности, должности, следования, целесообразности и об оттенках и сочетаниях таких смыслов.

Таковы сообщения, заключенные в предложениях с так называемыми модальными предикативами, модальными глаголами и входящими в их круг именами и специальными синтаксическими конструкциями: *необходимо, надо, нужно, потребно, должно, надлежит, следует, стоит* ('надо', 'можно'), *можно, подобает, незачем* ('не нужно', 'не следует'), *вынужден, принужден, возможно, нельзя, целесообразно, пора, время* ('следует наступило время делать что-н.') и некот. др. Во всех таких случаях смысл сосредоточенности состояния на самом субъекте отсутствует. Субъект, испытывающий состояние, оказывается, в центре двух ситуаций: той, которая стимулирует, вызывает собою его состояние, и той, которая следует из первой ситуации и из ее осознания; субъект выступает при этом как осмысливающий, осознающий соотношение двух ситуаций, между которыми он оказывается; он связан ими и осознает вторую как вытекающую из первой. Ситуация стимули-

руемая (вытекающая из первой и из осознания ее субъектом) может быть любой, самой разной; ситуация стимулирующая (требующая осознания последующего действия или поступка) всегда так или иначе связана с обстановкой, обстоятельствами, в которых оказывается субъект: это может быть случай, событие, чье-либо требование или вообще изъявление чужой воли, сложившаяся обстановка, ситуация, диктуемая узусом, обычаем, либо собственное знание того, что необходимо, нужно, как следует действовать. В предлагаемых ниже кратких выборках из тех материалов, которыми мы располагаем и на основе которых делаются соответствующие обобщения, можно непосредственно увидеть или уяснить для себя все такие порождающие, стимулирующие ситуации, а также всю ту триаду, на которой основывается смысл «испытывать состояние как некую осознаваемую, оцениваемую необходимость, вынужденность, должность, возможность последующего действия, поступка или целой последующей ситуации».

В центре этой триады стоит субъект, совмещающий в себе состояние испытываемое, чем-то вызываемое и состояние ментальное, мыслительное, обусловленное необходимостью принимать решение, оценивать или действовать. Это сложное, двойственное состояние исключает собою смысл «каково кому», всегда неотделимый от идеи сущностности, сосредоточенности на одном, целостности внутреннего состояния субъекта.

Вот некоторые примеры, иллюстрирующие ту тройственность смысла, который заключен в сообщениях о модальном состоянии, испытываемом субъектом, «зажатом» между двумя ситуациями и оказывающимся в необходимости осмысливания, осознания такого положения.

1) Обязательность, неизбежность предстоящего — в инфинитивных конструкциях с дательным субъекта: [Л и з а] *Кому назначено-с, не миновать судьбы* (Гриб.); *Он слеп, упрям, нетерпелив, И легкомыслен, и кичлив, Бог весть, какому счастью верит, Он силы новые врага Успехом прошлым только мерит. — Сломить ему свои рога* (Пушк.); *Жить вам осталось недолго* (Пушк.).

2) Необходимость, нужность, потребность: [Григорий] *Да кого ж им надобно? Кто бежал из Москвы?* (Пушк.); *Мария Ивановна... объявила, что необходимость ее заставляет ехать в Петербург* (Пушк.); [Моцарт] *Всю ночь я думал: кто бы это был? И что ему во мне?* (Пушк.); *Где силой взять нельзя, там надобно уметь* (Крыл.); [Л и п о ч к а] *Мне замуж надобно! Что это такое! Страм встречаться с знакомыми* (Остр.).

3) Должность, обязательность: [Фамусов] *Ох, рад людской! пришло в забвенье, что всякий сам туда же должен лезть, В тот ларчик, где ни стать, ни сесть* (Гриб.); [Марина] *Тебе твой сан дороже должен быть Всех радостей, всех обольщений жизни. Его ни с чем не можешь ты равнять* (Пушк.).

4) Следование: надлежит, полагается: [Царь] *Я подданным рожден и умереть Мне подданным во мраке б надлежало* (Пушк.); *Государь мой, ты провинулся.., чего ради имеешь ты быть весьма наказан, именно, должен выпить кубок большого орла* (Пушк.); [М о л ч а л и н] *В мои лета не должно сметь Своё суждение иметь* (Гриб.); *Хоть слушать всякий вздор Богам бы и не сродно, На сей однако раз послушал их Зевес* (Крыл.); *Но к стати ли Орлу принять совет из норки, И от Крота!..*

И что за стать кротам мешаться сметь в дела Царь-птицы! (Крыл.); *Хоть у ворот перед двором Пристойнее б стеречь им было дом* (Крыл.).

5) **Вынужденность**: приходится, пришлось: *Она Левцу присесть принуждена* (Пушк.); *Кони измучились, и кучер как ни бился, Пришло хоть стать* (Крыл.); *И пришлось нам нежданно-негаданно Хоронить молодого стрелка* (Некр.).

6) **Возможность**: ...видел актера Щепкина, который ради Христа просит его (Гоголя) *приехать в Москву прочесть «Ревизора»: без него актерам не спеться* (Пушк.); *Издать книгу нельзя в одну неделю: на это требуется по крайней мере месяца два* (Пушк.); *Ехать к государю на маневры мне невозможно по многим причинам* (Пушк.); [Григорий] *Ни на челе высоком, ни во взорах Нельзя прочесть его сокрытых дум* (Пушк.); *Но долго он заснуть не мог В волнение разных размышлений* (Пушк.); [Марина] *Димитрий ты, и быть иным не можешь; Другого мне любить нельзя* (Пушк.); *Водну телегу впрямь неможно коня и трепетную лань* (Пушк.).

7) **Допустимость**: *Не продается вдохновенье, Но можно рукопись продать* (Пушк.); *Но старость ходит осторожно И подозрительно глядит. Чего нельзя и что возможно, Еще не вдруг она решит* (Пушк.); *Но я не в состоянии жертвовать необходимым в надежде приобрести излишнее* (Пушк.); *Вы не можете не пускать меня, у меня паспорт, я ничего не унес у вас* (Л. Толст.); *Какое право имеете вы обвинять его? Разве вы жили его жизнью? Испытывали его восторги?* (Л. Толст.).

8) **Целесообразность, своевременность**: [Шуйский] *Теперь не время помнить, Советую порой и забывать* (Пушк.); *В Оренбург возвращаться тебе незачем* (Пушк.); *Улика налицо, И запирайтесь поздно!* (Крыл.).

Как отмечено выше, субъект модального состояния сочленяет в себе это состояние с состоянием собственно эмоциональным или ментальным, оценивающим; отсюда — богатый набор средств, демонстрирующих такую сочлененность: в позиции предиката оказываются имена, глаголы и фразеологизмы с соответствующими значениями: *грех, не грех* ('не следует', 'следует'), *не резон* ('не целесообразно'), *не в силах* ('не может'), *волен, не волен* ('может', 'не может'), *смеет, дерзнет, осмелится, способен* ('может'), *устоял* ('смог'), *вправе, смешно* ('не следует'), *стыдно* ('не следует'), *охота была* ('не нужно было'), *не сумею* ('не смогу'), *умудрился* ('смог'), *не снес* ('не смог'), *нет сил* ('не могу'), *не в моей власти* ('не имею возможности') и мн. др.

Во всех видах модального состояния субъект не является средоточием состояния: он соотносит и осмысливает те ситуации, в центре которых он оказывается. Для смысла *каково кому* роль ситуаций не является определяющей: состояние субъекта сосредоточено в нем самом и в данный момент для него внутренне существенно.

Предлагаемым здесь описанием мы попытались подтвердить тезис о типе сообщения как о языковой категории, лежащей в сфере смыслового строя языка и имеющей в самом языке соответственные средства своего означения.

ДВЕ ЗАМЕТКИ О СМЫСЛОВЫХ ПЕРЕСЕЧЕНИЯХ

В многочисленных исследованиях, посвященных описанию лексических классов слов, всегда — прямо или косвенно — поднимается вопрос о пересечении лексических классов: исследователи напоминают себе и друг другу, что эти классы не отделены четко один от другого, что значения слов «переливаются» одно в другое и что поэтому любая классификация лексики оказывается нестрогой и в каком-то смысле навязывается языку лексикологом. В то же время признается, что лексические классы существуют, что их можно исчислить. В действительности вопрос о пересечении лексических классов сводится к вопросу о пересечении значений. Большие словари показывают тенденции таких пересечений средствами разнообразных значков, должныствующих сообщать о том, что описываемое значение размыто, что границы его условны, что семантическая и синтаксическая сочетаемость, а часто и ограничения в парадигме разрушают цельность значения, открывают в нем возможности сочетать в себе признаки других значений многозначного слова. В то же время нельзя отрицать, что отдельное значение слова как часть его знаковой, содержательной стороны, существует и имеет свои формальные характеристики; к этим характеристикам относится система форм (парадигма, часто ведущая себя избирательно по отношению к тому или иному значению), обязательность или регулярность той или иной синтаксической и семантической сочетаемости, собственная способность к словопроизводству. Этот комплекс характеристик принадлежит отдельному, определенному значению, утверждает собою его данность как самостоятельной семантической единицы. Отдельные значения многозначного слова полностью, всем комплексом своих характеристик не пересекаются: возможно лишь совпадение отдельных составляющих этого комплекса.

Но чем же тогда, если не пересечением значений, их стремлением друг к другу многозначное слово сливается в единую лексему, и что является реальным основанием того, что нам предлагается считать пересечением значений? Таким основанием является тот общий смысл, который присутствует в каждом из значений многозначного слова и вокруг которого выстраиваются все компоненты лексического значения. Так, например, у глагола *идти* словари показывают более двадцати значений; все они (кроме кальки в знач. 'подходить', 'быть к лицу') заключают в себе смысл неубыстренного плавного движения; напротив, все значения глагола *бежать* объединены смыслом убыстренного движения; все значения глагола *прыгать* сочленены смыслом неровного, скачкообразного движения; разные значения глагола *жить* (и существительного *жизнь*) связаны смыслом продолжающегося существования и т. д. Такая смысловая общность и есть то, что нам предлагается называть пересечением значений. Но дело не в названии. Смысловая общность как то, что скрепляет разные языковые единицы, принадлежит не только лексике: она присутствует и в сфере собственно сообщений, обеспечивает нерасторжимость смыслов в тех или иных типах сообщений. Смысловой строй языка, представленный системой его дейктических единиц, открыт для взаимодействия смыслов; этим взаимодействием создаются сложные смысловые целостности уже на уровне сообщения, в сфере собственно коммуникации.

Ниже предлагаются две заметки, иллюстрирующие, с одной стороны, смысловые слияния собственно в слове, и, с другой стороны, такие слияния в одном определенном типе сообщения. Эти заметки опираются на теоретические положения, изложенные в наших работах: «Местоимение и смысл» [Шведова 1998]; «Еще раз о глаголе *быть*» [Шведова 2001a]; «Опыт описания типов сообщения в опоре на дейктические единицы языка» [Шведова 2001b]; «Русская дейктическая форма *сделано* и означаемый ею тип сообщения» [Шведова 2000].

I

ВОСПРИНИМАТЬ — ПОНИМАТЬ — БЫТЬ

Глаголы, называющие физическое восприятие, достаточно полно описаны в нескольких статьях и диссертационных исследованиях. Задача нашей краткой статьи состоит не в том, чтобы дополнить или углубить это описание или критически проанализировать отдельные исследования. Здесь будут рассмотрены взаимодействия языковых смыслов, способных быть означенными дейктическими глаголами (и дейктическими глагольными фразеологизмами), и те условия, при которых, благодаря таким взаимодействиям, формируются собственные значения глагола.

Языковые смыслы, означаемые дейктическими глаголами, во многих случаях пересекаются и переходят один в другой. Именно такое пересечение наблюдается в сфере означения чувственного восприятия, состояния, порождаемого таким восприятием и существованием, наличия того, что воспринимается, ощущается чувственно.

Глагол *воспринять* (*воспрять*) еще в XVIII — начале XIX в. демонстрирует ту смысловую нерасчлененность, которая принадлежала ему издревле. В «Словаре русского языка XVIII века» (вып. 4) в качестве отдельных значений представлена вся та смысловая гамма этого глагола, которая в современном языке расчленилась на значения благодаря расхождению и обособлению возможностей семантической и синтаксической сочетаемости. В языке XVIII века еще видим очень широкую, почти свободную семантическую сочетаемость этого глагола — от означения конкретного физического действия ('брать', 'принимать'), до означения волевого акта ('решиться', 'согласиться') и до полной утраты собственно номинативной функции: *воспрять яд в уста, воспрять полные стаканы, воспрять лиру в руки; воспрять письмо от кого; океан воспринял воды, могила восприняли кого; воспрять в гости кого; воспрять в супружество, в жену; воспрять под свое покровительство; воспрять награду; воспрять в рассуждение, во внимание; воспрять кого за чужеземца; воспрять побег; воспрять начало; воспрять участие, сочувствие; воспрять что-н. в привычку, в обыкновение*. В современном языке эта смысловая широта глаголом *воспринять* утрачена: следы ее сохранились в устойчивых сочетаниях (*воспрять схиму, воспрять младенца от купели*).

Смысл 'принять к себе, в себя' у глагола *воспринять* — *воспринимать* присутствует в означениях ощущения телесного (*воспринимать боль, тепло, холод*), чувственного (*воспринимать зрительно, на слух, осязать, обонять, ощущать на вкус*), а

также в значении обнаружения, уяснения, понимания, осознания воспринимаемого: 'воспринять умственно или эмоционально' (*воспринять чьи-н. слова всерьез*); тот же смысловой потенциал присутствует в глаголах с -ся: *восприниматься, ощущаться, чувствоваться, видаться, слышаться, замечаться* и некоторые другие.

К глаголам, заключающим в себе смысл 'воспринимать чувственно, физически или внутренне — умственно, эмоционально' относятся: *воспринять / воспринимать, видеть / увидеть, встречать / встретить, заметить / замечать, знать / узнать, испытать / испытывать, ловить / уловить, найти / находить, ощущать / ощутить, различать / различить, разобрать / разбирать, распознать / распознавать, слышать / услышать, чувствовать / почувствовать* (далее условно будем приводить лишь один из членов видовой пары). Из этих глаголов одни способны обозначать телесные ощущения, все виды восприятия органами чувств, а также состояние психологическое (1), другие реализуют такой смысловой потенциал выборочно, не полностью (2).

1) *Воспринимать, находить* и, с наращением компонента неполноты, слабости, случайности или, напротив, затрудненности — *заметить, различить, распознать, разобрать*; 2) *видеть* (из собственно чувственных восприятий означает только восприятие зрением), *встретить* (не означает восприятия на вкус), *испытать* (означает телесное ощущение, но не восприятие органами чувств), *ловить / уловить* (означает восприятие зрением, на слух, на вкус), *ощущать* (не означает восприятия зрением), *слышать* (не означает восприятия зрением), *чувствовать* (не означает восприятия зрением или слухом). Таким образом, функции обозначения телесных состояний и чувственных восприятий распределены между разными глаголами, и лишь некоторые из них способны обозначать весь спектр таких ощущений и чувств.

Рассмотрим основные единицы из всего состава данного множества с точки зрения принадлежащего им семантического и смыслового потенциала.

Глагол *НАЙТИ / НАХОДИТЬ* способен обозначать как телесное ощущение, так и восприятие каждым из органов чувств: *ощутить телесно, увидеть, услышать, воспринять осязанием, обонянием, на вкус*, напр.: *Войдя в комнату, он нашел там приятное тепло; Взглядевшись, он нашел в саду неясные очертания человеческой фигуры; Прислушавшись, он нашел вдалеке отзвуки голосов; Рука нашла подо мхом что-то твердое; В сарае он нашел запах гари; В вине он нашел странный привкус*. Во всех таких случаях сообщение об ощущении, восприятии неотделимо от обнаружения, сравн.: *Сорвав печать, он нашел свое письмо и ответ Лизаветы Ивановны* (Пушк.). Такая нерасчлененность особенно очевидна тогда, когда сообщается об узнавании, о впечатлении умственном или эмоциональном: [Ч а ц к и й] *...спешу к вам, голову сломя, И как вас нахожу? в каком-то строгом чине!* (Гриб.); [г. N] *Как его нашли по возвращенью? [С о ф и я] Он не в своем уме* (Гриб.); *Что в сердце вашем я нашла? Какой ответ? Одну суровость* (Пушк.). Через ступень обнаружения глагол *найти* свободно входит в сферу означения восприятия умственного или эмоционального, уяснения, осмысления: *Я нахожу, что ты неправ; Он нашел, что все его усилия были напрасны; Не нахожу в моих словах ничего обидного* и под.

Следующая ступень смыслового осложнения — обозначение глаголом *найти* / *находить* наличия, присутствия ('быть'). Это имеет место в сообщении об узуальном, обычном состоянии, при обобщенном субъекте и обычно при локальной детерминации; напр.: *Тут [в альбоме] непременно вы найдете Два сердца, факел и цветы, Тут верно клятвы вы прочтете В любви до гробовой доски* (Пушк.). Сравн. в записях устной речи: *У животных мы никогда не находим намеренной жестокости; В городе не найдешь тишины; В лесах на севере еще находим необжитые места*. Отсюда, через ступень образований с -ся, шаг к омонимии: *находиться* — 'быть', 'иметься', 'иметь место'.

Глагол *ВИДЕТЬ* и однокоренные слова: *видать* (*видал, видали*), *видывать, видеться, завидеться*, неизменяемое *видать* (*не видать* — 'не видно'), *виден, видно, видано* (*не видано*) имеют широкий семантический смысловой спектр, который в словарях представляется как множественность значений и их «оттенков». Здесь мы сосредоточим внимание не на семантическом разбиении, а, напротив, на том, что скрепляет все эти значения, какой общий смысл присутствует в каждом из значений в отдельности и во всей «малой системе» в целом, т. е. во всем перечисленном здесь словесном множестве, превращая его в замкнутый круг взаимодействующих лексических единиц. Далее будет видно, что таким смыслом является 'восприятие' — собственно восприятие или в нерасчленяемом соединении со смыслом 'обнаружения'.

Значение собственно чувственного (зрительного) восприятия в таких словах присутствует тогда, когда в сообщении заключен субъект, физически воспринимающий какой-н. предмет, причем тот, кто видит, обозначен либо подлежащим, либо дательным субъекта. При этом только собственно глагол *видеть* семантически не осложнен; в *видно, видеться* присутствует компонент отдаленности видимого предмета, в *видать, не видать, виден, видно* — компонент возможности или невозможности, в *виднеться* — отдаленности и неясности: [Г р и г о р и й] *С высоты мне виделась Москва, что муравейник* (Пушк.); *Мне отсюда ничего не видно / не видать; В темноте нам ничего не видно; Вдалеке что-то виднеется*. Для *видел, видно* осложнение значения собственно восприятия смыслом возможности отмечается и при необозначенности воспринимающего субъекта: *Каково! Слышно и видно как трава растет* (Л. Толст.); *Отсюда далеко видно; Из окна виден лес; Следа не видно*.

Далее возникают смысловые наращения и осложнения, опирающиеся на смысловой синкретизм дейктического глагола *воспринять / воспринимать*.

1) В развернутом тексте *видеть* осложняется смыслом обнаружения, восприятия нового или неожиданного: *Мать и сын теперь на воле. Видят: холм в широком поле, Море синее кругом, Дуб зеленый над холмом* (Пушк.); *Воротился он к синему морю; Видит: море слегка разыгралось* (Пушк.); *Видно, на море не тихо: Смотрит — видит: дело лихо* (Пушк.); *Глядит она тихонько в щелку И что же видит?.. за столом сидят чудовища кругом* (Пушк.).

2) В глаголе *видеть* (*видал, виден, видно*) на основе смысла обнаружения формируется значение осмысления, понимания, уразумения: *Видно было, что такие вопросы ему неприятны* (Пушк.); *Вижу, о чем ты думаешь; Видно, что у тебя на уме; Видно было, что он хочет что-то сказать*; сравн.: [З а г о р е ц к и й] *Безумный по*

всему. [Графия - внучка] Я видела из глаз (Гриб.). Значение уяснения закрепилось во вводном слове *видно*: Ты, видно, меня не понял; Я, видно, не туда попал.

3) В *видеть* значение уяснения, понимания может осложняться компонентом собственно мысли, знания, оценивания, субъективного отношения, усмотрения: *Не вижу в этом ничего плохого* значит 'не усматриваю, не думаю что...': *Не вижу для этого никаких препятствий; Он не видит смысла в споре / в том, чтобы спорить; Не вижу причины отказываться* ('не нахожу', 'не думаю, что есть причины').

4) В *видел, видал* формируется значение приобретенного знания, опыта: *Он видел жизнь, людей; Видел в жизни всякое; За свою долгую жизнь видел и добро и предательство*.

5) К значению опыта, знания у *видел* может присоединяться компонент 'иметь, получать в результате постоянного контакта, длительного общения': *видеть от кого, у кого*: *Много ли я от него добра видел?; Ничего я у него / от него не видел, кроме упреков; Видел ли я от него хоть какой-нибудь подарок?*

Редки, но чрезвычайно показательны случаи употребления глагола *видеть* в знач. 'собственно чувствовать, ощущать всем своим существом, вместе физически и в сознании'; сравн. у Л. Н. Толстого: «Так пролежал Василий Андреевич час, другой, третий, но он не видел, как проходило время» («Хозяин и работник»).

Так открывается широкий семантический потенциал глагола *видеть* и его однокоренного окружения. Встает вопрос: есть ли в языке иные средства представить собственно чувственное восприятие так, чтобы это средство было свободно от смысловых наращений, однозначно и определено? Такая возможность реализуется в тексте, во-первых, сочетаниями *перед кем, перед глазами, перед взором* (а) (с сохранением пространственной семантики предлога), во-вторых, построением с собственно указующим *вот* (б).

а) *Что за страшная картина! Перед ним его два сына Без шоломов и без лат Оба мертвые лежат, Меч вонзивши друг во друга* (Пушк.); *Вид ужасный! Все перед ним завалено, Что сброшено, Что сметено* (Пушк.); *Долго у моря ждал он ответа, Не дождался, к старухе воротился — Глядь: опять перед ним землянка, На пороге сидит его старуха, А перед нею разбитое корыто* (Пушк.). То же с устарелым в глазах кого: *Все теперь идут в палаты; Уворот блистают латы, И стоят в глазах царя Тридцать три богатыря* (Пушк.); [Ф а м у с о в] *Не надобно другого образца, Когда в глазах пример отца* (Гриб.).

Косвенно смысла непосредственного чувственного восприятия в тексте может передаваться очень по-разному, напр.: *С тех пор, как вечный Судия Мне дал всеведенье пророка, В очах людей читаю я страницы злости и порока* (Лерм.); — *Печорин! Давно ли здесь? Оглядываюсь: Грушницкий!* (Лерм.); *В эту минуту он поднял глаза — я стоял в дверях против него* (Лерм.); *Окошко поднялось, старуха показалась* (Пушк.); *Князь подвел гостей к окну, и им открылся прекрасный вид* (Пушк.); *Германн был свидетелем отвратительных таинств ее туалета* (Пушк.).

б) В сообщениях с *вот* смысл собственно восприятия сочленен с косвенным указанием на точное местонахождение того, что кто-нибудь видит как непосредственно представляемое перед глазами: *Еще страшней, еще чуднее: Вот рак верхом на пауке, Вот череп на гусиной шее Вертится в красном колпаке* (Пушк.); [К у р б -

с к и й] *Вот, вот она! Вот русская граница!* (Пушк.); *Он приложил лицо к стеклу. Лампадка отсвечивала и светилась везде в стекле. Он приставил ладони к обеим сторонам лица и вгляделся. Туман, мгла, дерево, а вот направо — она. Да, женщина в шубе с белой длинной шерстью, в шапке, с милым, милым, добрым испуганным лицом, тут, в двух верхках от его лица, приткнувшись к нему* (Л. Толст.).

Во всех приведенных случаях в разных своих обнаружениях присутствует смысл восприятия, 'принятия'.

Глагол *СЛЫШАТЬ* и однокоренные слова *слышатся, слышен, слышно, слышать* (прост.), в отличие от *видеть*, способны обозначать все восприятия органами чувств, кроме зрительного. См. у Даля: «*Слышать* — иногда вообще чувствовать, особенно *обонять*, говорится о четырех чувствах, кроме зрения»; примеры в его словаре: *Я нигде почти угара не слышу; Язык не лопатка, слышит, что горько, что сладко; У кого-то нос слышит ярмарку; Услепых осязание бывает так тонко, что они пальцами слышат, где очко на карте; Перец слышен на языке; Слышен запах дегтя*. Применительно к обонянию такое употребление нормально в литературном языке: *И как они могут не только хохотать, но жить тут, — думал Ростов, все слыша еще запах мертвого тела, которого он набрался в солдатском госпитале* (Л. Толст.); *От него слышался запах водки* (С.-Щ. БСл.). У Л. Толстого находим *слышать* в значении 'осязать': *И еще большее чувство жалости, нежности и любви охватило Пьера. Он слышал, как под очками его текли слезы и надеялся, что их не заметят*.

В *слышно, слышен, слышать* (неизм. прост.), как и в *видеть, видно, видать*, присутствует компонент возможности восприятия: *Отсюда хорошо слышно / ничего не слышно; А зори здесь тихие, далеко слышать* (Б. Васильев).

Обозначение умственного или эмоционального восприятия у *слышать, слышен* — менее регулярно, чем у *видеть*, однако оно нормально; характерна запись Даля: *Душа видит, сердце слышит; Сердце слышит горе*. Сравн.: *В его словах слышу / слышен упрек, слышится недоверие*. Нормально также наращение смыслового компонента знания, осведомленности: *Он рыбачил тридцать лет и три года И не слыхивал, чтобы рыба говорила* (Пушк.); *О нем давно ничего не слышно*. Без негации — о неуверенном, неточном знании: *Слышно / слышали, что / будто бы он приезжает*.

В тексте смысловая двойственность, как и для *видеть*, снимается сочетанием в ушах (*стоит, звучит, раздается, звенит*): *В ушах стоит шум, грохот, В ушах звенят птичьи трели*, а также построениями с *вот* или без него, но с изображением непосредственного восприятия: *Через пять минут — колокольчик!.. и фельдвегерь бросает ему на стол свою подорожную* (Пушк.); *Чу... снег скрипит: прохожий* (Пушк.); *Вдруг топот! кровь ее застыла* (Пушк.).

Как и другие слова, называющие чувственное восприятие, *слышать* и однокоренные слова обращены к обозначению бытия — присутствия, наличия, воспринимаемого.

Рассмотрим кратко явления реализации этого смыслового потенциала у слов, относящихся к данному лексическому множеству.

Глаголы и однокоренные слова: *видеться, слышатся, замечаться, ощущаться, виден, слышен, заметен, видно, слышно, заметно, видать* (неизм.), *слышать* (неизм.), *слыхано, видано* способны — при определенных условиях — входить в круг средств

обозначения бытия, т. е. обозначать существование (наличие, присутствие кого-чего-н.) сквозь призму чувственного восприятия. Обязательным условием такого смыслового расширения является отсутствие в сообщении прямого указания на субъект воспринимающий, а также, в большинстве случаев, наличие локализирующего квалификатора, создающего картину пространства, на котором находится воспринимаемый предмет. Здесь можно назвать несколько видов таких сообщений,

1) Сообщения с глаголами *видеться*, *слышаться*, представляющие воспринимаемое как отдаленное, неясное, или — реже — как доминирующее в пространстве: *Стою печален на кладбище, Кой-где чуть видятся кусты* (Пушк., БСл.); *Не виделось кругом никаких знаков человеческой жизни* (Ф. Бородин, БСл.); *Но беглый след горящего камина На потолке расписанном дрожал И на стене, где виделась картина* (А. К. Толст., БСл.); *В комнате слышался слегка запах росного ладану* (Даль); *Сильный дух рома слышался по всей комнате* (Пушк.); *В кабинете слышался сильный запах табаку и собак* (Л. Толст.).

2) Аналогичен смысловой потенциал у сообщений с *виден*, *слышен*, *заметен*: *Остров малый На взморье виден* (Пушк.); *Там виден камень гробовой В тени двух сосен устарелых* (Пушк.); *Повсюду стали слышны речи: «Пора добраться до картечи!»* (Лерм.).

3) Сообщения с предикативами *видно*, *слышно*, *заметно*, заключающими смысл собственно наличия:

Что слышно нового? (Даль); *Не хвались еще заране! — молвил старый Шат. — Вон на севере в тумане Что-то видно, брат!* (Лерм.). Такие сообщения обычны с отрицанием — прямым или скрытым: [Д о н Гу а н] *Где ж видно тут обдуманность, коварство?* (Пушк.); *С тропинки сбилась я: в глуши Не слышно было ни души* (Пушк.); *Но в них не видно перемены: Все в них на старый образец* (Пушк.); *Река течет так смирно, хоть и пышно, На ней стоят большие города, И никогда за ней таких проказ не слышно* (Крыл.); *В лесу было почти жарко, Ветру не слышно было* (Л. Толст.). См. характерное толкование у Даля: «Его тут и не слышно (он тихо, скромно живет)».

4) Тот же смысл в сообщениях с неизменяемыми *видать* (*не видать*), *слыхать* (*не слыхать*): *Но он ехал, ехал, а Жадрина было не видать* (Пушк.); *В лесу никого не слыхать*.

5) Стилистически окрашенные сообщения с *слыхано*, *видано* (*не слыхано*, *не видано*), отрицающие саму возможность присутствия, существования чего-н. и одновременно утверждающие, что подобного никогда не бывало: *Где это слыхано?; Где это видано?; Слыхано ли / видано ли это?; [П у ш к и н] Ну, слыхано ль хоть при царе Иване такое зло?* (Пушк.). Сюда же: *не слыхивали, не видывали, слыхивали ли?; видывали ли?*

6) В развернутом тексте при подлежащем с обобщенным значением, а также при неопределенно-личности (*мы встречали, нередко видали кого-что, находим, видим*) в сообщениях с глаголами восприятия заключен смысл 'быть', 'бывать': *На свете много мы таких людей найдем, Которым все, кроме себя, постыло* (Крыл.); *Но не о всех волках ведь злые толки. Видали и таких волков, и много крат, Примеры эти не забыты, Которые ходили близко стад смирнехонько — Когда бывали сыты* (Крыл.).

Во всех этих случаях в сообщении присутствует смысл наличия, существования, сопряженный со смыслом восприятия — чувственного или внутреннего, ментального.

Рассмотренный материал иллюстрирует один из существующих видов смысловых схождений и контаминаций. Именно через ступень таких смысловых осложнений образуются лексические значения слов — со своими собственными формальными, сочетаемостными свойствами и со своими собственными синонимическими отношениями.

II

СТОИТЬ — УДОСТОИТЬСЯ — ПОЛЬЗОВАТЬСЯ — ОБЛАДАТЬ

Среди модальных слов с общим значением долженствования особое место занимает группа слов со значением 'следовать, полагаться', возглавляемая предикативом *достойн*: *достойн (кто чего)*, *заслуживает (кто чего)*, *заслужил (кто что)*, *подобает (что кому)*, *полагается (что кому)*, *следует (что кому)*, *сподобился (кто чего)*, *стоит (кто чего)*, *удостоен (кто чего)*, *удостоить (кого, чем)*, *удостоился (кто чего)*. Общий смысл следования ('следует', 'нужно', 'должно') здесь, как и в других модальных словах, осложнен смыслом обусловленности предшествующим, наличием того, из чего делается вывод, но при этом этот вывод обязательно сочетается с оценкой, заключением. Внеязыковая ситуация здесь предстает как поступок, требующий воздаяния (возмездия или поощрения), причем такой поступок (или состояние, свойство, качество) может быть связан с определенным субъектом или представлен обобщенно, сравн.: *храбрость достойная уважения и за свою храбрость он достоин награды (ему следует, полагается награда)* и под. Во всех случаях здесь присутствует отношение извне, со стороны, вывод, заключение того, кто осведомлен о ситуации и так или иначе ее оценивает, имеет о ней сложившееся представление.

С точки зрения заключенного в них смысла эти слова делятся на три группы: 1) «стоит, достоин кто чего», 2) «удостоить кого чем» и 3) «удостоился кто чего».

В первую группу входят слова: *достойн (кто чего)*, *заслуживает (кто чего)*, *следует (что кому)*, *стоит (кто чего)*, *полагается (что кому)*, *подобает (что кому)*, *причитается (что кому)*. В них заключен смысл собственно следования, заключение о том, что должно, предопределено чем-то предшествующим, а субъект, которому нечто полагается, который стоит чего-либо, является пассивным участником ситуации, предметом рассмотрения, вывода, оценки: он предопределяет создание такой ситуации невольно, самим своим действием или состоянием. Вторую группу составляют слова: *удостоить (кого чем)*, *воздать (что кому)*, *сподобить (кого чем; устар.)*; здесь заключен смысл собственно воздаяния и т. о. отступает субъект воздающий, а субъект заслуживающий, достойный чего-н. является одновременно субъектом воспринимающим. Третью группу составляют слова: *удостоиться (чего)*, *сподобиться (чему; устар.)*, *заслужить (что)*; субъект, достойный чего-н., оказывается здесь одновременно субъектом — получающим то, чего он достоин, что

ему следует. По направлению к третьей группе идет усиление компонента смысла субъекта получающего, воспринимающего, пользующегося; соответственно ослабляется смысловой компонент субъекта воздающего, приходящего к заключению, выводу, оценке.

Смысл 'заслужить', 'удостоиться' ('удостоен') предполагает обладание; именно от этого смысла делается следующий шаг — к 'получить', 'иметь', 'пользоваться', сравн.: *достоин уважения кто — удостоить уважением кого — удостоиваться уважением — пользоваться уважением; заслуживает (достоин, стоит...) доверия — удостоен доверия — удостоился доверия — пользуется доверием кого-н. — имеет доверие чье-н.; достоин (стоит) славы — удостоен славы — заслужил славу, удостоился славы — пользуется, обладает славой; достоин (стоит) любви — заслужил любовь — пользуется любовью (чьей, кого); достоин награды — удостоен награды — имеет награду и под.*

Смысл 'обладать', 'пользоваться чем-н.' применительно к восприятию отношения, оценки, воздаяния извне, осложняясь смыслом постоянства, реализуется в словах и устойчивых сочетаниях, называющих репутацию, закрепившееся среди многих знание о ком-то, приписываемые ему черты и качества. Здесь, в силу человеческого свойства охотно судить о других, в языке присутствует целая гамма единиц, связанных с оценкой: 1) *слывет кто как кто / кем; известен кто чем / как кто, известно что о ком; славится кто как кто / кем; прославился кто как кто / чем; идет слава о ком, какая, пользуется славой кто какой / кого, вошел в славу кто как кто (устар.); имеет репутацию кто какую / кого и славят кого кем / как кого (устар.); почитается кто кем / как кто / за кого, 2) Идет слава на кого какая.*

В употреблении с квалифицирующим именем смыслы нейтрального отношения и одобрения взаимодействуют, и границы между ними часто оказываются размытыми. Вот несколько примеров из классической литературы: [Ф а м у с о в] ...свободен, вдов, себе я господин, Монашеским известен поведением (Гриб.); Молва приписывала ей любовников, но по снисходительному уложению света она пользовалась добрым именем (Пушк.); Наталья Гавриловна славилась на ассамблеях лучшей танцовщицей (Пушк.); Он славился во всем округе гостеприимством и радушием (Пушк.); Грушницкий слывет отличным храбрецом (Лерм.). В баснях Крылова: «Я знаю, — говорит она, — худую славу, Которая у вас, людей, Идет про Змей Что все они презлого нраву; Из древности гласит молва, Что благодарности они не знают...» (Крестьянин и Змея); Обищем и чистотою вод И пользу приношу и в честь захожу и славу (Пруд и река); При том и в храбрости за чудо почитался, И, словом, слава шла, Что Крот великий зверь на малые дела (Воспитание льва).

Смысл 'пользоваться известностью', 'слыть кем', 'быть известным' сливается со смыслом сообщения, исходящего от всех, многих; это слияние реализуется в сообщениях с неопределенно-личным предикатом: *говорят о ком что, зовут, называют кого как / кем* или в сочетаниях *молва идет о ком, толки идут о ком, только и речей (разговоров, толков), что о ком* (1) и, далее, при той же неопределенности, с компонентом оценки: *любят, уважают, ценят, бранят, хвалят и под. кого* (2).

1) — *Что говорят обо мне в Оренбурге? — Да говорят, что с тобою сладить трудновато: нечего сказать, дал ты себя знать* (Пушк.); *В журналах звали его поэтом, а в*

лакейских сочинителем (Пушк.); [С о ф и я] Вот так же обо мне потом заговорят (Гриб.); Но не о всех волках ведь злые толки (Крыл.); А тем вошел в такую славу Он в муравейнике своем, Что только и речей там было, что о нем (Крыл.); Не минуло и году, Как все узнали кто Осел: Осел мой глупостью в пословицу вошел. И на Осле уж взята вода (Крыл.).

2) Над ним смеялись как над шарлатаном (Пушк.); Но долго ль был Мешок в чести и слыл с умом, И долго ли его ласкали? (Крыл.); Не говоря уже, что красть и грех, и стыдно, И что бранит тебя весь свет (Крыл.); От всех за соты я любовь себе сыскал: От поселян и до вельмож (Крыл.).

В этой заметке мы попытались проиллюстрировать один из путей пересечения, сочетания и слияния языковых смыслов: от смысла воздаяния к восприятию заслуженного и, далее, от такого восприятия — к обладанию отношением к себе и к всеобщей оценке, к ее закреплению в повторяющихся сообщениях и в сложившихся социальных характеристиках.

Пересечение и сочетание общих языковых смыслов, означенных дейктическими единицами языка, образующими особую и целостную систему, — присутствует на всех уровнях языка и охватывает его систему в целом.

2003 г.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ РУССКОГО ИДЕОГРАФИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ

(параграфы из «Проспекта Русского идеографического словаря
“Мир человека и человек в окружающем его мире”»)

§ 1. ДЕЙКТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ЯЗЫКА КАК ОСНОВА ЕГО СМЫСЛОВОГО СТРОЯ. В системе русской лексики есть сравнительно небольшой закрытый класс слов и фразеологизмов, лишенных собственно номинативной (денотативной) функции и предназначенных для означения самых общих, глобальных языковых смыслов. Это д е й к т и ч е с к и е (местоименные, указующие) с л о в а и ф р а з е о л о г и з м ы, функцией которых является означение смыслов, относящихся не только к лексике и фразеологии, но также и к грамматике, морфемике, строению текста, и скрепляющих собою с м ы с л о в о й с т р о й я з ы к а, образующих ядро этого строя. Единицы этого класса образуют двучастную систему, организуемую противопоставлением слов, относящихся к «сфере покоя», и слов (и фразеологизмов), относящихся к «сфере бытия, движения, процесса». К первой части этой системы относятся все собственно местоимения, указывающие на ситуацию (*каково, как¹, что¹*), сущность и сущностный признак (*кто, что², какой*), признак открываемый и приписываемый (*какой, чей, как²*), признак по количеству, счету, мере, порядку при счете (*сколько, насколько, который*), по месту, отношению к пространству (*где, куда, откуда, докуда*), по времени, отношению ко времени (*когда, с каких пор, до каких пор*), по цели (*зачем*), причине, условию

или следствию (*почему, при условии чего, вследствие чего*). Все эти единицы (как и единицы второй части дейктической системы), которые можно назвать «смысловыми и словами», имеют каждая свою парадигму, строящуюся на основании определенности, неопределенности и непредставленности, отсутствия (см. ниже). Ко второй части дейктической системы языка относятся глагольные единицы, означающие бытие (*быть, существовать, иметь место, находиться* и некоторые другие), ситуацию, протекающую во времени (*делаться, происходить, случаться*), действие, поступок (*делать, поступать* и некоторые другие), необратимый результат действия, поступка (*сделано*), глагольные фразеологизмы, означающие 'испытывать состояние', 'находиться в состоянии', 'оказаться в каком-нибудь положении', единицы, означающие отношение, отнесенность к кому-чему-нибудь, связь с кем-чем-нибудь (*относиться, иметь отношение к кому-чему-нибудь* и некоторые другие) (см. [Шведова 1995; 1998]).

Все смыслы, заключенные в дейктической системе языка, как уже сказано, существуют, каждый из них, в качестве триады «определенность — неопределенность — непредставленность, отсутствие» (например: *кто — кто-то, кто-нибудь, кто-либо, кое-кто — никто, некого; быть — был, будет, был бы — не был; имеет место — имело место, будет иметь место, имело бы место — не имеет места*). Эти смыслы охватывают все уровни языковой системы (т. е. они могут присутствовать как в слове, идиоме, так и в морфеме, словосочетании, в предложении, отдельном высказывании, в компоненте текста, в интонации).

В концепции А. Вежицкой многие местоимения и «местоименные глаголы», т. е. единицы дейктической системы языка, являются семантическими «примитивами». Сам термин «примитив» двусмыслен: его можно понимать как «первичное» и как «простейшее». О дейктических словах как о «примитивах» можно говорить лишь в первом смысле: с точки зрения своего смыслового потенциала и широты своих функций они первичны. Но эта первичность не есть примитив: в дейктическом слове заключена высшая абстракция, максимальное, конечное обобщение и, как для всякой абстракции, для такой единицы исключено какое-либо упрощение.

Изложенное понимание дейктической системы языка подводит к определению языкового смысла. Авторы исходят из положения, согласно которому языковое значение не может быть отделено от обозначенного дейктическим словом того глобального (всеобщего, универсального) понятия, которое лежит в основании языкового значения и которое, тем самым, входит в состав этого значения. Следовательно, языковой смысл понимается как данность, сочленяющая в себе некое самое общее, глобальное понятие и собственно лексическое (а также грамматическое, словообразовательное) значение, материализованное в той или другой единице языка. Глобальное понятие как порождающая основа языкового смысла в дейктическом слове получает материальное выражение: оно означает таким словом, открывающим собою определенное «смысловое пространство», для разноуровневых, но семантически связанных языковых единиц. При заполнении этого пространства такими единицами (собственно именуемыми единицами или их сочленениями, грамматическими и другими средствами) форма-

лизуются языковые смысловые категории, располагающиеся на разных ступенях абстракции.

Все сказанное выше подводит к собственно определению языкового смысла. Языковой смысл — это самое общее, глобальное (универсальное) понятие, первично означенное местоименным исходом, средствами принадлежащих ему местоименный сегментированное по троичному признаку определенности (это собственно исход) — неопределенности — непредставленности и материализуемое при помощи таких разноуровневых языковых единиц, семантика (языковое значение) которых включает в себя соответствующее понятие и объединяет все эти единицы в некое семантическое множество. Языковой смысл интегрирован в значение каждой единицы, входящей в такое множество.

§ 2. «МИР ЧЕЛОВЕКА» И «МИРЫ», ЕГО ОКРУЖАЮЩИЕ. Фронтальное изучение современной общепотребительной русской лексики и ее представление в «Русском семантическом словаре» в качестве естественной многоуровневой системы показало, что центральное место в этой системе занимают лексические классы, объединяющие единицы (слова и фразеологизмы), которые именуют человека, его самого, его жизнь, его тело, физическое состояние, ум, чувство, волю, его способности и возможности, поведение и поступки, труд и продукты труда, занятия, времяпрепровождение, контакты и отношения друг к другу. По своему составу, количественно, эти классы во много раз превосходят классы слов, именующих реалии живой и неживой природы, предметы, не относящиеся к труду и продуктам деятельности человека. Но дело не только в количественном соотношении. Классы слова, относящиеся к самому человеку, к его жизни во всех ее многообразных проявлениях, демонстрируют свою постоянную открытость, во-первых, для самых разнообразных пополнений (и соответственно — утрат) и, во-вторых, для не менее разнообразных оценок и квалификаций. Кроме того (и это очень важно), отношения и связи между этими классами совсем иные, чем отношения и связи между классами слов, именующих реалии, не связанные непосредственно с жизнью человека и с отношениями людей к этим реалиям. В первом случае такие связи иногда оказываются настолько тесными и сложными, что определение места слова в составе того или иного класса оказывается затруднительным, условным; ср., напр., лексику, относящуюся к сферам мысли и эмоций, воли и чувств, поведений и контактов. Те «миры» (сферы), в лоне которых протекает жизнь человека, самим языком представлены как окружение человека, как та органическая и естественная среда, в которой он существует и действует.

Название «м и р» в нашем изложении условно: это одна из сфер жизни человека — все то, что определяет собою его существование, та широкая среда, в которой существуют его знания, реализуется его деятельность и развиваются возможности применения этой деятельности и ее результатов. Поскольку пределы познания безграничны, постольку и «миры», в которых существует и с которыми взаимодействует человек, неоднородны с точки зрения их осознания, открытости для человеческого ума, для его деятельности.

Применяя названные критерии в качестве определяющих, можно говорить о ш е с т и м и р а х как сферах человеческого существования. Это: 1) мир, вос-

принимаемый человеком как все высшее, непостижимое или непонятное, таинственное либо как то, что дано человеку искони, извечно, как необходимо predeterminedное; 2) мир, осязаемый, осознаваемый человеком как все существующее, развивающееся и взаимодействующее; 3) мир, окружающий человека, им непрерывно познаваемый и активно осваиваемый; 4) собственно мир человека: он сам; 5) мир, создаваемый человеком, его непосредственно окружающий и с ним непосредственно взаимодействующий; 6) мир, создаваемый умом и духом человека как антипод всему вещественному, материальному.

Нужно оговориться, что такое расположение «миров» до некоторой степени условно, и, в соответствии с тем, что сказано выше о лексических классах, Словарь мог бы открываться «Собственным миром человека». Однако это не отразило бы ступени и пути человеческого познания и поставило бы на первое место человека в роли как будто создателя, первоосновы всего существующего. Расположение же «миров», принятое в «Русском идеографическом словаре», показывает путь человека от незнания к знанию, от пассивного, наивного восприятия и притяжения к познанию и активному действию и, наконец, к высшей деятельности ума и духа. В Словаре названные «миры» предстают как заглавия его шести частей.

Каждая из названных частей Словаря делится на главы. В самом общем (и неокончательном) виде членение это таково.

I. *Мир, воспринимаемый человеком как все высшее, непостижимое или непонятное, таинственное, как то, что дано человеку искони, извечно, как необходимо predeterminedное.* В соответствии с таким названием в данном разделе (в словарных статьях, построенных на основе тех положений, которые изложены в § 1) описываются единицы, во-первых, относящиеся ко всему божественному и потустороннему, к загробной жизни, ко всему чудесному, к предзнаменованиям и предвестиям, к волшебству, чарам, к ясновидению, к непонятным человекоподобным существам, и, во-вторых, единицы, относящиеся к неколебимым, извечным понятиям морали (добро и зло, правда и ложь, справедливость и несправедливость, совесть, честь), к понятиям судьбы, рока, а также к тому, что постоянно сопровождает жизнь человека (испытания) или что неотделимо от его существования, без чего нет его самого (родина, чужбина).

II. *Мир, осязаемый, осознаваемый человеком как все существующее, развивающееся и взаимодействующее.* В этом разделе Словаря представлены единицы, относящиеся к бытию всего сущего (к тому, без чего не может быть жизни ни самого человека, ни всего того, что его окружает), ко времени и его течению, к пространству и его протяженности, к положению в пространстве живого и неживого, к движению и его видам, к материи и ее свойствам (размер, масса, цвет, запах, вкус, звук, тепло, холод).

III. *Мир, окружающий человека, им непрерывно познаваемый и активно осваиваемый.* Здесь описываются единицы, относящиеся, во-первых, к Космосу, ко всему мирозданию, к небесам, к небесным явлениям и светилам, а также к огню, свету и тьме; во-вторых, к Земле как части Вселенной, к ее атмосфере, суше и водам, происходящим на ней стихийным явлениям, к погоде и, в-третьих, к жи-

вой и неживой природе как источнику жизни человека, сфере приложения его жизнедеятельности.

IV. *Собственно мир человека: он сам.* Этот раздел Словаря охватывает материалы, относящиеся к самому человеку: во-первых, к собственно человеку и его физическому складу и физической жизни, к ее фазам; во-вторых, к его духовному миру, психическому складу (характер, ум, чувства, мысль, воля), к его поведению и поступкам; в-третьих, к радостным и горестным событиям в его личной жизни и жизни, его касающейся.

V. *Мир, создаваемый человеком, его непосредственно окружающий и с ним непосредственно взаимодействующий.* Содержание данного раздела составляют, с одной стороны, единицы, относящиеся к ближайшему окружению человека (семья, родня, друзья, враги; лица, входящие в непосредственный контакт), к его социальному статусу, к его труду, занятиям, к основным и необходимым плодам труда, к его быту, к необходимым условиям существования (пища, одежда, жилище, имущество); с другой стороны, единицы, относящиеся к обществу, государству и власти, к войне и миру, а также к церкви как храму, ее службам, обрядам.

VI. *Мир, создаваемый умом и духом человека как антипод всему вещественному, материальному.* В этом разделе описывается тот материал, который относится, во-первых, к религии, вере, верованиям; во-вторых, к языку, молве (сам язык, речь; ее течение); в-третьих, к искусствам (литература, музыка, пение, танец, изобразительное искусство; народная словесность); в-четвертых, к сложившимся в сознании народа эстетическим категориям (красота, уродство).

§ 3. ПОНИМАНИЕ И ОПРЕДЕЛЕНИЕ КОНЦЕПТА. Единицей описания в Словаре является к о н ц е п т. Известно, что этот термин сейчас стал широкоупотребителен и фигурирует во многих лингвистических работах как их центральное понятие. При этом одни исследователи, употребляя этот термин, вообще не дают его определения, полагая, что читатель сам знает, что это такое. Другие дают определение, которое во многих случаях оказывается уязвимым или расплывчатым и не может считаться определением термина. Это объясняется тем, что понятие концепта присутствует в разных областях знания (в когнитивной лингвистике, логике, философии, культурологии, а также, как утверждают некоторые исследователи, первоначально, — в математической логике); см. об этом в «Кратком словаре когнитивных терминов» (М., 1996), в книге Ю. С. Степанова [2001: 44] и в работе Э. Д. Поповой и И. А. Стернина [2001], (последняя обращена, главным образом, к студентам и аспирантам-филологам); кроме того, относительно полные или частичные обзоры определения того, что такое концепт, мы находим в многочисленных статьях, посвященных отдельным единицам, относящимся к сфере концептов).

В задачу настоящего Проспекта не входит обзор работ, содержащих определение того, что такое концепт и как понимать его место в сфере других смежных наук. Отсутствие такого общего обзора для читателей частично компенсирует предлагаемый список литературы (преимущественно на русском языке), посвященный этому вопросу. Однако, принимая на себя задачу составления «Русского идеографического словаря» в том понимании, как об этом сказано на стр. 5 Проспекта,

описывающего концепты в рамках тех «миров», о которых сказано в § 2, мы не можем освободить себя от определения концепта, от определения соответствующего термина. В решении этой задачи мы, естественно, должны искать тех предшественников, взгляды которых на концепт, с одной стороны, в самом общем смысле представляются наиболее понятными, конструктивными и убедительными и, с другой стороны, ближе всего подводят нас к пониманию концепта как сложной многоплановой единицы, непосредственно относящейся к языку.

Здесь в отечественной литературе прежде всего следует назвать трех исследователей, работы которых можно считать основополагающими в определении концепта как единицы, относящейся к области лингвистики. Это, во-первых, статья С. А. Аскольдова «Концепт и слово» (впервые опубликованная в: Русская речь. Под ред. Л. В. Щербы. «Academia», 1928), во-вторых, опирающаяся на эту статью и развивающая мысли ее автора статья Д. С. Лихачева «Концептосфера русского языка» [Лихачев 1993] и, в-третьих, вводные статьи Ю. С. Степанова «Культура», «Концепт», «Константа» в [Степанов 1997; 2001].

С. Аскольдов (конечно, хорошо знавший работы Г. Г. Шпета, на которые тогда нельзя было ссылаться) напоминает о трех исторически сложившихся направлениях в понимании концепта: идеалистическом (по существу, восходящем к средневековому реализму), номиналистическом (трактующем концепт как «индивидуальные представления, которым <...> дается лишь общая значимость») и, наконец, концептуалистическом; отвергая первые два как отрицающие существование концептов в качестве чисто умственных «общностей», автор принимает для себя третье направление, оговариваясь, впрочем, что «концептуализм обыкновенно дальше утверждения существования концептов в человеческом уме не идет, и природа их до сих пор остается в достаточной мере загадочной» (с. 31). Подходя к определению природы концепта с позиций концептуализма, С. Аскольдов пишет: «Концепт есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» (с. 31). Ниже читаем: «Не следует, конечно, думать, что концепт есть всегда заместитель реальных предметов. Он может быть заместителем некоторых сторон предмета или реальных действий, как, например, концепт “справедливость”. Наконец, он может быть заместителем разного рода хотя бы и весьма точных, но чисто мысленных функций. Таковы, например, математические концепты» (с. 31); автор видит в концепте *з а м е с т и т е л я* этих длительных мысленных операций. «Заместительная роль концептов в области мысли в общем совпадает по своей цели и значению с разного рода заместительными функциями в области реальных жизненных отношений. А таких замещений в жизненной сфере очень много» (с. 32), — пишет С. Аскольдов и далее продолжает: «Концепт заменяет предметы или конкретные представления. Высказывая какое-нибудь аналитическое или синтетическое суждение о строении цветка, я как бы сразу оперирую мыслью над всеми конкретными видами цветов, связываю или разъединяю их элементы. То, что я фактически не могу проделать над неопределенным множеством, я проделываю над чем-то одним их заменяющим» (с. 32—33). Рассматривая концепты как «эмбрионы» мысленных операций, С. Аскольдов пишет: «К о н ц е п т ы э т о п о ч -

ки сложнейших соцветий мысленных конкретностей» (с. 34) (разрядка наша. — *Н. Ш.*) — и далее: «В привычной мысли мы ограничиваемся выбрасыванием этих почек, для психологического наблюдения совершенно бесформенных и, однако, заключающих в себе сложнейшую структуру возможностей» (с. 33). Вдумываясь в это определение и помня, что мы имеем дело с концептом как совершенно особым, специфическим явлением, мы можем в выделенной фразе заменить слово «мысленный» словом «языковой» и тогда получим верное понимание концепта как сложного и готового раскрыться сочленения множественных и открытых для пополнения языковых единиц, группирующихся вокруг одного понятия (вспомним при этом мысль Г. Г. Шпета о том, что «простое слово есть полный распутившийся цветок языка», см.: [Шпет 1927: 19]).

Принимая и развивая мысли С. Аскольдова о концепте как о некоей общности, существующей в человеческом уме, Д. С. Лихачев вводит понятие «концептосферы» как «совокупности потенциалов, открываемых в словарном запасе отдельного человека, как и всего языка в целом» [Лихачев 1993: 5]. Он пишет: «...в словарном запасе языка существуют четыре уровня: 1) сам словарный запас (включая фразеологизмы); 2) значения словарного типа, примерно так, как они определяются словарями; 3) концепты — некоторые подстановки значений, скрытые в тексте «заместители», некие «п о т е н ц и и » з н а ч е н и й (разрядка наша. — *Н. Ш.*), облегчающие общение и тесно связанные с человеком и его национальным, культурным, профессиональным, возрастным и прочим опытом; 4) концепты отдельных значений слов, которые зависят друг от друга, составляют некие целостности и которые мы определяем как концептосферу» (с. 6). Далее утверждается, что богатство русского языка «определяется на всех четырех уровнях: 1) на уровне самого запаса слов <...>; 2) на уровне богатства значений и нюансов значений, разнообразия словоупотребления и пр.; 3) на уровне отдельных концептов; 4) на уровне совокупностей концептов — концептосфер» (с. 8). Исходя из своего понимания концептосферы, Д. С. Лихачев в целом признает продуктивным направление, принятое в работах Ю. С. Степанова.

Ю. С. Степанов во вводных статьях «Культура», «Концепт», «Константа» в своей книге [Степанов 1997; 2001] суммирует разные взгляды на то, что называется «концептом» и сопоставляет это понятие с более определенным понятием «константа в культуре» как концептом «базовым», существующим «постоянно или, по крайней мере, очень долгое время» [Степанов 1997: 84]. В первом издании своей книги Ю. С. Степанов, опираясь на противопоставление «больших концептов» (констант) и «малых концептов», приводит подробные перечни последних, классифицируя их по идеографическому принципу.

Принимая тезис Д. С. Лихачева о концептосфере как о «совокупности потенциалов, открываемых в словарном запасе отдельного человека и всего языка в целом», и те конструктивные положения, которые изложены в трех названных выше работах, а также опираясь на сформулированное в § 1 понятие языкового смысла как реализации потенциалов дейктической системы языка и, следовательно, идею о существовании смыслового строя языка как целого, мы формулируем следующее определение концепта.

К о н ц е п т — это содержательная сторона словесного знака (значение — одно или некий комплекс ближайше связанных значений), за которой стоит понятие (т. е. идея, фиксирующая существенные «умопостигаемые» свойства реалий и явлений, а также отношения между ними), принадлежащее умственной, духовной или жизненно важной материальной сфере существования человека, выработанное и закрепленное общественным опытом народа, имеющее в его жизни исторические корни, социально и субъективно осмысляемое и — через ступень такого осмысления — соотносимое с другими понятиями, ближайше с ним связанными или, во многих случаях, ему противопоставляемыми. Понятие, лежащее в основе концепта, имеет свой собственный потенциал, оно способно дифференцироваться: элементарное отражение этой способности словари показывают как тенденцию к образованию разнообразных словесных оттенков и переносов.

Такое определение концепта в полном объеме может быть принято применительно к тем единицам, которые в специальной литературе называются «большими» или «великими», «базовыми», «основными» концептами. Не следует, однако, забывать, что такие «основные» концепты окружены сопутствующими им единицами — «малыми», «неосновными», «небазовыми» концептами, в которых часто отсутствуют некоторые из перечисленных выше признаков, такие, например, как обязательность глубоких исторических корней, традиционность обозначения; в «малых» концептах могут отсутствовать и исторически сложившиеся социальные либо субъективные оценки или оппозиционное сопоставление с другими единицами. Такие малые концепты с «ущербной» системой концептуальных признаков не выпадают, однако, из области основного концепта: они создают ту органическую среду, без которой он не существует.

Здесь мы должны сделать существенную оговорку, касающуюся «образных», «художественных концептов» (ср. в названных выше работах такие «образные концепты», как «падение Римской империи», «Ромео и Джульетта», «Евгений Онегин», «Обломов») — подобные концепты не являются предметом описания в нашем Словаре.

Встает вопрос: может быть, предложенное определение концепта применимо к любому значению слова и стоящему за ним понятию? Ответ на этот вопрос — отрицательный: концепт существует не в «свободном парении» — идея, стоящая за концептом, обязательно заключена в границах определенного «мира» (см. § 2), определенной мыслительной и познавательной деятельности человека и, с этой точки зрения, не является простым обобщением представлений о любом предмете, о любой реалии. Само противопоставление терминов «понятие» и «концепт» говорит о том, что концепт глубже и сложнее любого возможного понятия. Эта сложность определяется тем, что само поле существования концептов как явлений умственной, понятийной сферы, а также связанные с этим полем его собственные характеристики и качества ограничены самой природой этого явления. Концепт — непосредственный результат концептуализации мира, т. е. его у м с т в е н н о г о в и д е н и я и о с м ы с л е н и я, и этим он отличается от понятия как логической оформленной идеи о классе предметов, явлений.

Многолетнее фронтальное изучение больших массивов литературной и окололитературной лексики нового времени, охватывающей три столетия (см. «Рус-

ский семантический словарь», тт. I—V), позволили сделать вывод о существовании неких лексических единиц, вокруг которых группируются единицы, им сопутствующие. Таких основных единиц сравнительно немного; однако задача исчисления их — не задача лингвиста, так как эти основные единицы не отторжимо от понятия, которое стоит за ними и которое притягивает к себе единицы неосновные, сопутствующие. Спрашивается: что первично — то понятие, которое стоит за основной единицей, или такая единица, на основе которой формируется понятие? Ответ тесно связан с вопросом: что первично — язык или мысль? Поскольку тот или другой ответ на этот вопрос в любом случае может быть оспорен, постольку и мы в предлагаемой здесь работе не пытаемся дать на него ответ и оперируем словом как такой единицей, которая не отторжима от понятия.

В силу всех своих названных качеств концепт является неформализованной категорией; однако он способен к материализации. Материализация концепта осуществляется через соотнесение принадлежащих и тяготеющих к нему языковых единиц с глобальными (всеобщими, универсальными) языковыми смыслами, заключенными в дейктической системе языка (см. § 1). Такая последовательная и объективно существующая соотнесенность концепта и всего его непосредственного окружения (т. е. тех «множественных языковых конкретностей», которые к нему тяготеют и составляют его ауру) с глобальными языковыми смыслами является основой смысловой парадигмы концепта и служит материальной базой для построения словарной статьи в идеографическом словаре. Следовательно, смысловая парадигма концепта — это система глобальных (наиболее общих) языковых смыслов, обращенных к основному концепту и к его сопутствующим единицам; весь комплекс единиц, охватывающий смысловую парадигму концепта, представляет его смысловое строение в целом, его смысловое наполнение. Смысловая парадигма концепта во всей ее совокупности материализует концепт как сложную по своему содержанию многоплановую единицу.

Следует сразу сказать, что концепты неоднородны с точки зрения своего отношения к глобальным языковым смыслам: в одних случаях — и в подавляющем большинстве — мы имеем полное наложение смысловой структуры концепта на смысловую систему дейксиса, в других случаях какие-то глобальные языковые смыслы, входящие в дейктическую систему языка, в парадигме концепта отсутствуют: это объясняется самой природой понятия, которое сформировалось именно как концепт, вписалось в концептуальную сферу языка, в его концептуальную, гносеологическую область. Смысловое строение концепта находит свое отражение в посвященной ему словарной статье.

ЛИТЕРАТУРА

- Адамец Прж.* К вопросу о синтаксической парадигматике // *Československá rusistika*. 1966. 2.
- Аксаков К. С.* Критический разбор «Опыта исторической грамматики» Ф. И. Буслаева // *Аксаков К. С. Соч. филологические. Ч. I. М.*, 1875.
- Алисова Т. Б.* Семантико-коммуникативный субстрат безличных предложений // *Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. М.*, 1969.
- Алисова Т. Б.* Опыт семантико-грамматической классификации простых предложений // *ВЯ*. 1970. № 2.
- Алисова Т. Б.* Очерки синтаксиса современного итальянского языка *М.*, 1971а.
- Алисова Т. Б.* Структура простого предложения в современном итальянском языке. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. *М.*, 1971б.
- Апресян Ю. Д.* Дистрибутивный анализ значений и структурные семантические поля // *Лексикографический сборник, V. М.*, 1962.
- Апресян Ю. Д.* О сильном и слабом управлении // *ВЯ*. 1964. №3.
- Апресян Ю. Д.* Экспериментальное исследование семантики русского глагола. *М.*, 1967.
- Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. *М.*, 1974.
- Апресян Ю. Д.* О структуре значений языковых единиц // *Tekst i zdanie. Zbiór studiów / Red. T. Dobrzyńska, E. Janus. Wrocław: Ossolineum*, 1983.
- Апресян Ю. Д.* Новый объяснительный словарь синонимов: концепция и типы информации // *Новый объяснительный словарь синонимов. М.*, 1995а.
- Апресян Ю. Д.* Образ человека по данным языка: попытка системного описания // *Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.*, 1995б.
- Апресян Ю. Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // *Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. II. М.*, 1995в.
- Апресян Ю. Д.* Лексикографические портреты (на примере глагола *быть*) // *Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. I. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.*, 1995. С. 503–537.
- Арутюнова Н. Д.* О значимых единицах языка // *Исследования по общей теории грамматики. М.*, 1968.
- Арутюнова Н. Д.* Бытийные предложения в русском языке // *Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 35. 1976а. № 3. С. 229–238.*
- Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл. *М.*, 1976б.
- Арутюнова Н. Д.* Лингвистические проблемы референции // *Новое в зарубежной лингвистике. М.*, 1982. Вып. XIII.

- Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
- Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999. С. 740–741.
- Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н. Русское предложение. Бытийный тип (структура и значение). М., 1983.
- Аспекты семантических исследований. М., 1980.
- Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957.
- Бальцер О. А., Горбенко В. Н. Полисемия глагола *быть*, ее происхождение и конститутивно-информационные особенности связанных с ней лексических сочетаний // Лексические аспекты в системе профессионально-ориентированного обучения иноязычной речевой деятельности. Пермь, 1988. С. 21–28.
- Белоусов В. Н. Глаголы с неполной знаменательностью и их синтаксические характеристики // Слово и грамматические законы языка. Глагол. М., 1989.
- Белоусова А. С. Русские имена существительные со значением лица (лексический класс и вопросы его словарного описания) // ВЯ. 1981. № 3.
- Белякина Е. И. О сущности наклонений // Сб. научных работ аспирантов. Вып. 2. Душанбе, 1965.
- Белякина Е. И. Сослагательное наклонение в современном русском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1966.
- Бенвенист Э. Общая лингвистика / Пер. с фр. М., 1974.
- Билимович Н. П. Префиксальное глагольное словообразование в современном русском литературном языке // Русское словообразование. Тр. Самаркандск. ун-та. Новая серия, 209. Самарканд, 1972.
- Блумфилд Л. Язык / Пер. с англ. М., 1968.
- Боголюбов А. Н. Об изучении литературных языков. Методологический очерк // Уч. зап. Казанск. ун-та, год LXXXI, кн. 3, март. Казань, 1914.
- Бозова С. А. Системные семантические связи глаголов *быть* и *бывать* в современном русском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1994.
- Бондарко А. В. Предикативность и функционально-семантические категории // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Тезисы докладов. Л., 1971.
- Бондарко А. В. Теория морфологических категорий. Л., 1976.
- Бондарко А. В. К интерпретации понятия «смысл» // Словарь. Грамматика. Текст. М., 1996.
- Бондарко А. В. Грамматическое значение и его смысл. Л., 1978.
- Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983.
- Бондарко А. В. Функциональная грамматика. Л., 1984.
- Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Русский глагол. Л., 1967.
- Бондарко А. В., Кодухов В. И. О новой модели описания грамматического строя русского языка // ВЯ. 1971. № 6.
- Бородин М. А., Гак В. А. К типологии и методике историко-семантических исследований (на материале лексики французского языка). Л., 1979.
- Бубрих Д. В. Грамматика литературного коми языка. Л., 1949.
- Будагов Р. А. Система и антисистема в науке о языке // ВЯ. 1978. № 4.
- Буланин Л. Л., Откупщикова М. И., Пеньковский А. Б., Сидоренко Е. Н., Смирнов Ю. Б. Библиография работ по русским местоимениям // Русские местоимения: семантика и грамматика. Владимир, 1989.

- Булаховский Л. А. Иностранные элементы в русской художественной литературе и отношение к ним в первой половине XIX в. // Научные записки Харьковского гос. ин-та иностр. языков. Т. I. Харьков, 1939.
- Булаховский Л. А. Потехня — лингвист // Уч. зап. МГУ. 1946. Вып. 107. С. 47.
- Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX в. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис. 2-е изд. М., 1954.
- Булыгина Т. В. Некоторые вопросы классификации частных падежных значений (На материале сочетаний с генитивом в современном литовском языке) // Вопросы составления описательных грамматик. М., 1961.
- Булыгина Т. В. Проблемы теории морфологических моделей. М., 1977.
- Булыгина Т. В., Крылов С. А. Понятные категории // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Лицо и время в наивно-языковой модели мира // Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
- Бюлер К. Теория языка / Пер. с нем. М., 1993.
- Васильев Л. М. Семантические классы глаголов чувства, мысли и речи // Уч. зап. Башкирского гос. ун-та, 1971. Вып. 43.
- Вестник АН СССР. 1972. № 4.
- Виноградов В. В. Проблема сказа в стилистике // Поэтика: Сб. I. Л., 1926.
- Виноградов В. В. К построению теории поэтического языка // Поэтика: Сб. III. Л., 1927.
- Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.; Л., 1947.
- Виноградов В. В. О категории модальности в русском языке // Труды Ин-та русского языка АН СССР. Т. II. М.; Л., 1950.
- Виноградов В. В. Итоги обсуждения вопросов стилистики // ВЯ. 1955. № 1.
- Виноградов В. В. Из истории изучения русского синтаксиса. М., 1958.
- Виноградов В. В. Всегда ли система системна? // Система и уровни языка. М., 1969.
- Виноградов В. В. О некоторых вопросах русской исторической лексикологии // Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977.
- Виноградов В. В. История слов. М., 1994.
- Винокур Г. О. «Горе от ума» как памятник русской художественной речи // Уч. зап. МГУ. Вып. 128. Тр. кафедры русского языка. Кн. 1. М., 1948.
- Винокур Т. Г. О некоторых синтаксических особенностях диалогической речи в современном русском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1953.
- Винокур Т. Г. О некоторых синтаксических особенностях диалогической речи // Исследования по грамматике русского литературного языка. М., 1955.
- Воейкова М. Д. Семантическая вариативность глагольных бытийных конструкций в современном русском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1987.
- Володин В. Т. Ирреально-гипотетическое наклонение в современном русском литературном языке // Уч. зап. Куйбышевск. пед. ин-та. 1948. Вып. 9.
- Володин В. Т. Условно-желательное (гипотетическое) наклонение в современном русском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Куйбышев, 1961.
- Вольф Е. М. Грамматика и семантика местоимений. На материале иберо-романских языков. М., 1974.
- Вопросы описания лексико-семантической системы языка: Научная конф. Тез. докл. М., 1971. Ч. 1.

- Вопросы описания лексико-семантической системы языка: Научная конф. Тез. докл. М., 1971. Ч. 2.
- Вопросы языкознания. 1971. № 6; 1972. № 3.
- Ворт Д.* Морфология нулевой аффиксации в русском словообразовании // ВЯ. 1972а. № 4.
- Ворт Д.* Морфотактика и морфофонемика // Актуальные проблемы русского словообразования. I. Материалы республиканской научной конференции (12–15 сент. 1972 г.). Самарканд, 1972б.
- [*Востоков А. Х.*] Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же Сохращенной грамматики полнее изложенная. Ч. II, гл. II, § 125. Изд. 3. СПб., 1838.
- Гак В. Г.* Очерки по сопоставительному изучению французского и русского языков. М., 1965а.
- Гак В. Г.* Использование лексических средств при синтаксических трансформациях // НДВШ, Филол. науки. 1965б. № 4.
- Гак В. Г.* Проблемы лексико-грамматической организации высказывания: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1967; То же: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1967.
- Гак В. Г.* К проблеме синтаксической семантики (семантическая интерпретация «глубинных» и «поверхностных» структур) // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. М., 1969.
- Гвоздев А. Н.* Очерки по стилистике русского языка. М., 1952.
- Германович А. И.* Синтаксис междометий и их стилистическое значение // Изв. Крымского пед. ин-та. Т. XIV. Кафедра русского языка. Симферополь, 1949.
- Германович А. И.* Чаголы типа «толк», «шашть» // Изв. Крымского пед. ин-та. Т. XIV. Кафедра русского языка. Симферополь, 1949а.
- Глаголевский П.* Синтаксис языка русских пословиц. СПб., 1873.
- Глазман М. А.* Зависимость глагольной сочетаемости от лексического значения глагола (на материале глагольных связок). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1964.
- Голицина Т. Н.* Дистрибутивные свойства связочных глаголов *быть*, *являться* и их лексических омонимов // Семантика служебных слов: Межвузовский сб. науч. тр. Пермь, 1982.
- Горшкова К. В., Панов М. В., Попов А. С.* К проблемам грамматики современного русского литературного языка // ИАН ОЛЯ. 1972. № 4.
- Грамматика 1952—1954: Грамматика русского языка / Ред. коллегия: акад. В. В. Виноградов, чл.-корр. Е. С. Истрина, чл.-корр. С. Г. Бархударов. Т. I. М., 1952; Т. II. М., 1954.
- Грамматика 1970: Грамматика современного русского литературного языка / Ин-т русского языка АН СССР. Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1970.
- Грель М.* К сущности типов предложений в славянских языках // ВЯ. 1967. № 5.
- Гумбольдт В.* О родстве наречий места с местоимениями в некоторых языках // Труды историко-филологического отделения Берлинской Академии наук, 1829.
- Гумбольдт В.* О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. Избр. труды по языкознанию / Пер. с нем. М., 1984.
- Гухман М. М.* Грамматическая категория и структура парадигм // Исследования по общей теории грамматики. М., 1968.
- Гуцу-Ромало В.* К проблеме классификации глаголов // Revue de linguistique, VIII, 1963, 2.

- [Давыдов И.] Опыт общесравнительной грамматики русского языка. СПб., 1852.
- Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 1957.
- Данеш Фр. Опыт теоретической интерпретации синтаксической омонимии // ВЯ. 1964. № 6.
- Данеш Фр., Гаузенблас К. Проблематика уровней с точки зрения структуры высказывания и системы языковых средств // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1969.
- Денисов П. Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. М., 1980.
- Деятова М. и Станишева Д. Изменения на морфологическом уровне, обусловленные явлениями синтаксиса. София, 1976.
- Дискуссия о книге «Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка» // Československá rusistika, 1967. № 2.
- Добиаш А. В. Опыт семасиологии частей речи и их форм на почве греческого языка. Прага, 1897. То же: Изв. Ист.-филол. ин-та кн. Безбородко в Нежине. Т. XVI. Нежин, 1898.
- Дурново Н. Н. Формальная грамматика // Дурново Н. Н. Грамматический словарь. М.; Пг., 1924.
- Егорова (Кручинина) И. Н. Позиционные эквиваленты слов в составе предложения // Русский язык. Грамматические исследования. М., 1967.
- Ельмслев Л. Можно ли считать, что значения слов образуют структуру? // Новое в лингвистике. II. М., 1962.
- Ермакова О. П. Семантика, грамматика и стилистическая дифференциация местоимений // Грамматические исследования: Функционально-стилистический аспект: Суперсегментная фонетика. Морфологическая семантика. М., 1989.
- Ермакова О. П. Составные местоимения в русском языке // Словарь. Грамматика. Текст. М., 1996.
- Залевская А. А. Проблемы организации внутреннего лексикона человека. Калинин, 1977.
- Зарецкий А. И. О местоимении // Русский язык в школе. 1940. № 6.
- Иванов Вяч. В. Языкознание // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1972. № 4.
- Исаченко А. В. К вопросу об императиве в русском языке // Русский язык в школе. 1957. № 6.
- Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Ч. 2. Братислава, 1960.
- Исследования по семантике. Лексическая и грамматическая семантика: Межвузовский науч. сб. Уфа, 1980.
- Исследования по семантике. Лексическая и синтаксическая семантика: Межвузовский науч. сб. Уфа, 1981.
- Камынина А. А. О синтаксической зависимости падежей, распространяющих предложение в целом // Исследования по современному русскому языку. М., 1970.
- Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. М., 1976.
- Караулов Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М., 1981.
- Караулов Ю. Н. Ассоциативная грамматика русского языка. М., 1993.
- Карский Е. Ф. Белорусы. Язык белорусского народа. Вып. III. М., 1956.
- Касилова М. Ф. К вопросу о побудительных предложениях // Вестник МГУ. Сер. VII. 1962. № 4.

- Касимова Г. К. Русские глаголы со значением информации и их субъектные связи. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1986.
- Категория бытия и обладания в языке. М., 1977.
- Категория падежа в структуре и системе языка. День Артура Озола. Рига, 1971.
- Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
- Кибрик Е. А. Язык // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Киселев А. Е. Лексическое повторение как грамматическое средство русского языка. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1954.
- Классы слов и их взаимодействие. Свердловск, 1979.
- Ковтунова И. И. О порядке слов в русском языке // Русский язык в нац. школе. 1971. № 4.
- Ковтунова И. И. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976.
- Кондратенко Г. И. Лексико-семантическая группа глаголов со значением бытийности (На материале глаголов нахождения). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1985.
- Кондратенко Г. И. Опорные семантические компоненты лексико-семантической группы глаголов со значением бытийности и их синтагматика // Вопросы структуры предложения: Сб. научных трудов. Ульяновск, 1983.
- Копорская Е. С. Архетип глаголов движения // Словарь. Грамматика. Текст. М., 1996.
- Костинский Ю. М. Вопросы синтаксической парадигматики // ВЯ. 1969. № 5.
- Котелова Н. З. О логико-грамматическом уровне в языке // Язык и мышление. М., 1967.
- Кравченко А. В. Загадка рефлексива: избыточность или функциональность? // Филол. науки. М., 1995. № 4.
- Краткая русская грамматика. М., 1989.
- Крейдлиг Г. Е. Об одной лакуне в системе русских местоимений: восклицательные местоимения русского языка // Русистика сегодня. М., 1994.
- Кржижкова Е. Еще о форме сослагательного наклонения в современном русском языке // Филол. науки. 1963. № 1.
- Кржижкова Е. П. Первичные и вторичные функции и так наз. транспозиция форм // Travaux linguistiques de Prague. 2. Prague, 1966.
- Кржижкова Е. Адвербиальная детерминация со значением места и направления // ВЯ. 1967а. № 2.
- Кржижкова Е. Проблемы простого предложения // Československá rusistika. 1967б. № 2.
- Кривенко Б. В. Сказуемое, выраженное глаголами в форме повелительного и сослагательного наклонений, в памятниках русской публицистики первой половины XVIII в. // Труды Воронежского гос. ун-та, 1961. Т. LXIII.
- Кристенсен А. К вопросу о двусоставности / односоставности простых предложений типа Тишина // Scando-Slavica, XVII. 1971.
- Кротевич Е. В. Члены предложения в современном русском языке. Львов, 1954.
- Кротевич Е. В. О связях слов в словосочетании и в предложении // Русский язык в школе. 1958. № 6.
- Кручинина И. Н. Конструкции с местоимением *который* в современном русском языке // ВЯ. 1968. № 2.
- Кручинина И. Н. [Хроника симпозиума, посвященного обсуждению «Грамматики» 1970 г.] // ВЯ. 1972. № 3.
- Крылов С. А., Падучева Е. В. Местоимение // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

- Крылов С. А., Падучева Е. В. Местоименные слова // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Крылов С. А., Падучева Е. В. Общие вопросы дейксиса // Человеческий фактор в языке: Коммуникация. Модальность. Дейксис. М., 1992.
- Кубик М. К вопросу о классификации простого предложения в новой академической грамматике русского языка // *Československá rusistika*, XVII, 1972. № 2.
- Кузнецов А. М. Глагол *to be* и его эквиваленты в современном английском языке // Категории бытия и обладания в языке. М., 1977.
- Кузнецова А. И. Понятие семантической системы языка и методы ее исследования. М., 1963.
- Кузнецова Э. В. Категория типичных идентификаторов как основа для выделения лексико-семантических групп глагола // Актуальные проблемы лексикологии. Ч. 1. Томск, 1971.
- Кузнецова Э. В. Части речи и лексико-семантические группы слов // ВЯ. 1975. № 5.
- Кузнецова Э. В. О принципах и методах выделения объема семантических классов русских глаголов // Классы слов и их взаимодействие. Свердловск, 1979.
- Кузнецова Э. В. Русская лексика как система: Уч. пособие. Свердловск. 1980.
- Кузьмина С. М. Семантика и стилистика неопределенных местоимений // Грамматические исследования: Суперсегментная фонетика. Морфологическая семантика. М., 1989.
- Кузьмина И. Б., Немченко Е. В. К вопросу об употреблении «есть» в русских говорах // Материалы и исследования по общеславянскому лингвистическому атласу. М., 1968.
- Курилович Е. Основные структуры языка: словосочетание и предложение (1948) // Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962.
- Курилович Е. Проблема классификации падежей (1949) // Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962.
- Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику / Пер. с англ. М., 1978.
- Лешка О. Место трансформационных отношений в языковой структуре // *Československá rusistika*. 1966. 2.
- Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1993. Т. 52. № 1. [Ломоносов М. В.] Российская грамматика М. Ломоносова. Спб. Акад. наук, 1755.
- Ломоносов М. В. Российская грамматика // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 7. М.; Л., 1952.
- Лосев А. Ф. Введение в общую теорию языковых моделей. М., 1968.
- Люшкин Ю. В. Обсуждение «Грамматики современного русского литературного языка» на кафедре русского языка ЛГУ // Филол. науки. 1972. № 4.
- Майтинская К. Е. Местоимение в языках разных систем. М., 1969.
- Малашенко В. П. Детерминанты как общий второстепенный член предложения // Русский язык в школе. 1971. № 5.
- Малашенко В. П. Свободное присоединение предложно-падежных форм имени существительного в современном русском языке. Ростов-на-Дону, 1972.
- Малашенко В. П., Антонова Т. И. Второстепенные члены, относящиеся к предложению в целом // Сб. науч. работ, 1. Волгоград, 1964.
- Маковский М. М. Теория лексической аттракции: (Опыт функциональной типологии лексико-семантических систем). М., 1980.

- Малашенко В. П.* О связи слов в словосочетании и предложении. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1961.
- Мельничук А. С.* Понятие системы и структуры языка в свете диалектического материализма // Ленинизм и теоретические проблемы современного языкознания. М., 1970.
- Мельничук А. С.* Язык и мышление // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Мельчук И. А.* Опыт теории лингвистических моделей 'смысл — текст': Семантика, синтаксис. М., 1974.
- Мещанинов И. И.* Понятийные категории в языке // Труды Военного института иностранных языков. 1945а. №1.
- Мещанинов И. И.* Члены предложения и части речи. М.; Л., 1945б.
- Милых М. К.* Побудительные предложения в русском языке // Уч. зап. Ростовского-н/Д гос. ун-та. 1953. Т. XXII. Тр. историко-филол. ф-та. Вып. 4.
- Михлина М. Л.* Из наблюдений над синтаксисом диалогической речи. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1955.
- Михневич А. Е.* Некоторые вопросы изучения синтаксических (подчинительных) связей слов в работах советских и чехословацких лингвистов // ВЯ. 1968. № 5.
- Моисеев А. И.* Грамматика современного русского литературного языка // Русский язык в школе. 1972. № 4.
- Морковкин В. В.* Опыт идеографического описания лексики. М., 1977.
- Мучник И. П.* О значении форм повелительного наклонения в современном русском языке // Уч. зап. МОПИ. 1955. Т. XXXII. Вып. 2.
- Некрасов Н.* О значении форм русского глагола. СПб., 1865.
- Немешайлова А. В.* Повелительное наклонение в современном русском языке // Уч. зап. Пензенского гос. пед. ин-та. Сер. историко-филол., 1958. Вып. 5.
- Новиков И.* Тургенев — художник слова. М., 1954.
- Новиков Л. А.* Семантика русского языка. М., 1982.
- Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972.
- Овсянко-Куликовский Д. Н.* Синтаксис русского языка. 2-е изд. СПб., 1912.
- Опыт общесравнительной грамматики русского языка. СПб., 1852.
- Оравец Я.* К вопросу о глагольной интенции и глагольном управлении // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1969.
- Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы / Борунова С. Н., Воронцова В. Л., Еськова Н. А.; Под ред. Аванесова Р. И.; АН СССР. Ин-т рус. яз. М., 1983.
- Основы построения описательной грамматики, 1966: Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка. М., 1966.
- Откупщикова И.* Местоименные слова в новом академическом словаре // Очередные задачи русской академической лексикографии. СПб., 1995.
- Падучева Е. В.* Высказывание и его соотносительность с действительностью. М., 1985.
- Падучева Е. В., Крылов С. А.* Дейксис: Общетеоретические и прагматические аспекты // Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики. М., 1984.
- Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. 6-е изд. М., 1938.
- Плоткин В. Я.* О форме сослагательного наклонения в современном русском языке // Филол. науки. 1962. № 2.
- Плотникова (Робинсон) В. А.* Местоименные слова // Русский язык: Энциклопедия. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 1997.

- Покровский М. М. Семасиологические исследования в области древних языков // Покровский М. М. Избранные работы по языкознанию. М., 1959.
- Попов А. В. Оборот *что за...* (*was für ein*) и сродные с ним // Филол. зап. 1879. Вып. II.
- Попова З. Д. [рец. на кн.:] «Грамматика современного русского литературного языка». М., 1970 // Русский язык в нац. школе. 1972. № 2.
- Попова З. Д., Стернин И. А. Лексическая система языка. Воронеж, 1984.
- Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001.
- Попова И. А. Неполные предложения в современном русском языке // Труды Ин-та языкознания АН СССР. Т. II. М., 1953.
- Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. II. Харьков, 1874.
- Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. III. Харьков, 1899.
- Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. IV. М.; Л., 1941.
- Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.
- Принципы классификации в лексической семантике (имя существительное): Научно-аналитич. обзор ИНИОН. М., 1982.
- Проблемы семантики. М., 1974.
- Прокопович Н. Н. Некоторые вопросы теории синтаксиса (Объем синтагмы – словосочетания) // Труды первой научно-методической конференции Московского зонального межвузовского объединения кафедр рус. яз. педагогических институтов. М., 1961.
- Проспект «Русской грамматики» / Н. С. Авилова, С. Н. Дмитренко, В. А. Ицкович и др. М., 1972.
- Распопов И. П. О так называемых детерминирующих членах простого предложения // ВЯ. 1972. № 6.
- Рассел Б. Человеческое познание: его сфера и границы. М., 1957.
- РГ-80: Русская грамматика: В 2 т. / Редкол.: Шведова Н. Ю. (гл. ред.) и др.; М.: Наука, 1980. Т. I—II.
- РГ-89: Краткая русская грамматика / Белоусов В. Н., Ковтунова В. Н., Кручинина И. Н. и др.; Под ред. Шведовой Н. Ю., Лопатина В. В.; Ин-т рус. яз. АН СССР. М., 1989.
- Российская грамматика, сочиненная Императорскою Российскою академиею. СПб., 1802.
- Русский язык и советское общество. Проспект. Алма-Ата, 1962.
- Савицкий Н. О синтаксическом типе *Деньги есть / денег нет* в русском и украинском языках // Československá rusistika, XVII. № 4.
- Светлышев Д. С. Состав и функции эмоционально-экспрессивных частиц в современном русском литературном языке. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1955.
- Седелников Е. А. Структура простого предложения с точки зрения синтагматических и парадигматических отношений // НДВШ, Филол. науки. 1961. № 3.
- Седелников Е. А. О грамматических категориях простого предложения в современном русском языке // Исследования по современному русскому языку / Под ред. Ломтева Т. П., Камыниной А. А. М., 1970.
- Селиверстова О. Н. Компонентный анализ многозначных слов (На материале некоторых русских глаголов). М., 1975.
- Селиверстова О. Н. Семантический анализ экзистенциальных и possessивных конструкций в английском языке // Категории бытия и обладания в языке. М., 1977.
- Серова Л. К. Диахронно-сопоставительный анализ глагола «быть» в русском и романских языках. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1982.

- Симпозиум по теории русской грамматики. Хроника // ВЯ. 1972. № 3.
- Системные отношения в лексике и методы их изучения: Межвуз. науч. сб. Уфа: Башк. ун-т, 1977.
- Скобликова Е. С. Местоимения: различия трактовок // Русский язык в школе. 1996. № 6.
- Сланский В. Две экскурсии в область русской грамматики // Семья и школа. 1876. № 2, 4, 5, 10.
- Сланский В. Коренная ошибка грамматик // Семья и школа. 1878. № 4, 5.
- Сланский В. Грамматика — как она есть и как должна быть. СПб., 1887.
- Слесарева И. П. Проблемы описания и преподавания русской лексики. М., 1980.
- Слово в системных отношениях: Сб. науч. трудов. Свердл. гос. пед. ин-т. № 314. Свердловск, 1979.
- Смирницкий А. И. Синтаксис английского языка. М., 1957.
- Соколовская Ж. П. Система в лексической семантике. Киев, 1979.
- Степанов Ю. С. Семиотическая структура языка. Три функции и три формальных аппарата языка // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1973. Т. 32. № 4.
- Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения. Семиологическая грамматика. М., 1981. Изд. 2-е, М., 2001.
- Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М., 1985.
- Степанов Ю. С. Индоевропейское предложение. М., 1989.
- Степанов Ю. С. Понятие // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры: опыт исследования. М., 1997.
- Степанов Ю. С. Язык и метод: К современной философии языка. М., 1998.
- Сумникова Т. А. Местоимение // Древнерусская грамматика XII—XIII вв. М., 1995.
- Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Тезисы докладов. Л., 1971.
- Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / Отв. ред. А. В. Бондарко. Л., 1987.
- Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. Л., 1990.
- Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость. СПб., 1991.
- Теория функциональной грамматики: Субъективность. Объективность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность. СПб., 1992.
- Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность. СПб., 1996а.
- Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб., 1996б.
- Тимченко Е. К. Функции генитива в южнорусской языковой области. Варшава, 1913.
- Тихонов А. Н. О построении и содержании раздела «Словообразование» в «Грамматике современного русского литературного языка» // Русское словообразование. Тр. Самаркандск. ун-та. Новая серия, 209. Самарканд, 1972а.
- Тихонов А. Н. Русская морфемика // Русское словообразование. Тр. Самаркандск. ун-та. Новая серия, 209. Самарканд, 1972б.
- Тихонов А. Н., Емельянова С. А. Виды, способы действия и словообразование // Русское словообразование. Тр. Самаркандск. ун-та. Новая серия, 209. Самарканд, 1972.
- Трофимов В. А. К вопросу о выражении отрицания в современном русском литературном языке // Уч. зап. ЛГУ. № 156. Сер. филол. наук. Вып. 15. Л., 1952.
- Устин А. К. Текстобразовательный дейксис. СПб., 1995.

- Уфимцева А. А. Опыт изучения лексики как системы. М., 1962.
- Уфимцева А. А. К вопросу о лексико-семантической системе языка // Тез. докл. на дискуссии о проблеме системности в языке (30 янв. — 2 февр. 1962 г.). М., 1962.
- Уфимцева А. А. Слово в лексико-семантической системе языка. М., 1968.
- Уфимцева А. А. Типы словесных знаков. М., 1974.
- Уфимцева А. А. Лексическая номинация (первичная, нейтральная) // Языковая номинация: Виды наименований. М., 1977.
- Ушакова Л. И. Местоимения и их аналоги // Русский язык в школе. 1998. № 1.
- Фортулатов Ф. Ф. О преподавании грамматики русского языка в средней школе // Труды 1-го съезда преподавателей русского языка в военно-учебных заведениях (22—31 дек. 1903 г.). СПб., 1904.
- Хрычиков Б. В. Формы и значения сослагательного наклонения в современном русском литературном языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1954.
- Хрычиков Б. В. Значения форм сослагательного наклонения в простом предложении в современном русском языке // Уч. зап. Новгородск. пед. ин-та. 1956. Т. 1.
- Чаирова В. Т. Русские бытийные предложения и их эквиваленты в сфере предложений характеризации. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1991.
- Человеческий фактор в языке: Коммуникация. Модальность. Дейксис. М., 1992.
- Чернышев В. И. Отрицание *не* в русском языке. Л., 1927.
- Чернов В. И. К вопросу о детерминантах // ВЯ. 1969. № 1.
- Чернышев В. И. Описательные формы наклонений и времен в русском языке // Труды Ин-та рус. яз. АН СССР. Т. 1. М.; Л., 1949.
- Шапиро А. Б. Очерки по синтаксису русских народных говоров. М., 1953.
- Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. 2-е изд. Л., 1941.
- Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка.
- Шведова Н. Ю. Некоторые виды значений сказуемого в современном русском языке // Исследования по грамматике русского литературного языка. М., 1955.
- Шведова Н. Ю. Из истории родительного качественного в русском литературном языке XVIII—XIX вв. (К проблеме лексических ограничений в синтаксисе) // Мат. и исслед. по истории русского литературного языка. Т. V. М., 1962.
- Шведова Н. Ю. О некоторых активных процессах в современном русском синтаксисе // ВЯ. 1964а. № 2.
- Шведова Н. Ю. Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения // ВЯ. 1964б. № 6.
- Шведова Н. Ю. Типология односоставных предложений на основе характера их парадигм // Проблемы современной филологии: Сб. статей к 70-летию акад. В. В. Виноградова. М., 1965.
- Шведова Н. Ю. Активные процессы в современном русском синтаксисе. М., 1966а.
- Шведова Н. Ю. Построение раздела «Синтаксис простого предложения» // Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка. М., 1966б.
- Шведова Н. Ю. Парадигматика простого предложения в современном русском языке (Опыт типологии) // Русский язык: Грамматические исследования. М., 1967.
- Шведова Н. Ю. О разграничении простого предложения и сходных с ним конструкций // Otázky slovenské syntaxe, II. Brno, 1968а.
- Шведова Н. Ю. Существуют ли все-таки детерминанты как самостоятельные распространители предложения? // ВЯ. 1968б. № 2.

- Шведова Н. Ю.* Некоторые вопросы синтаксиса простого предложения в их отношении к синтаксису слова и словоформы (доклад на заседании Международной грамматической комиссии, прочитанный в апреле 1968 г. в Берлине // *Zeitschrift für Slawistik*. 1969. № 5.
- Шведова Н. Ю.* Согласование и координация: их сходство и различия // *Проблемы истории и диалектологии славянских языков: Сб. ст. к 70-летию В. И. Борковского*. М., 1971.
- Шведова Н. Ю.* Входит ли лицо в круг синтаксических категорий, формирующих предикативность // *Русский язык за рубежом*. 1971а. № 4.
- Шведова Н. Ю.* О синтаксических потенциях формы слова // *ВЯ*. 1971б. № 4.
- Шведова Н. Ю.* О соотношении грамматических и семантических характеристик предложения // *Otázky slovenské syntaxe*, III. Врно, 1973а.
- Шведова Н. Ю.* О соотношении грамматической и семантической структуры предложения // *Славянское языкознание. Доклады советских ученых на VII Международном съезде славистов*. М., 1973б.
- Шведова Н. Ю.* К спорам о детерминантах: (Обстоятельственная и необстоятельственная детерминация предложения) // *Филол. науки*. 1973в. № 5.
- Шведова Н. Ю.* О долженствовательном наклонении // *Синтаксис и норма*. М., 1974а.
- Шведова Н. Ю.* Синтаксическое желательное наклонение // *Современные проблемы литературоведения и языкознания*. М., 1974б.
- Шведова Н. Ю.* Объектная форма в субъектной позиции // *Otázky slovanské syntaxe*, IV. Врно, 1976.
- Шведова Н. Ю.* Однотомный толковый словарь: специфика жанра и некоторые перспективы дальнейшей работы // *Русский язык: Проблемы художественной речи, лексикология и лексикография. Виноградовские чтения IX–X*. М., 1981.
- Шведова Н. Ю.* Типы контекстов, конструирующих многоаспектное описание слова // *Русский язык: Текст как целое и компоненты текста. Виноградовские чтения. XI*. М., 1982.
- Шведова Н. Ю.* К понятию вариативности в языке: (На примере лексического множества) // *Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз.* 1983а. Т. 42. № 3.
- Шведова Н. Ю.* Лексическая классификация русского глагола (на фоне чешской семантико-компонентной классификации) // *Славянское языкознание: IX Международный съезд славистов. Докл. сов. делегации*. М., 1983б.
- Шведова Н. Ю.* Об активных потенциях, заключенных в слове // *Слово в грамматике и словаре*. М., 1984.
- Шведова Н. Ю.* Один из возможных путей построения функциональной грамматики // *Проблемы функциональной грамматики*. М., 1985.
- Шведова Н. Ю.* Парадоксы словарной статьи // *Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре: Сб. статей*. М., 1988а.
- Шведова Н. Ю.* Лексическая система и ее отражение в толковом словаре // *Русистика сегодня. Язык: система и ее функционирование*. М., 1988б.
- Шведова Н. Ю.* Русские бытийные глаголы и их субъекты // *Слово и грамматические законы языка, Глагол*. М., 1989.
- Шведова Н. Ю.* Смысловый строй языка как основа его жизнедеятельности // *Русский язык и современность: Проблемы и перспективы развития русистики. Доклады Всесоюзной научной конференции*. Ч. I. М., 1991.

- Шведова Н. Ю., Белоусова А. С. Система местоимений как исход смыслового строения языка и его смысловых категорий. М., 1996.
- Шведова Н. Ю. Местоимение и смысл: Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. М., 1998.
- Шведова Н. Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским семантическим словарем» (доклад, прочитанный на заседании ученого совета Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН 7 мая 1998 г.) // ВЯ. 1999. № 1.
- Шведова Н. Ю. Русская дейктическая форма *сделано* и означаемый ею тип сообщения // Слово в тексте и в словаре: Сб. статей к 70-летию академика Ю. Д. Апресяна. М., 2000.
- Шведова Н. Ю. Еще раз о глаголе *быть* // ВЯ. 2001а. № 2.
- Шведова Н. Ю. Опыт описания типов сообщения в опоре на дейктические единицы языка (*делать — делаться — иметь место — какво*) // Русский язык в научном освещении. 2001б. № 2.
- Шмелев Д. Н. Внеимперативное употребление формы повелительного наклонения в современном русском языке // Русский язык в школе. 1961. № 5.
- Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964.
- Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М., 1973.
- Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика. М., 1977. С. 183–293. Гл. «Системные отношения в лексике».
- Щерба Л. В. Восточно-лужицкое наречие. Т. I. Приложение. Пг., 1915.
- Щерба Л. В. О частях речи в русском языке // Русская речь: Сб. П. Л., 1928.
- Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии // Изв. АН СССР. ОЛЯ. 1940. № 3.
- Щур Г. С. О некоторых основных понятиях теоретического языкознания // Вопросы английской филологии и методика преподавания иностранных языков: Уч. зап. Омского гос. пед. ин-та им. А. М. Горького. Омск, 1972. Вып. № 65.
- Эрельт М. Новые течения в русской грамматике // Язык и литература. Таллин, 1972 [на эст. яз.].
- Юрик В. А. Формы и значения предположительного наклонения глаголов латышского и русского языков в сопоставительном освещении. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Рига, 1955.
- Юрик В. А. К вопросу о составе и функционировании форм сослагательного наклонения глагола в современном русском языке // Уч. зап. Латв. гос. ун-та. Т. 30. 1959. Вып. 4. Рига, 1959.
- Языковая номинация. Общие вопросы. М., 1977а.
- Языковая номинация. Виды наименований. М., 1977б.
- Языковые единицы и контекст. Л., 1973.
- Якубинский Л. П. О диалогической речи // Русская речь / Под ред. Л. В. Щербы. I. Пг., 1923.
- Янко-Триницкая Н. А. Проблема номер один // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964.
- Ярцева В. Н., Арутюнова Н. Д. [рец. на кн.:] «Грамматика современного русского литературного языка», М., 1970 // Вестник АН СССР. 1972. № 4.
- «Я», «Субъект», «Индивид» в парадигмах современного языкознания; Сб. научно-аналитических обзоров. М.: ИНИОН РАН, 1992.

- Př. Adamec.* K vyjadřování š modální významů možnosti a nutnosti v současné ruštině // Sborník pedagogické Fakulty University Karlovy v Praze, 1970.
- Czermak W.* Die Lokalvorstellung und ihre Bedeutung für den grammatischen Aufbau afrikanischen Sprachen // Festschrift Meinhof. Hamburg, 1927 // Československá rusistika, 1971. № 5; 1972. № 2.
- Daneš Fr.* Sémantická structura větného vzorce // Otázky slovanské syntaxe, II. Brno, 1968a.
- Daneš Fr.* Some Thoughts on the Semantic Structure of the Sentence // Lingua. Vol. 21. Amsterdam, 1968b.
- Daneš Fr.* Semantic Considerations in Syntax // Actes du X-e Congrès International des linguistes. Bucarest, 1970.
- Daneš Fr.* Pokus o strukturální analýzu slovesných významů // Slovo a slovesnost. 1971. № 3.
- Dimitrescu Fl.* Ein Modalität zur Klassifikation der Verben // Revue de linguistique, VIII. 1963, 2.
- A. W. de Groot.* Les oppositions dans les systèmes de la syntaxe et de cas // Mélanges de linguistique offerts à Charles Bally. Genève, 1939.
- Fillmor Ch.* The Case for Case // Universals in Linguistic Theory. New York etc., 1968.
- Hausenblas K.* Subjekty v promluvě // Sesja Naukowa Międzynarodowej Komisji Budowy Gramatycznej Języków Słowiańskich, 3—5 grudnia 1969. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1971.
- Karcevski S.* Introduction à l'étude de l'interjection // Cahiers Ferdinand de Saussure. 1. 1941.
- Kořenský J.* K problému větněsémantický funkce nedejových významů českého slovesa // Slovo a slovesnost. 1971. № 3. XXXII.
- Křížková H., Leška O.* K nové sovětské mluvnici současné spisovné ruštiny // Československá rusistika, XVI. 1971. № 5.
- Leška O.* K otázce tzv. transpozice // Sborník vysoké školy pedagogické v Praze. Jazyk a literatura, II. Rusko-české studie. Praha, 1960.
- Мартинов В. В., Шуба П. П., Ярмош М. И.* Опыт за семантична классификация на руския глагол // Език и литература. София, 1965. № 3.
- Miko Fr.* K menným jednočlenným větám // Jazykovedný zborník venovaný VI slavistickému kongresu. Bratislava, 1968.
- Michalk Fr.* Der Genitiv der Substantivs in der OS Schriftsprache. (Auszug aus dem Kapitel über den Kasus) // Diskusijnny material za Komisija za pferuowanje gram. struktury słowjanskich rečov při MKS. Budyšin, 1975 (rotaprint).
- Mrázek R.* Syntax přacíh vět v ruštině // Československá rusistika, 1958. № 1.
- Mrázek R., Brym I.* Sémantika a funkce ruského genitivu s předložkou *u* (Se zřetelem k češtině) // Sborník prací filosofické fakulty Brněnské university, XI. Řada jazykovědná, A 10. 1962.
- Hausenblas K.* Subjekty v promluvě. — Sesja Naukowa Międzynarodowej Komisji Budowy Gramatycznej Języków Słowiańskich w Krakowie, 3—5 grudnia 1969 r. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1971.
- Puzynina J.* [рец. на кн.] «Грамматика современного русского литературного языка». М., 1970 // Slavica orientalis. 1972. № 2. Рец. на разделы «Введение в морфемистику» и «Словообразование».
- Rybák J.* Poznámky k ireálnej potenciálnej a reálnej podmienke // Československá rusistika, XVII. 1972. № 2.
- Slovo a slovesnost. 1971. № 3.
- Slovo a slovesnost. 1975. № 1.

- Sekaninová E.* Nove pohľady na kategóriu slovesného vidu // *Jazykovedný časopis*, XXIII. 1972. № 2.
- Straková V., Skoumalová Z.* K oddilu tvoření slov v nové sovětske mluvnici ruštiny // *Československá rusistika*. 1972. № 4.
- Vědecká synchronní mluvnice spisovné češtiny*, 1974 / Ред. Фр. Данеш, М. Грелль, М. Комарек [ротапринт].
- Wawryńczyk J.* [реп. на кн.:] «Грамматика современного русского литературного языка». М., 1970 // *Język rosyjski*, 1971. № 3.
- Worth D. S.* The Role of Transformations in the Definition of Syntagmas in Russian and Other Slavic Languages // *American Contributions to the V International Congress of Slavists*. The Hague, 1963.
- Zimek R.* O nové sovětské akademické gramatice ruštiny. Olomouc, 1971.

С л о в а р и :

- БАС: Словарь современного русского литературного языка в 17 т. М.; Л. 1950–1965.
- Даль*: Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Изд. 3-е / Под ред. И. Н. Бодуэна де Куртенэ. Т. 1–4. СПб.; М., 1903–1909.
- [*Кузнецов С. А.*] Большой толковый словарь русского языка / Автор и руководитель проекта, гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2000.
- МАС: Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР. Ин-т рус. яз. Под ред. А. П. Евгеньевой. 1-е изд. М., 1957–1961; 2-е изд., испр. и доп. М., 1981–1984.
- Ожегов С. И.* Словарь русского языка. Изд. 1–21. М., 1949–1989.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. 1-е изд. М., 1992; 2-е изд., испр. и доп. М., 1994; стереотип: 3-е изд. М., 1995, 1996; 4-е изд. М., 1997.
- Словарь русского языка XVIII века. Вып. 6. Л., 1991 (с. 82–84, статьи «ДЕЛАТЬ» и «ДЕЛАТЬСЯ»).
- Ушаков*: Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. I–IV. М., 1935–1940.

БИБЛИОГРАФИЯ РАБОТ АВТОРА

1948

Возникновение и распространение предикативного употребления членных прилагательных в русском литературном языке XV—XVIII вв. // Докл. и сообщ. Ин-та рус. яз. АН СССР. М.: Л., 1948. Вып. I.

К изучению омонимов: *The Conflict of Homonyms in English* by Edna Rees Williams. London: Oxford University Press, 1944 // Докл. и сообщ. филол. фак-та МГУ. 1948. Вып. 6.

Русский словоток и словотворчество Н. Г. Курганова. Рукопись. (Краткое изложение содержания см.: Вестн. АН СССР. 1948. № 8)

1949

Соотношение именных и членных форм прилагательных при предикативном их употреблении в художественной прозе Карамзина // *Материалы и исследования по истории русского литературного языка*. М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 1.

1950

К итогам дискуссии по вопросам языкознания // *Пропагандист и агитатор: Журнал Главного политического управления Военно-Морских сил СССР*. 1950. № 3.

1951

Методологические ошибки сторонников «нового учения» о языке в исследованиях по вопросам русского синтаксиса // *Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании: Сб. статей*. М.: Изд-во АН СССР, 1951. Ч. I.

Общественно-политическая лексика и фразеология в «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева // *Материалы и исследования по истории русского литературного языка*. М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. 2.

1952

Имя прилагательное // *Современный русский язык: Морфология*. М.: Изд-во МГУ, 1952.

Имя прилагательное // Грамматика русского языка. М.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 1.

К вопросу об общенародном и индивидуальном в языке писателя // ВЯ. 1952. № 2.

Полные и краткие формы имен прилагательных в составе сказуемого в современном русском литературном языке // Учен. зап. Моск. ун-та. 1952. Вып. 150.

1953

Принципы исторической стилизации в языке повести Гоголя «Тарас Бульба» // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. М.: Изд-во АН СССР, 1953. Т. 3.

Вопросы составления описательных грамматик // ВЯ. 1953. № 4 (совместно с В. А. Аврориним, Р. А. Будаговым, Ю. Д. Дешериевым, Б. А. Серебренниковым, Е. И. Убрятовой).

1954

Именное сказуемое // Грамматика русского языка. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 2.

Номинативные предложения // Там же.

Литературный язык // БСЭ, 2-е изд. М., 1954. Т. 25.

Библиографический указатель литературы по русскому языкознанию с 1825 по 1880 г. Вып. 1 // М.: Изд-во АН СССР, 1954 (совместно с Н. С. Авиловой и Е. Т. Черкасовой).

Библиографический указатель литературы по русскому языкознанию с 1825 по 1880 г. Вып. 2 // М.: Изд-во АН СССР, 1954 (совместно с Н. С. Авиловой и Е. Т. Черкасовой).

1955

Библиографический указатель литературы по русскому языкознанию с 1825 по 1880 г. Вып. 3 // М.: Изд-во АН СССР, 1955 (совместно с Н. С. Авиловой и Е. Т. Черкасовой).

Некоторые виды значений сказуемого в современном русском языке: (Наблюдения и материалы) // Исследования по грамматике русского литературного языка. М.: Изд-во АН СССР, 1955.

1956

Библиографический указатель литературы по русскому языкознанию с 1825 по 1880 г. Вып. 4 // М.: Изд-во АН СССР, 1956 (совместно с Н. С. Авиловой и Е. Т. Черкасовой).

К изучению русской диалогической речи: Реплики-повторы // ВЯ. 1956. № 2.

Развитие синтаксического строя // Очерки истории русского литературного языка XIX в.: Проспект. М.: Изд-во АН СССР, 1956.

1957

Библиографический указатель литературы по русскому языкознанию с 1825 по 1880 г. Вып. 5 // М.: Изд-во АН СССР, 1957 (совместно с Н. С. Авиловой и Е. Т. Черкасовой).

Междометия как грамматически значимый элемент предложения в русской разговорной речи // ВЯ. 1957. № 1.

Библиографический указатель литературы по русскому языкознанию с 1825 по 1880 г. Вып. 6 // М.: Изд-во АН СССР, 1957 (совместно с Н. С. Авиловой и Е. Т. Черкасовой).

1958

Библиографический указатель литературы по русскому языкознанию с 1825 по 1880 г. Вып. 7 // М.: Изд-во АН СССР, 1958 (совместно с Н. С. Авиловой и Е. Т. Черкасовой).

О некоторых типах фразеологизированных конструкций в строе русской разговорной речи // ВЯ. 1958. № 2.

Очерки по синтаксису русской разговорной речи: (Вопросы строения предложения) // Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М.: 1958.

1959

Библиографический указатель литературы по русскому языкознанию с 1825 по 1880 г. Вып. 8 // М.: Изд-во АН СССР, 1959 (совместно с Н. С. Авиловой и Е. Т. Черкасовой).

1960

Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: Изд-во АН СССР, 1960.

Проблема лексических ограничений как одна из проблем изучения истории синтаксиса русского литературного языка XVIII—XIX вв. // ВЯ, 1960. № 6 (Тезисы работы см.: в кн.: Тезисы докладов на совещании по проблемам изучения истории русского литературного языка нового времени. 27-30 июня 1960 г. М., 1960).

1962

Из истории родительного квалитативного в русском литературном языке XVIII—XIX вв.: (К проблеме лексических ограничений в синтаксисе) // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. М.: Изд-во АН СССР, 1962. Т. 5.

1964

Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения // ВЯ, 1964. № 6.

Изменения в системе простого предложения в русском лит. языке XIX в. // Очерки по истории грамматики русского литературного языка XIX в.: Изменения в системе простого и осложненного предложения в русском литературном языке XIX в. М.: Наука, 1964.

Некоторые тенденции развития простого и осложненного предложения в XIX в. // Там же.

О некоторых активных процессах в современном русском синтаксисе: (Наблюдения над языком газеты) // ВЯ. 1964. № 2.

Тенденции развития разговорной речи: (Активные процессы в современном русском синтаксисе) // Тезисы и план докладов на VII Международном методическом семинаре преподавателей русского языка высших учебных заведений социалистических стран. М., 1964.

1965

Виктор Владимирович Виноградов: (К семидесятилетию со дня рождения) // Проблемы современной филологии: Сб. статей к 70-летию акад. В. В. Виноградова. М.: Наука, 1965.

Типология односоставных предложений на основе характера их парадигм // Там же.

1966

Активные процессы в современном русском синтаксисе: (Словосочетание) // М.: Просвещение, 1966.

Об аналитических конструкциях в системе словосочетаний // Вопросы культуры речи. М.: Наука, 1966. Вып. 7.

Построение раздела «Синтаксис словосочетания и простого предложения» // Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка. М.: Наука, 1966.

1967

О понятии синтаксического ряда // Историко-филологические исследования: Сб. статей к 75-летию акад. Н. И. Конрада. М.: Наука, 1967.

Парадигматика простого предложения в современном русском языке: (Опыт типологии) // Русский язык. Грамматические исследования: Сб. статей. М.: Наука, 1967.

1968

О разграничении простого предложения и сходных с ним конструкций // *Otázky slovanské syntaxe*, II. Врно, 1968.

Существуют ли все-таки детерминанты как самостоятельные распространители предложения? // ВЯ, 1968. № 2.

Изучение грамматического строя русского языка // Теоретические проблемы советского языкознания. М.: Наука, 1968 (совместно с В. В. Лопатиным, И. С. Улухановым и В. А. Плотноковой).

1969

Некоторые вопросы синтаксиса простого предложения в его отношении к синтаксису слова и словоформы: Тезисы // *Zeitschrift für Slavistik*. Berlin, 1969. Bd. 14, n. 5.

О взаимоотношении структурной схемы и ее реализаций // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М.: Наука, 1969.

О понятии «регулярная реализация структурной схемы простого предложения» // Мысли о современном русском языке: Сб. статей. М.: Просвещение, 1969.

О структурной схеме сложного предложения // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М.: Наука, 1969.

1970

Виктор Владимирович Виноградов // *Русская речь*. 1970, № 3.

Труды В. В. Виноградова по «Русской грамматике» [в составе некролога, без подписи] // ВЯ, 1970. № 1.

Несколько замечаний по поводу статьи Ю. Д. Апресяна «Синонимия и синонимы» (ВЯ, 1969, № 4) // ВЯ, 1970, № 3.

Подчинительные связи слов и словосочетания (раздел) // *Грамматика современного русского литературного языка*. М.: Наука, 1970.

Простое предложение (раздел) // Там же.

1971

Входит ли лицо в круг синтаксических категорий, формирующих предикативность? // *Русский язык за рубежом*. 1971, № 4.

Категориальные свойства слова на службе его синтаксических связей // *Sesja Naukowa Międzynarodowej Komisji Budowy Gramatycznej Języków Słowiańskich w Krakowie*

w dniach 3—5 grudnia 1969 r. / Polska Akademia Nauk — Oddział w Krakowie. Prace Komisji Słowianoznawstwa, Nr. 23. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk. 1971.

О синтаксических потенциях формы слова // ВЯ, 1971. № 4.

Согласование и координация: их сходство и различия // Проблемы истории и диалектологии славянских языков: Сб. статей к 70-летию В. И. Борковского. М.: Наука, 1971.

1972

Подчинительные связи слов и словосочетание // Проспект «Русской грамматики». М.: Изд. Ин-та рус. яз. АН СССР (ротапринт). 1972.

Простое предложение // Там же.

«Синтаксическое лицо» и его отношение к предикативности // Slavica Slovaca. 1972. № 3.

Проспект «Русской грамматики» (составление) // М.: Изд. Ин-та рус. яз. АН СССР (ротапринт). 1972 (совместно с Н. С. Авиловой, С. Н. Дмитренко, В. А. Ицковичем, И. И. Ковтуновой, И. Н. Кручининой, М. В. Ляпон, В. В. Лопатыным, И. С. Улухановым, В. А. Плотниковой, И. П. Святогором).

Авторский текст в 9-ом изд. «Словаря русского языка» С. И. Ожегова // М.: Сов. энциклопедия, 1972. Издания 10—18-ое, стереотипные // М., 1973—1987.

1973

К спорам о детерминантах (обстоятельственная и необстоятельственная детерминация предложения) // НВДШ. Филол. науки, 1973. № 5.

О соотношении грамматических и семантических характеристик предложения // Otázky slovanské syntaxe, III. Brno, 1973.

О соотношении грамматической и семантической структуры предложения: Доклад на VII Международном съезде славистов // Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Варшава, август 1973 г.: Докл. сов. делегации. М.: Наука, 1973.

Спорные вопросы описания структурных схем простого предложения и его парадигм // ВЯ. 1973. № 4.

1974

Место семантики в описательной грамматике (синтаксис) // Грамматическое описание славянских языков. Концепции и методы: Сб. статей. М.: Наука, 1974.

О должноствовательном наклонении // Синтаксис и норма. М.: Наука, 1974.

О значениях единиц разных уровней языка // Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам советского языкознания. 11—16 ноября 1974 г.: Тезисы докладов и сообщений пленарных заседаний. М., 1974. (То же в пер. на чеш. язык: Slovo a Slovenost. 1975. № 3; в пер. на англ. язык: «Problems of the Contemporary World». 1977. № 50: Theoretical Aspects of Linguistics; в пер. на нем. язык: «Probleme der Modernen Welt». 1977. N. 6: Theoretische Probleme der Linguistik).

О функциях простого предложения // Исследования по славянской филологии: Сб., посвященный памяти акад. В. В. Виноградова. М.: Изд-во МГУ, 1974.

Русская научная описательная грамматика в русской Академии наук // ВЯ, 1974. № 6.

Синтаксическое желательное наклонение // Современные проблемы литературоведения и языкознания. М.: Наука, 1974.

Выступления по докладам Е. Кржижковой и О. Лешки, В. Грабе на симпозиуме «Проблемы и методы сопоставительного изучения современных литературных языков, преимущественно славянских» (Прага, 29—31 октября 1973 г.) // Československá rusistika, 1974. № 4.

1975

Грамматические труды акад. В. В. Виноградова / В. В. Виноградов. Избранные труды: Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975.

Об основных синтаксических единицах и аспектах их изучения // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Л.: Наука, 1975.

Предложение // БСЭ, 3-е изд. М., 1975. Т. 20.

1977

О принципах построения и проблематике «Русской грамматики» (К обсуждению 1-го тома): Доклад на Общем собрании ОЛЯ АН СССР 1.III.1977 // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1977. № 4.

1978

Дихотомия «присловные — неприсловные падежи» в ее отношении к категориям семантической структуры предложения // Славянское языкознание: VIII съезд славистов. Загреб — Любляна, сентябрь 1978: Докл. сов. делегации. М.: Наука, 1978.

Синтаксическое время // НВДШ. Филол. науки. 1978. № 3.

1979

Винительный падеж; Грамматика; Дательный падеж; Именительный падеж; Междометие; Падеж; Предложный падеж; Родительный падеж; Творительный падеж; Частицы // Энциклопедия «Русский язык» М.: Сов. энциклопедия, 1979.

Объектная форма в субъектной позиции: Доклад на Международном синтаксическом симпозиуме в г. Брно, 1976 // *Otázky slovanské syntaxe*, IV/1. Brno, 1979.

Трудные вопросы представления семантической структуры предложения в описательной грамматике // Рефераты от X заседания на Меѓународната Комисија за изучување на граматичката структура на словенските литературни јазици. Скопје, 1979.

1980

Введение; Значения падежей; Предлоги; Частицы // *Русская грамматика*. М.: Наука, 1980. Т. 1.

Введение; Подчинительные связи слов и словосочетания; Простое предложение. Основные понятия; Структурные схемы (типы) простых невопросительных предложений; Формы простого предложения; Регулярные реализации простого предложения; Семантическая структура простого предложения; Распространение простого предложения. Общая характеристика; Распространение внутреннего состава предложения и отдельных его членов; Распространение предложения в целом (детерминация); Распространение предложения включением обращения; Средства формирования и выражения субъективно-модальных значений; Система простых предложений; Невопросительные предложения; Относительно независимые высказывания, непосредственно не опирающиеся на грамматические образцы простого предложения; Синтаксис формы слова (обзор) // *Русская грамматика*. М.: Наука, 1980. Т. 2.

1981

Об идентификации предложений на основе их стационарных характеристик: (Двухкомпонентные предложения с именительным падежом и инфинитивом) // *Проблемы структурной лингвистики*. 1978. М.: Наука, 1981.

Однотомный толковый словарь (специфика жанра и некоторые перспективы дальнейшей работы) // *Русский язык: Проблемы художественной речи, лексикология и лексикография: (Виноградовские чтения IX—X)*. М.: Наука, 1981.

1982

Типы контекстов, конструирующих многоаспектное описание слова // *Русский язык: Текст как целое и компоненты текста: (Виноградовские чтения XI)*. М.: Наука, 1982.

1983

К понятию вариативности в языке (на примере лексического множества) // *Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз.* 1983. № 3.

Лексическая классификация русского глагола (на фоне чешской семантико-компонентной классификации): Доклад на IX Международном съезде славистов // *Славянское языкознание. IX Международный съезд славистов*. Киев, сентябрь 1983 г.: Докл. сов. делегации. М.: Наука, 1983.

1984

Об активных потенциях, заключенных в слове // Слово в грамматике и словаре. М.: Наука, 1984.

1985

Один из возможных путей построения функциональной грамматики русского языка // Проблемы функциональной грамматики. М.: Наука, 1985.

1988

Парадоксы словарной статьи // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. М.: Наука, 1988.

О грамматическом значении и об описании частей речи «от значений» (резюме доклада) // Македонска академија на науките и уметностите. Скопје. Одд. за лингв. и литер. наука. Прилози. 1988.

Лексическая система и ее отражение в толковом словаре // Русистика сегодня. Язык: система и ее функционирование. М., 1991.

1989

Грамматика и ее предмет. Слово: Общие сведения. Категория падежа. Предлоги. Подчинительные связи слов и словосочетания. Предложение: Основные понятия синтаксиса. Простое предложение // Краткая русская грамматика. М., Наука, 1989.

Русские бытийные глаголы и их субъекты // Слово и грамматические законы языка: Глагол. М.: Наука, 1989.

Авторский текст в 21—23 изд. «Словаря русского языка» С. И. Ожегова // М.: Русский язык, 1989—1990.

1990

Грамматика // Лингвистическая энциклопедия. М.: Наука, 1990.

Предложение // Там же.

1991

Смысловый строй языка как основа его жизнедеятельности // Русский язык и современность: Проблемы и перспективы развития русистики. Доклады Всесоюзной научной конференции. Ч. I. М., 1991.

1992

Авторский текст в словаре «Ожегов С. И. и Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка» (1-ое изд.) // М., 1992;

1994

Авторский текст в словаре «Ожегов С. И. и Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка» // М., изд. 2-ое испр. и доп., 1994; изд. 3-е стереотипн., 1995.

1995

Глагол как доминанта в системе русской лексики // Филологический сборник (к 100-летию со дня рождения академика В. В. Виноградова). М., 1995.

Система местоимений как исход смыслового строения языка и его смысловых категорий. М.: ИРЯ РАН, 1995 (совместно с А. С. Белоусовой).

1996

Русский семантический словарь (опыт описания лексики как системы) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1996, № 1.

1997

Авторский текст в словаре «Ожегов С. И. и Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка» // М., 4-ое испр. и доп., 1997, 1998.

Статьи: Падеж, Именительный падеж, Родительный падеж, Дательный падеж, Винительный падеж, Творительный падеж, Предложный падеж // Русский язык: Энциклопедия. М.: Российская энциклопедия, 1997.

Статьи: Грамматика. Предложение. Детерминант // Русский язык: Энциклопедия. М.: Российская энциклопедия, 1997.

1998

Местоимение и смысл: Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. М.: ИРЯ РАН, 1998.

Предисловие к книге: Русский семантический словарь (Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений). Том I // М.: ИРЯ РАН, 1998.

Русский семантический словарь (Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений) // Деловая книга, М.: 1998. № 8.

1999

Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским семантическим словарем» // ВЯ, 1999. № 1.

2000

«Русская дейктическая форма *сделано* и означаемый ею тип сообщения // Слово в тексте и в словаре. М., Языки русской культуры. 2000.

2001

Опыт описания типов сообщения в опоре на дейктические единицы языка (делать — делаться — иметь место — каково) // Русский язык в научном освещении. М., 2001. № 2.

Автор или составитель? (Об ответственности лексикографа) // Культура русской речи: к 100-летию со дня рожд. С. И. Ожегова. Индрик, 2001.

Еще раз о глаголе «быть» // ВЯ, 2001. № 2.

2004

Теоретическая концепция «Русского идеографического словаря» // Проспект: «Русский идеографический словарь». М., 2004.

Три заметки о смысловых пересечениях // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура. Сб. статей в честь Н. Д. Арутюновой. М., 2004.

РЕЦЕНЗИРОВАНИЕ

1949

Рец. на «Словарь русского языка», составленный С. И. Ожеговым. М., 1949 // Советская книга, 1949, № 10.

1952

Рец. на «Изв. АН СССР. ОЛЯ» за 1951 г. // Советская книга, 1952, № 2 (совместно с Н. А. Баскаковым).

1968

Рец. на кн.: «Исследования по общей теории грамматики». Под. ред. В. Н. Ярцевой. М., 1968 // ВЯ, 1970. № 1.

1979

Рец. на кн.: «Русская грамматика», т. 1—2. Прага, 1979 (титульный рецензент) // Прага. 1979.

1984

Рец. на кн.: Ласло Деже. Типологическая характеристика русской грамматики в сопоставлении с венгерской. Будапешт, 1984 (титульный рецензент) // Будапешт, 1984.

РЕДАКТИРОВАНИЕ

1952

Словарь русского языка, составл. С. И. Ожеговым. 2-е изд. М., 1952 (научн.-лексикол. ред.).

Грамматика русского языка, т. 1—2. М.: Изд-во АН СССР, 1952—1954 (редакционная обработка) (совместно с А. Б. Шапиро).

1954

Библиографический указатель литературы по русскому языкознанию с 1825 по 1880 г. // М.: Изд-во АН СССР, 1954—1959. Вып. 1—8 (редакционная обработка).

1955

Исследования по грамматике русского литературного языка. М.: Изд-во АН СССР, 1955 (отв. ред.) (совместно с Н. С. Поспеловым).

1962

Материалы и исследования по истории русского литературного языка. Т. 5. М.: Изд-во АН СССР, 1962.

1964

Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. М.: Наука, 1964.

1) Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного в русском литературном языке XIX в.

2) Глагол, наречие, предлоги и союзы в русском литературном языке XIX в.

3) Изменения в системе простого и осложненного предложения в русском литературном языке XIX в.

4) Изменения в системе словосочетаний в русском литературном языке XIX в.

5) Изменения в строе сложноподчиненного предложения в русском литературном языке XIX в. (совместно с акад. В. В. Виноградовым).

1966

Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка. М.: Наука, 1966 (отв. ред.).

1967

Русский язык. Грамматические исследования: Сб. статей. М.: Наука, 1967 (отв. ред.).

1968

Русская литературная речь в XVIII в.: Фразеологизмы. Неологизмы. Каламбуры: Сб. статей. М.: Наука, 1968 (отв. ред.).

1969

Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М.: Наука, 1969 (отв. ред.) (совместно с В. Н. Ярцевой и В. В. Лопатиным).

1970

Грамматика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1970 (отв. ред.).

1972

В. В. Веселитский. Отвлеченная лексика в русском литературном языке XVIII — нач. XIX в. М.: Наука, 1972 (отв. ред.).

Перспектив «Русской грамматики». М., 1972.

Словарь русского языка, составл. С. И. Ожеговым. 9-е изд. М., 1972.

1973

Словарь русского языка, составл. С. И. Ожеговым: изд. 10—20-е, с частичным исправлением и стереотипные. М., 1973—1988.

В. В. Лопатин. Рождение слова: Неологизмы и окказиональные образования. М.: Наука, 1973 (отв. ред.).

Е. Т. Черкасова. Русские союзы неместоименного происхождения: Пути и способы их образования. М.: Наука, 1973 (отв. ред.).

1974

Грамматическое описание славянских языков. Концепции и методы: Доклады, прочитанные на Московском заседании Комиссии по изучению грамматического строя славянских языков при МКС 23—25 мая 1973 г. М.: Наука, 1974 (отв. ред.).

1975

В. В. Виноградов. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975 (совместно с М. В. Ляпон).

1977

В. В. Лопатин. Русская словообразовательная морфемика: Проблемы и принципы описания. М.: Наука, 1977 (отв. ред.).

И. С. Улуханов. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. М.: Наука, 1977 (отв. ред.).

1978

Русский язык: Вопросы его истории и современного состояния: (Виноградовские чтения I—VIII) М.: Наука, 1978 (отв. ред.) (совместно с В. В. Ивановым и М. В. Ляпон).

1979

Энциклопедия «Русский язык». М.: Сов. энциклопедия, 1979 (совместно с Ф. П. Филиным, Р. И. Аванесовым и др.).

1980

Русская грамматика. Т. 1—2. М.: Наука, 1980 (гл. ред.).

1981

Русский язык: Проблемы художественной речи, лексикология и лексикография: (Виноградовские чтения IX—X). М.: Наука, 1981 (отв. ред.) (совместно с В. В. Ивановым и М. В. Ляпон).

1982

Русский язык: Текст как целое и компоненты текста: (Виноградовские чтения XI). М.: Наука, 1982 (отв. ред.) (совместно с В. В. Ивановым и М. В. Ляпон).

1983

Аспектуальные и темпоральные значения в славянских языках: Материалы заседания Комиссии по изучению грамматического строя слав. языков МКС, Москва, 9—11 дек. 1981 г. М.: Наука, 1983 (отв. ред.) (совместно с М. В. Ляпон и М. С. Сухановой).

1984

Русский язык: Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст: (Виноградовские чтения XII—XIII), М.: Наука, 1984 (отв. ред.) (совместно с В. В. Ивановым и М. В. Ляпон).

1987

Русский язык: Языковые значения в функциональном и эстетическом аспектах: (Виноградовские чтения XIV—XV). М.: Наука, 1987 (отв. ред.) (совместно с В. В. Ивановым и М. В. Ляпон).

Слово и грамматические законы языка. Глагол. М.: Наука, 1987 (совместно с В. В. Лопатиным).

Слово и грамматические законы языка. Имя. М.: Наука, 1987 (совместно с В. В. Лопатиным).

1989

Краткая русская грамматика. М.: Наука, 1989 (совместно с В. В. Лопатиным).

С. И. Ожегов. Словарь русского языка. 21-е изд., испр. и доп. М.: 1989; изд. 22-23-е. М., 1990-1992.

1994

В. В. Виноградов. История слов (отв. ред.). М.: Толк, 1994; 2-е изд. М.: ИРЯ РАН, 1999.

1995

Филологический сборник (к 100-летию со дня рожд. акад. В. В. Виноградова). М.: ИРЯ РАН, 1995 (совместно с М. В. Ляпон, Ю. Н. Карауловым).

1997

Русский язык: Энциклопедия. М., Большая российская энциклопедия, 1997 (совместно с В. В. Лопатиным и др.).

1998

Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений: Том I. М.: ИРЯ РАН, 1998.

2000

Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений: Том II. М.: ИРЯ РАН, 2000;

2003

Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений: Том III. М.: ИРЯ РАН, 2003; Том IV. М.: ИРЯ РАН (в печати).

2004

Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений: Том V. М.: ИРЯ РАН (в печати).

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ¹

- Бытийные глаголы — 405, 437
 Взаимозаменяемость синтаксических конструкций — 227
 Временное значение предложения — 60, 61
 Высказывание — 44, 45
 Глагольное управление — 178
 нерегулярное (слабое) — 179, 367
 регулярное (сильное) — 178, 367
 Глагольный дейксис — см. *Дейктические и формообразующие глаголы*
 Грамматическая норма — 230
 Грамматические признаки простого предложения — см. *Простое предложение*
 Грамматическое значение простого предложения — см. *Простое предложение*
 Грамматическое значение синтаксической единицы (конструкции) — 245
 Дейксис — 556
 Дейктическая единица — 447, 475, 476, 544, 546, 562
 Дейктические и формообразующие глаголы, глагольный дейксис — 437, 448, 473
 Детерминант (распространитель предложения в целом) — 192, 196, 204
 Детерминация субъектная (субъектный детерминант) — 211, 216, 217
 Детерминирующая группа — 190
 Детерминирующее обстоятельство (объектный детерминант) — 181
 Детерминирующий объект (объектный детерминант) — 180, 216, 217
 Значение падежа — 271
 контаминированное значение — 273
 семантический центр и семантическая периферия падежа — 271, 273
 Значение слова — 393, 394
 Информативная достаточность слова и информативная недостаточность слова — 364
 Категориальные свойства слова — см. *Слова*
 Комплетивные отношения при подчинительной связи — 365, 366
 Контекстная среда слова — 383
 Концепт — 603
 Координация подлежащего и сказуемого — 66
 Лексика как система — 410, 412, 426, 427
 Местоимение — 448, 476, 477
 Местоименные исходы (исходные местоимения) — 449—451
 Объективная модальность — 48, 59, 149
 Падеж как синтаксическая категория — 274, 275
 Парадигма простого предложения — 49, 61, 155
 неполная — 79
 полная — 79
 Подчинительные связи слов — 362, 363
 вариативные связи — 371
 сильные и слабые связи — 366
 Предикативность — 47, 48, 61, 143—145
 Присловная позиция падежной формы — 275, 276
 Простое предложение — 42, 45—47, 59, 65, 153
 грамматическое значение — 47, 59
 грамматические признаки — 45, 46, 59
 Распространение простого предложения — 52
 Регулярная реализация структурного образца (схемы) простого предложения — 90, 66, 155, 156
 конситуативно обусловленная и конситуативно не обусловленная — 50, 66, 158, 160, 161
 неполная — 156
 с полузнаменательными глаголами — 157
 с связочными единицами — 157
 с субъективно-модальными частицами — 158
 с целым предложением в позиции компонента схемы — 158
 Реплика-повтор — 327
 Семантическая структура предложения — 50, 209, 254, 255
 Семантический центр и семантическая периферия падежа — см. *Значение падежа*

¹ Предметный указатель содержит отсылки только к тем страницам книги, на которых дается определение данного термина или раскрывается содержание соответствующего понятия.

- Синтаксис слова — 196
Синтаксис формы слова — 196, 218
Синтаксические функции формы слова — 219, 220
Синтаксический индикатив — см. *Синтаксическое наклонение*
Синтаксический ряд — 227, 228
Синтаксическое лицо — 146, 151, 152
Синтаксическое время — 48, 59, 60, 133
Синтаксическое время глагола — 63
Синтаксическое наклонение — 48, 116
 долженствовательное — 126
 желательное — 116
 со значением временной определенности (синтаксический индикатив) и временной неопределенности (ирреальное синтаксическое наклонение) — 48, 59, 60
Система форм предложения — см. *Форма предложения*
Системные и несистемные связи словоформ в простом предложении — 202, 203
Словарная статья — 391, 420
Слово — 375, 376
 как синтаксическая единица — 42
 категориальные свойства — 363
 языковые условия существования — 383
Словосочетание — 42, 178
Сложное предложение — 42
Смысловая парадигма концепта — 604
Смысловое пространство — 460, 478
Смысловой строй языка — 467
Сообщение — 544
 тип сообщения — 474, 544, 563
Структурная схема (структурная основа, структурный образец) простого предложения — 46, 154, 197, 198
Тип сообщения — см. *Сообщение*
Форма предложения — 49, 58, 59, 65
 вариативные и невариативные формы — 73
 исходная форма — 74, 155
 неисходные формы — 155
 система форм предложения — 155
 форма будущего времени — 74
 форма долженствовательного наклонения — 76
 форма желательного наклонения — 77
 форма настоящего времени — 74
 форма побудительного наклонения — 77
 форма прошедшего времени — 74
 форма сослагательного наклонения — 75
 форма условного наклонения — 75
Форма слова как синтаксическая единица — 43, 218
Функции простого предложения — 54, 162, 163, 233, 237, 238, 241
Центробежный и центростремительный потенциал слова — 376, 436
Черты сходства и различия в строении многозначного слова и лексического класса — 430—433
Языковая картина мира — 439
Языковая смысловая категория — 435, 466, 478
 общая и частная — 466, 467, 478,
Языковое значение — 436, 479
Языковой смысл — 435, 466, 478, 542, 598

Шведова Наталия Юльевна

РУССКИЙ ЯЗЫК

Избранные работы

Издатель А. Кошелев

Корректор Н. Занегина

Верстальщик А. Магамбетов

Художественное оформление переплета

С. Жагалкина и Ю. Саевича

Подписано в печать 15.03.2005. Формат 70х100 1/16.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура «Times».
Усл. п. л. 40. Тираж 1000. Заказ № 112.

Издательство «Языки славянской культуры».

ЛР № 02745 от 04.10.2000.

Тел.: 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. М153).

E-mail: lrsc@comtv.ru

*

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гвозис».
Тел./факс: (095) 247-17-57, тел.: 246-05-48, e-mail: gnosis@pochta.ru

Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).

Адрес: Zubovskiy b-p, 2, str. 1

(Метро «Парк Культуры»)

Foreign customers may order this edition
by E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru
or by fax: (095) 246-20-20 (for ab. M153).

ISEN 588744057-0

9 785887 440576

ГУП Московская типография №2

Федерального Агентства по печати и массовым коммуникациям.
129085 Москва, пр. Мира, 105. Тел.: 682 2491.